

АРХИВЫ КРЕМЛЯ

СУДЕБНЫЙ
ПРОЦЕСС
НАД СОЦИАЛИСТАМИ-
РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ
(июнь-август 1922 г.)

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 00-01-16132

Редакционная коллегия тома:

Н.Н. Покровский (ответственный редактор),
К.М. Андерсон, В.Ю. Афиани, В.К. Виноградов,
В.П. Козлов, С.А. Красильников, С.В. Мироненко,
Н.Г. Охотин, В.Н. Якушев

Составители тома:

С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин

С 89

Судебный процесс над социалистами-революционер-рами (июнь–август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, К.Н. Морозов, И.В. Чубыкин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 1007 с. (Серия «Архивы Кремля»)

В настоящем издании публикуются документы федеральных государственных и ведомственных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ и АПРФ), посвященные организации и проведению советской партийно-государственной машиной крупнейшего показательного политического процесса в Москве (июнь–август 1922 г.) над группой членов ЦК и активистов партии социалистов-революционеров.

В основной части книги публикуются документы 1922–1924 гг. трех «тематических» дел фонда Политбюро ЦК РКП(б), хранящиеся в АПРФ и раскрывающие механизм подготовки и проведения процесса над членами ПСР в контексте разгрома политической оппозиции в РСФСР – СССР. В приложении публикуются документы других дел фондов Политбюро и Секретариата ЦК РКП(б), Верховного Трибунала, ГПУ–ОГПУ и иных, раскрывающие политические, пропагандистские, карательные и прочие аспекты подавления властью крупнейшей оппозиционной партии послереволюционной России, а также материалы подсудимых, российских и зарубежных эсеров, ярко рисующие «человеческую» составляющую их самоотверженной борьбы и противостояния власти.

© «Российская политическая энциклопедия», 2002.

© Документы – Архивы, предоставившие материалы для данной публикации, 2002.

© Предисловие – С.А. Красильников, К.Н. Морозов, 2002.

© Комментарии, биосправки – С.А. Красильников, К.Н. Морозов, А.Ю. Морозова, И.В. Чубыкин, 2002.

© Институт истории СО РАН, 2002.

ПРЕДИСЛОВИЕ

По своему завершению в августе 1922 г. процесс оставил не слишком обширную источниковую основу, заметно уступавшую в объеме изданной в тот же период пропагандистской литературе. Помимо подневных газетных отчетов о ходе процесса, печатавшихся в центральной прессе, следует, безусловно, отметить публикацию «Обвинительного заключения»¹ и материалов самого процесса в двух выпусках². В этот же разряд источников необходимо отнести и предшествовавшую самому процессу публикацию в Берлине брошюры Г.И. Семенова (Васильева)³, напечатанной также в газетах «Новый Мир» (Берлин) и «Известия». Очевидна тенденциозность изданных в тот период советской стороной материалов: публиковались обвинительные речи, но не защитительные речи обвиняемых – лидеров ПСР; публиковались последние слова той части обвиняемых, что сотрудничала со следствием и обвинением, но игнорировались речи «нераскаянных» обвиняемых.

В известной мере упомянутая документальная лакуна, созданная политическим режимом для Советской России, была компенсирована публикациями социалистической эмигрантской печати тех лет, а также вышедшей в том же году в Берлине брошюрой В. Войтинского⁴. К числу несомненных достоинств последней следует отнести включение в текст издания ряда ключевых документов предпроцессной и процессной стадий, исходивших от эмигрантских организаций, подборку обращений западных деятелей, профсоюзов, политических партий и общественных объединений в поддержку обвиняемых.

Вплоть до конца 1980-х гг. перечисленные выше документальные издания материалов процесса оставались той источниковой основой, которая была доступна для отечественных историков и публицистов. Первым устоявшуюся традицию одностороннего освещения суда 1922 г. только источниками большевистского происхождения нарушил известный голландский исследователь Марк Янсен. В 1989 г. в Амстердаме вышел подготовленный им документальный сборник о партии социалистов-революционеров в 1917 – середине 1920-х гг. Материалы были взяты преимущественно из заграничного архива партии, хранящегося в Амстердаме. Часть из полутора сотен документов отразила деятельность подпольных и заграничных эсеровских организаций накануне и в период процесса 1922 г. Особое значение имеет переписка обвиняемых, в т.ч.

---

¹ Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных иных организаций партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922.

² Процесс П.С.-Р. Речи государственных обвинителей. Приговор Верховного Революционного трибунала. Постановление Президиума ВЦИК. Воззвание Коминтерна. М., 1922; Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922.

³ Семенов (Васильев) Г. Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. Берлин, 1922.

⁴ Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.

А.Р. Гоца, М.А. Веденяпина, а также представителей эсеровского подполья с членами Заграничной делегации ПСР, в которых содержатся оценки готовившегося большевиками процесса «изнутри» и «извне» лидерами ПСР. М. Янсен также ввел в научный оборот такой источник, как стенографические записи процесса (в той их части, что отразила выступления на суде ряда членов ЦК ПСР), переправленные за рубеж и хранившиеся в архиве ПСР⁵.

Всевозможную литературу, выпущенную в Советской России в канун, во время и после завершения процесса, нельзя без серьезных оговорок отнести к разряду исторических работ – настолько очевиден продиктованный ситуацией социальный заказ. Именно поэтому работы, вышедшие из-под пера лучших на тот момент большевистских публицистов (М.Н. Покровского, А.В. Луначарского, И.В. Вардина и др.)⁶ несут на себе печать агитпроповской машины, из недр которой они появились на свет. Выявленные ныне архивные материалы позволяют реконструировать основные моменты технологии создания названных работ – от утверждения названий и структуры до согласования объемов, тиражей и сроков их опубликования.

В сфере собственно исторического рассмотрения проблемы подготовки, хода и итогов процесса 1922 г. попали уже в 1960–1980-е годы. Спрос на эту тематику на этот раз был продиктован необходимостью для советской исторической науки обосновать закономерность и неизбежность «краха», «крушения», «распада» антибольшевистских партий и движений. Практически все писавшие об этом историки так или иначе упоминали в данном контексте о процессе 1922 г. как о логичном завершении «исторического банкротства» ПСР. Заслуживают отдельного упоминания две работы, авторы которых воспользовались для своих схематических построений не только очевидными и лежавшими «на поверхности» материалами периодики и опубликованными тогда же, в 1922 г., отдельными документами, сопровождавшими процесс (обвинительное заключение, приговор и т.д.), но и обратились к доступным архивным источникам (материалам Верховного Трибунала, хранящимся в ЦГАОР – ныне ГАРФ)⁷.

Д.Л. Голиков, располагая достаточно широким кругом документов и, прежде всего, материалами предварительного следствия и стенограммой судебного заседания, нарисовал, тем не менее, достаточно тенденциозную картину подготовки и хода процесса, разбавив общепринятую схему 1920-х гг. лишь рядом «живых» извлечений из стенограммы. Тем не менее, нельзя не отметить, что сквозь схему в работе Голикова проглядывали и реальные события и факты объективного характера. Так, им отмечалось, что толчком для развертывания процесса стали ведомственные интересы ВЧК–ГПУ, которое инициировало показания Л.В. Коноплевой и брошюру Г.И. Семенова. Достаточно подробно, хотя и тенденциозно, автор обрисовал ситуацию вокруг решения Берлинской конференции Трех Интернационалов о неприменении к обвиняемым на предстоящем процессе смертной казни; о дискуссии вокруг применения к членам ПСР амнистии ВЦИК от 26 февраля 1919 г.; описал в общих чертах механизм

⁵ Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года: Документы из архива П.С.-Р. / Ред.-сост. М. Янсен. Амстердам, 1989.

⁶ Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты (Факты и документы). М., 1922; Луначарский А.В. Бывшие люди. Очерк истории партии эсеров. М., 1922; Покровский М.Н. Что установил процесс так называемых «социалистов-революционеров»? М., 1922; Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922 и др.

⁷ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 2. М., 1986. С. 207–221; Костин Н.Д. Суд над террором. М., 1990.

того, как из общего числа первоначально обвиняемых почти в 200 чел. путем отбора было выведено на процесс 34 чел.; обратился к дебатам в первые дни процесса с участием иностранных защитников об отношении к берлинскому соглашению, о праве последних на ведение отдельной стенограммы, имеющей юридический характер и т. д.

Голинков также обозначил в своей работе ряд характерных особенностей формирования состава обвиняемых и их поведения на процессе. Речь идет в первом случае о делении обвиняемых на две группы: первая (22 чел. – «цекисты» и активные члены ПСР) и вторая (12 чел. бывших членов ПСР, порвавших с партией). Вторая группа выполняла специфические функции, укрепляя позиции обвиняющей стороны: «Конкретные показания этих подсудимых являлись существенной частью доказательственного материала»⁸. Голинков далее, характеризуя состояние и способы защиты, использовавшиеся «цекистами», вполне имел основания утверждать: «поистине трудно найти в истории еще один подобный политический судебный процесс, на котором подсудимые пользовались бы большей свободой слова и большими правами на защиту!»⁹. К этому стоит добавить лишь одно, но существенное дополнение – сравнение корректно по отношению к послереволюционным, советским процессам.

Противоречивое впечатление производит книга Н.Д. Костина, озаглавленная вполне в духе публицистики 1920-х гг. – «Суд над террором». Публицистическая манера изложения исторических событий усилила это сходство и привела к тому, что автор и в самой их интерпретации следует за такими своими предшественниками, как Стеклов, Луначарский и др. Фразы типа «разоблачения Григория Семенова и Лидии Коноплевой потрясли советских людей и прогрессивную общественность мира» изобилуют на страницах издания. Автор создал своеобразный коллаж из источников, в числе которых центральное место отведено брошюре Г. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг.», стенограммам заседания Верховного Трибунала, обвинительного заключения и т. д. Центральная сюжетная линия книги – описание подготовки и осуществления членами ПСР покушений на лидеров большевиков в 1918 году – использована автором для весьма вольных экскурсов в историю революции и гражданской войны и историю ПСР. Относительная ценность работы Костина состоит в том, что даже при таком тенденциозном использовании источников читатель мог ознакомиться не только с публикациями 20-х гг., но и документами, некогда осевшими в архивном фонде Верховного Трибунала (Суда), в том числе заявлениями Коноплевой, материалами предварительного следствия, стенограммой судебного заседания и т. д.

Настоящий же прорыв в научной разработке темы произошел с появлением в 1982 г. монографии голландского историка Марка Янсена, переведенной и опубликованной на русском языке в 1993 г.¹⁰ Значение исследования не умаляет авторский подход, явно генетически связанный с оценками событий, выработанными эмигрантской социалистической оппозицией в 1920-е годы. Стержень работы состоит в реконструкции противостояния и противоборства – идейного, морального, психологического – эсеровской оппозиции и большевистского режима. При этом, в отличие от работ Голинкова и Костина, Янсен не утрирует и не упрощает до аб-

⁸ Голинков Д.Л. Указ. соч. С. 210.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ Jansen M. The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922. Martinus Nijhoff Publishers, 1982; Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993.

сурда мотивы и действия большевистской стороны, а достаточно объективно и взвешенно анализирует деятельность большевиков по целенаправленному и форсированному подавлению своих политических оппонентов. Особую ценность работе Янсена придает то, что в ней впервые вводятся в научный оборот документы и материалы из зарубежных библиотек и архивохранилищ, а также воспоминания ряда очевидцев и участников событий. Безусловно, его работа и по сей день является лучшей из всего того, что было написано по этой теме.

В 1995 г. был опубликован сборник документов¹¹, в который вошли каторжное и следственное дела Ф.Е. Каплан из ЦА ФСБ РФ. Научная ценность впервые вводимых этим сборником в научный оборот в полном объеме (а не в извлечениях, как ранее) документов, относящихся к одному из центральных и самых спорных вопросов процесса 1922 г., неоспорима (более подробно об этом сюжете см. комм. 20 к делу 16 в наст. изд.).

Среди работ последнего времени, где рассматриваются биографии видных участников процесса (обвиняемых), а в связи с этим и некоторые аспекты организации и проведения самого процесса, следует отметить публикацию М. Янсена о послепроцессном периоде жизни Е.М. Тимофеева¹², основанную на переписке последнего, сохранившейся в эмигрантских архивах, публикацию Я.А. Яковлева о пребывании в Нарымской ссылке Д.Д. Донского¹³, исторический очерк С.В. Журавлева о судьбе Г.И. Семенова¹⁴.

Из указанных выше работ особого внимания заслуживает подготовленное томским историком Я.А. Яковлевым первое крупное документальное издание, посвященное одному из лидеров ПСР, включившее весьма обширные биографические материалы о Д.Д. Донском, письма самого Донского близким из Нарымской ссылки, архивные документы, фотографии из семейного архива Донских. Значительный интерес представляет та часть воспоминаний Н.М. Донской, где описывается сам процесс с воспроизведением таких бытовых и психологических нюансов, которые не нашли отражения в источниках официального происхождения.

В недавно вышедшей информативно насыщенной статье С.В. Журавлева, посвященной личности Г.И. Семенова, наряду с введением в научный оборот важнейших документов из ранее недоступного для исследователей следственного дела Семенова, содержатся отдельные неточности или преувеличения, порожденные либо неосведомленностью работников карательных органов, проводивших следствие, либо самооценками самого Семенова (последний возведен в ранг члена ЦК ПСР, хотя подобных высот в партийной иерархии он никогда не достигал). В публикации приведены новые факты и свидетельства того, сколь значимую роль играл Семенов в инициировании и осуществлении «эсеровского» процесса.

Перечень публикаций последнего времени пополнился вышедшим сравнительно недавно документальным научным изданием «Партия со-

¹¹ Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Сб. док-тов / Сост. В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань, 1995.

¹² Янсен М. Е.М. Тимофеев и другие члены ЦК ПСР после процесса 1922 г. // Минувшее. Вып. 7. АТНЕНЕУМ, 1989. С. 193–214.

¹³ Дмитрий Дмитриевич Донской / Составитель, автор введения, комментариев Я.А. Яковлев. Томск: Изд-во ТГУ, 2000.

¹⁴ Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 87–105.

циалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Часть 2. Октябрь 1917–1925 гг.» (М.: РОССПЭН, 2000), в который составителем тома Н.Д. Ерофеевым включен комплекс материалов, посвященный процессу 1922 г. Позиция лидеров ПСР представлена переопубликованными из журнала «Революционная Россия» 1922 года текстами воззваний и заявлений центральных органов ПСР в России и эмиграции, а также отдельных выступлений и последних слов части обвиняемых «первой группы». В приложении к сборнику составитель ввел в научный оборот 9 документов партийного и чекистского руководства 1922–1925 гг. о «добивании» ПСР и политике в отношении осужденных на процессе, выявленные им в фонде Ф.Э. Дзержинского (РГАСПИ). Ценность публикации снижена несколько небрежным археографическим оформлением документов (отсутствие в ряде случаев научных заголовков, датировок, указаний на их подлинность или копияность и т.д.).

Краткий обзор публикаций по данной теме дает основание считать, что начатое сравнительно недавно научное исследование московского процесса 1922 г. над группой членов ПСР и ренегатов от этой партии, требует всесторонней реконструкции причин, обстоятельств и механизма подготовки и проведения большевистской партийно-государственной машиной антиэсеровского показательного политического процесса, воссоздания картины мужественного поведения подсудимых в ходе и после него, сквозь призму оценки процесса как части исторического противостояния «тоталитарного» и демократического социализма.

* * *

Поиск ответа на вопрос о том, зачем большевистской власти понадобилось тратить гигантское количество сил и средств для решения такой, казалось бы, неактуальной для 1922 г. (два года спустя после окончания гражданской войны) задачи, как процесс над эсерами, приводит к следующим выводам. Борьба с социалистическими партиями в 1921–1922 гг. для большевиков становится не просто актуальным вопросом, а одним из способов выживания. Тамбовское и особенно Кронштадтское восстания со всей очевидностью поставили перед властью проблему потери популярности и сужения ее социальной базы даже в рабочих кругах обеих столиц и в детище этой власти – Красной Армии. Забастовки рабочих Петрограда и Москвы наносили ощутимый удар по большевистской демагогии о «рабочей власти» и «диктатуре пролетариата». Сотни крестьянских восстаний в 1918–1920 гг. на территории Советской России не оставляли у власти иллюзий и об отношении к ней большинства крестьянства несмотря на то, что формально на выборах в Советы коммунисты получали «единодушную» поддержку. Тамбовские крестьяне всерьез обеспокоили власть, показав, что они способны отнюдь не только к спорадическим кратковременным выступлениям, легко локализуемым и подавляемым, но и к созданию повстанческой армии, использующей тактику партизанской войны, уничтожение которой потребовало использования лучших частей Красной Армии, вынужденных применять авиацию и боевые газы, институт заложничества и концлагеря.

После Кронштадтского и Тамбовского восстаний на фоне брожения в среде московского и питерского пролетариата опасность того, что симпатии масс и инициатива будут перехвачены социалистами, была более чем

реальна. «Сваливая с больной головы на здоровую», большевики убивали сразу нескольких зайцев. В своем последнем слове член ЦК ПСР М.А. Лихач заявлял организаторам суда: «Процесс этот есть акт партийной борьбы и мы были совершенно правы, [...] когда мы с самого начала процесса громко и ясно это заявили. Но если ясна система построения процесса и ни в ком каких-либо двух мнений возбуждать не может, то для меня, откровенно говоря, оставалась очень долгое время не ясной цель, которую преследовали авторы этого процесса. Зачем после ликвидации гражданской войны вы, победители, садите на скамью подсудимых побежденных, садите не в острый период гражданской войны, когда бы это, может быть, было понятно просто и естественно, а садите через несколько лет после ликвидации этой гражданской войны и через много лет после того, как партия вышла из гражданской войны. Самый естественный ответ на этот вопрос, конечно, один: из мести. [...] Партия социал-революционеров разгромлена, разбита, она представляет из себя решительно ничто, а гражданин Бухарин так и сказал: “граждане, за вами решительно ничего нет, кроме ваших жен и детей”. Но, как хотите, тут есть какой-то провал в аргументации: требовать всеобщего равного и тайного расстрела для лиц, у которых решительно ничего за собой нет, кроме жен и детей, – тут есть какой-то порочный круг, тут есть что-то недоговоренное и, конечно, цель нашего процесса была гораздо дальше простой мести и простого расчета со своими политическими противниками, может быть, в настоящий момент и бессильными. Не нужно скрывать, граждане, того, что ваше положение в настоящий момент, положение власти чрезвычайно тяжелое, но тяжелое не потому, чтобы ей угрожал кто-либо извне, какая-либо иностранная интервенция или какие-либо внутренние враги. [...] Но ведь для всякой власти, в особенности для власти, взявшей[ся] осуществлять что-то небывалое в истории, для чего исторический момент еще не настал, бывает не столько опасна внешняя сила, которая может раздавить эту власть, сколько внутреннее банкротство этой самой власти. И вот, граждане, я утверждаю, что вы находитесь накануне внутреннего банкротства. [...] вы ставите настоящий процесс партии социал-революционеров, для того, чтобы иметь возможность ваши собственные ошибки, ваши собственные отступления перевалить на плечи других. Вот почему как в старое царское время за все отвечали евреи, так в новое советское время за все должна отвечать партия социал-революционеров, за все ошибки власти [...]» (См. комм. 89 к приложениям).

Этот прием – демагогически обвинять других в собственных грехах и преступлениях – был «с блеском» отработан в оголтелой пропагандистской кампании, сопровождавшей процесс, и многократно использован позже – менялись только объекты обвинения (любопытно, что когда на рубеже 40-х и 50-х годов «кончились» эсеры, меньшевики, белогвардейцы, кулаки, вредители, троцкисты и пр., вновь вернулись к «безродным космополитам»).

Достаточно убедительно о возможных целях процесса в своей защитительной речи сказал член ЦК ПСР, подсудимый 1-й группы М.Я. Гендельман: «Российская Коммунистическая партия переживает, несомненно, тяжелый момент. Несомненно, переживает кризис [...] Так вот – этот процесс нужен был для того, чтобы противопоставить какой-то социалистической партии, как вы считаете “квази социалистической партии”, “ложной социалистической партии”, противопоставить, обличить ее и в этом свете вновь обновить свою коммунистическую репутацию. Вот когда у трудящихся масс возникло сомнение, для чего же вы преследовали все партии, для чего проводили ту политику, которую считали гибельной, для чего вы теперь обращаетесь к тем мерам, которые вам давно ука-

заны, – в это время надо было, конечно, отвлечь внимание и сказать: единственная революционная партия, единственная социалистическая партия в России – это мы, а все те, которые нас обличали ... (не слышно) мы вынуждены теперь признать их контрреволюционерами. Вот это первое задание процесса. О нем и говорит гражданин Каменев, когда он говорит нам, что надо было перед подрастающим поколением на живом примере показать, что такое партия социалистов-революционеров. Но и другое задание было и вот какое задание. Кто является самым опасным врагом для той власти, которая сознает свои ошибки и начинает исправлять, хотя, конечно, совсем не исправит. Конечно, самым опасным для нее – коммунистической партии – для Советской власти в данный момент является не буржуазия, не помещики, не реакция, ибо к ним доверия народных масс не будет, а опасной для них является та партия, которая имела доверие народных масс, которая потеряла его только потому, что не хотела давать ложных демагогических лозунгов и которая теперь вновь начинает в сознании масс вырисовываться, как действительно истинная представительница интересов трудящихся масс, как действительно истинная носительница идей революционности и социализма. И вот, исправляясь, каюсь в своих ошибках, обнажая свои слабые места, надо, конечно, ударить по той партии, которая является как бы естественным кристаллом, вокруг которого должно собраться пробуждающееся сознание трудящихся масс»¹⁵. В сущности об этом же говорил Д.Б. Рязанов на IX московской губернской конференции РКП(б), призывая «убить партию с.-р. и меньшевиков в международном мнении, но в международном мнении пролетариата» (см. док. № П-72).

Представляется, что планировавшаяся организация серии процессов над социалистическими партиями должна была решить еще и другие задачи. В условиях ожиданий различных социальных и политических групп, что вслед за экономической нэповской «либерализацией» режима последует и его политическая демократизация, большевистское руководство демонстрировало всем (в том числе и слегка растерявшимся партийцам), что политического «отступления» не будет. Более того, давался четкий сигнал, что, во-первых, никакие альтернативные проекты, даже социалистические (эсеровские, меньшевистские, анархистские) рассматриваться не будут, а, во-вторых, не будет и никакого сотрудничества с социалистами. Представляется, что сторонники «жесткой линии» в большевистском руководстве пытались решить еще две задачи: во-первых, сломить в большевистской среде то «мягкое» отношение к социалистам, корнями уходившие во времена совместной революционной борьбы и очень ярко проявившееся в многочисленных ходатайствах ряда видных большевиков за арестованных социалистов и даже в их противодействии ВЧК–ГПУ; во-вторых, отрезать пути отступления для колеблющихся элементов большевистской элиты, способных, как и в ноябре 1917 г., начать хвататься в кризисный момент за идею «однородного социалистического правительства». Именно поэтому тандем Троцкий–Сталин настаивал на вынесении и приведении в исполнение расстрельных приговоров четырем эсерам (см. док. № 17-60).

В атмосфере всеобщих разговоров о том, что нэп неизбежно приведет большевиков не только к экономическим, но и к политическим уступкам, а именно к некоторой демократизации режима, демонстративный расстрел социалистов означал бы и крах всех такого рода ожиданий. В условиях вероятности ответных террористических актов эсеров и эскалации

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 5, 6, 7. О взглядах эсеров на причины процесса см. также док. № П-51.

взаимного озлобления «колеблющиеся» из большевистской элиты лишались всякого выбора. Подобное они уже испытали в конце 1917 – начале 1918 г., когда Ленин и Троцкий, стремясь пресечь попытки договориться с меньшевиками и эсерами, вполне сознательно обострили ситуацию и толкали соратников к прямому насилию.

Кроме того, даже после гражданской войны, которая, казалось бы, должна была поставить все точки над *i* во взаимоотношениях большевиков и оппозиционных к ним социалистов, психологической настрой на возможность примирения у многих из их представителей еще сохранялся. В своем письме от 14 марта 1922 г. начальнику СО ГПУ Т.П. Самсонову представитель ГПУ по Сибири И.П. Павлуновский восклицал: «... Федорович и Герштейн, когда им было объявлено, что они едут в Москву, передавали членам Крестьянского Союза следующее: что их де везут в Москву для переговоров о власти. Хотел бы я видеть их рожи, когда вместо переговоров о власти они в Москве получили Трибунал» (см. док. № П-1).

Б.А. Бабина, сидевшая в 1922 г. в Бутырках, много лет спустя отмечала, что социалисты не могли себе даже вообразить будущей участи и считали, «будто разногласия между нами и “ими”, в конце концов, не помешают строительству нового мира, и, хотя всегда придется упрямо спорить, мы вернемся и строить придется вместе! А то, что сейчас с нами происходит, – это несерьезно, это вроде театрального представления из времен Великой Французской Революции! Только, разумеется, без гильотины! Никто из нас, в том числе и марксисты различных оттенков, включая и тех, кто пытался строить новое государство “по учителю” – не подозревали, какая гигантская гильотина ожидает нас всех вместе в сравнительно недалеком будущем!»¹⁶.

Впрочем, заблуждение не было всеобщим. Были эсеры, которые подобно Н.Д. Авксентьеву видели в большевизме «абсолютное зло», отрицали возможность его демократической эволюции и выражали готовность блокироваться с правыми силами для спасения страны от пропасти, в которую ее тянули большевики. Были и большевики, выступавшие подобно Ленину, Троцкому, Сталину, Дзержинскому за самые жесткие меры в отношении социалистов. Другое дело, что эта линия вызывала глухое недовольство и встречала скрытое сопротивление тех из большевистских руководителей, которые не видели в социалистах настоящих врагов. Самые яркие показатели этого – относительная мягкость репрессий по отношению к социалистам даже в годы гражданской войны, а также огромное количество ходатайств за их арестованных представителей, которое поступало в ВЧК от видных партийных деятелей, связанных с тем или иным эсером, меньшевиком или анархистом общей революционной работой или тюремным прошлым. Без преувеличения можно сказать, что ВЧК (а позже ГПУ) просто стонала от таких ходатайств и неоднократно ставила перед Политбюро вопрос о недопустимости подобных действий.

Так, например, об этом говорилось в письме Президиума ВЧК в Политбюро ЦК РКП(б) в начале 1922 г. Подытоживая факты многочисленных ходатайств, освобождения политзаключенных Президиумом ВЦИК без согласования с чекистами, осведомленности меньшевиков о секретных решениях по вопросу об их высылке, авторы документа констатировали «ненормальность» обстановки, в которой приходится работать органам ВЧК:

¹⁶ Бабина Б.А. Февраль 1922 / Публ. В. Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2. М., 1990. С. 37–38.

«1) Постановления Президиума ВЧК отменяются ВЦИК без согласования с ВЧК, даже без уведомления ее. Этим самым подрывается авторитет ВЧК с одной стороны и серьезно нарушается планомерность ее работы, с другой (освобождаются одни с-р, у которых есть “связи”, другие же отбывают сроки наказания, только потому, что таковых связей не имеют).

2) Чрезмерное осведомление наших врагов о всех постановлениях ВЧК и ЦК РКП, полная и точная информация о том, как и кто из ответственных членов РКП смотрит на тот или иной вопрос, например, о высылке меньшевиков, давали им в руки козырь – продолжать настаивать на своих требованиях. В ЧК же все это поставило в крайне неловкое положение и определенно помешало провести правильное решение выслать меньшевиков непосредственно из тюрьмы.

3) Многочисленные ходатайства через ВЦИК, через отдельных ответственных членов РКП, с просьбой пересмотреть дело, ускорить, изменить меру пресечения и т.д. нарушают правильный и спокойный следственный процесс[...]»

Для исправления создавшегося положения Президиум ВЧК предлагал следующие меры: «1) Постановления Президиума ВЧК не должны отменяться ВЦИК без предварительного согласия и извещения ВЧК. 2) Ходатайства отдельных членов РКП об изменении меры пресечения, о пересмотре дел и ускорении следствия по делам членов антисоветских партий должны быть ограничены ЦК РКП. 3) Если же отдельные члены РКП берут на свои поруки членов антисоветских партий, то пусть это поручительство будет фактической ответственностью поручителя перед ВЧК».

Любопытно, что «правый» эсер И.Е. Пьяных был освобожден 5 декабря 1921 г. по личному ходатайству М.И. Калинина «с ручательством в его невиновности и пр.», а вскоре участвовал в качестве делегата на нелегальной конференции ПСР в Москве. О том, что многие коммунисты смотрели на социалистов сквозь призму своих старых, еще дореволюционных, представлений, свидетельствуют и оценка Рязановым обвиняемых 2-й группы как ренегатов, и специальные письма ГПУ и ЦК РКП(б) о необходимости лояльного отношения к «раскаявшимся» эсерам, чувствовавшим со стороны большевиков презрение за свое ренегатство и т. п. Но что говорить о «мягких» и колеблющихся, если сам Крыленко, требовавший на процессе для обвиняемых 1-й группы самых суровых мер наказания, в декабре 1922 г. освободил эсера Б.В. Бабина (с которым он дружил с 1909 г.). Б.А. Бабина о разговоре с Крыленко вспоминала: «Спрашиваю: “Долго еще мой муж должен сидеть без всякой причины?” Крыленко сказал: “Ваш муж – человек, которого я очень уважаю и люблю. Передайте ему, что у меня о нем самые лучшие воспоминания”. – “Муж сидит уже около года!” – “Вы можете дать мне слово революционера, что вы не занимаетесь активной вооруженной борьбой?” – “Могу”. – “Больше мне ничего не надо. Будьте спокойны, ваш муж скоро будет дома”. И через день мужа освободили»¹⁷.

Впрочем далеко не все большевики помнили о товарищеских узах, связывавших их с членами гонимых ими партий, и когда в феврале 1923 г. для рассмотрения в ЦК РКП(б) вопроса о недопущении членами партии ходатайств за арестованных или сосланных социалистов ГПУ представило соответствующий список, в перечне из почти 100 чел. неоднократно

¹⁷ Беседа с Б.А. Бабиной / Запись Н. Бармина // Минувшее. Вып. 2. М., 1990. С. 376.

встречались Рыков, Каменев, Луначарский и др., но ни разу – Сталин, Троцкий, Молотов.

* * *

В судебном процессе по «делу правых эсеров» можно условно выделить три стадии: до процесса (конец 1921 г. – начало июня 1922 г.); сам процесс (8 июня – 7 августа 1922 г.); после процесса (8 августа 1922 г. – 14 января 1924 г.). На допроцессной стадии на ход и сроки подготовки и определения начала процесса влияло несколько важных факторов, вносящих серьезные коррективы в первоначальные замыслы большевистского руководства. Внутренний фактор определялся темпами ведения следствия, выбором подходящего времени для начала процесса, определением приоритетов и т.д. Внешний выступал как необходимость формировать позитивный образ большевистского режима накануне и в ходе проведения Генуэзской конференции и Берлинской конференции трех Интернационалов.

Документы устанавливают начало решения вопроса о предании суду Верховного Ревтрибунала лидеров ПСР – постановление Пленума ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г., но когда началась подготовительная работа и кем она велась – до конца так и неясно (см. док. № 16-1). Говоря о политическом обеспечении руководства процессом, нельзя не отметить, с одной стороны, крайнюю громоздкость созданной большевиками конструкции в виде комиссий, временных групп, совещаний и т. д., а с другой – привлечение к участию в процессе многих виднейших коммунистов. Первой по времени создания (и ключевой) стала комиссия Политбюро (в документах она иногда именовалась комиссией ЦК) «по руководству процессом», или «тройка». 15 марта 1922 г. Политбюро включило в «тройку» Ю.М. Стеклова (редактор «Известий»), Д.И. Курского (нарком юстиции) и Ф.Э. Дзержинского (нарком внутренних дел и председатель ГПУ). Но она в таком составе так и не успела собраться для текущей работы. Последовало новое решение Политбюро. В комиссию кроме Ф.Э. Дзержинского вошли лидеры большевиков – Л.Д. Троцкий и Л.Б. Каменев (см. док. № 16-56). Последний был назначен руководителем с «правом созыва». «Тройка», первое заседание которой прошло 29 апреля 1922 г., а официальный роспуск состоялся по постановлению Политбюро 7 сентября 1922 г., обладала правом контролировать деятельность, реорганизовывать и расформировывать все другие комиссии, созданные в связи с процессом. Именно этому негласному и фактически конспиративному органу принадлежала ведущая роль в определении стратегии и тактики ведения процесса (к сожалению, в ходе архивных разысканий публикаторам не удалось выявить полного делопроизводства указанной комиссии – сохранились только отдельные протоколы и частично переписка в делах Политбюро, Секретариата ЦК и ГПУ).

Все наиболее ответственные решения, связанные с процессом и регулярно обсуждавшиеся с мая 1922 г. на заседаниях Политбюро, либо предварительно рассматривались на заседаниях «тройки», либо Политбюро направляло подобные вопросы на окончательное решение «тройки». Обойти или опротестовать решение «тройки» в Политбюро было практически невозможно, поскольку в нее входило два члена Политбюро. Однако рекомендации и решения «тройки» не всегда воплощались в жизнь и «увязали» в массе дальнейших согласований, нередко в недрах самого аппарата ЦК.

Помимо «центральной тройки», как ее иногда называли, были еще две комиссии, специально созданные для проведения процесса. С 12 мая 1922

г. начала заседать созданная на базе Агитпропа ЦК «Агитационная тройка по эсеровской кампании», в которую вначале вошли Я.А. Яковлев (председатель), И.В. Вардин и Б. Малкин, а позже к ним присоединился Н.Н. Попов. Чуть ранее, 6 мая 1922 г., в целях пропагандистского воздействия на левые круги за рубежом по каналам Коминтерна, появилась Коминтерновская «тройка», включавшая Ф.Я. Кона (председатель), Г. Эберлейна и Б. Суварина. Путем включения представителей ЦК РКП(б) и РОСТА планировалось превратить ее в «пятерку», но затею осуществить не удалось: накануне процесса Политбюро рекомендовало Г.Е. Зиновьеву обеспечить участие двух представителей Коминтерна в заседаниях «центральной тройки» для согласования и координации действий ЦК РКП(б) и ИККИ.

Проведением процесса ПСР занимались помимо перечисленных выше комиссий специальные комиссии и группы. Было, например, несколько комиссий ГПУ («троек»), в которые входили видные чекисты; возглавляемая К.Б. Радеком группа обеспечивала ведение пропаганды за рубежом и т. д. Учесть общее количество всех этих групп и комиссий весьма сложно, ведь среди них были и «однодневки» с очень узкими задачами, как, например, созданная по решению «центральной тройки» от 6 мая 1922 г. комиссия в составе Н.И. Бухарина, А.В. Луначарского и В.Н. Дени для редактирования «плаката трагического характера», раскрывающего преступления эсеров в годы гражданской войны, или организованные Московским комитетом партии в каждом районе «двойки или тройки» по распределению среди коммунистов билетов на процесс.

* * *

Особенностью процесса над ПСР, вероятно, можно с полным правом считать ту исключительную роль, которую сыграли в его постановке «эсеровские» ренегаты, и прежде всего – Г.И. Семенов и Л.В. Коноплева. Практика революционного движения второй половины XIX – начала XX в., безусловно, дала много примеров самого разнообразного ренегатства, особенно массовым это явление стало после поражения революции 1905–1907 гг., прежде всего как результат наплыва в революционные партии случайных людей. По свидетельству очевидцев, почти ни один процесс над революционерами не обходился без ренегатства. Оно было многолико: от провокаторства до дачи «откровенных показаний». Многолико оно было и по «человеческому материалу» – от сознательно действовавшего Азефа до запутавшихся и комплексующих Д.Г. Богрова и А.А. Петрова. Но, с одной стороны, роль провокации и ренегатства в постановке процесса над эсерами столь исключительна, что и аналогий-то подобных невозможно подобрать, а с другой стороны, сама фигура и фантастическая биография Г.И. Семенова, несомненно, ставят его в первые ряды «великих людей», вроде Азефа, Богрова и пр. Семенова нельзя отнести к банальным платным секретным сотрудникам, он намного сложнее. Он менял много ролей: анархиста, эсера, охотника-террориста за головами Володарского и Ленина, сотрудника разведуправления Красной Армии, ключевой фигуры на процессе над ПСР, специалиста по промышленному шпионажу, военного советника в Китае, организатора диверсионной и партизанской борьбы в Испании и т.п., но основной чертой его характера всегда был авантюризм.

Отметим лишь те этапы его биографии, которые нам необходимы для понимания его роли в организации процесса¹⁸. Григорий Иванович Семенов родился в своеобразной «революционной» семье – отец привлекался по делу М.В. Петрашевского, а четверо старших детей стали революционерами (две сестры Г.И. Семенова погибли, а два старших брата, ставшие анархистами, осели позднее в эмиграции во Франции). Братья и ввели его в среду анархистов-коммунистов, каковым Григорий Семенов и считал себя с 1906 по 1912 г. После трех арестов и ссылки, в 1912 г. он эмигрировал во Францию, где с помощью брата устроился электромонтером в Марселе и Ницце и сблизился в эсерами. С этого момента он становится эсером, хотя, насколько известно, абсолютно ничем на партийном поприще себя не проявляет вплоть до 1917 г. В 1915 г. он вернулся в Россию и Февральскую революцию встретил, находясь на службе в армии в качестве младшего унтер-офицера – инструктора в электротехническом запасном батальоне, что и позволило ему сделать типичную для того времени карьеру – по «военно-комиссарской» линии. В конце 1917 г. Г.И. Семенов являлся уже комиссаром IX армии и был делегатом II съезда Советов, а после Октября 1917 г. – комиссаром конного корпуса¹⁹. Это позволило ему стать членом Военной комиссии при ЦК ПСР (членом ЦК ПСР он не был). Следующая страница из жизни Г.И. Семенова стала предметом бурных споров и различных толкований накануне и в ходе процесса, да и до сих пор многое остается в ней неясным. Спор велся вокруг вопроса о том, был ли у группы Семенова статус Центрального Боевого отряда при ЦК ПСР, получавшего санкции на убийство видных большевиков, включая Ленина и Троцкого (как утверждал сам Семенов, чекисты и некоторые из членов его группы), или это была полная самостоятельность авантюристов Семенова и его помощницы Коноплевой (также бывшей анархистки), обманывавших рядовых боевиков (как утверждали эсеры). Безусловно только то, что Семенов собрал вокруг себя нескольких рабочих из петроградских боевых дружин и нескольких революционеров-интеллигентов и занимался подготовкой террористических актов и проведением экспроприаций.

После покушения на В.И. Ленина, совершенного Ф.Е. Каплан (была ли она членом его отряда, так до конца и неясно), Семенов был арестован в сентябре 1918 г. «военным контролем» (контрразведка РККА) за принадлежность к военной организации ПСР. После ареста пытался бежать, ранив двух конвоиров, но благодаря заступничеству А.С. Енукидзе и Д.Б. Рязанова остался жив. После 9-месячного пребывания в тюрьме, где, по его словам, он осознал неправильность своей борьбы с большевиками, Семенов начал сотрудничать с ними. В 1919 г. последнего зачисляют в штат разведуправления Красной Армии. Впрочем, хотя сам Семенов считал себя работающим в военной разведке, ГРУ Генштаба Министерства обороны СССР в своей справке 1957 г. отмечало, что в 1919–1921 гг. он «работал по линии ОГПУ»²⁰. Представляется, что, состоя в штатах разведупра, Семенов выполнял и поручения, находившиеся скорее в компетенции ВЧК. Так, из показаний начальника Отделения военной разведывательной работы при Реввоенсовете Западного фронта Мазанова, выступавшего на процессе в качестве свидетеля, видно, что Г.И. Семенов, поступивший в его распоряжение в конце июля 1920 г., был отправлен им через фронт с двумя задачами – «[...] с одной стороны, Семенов должен был вес-

¹⁸ Подробнее см.: Журавлев С.В. Указ. соч.; Войтинский В. Указ. соч. С. 30, а также биосправку в настоящем издании.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 137, 137 об.

²⁰ См.: Журавлев С.В. Указ. соч. С. 91.

ти подрывную работу в тылу Польской армии, а главное выяснить сущность принципов работы Савинковской организации в нашем тылу[...]» В чем должна была заключаться подрывная работа Г.И. Семенова, стало ясно из слов одного из его товарищей по МПСР, поддерживавшего польскую кампанию большевиков и официально командировавшего Г.И. Семенова на польский фронт. По его словам, Семенов должен был взорвать артиллерийский склад в Варшаве, но был схвачен властями. По просьбе Семенова к нему в тюрьму приехал Б.В. Савинков, ходатайствовавший перед поляками о его освобождении. После этого он вернулся в Москву, где встречался с Дзержинским, а тот отправил Ленину и Троцкому для ознакомления донесение Семенова, где шла речь о договоренности Семенова и Савинкова об организации покушения на советских лидеров (см. док. № 16-23, 16-24)²¹. Туманность и странность отношений Семенова и Савинкова, а позже общение Семенова с Дзержинским настолько не понравились его товарищам по МПСР, что было назначено партийное следствие, закончившееся исключением Семенова из МПСР.

Есть основания считать, что именно в это время Г.И. Семенов признается большевикам в своем участии в организации покушения на В.И. Ленина. В январе 1921 г. Г.И. Семенов по рекомендации видных большевиков А.С. Енукидзе, Л.П. Серебрякова и Н.Н. Крестинского вступает в РКП(б). Заявление о приеме в большевистскую партию было подписано и его женой Н.Т. Богдановой, бывшей эсеркой, к 1921 г. также ставшей сотрудницей разведупра²². Участница террористической группы Семенова Л.В. Коноплева в феврале 1921 г. также вступает в РКП(б) и возобновляет свои связи с военной разведкой, которая отправляет ее в марте 1921 г. в Германию. Оттуда ее вызывают для дачи показаний на предварительном следствии по процессу над ПСР. В этом контексте понятно то количество проблем и вопросов, которое возникает по поводу правдивости или инсценированности показаний Семенова (изложенных им в написанной в декабре 1921 брошюре) и Коноплевой, ставших ядром всего процесса.

Изначальные обвинения против эсеров были основаны на разоблачениях, содержащихся в брошюре Г.И. Семенова «Военная и боевая работа ПСР в 1917–18 гг.», опубликованной в Берлине в феврале 1922 г. Предыстория написания брошюры неизвестна. Ру-

копись была закончена Семеновым 3 декабря 1921 г. в Берлине (в самой рукописи, хранящейся в архиве ФСБ, место написания замазано) и вскоре оказалась на столе секретаря ЦК РКП(б) И.В. Сталина, оставившего после ознакомления следующую резолюцию: «Читал. И. Сталин (Думаю, что вопрос о печатании этого документа, формах его использования и также о судьбе (дальнейшей) автора дневника должен быть обсужден в П.Б.). И. Сталин»²³.

В своей брошюре Семенов весьма подробно, с перечислением многих десятков имен рассказывал о попытках эсеров свергнуть большевиков в первые же дни после захвата ими власти, о подрывной работе в войсках Петроградского гарнизона осенью – зимой 1917–1918 гг., о плане вооруженного восстания в день открытия Учредительного собрания, о получении финансовой помощи от "союзных миссий". Но настоящей сенсацией стал его рассказ о террористической деятельности возглавлявшегося им Центрального боевого отряда ЦК ПСР, совершившего покушения на В. Володарского, М.С. Урицкого и В.И. Ленина, а также ряд экспроприаций, в том

²¹ См. также: Журавлев С.В. Указ. соч.; Войтинский В. Указ. соч. С. 32–33.

²² См.: Журавлев С.В. Указ. соч. С. 93.

²³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 294.

числе у частных лиц. Брошюра заканчивалась событиями конца 1918 г., когда Семенов был арестован, но вскоре выпущен на свободу. Вопрос о деталях инспирации брошюры Семенова до конца неясен, как неясны до конца и подробности его связей с чекистами (хотя сами факты инспирации и связи сомнений не вызывают).

Текст рукописного подлинника брошюры Г.И. Семенова не имеет никакой правки, кроме чисто стилистической, сделанной при ее издании. Кто дал команду Семенову написать брошюру? Очевидно, это были или чекисты, или один из видных коммунистов, скажем, из числа дававших Семенову рекомендации для вступления в РКП(б). Принимал ли участие в написании брошюры кто-либо из чекистов, или из видных коммунистов? Если да, то есть два возможных варианта. Первый – написанный Семеновым текст «редактировал» «соавтор», после чего Семенов его набело переписал. Второй – «параметры» брошюры были обговорены устно и заранее, и корректив в нее больше не вносили. Главными такими «параметрами» могли стать, скажем, четкое указание на то, что террористическая группа Семенова имела официальный статус, подчинялась ЦК ПСР, получала санкции от членов ЦК ПСР на убийство Володарского, Ленина, а также на проведение экспроприаций, или свидетельства о том, что эсеры получали деньги от французской военной миссии и т.д. Такой вариант кажется самым реальным, т.к. детали на данном этапе не были важны, их можно было отработать на следствии.

В середине января 1922 г. Л.В. Коноплева (помощница Семенова в его боевом отряде) написала заявления в ЦК РКП(б) и в ЦК ПСР, а также доклад о своей работе «в ПСР в области военной, боевой и террористической» и письмо к известному большевику Л.П. Серебрякову, которого она просила передать эти документы руководству большевиков (см. док. № 16-2, 16-3, 16-4, 16-5, 16-6). В письме к Серебрякову Коноплева объясняла причины сокрытия от него правды в момент своего вступления в РКП(б) и заявляла, что у них с Семеновым была договоренность о выступлении с совместным заявлением, разоблачающим эсеров, после его возвращения из России (в Германию). «Когда он вернулся, – продолжала она, – мы не имели возможности совместно выступить, так как находились по роду работы в разных местах, не имея возможности ни увидеться, ни списаться. Он подал заявление один, и позже, когда представилась возможность, уведомил меня. Теперь я делаю тоже самое, сознавая, что должна это сделать во имя революции и в то же время сознаю, что с моей моралью, с моим внутренним “я” этот поступок несовместим» (см. документ № 16-5). Какое и кому именно сделал заявление Семенов, неясно (если под заявлением Коноплева не понимает брошюру). Но отметим, что в пользу самостоятельного, т.е. без «соавторства» и «редактирования» чекистами, написания текстов Семенова и Коноплевой говорит масса несовпадений в них.

Вопросы об инспирировании разоблачений Семенова и Коноплевой были весьма неприятны для них, но на процессе им эти вопросы раз за разом задавали. Так, например, М.Я. Гендельман в своей защитительной речи, указывая на доклад Л.В. Коноплевой и ее письмо Л.П. Серебрякову отмечал: «Я здесь спрашивал гражданку Коноплеву: а до того, как вы этот доклад послали Серебрякову, вы беседу вели с ним о всех тех разоблачениях, которые вы после в этом докладе сделали. Гражданка Коноплева категорически заявила: “нет, беседы не было никакой, это было первое мое заявление о всем том, что я знала”. Так ли это? И тон письма – оно здесь оглашалось – можно ли в таком тоне писать человеку, который находился в рядах коммунистической партии и до сего времени скрывал свое, как она выражается “кровавое прошлое”, теперь об этом прошлом

говорить в таком спокойном тоне, точно продолжается товарищеская беседа. Ведь могла явиться мысль: теперь, когда узнают о том, что я участвовала в убийстве Володарского, Троцкого, Урицкого и так далее, простят ли мне то, что я втерлась в коммунистическую партию, простят ли то, что я молчала и, конечно, тон письма был бы совершенно другой. Нельзя с этими первыми кровавыми откровениями писать: “Дорогой Леонид Петрович”, подписываться “Ваша Лида” и просить “сообщите ответ мне через Гришу”. Это определенно говорит о том, что обо всем том Советская власть в лице Серебрякова, а дальше я постараюсь доказать и других органов, была осведомлена о всем том, что послужило впоследствии канвой для вот этого узора, который вышивался и на предварительном следствии и на суде»²⁴.

Подобной экзекуции подвергался и Г.И. Семенов, отвечая на вопрос Гендельмана о том, где и когда была написана его брошюра. Семенов стал путаться в сроках ее написания и отказался называть место ее создания, мотивировав это тем, что находился на нелегальной работе: «ГЕНДЕЛЬМАН: Великолепно, значит Вы писали за границей в декабре 21 года и в январе 22 года. Скажите, Вы предварительно совещались с кем-либо, перед тем, как эту брошюру написать. СЕМЕНОВ: Да, совещался. ГЕНДЕЛЬМАН: С кем именно. СЕМЕНОВ: Да, я совещался не по вопросу о брошюре, как таковой, а меня интересовала моральная сторона. Возможно ли для меня выступить с разоблачениями. ГЕНДЕЛЬМАН: Вы решили этот вопрос с ГПУ. СЕМЕНОВ: Я считаю нужным раз навсегда сказать, что отвечать на подобного рода вопросы я категорически отказываюсь. Я имею моральное право так говорить. Я в продолжение многих лет, в продолжение долгих лет подставлял свою голову под пули, когда я находился в рядах партии социалистов-революционеров и здесь присутствующие члены Центрального комитета хорошо знают. ГЕНДЕЛЬМАН: Вы отвечаете не на вопрос. СЕМЕНОВ: И с тех пор, как я стал на другую точку зрения, на точку зрения Советской власти, сделался коммунистом, и с тех пор в продолжение годов я подставлял свою голову под пули. И потому я имею моральное право на этот вопрос не отвечать, а Вы копать-ся в том, правильно или неправильно я поступаю, не имеете права. ГЕНДЕЛЬМАН: Меня интересует не тот момент, что Вы правы или не правы, а другой факт. [...] Будьте добры ответить: долго ли до времени написания брошюры Вы находились за границей. Вы написали брошюру в декабре, а в ноябре и в октябре вы тоже были за границей. СЕМЕНОВ: Я говорю, что касаться вопросов моей нелегальной работы и времени моего пребывания в разных городах, Вы не можете. Я раз навсегда заявляю, что не буду отвечать по этому вопросу агентам, косвенным или прямым, союзников. Я отвечать отказываюсь и прошу таких вопросов не задавать»²⁵.

Ответы Семенова, особенно попытки скрыть время написания брошюры, хотя дата «2 декабря 1921 г.» стояла в конце опубликованного текста (на рукописи – 3 декабря – *Авт.*) и была всем известна, сродни саморазоблачению и производят вполне определенное впечатление. Представляется, что Семенов называл более поздний срок окончания брошюры, желая избежать неудобного вопроса, почему же он не сразу сдал ее в типографию. Ведь вопрос о сдаче рукописи в печать был решен только 23 января 1922 г. постановлением Политбюро, предписавшим И.С. Уншлихту издать ее за границей в двухнедельный срок (см. док. № 16-8).

Подоплека вопросов Гендельмана видна по его ответам председательствовавшему на суде Г.Л. Пятакову: «[...] Гр-н председательствующий,

²⁴ Там же. Т. 35. Л. 1–2.

²⁵ Там же. Т. 24. Л. 592–594.

что касается того, что он имеет право не отвечать на вопросы, что он, подсудимый, вправе это делать, я напому Вам, что когда слушались дела в военно-революционном суде, то были случаи, когда обвиняемым провокаторам выносились приговора, а потом они на велосипедах уезжали»²⁶. Столь плохо замаскированного обвинения Семенова в провокаторстве и инсценированности всего процесса не смог стерпеть уже сам государственный обвинитель Н.В. Крыленко, впрочем, не очень логично заявивший, что отказавшийся выполнять Берлинское соглашение Верхтриб, ни одного из обвиняемых (включая Семенова) не оставит без наказания»²⁷.

С кем разговаривал Семенов о моральной допустимости своего ренегатства и разговаривал ли он на эту тему вообще, неизвестно. В отличие от Л.В. Коноплевой, которая многократно упоминала о своих «моральных» переживаниях и на предварительном следствии и на самом процессе, Г.И. Семенов затронул эту проблему только один раз в своей брошюре, где восклицал: «Завершение с.-р. движения на Волге победой реакции – с одной стороны, Венгерская и Германская революции – с другой стороны – были для меня огромным толчком к коренной переоценке и характера революции, и основных позиций Партии, и роли в Революции пролетариата и крестьянства. Переоценка привела меня к взгляду на Революцию как на революцию социалистическую, к признанию ошибочности позиций партии Социалистов-революционеров, к признанию необходимости диктатуры пролетариата»²⁸.

Л.В. Коноплева же считала идейную эволюцию взглядов недостаточным оправданием ренегатства и сделала попытку морально оправдать свою позицию в письме к Серебрякову. Она писала: «Я знаю, что все, что в интересах Революции – допустимо и оправдываемо. Интересы Революции – наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом в Россию, обсуждали этот вопрос, то там решили оба – если интересы революции требуют, то мы должны, обязаны сделать, хотя бы с точки зрения человеческой морали, это было неприемлемо» (см. док. № 16-5). Эти ее рассуждения в корне расходились со взглядами ее бывших товарищей по эсеровской партии, которые в воззвании ЦБ ПСР характеризовали ее и Г.И. Семенова как «двух уже опубликованных лжесвидетелей: один типичный предатель-провокатор и другая наивная ренегатка» (см. док. № П-51). В. Войтинский пошел еще дальше и сравнил их с двумя фигурантами известного дела Бейлиса: Л.В. Коноплеву – с Верой Чеберяк, участницей шайки воров, убившей мальчика, но свалившей все на евреев; Г.И. Семенова – с «ренегатом-ксендзом Пранайтисом, взявшимся доказать по еврейским книгам, что евреи ловят христианских младенцев, убивают их и употребляют их кровь»²⁹.

* * *

В формировании списка обвиняемых были допущены серьезные просчеты, что привело к ряду коллизий и противостоянию среди большевистских функционеров. 24 февраля 1922 г. Президиум ГПУ постановил предъявить обвинение 43 «членам ЦК ПСР состава 1917, 1918 и последующих годов» и 140 «активным членам ПСР», за участие «в организации вооруженного свержения Соввласти, терроре и экспроприациях» (см. док. № 16-11). Но вопиющая юридическая безграмотность сыграла с чле-

²⁶ Там же. Л. 595.

²⁷ Там же. Л. 596.

²⁸ Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 39.

²⁹ Войтинский В. Указ. соч. С. 87.

нами Политбюро и Президиума ГПУ злую шутку. Уже само постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 28 декабря 1921 г. «о предании суду Верховного Трибунала ЦК партии с.-р.» было юридическим нонсенсом, т.к. в традициях того времени судить можно было, как указал вскоре Н.В. Крыленко, только людей, а не учреждение. Постановление Президиума ГПУ исправляло эту ошибку, но создавало массу проблем юридического и практического характера. Решив предъявить обвинение всем, кто был указан в составе ЦК ПСР, и еще 140 «активным» эсерам (куда включили всех сколько-нибудь видных эсеров, а также всех названных в брошюре Семенова и докладе Коноплевой), чекисты, очевидно, не представляли себе, какой объем следственных действий необходимо будет произвести для конкретного обвинения каждого из этих 183 человек. (Для сравнения отметим, что предварительное следствие по знаменитому «процессу 193-х» длилось около трех лет.) Поспешность и небрежность, допущенные при составлении этого документа, бросались в глаза: отсутствовали инициалы обвиняемых, были ошибки в фамилиях, в ряде случаев назывались ненастоящие фамилии, в списке оказались умершие и погибшие. Но наиболее ярко небрежность и юридический нигилизм членов Политбюро и Президиума ГПУ проявились в игнорировании постановления ВЦИК от 26 февраля 1919 г., амнистировавшего все социалистические группы, которые отказались от вооруженной борьбы с Советской властью. Нелепость ситуации усугублялась тем, что спустя три недели после начала предварительного следствия, 23 марта 1922 г. Политбюро приняло решение назначить «для фактического начала процесса с.-р. срок не позже, чем через месяц», а уже 1 апреля 1922 г. Уншлихт известил членов Политбюро, что судить эсеров невозможно, пока не дезавуирована амнистия ВЦИКа, которая «может быть истолкована, как амнистия за все деяния отдельных членов и групп п.с.-р. в период вооруженной борьбы с Советской властью. Так оно истолковывается привлеченными к предстоящему процессу членами ЦК п.с.-р. В соответствующем духе с-ры выступают и на суде Верховного Трибунала» (см. док. № 16-53). Для исправления ситуации Уншлихт предлагал обнародовать либо «разъяснение НК юстиции о том, что постановление ВЦИК от 26/2-19 г. не распространяется на тех членов п.с.-р., которые приняли участие в террористической и экспроприаторской деятельности п.с.-р. в 1918 году, либо соответствующее постановление Президиума ВЦИК»³⁰. Но даже такая трактовка амнистии 1919 г. спасала ситуацию лишь отчасти, поскольку прежняя концепция (судить как можно больше эсеров за «преступления» 1917–1918 гг.) разрушалась, поскольку подавляющему большинству подсудимых было невозможно вменить (а главное доказать) их причастность к террору и экспроприациям. Исключение составляли члены боевой группы Семенова, но они-то как раз и сотрудничали со следствием.

Однако ни «центральная тройка» (созданная, как отмечалось выше, решением Политбюро от 13 апреля 1922 г. специальная комиссия по подготовке и проведению процесса), ни чекисты не собирались отказываться от скорейшей постановки громкого «партийного» процесса. На этой почве возникло расхождение и даже противоборство между «тройкой» и чекистами, с одной стороны, и коллегией Верхтриба и его председателем Крыленко – с другой. Вообще по отношению к чекистам Крыленко вел себя весьма независимо. Это видно из рапорта от 15 марта 1922 г. Уншлихту начальника 3-го отделения СО ГПУ Р.И. Аустрина, пытавшегося получить из архива Верхтриба прекращенное дело о военной работе эсеров в Саратовской губ., но наткнувшегося на отказ Крыленко, который в «довольно грубой форме» заявил, что «мы (Госполитупр.) должны вести

³⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 258–258 об.

только розыскную работу и предварительное дознание, а потом дело передать им и добавил, чтобы мы поскорее кончили разработку и передали им». Любопытно, что Агранов обратился с жалобой на «неверное толкование тов. Крыленко прерогатив ГПУ» к Уншлихту, который сделал для себя пометку об обсуждении инцидента с наркомом юстиции Курским. 20 апреля пом. начальника 3-го отделения СО ГПУ В. Брауде также имела подобный разговор с Крыленко, приказавшим «под страхом ответственности» немедленно сдать все дела в Верхтриб. По ее словам: «Когда я в разговоре с ним указала, что приказывать мне может только мое непосредственное начальство по ГПУ – Самсонов, Ягода, Уншлихт, Дзержинский, и что он мне может отдавать распоряжения только через них, он мне сказал: “плевать мне на Вашего Ягоду» и сделал соответствующий жест”.

Подоплека упомянутой коллизии такова. Следственные действия в отношении активных, равно как и бывших членов ПСР были начаты чекистами в марте 1922 г. и производились главным образом особоуполномоченным ГПУ по важным делам Я.С. Аграновым, в помощь которому выделили еще несколько человек (Аустрина, В. Брауде и др.). Работа этой группы велась со значительной интенсивностью в течение «пяти недель», в ходе которой, по позднему свидетельству самого Агранова, последний «обращал внимание главным образом не на технические детали, а на соби́рание обвинительного материала»³¹. После решения о создании «тройки» Крыленко потребовал от сотрудников ГПУ немедленной передачи следственного дела в Верхтриб, встретив определенное противодействие со стороны Агранова, который утверждал, что необходимо не только технически подготовить материалы к передаче, но провести еще ряд допросов. Апеллируя при этом к своему руководству (Уншлихту), а через него к членам «тройки», Агранов раскрывал еще один существенный аспект, который считал своим преимуществом перед руководством Ревтриба, позволившим и впредь влиять на следственные действия уже Трибунала: «...тов. Крыленко не знает персонально лиц, привлекающихся к этому процессу и отношения этих лиц к процессу (выделено нами – Авт.), не посвящен в историю всего обвинительного материала»³².

21 апреля 1922 г. на заседании Коллегии ГПУ было принято решение дело «по обвинению правых социалистов-революционеров в вооруженной борьбе против Советской власти, в экспроприациях, террористических актах, военно-подрывной работе и в сношении с союзниками, получении от них денежных средств в 1918 г.» передать в Верховный революционный трибунал³³. К этому моменту само дело состояло из восьми томов. Кроме них в Верховный трибунал было передано «28 арестантских дел, 15 неарестантских дел, 1 том дела Локкарта, 2 тома дела Хризаколе-Де-Платан, 3 тома дела Саратовской организации ПСР»³⁴. За Верхтрибом было закреплено 46 обвиняемых, из которых 29 чел. находилось под стражей, а 17 чел. – на свободе. В это время во Внутренней тюрьме ГПУ находились В.В. Агапов, Н.И. Артемьев, М.А. Веденяпин, М.Я. Гендельман, Я.Т. Дедусенко, Г.Л. Горьков-Добролюбов, А.Р. Гоц, Л.Я. Герштейн, М.А. Давыдов, Д.Д. Донской, П.Т. Ефимов, С.Е. Кононов, Ф.В. Зубков, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, П.Н. Пелевин, Д.Ф. Раков, Е.М. Ратнер-Элькинд, Н.Г. Снежко-Блоцкий, Е.М. Тимо-феев, К.А. Усов, Ф.Ф. Федорович, Ф.Ф. Федоров-Козлов, В.П. Шестаков. Еще трое обвиняемых (А.И. Альтовский, П.В. Злобин и М.И. Львов) со-

³¹ Там же. Т. 1. Л. 20.

³² Там же. Л. 20.

³³ Там же. Т. 4. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 1а.

держались в тюремном подотделе МГО³⁵. На свободе находились обвиняемые Д.С. Розенблом, В.И. Паевский, И.С. Да-шевский, В.А. Липская-Давыдова, А.Б. Ельяшевич, С.С. Раецкий, К.И. Рабинович, Н.А. Лившиц, А.Ю. Фейт, Ф.Е. Ставская, Г.И. Семенов, Л.В. Коноплева, В.К. Белецкий, В.И. Улитин, Ю.В. Морачевский, В.И. Игнатъев, Г.М. Ратнер³⁶.

29 апреля Е.Ф. Розмирович, назначенная Пленумом Верховного трибунала ВЦИК заведующей следственным производством по делу «правых эсеров», приняла его к своему производству³⁷, и уже 2 мая зампред Верхтриба ВЦИК А.В. Галкин обратился в ГПУ с просьбой о переводе в Лефортовскую тюрьму 17 обвиняемых: Агапова, Альтовского, Артемьева, Веденяпина, Гендельмана, Горькова-Добролюбова, Гоца, Герштейна, Донского, Иванова, Ивановой-Ирановой, Лихача, Морозова, Ракова, Ратнер-Элькинд, Тимофеева и Федоровича³⁸. Начальнику Лефортовской тюрьмы было предписано под «личную ответственность» содержать числившихся за Следственным отделом Верхтриба ВЦИК заключенных «при самой строгой изоляции»³⁹.

Переданные из ГПУ в Верхтриб следственные материалы были такого качества (подробнее об этом см. ниже), что впоследствии дали возможность Крыленко и его сотрудникам несколько раз мотивированно указывать на многочисленные «прорехи» и упущения в работе аграновской группы.

Суть же конфликта Крыленко с «центральной тройкой» хорошо видна из его письма в Политбюро ЦК РКП(б) от 10 мая 1922 г. В нем сообщалось, что «тройка» вместе с согласием перенести начало процесса по просьбе Крыленко с 23 мая на 1 июня 1922 г. (при условии согласия Политбюро) решила расширить рамки процесса до 1921 г., тогда как Верхтриб получил 21 апреля 1922 г. от ГПУ следственный и информационный материал «обнимающий и с к л ю ч и т е л ь н о период за 1918 г. в объеме сделанных Семеновым в его брошюре разоблачений». Верхтриб разработал этот материал и готов был вручить 1 июня «обвинительный акт по обвинению в терроре, сношениях с союзниками, подготовке вооруженных восстаний» (см. док. № 16-61). Но 9 мая 1922 г. ГПУ прислало в Верхтриб еще девять томов материала за все годы гражданской войны – «и касающийся Тамбовского восстания и Кронштадта и Сибири и Уфы и т. д.», для разработки которого Верхтриб просил не менее двух месяцев. Крыленко заявлял Политбюро ЦК РКП(б): «Одновременно мы считаем невозможным ставить процесс против лиц, сидящих в тюрьме с 1919 г. за действия других, еще не установленных лиц из состава ЦК правых эсеров в 1919, 1920 и 1921 г. При участии иностранной защиты это не только смешно, а прямо глупо. Привлекать же партию вообще нельзя, ибо на суде должно привлекать живых людей[,] а не партию»⁴⁰.

Крыленко фактически ставил ультиматум – проводить процесс или в рамках 1918 г. против «сидящих в тюрьме членов ЦК и иных эсеров по обвинению их в том, в чем они принимали участие, т.е. в терроре, сношениях с союзниками и эксгах и подготовке вооруженных восстаний», или в рамках 1918–1921 гг., но с выделением не менее двух месяцев «на изучение и собирание материала и установление виновных»⁴¹. Он заявлял: «В

³⁵ Там же. Л. 4а, 4б, 4в.

³⁶ Там же. Л. 4в.

³⁷ Там же. Т. 4. Л. 6.

³⁸ Там же. Л. 16.

³⁹ Там же. Л. 17.

⁴⁰ Там же. Т. 4. Л. 167.

⁴¹ Там же.

случае отклонения этих условий я принужден снять с себя всякую ответственность за процесс и, не желая быть виновником политического компрометирования партии, прошу дело из производства Верховного Трибунала изъять и передать в другое учреждение или меня освободить от работы в Трибунале и ответственности за процесс». Ко всему этому прибавились еще и личные мотивы: дело в том, что следствием по делу эсеров в Верхтрибе руководила жена Крыленко Розмирович, что было прямым нарушением советских законов (и инструкций самого Верхтриба) и давало основания подсудимым, а также их защите заявить о неправомерности следствия и самого процесса (что и было позже сделано). Суть коллизии в том, что Троцкий и Каменев сначала утвердили назначение Розмирович, а потом спохватились – лишь три недели спустя, когда ею уже был подписан первый том производства. 10 мая 1922 г. «тройка» постановила заменить Розмирович, оставив фактическое руководство следствием за ней, что вызвало демарш Крыленко, потребовавшего у Политбюро отменить это постановление. Крыленко мотивировал это, в частности, тем, что «об ее участии обвиняемым известно и скрыть и впредь ее участие, хотя бы и неофициальное будет нельзя», заменить же ее реально также нельзя, т.к. «другого человека, уже изучившего дело и в достаточной мере ответственного нет» (см. док. № 16-63). В письме в Политбюро от 11 мая 1922 г. он заявлял: «Считая, что подобный ответ является прямым оскорблением, ибо никто не давал Каменеву и Троцкому права вместо делового обсуждения приказывать мне в оскорбительной для меня форме; считая, далее такое распоряжение не вытекающим из обстоятельств дела и фактически невыполнимым, ибо аннулировать уже произведенные следственные действия, официально запротокколированные в производстве, я не могу и самое “распоряжение” [нахожу] нецелесообразным – настоящим заявляю, что указанному распоряжению я не подчиняюсь и продолжаю вести дело в области следствия вместе с т. Розмирович в тех формах, в каких оно было установлено с ведома и санкции Тройки первоначально. В противном случае работу прекращаю и прошу все дело передать другому лицу» (см. док. № 16-63). Весьма показательно, что последнюю свою фразу об отправке переписки по этому вопросу «в ЦКК на распоряжение» Крыленко вычеркнул карандашом, не став переписывать письмо, показывая этим свою готовность затеять внутрипартийное разбирательство. Обращает на себя внимание имеющаяся на заявлении нейтральная резолюция Сталина («Читал. И. Сталин»), не вставшего на защиту двух своих товарищей по Политбюро, которые получили щелчок по самолюбию, и фактически узаконившего самовольное решение Крыленко.

Не добившись уступок со стороны Политбюро и «тройки» ни по ограничению рамок процесса 1918 г., ни по откладыванию начала процесса еще на два месяца, Крыленко взял курс на выведение из процесса всех тех эсеров, вину которых Верхтрибу доказать на суде было бы весьма сложно. В этом он был поддержан Коллегией Верхтриба, которая стала выводить по амнистии 1919 г. даже тех эсеров, которые по мнению ГПУ ей не подлежали, т.к. занимались активной партийной работой позже 1919 г. Впрочем, серьезные подвижки в вопросе о персональном составе обвиняемых и их численности начались гораздо раньше.

Приводимые ниже данные почерпнуты из справок, составленных и подписанных в декабре 1934 г. начальником УСО ГУГБ НКВД Генкиным и ст. инспектором Кольчугиным. Согласно справкам к делу было привлечено 177 чел.⁴² Но эти сведения неполные. Документы Верхтриба позволяют несколько увеличить число амнистированных. Из списка обвиняе-

⁴² Там же. Т. 1. Ч. 1. Л. 1–16.

мых, составленного в феврале 1922 г. Президиумом ГПУ из 43 членов ЦК, обвинение было предъявлено лишь 25 чел. и 80-ти из 140 «активных членов ПСР». Как и кем принимались решения, определявшие целесообразность «неучастия» в процессе каждого из 78 эсеров (конечно, кроме умерших) – неизвестно. В отношении 12 чел. (Брудерера, Ф.Е. Жидкова, Зеленкова, Карпова, Б.Н. Моисеенко, П.И. Рудакова, Д.П. Сургучева, Б.О. Флеккеля, Н.В. Фомина, Черняева, Циона, П.Б. Шаскольского⁴³) дело было прекращено в связи со смертью обвиняемых. Всего в рамках предварительного следствия ГПУ и Верхтриба обвинение было предъявлено 177 чел., из которых 97 чел. накануне процесса не планировалось привлекать к суду. Но, как известно, на скамье подсудимых оказалось лишь 34 чел., хотя выбирать властям было из кого, т.к. по состоянию, скажем, на 1 апреля 1922 г. за 3-м отделением СО ГПУ числились только в московских тюрьмах 118 членов ПСР, еще 40 эсеров находились в ссылке под гласным надзором губернских отделов ГПУ.

Подавляющее большинство обвиняемых (83 чел.) оказалось недоступным властям. Было выделено 42 дела в отношении следующих лиц, находящихся за границей: Р.А. Абрамовича, Н.Д. Авксентьева, А.А. Аргунова, В.Г. Архангельского, Борисова, И.М. Брушвита, И.И. Фондаминского (Бунакова), М.В. Вишняка, Гатовского (Гнатовского – *Авт.*), Ф.И. Дана, В.М. Зензинова, Карташова (А.В. Карташева – *Авт.*), И.П. Кашина, П.Д. Климушкина, И.Н. Коварского, А.И. Коновалова, В.И. Лебедева, князя Г.Е. Львова, С.П. Мазуренко, Ю.О. Мартова, Н.Н. Мартьянова, Ф.Е. Махина, О.С. Минора, И.П. Нес-терова, П.И. Пальчинского, графини С.В. Паниной, В.Н. Пепеляева, Пораделова, С.П. Постникова, Б.Н. Рабиновича, В.В. Руднева, Синани, Бориса Соколова, М.Н. Суворова, М.А. Тисленко, Толстой, В.Ф. Томашевича, Филоненко, Хабулари, Н.В. Чайковского, В.М. Чернова, Г.И. Шрейдера⁴⁴.

Самое большое количество дел было выделено в связи с не розыском 51 обвиняемого: Ананьина-Гусева, Архипова, Бианки, М.А. Блюменталья, А.К. Болдырева, М.Г. Бочарникова, Н.В. Брюл-ловой-Шаскольской, Вакулина, Ветрова, С.Т. Гаврилова, И.И. Гвоздя, И.Я. Германа, Гинзбурга, Н.Н. Гладкова, Г.В. Глебова, Ганжумова, Гребенщикова, Донченко, М.Ф. Егорова, Э.П. Естрина, Зайцева, Л.Э. Зеймана, Зейме, И.Б. Зобова, Изотова, В.И. Калинина, Каховского, Королева, Красавина, Кузьмина, Мавринского, Мартынова, В.Д. Мерхалева, М. Никанорова, Новикова, Ф.М. Онипко, В.Е. Пав-лова, Полковникова, В.Н. Рихтера, В.И. Рудзиевского, Сергеева, Смиренина, Тягунова, Е.Ф. Тяпкина, Усенко, Б.К. Фортунатова, К.М. Хреновского, В. Шкловского, Ю. Штальберга, Яковлева⁴⁵.

В особое производство были выделены дела по девяти лицам: Б.В. Бабина-Кореня (по делу Всеукраинского комитета), Я.Т. Дедусенко (по делу о контрреволюции на Севере) (вскоре был амнистирован), П.Я. Дербера (по делу о контрреволюции в Сибири), Евменьева (по делу Всеукраинского комитета), Д.А. Иевлева (по делу Всеукраинского комитета), И.М. Майского (по делу о контрреволюции в Самаре), Ю.Н. Подбельского (по делу о контрреволюции в Тамбове), С.Т. Тагунова (по делу о контрреволюции в Сибири), И.С. Юдина (по делу о контрреволюции в Сибири)⁴⁶.

По амнистии 26 февраля 1919 г. были прекращены дела в отношении 30 чел.: Л.В. Бермана, В.К. Белецкого, С.А. Бессонова, Борисенко, К.С. Бурового, А.И. Верховского, В.К. Вольского, В.В. Гомбарга, Н.М. Город-

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

ского, М.А. Давыдова, В.А. Давыдовой, Я.Т. Дедусенко, В.К. Дзеруля, А.Б. Ельяшевича, Б.Г. Закгейма, С.Н. Келлера, Ковалева, С.Е. Кононова, А.А. Краковецкого, В.А. Несмеянова, В.Н. Паевского, М.Я. Броуна-Ракитина, В.К. Рейснера, Д.С. Розенблюма, Н.В. Святицкого, Н.Г. Снежко-Блоцкого, М.М. Соколова, Г.П. Сотникова, А.Ю. Фейта⁴⁷.

По сравнению с первоначальным списком ГПУ обвинение было предъявлено многим новым лицам, в рамках предстоящего суда, чьи имена всплыли в ходе предварительного следствия. В то же время из списка было исключено несколько десятков видных эсеров (в том числе 18 членов ЦК ПСР). Другими словами, устроители процесса были вынуждены в угоду укрепления «законности» суда вывести на него политически менее значимые фигуры.

В то же время обвинение предъявили не только эсерам, но и нескольким видным меньшевиками, энесам и кадетам, явно преследуя политически и пропагандистски выгодную цель – связать последних воедино в их «службе» отечественной и мировой буржуазии. Совершенно понятно и решение Политбюро от 4 марта 1922 г. о возможности привлечения в качестве обвиняемых всех эсеров, в том числе бывших, ставших членами РКП(б) – «привлечение которых окажется необходимым в связи с процессом п.с.р.» (см. док. № 16-27). Насколько помогли в постановке процесса бывшие эсеры, ставшие большевиками, видно на примере бывшего секретаря МК ПСР Г.М. Ратнера (родного брата члена ЦК ПСР Евгении Ратнер), потребовавшего своего вывода на процесс (стал фактически лидером второй группы обвиняемых и неоднократно делал от их имени заявления) и утверждавшего, в частности, что ради интересов революции можно и должно свести и сестру на эшафот (ее приговорили к высшей мере наказания и оставили в «строгом заключении», а он был «оправдан по суду»). Выделение ряда дел в особое производство по «контрреволюционной» деятельности эсеров в Сибири, на Севере, в Самаре и по Всеукраинскому комитету, насколько можно понять, было сделано Коллегией Верхтриба для освобождения процесса от еще не расследованных как того требовалось сюжетов. По крайней мере, этот мотив логично вытекал из цитированного выше ультимативного письма Крыленко от 10 мая 1922 г. Но главным каналом «разгрузки» от «неудобных» обвиняемых для Коллегии Верхтриба стало их амнистирование.

Амнистии начались менее чем за две недели до назначенного на 1 июня 1922 г. срока вручения обвиняемым и их защите обвинительного заключения. 18 мая 1922 г. зав. следственным производством Верхтриба Розмирович подписала постановление, согласно которому следствие по «преступным действиям» 17 подсудимых (Б.Г. Закгейм, Н.Г. Снежко-Блоцкий, Н.В. Святицкий, П.В. Злобин, Д.С. Розенблюм, А.И. Верховский, С.Е. Кононов, Я.Т. Дедусенко, В.А. Давыдова-Липская, С.Н. Келлер, В.И. Паевский, М.М. Соколов, П.В. Поспелов, Л.В. Берман, В.А. Несмеянов, А.Ю. Фейт, А.Б. Ельяшевич, В.К. Дзеруль и В.В. Гомбарг) может быть прекращено, при согласии каждого из них подписаться под специальным текстом⁴⁸.

Юридическая основа для этого действия, хотя и весьма относительная, все же имелась – амнистия ВЦИК от 26 февраля 1919 г. Документ, имевший название «подписка», гласил: «Я, нижеподписавшийся, настоящим заявляю, что с момента принятия партией социалистов-революционеров (правых) на партийной конференции от 8 февраля 1919 г. резолюции о прекращении вооруженной борьбы с Советской Властью и опубликова-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. Л. 368.

ния Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом постановления об амнистии тем группам и отдельным лицам партии правых эсеров, которые разделяют решения и постановления указанной конференции и подписавшего соглашение с Советской Властью Комитета Членов Учредительного Собрания – я, разделяя, упомянутые постановления, действительно не принимал и не принимаю участие в какой-либо деятельности правых эс-эров или иных групп, направленной к подрыву или свержению Советской Власти или поддержке прямо или косвенно внутренней или внешней контрреволюции. Постановление о том, что настоящей амнистией не покрывается деятельность, направленная на организацию убийств отдельных представителей Советской Власти (террор) и подготовку или участие в вооруженных ограблениях (экспроприации) мне объявлено»⁴⁹. Подписка заверялась следователем Верхтриба и секретарем Следственного Отдела Верхтриба при ВЦИК с приложением последним печати отдела. Смысл подписки заключался в том, что давший ее (как стали говорить десятилетие спустя) «морально разоружался» и фактически покупал себе свободу путем унижительной процедуры (юридически совершенно лишней). Особо подчеркнем, что «подписант» не мог перехитрить чекистов и продолжать заниматься подпольной работой, т.к. она для него была уже невозможна – он лишился доверия своих товарищей. Выход из подобной изоляции был только в подаче в две инстанции (чекистам и в ЦК ПСР) заявления о дезавуировании подписки и отказе от нее или ином гласном признании своей ошибки.

Из 17 подследственных эту подписку дали все, кроме Злобина (отказался), Пospelова (по неясным причинам), Гомбарга (дело выделено из-за неявки «по независящим от него мотивам») ⁵⁰. Подписки Несмеянова, Фейта и Верховского были написаны ими собственноручно и в свободной форме ⁵¹. Фейт написал: «Со времени Октябрьской революции я не участвовал в террористических актах, направленных против представителей власти, равным образом участия в экспроприациях не принимал и на заседаниях Центрального комитета, где разбирались бы эти вопросы, не участвовал. С 18-го года от дел партии устранился» ⁵². И если ясно, почему Верховскому, который по его же словам «никогда в партии с.-р. не состоял», не дали типового текста подписки, рассчитанной на члена ПСР, то в двух других случаях можно лишь предположить, что Фейт, отошедший от партии в 1918 г., и Несмеянов, вышедший из ПСР в ноябре 1918 г. (позже стал членом МПСР), за решения конференции ПСР в феврале 1919 г. ответственности нести не могли (возможно сыграло свою роль предположение, что Фейт сочтет унижительным давать формальную подписку).

Амнистия 1919 г. создавала проблемы для осуждения за действия 1917–1918 гг. Власть могла выводить на процесс лишь тех эсеров, причастность которых к террору и экспроприации можно было доказать (или хотя бы вменить, как, например, членам ЦК). Представляется, что большевики запутались в созданной ими самими юридической коллизии. Они хотели судить партию и ее ЦК, в этом был смысл процесса, ибо расправиться с отдельными лицами власть спокойно могла и во внесудебном порядке. По большому счету, ей было все равно, кто конкретно будет сидеть на скамье подсудимых, поскольку судили партию в целом, что юридически было невозможно.

⁴⁹ Там же. Л. 370.

⁵⁰ Там же. Л. 369–373, 377–384, 395.

⁵¹ Там же. Л. 372, 373, 385.

⁵² Там же. Т. 4. Л. 372.

Как отмечалось, выход нашли в том, что в список 140 обвиняемых в феврале 1922 г. включили имена всех знаковых фигур, всех видных эсеров (без учета их конкретной причастности к террору и экспроприации), а также тех эсеров, на причастность которых к этим деяниям указали Семенов и Коноплева. Но вынужденные выделить в особое производство (или прекратить ввиду смерти обвиняемых) огромное количество дел эмигрантов или неразысканных, власти оказались в странной ситуации. Видных эсеров в их руках было немало, но сажать на скамьи подсудимых бывших членов ЦК ПСР Фейта, Ракитникова, Буревого было неразумно. Как члены ЦК ПСР они несли ответственность за деятельность ПСР в 1917–1918 гг., но только не за террор и экспроприации, за что, собственно, и можно было судить. Более того, с конца 1918–1919 гг. эти эсеры разошлись с руководством партии и по отношению к властям заняли более мягкую позицию, и судить именно их было бы со стороны большевиков политическим идиотизмом. Самое любопытное, что из арестованных членов ЦК судить можно было, пожалуй, лишь Гоца и Донского, уличенных (неважно, ложно или верно) показаниями боевиков в причастности к террору. В еще большей степени это относилось к рядовым (точнее, представителям среднего звена), которых, за редким исключением, судить было не за что. От них решили избавиться, поскольку для роли обвиняемых-«ренегатов», как и для роли обвиняемых-«непримиримых», они не годились – кто из-за своей политической позиции, а кто из-за невозможности его в чем-то конкретном обвинить. Собственно поэтому в конце мая 1922 г. в два приема список обвиняемых первой группы сократили. В высшей степени любопытно, что критерием при принятии решения – оставить или амнистировать того или иного эсера в неочевидных случаях (на Гоца, Тимофеева, Донского и еще нескольких «непримиримых» – это не распространялось) – стал ответ на вопрос о политической опасности и готовности «морально разоружиться».

Уже на самом процессе Фейт, выступавший в качестве свидетеля обвинения, заявил, что считает «свое положение свидетеля» «совершенно ненормальным», т. к. состоял членом ЦК ПСР и «работал в полной солидарности с ними (обвиняемыми «цекистами» – *Авт.*), следовательно, несу и всю ответственность, моральную и юридическую, за работу Центрального Комитета за все время, пока я там был». Фейт, отметив, что в газетах появились сведения, что он купил себе это привилегированное положение свидетеля подпиской, заявил: «Если какая-нибудь подписка есть какое-то обязательство, которое берет на себя человек, то я утверждаю, что никакой подписки я не давал. Это сообщение не соответствует действительности»⁵³. Председательствовавший на суде Г.Л. Пятаков поспешил сгладить ситуацию, заявив: «Это не имеет никакого отношения. Вы попадаете под амнистию 1919 года[,] на основании которой Судебная коллегия 20 мая с.г. Вас амнистировала. Так что Ваше положение как свидетеля нормально и законно»⁵⁴. Тем не менее Фейт был прав в обоих случаях. Во-первых, если судить не отдельных лиц, а деятельность ЦК ПСР в целом (а именно это и происходило на практике), то суду подлежали все его тогдашние члены, в т. ч. и Фейт, во-вторых, то, что написал Фейт, действительно нельзя считать подпиской.

То, что хитроумный ход с Фейтом был не результатом небрежности следователя, а спланированной акцией по выводу из состава обвиняемых «лишних» людей, доказывают последующие события. 23 мая 1922 г. на заседании Судебной коллегии Верхтриба был определен список «привле-

⁵³ Там же. Т. 23. Л. 512.

⁵⁴ Там же.

каемых по делу правых эсеров» из 39 человек. Кроме 34 чел., «выведенных» на процесс, этой участи первоначально планировали подвергнуть и еще пятерых – В.К. Белецкого, К.С. Бурего, В.К. Вольского, Н.И. Ракитникова и В.К. Рейснера⁵⁵. Любопытно, что Белецкий дал подписку еще 18 мая 1922 г., но оказался в списке. 27 мая 1922 г. Судебной коллегией Верхтриба было решено дела в отношении Вольского («как амнистированного в 1919 г.»)⁵⁶, Белецкого и Рейснера («для привлечения их по обвинению в соучастии в совершении вооруженных ограблений достаточно данных не имеется»)⁵⁷, Ракитникова и Бурего «по амнистии производством прекратить, без отобрания установленной подписки»⁵⁸. То, что Ракитникова и Бурего амнистировали без подписки, свидетельствует, конечно, не о доверии к ним, а о опасении, что они от нее откажутся и тогда хода назад для выведения их из процесса уже не будет.

Интересно, что Судебная коллегия хотела по амнистии вывести из процесса еще нескольких человек, но в связи с их отказом дать подписки этот план провалился. Первым отказался от подписки Злобин, включенный в число 17 планировавшихся «подписантов». И делал он это не из идейных, а из моральных побуждений. Еще во время одного из своих арестов в 1921 г. Злобин заявлял, что хотя давно отошел от активной работы и по складу своей натуры тяготеет к «культурнической» работе, но выходить из партии считает недопустимым с моральной точки зрения в столь тяжелое для нее время. На подписке Злобин 19 мая 1922 г. написал следующее: «Желая нести ответственность, возлагаемую не на отдельных лиц, а на Партию и ничего не имея против подтверждения своею подписью текста подписки, как соответствующего моим убеждениям и деятельности, предпочитаю предстать пред судом и получить не амнистию, а оправдание»⁵⁹. 27 мая 1922 г. от подписки отказался и Агапов, написавший на ней следующее: «От дачи всяких подписок, унижающих достоинство и честь ПСР и ее членов – отказываюсь»⁶⁰. 30 мая 1922 г. то же самое проделал Берг: «От подписки подобных документов отказываюсь»⁶¹.

В высшей степени примечательно, что амнистировать пытались даже тех лиц, против амнистии которых протестовало ГПУ. Так, начальник СО ГПУ Самсонов отправил в Верхтриб письмо, в котором сообщалось что Альтовский, Горьков-Добролюбов и Утгоф-Дерюжинский «в течение 1920 и 1921 гг. активно вели контрреволюционную работу, ввиду чего амнистия от 27 февраля 1919 г. применена к ним быть не может»⁶². На основании этих документов зав. следственным производством по делу правых эсеров Розмирович 19 мая приняла постановление о непредъявлении им текста подписки и неприменении к ним амнистии⁶³. Тем не менее, 27 мая 1922 г. всем троим такая подписка была предъявлена. Характерно, впрочем, что решения Судебной коллегии, как в других случаях, о предъявлении подписки Агапову, Бергу, Альтовскому, Горькову-Добролюбову и Утгоф-Дерюжинскому, в документах Верхтриба нет. Можно предположить, что Судебная коллегия сначала хотела получить подписки для подстраховки от возможной критики ГПУ.

⁵⁵ Там же. Т. 4. Л. 443.

⁵⁶ Там же. Л. 461.

⁵⁷ Там же. Л. 463.

⁵⁸ Там же. Л. 473.

⁵⁹ Там же. Л. 380.

⁶⁰ Там же. Л. 447.

⁶¹ Там же. Л. 477.

⁶² Там же. Л. 375.

⁶³ Там же. Л. 374.

На своей подписке Горьков-Добролюбов написал: «От выдачи подобного рода подписки я отказываюсь»⁶⁴. Альтовский был еще лаконичнее: «Никаких подписок не даю»⁶⁵. Утгоф-Дерюжинский написал: «От выдачи подписки отказываюсь»⁶⁶. Еще ранее (20 мая 1922 г.) пятеро бывших эсеров, ставших членами РКП(б), Городской, Сотников, Броун-Ракитин, Безсонов и Борисенко были амнистированы – «без отобрания у них установленной подписки»⁶⁷.

В целом же ситуация сложилась парадоксальная – в то время как Судебная коллегия Верхтриба (очевидно, опасаясь возможного провала обвинения на процессе) всячески сокращала список обвиняемых 1-й группы, ряд заключенных эсеров потребовал вывести их на процесс. 11 мая 1922 г. 12 содержащихся в Ярославской тюрьме эсеров (член ЦК ПСР М.С. Цейтлин и члены ПСР А.П. Гельфгот, А.А. Иваницкий-Василенко, В.П. Шестаков, Г. Ни-колаев, Л. Невлер, Ю.Н. Подбельский, Н. Бауэр, С. Гнедов, Г. Белимо-Пастернаков, И.М. Семенов, Я. Штерин) отправили во ВЦИК и ГПУ заявление, в котором говорилось: «Мы решительно протестуем против нашего выделения из общего процесса и считаем, что в момент публичной и гласной встречи партии трудящихся с носителями враждебной народу диктатуры, наше место среди тех, кто сидит сейчас на “скамье подсудимых” и на чью долю выпала высокая и заслуженная честь открыто защищать знамя революционного социализма против яростных нападений вырождающейся и скомпрометированной в глазах мирового пролетариата большевистской власти»⁶⁸. Стремлением разделить участь будущих «смертников» было продиктовано заявление, присланное на имя Пятакова 13 июля 1922 г. из тюремного заключения членом Центрального Бюро ПСР Г. Каценеленбогеном с просьбой о вызове того в трибунал в качестве обвиняемого, как члена ЦОБ ПСР, перенявшего дела партийного руководства после ареста последнего состава ЦК⁶⁹. Им же, на случай непринятия данного предложения, излагался вариант привлечения его в качестве свидетеля со стороны обвиняемых. На копии, сделанной с заявления Каценеленбогена в делопроизводстве СО ГПУ осталась помета, сделанная рукой руководителя отдела Самсонова: «т. Дзержинскому для сведения. Просьбу Каценельбогена следовало бы оставить без последствий»⁷⁰. Что Пятаковым и было сделано.

Впрочем, когда 23 мая 1922 г. содержащийся в Таганской тюрьме Либеров направил в Верхтриб заявление, где писал: «Будучи вполне солидарен с деятельностью ЦК ПСР за время с 1917–1922 гг. и желая разделить ответственность с привлеченными по процессу 47, – требую включения меня в означенный процесс», он был в тот же день включен в список выводимых на процесс⁷¹.

Анализируя ситуацию в целом, нельзя избавиться от ощущения хаотичности в действиях Судебной коллегии Верхтриба, запутавшейся между «политической целесообразностью» и законностью (несоблюдение последней грозило развалом процесса). В любом случае, список обвиняемых 1-й группы, за исключением нескольких знаковых фигур, имел налет случайности и конъюнктурных соображений (в том числе и политическо-

⁶⁴ Там же. Л. 448.

⁶⁵ Там же. Л. 449.

⁶⁶ Там же. Л. 450.

⁶⁷ Там же. Л. 396.

⁶⁸ Там же. Л. 430–430 об.

⁶⁹ Там же. Т. 18. Л. 455.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Л. 428–443.

го характера). Все это уже на процессе привело к очень интересной коллизии. Обвиняемые 1-й группы, отчаявшись обеспечить себя свидетелями (выбирать они могли только из уже сидящих в тюрьмах эсеров, т.к. им четко было заявлено о неизбежности будущего ареста проходящих по обвинению, но пока не разысканных), количество которых было резко ограничено, пошли на беспрецедентный шаг. Гоц от имени обвиняемых, потребовал привлечения Мерхалева, Подбельского, Иванова и Цейтлина в качестве обвиняемых (в качестве свидетелей они были трибуналом отведены). Гоц мотивировал это «несколько странное и совершенно необыкновенное в истории политических процессов заявление и просьбу» необходимостью освещения предъявленных им обвинений⁷². Крыленко, выступая в качестве обвинителя, отвел это требование, заявив, что «вероятно, не хватило бы скамьи подсудимых, поскольку все те, которые принадлежат к партии эсеров и которые не отказываются от солидарности в действиях, учиняемых этой партией, тем самым учиняют преступление, предусмотренное статьями 60, 61 Уголовного Кодекса и поэтому имеют основание на то, чтобы сидеть на скамье подсудимых»⁷³. Отвечая на упреки большевика Овсянникова об узурпации обвиняемыми «чекистами» прав Верхтриба в «привлечении к суду тех или иных лиц» и издевку о желании последних «собрать в этот зал те остатки партии эсеров, которые еще сохранились только потому, что находятся в тюрьмах и которые не имеются вне пределов этих тюрем», член ЦК ПСР Тимофеев вскрыл в своей речи промахи, а также слабости следствия и самого процесса: «Мы не имели намерения собирать сюда остатки партии социалистов-революционеров. Собираем эти остатки не мы, а Государственное политическое управление. Я хочу только указать, что мы желаем всеми возможными средствами, в нашем распоряжении находящимися, перед Верховным трибуналом в форме судебного процесса, восстановить ту истину, которая, по-нашему нарушена перспективами обвинительного акта, и самой постановкой данного процесса. Поэтому[,] совершенно не считаясь с прецедентами, а исходя из того, что гражданин обвинитель заявил, что революционное право творчества (так в документе, следует читать – правотворчество – *Авт.*) совершается именно здесь, мы предлагаем вам пойти наперекор всем буржуазным предрассудкам и привлечь к процессу и тех лиц, которых мы вызывали как свидетелей[,] и посадить на эту скамью в качестве обвиняемых. Причем чтение обвинительного акта выясняет целый ряд фактов, наличие которых не может быть в ней ни проверена, ни опровергнута без этих лиц»⁷⁴.

* * *

Анализ материалов предварительного следствия, проведенного следователями ГПУ в крайне сжатые сроки (2 марта – 21 апреля 1922 г.), оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, все указывает на то, что в отличие от многих последующих процессов 1920-х и особенно 1930-х гг., когда «преступления» придумывались в партийных и чекистских кабинетах, а сами обвиняемые либо под пытками сознавались в них, либо в попытках вымолить себе лучшую долю становились соавторами следователей, переплетая ложные и истинные факты, следствие по делу «правых эсеров» в целом выглядело иначе. Вопрос об «искусственности» обвинительного материала сложен и неоднозначен. Многие факты борь-

⁷² Там же. Т. 23. Л. 137–139.

⁷³ Там же. Л. 139.

⁷⁴ Там же. Л. 143.

бы ПСР против РКП(б), например, деятельность «Комитета спасения родины и революции» в Петрограде в конце октября 1917 г., во главе которого стояли эсеры, или образование в Самаре летом 1918 г. правительства Комуча, чья Народная армия вела боевые действия против Красной Армии, были общеизвестны. Вопрос же заключался в том, можно ли эти действия считать преступлением и судить за них. Некоторые стороны этой проблемы были верно схвачены Э. Вандервельде, который по возвращении из Москвы заявлял: «Большевики выставили против с.-р. четыре обвинения: 1. С.-р. с оружием в руках защищали Временное правительство. С.-р. признают этот факт и гордятся этим. 2. С.-р. с оружием в руках защищали Учредительное собрание. С.-р. признают это и жалеют, что им не удалось этой защиты довести до конца. 3. С.-р. вели вооруженную борьбу с советской властью. С.-р. признают, что это несомненно исторический факт. Но все три обвинения теперь падают, так как советская власть издала по этим деяниям акт об амнистии и даже легализовала партию. 4. С.-р. принимали участие в убийстве Володарского и покушении на Ленина. Но этому нет ни одного доказательства, ни одного свидетеля – кроме признаний провокаторов Семенова и Коноплевой, словам которых никто не верит»⁷⁵.

Без всяких сомнений, самым уязвимым местом для организаторов процесса стала проблема его правовой обоснованности. Попытки решения этой проблемы породили массу юридических коллизий даже в рамках следствия, не говоря уже о самом судебном слушании, и придавали всему процессу (достаточно абсурдному с юридической точки зрения) характер политической расправы.

Во-первых, перед большевиками встала задача обойти один из основных постулатов римского права, гласившего – «нет закона, нет преступления». Другими словами, все преступления, совершенные в конце 1917–1918 гг., должны были рассматриваться в рамках закона того времени. Здесь уместно отметить, что, когда после Февральской революции Временным правительством была создана Чрезвычайная следственная комиссия, объектом внимания которой стал целый ряд высших должностных лиц, правовой основой ее деятельности стали законы Российской империи, действовавшие на момент совершения преступления. Именно поэтому следствие и шло по направлению выявления «должностных преступлений», т.е. превышению своих служебных полномочий в рамках действующих законов. Этот путь большевикам был заказан уже хотя бы потому, что после захвата власти ими путем отмены всех прежних законов, выкраивания лоскутных новых, ставших системой лишь к середине 1922 г., было сознательно разрушено правовое поле. Конечно, законы времен гражданской войны были в высшей степени приспособлены для эффективной расправы с политическими врагами, но устраивать на их основе процесс, находившийся в центре мирового общественного внимания, а следовательно, расписаться в вопиющем правовом нигилизме и потерять лицо, значило не достичь целей, поставленных перед процессом над эсерами. Власть нашла достаточно простой выход из ситуации – она судила эсеров по законам, принятым уже после «совершения» инкриминируемых им преступлений.

Во-вторых, огромной проблемой стала (и остается таковой до сих пор) правомочность применения юридических норм к событиям, трансформирующим общество и запрещаемым законами любого государства (революция, государственный переворот, гражданская война). Уступая место политике, юриспруденция оказывается бессильна перед лицом общест-

⁷⁵ См.: *Голос России*. 1922. 25 июня. № 999.

венных катаклизмов. Большевики пытались решить эту проблему, встав на чисто формальную точку зрения – есть ряд действий эсеров в 1917–1918 гг. и есть положения более поздних законов, под которые эти действия подпадают. С этой позиции вооруженная борьба эсеров с большевистской властью становилась противоправной, т.к. была направлена на свержение существующей власти. Но, выводя за рамки обсуждения вопросы о законности существования самой большевистской власти и методах ее борьбы с оппонентами, большевики, используя двойной стандарт и прикрываясь шумной демагогией, занимались своего рода политическим шулерством.

Многое из аргументов и логики действий большевистской власти, снимавшей с себя ответственность за развязывание и эскалацию гражданской войны и перекладывавшей ее на своих противников, в последующие годы оформилось в аксиомы, часть из которых бытует и сегодня. Однако во многих случаях за эсерами стояли не только логика и здравый смысл, но и закон. Обвиняя эсеров в оказании вооруженного сопротивления большевикам в Петрограде и Москве в октябре 1917 г. и развязывании гражданской войны, большевики обходили достаточно очевидный вопрос, что уже сам их курс с апреля 1917 г. на силовой захват власти, в условиях демократического волеизъявления народа, незаконен и недостойн партии, имеющей в своем названии слово «демократическая». Захват власти (кем бы то ни было) накануне выборов в Учредительное собрание, первых действительно свободных и равных выборов, которые и должны были дать настоящую легитимность будущему правительству, совершенно неизбежно вел к недовольству и противодействию большинства политических партий и отчасти со стороны различных слоев общества, и как результату – эскалации гражданской войны. Аргумент большевиков, что гражданскую войну развязал мятеж Корнилова, лишь подтверждает этот вывод. Двойной стандарт большевиков заключался в том, что предотвращение ими (совместно с другими социалистами) захвата власти Корниловым считалось благом, а попытки предотвращения захвата власти большевиками – преступлением, ведущим к развязыванию гражданской войны.

Двойной стандарт ярко проявился в оценке как недопустимой защиты эсерами легитимно избранного Учредительного собрания (им вменялись в вину не только стремление поднять на защиту Учредительного собрания часть войск Петроградского гарнизона, но и организация мирной демонстрации). В случае с Учредительным собранием за эсерами было многомиллионное волеизъявление народа, а также моральное и юридическое право защищать и сам народ. Большевики отдавали себе отчет, что в зале суда будут выглядеть весьма бледно в полемике не только по этим двум пунктам своего «обвинения» эсеров, которые немедленно сделают настоящими обвиняемыми именно большевиков (оперируя аргументами, которые сложно отразить лишь демагогией «двойного стандарта»), но и по всем другим пунктам (крестьянские восстания, Кронштадтский мятеж и т. д.). Именно поэтому обвинения Семенова оказались столь ценны для большевиков. Ведь обвинения в связях с союзниками и получении от них денег, в совершении покушений на видных большевиков, от которых ЦК ПСР отказывалось, в проведении ряда экспроприаций, часть из которых была типичным грабежом, подрыве воинских и санитарных поездов и т. п. били эсеров по самому уязвимому месту, разрушая их образ борцов за идею и превращая (не без помощи умелой пропаганды) в агентов мировой буржуазии, получающих жалованье за свою подрывную деятельность против советских трудящихся.

Все это определило выбор стратегии организации следствия, перед началом которого и была опубликована брошюра Семенова. Все первые аресты и допросы базировались на именах и фактах, названных Семеновым и Коноплевой (только Семенов в своей брошюре, по подсчетам В. Войтинского, назвал 93 фамилии, а это давало весьма богатый выбор) и лишь позже появились новые фамилии, когда маховик следствия раскрутился вовсю и стал затягивать (благодаря ряду «откровенных» показаний) все новых и новых лиц, многим из которых предъявили обвинение. В рамках предварительного следствия (где был отработан и весьма немалый массив эсеровских партийных документов) расследовалась по большей части совершенно реальная деятельность эсеров, пытавшихся свергнуть большевистскую власть. Задача следователей заключалась, как правило, не в выдумывании фактов, а лишь в их отборе и нужной трактовке. В этом плане примечательно, что, например, стенограммы эсеровских конференций и съездов испещрены карандашными пометками видных чекистов, которые из полудюжины противоречивых мнений и позиций выбирали лишь самые крайние, антибольшевистские, игнорируя тот факт, что большинством голосов принимались куда более умеренные резолюции. Мошенничество и гениальность подобного приема очевидны: с одной стороны, инкриминируемые слова, действительно, произносились, с другой – они приписывались всем присутствующим. Проводя обратную аналогию, можно сказать, что это все равно, что процитировать речи Зиновьева и Каменева, выступающих против захвата власти большевиками 25 октября 1917 г., и скромно умолчать о позиции на расширенном заседании ЦК РСДРП(б) 16 октября 1917 г. Ленина, Троцкого, Сталина, Дзержинского и др., сформировав у слушателя убеждение об отрицательном отношении всего большевистского руководства к планам захвата власти.

Вообще настроение и желание обвинить за слова и действия, скажем, Авксентьева, несогласных с ним Гоца и Тимофеева (т.е. все-таки «судить не лиц, а партию») оказались так велики, что легли в основу и следствия и ведения процесса. Евгения Ратнер в своей защитительной речи весьма саркастически замечала: «В этом необыкновенном процессе, в котором мы являемся одной из сторон, нам вменяются в вину не только те или другие действия тех или других наших членов, [...] и не только те или другие политические выступления, те или другие политические акции, политические позиции нашей партии, [...] нам вменяется в вину все наше мировоззрение, весь наш символ веры, вся программа нашей партии от первых до последних пунктов.

И с широким размахом, свойственным вообще коммунистической партии во всем ее творчестве, здесь процесс поставлен в самые широкие рамки, как в отношении пространства, так и в отношении времени. Вся Европа, все те уголки, где нашли хотя бы одного социалиста-революционера, так или иначе выразившего свою позицию, так или иначе действовавшего, все это здесь взваливается на нашу ответственность, за все это нам здесь приходится отвечать. Я думаю, что если бы было 2–3 социалиста-революционера на Сандвичевых островах, то их действия были бы поставлены здесь в вину сидевшему в тюрьме центральному комитету нашей партии. Совершенно то же самое сделал с нашей партией гражданин Луначарский и по времени. Если не до 7, то до 3 колена в прошлом в критике нашей партии он дошел. Он начал с народовольцев и народников. Они также виноваты в том, в чем и мы, они также соучастники наших преступлений, но, правда, они заслуживают снисхождения, заслу-

живают снисхождения потому, что пролетариата еще не было, классовые силы еще не определились»⁷⁶.

Впрочем, так широко размахнулись обвинители уже на процессе, а на предварительном следствии они еще действовали в более узких временных рамках.

Как уже отмечалось, большинство фактов, которые вменялись в вину эсерам, было не вымышленным, а просто крайне тенденциозно интерпретированным. Вместе с тем, некоторые из них, представлявшие собой «изюминку» большевистского обвинения, по-видимому, были не просто тенденциозно изложены, но и прямо сфальсифицированы.

В ряде случаев реальные факты так переплетались с фальсификацией, что различить их сегодня крайне сложно. Так, например, существование боевой группы Семенова и совершенные ею покушения и экспроприации – реальный факт, а вот утверждение самого Семенова, а затем и большевиков, что эта группа действовала по приказу и под контролем ЦК ПСР, – явная фальсификация. Впрочем, похоже, можно обсуждать и версию о том, как один или два члена ЦК действовали как авантюристы за спиной ЦК ПСР и версию о существовании БО, но без террористических функций (см. показания Н.Н. Иванова), и версию о санкции, данной Д.Д. Донским Ф. Каплан на покушение на В.И. Ленина в индивидуальном, а не партийном порядке (подробнее см. комм. 20 к делу 16).

Много тенденциозности и, вероятно, прямых фальсификаций внесено в освещение вопросов о связях с союзниками и об их финансовой помощи. (По крайней мере член ЦК ПСР Тимофеев на заседании Трибунала 29 июня 1922 г. признал сам факт своей встречи с социалистами Дюма и Эрлишем, которые прибыли в Россию по поручению своей партии. Эсеры пошли на эти встречи, чтобы дать западным социалистам точное представление о позиции ПСР в происходящих событиях. Дюма и Эрлишу были переданы некоторые воззвания ЦК ПСР с просьбой довести их до сведения трудящихся Запада. Какое положение Дюма и Эрлиш занимали во французской миссии, Тимофеев, по его словам, не интересовался и не знает).

Факты подтасовок и прямой лжи со стороны многих свидетелей обвинения и обвиняемых 2-й группы (все они прошли через предварительное следствие ГПУ и Верхтриба), вскрывшихся на процессе благодаря вопросам обвиняемых 1-й группы и их защиты, позволяют говорить о том, что фальсификация и тенденциозность на следствии или своего рода «программирование» ряда свидетелей и обвиняемых (покупавших себе свободу), применялись все-таки достаточно широко.

В целом анализ материалов следствия ГПУ рисует следующую картину. 2 марта 1922 г. первым был допрошен член ЦК ПСР А.Р. Гоц, который от показаний отказался без каких-либо объяснений⁷⁷. 4 марта Агранов допросил Семенова по частному вопросу – «об участии Федорова-Козлова в террористической работе партии с.-р.», и в этот же день подверг допросу самого Ф.Ф. Федорова-Козлова⁷⁸. Последний опроверг лишь один факт из показаний Семенова – о времени своего вступления в боевую дружину Невско-Заставского района Петроградской организации ПСР (не конец 1917 г., а начало 1918 г.), но признал все остальное: участие по поручению Семенова в слежке за Володарским, факт убийства Володарского членом их боевой группы Сергеевым, участие в качестве

⁷⁶ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 202.

⁷⁷ Там же. Т. 2. Л. 179.

⁷⁸ Там же. Л. 63, 92–92 об.

члена Центрального летучего боевого отряда ПСР в двух экспроприациях, а также в слежке (вместе с Ф. Каплан и Л. Коноплевой) за Лениным. Признал он и то, что вместе с Коноплевой и Каплан входил в число исполнителей теракта на Ленина и в день покушения был дежурным в одном из районов, где должен был сам узнать, «на каком митинге выступает Ленин[,] и явиться туда для совершения покушения». Интерес представляет заявление Федорова-Козлова, что пули, предназначавшиеся для Ленина, были отравлены Семеновым⁷⁹, о чем тот умолчал и в своей брошюре и на допросе 4 марта 1922 г. (этот факт позже подтвердили и другие боевики). Сам Федоров-Козлов осенью 1918 г. уехал в деревню, активной работы не вел, но из партии не вышел; арестован был после выхода в свет брошюры Семенова⁸⁰.

Любопытно, что некоторые бывшие эсеры обставляли свою роль разоблачителей бывших сопартийцев различными условиями, настоять на которых им, впрочем, как правило, не удавалось. Так, Дашевский в заявлении от 9 марта 1922 г. на имя Агранова писал, что не считает нужным «скрывать что-либо из своей прежней деятельности», полагая при этом невозможным для себя «по соображениям революционной этики и личной морали делать какие-либо персональные указания» на тех лиц, с которыми он сталкивался в процессе своей предыдущей партийной работе⁸¹. Впрочем, уже 11 марта 1922 г. Дашевский изменил свою позицию, сославшись на отрицание Черновым в заграничной прессе правдивости разоблачений Семенова и Коноплевой (по его мнению, это являлось нарушением Черновым и др. видными эсерами «элементарных требований революционной и просто человеческой морали по отношению к рядовым бойцам, действовавшим по их директивам»), и заявил, что будет «делать персональные указания в тех случаях, где это будет безусловно необходимо для точного установления наиболее важных фактов и событий», но воздержится «от подобных указаний в отношении многочисленных рядовых деятелей партии»⁸².

Интересна мотивация тех боевиков, которые, будучи арестованными сразу же после выхода в свет брошюры Семенова, оказались перед выбором: или дать «откровенные» показания и тем самым обеспечить себе минимальное наказание, либо быть зачисленными в группу «нераскаявшихся», которой грозила смертная казнь. Вынужденное ренегатство части боевиков делало их объяснения путанными. Например, рабочий-боевик Федоров-Козлов на допросе 4 марта 1918 г. говорил: «С 1918 года (с конца этого года) я никакого участия в работе партии с.-р. не принимал, т.к. глубоко разочаровался в тактике и методах борьбы этой партии. Заявляю, что[,] если бы я знал в 1918 году о сношениях ЦК партии с.-р. с французской военной миссией и монархическими организациями[,] я не согласился бы на участие в тех делах, в которых участие принимал: у меня тогда и в начале 1918 года были большие колебания, допустимы ли террористические методы борьбы с Советской властью, т.к. это все-таки рабочая власть, хотя я не стоял на платформе этой власти»⁸³. «Я стою, – продолжал Федоров-Козлов, – как рабочий-крестьянин на защите интересов рабочего класса и крестьянства, но применение нашей партией социалистов-революционеров методов убийства советских вождей и экспроприаций считаю глубоко ошибочным [и] губительными для революции и поэто-

⁷⁹ Там же. Т. 2. Л. 63, 92–92 об.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Т. 2. Л. 149.

⁸² Там же. Л. 150.

⁸³ Там же. Л. 92.

му совершенно недопустимыми. Задачей рабочих в настоящее время является не борьба с Советской властью, а общая работа по восстановлению разрушенного хозяйства»⁸⁴.

Пелевин, член ПСР с 1905 г., будучи матросом восставшего крейсера «Память Азова», был приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторги, с которой он вышел весной 1917 г. Дав на допросе 7 марта 1922 года «откровенные» показания, Пелевин в конце допроса заявлял: «С 1919 года у меня начался перелом, идейной и активной работы я не нес, хотя из партии я не вышел»⁸⁵.

Ефимов, бывший студент Петербургского Технологического института, состоял в партии с 1904 г., в 1906 г. за участие в Кронштадтском восстании был арестован и приговорен к восьми годам каторги, с которой вышел на поселение в 1913 г. До своего ареста 27 февраля 1922 г. в Петрограде Ефимов арестовывался дважды – 2 ноября 1920 г. (за принадлежность к ПСР) и 13 июля 1921 г. (агитация против Советской власти), но оба раза был освобожден (во втором случае за недоказанностью обвинения)⁸⁶. Допрошенный Петроградской губчека 4 марта 1922 г. Ефимов признал свою работу в Военной организации, но ни словом не обмолвился ни о своем знакомстве с Коноплевой, ни об их совместной поездке ранней весной 1918 г. в Москву для организации террористического акта на Ленина⁸⁷. Дав 11 марта «откровенные» показания Агранову, Ефимов не назвал никаких мотивов изменения своих прежних показаний на следствии⁸⁸.

Кононов был арестован 4 марта 1922 г. и уже 6 марта допрошен в Петроградской губчека, где дал краткие показания о деятельности питерских боевых дружин зимой – весной 1918 г.⁸⁹ Сравнительный анализ «петроградского» и «московского» (14 марта 1922 г.), проведенного уже Аграновым, допросов, показывают существенную разницу. И хотя определенных выводов сделать нельзя, обращают на себя не только серьезные стилистические несовпадения первого (собственноручного) и второго (записанного Аграновым), но и смысловая разница обоих допросов. Так, во время своего первого допроса в Петрограде Кононов отметил: «Я в одно время сказал, мы дружину создаем не для террора, а для передовой единицы, что ты будешь делать, если нужен будет террор[,] меня спросили. Я ответил. Я не буду руководителем. Помню такой случай. Я и Каплан клеймили тех, кто стреляли в руководителей Советской власти, и пришли к тому, что это стрельба черносотенцев и кто стрелял, для меня было неизвестно»⁹⁰. А уже 14 марта он заявил: «Из бесед с членами Военной комиссии и членами ЦК партии я знал, что боевая дружина будет заниматься старым делом, которым боевые дружины занимались во времена царизма – а именно террористическими актами. За несколько дней до отъезда Советского правительства из Петрограда в Москву (может быть[,] это было дня за 2) я, заходя в помещение «За народ», где помещалось ЦК, ПК и Военная комиссия, я сказал кому-то из членов Военной комиссии, кажется, Лепперу (при этом было еще 2–3 человека), что хорошо было бы не выпустить из Петрограда Советское правительство пу-

⁸⁴ Там же. Л. 92 об.

⁸⁵ Там же. Л. 94 об.–95.

⁸⁶ Там же. Т. 5. Л. 123–125.

⁸⁷ Там же. Л. 127, 127 об.

⁸⁸ Там же. Л. 97–101.

⁸⁹ Там же. Л. 129–131 об.

⁹⁰ Там же. Л. 131 об.

тем повреждения или взрыва железной дороги. Леппер ответил мне следующее: “Это мы сами знаем”.

Прапорщика Тягунова С.Р. (вероятно, имеется в виду с.-р. – *Авт.*), бывшего весьма правым, я встречал в квартирах нашей военной организации. Однажды, когда я встретил его весной 1918 года на Николаевской улице в Питере недалеко от его квартиры, он пригласил меня к себе на квартиру, где находились еще несколько человек. Тягунов тогда рассказал о том, что ими произведено в январе месяце покушение на Ленина, при проезде последнего на машине. По автомобилю Ленина был сделан выстрел из винтовки. Выстрел был сделан в шины автомобиля с целью остановить автомобиль и сделать покушение на убийство Ленина. Сообщение Тягунова произвело на меня неприятное впечатление, так как я считал, что подобный поступок мог быть совершен белогвардейцами и монархистами. Тягунов мне сказал, что это покушение совершено военной организацией партии с.р. Тягунов мне даже называл имена участников покушения, которые в момент покушения были на улице в виде патруля. Имена этих участников я сейчас припомнить не могу... Я в те дни был чем[-]то сильно занят и поэтому никому, насколько помню, об этом разговоре не сказал»⁹¹.

Возможно, эти расхождения в показаниях Кононова есть результат лжи на первом допросе, а возможно и результат давления Агранова. По крайней мере очень странно выглядит заявление Кононова об умолчании своего разговора с Тягуновым по причине «сильной занятости» и неспособность назвать ни единой фамилии участников разговора на квартире Тягунова, о котором только и известно, что он был «высокого роста, тонкий».

Для понимания механизмов и способов фальсификации деятельности эсеров предварительным следствием особенно важны, на наш взгляд, протоколы допросов бывшего секретаря Московского комитета партии эсеров (конец 1917 – начало 1918 г.) Ратнера, вступившего в августе 1919 г. добровольцем в Красную Армию. Сравнительный анализ протоколов первого (достаточно обширного) от 11 марта 1922 г. и дополнительных трех допросов от 13 марта, от 18 марта (протоколы в следственных материалах отсутствуют), 21 и 22 марта, двух протоколов от 2 апреля и от 6 апреля показывает, что расплывчатые показания на первом допросе были дополнены на последующих допросах такой конкретикой, которая в ряде случаев прямо противоречила содержанию допроса от 11 марта 1922 г.⁹² С большой уверенностью можно говорить о фальсификационном характере «дополнительных» показаний Ратнера (впрочем, как и всех других обвиняемых 2-й группы). Иными словами, следствие и суд пытались подтвердить заявление Семенова и Коноплевой сведениями, что их боевая группа действовала с санкции и под контролем ЦК ПСР, в то время как члены ЦК считали и саму эту группу и ее деятельность полной самостоятельностью Семенова, убеждавшего рядовых боевиков в том, что их группа официально контролируется ЦК ПСР. Так, Г.М. Ратнер на допросе 11 марта 1922 г. заявлял: «Московский комитет ПСР в тот период отрицал боевую работу и вооруженную борьбу с Советской властью и устремил всю свою энергию на завоевание политического влияния среди Московского пролетариата и гарнизона. О применяемом партией терроре могу указать только на один факт. Во время убийства Володарского я находился в Бутырской тюрьме по делу Рабочей конференции и об убийстве узнал из газет. Сидевшие в тюрьме, наиболее ответственные работники,

⁹¹ Там же. Т. 2. Л. 111–112.

⁹² Там же. Л. 135–148.

узнали от родных на свидании в чрезвычайно конспиративной и неопределенной форме, что убийство Володарского связано с партией. Лично мне на свидании член ЦК Евгения Ратнер, на вопрос мой об участии партии в убийстве Володарского, ответила кратко: «наши». Только по выходе из тюрьмы я узнал определенно от Артемьева, что ЦК дал предварительную санкцию на убийство Володарского. О своей личной позиции должен указать, что относясь до убийства Володарского к террору резко отрицательно, после самого факта убийства, отчасти под влиянием старых товарищей по партии, авторитет которых для меня стоял исключительно высоко, отчасти ввиду моего резко отрицательного отношения к личности Володарского, я на разрыв с партией, на основании одного этого факта не решился»⁹³. По свидетельству Г.М. Ратнера на допросе 11 марта 1922 г., он знал только об одном факте экспроприации, сообщенном ему после VIII Совета партии (май 1918 г.) Евгенией Ратнер, которая «сообщила об усилении партийной кассы, в связи с удачной операцией боевой группы, проведенной где-то в Костромской губ. в размере 1-го миллиона». Далее он заявлял: «Никаких иных данных о произведенных ПСР экспроприациях я не имею. Для меня лично вопрос об экспроприациях стоял исключительно в такой плоскости: поскольку никаких иных источников средств партия не имеет [и] принуждена выбирать между денежной помощью со стороны союзников и экспроприациями, я[,] категорически отвергая какую бы то ни было связь с союзниками, примирялся с экспроприациями, тем более, что по словам всех без исключения членов правительства, от которых я имел отзывы о работе боевой группы, произведшей экспроприацию, моральная чистота и революционная честность этой группы были абсолютно безупречны»⁹⁴. На допросе 11 марта 1922 г. Г.М. Ратнер сказал: «По вопросу о покушении на Ленина, как это ни стыдно и ни странно для столь ответственного работника партии, каким я был в то время, я должен признать, что в течение всего времени до опубликования материалов Семенова и Коноплевой, я абсолютно верил, что выстрел в Ленина был индивидуальным актом озлобленной фанатички, притом актом, определенно запрещенным ЦК. Такое разъяснение в совершенно категорической форме дали мне после выстрела в Ленина Донской, Артемьев, Злобин, Морозов, которые настолько близко стояли к работе ЦК, что не могли не знать истинного положения вещей. Не только я, но и огромное количество ответственных партийных работников в эту версию вполне верили и если бы не абсолютное доверие к Семенову и Коноплевой и к точности их данных, то этот вопрос и сейчас оставался бы для меня спорным»⁹⁵.

Примечательны дополнительные показания Г.М. Ратнера от 13 марта 1922 г. о группе Семенова (на допросе 11 марта он даже не упоминал о ней, хотя рассказывал даже о слухах и разговорах, имевших хоть какое-то отношение к террору): «О работе боевой организации Семенова, как специальном боевом органе при ЦК ПСР, я знаю косвенным образом через Чернова, Донского, Тимофеева, Евгению Ратнер, причем все они отзывались о Семенове и о работавших с Семеновым боевиках, с исключительной теплотой и доверием, неоднократно восторгаясь храбростью и самоотверженностью входящих в состав его организации боевиков и высоко ставя личную и моральную чистоту Семенова. Неоднократно отрывочные сведения о работе Семенова я имел от рядовых членов партии, так или иначе сталкивавшихся и связанных с работой боевой организации. От

⁹³ Там же. Л. 135–136.

⁹⁴ Там же. Л. 135 об.–136.

⁹⁵ Там же. Л. 136–136 об.

всех без исключения я имел прекрасные отзывы, доходящие до благоговения перед “Григорием Ивановичем”. С отдельными членами боевой организации я сталкивался лишь в общепартийной работе и о боевой работе их никаких сведений от них самих не имел. Несмотря на мое резко отрицательное отношение к существу работы организации Семенова, у меня создалось твердое и ничем не поколебимое убеждение в исключительной честности и мужестве, как Семенова, так и его товарищей. Считаю необходимым добавить, что в боевых организациях, как при самодержавии, так и в борьбе с Советской властью, концентрировались наилучшие, наиболее чистые и героические элементы в партии и как бы вредна не была их работа, морально все они бесконечно чище, чем центральные работники партии и политические лидеры партии эсеров»⁹⁶. Представляется, что дополнительные показания Ратнера были более или менее откровенной ложью. Не упомянув ни слова о группе Семенова на первом допросе, на втором он именуется «специальным боевым органом при ЦК ПСР». Его ссылки на получение информации от Чернова выглядят странно по двум причинам: во-первых, по его же собственным словам у него самого в партии довольно быстро сложилась репутация «полубольшевика»; во-вторых, Ратнер примерно в мае–июне 1918 г. уехал на Юг (Чернов – в Поволжье) и вернулся в Москву в ноябре 1918 г., где сразу же выступил на Московской городской конференции ПСР «против линии ЦК ПСР, настаивая на соглашениях с коммунистической партией» (в августе 1919 г. вышел из ПСР и вступил добровольцем в Красную Армию). Поверить в то, что в этой ситуации Чернов стал сообщать Ратнеру столь взрывоопасную и, мягко говоря, деликатную информацию, – весьма сложно.

В своих дополнительных показаниях от 18 марта 1922 г. Ратнер «вспомнил» разговор с Донским в августе 1918 г. перед своим отъездом на Юг: «Я задал вопрос о принципиальном отношении партии к террору и получил ответ, “что принципиально террор по отношению к большевикам, конечно, приемлем и что это вопрос тактики в каждый конкретный момент[?]”. На вопрос, можно ли это понимать, как директиву местным организациям, он рекомендовал в этом вопросе соблюдать абсолютную конспирацию. На вопрос, было ли убийство Володарского партийным актом, он улыбнулся неопределенно, с конспиративным жестом ответил туманными словами, но положительно, приблизительно, следующее: “Было дело”»⁹⁷. Различия в показаниях от 11 и 18 марта бросаются в глаза: 11 марта в качестве источника получения информации о причастности эсеров к убийству Володарского он указывал Е.М. Ратнер и Артемьева, а вовсе не Донского⁹⁸. Напрашивается вывод о стремлении следователей ГПУ упрочить связь Д.Д. Донского с террором, о чем до этого говорили только Семенов и Коноплева. На дополнительном допросе от 22 марта 1922 г. Ратнер «вспомнил», что «во главе Московской боевой организации в различные моменты конца 1917 г. и начала 18 г. стояли: Давыдов М.А., Несмеянов В.А., Агапов В.В., Фейт А.Ю., Дашевский И.С., Павлов В.С.»⁹⁹. А на первом допросе он говорил об отрицательном отношении Московского комитета ПСР к боевой работе, и знал «только один факт, иллюстрирующий боевую работу ПСР» в конце 1917 – начале 1918 г. – организация в январе–феврале 1918 г. в Москве по инициативе Бюро эсеровской фракции в Учредительном Собрании Военной комиссии, которая вскоре «рассыпалась». Никакой террористической деятельностью она не занималась, если

⁹⁶ Там же. Л. 141.

⁹⁷ Там же. Л. 145.

⁹⁸ Там же. Л. 136.

⁹⁹ Там же. Л. 146.

не считать обсуждения вопроса об экспроприации денег при провозе их с вокзала в Народный банк¹⁰⁰.

Наконец, венчает всю серию показаний Ратнера приобщенное к делу по его просьбе (как дополнение к показаниям) его заявление на имя Агранова (дата 6 апреля проставлена карандашом, очевидно, Аграновым). В нем говорится: «В дополнение к нашим переговорам сообщаю, что все даваемые мною показания и все сведения, которые я даю органам Советской власти ни в коем случае не являются секретными и[,] поскольку позволяют интересы следствия, могут быть разглашаемы в любых кругах. Давая эти показания, я исполняю долг революционера и коммуниста и отношение ко мне обывательских и контрреволюционных кругов играть роли не может»¹⁰¹. В высшей степени примечателен и существенен уже сам факт подобных отношений и переговоров.

Обращает на себя внимание и один из эпизодов допросов Ефимова. В показаниях 11 марта 1922 г. Агранову Ефимов заявил: «В террористических актах на Володарского и Ленина я участия не принимал, так же как не принимал участия в убийстве Урицкого, но я знал, что убийство Володарского и покушение на Ленина были совершены боевым отрядом. От кого я это узнал конкретно, сейчас припомнить не могу»¹⁰². Допрошенный 6 мая 1922 г. в Следственном отделе Верхтриба ВЦИК Ефимов вдруг «припомнил», что «в марте 1922 года, будучи арестован в Петрограде и препровождаемый в Москву в ГПУ, я имел разговор с Усовым, который ехал со мной и еще с пятью товарищами, и тогда Усов сказал, что убийство Володарского совершено боевым отрядом, о действиях которого знал ЦК»¹⁰³. Поверить в то, что 11 марта 1922 г. Ефимов на допросе у Агранова забыл о только что состоявшемся разговоре, невозможно. О причинах его лжи можно только гадать. Быть может, он не хотел называть имени Усова из этических соображений. Но возможно, это умолчание было оговорено с Аграновым, чтобы не снижать ценность признания Ефимова как самостоятельного источника сведений о причастности эсеров к покушениям на Володарского и Ленина, ссылкой на ренегата Усова. Кроме того, вызывает удивление признание Ефимова в том, что он испытывал «сомнение по вопросу об искренности» заявления ЦК ПСР о причастности к убийству Володарского, но «ни с кем об этом не говорил»¹⁰⁴. Зная нравы и нормы поведения, принятые в эсеровской среде, можно сказать, что это «умолчание» говорит вовсе не в пользу Ефимова.

Весьма любопытны логика и аргументы Усова, высказанные Рейснеру (переданные последним следователю): «Отправляясь на одну из экспроприаций, он зашел к Белецкому, сообщил ему о предстоящем действии и оставил ему, Белецкому, свой партбилет, говоря, что если он, Усов, провалится, то билет не должен быть у него найден»¹⁰⁵. Этим фактом Усов иллюстрирует то обстоятельство, что Белецкий был осведомлен о боевой и террористической деятельности ЦБО, об экспроприациях и знал, что все это делается с санкции ЦК ПСР. По заявлению Усова (если верить в его правдивость), сделанному им в тюрьме при свидании с Рейснером, Гоц проводил «среди арестованных эсеров линию, чтобы они отказались на суде от своих показаний и заявили, что на все действия, совершенные

¹⁰⁰ Там же. Л. 135–135 об.

¹⁰¹ Там же. Л. 148.

¹⁰² Там же. Л. 98.

¹⁰³ Там же. Т. 4. Л. 97.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

боевиками, никакой санкции ЦК не давалось и что все эти акты проводились боевиками самостоятельно»¹⁰⁶.

То, что на предварительном следствии имела место фальсификация фактов, на процессе выявилось достаточно четко. Например, Снежко-Блоцкий на одном из заседаний дал показания, не совпавшие с его показаниями на допросе предварительного следствия. По словам свидетеля, его допрашивали с часа ночи до шести часов утра, и он, будучи болен и разбит, не имел сил вступить в пререкания со следователем по поводу неправильной записи своих показаний.

Заслуживает внимания также определение, вынесенное Верхтрибом 21 июня 1922 г. В нем обращалось внимание на «явную неправильность в деле допроса свидетеля Верховского следователем Аграновым». Последний от имени коллегии ГПУ и ЦК РКП(б) заявил Верховскому, что показания отбираются в целях исторического выяснения роли ПСР, а не привлечения эсеров к ответственности. После этого заявления Верховского на суде ГПУ и ЦК РКП(б) прислали в Верхтриб письма с опровержением возможности такой ссылки, т. к. подобного решения ни те, ни другие не выносили. Впрочем, определение вынесли не только в отношении Агранова, но и в отношении бывшего генерала Верховского, считавшего «своим правом давать или не давать соответственным органам Рабоче-Крестьянской Республики сведения о ее врагах». Позицию Верховского Верхтриб посчитал совершенно нетерпимой – генерал «является активным и ответственным работником Красной Армии и, следовательно, Трудовая Республика вправе требовать от него наивысшего проявления бдительности и непримиримости по отношению ко всем врагам Рабоче-Крестьянской России».

Вышеприведенные примеры вскрывают лишь часть чекистских приемов, нацеленных на изменение первоначальных показаний в ходе дополнительных допросов. Менее же заметные, но тем не менее очевидные огрехи следствия и масса фальсификаций вскрылись уже на процессе. Масштабы их значительны: на протяжении процесса подсудимые первой группы и их защитники уличали во лжи и неточностях подсудимых второй группы и свидетелей обвинения многие десятки раз. Только после всех этих многочисленных разоблачений и уличений становится ясно, в какой страшной спешке проводилось следствие, до чего грубо подтасовывались многие факты. Представляется, что только после этого процесса для большевистских и чекистских верхов стала очевидной их ошибка – нельзя было готовить сложнейший и огромный по объемам следственного материала процесс в полтора месяца и силами фактически одного Агранова (почти все допросы проводил он).

В условиях такой спешки, огромных объемов материала и напряженной работы, а также недостаточного профессионализма следователей огрехи приобрели широкий размах. Что говорить об Агранове, который захлебнулся во многих-многих десятках допросов (было много дополнительных допросов) и, очевидно, просто не мог «переварить» весь объем информации, если сам председатель Верхтриба и государственный обвинитель на процессе Крыленко допускал порой анекдотические ляпы. Так, во время чтения обвинительного акта Крыленко заявил, что убийство Урицкого было совершено эсером Канегиссером, что вызвало всеобщее недоумение, т.к. тот был энесом, и даже Семенов с Коноплевой (якобы хотевшие убить Урицкого) категорически отрицали его причастность к эсерам. Причины такого странного обвинения Крыленко становятся ясны из защитительной речи Гендельмана. Дело в том, что в тексте обвини-

¹⁰⁶ Там же. Л. 7.

тельного акта машинистка сделала опечатку: посчитав, что в фамилии Канегиссер сделана ошибка, она «исправила» ее, напечатав «Канеги эсер», а в результате получилось, что Урицкого убил Канеги эсер, а не Канегиссер. Очевидно, Крыленко, не вычитавший предварительно текст обвинения, машинально все это и воспроизвел¹⁰⁷.

Выявление всякого рода лжесвидетельств и ляпов стало «узкой специализацией» Гендельмана, единственного юриста из подсудимых первой группы, взявшего после ухода иностранных и русских адвокатов функции защиты на себя. Уличал во лжи Гендельман весьма умело и с большим сарказмом, который усилился, когда Коноплева и ряд боевиков стали «вспоминать» много нового уже в разгар процесса. Так, он восклицал: «Затем тоже только здесь гражданка Коноплева еще вспомнила один момент, у нее память освежается по мере удаления от дела и по мере продвижения процесса...»¹⁰⁸ Не менее ехидно Гендельман вопрошал подсудимого второй группы Усова (заявившего еще на предварительном следствии, что был на конспиративной явке в книжном магазине «Революционная Мысль», где член ЦК ПСР Донской в присутствии Усова, Семенова, Коноплевой и Иванова дал санкцию на убийство Ленина и Троцкого), сказавшего, что встреча произошла до отъезда Донского на Волгу, но отказывавшегося назвать более точное время этого свидания (многих уже поймали на неточностях): «[...] гр. Усов, я не буду допытываться, в какой месяц, в какой день, но скажите, по крайней мере, грубо, в какое время года»¹⁰⁹.

Показание Усова приобретало очень большое значение, т.к. до этого о санкциях ЦК ПСР, Донского, Гоца сообщали только Семенов и Коноплева. На помощь Усову пришел Семенов, «вспомнивший», что эта встреча была в августе, хотя сам Семенов об этой встрече ни в брошюре, ни на предварительном следствии ГПУ, ни на следствии Верхтриба даже не упоминал (явный брак в работе Агранова и следователей Верхтриба). В ходе разбирательства выяснилось, что Донской уехал из Москвы не позже 14 июня (что подтверждено было даже почтовыми открытками), а приехал не ранее 20 августа. Также было выяснено, что сам Семенов приехал в Москву в июле, а потому не мог принимать участие во встрече до отъезда Донского на Волгу. Заявление Семенова, что встреча состоялась в августе, корректировало показание Усова (Усов поменял июнь на август) и, казалось бы, исправляло ситуацию. Но тут обвиняемые первой группы заявили, что после восстания левых эсеров большевики разгромили заодно и эсеровские книжные магазины, в том числе и магазин «Революционная Мысль», помещение которого на Никитской улице было к тому же опечатано. Они потребовали вызвать в суд свидетелей, а трибунал пообещал запросить справку в ГПУ, и в этой справке, действительно, было подтверждено, что в июле 1918 г. после обыска и выемки магазин был опечатан (то, что архивные работники ГПУ дали правдивую справку говорит, конечно, не об их щепетильности, а о полной несогласованности действий и разгильдяйстве руководства ГПУ, не «отследившего» этот вопрос). На ехидный вопрос Гендельмана, как Усову удалось встречаться с Донским в опечатанном магазине, обвиняемые второй группы прямо со своих скамей стали говорить, что Усов перепутал магазины, и встреча могла происходить в другом эсеровском магазине «Дело народа», также находящемся на Никитской. Но выяснилось, что и этот магазин был закрыт в июле 1918 г. Любопытно, что Гендельман готов был допустить,

¹⁰⁷ См.: Там же. Т. 35. Л. 71.

¹⁰⁸ Там же. Л. 38.

¹⁰⁹ Там же. Л. 74.

что встреча Усова, Семенова, Коноплевой и Иванова с Донским произошла после приезда Донского 20 августа 1918 г. Но Усов в своем показании о том совещании говорил о спорах, на кого устроить покушение – на Ленина или Троцкого, а охота на Ленина в августе велась, как было ясно из всех показаний, как минимум три пятницы подряд (митинги были по пятницам)¹¹⁰.

Таких неувязок было много. Имел место и оговор невинных людей. Наиболее ярко и скандально это проявилось в истории с утверждением Семенова в своей брошюре, что убийца Володарского, рабочий-маляр Сергеев (также бывший анархист), сразу после покушения скрывался «два дня в квартире Морачевского»¹¹¹. Это обстоятельство Семенов подтвердил и на следствии Верхтриба. Ю.В. Морачевский был арестован и выведен на процесс, в ходе которого выяснилось, что Семенов в это время снимал в квартире Морачевского комнату, в которой без ведома хозяина и прятал Сергеева. На процессе Семенов был вынужден признать утверждения Морачевского. М.Я. Гендельман в защитительной речи восклицал: «Пусть гр. Кон дает название этому поступку Семенова, которого он, кажется, очень защищает. Это чрезвычайно характерная деталь, как действовал Семенов. Как он действовал до убийства Урицкого, мы это видели, теперь мы видим, как он действовал после убийства Урицкого, создавая версии по поводу этого убийства и запутывая сюда возможно больше людей. Семенов объяснил это жалким, скажу более – постыдным образом – я, говорит, – не знал, я не юрист, как вы, гр. Гендельман и 15 лет не учился и я не знал, что если я скажу, что Сергеев скрывался у Морачевского, то его притянут... Так вот, граждане, для тех, кто желает судить беспристрастно, пусть все эти загадки здесь разъясняет и, может быть, можно будет установить, что имело место в действительности»¹¹². В конце концов Морачевский был оправдан за недоказанностью обвинения.

* * *

По мере приближения открытия процесса все более активизировались обе стороны – обвинители и обвиняемые. И если на более ранних, подготовительных стадиях вопрос о дате начала процесса решался чисто политическим, а не юридическим образом, то уже на стадии передачи следственных материалов из ГПУ в Верховный Трибунал его председатель Крыленко вынужден был вносить мотивированные коррективы даты открытия судебного заседания, объясняя это невозможностью ускорить и без того достаточно интенсивно шедшее следствие, а также необходимостью пропустить через «фильтры» Распорядительного заседания Судебной коллегии Верхтриба все процедурные вопросы о составе обвиняемых, защиты, свидетелей с такой степенью тщательности, чтобы просчеты или недоработки подготовительной стадии были бы выявлены и устранены до суда. Сухие протокольные записи решений распорядительных заседаний (а всего их состоялось 25 за период с начала мая до 7 июня 1922 г.) отражали порой весьма драматичные моменты, или кульминационные точки предпроцессного периода, когда, казалось бы, чисто процедурные моменты приобретали остро политическое значение.

¹¹⁰ Там же. Л. 75–77.

¹¹¹ Семенов (Васильев) Г. Указ. соч. С. 20.

¹¹² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 69–70.

К разряду такого рода коллизий следует отнести внутреннюю борьбу вокруг кандидатуры председательствующего на суде (уже будучи осведомленным о решении Политбюро о назначении Пятакова, это решение оспаривал заместитель Крыленко А.В. Галкин – см. док. № П-13) пока, наконец, 23 мая 1922 на Распорядительном заседании (РЗ) не состоялось окончательное решение о составе суда¹¹³. На следующем РЗ, состоявшемся 27 мая 1922 г., был принят ряд решений, как затем выяснилось, потребовавших уже через несколько дней корректировки: определена дата открытия (6 июня), состав защитников первой группы обвиняемых, состоялось решение о выводе из разряда обвиняемых второй группы Белецкого и Рейснера, дело в отношении которых делопроизводством прекращалось. В то же самое время фактически решалась судьба о выводе на процесс в качестве обвиняемых Агапова, Альтовского, Утгофа-Дерюжинского и Берга (своим резким отказом написать весьма унижительную для членов ПСР расписку, где следовало бы отмежеваться от деятельности партийных организаций после февраля 1919 г. они закрыли себе возможность быть выведенными из процесса, как это произошло с некоторыми другими).

Что касается объявленного срока начала процесса, то официально утвержденными РЗ иностранными и российскими защитниками «цекистов» тотчас было внесено ходатайство о необходимости отложить открытие процесса на 10 июня, мотивируя это сложностью дела и необходимостью более тщательного ознакомления с ним. РЗ пошло в этом вопросе на небольшую уступку, назначив датой открытия судебного заседания 8 июня¹¹⁴.

Более конфликтно развивалась ситуация с окончательным определением состава защитников обвиняемых-«цекистов». Согласившись с неизбежностью присутствия «политических» защитников последних в лице иностранных социалистов, большевики решили этим ограничиться и резко негативно отреагировали на желание меньшевистской партии участвовать в политической («общественной») защите обвиняемых социалистическо-революционеров. Не обращать внимания на ходатайство Тимофеева, Е. Ратнер и Федоровича о допущении в качестве их защитников известных меньшевиков И.И. Рубина, Б.Н. Гуревича (Бера) и С.Л. Вайнштейна РЗ не могло, но оно воспользовалось заявлением ЦК РСДРП о своей солидарности с ПСР, дабы отклонить ходатайство под предлогом того, что эта организация – контрреволюционная. Особенно большевиков задело отправленное в «Правду» (без особой, впрочем, надежды на опубликование) заявление ЦК РСДРП о том, что партия «выполняет свой социалистический долг вмешаться в процесс, означающий расправу над политическим противником, закрепляющим гибельную для русской революции политику террора»¹¹⁵. За этим последовал не только отвод предлагаемых защитников, но и решение РЗ оба заявления указанной организации (в Верхтриб и в «Правду» – *Авт.*) направить в ГПУ на предмет соответствующего расследования¹¹⁶. ГПУ не заставило долго ждать: через неделю в Верхтриб поступило письмо руководства этой организации с сообщением, что «Гуревич-Бер привлечен к ответственности по обвинению в антисоветской деятельности, а поэтому в отношении его, как состоящего под следствием, СО ГПУ заявляет отвод»¹¹⁷. Не менее жестко ГПУ проводи-

¹¹³ Там же. Т. 4. Л. 442.

¹¹⁴ Там же. Л. 479.

¹¹⁵ Там же. Т. 18. Л. 66.

¹¹⁶ Там же. Т. 4. Л. 481.

¹¹⁷ Там же. Т. 18. Л. 62.

лась линия на «отсечение» от участия в процессе в качестве защитника еще более известного меньшевика М.И. Либера, которого РЗ поначалу «зевнуло», утвердив в общем составе иностранных и российских защитников. Хотя Либер к тому времени формально в партии не состоял, но усиливать защиту «чекистов» столь яркой политической личностью большевики не хотели. И вновь черновая работа была выполнена в срок, хотя и весьма «грязным» способом. 6 июня РЗ рассмотрело поступившую из ГПУ справку, согласно которой Либер, арестованный годом ранее в Саратове, якобы дал обещание не заниматься политической деятельностью, и на этом основании ГПУ предложило РЗ пересмотреть свое прежнее решение о Либере. Заслуживает внимания представленная в РЗ «Выписка из заключения по делу М.И. Либера-Гольцмана» (так в документе, настоящая фамилия – Гольдман – *Авт.*), подписанного все тем же Я.С. Аграновым 10 мая 1921 г.: «Либер в своем письменном объяснении от 7/V заявил о своем согласии работать исключительно в хозяйственных и культурно-просветительских областях. В своем устном объяснении со мной дал слово не заниматься никакой политической деятельностью в ближайший период, подразумевая под последним все время диктатуры коммунистической партии»¹¹⁸. И хотя из выписки совершенно не явствовало, что существовала какая-либо подписка Либера об отказе от политической деятельности, РЗ тотчас осуществил отвод Либера в качестве защитника¹¹⁹.

Образовавшийся отводом сразу 4-х защитников вакуум удалось усилиями российской защиты заполнить в самые последние предпроцессные дни путем включения в число защитников на положении «технических работников», то есть помощников, без права ведения защиты приехавших с Э. Вандервельде и другими А. Вотерса и М. Мутэ, и российских юристов Коммодова и Киршмана, а также «злополучного» Бера¹²⁰.

Между тем, буквально за несколько дней до открытия процесса РЗ неожиданно для себя оказалось втянутым в моральную драму двоих из тех, кого трибунал перевел из разряда обвиняемых в разряд свидетелей, распространив на них положение амнистии 1919 г. – Белецкого и Рейснера. Белецкий, в силу своей относительной молодости (26 лет) имевший небольшой стаж партийной работы (с 1914 г.), но успевший до Февральской революции провести два года в тюрьме, оказался в гуще предпроцессных событий достаточно случайно. Будучи в 1917–1918 гг. членом Петроградского Совета, он практически не участвовал ни в военной, ни в боевой работе ПСР вплоть до лета 1918 г., когда был арестован в Саратове за нелегальную работу, и отсидев в тюрьмах около года, был затем отпущен, воевал добровольцем в Красной Армии, а после гражданской войны учился в Московском университете. Будучи вновь арестован чекистами весной 1922 г. по достаточно мелкому поводу (его фактически оговорил один из боевиков Усов, показавший, что идя на одну из экспроприаций он рассказал о ней Белецкому и оставил у того свой партбилет), Белецкий на допросах у Агранова никого не оговаривал, но затем сделал примечательное признание: «Находясь в качестве свидетеля, а не обвиняемого, я, конечно, мог бы изложить [события] более свободно, касаясь подробностей, которые невольно могут ускользнуть. Поэтому будучи приглашен с воли в качестве свидетеля, я дал бы, наверное, лучшую картину того, что я слышал и видел в главном изложенном здесь»¹²¹. После подобного при-

¹¹⁸ Там же. Л. 61.

¹¹⁹ Там же. Т. 4. Л. 514.

¹²⁰ Там же. Л. 517, 528.

¹²¹ Там же. Т. 2. Л. 222.

знания Белецкий был переведен в разряд свидетелей и отпущен до суда на свободу. Однако уже в самый канун суда, 1 июня 1922 г. Белецкий решил на драматический поступок, по сути потребовав от трибунала перевести его из разряда свидетелей в разряд обвиняемых для «защиты партии от обвинений в преступлениях против рабочего класса»¹²². Естественно, что в таком качестве Белецкий суду был не только не полезен, но даже и вреден, и РЗ постановило: «Заявление не рассматривать»¹²³.

Однако несколькими днями позже феномен «проснувшейся совести» продемонстрировал Рейснер, по стечению обстоятельств имевший схожую с Белецким жизненную биографию. Будучи старше (36 лет), он имел более богатое революционное прошлое, несколько лет провел на каторге. В 1917 г. являлся городским головой в г. Колпино, затем находился в Петрограде и Саратове на нелегальной работе, встречаясь со многими «фигурантами» – от Донского до Семенова. Осенью 1918 г., будучи арестован в Саратове, он был затем выпущен на свободу и на момент объявления о процессе работал в Самаре, занимая должность зав. коммуной рабочих подростков. На следствии Рейснер давал более откровенные показания в отношении других лиц (Усова, Белецкого и др.), чем, видимо, также «завоевал» право перевода в разряд свидетелей, и 19 мая он дал подписку о явке в суд в таком качестве. 7 июня, в последний предпроцессный день, он сделал Трибуналу заявление, аналогичное тому, что ранее написал Белецкий, о привлечении его в качестве обвиняемого по делу ПСР. РЗ и в этом случае приняло формальное решение: «В виду решения вопроса (о статусе Рейснера, как аминистрированного в 1919 г. – *Азм.*) и неимения мотивов к пересмотру его – заявление не рассматривать»¹²⁴.

Белецкий и Рейснер, дважды в течение сравнительно короткого времени пережившие надлом, так и остались в двусмысленном положении: в шедшем на процессе жестком идейно-психологическом противостоянии они оказывались «чужими» и для большевиков, и для «цекистов», хотя, безусловно, разницу между Рейснером, Белецким и Коноплевой с Семеновым эсеры видели как между злостными провокаторами и дрогнувшими под давлением товарищами (но переставшими быть таковыми после того, как они переступили черту)¹²⁵.

Начиная с середины мая 1922 г., когда уже стало очевидным завершение следственных действий, «цекисты» предприняли ряд резких протестных акций, направленных прежде всего на то, чтобы первой группе обвиняемых было разрешено общение друг с другом для лучшей подготовки к процессу. С 17 по 21 мая 1922 г. обвиняемые под руководством Гоца держали голодовку, условиями снятия которой, помимо отмеченного выше, являлось и увеличение сроков ознакомления с обвинительным актом и следственными материалами. 21 мая некоторый компромисс обвиняемых с Верхтрибом был достигнут получением письма от зам. председателя Трибунала Галкина о том, что условия последних в основном приняты, кроме одного: «Откладывание процесса на неопределенное время (до изучения дела обвиняемыми) не может быть гарантировано». На это давалось около десяти дней¹²⁶. В течение 20-х чисел мая, обвиняемые «цекисты», получив мощное юридическое подкрепление (с 23 мая их защитники приступили к работе со следственными материалами), начали

¹²² Там же. Т. 6. Л. 364 об.

¹²³ Там же. Т. 4. Л. 490.

¹²⁴ Там же. Л. 527.

¹²⁵ Там же. Т. 35. Л. 141

¹²⁶ Там же. Т. 6. Л. 248.

сами также знакомиться с материалами дела, составившего, согласно справке Розмирович, 5 томов и приложений к ним¹²⁷.

Организаторы процесса, которых торопила партийная директива необходимости начала суда в самых первых числах июня, одновременно создавали трудности для работы обвиняемых первой группы. И 31 мая 1922 г. последние отправили в Верхтриб коллективное заявление, в котором ситуация описывалась следующим образом: «Ввиду того, что материалы по делу стали доставляться нам для ознакомления только с 23 мая, причем не были доставлены вовсе 24, 25, 26 и 30 мая, следовательно, за все время доставлялись только пять раз и не всегда с утра; что дело по своему объему и хаотическому состоянию требует напряженного труда и продолжительного времени для его изучения, что изучение дела не могло быть достаточно продуктивно до получения обвинительного акта – какой нами и сейчас еще не получен, без чего мы до сих пор не знаем, в чем конкретное содержание предъявленного нам обвинения – настоящим заявляем, что для нас необходимо дальнейшее изучение материалов[...]»¹²⁸.

Получив, наконец, 31 мая вечером обвинительный акт, обвиняемые первой группы и их защитники выдвинули достаточно мотивированное требование об откладывании дела на несколько дней ввиду необходимости сопоставления материалов следственного производства с текстом обвинительного заключения и добились в этом некоторого успеха, отодвинув начало процесса на два дня – с 6 на 8 июня 1922 г. Одновременно с этим «чекисты», в отличие от обвиняемых 2-й группы отказались подписать акт об ознакомлении со следственным делом. 6 июня с соблюдением процедурной стороны секретарем Следственного отдела Верхтриба Шеном был составлен об этом протокол «в том, что на мое предложение обвиняемым по делу ЦК ПСР в количестве 22 человек – дать расписку в том, что они, обвиняемые по делу ЦК ПСР ознакомились со следственным производством по упомянутому делу – мне обвиняемым гр. Гендельманом от имени всех обвиняемых, содержащихся в тюремном п[од]отделе МГО, было объявлено, что они от дачи подобной расписки о полном ознакомлении с делом отказываются, объясняя свой отказ тем, что из подаваемых ими в Верховный Трибунал ВЦИК заявлений видно, в какие дни и часы им доставлялся следственный материал по делу и что времени этого, ввиду сложности и объема следственного производства, было недостаточно для полного ознакомления»¹²⁹.

Из таких, казалось бы, второстепенных и малозначащих эпизодов складывалась общая накаленная предпроцессная атмосфера противостояния и борьбы двух десятков социалистов с мощной государственной машиной в не менее накаленной общественной атмосфере, создаваемой усилиями большевистской пропаганды и специальных мероприятий органов ГПУ, которые должны были обеспечить «спокойствие» во время процесса.

* * *

Насколько серьезно власть относилась к эсерам, видно по мероприятиям охранного характера, которые предпринимались чекистами накануне и в ходе процесса. 24 мая 1922 г. на заседании «особой тройки» ГПУ было принято следующее решение: «в отношении предприятий, имеющих важное государственное значение (телефонные станции, телеграф,

¹²⁷ Там же. Л. 295.

¹²⁸ Там же. Л. 358.

¹²⁹ Там же. Л. 398.

электрические станции, водопровод и т.д.), на время процесса правых эсеров» принять «особые предохранительные меры»¹³⁰. Кроме этого было подтверждено выработанное накануне решение «с 26-го мая организовать ночные и утренние обходы гор. Москвы, а также посещение всех собраний и фабрично-заводских помещений во время работ»¹³¹. Впрочем, опасались реакции не только московских эсеров, поэтому «в целях предупреждения выступлений социалистов-революционеров на местах в связи с процессом ЦК ПСР» было решено провести не позднее 29 мая 1922 г. «обыски во всероссийском масштабе» (обыскам и арестам планировалось подвергать «только активных членов партии правых эсеров, кои могут угрожать политическому спокойствию Республики или на которых имеется конкретный материал»)»¹³².

Предпринимались различные и многочисленные меры по недопущению «со стороны приверженцев обвиняемых по пути следования обвиняемых к зданию суда, попыток их единомышленников к насильственному освобождению арестованных из-под стражи, как из мест заключения, так и во время перевозки, попыток самих заключенных к побегу». Заключенных перевели в корпус тюрьмы МГО ГПУ, в Большом Кисельном переулке, где рядом располагались части войск ГПУ, а также наряды «дежурных сотрудников по МГО и ГПУ и в самой тюрьме МГО»¹³³. Чекисты позаботились о чистоте рядов тюремщиков и охраны: из 114 сотрудников тюремного отделения МГО было заменено 17 чел., внимательно был профильтрован и личный состав внутренней и внешней охраны ГПУ¹³⁴. Тридцать восемь сотрудников тюремного отделения МГО, которые непосредственно общались с заключенными эсерами, дали коллективную подписку: «мы принимаем всю ответственность ЗА ВСЕХ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ НА СЕБЯ, как против побега, так и против каких-либо сделок с политзаключенными»¹³⁵. Подписку дали и два комиссара «Актотделения Оперода ГПУ». В ней говорилось: «[...]за правильный подсчет подсудимых первой группы во время утреннего и вечернего общих выводов из арестантской комнаты на трибуну и обратно, а также во время привоза и отвоза в здание суда из тюрьмы и обратно, несем круговую ответственность, вплоть до высшей меры наказания»¹³⁶. Надзирателей, поддерживавших разговоры с подсудимыми, наказывали. Правом общаться с обвиняемыми обладали только начальник тюрьмы и назначенный начальником СО ГПУ представитель СО ГПУ, принимавший все заявления. Впрочем и тот и другой могли разговаривать с каждым из подсудимых не более 5 мин.

В двух домах рядом с тюрьмой были проведены обыски, и в них почти все жильцы оказались «элементом, чуждым Советской власти» (почти во всех квартирах «жила интеллигенция и торгаши, с хорошо обставленной личной жизнью»). В результате жильцов переселили (у некоторых конфисковали имущество)¹³⁷, а несколько подвалов (из которых, надо полагать, можно было рыть подкопы в тюрьму) было опечатано¹³⁸. Из тюрьмы, где содержались эсеры, в Отдельный батальон войск ГПУ была про-

¹³⁰ Там же. Т. 46. Л. 111.

¹³¹ Там же. Л. 108 об.

¹³² Там же. Л. 109.

¹³³ Там же. Т. 46. Л. 26.

¹³⁴ Там же. Л. 129–140.

¹³⁵ Там же. Л. 117–119.

¹³⁶ Там же. Л. 120.

¹³⁷ Там же. Л. 144.

¹³⁸ Там же. Л. 145–145 об.

ведена сигнализация. Подробные инструкции предусматривали окружение тюрьмы красноармейцами в случае тревоги, необходимость ежедневной проверки исправности «тревожного звонка»¹³⁹. Любопытно, что через месяц после начала процесса Самсонов и Ягода (они были обязаны раз в неделю лично проверять всю охрану) для проверки охраны устроили тревогу, но «на тревожные звонки никто не явился»¹⁴⁰. Это послужило поводом для принятия Комиссией по охране ЦК ПСР дополнительных мер и написания новых инструкций¹⁴¹. Для охраны заключенных в пути следования и самого здания суда была задействована «пехотная часть не менее 180-ти человек и 30 человек кавалеристов» из отряда особого назначения при Президиуме ГПУ¹⁴². Любопытно, что 12 июня 1922 г. на заседании комиссии по охране ЦК ПСР в ходе обсуждения агентурных сведений о настроениях охранников и красноармейцев им было решено усилить питание и выдавать по 20 шт. папирос¹⁴³. Машину с заключенными – «брюнетку» – на заседании 19 июля 1922 г. было решено сопровождать двумя машинами по бокам, одной спереди и двумя мотоциклетами (из-за плохих моторов от них позже отказались)¹⁴⁴. Стрелков в мотоциклетах планировалось вооружить револьверами или винтовками (Самсонов настаивал на том, чтобы добавить еще и бомбы)¹⁴⁵. На пути всего маршрута (в том числе «и по углам в сторону примерно на квартал расстояния»¹⁴⁶) было выставлено 22 поста «секретной наружной агентуры» общей численностью в 52 чел. (позже до 80 чел.), дежуривших с 10 час. утра до 12 час. ночи¹⁴⁷. Кроме того на всех перекрестках были выставлены конные разъезды (около 30 чел.) и поставлена цепь красноармейцев от тюрьмы до Дома Союзов, где проходил суд¹⁴⁸.

Помещение для суда выбирали довольно придирчиво. Уже в ходе процесса его пытались сменить, но близость Дома Союзов к тюрьме предопределила итог спора¹⁴⁹. Для процесса зал Дома Союзов пришлось приспособлять – разбирать фанерные колонны на его эстраде, ставить решетку перед заключенными, готовить комнаты для содержания заключенных и т. п. Любопытно, что комендант Дома Союзов потребовал предоплаты в размере 20–25 млрд руб. на разбор, а затем и восстановление колонн и карпизов, но получил ответ: «[...] владельцы помещений (в данном случае, МПС), противодействующие исполнению распоряжений Особой тройки ГПУ, привлекаются к ответственности»¹⁵⁰. Из соображений безопасности ГПУ распространяло слухи, что процесс будет проходить в Политехническом музее. Охрана внутри Дома Союзов была тщательно продумана и все время совершенствовалась. Это можно отнести ко всем видам охраны, в том числе и к тюремной. Так, с 6 августа 1922 г. надзирателям предписывалось переодеваться на службе в «специальную форму без карманов». В основу охраны эсеров на процессе был положен принцип тройного дублирования, а сама охрана была тройной –

¹³⁹ Там же. Л. 126.

¹⁴⁰ Там же. Л. 59.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. Л. 27.

¹⁴³ Там же. Л. 50.

¹⁴⁴ Там же. Л. 76.

¹⁴⁵ Там же. Л. 73.

¹⁴⁶ Там же. Л. 100.

¹⁴⁷ Там же. Л. 162.

¹⁴⁸ Там же. Л. 124 об.

¹⁴⁹ Там же. Л. 124.

¹⁵⁰ Там же. Л. 34.

«часовые, комиссары и агентура»¹⁵¹. «Инструкцией секретной агентуре, несущей разведывательную службу внутри здания суда по процессу партии с.-р.» ставилась цель предупредить, пресекать и задерживать пытающихся совершить преступление «со стороны подсудимых или им сочувствующих лиц». Агентура должна была взаимодействовать с работниками комендатуры процесса и следить за родственниками подсудимых 1-й группы, за всем происходящим в зале, вести строгий учет подозрительных лиц и устанавливать их местожительство, хватать за руки любого вынимающего оружие, во время перестрелки или столкновения участия в них не принимать, но задерживать нападавших и сдавать в комендатуру, а также доносить коменданту обо всем подозрительном¹⁵². «Специальные агенты» в красноармейской форме обязаны были следить «за тем, как красноармейцы несут охрану и о чем говорят», и подавать об этом ежедневные сводки»¹⁵³. Примечательно, что было решено организовать охрану обвиняемых в зале суда (помимо конвоиров, работников комендатуры и агентуры) еще и силами «хотя бы части публики» на случай паники в зале, для чего должны были быть задействованы возможности МК РКП(б)¹⁵⁴.

За каждым из подсудимых, особенно за Гоцем, Тимофеевым, Гендельманом, Лихачом и Е. Ратнер было организовано «тщательное наблюдение»¹⁵⁵. В зале установили внутреннюю сигнализацию, сотрудников ГПУ было решено менять как можно чаще, дабы «избежать утомления»¹⁵⁶. Проводились «поверхностные личные обыски» подсудимых и их родственников. Ежедневно обыскивали помещения «под эстрадой и вообще в здании трибунала», а также вещи и камеры подсудимых в тюрьме, их комнаты в суде во время заседаний¹⁵⁷. За ночь посты охраны проверяли 9–14 раз. Тщательно подслушивались разговоры (и в тюрьме, и в зале суда) подсудимых и их родственников, адвокатов (в том числе по телефону), а их содержание пересказывалось в ежедневных сводках, направляемых Дзержинскому, Менжинскому, Уншлихту и Пятакову. Впрочем, уже 11 июля в очередной сводке констатировалось, что «в последнее время стало невозможным подслушивать чего-либо существенного, ибо в каждом красноармейце небезосновательно усматривается чекист – и потому все существенное произносится только шепотом». Еще 20 июня 1922 г. помощник начальника СО ГПУ Т. Дерibas констатировал, что «теперь, как правило установилось: разговор вслух или вполголоса происходит только тогда, когда для арестованных нужно, чтобы их слышали обязательно».

Власть всерьез опасалась побега заключенных, о чем ярко свидетельствует решение «тройки» Политбюро от 11 июля 1922 г.: «Комиссия считает безусловно установленным, – говорилось в нем, – что обвиняемые вместе со своими единомышленниками на воле подготавливали побег, и предлагает председателю Трибунала и председателю ГПУ самыми твердыми и решительными, тщательно продуманными мерами устранить возможность такого побега». На чем базировалась уверенность власти в подготовке побега, точно неизвестно, но что подобный замысел мог существовать, сомнений не вызывает. Например, 9 июля 1922 г. напротив

¹⁵¹ Там же. Л. 43.

¹⁵² Там же. Л. 160–161.

¹⁵³ Там же. Л. 43.

¹⁵⁴ Там же. Л. 125.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

тюрьмы арестовали «неизвестное лицо, сигнализировавшее арестованным». В ночь на 10 июля охрана обнаружила «из одной камеры сигнализацию руками на волю», а в одном из домов замечен «тип с биноклем». Впрочем, ни его самого, ни квартиры, в которой «тип» находился, чекисты установить не смогли. Кроме того, 1 августа 1922 г. во время перерыва в суде, был подслушан «разговор Львова с Морозовым о том, что первый до среды никаких попыток побега не сделает, а в среду попытается». 7 августа 1922 г. зафиксировали общий разговор «о попытке к побегу, но более трезвые головы называли это безрассудством в тех условиях, какие создала для них ЧК».

Чем ближе становился день вынесения приговора, тем жестче становились меры предосторожности, предпринимавшиеся властью. Насколько серьезно чекисты оценивали ситуацию, лучше всего видно из письма зам. председателя ГПУ Уншлихта, написанного в последних числах июля 1922 г. и адресованного Сталину. Документ с грифом «Лично. Совершенно секретно» гласил: «Процесс эсеров близится к концу. Со стороны эсеровских организаций возможны: 1) попытка отбить арестованных и 2) террористические акты на видных советских и партийных работников. Поскольку предотвращение первой возможности целиком лежит на органах ГПУ, постольку со второй можем справиться лишь при подчинении упомянутых товарищей известному, разработанному нами, режиму. Считая этот вопрос весьма срочным и серьезным, прошу поставить его на повестку ближайшего заседания Политбюро».

* * *

МК РКП(б) и ГПУ предпринимали серьезные усилия, для того, чтобы тщательно готовившееся ими изъятие «всенародного гнева» на преступления эсеров проходило без нежелательных эксцессов.

24 мая 1922 г. на заседании одной из «троек» ГПУ «для выявления настроения студенчества» было постановлено связаться с секретарем бюро комячеек московских вузов Иоффе. 26 мая на совещании начальника 8-го Спецотдела СО ГПУ и секретаря бюро комячеек был выработан следующий план действий: провести в вузах «доклады РКП о процессе и о Генуэзской конференции»; собрать экстренное совещание ответственных секретарей партячеек 11 московских вузов; накануне докладов провести в вузах партийный день, где обязать коммунистов присутствовать на всех студенческих собраниях, по какому бы поводу они не собирались, и вести «неослабное наблюдение за дебоширами»; обратить особое внимание на лиц, «ведущих групповую агитацию, стараясь взять всю группу на учет»; представить СО ГПУ список всех вузов страны, с указанием численности студентов по курсам и факультетам, численности комячеек, фамилий и телефонов их секретарей; выделить «в порядке партийной дисциплины 2-х надежных и серьезных коммунистов» на каждом курсе во всех московских вузах «для выполнения текущих заданий СО ГПУ на время процесса ПСР»; поручить каждой этой «двойке» составить список «неблагонадежных студентов» с их характеристиками и адресами; обязать «двойки» во время процесса присутствовать на всех студенческих собраниях «в целях доставления в СО ГПУ полной информации о настроении студенчества и «дебоширах». «Двойкам» следовало обратить особое внимание «на профессуру и научных сотрудников, дать характеристику о тех из них, кои используют кафедру или свое положение в политических целях, хотя бы самым осторожным подходом». «Двойкам» поручалось составить «общую характеристику своих сокурсников, отметив наличие среди их групп меньшевиков и эсеров и пр.», причем отмечалось, что члены «двоек»

«под свою личную ответственность за разглашения могут добывать всякого рода сведения», как «лично, так и через коммунистов и лояльных беспартийных, не посвящая последних в суть дела». «Двойкам» надлежало взять на учет всех студентов, «высказывающих[ся] с протестом против процесса правых с.р., встречи Вандервельде, и пр. – с приложением характеристик и адресов; составить списки всех кружков, союзов, объединений с указанием фамилий всех членов и руководителей (включая и коммунистов)»; устроить «секретное совещание всех двоек и обязать последних ежедневно подавать рапорта обо всем замеченным ими в Университетах, институтах и пр., касающиеся прямо или косвенно эсеровского процесса», с передачей рапортов через комячейки в СО ГПУ»; указать «двойкам», «что по одному отношению к с.р., процессу представляется возможным выявить наилучшим образом полит. физиономию отдельных студентов. Процесс[,] таким образом[,] должен быть целиком [использован] в интересах вышеуказанного выявления противника»; считать «двойки» «мобилизованными для указанной выше работы вплоть до окончания процесса ПСР»; представить к 30 мая список всех «двоек» с указанием партстажа, адресов и телефонов для их постановки 8-м Отделением СО ГПУ на «строгий учет»; обязать бюро комячеек дать не позднее 28 мая сведения «о неблагополучных» вузах, «в смысле наличия в них с.-р., меньшевиков и пр., антисоветского элемента, в целях особого усиления наблюдения в означенных заведениях»; выделить на время процесса одного члена бюро «для постоянной связи отдельных ВУЗ и двоек с 8-м Спец. Отд. СО ГПУ»; обязать этого члена бюро комячеек, начиная с 27 мая до конца процесса находиться «на телефонном расстоянии с 8-м Отделением СО ГПУ» и с «двойками» отдельных вузов¹⁵⁸.

Таким образом ГПУ решало сразу три задачи. Оно заложило основы осведомительной сети в студенческой среде Москвы (почти наверняка сохранив ее после процесса и распространив этот опыт на вузы всей страны); взяло под оперативный контроль московское студенчество во время процесса с целью недопущения нежелательных акций с их стороны; сделало отношение студента к эсерам и процессу своеобразной лакмусовой бумажкой для определения его «политической физиономии» (с последующим избавлением от неблагонадежных).

Не менее серьезно и педантично ГПУ совместно с МК РКП(б) отнеслись и к выработке мер по искоренению эсеровского влияния в рабочей среде. В конце мая на нескольких заседаниях «технической тройки» ГПУ (Самсонов, Савватьев, Бренер) было решено: произвести в ночь с 27 на 28 мая аресты эсеров на Московском ж.-д. узле (обсуждался вопрос и об их наличии в Западном и Северном ж.-д. узлах); провести обыски и аресты «активных» правых эсеров по всей стране не позже 29 мая; составить справку по данным партийных ячеек и районных уполномоченных МГО «о состоянии и настроении рабочих и справку, на каких предприятиях имеются как с.-р. группировки, так и группировки, подозрительные по эсерству»; создать «тройку» для курирования этого вопроса из представителей СО ГПУ, МГО и МК РКП(б); просить МК РКП(б) извещать СО ГПУ «о всех собраниях, назначаемых на фабриках и заводах, а также о всех митингах», а СО ГПУ, МГО и МК РКП(б) выделить «по одному товарищу для несения дежурств»; провести собрание райуполномоченных МГО; поручить МК РКП(б) выделить лучших коммунистов для участия в фабрично-заводских собраниях и митингах, сообщить им фамилии и номера телефонов тех чекистов, с кем они должны поддерживать связь; мобилизовать группу «разведчиков ГПУ и МГО не менее, как по 10 человек

¹⁵⁸ Там же. Л. 113, 113 об., 114 об., 115.

для несения постоянных дежурств на время процесса правых с.-р.» и восстановить «мобилизацию по отделам, с которыми должна поддерживаться телефонная связь»; уточнить «дислокацию московских фабрик и заводов, ячеек, фамилии ответственных секретарей ячеек и районных уполномоченных МГО»; представить сведения о настроении всех партийных группировок, также рабочих и служащих на транспорте¹⁵⁹.

Каким образом властям удавалось добиваться как правило «единодушных» резолюций рабочих собраний и митингов, клеймящих эсеров, показывает решение «технической тройки» ГПУ от 24 мая 1922 г. В нем говорилось: «Просить МК РКП дать соответствующие инструкции ячейкам, а тов. Саватьева районным уполномоченным всех выступающих на митингах и собраниях правых эсеров, а также выступающих в защиту их арестовывать. При невозможности производства ареста брать на учет»¹⁶⁰. Заграничная и подпольная эсеровская и меньшевистская пресса в это время приводили многочисленные примеры арестов всех, кто пытался на митингах усомниться в обоснованности обвинений против эсеров.

Каковы же в реальности были настроения различных слоев на процесс эсеров? Как проходили митинги на заводах и в городских районах? Какие резолюции и каким образом на них выносились? Была ли заметна контрпропагандистская работа эсеров и меньшевиков? Как реагировали на нее рабочие, студенты, служащие и т. д.?

Благодаря тому, что чекисты старались отследить ситуацию на митингах и посылали на некоторые из них своих сотрудников (это называлось – «выслать разведки») мы имеем возможность ответить на часть из этих вопросов. Безусловно, картина настроений была весьма пестрой. Проследим сообщения чекистов в том порядке, как они отложились в «Агентурном материале о ходе собраний на предприятиях г. Москвы, по поводу процесса»¹⁶¹. На собрании Рогожского района, состоявшемся в конце мая в Летнем саду, присутствовало около 500 человек, резолюция коммуниста-докладчика – «с предложением всех обвиняемых – расстрелять» была принята единогласно¹⁶². На собрании 25 мая на Прохоровской Трехгорной мануфактуре после доклада Луначарского была принята гневная резолюция против «партии убийц и изменников трудящихся», как написано в записке, «всеми голосами при одном против и пяти воздержавшихся». Сразу отметим, что начальник СО ГПУ Самсонов подчеркнул эти слова и отправил документ своему сотруднику – «для сведения»¹⁶³. На собрании на фабрике Абрикосова, состоявшегося 29 мая, доклады о Генуэзской конференции и о суде над эсерами «[...] были выслушаны с интересом и сочувствием». Вопросов к докладчикам не возникло, выступлений не было, кроме реплики рабочего Зубарева о том, что следует не принимать резолюцию о Генуэзской конференции, а принять доклад к сведению. За это он был обвинен докладчиком (Виноградовым), будто Зубарев, хочет вернуть старого хозяина – Абрикосова. После перепалки Зубарев заставил Виноградова взять свои слова обратно, так как он при Абрикосове «на заводе еще не работал»¹⁶⁴.

Собрание 29 мая в паровозных мастерских Московско-Казанской ж.-д., где присутствовало около 250 человек, «прошло очень спокойно». После речи докладчика – «представителя РКП» разразились «бурные апло-

¹⁵⁹ Там же. Л. 107–110.

¹⁶⁰ Там же. Л. 111.

¹⁶¹ Там же. Т. 52.

¹⁶² Там же. Т. 52. Л. 2.

¹⁶³ Там же. Л. 3.

¹⁶⁴ Там же. Л. 4.

дисменты и возгласия “Ну, эс-эрики. Где же вы попрятались” и т.д.»¹⁶⁵. Резолюция была принята «единогласно при двух воздержавшихся», а расходясь, некоторые рабочие говорили: «Покончили бы с ними разом. Чего там церемонятся»¹⁶⁶.

На митинге в летнем саду на Семеновской площади 30 мая присутствовало около 1000 человек. Вход в сад был только по специальным билетам, «распределенным раньше уже по заводам». После полуторачасовой речи докладчика была принята «почти единогласно» резолюция, в которой «рабочие Рогожского района» требовали «сурового наказания членам эс-эровского Центрального Исполнительного Комитета». Об уровне полемики большевистских ораторов дает представление то, как ответил докладчик на единственный вопрос, «заданный одной женщиной: “Где остановился Вандервельде?”. т. Чуче (докладчик – *Авт.*) ответил, что присланный навоз нам в Россию мы должны целиком отослать обратно, на то мы дали гарантию»¹⁶⁷.

На собрании рабочих фабрики бывшей «Густав Лист», состоявшемся 31 мая в фабричной конторе, присутствовало 15–18 человек и чекист не смог дожидаться резолюции, «т.к. присутствующие знают хорошо друг друга», но отмечал «правильный характер доклада»¹⁶⁸. На состоявшемся в тот же день собрания рабочих Курских главных вагонных мастерских, после доклада Стеклова была вынесена «резолюция для привлечения эсеров к ответственности, но один рабочий подал тов. Стеклову записку, чтобы им была высшая мера наказания расстрел». В целом же «рабочие к собранию отнеслись очень внимательно»¹⁶⁹. На собрании рабочих службы пути Северной железной дороги 31 мая, где присутствовало 18 человек (из них 15 коммунистов), резолюции принято не было, т.к. докладчик предложил, «чтобы каждый свои мысли изложил и подал к следующему собранию, а резолюции нам как большинству здесь участвующих на собрании партийном известно, что мы можем вынести»¹⁷⁰.

На собрании студентов Хамовнического района (Высшие женские курсы), состоявшемся 1 июня, было 2–3 тысячи человек (по другой чекистской записке – 700 человек). Из видных коммунистов был Л.Б. Красин, а Н.И. Бухарин, будучи приглашенным, не пришел по «формальным соображениям» – как «защитник обвиняемых». После двухчасового доклада заместителя наркома здравоохранения Соловьева о Генуэзской конференции и о процессе над эсерами была прислана масса записок с вопросами. Девять «наиболее двусмысленных вопросов» были таковы: «1) “Где сейчас Слащев?” Ответ – “В Москве”. “Что он делает?” Ответ: “Занимает должность инспектора Высших учебных заведений РККА”. 2) Возможно ли будет созвать Гаагскую конференцию, если будет мешать 2 и 2 1/2 Интернационал. 3) Если присудят строго эсеров, не пострадают ли наши представители за границей. 4) Как смотрит РКП на эсеров, как на противников или как на преступников. 5) Чем объяснить непопулярность коммунистов среди крестьян. 6) Как поступили коммунисты с эсерами после Октябрьской революции, если коммунисты говорят, что эсеры поступили теперь неправильно с ними. 7) Наладит ли Германия нашу промышленность. 8) Почему Америка, имея массу безработных, кормит наших голо-

¹⁶⁵ Там же. Л. 5.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Там же. Л. 8.

¹⁶⁹ Там же. Л. 9.

¹⁷⁰ Там же.

дающих. 9) Какая цифра безработных у нас»¹⁷¹. После собрания были приняты резолюции «об одобрении политики, какую вели представители Советского правительства на Генуэзской конференции[,] и по отношению к эсерам просят применять такую меру наказания, какую они заслужили»¹⁷². На собрании рабочих газового завода 1 июня, на котором присутствовало 50 человек, была единогласно принята резолюция о привлечении «всех поджигателей и преступников к высшей мере наказания расстрелу»¹⁷³.

Всего 1 июня в Москве состоялось 8 собраний, на которых чекисты зафиксировали несколько «единоличных контрвыступлений» или неблагоприятный оборот дела. В Краснопресненском районе на пленуме райсовета левый эсер Прокопович выступил в защиту эсеров и был исключен из членов районного Совета¹⁷⁴. На заводе Варц и Мак-Гиль в Сокольническом районе из 150 присутствовавших на собрании рабочих за резолюцию докладчика-коммуниста проголосовало 40 человек, двое – против, остальные воздержались. На вопрос «о мотивах воздержания один из рабочих (личность установлена) ответил вопрос[ом]: почему сейчас “судят не тех, кто стрелял, бил и грабил” рабочих, когда те “ездили за картошкой и хлебом”, а тех, которые “не так виновны, как о них говорят”»¹⁷⁵. На собрании студентов Хамовнического района, хотя и была большинством голосов принята прокоммунистическая резолюция, но наряду с ней «фигурировали два других проекта резолюций: 1) с упоминанием просто о суде (не суровом); 2) о смягчении наказания партии с.-р.»¹⁷⁶. Кроме этого в Бауманском районе отмечалась эсеровская агитация на нескольких заводах и в целом недовольство рабочих. Так, например, на фабрике Продпуть Цустрана «одним из рабочих штамповального отделения ведется эсеровская агитация и вообще рабочие этого отделения настроены в эсеровском духе. В штамповальном отделении 40 человек рабочих из общего числа 200 чел. на всем предприятии. Среди рабочих 2-й типографии МСНХ наблюдается недовольство по поводу встречи, оказанной заграничными защитникам эсеров со стороны московских рабочих. Со стороны отдельных лиц наблюдается эсеровская агитация (личности установлены). Рабочих 900 чел., ячейка – 13 чел. На фабрике бывш. Щапова наблюдается подобное же настроение, как в 2-й типографии. Рабочих 87 человек. То же самое наблюдается на фабрике Вознесенской мануфактуры. Рабочих 700 человек»¹⁷⁷.

Такие сообщения были не единичны. Так, например, в сводном суточном рапорте МГПО за 29 мая 1922 г. помимо дословного повтора уже цитированных донесений сообщалось: «Городской район. Настроение рабочих 39-й типографии в связи с процессом эсеров пассивное. Большевики молчат. Общее политическое настроение преобладает меньшевистское. Замоскворецкий район. [...] Состоялось общее собрание рабочих трамвайного парка по вопросу о процессе эсеров. Выявилось, что настроение рабочих пассивное, хотя и принята наша резолюция. Присутствовало около 400 человек. Сокольнический район. Среди рабочих Алексеевской водокачки идут неодобрительные толки по поводу встречи заграничных

¹⁷¹ Там же. Л. 14.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. Л. 15.

¹⁷⁴ Там же. Л. 16.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Там же.

защитников эсеров, устроенной московскими рабочими, причем говорится, что такое поведение недостойно коммунистов»¹⁷⁸.

2 июня 1922 г. были отмечены следующие «к.-р. выступления»: «Сокольнический район. Фармазавод № 2. Зафиксировано выступление меньшевика против процесса над партией с.-ров. Выступление особого успеха не имело. Хамовнический район. На общем собрании рабочих 7 типографии выступила местная группа меньшевиков в защиту эсеров. В результате чего собрание никакой резолюции по докладу не приняло. [...] Красно-Пресненский район. Среди курсантов Свердловского университета наблюдается перелом в отношении настроения к защитникам эсеров и до некоторой степени сожаление о плохой встрече[,] приготовленной для них, критическое отношение к статьям по вопросам о встрече защитников и пр.

Высшие курсы по сельскохозяйственной кооперации. Двумя слушателями с.-рами ведется против процесса и в защиту Вандерведде и К агитация, но она особого влияния на слушателей не оказывает»¹⁷⁹.

Общий фон глухого недовольства, пассивности и «правильного» голосования взрывается иногда очень резкими действиями рабочих. Так, например, 6 июня 1922 г. забастовало 600 рабочих ткацкого отделения Прохоровской Трехгорной мануфактуры – «[...]в связи с арестом шестерых рабочих этого же отделения за с.-р. агитацию. Созывается сегодня в 4 часа дня собрание рабочих для обсуждения этого вопроса и кроме того рабочими выдвинут вопрос о тарифе, несмотря на то, что этот вопрос уж на днях разрешен, который является вероятно фикцией для скрывания настоящих причин созыва собрания»¹⁸⁰. Впрочем уже на следующий день чекисты докладывали, что забастовка «ликвидирована»¹⁸¹.

7 июня на пленуме Моссовета после доклада К.Б. Радека с критикой «на неправильность тактики Сов. Власти в отношении с.-ров и проч.» выступил левый эсер Штейнберг, что, впрочем, не помешало принятию резолюции единогласно при двух воздержавшихся¹⁸². Тогда же в Замоскворецком районе в Литографии картографического отдела после доклада о процессе с.-ров «выступила группа меньшевиков», но все же была принята резолюция, предложенная коммунистами (36-ю голосами против семи)¹⁸³. Но самым примечательным в этот день было волнение рабочих фабрики бывш. Бутикова (в Хамовническом районе), как реакция на арест шести рабочих Прохоровской трехгорной мануфактуры¹⁸⁴.

9 июня 1922 г. на собрании рабочих завода «Динамо» в защиту эсеров выступил рабочий-меньшевик, но большинством голосов была принята резолюция партячейки (при трех воздержавшихся).

13 июня на стене ремонтных мастерских Александровской ж.-д. была обнаружена сделанная мелом следующая надпись: «партия большевиков-коммунистов продала свою идею капиталу, угнетает рабочих и крестьян».

14 июня на общем собрании, в присутствии 220 рабочих фабрики «Цустран» выступило двое рабочих, заявивших, что «[...]выносить всякие постановления, касающиеся суда, дело не рабочих, а самого суда». Подоб-

¹⁷⁸ Там же. Л. 18.

¹⁷⁹ Там же. Л. 20.

¹⁸⁰ Там же. Л. 21.

¹⁸¹ Там же. Л. 24.

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

ная позиция нашла понимание аудитории, провалившей резолюцию коммунистов¹⁸⁵.

Схожая ситуация была и во 2-й типографии, где за официальную резолюцию проголосовало 25 человек из 900 присутствующих. В 20-й типографии рабочие раскололись на две части: большая солидарна с коммунистами (по оценкам чекистов), меньшая – высказывается за соблюдение нейтральности¹⁸⁶. Оппозиционно были настроены и рабочие 6-й типографии, где на общем собрании 20 июня один из них, протестуя против предложенной резолюции, заявлял: «[...]коммунисты заставляют насильно голосовать и агитировать за насилия над другими партиями, а сами делают всевозможные безобразия». В результате за резолюцию проголосовало 12 человек, а остальные воздержались¹⁸⁷.

Впрочем, чекисты нередко фиксировали и отсутствие у части рабочих интереса к процессу (как например, у рабочих фабрик быв. Викулы Морозова и Зимины (Орехово-Зуевского уезда)¹⁸⁸). Одновременно отмечалось, что по заводам г. Москвы и Московской области распространяются эсеровские и меньшевистские листовки¹⁸⁹.

Реакция властей на брожение рабочих на отдельных предприятиях была прямолинейной и весьма показательной. Во-первых, местных чекистов заставили рапортовать ежедневно о настроениях рабочих в своем районе¹⁹⁰. Во-вторых на некоторых предприятиях решили провести сокращение штатов. Так, например, в злополучной литографии, где 7 человек голосовало против резолюции, решили сократить штаты на 56 человек¹⁹¹. Подобную же операцию провели и на ряде заводов, что породило новые волнения и недовольство рабочих.

* * *

Процесс начался со скандала – отвода обвиняемыми всего состава суда и обвинителей. Положение усугублялось аргументированностью этого отвода и наличием убедительных доказательств нарушения Верхтрибом при конструировании суда советских законов и собственных инструкций.

Отвод был сделан от имени 22 подсудимых Гендельманом. Он сослался на статью Кодекса, гласившего: «Судья может быть отведен в тех случаях, когда стороной указаны обстоятельства, вызывающие сомнения беспристрастности судьи», распространяющуюся и на общественных обвинителей. Подчеркнув, что все судьи и обвинители – коммунисты, а сам председатель суда Пятаков – член ЦК РКП(б), Гендельман заявил: «[...]то обвинение, которое здесь ставится, это есть продолжение той нашей борьбы с коммунистической партией, которую мы раньше вели в советах. Теперь она перешла, благодаря изменившемуся положению, в залу суда. Ввиду этого я хочу констатировать, что таким образом, этот процесс, который имеет место – это есть состязание между двумя партиями, нашей партией социалистов-революционеров и вашей партией большевиков-коммунистов»¹⁹². Ссылаясь на материалы следственного дела и обвинительного акта, Гендельман (трижды прерываемый председателем суда,

¹⁸⁵ Там же. Л. 34.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же. Л. 43.

¹⁸⁸ Там же. Л. 27.

¹⁸⁹ Там же. Л. 33.

¹⁹⁰ Там же. Л. 31, 32.

¹⁹¹ Там же. Л. 26.

¹⁹² Там же. Т. 23. Л. 3–4.

требовавшим краткости) довольно убедительно подытоживал: «Итак, следственные действия производились по предписанию Центрального комитета Российской Коммунистической партии. Кроме того[,] гражданин Галкин, входящий в настоящее присутствие, принимал, оказывается, участие в этих следственных действиях, а это, согласно вашему же заявлению, противоречит Кодексу и требует отвода, ибо кто принимал участие в дознании и следствии, не может принимать участия ни в Распорядительном Заседании, ни в судебном заседании. На предварительном следствии было достаточно фактов, указывающих, что если лицо, ведущее следствие, принадлежит к Российской коммунистической партии, то права обвиняемых и подсудимых не ограждены. Мы все сидим уже давно в ваших тюрьмах, и обвинение нам было предъявлено только теперь, после декрета, в котором вместо Всероссийской чрезвычайной комиссии было установлено Государственное политическое управление. Таким образом, мы уже давно были осуждены и несли наказание по тому делу, которое сейчас только ставится на суд. [...] Имеется целый ряд лиц, привлеченных вместе с нами к настоящему делу; они[,] тем не менее[,] подверглись административной ссылке, никаким декретом Советской власти не предусмотренной. Этот факт служит доказательством, что приговор наш предрешен, поскольку его выносят члены Комиссии ВЧК и Российской коммунистической партии.

Я имею много доказательств: я констатирую, что благодаря заявлению гражданина Председателя, я отбрасываю ряд оснований для отвода. Приведу следующее: нарушены правила судопроизводства даже во время организации этого суда: – кто является обвинителем по нашему делу. – Гражданин Крыленко, который в то же самое время является Председателем Верховного трибунала, а между тем это, опять-таки, несовместимо и недопустимо и предусмотрено в вашем же кодексе. Гражданин Крыленко является мужем гражданки Розмирович, которая вела предварительное следствие по этому делу. Меня мало интересует, будет ли он обвинять или нет, но это иллюстрация того, что ни с чем не считаются в данном процессе, не считаются[,] прежде всего[,] с процессуальными нормами. [...] Я заявляю, что для нас, граждане, суд этот является судом Коммунистической партии, диктатурой Коммунистической партии. [...] Вот почему мы не рассматриваем себя как подсудимых на этом суде. Вот почему мы заявляем, что мы сюда пришли только потому, что присутствие двух Интернационалов дает нам надежду на то, что мы сможем в известных пределах свободно говорить и свободно, в лицо вам, навстречу вашему обвинению, бросить наше обвинение. Все, что я говорил, вполне доказано и говорит за то, насколько основателен мой отвод и лучшим доказательством правильности моего отвода будет то, что, несмотря на всю его очевидность наш отвод будет оставлен вами без уважения»¹⁹³.

Любопытно поведение в этой ситуации председателя суда. Попытавшись предоставить слово для ответа Крыленко, Пятаков наткнулся на заявление защитника Муравьева о предъявлении отвода и государственно-му обвинителю. Слова Пятакова о необходимости разобрать сначала отвод суда, а потом отвод государственного обвинителя, заставили Муравьева даже засомневаться в четкости своей формулировки – раз трибунал не понимает недопустимости «заклучения государственного обвинителя» в тот момент, когда «у защиты имеется отвод» против него. Тогда Пятаков предоставил слово Г. Ратнеру, который от имени обвиняемых из 2-й группы заявил: «Мы признаем полное право Высшего органа власти пролетариата судить нас за наши преступления. Мы заявляем, что наше пол-

¹⁹³ Там же. Л. 5–7.

ное доверие настоящему суду не оставит нас в течение всего процесса. Мы рассматриваем заявление только что выступавшего здесь представителя другой группы подсудимых, как попытку срыва процесса, как попытку уклониться от прямой ответственности пред трудящимися массами за делавшимися и продолжающимися делаться преступления»¹⁹⁴. Речь Г. Ратнера была встречена аплодисментами зала, на что председатель суда указал публике: «[...]выражения со стороны публики своего удовольствия или неудовольствия абсолютно недопустимы»¹⁹⁵. (Впрочем, подобные заявления не мешали допущенным в зал по специальным разрешениям, выдававшимся партийными комитетами, вести себя весьма вольно в ходе всего процесса, хотя целями их присутствия на слушании были оказание морального давления на подсудимых 1-й группы и, соответственно, выражение моральной поддержки обвиняемым 2-й группы). Ефимов от имени «обвиняемых боевиков» также заявил протест против отвода суда, которому они «вполне доверяли» и обвинил членов ЦК ПСР в желании перенести ответственность с себя на 2-ю группу обвиняемых¹⁹⁶.

Дискуссия между двумя группами обвиняемых была завершена заявлением члена ЦК ПСР Тимофеева: «[...]во избежание всяких недоразумений, для того, чтобы наш отвод не был истолкован, как желание уклониться от суда, я заявляю, что в течение двух с половиной лет пребывания в тюрьме мы искали суда и не мы уклонялись от этого суда, а та партия, которая нас судит. Я заявляю, что мы от суда не уклоняемся и мы от суда не уйдем. Мы желаем этого суда и нашими судьями являетесь не вы, а трудящиеся всего мира»¹⁹⁷. Защитник Муравьев, цитируя циркуляры и положение о Верховном трибунале и народном суде, требовал отвода и прочел целую лекцию о принципах состязательности сторон, организации суда и судебного разбирательства и убедительно доказал нарушение не только духа, но и буквы существующего закона в их организации. Муравьев заявил: «[...]по мнению защиты, участие председателя Трибунала при судебном разбирательстве, которое происходит перед самой той коллегией, в которой он председательствует, главой которой он является, заключает в себе коренное и основное нарушение принципа равенства сторон. [...] Мы конечно, скажем, что и для Юпитера закон должен существовать, что Юпитер, в данном случае Верховный трибунал, своим подчинением этому положению, сам должен показать подведомственным ему трибуналам законопослушность действующим в Российском государстве законоположениям. [...] Защита встречалась с этим в других процессах, и бесплодно я, в течение целого ряда недель обращал внимание высших властей в стране на необходимость исправить, наконец, эту ошибку, дабы приговоры, произносимые трибуналами, не носили в себе этой порочной формальности, которая подрывает доверие к приговору Трибунала»¹⁹⁸.

Крыленко отклонил все ссылки на статьи процессуального кодекса, мотивируя это тем, что тот должен был начать действовать только с 1 июля 1922 г., а статья об отводе судей в положении о народном суде на ревтрибунал не распространяется. Его попытка обойти вопрос о себе была настолько неуклюжей, что ее пресек председатель суда. Показательно, что отвечая на претензии обвиняемых и защиты, Крыленко сказал, что «[...]в действующем письменном законе не имеется ни одной статьи, которая говорила бы о праве отвода сторон».

¹⁹⁴ Там же. Л. 7–8.

¹⁹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. Л. 11.

Э. Вандервельде по возвращении за границу так прокомментировал происходящее: «Вообще должен сказать, конечно, что процесс ничего общего с судом и правосудием не имеет. Я уже сказал в Трибунале, что в Европе ничто подобное не было бы возможно. Ни в одной культурной стране нельзя себе представить, чтобы председатель суда – Крыленко, делегировал сам себя в качестве государственного обвинителя, своего свояка и подчиненного назначил председателем суда, а своей жене поручил ведение следствия и составление обвинительного акта. Когда Крыленко было указано, что его собственный циркуляр запрещает председателям суда выступать в качестве обвинителей, то он ответил, что этот циркуляр относится только к провинции. Далее, другим государственным обвинителем на суде выступает член правительства – комиссар Луначарский. Суд отказывает подсудимым в праве пригласить себе определенных защитников на том основании, что они не пользуются доверием Трибунала и т.д. и т.д. Вообще же председатель Пятаков в первый день процесса заявил, что ни о какой другой юстиции, кроме классовой, речи быть не может, и что поэтому Трибунал будет руководствоваться[,] прежде всего[,] интересами советского правительства. Говорить в таких условиях о беспристрастном приговоре, конечно[,] не приходится. До нашего отъезда заседания Трибунала носили характер политического митинга, на котором большевики пытались обвинить партию социалистическо-революционеров в том, что она защищала Временное правительство против октябрьского переворота, а затем – Учредительное собрание против тех, кто его разогнал.

Обвинительный акт представляет собою весьма неискusstную, на мой взгляд, попытку дать политическую историю русской революции с большевистской точки зрения»¹⁹⁹. Иностранцам от II и Венского Интернационалов Э. Вандервельде, А. Вотерсу, К. Розенфельду и Т. Либкнехту было заявлено, что условия Берлинского соглашения недействительны для Трибунала, т.к. заключались III Интернационалом, и все попытки апелляции к этому соглашению успеха не имели.

Вообще иностранные защитники были поставлены в весьма жесткие условия: беспрецедентная травля в газетах, митинги по пути их следования в Москву, оскорбления в зале суда, постоянная опека ГПУ, попытки рассорить их между собой и т.п. (см. док. № 16-89, 16-91, 16-92, 16-93, 17-5, 17-6, 17-7, 17-11, 17-13). Они честно и добросовестно пытались исполнить свои обязательства по защите подсудимых 1-й группы, но все их усилия и аргументы блокировались, а сами они подвергались оскорблениям и угрозам. Последней каплей, переполнившей чашу терпения посланцев Запада, стала дискуссия вокруг «гласности стенограмм» процесса (защита попросила разрешения вести частную запись стенограмм, получив отказ на просьбу ежедневно предоставлять официальные стенограммы обвиняемым и защите. Русская защита поддержала это требование, а А.С. Тагер даже ссылался на недавние прецеденты, когда по двум делам Трибунал разрешал вести частные стенограммы). Бухарин протестовал против ссылок Вандервельде на Берлинское соглашение (которым обеспечивалась гласность процесса) и назвал II Интернационал желтым. Это взорвало Вандервельде: «Бухарин сделал нападки на партии, которые я представляю, но я не буду возражать ему, ибо председатель мог бы остановить меня, так как это процесс соц[иалистов]-рев[олюционеров], а не II Интернационала, но если Бухарину угодно начать со мной политическую дискуссию, то я готов принять ее где угодно, и на каких угодно условиях, но конечно, не в этом зале, наполненном подобранной публикой, и в при-

¹⁹⁹ См.: Голос России. 1922. 25 июня. № 999.

сутствии одной лишь оплаченной прессы». И для иностранных защитников и для их подзащитных стало окончательно ясно, что своим присутствием они больше не должны санкционировать эту пародию на правосудие. После соответствующих заявлений защиты и обвиняемых последовали протест Верх-триба, обвинившего защитников в «политической демонстрации» и попытка их задержать. Иностранцы смогли получить выездные визы только после 24-часовой голодовки, и 19 июня они уехали домой.

Выступления и свидетельства защитников в заграничной социалистической прессе имели колоссальное значение и придали проводившейся там антибольшевистской кампании новое дыхание и размах. В телеграмме II и Венскому Интернационалам Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд писали: «После того, как мы оставили Россию, мы заявляем всему пролетариату следующее: 1) Верховный русский революционный трибунал игнорирует обещание, данное в Берлине III Интернационалом. 2) Представители сов. правительства заявили, что берлинское соглашение их не связывает. 3) Представитель III Интернационала Бухарин утверждает, что берлинский договор расторгнут.

Жизнь обвиняемых с.-р. в опасности. Мы апеллируем к рабочим всех стран и всех направлений:

Протестуйте против смертных казней».

* * *

Уход с процесса иностранных защитников оставил обвиняемых и русскую защиту наедине с судом и агрессивной настроенной публикой, подбор которой был первым и успешным опытом, использовавшимся и в других процессах. Невозможность отказаться от проведения открытого судебного процесса и, одновременно, желание избежать проблем, неизбежно возникающих при гласном процессе, заставили власть особо озаботиться подбором публики на процессе. 3 июня 1922 г. на заседании «центральной тройки», на котором помимо Троцкого и Каменева, присутствовали также Пятаков, Крыленко, Малкин и Уншлихт, была принята следующая резолюция: «Предложить МК обратить усиленное внимание: 1) на состав аудитории при суде и 2) на то, что все места, предоставленные МК, должны быть действительно заполнены. Меры к выполнению этих директив можно возложить [на] созданные в каждом районе двойки или тройки, которые следили бы за тем, чтобы билеты не передавались и чтобы билеты действительно использовались каждый день. Передача билетов в обывательские руки должна подвергаться строжайшей партийной каре. При МК должен состоять один ответственный товарищ, который наблюдал бы за проведением этих директив по районам. Тов. Малкину договориться с МК об организации и способах проверки» (см. док. № П-20).

На заседании «особой тройки» ГПУ 13 мая 1922 г., когда было решено детально разработать план распределения билетов, отмечалось, что необходимо «придерживаться принципа, положенного в основу при распределении билетов на партийные съезды. Тетройке надлежит обратить особое внимание на состав аудитории в зале суда, которая должна быть исключительно коммунистической»²⁰⁰. В конце мая 1922 г. решениями «особой тройки» ГПУ была определена пропорция в выдаче приглашенных билетов на процесс: 60 % билетов распространял МК РКП(б), 40 % (позже было сокращено до 30 %) – ГПУ. Из доли ГПУ выдавались

²⁰⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 20.

билеты также «родственникам обвиняемых, корреспондентам, техническому персоналу Верхтриба и представителям Наркоматов».

Анализ стенограмм процесса позволяет сделать вывод о том, что публика играла большую роль во время проведения суда. Она криками и свистом прерывала речи обвиняемых 1-й группы, порой заглушая их слова. Дело доходило до курьезов: несколько раз последние на выкрики зала «Долой» и «Вон их отсюда» не без сарказма отвечали, что находятся здесь не по своей воле. Встречая аплодисментами выступления обвиняемых и защитников 2-й группы, а также речи обвинителей, публика всячески поддерживала эсеров-ренегатов, создавая для них благоприятный психологический климат. Насколько остро обвиняемые 1-й группы чувствовали психологическое давление весьма недоброжелательного к ним огромного зала Дома Союзов, позволяют понять слова Е. Ратнер по поводу 12-часового режима работы. Отвечая Крыленко, она заявила: «Работа по содержанию заключенных очень тяжела, но быть заключенным в тюрьме еще тяжелее, и мы просим суд считаться с нашим психологическим и физическим состоянием. Лишенные всяких впечатлений в течение многих лет, мы не можем сразу привыкнуть к тому, что здесь происходит[,] и нам нужен довольно длительный промежуток времени, когда мы сумеем работать так интенсивно, как мы должны, а мы должны работать очень интенсивно, потому что нас 22 человека, и нам противостоит обвинение напротив, обвинение в лице суда, обвинение на скамье подсудимых и две тысячи обвинителей, которые сидят в зале (протестующий шум в зале)»²⁰¹.

Шум в зале иногда мешал стенографистам записывать речи выступающих, и стенограммы процесса фиксировали их не полностью. Председатель суда Пятаков неоднократно делал замечания публике, напоминая о недопустимости аплодисментов и свиста. Ему удалось в течение первых двух дней поддерживать тишину в зале, но потом вновь стали раздаваться аплодисменты, что Пятаков объяснил ротацией зрителей. Первая группа обвиняемых и их защита были вынуждены мириться с агрессией зала. Какие любопытные коллизии разворачивались в этой ситуации, видно из следующего эпизода. 16 июня 1922 г. Крыленко после допроса Коноплевой попросил Гоца прокомментировать факт прощупывания умонастроения просоветски настроенного генерала Парского. К этому моменту Пятаков был вынужден отметить, что публика «систематически сегодня мешает ведению дела», и напомнить: «Здесь только присутствуют и слушают, но не участвуют»²⁰². После ответа Гоца о его заинтересованности узнать умонастроение Парского с целью привлечения к «делу воссоздания Восточного фронта действительно дельного и республикански настроенного генерала» внезапно вспыхнул конфликт. Вот как это передано в стенограмме:

«Крыленко: Значит, с точки зрения обычной терминологии: в целях склонения к государственной измене.

Гоц: Это, гр. Крыленко, предоставляю Вам выразаться в ваших терминах, как Вам угодно. Свою точку зрения я сформулировал.

Крыленко: Ясно.

Гоц: Я считаю, что если считаться с тем, кто является государственным изменником, кто предавал Россию, кто предавал Революцию, то это Вы, а не мы, вы предатели России, (в публике шум, крик и свист). Это мой ответ вам и всем тем крикунам, крики которых меня очень мало интересуют.

²⁰¹ Там же. Т. 23. Л. 116.

²⁰² Там же. Т. 2. Л. 492–493.

Крыленко: Я хочу только просить Трибунал...

Гоц: Я просил бы хулиганствующие элементы сдержать, гр. Председатель.

Председатель: Я в некоторых моментах бессилён удерживать обвиняемых, которые имеют возможность, не покидая зала судебного заседания, здесь же совершенно не относящимися к делу крикливыми заявлениями вызывать соответствующее поведение публики.

Гоц: Я был спровоцирован Государственным Обвинителем.

Председатель: Государственный Обвинитель держался в рамках определенного закона. Если Вам, обвиняемый Гоц, угодно было спровоцировать публику на крик, то я принужден призвать к порядку и Вас, и публику.

Гоц: И прокурора Крыленко.

Председатель: Прокурор Крыленко был в полном праве квалифицировать определенные действия с точки зрения действующего в РСФСР закона. ... Вы можете реагировать в такой форме, какую Вы найдете удобной, т.е. путем выкриков, но не удивляйтесь публике, которая будет также реагировать соответственно.

Гоц: Я не удивляюсь»²⁰³.

Суть коллизии заключается в том, что вопреки общепринятой практике и существующим советским законам вместо двух состязающихся во время судебного разбирательства сторон как бы узаконивались права третьей стороны – публики, поддерживавшей сторону обвинения. Последнее разъяснение Пятакова Гоцу прямо указывало, что кроме законно установленных правил поведения обвиняемые должны учитывать реакцию публики. Фактически Пятаков признавал то, что несколько минут назад формально отрицал, – публика не только присутствует и слушает, но и реально участвует в процессе. Но даже такого участия публики в процессе оказалось недостаточным: обвиняемые 1-й группы, находясь под сильным моральным прессингом, иногда срывались, но в целом достойно противостояли гипертрофированному обвинению – обвинителям, суду, подсудимым и защитникам 2-й группы (произносившим, подобно Бухарину, порой откровенно митинговые речи), свидетелям обвинения и сидящим в зале. Уже первые несколько дней заседания суда показали, что обвиняемые 1-й группы и их защита оказались слишком «крепким орешком». Подвергая суд и обвинение весьма аргументированной критике за многочисленные нарушения принятого порядка следствия и судопроизводства, а также прямо обвиняя их в пристрастности, лояльности свидетелей обвинения и подсудимых 2-й группы на многочисленных неточностях, подтасовках и тенденциозности, квалифицируя одну часть подсудимых 2-й группы как предателей, а другую как малодушных людей, демонстрируя свое презрение специально подобранной публике, подсудимые 1-й группы снижали пафос процесса, который все заметнее буксовал, грозя окончиться моральной победой не сломленных эсеров. Исчерпав все более или менее законные средства психологического давления на «непримиримых» эсеров, власти использовали заранее приготовленную, беспрецедентную в судопроизводственной практике (и совершенно незаконную) меру – дать право голоса на суде лицам, не имевшим никакого отношения к процессу – представителям рабочих коллективов. Вероятно, власть планировала таким образом убить сразу двух зайцев – морально сломить «непримиримых», повторявших, что признают суд только «трудящихся масс», которым они служат, и показать всему миру, а главное – стране, что сотни тысяч рабочих клеймят и ненавидят эсеров, предавших их интересы.

²⁰³ Там же. Т. 24. Л. 494–495.

Впрочем, само предварительное решение об этом было принято еще 3 июня 1922 г. На заседании «центральной тройки» было решено составить группу рабочих свидетелей с заводов, которые, являясь на процесс, «должны предварительно иметь за собой одобрение максимального числа крупных заводов Москвы, снабженные подписями», а также «признать крупную манифестацию желательной, но не приурочивать ее к 1-му дню процесса, а вырешить вопрос о манифестации в связи с успехом кампании с подписями. В 1-й день процесса ограничиваться сравнительно небольшой демонстрацией»²⁰⁴. А уже 7 июня 1922 г. на заседании «агиткомиссии» шла речь о ряде подготовительных мер к проведению демонстрации (и ее агитационной поддержке) 20 июня, в четвертую годовщину убийства Володарского.

Тщательно подготовленная демонстрация 20 июня приняла грандиозный размах (по официальным данным в ней участвовало 300 тыс. чел.). Демонстрации предшествовала мощная газетная кампания, достигшая своего пика 20 июня 1922 г. После укороченного рабочего дня колонны демонстрантов в сопровождении духовых оркестров с плакатами, клеймящими «предателей-эсеров» (от «кричащих форм демонстрации (агит-трамвайные вагоны и проч.)» и «участия воинских частей в демонстрации в каком бы то ни было виде» – на заседании «агиткомиссии по эсеровской кампании» при ЦК РКП(б) 13 июня 1922 г. было решено отказаться), собрались на Красной площади, где перед ними выступили председатель митинга Каменев, председатель трибунала Пятаков, обвинители Крыленко и Цеткин, защитники 2-й группы Бухарин, Кон, Садуль, а также целый ряд видных русских и западных коммунистов, делегированных Коминтерном. Ввиду участия в митинге членов суда, обвинителей и защитников 2-й группы состоялось лишь вечернее заседание суда. Здесь-то и развернулось главное действо.

Председатель суда Пятаков неожиданно объявил о двух ходатайствах рабочих Москвы и Петрограда. Первые прислали на суд делегацию из семи человек (по одному от каждого из районов Москвы), вторые просили зачитать заявление от имени рабочих 24 заводов Петрограда. Крыленко, отметив отсутствие прецедентов (оговорившись, впрочем, что «ссылки на прецеденты не наши»), посчитал возможным предоставить слово рабочим, ибо отказать им «это значило бы в данном случае войти в противоречие со всем духом строения нашей Пролетарской республики, в частности[,] с духом строения нашего Пролетарского Суда»²⁰⁵. Адвокат 1-й группы обвиняемых Муравьев, не видя «никаких законных оснований» для подобного действия, потребовал их отклонения²⁰⁶. От имени «другой части защиты» с поддержкой «инициативы» рабочих выступил Бухарин²⁰⁷. Подсудимые 1-й группы устами Гендельмана от слова для заявления по этому вопросу отказались, очевидно, понимая, как это может быть истолковано пропагандой. Выступления рабочих, сопровождавшиеся громом аплодисментов, внесли «новое слово» в практику судебных процессов и поражают своей колоритностью. В первой же речи, прозвучавшей от имени рабочих Бауманского района, отмечалось, что рабочие решились выступить, «узнав, что эсеры хотят суд над собой превратить в суд над рабочим классом, нагло заявляют, что все их преступные деяния поддерживали рабочие и работницы»²⁰⁸. Заканчивалась декларация требова-

²⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 8.

²⁰⁵ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 25. Л. 312–314.

²⁰⁶ Там же. Л. 317.

²⁰⁷ Там же. Л. 317–318.

²⁰⁸ Там же. Л. 319.

нием «справедливой и суровой кары нашим врагам». Это требование было поддержано неким слесарем Вейнером, утверждавшим, что «рабочие Кремля требуют того же»²⁰⁹.

Рабочий Кульков от имени «замоскворецкого района» заявлял: «Партия эсеров вновь хочет гражданской войны, вновь стремится окончательно разорить нашу страну, нет пощады подобным преступникам»²¹⁰. Рабочий завода Михельсона Иванов очень красочно описывал сцену покушения на Ленина: «[...] в этот момент подходит гимназист наподобие Лихача, который сидит здесь, это был когда-то товарищ, сейчас не товарищ. Такое лицо приходит и останавливает Ильича, потому что здесь было подготовлено, что на заводе Михельсона мы можем сделать известное дело. Я могу сказать откровенно, что у меня было подозрение на одного черноморского моряка, наподобие товарища в черной рубаше, который тут сидит – я его не знаю, но тоже такой тип с черноморской ленточкой и в желтой накидке, но я[,] к сожалению[,] не поймал этого товарища»²¹¹. В декларации рабочих Хамовнического района заявлялось: «Пусть высшая мера наказания постигнет этих врагов народа, убивших славных вождей пролетариата тов. Володарского, Урицкого и посягнувших на жизнь дорогого Ильича. Им недостаточно быть на месте среди торжествующего пролетариата, этим Иудам, предателям, торгующим своими убеждениями и продававшим их мировому капиталу»²¹². Рабочий Нелидов от Краснопресненского района выразил от имени «демонстрации в 50.000 товарищей» – «свое пролетарское презрение» к эсерам, «которые сотрудничали с международной буржуазией, которые взрывали мосты и уничтожали продовольствие, последствием чего пролиты моря пролетарской крови и немало рабочих померли преждевременно от голода и холода»²¹³. Аналогичными по тональности и лексике были и другие выступления.

Председатель суда Пятаков дважды брал слово – после речей московских, а затем петроградских делегатов. В первом своем выступлении он постарался сохранить реноме суда, допустившего замену всех мыслимых юридических норм средневековой вакханалией и митинговой демагогией. Очевидно, вспомнив о презумпции невиновности, сказал: «Товарищи, то, что вы здесь говорили о партии социалистов-революционеров, не все еще подтверждено, не все, быть может, правильно, не все, быть может, точно. Здесь на суде Верховного революционного трибунала речь идет не просто о политическом споре, речь идет об ответственности, о тяжелой ответственности отдельных живых людей и потому мы со всей тщательностью разбираем все доказательства как за, так и против вины как отдельных лиц, так и целых организаций партии социалистов-революционеров»²¹⁴. Впрочем, во второй своей речи председатель прямо заявлял, что трибунал не будет беспристрастен в своей оценке врагов Советской власти: «Если мы установим в данном случае виновность лиц, участвовавших в вооруженной борьбе против Советской власти, то для нас безразлично, кто начал эту борьбу, для нас важно, против кого ведется борьба, за кого, за какие интересы[...] Мы просим от имени Революционного трибунала передать Питерскому пролетариату, что он может быть в полной уверенности, что его суд, суд рабочих, в лице Верховного революционного трибунала

²⁰⁹ Там же. Л. 320.

²¹⁰ Там же. Л. 321.

²¹¹ Там же. Л. 323.

²¹² Там же. Л. 326.

²¹³ Там же. Л. 327.

²¹⁴ Там же. Л. 337.

вынесет тот приговор, которого заслуживает всякий отдельный участник гражданской войны»²¹⁵.

На следующий день защитники первой группы потребовали стенограммы предыдущего заседания и перерыва работы суда для того, чтобы оценить происшедшее с правовой точки зрения. По их мнению, происшедшее «разломало рамки существующих законов», и на вечернем заседании 22 июня Муравьев от имени всех защитников сделал официальное заявление. Указав, что нарушена статья 8 «Наказа кассационным коллегиям Верховного Трибунала о поводах к отмене приговоров», гласившая, что участие в судебном заседании любого лица, кроме предусмотренных процессуальными нормами дает основание для «безусловной» отмены приговора, и отметив, что председатель суда и государственный обвинитель к тому же выступали на митинге, где звучали требования смертной казни (а рабочие в суде оказывали давление на судей и оскорбляли подсудимых), Муравьев потребовал начать новое судопроизводство, при новом составе суда и новом обвинителе.

Представляется, что власти недооценили способности защиты пойти на такое обострение ситуации и устами Пятакова и Крыленко пытались доказать, что ничего экстраординарного в том, что дали высказаться рабочим, не произошло, а их заявления не повлияют на объективность суда и приговора. Крыленко заявлял, что защита никак не доказала, что участие рабочих оказало влияние на совесть судей, а посему ходатайство защиты следует отклонить. Защитники второй группы устами Ф. Кона также выступали против роспуска трибунала. Слова Муравьева – «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими», были встречены криками зала и замечанием председателя суда – «за оскорбление русского народа».

После зачтения Пятаковым письменного заявления защитников о сложении с себя обязанностей, вечернее заседание 23 июня прошло в дебатах о праве защитников отказаться от их «публично-правовой обязанности», закончившихся отказом суда в просьбе защитников.

Вечером 24 июня Гендельман от имени обвиняемых первой группы заявил об освобождении защитников от их обязанностей и самостоятельной защите. Крыленко попросил трибунал обратиться в Моссовет и Наркомат юстиции с ходатайством о лишении защитников практики и привлечении их к уголовной ответственности за отказ выполнять взятые на себя общественные функции. Трибунал обвинил защитников в том, что они прячутся за спины своих подзащитных и потребовал от каждого из защитников и обвиняемых письменного заявления.

24 июня 1922 г. председательствующий Пятаков огласил следующее решение Верхтриба: «Верховный Трибунал в своем заявлении от 24-го июня, заслушав заявление от группы 22-х обвиняемых обвиняемого Гендельмана, а также заявление Морачевского и, принимая во внимание, что в этом заявлении было сказано, что обвиняемые – лишь дают свое согласие на освобождение защитников от их обязанностей, выразив в дальнейшем полное удовлетворение их действиями на суде, что дальнейшие заявления обвиняемых выражают тот факт, что защитники прячутся за спины своих подзащитных, стремясь уклониться от участия в процессе, вступившем в самую трудную и ответственную фазу своего течения, что, с другой стороны, мотивировка освобождения защитников от их обязанностей совершенно беспредметна, что, наконец, группа обвиняемых тем

²¹⁵ Там же. Л. 346.

не менее выразила свое определенное ходатайство об освобождении ее защитников, ОПРЕДЕЛИЛ:

1) Весь материал о поведении защитников препроводить Народному Комиссару Юстиции для принятия соответствующих мер.

2) Затребовать от каждого защитника в отдельности письменные индивидуальные заявления о том, что они не могут исполнять свои обязанности»²¹⁶.

Судя по отраженной в стенограмме двухдневной ожесточенной полемике по данному вопросу, есть основания полагать, что уход защиты явился достаточно тяжелым для защитников и обвиняемых 1-й группы решением, которое вытекало из невозможности для защиты непрерывно возвращать процесс в чисто юридические рамки, которыми не собирались себя больше ограничивать большевики. Об этом, в частности, в несколько завуалированной форме сказал Трибуналу А.С. Тагер, выступая от лица уходившей группы защитников: «Мы должны отказаться от задач защиты, в которую никаких политических целей, никакой политической игры с самого начала не вкладывалось. По всему методу отношения и по всему характеру, пределу и объему интереса, которые проявила защита при исследовании фактов, и обвинитель и суд могут убедиться. Но есть положения, в которых даже фактов нельзя себе позволить исследовать, ибо не факты сами по себе говорят, а оценка их говорит, говорит их сопоставление и выводы из них говорят[...] мы больше стоим между обвиняемыми и Вами моральной силы не имеем»²¹⁷.

М.Я. Гендельман, на которого как опытного в прошлом юриста, получившего профессиональное образование за рубежом, и легла затем громадная нагрузка по обеспечению юридической защиты обвиняемых, заявлял в своем выступлении 24 июня: «Мы отказываемся от участия наших защитников в процессе и вообще от назначения нам каких бы то ни было защитников в дальнейшем[...] Мы считаем, что после того, как наша защита здесь дискредитирована, после того, как она подверглась оскорблениям[...] мы полагаем, что это создает и для защитников и для нас моральную недопустимость дальнейшего пользования их услугами. Получается такое впечатление, что, с одной стороны, они определенным образом третируются, с другой стороны дальнейшее их пребывание в процессе создает видимость, как будто бы все благополучно и ничего не произошло. Мы сами будем своими силами бороться с предъявляемым нам обвинением. Защитники уйдут, процесс будет продолжаться так же, как он шел до сих пор»²¹⁸.

О том, что отказ подсудимых 1-й группы от защиты был своего рода ответным ударом на грубое попрание большевиками процессуальных норм событиями 20 июня 1922 г., свидетельствовало еще одно заявление Гендельмана, сделанное в тот же день: «После того, как мы установили, что с точки зрения защитников, с той точки зрения, которую они здесь подробно излагали, события, имевшие место 20-го июня, являются настолько крупным процессуальным нарушением, которое заставляет их ходатайствовать о том, чтобы был изменен весь состав Суда, после этого мы сделали свой вывод. И, следовательно, инициатива принадлежит нам.

Верна или не верна та оценка, которую наши защитники дали имевшему место процессуальному нарушению, это дело их убеждения, и я могу только констатировать, что когда обсуждался вопрос о допущении

²¹⁶ Там же. Л. 467–468.

²¹⁷ Там же. Т. 26. Л. 463–464.

²¹⁸ Там же. Л. 456–457.

Вами (председательствующим Пятаковым – *Авт.*) делегации, то их точка зрения совпадала с точкой зрения обвинителя (Крыленко – *Авт.*), который указывал, что это идет в прямой разрез с действующими положениями права. Теперь гражданин обвинитель считает, что здесь (с уходом защиты – *Авт.*) имеет место крупное, чуть ли не уголовное нарушение. Что это значит? Это значит, что гр-н обвинитель всякое инакомыслие по отношению к нему со стороны защитников рассматривает как уголовное деяние...»²¹⁹.

Дальнейшая судьба адвокатов первой группы обвиняемых «блестяще» подтвердила печальную правоту слов Гендельмана. Своими высокопрофессиональными действиями и мужественной гражданской позицией защитники, подкрепляя весьма сильные моральные и политические позиции обвиняемых эсеров грамотной юридической защитой, доставили немало хлопот сценаристам процесса. И власть по достоинству оценила их труд. 18 августа по приказу начальника СО ГПУ Самсонова адвокаты Жданов, Муравьев и Тагер были арестованы. С Муравьева и Тагера была взята подписка о прибытии к 8 декабря 1922 г. в Казань, куда они ссылались на три года. Гуревич, которого ГПУ уличило в передаче члену ЦБ ПСР Г.К. Покровскому стенограмм процесса, в августе 1922 г. был выслан в административном порядке в Нижний Новгород сроком на два года. Безусловно, отказ от участия в процессе сначала иностранных («социал-соглашательских», по терминологии Бухарина), а затем и русских («буржуазно-цензовых») защитников наносил серьезный удар по самому процессу, срывал с него последние остатки флера законности и объективности. Естественно, ГПУ отомстило русским защитникам за столь демонстративное поведение.

Следует отметить, что с уходом защитников обвиняемых первой группы процесс отнюдь не утратил остроты двусторонней борьбы вокруг обсуждавшейся фактической, уликовой стороны. То, что самозащита велась подсудимыми 1-й группы достаточно грамотно и эффективно, склонны были признать защитники обвиняемых 2-й группы С.В. Членов и П.А. Шубин, вынужденные искать объяснения тому, что обвиняемые первой группы блестяще противостояли и государственному обвинению (все время убедительно указывая на нестыковки и прямые фальсификации следственного материала) и обвиняемым-рenegатам вместе с их защитниками (но в основном, конечно, обвинителями первой группы подсудимых), часто путавшимся в своих показаниях.

Выступая в защиту Семенова, П.А. Шубин высказался следующим образом:

«И вас не должно удивлять, почему в этой уликовой борьбе (за непризнание своей причастности к террору – *Авт.*) подсудимые отказались от адвокатов. Для того, чтобы защитить Иванову, отрицая фактическую правду и импровизируя тут же на суде соответствующую версию, нужно знать о ее деятельности не меньше, чем знает Гендельман. Для того, чтобы защищать Гоца в этой области – в вопросе о терроре, чтобы вести его линию, отражая прорывавшиеся в судебном следствии улики, нужно знать не меньше, чем знает сам Гоц. И кто бы ни защищал ЦК в суде, ему тайну своей партии не могли доверить в вопросе о терроре»²²⁰. Развивая мысль, что самозащита обвиняемыми первой группы велась солидарно, чего, к огорчению для защищавшего Коноплеву Членова, не в состоянии

²¹⁹ Там же. Л. 466.

²²⁰ Там же. Т. 35. Л. 393.

были продемонстрировать обвиняемые 2-й группы, которые поэтому постоянно находились под прессингом «чекистов», и без адвокатов находивших слабые места и противоречия в показаниях Семенова и его группы, Членов утверждал: «[...]подсудимые первой группы являются компактным коллективом, сплоченным партийной дисциплиной и возглавляемым ЦК[...] Поскольку они смотрят на вас, как на суд своих врагов, постольку они вам правды говорить не обязаны. Еще раз повторяю: совершенно правильно гражданин Гендельман это подчеркнул. Вся конструкция защитительной речи представителя 1-й группы по этому вопросу строилась на ловле обвиняемых 2-й группы и целого ряда свидетелей на множестве мелких противоречий относительно того, когда было[...] Это с одной стороны, а с другой стороны, эта речь строилась на том, что гр. Гендельман, которому на судебном заседании помогали другие обвиняемые, устанавливал целый ряд противоречий между показаниями нашей группы обвиняемых сейчас и их показаниями на предварительном следствии. Мы ответить тем же не можем. Сплоченная группа, сидящая на первой скамье предусмотрительно не давала никаких показаний на предварительном следствии. Между показаниями отсутствующими и показаниями, после долгого совместного размышления и по директивам ЦК данными на судебном следствии, конечно, противоречия быть не может. И если наши обвиняемые давали по 5-ти показаний по требованию судебных властей, то тем более могут быть противоречия»²²¹.

Далее в защитной речи Членова последовал пассаж, заслуживающий воспроизведения: «Можно быть разного мнения о следственных способностях ВЧК, но думаю, что в 1922 году, после 4-х лет практики, если бы она хотела сочинить инспирированный процесс, и если бы все эти граждане (2-я группа – *Авт.*) были бы в этом направлении их орудием, то здесь сочинили бы так, что не было бы дешевых триумфов Гендельмана и Лихача по поводу противоречий, а все было бы так чисто, что комар носа не подточит[...] противоречие было и остается, потому что никакого процесса не сочиняли, каждый говорил правду так, как помнил. Вот откуда противоречия создались и именно в них лучшее доказательство того, что дело было так, как оно представлено здесь»²²².

Советский защитник умудрился все поставить с ног на голову, пытаясь спрятать становящееся чем дальше, тем больше явным то обстоятельство, что ВЧК–ГПУ «сшило» следственный материал настолько поспешно, что «латание», проведенное следственным отделом Верхтриба, не только не устранило имевшихся «прорех» в следственных материалах ГПУ, но и породило новые, которые то и дело проявлялись в ходе судебного слушания. Членов же попытался браком и непрофессионализмом работы следствия ГПУ и следствия Верхтриба, а также неспособность государственного обвинения, всего состава суда и защитников 2-й группы с их порой митинговыми речами справиться с ситуацией, спрятать за рассуждениями (весьма типичными для большевиков в это время) о том, как тяжело быть обвинителем и как легко быть обвиняемым (чекисты чуть позже по этой же логике жаловались, как плохо ведут себя в тюрьме эсеры-«чекисты», которых якобы кормят как нэпманов, не желающие понимать, насколько тяжела работа тюремщиков, и почему-то считающие их палачами).

Представляется, что указание Членова на 4-летний опыт ВЧК, который позволил бы инспирировать процесс так, что даже на гласном про-

²²¹ Там же. Л. 334.

²²² Там же. Л. 376.

цессе «комар носа не подточил» бы, критики не выдерживает. В том-то и дело, что не было необходимости у следователей ВЧК работать так чисто, чтобы их обвинения не рассыпались на настоящих гласных процессах (с состязательностью сторон, с квалифицированными адвокатами, с освещением в прессе и т.п.), по причине отсутствия таковых. Не было опыта у чекистов и следователей и судей Верхтриба работать «чисто», и в этом они очень серьезно уступали жандармам и прокурорам царского времени.

Гендельман в своей защитительной речи и репликах на завершающей стадии суда так говорил об анализе уликовой стороны обвинения: «Там было только освещение внутренней причинной связи событий и их смысла, и я этим доказывал, как нелепо была построена вся обвинительная версия. Вот повод нашего преимущества перед обвинением, и я должен сказать, что наше преимущество заключается исключительно в недоброкачественности вашего материала»²²³. И далее Гендельман подчеркивал, что обращается к подробному анализу обстоятельств и улик вовсе не потому, что опасается политической стороны суда: «Я должен сказать, что мало весело было для меня заниматься всеми этими пререканиями и разбором всех улик[...] Гораздо охотнее здесь я последовал бы примеру Луначарского, Бухарина и т.д., так как по существу здесь идет политический спор, гораздо приятнее было бы заняться другим делом, действительно дать политический бой, поднять эту перчатку гражданам Луначарского, Покровского, Бухарина и др.»²²⁴. Безусловно, ответить на митинговую, политическую речь такой же речью для членов эсеровского ЦК, среди которых были и очень сильные ораторы, было бы и проще и приятнее, чем ловить обвинение на лжи и фальсификациях. Но в том-то и дело, что они повели себя более адекватно, что и позволило им легко противостоять хоть и громогласным, но зачастую легковесным речам Луначарского, Бухарина, Покровского. Впрочем, «теоретическую речь» сделала из своей защитительной речи Е.М. Ратнер, да и другие эсеры не упускали случая ответить на выпады своих врагов (впрочем, их, как, правило, обрывали, напоминая о том, что судят не РКП(б), а ПСР).

* * *

Приближавшийся день вынесения приговора все с большей остротой ставил перед властями вопрос о степени суровости наказания. С одной стороны, организаторы процесса опасались (и небезосновательно) эсеровского террора в случае приведения в исполнение смертных приговоров хотя бы для части подсудимых. (Эти опасения базировались на хорошем знании настроений российских и зарубежных эсеров, имевших в это время и силы и возможности для ведения террористической борьбы, и стали одной из причин, почему в большевистской элите оказалось немало противников смертного приговора для подсудимых эсеров). С другой – вопросу о формуле приговора придавала остроту и ситуация вокруг процесса в стране и за рубежом.

Архивные документы позволяют воссоздать узловые моменты динамики позиций большевистского руководства по поводу формулы приговора. 9 марта 1922 г. Г.В. Чичерин сделал запрос руководству ГПУ о характере и предполагаемом исходе процесса. 10 марта Г.Г. Ягода писал

²²³ Там же. Т. 36. Л. 66.

²²⁴ Там же. Л. 93.

В.Р. Менжинскому: «Процесс политический, дело Ц.К. дать задание, в зависимости от обстановки мое мнение о в[ысшей] м[ере] не может быть речи, придется держать; если процесс вызовет разложение в партии с.-р. и вожди-лгуны потеряют авторитет, можно будет выйти с ходатайством о замене заключения высылкой за границу» 11 марта в своем официальном ответе Чичерину Уншлихт указывал: «Цель процесса эсеров главным образом политическая – разоблачить п.с.р. Конечно, нельзя предвидеть приговора Верховного трибунала, но я полагаю, что чересчур суровым наказание не будет».

Первое согласованное мнение членов Политбюро было выработано 17–18 марта 1922 г. и оглашено в виде «ноты Курского». В нем вопрос о возможном исходе процесса намеренно оставался открытым: «На самом деле не только не вынесено приговора по делу об убийцах, членах партии с.р., [...] но даже не было еще суда и не вручено еще судом обвиняемым обвинительного акта». К этому добавлялось, что советское правительство не отказывается и «от деловых предложений, вроде предложения обмена пленных или освобождения тех или иных категорий пленных» (см. док. № 16–38).

В апреле 1922 г. на Берлинском совещании представители II и II 1/2 Интернационалов, предваряя сам процесс и желая добиться от большевиков публичных гарантий, добились от представителей Коминтерна Бухарина и Радека подписания соглашения, согласно которому трибуналом не будет вынесен смертный приговор. «Мы заплатили слишком дорого»²²⁵, – так емко выразился сам В.И. Ленин в заголовке своей статьи в апреле 1922 г. об обещаниях Н.И. Бухарина и К.Б. Радека, данных лидерам II и II 1/2 Интернационалов не выносить кому-либо из обвиняемых смертного приговора и допустить на процесс иностранных защитников. Оказавшись связанными данным обязательством, большевистские руководители, особенно Ленин, расценили это как давление на них. В конце апреля ими была предложена альтернативная формула: Верхтриб будет выносить приговор на основании судебных слушаний. В случае же вынесения части обвиняемых смертного приговора выполнение большевиками взятых на себя в Берлине обязательств «состояло бы в амнистии через высший политический орган страны: через Президиум ВЦИК»²²⁶.

Публикуемые документы открывают возможность для достаточно полной реконструкции основного хода событий и кульминационного пункта борьбы вокруг приговора лидерам и активистам партии социалистов-революционеров (обвиняемым 1-й группы, поскольку судьба других была предрешена их ролью фактических пособников обвиняющей стороны). Следует различать (и это четко прослеживается по информационным материалам, предварявшим и сопутствовавшим процессу) две формы этой борьбы – открытую, публичную, и скрытую, конспиративную. Первая отражена достаточно определенно в официальных документах (Берлинское соглашение трех Интернационалов, «нота Курского», обращения к Советскому правительству со стороны зарубежных организаций, частных лиц и т. д.). Относительно второй, закулисной стороны борьбы вокруг формулы приговора, его утверждения и вступления в силу сведения в архивных фондах не носят столь же полного и систематизированного характера, однако ключевые моменты нашли здесь свое отражение. Есть все основания утверждать, что по данным вопросам шла если не борьба, то имелись определенные разногласия как внутри правящей большевистской верхушки, так и внутри руководства Коммунистического Интернационала.

²²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 140–144.

²²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 27.

Так, лидеры большевиков приложили большие усилия и понесли значительные издержки, стремясь дезавуировать Берлинское соглашение трех Интернационалов о невынесении смертного приговора обвиняемым и перевести вопрос о приговоре из плоскости политической в юридическую (см. «ноту Курского», док. № 16-44). При этом резервной оставалась роль Коминтерна в этих событиях. На всех стадиях подготовки и осуществления процесса Коминтерн в лице своего руководства (Исполкома) был призван играть функцию политического буфера между советским руководством и зарубежным, прежде всего европейским, общественным мнением, чтобы в нужный момент вновь перевести вопрос о приговоре из юридической плоскости в политическую.

Вместе с тем сам ход процесса изобиловал такими поворотами и коллизиями, которые делали преобладающими политические аспекты, превращая суд в судилище. Достаточно назвать инспирированную организаторами процесса показательную демонстрацию 20 июня 1922 г. с участием рабочих, на которой звучали призывы к смертной казни лидеров ПСР. 25 июня, выступая на Московской губернской партконференции, Рязанов впервые и отчетливо поставил вопрос о необходимости рассматривать процесс как политическое явление, главной целью которого является «политическое уничтожение партии эсеров», а не смертная казнь для ее лидеров (см. док. № П-72). Каменев тотчас определил это как «пропаганду против возможного решения о смертной казни». То, с каким ожесточением обрушился на Рязанова Каменев, являвшийся руководителем «тройки» Политбюро по ведению процесса, служило показателем настроений, господствовавших в руководящих кругах большевиков. Вместе с тем демарш Рязанова стимулировал поиски необходимой формулы, в которой политическая и юридическая сторона сочетались бы друг с другом. Каменевской «тройке» было поручено не позднее 5 июля 1922 г. выработать и согласовать с задействованными в процессе учреждениями власти итоговые документы. Однако рассмотрение вопроса, как и сам ход процесса, существенно затянулось. 10 июля 1922 г., вероятно, по предварительному соглашению с Каменевым, инициативу проявил Зиновьев, предложивший к рассмотрению на заседании Политбюро «Проект открытого письма исполкома Коминтерна Президиуму ВЦИК» по поводу «приговора вождям эсеров». Внеся несколько чисто редакционных правок, а, следовательно, поддержав этот проект письма Коминтерна, Каменев отправил документ другому влиятельному члену «тройки» Троцкому. Суть позиции руководства Коминтерна состояла в том, что оно, признавая возможность вынесения смертного приговора обвиняемым, предлагало «отказаться от приведения смертного приговора в исполнение», поскольку «партия эсеров Московским процессом в сущности говоря, политически разбита». Нетрудно заметить, что предложенная Зиновьевым формула содержала компромисс между юридической и политической сторонами итога процесса, весьма приемлемый и для Коминтерна, сохранявшего тем самым свое «лицо» за границей.

Однако обсуждение инициативы Зиновьева на заседании Политбюро 13 июля внесло коррективы в замысел лидера Коминтерна: никаких заявлений (тем более открытых) со стороны Коминтерна до вынесения судом приговора; саму формулу приговора предварительно вырабатывает ЦК, затем она сообщается в Президиум ВЦИК и далее «доводится до сведения Исполкома Коминтерна». Таким образом, письмо Зиновьева «до поры» было заблокировано. Между тем, мнение Зиновьева о неприменении высшей меры наказания к обвиняемым, выражавшее позицию других членов Исполкома Коминтерна, стало распространяться в кругах высокопоставленных коммунистов, вовлеченных в обеспечение процесса. Реше-

нием Политбюро была даже создана «комиссия Молотова», поставившая в вину Луначарскому распространение информации о подобных намерениях руководства Коминтерна. 27 июля Политбюро сочло, что со стороны Зиновьева фактически была допущена «утечка» информации о наличии разногласий в ЦК по поводу будущего приговора. Косвенным свидетельством такой утечки может служить письмо И.А. Рубановича в ЗД ПСР от 17 июля 1922 г., в котором он сообщал после встречи с Э.Вандервельде: «Один его друг говорил в Гааге с Литвиновым, который уверял, что смертных казней не будет. И даже... дал **честное слово**»²²⁷.

Таким образом, по мере приближения окончания процесса нарастало напряжение уже не столько в связи с формулировкой приговора трибунала, сколько по постановлению ВЦИКа и позиции Исполкома Коминтерна по утвержденному ВЦИКом приговору.

30 июля лидеры немецких коммунистов К. Цеткин и Г. Брандлер направили в ИККИ предложение, согласно которому последний «мог бы обратиться к Совправительству с ходатайством о помиловании, т.е. помиловании в смысле не приведения в исполнение смертного приговора» (см. док. № 17-55). В сложившейся ситуации Зиновьев как председатель ИККИ решил воспользоваться заблокированным Политбюро проектом открытого обращения ИККИ по поводу приговора обвиняемым, тем более что Цеткин и Брандлер также предлагали советской стороне отказаться от приведения смертного приговора в исполнение. Вместе с тем в начале августа даже внутри Политбюро единства не было. Смертный приговор части обвиняемых первой группы стал аксиомой, но далее начинались тактические разногласия. Накопленная в секретариате ЦК разнообразная информация, в т.ч. от Л. Сосновского и Е. Преображенского – эмиссаров, посланных ранее для зондажа западного левого общественного мнения, подталкивала к необходимости компромисса в духе предложения ИККИ. В то же время один из дипломатов Мостовенко предлагал применить высшую меру наказания к двум обвиняемым (вероятно, Гоцу и Донскому).

В промежутке между 4 и 7 августа состоялось заседание Политбюро (в неполном составе), где голосами Троцкого, Сталина, Молотова и Томского против голосов Каменева и Рыкова поначалу было принято предложение Троцкого «дать директиву Президиуму ВЦИК расстрелять 4-х эсеров» (см. док. № 17-60). Однако Каменев, показавший себя ранее сторонником предложения Зиновьева, воспользовался правом перенесения спорных вопросов на заседания Пленума ЦК. Вскоре выяснилось, что и при более широком круге вовлеченных в обсуждение партийных функционеров число сторонников позиций Каменева и Троцкого приблизительно равно. В этой ситуации Каменев предложил приговор о смертной казни подсудимых 1-й группы в исполнение не приводить и заменить его пожизненным заключением, а при определенных условиях в дальнейшем смягчить и это наказание. Троцкий же, вынужденный пойти на уступки, в противовес «мягкому» варианту Каменева выдвинул вариант, предполагающий приостановление исполнения приговора в отношении смертников и превращение последних в фактических заложников.

Каменев и Зиновьев попытались в последний раз вернуть формулу постановления президиума ВЦИК в требуемое русло. 7 августа возглавляемая ими группа членов ИККИ от РКП(б), считая ошибочной «прямую формулировку о заложничестве», предложила обсудить поправку Каменева и решить вопрос путем опроса членов ЦК. Позиция Троцкого, как показали результаты голосования на Пленуме ЦК партии 8 августа, на-

²²⁷ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

шла поддержку большинства. В итоге постановление Президиума ВЦИК по приговору Верхтриба приобрело вид механического соединения текстов двух проектов (Каменева и Троцкого). От «мягкого» каменевского текста осталась преамбула постановления, где объяснялась необходимость неприменения смертной казни, а также пояснение того, при каких условиях возможно смягчение приговора в будущем. Стержень же постановления составила «жесткая» установка Троцкого: приговор смертникам утвердить, «но исполнением приостановить». Что же касается воззвания ИККИ, то оно приняло другую тональность. Оно поддерживало решение большевистского руководства, выработанное с таким трудом и оставившее вопрос об исполнении смертного приговора части подсудимым открытым.

Проявление внутри большевистского руководства разногласий по этому острейшему вопросу заслуживает специального анализа. Расхождения между «непримиримыми» и «мягкими» лидерами большевиков не были одномоментными, они проявлялись постоянно на протяжении 1922 г. и при обсуждении «расстрельных» приговоров применительно к духовенству.

* * *

Судьба же обвиняемых на процессе перешла в новую фазу. По приговору 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания (исполнение было отложено и превратило «смертников» в заложников, на случай активной, прежде всего террористической деятельности эсеров) были приговорены 12 подсудимых 1-й группы: В.В. Агапов, А.И. Альтовский, М.Я. Гендельман, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, Д.Д. Донской, Н.Н. Иванов, Е.А. Иванова-Иранова, М.А. Лихач, С.В. Морозов, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеев. Остальные обвиняемые из этой группы получили различные сроки заключения: Н.И. Артемьев, А.В. Либеров, Д.Ф. Раков, Ф.Ф. Федорович – по десять лет строгой изоляции, Е.С. Берг, М.И. Львов, В.Л. Утгоф-Дерюжинский – по пять лет строгой изоляции, Г.Л. Горьков-Добролюбов – три года строгой изоляции, П.В. Злобин – два года строгой изоляции. Подсудимые 2-й группы Ю.В. Морачевский и Г.М. Ратнер были оправданы, Г.И. Семенов, В.И. Игнатьев и Л.В. Коноплева были приговорены к высшей мере наказания, а остальные – к различным срокам наказания (И.С. Дашевский – три года, П.Т. Ефимов – десять лет, Ф.В. Зубков, К.А. Усов, Ф.Ф. Федоров-Козлов – пять лет, П.Н. Пелевин – три года, Ф.Е. Ставская – два года). Впрочем, по ходатайству Верхтриба Президиумом ВЦИК все они были помилованы и освобождены от наказания.

Степень жесткости наказания членов 1-й группы подсудимых ранжировалась и определялась сугубо политическими и пропагандистскими мотивами, т.к. все они (так же, как и их товарищи, которых не вывели на процесс) были обречены провести остаток своей жизни в тюрьмах, лагерях и ссылках. В высшей степени символична и показательна ситуация вокруг Г.Л. Горькова-Добролюбова, которая могла бы стать символом всего процесса. Он был приговорен к трем годам, но 18 сентября 1922 г. подал в Верховный Трибунал и председателю ГПУ Дзержинскому заявление, в котором протестовал против того, что в приговоре говорилось о его принципиально отрицательном отношении к вооруженной борьбе. Потребовав, но так и не получив стенограмму всех показаний на следствии и на суде, Горьков-Добролюбов утверждал, что «в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах, у меня с ЦК ПСР, а стало быть и с моими товарищами по процессу, никогда никаких расхождений не бы-

ло, нет и теперь и во всем была полная солидарность». Реакция Дзержинского была молниеносной и предельно жесткой. Уже 23 сентября 1922 г. он переправил заявление Горькова-Добролюбова помощнику прокурора РСФСР с коротким сопроводительным письмом, в котором отмечал: «[...] считал бы полезным вопрос о мере наказания по отношению к нему повысить до 10 лет, созвав для этого новое заседание Верхтриба». С одной стороны, предельный цинизм и незаконность подобных действий в очередной раз подчеркивали политические цели и самого процесса и наказаний, с другой – позволяют нам по-новому взглянуть на «рыцаря без страха и упрека» с очень «холодной головой» и на его весьма упрощенное представление о судопроизводстве.

Вообще необходимо отметить, что мужество обвиняемых 1-й группы и на предварительном следствии, и на самом суде проявлялось многократно и довольно ярко. Так, например, на одном из июньских заседаний Е.М. Тимофеев заявлял, обращаясь к своим обвинителям: «С Вами непримиримы. В этом – наша гордость и этой позиции мы не уступим и не отступимся от нашего права вооруженной борьбы. От этого мы не откажемся и не можем отказаться»²²⁸. Важно, что многие из них, как это видно из подслушанных в конце процесса чекистами разговоров, были уверены в возможности своей скорой смерти.

Так, 5 августа 1922 г. сообщалось: «Настроение арестованных весьма похоронное у всех, но Лихач даже поделился с часовыми своими переж[и]ваниями сказавши: “ну теперь наше дело кончено и начинается Ваше: пуля в затылок и готово”. Затем добавил: “мне 34 года, пожил довольно”». 7 августа помощник начальника СО ГПУ Дерibas сообщал о свидании с близкими: «Все родственники плакали. Они убеждены, что части подсудимых не миновать расстрела». Мужественно вели себя на процессе и родственники подсудимых (за ними следили на суде, на свиданиях, на улицах, прослушивали их телефон). В агентурных сводках за 12 июля 1922 г. сообщалось: «[...]возмутительнее всего ведет себя Аверкиева, которая буквально слова не произнесет без ругани или в адрес суда, или Крыленко, или Соввласти, или коммунистов. Не менее вызывающе ведет себя мать обвиняемого Иванова и его жена Юцис. Сегодня, например, когда повезли арестованных в тюрьму, эти две особы грозили вслед стражи кулаками и крикнули: “проклятье вам, коммунисты”. Третья родственница Иванова – Гиневская ни с кем из администрации и стражи даже не разговаривает». 18 июля 1922 г. родственники проявили «крайнее возмущение произведенными накануне у них обысками. Особенно неистовствовали в ругательствах Соловьева и Аверкиева». 27 июля 1922 г. чекисты, наблюдавшие за родственниками, отмечали: «Из подслушанных во время заседания и перерыва разговоров – ничего заслуживающего внимания, кроме обычной критики суда и обвинителей. Особо усердствовали в этом отн[о]шении жена Лихача и брат Злобина. Между прочим последний до входа суда обычно стоит, а как только попросят встать – демонстративно садится». 4 августа 1922 г. «подсудимые и их родственники на свидании уже больше не возмущаются тем, что “их гр[о]мит ежедневно ЧК”».

24 декабря 1923 г. Г.Л. Горьков-Добролюбов, уже находясь в ссылке в Царицыне, писал: «Вы просите меня сообщить Вам о времени, связанном с нашим процессом. Многое можно было бы сказать по этому поводу и немало интересного, но как это возможно в письме изложить? Да, наконец, всему этому еще не настало время. Поэтому, как бы мне не хотелось поделиться с Вами впечатлениями и переживаниями в этот период, я про-

²²⁸ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 23. Л. 187.

сто уклоняюсь. Как исключение, упомяну лишь только, да то вскользь, об одном эпизоде из нашего процесса – это о нашем совещании накануне приговора. Совещание это поистине было историческое и публике оно до сих пор неизвестно. Но (одно слово неразобрано – *Авт.*) таки я не имею возможности говорить о всех обсуждениях и решениях на этом совещании. Об одном только нашем решении могу сказать, а именно: идти на расстрел спокойно и молча, без демонстрации, отдав таким образом последний свой революционный долг»²²⁹. Но, безусловно, лучшее представление о мужественности подсудимых дают их последние слова (см. док. № П-76 – П-89 и комментарии к ним).

Характерно, что даже видные большевики еще в ходе его проведения или по горячим следам по завершении суда не могли не признать за обвиняемыми 1-й группы стойкости и преданности своим идеалам. Одни это делали как бы походя, с высоты своего тогдашнего положения. «Быть может, некоторые из них (обвиняемые группы “22-х”) находят свое утешение в том, что когда-нибудь летописец будет о них или об их поведении на суде отзываться с похвалой» – отметил в своей обвинительной речи Крыленко²³⁰. Прошло, однако, не так много времени, и в одной из своих публикаций 1924 г. Покровский, выступавший на суде со стороны обвинения, так сказал о них: «Люди, несомненно[,] храбрые. Мы их судили. Я выступал в качестве прокурора и могу сказать совершенно объективно, что они держались на процессе великолепно, хотя на 90 % им угрожал расстрел... Личное мужество? Оно было у эсеров в достаточной степени»²³¹. Подтекст приведенного высказывания очевиден. Покровский, желая подчеркнуть, что честность, стойкость и прочие человеческие добродетели ничего не стоят, если их обладатели отстаивают политически «реакционные» идеи, давал тем самым лишь облегченную марксистскую интерпретацию сложнейшей проблемы места личности в истории. В подсудимых, а затем и осужденных, большевикам выгодно было видеть лишь политических противников, а не личностей, чье мужество и убежденность колебали уверенность части большевиков в своей правоте и оправданности их методов.

И если большевики относились к своим эсеровским оппонентам вполне «инструментально», то многие «цекисты» так и не научились (или не захотели) отвечать вчерашним соратникам по революционному подполью тем же. Мина Свирская в своих воспоминаниях о минувших событиях писала о Федоровиче: «Это был человек такого обаяния, равного которому не просто найти. Это признавали не только его друзья, но и идейные враги... Ф.Ф. на поселении был после Александровской каторги (начинал с Орла) в Манзурке вместе с Фрунзе. Их связывала большая дружба. Во время процесса Фрунзе прислал своего адъютанта сказать, что хочет с ним повидаться. Ф.Ф. ответил, что должен узнать мнение товарищей. Больше Фрунзе не присылал. А Флорианч часто вспоминал после смерти Фрунзе, что нужно было как-то иначе ответить»²³².

Можно утверждать, что в линии поведения идейных социалистов-эсеров, меньшевиков и др. – перед лицом карательной машины прослеживается гораздо большая цельность и последовательность, нежели в действиях их бывших соратников по борьбе с царизмом, а затем политических антиподов – большевиков. Тех, кого в 1920-е гг. Бухарин иронич-

²²⁹ Там же. Т. 110. Л. 28.

²³⁰ Крыленко Н.В. За пять лет. 1918–1922. Обвинительные речи. М.; Пг., 1923. С. 325.

²³¹ Под знаменем марксизма. 1924. № 2. С. 67–68.

²³² Минувшее. Исторический альманах. Вып. 7. С. 206–207.

но-насмешливо характеризовал «перманентными обитателями Бутырок, и только», отличал от властвовавших большевиков такой «пустяк», как следование принципам демократии и народовластия. История российского (не большевистского) социализма в первой трети XX века – это еще до конца не продуманная и не «освоенная» историками трагедия целой генерации социально-активной отечественной интеллигенции, обреченной на духовное и нравственное противостояние диктатурам, в какие бы цвета и оттенки они не облекались. Поносимые и шельмуемые властями – вначале царскими, затем большевистскими – ссыльные социалисты в своем большинстве не шли на сговор с ними. В этой среде поэтому презирались «подаванцы», или «прощенисты» (просившие о смягчении наказания) и «выдаванцы» (доносившие на других). Примечательно, что многие так называемые бывшие (книга Луначарского, приуроченная к процессу над лидерами ПСР 1922 г., так и называлась – «Бывшие люди»), а здесь наряду со ссыльными эсерами и другими «политиками» должно упомянуть еще и священнослужителей, достаточно органично входили в местную среду, принимались и почитались ею. Луначарский здесь, как это порой с ним бывало, при всей яркости и многообразии его таланта, все же ошибался. Ненаписанная еще книга об эсерах (не ренегатах!), проходивших по процессу 1922 г., подготовительными материалами к которой могут служить публикуемые в данном издании источники, имеет право на созвучное, но абсолютно несхожее с брошюрой Луначарского 1922 г. название: «Бывшие людьми». В любых условиях.

* * *

Итоги самого процесса противоречивы. Даже многие видные коммунисты отмечали моральную победу подсудимых и те неисчислимы потери, которые понесли большевики в глазах западного общественного мнения, вчистую проиграв пропагандистскую кампанию даже за умы сочувственно настроенных к Советской власти западноевропейских рабочих. Но не следует забывать, что сам процесс был лишь частью более широкой кампании по дискредитации и физическому уничтожению эсеровской партии, по многим направлениям которой властям удалось добиться весьма впечатляющих успехов. Другими словами, проиграв на одном поле, власть сумела выиграть на других. Решающую роль в этом сыграли фантастическая для того времени по своим масштабам и накалу пропагандистская кампания внутри страны, а также не менее масштабная и напряженная деятельность чекистов. Последние вели свою борьбу с эсерами сразу по нескольким направлениям: методично, в течение длительного времени арестовывали «активных членов ПСР»; установили тотальную слежку и вели агентурную работу во всех слоях населения, выявляя сочувствующих как среди студенчества и интеллигенции, так и среди рабочих; используя самые разные способы и методы (стравливая местных эсеров и эмигрантов, рядовых членов и руководителей партии, признававших террор и вооруженную борьбу и отрицавших его, лояльных Советской власти и бескомпромиссных ее противников и т. д.) раскалывали саму эсеровскую среду; а также и эсеровскую эмиграцию, уничтожая всю «питательную» и «сочувственную» среду – вплоть до высылки родственников и т. д. В целом можно констатировать, что тратя много сил и времени на пропагандистское, агентурное, охранное и пр. обеспечение процесса, ГПУ тем не менее не забывало о решении стратегической задачи, стоящей перед властью, – окончательном «добивании» ПСР.

26 июня 1922 г. для ускорения раскола эсеров в г. Уфе состоялось инициированное местными властями собрание 17 бывших членов Злато-

устовской организации ПСР. Как сообщалось в шифротелеграмме начальника Уфимского горотдела ГПУ Галкина, собравшиеся требовали созыва Всероссийского съезда бывших эсеров для ликвидации партии и признания «единственной формой власти – власти рабочих и крестьян в лице Советов»²³³. Уфимские чекисты поручили своему секретному агенту произвести «обследование искреннего отношения» златоустовских эсеров. Как он выяснил, к лидеру местных эсеров Кузнецову явились «местные власти» и в ультимативном порядке потребовали в двухдневный срок созвать собрание для выявления «своего отношения к РКП» и к «войне с соввластью». Кузнецов должен был принять решение в течение двух часов, в противном случае – «пусть они (бывшие эсеры – *Авт.*) пеняют на себя». В докладе агента говорилось: «[...] во избежание гонений на Златоустовскую организацию с.-р. и дабы их оставили в покое, Кузнецов дал свое согласие и вскоре собрал нелегальное совещание», на котором было решено «принять условия правящей партии». Но об откровенном ренегатстве и капитулянтстве златоустовских эсеров в данном случае вряд ли может идти речь, их резолюция была построена «по программе и идеологии» МПСР, за «исключением некоторой доли подмазывания: “Дабы волки были сыты и овцы целы”». Признавая возможность совместной работы с большевиками по восстановлению разрушенного хозяйства, эсеры «благоразумно умолчали о политике, так как таковой не разделяют с компартией». Златоустовские эсеры в условиях отсутствия «единства в партии с.-р. и распыленности в отдельные группировки, из которых почти каждая говорит от имени всей партии с.-р., что усугубляет распыленность партии» согласились на созыв легального всероссийского съезда с.-р. Они искренне считали созыв съезда нужным и надеялись перехитрить власть; допуская возможность того, что на нем официально «партия будет объявлена распущенной, но возможно, будет выработан новый единый план подпольной работы». Златоустовцы честно высказывались против «коалиции с буржуазией, т.к. они принципиально признают власть рабочих и крестьян, не предрешая форму и название, но власть рабочих и крестьян резко ограничивают от власти компартии».

28 июня 1922 г. президиум Златоустовского укома РКП(б) поддержал решение группы «бывших» эсеров о посылке их делегатов в Москву и в связи с тем значением, «которое имеет официальная ликвидация Партии Соц.-Революционеров», постановил выделить для этого 100 миллионов рублей.

5 июля 1922 г. текст заявления златоустовских эсеров вместе с докладной запиской помощника начальника СО ГПУ Дерибаса, считавшего нужным разрешить проведение такого съезда, лег на стол Дзержинскому. Резолюция последнего предписывала переслать документ в «тройку Политбюро, т. Пятакову, т. Крыленко»²³⁴. 11 июля 1922 г. «центральной тройкой» было принято решение опубликовать заявление златоустовских эсеров и «пустить его по радио», а также поручить ГПУ «выработать предварительное выяснение состава соответственных эсеров, собрать справки у бывших эсеров, ныне состоящих в нашей партии и в случае благоприятных результатов этого предварительного обследования выработать план созыва съезда, предложив затем его на рассмотрение коллегии ЦК». 25 июля 1922 г. Самсонов велел «конфиденциально договориться об этом с тов. Семеновым, Коноплевой, Ратнер Григорием, Биценко и др.», а также послать «такой же запрос» чекистам Уфы и других городов

²³³ Там же. Т. 46. Л. 150–151.

²³⁴ Там же. Л. 149.

страны²³⁵. Показательно, что по поручению Т. Дерибаса его подчиненному И. Решетову, в прошлом члену ПСР, предстояло «вспомнить всех своих бывших соратников, находящихся в Москве». Уже 26 июля 1922 г. Решетов представил список из фамилий девяти бывших эсеров (преимущественно левых)²³⁶.

В дальнейшем вопросами созыва легального съезда занимались две комиссии («комиссия по вопросу о созыве конференции низов партии эсеров», состоявшая из Куйбышева, Преображенского и Уншлихта, и «комиссия по эсерам», в которую входили Радек, Бубнов, Самсонов, Попов и Ашмарин (см. док. № П-106, П-108)). Естественно, что «ликвидационный съезд» в 1923 г. был проведен по сценарию власти. Наивным надеждам златоустовских эсеров перехитрить большевиков не суждено было сбыться.

Аресты действующих, или, по терминологии ГПУ, активных членов ПСР велись непрерывно и планомерно на всей территории страны. Директивой за подписями Уншлихта и Самсонова от 10 августа 1922 г. всем губернским отделам ГПУ предписывалось «в целях полнейшего разгрома организации правых эсеров» немедленно произвести ликвидацию «всех активных эсеров вашего района». Тех эсеров, на которых имелся «достаточный» обвинительный материал, предлагалось отдавать под суд ревтрибуналов, а всех остальных готовить к ссылке. Временную отсрочку от арестов давали лишь в случаях агентурной разработки тех или иных лиц и организаций. Все дела арестованных надлежало завершить в двухнедельный срок. Рабочих-эсеров предлагалось арестовывать по согласованию с губкомами РКП(б) (см. док. № П-103). Несколько позже шифрограммой за подписями Ягоды и Самсонова всем губотделам ГПУ предлагалось вслед за первой операцией «систематически через каждые две-три недели в зависимости от ориентировки обязательно производить все операции впредь до конца сего 22 года...» (см. док. № П-104).

Специальные антиэсеровские «чистки» проводились транспортными отделами ГПУ, которым предлагалось бывших членов ПСР «изъять из железнодорожных и водных путей [...] без различия положения», разбив на три категории – «активных, малоактивных и подозрительных». Первых следовало отдать под суды ревтрибуналов, вторых – отправить в ссылку, третьих – уволить по сокращению штатов (см. док. № П-105). Чекисты действовали силами не только своего аппарата. Они пытались с помощью и при поддержке руководства РКП(б) сделать системой доноительство коммунистов, как это видно из подписанного Сталиным проекта «почтограммы» всем губкомам и обкомам партии, присланного Уншлихтом и Самсоновым на утверждение в августе 1922 г. В этом очень интересном документе помимо скорейшего создания «Бюро содействия органам ГПУ» (во исполнении мартовской директивы руководства партии) предлагалось «в целях дальнейшего разгрома остатков правоэсеровских организаций, а также и недопущения их зарождения в будущем» обязать коммунистов «давать информации» об эсерах, получать «специальные задания от органов ГПУ», а также «оказать давление на парттоварищей» по скорейшему созданию вышеупомянутых «Бюро...». Можно только догадываться о масштабах обысков и арестов, а также численности обысканных, арестованных, осужденных ревтрибуналами, сосланных и уволенных с работы эсеров на всей территории страны.

Впрочем, широта репрессивной деятельности сомнений не вызывает, даже если судить о ней только по двум операциям 3-го отделения СО

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. Л. 153–155 об.

ГПУ, проведенным в Москве. В ночь с 28 на 29 июля 1922 г. в операции по 33 адресам (17 «безусловно арестов» и 16 – «по результатам» обыска) было арестовано 10 чел. и оставлено три засады, а также арестован зашедший во время обыска Я.К. Цидербаум (при обыске у него была обнаружена эсеровская газета). В операции с 1 на 2 сентября 1922 г. было выписано 15 ордеров (3 – «арест обязательный», 12 – «по результатам»), было арестовано 8 чел. и оставлено шесть засад. У студента У.Ф. Шатихина был задержан член МБ ПСР В.Е. Радин, захвачено 1030 экз. двух номеров эсеровской газеты «Труд» и 13 номеров «Революционной России», а также партийная переписка. Любопытно, что в ходе первой операции выявилась весьма низкая квалификация и дисциплина чекистов: на квартире у эсера Дедусенко по окончании обыска чекисты оставили «инструкцию по производству операций»; видного челябинского эсера Беловинцева, приехавшего в Москву для ведения партийной работы, забыли арестовать (несмотря на соответствующий ордер) и отправились за ним вторично; большинство чекистов не выполняло полностью инструкцию (не заполнялись анкеты проживающих, не регистрировалось в протоколах время начала и конца обыска и др. пункты) и т. п. Тем не менее, со скрипом и со сбоями репрессивная машина ГПУ методично перемалывала эсеровские организации и самих эсеров (в том числе уже отошедших от партийной работы).

Чекисты вели работу и по «очистке» Москвы и Петрограда от членов семей «цекистов и активных членов ПСР, как проходящих по процессу, так и тех, кои по мнению [ГПУ] должны подлежать выселению»²³⁷. Докладной запиской председателя ГПУ Дзержинского в ЦК РКП(б) подобным предложением закладывались механизм и система преследований родственников политических оппонентов, в законченном виде ярко проявившиеся уже в 1930-е гг. и использовавшиеся по отношению к «членам семей врагов народа». В этом историческом документе (появился не позже 19 июля 1922 г.) констатировалось, что члены ЦК ПСР и «активные члены» этой партии поддерживают связи с внешним миром и с границей через свои семейства, проживающие в Москве, кроме того, квартиры их семей «служат явками и связующим звеном для партийных эсеровских сил»; заявлялось, что в связи «с вынесением приговором по делу ЦК ПСР члены семей цекистов в Москве будут крайне нежелательны в силу того, что активность с.р. и террористическая их склонность может в связи с приговором значительно усилиться и пребывающие в Москве члены семейств цекистов в этом случае авантюристическим элементам ПСР могут оказать большую услугу»²³⁸. Учитывая это, ГПУ считало необходимым выселить из Москвы и Петрограда (где были иностранные миссии, с помощью которых семьи цекистов могли «сноситься с заграничными с.р.») семьи цекистов и активных членов ПСР, причем не только тех, кто проходил по процессу. Выселить предлагалось в места, «где нет представительств иностранных миссий и в места[,] не пораженные эсеровщиной»²³⁹. Репрессивные меры было решено направить не только против семей «непримиримых» эсеров, но и бывших защитников членов ЦК ПСР Муравьева, Тагера и др.²⁴⁰. Интересно, что не дожидаясь ответа ЦК РКП(б), Самсонов 19 июля 1922 г. поручил московским и питерским чекистам срочно подготовить списки подлежащих высылке родственни-

²³⁷ Там же. Л. 156.

²³⁸ Там же.

²³⁹ Там же. Л. 156.

²⁴⁰ Там же.

кистам срочно подготовить списки подлежащих высылке родственников эсеров²⁴¹.

10 августа 1922 г. декретом ВЦИК была принята «Инструкция для органов ГПУ по применению административной высылки», дававшая возможность применять административную высылку сколь угодно широко и по усмотрению карательных органов. Механизм принятия и утверждения решения о высылке был относительно прост и полностью замыкался на ГПУ. Постановление «местного органа ГПУ» направлялось в соответствующий отдел центрального аппарата, который представлял ее на Коллегию ГПУ. В случае утверждения начальник отдела выступал докладчиком на заседании Центральной комиссии при НКВД по высылкам, которая и принимала решение. Каких-либо критериев и ограничений в применении ссылки к гражданам инструкция не содержала в принципе, фактически позволяя чекистам ссылать кого угодно и за что угодно. Однако даже такой облегченный порядок высылки руководству Петроградского комитета РКП(б) показался весьма сложным. На заседании его бюро от 17 октября 1922 г., обсуждавшем меры «по чистке Петрограда», было принято следующее постановление: «В целях более успешной борьбы с меньшевиками и эсерами, предложить полномочному представителю ГПУ тов. Мессингу войти в Президиум ГПУ в Москве с просьбой о предоставлении ему [права] высылки меньшевиков и эсеров из Питера без предварительного утверждения такого в Центральном ГПУ, вместо чего внести последующее утверждение указанных высылок». Уншлихт, которому пришлось формулировать заключение ГПУ (по требованию Молотова), был вынужден сослаться на постановление Президиума ВЦИК от 10 августа 1922 г. и ответить, что «мы не можем предоставить такого права».

Своеобразным свидетельством того, как далеко чекистская верхушка готова была зайти в поисках «эффективных» мер для уничтожения своих «подопечных», явилась докладная записка, написанная 22 июля Самсоновым по устному распоряжению Дзержинского и адресованная Дзержинскому, Уншлихту и Менжинскому. В этом предвосхитившем лозунги и практику 30-х годов документе говорилось: «Партия правых с.-р., как добиваемая нами политическая партия (после процесса ЦК ПСР в особенности) перед своей смертью, безусловно, сможет в беспамятстве наделать нам много неприятности (террор и пр.). В целях предохранения ответственных работников Республики от возможного террора на них со стороны с.-р. – с одной стороны и другой – в целях пресечения какой бы то ни было работы с.-р. в России, полагал бы против с.-р. принять следующие меры борьбы:

1) С.-р. и лиц им содействующих объявить особым правительственным сообщением – врагами народа.

2) Вести против с.-р. и их приспешников самую беспощадную борьбу за малейшие их проявления.

3) Признать для приговоров над с.-р. и их приспешниками достаточным в качестве обвинительных данных одни лишь агентурные сообщения осведомителей, в случае если в делах привлеченных при обысках ничего компрометирующего против них найдено не будет, при условии, что НАЧОТДЕЛА гарантирует правильность агентурных данных.

4) За принадлежность к с.-р. осуждать в тюрьму сроком не ниже 1 года.

5) За содействие с.-р. при отсутствии партпринадлежности – высылать административным порядком в ссылку не ниже 1 года.

²⁴¹ Там же.

б) Путем специального постановления ЦК РКП(б) категорически воспретить ходатайствовать и ручаться за с.-р. и их приспешников»²⁴².

Анализ ситуации в целом показывает, что репрессии властей против эсеров давали вполне ощутимый результат (особенно в сочетании с пропагандистской кампанией против них и, конечно, с идейной разногласием и колебаниями в самой эсеровской среде). Занимаясь арестами, ссылками, агентурной разработкой эсеров, чекисты не забывали и о другом важном направлении своей работы. Ход и все перипетии пропагандистской кампании можно представить по документам. Например, в мае 1922 г. Троцкий требовал отказаться от «крикливо-ругательного характера» агитации, а Агиткомиссия ЦК РКП(б) не единожды упрекала советскую прессу в «грубой тенденциозности» при освещении процесса и рекомендовала ей стать более объективной, конкретной, давать «возможно меньше брани» (см. док. № П-21, а также П-68, П-70).

23 августа 1922 г. состоялось «Особое совещание» (от чекистов присутствовали Самсонов и Ашмарин, от Агитотдела ЦК РКП(б) – Попов), наметившее конкретные меры по исполнению распоряжения Дзержинского о «газетной кампании против ПСР». Подчеркнем, что речь шла об отдельной пропагандистской кампании, ориентированной на эсеров и сочувствующие им круги и направленной на раскол ПСР. Первый пункт постановления этого «Особого совещания» гласил: «В целях плановой успешной борьбы с ПСР в дальнейшем признать необходимым: а) направить борьбу против правых эсеров к расколу партии путем соответствующего освещения намечающихся группировок и течений среди социал-революционеров; б) для осуществления предыдущего параграфа в первую очередь использовать для раскола ПСР письмо Герштейна по вопросу об отношении его к заграничной делегации, постановление ЦБ ПСР об исключении из партии Бунакова и Авксентьева и протест последних по этому поводу, заявление Гендельмана на процессе и других подсудимых по поводу отдельных представителей членов заграничной делегации ПСР и другие материалы; в) развить кампанию по поводу ликвидации бывших социал-революционеров партии эсеров; г) плохо использованный материал во время процесса над ЦК ПСР дополнительно разработать и использовать в печати». Для выполнения намеченных мер совещание конституировалось в «специальную рабочую комиссию по данному вопросу в теперешнем составе участников», которая должна была еженедельно проводить заседания (причем на следующем собрании планировалось принять «лозунги для газетной кампании»). Безусловно, опыт столь масштабной «промывки мозгов» очень широко использовался и в последующие десятилетия.

* * *

Было бы ошибкой считать, что эсеровские организации в России безусловно взирали на вакханалию большевистской пропаганды. Напротив, как только стало известно о готовящемся процессе, все силы российских эсеров были брошены на контрпропаганду. Эсеры (а также и меньшевики) пытались вести как устную агитацию (например, на митингах, устраиваемых по этому поводу властями), так и печатную (в нелегальных партийных газетах и листовках). О масштабах эсеровской и меньшевистской контрпропаганды в России (в отличие от подобной же кампании заграничных эсеров) известно крайне мало, и поэтому особенно интересны свидетельства чекистов. Вот лишь несколько известных случаев распро-

²⁴² Там же. Л. 157.

странения эсеровской и меньшевистской прессы, зафиксированных чекистами. На авиазавод № 2 «Гном и Рон» листовку ЦК РСДРП переслали 13 июня по почте²⁴³. 14 июня чекисты сообщали о меньшевистской листовке, в которой содержалось требование допустить их защитников на процесс. Эта листовка была обнаружена на заводах «Мотор», «Дукс», «Динамо» и на Мытищинском вагоностроительном заводе²⁴⁴. 15 июня на доске объявлений во дворе Уваровского трамвайного парка были обнаружены эсеровская прокламация «Кто победит?» за подписью ЦБ ПСР и № 2 газеты «Труд»²⁴⁵. 19 июня на Миусской площади были разбросаны экземпляры эсеровской газеты «Труд» (издание Московской организации ПСР) от 13 и 19 июня²⁴⁶; в Богородском уезде Московской области заводом Снаряжательного завода (на ст. «Затишье») были получены две меньшевистские прокламации²⁴⁷, а накануне организуемой большевиками демонстрации в Замоскворецком районе было обнаружено 11 прокламаций ЦК РСДРП с призывом не ходить на демонстрацию. Такого же рода листовки были обнаружены в Трамвайном парке, а в Городском районе – в 5-й типографии. Еще 11 таких же прокламаций было обнаружено на улицах и заводах Краснопресненского района (фабрика «Оборона», «Госзнак», «Мюр и Мерелиз», в 20-й типографии, на 1-м Государственном тормозном заводе, на заводе Ильина). Кроме того были обнаружены листовки с идентичным призывом, подписанные московской группой меньшевиков, на 2-й Государственной табачной фабрике, на заводе бывш. ВЭК, в Миусском трамвайном парке и на заводе бывш. Грачева. Бюллетень эсеровской газеты «Труд» № 2 был обнаружен 19 июня во всех отделениях завода бывш. Каучук. Утром 20 июня по улицам Хамовнического района и у фабрики бывш. Широ было снято 10 прокламаций ЦК РСДРП. В Сокольническом районе были обнаружены меньшевистские листовки – на заводе резиновой промышленности № 2 и на Богородской улице²⁴⁸. 26 июня на Озерковской набережной, где располагался авторемонтный завод бывш. Гантер и Озерковская суконная фабрика, были обнаружены разбросанные шесть экземпляров эсеровского бюллетеня «Труд» № 2²⁴⁹. Любопытно, что на одном из сообщений об эсеровских бюллетенях, разбросанных 20 июня на Миусской площади, где был назначен сбор всех колонн демонстрантов, имеется примечательная резолюция Дерибаса, обращенная к одному из чекистов: «Тов. Уншлихт вполне серьезно предлагает устыдиться нашей неосведомленности и усиленно поискать типографию»²⁵⁰. Анализ эсеровских листовок, воззваний, газетных статей их нелегальной прессы свидетельствует о том, что будучи написаны ярко, образно, они хлестко и зло били большевиков и по своему качеству явно превосходили пропагандистские «утки» своих противников (см. док. № 17-66, 18-1, 18-2, 18-6).

Впрочем, ясно, что масштабы контрпропаганды эсеров и меньшевиков были совершенно несопоставимы с масштабами официальной государственной пропагандистской машины. И если российские эсеры и меньшевики, чьи организации и типографии непрерывно громили чекисты, в лучшем случае могли влиять отдельными листовками и устной пропаган-

²⁴³ Там же. Л. 45.

²⁴⁴ Там же. Т. 52. Л. 33.

²⁴⁵ Там же. Л. 39.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. Л. 40.

²⁴⁸ Там же. Л. 42.

²⁴⁹ Там же. Л. 44.

²⁵⁰ Там же. Л. 49.

дой на тысячи людей, то власть подвергла систематической и очень интенсивной пропагандистской обработке миллионы и десятки миллионов (в силу понятных причин пропаганда менее интенсивно велась в деревенской глубинке).

Поставленные в слишком неравные условия, эсеры проиграли битву за умы людей в России, но одержали внушительную победу за ее пределами. Документы свидетельствуют о тех сверхусилиях, которые приложили заграничные эсеры, организуя антибольшевистскую кампанию. Она стала катализатором и детонатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные слои общества (прежде всего рабочее и социалистическое движение). Особо подчеркнем, что за годы революции и гражданской войны разногласия и взаимное неприятие разных эсеровских лидеров и эмигрантских групп заметно обострились. Так, например, «правые» эсеры устами Авксентьева обвиняли Чернова и его сторонников в том, что их «левизна» и пробольшевистские колебания сыграли роковую роль в судьбах партии и России. Чернов же обвинял «правых» и «правый центр» в навязывании в 1917 г. партии коалиционного соглашения с кадетами и повторении этого катастрофического опыта в годы гражданской войны. Но процесс 1922 г. временно сплотил все враждующие группы эсеровской эмиграции, и они выступили единым фронтом, хотя и не без трений. Представляется, что ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило им организовать грандиозную международную кампанию в защиту подсудимых эсеров, которая приобрела невероятный размах и стала ярчайшей страницей процесса и одновременно неприятнейшим сюрпризом для большевистского руководства.

Сразу отметим, что участвовали в этой кампании прежде всего социалистические партии, профсоюзы и ряд известных общественных деятелей, ученых, писателей, а не буржуазные круги и правительства, как это утверждала советская пропагандистская машина. На фоне громогласных утверждений советской пропаганды об эсерах как о «буржуазных найми-тах», любопытно замечание В.О. Фабриканта об отношении французских буржуа к эсерам. В своем письме Б.Н. Рабиновичу от 25 августа 1922 г. он, рассуждая о том, что брошюру «12 смертников» не следует раздавать даром, т.к. это отпугнет французских рабочих, которую смотрят на «даровую» литературу «как на рекламу и не читают ее», далее замечал: «Богачей, которые дали бы большую плату за такую брошюру, я не знаю, да таких и нет. Они ненавидят с.-р., тех, которые являются последовательными социалистами (земля народу, социал[изация] земли, интернационал действенный и т.д.). А ведь 12 смертников, по мнению этих богачей[,] 12 раз заслужили смерть: **их ненавидят больше большевиков**. Поэтому раз навсегда надо оставить эту иллюзию богачей (так в тексте – *Авт.*). Я говорю, конечно[,] не об исключениях, помогающих нам»²⁵¹.

Безусловно, основным источником моральной и финансовой поддержки для ПСР в организации антибольшевистской кампании являлись социалистические партии. Так, например, 16 июля и 16 августа 1922 г. В.М. Зензинов отправил в ЦК Чехословацкой социал-демократической партии и ЦК Чехословацкой социалистической партии письма одинакового содержания: «Дорогие товарищи, настоящим подтверждаю получение от Вас через тов. Брушвита 5000 ч.с. крон, внесенных Вами на усиление кампании в пользу освобождения приговоренных по московскому процессу социалистов-революционеров. От имени нашей партии приношу Вам, дорогие товарищи, горячую благодарность за оказанную Вами

²⁵¹ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 15 об.

братскую помощь»²⁵². Деньги на контрагитацию эсеры также получали, торгуя открытками соответствующего содержания на многолюдных митингах протеста, которые проходили в Праге. Так, корреспондент В.М. Зензинова некий «Вано» в письме от 12 августа 1922 г. сообщал ему: «Твою вторую партию открыток распродал, этому содействовали митинги (русский и чешский), при входе на которые открытки продавались, и не хватило. Так как через несколько дней будет митинг Вандервельде, то открытки опять понадобятся, поэтому пришли еще 600 (по 300 каждой)»²⁵³. Открыток планировали выпустить несколько серий по 18–20 штук в каждой, на пяти языках (немецком, русском, французском, английском и чешском) общим тиражом в 45–50 тыс. экз. На каждой открытке вместо изображения был размещен небольшой печатный текст (10–12 строк петитом)²⁵⁴.

Заграничные эсеры, развернув кампанию протеста против судилища, устроенного коммунистами, пытались действовать во всех направлениях: от инициации резолюций и писем протеста со стороны видных общественных фигур и политических партий до попыток организации за границей протестных митингов. О том, что пражской колонии эсеров удалось широко поставить эту кампанию, они сообщали В.О. Фабриканту еще 2 сентября: «Митинги протеста идут по всей Праге и Чехии»²⁵⁵. В свою очередь, 11 сентября 1922 г. В.О. Фабрикант писал из Парижа в Прагу от имени местных эсеров: «Завтра же обсудим и решим вопрос о митингах протеста. Здесь это труднее, чем у вас, но со своей стороны я сделаю все возможное»²⁵⁶. О своих усилиях по организации митинга в Париже он сообщал в письме от 30 сентября 1922 г.: «Вчера вечером состоялось предварительное совещание представителей групп бывш. Рос[сийских] социалист[ических] партий в Париже по вопросу об устройстве митинга протеста против москов[ского] приговора. Решено созвать представителей всех социалистических групп **иностранных** партий в Париже (англ., итал., американ., испанской, всех российских партий и т.д.) и устроить митинг коллективными усилиями»²⁵⁷. Небезынтересно, что инициатива этого митинга, по его же словам, принадлежала меньшевикам²⁵⁸. Впрочем, параллельно В.О. Фабрикант вел переговоры с секретарем «Ligue des Droits de l'Homme» об устройстве французского митинга протеста в Париже, инициатива которого принадлежала самой этой организации²⁵⁹. Весьма пессимистично перспективы публичных мероприятий среди русской эмиграции оценивал О.С. Минор, который в августе 1922 г. восклицал: «Здесь, в Париже, **теперь** нельзя устроить ни лекций, ни вечеров, ни митингов. Это просто невозможно: мы – капля в русском море сволочи. Здесь не Прага...»²⁶⁰.

Вот как описывал митинг в поддержку осужденных эсеров в Праге 11 августа 1922 г. Брушвит в своем письме В.М. Зензинову: «Очень жалко, что Вы вчера не присутствовали на митинге. Было что-то уже давно в Праге невиданное. Народу было столько, что Большой зал Жофини не мог вместить всех и почти такое число, какое было внутри зала, органи-

²⁵² Там же. Д. 2. Л. 17, 18.

²⁵³ Там же. Л. 21.

²⁵⁴ Там же. Д. 12. Л. 17.

²⁵⁵ Там же. Д. 3. Л. 11.

²⁵⁶ Там же. Л. 2.

²⁵⁷ Там же. Л. 12.

²⁵⁸ Там же. Л. 17.

²⁵⁹ Там же. Л. 13, 17.

²⁶⁰ Там же. Л. 21 об.

зовало митинг под открытым небом. Потом, несмотря на дождь и позднее время (9 час. вечера), собравшиеся пошли процессией на Староместскую площадь, где был митинг продолжен. На улице присоединялась публика в таком количестве, что площадь была почти переполнена. Все время шли с пением Чешского гимна и рабочих песен. Настроение было бурное против коммунистов, в особенности против Шмерала и Муна. В перерывах между пением раздавались возгласы вроде «долой с коммунистическими палачами», «долой с Šibenickým Radom» (Smeral получил здесь прочный эпитет «Šibenícnovi gada», что по-немецки означает «Herr Galgen-Pati» – советник от виселицы). Возгласы подхватывались многочисленной публикой, которая стояла на тротуарах.

Знаете, дорогой, я давно не переживал таких минут: на исторической площади среди ночной тьмы стройное пение более чем десятитысячной толпы, сердечные, проникнутые сознанием момента, вызывающие слезы у собравшихся, речи – это картина, которую давно уже Прага не видела. Озлобление в массах против коммунистов было так велико, что часть по выходу из Острова бросилась к большевистской миссии и стоило большого труда их от этого шага удержать»²⁶¹.

Другой корреспондент В.М. Зензинова некий «Вано» так описывал события 11 августа 1922 г.: «Вчера, в малом зале Жофина в 5 час. был митинг протеста, народу было около 400 ч. Говорили представители соц. партии и Союза возрождения казачества, принята резолюция единогласно. В 7 ч. в большом зале Жофини состоялся митинг, устроенный обоими соц. Партиями Ч.-С., зал был переполнен, не поместившиеся открыли митинг в саду, где было тоже от 1 1/2 – 2000 ч., по окончании речей все собравшиеся продемонстрировали к памятнику Гуса, где еще раз выразили свой протест против крови и насилия. Подъем и настроение были чрезвычайные, мы с Л. Вас. чувствовали себя компенсированными за все пережитое; искренность чувства демонстрантов умиляла и трогала»²⁶².

Причины такой грандиозной поддержки эсеров со стороны обеих социалистических партий и рабочих очень хорошо вскрыл в одном из своих писем в ЗД ЦК ПСР секретарь «Комиссии по процессу» и Межпартийного Организационного комитета Владимир Пшиходский: «В Чехословакии создано совершенно особое положение. В этой самой свободной и демократической стране в Европе пролетариат великолепно организован, вполне дифференцирован. Борьба, которую ведут здесь социалистические партии с “коммунистами”, имеет также поэтому особенный характер. Это, быть может, длительная, но искусная правильно рассчитанная “осада”, дающая уже определенные плоды – оправдывающая себя. Так, например, в Кладно, где два года тому назад объявлена была “советская республика” и числилось 20000 коммунистов, – теперь их там лишь 600. Социалисты здесь готовы самым решительным образом пресечь всякие эксцессы со стороны “коммунистов”, но они не хотят сами подать повод последним стать на этот путь. Вот почему мы в нашей акции протеста против большевистской юстиции и предрешиленного приговора встречаем самый сердечный и дружный отклик в политических партиях, отношение к нам самое хорошее и манифестация протеста, вероятно, будет самой дружной и мощной, но в профессиональных союзах и других не политических организациях здесь осторожны: скупы даже на резолюции. Партия с-р. хочет созвать рабочих листовками по заводам, чтоб даже с утра к ве-

²⁶¹ Там же. Д. 2. Л. 19 об.–20 об.

²⁶² Там же. Л. 21–21 об.

черу можно было бы собрать митинг, который будет назначен в любой день (за исключ[ением] вторника)»²⁶³.

Французские, английские и немецкие социалисты и профсоюзы оказались сильнее в других видах деятельности: они отличились организацией многочисленных резолюций протеста, посылкой писем и резолюций в Кремль, развертыванием кампании в собственной прессе, давлением через своих депутатов как на собственное правительство, так и на советских дипломатов, заинтересованных в признании Советской республики (эту тактику английские и французские социалисты успешно применяли и в 1924–25 гг. во время голодовок осужденных по процессу эсеров).

В каждой стране движение принимало свой особенный характер в связи с местной спецификой и традициями. Так, например, во Франции в поддержку эсеров выступило огромное количество всевозможных профсоюзов, федераций синдикатов, департаментских союзов и Бирж труда. В. Войтинский по этому поводу констатировал: «В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалистов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руководством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса»²⁶⁴. По подсчетам И.А. Рубановича, до 1 августа 1922 г. французские профсоюзы отправили «около 60 телеграмм и 30 писем» с протестами против процесса над эсерами²⁶⁵. Отметим, что в брошюре В. Войтинского «Двенадцать смертников»²⁶⁶ одно перечисление французских профсоюзов заняло больше страницы.

Впрочем, протестовали социалисты, профсоюзы и общественные деятели отнюдь не только Франции, Великобритании, Германии, но почти всех европейских стран. Нужно отметить, что протесты, осевшие в трех тематических делах, публикуемых в данном сборнике – это лишь весьма незначительная часть всех посланий, обрушившихся на Кремль, но дающая тем не менее весьма яркое представление и о самом разном составе протестантов, и об их настроениях (см. док. № 16-32, 16-33, 16-34, 16-35, 16-36, 16-37, 16-39, 16-40, 16-41, 16-47, 16-48, 16-49, 17-29, 17-30, 17-31, 17-32, 17-37, 17-38, 17-39, 17-40, 17-68 и др.). Свои протесты выразили крупнейшие социалистические партии Европы: французские социалисты (СФИО и ПСФ), германская социал-демократическая партия, германские независимые социалисты, Британская рабочая партия, Английская независимая социалистическая партия, Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехословакии, социал-демократическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы и даже объединенные социалистические партии Индии. С протестом также выступили социалисты Белоруссии, Украины, бундовцы, социалисты-сионисты и меньшевики²⁶⁷. Протестовали также многочисленные небольшие социалистические организации, вроде анархистской группы Зейлера из Цюриха (см. док. № 16-47) или французских организаций типа социалистической группы в Пантэне, секции в Авэне, 14-й секции Сенского департамента, социалистических федераций Юры, Бувэ, Роны, Верхней Соны и т.п.²⁶⁸.

²⁶³ Там же. Л. 29.

²⁶⁴ Войтинский В. Указ. соч. С. 89.

²⁶⁵ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 28.

²⁶⁶ Войтинский В. Указ. соч. С. 89–90.

²⁶⁷ Там же. С. 88.

²⁶⁸ Там же. С. 90.

Еще более пестрая картина была с протестами профсоюзов²⁶⁹. Огромнейшее значение имели протесты писателей – М. Горького, Анатоля Франса, Анри Барбюса, Романа Роллана, Герберта Уэллса²⁷⁰.

Протестной кампанией были охвачены, можно сказать, почти все видные научные и общественные фигуры Франции и Германии, что отчасти было заслугой эсеров-эмигрантов, нашедших верную технологию сбора подписей под протестами. Об этом можно судить по немецким текстам типового содержания, с которыми обращались к намеченным заранее лицам. В Германии такие протесты подписали Альберт Эйнштейн, Г. фон Герлах, Гарри граф Кесслер, Эрнст Федер, главный редактор «Парламентскорреспондент» центра доктор Фортман, член рейхстага доктор Рудольф Гильфердинг, доктор Пауль Натан, бывший министр профессор Гуго Прейс, главный редактор «Форвертса» Фридрих Штамперер, редактор «Берлинер Фольскцайтунг» Карл Феттер, редактор «Франкфуртер Цайтунг» доктор Б. Гутман, Габриеле Рейтер, Бернгардт Кемлерман, Феликс Либерман, профессор Алоиз Риль, доктор Рудольф Брейтшейд, Г. Зудерман, Г. Штребель, И. Сассенбах и др. Во Франции протесты подписали многие профессора Сорбонны: А. Олар, Габриэль Сеайль, Р. Шнейдер, Анри Озер, П. Леви-Брюль, Л. Брунвиг, Виктор Баги, Ш. Сеньобос, а кроме того Поль Пенлевэ, А. Мельэ, Эмиль Борель, Аллеман, Ксавье Леон, Шарль Жид, Эмель Терквям, Ж. Адамар, Анри Леви-Брюль, П. Альфандери, Жанна П. Альфандери, доктор Марсель Леви-Брюль, Ж. Бруншвиг и многие другие²⁷¹.

Слитный хор социалистических организаций и партий, а также Второго и Венского Интернационалов, профсоюзов и видных авторитетных общественных деятелей, писателей, ученых, безусловно, стал мощной силой, с которой были вынуждены считаться и советское руководство (от руководителей Коминтерна до дипломатов), и местные коммунистические и прокоммунистические организации, чувствовавшие себя в этой атмосфере весьма неуютно. В этой связи представляется неслучайным, что руководители Коминтерна и советского внешнеполитического ведомства и в эти и в последующие годы были сторонниками более мягких мер в отношении преследуемых режимом российских социалистов, т.к. более суровые меры рикошетом били и по ним (публикуемые документы позволяют четко увидеть эту взаимосвязь). Несомненно, мощная кампания поддержки судимых эсеров была неприятным сюрпризом для большевиков и имела для них весьма серьезные последствия: она ломала их имидж, разоблачая их как палачей (к тому же не стыдящихся своего палачества), наносила мощный удар по европейским коммунистам и всем просоветски настроенным элементам (многие из них были вынуждены даже присоединить свой голос к хору протестующих). Представляется, что это было одно из первых сокрушительных поражений большевиков в глазах европейского общественного мнения, поражение, имевшее серьезное значение. Именно тогда и начинает формироваться мнение о несовместимости коммунизма и демократии, неприятие практики подавления коммунистами инакомыслия, в чем бы оно ни проявлялось. В этом контексте становится понятным совершенно неожиданное переплетение в глазах французской общественности двух, казалось бы, совершенно разных карательных мероприятий большевистской власти – против эсеров и против церкви, о чем свидетельствует письмо В.О. Фабриканта пражским эсерам от 11 сентября 1922 г.: **«Меня настоятельно просят дать на француз-**

²⁶⁹ Там же. С. 89–90.

²⁷⁰ Там же. С. 91.

²⁷¹ Там же. С. 90–91.

ском языке сводку сведений о гонениях и расстрелах русского духовенства для энергичнейшей кампании по этому поводу в прессе. Непременно и не откладывая пришлите мне эту сводку. Это облегчит нашу кампанию в пользу москвичей»²⁷².

Сами же осужденные Верхтрибом 22 эсера продолжили свою борьбу с властями и в неволе, многочисленными протестами и голодовками отстаивая свои права политзаключенных.

* * *

Казалось, после окончания процесса руководители ГПУ должны были бы с радостью снять с себя и перенести на другие структуры (НКВД или Наркомюст) заботы по тюремному содержанию осужденных. Вместо этого они полтора месяца добивались от Президиума ВЦИК разрешения содержать осужденных по специально для них созданному режиму. 9 августа 1922 г. зам. председателя ГПУ Уншлихт и начальник СО ГПУ Самсонов извещали Президиум ВЦИК о необходимости дачи «официальных распоряжений» о содержании осужденных по процессу ЦК ПСР органами ГПУ, предлагая собственный проект инструкции о содержании «осужденных по делу ЦК ПСР под стражей». При этом чекисты требовали «соответствующего официального уведомления в ГПУ о том, что никакие послабления тюремного режима для осужденных, по ходатайствам от кого бы то ни было, ГПУ проводиться не будут»²⁷³. Президиум ВЦИК через своего секретаря Енукидзе два дня спустя ответил, что осужденных по процессу ЦК ПСР, следует впредь до специального распоряжения Президиума ВЦИК содержать под стражей в ГПУ на прежних основаниях²⁷⁴. Примечательно то, что реально к заключенным уже с августа применялась новая инструкция, разработанная чекистами, но не утвержденная Президиумом ВЦИК. Запущена она была явочным порядком – распоряжением Самсонова начальнику внутренней тюрьмы ГПУ, но с очень хитрой оговоркой: «[...]означенная инструкция служит руководством только для Вас и ни в коем случае не может быть объявлена и выдана на руки заключенным»²⁷⁵. Только 25 сентября 1922 г. Президиум ВЦИК, наконец-то, санкционировал практику содержания чекистов «на основании особой инструкции, утвержденной Наркомвнудел»²⁷⁶.

Налицо нечистоплотный и мошеннический прием ГПУ: осужденные приговорены к содержанию в «строгой изоляции», а чекисты «реализуют» свою инструкцию с только что придуманной «особой изоляцией». Эта инструкция была написана, судя по всему, по распоряжению начальника СО ГПУ Самсонова его помощником Андреевой еще до 9 августа 1922 г. 11 августа 1922 г. Самсонов отправил Андреевой записку, где общал, что инструкция «соответствующим учреждением утверждена. Дайте мне ее еще раз на просмотр и тогда объявите ее арестованным»²⁷⁷. 15 августа Самсонов послал две копии инструкции Уншлихту и Ягоде для внесения правок и подписи (в окончательном виде он был подписан ими обоими)²⁷⁸. Интересно, что Уншлихт отнесся к инструкции намного более внимательно, чем Ягода и Самсонов, которые забыли включить в нее

²⁷² ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.

²⁷³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 4.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же. Л. 5.

²⁷⁶ Там же. Л. 9.

²⁷⁷ Там же. Л. 16.

²⁷⁸ Там же.

правила пользования библиотекой. Надо отметить, что правки Ягоды и особенно Уншлихта (на своих экземплярах и на окончательном экземпляре проекта инструкции) свидетельствуют о противоречивости их позиций: с одной стороны, им очень хочется сразу «закрутить гайки потуже», но с другой – они слишком хорошо знают, что это приведет к неизбежным конфликтам с осужденными эсерами, которые немедленно начнут борьбу за свои права.

Так как многие положения инструкции стали в скором времени полем схватки осужденных эсеров и их тюремщиков, приведем текст этого документа (после внесения в него всех правок), подписанного 16 августа 1922 г. Уншлихтом и Ягодой, полное название которого звучало «Инструкция по содержанию в местах заключения членов антисоветских партий “при особой изоляции”»:

«1. Особоизолированные заключенные размещаются в специально отведенном помещении М[еста] З[аключения] абсолютно отделенном от других категорий заключенных.

2. Особоизолированные размещаются по одиночкам (по 1 человеку в одиночку) при полной невозможности сношения друг с другом. Камеры день и ночь запираются на замок. Позднее заключенные этой категории содержатся по несколько человек в одной камере по указанию из ГПУ.

3. Особоизолированные выпускаются в уборную три раза (вычеркнуто “один, два или три...” – *Авт.*) в день; если в камере уборная, а не “параша”, вообще не выпускают.

Одежда

4. Одеждой особоизолированные могут пользоваться своей, имея в камерах только по одному комплекту таковой.

Переписка

5. Права переписки, как общее правило, особоизолированные лишены.

6. Письменные принадлежности для занятий состоят из тетради, пронумерованной и прошнурованной, чернил, пера или карандаша, выдаваемых нач[альником] М[еста] З[аключения].

7. В случае желанья заключенного подать в письменной форме заявления или жалобу, последнему предоставляется бумага. Заявление пишется в присутствии надзирателя, после чего само заявление отбирается надзирателем.

Передачи

8. Права получения передач, как общее правило, особоизолированные лишены.

Примечание: Особоизолированным разрешается передача денег, которые принимаются нач[альником] М[еста] З[аключения] и хранятся в конторе М[еста] З[аключения], кои тратятся раз в две недели.

Свидания

9. Особоизолированные осужденные, свидания имеют в первые два месяца – 1 раз. Затем каждый месяц – 1 свидание.

10. Особоизолированные имеют прогулку 1/2 часа в день, гуляя в одиночку при точном соблюдении полной невозможности встречи с заключенными, как одной с ним[и] категории, так и с заключенными других категорий.

Охрана заключенных “особоизолированных”.

11. Коменданту М[еста] З[аключения], при полной его ответственности вменяется в обязанность разъяснить всем несущим охрану заключенных “Особоизолированных”, что данная категория заключенных есть особо важные преступники. Никаких отступлений от данной инструкции не допускается.

12. Несущие охрану заключенных этой категории, как лица из администр[ации] М[еста] З[аключения], так и охраны обязаны: а) Ни в какие сношения и разговоры с заключенными, кроме коротких деловых вопросов и ответов (согл[асно] инструкции об обязанностях) не входить. б) Никаких личных услуг не оказывать. в) Пресекать вначале всякую попытку снестись с соседними камерами стуком или громким разговором. г) При попытке сопротивления законным требованиям администрации демонстративными протестами, битьем окон и дверей камер – заключенных немедленно помещать в карцер, или одевать на них смирительную рубашку. д) При попытке к побегу или нападении на часового или надзирателя применять оружие.

Пользование библиотекой

13) Заключенные имеют право получить из библиотеки в неделю не более двух книг и одного журнала (исправлено Уншлихтом, вместо предлагаемого "... не более одной книги" – *Авт.*).

14) Книжки выдаются: беллетристика, научные по разным вопросам и журналы не свежее чем за полгода до дня выдачи их на руки арестованным.

15) Газеты выдаче заключенным не подлежат.

16) Виновные в порче книг подвергаются наказанию (последние два слова вписаны Уншлихтом взамен зачеркнутого "...наказываются карцерным и др. положением по усмотрению Начтюрьмы" – *Авт.*).

17. Наблюдение за выдачей книг имеет СО ГПУ.

18. Передача книг со свободы, как правило, безусловно воспрещается.

Разрешаться же в исключительных случаях, может только с разрешения ЗампредГПУ или НачСОперупр ГПУ»²⁷⁹.

До какой степени порядок содержания в «строгой изоляции» отличался от «особой изоляции», видно из докладной записки Андреевой от 30 января 1922 г., где она описывала положение «строго изолированных» «политзаключенных членов антисоветских партий, находящихся в Бутырской тюрьме (за год борьбы добившихся смягчения режима):

«1) Все политзаключенные находятся в особом корпусе, отдельно от уголовных.

2) После прохождения карантина все вновь поступающие политзаключенные своим старостой (староста выбирается самими заключенными, от каждой партии свой), распределяются по камерам. В камерах сидят по 2–3 человека.

3) Мужчины и женщины сидят в одном корпусе и даже в одних камерах (муж и жена по их желанию).

4) Камеры ни днем, ни ночью не запираются, общение свободное.

5) Прогулки ежедневные по 1 1/2 часа, больным по 2 часа. Гуляют кто с кем, когда хочет и все вместе.

6) Свидание с родными и родственниками 1 раз в неделю личное в течение часа.

7) Все политзаключенные на санитарном пайке и кроме того имеют добавочный паек – 4 ф. мяса, 20 ф. хлеба, 1 ф. сахару, и 400 шт. папирос, получают обед из 2-х блюд, а иногда из 3 блюд, плюс передачи родственников. Политзаключенные никогда не жаловались на питание.

8) Медицинская помощь оказывается по первому требованию, при тюрьме больница со специалист. прочими. Ежедневно камеры обходятся медперсоналом.

²⁷⁹ Там же. Л. 14–16.

9) Политзаключенные пользуются библиотекой и получают книги с воли в неограниченном количестве. Получают ежедневно газеты и имеют право на свои средства выписывать газеты без ограничения. Газеты получают как русские, так и иностранные, легальные и нелегальные, точно так же и журналы. У некоторых фракций имеются уже архивы.

10) Ежедневно в тюрьму приезжают представители политического Красного креста, привозят передачи и принимают заявления от заключенных. При этом продуктов у политзаключенных имеется настолько, что теперь там имеется склад неизрасходованных продуктов в весьма значительном количестве.

11) Для заключенных часто устраиваются концерты, иногда виднейшими артистами, спектакли и вечера с танцами и музыкой. Сами политзаключенные устраивают доклады, лекции, диспуты, никем не контролируемые, без всякого ограничения.

12) Встреча Нового года по изобилию яств несомненно превзошла встречу на воле в семьях рабочих и служащих, причем на новый год к заключенным были допущены как в прошлом году, так и теперь семьи заключенных с большими яствами и даже спиртными напитками».

Сразу же после перевода 22 осужденных эсеров 7 августа 1922 г. во внутреннюю тюрьму ГПУ они были посажены в следующем порядке. В I коридоре в одиночных камерах № 6, 12, 13 сидели Н.Н. Иванов, Л.Я. Герштейн, А.Р. Гоц, а в общих камерах 1а и 18а находились М.А. Веденяпин с В.Л. Утгофом и Е.С. Берг с Д.Ф. Раковым. Во II коридоре в одиночных камерах № 25, 30, 36 и 39а сидели Д.Д. Донской, М.Я. Гендельман, Е.М. Тимофеев, С.В. Морозов, а в общей камере № 23 – А. Альтовский с В.В. Агаповым. В III коридоре в одиночных камерах № 42, 49, 55 содержались Е.А. Иванова, Е.М. Ратнер, М.А. Лихач, а в общих № 59, 56, 53 находились Н.И. Артемьев с П.В. Злобиным, А.В. Либеров с Ф.Ф. Федоровичем и М.И. Львов с Г.Л. Горьковым-Добролюбовым²⁸⁰. Какова была логика размещения этих лиц в одиночное и групповое заключение, неизвестно. Можно только догадываться, что в одиночные камеры были посажены самые опасные и нуждающиеся в полной изоляции (с точки зрения чекистов) эсеры.

Примечательно также, что чекисты не отдали охрану «особоизолированных» эсеров-«цекистов» на откуп администрации и без того ведомственной тюрьмы ГПУ, а назначили еще несколько специальных дежурных Секретного отдела ГПУ, которым вменили в обязанность «проверку охраны цекистов ПСР». Так, например, помощник начальника СО ГПУ Андреева (она была своеобразным куратором заключенных эсеров) 3 раза в месяц дежурила во Внутренней тюрьме ГПУ, где заходила в камеры 22-х осужденных по процессу, обследовала постановку внутренней и наружной охраны, а также собирала заявления заключенных. Заявления она доводила до сведения Уншлихта, а обо всем остальном докладывала Дерibasу²⁸¹.

Излишне говорить, какое значение руководство СО ГПУ придавало охране эсеров-«цекистов», если пошло на установление круглосуточного дежурства из собственных сотрудников. Фактически заключенные попали под двойной контроль – как со стороны надзирателей, так и со стороны дежурных СО ГПУ. Памятуя о том, что в России строгость законов смягчается небрежным их исполнением, чекистское руководство установило постоянный круглосуточный контроль и над внешней охраной, и за надзирателями, да и в общем, конечно за администрацией

²⁸⁰ Там же. Л. 2.

²⁸¹ Там же. Л.118.

тюрьмы. Не отставало в служебном рвении и тюремное начальство. Так, из доклада начальника тюремного отдела ГПУ Дукиса от 3 ноября 1922 г. следует, что посты внутренней и внешней охраны лично Дукисом проверялись 5 раз, его помощником – 13 раз, дежурным помощником – 3 раза. Кроме того были проверены решетки, окна, двери, стены, пол и потолок каждой камеры, а сами «камеры проверялись через каждые 5 минут»²⁸². Что подразумевалось Дукисом под проверкой камер через каждые 5 минут, не совсем понятно, но надо полагать, что имелось в виду заглядывание в глазок или форточку. Такой перестраховки практика царских тюрем не знала.

Примечательно, что заботясь о полной изоляции членов ЦК ПСР от внешнего мира, чекисты в августе 1922 г. помимо прочих мер категорически запретили им пользоваться книгами из общественных библиотек, которые туда же и возвращались бы. Чекисты небезосновательно полагали, что таким образом можно было бы передавать информацию и с воли, и на волю (использовались два способа: при первом помечались нужные буквы либо карандашом, либо иголкой, либо просто продавливая бумагу ногтем, при втором «лишние» буквы выскабывались и оставались «нужные»). На просьбы заключенных о присылке им книг из библиотек им неоднократно отказывали именно из этих соображений²⁸³. Наконец, на заявлении Д.Д. Донского в коллегия ГПУ, направленном Андреевой Уншлихту, появилась следующая резолюция Уншлихта: «Книгами надо их снабжать, но не через родственников»²⁸⁴. Смысл этого решения заключался в том, чтобы возвращаемые в библиотеку книги шли не через родственников, которые могли бы «считать» размеченные страницы и передать информацию партийным друзьям своих мужей и отцов, а через «недружественные руки», т.е. по специально созданной чекистами цепочке: заключенный – чекист – библиотека. Очевидно, на этот шаг Уншлихта толкнула аргументация Донского, который писал: «[...]мы ходатайствуем о разрешении нам получать **научные** книги с правом возвращать их по прочтении в указанные администрацией сроки обратно. Мы позволяем себе выразить твердую уверенность, что никто не использует этого разрешения для незаконных и недозволенных сношений с волей: возможность серьезно заниматься настолько большое благо в нашем положении, что никто не захочет и не сможет рисковать ни для себя и главное для остальных товарищей»²⁸⁵. Насколько важна для заключенных была возможность пользоваться книгами, видно и из аргументов двух видных эсеров Г.Л. Горькова-Добролюбова и М.И. Львова: «[...]при отсутствии нужных нам книг мы обречены на годы медленного умственного умирания и [...] лишение возможности заниматься умственно (уже полтора месяца у нас нет книг) есть самое жестокое, ни с какой точки зрения не оправдываемое лишение (даже с точки зрения строгой, архистрогой изоляции)»²⁸⁶.

Но гораздо важнее для чекистов было пресечь другой путь ухода информации из тюрьмы – свидания с родственниками, многие из которых несмотря на наблюдение за ними могли служить тем каналом, по которому эсеры-«чекисты» могли давать на волю руководящие указания ЦК ПСР (именно родственники сумели передать на волю тексты последних слов эсеров, отредактированные ими уже после своих высту-

²⁸² Там же. Л. 125.

²⁸³ Там же. Л. 119.

²⁸⁴ Там же. Л. 124.

²⁸⁵ Там же. Л. 124–124 об.

²⁸⁶ Там же. Л. 100–100 об.

плений). Простейшим и надежнейшим выходом из ситуации для чекистов явилось бы запрещение свиданий заключенных эсеров с родственниками, но это вызывало протесты и голодовки. Впрочем, чекисты сами не были в этих запретах заинтересованы, т.к. из прослушивания разговоров они могли черпать важнейшую агентурную информацию. Хотя и ограничив количество свиданий заключенных с родственниками, они позволили им оставаться наедине (без присутствия в комнате чекистов), дабы подтолкнуть к откровенным беседам.

Свидания заключенных эсеров с родственниками осенью 1922 г. во Внутренней тюрьме ГПУ проходили в специально оборудованной комнате, по следующему распорядку: от 10 до 11 ч., от 12 до 1 ч., от 2 до 3 ч., от 4 до 5 ч., от 6 до 7 ч. В один день получали свидания 4–5 заключенных по заранее составленному списку, фамилии в котором иногда переставлялись по усмотрению чекистов. Следует особо подчеркнуть, что как заключенные, так и родственники обыскивались до и после свидания. Свидание носило личный характер, т.е. проходило без присутствия «тюремной стражи и сотрудников ГПУ», охранявших снаружи комнату свиданий, где был установлен «слуховой аппарат» и откуда нельзя было бы бежать. Впрочем, чекисты, прослушивавшие комнату свиданий, жаловались на качество аппарата, а также на плохую изоляцию комнаты от посторонних шумов (хлопанье дверями, разговоры конвойных в коридоре и т.д.). Раздражали чекистов и крики и беготня детей, с которыми приходили жены некоторых заключенных²⁸⁷. Но самое обидное, что чекистам так и не удалось перехитрить эсеров, которые, очевидно догадываясь о прослушивании, все тайные разговоры вели шепотом на ухо, маскируя сам этот разговор тем или иным способом (той же беготней детей и их криками). Чекисты же надеялись улучшить «разрешающую» способность «слухового аппарата» и изолировать комнату свиданий от внешнего шума.

Как далек был первоначальный режим заключенных от «курортного», видно из письма С. Гоц (жены А.Р. Гоца) Дзержинскому в октябре 1922 г. (она обращалась через Е.П. Пешкову с просьбой о встрече с ним, но тот предложил написать письмо). Письмо С. Гоц содержало немало ярких примеров тюремного быта заключенных: к Герштейну первое время обращались не иначе как «осужденный к смерти Герштейн»; А.Р. Гоц не получил казенного головного убора и в течение полутора осенних месяцев, выходя на прогулку в дождливую погоду, наматывал «на голову казенные брюки»; Морозов, у которого отобрали свое мыло и не дали казенного, первые три недели не умывался с мылом и полтора месяца не имел расчески, матрац был «с мышами», «из параша текло», а вместо кружки ему дали «ржавую жестянку»; Гендельману после долгих требований дали, наконец, очки – «но с разбитыми линзами»; не всем был объявлен целиком приговор, для этого Иванову пришлось голодать четыре дня. С. Гоц заключала: «На почве плохого питания и недостаточного света, у многих уже началось сильное малокровие (Тимофеев, Злобин, Морозов, Берг, Раков, Либеров и др.). Гендельман, Иванов с отечными лицами, у мужа моего симптомы цинготного заболевания ноги. Особенно тягостно для них вынужденное бездействие и отсутствие книг. Книги выдаются в 2–3 недели не более 2–3 за раз, при этом самого неожиданного подбора. Мужу, напр., достался учебник по зоологии и “Антропология” Канта». По словам С. Гоц, сами заключенные считали условия, в которые их поставили, карцерным режимом и ставкой на физическую выносливость.

²⁸⁷ Там же. Л. 103.

Как отмечалось выше, инструкция по содержанию «особоизолированных» была утверждена с определенной задержкой, и тотчас же пришла в противоречие с действовавшими до того нормами, на что немедленно отреагировали заключенные.

Уже 18 августа 1922 г. М.Я. Гендельман в своем заявлении в Верховный Трибунал, дав весьма колоритное описание тюремного режима, считал его «ни чем иным, как применявшимся лишь в виде наказания к заключенным карцерным режимом старого строя (лишение свиданий, передач, книг, прогулок, щиты на окнах, содержание на хлебе и воде). Гражданка Клара Цеткин, с прискорбием установившая на процессе, что по ее мнению русским социалистам в коммунистических тюрьмах живется лучше, чем германским коммунистам в буржуазных тюрьмах, могла бы теперь убедиться, что мое приглашение посмотреть на нас, если останемся живы, через некоторое время после приговора, имело полный смысл.

Ввиду изложенного **я вижу себя вынужденным начать голодовку, если не будет дано разрешение на свидание с родными, на передачи, на пользование своими книгами, газетами и письменными принадлежностями для занятий.** Голодовку начну во вторник, 22-го августа, с утра» (см. док. № П-119). Насколько известно, этой голодовки не было. Очевидно, товарищи Гендельмана отговорили его от нее, справедливо полагая, что время такого крайнего средства еще не пришло. В августе–декабре 1922 г. заключенные и их родственники развернули настоящую «войну заявлений», которые направлялись ими во все мыслимые инстанции.

25 августа 1922 г. Веденяпин в заявлении, адресованном Верховному Революционному трибуналу, интересовался, «имеется ли в приговоре постановление о реквизиции моих вещей или нет?», а также «особое постановление о лишении права читать мне книги?», и напоминал, что «в бытность на царской каторге все продукты выдавались арестованному и никогда не реквизировались»²⁸⁸. Заявление Веденяпина не достигло Верхтриба, а после ознакомления с ним Самсонова и Уншлихта было подшито к делу²⁸⁹. Такая же судьба постигла заявление Гендельмана в Президиум ГПУ от 28 августа 1922 г., просившего о скорейшей выдаче книг и разрешении «передачи раз в неделю одной смены белья»²⁹⁰. Было подшито к делу и заявление Ракова, адресованное наркому юстиции, в котором он жаловался на конфискацию переданных с воли чая, кофе, сахара, сухарей²⁹¹.

Не дошло до адресата и совместное заявление Горькова-Добролюбова и Львова в Наркомат юстиции (копия ГПУ) от 8 сентября 1922 г., в котором они писали: «[...] просим высший орган юстиции в Республике сообщить нам, входят ли все перечисленные выше условия нашего заключения (замазанные масляной краской и закрытые железным щитом окна, а также слабая лампочка, висящая высоко под потолком и дающая мало света; лишение книг, недостаточное питание, отсутствие свиданий с родными – *Авт.*) в понятие “строгая изоляция” или это явления иного порядка. Если это необходимое дополнение к строгой изоляции, то мы[,] охраняя свое умственное и физическое существование[,] вынуждены будем прибегнуть к единственному у всех заключенных способу борьбы за свою духовную и физическую жизнь»²⁹².

²⁸⁸ Там же. Л. 54, 54 об.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. Л. 61–61 об.

²⁹¹ Там же. Л. 62–62 об.

²⁹² Там же. Л. 79–79 об.

Жаловавшийся на то же самое Н. Иванов в своем заявлении 4 сентября 1922 г. во ВЦИК писал: «Советская власть неоднократно заявляла, что идея “наказания” преступника совершенно чужда советскому правосознанию. Гр. Крыленко на нашем процессе во всеуслышание подтвердил это, сказав, что Сов[етская] вл[асть] не мстит и не карает, а только ради безопасности государства и общества “изолирует” опасные элементы, лишая их возможности проявлять свою вредную для государства деятельность. [...] Но тот режим, в который мы поставлены[,] с точки зрения изоляции оправдать и объяснить невозможно: [...] даже царское правительство ограничивало столь узко свидания и переписку только во времена злейшей реакции и то только для лиц[,] осужденных на каторгу. [...] Если все это сопоставить и прибавить сюда тот режим невероятных (даже для внутренней тюрьмы) придинок, которому нас подвергают, [...]то получится картина ясная: не “изоляция”, а “наказание” — месть, месть идущая на все, чтобы только причинить боль своему врагу»²⁹³.

Весьма похожего содержания заявление отправил 18 сентября 1922 г. в Президиум ВЦИК и Утгоф, который, сравнивая свое положение с положением дореволюционного арестанта, писал: «Я сидел в Петропавловской крепости, 4 года подряд провел в одиночном заключении, но никогда в царское время не подвергался режиму, подобному установленному для нас ГПУ»²⁹⁴. Безусловно, многие новшества, введенные чекистами, не имели ни малейшего отношения к проблеме изоляции заключенных от внешнего мира и являлись, по точному выражению С.В. Морозова, «совершенно ненужной и ничем не оправдываемой жестокостью» (см. док. № П-120).

Как и прочие подобные документы заключенных, заявление Утгофа осело в чекистском делопроизводстве. Дело в том, что все заявления 22-х осужденных по процессу ПСР шли через руки помощника начальника СО ГПУ Андреевой, которая далее уже сама решала судьбу каждого заявления. Вариантов было три: заявление направлялось либо начальнику СО ГПУ Самсонову, либо заместителю председателя ГПУ Уншлихту, либо сразу сдавалось в архив (подшивалось к делу).

Примечательно, что родственники 22-х осужденных эсеров (как и сами осужденные) поначалу писали свои заявления в самые разные инстанции, а позже все чаще стали обращаться к тому, кто реально мог принять нужное решение вопреки отказам низового чекистского начальства. Речь идет о председателе ГПУ Ф.Э. Дзержинском, в ряде случаев, действительно, удовлетворявшем просьбы родственников осужденных. Так, например, С.Н. Гоц от имени жен и родных осужденных просила о передаче им ряда продуктов, теплой одежды и постельного белья. Ф.Э. Дзержинский наложил резолюцию: «т. Ягоде. Полагал бы, можно разрешить, но с тем, чтобы не было в камерах лишних вещей и разрешить только на один раз с тем, чтобы каждая передача требовала особого разрешения». Красноречивая резолюция Самсонова: «т. Андреевой. Надо это без затяжки сделать — ничего не поделаешь» — свидетельствовала о том, что решение было принято через их головы²⁹⁵.

Из таких фрагментов и складывалась длительная и изнурительная борьба осужденных за т.н. политический режим, которая благодаря настойчивости и опыту заключенных и их родственников приносила некоторые результаты.

²⁹³ Там же. Л. 80–80 об.

²⁹⁴ Там же. Л. 90–90 об.

²⁹⁵ Там же. Л. 104–104 об.

Но несмотря на некоторое смягчение тюремного режима для осужденных эсеров, он оставался по-прежнему суровым. К концу 1922 – началу 1923 г. возможности смягчения режима путем заявлений со стороны осужденных и их родственников были фактически исчерпаны, т.к. натыкались на крайне жесткую позицию чекистов (в том числе и среднего звена), считавших, что режим далее ослаблять нельзя. Давление на Политбюро и ГПУ шло по нескольким каналам и направлениям: общественное мнение социалистических и демократических кругов Запада, запросы международного и русского Политического Красного Креста, многочисленные жалобы и требования родственников, да и самих осужденных (те их заявления и жалобы, которые не удавалось заволокитить чекистской бюрократической машине и которые попадали на столы Калинина, Курского и других желавших поучаствовать в процессе «наведения порядка»).

Первым тревожным сигналом для большевистского и чекистского руководства стали появившиеся 2–3 сентября 1922 г. в среде московских рабочих слухи о самоубийстве Е.М. Тимофеева, через несколько дней попавшие на страницы иностранной и эмигрантской прессы. Уже 4 сентября представитель Политического Красного Креста обратился к А.Д. Цюрупе, обещавшему навести справки в НКЮ и НКВД. Выбранная в этой ситуации тактика умолчания сыграла с большевистским и чекистским руководством злую шутку. Хотя слух был неверен, но основа его – сведения о невыносимых условиях, созданных для заключенных, соответствовала реальности и фактически лила масло в огонь не затухшей еще на Западе антибольшевистской кампании в связи с преследованиями социалистов (см. док. № 18-5).

Заграничные эсеры проводили прямые параллели с самоубийством Е.С. Созонова. Так, например, В.О. Фабрикант писал 6 сентября 1922 г. пражским эсерам: «Дорогие друзья, только что узнал из “Temps” о смерти Е.М. Тимофеева. Телеграфируйте, правда ли это? Надо ли писать вам, какое потрясающее впечатление произвело это известие? Мы переживаем теперь то же, что переживали в 1911 году при известии о самоубийстве Сазонова. Не по тем же ли мотивам, что и Сазонов, покончил с собой Тимофеев? Ждем с лихорадочным нетерпением вашей телеграммы. Мое личное впечатление, что убийство московских товарищей началось – не по судебному приговору и не судом Линча, а застеночным путем»²⁹⁶.

Подобная оценка ситуации была близка и руководству ЗД ПСР, которое посчитало нужным начать бить в набат. Уже 8 сентября в передовице «Голоса России» «Борьба смертью» прозвучал призыв к социалистическому движению стран Европы «вырвать заложников у палачей большевизма» (см. док. № 18-6). В этот же день ЗД ПСР послала телеграмму в ЦК РКП(б), СНК и Коминтерн с требованием сообщить о судьбе Тимофеева и о местонахождении остальных осужденных, «пропавших без вести со времени вынесения приговора». Послание ЗД завершалось словами: «Ваше молчание будет равносильно боязни признать совершившееся перед общественным мнением всего мира» (см. док. № 18-8). Не дождавшись ответа, ЗД ПСР послала Вандервельде следующее сообщение: «На наши запросы о Тимофееве и остальных осужденных большевистская власть молчит. Как это обстоятельство, так и знание условий и тактики власти вселяют в нас тревогу. Обращаемся к вам с просьбой побудить Нансена обратиться к большевистской

²⁹⁶ ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

власти выяснить как правду о заключенных, так и облегчить их положение»²⁹⁷.

Кроме того, ЗД ПСР разослала циркулярное письмо следующего содержания: «Всем партийным группам. Циркулярно. Предлагается обсудить и организовать на местах гражданские похороны Евгения Михайловича Тимофеева. По поручению комиссии при Заграничной Делегации ПСР с товарищеским приветом Б. Рабинович»²⁹⁸.

Насколько мы знаем, революционная практика не знала подобного рода заочных «гражданских похорон», но несомненно эсерам удалось бы превратить их (по крайней мере в Берлине и Праге) в грандиозные политические демонстрации при поддержке большинства социалистических партий.

Только лишь 13 сентября 1922 г. зампред ГПУ И.С. Уншлихт представил И.В. Сталину текст опровержения слухов о самоубийстве Е.М. Тимофеева (см. док. № 18-10). Но несмотря на резкие эпитеты в адрес заграничных эсеров опровержение, безусловно, сильно запоздало. Впрочем, отреагируй власти сразу – для них тоже вышло бы нехорошо. Это означало бы, что они реагируют на давление, и повлекло за собой усиление этого давления. Безусловно, готовность зарубежных эсеров и западного социалистического мнения к решительным протестам в случае голодовок и смертей заключенных эсеров была тем фоном, на котором и проходили последовавшие вскоре голодовки эсеров. Они начались тогда, когда все остальные способы облегчения режима были исчерпаны. Сигналом бесполезности подачи дальнейших петиций стала блокировка чекистами и Политбюро попыток руководства ВЦИК облегчить положение или по крайней мере «посетить внутреннюю тюрьму ГПУ». На заседании Президиума ВЦИК 20 ноября 1922 г. осуществить подобное посещение было поручено членам Президиума Смирнову и Курскому. Подобная реакция Президиума ВЦИК на жалобы родственников осужденных эсеров заставила Уншлихта обратиться к И.В. Сталину с весьма откровенным заявлением: «Много усилий и трудов стоило нам переломить с.-р. и создать условия, гарантирующие их изоляцию и устанавливающие твердый режим. Посещение тюрьмы представителями ВЦИК поколеблет создавшееся равновесие и вызовет со стороны заключенных ряд невыполнимых требований, что повлечет за собой серьезные осложнения» (см. док. № 18-11). Политбюро ЦК РКП(б) на своем заседании 23 ноября 1922 г., будучи вполне солидарно с Уншлихтом в «несвоевременности посещения с.-ров представителями ВЦИК», но очевидно не желая слишком сильно обижать Президиум ВЦИК, приняло иезуитское решение: посетить заключенных эсеров и рассказать об их положении Калинину было поручено Уншлихту, а Калинину было предоставлено право осмотреть любые другие помещения в тюрьме «сообразно его желанию» (см. док. № 18-12).

Впрочем, уверенность властей, что им удалось «переломить с.-р.», вскоре исчезла. В конце января 1923 г. И.С. Уншлихт поставил И.В. Сталина в известность, что осужденные, проявлявшие в течение месяца «большую нервозность» и заявлявшие, что в подобных условиях они не будут отбывать наказание, 21 января выразили свой протест «не в заявлении, а уже в коллективном свисте, громком разговоре, в чтении вслух» (см. док. № 18-16). Е.М. Тимофеев и Н.Н. Иванов подали заявления председателю коллегии ГПУ Уншлихту и в Президиум ВЦИК, где потребовали приведения своих смертных приговоров в исполнение, как писал Ти-

²⁹⁷ Там же. Д. 12. Л. 25.

²⁹⁸ Там же. Л. 40.

мофеев, «в силу полной невозможности существования в условиях, в которых я нахожусь вот уже почти полгода[...]», а для подтверждения своей решимости они объявили с 25 января 1923 г. голодовку (см. док. № 18-13, 18-14, 18-15). Приложив к своему письму, адресованному Сталину, заявления Тимофеева и Иванова, Уншлихт сообщал ему, что т.к. осужденные несмотря на все предпринятые чекистами меры все-таки «могут договариваться, можно предполагать, что голодовка будет поддержана и остальными 19 человеками» (см. док. № 18-16). Молчаливо предлагая Сталину выбор между возможностью получить грандиозную голодовку эсеров и скандал на весь мир и возможностью ослабления режима, Уншлихт подталкивал Сталина к первому варианту, добавляя: «осужденные “цекисты” ПСР добиваются перевода в др[угую] тюрьму с целью иметь большую возможность руководить работой на воле, о чем в ГПУ имеются доказательства» (там же).

Неизвестно, на каких условиях Тимофеев и Иванов прекратили свою голодовку (как видно из письма родственников осужденных Калинину, она закончилась до 5 февраля 1923 г.), но 7 февраля 1923 г. полпред РСФСР в Германии Н.Н. Крестинский сообщал И.В. Сталину и К.Б. Радеку о том, что вокруг «судьбы Тимофеева начинается новая кампания» (см. док. № 18-17).

5 февраля 1923 г. родные заключенных эсеров обратились с письмом к председателю ВЦИК М.И. Калинину. Констатируя, что если со времени их первого обращения к Калинину в начале ноября 1922 г. в режим и были внесены некоторые изменения, «как, например, разрешение два раза в месяц свиданий и передач, то в общем и целом этот режим и в физическом, и в моральном отношении остался прежним», далее они перечисляли жалобы заключенных на условия их содержания и заявляли: «Принимая во внимание, что коренное изменение условий заключения, как показал 6-ти месячный опыт, в стенах внутренней тюрьмы ГПУ невозможно, мы настаиваем на переводе наших родных в какую-либо другую из Московских тюрем, в которой они могли бы быть поставлены в нормальные тюремные условия»²⁹⁹.

На этом письме М.И. Калинин написал обращенную к Ф.Э. Дзержинскому резолюцию-размышление: «Я думаю, можно бы внести какие-либо улучшения в положение арестованных», и передал его представителю ГПУ при председателе ВЦИК Скрамэ. Отправленное последним Ф.Э. Дзержинскому, оно без комментариев было им переадресовано Г. Ягоде, а последним, также без комментариев, – Самсонову³⁰⁰. Последний же написал 11 марта 1923 г. служебную записку Уншлихту, где заявлял: «Полагаю, что обращение жен осужденных цекистов ПСР следует оставить без рассмотрения, т.к. мы и без них ослабили режим до самых крайних пределов». Любопытно, что Уншлихт не стал с ним спорить или соглашаться, а напомнил о невыполнении ранее решенных мер к смягчению режима: «Когда будет часть эсеров переведена в Бутырки? Когда будут вставлены спец[иальные] стекла и сняты щиты? Давно дано распоряжение и указана срочность»³⁰¹.

Нежелание чекистов смягчать режим и невыполнение ранее взятых на себя обязательств спровоцировало новую череду голодовок. В середине марта голодовку объявили Е. Ратнер и Е.А. Иванова-Иранова. 16 марта 1923 г. чекисты попытались провести их освидетельствование с помощью зав. психиатрической секцией Мосздрава В. Громбаха и врача-психиатра

²⁹⁹ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 61. Л. 8–8 об.

³⁰⁰ Там же. Л. 7.

³⁰¹ Там же. Л. 9.

Е. Красецкого. Но заключенные «от всякого освидетельствования врачей, а равно и от всякой медицинской помощи» отказались, о чем был составлен акт, где расписались пом. нач. СО ГПУ Дерibas, нач. санчасти ГПУ Кушнер, два врача-психиатра, а также Е.М. Ратнер и Е.А. Иванова-Иранова³⁰². Из слов отдельного акта, написанного врачами-психиатрами, становится понятной цель и мотивы их приглашения к голодающим заключенным³⁰³. Трактовка этими психиатрами «голодовки-протеста» как «болезненного влечения к смерти» была, наверное, первым шагом по тому пути, идя по которому, полвека спустя их коллеги само инакомыслие будут рассматривать как психическое заболевание, требующее борьбы с ним медикаментозными средствами.

18 апреля 1923 г. группа осужденных цекистов объявила голодовку, о которой председателю ГПУ Уншлихту от их имени сообщили Гоц и Тимофеев³⁰⁴, написавшими на следующий день заявление в Президиум ВЦИК, в котором они настаивали: «а) на длительной прогулке; б) на предоставлении нам общения между собой; с) на учащении свиданий» (см. док. № 18-20).

Помимо Тимофеева и Гоца 20 апреля 1923 г. заявление в Президиум ВЦИК написал от своего имени и член ЦК ПСР Раков, где подчеркивал, что «тюремный режим, в котором нас содержат, принимает характер бессмысленного, жестокого истязания, из которого лишь один исход – голодовка», и выдвигал ряд дополнительных требований (см. док. № 18-21).

21 апреля 1923 г. И.С. Уншлихт, поставив И.В. Сталина в известность о голодовке 11 осужденных эсеров, заявлял, что «все возможное в смысле облегчения режима в рамках приговора было сделано». Считая, что возможность «общения между собой и перевод в другую тюрьму облегчает им как побег, так и возможность руководить партработой», Уншлихт был категоричен: «ГПУ полагало бы требования, предъявленные с.-р., отклонить» (см. док. № 18-23). В тот же день опросом по телефону членов Политбюро было принято постановление разрешить голодающим эсерам длительные прогулки и учащение свиданий. Позиции ГПУ об отказе во всем придерживались Сталин и Рыков, пункт об общении заключенных между собой не поддержал никто, за удовлетворение остальных требований высказались Зиновьев, Каменев, Троцкий и Молотов. Примечательно замечание Зиновьева: «голосую за удовлетворение требований № 1 и 3, ибо иначе придется уступить через несколько дней» (см. док. № 18-23). Естественно, решение Политбюро не могло быть предъявлено заключенным эсерам в «чистом», незамаскированном виде, и было доведено до них в качестве постановления Президиума ВЦИК от 21 апреля 1923 г.³⁰⁵

23 апреля 1923 г. А. Гоц в заявлении на имя Катаньяна и Самсонова писал, что поскольку их требования (хотя и не полностью) удовлетворены, они готовы прекратить голодовку, и просил разрешения «передать через администрацию тюрьмы записку о прекращении голодовки всем голодающим. Без этого т.т. голодовки не прекратят»³⁰⁶.

Такая записка была Гоцу разрешена и 24 апреля 1923 г. он в ней написал: «Дорогие друзья, прекращайте голодовку, приятного аппетита! Условия соглашения таковы: 1) Свидания еженедельные.

2) Прогулка увеличена до 2 часов.

В общении ВЦИК отказал.

³⁰² Там же. Л. 10.

³⁰³ Там же. Л. 11.

³⁰⁴ Там же. Л. 15.

³⁰⁵ Там же. Л. 20.

³⁰⁶ Там же. Л. 21.

Из более мелких пожеланий удовлетворены следующие:

- 1) Свет будет тушиться по желаниа.
- 2) Будут даны нож, вилки. Может быть[,] разрешат и жилет.
- 3) Тем т.т., у которых жены вне Москвы, будет разрешена более частая переписка.
- 4) Передача 1 раз в неделю.
- 5) Из камеры в камеру по желанию можно переходить не чаще раза в 2 месяца»³⁰⁷.

Эволюцию тюремного режима, а также быт и развлечения заключенных, хорошо отразил Г.Л. Горьков-Добролюбов, который, уже находясь в ссылке, писал: «Режим вначале был до чрезвычайности суровым [...] Спустя полгода условия совершенно <изменились и> стали таковы: свидания с родными и передачи раз в неделю (свидания часовые и без посторонних), 1 1/2 часов[ые] прогулки, право пользоваться книгами из любой библиотеки в Москве, а также беспрепятственная пересылка книг с воли вообще, щиты с окон сняли, электричество спустили ниже. Кроме этого разрешили каждому из нас через каждые два месяца обмениваться, с кем пожелает. [...] Первое время, до реформы, прогулка была обставлена очень строго, следили за каждым нашим движением, заставляли ходить парно и (одно слово не разобрано – *Авт.*) в одну сторону круга. Гуляли мы на специально для нас устроенном дворе (два слова не разобрано – *Авт.*). В феврале характер нашей прогулки изменился, нам дали лопаты, с помощью которых мы построили из снега такой дворец, что одно только загляденье [...] Помимо дворца, некоторые товарищи лепили разные фигуры и статуи [...] мною была вылеплена фигура Шишиги (шишигами на русском Севере звали одну из разновидностей чертей: различали маленьких шишек, шикун и шишиг, каждый имел свой нор. Такое прозвище имел М.А. Веденяпин – *Авт.*). Весною нам привезли садовой земли, (одно слово не разобрано – *Авт.*), выдали железные лопаты и грабли, а через небольшой промежуток времени наш двор был засеян и засажен разного рода семенами и цветами, доставляемыми нам с воли. Несмотря на скверную погоду, летом наш двор был весь в зелени и цветах. Из овощей росли редиска, репа, (два слова не разобрано – *Авт.*), лук, салат и пр., не удались только огурцы – погибли их цветы, а из цветов красовались георгины, астры, гвоздики, настурции, (одно слово не разобрано – *Авт.*) левкой, мак и многое др. Каждый из товарищей на свидание непременно преподносил букет цветов своим родным»³⁰⁸.

Чекисты, вынужденно подчинившиеся решению Политбюро о смягчении режима, стали свидетелями того, как их «карцерный» режим (заграничные эсеры образно называли документ о содержании политзаключенных «уставом Уншлихта») стал рассыпаться под дальнейшими ударами заключенных. Фактически чекисты повторили тот путь, который многократно проделывали их предшественники – путь сдачи позиций. Через полгода В.Р. Менжинский и Дерибас сообщали В.М. Молотову о голодовке с 17 ноября 1923 г. части заключенных из числа переведенных в Бутырки, потребовавших открыть двери их камер для свободного передвижения, а также «организации физического труда и права продажи их изданий в их пользу». Чекисты констатировали, что «содержащиеся во внутренней тюрьме часть осужденных ГОЦ, ТИМОФЕЕВ, МОРОЗОВ и другие еще не объявили голодовки, но по категоричности заявлений их об общем изменении режима, тождественности предла-

³⁰⁷ Там же. Л. 22.

³⁰⁸ Там же. Т. 110. Л. 28.

гаемых ими изменений с предъявленными бутырцами требований и по недвусмысленным угрозам о возможности шлиссельбургской кровавой драмы – можно с уверенностью предположить, что объявление голодовки, или какой[-]либо другой формы поддержки тех же требований остальными осужденными, – вопрос двух–трех дней. Мнение ГПУ, что уступки немислимы, ибо они вызовут ряд новых хорошо организованных и согласованных требований. Кроме того удовлетворение первого требования практически разрешает основной вопрос об изоляции вообще» (см. док. № 18-24).

Чем закончилась эта голодовка, можно только догадываться, но фактически все это было уже агонией чекистского тюремного эксперимента, последний удар по которому нанес покончивший жизнь самоубийством 20 декабря 1923 г. С.В. Морозов. В своем предсмертном письме от 20 декабря 1923 г., адресованном близким, он писал: «Не не хочу, а не могу, нет сил больше жить такой жизнью, как моя. [...] Но в прошлом своем я не раскаиваюсь. [...] Мой путь оказался мне не по плечу, я ухожу, но с сознанием исполненного, насколько позволяли силы, долга и честно прожитой жизни» (см. док. № П-121).

31 января 1924 г. Г.Е. Зиновьев предложил Ф.Э. Дзержинскому передать ему материалы об этом самоубийстве, т.к. «все “соцгазеты” полны рассказней о смерти Морозова» и следует «опубликовать сведения о действительных причинах его самоубийства» (см. док. № П-112). Через пять дней Г.Е. Зиновьев отказался от этой идеи, заявив Дзержинскому, что по его и Н.И. Бухарина мнению, письмо Морозова «печатать никак нельзя» и предложил «дать совсем короткое извещение от ГПУ сухого формального характера с указанием, что самоубийство вызвано чисто личными интимного характера причинами. Часть поверит – другая – нет. Но тут уж ничего не поделаешь» (см. док. № П-113).

В своем письме Зиновьеву Дзержинский представил дело так, что оно связано с «личными переживаниями Морозова в связи с Е. Ратнер», и заявлял, что ГПУ считает, что «все касающееся прямых намеков» на эти переживания не может быть использовано в печати. Он также сослался на просьбу Гоца не трепать имени Морозова в печати (см. док. № П-114).

Представляется, что Дзержинский и Зиновьев явно лукавят, предлагая ухватиться за версию о причинах личного характера, дабы переложить ответственность с себя на самого Морозова. Знакомство с письмом последнего убеждает, что Зиновьев и Бухарин отказались от мысли опубликовать его не из явно не свойственного им целомудрия, а из чисто политических соображений. Письмо С.В. Морозова – это яркое свидетельство несломленной воли борца, уставшего жить и бороться, но не предающего свои идеалы. Нам кажется, что несмотря на свою патетичность более верна оценка происшедшего, данная в листовке Московского Бюро ПСР в начале 1924 г.: «Не мы его убили, не мы... он сам... смотрите, потрясая последней запиской мученика перед глазами его товарищей, истерически кричали следователи-чекисты. Нет, Вы, вы и Центральный Комитет Коммунистической партии. Вы убийцы и на Вас эта кровь. Кровь борца за свободу народа. На вашей совести...» (см. док. № П-129). И хотя Г.Е. Зиновьеву не нравилось, что в «соцгазетах» С.В. Морозова сравнивали с Егором Созоновым (см. док. № П-112), привлечшим своим самоубийством внимание общественности и заставившего тюремщиков отступить, но именно самоубийство С.В. Морозова и боязнь, что его примеру последуют другие, заставили чекистов капитулировать и, отказавшись от политики «завинчивания гаек», выступить с инициативой смягчения приговора, с которой председатель ОГПУ Дзержинский обратился в на-

чале января 1924 г. в ЦК РКП(б). То, что именно чекисты, а не Президиум ВЦИК, издавший 11 января 1924 г. подобное постановление, и не члены Политбюро пошли на этот шаг, показывает, что чекистская верхушка первой увидела тупиковость и опасность для себя дальнейшего противостояния с осужденными эсерами. Это видно из мотивировочной части первого варианта письма ГПУ в ЦК РКП(б), которое было написано (очевидно, по поручению начальства) помощником начальника 3-го отделения СО ГПУ В. Брауде.

Проект письма, написанный В. Брауде, получил поддержку Дзержинского, Ягоды и Дерибаса. Последний выкинул из него (ставшего основой официального обращения ГПУ) мотивировочную часть, ярко рисующую бессилие чекистов (см. док. № 18-27). По мнению Брауде, объявление приговоренных к высшей мере наказания «бессрочными заложниками на случай вооруженных и террористических выступлений партии с.-р. против Соввласти» обернулось негативными последствиями: «[...] неопределенность положения объявленных заложниками, не видящих конца своего содержания в тюрьме и не имеющих надежды когда бы то ни было окончить свой срок, создало у осужденных крайне повышенную нервозность, ведущую к тяжелым конфликтам. [...] Большое, конечно, влияние на повышенную нервозность осужденных имеет и то обстоятельство, что почти все они слишком большую часть своей жизни провели в тюремных условиях. [...] Создалось такое положение, что даже применяемый к осужденным небывалый по своей мягкости тюремный режим, который можно назвать скорее санаторным режимом [...] не может уравновесить психику арестованных и предотвратить всё учащающиеся конфликты [...]

В настоящее время [...] отпадает самый смысл заложничества. В то же время повторение длительных голодовок и самоубийств осужденных создает почву для демагогической антисоветской агитации, главным образом, за границей».

Следует отметить стремление чекистов, поднявших перед политическим руководством страны вопрос об изменении в сторону некоторого смягчения меры наказания осужденным лидерам ПСР, указать и допустимые, по их мнению, пределы уступок. Бессрочное заключение «смертникам» предполагалось заменить десятью годами тюрьмы, а другим — уменьшить сроки заключения вдвое. Вероятно, этот вопрос предварительно согласовывался на высшем уровне, о чем косвенно свидетельствует помета Ягоды 10 января 1924 г.: «Утверждено 5 лет и десять смертникам».

Но дальнейшее развитие событий приобрело неожиданный для чекистов характер, т.к. Президиум ВЦИК не проштамповал предложенное решение, а значительно смягчив его, обратился в вышестоящую инстанцию — Президиум ЦИК СССР, который, уже от своего имени направил в Политбюро проект, предлагавший пять лет тюрьмы «смертникам» и два с половиной года остальным с отправкой всех в ссылку после отбытия срока заключения. В сравнении с драматической ситуацией начала августа 1922 г., когда партийные лидеры в лице Каменева, Зиновьева, Троцкого, Сталина, давали не просто директиву законодательному органу (ВЦИК), а в прямом смысле слова, писали ее, в январе 1924 г. реальное решение готовилось в недрах ведомства Калинина—Енукидзе. Неизвестно, было ли это инициативой Президиума ВЦИК или это смягчение было подсказано им свыше, но в любом случае можно утверждать, что оно вполне устроило членов Политбюро, которые и сами шелкнули чекистов по самолюбию и разрешили это сделать и Президиуму ВЦИК (членов которого в свое время даже не пустили к заключенным эсерам). О том, что в тот момент

данный вопрос считался для Политбюро ясным, можно судить по форме его рассмотрения – опрос по телефону. Члены и кандидаты в члены Политбюро проявили при этом индифферентность и внесли лишь ряд редакционных правок в преамбулу проекта, предложенного ЦИКом, но не коснулись постановляющей части. Троцкий отсутствовал, мнение Сталина не было зафиксировано в опросном бланке, хотя именно по его распоряжению проводился опрос (см. док. № 18-26).

Отметим еще раз, что на такого рода уступки заключенным эсерам большевистское руководство толкало, в том числе, и мощное общественное давление из-за рубежа. Власти несли значительный политический урон и вопреки ожиданиям, что давление на них после ряда уступок спадет, волна недовольства преследованиями социалистов поднималась все выше. Показательно, что громкий зарубежный резонанс в ответ на слухи о самоубийстве в тюрьме члена ЦК ПСР Тимофеева, подтолкнул председателя ИККИ Зиновьева обратиться еще в сентябре 1922 г. в Политбюро с предложением об обмене известного немецкого революционера М. Гельца, также приговоренного к смерти, на Тимофеева. По этому поводу Политбюро даже санкционировало провести через НКВД и Коминтерн негласные переговоры с Германией, так, впрочем, ничем и не завершившиеся (см. док. № П-107, П-109).

Этот сюжет позволяет понять, какой характер приобретал за рубежом вопрос о судьбах представителей российских социалистических партий, подвергавшихся преследованиям главным образом за прошлую политическую деятельность. Большевистское руководство не могло не считаться с позициями влиятельных в то время на Западе «левых» кругов, поэтому вопрос о положении политических заключенных и ссыльных в России (затем СССР) оказывался вплетенным в общую ткань международных отношений. Известен санкционированный летом 1924 г. самим Политбюро проект массовой высылки за рубеж политических ссыльных и заключенных социалистов (по оценкам ОГПУ, численностью около 1,5 тыс. чел.), кроме «эсеров-цекистов», в обмен на политзаключенных стран Запада. Вскоре, однако, Политбюро отменило свое решение, но сам сюжет и мотивы большевистского руководства стоят того, чтобы на них остановиться.

1 июля 1924 г. генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский общал в Политбюро ЦК РКП(б), что «за последние несколько месяцев» кампания за границей «за освобождение арестованных меньшевиков и эсеров» «крайне обострилась». А. Лозовский констатировал: «Кампанию ведут Гамбургский Интернационал и Берлинский “Интернационал” анархо-синдикалистов. По всем странам рассылаются циркуляры со списками арестованных. Наши товарищи из Германии, Франции и т.д. неоднократно запрашивали меня по этому вопросу. Коммунистическая пресса ничего не могла сказать, что произошло на Соловках. Это не могло не усилить борьбы против Коминтерна, Профинтерна и Сов. России[...] Я считаю, что нужно принять меры, иначе эта кампания, поддерживаемая всей желтой прессой, принесет нам неисчислимый вред»³⁰⁹.

3 июля 1924 г. Политбюро приняло предложение А. Лозовского об устройстве закрытого заседания представителей делегаций Коминтерна для противодействия антибольшевистской кампании, а также создало комиссию в составе Лозовского, Чичерина, Менжинского и А.П. Смирнова для выработки «проекта информационного сообщения о мерах репрессий по отношению к меньшевикам и эсерам»³¹⁰. Через месяц, 4 августа 1924

³⁰⁹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 43.

³¹⁰ Там же. Л. 42.

г., А. Лозовский от имени этой комиссии предложил Политбюро ЦК РКП(б) следующее: «1) Предложить через Коминтерн и Профинтерн организаторам антисоветской пропаганды II-му и Амстердамскому Интернационалу забрать всех содержащихся в советских тюрьмах и концентрационных лагерях (всего около 1500 человек) меньшевиков, эсеров, анархистов и проч. 2) Советское правительство довозит до границы всех высылаемых вместе с семьями и сдает на руки представителям II-го и Амстердамского Интернационалов. 3) Визы, деньги на проезд от границы и вообще все то, что связано с пребыванием высылаемых за границей, не касается Советского правительства. 4) Коминтерн может попытаться получить взамен освобождаемых, не ставя это обязательно в условие, заключенных революционеров в индусских, египетских, германских и т.д. тюрьмах»³¹¹.

Необычным в этой ситуации было то, что инициатива такой радикальной высылки принадлежала ОГПУ, очевидно решившему раз и навсегда избавиться себя от головной боли «общения» с заключенными и ссыльными социалистами (оставив себе «только» эсеров-«цекистов» и грузинских меньшевиков). Именно об этом писал в своем письме от 4 августа 1924 г. в Политбюро ЦК РКП(б) зам. председателя ОГПУ Менжинский: «Чтобы дать коммунистам запада оружие для агитации против растущего белого террора, мы предложили комиссии т.т. Лозовского и Чичерина выслать за границу находящихся в лагерях и ссылке меньшевиков, правых и левых эсеров, а также анархистов всех оттенков, за исключением лиц, причастных к уголовщине, шпионажу и проч.». По мнению ОГПУ, должно было быть точно оговорено, что эта мера не распространяется на Центральные Комитеты правых и левых эсеров, а также на грузинских меньшевиков, как партию, прибегающую, по постановлению своих центров, к уголовщине всякого рода. Предложение должно было исходить от Коминтерна и Профинтерна, а не от Правительства, и направлено II-му Интернационалу, на который лягут все переговоры с правительствами, хлопоты по визам и проч. Приняты должны были быть все высылаемые, без права отводить тех или других лиц, а также их семьи. Деталей комиссия не решала до разрешения в Политбюро основного вопроса о высылке за границу указанных категорий»³¹².

В этот же день нарком иностранных дел Чичерин отправил письмо в Политбюро, где заявлял: «Я к предложениям комиссии присоединяюсь, как и вообще все ее решения были приняты единогласно»³¹³. Но на своем заседании 7 августа 1924 г. члены Политбюро приняли следующее решение: «3 а) Предложение комиссии т. Лозовского отвергнуть. б) Не возражать, если МОПР возьмет на себя инициативу возбуждения, от своего имени, вопроса об обмене меньшевиков и других политических заключенных в СССР на коммунистов, заключенных в тюрьмах др. стран[...]»³¹⁴.

Что касается эсеров-«цекистов», то они продолжали сами вести неравную борьбу за изменение условий заключения. Наиболее эффективной формой протеста стали голодовки. В открытом письме представителю Амстердамского Интернационала профсоюзов Э. Фиммену, датированном 1 февраля 1925 г. и переправленном из тюрьмы для публикации за

³¹¹ Там же. Л. 60.

³¹² Там же. Л. 62.

³¹³ Там же. Л. 63.

³¹⁴ Там же. Л. 58.

границей, Гоц отмечал, что за два с половиной года после суда ему и его товарищам пришлось провести 18 общих и индивидуальных голодовок продолжительностью 366 дней³¹⁵. Важно подчеркнуть, что противостояние заключенных карательной машине (и политической системе в целом) имело для социалистов принципиальный характер. Они требовали не пересмотра приговора, а изменения условий отбывания заключения (увеличения длительности прогулок, предоставления возможности общения между собой и т. д.).

К лету 1924 г. все они находились в Бутырской тюрьме, где несколько позже разыгралась последняя трагическая сцена их борьбы за свои права. Столкновение произошло по значимому для обеих сторон вопросу – месту ссылки для заканчивавших свои тюремные сроки заключенных. Чекисты подбирали места ссылок очень тщательно (как это, видно, например, из дела Д.Д. Донского), учитывая все: степень политической опасности и личной активности ссылаемого, степень удаленности населенного пункта от железной дороги, от границы (в частности, с Маньчжурией, где была сильная эсеровская колония, способная организовать побег), квалификацию местных кадров ГПУ и т.д. Понятно, что чекисты предпочитали перестраховаться и подобрать места по принципу «куда Макар телят не гонял». Это не могло не вызвать противодействия оставшихся в тюрьме эсеров, от имени которых А.Р. Гоц 18 декабря 1924 г. писал в Президиум ЦИК СССР: «15 декабря нами было получено постановление Комиссии о назначении местом ссылки для т. Альтовского – ЧЕРДЫНИ, а для т. Ратнер – ПЕЧЕРСКОГО Края. [...] Подобного рода назначения мы можем истолковывать только как желание в скрытой форме, тайком от общественного мнения России и Запада вернуться к смертному приговору, отмененному Вами, либо как мести со стороны власти. [...] Поэтому мы заявляем перед вами самый решительный протест против подобного рода назначений, которые мы не можем иначе квалифицировать, как издевательство и провокация»³¹⁶.

Но руководство ОГПУ, заявлявшее заключенным о том, что единственным органом, непосредственно ими ведающим, является Президиум ЦИК СССР, не поставило в известность об этом заявлении ни Президиум ЦИК ССР, ни Политбюро ЦК РКП(б). Требование заключенных от 7 января 1925 г., подписанное А.Р. Гоцем³¹⁷, чтобы Президиум ВЦИК прислал своего правомочного представителя для выяснения вопроса о местах ссылки, чекистами также, судя по всему, было замолчано. Очевидно, не желая в очередной раз делать Политбюро свидетелем своего бессилия, чекисты пошли на беспрецедентный шаг – они заявили эсерам, что все отказавшиеся поехать в выбранные для них места ссылки будут во внесудебном порядке отправлены на 3 года в концлагерь. Расчет чекистов столь страшной альтернативой сломить волю заключенных провалился – те 27 января 1925 г. объявили о начале с 29 января голодовки³¹⁸. Выждав три дня, и, очевидно, поняв, что эсеры пойдут до конца, чекисты поставили большевистское руководство в известность, отправив по адресу заявления осужденных о начале голодовки.

³¹⁵ Янсен М. Указ. соч. С. 196.

³¹⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 81.

³¹⁷ Там же. Л. 83.

³¹⁸ Там же. Л. 82–82 об. В заявлении в Президиум ЦИК СССР от 27 января 1925 г., подписанном А. Гоцем, Ф. Федоровичем, М. Лихачем, Н. Артсмьсьвым, Н. Ивановым, Е. Ивановой, М. Гендельманом, А. Альтовским, Л. Герштейном, Е. Ратнер, Е. Тимофеевым, Д. Раковым, М. Веденяпиным, В. Агаповым.

Вынужденные предать огласке свой конфликт с заключенными эсерами, зам. председателя ОГПУ Ягода и начальник СО ОГПУ Дерibas 30 января 1925 г. отправили письмо Мехлису – «в Особую папку для срочного доклада тов. Сталину», где дали свою версию происходящего и свои варианты выхода из тупика: «По имеющимся в нашем распоряжении абсолютно достоверным сведениям означенная голодовка носит главным образом характер политического нажима на правительство и уже 27.I за границу сообщено о голодовке как о факте для поднятия в прессе, а также во 2-м Интернационале и Амстердаме соответствующей кампании.

Мы считаем, что требования с.-р. не могут быть удовлетворены ни в части, касающейся изменения мест ссылки, ибо это будет прецедентом для предстоящей в мае нынешнего года высылке Гоца, Тимофеева и Артемьева, а равно и всех остальных, оканчивающих тюремные сроки в 26 году, ни тем более в части, касающейся посылки к ним представителя ЦИКа для совместного установления мест ссылки, ибо это закрепит положение, что ЦИК является лишь договаривающейся стороной, второй же стороной являются заключенные всех политических категорий.

Поэтому мы предлагаем ответить заключенным примерно таким постановлением ЦИКа СССР:

1. Постановление Особого Совещания при ОГПУ о местах ссылки Альтовскому и Ратнер, как совершенно закономерное, утвердить, но в случае подачи персональных заявлений осужденными Альтовским и Ратнер разрешить ОГПУ означенное постановление пересмотреть и места ссылки по своему усмотрению изменить; что же касается мест ссылки для остальных заключенных, еще не окончивших своих тюремных сроков и по которым постановления Особого Совещания не вынесено, то рассмотреть их в обычном порядке, если таковые в свое время будут обжалованы заключенными по принадлежности.

2. Поручить пом. прокурора республики т. Катаньяну объявить означенное выше постановление заключенным»³¹⁹.

31 января 1925 г. предложенный чекистами текст постановления ЦИК СССР был одобрен членами Политбюро³²⁰. Но противостояние продолжалось, и в очередном сообщении Ягоды и Дерibasа Сталину от 6 февраля 1925 г., значилось: «Осужденными по процессу ЦК ПСР в лице Гоца было заявлено, что голодовку они смогут прекратить только тогда, когда в их руках будет документ, где будет указано, что местами ссылки всем им после окончания тюрем будут даны 1) губернские или соответствующие уездные города, 2) обязательно на железной дороге и 3) приемлемые для них в климатическом отношении[...]

4.II-с.г. в 16 часов Раковым, Веденяпиным и Герштейн[ом], освобожденными от голодовки по болезни, было подано заявление о присоединении к голодовке. В заявлении было указано, что присоединяются к голодовке “вопреки решению товарищей”.

О требованиях осужденных эсеров доносил И.В. Сталину и Катанян: «[...]сейчас всех осужденных мало интересует вопрос персональный, [...] они ставят общий вопрос о гарантиях для остальных, которым срок заключения в тюрьме не истек».

На заседании Политбюро 6 февраля 1925 г. было решено принять предложение ОГПУ и даже «не возражать против вручения копии постановления арестованным»³²¹. Речь шла о постановлении Особого Совещания при Коллегии ОГПУ, подписанного председателем его Г. Ягодой и

³¹⁹ Там же. Л. 78–79.

³²⁰ Там же. Л. 76, 77.

³²¹ Там же. Л. 84.

прокурором Катаняном, дословно повторявшем обе части их предложения, имевшегося в письме к Сталину³²².

Очередной конфликт удалось потушить, но летом 1925 г. он вспыхнул с новой силой, когда всех только что отпущенных в ссылку видных эсеров-«чекистов» Дзержинский потребовал арестовать, пугая членов Политбюро тем, что заграничные эсеры вот-вот начнут террор³²³.

Получив, очевидно, разрешение, чекисты 11 и 12 июля 1925 г. арестовали Гоца и Тимофеева, которые незамедлительно объявили голодовку. Как возникла эта ситуация, видно из документов личного дела А.Р. Гоца. Постановлением ОС при Коллегии ОГПУ от 11 мая 1925 г. Гоц был выслан в Ульяновск сроком на три года³²⁴. Но уже 10 июля начальник Ульяновского горотдела ОГПУ Шийрон приступил «к производству предварительного следствия»³²⁵. Арестованный и заключенный в Ульяновский домзак по 1 категории Гоц на допросе 21 июля 1925 г. держался весьма мужественно и на попытки чекистов добиться от него отказа от своих прежних взглядов и заставить отмежеваться от В.М. Чернова и ЗД ПСР отвечал достаточно недвусмысленным отказом. Кульминацией всего допроса был последний вопрос о том, намерен ли Гоц «вести партийную работу в будущем», на что он ответил так: «Относительно своей будущей работы я сейчас сказать ничего не могу. Я могу говорить и нести ответственность только за то, что было. Больше ничего добавить не могу»³²⁶.

Информация об аресте Гоца и Тимофеева и новых голодовках просочилась на Запад, и 5 сентября 1925 г. Молотов получил телеграмму от советского полпреда в Лондоне, запрашивавшего о причинах ареста и ситуации вокруг всего этого дела³²⁷. На запрос Молотова Ягода 7 сентября 1925 г. отвечал «что, по совершенно верным сведениям (агентурным), оба готовили побег с места ссылки (Гоц из Ульяновска, Тимофеев из Коканда) за границу. [...] ОГПУ полагает, что ввиду особой активности Гоца и Тимофеева и их влияния на эсеровские партийные круги, необходимо обоим заключить в политизоляторы ОГПУ.

При этом ОГПУ сообщает, что если Гоц по получении приговора голодовку до конца не доведет, то Тимофеев, при его настойчивости, голодать способен до конца»³²⁸.

Политбюро согласилось с предложением Ягоды и на своем заседании 9 сентября 1925 г. предложило ОГПУ «приговорить Гоца и Тимофеева к тюремному заключению на 2 года»³²⁹. Неприятным сюрпризом для властей после объявления приговора стало объявление голодовок Гоцем и Тимофеевым, к которым 9 октября 1925 г. присоединились Агапов, Раков, Гендельман, Герштейн, Лихач, Иванов, Иванова и Федорович. После этого их всех развезли по губернским тюрьмам (Л.Я. Герштейн был отправлен в Вятку³³⁰, Ф.Ф. Федорович – в Нижний Новгород³³¹, М.А. Лихач – в

³²² Там же. Л. 85.

³²³ Там же. Л. 98. См. также Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 965–966.

³²⁴ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 104. Л. 79.

³²⁵ Там же. Л. 86.

³²⁶ Там же. Л. 99 об.

³²⁷ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 100.

³²⁸ Там же. Л. 102.

³²⁹ Там же.

³³⁰ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 103. Л. 58, 58 об.

³³¹ Там же. Т. 96. Л. 59, 59 об.

Ново-Николаевск³³², Е.А. Иванова – в Самару³³³, М.Я. Гендельман – в Саратов), сопроводив каждого из них письмом стандартного содержания, в котором менялись лишь фамилия заключенного и его персональные данные: «[...]поместите для отбывания срока тюремного заключения в [...], максимально изолировав его от всех политзаключенных и от воли на все время голодовки, объявленной им при отправке из Москвы. Ставим перед Вами задачу сорвать голодовку во что бы то ни стало. При затяжке ее применить искусственное питание»³³⁴. Но они продолжали голодовку и там, требуя возвращения обратно в Бутырки, что позже и было сделано.

На какие ухищрения шли чекисты, чтобы сорвать голодовку, видно из служебной записки, адресованной начальнику 3-го отделения СО ОГПУ Решетову: «Федоровичу обещано за прекращение голодовки следующее: 1) Сосниной-жене (с формальной точки зрения она не была законной женой Федоровича, т.к. они не были расписаны, и первоначально она получала свидания с ним как невеста, но сам Федорович во всех своих заявлениях называл ее своей женой и выражал готовность «произвести формальную запись и таким образом узаконить наш брачный союз». После ряда заявлений Федоровича чекисты все же стали применять к Е.Я. Сосниной те же правила, которые были выработаны для жен заключенных эсеров – *Авт.*), разрешить приехать на свидание (она в ссылке и 5 мес. не имела свиданий). 2) Сосниной дочери давать свидание не по часу в неделю, а по 2 часа в 2 недели или 4 в месяц. 3) Сохранить московский паек. 4) Когда пошлем его в ссылку, то разрешить туда переехать и Сосниной»³³⁵.

Безусловно, победить в этой борьбе эсеры смогли только благодаря поддержке западных социалистов. В конце октября 1925 г. советских полпредов в Париже и Лондоне местные социалисты буквально затерроризировали протестами, а те, в свою очередь, стали апеллировать к Политбюро. Так, 25 октября 1925 г. полпред А.П. Розенгольц сообщал из Лондона: «Секретариат Исполкома Рабочей партии официально сообщил полпредству, что 28 на заседании исполкома будет обсуждено сообщение о том, что Гоц устроил голодовку в течение нескольких дней. Просит от нас информации. Прошу немедленно подробной телеграфной информации с таким расчетом, чтобы была получена в Лондоне не позже 27 октября»³³⁶. Еще тяжелее пришлось полпреду во Франции Х.Г. Раковскому, приславшему в Политбюро копии протестов генерального секретаря секции Рабочего Интернационала Поля Фора и свой ответ депутату-социалисту Ренделю, опубликовавшему открытое письмо в «Котидьен».

Но его уверения не вводили в заблуждение его оппонентов, а все его письмо было выдержано в оправдывающемся тоне. 1 ноября 1925 г. Раковский телеграфировал И.В. Сталину и М.М. Литвинову: «В письменной форме сообщаю мое убеждение, что дальнейшее облегчение или освобождение эсеров сыграет громадную положительную роль в отношениях социалистами и облегчит мне работу. Прошу Политбюро пойти навстречу». Но члены Политбюро, рассмотрев предложение Раковского на своем заседании 5 ноября 1925 г. (докладчиками были Литвинов и Менжинский), вынесли решение его отклонить³³⁷.

³³² Там же. Т. 109. Л. 17, 17 об.

³³³ Там же. Т. 108. Л. 3, 3 об.

³³⁴ Там же. Т. 96. Л. 59, 59 об.

³³⁵ Там же. Л. 72.

³³⁶ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 114.

³³⁷ Там же. Л. 109.

Розенгольц запрашивал Москву по просьбе английских социалистов, желавших знать, в «чем обвиняется и когда будет суд» над Тимофеевым³³⁸. Мы не знаем, что ответили полпреду, но власти попали в весьма неприятную ситуацию (впоследствии ставшую для советского руководства типичной) – молчать нельзя, а сказать правду невозможно. Действительно, как объяснить английским социалистам, что суда не было и не будет, а было только решение Политбюро правящей партии, которая «обвиняет» Тимофеева в том, что он потенциально для нее опасен.

5 декабря 1925 г. Тимофеев объявил очередную голодовку³³⁹, а не дождавшиеся вразумительного ответа английские социалисты атаковали Розенгольца, сообщавшего 6 декабря 1925 г. в Москву: «Получено вновь письмо Исполкома Рабочей партии категорическим настоянием дать ответ Тимофееву. [...] Срочно информируйте».

Характерно, что на этом документе, как и на некоторых других, есть помета рукой Сталина о вынесении вопроса на Политбюро. К сожалению из-за отсутствия в деле предыдущего письма Розенгольца, мы не можем сказать, какие предложения он собирался реализовать «даже без согласия ОГПУ». Но в общем можно констатировать, что вопрос об осужденных эсерах стал головной болью не только для чекистов, но и для дипломатов. Примечательно, что в своей записке Мехлису 8 декабря 1925 г., предлагая поставить «в заседание Политбюро вопрос о дальнейшей судьбе члена ЦК ПСР Тимофеева, вновь объявившего 5 декабря голодовку», Менжинский уже не формулировал никаких предложений от имени ОГПУ, перекладывая эту ношу на членов Политбюро³⁴⁰. В результате на ближайшем заседании Политбюро 10 декабря 1925 г. по докладу Крыленко, Кубяка и Менжинского было принято решение «о замене Тимофееву тюремного заключения ссылкой»³⁴¹.

Последней трагической страницей тюремного противостояния стала история брата и сестры Ивановых. 22 апреля 1926 г. они обратились к руководству ОГПУ с вопросом о времени окончания их тюремных сроков³⁴². Месяц спустя, 28 мая, Андреева писала начальнику Бутырской тюрьмы, что у Н.Н. Иванова срок заканчивается 2 августа, а у его сестры – 19 декабря, мотивируя это тем, что им не были зачтены в общий срок тюремного заключения их предыдущие аресты³⁴³ (это была общепринятая практика по отношению к осужденным эсерам, Ивановы же были наказаны за то, что при последнем аресте не указали факта предыдущих отсидок). 11 июля Е.А. Иванова обратилась с письмом в Президиум ЦИК СССР, в котором писала: «Единственная форма протеста против издевательств, избиений, расстрелов, как вообще, так меня лично, доступная мне – самоубийство. Голос мертвого звучит громче голоса живых, а голос человека, дважды приговоренного к смертной казни, вечной каторжанки, умирающей накануне “свободы”, прозвучит особенно громко»³⁴⁴. Свое намерение Иванова воплотила в жизнь уже на следующий день – она попыталась покончить жизнь самоубийством, вскрыв себе вены «ножом от безопасной бритвы». Довести начатое до конца ей помешал дежурный надзиратель, который заглянул в ее камеру, обеспокоенный слишком долгой тишиной в ней. Особо следует отметить, что после оказания ей пер-

³³⁸ Там же. Л. 120.

³³⁹ Там же. Л. 119.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Там же. Л. 118.

³⁴² ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 113. Л. 22.

³⁴³ Там же. Л. 17.

³⁴⁴ Там же. Т. 59. Л. 253 об.

вой помощи и наложения жгута на рану Иванова «категорически отказалась» от перевода в приемный покой для наложения швов и вообще «от какой бы то ни было помощи», а Н.Н. Иванов заявил, «что раз больная не желает помощи, то он не допустит взять ее в больницу насильно»³⁴⁵. Вероятно, Андреева и начальник Бутырской тюрьмы Дукис приложили все усилия, чтобы это происшествие не было предано огласке, т.к. судя по документам, сведения о попытке самоубийства Ивановой не только не просочились на волю, но и не были доведены до политического руководства страны.

Однако на этом злключения Ивановых не закончились, и 27 августа 1926 г. они обратились с совместным заявлением в Президиум ОГПУ, в котором жаловались на незачет им предыдущих арестов в общий срок тюремного заключения, на подачу ОГПУ без ведома самой Ивановой ходатайства в ЦИК об ее досрочном освобождении³⁴⁶, на назначение в качестве места ссылки города Коканд, прямо указанного им как неприемлемого в первую очередь из-за плохого климата³⁴⁷. «Ходатайство» Ивановой было удовлетворено ЦИКом (т.к. до него не дошло подшитое чекистами к делу ее опровержение, которым это «ходатайство» дезавуировалось) – ее решено было «освободить с 25 августа 1926 г. с назначением ей места жительства ГПУ»³⁴⁸. В изменении места ссылки Ивановым было отказано, и 7 сентября 1926 г. они подали в Президиум ОГПУ заявление о том, что если до 12 часов дня 11 сентября они не получат удовлетворительный ответ, то они начнут голодовку³⁴⁹. 10 сентября состоялось заседание Особого совещания при коллегии ОГПУ, которое постановило «высылку в Коканд заменить в г. Самарканд»³⁵⁰. Потерпев поражение, чекисты все же не смогли отказать себе в удовольствии от мелких придинок и пакостей (разрешили Ивановым взять с собой в ссылку меньше багажа, чем другим осужденным эсерам, отказали в свидании с одним из родственников и т.п.).

ОГПУ и Политбюро проиграли эту схватку с эсерами (они отыгрались позже – в 30-е годы), правда, обеспечив им такие условия ссылки, что ни убежать, ни общаться с внешним миром было невозможно. Примечательно, что вопрос о ссылке для Гоца, Тимофеева и Донского, был на контроле у Политбюро, и оно вернулось к нему на своем заседании 30 июня 1927 г., приняв резолюцию о продолжении «административной ссылки Гоцу, Тимофееву и Донскому на год, поручив ГПУ несколько облегчить ее»³⁵¹.

Впрочем, условие строгой изоляции видных эсеров, отнюдь не сложивших оружия и пытавшихся бежать из ссылки, для власти было очень важно и во все последующие годы. Чекистские документы свидетельствуют о том, с какой тщательностью, можно сказать, «любовью», подбились места ссылки для бывших «чекистов», как строго предупреждались местные органы ГПУ о своей ответственности за нарушение режима изоляции, а тем более за побеги ссыльных «чекистов». Все осужденные в августе 1922 г., выйдя из тюрем в середине 1920-х гг. и пройдя череду ссылок, погибли в 1930-е годы (исключение составил лишь Альтовский, умерший в 1975 г.). Впрочем, подобная судьба была уготована и всем ос-

³⁴⁵ Там же. Л. 248.

³⁴⁶ См.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 108. Л. 17.

³⁴⁷ Там же. Т. 113. Л. 22–22 об.

³⁴⁸ Там же. Л. 22.

³⁴⁹ Там же. Т. 108. Л. 22.

³⁵⁰ Там же. Т. 113. Л. 21.

³⁵¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 18. Л. 122.

тальным эсерам, подвергшимся в 1930-е гг. планомерному уничтожению. Об масштабах этого уничтожения можно судить, в частности, по данным проведенной МВД СССР весной 1949 г. частичной проверки контингента заключенных, подлежащих содержанию в особых лагерях. Из 205 728 было проверено 83 916 заключенных, из которых 32 чел. (0,03 %) были эсерами, 44 (0,05 %) – меньшевиками, 17 (0,02 %) – анархистами, 99 (0,1%) – «правыми», 465 (0,5 %) – троцкистами, 190 (0,3 %) – белоэмигрантами³⁵². Возможно, часть этих заключенных представляли «свежеиспеченные» политэмигранты (среди них были и видные эсеры), арестованные НКГБ СССР в 1945 г. в странах Восточной Европы.

* * *

Архивные данные и литература, вышедшая в 1990-е годы, позволяют уточнить и дополнить сведения о судьбах части осужденных по процессу ПСР. Практически никто из них не пережил 1941-й год. Драматически завершилась судьба Тимофеева, который избежал расстрела в 1937–1938 гг., однако в самом начале войны при отступлении Красной Армии был вместе с другими осужденными (157 чел.) вывезен из Орловской тюрьмы и расстрелян неподалеку, в Медведевском лесу. В числе погибших в тот день оказалось также и несколько человек, прямо или косвенно связанных с процессом 1922 г.: В.Н. Яковлева – видная большевичка, входившая в партийную элиту и сменившая в 1918 г. погибшего М.С. Урицкого на посту председателя Петроградской ВЧК; О.Д. Каменева – жена Каменева, сестра Троцкого; Х.Г. Раковский – видный партийный деятель, в 1920-е гг. полпред во Франции, разыгрывавший в то время «эсеровскую карту» для того, чтобы склонить левые круги этой страны к поддержке СССР; С.А. Бессонов – бывший эсер, проходивший по процессу в качестве свидетеля обвинения, в последующем также известный дипломат, работавший до ареста в Германии; В.А. Чайкин – бывший эсер, ставший активным разоблачителем своих бывших соратников на допроцессной стадии, но перед процессом заявивший о независимой позиции и оказавшийся неудобным и не востребовавшимся свидетелем; М.А. Спиридонова – лидер партии левых эсеров, отбывавшая часть своей изоляции в «закрытом» санатории ОГПУ под Москвой, куда на кратковременный период вывозили поочередно «смертников» в 1922–1923 гг.

Для части осужденных последними, до арестов и расстрелов эпохи «Большого террора», местами проживания стали поселки и города Западной Сибири. В Нарымском крае прервались жизни сосланных туда Д.Д. Донского, Е.А. Ивановой-Ирановой, В.И. Игнатьева. Донской, сосланный в Нарым после окончания срока тюремного заключения в 1924 г., отбывал ссылку, срок которой постоянно продлевался, в с. Парабель, работал главным врачом районной больницы и покончил с собой 25 сентября 1936 г. в преддверии назначенного над ним суда. В 1937 г. местными чекистами были проведены массовые аресты среди ссыльных по принадлежности их к мифической «контрреволюционной эсеровско-монархической повстанческо-террористической организации». Среди арестованных оказались Иванова-Иранова и Игнатьев. Иванова-Иранова, будучи в 1930 г. арестованной в Самарканде за «контрреволюционную деятельность», была сослана в Нарымский край сроком на три года «с последующим добавлением срока два раза по два года». Оказавшись под арестом с 23 августа 1937 г., она выдержала серию допросов, однако, как вынуждены были констатировать в своем «Обвинительном заключении»

³⁵² ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 3269. Л. 56–59.

чекисты, Иванова-Иранова «виновной себя не признала». Это не остановило карателей: по постановлению «тройки» УНКВД Запсибкрая она была расстреляна 31 октября 1937 г. В.И. Игнатъев попал в Нарымскую ссылку в 1935 г. на три года как осужденный по т.н. Кремлевскому делу (по которому проходила и О.Д. Каменева). Арестованный в сентябре 1937 г. органами НКВД, виновным себя также не признал. Постановление «тройки» УНКВД Запсибкрая о его расстреле было приведено в исполнение 3 октября 1937 г.

Несколькими месяцами ранее в других городах Сибири в ходе массовых арестов бывших видных эсеров по принадлежности к деятельности той же мифической организации в чекистских застенках оказались В.Л. Утгоф-Дерюжинский, до ареста проживавший в г. Камне-на-Оби (Алтайский край), Г.Д. Каценеленбоген и М.С. Цейтлин (Томск). Все они отказались в ходе допросов признать себя виновными в предъявленных им обвинениях. Решениями карательных органов они были расстреляны: Цейтлин – 18 августа 1937 г., Утгоф-Дерюжинский и Каценельбоген – 7 октября 1937 г. Как видно, полтора десятка лет спустя после процесса 1922 г. советская карательная машина перешла на предельно упрощенный порядок судебно-следственных действий, добивая своих политических противников.

В 1955 г. в ходе проверки следственным отделом Управления КГБ по Томской области материалов архивно-следственных дел, связанных с выдвинутыми в них обвинениями против упомянутых эсеровских активистов, было установлено, что дела велись со значительными нарушениями, доказательства вины последних «получались» после арестов и т.д. Уже тогда начался «вялый» пересмотр и отмена решений судебных и внесудебных органов в отношении репрессированных. По «делам» 1937 г. Игнатъев был реабилитирован посмертно в 1955 г., тогда как Иванова-Иранова – только в 1989 г.

* * *

Итоги процесса следует рассматривать в нескольких плоскостях и с разной временной удаленностью от событий 1922 года, так как многие из неясных тогда тенденций определились окончательно лишь по прошествии времени.

Судебный процесс над членами ЦК и «активными членами» партии социалистов-революционеров, состоявшийся в июне–августе 1922 г., стал хотя и кульминационным, но все-таки промежуточным этапом во взаимоотношениях этих двух социалистических партий. Достаточно указать хотя бы на то, что в отличие от общепринятых оценок 1922 год не стал последним годом существования эсеровского подполья в Советской России и властям понадобилось еще несколько лет на его «добывание» (по меткому выражению начальника СО ГПУ Самсонова)³⁵³. Дату прекращения существования ПСР в стране следует перенести с 1922 года примерно на конец 1925 – начала 1926 г. – время исчезновения эсеровского руководящего российского центра – Центрального бюро ПСР.

Но дело не столько в этом, сколько в том, что процесс 1922 г. ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от всего предшествующего ему, нарушая тем самым принцип историзма. И речь идет не только о событиях 1917 г. и гражданской войны, когда противостояние эсеров и большевиков достигло своего пика и протекало в самых острых формах (именно эти события и стали ядром обвинения против эсеров и весьма подробно

³⁵³ ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 157.

рассматривались на предварительном следствии и на самом процессе). Безусловно, само это противостояние имело глубокие корни, а его рассмотрение немислимо, с одной стороны, вне контекста взаимоотношений социал-демократов и эсеров, а с другой – без учета разной природы и концептуальных отличий их доктрин. Собственно говоря, в процессе 1922 года как в фокусе собрались и отразились все весьма противоречивые тенденции почти полувековых взаимоотношений «друго-врагов» – марксистов и народников, а в более широком плане этот процесс следует рассматривать и как составную часть кампании большевиков, имевшей своей целью насильственно поставить точку в затянувшемся споре между марксизмом и народничеством. Еще раз подчеркнем, что процесс – лишь часть (хотя и весьма важная) долговременной и широкомасштабной кампании, начало которой мы обнаруживаем уже накануне и после захвата власти большевиками в октябре 1917 г. Кампания эта имела, как минимум две цели – во-первых, борьбу с эсерами, как с крупнейшей и влиятельнейшей политической партией, получившей право на власть по итогам выборов в Учредительное Собрание, что лишало большевиков главенствующего положения в определении судеб страны, к которому они так стремились. Устранение эсеров как опаснейшего конкурента с политического поля стало для большевиков актуальной задачей, которую они окончательно решили лишь после физического уничтожения «носителей» идей и партийных функционеров к началу 40-х годов.

Достижение этой цели было невозможно без решения другой – дискредитации идей, принципов и практики ПСР, предлагавшей иную модель социалистического общества и другие пути и методы его построения. Борьба на этом направлении велась социал-демократами еще в 90-е годы XIX века, получив особый размах после организационного оформления ПСР на рубеже 1901–1902 гг. (см. комм. 1 к делу 16). Естественно, что подобная «идейно-дискредитационная» кампания приобретает иное качество начиная с 1917 г., когда речь пошла не столько о праве влияния на пролетариат и доминирование в социалистическом движении России, сколько о праве обладания реальной государственной властью. Начиная с захвата власти большевиками две эти задачи на практике решались ими почти всегда одновременно (по крайней мере в первые годы), что важно подчеркнуть еще и потому что многие десятилетия вопрос о причинах гибели оппозиционных партий (в том числе ПСР) трактовался однозначно – как результат, с одной стороны, «идейного банкротства» в глазах трудящихся, обративших свой взор на «единственно верное» учение и отвернувшихся от предателей их интересов, с другой – разочарования рядовых членов этих партий в своих программе и тактике. Значение репрессивных мер большевиков не отрицалось, но и не воспринималось серьезно, хотя, как нам представляется, их приоритетность в решении властью задачи уничтожения политической оппозиции сомнений не вызывает. Традиционное оттеснение на задний план роли репрессий привело к тому, что даже сегодня некоторые молодые историки делают упор на идейные, имманентные причины гибели эсеровской партии, на идейное вытеснение ее коммунистической партией, заявляя о том, что «единственной российской политической партией, не по букве программы и лозунгам, а по действиям, была партия большевиков. Не потому ли в СССР сложилась тоталитарная однопартийная политическая система? [...] В голове не только В.М. Чернова, но и многих других политических эмигрантов не укладыва-

лась мысль о том, что советский режим держится отнюдь не на штыках и плечах энкавэдэшников, а на поддержке большинства народа»³⁵⁴.

Не умаляя значения идейных разногласий, которые были важным источником отдельных неудач партии эсеров в борьбе за власть и многих внутрипартийных проблем, мы не можем говорить об идейном крахе как причине политической смерти ПСР. Вероятно, Э. Вандервельде был недалек от истины, когда на свидании с обвиняемыми 1-й группы в июне 1922 г. (разговор был подслушан чекистами) прогнозировал уже на второй день в случае легализации партии ее массовость, обретение статуса мощной политической силы в стране. Феномен Февраля 1917 г., когда некоторые политические партии возродились, подобно птице Феникс, вполне мог повториться и позже в момент дестабилизации и краха режима. Это возрождение, впрочем, было возможно при наличии как минимум трех условий – сохранение партийных кадров (пусть и рассеянных по тюрьмам, ссылкам и эмиграции), способных легко воссоздать партию, а также привлекательности проповедуемых ею идей и ее образа. Поэтому, если возрождение, скажем, эсеровской и меньшевистской партий в случае гипотетической гибели режима в начале 20-х годов было более чем вероятно, то к началу 30-х оно было бы весьма осложнено теми стереотипами и ярлыками, которыми их «украсили» большевики, а к началу 40-х и особенно 50-х стало бы уже просто невозможным. Необходимо подчеркнуть, что даже уничтожив последних эсеров и меньшевиков (уцелели буквально считанные единицы), власть еще многие годы «разоблачала» их идеи, «предательскую» сущность и т.п., работая «с запасом прочности» в создании крайне непривлекательного облика социалистов. Излюбленные в советской историографии термины, применявшиеся к оппозиционным партиям – «идейное банкротство» и «идейный распад», применявшиеся весьма щедро, прятали реальный механизм уничтожения этих партий. Отрицать роль репрессии, как минимум в серьезном ограничении возможностей нелегальной партии, а как максимум в уничтожении ее (учитывая отечественный опыт) просто невозможно.

Впрочем, перегибать палку в другую сторону и объяснять все лишь одним голым насилием было бы неверно. Целый ряд факторов облегчал для власти задачи по пресечению деятельности оппозиционных организаций. Многие из этих факторов проявились ярко уже после поражения революции 1905–1907 гг., когда большинство партий, ставших в эти годы массовыми, резко деградировали и влачили жалкое существование. Тогда многое свидетельствовало об организационной слабости партий, политической и гражданской незрелости большинства их членов, да и большинства населения страны, оказавшегося втянутым в большую политику³⁵⁵. Невозможность сколько-нибудь длительного существования нелегальной массовой партии в подобных условиях при активной репрессивной политике властей достаточно очевидна.

Как показывает анализ, по сравнению с 1907–1910 гг. в 1918–1925 гг. условия существования ПСР как организационной единицы ухудшилась по нескольким параметрам. Во-первых, репрессии властей достигли совершенно нового уровня и качества, будучи направлены уже не только против самих эсеров, но и против сочувствующих им и даже членов их семей. Это позволило чекистам добиться того, о чем жандармы могли

³⁵⁴ Федоренко А.А. Политическая концепция В.М. Чернова. М., 1999. С. 128, 131.

³⁵⁵ Подробнее см.: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998.

только мечтать – «вычистить» и «изолировать» всю социальную среду, без поддержки и помощи которой ни эсеры, ни меньшевики существовать не могли. Во-вторых, обострились идейные расхождения и дезориентация, что выразилось, например, в колебаниях и «соглашательстве» многих эсеров с большевиками и их властью (считавших, что большевики – социалисты, а Советская власть – власть трудящихся), дав провокаторам и ренегатам моральное и политическое оправдание, которого раньше они были лишены. В-третьих, провокация (важнейший инструмент политической полиции) также достигла гигантских масштабов. Качество провокации также меняется. Так, в 1920-е гг. чекисты силами своих агентов-провокаторов создавали подпольные эсеровские группы для отлова сочувствующих. В-четвертых, пропагандистский прессинг властей, внедрявших в сознание миллионов людей образ «врага народа», усилился по сравнению с царскими временами многократно и также приобрел новое качество. Все это в совокупности и сделало неизбежным гибель ПСР, как впрочем, и всех остальных партий.

Пытались чекисты дотянуться и до эсеровской эмиграции. Об этом свидетельствует, например, протокол состоявшегося 23 августа 1922 г. совместного совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу «о ликвидации работы правых с-р за границей». На нем шла речь о необходимости выявлять каналы связи заграничных эсеров с Россией, посылать за границу осведомителей, развертывать за границей силами ИНО ГПУ газетные кампании против эсеров и осуществления некоторых других мер (п. 5 и 6), содержание которых было засекречено даже в этом документе с грифом «совершенно секретно».

Кампания против социалистов, длившаяся как минимум два десятка лет, в свою очередь, была зримым, своего рода организационным проявлением более широкого исторического явления – противостояния большевиков и социалистов, оставшихся верными идеям свободы и демократии как основы, «души» социализма. Шло противостояние «тоталитарного» и «демократического» вариантов социализма, последствия и итоги которого частью определились сразу, а частью – десятилетия спустя. Безусловно, осмысление итогов этого противостояния, как и воссоздание всего исторического полотна разных его форм и фаз – задача будущего. Но некоторые из своих соображений мы выскажем, поставив в центр рассмотрения процесс 1922 г., чьи итоги и последствия нуждаются

в интерпретации, исходя из трехуровневого временного подхода, с учетом текущих, непосредственно выявившихся в ходе процесса и после него результатов, а также последствий долговременного характера.

Текущие (кратковременные) последствия охватывают период примерно до середины 20-х годов, до исчезновения эсеровского подполья и ареста сколько-нибудь активных эсеровских элементов. Представляется, что сделав центральной осью «идейно-дискредитационной» кампании крупный, гласный (точнее полугласный) процесс, власти не до конца спрогнозировали результаты этого своего выбора. А ведь вполне были возможны и альтернативные варианты. Для «идейно-дискредитационной», или проще говоря пропагандистской кампании, нужны были информационные поводы, но таких можно было найти довольно много. Безусловно, грандиозный и гласный судебный процесс представлялся властям самым эффективным и эффективным способом для решения поставленной задачи. Думается, что большевиков подвела любовь к гигантомании и эффективным (но не самым эффективным) формам, помноженная на чрезмерную уверенность в способности справиться с любой поставленной задачей (как позже сформулировал И.В. Сталин, – «нет таких крепостей, которые

не сумели бы взять большевики»). Возможно, что если бы власти без спешки поставили и провели 5–10 эсеровских процессов в течение 1–2 лет как в различных городах на «местном» материале («Комуч», «антоновщина», «поддержка Деникина», «кронштадтский мятеж», «поджоги нефтяных вышек в Баку» и т.д.), так и в Москве (террористическая деятельность в 1918 г., иностранная помощь и т.п.), то и пропагандистская машина получила бы вполне достаточную технологическую «обкатку», и многих неприятных последствий и неожиданностей удалось бы избежать или, по крайней мере, серьезно их сгладить.

Насколько уже удачной и оптимальной оказалась выбранная властями форма гласного, публичного процесса для реализации поставленной цели? В чем они просчитались и что вовремя не увидели?

Постановка подобного процесса уже на стадии предварительного следствия, в силу объективных условий (колоссальность масштаба событий и количества вовлеченных в них людей) требовала много времени и множества высокопрофессиональных следователей. Но в условиях серьезнейшего дефицита следователей с юридическим образованием и квалификацией, достаточной для того, чтобы их дела не развалились на гласном процессе, а также в условиях дефицита времени, отведенного на предварительное следствие (следствие ГПУ – чуть более полутора месяцев, следствие Верхтриба – чуть более месяца), постановка такого грандиозного процесса была чревата цепью провалов уже во время судебного слушания. На нем вскрылись не только всякого рода мелкие изъяны предварительного следствия, но и многочисленные случаи прямой подтасовки и фальсификации фактов, давления на обвиняемых и свидетелей, что не только обесценивало сам процесс и не позволяло властям достичь нужного эффекта, а, напротив, серьезно било по их авторитету, создавая очень серьезную проблему. Уместно отметить, что, решая в авральном порядке эту проблему (потребовалось ограничить гласность процесса, для чего обеспечить подбор публики, невыдачу адвокатам стенограмм, обеспечивать цензуру в прессе и т.д.), власти этим создавали ряд новых проблем, поневоле запустив в действие «принцип домино».

Использование для суда над ПСР такой формы, как открытый, гласный процесс, порождало для властей массу проблем и юридического характера. Устройство суда над политической партией не имело в юриспруденции прецедентов и соответствующих юридических механизмов. Для достижения поставленных задач пришлось очень много корректировать в привычной и устоявшейся структуре и процедурах открытого и гласного процесса. Так, например, насколько известно, в первый и последний раз в отечественной и европейской практике применялась конструкция из двух групп обвиняемых, сидевших на разных скамьях подсудимых, имевших каждая свою группу адвокатов (причем защитники 2-й группы обвиняемых не были юристами, а являлись видными государственными и политическими деятелями, выступавшими с отдельными заявлениями по процессуальным, и не только, вопросам).

Другим проявлением «юридической» уязвимости процесса стала странная для постороннего наблюдателя картина кардинальной перетасовки числа и состава обвиняемых. Эта перетасовка длилась с февраля 1922 г. практически до самого начала процесса, причем далеко не все предпринятые властями в этом направлении шаги могут быть нами объяснены – до сих пор логика части их действий не ясна.

Но даже тщательно проведенное следствие не решало бы всех проблем, которые перед организаторами ставил гласный процесс, который требовал на разных уровнях гласности и открытости, состязательности сторон. Открытый процесс затруднял для большевиков уклонение от это-

го, так как существовали четкие и общепризнанные юридические процедуры и нормы, защищавшие гласность и состязательность сторон. Власти недооценили того обстоятельства, что соблюдение этих процедур рождает для них серьезные проблемы, а их обход и спешное конструирование новых разоблачает их (особенно в глазах европейской общественности, способной по достоинству оценить подобные «нововведения»). Так, например, выбранная форма процесса требовала допуска в зал суда родственников и всех желающих. Пойти на это было невозможно, во-первых, потому, что сочувственно настроенная публика могла бы легко превратить процесс в публичную политическую демонстрацию, а во-вторых, сделала бы все происходящее достоянием гласности (от гектографированных листовок до слухов). Первое для большевиков было невозможно, так как по их сценарию публика в зале (как и весь народ) должна была осуждать эсеров как изгоев и поддерживать расправу над ними. Второе все равно не получилось в нужной степени. Вынужденно пустив родственников в зал суда, власти немедленно пострадали от утечки информации (и это несмотря на то, что за родственниками, как и за адвокатами установили наружное наблюдение и прослушивали их телефоны), а подбор остальной публики провели предельно неудачно и непродуманно, что сразу бросилось в глаза и иностранным защитникам. Действительно, взяв огромный зал и набив в него полторы тысячи коммунистов, да еще потом в связи с затяжкой процесса вынужденные проводить ротацию этой весьма специфично выглядящей и ведущей себя аудитории (порой как на партсобрании или митинге), власти не догадались (да еще и не научились) подбирать публику из разных социальных страт, так чтобы она выглядела как можно ближе к «настоящей». Имеющаяся же в зале суда публика позволяла решать ряд задач, но серьезно портила впечатление от процесса.

Сценарий гласного суда требовал также выступлений подсудимых и публикации стенограмм заседаний, но выведя на процесс 22 нераскаявшихся обвиняемых 1-й группы, власти явно не подумали, в какую ловушку себя загнали. Не давать им слова, заткнуть им рот было невозможно (и без того приходилось десятки раз прерывать и лишать слова подсудимых, когда их критика большевиков становилась для последних нестерпимой), но и предавать гласности их речи тоже было невозможно. Если бы подсудимые действительно были бы изгоями и отщепенцами, а их речи не находили бы сколько-нибудь серьезного отклика в массах, то не было бы проблемы. Но в том-то и дело, что их критика большевиков была весьма острой и точной, а их аргументы весьма убедительны. Предавать все это гласности было бы для режима достаточно самоубийственным шагом, так как это значило предоставить эсерам за свой счет огромную и благодарную аудиторию.

Кроме боязни идей и критики, большевики не могли позволить подсудимым демонстрировать всему миру свою мужественность и несгибаемость. Власти явно не продумали, какой вредный эффект для них будет иметь «нераскаянность» подсудимых (больше таких ошибок власти не делали). Но гласный процесс не давал им необходимых рычагов для манипуляции подсудимыми 1-й группы («подготовили» и «запрограммировали» на предварительном следствии только подсудимых 2-й группы). Для давления на подсудимых 1-й группы приходилось использовать публику в зале, свистевшую и кричавшую на них. Более того для давления и запугивания обвиняемых 1-й группы, власти были вынуждены пойти на приглашение представителей рабочих и устройства в зале суда митинга, где требовали расстрела всех подсудимых. Эта выходка произвела на Западе грандиозное впечатление своим средневековым характером, но бы-

ла-то она предпринята большевиками, терявшими контроль за ситуацией, пожалуй что и вынужденно. Это была отчаянная попытка властей сломить и заставить каяться хоть одного—двух человек из 1-й группы.

Гласность судопроизводства предполагала публикацию подневных отчетов из зала суда, а затем и стенограмм процесса (последние несмотря на обещания так изданы и не были). Подневные же информационные сводки, печатавшиеся в центральной прессе, содержали неполную или препарированную информацию. Но то, что годилось для «внутреннего» потребления, не годилось для «внешнего». Большевики не могли дать иностранным защитникам подневных стенограмм, но в результате столкнулись с отказом последних от защиты. Но этот скандал запутавшиеся власти затмили еще более сильным скандалом — они запретили им отказываться от защиты и уезжать за границу, в результате чего иностранцы объявили голодовку (через сутки их выслали). Все это, наряду со многим другим, произвело на общественное мнение Европы отталкивающее впечатление.

Власти явно не продумали и недооценили и проблему управляемости адвокатов 1-й группы подсудимых. Подобрав состав суда, обвинителей, части свидетелей и даже публику в зале, а также избежав неприятного для себя участия в процессе «политических» защитников из числа эсеров-эмигрантов и адвокатов-меньшевиков, власти, похоже неожиданно для себя, столкнулись с проблемой в лице «цензовых» адвокатов, чья профессиональная и честная работа стала мешать реализовывать поставленные цели. Решив покинуть зал суда после митинга 20-го июня, адвокаты лишали большевиков важнейшего атрибута открытого процесса — состязательности сторон, а начав их запугивать и трактуя их отказ как уголовное деяние, власти выставляли себя в весьма странном виде.

Особо необходимо остановиться на итогах пропагандистской («идейно-дискредитационной») кампании. Было бы однобоким рассматривать лишь ее подчиненную по отношению к процессу роль. Безусловно, кампания выполняла и такую роль тоже, роль своеобразного идеологического обеспечения процесса. Но, как уже отмечалась, хронологически она значительно шире процесса и по значению вполне самостоятельна (скорее уж сам процесс 1922 г. является ее частью). Конечно, накануне и в ходе процесса эта кампания велась с особенным размахом и напряжением. Колоссальны были средства и силы, задействованные в ней. Были созданы специальные структуры для координации действий, привлечены практически все партийные публицисты, в том числе и самые именитые, на полную мощь использовали не только прессу, но и весь набор агит-проповских средств от митингов до частушек и плакатов антиэсеровского содержания. Оценить итоги «идейно-дискредитационной» кампании в целом односложным «успешно» или «неуспешно» практически невозможно. С одной стороны, потому что она была разноуровневой по объектам воздействия. Проще говоря, кампания была разноадресной и призвана была на разных уровнях решать разные задачи. Одни из них властью были решены блестяще, другие — удовлетворительно, третьи — с треском провалены. С другой стороны, односложности нет потому, что, как это ни парадоксально звучит, по ряду направлений эсеры использовали эту кампанию и процесс с большой для себя пользой.

Какие же цели ставились? Дискредитация социалистической альтернативы большевизму в глазах той части общества, которая верила в социализм; дискредитация идей, путей и методов небольшевистского социализма и утверждение идей и практики большевизма как единственно возможных и верных. Окончательный успех на этом поприще был достигнут позже. Кроме того был в общих чертах создан (позже отшлифован

до полной законченности в десятках фильмов и книг) образ «врага народа», коварного, лживого, запутавшегося и прекраснородушного, но все равно подлого. Обращенная на все общество в целом, эта двуединая цель большевиками в общих чертах была достигнута.

Была достигнута и производная от этого, но очень важная для большевиков цель – сужение социальной базы эсеровской партии, отсечение от нее различных социальных групп. Но здесь не обошлось без неприятных для большевиков сюрпризов. Процесс вызвал заметный рост интереса к эсерам в молодежной, прежде всего студенческой среде, что проявилось в приходе в ПСР в 1922–1924 гг. новых людей. Объяснить это парадоксальное явление можно тройко. Власти недоучли, что привлечение внимания к «преступной» политической партии при определенных условиях может обернуться и против них. Традиционное сочувствие идеям свободы и демократии в интеллигентской и студенческой среде, неприятие методов и практики большевизма, симпатия к мужественному поведению на суде обвиняемых 1-й группы, гражданская зрелость и юридическая грамотность части студенчества, достаточная, чтобы увидеть, с одной стороны, правовой нигилизм властей и юридическую «бесстыдность» процесса, а с другой – сделать собственные выводы, сравнив аргументы сторон (процесс, несмотря на попытки власти лишить общество достоверной информации, все-таки получился «полугласный»). Конечно, методичные аресты «перемолотили» и старых и новых членов партии, и в 1925–1926 гг. эсеровская партия организационно перестала существовать (оставалась только эсеровская среда, существовавшая по большей части в ссылках), но всплеск интереса к ПСР в студенческой среде и рост партии в 1922–1924 гг. служат еще одним доводом против ставших уже традиционными выводов об «идейном и моральном банкротстве» эсеров.

Неприятными и неожиданными для властей стали и консолидационные процессы, начавшиеся в эсеровской партии как своего рода защитная реакция против нападения извне, грозящего гибелью всего целого. Во-первых, расколота эсеровская эмиграция, где «правые» во главе с Авксентьевым, Фондаминским, Керенским, Рудневым и «левые» во главе с Черновым существовали практически автономно, постарались забыть о личных дрязгах и весьма серьезных идейных разногласиях, объединились для спасения (как они сами считали) своих общих «московских смертников». Объединенные организационные усилия, помноженные на желание спасти жизнь товарищей, будущность партии и собственную честь (как отсиживающихся за границей) сделали работу эсеровской эмиграции по разворачиванию антибольшевистской кампании за рубежом весьма напряженной. Следует отметить, что, пожалуй, ни до, ни после 1922 г. в истории российской революционной эмиграции мы не найдем прецедентов столь дружной, напряженной и эффективной работы. Во-вторых, существовавшая (и искусно подогреваемая чекистами и большевистской пропагандой) неприязнь российских эсеров к эсерам-эмигрантам (подобное явление было и до революции, как в ПСР, так и в обеих фракциях РСДРП), благодаря сверхусилиям, которые эмигранты продемонстрировали, а также их успехам по разворачиванию контр-пропагандистской кампании, пошла на убыль. В-третьих, недовольство и претензии рядовых партийцев к «партийным генералам» также шли на убыль, ибо последние вели себя на скамье подсудимых перед лицом смертного приговора весьма достойно. Примечательно, что когда в 1923 г. пронесся слух, что большевики готовы поменять сидящих членов ЦК на видных эсеров-эмигрантов, о своей готовности ехать в Москву заявили Зензинов, Русанов, Чернов, Постников, Шрейдер и Керенский. Слух оказался ложным, но можно не сомневаться, что все добровольцы, а иные из них имели у своих сопар-

тийцев весьма подмоченную прошлыми ошибками репутацию, оказавшись в тюрьме, подняли бы свой авторитет в глазах российских эсеров. В-четвертых, консолидационные процессы начались в самой российской эсеровской и околоэсеровской среде. Последнее настолько обеспокоило власти, что они не ограничились развертыванием или усилением пропагандистской работы, как по трем предшествующим направлениям, а затеяли грандиозный Ликвидационный съезд. С одной стороны, он должен был усилить раскол и сумятицу в эсеровской и околоэсеровской среде, а с другой продемонстрировать всему миру самороспуск ПСР.

Неприятный сюрприз ждал властей и на пути реализации другого их стремления – желанья перессорить эсеров с другими российскими и национальными социалистическими партиями, прежде всего с меньшевиками. Предъявив обвинение некоторым меньшевикам, власти помимо желанья связать в глазах общества эсеров и меньшевиков воедино, явно пытались спровоцировать последних на откренчивание от эсеровской тактики в годы гражданской войны, что явно повлекло бы обострение отношений между эсерами и меньшевиками. Иллюстрацией реальности развития событий именно по такому пути, как и того, что эсеры отнюдь не забыли относительно мягкой тактической линии, занятой меньшевиками по отношению к большевикам в разгар гражданской войны, служит то, что даже в ходе совместной с меньшевиками кампании Чернов не удержался от напоминаний об этой мягкости. Но так как меньшевики, как российские, так и эмигранты всю работу в контакте с эсерами в контр-пропагандистской антибольшевистской кампании, то Мартов, даже не вступая в спор по существу, сделал Чернову выговор о незтичности таких высказываний в подобной ситуации. Действительно, меньшевики не обошлись лишь выражением формального сочувствия и поддержки (такие заявления сделал ряд национальных партий), а приняли весьма деятельное участие в контрпропаганде. Укажем, что Заграничные Делегации эсеров и меньшевиков проводили совместные заседания для координации усилий, а также что меньшевики пытались направить своих защитников на процесс, что вызвало ярость властей. Но, конечно, для эсеров было особенно ценно то, что российские меньшевики под угрозами арестов выступали на митингах и рабочих собраниях, устроенных властями, с протестами против процесса, а также боролись печатным словом (по чекистским данным, меньшевистских «контр-революционных проявлений» в связи с процессом было даже несколько больше, чем эсеровских, так как последние были ослаблены волнами арестов, приуроченных к процессу). Важно и то, что и после процесса не произошло возврата к межпартийным трениям, и начиная с этого времени ни эсеры, ни меньшевики больше никогда не вели друг против друга публичной полемики.

Более того, достигнутый уровень взаимопонимания и сотрудничества вновь оживил разговоры, столь популярные в 1901–1902 и 1912–1914 гг. – разговоры о желательности объединения социал-демократов и эсеров. Так, в 1933 г. в одном из черновиков письма В.М. Чернова неизвестному адресату, где он описывал, как проходил его шестидесятилетний юбилей, он писал: «Было приветствие от русских с.-д. вообще и от Дана в особенности, с выражением надежды на осуществление в России единой социалистической партии»³⁵⁶. Ю. Денике в 1953 г. отмечал: «[...]В.М.[Чернов] до конца дней мечтал об единой российской социалистической партии, включающей демократических социалистов всех толков (но, конечно, аб-

³⁵⁶ ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 170.

солютно враждебной большевизму)»³⁵⁷. Лишь в 1952 году 14 русских социалистов, эсеров и меньшевиков, выпустили обращение «На пути к единой социалистической партии», считая, что настало время ее создания. Понятно, что в сложившейся ситуации подобный призыв мог иметь только символическое значение, но сама тенденция была весьма важной и при другом развитии событий в стране после 1922 г. новый уровень взаимопонимания, достигнутый между эсерами и меньшевиками, мог бы иметь серьезнейшее политическое значение.

Но, конечно, самой крупной неприятностью для большевиков стала реакция европейских демократических социалистических кругов на процесс, повлекшая разного рода весьма серьезные последствия для власти. Во-первых, именно в это время, благодаря во многом процессу над эсерами, в европейских демократических и социалистических кругах взамен романтизированного представления о смелых социальных экспериментах «первого в мире государства рабочих и крестьян» (эсеры-эмигранты в 1920–1921 гг. с отчаянием писали, что натываются на глухую стену непонимания со стороны чуть ли не большинства социалистов Европы, даже весьма умеренных), утверждается более адекватное представление о недемократичности советского режима и правовом нигилизме его руководителей. Во-вторых, европейские социалистические партии получили (при помощи эсеров и меньшевиков) прекрасную возможность дать хороший бой как Коминтерну в целом, так и своим собственным национальным компартиям. Удар по их авторитету был весьма ощутимым, что позволило притормозить расширение коммунистического движения в большинстве европейских стран, и укрепить позиции обоих социалистических Интернационалов. В-третьих, были осложнены отношения советского государства с европейскими. В-четвертых, вместо желаемой дискредитации эсеров (и меньшевиков), большевики получили прямо обратный результат – рост их известности и авторитета в некоммунистических слоях рабочего класса, в демократических и социалистических кругах Европы. Неожиданно для себя большевики сделали российским социалистам хорошую рекламу. В-пятых, эсеры и меньшевики заняли вполне достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их отнюдь не как «бедных родственников», а как надежных и опытных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией».

Продемонстрировав всему миру весьма своеобразное понимание, с одной стороны, допустимых методов и способов борьбы со своими политическими противниками, а с другой – устоявшихся норм и принципов юриспруденции, власть уподобилась унтер-офицерской вдове, которая сама себя высекла. Большевистское руководство поняло это слишком поздно (несмотря на тревожные сигналы и мрачные прогнозы отдельных дипломатов и коминтерновцев). Самое любопытное, что реакция на это понимание у «твердокаменных» и «мягких» большевистских лидеров оказалась абсолютно разной. «Мягкие» думали, как смягчить тяжелое впечатление, произведенное на самые различные общественные круги Запада, как восстановить свой авторитет и влияние, а «твердокаменные» – стали срывать свое зло на 22-х не сдавшихся эсерах. Эта реакция вымещения бессильной злобы и ярости была политически нерациональной, даже крайне вредной, но поделаться с собой часть большевистской верхушки и чекисты ничего не могли. Самый яркий пример – это устройство осенью 1922 г. для 22-х эсеров такого тюремного режима, который диктовался прежде всего желанием мести, а мотивы изоляции от внешнего мира становились скорее удобным предлогом для этого. Нерациональ-

³⁵⁷ См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. XXXV. С. 313.

ность такого поведения была очевидна: в течение нескольких лет заграничные эсеры, меньшевики совместно с европейскими социалистами вели активную кампанию против режима, созданного для политзаключенных в советских тюрьмах. Эта кампания наносила определенный урон авторитету советского государства и Коминтерна, что в конечном счете заставило отступить даже «непримиримых».

Из других итогов отметим, какую пользу извлекли из процесса и сопровождавших его кампаний чекисты. Прежде всего они превратили процесс в своего рода тест на политическую лояльность к власти (об этом чекисты прямо писали, закладывая агентурную сеть в студенчестве), посредством всякого рода митингов и собраний по месту работы «протестировали» значительное число рабочих, служащих и интеллигенции (прежде всего студенчества). Выступавшие с критикой большевиков арестовывались, а «зараженные» эсеровской или меньшевистской пропагандой рабочие коллективы «санировались» массовыми увольнениями и сокращениями штатов.

Подобную, провокативную по своей сути проверку прошли и три различные категории эсеров: 1) вышедшие из ПСР и вступившие в РКП(б), 2) отошедшие от партийной работы и ушедшие в «культурничество» и личную жизнь, 3) работавшие в разного рода советских органах и учреждениях «активные члены ПСР». Не выдержавшие проверки подверглись увольнениям, арестам и ссылке (естественно, это коснулось прежде всего двух последних категорий).

Важная и активная роль, сыгранная ГПУ в разного рода мероприятиях, нацеленных на «добывание» ПСР, имела отчетливо прагматическое значение для отстаивания чекистами своего «места под солнцем» в момент реорганизации их ведомства, в условиях, когда немалое число видных деятелей партийной советской элиты стало опасаться всевластия «карающего меча революции». Фактически ГПУ продемонстрировало руководству партии и страны, что способно вполне эффективно работать в новых условиях (по сравнению со временем вольницы гражданской войны).

Извлекло ГПУ из этой кампании и процесса также и вполне конкретную для себя пользу – насаждением Бюро содействия была заложена осведомительная сеть в госучреждениях, на производстве, в ВУЗах, а кроме того узаконена система внесудебной расправы (административная высылка и ссылка). Ну и конечно, чекисты набрались бесценнейшего опыта, широко использованного позже.

Целесообразно отметить и те уроки, которые были извлечены и использованы большевистским режимом для борьбы и подавления уже не столько реальной, сколько потенциальной оппозиции в конце 1920–30-х годов, когда вновь оказался широко задействован такой инструмент репрессий, как показательный процесс. Процесс 1922 г. нанес сокрушительный удар «шапкозакидательским» настроениям большевистской и чекистской верхушки, желавшей играючи и в сжатые сроки решить труднейшую задачу, сложность которой они стали понимать, уже когда скандалы и провалы обрушились на них. В дальнейшем подготовка и проведение процессов такого рода осуществлялись властями значительно более продумано и тщательно.

Главная задача, которую удалось решить властям – при сохранении внешней формы гласного, публичного процесса найти и задействовать такие механизмы и методы, которые позволяли эффективно решать поставленные инициаторами процессов задачи, практически не допуская провалов и срывов, вскрывавших инспирированность процессов. Категорически исключалась возможность, чтобы межведомственные противо-

речия и конфликты (подобные трениям между ГПУ и НКЮ в 1922 г.) отражались на подготовке и ходе процесса. Гораздо тщательнее осуществлялось предварительное следствие – на него не жалели ни сил, ни средств. Происходит переход к «постановочным» процессам, что позволяло решать сразу целый веер проблем, так ярко проявившихся на эсеровском процессе. Прежде всего появилась возможность подбора и отсева участников процесса, в зависимости от степени их управляемости. Безусловно, огромное значение здесь играло то, что к этому времени усилилась закрытость страны, и следователи применяли такие способы и методы воздействия на своих подопечных, о которых в 1922 г. не могло еще быть и речи. Безусловно, психологическое давление, завуалированный шантаж судьбами близких и прочее использовалось и в 1922 г. (и, как мы знаем в ряде случаев вполне успешно), но качество этого давления было иным. Не было арестов родных с перспективой отправки в лагерь или расстрела (в 1922 г. была перспектива ссылки), и главное – не было физического насилия и пыток как средств манипуляции подсудимым. Удалось достигнуть такого артистизма в манипулировании подсудимыми, что порой даже у неангажированных наблюдателей, появлялось впечатление правдивости их показаний и искренности раскаяния. Последнее стало обязательным атрибутом каждого процесса, нераскаявшихся просто не выводили на процесс. Это также был урок эсеровского процесса – сильный, мужественный враг, способный умереть, но не отречься от своих идеалов, невольно вызывал уважение даже у недоброжелателей и становился примером для подражания у сочувствующих, тогда как унижающийся и молящий о пощаде – снисхождение и презрение.

Значительно усилилась координирующая и контролирующая функция верхов. Согласование стадий и содержания предварительного и судебного следствия, хода самого процесса с разработанным сценарием, внесение необходимых корректив либо в показания подсудимых, либо в ход следствия или суда, осуществлялось на самом высшем уровне. Сделав выводы из просчетов процесса 1922 г., Сталин ввел практику ознакомления партийного руководства – членов и кандидатов в члены ЦК – с материалами предварительного следствия, протоколами допросов обвиняемых. Представляется, что это позволяло Сталину решать сразу три задачи: во-первых, через мелкое сито просеивать возможные ошибки и нестыковки следствия, а во-вторых, пропускать через этот тест на лояльность уже всю партийную элиту (неактивность в обсуждении, желание отмолчаться, скепсис или недовольство процессом над своими вчерашними товарищами – не оставались незамеченными). В-третьих, это участие использовалось как своеобразная круговая порука, ведь выходило, что сценаристами и руководителями процессов становилась вся партийная верхушка. Таким образом провокативная функция процессов была распространена Сталиным на партийную и государственную элиту. Вообще, провокативная функция значительно усилилась, через тысячи собраний, митингов и демонстраций проверяли лояльность сотен тысяч людей из самых различных слоев общества. Пропаганда вокруг процессов позволяла углублять конфронтацию в обществе, не только натравливая на ту или иную социальную группу или слой все остальные, но порой раскалывая даже один слой («красные спецы» против «спецов-вредителей»). Массовое сознание в ходе всех этих собраний, митингов, демонстраций, а также с помощью газет и радио обрабатывалось весьма глубоко и с большим запасом прочности. Публичное осуждение очередных подсудимых приобрело в последующие десятилетия форму «единодушного» и «всемирного» и выполняло крайне важную для власти функцию социальной консолидации советского общества, консолидации, построенной на ненависти к многочисленным врагам. В последующие десятилетия завершилось формиро-

вание многоликого образа «врагов народа», внутри которых эсеры занимали видное, но уже не ключевое место.

Попытка посмотреть на итоги и последствия противостояния адептов большевистского «тоталитарного» и меньшевистского «демократического» вариантов социализма с большого удаления от событий 1922 г. приводит к следующим размышлениям.

Правоту социалистов, еще в начале 20-х годов говоривших о скрытой логике развития диктаторских режимов, о возможности их перерождения и непредсказуемости их действий, на собственной шкуре испытало большинство «победителей» уже с середины 30-х годов. Многие из организаторов и дирижеров эсеровского процесса сами стали жертвами чекистской мясорубки (как, впрочем, и большинство «старых» чекистов) и участниками многочисленных процессов, на которых они калялись в несовершенных ими грехах (настоящие их грехи остались неочененными во многом и поныне). Неочененным и непонятым (уж во всяком случае недопонятым) остается и сам характер противостояния, и суть спора. Проблема изучения исторического и политического соперничества двух этих разновидностей русского социализма осложняется еще и тем, что отечественная историческая наука только сейчас приближается к тому, чтобы отойти от старых мифов и составить более или менее адекватное представление и о различных вариантах народнической модели переустройства России (и о сущности самой этой модели), и о причинах серьезной идейной и «личностной» неоднородности эсеровской среды, и о ее менталитете в целом.

Неочененным и непонятым также остался и потенциал различных вариантов меньшевистских альтернатив социализма. Так например, представляется, что одно из правых течений в эсеровской партии (Авксентьев, Фондаминский, Руднев, Вишняк), впитав новые веяния эпохи, могло бы прийти к социал-реформизму, но не западноевропейского социал-демократического типа, а в своеобразном народническом варианте, если бы этот процесс не был прерван и фракция Н.Д. Авксентьева не варилась в собственном соку в эмиграции, а продолжала бы активную политическую деятельность в России. Их теоретическое наследие (наряду с наследием некоторых других течений в народничестве и неонародничестве) заслуживает сегодня самого пристального и серьезного изучения. Актуализация в современном российском обществе идей «нового», «демократического», «эволюционного» социализма и все нарастающие попытки создания организаций, движений и партий подобного типа актуализируют и необходимость переосмысления неонароднического идейного багажа. Парадокс заключается, на наш взгляд, в том, что глубоко укоренившийся в советское время взгляд на неонародников как на «социалистов-реакционеров», цеплявшихся за «почвеннические» предрассудки и пережитки, не позволяет многим из сегодняшних «социал-демократов» и «новых социалистов» увидеть, что целый ряд идей и решений можно почерпнуть не только в теории и практике европейской и русской социал-демократии, но и в теоретическом наследии некоторых течений русского неонародничества (в большей степени адаптированного к русским условиям и менталитету народа), в некоторых своих частях не потерявшем своего значения и сегодня.

Еще один парадокс заключается в том, что идейная и человеческая победа одержанная 22-мя подсудимыми над судящим их режимом, адекватно оцененная частью тогдашнего общества и общественным мнением Европы, в современном российском обществе вряд ли может рассчитывать на подобную адекватную оценку. Власти, отвечая на критику эсеров и меньшевиков (справедливость которой порой позже признавали и сами большевики), многократно отвечали им: вы считаете, что мы неправы, но победили-то мы, а вы в тюрьмах, на скамьях подсудимых и в эмиграции.

Более того, победителей не судят, а как раз наоборот, победители вас судят. Парадокс заключается в том, что сегодня несмотря на то, что идейные и человеческие позиции подсудимых эсеров для многих предпочтительнее, чем позиции большевиков, а история вынесла свой приговор тупиковости большевизма, тем не менее в массовом общественном мнении победили все-таки большевики, но не потому, что оказались правы, а потому что выжили, уничтожив своих врагов. Излюбленное выражение радикальной интеллигенции начала XX века, в качестве жизненного кредо утверждавшей: «Делай как должно, и пусть будет, как будет!», в начале XXI века, в оторванном от собственных корней и традиций, сбитом с толку и конформистском постсоветском обществе, значительно менее понятно, чем выражения «Победителей не судят!» и «Прав не тот, кто прав, а у кого больше прав!»

Значимость их противостояния, как и их места в шеренге противников советской тоталитарной системы поняли те немногие, пришедшие много десятилетий спустя и сравнившие, подобно В.Т. Шаламову, суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом над ПСР: «Со времени дела правых эсеров – легендарных уже героев революционной России – это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...»³⁵⁸

Парадоксально то, что власти, рассматривавшие процесс как общую могилу, призванную бесследно поглотить оппозиционных ей социалистов, неожиданно для себя создали всем им, рассеянным и безвестно сгинувшим в советских лагерях и тюрьмах 20–30-х годов, один общий могильный камень-памятник, памятник, который мы сегодня воспринимаем как символ несломленной воли, непреданных идеалов и величия человеческого духа.

С.А. Красильников, К.Н. Морозов

³⁵⁸ Цит. по: Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 7.

№ 16-1
Постановление Пленума ЦК РКП(б)
«Об эсерах и меньшевиках».
Из протокола заседания Пленума № 14, п. 14

от 28 декабря 1921 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

14. Об эсерах¹ и меньшевиках².
(т. Дзержинский).

а) Предрешить вопрос о предании суду Верховного Трибунала³ ЦК партии с.-р.

б) Поручить комиссии в составе т.т. Дзержинского, Каменева и Сталина определить момент опубликования⁴.

в) Предложение т. Дзержинского о меньшевиках передать на предварительное рассмотрение той же тройке с докладом в Политбюро.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 1. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 76. Л. 3. Машинописный подлинный экземпляр протокола № 14 заседания Пленума ЦК РКП(б), подписанный В. Молотовым.

– Л. 14. Черновой протокол заседания Пленума ЦК РКП(б). Рукописный подлинник на 1/2 листа. В п. 14 а) после слов «Верховного Трибунала» вычеркнуто ранее написанное «при ВЦИК». Слева запись о рассылке «все Дзерж[инскому]. (б-в) «Каменеву, Сталину».

– Опубликовано по экземпляру, хранящемуся в РГАСПИ: В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1975. С. 518.

№ 16-2
Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«О замене т. Дзержинского в комиссии
по реорганизации ВЧК и по эсерам и меньшевикам»⁵.
Из протокола заседания Политбюро № 88-а, п. 3

от 9 января 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

3. – О замене т. Дзержинского в комиссии по реорганизации ВЧК и по эсерам и меньшевикам. (Предложение т. Дзержинского).

3. – Согласиться на замену в комиссии по реорганизации ВЧК⁶ и по эсерам и меньшевикам т. Дзержинского тов. Уншлихтом.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 2. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1343. Л. 2. Машинописный (подписной) подлинник, подпись – автограф В.М. Молотова. Протокол № 88а содержит указание на форму принятия решения: «Опрошены по телефону члены Политбюро т.т. Троцкий, Сталин, Каменев, Молотов». Л. 1. Штамп секретного архива ЦК ВКП(б).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 233. Л. 7. Черновой протокол заседания Политбюро. Машинописная выписка из протокола, подпись – автограф В.М. Молотова на бланке ЦК РКП(б), датированная 9 января 1922 г. Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 88-а, п. 3 от 9 января 1922 г. В деле (л. 8) записка на бланке председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, адресованная Политбюро ЦК РКП(б) и датированная 4 января 1922 г., следующего содержания: «Ввиду моего отъезда в Сибирь прошу заменить меня т. Уншлихтом в комиссии по реорганизации ВЧК и по эсерам и меньшевикам». На листе пометы: «За Сталин. Согласен Каменев. Троцкий. Молотов».

№ 16-3*

Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о даче ею сообщений ЦК РКП(б) о прежней работе в эсеровской партии

15 января 1922 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ П.С.Р.

Довожу до сведения Центрального Комитета П.С.Р., что одновременно с этим, мною делается сообщение Центр[альному] Комитету РКП о военной, боевой и террористической работе в период с конца 1917 г. по ¹Июнь 1918 г.² в Петербурге и Москве.

Бывший член П.С.Р.

член Р.К.П. Лидия Коноплева

– Л. 22. (А) Машинописная копия того времени, заверенная работником Общего отдела ЦК РКП(б) А.А. Андреевым.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 69. (Б) Машинописная незаверенная копия того времени, изготовленная делопроизводством Верхтриба.

– Опубликовано по экземпляру ГАРФ: Костин Н.Д. Суд над террором. М., 1990. С. 10.

№ 16-4*

Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о ее прежней эсеровской работе

15 января 1922 г.

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ РОССИЙСКОЙ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Прилагая при сем доклад о работе своей в п.с.р. в области военной, боевой и террористической в период с конца 1917 г. по конец 1918 г. сообщаю, что многое уже забыто мною.

Считаю нужным добавить, что первоначальный проект наш совместного доклада с Семеновым не мог быть осуществлен в силу того, что по роду своей работы мы находились в разных городах и не имели возможности ни встретиться, ни списаться⁷.

Кроме того, считая своим долгом чести поставить Центральный Комитет Партии Социалистов-Революционеров в известность о сделанных мною разоблачениях о боевой и террористической работе ПСР, пересы-

¹⁻² Конец 1918 г. (Б).

лаю Центральному комитету РКП заявление на имя ЦК ПСР для рас[с]мотрения. В случае согласия на это Центрального Комитета РКП, прошу переслать прилагаемое заявление Гоцу или ДОНСКОМУ.

Член РКП Лидия КОНОПЛЕВА

15/1-22 г.

– Л. 23. Машинописная копия того времени, заверенная работником Общего отдела ЦК РКП(б) А.А. Андреевым.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 69. Незаверенная машинописная копия того времени, изготовленная делопроизводством Верх-триба.

№ 16-5*

Письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой члену ЦК РКП(б) Л.П. Серебрякову с просьбой о передаче ее заявления и доклада о ее прежней эсеровской работе в ЦК РКП(б)

[15 января 1922 г.]

ДОРОГОЙ ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ!

Прилагаемое заявление, доклад и пр. прошу Вас передать в ЦК РКП.

Мне хочется немного погов[о]рить с Вами, поделит[ь]ся своими мыслями. Весь 1919 г. был годом ломки моего старого идеологического мировоз[з]рения. И результат был тот, что и по взглядам своим и по работе фактически я сделалась коммунисткой, но официальное вхождение в РКП считала невозможным благодаря своему прошлому. Еще будучи в п.с.р., и после в группе «Народ»^а я считала, что долг наш – мой и Семенова во имя справедливости^а открыть ту страницу в истории п.с.р. скрытые от широких масс^б – Интернационалу, что интернационал должен гнать все темные, все скрытые стороны тактики партии в последнюю революцию. Но как это сделать я не знала. Вопрос этот связанный с тяжелым личным моральным состоянием, стал перед вхождением моим в РКП. С одной стороны[,] я чу[в]ствовала, сознавала, что не имею морального права войти в партию, перед которой имею столько тяжких грехов, не сказав ей о них, с другой стороны считала, что открыть его, не указав фактического положения вещей, связи в прошлой работе с п.с.р., персонально ряда лиц, я не могла – слишком все было связано одно с другим. Это-же считала не приемлемым со стороны моральной – по просту говоря предательством старых товарищей по работе. На сколько было приемлимо^в для меня сообщение о прошлом Интернационалу – об'ективному судье, настолько не приемлимо^г Центральному Комитету или иному органу РКП. Политическая партия не судья другой партии, они обе стороны заинтересованные, а не безпристрастные^д судьи. Таково было мое убеждение. Перед вступлением в РКП, я вам говорила не раз, что прошлое мешает войти.

Но я решила перешагнуть через прошлое и в партию вошла, имея на мысли дальнейшей работой хоть немного покрыть прошлое, свои ошибки и преступления перед Революцией.

Приехав за границу, читая с.р. орган «Воля России»^е, старое воскресло с новой силой. Эта травля русской революции, коммунистической пар-

^{а-б} Так в документе.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Так в документе.

тии, которую вели и ведут здесь с-ры, раздувая и крича об ошибках РКП, стараясь возстановить против нас Зап[адно-]Европ[ейский] пролетариат, крича об ужасах ЧК и красного террора – зародили мысль об необходимости во имя Революции и партии раскрыть перед пролетариатом и русским и международным истинное лицо п.с.р.[.] ее тактику, ее преступления перед революцией.

И тут пер[е]до мной[.] в частности[.] стала тяжелая дилемма: с одной стороны[.] интересы Революции, с другой – определенное сознание недопустимости с моральной точки зрения.

Я знаю, что все, что в интересах Революции – допустимо и оправдываемо. Интересы Революции – наша правда, наша мораль. И когда мы с Семеновым, перед отъездом его в Россию, обсуждали этот вопрос, то там решили оба – если интересы революции требуют[.] то мы должны, обязаны сделать, хотя-бы с точки зрения человеческой морали, это было неприемлемо. Он поехал в Россию и должен был там выяснить обстановку (т.к. у нас была мысль, что[.] может быть[.] мы слишком односторонне смотрим, приувеличиваем значение п.с.р., начитавшись «Воли России») и необходимость оглашения и по возвращени[и] его, мы, в зависимости от результатов поездки, выступаем совместно. Когда он вернулся, мы не имели возможности совместно выступить, т.к. находились по роду работы в разных местах, не имея возможности, ни увидаться^е, ни списаться.

Он подал заявление один, и позже, когда представилась возможность, уведомил меня.

Теперь я делаю то-же самое, сознавая, что должна это сделать во имя Революции[.] и в то же время сознаю, что с моей моралью, с моим внутренним «я» этот поступок не совместим. Как за террористическим актом должна последовать физическая смерть исполнителя, так за этим актом – моральная смерть. [А] может быть – смерть старой морали. Этого я еще не знаю. Все может быть. Одно только знаю – во имя интересов Революции должно быть сделано все.

Должна добавить Вам еще, что я задавала себе вопрос, старалась проверить себя – что может быть потому, так тяжело, так мучительно подавать мне заявление ЦК, что у меня осталось, что-то общее с с-рами, какая-то связь. [На] это ответила и себе, отвечаю и Вам – нет. Ничего не осталось. Как они являются врагами революции, врагами РКП – так они и мои враги. И сейчас в работе, [с] момента как мы находимся в противоположных лагерях, все методы борьбы допустимы.

Но когда я подхожу к вопросу о прежней работе, когда была идейно с ними заодно, пользовалась неограниченным доверием и использываю^ж тот период теперь для борьбы с ними – я определенно сознаю, что делаю поступок недостойный честного революционера.

Не знаю[.] правильно ли Вы поймете меня[.] приведу пример: предположите на момент, что Вы[.] пробывший в РКП столько лет, перешли в какую-то иную партию. И в интересах революции Вы должны бы были сделать то-же, что делаем мы с Семеновым, т.е. раскрыть той X партии, что-то неизвестное о РКП.

Я все это говорю для того, чтобы указать, что есть какая-то грань, что-то такое в душе человеческой, переступая через которое человек болезненно мучительно ощущает, что он теряет что-то хорошее, светлое, что должно быть в каждом.

^е В тексте исправлено от руки из ранее напечатанного увидаться.

^ж Так в документе.

Тяжело и больно, но должно быть сделано для Революции, и революции нет никакого дела до отдельных индивидуумов.

Дорогой Леонид Петрович, не знаю разберетесь-ли Вы в моем писании. Просто хотелось поговорить с Вами, вспомнив наши товарищеские отношения. Я тут совсем одна. Путалась и разбиралась в этом вопросе, и откровенно говоря, совсем запуталась в морали.

Мне бы очень хотелось что-бы Вы мне написали. Если податель этого письма поедет обратно, то напишите с ним, если нет, то пошлите письмо на Ник. Никол. Кр[естинского] с просьбой передать Грише. А тот мне пошлет. Очень бы хотела получить от Вас весточку.

Напишите про себя, как живете, как здоровье, где работаете.
Всего Всего хорошего ЛИДА.

15/1-22 г.

И знаете что мучит меня – это мысль – «хорошо, с-ры скажут [–] она предала нас, но и коммунисты должны сказать – она предала своих прежних товарищей по партии, но где-же гарантия, что она и нас не продаст». То[,] что скажут с-ры[,] не важно для меня – самый переход в РКП по их терминологии есть измена и предательство Революции. Но мнение товарищей по РКП для меня нужно. И тут стоит неразрешимый вопрос, принципиальный – допустимо-ли с точки зрения революционной этики при переходе из одной партии в другую разоблачать тайны старой партии. И тут боюсь и не могу выбиться из заколдованного круга. Если это делается во имя Революции – то да, должно быть сделано, имеет свое оправдание и морально и этично. И в то-же время с сознанием, что ты обязан и должен это сделать во имя Революции, как революционер, выступает просто человек, которому душевно, морально тяжело, а может быть[,] и не под силу такой акт.

Все это я Вам пишу как товарищу, мнение которого я ценю и уважаю, и как человек человеку.

Еще раз повторяю, что у меня нет ни тени сомнения и колебания в том, что это я должна и обязана, внутренне обязана, сделать для Революции. Но как совместить это с моралью и этикой – не знаю, не умею. И боюсь.

Простите за такое сумбурное письмо и напишите мне.

15/1-22 г.

ЛИДА

Во всяком случае уведомите меня или Гришу о получении доклада и письма. Это обязательно сделайте.

– Л. 24–27. Машинописная копия того времени, заверенная работником Общего отдела ЦК РКП(б) А.А. Андреевым. На л. 24 сверху рукописная помета: «Чит[ал] В. М[олотов]». Там же рукописная помета и штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 107, п. 22 от 4 марта 1922 г. Ниже другая рукописная помета: «К мат[ериалам] ПБ. 4/III Н. С[мирнов]». В верхнем правом углу рукописная помета: «т. Уншлихту»

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 346. Л. 70–78. Машинописная копия того времени.

– Опубликовано частично с искажением текста по экземпляру ГАРФ: Костин Н.Д. Суд над террором. М., 1990. С. 11–12.

Доклад бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о ее прежней эсеровской работе

[15 января 1922 г.]

Период с Октябрьской революции до февраля 1918 г. я помню довольно смутно. Помню, что когда ясно стала ощущаться неизбежность разгона учредительного собрания, среди активных членов П.С.Р. возникла мысль вооруженной борьбы и защиты Уч. Соб. Создана была военная организация, в которой главную роль играли члены п.с.р., в частности Военная Комиссия при Ц.К. п.с.р.¹⁰. Около этой организации объединились и нар-социал.¹¹, и сочув[в]ствующие с-рам и – насколько помню – меньшевики, и все те, кто[,] не имея определенной партийной окраски, стояли за У.С. Платформой было признание УС и лозунгом – борьба за него. Во главе этой организации стоял военный штаб, который вел работу концентрирования в Петербург всех желающих активно бороться за У.С. – особенно большие надежды возлагались на фронтовиков – работой и агитацией в расположенных в Петербурге, воинских частях. С.-Р.[,] кроме того[,] занялись организацией боевых рабочих дружин, которые вооруженные револьверами и бомбами ручными должны были идти во главе манифестаций за У.С. в день 5-го января¹². Стягивание в Петербург фронтовиков производилось под видом откомандирования в Солдатский университет¹³, который был организован специально с этой целью и помещался на курсах им. Лесгафта. Работа по приемке этих «студентов», снабжению их соответствующими документами, приема от них оружия и гранат – лежала на мне. По вечерам гранаты и к[а]псюли переносились мною в помещение Военной Комиссии при Ц.К. Студентам этого университета предоставлено было помещение в общежитии какой-то санитарной части в районе Царскосельск[ого] вокзала. По аресте их в общежитии, где у некоторых найдены были гранаты, и обыске на курсах Лесгафта – Солдатский Университет существовал уже только как учебное заведение.

Как велась работа в Петербургских воинских частях, я уж теперь не помню, т.к. непосредственного участия в ней не принимала. Знаю, что представители полков и других воинских частей составлялись^a гарнизонное собрание, которое собиралось довольно часто.

После разгона У.С., когда военная организация оказалась безсильной ввиду колебательной позиции партии, которая[,] считая нужным бороться вооруженно, не брала на себя инициативы в борьбе (мнение Ц.К. и фракции в У.С., что народные массы должны сами подняться, а партия может только оформить движение), работа военная не прекратилась[,] а усилилась.

На заседании Воен[ной] Комиссии при Ц.К. в начале января работа военная была разбита на несколько отделов: красноармейский, технический, боевой, литературный, иногородний и культурно-просветительный¹⁴. Какие члены В[оенной] К[омиссии] персонально входили в каждый отдел – не помню. Помню только, что в боевой отдел входил И. КАШИН (каторжанин) и в литературный Борис Соколов и я. Работа красноармейского отдела велась интенсивно особенно с привлечением в нее Р.Р. ЛЕППЕРА, боевой отдел развил интенсивную деятельность к весне, когда во главе его стал СЕМЕНОВ[,] и <обратился к> солдатам [с] призывом свержения большевиков, прекратил в феврале свое существование, за выездом Б. Соколова на Украину и уходом моим на работу террористическую.

^a Так в документе, следует составляли.

После ратификации Брестского мира¹⁵, который не принимала, считая, что революционная Россия не может идти ни на какие договоры и соглашения с капиталистическими государствами, у меня появилась мысль о необходимости террора. Февральский съезд Советов¹⁶, часть которого в начале была против принятия мира, показал[,] на сколько исключительно руководящую роль в партии большевиков имели В.И. ЛЕНИН и Л.Б.⁶ ТРОЦКИЙ.

Придя к мысли о необходимости террора, я обратилась к представителю Ц.К. в Военной Комиссии при Ц.К. Борису РАБИНОВИЧУ с предложением организовать дело покушения на В.И. ЛЕНИНА¹⁷, беря на себя роль исполнительницы. Но для того, чтобы не подвести под удар п.с.р., предлагала это в виде акта индивидуального, для моральной же поддержки просила мнения и санкции ответственных членов Ц.К. В то время в Петербурге было несколько членов Ц.К., остальные же члены Ц.К. и Бюро Ц.К. находились в Москве¹⁸. Я видалась несколько раз с А.Р. ГОЦЕМ, жившим тогда в Петербурге[,] который в то время был ответственным членом Ц.К. в Петербурге. Он высказался положительно, но заявил, что такого большого по своим результатам дела, он на свою ответственность не может взять и должен запросить Бюро Ц.К. в Москве. С этой целью в Москву был послан Б.Н. РАБИНОВИЧ, который в случае согласия Бюро, должен был выяснить вопрос о руководителе боевой группы. Бюро Ц.К. дало согласие на акт индивидуальный. В качестве руководителя, за отказом от участия в этом деле Б.Н. МОИСЕЕНКИ, Бюро выделило одного из членов своих В.Н. РИХТЕРА. По возвращении РАБИНОВИЧА из Москвы я[,] получив от него деньги для организации покушения (сумму теперь уже не помню), выехала вместе с П. ЕФИМОВЫМ в Москву. Ехали мы вдвоем, т.к. не смотря на мои и Рабиновича поиски людей для боевой группы, мы никого не могли найти: одни кандидаты забракованы были, как не подходящие, другие[,] как СЕМЕНОВ, отказались. Я ехала в качестве исполнителя, Ефимов для слежки за В.И. Лениным и моим помощником. Приехав в Марте в М[оскву] в качестве ж-д с[л]ужащих, мы поселились в районе Арбата (я жила под именем Анны Петровны Степановой). К нашему приезду Рихтер должен был наладить всю техническую сторону дела, установить слежку и пр., так чтобы к нашему приезду было все готово и сразу можно было бы произвести террористический акт. Но в действительности им ничего не было сделано, как руководитель он оказался совершенно не пригодный для боевой работы. Все дело организации и слежки легло на нас двоих, но ни я, ни Ефимов не имели абсолютно никаких связей в Москве, знали город очень плохо и фактически не могли в короткий срок поставить слежку более [или] менее сносно.

Пробившись в М[оскве] недели две безрезультатно, я пришла к убеждению, что дело покушения надо ставить совершенно иначе, не надеясь ни на чью помощь, а поселившись в М[оскве,] взять работу в каком[?]нибудь учреждении, завязать связи самой среди москвичей и найдя удобный момент – произвести покушение. По приезде в М[оскву] А.Р. Гоца работа наша была ликвидирована, причем я заявила Ц.К., что не отказываюсь от мысли о терроре, но буду дело это ставить совершенно самостоятельно, не входя в сношения по этому поводу с Ц.К. пср.

Должна добавить, что покушение должно было быть произведено с помощью револьвера (Испанский Браунинг) с отравленным ядом «кураре» пулями. Яд достал мне в М[оскве] Рихтер.

⁶ Так в документе.

По ликвидации я выехала временно в Петербург, где и задержалась до середины июля. По дороге в П[етербург] (ехала через Вологду) связла^в из Вологды в Петербург часть экспроприированных, в поезде между Вологдой и Вяткой группой Семенова[,] денег, предназначенных для Петербургской военной и боевой работы и часть оружия боевиков. Большую часть экспроприированной суммы увез в Москву Семенов и сдал Ц.К. п.с.р.

По приезде в П[етербург], Военная Комиссия при Ц.К., членом которой была, поручила мне организацию работы в Балтийском флоте. Работа велась мною на военных судах, стоящих на Неве, и в Кронштадте. На судах отыскивал...^г росы и офицеры с-р или сочу[в]ствующие, которые должны были вести там дело агитации и пропаганды и создавать свои ячейки. Цель была – возстание против большевиков. Была ячейка и несколько человек на «Андрее Первозванном», на «Республике» один человек, и еще на одном миноносце (забыла название), в Доке несколько рабочих. При таком наличии сил – мы умудрились поставить в Кронштадте несколько публичных лекций-митингов (при враждебном отношении матросской и рабочей массы и Кронштадтского Совета) и провести в Совет одного с-р и двух сочу[в]ствующих, которые там существовали некоторое время как фракция с-р. В Петербурге, у нас была создана небольшая группа в 5–6 человек представителей судов, стоящих на Неве, главным образом с траллеров (названия сейчас не помню). Собрания представителей судов происходили в помещении Васильеостровского района К-та п.с.р. Они снабжались партийной литературой, листовками. Было устроено 1–2 митинга для матросов. Вся эта работа, как и работа в красноармейских частях, велась в расчете на возстание. Отказ минной дивизии от разоружения являлся поводом к попытке возстания – таково было мнение части военных работников. Вопрос был поставлен на расширенном заседании Воен[ной] Ком[иссии], где присутствовали Гоц, Лихач, Берг, Флеккель, Семенов, я, Ганжумов – комендант Обуховского района. Мы предлагали^д, соединить отказ от разоружения мин[ной] дивизии, с закрытием временным Обуховского завода и забастовками, использовать для захвата власти в Петербурге. Боевые рабочие организации были во всех районах, были военные силы как броневой дивизион. Но большинством против голосов Семенова и моего, предложение было отвергнуто из соображений, что шансов на успех верных нет.

После разоружения минной дивизии, которому предшествовали разгром красноармейского отдела Воен[ной] Ком[иссии] в мае (был арестован Р.Р. Леппер, полк[овник] Постников и целый ряд ответственных работников), разоружение полков, находящихся под нашим влиянием, и безрезультатный призыв – Собрания Уполномоченных к рабочим¹⁹, вызвавший только частичные забастовки вместо всеобщей в Петербургском масштабе – все это решило^е конкретной почвы дальнейшую военную работу. Не было сил, не было народных масс, на которых опиралась бы вся работа. Решено было ликвидировать в Петербурге военную работу, а всех работников, как военных, так и боевиков, за исключением центрального летучаго Боевого отряда²⁰, перекинуть на север в Архангельск и на Восток – за Волгу, где к этому времени создались фронты²¹.

^в Так в документе, следует свезла.

^г Далее часть текста документа не прочитывается (А); «отыскивались матросы» (Б).

^д Так в документе.

^е Так в документе, следует лишило.

Вернусь теперь немного назад. Боевая работа, организация боевых рабочих дружин во всех районах Петербурга²² начала вестись приблизительно с декабря 1917 г. В начале это были организации[,] созданные специально для вооруженного выступления в случае разгона У.С. <которые>, должны были представлять авангард народных масс[,] поднявшихся на защиту У.С., позже по разгоне У.С. организации эти существовали и развивали свою работу с целью восстания против власти Советов. За период с января 1918 г. до июля того же года общая численность боевиков во всем районе доходила до 70–80 чел., кроме того в каждом районе были кандидаты в базовой^ж, менее активные элементы. В начале работа боевых дружин заключалась в раздобывании оружия и гранат, выяснении военных сил большевиков в каждом районе, расположение их, агитации среди солдат и матросов. Позже к этой работе подготовительной присоединилась и действенная – экспроприации, а потом и террор. Руководство боевыми дружинами приблизительно в феврале передано было рабочему Кононову – старому боевику, но т.к. он проявил в своей работе мало дисциплинированности и много сепаратизма, Петербургским Бюро Ц.К. этот отдел был передан Блюменталю, а за его полной непригодностью в работе в этой области, в конце марта или начале апреля – Г. Семенову. Из всех районных дружин Семеновым была подобрана небольшая боевая центральная группа, которой была совершена в начале апреля миллионная экспроприация в поезде²³, позже группа эта, расширившись в своем составе, принялась и за работу террористическую. Так организованся центральный летучий Боевой отряд п.с.р.

Санкция партии на работу террористическую и производство эксков была. В период петербургский о работе группы и ее планах знал А.Р. ГОЦ, в период Московский – член Ц.К. Донской²⁴. С ними связь держал и вел переговоры руководитель Летучаго отряда Г. СЕМЕНОВ.

Разрешая экссы[,] ответственные члены Ц.К. предупредили, что они должны производит[ь]ся не как партийные акты, что партия их своими не признает, но террористические акты если не теперь, то позже будут открыто признаны партией. Так сообщено было Семеновым на собрании отряда, так сообщал он мне лично, то же самое сказал мне А.Р. ГОЦ во время моего свидания с ним в Москве в конце июля.

Летучим отрядом в Петербурге решено было совершить террористические акты на Зиновьева и Володарского и в Москве на В.И. Ленина и Л.Б.³ Троцкого, для чего туда были отправлены члены отряда Гвозд, Усов и Зеленков, которые до переброски туда отряда должны были найти квартиры и начать слежку. В июне членом отряда рабочим Сергеевым был убит Володарский²⁵. На другой день в газете появилось заявление от имени Ц.К. что партийные организации никакого отношения к убийству не имеют²⁶, а через меня Семенову от имени Ц.К. было передано распоряжение о немедленном выезде из Петербурга всей боевой группы. Покушение на Зиновьева временно было отложено и группа[,] кроме меня[,] выехала в Москву. Мне же в Петербурге поручено было отрядом приготовление покушения на Урицкого, руководство Петербургскими боевыми дружинами. Кроме того[,] я несла работу по переброске на Волгу и в Архангельск всех тех, кто считал обязательным участие в разгоравшейся гражданской войне. Боевики и военные с.р. направлялись за Волгу, остальные же не партийные через Вологду на Архангельск.

Для слежки за Урицким я сняла комнату на 9-й линии В[асильевского] о[строва] против дома, где он жил, бывала в его квартире, хозяйкой кото-

^ж Так в документе (А); в боевики (Б).

³ Так в документе.

рой была зубной врач, к которой я ходила лечить специально для этой цели сломанный зуб. Одновременно с этим вела также работу по подготовке эксов. Был ...^н в театральной кассе государственных театров, где по нашим сведениям скоплялись иногда большие суммы, потом какого-то парходного общества на Набережной и углу 12-й линии.

В середине Июля мною была дана Семенову телеграмма, что покушение на Урицкого можно произвести. Одновременно с этим и была вызвана в Москву, где по постановлению Летучаго отряда должна была остаться. Перед отъездом слежка за Урицким передана была мною боевику Вас[иле]остр[овского] района Зейме[,] он вскоре выехал из Петербурга[,] и работа эта прекратилась. Позже в августе, Урицкий, был убит Канегиссером^к, который никакого отношения к нашему отряду не имел^п.

Приехав в Москву[,] я застала группу в следующем составе: Семенов, Е. Иванова, Усов, Козлов, Зубков, Зеленков. Немного позже вошли в нее Новиков, Корольков, Киселев. За исключением Семенова, Ивановой и меня – все были Петербургские рабочие. Отряд в августе расширился вхождением в него Фани Каплан и еще нескольких боевиков-рабочих, направлявшихся из Петербурга на Во[л]жский фронт[,] но временно задержанных в М[оскве] в помощь отряду.

В августе численность отряда была в 14 человек. Отряд имел дачи по Казанской и Нижегородской ж.д. и квартиры в Москве.

В начале отрядом решено было организовать в первую очередь покушение на Л.Б. ТРОЦКОГО²⁸, каковому акту придавалось большое значение в военно-стратегическом отношении. Во вторую очередь должно было последовать покушение на В.И. ЛЕНИНА, которое расценивалось как акт политический. Мы старались путем слежки установить часы и дни выездов Троцкого и учреждения[,] где он бывает. Слежка велась за въездом в Кремль, Военным Комиссариатом и разными военными учреждениями (названий не помню) в районах Никитских, Георгиевского пер., Садовой-Кудринской. Дежурили мы в несколько очередей. Кроме того[,] мною велась слежка в д. Тарасовке по Ярослав[ской] ж.д., где поселилась под именем Лидии Николаевны Поповой, в Тарасовке на даче жил тогда[,] кажется[,] Болч-Брусвич, у которого по полученным нами сведениям бывал Л.Б. ТРОЦКИЙ, КРЫШЕНКО и целый ряд видных большевиков. У нас был план устроить покушение на Троцкого по дороге в Тарасовку за Мытищами, напав на автомобиль. Дорога из Москвы до Мытищ была осмотрена Фани Каплан и мною. Мы вместе прошли ее[,] чтобы выбрать место[,] удобное для нападения. Остальная часть дороги была осмотрена кем-то другими из отряда. Все наши попытки установить путем слежки регулярность выездов Троцкого не дали никаких результатов. Время шло, энергия расходовалась, а конкретного отряд ничего не сделал. На одном из собраний отряда был поставлен снова вопрос[,] на кого первого делать покушение – В. Ленина или Л. Троцкого. Решено было произвести покушение на того, кто первый будет встречен в благоприятной для акта обстановке. Для покушения мы решили использовать митинги, которые регулярно каждую пятницу происходили во всех районах Москвы. Три недели подряд посещали мы все митинги. В первую неделю все боевики[,] вооруженные револьверами (системы у нас были – Браунинги, Маузеры, Штейер, Парабеллум)[,] были распределены по митингам, но когда одним из боевиков, намеченным отрядом в исполнители, был встречен В.И. ЛЕНИН и он в него не выстрелил, то на вторую неделю

^н Многоточие в тексте документа.

^к Так в документе, следует Канегиссером.

^п Здесь и далее так в документе.

система была нами изменена. Было намечено в качестве исполнителей несколько человек, а именно: Фани Каплан, Я и Козлов, каждый из исполнителей объезжал несколько митингов. Но так как был риск, что переезжая из одного помещения в другое, можно или опоздать или Ленин может приехать позже, после отъезда исполнителя (во вторую пятницу В.И. Ленин не выступал совсем)[.] то в третью пятницу, 30 августа – организация была такова[.] исполнители должны были дежурить в условленных пунктах – Фани в районе Замоскворечья, я в районе Александровского вокзала, Алексеевского Народного дома и Козлов в районе Басманных (точно не помню его района). Остальные боевики были разбиты по всем митингам, а в случае приезда на один из них В.И. Ленин[а], должны были дать знать районному исполнителю.

В.И. Ленин приехал на Щипки[,] и Фаня стреляла в него. Все три пули были отравленные²⁹ (у всех трех исполнителей первые 3 пули в обоймах были надпилены крестом и отравлены ядом «кураре»^М, оставшимся у меня от первой мартовской организации[.]).

Как было сказано выше, санкция от имени ЦК партии нам была дана Гоцем и Донским с оговоркой, что если партия сразу не сможет признать акт этот своим, то во всяком случае позже она это сделает, но Донским было дано обещание, что отказа партии от террористического акта не последует никоим образом.

На другой день покушения Фани Каплан последовало официальное заявление от имени партии, что ни одна партийная организация в покушении на В.И. Ленина участия не принимала³⁰.

Этот отказ произвел ошеломляющее впечатление на отряд, пал престиж Ц.К., поколебалась вера в террор, началось внутреннее разложение отряда. Отряд верил, что дело террора есть делом^Н во имя Революции, во имя революции он шел и отдавал последнее, что имел – свою жизнь. Санкция ЦК была моральной поддержкой, оправданием этого метода борьбы. Отряд шел на молчание партии, но отказ партии, ложь словом – были для него не приемлемы. Те появлявшиеся у нас иногда мимолетные сомнения – допустим ли террор как метод борьбы, по отношению большевиков – партии борющейся[.] как и мы[,] за социализм[,] стали разгораться, сильнее и сильнее. Отказ расценивался не только как акт трусости и отсут[т]ствия гражданского мужества, но и как осуждение партией этого метода борьбы с большевиками.

На одном из собраний отряда после покушения Фани, вопрос о дальнейшей террористической работе был обсужден и за нее высказалось пять человек из всего отряда: Семенов, Корольков, я, приехавшая после покушения подруга Фани Каплан – Ставская и еще кто-то пятый (забыла). Остальные составляли подрывную и боевую группу.

Вскоре после покушения на Ленина нами решено было произвести покушение на Троцкого, который должен был выехать на Восточный фронт. Мы решили действовать двумя способами[.] в Москве на вокзале дежурила я в качестве исполнителя террорист[ического] акта и Каральков^П помощником, а подрывная группа во главе с Ивановой выехала по Казанской ж.д. и подготовила крушение поезда за ст. Люберцами. Две ночи дежурили мы на Казанском и Николаевском вокзалах (по полученным сведениям какой-то специальный поезд по виду похожий на поезд Л. Троцкого, стоял на путях Никол[аевской] ж.д.), но Л. Троцкого не встре-

^М Исправлено взамен напечатанного «караре».

^Н Так в документе, следует дело.

^О Так в документе (А), следует борющейся.

^П Так в документе, следует Корольков.

тили, т.к. он выехал в тот день[,] как и ждали, но с иного вокзала. На этом покончился наш период террористической борьбы.

После этого отрядом предпринят был ряд экс: один экс где-то за Москвой у частного лица (Ц.К. об этом эксе не знал), другой экс на несколько миллионов должен был [быть] произведен в Прод[ольственный] Комитете на углу Страстной площ[ади] и Тверской. Все было подготовлено, несколько вооруженных боевиков вошли в помещение Прод[овольственного] Ком[итета] и должны были расплавить несгораемый шкаф специальным, с этой целью купленным, аппаратом, остальные[,] в том числе Семенов, я, ждали вооруженные около, чтобы в случае тревог вмешаться в дело. Но в аппарате не хватило кислорода[,] и мы принуждены были бросить дело.

Должна добавить, что постановлением отряда Семенову как руководителю запрещено было принимать активное участие и в террористических актах и сначала в эксах.

Следующий экс произведен был в почто-телеграфном отделении по Камергерскому около Тверской³¹. В нем непосредственное участие принимал и Семенов. Взятые в нем деньги переданы были мне, и снесены мною на конспиративную квартиру. О двух последних эксах член ЦК Донской был уведомлен Семеновым.

После этого подготовлялся экс в Глав-сахаре, был проэкт захвата золота для контрибуции Германии, но в это время последовали аресты Семенова, Ивановой, Рудакова (впоследствии бывшего в отряде Гинзбурга и погибшего в начале [19]21 г. в Польше)[,] Томашевича и еще двоих боевиков. Перед тем часть отряда временно разъехалась по домам в отпуски. Остальная часть отряда за исключением террорист[ической] группы, должна была выехать на Восточный фронт. Оставшаяся после арестов, группа, квартиры, оружие оказались на моих руках. От имени Ц.К. Донской предложил немедленно выехать всем нам из Москвы – у Ц.К. была полная уверенность, что все дела отряда раскрыты.

Распустив временно, на время усиленных розысков нас властями, группу, сама осталась в Москве, поселившись около Калужской площ[ади] под именем Ядвиги Валер[-]Корнатовской.

Завязав связи с сидящими в тюрьме товарищами, я с ведома и по поручению Ц.К. занялась подготовкой побега Семенова, как наиболее скомпромитированного. Забыла сказать, что сразу по аресте товарищей, когда была полная уверенность, что их расстреляют, у меня был план произвести взрыв в ВЧК на Лубянке. Осуществить его хотела при помощи какого-то служащего в ВЧК в охране – не помню его имени.

Вскоре выяснилось, что дело арестованных не так безнадежно, кроме того Семенов от побега отказался – и тюремные дела вылились в форму снабжения сидящих передачами и хлопотами за них.

В декабре 1918 г. подготовлялся мною экс в Глав-сахаре (не особенно уверена в названии, знаю, что учреждение помещалось на углу бульваров недалеко от Хитрова рынка и было мною осмотрено). Велись переговоры с одним из кассиров. Членом ЦК Донским предложены были мне для свержения^Р экспроприации Московские боевики, но они оказались не пригодными для дела. На Рождество я выехала в Петербург, чтобы подобрать группу из старых товарищей по работе, но застала их в состоянии полной апатии. Остальные же члены б[оевого] отряда рассеяны были по всей России.

На этом кончилась боевая работа Центрального Летучаго Отряда.

^Р Так в документе (А), следует совершения (Б).

В период с конца 1917 г. и весь 1918 г. характерной чертой тактики партии с-р была тенденция использовать для борьбы с Советской властью все средства, все возможности, и террор[,] и союзников[,] и военщину, и черносотенцев. Использовать все из[-]под тишка, под сурдингу^с, боясь огласки и перед партийными массами, и перед интернационалом, т.к. таковые методы вычеркивали п.с.р. из рядов интернационала.

Все это я говорю на основании фактов. О терроре было сказано выше. Связь с Франц[узской] военной миссией³² держал в Петербурге А.Р. ГОЦ[,] после его отъезда мною были получены из Франц[узской] миссии через Н-С ИГНАТЬЕВА 10.000 руб. для работы Воен[ной] Ком[иссии]. Военная Комиссия с разрешения Ц.К. получила деньги на работу от какой-то черносотенной организации – связь с ней держал и Леппер и Семенов. С ведома и разрешения ЦК для совместной работы против Совет[ской] власти были притянуты к работе Воен[ной] Ком[иссии] целый ряд офицеров, не только беспартийных, но иногда и ярко-контрреволюционных.

Такова тактика партии была в России, такова была она и за Волгой.

Я[,] безусловно[,] убеждена, что на путь террора партия практически бы не стала по своей инициативе, не будь конкретных предложений от отдельных членов партии. Для этого не было у ЦК ни мужества, ни воли. Моментами мне казалось, что у ЦК было сознание недопустимости такого метода борьбы, как террор, но по привычке^т использовать все попадающиеся на пути в...

– Л. 28–36. (А) Машинописная копия того времени. Документ сохранился не полностью. На последней странице помета «Без конца, в таком виде поступила в архив... Н. С[мирнов]».

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 75–86. (Б) Незаверенная машинописная копия того времени, изготовленная делопроизводством Верхтриба.

– Опубликовано: Новый Мир (Берлин). 1922. 12 марта.

– Переопубликовано: Правда. 1922. 22 марта.

№ 16-7

Постановление комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по реорганизации ВЧК и борьбе против меньшевиков, эсеров и анархистов. Из протокола заседания комиссии № 1, п. 4 и 5

[от 20–23 января 1922 г.]

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 1
заседания комиссии т.т. Каменева и Сталина, назначенной
Политбюро 20/1–23/1 – 1922 г.

^с Так в документе (А), следует под сурдинку (Б).

^т Так в документе (А), следует по привычке.

¹ Отсутствующий в (А) текст: «расчете, что авось будет польза – дал санкцию. Фани КАПЛАН бывшая анархистка – катаржанка (так в документе – сост.). Человек безукоризненной чистоты, преданный идее и для идеи способный отдать все силы, жизнь свою. У нас не было ни личной жизни, ни личных интересов, все шло для работ тому, чему она верила, что для нее было святое-святым. Интересы революции для нее выше всего и во имя их, как она тогда понимала их и верила[,] она пошла и погибла» (Б).

Присутствуют т.т. Каменев, Сталин, Эйдук, Лежава, Фомин, Борисов, Сокольников, Уншлихт.

4. Вопросы т. Уншлихта:

а) о меньшевиках и с-р.

б) о ВЧК.

а) Предписать т. Уншлихту принять меры к тому, чтобы известная ему рукопись вышла в печати за границей не позже чем через 2 недели.

б) Поручить т.т. Курскому и Уншлихту разработать в недельный срок на основании нижеследующих директив проект положения от имени ВЦИК и внести на утверждение Политбюро:

Во исполнение IX Съезда Советов ВЦИК постановляет:

1) Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности упразднить.

2) Все дела о преступлениях, направленных против советского строя или представляющих нарушение советских законов, разрешаются в судебном порядке Революционными Трибуналами или Народными судами по принадлежности.

3) В составе НКВД создать Государственное Политическое Управление при НКВД, действующее на основании особого положения под председательством Народного Комиссара Внутренних Дел и назначаемого СНК [омиссар]ов его заместителя.

4) Местные органы Государственного Политического Управления не входят в состав отделов Управления, а состоят непосредственно при губисполкомах, а в автономных республиках при ЦИК'ах.

5) Государственному Политическому Управлению НКВД поручается:

а) специальная борьба со шпионажем, бандитизмом и подавление открытых контрреволюционных выступлений;

б) Охрана ж.д. и водных путей и следующих по ним грузов;

в) политическая охрана границ республики, борьба с контрабандой.

6) В целях выполнения возложенных на Государственное Политическое Управление заданий в распоряжении ГПУ находятся войска ГПУ. В тех же целях ГПУ предоставляется право обысков, выемок и арестов на основании специальной инструкции, разработанной ГПУ и утвержденной НКЮОстом, причем при арестах должны быть соблюдаемы следующие правила:

а) предъявление обвинения не позднее 2-х недель со дня ареста и

б) право содержания под арестом без передачи в суд не более 2-х месяцев, после чего ГПУ должно испросить у ВЦИК право продолжить в случае особой необходимости этот срок или же передать дело в суд, или освободить.

7. Кроме перечисленных в настоящем положении дел СНК и ВЦИК могут быть даваемы Госполитуправлению специальные поручения.

8. Принять особым постановлением:

а) центр деятельности ГПУ должен быть сосредоточен на постановке осведомления, внутренней информации и извлечении всех контрреволюционных и антисоветских деяний во всех областях;

б) сохранить максимально боевой аппарат ВЧК с таким расчетом, чтобы при обострении гражданской войны он мог бы быть быстро и решительно развернут;

в) за НКЮОстом сохраняется право контроля за законностью действий ГПУ;

г) ввиду перехода карательных функций бывших в распоряжении ВЧК в суды, усилить всемерно судебный аппарат, между прочим, введением в состав судей особо выдвигаемых ВЧК лиц.

5. Об эсерах и анархистах.

(т. Уншлихт).

Предложить русским представителям в Исполкоме Коминтерна ввести в комиссию по сбору материалов об эсерах и анархистах т. Агранова³³.

– Л. 3–4. Заверенная машинописная копия позднейшего времени.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 10а. Незаверенная машинописная копия, сделанная 14 августа 1970 г. Текст выписки содержит воспроизведение пунктов 4 («Вопросы т. Уншлихта», подпункт а) и 5 («Об эсерах и анархистах»).

№ 16-8

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«О меньшевиках и эсерах».

Из протокола заседания Политбюро № 91-а, п. 11

от 20–25 января 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Опросом членов ПБ от 23.1.22 г.

11. – Вопросы т. Уншлихта.

а) о меньшевиках и с.р.

а) Предписать т. Уншлихту принять все меры к тому, чтобы известная ему рукопись вышла в печати за границей не позже чем через 2 недели.

СЕКРЕТАРЬ ЦК [В. МОЛОТОВ]

– Л. 5. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1349. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной экземпляр), подпись – автограф В.М. Молотова. В протоколе указано: «Опрошены по телефону члены Политбюро тт. ЛЕНИН, ТРОЦКИЙ, КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, СТАЛИН, МОЛОТОВ». Л. 2. Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 239. Л. 23. Черновой протокол заседания Политбюро. В деле – машинописный подлинник выписки из протокола заседания на бланке ЦК РКП(б), датированный 23 января 1922 г., подпись – автограф В.М. Молотова.

№ 16-9

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«Об эсерах и анархистах».

Из протокола заседания Политбюро № 91-а, п. 12

от 20–25 января 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Опросом членов ПБ от 23.1.22 г.

12. – Об эсэрах и анархистах.
(т. Уншлихт).

Предложить русским представителям в Исполкоме Коминтерна ввести в комиссию по сбору материалов об эсэрах и анархистах т. Агранова.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 6. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1349. Л. 4. Машинописный подлинник (подписной экземпляр). Подпись – автограф В.М. Молотова.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 239. Л. 25. Черновой протокол заседания Политбюро. В деле – машинописный подлинник выписки из протокола заседания Политбюро от 23 января 1922 г., подпись – автограф В.М. Молотова. Штамп секретного архива ЦК ВКП(б).

№ 16-10

**Справка Бюро Секретариата ЦК РКП(б)
о Л.В. Коноплевой и о содержании ее письма
и материалов, характеризующих деятельность
партии эсеров в 1917–1918 гг.**

[11 февраля 1922 г.]

Т. Коноплева (б. с.-р.-ка, боевичка, теперь коммунистка) разоблачает деятельность верхов П.С.-Р. в 1917–18 гг. С санкции Ц.К. (в частности Гоца) готовились покушения на Ленина, Троцкого, Зиновьева, Володарского, Урицкого, а также совершались экссы (даже на частных лиц). Володарский был убит рабочим Сергеевым, в Ленина стреляла Каплун^а. Несмотря на данную Гоцем и Донским на это санкцию, на другой день последовало официальное заявление, что ни одна парторганизация в покушении не участвовала. Связь с франц[узской] миссией поддерживал Гоц. Французы давали и деньги.

Т[ихомирнов(?)]

– Л. 21. Рукописный подлинник, автограф Г.А. Тихомирнова(?). Датирована по времени рассылки документа.

№ 16-11*

Протокол заседания Президиума ГПУ о предъявлении обвинения членам ЦК и активным членам партии эсеров в анти-советской деятельности

от 24 февраля 1922 г.

Присутствуют: УНШЛИХТ, МЕНЖИНСКИЙ, САМСОНОВ.

Председатель: УНШЛИХТ Секретарь: САМСОНОВ.

СЛУШАЛИ:

1) О предъявлении обвинения членам ЦК.П.С.-Р. состава 1917, 1918 и последующих годов и активным членам П.С.-Р. в организации Воо-

ПОСТАНОВИЛИ:

1) Предъявить обвинение всем членам Ц.К.П.С.-Р. состава 1917, 1918 и последующих годов:

1) ГОЦ, 2) РАКИТНИКОВУ, 3) РУ-
САНОВУ, 4) АРХАНГЕЛЬСКОМУ,

^а Так в документе, следует Каплан.

ружен-ного свержения Сов-
влас-ти, терроре и экспро-
приациях.
(Доклад т. САМСОНО-
ВА)

5) ЧЕРНОВУ, 6) ВЕДЕНЯПИНУ,
7) ФИРСОВУ (Розенблюму), 8) ЛУН-
КЕВИЧУ, 9) ГИНДЕЛЬМАН^а, 10) РИХ-ТЕР, 11)
ГЕРШТФЕЙН, 12) ЗЕНЗИНОВУ, 13)
ЗАТОНСКОМУ (Батрак),
14) АКСЕНТЬЕВУ^б, 15) МИНОР,
16) РУБАНОВИЧ, 17) БУНАКОВУ, 18)
РАКОВУ, 19) ПРИЛЕЖАЕВУ, 20) БЕРГ,
21) ХОВРИНУ, 22) БЫ-ХОВСКОМУ, 23)
ГУРЕВИЧ, 24) ЛИ-ХАЧ, 25) СУМГИНУ,
26) ФЕ-ДОРОВИЧ, 27) БУРЕВОМУ, 28) ТИ-
МОФЕЕВУ, 29) ДОНСКОМУ, 30) ЧАЙ-КИНУ,
31) РАТНЕР Е., 32) ИВА-НОВУ Н.М.,
33) СУХОМЛИН, 34) МО-РОЗОВУ, 35)
ИВАНОВУ Б.С., 36) ЦЕЙТЛИН, 37)
ШЕСТАКОВУ,
38) АРТЕМЬЕВУ, 39) ГОРЬКОВУ-
ДОБРОЛЮБОВУ, 40) ГЕЛЬФГОТ 41)
ГОИЧАРОВУ, 42) ИВАНИЦ-КОМУ-
ВАСИЛЕНКО, 43) ИЛЬЯ-ШЕВИЧ^в

И активным членам П.С.-Р.

1) СТАЛИНСКОМУ, 2) СЛОНИН^г, 3)
ШРЕЙДЕР, 4) ЛЕБЕДЕВУ, 5) МА-ХИНУ,
6) КЕРЕНСКОМУ, 7) БРУШ-ВИТ, 8)
КУДРИНУ, 9) ГАВ-РОНСКОМУ, 10)
ГУКОВСКОМУ, 11) ВИШНЯК, 12)
РУДНЕВУ, 13) ПО-ВАРСКОМУ, 14)
РОГОВСКОМУ,
15) ФЕЙТУ, 16) ПАВЛОВУ, 17) КРА-
КОВЕЦКОМУ, 18) БРАУНУ, 19) БРУ-
ДЕРЕР, 20) ЕГОРОВУ, 21) НИ-
КИФОРОВУ, 22) ШРЕЙДЕРУ,
23) УТГОФ, 24) ЛЕППЕРУ, 25) СО-
КОЛОВУ, 26) БЛИНИН, 27) УСЕН-КО,
28) КОВАЛЕВ, 29) МАВ-РИЦКОМУ, 30)
ДАШЕВСКОМУ, 31) СОКОЛОВУ, 32)
МЕРХАЛЕВУ Дмитрию, 33) МИОН,
34) ЗАЙЦЕВУ, 35) ПАЕВСКОМУ, 36)
БРУСИНИНУ, 37) СЕМЕНОВУ, 38)
АНИПКО,
39) МАСЛОВУ Сергею, 40) ТУМАР-КИНУ,
41) ПОРОДЕЛОВУ, 42) КАП-ЛОНУ Б., 43)
ТЕСЛЕНКО, 44) КАР-ПОВУ, 45)
БЛЮМЕНТАЛЬ, 46) ДАН-ЧЕНКО, 47)
БОРИСЕНКО, 48) СОТ-НИКОВУ,
49) КОНОНОВУ, 50) КА-ШИНУ, 51)
РАБИНОВИЧУ, 52) КОНОПЛЕВОЙ,
53) ЕФИМОВУ, 54) ФИЛОНЕНКО, 55)
ИЗОТОВУ, 56) КАДЖИНОВУ, 57)
ГИНЗБУРГ, 58) ПОСТНИКОВУ,

^а Так в документе, следует Гендельман.

^б Так в документе, следует Авксентьеву.

^в Так в документе, следует Ельяшевич.

^г Так в документе, следует Слоним.

^д Так в документе, следует Белецкому.

^е Так в документе, здесь и далее следует Белимо-Пастернакову.

59) ПАРСКОМУ, 60) ТОМЛШЕВИЧУ,
 61) СЕРГЕЕВУ, 62) ФЕДОРОВУ, 63)
 ГЛАДКОВУ,
 64) ВАКУЛИНУ, 65) ГРЕБЕНЩИКОВУ,
 66) МОРАЧЕВСКОМУ, 67) УСОВУ, 68)
 КОНОПЛЕВУ С., 69) ИВА-НОВОЙ Е., 70)
 ГВОЗДЬ, 71) КО-ХОВСКОМУ,
 72) ЗЕЛЕНКОВУ, 73) ВОЛЬСКОМУ, 74)
 ЗЕЙМАН,
 75) ПОПОВУ, 76) ГЕРМАНУ, 77) БЕ-
 ЛИЦКОМУ^д, 78) ЗЕЙМЕ, 79) КО-РОЛЕВУ,
 80) ВИКУЛИНУ, 81) ГО-ЛОДКОВУ,
 82) КИСЕЛЕВОЙ, 83) ПЕ-ПЕЛЯЕВУ,
 84) ГРУЗДЦЕВСКОМУ, 85) НОВИКОВУ,
 86) ЗУБКОВУ,
 87) РУДАКОВУ, 88) МИНОР-Ильи, 89)
 АГАПОВУ, 90) МАРТЪЯНОВУ, 91)
 СТАВСКОЙ, 92) МИХАЙЛОВУ,
 93) АЛЬТОВСКОМУ, 94) АБЕЗГАУЗ, 95)
 БАУЭР, 96) БЕЛИМО-ПОС-ТЕРНАКОВУ^е
 Паригорию, 97) БЕЛИ-МО-
 ПОСТЕРНАКОВУ Гавриилу,
 98) БЕЙЛИНУ, 99) ГЕРШОРН,
 100) ДИКАНСКОМУ, 101) ЕЛЕН-
 ГАДОБУДСКОМУ, 102) ИВАНОВУ Нико-
 лаю Нест[еровичу], 103) ЛЬВО-ВУ, 104)
 ЛИБЕРОВУ, 105) СПЕ-РАНСКОМУ, 106)
 УЛАНОВОЙ,
 107) ФИЛИППОВСКОМУ, 108) ФЕ-
 ДОДЕЕВУ, 109) ШТЕРИНУ, 110) ШУ-
 КИНУ, 111) ШМЕРЛИНГ-ВОЛИНУ, 112)
 АНТОНОВУ-АШАНИНУ, 113) КО-
 ЧАРОВСКОМУ, 114) НИКОЛАЕВУ-
 КУДРЯВЦЕВУ, 115) СИДОРОВУ,
 116) СТУДЕНЕЦКОМУ, 117) СЕ-МЕНОВУ
 И.М., 118) ФЕДОРОВУ-КОЗЛОВУ,
 119) НЕЙЛЕР, 120) ВЫ-СОЦКОМУ, 121)
 РОЗАНОВУ, 122) С[МИРНОВУ-ГНЕДОВУ,
 123) БЛОХ, 124) БУХТЕР, 125) РЮМИНУ,
 126) ГАВЕЛЬ, 127) ПОДЬЕЛЬСКОМУ,
 128) СУСЛОВО[И]-МИХАЙЛОВОЙ, 129)
 СУСЛОВУ-ГРУЗДЕВУ, 130) СО-
 КОЛОВУ-КУР[ИЦЫНУ], 131) ГЕР-
 ШЕВИЧ-СВИРСКОЙ, 132) КОВАЛЕ-ВУ-
 СОРОКИНУ, 133) ШИШКИНУ,
 134) ДАВЫДОВУ, 135) Ф. КУЛАКО-ВУ,
 136) БОБРОВУ-ВАСИЛЬЕВУ, 137)
 МАСАЛОВУ, 138) ЧИСТОСЕРДО-
 ВУ А., 139) САМГИНУ, 140) ДЗЕН.

а) организации вооруженного свержения
 Соввласти, б) террористических актов про-
 тив виднейших руководителей Советского
 Правительства, в экспроприации.

2) В связи с предъявлением обвинения,
 вышеуказанных арестованных членов п.с.-
 р. перевести на время следствия в следст-

венную тюрьму.

3) Дело слушаньем передать по окончании следствия в Верховный трибунал Республики.

4) Настоящее постановление Президиума ГПУ объявить под расписку старостату П.С.-Р., содержащемуся в Бутырской тюрьме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

СЕКРЕТАРЬ:

– Л. 38–38 об. Заверенная машинописная копия того времени. На л. 38 в правом верхнем углу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 107, п. 22 от 4 марта 1922 г. Там же в центре листа штамп секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– Л. 56–58. Машинописная копия того времени, заверенная М. Бураковой. На л. 56 вверху рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г. На л. 58 внизу резолюция Л.Б. Каменева: «т. Молотову. Боюсь, что сделана ошибка перечислением всех с.-р. Для дальнейшего ведения дела надо образовать спец[иальную] негласную коллегия – Уншлихт, Крыленко, Луначарский, Покровский³ и Стеклов. Тайная, для собирания материалов и руководства. Л. К[амнев]».

№ 16-12*

Проект сообщения президиума ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) о деятельности партии эсеров

25 февраля 1922 г.

ОТ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.

Сообщение о контр-революционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров.

Выброшенные революцией за борт видные деятели партии, гордо именующей себя партией социалистов революционеров, ныне нашедшие теплый приют под сенью империалистических «друзей» России, до сих пор продолжают политику интриг и гнусной клеветы по адресу Советской России и Коммунистической Партии. Изображая себя святыми мучениками революции, эти обанкротившиеся политиканы на весь мир вопят о терроризме Советской Власти и об удушении Партии с.-р. Спекулируя на полной неосведомленности широких масс трудящихся, как Советской Республики, так и внешнего мира, о действительных путях и методах авантюристической политики партии с.-р., облеченных в глубочайшую тайну и мрак, Центральный Комитет этой партии неоднократно торжественно и даже с известным возмущением заявлял об абсолютной непричастности партии с.-р. к террористическим актам против вождей Пролетарской Революции и к кулацким восстаниям, имевшим место в минувший период тяжелой борьбы. Лицемерными опровержениями воз-

³ В документе фамилия Покровского Каменевым затем была вычеркнута.

водившихся на нее обвинений партия с.-р. стремилась придать вынужденным репрессивным мерам рабоче-крестьянской власти по защите пролетарской революции – характер египетских казней, направленных против «истинных друзей» человечества и прогресса, против «чистых и незапятнанных» революционеров. После покушения на тов. Ленина, после убийства т.т. Урицкого и Володарского^а осенью 1918 года Ц.К. партии с.-р. официально заявил, что партия с этими покушениями ничего общего не имеет и, в унисон с воем всего контр-революционного лагеря, поднял яростный поход в зарубежной прессе против измышленных им ужасов красного террора, стараясь восстановить против русских рабочих и крестьян западно-европейский пролетариат.

Но поступившие в последнее время в распоряжение Государственного Политического Управления обширные и ценные материалы о террористической и боевой работе партии с.-р. приподымают завесу и проливают неожиданно яркий свет на чрезвычайно темную страницу истории этой партии. Эти материалы раскроют наконец пред пролетариатом российским и международным истинное лицо партии с.-р., ее методы борьбы и ее преступления пред пролетарской революцией.

В Берлине на днях опубликована брошюра «Военная и боевая работа партии с.-р. в 1917–1918 г.г.», написанная Г. Семеновым (Васильевым)³⁴, состоявшим в указанное время начальником Центрального Боевого Отряда партии с.-р., руководившим группой, организовавшей убийство т. Володарского, покушения на т.т. Ленина и Троцкого и ряд экспроприаций^б. Печатаемый ниже документ – показание одного из бывших^в крупных деятелей партии с.-р.[-] устанавливает с непреложностью те же фактические данные, которые приведены в брошюре Семенова. Эти, а также ряд других аналогичных материалов являются лучшим обвинительным актом против партии с.-р. и ее Центрального Комитета. Опубликованные данные ясно для всех устанавливают, кто был действительным инициатором и вдохновителем гражданской войны. Эти же данные вскрывают и полную глубочайшую лицемерия и бе[з]застенчивой лжи политику этой партии, превратившуюся в двойное предательство. Она организовывала убийства и покушения на Советских вождей с целью внесения паники в ряды Коммунистической Партии и потрясения всего Советского организма, но сейчас же в лице своего Ц.К. трусливо отказывалась от собственных кровавых деяний. Но это отрицание означало вероломство по отношению к боевикам п.с.-р., которых Ц.К. предавал, посылая на кровавое дело и заверяя в том, что Ц.К. открыто пред всем миром признает совершенные акты делом партии с.-р. Опубликованные материалы устанавливают картину деятельности п.с.-р. в один из самых тяжелых периодов существования советской власти – в обстановке выхода Советской Республики из империалистической войны, пред лицом железного гнета немецкой оккупации значительной части советской территории, в период чехословацкого бунта и восстания реакционного казачества. Со времени Октябрьского переворота п.с.-р. не оставляла мысли о вооруженном свержении пролетарской диктатуры и строила последовательно один за другим планы восстания в Петрограде, затем в Москве. Вначале она рассчитывала на прямое содействие оставшихся от старой армии гвардейских полков (Преображенский, Семеновский, Волынский) и на старое непримиримое офицерство. П.с.-р. старалась использовать малейшие признаки недо-

^а Так в документе, следует Володарского.

^б Далее в документе вычеркнута фраза ныне разочаровавшимся в идеологии этой партии и ее контр-революционных тактических приемах.

^в Вписано в документ от руки.

вольства в подлежащих расформированию частях старой^Г армии, надеясь найти в них опору и исходный пункт для устройства переворота. В этих целях с.-р. вели интенсивную агитацию в частях Петроградского гарнизона и Балтийском флоте против расформирования этих частей, как боевых единиц. Несколько позже, с началом организации Красной Армии п.с.-р. сосредоточивает особое внимание на работе в красноармейских частях, на вливании в формирующиеся части возможно большего количества своих людей, подборе своего командного состава и создании там своих ячеек. Всей военной работой п.с.-р. в этот период (конец 1917 – весна и лето 1918 г.) руководила военная комиссия при Ц.К. п.с.-р. и созданный этой комиссией боевой штаб. Работа военной комиссии велась под наблюдением члена Ц.К. Герштейна.

Когда надежды на стихийное массовое движение потерпели крушение, п.с.-р. вступает на путь явных авантюр. Она вступает в соглашение с рядом действовавших в это время в Петрограде подпольных организаций заведомо черно-сотенного толка. Так, п.с.-р. вступает в соглашение на предмет координирования действий и совместного выступления с правой военной организацией, существовавшей на средства крупной буржуазии и высшего духовенства, возглавлявшейся бывшим с.-р. Филоненко³⁵ и ставившей себе целью создание после переворота буржуазного правительства. Ц.К.^Д решил вопрос о военном сотрудничестве и о приемлемости получения денег от этой организации в положительном смысле. Считая факт выступления правой организации неизбежным» – говорит Семенов, – [«]Ц.К. полагал, координируя практическую работу, выступить в будущем вместе с организацией Филоненко, а затем, опираясь на массы, в процессе переворота взять власть в свои руки».

Ц.К. п.с.-р. вступает затем в связь с монархической организацией, придерживавшейся немецкой ориентации. Считая необходимым и спасительным для России союз с Германией, организация выдвигала следующий план действий: войти в переговоры с Германским штабом и, достигнув с ним соответствующего соглашения, двинуть на Петроград несколько корпусов с целью захвата при посредстве немецких штыков Петрограда и водворения буржуазного правительства. В дальнейшем организация предполагала военный союз с Германией и Японией против Союзников. Эта организация предложила военной организации п.с.-р. союз и финансовую помощь при условии поддержки проектируемого ею на будущее время^Е буржуазного правительства. Ц.К. п.с.-р., отнесшись отрицательно к союзу с этой организацией, все же решает «в целях информации» поддерживать связь с этой организацией, беря от нее финансовую помощь. Семенов сообщает следующее^Ж «связь с организацией поддерживал Леппер (один из руководителей военной организации п.с.-р.), играя в ней по существу роль провокатора. Деньги мы брали – получили тысяч 40–50. Иванов (прис[язный] поверен[ный], член правой организации) два раза ездил в ставку начальника Штаба Северного Германского фронта и через начальника этого штаба вел переговоры (от имени «Русского общества») с начальником Германского Генерального Штаба Людендорфом. Он предлагал Лепперу послать туда же от нас авторитетного представителя для окончательных переговоров. Леппер довел до сведения Ц.К. об этом предложении. Ц.К. считал нужным, преследуя все ту же информацион-

^Г Вписано от руки вместо вычеркнутого царской.

^Д Начало фразы По словам Семенова (в упомянутой брошюре) из машинописи вычеркнуто.

^Е Вписано от руки.

^Ж Вписано от руки вместо зачеркнутого По словам Семенова.

ную цель, послать нашего представителя. (В Ц.К. по этому поводу были большие трения, некоторые члены, примерно, Раков – были резко против). Для поездки в ставку Ц.К. наметил кандидатуру Постникова (полковника). Я и Леппер по поручению Ц.К. вели переговоры с Постниковым, но Постников отказался (он был принципиально против всего этого). Другого подходящего представителя для поездки в ставку мы не нашли и поездка не состоялась». Из дальнейшего изложения брошюры видно, что немецкий штаб не пошел на соглашение с правой организацией. Без услуг же немецких штыков организация не имела никакой реальной силы[,] и соглашение между нею и с.-рами повисло в воздухе.

Ц.К.³ предложил военной организации п.с.-р. координировать свою работу с работой военного отдела «Союза Возрождения России»³⁶, представлявшего из себя к тому времени (начало 1918 г.) блок партии народных-социалистов с партией к.-д. Ц.К. предложило руководителям своей военной организации брать деньги от «Союза», хотя ему хорошо было известно, что видные члены «Союза Возрождения России» поддерживают связь с союзническими миссиями и что «Союз» субсидируется союзниками, связь с военным отделом «Союза Возр[ождения] России» поддерживал уже упоминавшийся Леппер.

С крушением надежд на немедленное вооруженное выступление, п.с.-р., очертя голову, бросается на путь единоличных боевых актов, на путь белого террора. Колебавшийся одно время в вопросе о допустимости террора по отношению к вождям коммунистической партии, Центральный Комитет п.с.-р. вдруг вооружается решимостью. Цель контрреволюционного переворота и гибели Советского режима для него был высшим законом^и, и он воспринял тактику предательских убийств из-за угла. Организацию террористической группы Ц.К. вначале поручил члену Учредительного Собрания Рабиновичу. Для руководства устройством покушения на тов. Ленина (в Москве) Ц.К. назначил члена Ц.К. п.с.-р. Рихтера. Но эти первые шаги не получили надлежащего развития. Лишь в конце лета Ц.К. серьезно берется^к за это достойное орудие борьбы. Сообщая о санкционировании Центральным Комитетом тактики террора, Семенов говорит^л, что переговоры он – Семенов вел сперва с членом Ц.К. Донским, затем с Гоцем, причем Ц.К. указал ему, «что наиболее видными фигурами в Петрограде, которые следует устранить прежде всего, он считает Зиновьева и Володарского». По словам Семенова, «Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для политических ударов путем террора; считал, что убийство Ленина можно осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва советской власти, чем убийство Троцкого. Он предлагал убить первым того, кого будет легче убить технически». Для проведения террора был создан Центральный Боевой Отряд. Была установлена слежка за Володарским, Урицким и Зиновьевым в Петрограде и за Лениным и Троцким в Москве.

После убийства членом Центрального Боевого Отряда п.с.-р. Сергеевым тов. Володарского Ц.К. п.с.-р. опубликовал заявление, что партия с.-р. абсолютно непричастна к совершенному акту. Эта ложь вызвала большое раздражение в среде боевиков, рассчитывавших на помпезное воззвание Ц.К. о совершенном партией акте расправы с одним из вождей Коммунистической партии. Семенов в своих разоблачениях сообщает,

³ Начало фразы Далее Семенов сообщает, что из машинописи вычеркнуто.

^и Так в документе.

^к Вписано от руки.

^л Вписано от руки взамен вычеркнутого сообщает.

что при переговорах с Гоцем об организации убийства т.т. Ленина и Троцкого он указал Гоцу, что, если Ц.К. намерен отказаться от актов после их свершения, как это было при убийстве Володарского, то боевики вряд ли согласятся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, «что, в виду большой политической важности готовящихся актов, Ц.К. во всяком случае не заявит о непричастности партии к ним... и признает акт открыто – или немедленно, или спустя некоторое время». Это заявление, сделанное им от имени Ц.К., Гоц подтвердил, по требованию Семенова, честным словом. Исполнительницей покушений на тов. Ленина была назначена Каплан, у которой по этому поводу состоялось свидание с Донским, в свою очередь заверившим ее, что Ц.К. признает акт делом партии.

Опубликование вслед за совершенным Каплан покушением на тов. Ленина заявлением Центрального Комитета партии с.-р. о непричастности партии к этому кровавому делу произвело ошеломляющее впечатление на боевиков-террористов. Трусливое двурушничество Ц.К. внесло в их ряды сильнейшее разложение.

Подготавливавшееся покушение на поезд председателя Реввоенсовета Республики, в котором находились т. Троцкий и некоторые члены Реввоенсовета, покушение, имевшее целью гибель вождей Красной Армии, – не удалось по чисто случайной причине вследствие отъезда этого поезда из Москвы с другого вокзала.

В этот же период Центральный Комитет п.с.-р. принимает решение о допустимости производства экспроприации у советского правительства в целях пополнения своей партийной кассы и приобретения средств на военную и террористическую работу. Но при этом Ц.К.^м считал недопустимым делать экспроприации от имени партии. Экспроприации должны были производиться дружинниками таким образом, чтобы имя партии ни в коем случае не было открыто связано с ними и не фигурировало в случае провала. Военная организация партии с.-р. совершает ряд экспроприаций: ее дружинниками совершено вооруженное ограбление артельщика Комиссариата Продовольствия на сумму в миллион рублей. В Москве организация совершает налет на кассу губпродкома^н. Член Ц.К. Донской был в курсе этого дела и ассигновал деньги на покупку через одного уголовного типа аппарата по взлому кассу губпродкома. Организацией при участии Семенова, Зубкова, Королева и др. видных боевиков произведено было днем ограбление почтового отделения на углу Камергерского переулка и Тверской ул. Но партия с.-р. не ограничилась экспроприацией денег, принадлежащих советским учреждениям. Она не брезгует и ограблениями частных лиц^о. (Для борьбы с революцией хороши и наиболее грязные средства.) Так, военной организацией произведена экспроприация у богатого торговца в Лесном (в Петрограде) и ограблен один купец верстах в 20 от Москвы по Саратовской ж.д.

Но одно из самых замечательных деяний Ц.К. п.с.-р., достойное быть особо отмеченным в истории гражданской войны – это сношение этого Ц.К. с Французской Военной Миссией. Семенов говорит об этом в своей брошюре следующее: «Военная организация брала деньги на работу, с ведома Ц.К., от Французской Миссии (через Датскую миссию). Мне было известно от И. Минора, что он бывал по поручению Донского в Датской

^м Вычеркнуто по словам Семенова.

^н Далее в машинописи вычеркнута фраза По словам Семенова.

^о Далее в машинописи вычеркнута фраза Этот купец[,] по словам Семенова[,] лично принявшего участие в этом деле, умер во время налета от разрыва сердца.

Миссии для получения денег от Французской миссии. У Донского и Тимофеева бывали деловые свидания с представителями Французской Военной Миссии (свидания происходили в квартире, где жила Каплан). У Военной организации была специальная подрывная группа, целью которой был подрыв поездов, которыми производился подвоз из Москвы на фронт снарядов, аммуниции, воинских частей. По словам Донского и двух активных работников группы, группа произвела крушение нескольких поездов и взорвала несколько маленьких мостиков по ж.-д. линии; при чем, как я узнал после, однажды было произведено по ошибке крушение санитарного поезда. В подрывной группе было 5–6 человек³⁸. Был химик, который приготавливал нужные снаряды. Часть подрывных материалов – пироксилин, гремучую ртуть, адские машины с часовым механизмом, как мне говорил химик, военная организация получала от Французской Военной Миссии через одного француза, работавшего в Разведывательном отделе Миссии».

Вот в кратких чертах картина той чудовищной разрушительной работы, которую проделывали во мраке контр-революционного подполья эти начальники «трудовластия» и «чистой демократии». На средства французской биржи они дезорганизовывали тыл Красной Армии, мужественной и героически отстаивавшей на фронтах гражданской войны право на существование Советской Республики. Грабежами[,] кровавыми вспышками, попускательствами они мечтали зажечь пламя массового восстания против Пролетарской диктатуры. Эти мечтания не оставляли партию с.-р. во все годы революции. Разгул кулацкой «вольницы» в Тамбовском районе³⁹, Мартовское восстание (1921 г.) на Сибирской магистрали⁴⁰ – вот плоды деятельности этой партии, всюду на своем пути сеявшей анархию и хаос. Упорно и настойчиво партия с.-р. до сих пор придерживается тактики вооруженной борьбы.

Эта партия белого террора и бандитских налетов должна быть пригвождена к позорному столбу. Эта плеяда застрельщиков гражданской войны против власти трудящихся предстанет пред Трибуналом пролетарской революции.

Государственное Политическое Управление призывает СЕМЕНОВА (ВАСИЛЬЕВА) и всех с.-р.[,] причастных к деятельности этой партии, но понявших ее преступные методы борьбы, явиться на суд над партией С.-Р.

ПРЕЗИДИУМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

Москва 25 февраля 1922 г.

– Л. 9–16. Машинописный подлинник. Число даты вписано от руки. На л. 9 и 16 штампы о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 103, п. 13 от 25 февраля 1922 г. Внизу л. 16 штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 16-13

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о проекте публикации
по делу партии социалистов-революционеров.**

Из протокола заседания Политбюро № 103, п. 13

от 25 февраля 1922 г.

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

13. Проект публикации по делу с.-р. (Уншлихт).

13. а) Представленный «ГПУ» проект сообщения о деятельности партии с.р. не публиковать.
б) Поручить т. Каменеву совместно с т. Уншлихтом решить этот вопрос.

Секретарь Цека Молотов^а

– Л. 7. Заверенная М.Н. Бураковой машинописная копия выписки того времени на бланке ЦК РКП(б). Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «т.т. Уншлихту, Каменеву». Сверху бланка штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 103, п. 13 от 25 февраля 1922 г. Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1365. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной), подпись – автограф В.М. Молотова. Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро: тт. Каменев, Сталин, Молотов, Зиновьев, Калинин. Члены ЦК: тт. Радек, Петровский, Рудзутак, Томский. Зампред СТО т. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 255. Л. 12. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на 1/2 листа. Слева внизу запись о рассылке: «Уншлихту, Каменеву».

№ 16-14

Статья лидера ПСР В.М. Чернова «Иудин поцелуй» в газете «Голос России» (Берлин)⁴¹ о личности бывшего члена ПСР Г.И. Семенова и его брошюре

25 февраля 1922 г.

ИУДИН ПОЦЕЛУЙ⁴²

В «Новом Мире» напечатано:

«В настоящий момент, когда правосоциалистическими партиями Европы под влиянием русских меньшевиков и с-ров ведется демагогическая агитация против Советской власти, предающей, якобы, всяческим пыткам и истязаниям борцов за социализм, томящей в тюрьмах единственно за то, что они носители идеи социализма, являются противниками насилия и диктатуры меньшинства, имеют в настоящий момент очень своевременное появление брошюры видного члена партии с.-р. Г. Семенова (Васильева). Брошюра издана в Берлине...».

Рептилии «Новаго Мира»⁴³ напрасно получают деньги от своих патронов. Даром советский хлеб кушают. Ну, конечно, в «Берлине» издаются брошюры разных ренегатов социализма всегда в высшей степени «своевременно»: кто же в этом сомневается. На то в Берлине есть и «Новый Мир» и другия надлежащая инстанции. Ясно: перед Генуей, когда надо показаться в люди, причесанными и умытыми, когда даже в России спешно переименовывают «Чрезвычайки» в «Политуправления», при наркомвнуделе – разумеется, нужно и в Берлине когонибудь выпустить для обеления заплочных мастеров «гаражей разстрела», «корабля смерти» – знаменитого «подвала». Но зачем же так наглядно? К чему выбалтывать секрет – почему и для чего появилась брошюра г. Васильева? Почему даже у простаков отнимать возможность думать, будто это просто случайное счастливое совпадение?

^а Фамилия Молотова вписана от руки М.Н. Бураковой.

Но кто же это такой – «видный член» п.с.-р. г. Семенов[-]Васильев? Как известно, ныне попасть в «видные члены партии с.р.» нет ничего проще: пусть любой Иван Иванович Иванов из «бывших людей» этой партии сделает какую[-]нибудь гадость в пользу большевиков, и вся на содержании у них состоящая пресса немедленно возведет его немного не в лидеры. А г. Семенов-Васильев все же несколько больше, чем Иван Иванович Иванов: его имя однажды уже красовалось на страницах эсеровской прессы. Не очень давно на страницах Московск[ого] журнала «Народ»⁴⁴ – органа полу-отщепенской группы, принявшей название «меньшинства Партии Социалистов-Революционеров», я прочитал, что специальным постановлением центрального бюро этой группы г. Семенов-Васильев из состава ее за непозволительные деяния исключен. Группа эта, между тем, отказалась от партии, чтобы повести по отношению к большевикам такую примирительную политику, на которую не давала им права партийная дисциплина. И уж если такая группа поспешила извергнуть из себя г. Семенова-Васильева, то...^a надо было ухитриться дать для этого достаточные основания.

И такие основания были. Дело в том, что г. Семенов-Васильев с какими-то поручениями группы был в Польше, едва не поплатился за это, был избавлен от всяких «нежелательных последствий» никем иным, как Б. Савинковым, ездил по его поручениям в Советскую Россию⁴⁵, и, – в конце концов – неизвестно: кому же служил сей благородный рыцарь? Савинкову ли или большевикам, или группе «Народ»? И на какие средства изволил он в разные стороны свершать свои интересные путешествия: на Кремлевския ли или на польския, из которых составлялся Савинковский бюджет в Польше, или на те, другия, и даже еще, быть может, каких-нибудь третьи? А равно и то: на остатки каких из этих средств – или на какие новые средства – издана им его «современная» для обеления Че-ка брошюра?

Г. Семенов-Васильев описывает в этой брошюре разные «преступления» – с точки зрения большевистской законности – которые он совершал против «Советской власти» совместно с разными крупными деятелями партии с.-р., или о которых он слышал из уст этих последних. Причем главным образом поминаются имена члена Ц.К. Дм. Дм. Донского, ныне в большевистском застенке слепнуцаго в результате схваченнаго там тифа, и Абр. Раф. Гоца, также глядящаго на Божий свет сквозь решетки Бутырской тюрьмы.

На языке старых жандармов это называлось «получить откровенку». Но доселе полагалось, что «откровенки» даются в четырех стенах полицейских учреждений. Вылезать с ними на свет Божий, преподносить их, как литературу – обычно стыдились. Г. Семенов-Васильев – из нестыдящихся.

Донской и Гоц – в тюрьме. «Своевременная» брошюра г. Семенова-Васильева пытается изобличить одного из них – во взрывах ж.-д. мостов и поездов во время похода большевиков против территории Учредительнаго Собрания, а другого – в разрешении производить террористические акты против большевистских лидеров.

В лучшем для г. Семенова-Васильева случае это – предательский донос. Это в лучшем случае; если бы все, что он говорил, было правдой.

Гоц и Донской – в тюрьме. Они лишены возможности защищаться. Лично я, не имевший в те времена никаких практических дел с г. Семено-

^a Многоточие в документе.

вым-Васильевым, свидетелем в его делах быть не могу. Но вот два свидетельских показания, которым я располагаю.

Г. Семенов-Васильев утверждает, что он был организатором убийства Володарского, и что на это он, будто бы, имел санкцию Ц.К. партии с.-р.

Член партии с.-р. С.П. Постников лично передавал мне по этому поводу буквально следующее:

«Убийство Володарского произошло в самый разгар выборов в Петроградский Совет. Шли они для нас превосходно. Не взирая на все усилия большевиков[,] мы шли впереди всех – у нас было уже больше сотни делегатов. Большевики проходили только от “гнилых местечек” – неработавших фабрик, где были только одни коммунистические завкомы. Эти большевистские “мертвые души” мало помогали делу. Наша газета “Дело Народа”⁴⁶ пользовалась огромным успехом в массах. И вдруг – неожиданная весть: выстрелом убит Володарский... Конечно, большевики этим тотчас же воспользовались, чтобы закрыть газету и жесточайшими репрессиями аннулировать все наши избирательные успехи. Я побежал тотчас же к А.Р. Гоцу и спросил у него: в чем дело? Он ответил: рабочий, с.-р. по убеждениям, имевший одно серьезное партийное поручение, был свидетелем того, как у Володарского испортился автомобиль – и не стерпел: выстрелил в него, считая его виновником многих жестокостей, творившихся в Петрограде при режиме Зиновьева... – «Знаете, если бы было другое положение – прибавил Гоц – то по нашим традициям как мы должны бы поступить? Как наказывают такое самовольство человека, стоящего на вверенном ему революционном посту?»»

В присутствии С.П. Постникова, по его предложению, было составлено заявление о непричастности партии с.-р. к этому акту.

Г. Семенов-Васильев утверждает, далее, будто Дора Каплан стреляла в Ленина с ведома Ц.К. в лице Гоца, обещавшего, что «не отречется от этого акта, как отрекся от Володарского».

По этому поводу В.М. Зензинов передавал мне следующее:

«Весною 1918 г. к ныне покойному (застреленному колчаковцами) Нилу Фомину обратилась Д. Каплан с предложением своих услуг для свершения покушения против Ленина. Я передал об этом в Ц.К., который на своем заседании в Москве отверг это предложение, и я этот отрицательный ответ передал ей через т. Н. Фомина. Гоц в этих переговорах вовсе не участвовал, ибо был не в Москве, а в Петрограде».

Быть может, этого довольно. Попытка г. Семенова-Васильева помочь палачам чрезвычайно накинуть намыленную веревку на шею двух бутырских узников может быть и «своевременна». На то он и двурушник, исключенный не только из партии, но даже из ее оппозиционной группы, за то, что «двойной присягою играя», одновременно был в «согласии» с большевиками и с Савинковым, т.е. кого-то из них провоцировал. Но, зачем, спрашивается[,] со своими замашками убежденного провокатора и предателя лезть в литературу? Неужели нельзя было ограничиться предоставлением своей «откровенки» просто по начальству?

Виктор Чернов

– Л. 53–53 об. В деле подлинный экземпляр газеты «Голос России» № 901 от 25 февраля 1922 г. Статья Чернова отчеркнута карандашом. Вверху л. 53 рукописный входящий номер ЦК РКП(б) с датой «10.III.22 г.»

№ 16-15**Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой
в ЦК РКП(б) с просьбой о вызове ее на суд****26 февраля 1922 г.**

Прошу Центральный Комитет, в случае предания суду участников боевой террористической борьбы П.С.-Р. в 1917–1918 г.г. вызвать меня на суд.

Лидия КОНОПЛЕВА

26/II-22 г.

– Л. 61. Машинописная заверенная копия того времени. В левом верхнем углу машинописная пометка: «(Подлинник на полотне)». На листе штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г.

№ 16-16**Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой зам. председателя ГПУ И.С. Уишлихту с просьбой о вызове ее на суд по делу партии эсеров****[26 февраля 1922 г.]**

В случае создания процесса по делу о боев[ой] и террор[истической] работе П.С.-Р. в 1917–1918 г.г., категорически прошу вызвать меня.

Лидия КОНОПЛЕВА

– Л. 61. Машинописная заверенная копия того времени. В левом верхнем углу машинописная пометка: «(Подлинник на полотне)». На листе штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г. Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 16-17**Письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой
в ЦК РКП(б) о дополнениях и поправках к брошюре Г.И. Семенова (Васильева)****26 февраля 1922 г.**

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П.

Ознакомившись с докладом Г. Семенова «Военная и боевая работа П.С.-Р. за 1917–1918 г.г.», считаю необходимым заявить, что им допущен ряд фактических ошибок и искажений, которые лишают известной доли ценности доклад, как документ исторический.

1. Возникновение и организация первой террористической группы в феврале–марте 1918 г., о которой он говорит, ссылаясь на меня, переданы им неверно.

Как я уже сообщила в своем докладе Ц.К.Р.К.П., первая тер[рористическая] группа возникла в результате моего предложения убить В.И. Ленина, переданного мною Центр[альному] Ком[итету] П.С.-

Р. через Б.Н. Рабиновича. Мною велось по этому поводу переговоры с А.Р. Гоцем, который в то время был ответственным членом Ц.К. по Петербургу.

Он, отнесясь к предложению положительно, не взял на себя ответственности решить его и запросил мнение и санкцию Бюро Ц.К., находящегося тогда в Москве. Санкция Бюро Ц.К., посланным для этой цели в Москву Б.Н. Рабиновичем была получена.

Переговоры с В. Черновым я по этому делу не вела, как сообщил Семенов. В первый раз Чернова после декабря 1917 г. я встретила в сентябре 1919 г. (стр. 18 и 19).

Это наиболее существенная ошибка, сделанная Семеновым.

2. Морская работа по Петербургу и Кронштату^а с мая 1918 г. была военной комиссией поручена мне.

Семенов только в связи с предстоящим разоружением Минной Дивизии принял в ней участие (стр. 25).

3. Произвести покушение на Урицкого было решено произвести позже, уже после убийства Володарского. В начале июля, уезжая в Москву со всей боевой организацией, Семенов передал мне боевую работу по Петербургу и между прочим подготовку покушения на Урицкого (ст. 31).

4. На совещании представителей Ц.К.[,] Пет[ербургского] Ком-та и Воен[ной] Комиссии по вопросу о выступлении в связи с разоружением Минной дивизии представителями Военной Комиссии были Семенов и я (оба члены ее). Ганжумов присутствовал как комендант Обуховского района, на территории которого стояла Минная Дивизия. За выступление голосовали Семенов и я. Ганжумов был против (стр. 34).

5. В числе пяти боевиков, стоящих на точке зрения продолжения террористической борьбы[,] Иванова не была. Была Маруся (стр. 42).

Кроме того[,] должна добавить, что Семеновым опущен один, с моей точки зрения, достаточно важный момент, а именно, что пули исполнителей при покушении на В.И. Ленина и несостоявшегося[ся] покушения на Л.Б. Троцкого^б были отравлены ядом «кураре», который я получила при создании первой террористической группы, в марте 1918 г. от члена Ц.К. п.с.-р. В. Рихтера, а впоследствии передала его Боевому отряду, организованному Г. Семеновым.

ЛИДИЯ КОНОПЛЕВА

26/II-22

– Л. 60–60 об. Машинописная заверенная копия того времени. На л. 60 штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г.

№ 16-18*

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«О разрешении публикации сообщения ГПУ
о деятельности социалистов-революционеров».
Из протокола заседания Политбюро № 104, п. 7**

от 27 февраля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

^а Так в документе, следует Кронштадту.

^б Так в документе, следует Л.Д. Троцкого.

7. – О публикации сообщения от ГПУ об эсерах.

а) Публикацию разрешить.

б) Рекомендовать редакциям всех коммунистических газет перепечатать в фельетонах вышедшую за границей брошюру Семенова о партии с.р., а также начинающиеся печатанием в «Правде» во вторник показания Х.

в) Признать полезным издание этого материала на иностранных языках.

г) Рекомендовать всем газетам широко использовать брошюру Чайкина⁴⁷ для разоблачения с.р., и меньшевиков[,] дать ясную и точную сводку фактов, имеющих в брошюре Чайкина.

д) Поднять за границей широкую кампанию[,] предложив Чайкину сделать извлечение из его брошюры, пригодное для издания на иностранных языках.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 17. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1366. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф В.М. Молотова. Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро: тт. Каменев, Зиновьев, Сталин, Молотов. Член ЦК тов. Радек. Член ЦКК тов. Кривов. Зампред СТО тов. Цюрупа». Штамп секретного архива ЦК ВКП(б).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 256. Л. 6. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева внизу запись о рассылке: «Уншлихту, Зиновьеву – все. б) и г): Правда – Преображенскому, Известия – Стеклову, Раб[очая] Москва – Волину, Роста – Долецкому, бедноту – Карпинскому». Из перечня рассылки вычеркнута запись: «О.Ю. Шмидту – б), в), д)».

№ 16-19

Заявление лидера ПСР В.М. Черпова о привлечении редакции газеты «Новый Мир» (Берлин)⁴⁸ к судебной ответственности за клевету

1 марта 1922 г.

ЗАЯВЛЕНИЕ

«Новый Мир», озабоченный тем, чтобы отвлечь общее внимание от поднятой нами кампании против ужасов чекистских застенков, начал против нас встречную кампанию. Каждый сражает[ся] свойственным ему оружием, и потому она оказалась кампанией клеветы, достигшей своего апогея в статье, носящей вполне соответствующее своей духовной сущности заглавие: «Политическая помойка».

Как орудием этой клеветы «Новый Мир» пользуется оговорами все того же ренегата-доносителя г. Семенова-Васильева, благородно направленными против лиц, сидящих в большевистских тюрьмах и лишенных возможности отвечать: членов Ц.К. партии С.Р., особенно А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева.

Но большевистский официоз сделал одну оплошность. Он несколько раз назвал имя одного из членов Ц.К., находящегося на свободе: пишущего эти строки.

Он осмелился утверждать, будто я принадлежу к числу людей, которые «в тесной связи с капиталистической интервенцией» были «в полном смысле этого слова наемными убийцами»; будто я за деньги шел «на военное соглашение» против большевиков «с буржуазией и высшим духовенством»; будто я вместе с моими друзьями «негодяи», которые «пытались опереться и на немецкие штыки»⁴⁹; будто, наконец, «Чернов и Ко. брали деньги на свои гнусности: 1) от русской буржуазии; 2) архиереев, 3) от немецкой буржуазии, 4) от французской буржуазии».

В ответ на это я заявляю:

Низвести литературный спор на такую почву, я считаю, конечно, ниже своего достоинства. Но безнаказанными подобных клевет не оставляют. А потому за них «Новый Мир» ответит мне перед судом германской республики.

Что же касается цели всего вашего маневра – отвлечь общественное внимание от вопроса об ужасах чекистских застенков, то она достигнута не будет. Эту кампанию мы продолжим. Мы ее продолжим уже в этом же номере. Ни увернуться от этого вопроса, ни замолчать его – вам не удастся. В этом порукой наше твердое решение во что бы то ни стало довести дело до конца.

Виктор Чернов

– Л. 50 об. В деле (л. 50–52) подлинник номера газеты «Голос России» (Берлин), № 904 от 1 марта 1922 г. с напечатанным в нем заявлением В.М. Чернова.

№ 16-20

Открытое письмо лидера ПСР В.М. Чернова «НЕВОЛЬНИКАМ СВОЕГО РЕМЕСЛА» о деятельности просоветского издания «Новый Мир», опубликованное в газете «Голос России» (Берлин)

1 марта 1922 г.

«НЕВОЛЬНИКАМ СВОЕГО РЕМЕСЛА»

Открытое письмо

Это мое открытое письмо обращено к вам, «невольники своего ремесла» – ко всем тем, кто в официозной заграничной прессе должен выступать адвокатом современной русской власти везде и всегда, даже там, где это претит и не очень разборчивому и брезгливому человеческому существу.

Ваше положение хуже всего теперь, когда «злостью дня» за границей стал вопрос о судьбе политических заключенных вообще и социалистов в особенности. Когда[-]то правящая ныне партия считала себя вправе, не разбирая средств устранять их со своей дороги, чтобы получить возможность проделать свой «коммунистический эксперимент». Они не были толстовцами, непротивленцами; за них высказалось подавляющее большинство народа на выборах в Учредительное Собрание; они все считали себя вправе сопротивляться, и некоторые воспользовались этим правом. И тех, кто им воспользовался, а на всякий случай и тех, кто не воспользо-

вался, но мог воспользоваться, – ваши повелители вычеркнули из жизни: одних «совсем», других – временно изолировав в тюрьмах.

Ваши повелители получили возможность эту ценою произвести свой опыт. Финал его был плачевен. Его пришлось ликвидировать. Отступить пришлось на те самые позиции, за попытку задержаться на которых были сметены с политической арены и попали в тюрьмы небольшевистские деятели социализма – а кое в чем пришлось пойти вспять и далее этих позиций. И вот почему оставление их в тюрьмах ныне стало особенно режущей глаз наглядной нецелесообразностью. Вот почему теперь так громко вопиет голос общественной народной совести в защиту людей, с которыми когда[-]то можно было яростно расправляться, но которых и тогда было неудобно судить, и которых теперь можно только безсудно гноить в тюрьмах.

Это положение вам придется защищать. Вы – невольники вашего ремесла. У вас нет выбора.

Один из ваших рядов на страницах «Новаго Мира» коснеющим – ради него мы хотели бы надеяться, что от стыда – языком уже начал сетовать: «право-социалистическими партиями Европы – жалуется он – под влиянием русских меньшевиков и эсеров ведется демагогическая агитация против советской власти, предающей, якобы, всяческим пыткам и истязаниям борцов за социализм».

Ах, так вот оно что? Все это только «якобы»? Ничего этого на деле нет?

И в этом – весь секрет придуманного вами способа обелить своих патронов из Кремля и с Лубянки? Просто, кратко и не мудрствуя лукаво – опровергать, опровергать и опровергать?

Опровергайте же! Мы дадим вам достаточно материала для такой «работы».

Попробуйте отрицать тот факт, что в ваших «домах лишения свободы» производилась самая настоящая *пытка холодом и голодом*, – и не только от недостатка топлива и пищи, а «с заранее обдуманном намерением».

Попробуйте отрицать факт, что в них практикуются не только вопиющая грубость обращения и издевательства над человеческим достоинством, но побои, переходящие в истязание, и не только в виде случайных эксцессов ярости, но и как обдуманное средство вымогания показаний.

Попробуйте отрицать тот факт, что там существует самая утонченная и дьявольская моральная пытка: сначала человека заставляют раздеться, ставят к стенке, стреляют мимо, затем его берут, возят по городу, показывая, как хороша жизнь, чтобы потом опять повести на символический разстрел – и в конце[,] измучив всем этим[,] достигнуть откровенных показаний.

Попробуйте отрицать тот факт, что в самых мрачных из застенков чека существуют и прямая *пытка* – да, самая настоящая, надлежащим образом обставленная физическая *пытка*. Слыхали вы про это? Слыхали вы, напр[имер], про «смертные венчики»? Если не слыхали, мы готовы вам рассказать.

Только попробуйте, только рискните все сказанное нами «опровергнуть» – и мы сейчас же приведем факты, назовем имена и место действия.

Ну, что же, покажите: осталась у вас после этого хоть капля охоты опровергать? Или вы предпочтете «благоучасть»: набрать в рот воды и сыграть в молчанку?

* * *

Бросая вам вызов, мы думаем не только о своих товарищах – заключенных социалистах.

Кто бы ни стал в ваших тюрьмах жертвой пыток и надругательств – хотя бы то был враг не только вам, но и нам – наши возмущение и негодование от этого не убавятся.

Мы знаем: на войне как на войне. Когда на тебя поднимают оружие – приходится защищаться оружием. Кровь, пролитая в честном бою, в моменты великих исторических потрясений – увы, доселе неизбежна. Но надругательство над обезоруженным врагом не может быть оправдано никогда и ничем. Оно остается свидетельством величайшей подлости и низости, и налагает клеймо, которое не сотрется во веки.

Не правда, будто цель освящает средства. Самая лучшая цель может быть осквернена, опошлена и забрызгана грязью подлых средств, средств, которыми вы отравили и собственную душу. Если вы отважитесь возражать, мы докажем, докажем неопровержимо, что ваш террор обращается не только против ваших политических врагов. Нет, под дамоклов меч смерти и бессудной расправы попадают массами люди, далекие от всякой организованной политической борьбы – начиная от стихийно взбунтовавшихся простолюдинов и кончая жалкими мелкими воришками, к которым даже безсердечная «классовая» буржуазная юстиция относилась гуманнее вас.

«Ложь! Измышление! Белогвардейския выдумки!» – не задумываясь, кричат обычно в ответ на такие речи все запевалы и подголоски заграничной официозной прессы.

Ах, вот что! Все это – белогвардейския выдумки?

Ну, а вот свидетельство человека, котораго недавно с такой помпой хоронила на государственный счет советская власть – свидетельство Владимира Галактионовича Короленко – про него что вы скажете?

Или вам неизвестны его шесть писем Анатолию Луначарскому⁵⁰, в которых он писал из Полтавы: «бессудные расстрелы происходят у нас десятками»?

Или, ему не приходилось ссылаться на то, что даже при царизме ему удалось отвоевать себе право, котораго ему не дано было у вас: права печатно протестовать против смертной казни и порою вырывать из когтей ея жертвы. Тогда как при вашей власти от бессудных расправ «население живет под давлением кошмара», против котораго обычно бессильны были все его запоздалыя или безуспешныя ходатайства?

Или он не приводил конкретных ужасающих случаев – расстрела в качестве спекулянтов хозяев, за которых были оправдательные бумаги продовольственных властей, ходатайства за них и собственных рабочих, заключения юрисконсультов и предложения об освобождении со стороны даже губисполкомов.

Или разве не он засвидетельствовал позорный факт суда после обычных расстрелов за возстания еще и тех лиц, которыя имели неосторожность довериться слову советской власти и поверит[ь] в объявленную амнистию. Или еще более позорнаго факта – расстрела арестованных оптом, на улицах из ручных пулеметов, с обычной официальной версией «во время попытки их к побегу» так, что «народ, утром, съезжавшийся на базар, видел еще лужи крови, которую лизали собаки»?

Не его ли письма переполнены такими ходатайствами, как например: «относительно малолетней дочери крестьянина Евдокии Пищалки, приговоренной полтавской Ч.К к расстрелу?» Или это не его, в ответ на хода-

тайство за осужденных, успокаивали сообщением, что их дело «передано в Харьков» – когда тут же он узнавал, что «девять человек разстреляно уже накануне, в их числе одна девушка 17 лет и еще двое малолетних»?

Или это не его слова: «На сколько мой слабый голос будет в силах, я до последняго дыхания не перестану протестовать против безсудных разстрелов и против детоубийства»?

Что вы ответите на все это? И найдете ли силы ответить хоть что-нибудь? Думаю, что даже и у вас прилипнет к гортани язык, привычный выговаривать только трафаретные слова: «ложь», «измышления», «белогвардейския выдумки». Попробуйте, если сможете, набросить тень на свидетельство того, котораго даже большевистские авторы не раз называли «воплощенною совестью России». Или нет, лучше не пробуйте. Изворачивайтесь как[-]нибудь иначе. Отвлекайте внимание читателей куда[-]нибудь в сторону от казенных детоубийц и мастеров красного цеха: например, говорите патетически о недавнем ужасном, трагическом положении советской власти, окруженной со всех сторон врагами, и не имевшей времени, под гнетом вопроса жизни или смерти, разбираться в средствах – только говорите об этом так, чтобы не сбиваться слишком наглядно на знаменитую циническую фразу «Not kennt kein Gebot»⁵¹. Или не менее патетически говорите о зверствах белогвардейцев и реакционеров, – только не сбивайтесь слишком наглядно на тезис, что если какия[-]нибудь зверства допускаются белогвардейцами, то вам и сам Бог велел, ибо зачем же социалистам быть лучше Малют Скуратовых старого режима, или ссылайтесь на прецеденты истории, на Робеспьера, на Петра Великаго, на Наполеона, на то, «что в истории все великое цементируется кровью», только не процитируйте с разбегу Тамерлана, Нерона, Калигулу или нашего Нечаева, и рядом с сентябрьскими убийствами⁵² не назовите Варфоломеевской ночи хотя бы и с эпитетом «красная Варфоломеевская ночь», как это частенько говаривали ваши партизаны в 1917–18 г.г. Вот вам несколько соломинок утопающего: хватайтесь же за них, а мы посмотрим, как жалко будете вы барахтаться, – вы, поставленные здесь, за границей, на жалкую и ничтожную роль казеннокоштных адвокатов всего, что только есть кроваваго и грязнаго в практике ваших российских доверителей.

* * *

Итак, слово за вами: докажите, что вы не даром едите казенный хлеб, что вы свое ремесло знаете, что даже и в таком положении не растеряетесь, а сумеете выказать себя виртуозами своего дела, умеющими не только «чернаго кобеля отмыть до бела», но даже способными и не на такие фокусы-покусы газетной эквилибристики. Не смущайтесь, что при этом придется играть не мячиками, а свежими черепами каких[-]то Аронова, Миркина, Евдокии Пищалки и иных еще недавно живых людей, много- и малолетних, их же имена ты одна, Чрезвычайная Комиссия, ныне переименованная в Политуправление, носи.

Начинайте же: мы все – слух и внимание. Слово за вами!

Виктор Чернов

– Л. 50 об.–51. В деле подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 904 от 1 марта 1922 г. с напечатанным в нем письмом В.М. Чернова. Вверху л. 50 штамп о принадлежности документа к делопроизводству Политбюро ЦК ВКП(б), протокол № 111, п. 38 от 11 марта 1922 г.

№ 16-21

Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского

Из Бутырской тюрьмы 44 чел. переведено на Лубянку (В.Ч.К.), 41 на Киссельную во Внутреннюю тюрьму.

47 чел. переданы верховному трибуналу, а также Керенский, Чернов, Рубанович и Русанов.

В Бутырской тюрьме избиты члены центрального комитета партии социалистов-революционеров: Герштейн и Федорович.

Комедия суда инсценирована в связи с предстоящей конференцией социалистических интернационалов с целью опорочить русские социалистические партии и оправдать большевистский террор по отношению к заключенным социалистам.

Формальным основанием для процесса послужила провокаторская брошюра агента большевиков Семенова-Васильева.

Большевистская печать уже открыла ожесточенную клеветническую кампанию, и Сосновский в «Правде» обвиняет социалистов-революционеров в связи с Людендорфом!..

Это «обвинение» сразу определяет весь характер грубо состряпанного провокаторского процесса.

Арестованы также лидеры «меньшинства» партии – Вольский, Святицкий и Буревой, вступившие на путь примирения с большевиками уже около трех лет тому назад, вынужденные в свое время из[-]за этого выйти из партии и в последнее время издававшие в Москве журнал «Народ».

– Л. 39. В деле подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 909 от 7 марта 1922 г. Над заголовком сообщения карандашная пометка: «Х».

№ 16-23

Письмо члена ПСР С.С. Маслова в редакцию газеты «Голос России» о деятельности бывшего члена ПСР Г.И. Семенова

3 марта 1922 г.

«ПРОШЛОЕ ПРОВОКАТОРА» (Письмо в редакцию «Голоса России»)

Протесты социалистической Европы против ужасов, творящихся в застенках современной «коммунистической» России, по[-]видимому тревожат кремлевско-лубянские круги. В свое оправдание они сочли своевременным издать брошюру «виднаго члена партии соц.-революционеров» Г.И. Семенова (Васильева), а последний нашел возможным написать ее.

Автор брошюры, котораго я довольно хорошо знаю, вызывает в моей памяти отвратительныя воспоминания из московскаго периода жизни конца 1920 года. Считаю полезным опубликовать их, чтобы при чтении брошюры новоявленнаго литератора было проявлено надлежащее отношение к ней.

«Меньшинство партии с.-р.», услужая большевикам, предложило последним во время русско-польской войны 1920 года послать Семенова-Васильева по другую сторону фронта, чтобы «разлагать» польския войска. Предложение было охотно принято[,] и Семенов уехал. Успеха он не имел и скоро был пойман. Грозила казнь.

Семенов из[-]под ареста обратился за помощью к Б.В. Савинкову, дав последнему какия-то обещания. Савинков из беды выручил. После освобождения из-под ареста благодарный Семенов предложил Савинкову ор-

ганизовать в России террористические акты против большевиков. Савинков согласился[,] и Семенов, снабженный документами и деньгами, уехал в Россию. В Москве он явился к Дзержинскому и, выложив полученные деньги и документы, рассказал о взятых им поручениях, чтобы спастись от казни.

Разсказ, по[-]видимому, заключал в себе такие сведения и такое освещение, что через несколько дней советскою властью была опубликована знаменитая декларация, (декабрь 1920 г.), заявлявшая об осведомленности власти о готовящихся на нее террористических актах и об[ъ]являвшая всех соц.-революционеров, сидящих в тюрьмах заложниками, подлежащими разстрелу в случае покушения.

Поступок Семенова сильно волновал всех, знавших его, как новое и веское свидетельство той безконечной порчи нравов, которая развивалась в России под мудрым управлением современных Кремля и Лубянки.

Поведения Семенова Центральное Бюро «меньшинства партии с.-р.» снести не мог[о]: «за поступки несовместные с достоинством социалиста и революционера», Семенов был исключен из организации «навсегда»⁵³.

Читая новые «чистосердечные» признания Семенова, имеющие своей целью затянуть петлю на шею сидящих в коммунистических застенках, следует поставить вопрос – не проявляет ли Семенов в них ту же степень чистосердечия, которую он обнаружил при своих предложениях Савинкову в 1920 году?

Сергей Маслов.

Прага, 3 марта 1922^a г.

– Л. 39. В деле подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин), № 909 от 7 марта 1922 г.

№ 16-24

Статья «РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ» газеты «Голос России» (Берлин) о деятельности бывшего члена ЦСР Г.И. Семенова

[Не позднее 7 марта 1922 г.]

«РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ»

Печатаемые нами ниже сведения заимствованы из только что вышедшего № 5 «Социалистического Вестника».

Летом 1920 г., в дни польского наступления, группой с.-р. меньшинства («Народ») был создан небольшой отряд для «дезорганизаторской» работы в тылу польской армии⁵⁴ и с ведома и поощрения Реввоенсовета Запада. Фронта (в числе членов которого тогда стоял и г. Уншлихт), а может быть, и центральных властей переброшен через фронт. В состав этого отряда входил и г. Семенов (Васильев). Успел ли этот отряд чем-нибудь проявить себя, – нам неизвестно. Известно лишь, что он очень скоро «провалился», некоторые из его членов погибли, а г. Семенов оказался в Варшаве в тюрьме под непосредственной угрозой казни. Из тюрьмы он послал письмо Савинкову, «работавшему» тогда над созданием русских добровольческих частей; Савинков, если не ошибаемся, знавший Семенова раньше, прибыл к нему в тюрьму и после продолжительных бесед с Семеновым, добился его освобождения и сделал своим ближайшим по-

^a Исправлено, в документе 1921 г.

мощником. Это было уже осенью 1920 г. Вместе с Савинковым, Семенов начинает работу по созданию «школы террористов», организует динамитную мастерскую, вербует добровольцев для «дезорганизаторской» работы, – на этот раз внутри Советск[ой] России, – и в ноябре или в декабре 1920 г. выезжает в Совет[скую] Россию с «ответственным поручением»: убить Ленина. А затем – вместо выполнения «поручения» – является для доклада в В.Ч.К.

Между тем события в России идут своим чередом: закончена борьба с Врангелем, из газет исчезла рубрика «с фронта»; создается съезд советов... Группа «ответственных работников-коммунистов» поднимает перед Центр. Ком. Р.К.П. вопрос о торжественном провозглашении на съезде «конца гражданской войны», объявлении широкой амнистии, ограничения прав В.Ч.К. Борьба разгорается не на шутку. В.Ч.К. и ея апологеты рвут и мечут и пускают в ход «козырного туза»: доклады своих агентов – были и другие агенты, кроме Семенова – об организуемых Савинковым заговорах, о динамитных мастерских и об «отрядах бомбистов», бросае-мых в Россию для ряда террористических актов – в первую очередь для убийства Ленина. Такие «козыри» в большевистских кругах всегда пользуются успехом. Они и на этот раз закрепили победу за В.Ч.К., и не только все «реформаторские» планы были отвергнуты, но даже последовало опубликование известного указа Сов[ета] Нар[одных] Ком[иссаров] об объявлении с.-р., сидящих в тюрьмах, заложниками за жизнь ответственных коммунистов.

Стоит ли рассказывать о дальнейшем? Г. Семенов был исключен из группы с.-р. «Народ», но с распростертыми объятиями принят, если не в Р.К.П., то в В.Ч.К., начал писать свои «воспоминания» и, конечно, теперь совершенно свободно может обещать «явиться в Россию по первому требованию Верховн[ого] Революцион[ного] Трибунала». Чего ему бояться? Ведь он, если и уехал из России, то с соизволения начальства по делам службы...

– Л. 39 об. В деле подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 909 от 7 марта 1922 г.

№ 16-25*

**Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского
В.М. Молотову о целесообразности напечатания
открытого письма бывшего члена ПСР
Л.В. Коноплевой лидеру ПСР В.М. Чернову**

4 марта 1922 г.

С. СЕКРЕТНО

Секретарю ЦК РКП тов. Молотову.

копия тов. У н ш л и х т у.

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Прочитав помещенную в «Голосе России» статью Чернова «Иудин поцелуй» (я послал ее в прошлой почте Вам), находящаяся за границей Лидия Коноплева^а прислала мне, для напечатания в «Новом Мире» «Открытое письмо В. Чернову».

В напечатанной сегодня в «Новом Мире» телеграмме об эсеровском процессе говорится, что в распоряжении властей имеются дополнитель-

^а Так в документе, здесь и далее следует Коноплева.

ные показания Конаплевой. Поэтому я думаю, что напечатание ее письма не может помешать постановке процесса. С другой стороны, напечатание этого письма здесь в Берлине, через несколько дней после статьи Чернова, явно показывает всем, что Конаплева находится за границей и что выступление ее вполне свободно.

Поэтому я за немедленное напечатание письма.

Может быть в него было бы лучше внести те или другие редакционные изменения, но Конаплева не в Берлине и сделать этого, поэтому, не могу.

Однако без Вашей и т. Уншлихта санкции мы с т. Степановым решили письма не печатать. Вчера я послал Вам телеграфный запрос, сегодня посылаю самый текст «открытого письма». Если согласны на напечатание, ответьте через т. Чичерина клером: «Ваша № 005 печатайте».

С товарищеским приветом: Н. Крестинский

– Л. 44. Машинописный подлинник на бланке полномочного представительства РСФСР в Германии, подпись – автограф. Вверху листа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 111, п. 38 от 13 марта 1922 г. Формула шифрованности от руки.

№ 16-26

Открытое письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой лидеру ПСР В.М. Чернову о деятельности боевого отряда Г.И. Семенова⁵⁵

[Между 25 февраля и 4 марта 1922 г.]

Открытое письмо В. Чернову.

Виктор Михайлович. Прочтя Вашу статью в «Голосе России» от 25 февраля под заголовком «Иудин Поцелуй», – где Вы отрицаете причастность Ц.К.П.С.Р. к террористическим и боевым актам летучего боевого отряда, организованного Григорием Семеновым – открыто заявляю Вам, что Вы лжете, сознательно лжете^а.

Вы знаете, что сообщенное в брошюре Семенова – правда, Вы знаете, что военная и боевая работа того периода велась с ведома и санкции Ц.К. партии.

На поминаю^б Вам (чтобы не быть голословной) – нашу беседу в начале сентября 1919 года в квартире Злобина по Трубниковскому переулку д. 4 в Москве, где я с Вами встретилась на ночлеге. – Вы мне тогда заявили, что знаете в общих чертах о нашей боевой работе и выслушав мой подробный рассказ о том периоде – возмущались (не знаю[,] искренно или нет) поведением Ц.К.

Позвольте освежить в Вашей памяти нашу беседу и вкратце рас[с]казать Вам о боевой и террористической работе и причастности к ней Ц.К.П.С.Р.

1) В феврале 1918 года я обратилась к Б.Н. Рабиновичу с предложением убить В.И. Ленина. Я предлагала сделать это в виде акта индивидуаль-

^а Так в документе.

^б Так в документе.

ного, чтобы не подвергать репрессиям партию, но считала необходимым выяснить принципиальное отношение Ц.К. к этому вопросу. По этому поводу мною велись переговоры с членом Ц.К. А.Р. Гоцем. – Гоц отнесся положительно и запросил мнение Бюро Ц.К., находившегося тогда в Москве. Специально с этой целью выехал в Москву Рабинович.

Санкция Бюро Ц.К. на акт индивидуальный была получена. Кроме того Бюро выделило из своего состава в качестве руководителя террористической группы члена Ц.К. В. Рихтера.

В Марте я вместе с П. Ефимовым (бывшим каторжанином) выехала в Москву, где к тому времени Рихтером должна была быть произведена вся подготовительная работа для выполнения акта. Но, фактически Рихтером ничего не было сделано. Мы с Ефимовым, не имея абсолютно никаких связей в Москве и будучи сами непригодными к роли организаторов – пробились безрезультатно около 3-х недель. – По приезде Гоца в Москву дело было ликвидировано.

2) В Апреле, с санкции Петроградского Бюро Ц.К. группой боевиков с Семеновым во главе была произведена экспроприация в поезде между Вологодой и Вяткой. Часть экспроприированных^в денег была свезена мною из Вологоды в Петроград для^г Петр[оградской] Военной Комиссии. Большую часть свез Семенов в Москву и передал в кассу Ц.К.

3) С Санкции Ц.К. Семеновым был организован Центрально-летучий боевой отряд – членом этого отряда Н. Сергеевым в июне 1918 года был убит Володарский. – Член Ц.К. Гоц знал о готовящихся покушениях на Зиновьева и Володарского, дал от имени Ц.К. санкцию на это.

На другой день после убийства Б.Н. Рабинович поручил мне передать Семенову приказ Ц.К. о выезде всей боевой организации из Петрограда в 24 часа.

4) На убийства Ленина и Троцкого санкция Ц.К.П.С.Р. была дана Боевому отряду с заверением^д, что отказа партии не последует.

Санкция дана была Семенову, как начальнику отряда. То же самое было сказано и мне А.Р. Гоцем, во время моего свидания с ним в 20-х числах июля (на даче, где он жил – под Москвою по Казанской жел. дор.).

В начале августа в нашу группу вошла Фаня Каплан и, как член летучего отряда – произвела покушение на В.И. Ленина, ранив его тремя отравленными ядом «Кураре» пулями (Яд этот был получен мною от члена Ц.К. Рихтера для первой террорист[ической] группы и в последствии передан мною летучему отряду).

Покушение на Л.Б.^е Троцкого, подготовленное двояким способом (на казанском вокзале дежурили я и Королев с револьверами[,] на Казанск. ж.д. за Люберцами – группа подрывников) – не состоялось только потому, что он неожиданно выехал по другой линии.

5) Об экспроприации в почтовой конторе по Камергерскому пер[еулку] и несостоявшейся экспроприации в Губпродкоме знал член Ц.К. Донской. – Санкция на экспроприации была нам дана с условием, что они будут производит[ь]ся, как акты не партийные.

После ареста Семенова, Иванова и еще четырех боевиков я фактически оказалась руководителем уцелевшей от разгрома части боевого летучего отряда.

При первом же моем свидании с членом Ц.К. Донским он потребовал от имени Ц.К. роспуска боевой организации и немедленного выезда ее из Москвы.

^в Исправлено от руки. В машинописи ранее было экспроприаторских.

^г Внесено от руки в машинопись.

^д Исправлено от руки. В машинописи ранее было завершением.

^е Так в документе.

Группа была мною распущена – Донской от имени Ц.К. поручил мне работу по освобождению из Тюрьмы Семенова, как наиболее скомпроми-тированного^ж, благодаря оказанному им при аресте вооруженному сопротивлению.

Найдя возможность освободить Семенова из В.Ч.К. путем подкупа стражи за 100.000 руб. (цифра огромная по тем временам) – я сообщила об этом Донскому. Он согласился дать такую сумму. Освобождение Семенова не состоялось, так как через то же лицо я выяснила, что его в В.Ч.К. нет (он был арестован военной контр-разведкой).

В Декабре 1919 года Донской предложил мне организовать какую-нибудь экспроприацию, т.к. денег в партии было мало[,] и давал мне для этой цели в качестве помощников-выполнителей московских боевиков. Мною велись переговоры с кассиром Главсахар[а] (где у Семенова перед арестом был также проект сделать экспроприацию). Признав боевиков, предложенных Донским, непригодными, я выехала в конце декабря в Петроград с целью подобрать небольшую боевую группу из прежних товарищей по летучему отряду. – Найдя их в состоянии страшной душевной апатии, – отказалась от мысли создания группы. –

После этого, все оружие летучего боевого отряда было передано мною Московской Военной Комиссии.

Перехожу теперь к приведенным Вами двум «свидетельским показаниям»:

1) Вы ссылаетесь на рассказ С.П. Постникова о беседе его с Гоцем после убийства Володарского: «Я побежал тотчас же к А.Р. Гоцу и спросил у него, в чем дело?. Он ответил: рабочий С-Р. по убеждению, имевший одно серьезное партийное поручение, был свидетелем того, как у Володарского испортился автомобиль, – и не выдержал: выстрелил в него».....³

Не допускаете ли Вы, Виктор Михайлович, что Гоц скрыл правду от Постникова, как скрыта она была от большинства членов П.С.Р.? – Постников, как Вы сами должны знать, никакого отношения к военной и боевой работе того периода не имел.

Но даже и это столь сомнительное «свидетельское показание» употребляете Вы недостаточно осторожно.

Что это за «одно серьезное партийное поручение», имевшееся у Сергеева? – Несколько странно, что имевший «серьезное партийное поручение» член П.С.Р. оказался так «своевременно» около Володарского, да еще с револьвером и гранатой в руках.

2) Следующее и последнее «свидетельское показание» – приведенный Вами рассказ Зензинова: «Весной 1918 года к покойному Фомину обратилась Каплан с предложением своих услуг для совершения покушения против Ленина. Я передал об этом в Ц.К., который на своем заседании в Москве отверг это предложение; я этот отрицательный ответ передал ей через Фомина».

Это «свидетельское показание» не выдерживает критики в отношении хронологическом. Зензинов с июня, а может быть и раньше был уже за Волгой. Убийство Володарского – в конце июня, покушение на Ленина – 30 Августа и все важнейшие моменты в нашей работе были во время пребывания Зензинова за Волгой.

Допустим даже, что весной Ц.К. отказал Каплан в санкции; но, как указано и Семеновым, – Каплан вела работу по подготовке террористического ак-

^ж Так в документе.

³ Так в документе.

та с начала самостоятельно, и только в начале августа перешла в летучий боевой отряд, действовавший с санкции ЦК.

Нет, Виктор Михайлович, Ваши доводы весьма не убедительны. – Вы вероятно и сами это чувствуете. Не даром же Вы прибегаете к обычному Вашему методу – переносите центр тяжести с возражений по существу на личные выпады, стараясь[,] таким образом[,] дискредитировать^и тех, кто выступает против Вас.

И в данном случае, – прежде чем обливать грязью Семенова, – Вам следовало бы подробнее ознакомиться с его работой в Польше и с историей его «исключения» из М.П.С.Р., – а не ограничиваться при расшифровании сухой, ничего не поясняющей резолюцией, напечатанной в «Народе», – партийными сплетнями.

Я знаю, – Вы будете лгать и оплевывать нас, как оплевывали когда-то на страницах «Дела Народа» левых С-Р. со Спиридоновой. Это – Ваш метод. – Книги Вам в руки.

Других же «доказательств» у Вас нет и быть не может.

Лидия Конаплева^к

– Л. 45–48. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На листе 45 штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 111, п. 38 от 13 марта 1922 г.

№ 16-27

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 107, п. 22

от 4 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

22. – О процессе п.с.р. (т. Молотов).

Указать т. Уншлихту, что в число обвиняемых могут быть включены все эс-эры, а равно и те бывшие эсеры, хотя бы даже они ныне состояли в РКП, привлечение которых окажется необходимым в связи с процессом п.с.р.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 18 Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 259. Л. 23. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на 1/2 листа. Слева запись о рассылке: «Уншлихту». Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Троцкий, Молотов, Зиновьев. Члены ЦК: тт. Радек, Томский, Рудзутак, Раковский». Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1369. Л. 5. Машинописный подлинник (подписной), подпись – автограф В.М. Молотова.

№ 16-28

Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского В.М. Молотову о дополнительных материалах,

^и Так в документе.

^к Так в документе.

**полученных от бывшего члена ЦСР Л.В. Коноплевой
в связи с подготовкой процесса над членами ЦСР**

6 марта 1922 г.

Секретарю ЦК РКП тов. Молотову.
Копия тов. Уншлихту

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович,

Сегодня от Лидии Коноплевой^а получено заявление в ЦК с некоторыми дополнениями и поправками к брошюре Семенова, заявление в ЦК с просьбой о вызове ее на суд и письмо о том же т. Уншлихту. Последние два документа – на полотне ввиду нелегальной их пересылки.

Высылаю Вам копии всех трех документов, подлинники оставляю себе с тем, чтобы выслать Вам в случае надобности по Вашему требованию.

В сегодняшнем номере «Голоса России» появились две статьи по поводу Семенова, пытающиеся набросить^б тень на его личность: «Прошлое провокатора» и «Разоблачитель». (Прилагаю 1 экземпляр).

Жаль, что Вы не ответили до сих пор на мою телеграмму о напечатании открытого письма Коноплевой Чернову. Было бы лучше, если бы это письмо появилось в газете до этих статей.

С товарищеским приветом: Н. Крестинский

– Л. 59. Машинописный подлинник на бланке полномочного представительства РСФСР в Германии, подпись – автограф. На листе штамп и рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г. На документе резолюция: «Отвечено согласием дней 5 назад. В. М[олотов]».

№ 16-29*

**Почто-телеграмма Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о
необходимости освещения в советской печати судебного иска
лидера ЦСР В.М. Чернова
к редакции газеты «Новый Мир»⁵⁶**

8 марта 1922 г.

П[очто]-Т[елеграмма]. №174
ПОЛИТБЮРО.

Думаю, что надо было бы перенести вопрос в нашу печать и рассказать об угрозе Чернова обратиться к суду германской буржуазной республики. Можно посоветовать Чернову найти тот самый суд, который оправдал убийц Розы Люксембург и Карла Либкнехта. Этот суд, несомненно, снисходительно отнесется к убийцам Володарского и Урицкого. Если судья социал-демократ (а таковые теперь, верно, есть), то он принадлежит к одному интернационалу с Носке, Черновым и Готцем^а. Следовало бы тов. Сосновскому развить эту тему.

Л. Троцкий

8/3-22 г.

^а Так в документе, здесь и далее следует Коноплевой.

^б Вписано над строкой от руки.

^а Так в документе, следует Гоцем.

– Л. 63. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. На документе внизу рукописные пометы: «Согласен. Л. К[аме́нев]»; «Согласен – передать Сосновскому или Вардину. В. Молотов. 14/III». Фамилия Сосновского в тексте подчеркнута.

№ 16-30

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
о целесообразности публикации в печати письма бывшего
члена ЦСР Л.В. Коноплевой лидеру ЦСР В.М. Чернову.
Из протокола заседания Политбюро № 111, п. 38**

от 13 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

38. – Запрос т. Крестинского об ответном письме Коноплевой – Чернову.

Напечатать.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 42. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 59. Черновой протокол заседания Политбюро. В деле машинописная незаверенная копия выписки из протокола на бланке ЦК РКП(б). Номер пункта проставлен от руки. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Молотов, Троцкий. Члены ЦК: т. Дзержинский, Радек. Член ЦКК т. Седой».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1373. Л. 6. Машинописный подлинник (подписной), подпись – автограф В.М. Молотова. Содержит указание на форму принятия решения: «Опросом по телефону от 11/III. 22 г.».

№ 16-31

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
о назначении комиссии для подготовки процесса
над членами партии эсеров.
Из протокола заседания Политбюро № 112, п. 17**

от 15 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

17. – О процессе с.р.

Для руководства подготовкой и постановкой процесса против с.р. назначить ответственную комиссию в составе т.т. Дзержинского, Курского и Стеклова. Доклад представить в Политбюро в недельный срок.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 55. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг. Внизу рукописная помета: «Изм[енено] см. П2/3 от 13.IV.1922» (протокол заседания Политбюро № 2, п. 3 от 13 апреля 1922 г.).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1374. Л. 4. Машинописный подлинник (подписной), подпись – автограф В.М. Молотова. Л. 2. «Присутствовали: члены По-

литбюро тт. Каменев, Сталин, Молотов, Зиновьев. Члены ЦК: тт. Радек, Томский». *Штамп Секретного Архива ЦК ВКП(б)*.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 264. Л. 18. Черновой протокол заседания Политбюро. *Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Окончание последней фразы «в недельный срок» добавлено красными чернилами. Слева запись о рассылке: «Дзержинскому, Курскому, Стеклову, Уншлихту».*

№ 16-32

Телеграмма руководства Всеобщего немецкого рабочего союза из Берлина В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров

16 марта 1922 г.

Л Е Н И Н У, Председателю
Совнаркома, Москва

Из Берлина

Президиум Всеобщего Немецкого Рабочего Союза узнал из прессы, что 47 членов партии социалистов-революционеров на основании разоблачения одного ренегата на днях будут судимы Верховным Трибуналом и просит от имени 8 миллионов организованных рабочих Германии амнистии для обвиняемых. Миру требуется примирение. Особенно судьба интернац[ионального] рабочего класса зависит от того, чтобы преодоление и преследование братск[ой] партии в принудительной форме прекратилось. Помогите взаимопониманию и миру[,] не мешайте начатому развитию к сближению между рабочими России и Германии путем утверждения кровавого приговора, который вызовет у всех сторонников свободы разочарование и возмущение.

По поручению Лейпарт председатель.

– Л. 72. Русский перевод. Машинописная копия того времени, заверенная работником секретариата ЦК РКП(б) Ш. Манучарьянц. На листе сверху входящий номер ЦК РКП(б) с датой «20/III-22 г.». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4. от 20 марта 1922 г. Вверху машинописная помета: «ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО: Т.Т. ТРОЦКОМУ, ЗИНОВЬЕВУ, СТАЛИНУ, ЛЕНИНУ».

– Опубликовано с разночтениями в переводе: *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 17.

№ 16-33

Телеграмма председателя Социал-демократической партии Нидерландов⁵⁷ Верковена В.И. Ленину с запросом о характере предъявляемого

эсерам обвинения**17 марта 1922 г.**

AMSTERDAM

DOPPEL LENIN KREMLIN
TROISIEME INTERNATIONALE
MOSCOU

AU NOM PARTI SOCIALISTE HOLLANDA IS VOUS AD JURONS
NE PAS CONCLURE PROCES SOCIALISTES REVOLUTIONNAIRES
AVANT QU UNE OCCASION NAIT ETE DONNEE A LA RENUION DES
TROIS EXECUTIES A BERLIN DE SE RENDRE COMPTE DU
CARACTERE DES ACCUSATIONS = VLIEGEN PRESIDENT
WERKHOVEN SECRETAIRE

– Л. 71. Подлинник на телеграфной ленте. В правом верхнем углу рукописная помета: «Третий Интернационал». Внизу листа штамп с надписью: «Вне всякой очереди...» (далее надпись неразборчива). Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

Перевод с голландского⁵⁸**17 марта 1922 г.****ЛЕНИНУ, КРЕМЛЬ.**

Третьему Интернационалу, Москву

От имени Голландской Социалистической партии просим Вас не оканчивать процесса социалистов-революционеров до того, пока Съезд трех Исполкомов в Берлине не ознакомится с характером обвинения.

Председатель Верковен, Секретарь⁵⁹.

Москва, Кремль

17/III-22 г.

Копия: т. Молотову

III Интернационал.

– Л. 70. Машинописная незаверенная копия. На листе в правом верхнем углу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-34

**Телеграмма из Парижа от А. Франса советскому
правительству с призывом о недопущении репрессий
в отношении политических противников большевиков**

17 марта 1922 г.**AU GOUVERNEMENT
DES SOVIETS AU MOSCOU**

NOM DEL L'HUMANITE AU NOM DES INRERTS SUPERIEURS DU PROLETATIAT MONDIAL N'ECERCECEZ PAS<...>R^a DES ADVERSAIRES POLITIQUES DES ACTES QUI POURRAIENT <...>TRE^б INTERPRETES COMME UNE VENGEANCE VOUS PORIEREZ UN PREJUDICE IRREPARABLE A LE GRANDE CAUSE DE LA LEBERATION DES TRAVAILLEURS DU MONDE.

17 MARS 1922 ANATOLE FRANCE.

– Л. 78. Подлинник на телеграфной ленте. В верхнем углу бланка рукописная помета: «Срочно. Верховный трибунал Т. Крыленко 20/III». Входящий номер ЦК РКП(б) с рукописной датой «20/III-22 г.» Внизу рукописный русский перевод: «Во имя человечества и высших интересов пролетариата (мирового) не примените по отношению к вашим политическим противникам таких мер, которые могут быть истолкованы, как месть. Вы этим нанесете колоссальный вред великому делу освобождения трудящихся всего мира. 17 / Марта 1922 г. Анатолий Франс».

– Л. 72. Русский перевод. Машинописная заверенная копия. На листе штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 и рукописная помета «Вх. ЦК № 1891/с 20/III-22 г.».

№ 16-35

Телеграмма из Лондона от представителя Лейбористской партии^{6б} В.И. Ленину и Г.В. Чичерину о предстоящем процессе над членами партии эсеров

17 марта 1922 г.

LENIN KREMLIN
CHICHERIN KREMLIN MOSCOW

NATIONAL COUNCIL INDEPENDENT LABOUR PARTY PROTEST AGAINST CONTINUED IMPRISONMENT AND REPORTED IMPENDING SECRET TRIAL OF GOTZ TIMIVITEFF^a RAKOV AND OTHER SOCIAL REVOLUTIONISTS REQUESTS POSTPONMENT AT LEAST UNTILL AFTER BERLIN MEETING OF COMITTEE OF THREE INTERNATIONALS

ALLHEAD CHAIRMAN JOHNSON SECRETARY

– Л. 80. Машинописная копия того времени, сделанная для делопроизводства ЦК РКП(б). Внизу рукописная помета: «т. Молотову». Штampы о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4. от 20 марта 1922 г. и о корректорской проверке. Русский перевод с английского: «Ленину и Чичерину, Кремль, Москва. Национальный Совет Лейбористской партии протестует против продолжающегося заключения в тюрьме и ставшего известным надвигающегося тайного суда над Гоцем, Тимофеевым, Раковым и другими социалистами-революционерами и требует отсрочки по крайней мере до окончания Берлинской конференции представителей трех интернационалов^{6а}. Олхед, председатель, Джонсон, секретарь».

№ 16-36

^a Неразборчиво.

^б Неразборчиво.

^а Так в документе, должно быть TIMOFEEV (Тимофеев).

Телеграмма из Брюсселя от Центрального комитета Бельгийской социалистической партии⁶² в Наркомат юстиции и Третий Интернационал с протестом против преследования эсеров

[Не позднее 17 марта 1922 г.]

COMITE EXECUTIF
3^E INTERNATIONALE MOSCOU

FR BRUXELLES

AU NOM PARTI SOCIALISTE BELGE VOUS AD JURONS NE PAS CONCLURE PROCES SOCIALISTES REVOLUTIONNAIRES AV ANT QU UNE OCCASION NA ITETE DONNEE A LA REUNION DES TROIS EXECUTIFS A BERLIN DE SE RENDRE COMPTE DU CARACTERE DES ACCUSATIONS STOP NOUS METTRE DEVANT LE FAIS ACCOMPLI EXECUTION DE NOS CAMARADES FRAPPERA IT DE MORT CONSCIENCE NECESSAIRE CREATION FRONT UNIQUE = VAN ROOS BROEK?⁶³

– Л. 81. Подлинник на французском языке на телеграфной ленте. Вверху рукописная помета «Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г. Русский перевод: «ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ЦУ ИНТЕРНАЦИОНАЛА. МОСКВА. ОТ ИМЕНИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ БЕЛЬГИИ ЗАКЛИНАЕМ ВАС НЕ ЗАВЕРШАТЬ ПРОЦЕСС СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПРЕЖДЕ ЧЕМ В БЕРЛИНЕ СМОГУТ СОБРАТЬСЯ ТРИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТА, ДЛЯ ТОГО[,] ЧТОБЫ РАЗОБРАТЬСЯ В СУТИ ОБВИНЕНИЙ. СООБЩЕНИЕ О КАЗНИ НАШИХ ТОВАРИЩЕЙ ПОСТ ФАКТУМ МОЖЕТ НАНЕСТИ СМЕРТЕЛЬНЫЙ УДАР ДЕЛУ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ФРОНТА = ВАН РОС БРЕК».

№ 16-37

Телеграмма из Берлина от представителей профсоюзных организаций В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров

17 марта 1922 г.

Председателю тов. Ленину.
Москва

Из Берлина

Профессиональный (Картель) Комиссия Берлина и окрестностей и местный Комитет всеобщего свободного союза приказчиков выражают протест против решения, ставшего известным из газет, членов социал-революц. партии на основании доноса предать суду верховного трибунала. Советская власть должна понимать, что такой акт, совершенный рабочим правительством, акт мести правосудия, рабочими всего мира, которые стремятся к международному общению и примирению, не будет принят. Во имя человечности мы требуем, чтобы жизнь и свобода были воз-

вращены людям, которые уже отдали свои лучшие годы при царском режиме для интересов рабочих и социализма. Флатоу.

– Л. 75. Русский перевод. Машинописная незаверенная копия того времени. На листе сверху входящий номер ЦК РКП(б) с датой «31/III-22». На листе сверху слева рукописные пометы: «Отношение к другим партиям» и «С[екретный] арх[ив]. В. М[олотов]». Внизу слева машинописные пометы: «Москва, Кремль, 20/III-22 г.»; «Копия – Молотову, Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-38*

Письмо В.И. Ленина Г.Е. Зиновьеву, Л.Б. Каменеву и В.М. Молотову с проектом заявления советского руководства иностранным социалистам о предстоящем про- цессе над членами партии эсеров

17 марта 1922 г.

Тов. Зиновьеву.
Копия: т.т. Каменеву и Молотову

Я сейчас говорил с Каменевым и мы условились, что Вы сегодня поздно ночью ответите Вандервельде, что передали его телеграмму Советскому правительству. От имени же Советского правительства завтра пошлет ему ответ Наркомюст – т. Курский.

Я предлагаю текст ответа обсудить в Политбюро и со своей стороны предлагаю следующий текст:

«Ни один член Советского правительства в России не сомневался никогда, что представители Второго Интернационала⁶⁴ всегда проводили неуклонно ту политику, которую с небольшими колебаниями проводили также представители “Венского Социалистического Объединения”⁶⁵. Именно они проводили политику и прямого и косвенного союза с теми эксплуататорскими классами, которые во всех странах преследовали и убивали коммунистов, примеры чему особенно многочисленны и наглядны в Германской Демократической Республике. Только этим объединением и политической близостью между партиями эсеров и меньшевиков, которые фактически поддерживали нашествие на Россию Колчака, Деникина и т.п., можно объяснить доверчивость^а, проявляемую в настоящее время известными политическими кругами в Западной Европе к эсерам и меньшевикам. На самом деле не только не вынесено приговора по делу об эсерах, о котором Вы пишете, но даже не было суда и не вручено еще обвиняемым обвинительного акта. Во всяком случае, считаю долгом прибавить, что Советское правительство не отказывалось от деловых предложений, вроде предложения обмена пленных или освобождения тех или иных категорий пленных, когда подобные предложения исходили от правительства Деникина во время его прямого нашествия на Советскую Россию [с целью]^б восстановления власти помещиков.

^а Исправлено, в документе доверчивостью.

^б Восстановлен пропуск, сделанный стенографисткой.

Наркомюст Курский[.]»]

Председатель Совета Народных Комиссаров В. Ульянов (Ленин).

– Л. 67. Машинописная заверенная копия, сделанная с копии. В левом верхнем углу машинописью воспроизведен бланк председателя СНК РСФСР. Внизу машинописный текст: «Пометка рукою тов. Горбунова: «Принято стенографисткой т. Веприцкой по телефону 17/III 22 ч. 35 м. Горбунов», пропуск, сделанный стенографисткой. Ниже машинописные пометы: 1) «Подлинник передан в институт Ленина»; 2) «Копия записки находится в подлиннике протокола ПБ ЦК». Вверху штамп о принадлежности документа к делопроизводству Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 6. Машинописная копия того времени, заверенная С. Чечулиным.

– Документ опубликован: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 48–49.

– Текст опубликован с незначительными правками членов Политбюро за подписью Д.И. Курского: Известия ВЦИК. 1922. № 64. 21 марта.

№ 16-39

Телеграмма из Копенгагена от датских социал-демократов⁶⁶ В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров

18 марта 1922 г.

Lenin vorsitzender der
volkskommissar Moskau

Kopengagen

[Da]nische sozialdemokratie schliesst sich dem proteste an gegen die [po]litisch vervolung und die beabsichtigte aburteilung der 47 mitglieder [der] russischen sozialrevolutionaren partei stauning vorsitzender

– Л. 79. Машинописная копия того времени, сделанная для делопроизводства ЦК РКП(б). В правом верхнем углу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г. Внизу штамп: «ПРОВЕРЕНО Корректор № 4». Русский перевод с немецкого: «Ленин председатель народного комиссариата Москва. Копенгаген. [Датская] социал-демократия присоединяется к протесту против политического преследования и намерений вынести смертный приговор 47 членам русской партии социалистов-революционеров. Стаунинг, председатель».

№ 16-40

Телеграмма руководства Интернационала профсоюзов⁶⁷ В.И. Ленину с требованием прекращения преследований членов партии эсеров

18 марта 1922 г.

Ленину, Председателю Совета
Народных Комиссаров, Москва

Из Амстердама

По газетным сведениям, которые вами не опровергаются, в последние недели под вашей ответственность[ю] возникла новая травля против рабочих, которые не принадлежат к коммунистической партии. Больше

число их предводителей находится в тюрьме в ожидании еще худшей участи. От имени огромного большинства европейского пролетариата мы протестуем против этих продолжающихся преследований политических противников политической партии, правящей от имени России. В случае нежелания, чтобы пропаганда единого фронта против реакции вызвала у европейского пролетариата насмешки, необходимо прежде всего положить в России конец террору против рабочих не коммунистов.

За интернациональный профессиональный союз Фиммен и Удегест, секретари.

– Л. 74. Русский перевод. Машинописная незаверенная копия того времени. На листе сверху входящий номер ЦК РКП(б) с датой «31/III-22». Внизу слева машинописные пометы: «Москва, Кремль, 20/III-22 г.»; «Копия – Молотову, Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-41*

Письмо члена Бюро ЦК Белорусской партии социалистов-революционеров⁶⁸ И. Мамонько в Совет Народных Комиссаров РСФСР с протестом против предстоящего процесса над членами партии эсеров

18 марта 1922 г.

СОВЕТУ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ Р.С.Ф.С.Р.

В виду того, что в Москве 20 марта имеет состояться суд над Ц.К.П.С.Р. в связи с деятельностью партии за период острой гражданской войны 1918 года. – Бюро Ц.К. Белорусской Партии Социалистов Революционеров, в целях избежания односторонности суда и во имя установления единого фронта трудящихся в борьбе с поднимающей голову реакцией и укрепляющимся капитализмом, протестует против суда правящей Р.К.П. над идейно враждебной ей р.п. С.-Р. Этот односторонний суд будет понят трудящимися, как ни чем не оправдываемый акт мести.

Протестуя против всякой политической мести, Бюро Ц.К.Б.П.С.-Р. требует прекращения преследований и освобождения томящихся в тюрьмах социалистов и передачи разбора этого дела комиссии, составленной из представителей всех трех международных социалистических и коммунистических объединений.

Мамонько

За Бюро Ц.К. Белорусской Партии Социалистов-Революционеров.

18 марта 1922 года.

– Л. 86. Машинописный подлинник, подпись – автограф. Круглая гербовая печать ЦК Белорусской ПСР. На листе штамп с делопроизводственной пометой о регистрации документа в секретариате ЦК РКП(б) с датой «30/III-22 г.»

№ 16-42

Письмо Г.Е. Зиновьева В.М. Молотову о проекте подготовленного В.И. Лениным заявления советского руко-

**волства на запрос иностранных социалистов
о предстоящем суде над членами партии эсеров**

18 марта 1922 г.

Посылаю проект В.И. с 2 небольшими поправками, условленными между мной и Каменевым. Думаю, что можно считать принятым.

Оформить в сов[етском] порядке надо через Курского, отправить телегр[аммой] за границу через Чичерина*, в печать дать – через редакцию.

Прилагаю телеграммы от белы[ийцев] и голл[андцев]. Копии пришите мне.

Коминтерн послал ответ: Ваши телеграммы переданы Советскому правительству.

Г. Зиновьев

* Ему же поручить передать загр[аничной] прессе.

– Л. 68. Машинописная копия позднейшего времени, заверенная 17.XI.61 г. На документе машинописная помета «Оригинал записки находится в подлиннике протокола ПБ ЦК». Вверху справа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 9. Рукописный подлинник на бланке председателя Исполкома Коминтерна, подпись – автограф.

№ 16-43

**Записка Л.Б. Каменева В.М. Молотову об ответе
советской стороны Э. Вандервельде**

[19 марта 1922 г.]

г. Молотову.

- 1) Немедля пошлите копии Зиновьеву, Сталину, Троцкому.
- 2) Необходимо, чтобы завтра же был напечатан наш ответ, посланный третьего дня Вандервельде (уговорено с Лениным).

Л. Каменев

– Л. 69. Машинописная копия, заверенная 17.XI.61 г. На документе машинописная помета «Оригинал записки находится в подлиннике протокола ПБ ЦК». Вверху справа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г. Датирована по содержанию документа.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 8. Рукописный подлинник записки на линованной бумаге, подпись – автограф. Вверху слева резолюция: «В[есьма] срочно. Всем членам ПБ кроме т. Каменева. Ответ за подписью т. Курского дать в Правду и Известия сегодня. 20.III. В. М[олотов]».

№ 16-44*

**Телеграмма из Москвы от Наркома юстиции
Д.И. Курского Центральным Комитетам Бельгийской
социалистической партии и Социал-демократической
партии Нидерландов о позиции советского
руководства в связи с предстоящим процессом
над членами партии эсеров**

19 марта 1922 г.

РИГА ЮРЕНЕВУ НЕМЕДЛЕННО ПЕРЕДАТ[Ь] БРЮС-СЕЛ[Ь] ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ БЕЛЬГИЙСКОЙ СОЦПАРТИИ И КОПИЮ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ ГОЛЛАНДСКОЙ СОЦПАРТИИ В «АМСТЕРДАМ».

EN REPONSE A VOS TELEGRAMMES JE VOUS COMMUNIQUE CE QUI SUIT: DEUX POINTS AUCUN MEMBRE DU GOUVERNEMENT RUSSE NE A JAMAIS DOUTE QUE LES REPRESENTANS DE LA DEUXIEME INTERNATIONALE AIENT TOUJOURS ET CONSTAMMENT PRATIQUE LA MEME POLITIQUE QUI A EGALEMENT ETE PRATIQUEE, MAIS AVEC QUELQUES HESITATIONS, PAR LES MEMBRES DE LA «ASSOCIATION SOCIALISTE DE VIENNE» STOP ILS ONT TOUJOURS ETE FIDELES A LA POLITIQUE DE ALLIANCE DIRECTE ET INDIRECTE AVEC LES CLASSES EXPLOITEUSES QUI DANS TOUS LES PAYS ONT PERSECUTE ET MASSACRE LES COMMUNISTES, CAS DONT LA REPUBLIQUE DEMOCRATIQUE ALLEMANDE FOURNIT DES EXEMPLES PARTICULIEREMENT NOMBREUX ET ELOQUENTS STOP SEULES CETTE ALLIANCE ET CETTE PARENTE POLITIQUE ENTRE LES PARTIS SOCIALISTE-REVOLUTIONNAIRE ET MENCHEVIK, QUI ONT SOUTENU EN FAIT LA INVASION EN RUSSIE DE KOLTCHAK, DENIKIN ET AUTRES PEUVENT EXPLIQUER LA CONFIANCE QUE VOS PARTIS ACCORDENT MAINTENANT AUX SOCIALISTES-REVOLUTIONNAIRES ET LA DEFENSE QUE VOUS PRENEZ DE CEUX QUE VOUS APPELEZ VOS CAMARADES ET QUI SONT LES ASSASSINS DES COMMUNISTES DE RUSSIE STOP EN REALITE NON SEULEMENT AUCUNE SENTENCE NE A ETE PORTEE CONTRE LES ASSASSINS MEMBRES DU PARTI SOCIALISTE-REVOLUTIONNAIRE DONT VOUS PARLES, MAIS ILS NE ONT PAS ENCORE COMPARU DEVANT LE TRIBUNAL, LE ACTE D'ACCUSATION NE A PAS ENCORE ETE REMIS AUX INCULPES STOP EN TOUT CAS JE ESTIME DE MON DE VOIR DE AJOUTER QUE LA GOUVERNEMENT SOVIETISTE NE SE REFUSA JAMAIS A AUCUNE OFFRE CONCRETE, A AUCUNE PROPOSITION PAR EXEMPLE DE ECHANGE DE PRISONNIERS OU DE LIBERATION DE TELLE OU TELLE CATEGORIE DE DETENUS, LORSQUE DE SEMBLABLES PROPOSITIONS EMANERENT DU GOUVERNEMENT DE DENIKIN AU MOMENT MEME OU IL ENVAHISSAIT LA RUSSIE SOVIETISTE POUR RESTAURER LA DOMINATION DES GRANDES PROPRIETAIRES STOP

LE COMMISSAIRE DU PEUPLE A LA JUSTICE

KOURSKI

– Л. 83–83 об. Подлинник на телеграфной ленте. Телеграмма передана через полпреда РСФСР в Латвии Юренева по дипломатическим каналам 19 марта 1922 г. На бланке телеграммы штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г. В деле также отложилась (л. 84) машинописная незаверенная копия того времени, сделанная для делопроизводства ЦК РКП(б). Русский перевод см. док. № 16-45.

№ 16-45

Заявление Советского руководства Центральным Комитетам Бельгийской социалистической партии

**и Социал-демократической партии Нидерландов в связи
с требованием последними недопущения смертного
приговора арестованным членам ЦСР**

[Не позднее 20 марта 1922 г.]

**ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ № 114
ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК
от 20 марта п. 4-й**

**ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ БЕЛЬГИЙСКОЙ СОЦИА-
ЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, БРЮССЕЛЬ, КОПИЯ ЦЕНТ-РАЛЬНОМУ
КОМИТЕТУ ГОЛЛАНДСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ,
АМСТЕРДАМ.**

В ответ на Ваши телеграммы сообщаю:

Ни один член Советского Правительства в России не сомневался никогда, что представители Второго Интернационала всегда проводили неуклонно ту политику, которую с небольшими колебаниями проводили также представители «Венского Социалистического Объединения». Они всегда проводили политику прямого и косвенного союза с теми эксплуататорскими классами, которые во всех странах преследовали и убивали коммунистов, примеры чему особенно многочисленны и наглядны в Германской Демократической Республике. Только этим объединением и политической близостью между партиями эсэров и меньшевиков, которые фактически поддерживали нашествие на Россию Колчака, Деникина и т.п., можно объяснить доверчивость, проявляемому^а в настоящее время вашими партиями к эсэрам и меньшевикам и защиту Вами тех, кого вы называете Вашими товарищами и кто является убийцами русских коммунистов. На самом деле не только не вынесено приговора по делу об убийцах, членах партии С.-Р., о котором Вы пишете, но даже не было еще суда и не вручено еще судом обвиняемым обвинительного акта. Во всяком случае считаю долгом прибавить, что Советское Правительство не отказывалось от деловых предложений, вроде предложения обмена пленных или освобождения тех или иных категорий арестованных, когда подобные предложения исходили от правительства Деникина во время его прямого нашествия на Советскую Россию с целью восстановления власти помещиков.

Народный Комиссар Юстиции КУРСКИЙ

– Л. 65. Машинописная заверенная копия позднейшего времени.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1376. Л. 5. Машинописная копия.

– Опубликовано за подписью наркома юстиции Д.И. Курского в «Известиях ВЦИК», № 64 от 21 марта 1922 г.

№ 16-46

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«Об ответе иностранным социалистам по поводу с.-р.».
Из протокола заседания Политбюро № 114, п. 4**

^а Так в документе, следует проявляемую.

от 20 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Опросом членов ПБ от 18.ИИ.22 г.

4. Об ответе иностранным социалистам по поводу с.-р.

Принять предложение т. Ленина с поправками т.т. Зиновьева и Каменева.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 64. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 266. Л. 5. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник. В тексте постановления вычеркнута взамен первоначально написанной фамилия Л.Д. Троцкого. Внизу листа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 114, п. 4. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Молотов, Троцкий. Зампред СТО: тт. Цюрупа и Рыков».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1376. Л. 4. Машинописный подлинник (подписной), подпись – автограф В.М. Молотова.

№ 16-47

Телеграмма из Цюриха от группы анархистов советскому правительству с протестом против предполагаемого осуждения членов партии эсеров

20 марта 1922 г.

Советское Правительство, Москва

[В] Москву из Цюриха

Мы протестуем против предполагаемого осуждения социалистических революционеров. Подобные средства задерживают социалистическую борьбу к освобождению. Анархистская группа, группа Зейлера. «Libertarian Zinggs Zeitschrift werden». (Далее слова непереводимы).

Шерер.

– Л. 73. Русский перевод. Машинописная незаверенная копия того времени. На листе сверху входящий номер ЦК РКП(б) с датой «31/ИИ-22». Внизу слева машинописные пометы: «Москва, Кремль, 20/ИИ-22 г.»; «Копия – Молотову, Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-48

Телеграмма из Лондона от представителя социал-демократической Федерации Кеннеди в Совет Народных Комиссаров с просьбой отложить суд на эсерами

[Не позднее 20 марта 1922 г.]

Совет Народных Комиссаров, Москва

Из Лондона

Социал-демократическая Федерация⁶⁹ просит отложить суд над социалистами-революционерами и предлагает независимые расследования представителями международных социалистических и рабочих организаций. Кеннеди, секретарь.

– Л. 76. Русский перевод. Машинописная незаверенная копия того времени. На листе сверху входящий номер ЦК РКП(б) с датой «31/III-22». Внизу слева машинописные пометы: «Москва, Кремль, 20/III-22 г.»; «Копия – Молотову, Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-49

Телеграмма от представителя Конфедерации Голландских Синдикатов В.И. Ленину с просьбой об освобождении заключенных социалистов-революционеров

22 марта 1922 г.

Ленину, Председателю Совета Народных Комиссаров, Москва

Из Амстердама

Конфедерация Голландских Синдикатов просит от имени более чем 220.000 рабочих синдиката отпустить заключенных социалистов-революционеров, и свободу слова и печати.

Ф. Ван-де-Валле, Секретарь.

– Л. 77. Русский перевод. Машинописная незаверенная копия того времени. На листе сверху рукописная помета: «мат[ериалы] ПБ С[екретный] арх[ив] 24/III В. М[олотов]». Внизу слева машинописные пометы: «Москва, Кремль, 20/III-22 г.»; «Копия – Молотову, Коминтерн». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-50

Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением об издании специального партийного циркуляра в отношении членов РКП(б), ранее состоявших в других политических партиях

22 марта 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ПОЛИТБЮРО №116 п. 8

В связи с брошюрой тов. Семенова для ряда т.т., имеющих общее с ним прошлое, а теперь находящихся в наших рядах или работающих фактически, как коммунисты, создается совершенно невыносимое положение. Как в среде, близкой к с.р., так и в обывательской среде, не способной понять всей глубины переживания этих товарищей, отношения к ним неизбежно выливаются в самой омерзительной форме. Для мещанской

психологии они являются авантюристами, убийцами, взломщиками, «темными личностями». Для психологии, связанной с с.р. работой людей и для самых с.р. они к тому же ренегаты, предатели и провокаторы.

Для ГПУ моральная чистота побуждений этих товарищей вне сомнения. ГПУ, учитывая невыносимую обстановку, создавшуюся в жизни товарищей, считает необходимым, чтобы в партийной среде они нашли бы полное понимание и нравственную поддержку.

Между тем, благодаря слабой осведомленности партийных масс, а также благодаря наличию в партии элементов с мещанской психологией уже были случаи, когда вместо поддержки товарищи эти встречали такое же отношение, как во враждебной нам или в обывательской среде.

ГПУ просит ЦК РКП издать специальный циркуляр, разъясняющий обязанности членов партии выходцев из других партий, в отношении борьбы с контрреволюцией и дающий общие указания об отношении партии к роли Семенова, Коноплевой и др.

ГПУ просит ЦКК РКП применять в отношении мещански мыслящих элементов партии, проявляющих враждебное отношение к бывш[им] с.р., принимающим участие в разоблачении п.с.-р., решительные меры.

ЗАМ. ПРЕД. ГПУ УНШЛИХТ

22 марта 1922 года

– Л. 88. Машинописная копия позднейшего времени, сделанная в августе 1962 г.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1378. Л. 7. Машинописная копия.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 268. Л. 11. Машинописный подлинник, подпись – автограф И.С. Уншлихта. Вверху справа помета: «ПБюро. В. Молотов. 22/III», а также помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 116, п. 8 от 23 марта 1922 г.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 12. Машинописный экземпляр того времени. Заверительная подпись отсутствует. Внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 116, п. 8 от 23 марта 1922 г.

– Опубликовано по экземпляру РГАСПИ: Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 96.

№ 16-51

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«Об издании циркуляра, разъясняющего обязанности членов РКП выходцев из других партий».

Из протокола заседания Политбюро № 116, п. 8

от 23 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

8. Об издании циркуляра, разъясняющего обязанности членов РКП выходцев из других партий (предложение т. Уншлихта)

а) Поручить Оргбюро составить циркуляр, согласно предложению т. Уншлихта.

б) Поручить т.т. Преображенскому и Ярославскому написать статьи относительно Семенова. О характере и тоне статей переговорить с т. Троцким⁷⁰.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 87. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1378. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф В.М. Молотова.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 11. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

№ 16-52

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об определении срока начала процесса над членами ПСР.

Из протокола заседания Политбюро № 116, п. 9

от 23 марта 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

9. О процессе с.-р.
(т. Уншлихт)

Назначить для фактического начала процесса с.-р. срок не позже, чем через месяц.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 89. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1378. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф В.М. Молотова. Заключительная часть фразы в следующей редакции: «...как через месяц». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Троцкий, Молотов, Калинин. Зампред СТО т. Цюрупа, Рыков».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 268. Л. 10. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник. Слева запись о рассылке: «Уншлихту». Ниже помета: «Комиссия по делу с.-р. т. Дзержинский, т. Курский, Стеклов».

№ 16-53

Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) о толковании арестованными эсерами декрета ВЦИК от 26 февраля 1919 г.

1 апреля 1922 г.

В ПОЛИТБЮРО Ц.К.Р.К.П.

Предающиеся суду члены Ц.К. партии с.-р. отказываются давать показания при следственном производстве по предъявленному им обвинению, ссылаясь на постановление ВЦИК от 26/II-1919 года¹¹, которым были амнистированы все группы партии правых с.-р., отказавшиеся от политики вооруженной борьбы с Советской властью и разделявшие постановления конференции партии правых с.-р. от 8/II-1919 г., высказавшейся против вооруженной борьбы с Советской властью и призвавшей членов п.с.-р. к борьбе с реакционными правительствами. Указанное постановление ВЦИК может быть истолковано, как амнистия за все деяния отдельных членов и групп п.с.-р. в период вооруженной борьбы с Советской властью. Так оно истолковывается привлеченными к предстоящему процессу

членами Ц.К. п.с.-р. В соответствующем духе с-ры выступят и на суде Верховного Трибунала. В виду этого, необходимо либо разъяснение НК Юстиции о том, что постановление ВЦИК от 26/II-19 г. не распространяется на тех членов п.с.-р., которые приняли участие в террористической и экспроприаторской деятельности п.с.-р. в 1918 году, либо соответствующее постановление Президиума ВЦИК.

ЗАМПРЕД ГПУ УНШЛИХТ

– Л. 91. Машинописный подлинник на бланке ГПУ, подпись – автограф. Круглая гербовая печать ГПУ НКВД РСФСР. На листе штамп и рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б) № 1, п. 3 от 3 апреля 1922 г., а также резолюции: «Надо поставить в Пленуме. Л. К[амнев]»; «Приложить копию декрета ВЦИК от 8/II-1919 г. 2/IV. В. Молотов». Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 16-54

Постановление Пленума ЦК РКП(б) «О применении амнистии от 26.II-19 г. к эсерам». Из протокола заседания Пленума ЦК № 1, п. 3¹²

от 3 апреля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

3. О применении амнистии от 26.II-19 г. к эсерам (т. Дзержинский)

Поручить т. Дзержинскому проведение этого вопроса. Доклад о процессе п.с.-р. назначить через неделю в Политбюро.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 90. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 2. Машинописная копия экземпляра протокола № 1. Л. 10. Черновой протокол заседания Пленума ЦК РКП(б). Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. В подлиннике вторая фраза дана в следующей редакции: «Доклад о процессе в Политбюро назначить через неделю». Слева внизу запись о рассылке: «Дзержинскому».

№ 16-55

Приложение к протоколу заседания Пленума ЦК РКП(б) № 1, п. 3

от 3 апреля 1922 г.

ОБ АМНИСТИИ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ВСЕХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП, КОТОРЫЕ ОБЪЯВИЛИ МОБИЛИЗАЦИЮ СВОИХ ЧЛЕНОВ НА ЗАЩИТУ СОВ[ЕТСКОЙ] Р Е С- П У Б Л И К И
от 5 ноября 1919 г.

В дополнение Общей амнистии, Всеросс[ийский] Центр[альный] Исполн[ительный] Комитет Советов предписывает всем местным органам освободить из мест заключения и концентрационных лагерей всех членов тех политических групп и партий, которые объявили мобилизацию своих членов на защиту Советской Республики, как это сделали интернациона-

листи^{а73} революционные Коммунисты⁶⁷⁴, по[а]лей-ционисты⁷⁵, группа социал-революционеров «Народ». Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия меньшевики и бунтовцы^{б76}, за исключением тех из них[,] к которым предъявлены конкретные обвинения в участии контр-Революционных организаций.

(Полный список тех, которые будут оставлены в заключении сообщить телеграфно Всеросс[ийскому] Центр[альному] Исполн[ительному] Ком[итету] Советов и во Всероссийскую Чрезв[ычайную] Комиссию^г).

Подписали: За Председателя Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Л. Каменев.

Секретарь Всеросс[ийского] Исполн[ительного] Ком[итета] Сов[етов] А. Енукидзе.

– Л. 92. Заверенная машинописная копия того времени. Гербовая печать ВЦИК. Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б) № 1, п. 3 от 3 апреля 1922 г. Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– Опубликовано: Известия ВЦИК № 243 от 5 ноября 1919 г.

№ 16-56

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о создании комиссии для подготовки процесса над членами партии эсеров.

Из протокола заседания Политбюро № 2, п. 3

от 13 апреля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

3. Доклад т.т. Крыленко, Дзержинского и Луначарского об эсерах.

а) Поручить комиссии в составе т.т. Каменева, Троцкого и Дзержинского ближайшее наблюдение за политической стороной процесса. Созыв комиссии за т. Каменевым.

б) Поручить этой же комиссии все необходимые переговоры с т. Курским.

в) Отменить пост[ановление] ПБ от 15.III о назначении тройки в составе т.т. Дзержинского, Стеклова и Курского.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 93. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1381. Л. 1. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Молотов, Рыков. С совещательным голосом т. Цюрупа. Члены ЦК: т. Дзержинский».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 271. Л. 8. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке: «Каменеву, Троцкому, Дзержинскому, Крыленко, Луначарскому. п.

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

в) Стеклову, Курскому». В п. в) дата «15/III» вписана позднее красными чернилами в оставленное в черновом подлиннике место.

№ 16-57*

**Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта
в Берлин полпреду РСФСР в Германии
Н.Н. Крестинскому о деле, возбужденном лидером
ПСР В.М. Черновым против редакции «Нового Мира»⁷⁷**

3 мая 1922 г.

ТОВ. КРЕСТИНСКОМУ

копия: ЦКРКП тов. СТАЛИНУ

Дело, возбужденное Виктором ЧЕРНОВЫМ против редакции «Нового Мира»[,] необходимо тянуть до вынесения приговора над эсерами в Москве.

Этого необходимо добиться во чтобы то ни стало[,] и я прошу Вас поставить меня в известность[,] удастся ли Вам этого достигнуть.

С коммунист[ическим] приветом Уншлихт

– Л. 94. Машинописный подлинник на бланке ГПУ, подпись – автограф. Круглая гербовая печать ГПУ НКВД РСФСР. В левом верхнем углу листа рукописная помета: «Проверить, послана ли Крест[инско]му. Ст[алин]». В правом верхнем углу входящий номер ЦК РКП(б) с датой «5/V.22».

№ 16-58

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«О защитниках с-р».
Из протокола заседания Политбюро № 5, п. 19**

от 4 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

19. О защитниках с-р.

Поручить тройке в составе т.т. Каменева, Троцкого и Дзержинского завтра же утром детально разработать вопрос о защитниках с-р., с приглашением на заседание т.т. Зиновьева и Бухарина.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 96. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1384. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Рыков. Кандидаты: тт. Молотов, Калинин. Члены ЦК: т. Фрунзе».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 274. Л. 17. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке: «Каменеву, Троцкому, Дзержинскому, Зиновьеву, Бухарину».

№ 16-59

**Постановление Президиума Исполнительного Комитета
Коммунистического Интернационала о создании
комиссии для участия в подготовке и проведении
процесса над членами партии эсеров.
Из протокола заседания Президиума ИККИ**

от 6 мая 1922 г.

Слушали:
О процессе с-р

Постановили:

1) Образовать комиссию, которая будет ответственна за всю информационную часть процесса, которая должна начать работу завтра же и которая ответственна за информацию как во время подготовительного периода, так и во время самого процесса. Комиссию назначить в составе тт. Эберлейна, Суварина, Кона, представителя РОСТА⁷⁸, представителя ЦК РКП. Ответственность за созыв комиссии возложить на т. Кона.

Секретарь ИККИ (Куусинен)

– Л. 127. Машинописная заверенная копия на бланке ИККИ. Вверху листа рукописная помета «ЦК РКП». Вверху справа штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП с входящим номером и датой о получении выписки 26/V-1922 г. Внизу круглая печать Исполкома Коминтерна.

№ 16-60

**Записка Л.Д. Троцкого Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину
о ходе подготовки к процессу над членами партии эсеров**

7 мая 1922 г.

в[есьма] срочно
секретно

ТОВАРИЩУ КАМЕНЕВУ Л.Б.
Копия ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

Ход подготовки к процессу эсеров вызывает чрезвычайнейшие опасения. Работа обвинителей не сдвинулась с места. Важнейшая литература не только ими не прочитана, но даже не собрана. Сперва намечен был в качестве собирателя литературы и пр. т. Знаменский, назначенный тем временем начальником Главвоздухофлота. Затем по предложению т. Зиновьева намечен был секретарем обвинителей т. Луначарского и Бухарина т. Василевский, который условился обо всем необходимом с т. Луначарским, а сегодня получил предписание приступить к работе в секретариате ЦК.

Я опасаюсь, что мы на вернейшем пути к срыву процесса. Надо Василевского предоставить целиком в распоряжение Бухарина и Луначарского, иначе дело не сдвинется с места.

Л. Троцкий

7 мая 1922 г.

– Л. 98. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. На листе рукописные резолюции: «Молотову. Предлагаю уступить и отдать Василевского на период процесса. И. Сталин 8/V»; «Я против. Думаю, что можно найти другого. Кандидатура, напр., Иконников... 8/V В. Молотов»; «Назначить т. Иконникова. И. Сталин». На листе также рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК № 6, п. 5 (зачеркнуто). Рукописная помета: «Арх[ив] П[олит] Б[юро]».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 31. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для Л.Б. Каменева. Вверху листа помета: «Арх[ив]».

№ 16-61

Письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н.В. Крыленко в Политбюро ЦК РКП(б) о ходе подготовки процесса над членами партии эсеров

[10 мая 1922 г.]

В ПОЛИТБЮРО Ц.К.

Уважаемые товарищи!

Постановлением выделенной ЦК «Тройки» по наблюдению за производством по процессу эсеров ввиду моего заявления о невозможности поставить процесс в указанный срок к 23 мая и просьбы продолжить его до 1 июня – вопрос о сроке перенесен на Ваше решение. Одновременно постановлением Тройки решено расширить рамки процесса[,] предъявив обвинение эсерам за всю их деятельность за все года революции, а не только^а за 1918 [–] начало 1919 года[,] как велось первоначально следствие.

Ввиду изложенного считаю своим партийным долгом заявить ниже следующее:

1. Мы получили 21 апреля матерьял из ГПУ[,] обнимающий и исключительно период за 1918 г. в объеме сделанных СЕМЕНОВЫМ в его брошюре разоблачений и никакого другого матерьяла. Этот матерьял мы разработали и по нему можем поставить процесс в вышеуказанный срок[,] т.е. к 1 июня[,] считая в этот день подлежащим вручению обвинительный акт по обвинению в терроре, сношениях с союзниками, подготовке вооруженных^б восстаний.

2. Вчера[,] т[.] е[.] 9 мая[,] мы получили из ГПУ 9 томов^в матерьял[,] касающийся эсеров вообще за все года революции, т[.] е[.] и касающийся Тамбовского восстания и Кронштадта и Сибири и Уфы и т. д. Этот матерьял не только не разработан[,] он даже не осмотрен. Для разработки его мы требуем не менее двух месяцев.

3. Одновременно мы считаем невозможным ставить процесс против лиц[,] сидящих в тюрьме с 1919 г. за действия других[,] еще неустановленных лиц из состава Ц.К. правых эсеров в 1919, 1920 и 1921 г. При участии иностранной защиты это не только смешно[,] а прямо глупо. Привлекать же партию вообще нельзя ибо на суде должно привлечь живых людей[,] а не партию.

Поэтому я считаю необходимым заявить:

а) или процесс должен быть ограничен рамками 1918 г. по обвинению сидящих в тюрьме членов ЦК и иных эсеров по обвинению их в том[,] в чем они принимали участие[,] т. е. в терроре[,] сношениях с союзниками

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^в Вписано над строкой от руки Н.В. Крыленко.

и эсах и подготовке вооруженных восстаний. В таком случае мы поставим процесс[,] не боясь ничего[,] в начале июня[;]

б) или процесс должен быть поставлен в более широкие рамки[,] в таком случае необходим предварительный срок на изучение и собирание матерьяла и установление виновных не менее двух месяцев[;]

в) В случае отклонения этих условий – я принужден снять с себя всякую ответственность за процесс и[,] не желая быть виновником политического компрометирования партии[,] прошу дело из производства Верховного Трибунала изъять и передать в другое учреждение или меня освободить от работы в Трибунале и ответственности за процесс.

2.

Одновременно Тройка постановила заменить по формальным основаниям т. РОЗМИРОВИЧ⁹[,] официально руководившую следствием[,] другим лицом из[-]за неудобства ей подписывать бумаги. По сему заявляю[,] что за ее подпись[ю] уже имеется первый том производства и об ее участии обвиняемым известно и скрыть и впредь ее участие[,] хотя бы и неофициальное[,] будет нельзя.

С другой стороны[,] другого человека[,] уже изучившаго дело и в достаточной мере ответственного[,] нет[.] Посему прошу и это постановление Тройки также отменить. Назначена же т[.] РОЗМИРОВИЧ была с ведома Тройки и проведена официально.

Н. Крыленко

– Л. 100. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На листе внизу рукописная приписка: «Прошу поставить на повестку завтрашнего заседания с вызовом меня. Н. Крыленко», а также штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 6, п. 5 от 11 мая 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1228. Л. 3. Машинописная копия, заверенная М. Бураковой. Вверху листа напечатано: «Всем членам Политбюро для сведения: т.т. Каменеву, Ленину, Троцкому, Зиновьеву, Сталину, Рыкову, Томскому, Молотову». Здесь же штамп «Архив т. Ленина» с рукописной датой «11/V-22» и входящим номером.

№ 16-62

Письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н.В. Крыленко в Политбюро ЦК РКП(б) с протестом против решения комиссии по подготовке процес- са над членами ПСР

[11 мая 1922 г.]

В Политбюро Ц.К.

Поставленный мною на обсуждение ПОЛИТБЮРО вопрос об отмене постановления ТРОЙКИ от 10 мая[,] коим мне предлагалось назначить другое лицо для официальных следственных действий по производству правых эсэров, оставив фактическое руководство следствием за т. РОЗМИРОВИЧ, был постановлением ПОЛИТБЮРО обратно возвращен в ТРОЙКУ.

Тогда же я просил т. КАМЕНЕВА собрать Тройку[,] на что получил предложение написать на бумаге свои предложения[,] он же и ТРОЦКИЙ их подпишут[,] причем КАМЕНЕВ по существу моего предложения об отмене прежнего постановления не возражал. На посланную мною записку я получил однако ответ[,] который гласил: «Это саботаж. Дело должна вести РОЗМИРОВИЧ, подписывать другой».

Считая[,] что подобный ответ является прямым оскорблением[,] ибо никто не давал КАМЕНЕВУ и ТРОЦКОМУ права вместо делового обсуждения приказывать мне в оскорбительной для меня форме;

Считая далее такое распоряжение не вытекающим из обстоятельств дела и фактически невыполнимым[,] ибо аннулировать уже произведенные следственные действия[,] официально запротоколированные в производстве[,] я не могу и самое «распоряжение» нецелесообразным – настоящим заявляю[,] что указанному распоряжению я не подчиняюсь и продолжаю вести дело в области следствия вместе с т.[.] РОЗМИРОВИЧ в тех формах[,] в каких оно было установлено с ведома и санкции Тройки первоначально. В противном случае работу прекращаю и прошу все дело передать другому лицу. ^аОдновременно переписку по этому вопросу направляю в ЦКК на распоряжение ^б.

С товарищеским приветом Н. Крыленко

– Л. 101. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На листе рукописная резолюция: «Читал. И. Сталин».

№ 16-63

Записка Н.В. Крыленко Л.Б. Каменеву и Л.Д. Троцкому с протестом против решения комиссии по подготовке процесса над членами ПСР с приложением ответа последних

11 мая 1922 г.

«Принимая во внимание[,] что следственное производство по делу уже велось т. РОЗМИРОВИЧ в качестве официально утвержденного Верхтрибом лица, каковое производство из дела изъято быть не может, как не может остаться тайной для обвиняемых и ея дальнейшее фактическое участие в деле, между тем как ни о какой замене ея другим лицом в виду краткости срока и ея полной осведомленности в деле также речи быть не может – постановление Тройки в последнем пункте протокола от 10 мая – отменить.

Ответ[,] посланный товарищем ТРОЦКИМ и КАМЕНЕВЫМ[,]

– «Это саботаж. Дело должна вести РОЗМИРОВИЧ, подписывать другой.»

«Троцкий. Л. Каменев.»

– Л. 102. Машинописная копия, заверенная 11 мая 1922 года Н.В. Крыленко.

– РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1228. Л. 3. Машинописная копия с копии, изготовленная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная М. Бураковой. Внизу листа штамп «Архив т. Ленина» с рукописной датой «13/V-22» и входящим номером.

№ 16-64

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходе подготовки процесса по делу эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 6, п. 5

^{а-б} Последняя фраза письма вычеркнута карандашом.

от 11 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО5. О процессе эс-эров.

(т. Крыленко)

а) Согласно решения большинства комиссии назначить срок процесса эс-эров 1-го июня.

б) 2-й вопрос, внесенный т. Крыленко, согласно предыдущего решения Политбюро направить на окончательное решение тройки.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

*– Л. 99. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.**– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1385. Л. 2. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Рыков, Томский. Кандидаты тт. Молотов, Калинин. С совещат. голосом т. Цюрупа».**– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 275. Л. 8. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. В п. б) после слов «внесенный т. Крыленко» вычеркнуто ранее написанное «отклонить, передать». Слева запись о рассылке: «Крыленко, Луначарскому, т. Троцкому» (последний адресат вписан позднее красными чернилами).*

№ 16-65

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
о председательствующем на процессе над членами ПСР.
Из протокола заседания Политбюро № 6, п. 17**

от 11 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Опросом [членов Политбюро] от 6.V.22 г.

[СЛУШАЛИ:]

17.– Предложение т. Троцкого по делу с.-р. и о Кингисепе⁸⁰.

[ПОСТАНОВИЛИ:]

Принять.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

*– Л. 97. Машинописная выписка того времени на бланке ЦК РКП(б) 1-й половины 1920-х гг. Внизу листа делопроизводственная рукописная помета: «Справка: Весь материалы о Кингисепе см. дело 46 – Эстония».**– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1385. Л. 4. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. В тексте протокола № 6 зафиксирован также принятый опросом по телефону от 8 мая 1922 г. п. 21: «Об от[т]яжке суда над Керстеном в Берлине, привлекаемого Черновым за клевету (письмо тов. Крестинского № 482) [Пост.]. Оттянуть суд до окончания Московского суда над эсерами». – Там же. Л. 4.**– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 275. Л. 22. Черновой протокол заседания Политбюро. В деле – машинописный подлинник выписки из протокола заседания Политбюро, датированный 6 мая 1922 г., подпись – автограф И.В. Сталина. Номер пункта протокола вписан от руки. В деле (л. 23) находится машинописный подлинник почтотелеграммы № 46/р, посланной Л.Д. Троцким И.В. Сталину «для опроса членов Политбюро», где в п. 1 предлагалось: «1. Обсудив всесторонне вопрос о кандидатах в председатели Трибунала и имея в виду чрезвычайную сложность дела, наличие в нем искусных в юри-*

дических делах иностранцев и пр., тройка остановилась на т. Пятакове, как на единственно подходящем кандидате из всех названных и настаивает на его утверждении в Политбюро». На л. 24 – результаты опроса, проведенного Е.М. Шерлиной: За – Сталин, Каменев, Зиновьев, Троцкий. За – Рыков со след. поправкой «если не будет отвода со стороны самого т. Пятакова».

№ 16-66

Письмо К.Б. Радека из Берлина председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву об обсуждении пред- стоящего процесса над членами партии эсеров с представителями 2-го Интернационала и Заграничной деле- гацией партии эсеров

12 мая 1922 г.

МОСКВА, Тов. З И Н О В Ь Е В У.
Копия ПОЛИТБЮРО.

2-й Интернационал согласился, чтобы созыв ДЕВЯТКИ⁸¹ был назначен на 21-е мая, мы будем требовать более раннего срока, но это вряд ли удастся. В связи с этим встает вопрос, где следует отсутствовать Кларе и Фроссару: на Девятке, или в Москве. Заграничная делегация эс-эров⁸² сообщает, что защитники, чтобы иметь время ознакомиться с материалом, требуют отложения процесса до июля. Как к этому отнестись, не знаю, но, если желаете, чтобы присутствовали Фроссар и Цеткин, то считаю необходимым отложить на десять дней. Завтра аэропланом шлю характеристики русских защитников. Фамилия одного из иностранных защитников искажена, это ГАДЕН ГУЭСТ, англичанин, тот, который был в прошлом году с делегацией рабочей партии. Обращаю внимание на его книгу, изданную после поездки, направленную против Советской России⁸³. Она находится в шкафу в кабинете Литвинова, быть может в Социалистической Академии⁸⁴. Ищите там, так как может быть не удастся выслать ее из Лондона до процесса. Посылаю завтра комплект эсеровской заграничной литературы со статьями Сухомлина^а. Вместо Бонкура едет МУТЭ. Подробную характеристику сможет дать Рапопорт.

Радек.

12 мая 1922 г.

– Л. 103. Машинописная копия того времени. Внизу листа рукописная помета карандашом, по-видимому, рукой Г.Е. Зиновьева: «Выписку дать Малкину, Стеклову и Бухарину».

№ 16-67

Телеграмма советского руководства в Берлин К.Б. Радеку с ответом на его письмо о списке защитников эсеров на предстоящем процессе

[Не позднее 12 мая 1922 г.]

ШИФРОМ

^а Исправлено взамен напечатанного Сухомлинова.

Берлин. Радеку.

Относительно Сухомлина и Кобякова надо знать[,] окончательный ли это список защитников или будут еще другие. В виду явно вызывающего характера названных имен необходимо иметь полный список до дачи разрешения. Жду ответа.

Наркомюст Курский.

– Л. 104. Рукописный подлинник. На листе вверху рукописные пометы: «В архив ПБ. Ст[алин]»; «Процесс эсеров»; «др[угие] партии». *Формула шифрованности от руки.*

№ 16-68

**Письмо полпреда РСФСР в Германии П.Н. Крестинского
И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Д.И. Курскому
и И.С. Уншлихту о результатах переговоров с эсерами-
эмигрантами о возможности допущения последних
для участия в процессе в качестве защитников**

13 мая 1922 г.

Секретарю ЦК РКП
Тов. Сталину
Тов. Л.Д. Троцкому
Тов. Курскому
Тов. Уншлихту

Уважаемые товарищи!

Сегодня ко мне явились Сухомлин, Зензинов и Постников для выяснения вопроса о поездке защитников на процесс с-р в Москву.

Я строго официально заявил им, что мои полномочия ограничиваются выдачей им виз на поездку в Москву и обратно.

Они этим не удовлетворились и поставили еще три вопроса.

1) Напуганные статьями «Правды», они хотят получить бумагу, гарантирующую личную неприкосновенность защитников Сухомлина, Кобякова и Гуревича и возможность их возвращения из России. – Я ответил, что поручения и полномочия выдать такой документ от имени Советск[ого] Правительства я не имею, но что разрешение им ехать в качестве защитников, само собой подразумевает и разрешение [в] полной неприкосновенности по окончании процесса вернуться, если они не сделают попыток принять участие в борьбе их партии против Сов[етского] Правительства; но так как я не сомневаюсь, что Сов[етским] Правительством будут приняты меры, препятствующие им вне залы Суда обращаться с их единомышленниками, то их свободному возвращению никакая опасность не грозит.

Так как видно было, что они не прочь уклониться от поездки и прокричать на весь мир, что не едут вследствие отсутствия гарантий неприкосновенности, то потом я, посоветовавшись с Радеком, сказал, что готов выдать им лично от себя удостоверение*, примерно, такого содержания: «На запрос Ваш о Вашей неприкосновенности во время пребывания в России и о свободе возвращения по окончании процесса за-границу, со-

общаю, что хотя я не имею по этому поводу никаких указаний от моего Правительства, но лично я убежден, что раз Совпра согласилось допустить Вас на процесс ЦК с-р в качестве защитников, то это обозначает, что если Вы не будете делать попыток вне залы Суда войти в общение с находящимися на свободе Вашими партийными единомышленниками и принять участие в борьбе против Совпра, то Вашей личной неприкосновенности и возможности выезда из России не грозит никакая опасность»⁸⁵.

Они заявили, что такое удостоверение их вполне удовлетворяет и что в понедельник они за ним придут.

2) Один из названных французских защитников не едет и вместо него едет Муте. Я по соглашению с Радеком заявил, что беру на себя дать визу Муте вместо Бонкура.

3) Допущенный Совпра защитник Кобяков заболел и они предполагают заменить его В. Зензиновым. – Я ответил, что не вправе без запроса Москвы санкционировать эту замену и дать визу Зензинову.

Одновременно об этом посылаю Вам телеграмму и прошу телеграфно же мне ответить согласием или отказом.

Защитники предполагают выехать в среду, 17 мая^а, через Ригу^б и быть в Москве 21 мая.^в

С товарищеским приветом Н. Крестинский

*Удостоверение будет в форме письма на имя самих защитников или на имя Адлера. Об этом я столкуюсь с Радеком.

– Л. 105–105 об. Машинописный подлинник на бланке полпредства РСФСР в Германии, подпись – автограф. На документе штамп секретного делопроизводства Бюро секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения письма «18/V-1922 г.» и рукописная помета «Арх[ив] ПБ».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 39. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для И.С. Унилихта, подпись – автограф. Вверху листа слева рукописная помета, сделанная И.С. Унилихтом: «т. Менжинскому. По прочтении верните. 14.5.22». Вверху справа помета: «С-р. Арх[ив]».

№ 16-69

Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского в Наркомат иностранных дел с уточнением состава защитников на процессе над членами партии эсеров

13 мая 1922 г.

С.Секретно

Из Берлина

Получена и расшифр[ована] 14/V-22 г.

Москва. Наркоминдел.

Для ЦК. Эсеры хотят послать Зензинова вместо заболевшего Кобякова. Нам выгодней лишний плохой политик вместо единственного хоро-

^а Подчеркнуто в тексте карандашом.

^б То же.

^в То же.

шего адвоката. Я за положительный ответ. Радек со мной согласен. Ответ телеграфируйте.

Крестинский^а

– Л. 106. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминделе для делопроизводства ЦК РКП(б). Штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении копии телеграммы 16/V-22 г.

№ 16-70*

Записка и проект шифротелеграммы ЦК РКП(б) полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому о согласии на замену защитников на процессе над членами партии эсеров

[Не позднее 14 мая 1922 г.]

Шифром

Берлин Крестинскому

На замену Кобякова Зензиновым согласны

Секретарь Цека АН

– Л. 108. Рукописный подлинник, подпись – автограф работника аппарата ЦК А.М. Назаретяна. В правом нижнем углу его рукой помета: «Предложение Радека и Крест[инского] за Каменев Сталин». В деле (л. 109) машинописный подлинник телеграммы, подпись – факсимиле И.В. Сталина и дата «14/V-22 г.» Ниже рукописная помета об отправлении телеграммы 16 мая и подтверждении из Берлина о ее получении 20 мая 1922 г.

№ 16-71*

Справка, подготовленная ГПУ для И.В. Сталина, с характеристиками на представителей защиты от Заграничной делегации ПСР на предстоящем процессе

15 мая 1922 г.

В. Сухомлин.

Его деятельность за границей.

Член заграничной делегации П.С.Р. состоял редактором газеты «Воля России» в Праге. До того жил в Италии и работал в тесном контакте с итальянскими социалистическими кругами. Во всех сношениях между заграничной делегацией С.-Р. и разными социалистическими кругами, Сухомлин был представителем заграничной делегации П.С.Р. В Париже он занимался той же работой – налаживание контакта с французскими социалистами.

В Праге он установил тесный контакт с чешскими социалистами и в июне прошлого года на их съезде читал доклад о национальной федера-

^а Так в документе, следует Крестинский.

ции социалистической партии Чехии. Благодаря именно ему Пражская С.Р. группа считалась секцией Чешской социалистической партии⁸⁶. В Праге он вел переговоры с Гирсом – тов. Министр[а] Иностранных Дел Чехии. Ездил несколько раз в Вену для ведения переговоров с Бюро Венского Интернационала о принятии С.Р. в 2 Интернационал. После закрытия газеты «Воля России», Сухомлин ездил в Ревель и Ригу для того, чтобы при содействии там социалистов получить разрешение на издание С.Р. газеты. При переходе «Голоса России» в руки С.Р. Сухомлин некоторое время еще оставался в Праге, где он редактировал журнал – «Воля России» и соредктировал – революционной России^а. В течении последнего времени он побывал в Париже, кажется по вопросам финансового характера. В период работы делегации по поводу Московского процесса Сухомлин ездил в Вену, где вел переговоры с Венским Интернационалом по этому поводу. В Берлине, Сухомлин был представителем заграничной делегации на международной конференции 3-х Интернационалов.

Во время Генуэзской конференции⁸⁷ он собирался в Геную для налаживания контакта с социалистическими кругами. Был составлен даже специальный меморандум, но из-за финансовых затруднений поездка не состоялась. В настоящее время находится в Берлине, где занят специально политической работой делегации, в виде ведения переговоров с разными социалистами, разработкой материалов к процессу и пр.

Его роль в движении

Сухомлин играет роль центральной политической фигуры в С-Р. движениях за границей. Поскольку известно, ни одно решение заграничной делегации не принимается без его присутствия. На заседаниях делегации неоднократно откладывались вопросы из-за отсутствия Сухомлина. Хотя он считается в делегации крайним левым, но фактически играет объединяющую и часто примеряющую^б роль в делегации. В среде иностранных социалистов его считают самым авторитетным представителем партии, он нетолько^в популярен в партийных С.Р. кругах, но и в кругах итальянских, французских и чешских социалистов. Его популярность объясняется также его умом, проницательностью в партийных делах. Кроме того[,] Сухомлин является наиболее скромным в среде делегации, не занимается личными интригами. Это также объясняет его положение «любимца» в партийных кругах.

О его литературной деятельности я не могу судить, ибо у меня при себе нет материала.

Его политические взгляды

Как и вся партия, он^г стоит на точке зрения борьбы с Сов[етской] властью и коммунистической партией^д. Но в партии он занимает следующую позицию: большевики проделывают определенную эволюцию, они постепенно отказываются от коммунизма. Массы теряют к ним доверие. Если борются^е против большевиков оружием, то это только их усилит. Поэтому от всех форм вооруженной борьбы надо отказаться. Учредительное собрание должно быть на время тактически забыто, чтобы не перепугать еще нерешительные массы.

^а Так в документе, следует, видимо, в «Революционной России».

^б Так в документе.

^в Так в документе.

^{г-д} Подчеркнуто карандашом.

^е Так в документе, следует бороться.

Позитивно

Необходимо усилить группы на местах[,] вести сильные пропаганды в городе и деревне и всячески подрывать органы Советской власти изнутри (к этим органам Сов[етской] власти не относятся продовольственные). Необходимо подготовить весь аппарат будущей власти. Главным образом необходимо обратить внимание на работу в среде национальных меньшинств и при наличии такой организованности сил, такого контакта с национальными меньшинствами[,] с одной стороны[,] и ликвидацией большевизма – с другой стороны[,] Сухомлин верит в переворот. – Конечно – сказал он мне, в одной беседе в июне 1921 г. в Праге – в удобный момент для переворота мы выйдем с нашими боевыми группами и уверены, что вся армия будет за нами. Нашим лозунгом будет социалистическое правительство[,] и думаю, что мы будем иметь успех.

К совещанию членов Учредительного Собрания он относился отрицательно. В вопросе о Московском процессе, Сухомлин был самым главным инициатором тех протестов, переговоров с социалистами и т.п.

По вопросу о соглашении Сухомлин не допускает ни малейшей мысли <и> возможности.

В.Я. ГУРЕВИЧ

Его деятельность за границей.

Приблизительно в июне 1920 года приехал в Прагу. До этого времени он был в Сибири членом т.н. демократического правительства буферного государства. Я не знаю его деятельности в Сибири. По его словам, он занимался общественной работой.

Он был в свое время очень близок с Ключниковым[,] и полагаю, что Ключников знает подробности о его деятельности в Сибири.

В Праге он сейчас-же по приезде занял пост председателя Земгора⁸⁸. Он принимал также активное участие в местной с.р. группе.

Участвовал^ж также в переговорах заграничной делегации с украинцами и грузинами. Он не занимал большого места в работах заграничной делегации.

Гуревич всегда считался активным членом партии, ему доверяли, его посвящали во все, но он не получал больших поручений.

По моим сведениям, месяца 4–5 тому назад он был назначен заведующим с.р. разведкой за границей. Из его деятельности в этой области мне ничего неизвестно. Знаю только, что очень интересуется подробностями шпионажа большевиков за границей.

Когда я с ним говорил о получении секретных материалов из России, он сказал, что если бы он приехал в Россию, то он бы мог получить все[,] что необходимо. В настоящее время В. Гуревич в Берлине, не занят определенной работой. Очевидно[,] он скоро начнет работу в делегации, если останется в Берлине.

³Его политические взгляды те-же, что Сухомлина^н.

^ж Так в документе.

^{3-и} Подчеркнуто карандашом.

Живет он в очень плохих материальных условиях. Человек весьма честолюбивый[,] корыстный и старается сделать себе политическую карьеру.

С. КОБЯКОВ

В прошлом году приехал в Прагу из Москвы. Первым его выступлением была большая его лекция в Праге.

В «Красном Суде» он высказывает те же пожелания, что и в своих статьях на ту же тему в «Современных Записках»⁸⁹.

Он работал в Пражском Земгоре в качестве юрисконсула. ^кСам он с.р., ^л хотя в политической работе партии участия не принимал.

По словам Гуревича, он характеризуется как хороший адвокат, ограниченный нервный ум, несколько заносчивый. Эта краткая характеристика переносится на его деятельность в Земгоре. Там он часто имел конфликты с Гуревичем, который говорит, что Кобяков упорен и поэтому ему, Гуревичу, пришлось уйти из Земгора.

Теперь Кобяков остался в Земгоре.

^мЕго политические взгляды приближаются скорее к правому флангу П.С.Р. за границей. Он занимает т.н. боевую позицию и предполагает, что советская власть может быть побеждена только вооруженным восстанием изнутри.

Из всех этих трех лиц хорошим оратором является только Кобяков^н. Гуревич и Сухомлин очень слабы как ораторы.

Внешность.

Сухомлин. Высокий рост, широкоплечий, темнобронзового цвета лицо, черные волосы, карие глаза, длинный, с острым концом нос. Большой рот. Лицо длинное. Носит пенсне. Бритый.

Гуревич. Полный, среднего роста, глаза карие. Крупное лицо. Темный шатен. Волосы носит коротко, маленькие усики. Нос длинный, толстый. Рот большой, цвет лица белый. Носит пенсне.

Кобяков. Ниже среднего роста. Худой. Лицо длинное, худое. Волосы темно-рыжие. Остроконечная борода, усики темно-рыжие. Глаза темно-голубые. Нос маленький. Рот маленький. Лицо белое. Носит пенсне.

– Л. 111–112. Машинописная копия того времени, заверенная работником аппарата ЦК РКП(б) К.Т. Новгородцевой-Свердловой. На л. 111 сверху рукописная помета рукой Унилихта: «т. Сталину».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 41–42. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для Л.Б. Каменева. В деле копия, заверенная работником аппарата ЦК РКП(б) К.Т. Новгородцевой-Свердловой.

№ 16-72

Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского зам. наркома иностранных дел

^{к-л} Подчеркнуто карандашом.

^{м-н} Подчеркнуто карандашом.

Л.М. Карахану о сроках выезда из Берлина иностранных защитников эсеров для участия в процессе

15 мая 1922 г.

С. секретно

Из Берлина.
Расшифрована 17/V/22 г.

Москва, КАРАХАНУ.

Курскому. Защитники эс-эров выезжают из Берлина через Ригу в среду 17 мая, в среду клером сообщу список выехавших.

КРЕСТИНСКИЙ

– Л. 113. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминделе для ЦК РКП(б). В правом верхнем углу штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении копии расшифрованной телеграммы 20 мая 1922 г.

№ 16-73

Заявление иностранных защитников с протестом против их травли в коммунистических изданиях, поданное полпреду РСФСР в Германии П.Н. Крестинскому для передачи советскому правительству

15 мая 1922 г.

Berlin NW 7, den 15. Mai 1922

Die unterzeichneten Verteidiger der in Moskau angeklagten Sozialisten Revolutionären erklären:

Die verhetzenden Angriffe der «Roten Fahne» und der «Prawda» machen eine sachgemässe Verteidigung unmöglich. Sie stehen im Widerspruch zu den von der III. Internationale auf der Berliner Konferenz abgegebenen Zusicherungen, welche die Grundlage für die Verteidigung bilden.

Wir müssen darauf bestehen, dass diese Hetze gegen uns eingestellt wird, dass die Russische Regierung weiteren Angriffen auf uns vorbeugt und überhaupt dafür sorgt, dass eine Atmosphäre geschaffen wird, welche ein objektives Urteil ermöglicht.

gezeichnet: Emil Vandervelde
Th. Liebknecht
Kurt Rosenfeld.

– Л. 120. Машинописная заверенная копия заявления того времени, врученного П.Н. Крестинскому в Берлине для передачи Советскому Правительству. Перевод с немецкого: «Берлин NW 7, 15 мая 1922. Нижесподписавшиеся защитники обвиненных в Москве социалистов-революционеров заявляют: «Подстрекательские нападки газет “Красное знамя”⁹⁰ и “Правда” делают

надлежащую защиту невозможной. Они противоречат гарантиям, данным на Берлинской конференции трех Интернационалов, которые являются основанием для защиты. Мы вынуждены настаивать на том, чтобы эта травля против нас была прекращена; чтобы русское правительство предотвращало дальнейшие нападки на нас, и вообще, заботилось о том, чтобы была создана атмосфера, которая сделает возможным вынесение объективного приговора». Подписано: Эмиль Вандервельде Т. Либкнехт Курт Розенфельд».

№ 16-74

Заявление иностранных защитников об отказе эсеров-эмигрантов от участия в качестве защитников на предстоящем процессе в Москве, поданное полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому для передачи советскому правительству

15 мая 1922 г.

Berlin, den 15. Mai 1922.

Die Verteidiger der Sozialisten-Revolutionären in dem Moskauer Prozess haben erklärt:

Wir haben die Sozialisten-Revolutionäre, welche mit uns als Verteidiger der Angeklagten nach Moskau gehen wollten, gebeten hiervon Abstand zu nehmen, weil sie derselben Partei angehören, wie Angeklagten, und weil ihre Teilnahme an der Verteidigung den Anschein erwecken könnte, als ob die Verteidigung politisch geführt werden sollte, während unsere Aufgabe und Absicht die ist, die Verteidigung lediglich juristisch zu führen.

Die Sozialisten-Revolutionäre heben daraufhin davon Abstand genommen, sich an der Verteidigung zu beteiligen.

(keine Unterschriften)

– Л. 121. Машинописная заверенная копия заявления того времени, врученного Н.Н. Крестинскому в Берлине для передачи Советскому Правительству. Перевод с немецкого: «Берлин, 15 мая 1922. Защитники социалистическо-революционеров на Московском процессе заявили: “Мы просим социалистическо-революционеров, которые хотели с нами, защитниками обвиняемых, поехать в Москву, от этого отказаться, так как они принадлежат к той же партии, что и обвиняемые, и так как их участие в защите может вызвать предположение, что защита имеет политическую окраску, в то время как наша задача и намерение состоит в том, чтобы придать защите исключительно юридический характер”. На основании этого социалисты-революционеры подчеркивают свой отказ участвовать в защите» (без подписей).

№ 16-75

Постановление Пленума ЦК РКП(б) «О включении т. Покровского в число обвинителей по делу эсеров».
Из протокола заседания Пленума ЦК № 2, п. 3

от 16 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

3. О включении т. Покровского в число обвинителей по делу эсеров.

(т.т. Зиповьев, Каменев).

В к л ю ч и т ь.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 115. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 79. Л. 3. Машинописный подлинный экземпляр протокола № 2 заседания Пленума ЦК РКП(б), подписанный И.В. Сталиным. Л. 11. Черновой протокол заседания Пленума ЦК РКП(б). Рукописный подлинник на линованной бумаге. Слева запись о рассылке: «Покровскому, Дзержинскому».

№ 16-76

**Постановление Пленума ЦК РКП(б)
о докладе Ф.Э. Дзержинского и А.И. Рыкова
о ходе подготовки процесса над членами ПСР.
Из протокола заседания Пленума ЦК № 2, п. 7**

от 16 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

7. – О докладе т.т. Дзержинского и Рыкова в Политбюро.

Поставить в Политбюро 15.VI с.г. доклад т.т. Дзержинского и Рыкова по вопросам, стоящим в связи с процессом эсеров.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 116. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 79. Л. 4. Машинописный подлинный экземпляр протокола, подписанный И.В. Сталиным. Л. 7. Черновой протокол заседания Пленума ЦК РКП(б). Рукописный подлинник на линованной бумаге. Слева запись о рассылке: «Политбюро».

№ 16-77

**Постановление Президиума Исполнительного комитета
Коммунистического Интернационала «Об Интеле».
Из протокола заседания Президиума ИККИ, п. 15**

от 17 мая 1922 г.

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО

СЛУШАЛИ:
15. Об Интеле

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить тов. Кону переговорить с тов. Караханом в том смысле, что на время процесса С-Р^а Интель необходимо поддержать⁶. Ответственность за руководство возложить на тов. Шлихтера, находящегося в Вене, в виду бывших случаев злоупотреблений со стороны меньшевиков, обслуживающих Интель. Копию постановления сообщить ЦК РКП.

Секретарь ИККИ Эберлейн

^{а-б} Подчеркнуто в тексте карандашом.

– Л. 123. Машинописный подлинник на бланке Исполкома Коминтерна, подпись – автограф. Круглая печать Исполкома Коминтерна. Вверху листа справа штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП с входящим номером и датой о получении выписки 20/V-22 г. Внизу рукописная помета, сделанная предположительно работником аппарата ЦК РКП(б) Г.И. Каннером: «Справка. Переписка об Интеле направлена Карахану для согласования и к[оми]ссии по эсеров[скому] процессу 19/V». Ниже ознакомительная подпись А.М. Назаретяна и дата «20/V». Формула секретности штампом.

№ 16-78

Передовая статья «К процессу» газеты «Голос России» (Берлин) о кампании в советской прессе в связи с предстоящим в Москве процес- сом над членами партии эсеров

17 мая 1922 г.

«К процессу»

Не слышно более о грандиозном процессе, процессе-монстр, направленном против партии с.-р. в ея целом. По-видимому, от него остался после европейского взрыва негодования, лишь гораздо более скромный процесс против некоторого числа отдельных лиц из рядов партии. И самое число это растаяло. Нет более «процесса сорока семи». От него остался лишь процесс **двадцати двух**.

Таков первый результат. Привыкшие в четырех стенах ревтрибуналов свободно чинить по виду суда злобную расправу над всеми политическими противниками, герои современного режима впервые дрогнули, заколебались и почувствовали потребность почиститься, придется и застегнуться на все пуговицы. Какие[-]то благодетельные «спецы» из служащих правительству юристов, спешно призванные, пересмотрели собранный следственный материал, почистили его, устранили черезчур явно компрометирующие доказательства и сняли часть черезчур явно безнадежных обвинений. Большая половина обвиняемых – двадцать пять человек – перестали быть обвиняемыми. «Роте Фане» ухитрится, вероятно, и в этом увидеть акт великодушия советского правительства. Его читатели состоят из простаков, которые всему способны поверить – которые способны, пожалуй, даже подумать, что снятие обвинений в России, как и везде, означает освобождение, а не увоз куда нибудь подальше, в такие тюремные захолустья, куда ворон костей не заносил, и куда взор представителей международного социализма не заглянет...

Вынужденные допустить какую[-]то долю международного социалистического контроля, большевики в запоздалом раскаянии исходят безсильной злобой. «Правда» заранее обливает всех защитников, представителей и II-го Интернационала и Венского объединения помоями, называя их изменниками и шпионами. Сообщенный в Москву список защитников для «Правды» есть «**наглый**» список. Особенный прилив желчи, разумеется, в них возбуждает необходимость допустить в числе защитников русских эсеров, которых «Правда» могла бы представить себе в ревтрибунале только на скамье подсудимых – а здесь придется считаться с ними, как с представителями идеи права. Исполняя заказы своих господ, «Роте Фане» должно то же – во что бы то ни стало опорочить русский список, но эта газета, считаясь с европейскими понятиями о праве, вынуждена прибегать к другим ресурсам: она изобрела и с торжеством пустила в ход выдумку, будто Сухомлин – кстати сказать, кандидат прав

Монпельевского университета, – не имеет никакого отношения к юриспруденции. И все для того, чтобы оправдать заявление «Правды», сводящееся к тому, будто под видом защитников в Россию едут какие-то «капиталистические лазутчики» с целью «вынюхивать наши силы, заводить свои связи и плести свои козни».

Мы понимаем те чувства, которые диктуют большевистской прессе ее поведение. Обстановка будущего процесса, в части, касающейся допущения международного, социалистического контроля, есть брешь в стройной системе разнузданного большевистского произвола. И вот официальный орган правящей партии не может воздержаться даже от каких[-]то замаскированных угроз по адресу защитников: «встреча их с нашей стороны будет вполне соответствовать». В нем нашлись изобретательные люди, которые хотели бы даже, повидимому, превратить приезжих защитников в арестованных, доставляемых в суд под стражей и содержаемых как бы под домашним арестом: «вне судебного процесса эти господа должны быть поставлены в такие условия, которые бы обеспечили нашу страну от их военного шпионажа, от поджигательской тактики этих негодяев».

Угроз мы не боимся. Площадная брань нас не смущает: из[-] под большевистских литературных подворотен ничего иного мы и не ожидали. Махровая глупость предположения, будто приезжие защитники, к которым будут прикованы, конечно, все взоры тысячеглазой чрезвычайки, имеют целью заведение конспиративных связей, разбора не заслуживает. Но что касается попытки под этим предлогом стеснить свободу движений защитников, ограничить их гражданское полноправие и свободу общения с внешним миром, без которой нет возможности находить хотя бы свидетелей со стороны защиты – то это покушение с негодными средствами. Или защита допущена, и тогда она имеет свободу общения с внешним миром. Или откровенно отказывайтесь от собственных обещаний и обнажайте цинизм своего произвола. Но несвободной, полу-арестованной защиты не будет. Ширмы для вашего издевательства над правосудием вам придется поискать в какомнибудь другом месте.

– Л. 122. Первая страница подлинного экземпляра газеты «Голос России» (Берлин) № 967 от 17 мая 1922 г., пересланного почтой. В правом верхнем углу рукописная пометка о принадлежности экземпляра к архиву Политбюро.

№ 16-79

Информационные материалы «Защита на процессе эс-эр» газеты «Голос России» (Берлин)

17 мая 1922 г.

«Защита на процессе эс-эр»

В понедельник 15-го мая состоялось первое совещание с'ехавшихся в Берлине защитников-социалистов. Присутствовали бельгийцы Эмиль Вандервельде, Воторс, германские независимые с.-д.⁹¹ Теодор Либкнехт, Курт Розенфельд, В.В. Сухомлин, В.М. Зензинов и Розенталь – латвийский товарищ, едущий в Москву в качестве переводчика.

Были оглашены телеграммы от Поля Бонкура и Марнуса Мутэ с извещением о том, что они приезжают в Берлин во вторник, и от Модильяни, который сообщил, что не может освободиться раньше конца июня и поэтому не в состоянии быть в Берлине и Москве в назначенный срок.

Вандервельдэ сообщил, что по полученным им сведениям делегат берлинской рабочей партии⁹² д-р Гаден-Гест выехал из Лондона в Берлин.

Либкнехт и Розенфельд подняли вопрос о травле, которую начала против защитников русская и иностранная большевистская печать. Они предложили сделать немедленно же в категорической форме заявление, что если московское правительство не дезавуирует статей, появившихся в «Правде» и не прекратит травли, участие иностранных адвокатов-социалистов в процессе сделается невозможным.

Во время обмена мнений по этому поводу выяснилось, что по заявлению г-на Курсаго, повторенному в Берлине г-ном Крестинским, советское правительство намерено поставить защитников с.-ров в иные условия, нежели иностран[ных] адвокатов: к ним будет приставлена особая охрана, им будут запрещены сношения с внешним миром, за исключением подсудимых и других защитников.

Иностранные товарищи заявили, что они не смогут согласиться на подобные ограничения прав своих русских коллег, в которых они видят покушение на права защиты в целом. Но предвидя бесплодность своих протестов, и не желая давать большевикам повода обвинять иностранных социалистов-защитников в пристрастности и в желании сделать из защиты политическую демонстрацию, они обратились с просьбой к русским товарищам отказаться от поездки в Москву.

Затем ими было совместно выработано заявление, в котором указывается на то, что травля, предпринятая в коммунистической прессе, противоречит обещаниям, данным на Берлинской конференции Радеком и Бухариным, и создает атмосферу, в которой совершенно невозможно нормальное течение процесса. Поэтому иностранные защитники-социалисты требуют от советского правительства немедленного прекращения этой травли, и вообще обеспечения таких условий ведения процесса, при которых было бы возможна безпристрастное исследование истины.

Вандервельдэ нашел нужным со своей стороны заявить, что он поедет в Москву и примет участие в процессе при всяких условиях. И было решено, что защитники выедут в Москву в среду, 17 мая, независимо от того, какой ответ последует на их заявление. Затем были подвергнуты обсуждению различные технические вопросы.

СОВЕТСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ОБЕЩАЕТ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТНИКАМ

Гельсингфорс, 15 мая. (Соб. кор.)

Государственный обвинитель Раппопорт, в руках которого сконцентрирован весь предварительный судебный материал членов Центрального Комитета партии эс-эров, в беседе с правозаступниками относительно гарантий прибывающим на процесс из-за границы защитникам, состоящим членами эс-эровской партии, заявил: «Правительство дало гарантии всем лицам[,] взявшим на себя защиту на предстоящем процессе и прибывающим на территорию Республики, но оно не может в интересах самого процесса дать особые гарантии тем лицам, считающим себя русскими гражданами и членами эс-эровской партии, так как никто не может быть гарантирован, что по ходу процесса может быть установлена и причастность к обвиняемым и обвинению тех членов партии, каковые прибыли на судебное разбирательство в качестве защитников».

НАРКОМ'ЮСТ КУРСКИЙ О ЗАЩИТНИКАХ

Советское официальное агентство разослало 15 мая некоторым газетам следующее сообщение:

Народный Комиссар Юстиции Курский беседовал с представителями печати относительно участия представителей социалистического интернационала в качестве защитников в процессе правых эс-эров. Курский заявил, хотя в защите хотят принять участие активнейшие представители эс-эров, которые не только открыто защищают преступные действия правых эс-эров, но и сами считаются скомпрометированными как участники действий, инкриминируемых привлеченным к суду, советское правительство не ставит никаких препятствий свободному въезду в Россию этих эс-эров и принятию ими на себя роли защитников. На обращение социалистического интернационала по этому поводу советское правительство ответило следующим: Комиссариат Юстиции считает возможным допущение названных Вами лиц в качестве защитников. Однако, ввиду того, что некоторые из них, как например Сухомлин, Кобяков, Гуревич, являются активными членами партии эс-эров, которая вела и ведет против России вооруженную борьбу, советское правительство, ввиду того, что военно-капиталистическое окружение России еще не прекращено, а сильно осложнилось, считает невозможным без особых гарантий позволить подобным защитникам пребывание в России ввиду того, что их связывает с самыми ожесточенными врагами советской России политическое одномыслие и действенная солидарность. Само собой разумеется, что эти меры не помешают эс-эрам выполнять обязанности защитника.

ГЕРМАНСКИЕ НЕЗАВИСИМЫЕ О ЗАПУГИВАНИИ ЗАЩИТНИКОВ

Приводя напечатанную уже у нас цитату из «Правды» относительно защитников на с.р. процессе, «Фрейхейт»⁹³ от себя прибавляет:

«Чрезвычайно своеобразный способ сдерживать обещания. Не желают ли выставить иностранных защитников путем дурного обращения с ними вне залы судебных заседаний по возможности скорее вон из Москвы? Выпады “Правды” – яркий пример того, как неприятно московским людям отправлять свое правосудие перед лицом представителей иностранных пролетарских организаций.

Нельзя найти более убедительного аргумента в пользу участия в процессе иностранных защитников, чем эта попытка “Правды” запугать их[»].

– Л. 122. В деле – первая страница подлинного экземпляра газеты «Голос России» (Берлин) № 967 от 17 мая 1922 г.

№ 16-80

**Письмо полпреда РСФСР в Германии
Н.Н. Крестинского советскому руководству о действиях иностранных защитников накануне их отъезда
из Берлина (с приложением)**

17 мая 1922 г.

Секретарю ЦКРКП
Тов. Сталину
Тов. Л.Д. Троцкому^а
Тов. Дзержинскому^а
Тов. Курскому

^а Так в документе, следует Дзержинскому.

Тов. Каменеву
Тов. Уншлихту

Уважаемые товарищи

Прошлой почтой я писал Вам о визите ко мне с-ров.

В понедельник они должны были придти за визами и тем гарантирующим письмом, примерный текст которого я Вам уже сообщил, но не пришли.

Утром в понедельник явился Вандервельд со своим секретарем Вотерсом. Я сообщил ему, что процесс отложен на 1 июня, но он сказал, что все-таки поедет в среду, 17-го мая, чтобы успеть подготовиться к делу: Визы мы им поставили.

Вечером пришли Курт Розенфельд и Теодор Либкнехт с тем же Вотерсом и переводчиком, бывшим Московским прис[ажным] пов[еренным] Розенталем (его знает Саврасов, у которого он служил до своей реэвакуации из России).

Курт Розенфельд заявил, что по настоянию Вандервельда, его и Либкнехта защитники с-р^ы отказались от поездки в Москву, чтобы не придавать защите политического характера, а исключительно юридический. Предвидя, что с-р^ы будут мотивировать свой отказ от поездки не только и не столько этим, сколько недостаточной гарантией неприкосновенности, я попросил Розенфельда тут же продиктовать stenотипистке это заявление, что он и сделал. — Текст этого заявления, хотя и неподписанный, был у него в руках, он его и читал и диктовал по записке.

Затем он огласил второе заявление, которое передал мне за подписями — своей, Вандервельде и Либкнехта.

В этом заявлении они протестуют против травли защитников в «Правде» и «Роте Фане» и просят Совпра принять меры к изменению отношения к защите. —

Я сказал, что ни «Правда», ни «Роте Фане» не подчинены Советскому Правительству и что поэтому с их заявлением правильнее было бы обратиться к представителям Коминтерна в Комиссии девяти. — Однако, так как их заявление адресовано Советскому Правительству, то я передам его по телеграфу в Москву.

Розенфельд спросил, будет ли ответ до их отъезда — до среды. Я ответил, что гарантировать этого я не могу. —

Ни в тексте заявления, ни в устных объяснениях они своего отъезда не ставили в зависимость от удовлетворительного ответа Сов[етского] Правительства на их заявление. —

По имеющимся у меня со стороны сведениям, на совещании защитников было предложено ехать лишь в случае благоприятного ответа Совпра на это заявление, но потом решено было этого в связь не ставить. —

В сегодняшнем «Голосе России», как я и ожидал, имеются указания на то, что ^бодной из причин^в, при этом стоящей на первом плане, отказа с-р^ы защитников от поездки в Москву ^гявляется нежелание Советск[ого] Правительства гарантировать им полную неприкосновенность^д. — В виду этого посылаю Вам текст приготовленного мною к понедельнику удостоверения, за которым Сухомлин не явился, но относительно которого в субботу, 13-го он мне сказал, что оно их вполне удовлетворит.

Сегодня утром пришел Бонкур поблагодарить Советское Правительство за разрешение ему ехать в Россию и сообщить, что, к сожалению, он не может им воспользоваться по личным причинам. —

^{б-в} Подчеркнуто карандашом.

^{г-д} Подчеркнуто карандашом.

Что касается своего коллеги Мутэ, то он сообщил, что тот поедет на будущей неделе и просит разрешения взять с собой жену. – Я не возражал. –

Только что расшифрована Ваша телеграмма с предложением задержать защитников в виду того, что процесс отложен и Вы не готовы еще их принять. –

Вчера все едущие получили уже визы и взяли железнодорожные билеты. Об отложении процесса они были уже предупреждены. При таких условиях задержать их отъезд без большого скандала нельзя. Они, конечно, распубликуют, что Советское правительство лишает их возможности ознакомиться с делом. С другой стороны я думаю, что Вы не готовы к приему 10–11 защитников, из которых трое с-ров, нуждающихся в специальном уходе. Едут же сегодня только три защитника – Вандервельд, Розенфельд и Либкнехт с двумя переводчиками – Вотерсом, который по русски не говорит и помогает лишь об»ясняться между собой Француз и немцу, и Розенталем, говорящим по-русски. Для этих пяти такой сложной подготовки не нужно, и за 4 дня их пути через Ригу Вы, вероятно, с»умеете^е организовать прием. –

Поэтому я ничего не говорю им о полученной телеграмме, не делаю попыток задержать, и они сегодня уедут.

Из газет мы знаем, что Модильяни^ж также не может поехать, как и Бонкур. Значит, кроме первых трех, подъедут еще Мутэ и англичанин д-р Гаденгест. – Последний должен был ехать тоже сегодня, но до сих пор за визой не являлся. Вероятно, он опоздал приехать в Берлин.

Все защитники интересовались вопросом о том, где им остановиться в Москве и как жить. – Я думаю, что Вы им помещение приготовите не по соображениям гостеприимства, а для того, чтобы иметь контроль за их поведением, но с уверенностью им этого сказать не мог. Поэтому Вандервельд предполагал телеграфировать О’Греди, чтобы он обеспечил им квартиру, если таковая не будет приготовлена Совпра. –

Думаю, что надо бы поручить Бюробину⁴ (НКВД), чтобы он поместил защитников в одном из домов НКВД (конечно, по соглашению с тов. Уншлихтом), конечно, не даром, а за обычно взимаемую со знатных иностранцев плату. – Мы здесь исправно взыскали за визы и думаем, что Рижское Представительство также исправно взыщет за проезд от Риги до Москвы.

Розенфельд сообщил, что из московских адвокатов в качестве защитников предполагают пригласить Муравьева³, Соколова и Жданова. – Муравьеву они предполагали вчера телеграфировать, чтобы он озаботился переводом обвинительного акта и следственных материалов на французский и немецкий языки. –

Вот, кажется, все по этому делу. –

С товарищеским приветом Н. Крестинский

P.S. Радек узнал от Вандервельда, что жена Мутэ русская. – Сообщите, пустить ли ее. Если до ея приезда не будет запрета, визу дам.

Вандервельд говорил с Радеком о помещении в Москве. Радек считает, что необходимо приготовить и вообще, ведя резкую политическую кампанию, сохранять внешнюю любезность.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 17 МАЯ

^е Так в документе.

^ж Так в документе, следует Модильяни.

³ Далее в машинописном тексте забита фамилия Малайновича.

Только что позвонили, что сегодня едет один Вандервельд со своим секретарем Вотерсом. Либкнехт, Розенфельд, Мутэ с женою и переводчик Розенталь выезжают отсюда в субботу, 20-го, попадут в наш вагон, идущий из Риги во вторник, 23-го мая и будут, стало быть, в Москве только 25-го. Об англичанине ни слуха, ни духа.

Вандервельд будет у Вас 21-го мая

– Л. 117–118. Машинописный подлинник на бланке полпредства РСФСР в Германии, подпись – автограф. В деле экземпляр, адресованный И.В. Сталину. На документе штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении письма 22 мая 1922 г. Вверху л. 117 рукописная помета «Арх[ив] ПБ».

№ 16-81

Проект ответа полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского члену ЦК ПСР В.В. Сухомлину об условиях участия эсеров-эмигрантов в качестве защитников на предстоящем процессе⁹⁵

[Не позднее 17 мая 1922 г.]

Г-ну В.В. Сухомлину.

Вы запрашиваете, будете ли Вы и другие допущенные в качестве защитников на процессе с.-р. в Москве члены Партии С.Р. Зензинов и Гуревич пользоваться неприкосновенностью во время пребывания в России и будет ли Вам предоставлена возможность по окончании процесса вернуться за-границу.

Хотя я не имею по этому поводу никаких специальных указаний от моего Правительства, но лично я убежден, что раз Советское Правительство согласилось допустить Вас, Зензинова и Гуревича в качестве защитников на процесс с.-р. в Москве, то это обозначает, что если Вы ограничитесь исполнением обязанностей защитников, не будете во время своего пребывания в России делать попыток войти в общение с находящимися на свободе Вашими партийными единомышленниками и принять участие в борьбе против Советского Правительства, то Вашей личной неприкосновенности и возможности выезда из России не грозит никакая опасность.

– Л. 119. Машинописный экземпляр того времени. Датировано по предыдущему документу.

№ 16-82

Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского советскому руководству об иностранных защитниках эсеров на предстоящем процессе в Москве

[Не позднее 18 мая 1922 г.]

Сов. секретно.

ИЗ БЕРЛИНА

Расшифрована 18/V-22 г.

Москва, НАРКОМИНДЕЛ.

Для Троцкого, Каменева, Дзержинского, Курского. Защитникам сообщил вчера о назначении процесса первого июня до получения вашей № 262. Они решили выехать сегодня, задержать их без скандала невозможно. Выезжают – Вандервельд, Розенфельд, Либкнехт и два переводчика: Розенталь, Вотерс, Сухомлин, Зинзинов^а, Гуревич, Бонкур, Модильян не поедут совсем. Муте едет на следующей неделе, англичанин еще не появлялся.

Уншлихту от Степанова. На номер 81037. О каком ящике идет речь, где оставлен.

КРЕСТИНСКИЙ

– Л. 114. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминделе для ЦК РКП(б). В правом верхнем углу штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении копии расшифрованной телеграммы 20 мая 1922 г.

№ 16-83

**Шифротелеграмма секретаря Сиббюро ЦК РКП(б)
Е.М. Ярославского И.В. Сталину о присылке материалов о
деятельности эсеров в Сибири**

19 мая 1922 г.

поступила для расшифрования 19/V 1922 в 19 час. 20 мин.

МОСКВА ЦКРКП СЕКРЕТАРЮ Тов. СТАЛИНУ

Вышлю с курьером материалы о эсерах. ПЕРВОЕ Предстоит в Новониколаевске суд над белогвардейскими генералами Бакичем, Смольным⁹⁶[,] давшим показания, что они рассчитывали <на> ту работу[,] которая проделывалась в Советской России эсерами крестьянским союзом⁹⁷, программу которого считают приемлемой для себя. Рассчитывали создать коалиционное правительство[,] куда должны были войти эсеры, меньшевики вместе с кадетами. Пошлю показания генералов. ВТОРОЕ подлинник открытого письма эсеров эта гения труппа⁹⁸[,] обвиняющего партию эсеров в ряде преступлений. ТРЕТЬЕ письмо Максима Амосова о расстреле госморами⁹⁹ коммунистов Якутской области. ЧЕТВЕРТОЕ материалы, ода колчаковщины¹⁰⁰ Сибири. Организуем кампанию¹⁰¹. Процессу Бакича¹⁰² придадим широкий политический характер[,] свяжем с процессом эсеров.

ЯРОСЛАВСКИЙ

– Л. 128. Машинописный подлинник. На бланке шифротделения ЦК РКП(б). Вверху справа штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения телеграммы 2/VI-1922 г. Слева рукописная помета о передаче содержания телеграммы Л.Д.

^а Так в документе, следует Зензинов.

^а Так в документе, следует эсера Евгения Труппа.

^б Так в документе.

^в Слова ода колчаковщины вписаны в машинописный текст от руки.

^г Фамилия Бакича вписана в машинописный текст от руки.

Троцкому 24 мая 1922 г. Внизу бланка машинописная помета о расшифровке телеграммы 22 мая 1922 г. в 14 ч. 30 мин.

№ 16-84

Телеграмма полпредства РСФСР в Латвии в Наркомат иностранных дел о даче указаний в связи с прибытием в Ригу иностранных защитников

20 мая 1922 г.

ИЗ РИГИ

[В] Москву НКВД ГАНЕЦКОМУ

Вандервельде прибыл, настаивает на немедленном выезде. Вчера получена [за] подписью Карахана телеграмма следующего содержания: «Процесс отложен 1 июня, настоятельно прошу защитников задержать в Риге до особой инструкции, для их пребывания ничего не приготовлено». Просим ваших срочных указаний.

20/5. 22 г. СЕМАШКО

– Л. 129. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминделе для ЦК РКП(б). На листе вверху справа штамп секретного делопроизводства Бюро секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении телеграммы 26/V-1922 г. Внизу штамп делопроизводства Наркомата иностранных дел: «ПРОВЕРЕНО корректор № 1».

№ 16-85

Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Латвии К.К. Юренева зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахану о чинимых препятствиях к выезду иностранных защитников в Россию

20 мая 1922 г.

С. секретно

Получена и расшифрована 21/V/22 г.

Из РИГИ

Москва, КАРАХАНУ

На Ваш номер 711. Вандервельде и его спутник удерживается от в'езда, но имея берлинскую визу...^a косвенно высказал склонность поехать Латв... не (?)^b может прибыть в Россию. Сделаем все[,] чтобы не выехал.

ЮРЕНЕВ

– Л. 130. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминделе для ЦК РКП(б). На листе вверху справа штамп секретного делопроизводства

^a Пропуск в тексте при расшифровке.

^b То же.

ва Бюро секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении телеграммы 26/V-1922 г.

№ 16-86

Записка Л.Д. Троцкого Л.Б. Каменеву о порядке распределения материалов, имеющих отношение к подготовке процесса над членами партии эсеров

24 мая 1922 г.

Тов. КАМЕНЕВУ
Копия секретариат Пол-бюро

Мне посылают время от времени фактический материал, имеющий отношение к процессу эс-эров. Думаю, что это совершенно лишне. Такой материал нужно направлять «либо обвинителям»^а, либо тов. Малкину^б для распределения.

24/V 22 Л. Троцкий

– Л. 131. Машинописная копия того времени, сделанная в секретариате Л.Д. Троцкого. Пометы о направлении копии документа в секретариат Политбюро и подлинности подписи Троцкого сделаны от руки, предположительно секретарем Троцкого М.С. Глазманом. На листе вверху рукописная помета «Арх[ив]».

№ 16-87

Записка работника аппарата ЦК РКП(б) Г.И. Каннера В.М. Молотову о составе комиссий, созданных в связи с подготовкой к предстоящему процессу над членами партии эсеров

[Не ранее 26 мая 1922 г.]

1. Имеется Комиссия Политбюро (Троцкий, Каменев, Дзержинский).
2. Имеется Комиссия Оргбюро по агитации (Малкин, Яковлев, Вардин).
3. Имеется Комиссия Коминтерна (Кон, Суварин, Эберлейн).
4. В последнюю[ю] (Комиссия Коминтерна) Зиновьев сообщил, что представителем ЦК является Бухарин.
5. Бухарин в Комиссию не ходит.
6. Каменев говорит, что представителя ЦК туда посылать незачем.
7. Дзержинский говорит, что представителя ЦК послать следует.

– Л. 124–126. Рукописный подлинник. На л. 125 рукописная помета предположительно рукой В.М. Молотова: «Выяснить у Дзержинского и Каменева. Есть ли Комиссия <Коминтерна>. Нужен ли предст[авитель] ЦК».

№ 16-88

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О проведении мероприятий, связанных с процессом эсеров». Из протокола заседания Политбюро № 8, п. 16

от 26 мая 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

^{а-б} Подчеркнуто карандашом.

16. О проведении мероприятий, связанных с процессом эсеров.

(Дзержинский)

а) Проведение всех мероприятий, стоящих, согласно постановления Пленума ЦК от 16.V с.г. (пр. № 2, п. 3^а), в связи с процессом эсеров, централизовать в руках т. Дзержинского с тем, чтобы местные власти (в частности Петроград) все свои предположения и списки представляли на предварительное утверждение т. Дзержинского¹⁰⁰.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 132. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1387. Л. 3. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Томский, Рыков. Кандидаты: тт. Молотов, Калинин. С совещат. голосом т. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 277. Л. 24. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке: «Дзержинскому, Зиновьеву».

№ 16-89

**Дополнение к агентурной сводке сотрудника
Секретного отдела ГПУ¹⁰¹ по наблюдению
за иностранными защитниками**

26 мая 1922 г.

С. Секретно
ВЕСЬМА СЕКРЕТНО
т. Сталину

26 мая 1922 г.

ВОРОНЦОВО

В добавление к моим впечатлениям за 25-е мая считаю нужным добавить следующее. Чаще всего мне приходится разговаривать с Теодором Либкнехтом и Розенфельдом. Последний производит впечатление типичного адвоката характером своим[,] сарказмом и ядовитостью[,] излагаемыми почти в каждой фразе, – он не интересен и очень дикообразен. Теодор Либкнехт представляет собою, для меня по крайней мере, большой интерес. Это человек, по <моему> мнению[,] с большим духовным содержанием, очень глубокий и верно реагирующий на все переживания. Наблюдая его в течении двух дней и констатируя его усиливающее[ся] подавленное состояние[,] я прихожу к заключению, что в нем происходит сильная внутренняя борьба по поводу предстоящему выступлению в процессе с-ров и защищать его^а он будет не с легким сердцем.

Думаю, что это следует учитывать. С утра 26 мая все защитники были заняты единственной мыслью поехать в Москву и когда (за отсутствием инструкций) их пришлось отвлечь от предполагаемой поездки, то они выразили определенно свое неудовольствие и можно было легко понять, что если им помешают послать^б завтра, то они будут разсматривать свое пребывание в Воронцове¹⁰², как импровизированный арест.

Поездка на Воробьевы горы (в 6 часов с тов. Климовым) подняла их настроение. Воспользовавшись их отсутствием[,] мы отправились в ком-

^а Ошибка, следует – п. 7.

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует поехать.

наты защитников и произвели поверхностный осмотр их бюваров на письменных столах. У Вандервельде нашли письмо (в Брюссель, вероятно) на восьми страницах, написанное очень не разборчиво на французском языке, а у Уольтэрс^в – целый фолиант на голландском языке. Вызванный наш фотограф оказался бесполезен, за отсутствием у него аппарата для снимков документов и его пришлось послать в Москву за таким.

Защитники вернулись домой удовлетворенные поездкой и за ужином развязали языки. За исключением Либкнехта все были очень оживлены и говорили всякий вздор. Вандервельд интересовался работой кадрового (б[ывшего] царского) офицерства в красной армии, отношением к ним комиссарского состава, порядком записи в партию, учетом и численностью коммунистов.

В ответах на последние вопросы мы провели недостаточную обосведомленность^г.

– Л. 133. Машинописная копия того времени, сделанная секретным отделом ГПУ для И.В. Сталина. В деле хранится только первая страница данной агентурной сводки. На листе слева сверху рукописная помета «Арх[ив] ПБ». Формула секретности штампом.

№ 16-90

Шифротелеграмма секретаря Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) И.И. Короткова в ЦК РКП(б) с запросом о сроках начала процесса над эсерами

29 мая 1922 г.

Поступила для расшифрования 29/V 1922 г. в
21 час.

ИЗ ИВ[АНОВО]-ВОЗНЕСЕНСКА
Москва ЦКРКП

Срочно сообщите о начале процесса над эсерами.

СЕКРЕТАРЬ ИВ[АНОВО]-ВОЗНЕСЕНСКОГО ГУБКОМА РКП:
КОРОТКОВ

– Л. 134. Машинописный подлинник на бланке шифротделения ЦК РКП(б). Вверху штампы: 1) «ВЕСЬМА СЕКРЕТНО» 2) «ПО ИСПОЛНЕНИИ СДАТЬ В СЕКРЕТНЫЙ АРХИВ». Справа штамп секретного делопроизводства Бюро секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой о получении документа 2/VI-1922 г., а также рукописная помета «Арх[ив]».

№ 16-91

Агентурная сводка № 1 сотрудника Секретного отдела ГПУ

^в В других документах фамилия дается в русской транскрипции как Вотерс или Уотерс.

^г Так в документе.

по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими на процесс

29 мая 1922 г.

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО
Сов. – Секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА СОГПУ

О настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР
от 29 мая 1922 г. № 1.

Отпечатано в количестве 9 экземпляров и разослано т.т. Троцкому, Дзержинскому, Сталину, Каменеву, Уншлихту, Менжинскому, Пятакову, Трилиссеру и 1 экземпляр в деле.

НАЧСОГПУ: Самсонов

27 мая. Сегодня утром впервые можно было заметить, что защитники не принадлежат к одной и той же политической группировке. Члены Венского Интернационала грубовато устроили при мне демонстрацию против Вандервельде.

Розенфельд – Розенталю, за общим завтраком: «Так Правда причисляет меня с Либкнехтом к штабу Вандервельде».

Розенталь переводит какой-то отрывок из газеты.

Розенфельд: «Кого это они имеют в виду, как представителей “желтого Интернационала” – 2-ой или нас». Вандервельде невозмутимо помещивая кофе, спрашивает, можно ли будет достать иностранную машинистку.

В частной беседе Розенфельд дал мне понять, что они были бы очень обрадованы заметкой, если не в защиту Вены, то хотя бы Теодора Либкнехта, который глубоко удручен выпадами, связанными с убийством его любимого брата. У Либкнехта, действительно, очень грустное выражение лица. После завтрака у защитников происходило бурное совещание при составлении известной уже декларации Курскому. Очевидно, немцы хотели проявить свою «независимость» соответственно тому, что имело место утром. В заявлении, писанном рукой Вандервельде, раза 2 вычеркнуто по строке[-]другой. Пишет же он[,] как я мог убедит[ь]ся, просматривая одно из его писем, обычно без помарок. Последняя страница написана его секретарем – Уотерсом.

В промежутке между двумя посещениями Верхтриба, заехали в К-т Нансена¹⁰³. Уотерс, работавший раньше в организации, должен был передать посылки и деньги. Беседовали с Хортером и Горвином. Сотрудники Нансена возмущались высылкой Холинджера и явно подстроенной манифестацией у Виндавского вокзала¹⁰⁴. Оба бельгийца держались корректно. Отмалчивались, поводили плечами. Одним словом [-] никакой политики.

Долгожданное посещение города, отсутствие каких-либо инцидентов, предупредительное отношение верхов – произвели на защитников самое благоприятное впечатление. Придирчивый и едкий Розенфельд и тот повторял, что почти удовлетворен. В какой еще стране – сказал он вскользь вечером – министр так безпечно сидит за стеклян[н]ой дверью.

В связи с этим желательно больше точности и определенности с нашей стороны, как непосредственного окружения.

Для иллюстрации приведу следующее: Вечером 27 Либкнехт спросил меня – спокойно и настойчиво: «Товарищ, что же с телефоном. Я сказал, что наведу справки.» «Да, но ведь телефон обещан нам с первого же дня. Да и сделать это очень просто. Ведь провода есть».

(Очень внимательно смотрит на меня, желая очевидно сказать: а то, пожалуй, и весь телефон). История с телефоном сделалась секретом помишнеля^а. Необходимо с этим покончить и возможно скорее. Всякие оттяжки, откладывания на завтра – производят на заезжего европейского социалиста самое тягостное во всех отношениях впечатление. Мною сделано два письменных перевода: декларации Курскому для помещения в [«]Известиях[»] и приобщенного к делу заявления защитников о перенятии защиты.

27 мая, защитники, в 12 час. 10 мин. выехали в Москву в двух автомобилях. Я ехал с Либкнехтом, Розенфельдом и Розенталем. Первые двое, с большим интересом знакомились с городом, а Розенталь, как живший в Москве раньше, давал ей сравнительную характеристику до и после революции. Оказалось, что у него в Москве очень много близких родных и знакомых, которым он привез посылки из-за границы[,] причем он заявил, что его в сильной степени тяготил[о] запрещение тов. Климова самостоятельных, «безконтрольных» прогулок по городу и прибавил, что если бы он захотел остаться в Москве, то большевики приняли бы его с распростертыми объятиями.

После посещения Н.К. Юстиции и разговора с тов. Курским, защитники поехали в Моск[овский] Совет к тов. Каменеву. Уходя от туда, Либкнехт рассматривал портреты[,] увидел изображение своего брата и сказал, что он поражен тем обстоятельством, что на всех виденных им до сих пор (в России) портретах его брата, в такой степени искаженного, что он с трудом его узнал и обещал мне выслать его последние снимки. Посмотрев памятник революции перед Московском Советом¹⁰⁵ мы отправились в Трибунал и там выяснилось[,] что с русскими защитниками Муравьевым и Тагером можно будет повидаться лишь в 6 часов[,] осталось три часа в нашем распоряжении[,] и все поехали осматривать помещение угол Моховой и Воздвиженки, предназначенное защитникам для деловых приемов. Там мы разделились на две группы[,] и я с Либкнехтом, Розенбергом^б и Розенталем поехали сначала на Поварскую в германскую^в Комиссион, при чем Розенталь на 15 минут уходил в соседний дом, чтобы повидаться со знакомыми, а потом поехали в германскую миссию на Леонтьевский переулок[,] к послу пришли лишь Либкнехт и Розенберг^г, а Розенталь, чтобы отвлечь меня от них, дипломатически предложил мне подождать их с ним вместе в вестибюле. После миссии мы встретились с другой группой и поехали завтракать в кафе против Митрополя^д, там я их оставил на три четверти часа, чтобы заехать в ГПУ, а потом мы поехали снова в Трибунал для встречи с Муравьевым и Тагером. Совещание происходило на немецком языке под председательством Муравьева, который начал с того, что в кратце сообщил и о количестве материала[,] имеющегося в их распоряжении[,] и назвал 11 фамилий других русских защитников, которые будут фигурировать в процессе. Условились относительно

^а В тексте опечатка, следует полишнеля.

^б Так в документе, следует Розенфельдом.

^в В документе далее следует пробел.

^г Так в документе, следует Розенфельд.

^д Так в документе, следует Метрополя.

привлечения целого ряда переводчиков для предварительных работ и назначили на понедельник свидание с подсудимыми. Тут Тагер поднял вопрос о том, чтобы устроить совещание еще и в воскресенье и предложил поехать в Воронцово или собраться у него на квартире, а когда тов. Климов в этом отказал, то иностранные и русские защитники[,] не скрывая своего возмущения[,] делегировали Муравьева протелефонировать Курскому, который предложил обратиться в здание трибунала. Они уgomонились и назначили совещание в воскресенье в 3 часа дня.

На обратном пути мы заехали в Донской монастырь, защитники расспрашивали о религиозности населения, о посещаемости церквей, о количестве ценностей[,] изъятых для борьбы с голодом, о монахах и так далее.

Из Донского монастыря в Воронцово я ехал с Вандервельде, который много рассказывал о бельгии*, о том[,] как бельгийцы относятся очень дружественно к французам (почти родственно)[,] в одно и то же время ненавидят французское правительство, о русском профессоре химии Ипатьеве, который посетил Бельгию и был встречен очень враждебно, ибо его считают большевиком[,] почему и т.д. За ужином говорили о правительственном кризисе в германии^ж[,] о противниках Варта и Раттенау и о недовольстве соглашением в Рапалло¹⁰⁶.

Перед отходом на покой Розенфельд объявил, что сегодняшним днем он почти удовлетворен.

Зампред ГПУ Уншлихт
Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 135–138. Машинописный подлинник, подписи – автографы. Правки в количестве (с 10 на 9) и адресатах (замарана фамилия, предположительно В.И. Ленина) рассылки сделаны рукой Т.П. Самсонова. В деле экземпляр, посланный И.В. Сталину. На л. 135 сверху слева рукописная помета: «Арх[ив]». Верхняя формула секретности штампом, нижняя – машинописью.

№ 16-92

Агентурная сводка № 2 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими на процесс

31 мая 1922 г.

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО
Сов[ершенно]-Секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 2

О настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 31 мая 1922 г.

Отпечатано в количестве 9 экземпляров и разослано т.т. Троцкому, Дзержинскому, Сталину, Каменеву, Уншлихту, Менжинскому, Пятакову, Трилиссеру и один экземпляр в деле.

* Так в документе.

ж Так в документе.

НАЧСОГПУ: Самсонов

29 Мая 1922 г.

29 Мая утром, когда садились за завтрак, Розенфельд сообщил шутливым тоном, что скоро они объявят голодовку, «как это принято, обычно, в тюрьмах», а на мой вопрос, – продолжает ли он рассматривать свое пребывание в Воронцове, все еще, как «импровизированный арест», – он ответил, что запрещение видаться с кем хочешь и пригласить к себе кого нужно, является прямым подтверждением высказанного. Разговор был прерван Либкнехтом, торопившим отъезд в город и просившим о возможности свидания с заключенными. Сообщение об отсутствии пропусков вызвало недовольство на задержку, но все[-]таки не лишало их надежды получить пропуска к 4 часам.

Выехали в город в 11 с половиной часов. Со мною были Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд. Приехав к 4-му дому Советов[,] мы произвели перегруппировку – Вандервельде, Уотерс и я отправились в Интернациональный Красный Крест¹⁰⁷ на Спиридоновку, где они сдали 2 тюка и корзину (с медикаментами?) и просили^a в кабинет уполномоченного от бельгии (?)^б[,] а я вернулся в автомобиль. Через полчаса я поднялся во второй этаж в кабинет уполн[омоченного,] где они беседовали, чтобы напомнить им о приближающемся времени для встречи с остальными защитниками и застал их в тот момент[,] когда Уотерс передавал уполномоченному 400 английских фунтов (стерл.). Через несколько минут они спустились вниз с двумя представителями Интерн[ациональног] Красн[ого] Креста и Вандервельде сказал[, что] они приглашены сейчас завтракать на Софийскую набережную[,] (в тот же Инт[ернациональный] Красн[ый] Крест)[,] но завтрак этот мне удалось разстроить, сказав, что мы не успеем вернуться во время и нарушим программу остальных защитников. Довезли двоих представителей Интерн[ационального] Красн[ого] Креста до Софийской Набережной[,] мы вернулись в 4-й дом Советов и уехали в Воронцово.

От поездки к заключенным сегодня, по просьбе тов. Климова, я их удержал, мотивируя тем, что разрешение должно пройти целый ряд инстанций, что пропуска еще не подписаны и обещал устроить все на завтрашний день. В конце концов вместо Лефортовской тюрьмы¹⁰⁸ я повез немцев в Кремль, (после того как Розенталь был оставлен тов. Климовым в исправительном доме для малолетних преступников, против радиостанции, близь Донского монастыря[]). Осмотром кремля они остались довольны, но и тут не обошлось без ядовитого (но справедливого) замечания Розенфельда, по поводу того, что музей по истории комм[унистической] партии открыт только два раза в неделю, а оружейная палата ежедневно.

Вечером защитники долго бродили по парку и как удалось уловить урывком, – обсуждали предстоящее завтра свидание с заключенными.

Заместитель председателя ГПУ Уншлихт

Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 139–140. Машинописный подлинник, подписи – автографы. Данные о количестве и адресатах рассылки экземпляров сводки заверены подписью Т.П. Самсонова. В деле экземпляр, посланный И.В. Сталину. Верхняя формула секретности штампом, нижняя – машинописью.

^a Так в документе. По смыслу должно быть прошли.

^б Так в документе.

№ 16-93

**Агентурная сводка № 4 сотрудника Секретного отдела ГПУ
по наблюдению за иностранными защитниками, прибывши-
ми на процесс**

31 мая 1922 г.

ВЕСЬМА СЕКРЕТНО
Сов[ершенно]-Секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 4

О настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР
от 31/V-22 г.

Отпечатано в количестве 9 экземпляров и разослано
т.т. Троцкому, Дзержинскому, Сталину, Каменеву,
Уншлихту, Менжинскому, Пятакову, Трилиссеру и
один экземпляр в деле.

НАЧСОГПУ: Самсонов

РАЗГОВОР ЗАЩИТНИКОВ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ
В ЛЕФОРТОВО ОТ 31/V-22 г.

Начало в 4 часа 30 минут дня.

По прибытии в комнату свиданий защитники предложили эсерам разделиться на две партии: 1) говорящих по[-]немецки и французски и 2) только по[-]русски. После чего каждая партия заняла отдельную комнату и поэтому разговор по[-]русски записан быть не мог, так как эта комната не доступна слуху.

Гр-н Гольштейн или Гольшмидт говорит на немецком языке: «Мы считаем, что Берлинская конференция нам принесла свободу в таком смысле...^a вообще политическую свободу, свободную прессу для агитации и оппозиций». Шум...

«Пока мы против бунта и мы не можем думать о быстром свержении власти».

Гр. Вандервельде говорит на французском языке: «Вам нужно только для партии моментально свободную прессу, чтобы Вы могли составить серьезную оппозицию...».

Шум заглушает его разговор.

Гр. Гольштейн или Гольшмидт говорит: «Мы обвиняемся во взрыве железных дорог...». Смех и шум.

«Договор с большевиками, – только с оружием в руках, но не иначе, но так как мы оружия не имеем. Но ни чего мы, будем дальше воевать с большевиками, т.к. не можем мирно с ними жить...». Шум, разный разговор.

Начался тихий разговор, невозможно слушать... один из эсеров говорит: «Мы не можем сейчас Советскую власть победить и поставить демократическое правительство...» Опять тихий разговор и шум. «При пере-выборах на 20 июня большевики имели большинство голосов, потому, что они дали красноармейцам право выборов».

Гр. Гольштейн или Гольшмидт говорит: «гр. Семенов энтузиаст для террора, гр. Семенов был агитатором среди красноармейцев, которые приходят в упадок. Сволочь... Если большевики расстреляют наших членов ЦК, тогда мы будем поступать также».

^a Здесь и далее в тексте документа отточия сделаны автором сводки.

Гольштейн говорит, что: «некоторое время тому назад гр. Семенов был в Бутырской тюрьме и спрашивал там нас»... шум и крупный заглушен[ый] разговор в течение 30 минут. Слово разобрать нельзя, подошли ко второй комнате.

Голос одного из иностранцев:

«... тогда Вы будете через две недели свободны», и ушли.

Заместитель председателя ГПУ Уншлихт

Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 141–142. Машинописный подлинник, подписи – автографы. Верхняя формула секретности штампом, нижняя – машинописью.

№ 16-94

Письмо секретаря ЦК компартии Украины Д.З. Мануильского И.В. Сталину с предложением о рекомендации юриста П.А. Шубина в качестве защитника Л.В. Коноплевой и Г.И. Семенова¹⁰⁹ на предстоящем процессе

[Не позднее 31 мая 1922 г.]

Сов. секретно

Дорогой тов. СТАЛИН,

Мы обменялись мнением по вопросу о процессе эс-эров и горячо рекомендовали бы тов. Шубина в качестве защитника Коноплевой и Семенова. Мы гарантируем Вам, что из этой защиты тов. Шубин сделает прекрасный обвинительный акт против партии эс-эров. Мы наблюдали его на разных процессах на Украине и на таком трудном процессе, как дело Украинских эс-эров Голубовича и К-о¹¹⁰.

Я должен сказать, что будучи официальным защитником, он нанес убийственный удар партии.

Жму руку Д. МАНУИЛЬСКИЙ

– Л. 143. Машинописная копия того времени, заверенная работником аппарата ЦК Г.И. Каннером. Датировка по входящему номеру секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с датой. На листе внизу заверенная Г.И. Каннером машинописная копия резолюций Л.Б. Каменева и И.В. Сталина о поддержке предложения Д.З. Мануильского. Ниже рукописная помета рукой Г.И. Каннера: «Подлинный выдан на руки т. Шубину. Г. Каннер». Внизу листа слева рукописная помета: «Арх[ив] ПБ». Формула секретности от руки.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 16-3, 16-4, 16-5, 16-6

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ЦК РКП(б), направленное 11 февраля 1922 г. зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) Н. Смирновым И.В. Сталину, в котором сообщалось: «По поручению т. Молотова препровождается для прочтения письмо Коноплевой с просьбой материал направить в Секретный Отдел» (л. 19).

В деле также находится записка, приложенная к заявлениям и письму Л.В. Коноплевой, направленным в ЦК РКП(б). На ней пометы, сделанные В.М. Молотовым («Рукопись Л. Коноплевой читал. В. Молотов») и Н. Смирновым («т. Бураковой. Направьте дальше. 10/II. Н.С.») (л. 20).

№ 16-11

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ГПУ, направленное 1 марта 1922 г. по поручению И.С. Уншлихта В.М. Молотову за подписью секретаря Президиума ГПУ Р.Д. Езерской. На письме входящий номер ЦК РКП(б) с датой «9/III» и рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 107, п. 22 от 4 марта 1922 г. (л. 37).

№ 16-12

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ВЧК, направленное 25 февраля 1922 г. В.М. Молотову за подписью зам. председателя ГПУ (в документе – «зампред ВЧК») И.С. Уншлихта с круглой гербовой печатью ВЧК. На письме штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 103, п. 13 от 25 февраля 1922 г. (№ 16-13) (л. 8).

№ 16-18

В деле находится сопроводительное письмо зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) Н. Смирнова от 11 марта 1922 г.: «т. Сосновскому, Халатову. По поручению тов. МОЛОТОВА прошу исполнить прилагаемое постановление Политбюро об извлечении из брошюры Чайкина для издания на иностранных языках. Привлеките к этому делу Чайкина» (л. 41).

Кроме того, в деле находится письмо на бланке ГПУ, направленное 7 марта 1922 г. зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта В.М. Молотову, в котором говорится: «Прошу сообщить, считаете ли Вы нужным публикацию письма Н.В. Чайковскому, написанное бывшим членом Архангельского правительства и членом ЦК Трудовой-Народно-Социалистической партии Владимиром Игнатьевым, посланное Вам 2-го марта за № 80589». На письме ошибочно проставлен и зачеркнут штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 104, п. 7 от 27 февраля 1922 г. (л. 40).

№ 16-25

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ЦК РКП(б), направленное 9 марта 1922 г. зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) Н. Смирновым Л.Д. Троцкому и Л.Б. Каменеву о препровождении им «письма тов. Крестинского и газетных материалов, появившихся в связи с брошюрой Семенова-Васильева об эс-эрах». Адресат «тов. Каменеву» вписан от руки. На письме запись: «Согласен с Троцким. Л. К[аманев]» и штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 111, п. 38 от 13 марта 1922 г. (л. 43).

№ 16-29

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ЦК РКП(б), направленное 15 марта 1922 г. за подписью зам. зав. Бюро Секретариата Иконникова Л.С. Сосновскому. На письме запись: «Т. Иконникову. Возвращено. Использовал. Л. Сосновский» (л. 62).

№ 16-38

В деле находится заверенная копия позднейшего времени сопроводительного письма зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) Н. Смирнова, направленного 18 марта 1922 г. Л.Д. Троцкому с просьбой рассмотреть подготовленный В.И. Лениным проект ответа иностранным социалистам, для осуществления срочного голосования. Внизу листа копиистом сделана помета: «Оригинал записки находится в подлиннике протокола ПБ ЦК» (л. 66).

№ 16-41

В деле находится сопроводительное письмо на бланке комитета Заграничной группы Белорусской ПСР, направленное 22 марта 1922 г. по поручению секретаря комитета (подпись неразборчива) в СНК РСФСР. На письме пометы: 1) «ЦК РКП т. Молотову 31/III-22» (подпись неразборчива); 2) «процесс эсеров»; 3) «в архив». Входящий номер ЦК РКП(б) с датой «15/V-22» (л. 85).

№ 16-44

В деле находится сопроводительное письмо на бланке НКЮОста от 19 марта 1922 г., подписанное наркомом юстиции Д.И. Курским и адресованное В.М. Молотову с оповещением ЦК РКП(б) об отправке телеграмм Центральным Комитетом Бельгийской и Голландской социалистических партий о предстоящем процессе над членами ПСР. На письме штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г. (№ 16-46) (л. 82).

№ 16-57

В деле находится записка Ш.Н. Манучарьянц от 4 мая 1922 г. с информацией от И.С. Уншлихта об отправке Н.Н. Крестинскому соответствующего решения (л. 95).

№ 16-70

В деле находится записка А.М. Назаретяна с изложением предложения К.Б. Радека и Н.Н. Крестинского об изменении состава защитников и согласия с этим Л.Б. Каменева и И.В. Сталина (л. 107).

№ 16-71

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ГПУ, направленное 15 марта 1922 г. по поручению И.С. Уншлихта И.В. Сталину за подписью секретаря коллегии ГПУ Р.Д. Езерской с круглой гербовой печатью ГПУ. На письме штамп о получении письма и материалов секретным отделом Бюро Секретариата ЦК РКП(б) от 20 мая 1922 г. (л. 110).

№ 17-1*

**Письмо из Лефортовской тюрьмы
группы заключенных эсеров к иностранным социалистам Э.
Вандервельде, К. Розенфельду и Т. Либкнехту,
прибывшим для их защиты на процессе**

28 мая 1922 г.

Т.Т. ЭМИЛИУ ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, КУРТУ РОЗЕНФЕЛЬД[У],
ТЕОДОРУ ЛИБКНЕХТ[У].

Д о р о г и е   т о в а р и щ и,

с тяжелым чувством мы узнали, что кампания клеветы и заушений, поднятая против Вас всей большеви[с]тской прессой, привела к тому, к чему она должна была неизбежно привести: к диким сценам, разыгравшимся около вокзала в момент Вашего приезда в Москву. ^аРаболепно приветствуя^б в свое время представителей германского империализма графа Мирбаха и Гельфериха в «красной» Москве и расценивая^в их приезд, как «победу» революции, большевики ныне в прибытии ^гпредставителей Международного социализма^д усматривают оскорбление русского рабочего класса. Русский рабочий класс так же мало повинен в этих отвратительных эксцессах, как мало повинен и в той политике кровавого террора и насилия, которую ведет большевистское правительство, кощунственно прикрываясь именем рабочих и крестьян.

Инсценировка «народного негодования» с помощью платных агентов чрезвычайек и комбьячек настолько очевидна, что она вряд ли кого способна ввести в заблуждение даже из лиц, еще недостаточно знакомых со всеми методами и приемами большевистского властвования.

Подобные факты, бессильные в какой бы то ни было мере оскорбить Вас, ^естарых, испытанных вождей международного пролетариата^ж[.] обрушиваются всей тяжестью позора лишь на его подлинных организаторов – Центральный Комитет Российской Коммунистической партии, лишний раз свидетельствуя перед лицом всего мирового социализма, что нет тех безчестных средств, перед которыми останавливались бы большевики в борьбе со своими политическими противниками. «Народное негодование», инсценируемое агентами Ч.К.[.] также мало выражает подлинное настроение русских широких народных масс, как пышные военные парады, устраиваемые в честь III Интернационала, свидетельствуют о приверженности русского пролетариата и крестьянства идеям большеви[с]тского коммунизма. К подобного рода «народным» движениям мы уже привыкли со времени самодержавия, когда царистская полиция с таким же успехом как ныне большеви[с]тская чрезвычайка инсценировала верноподданический восторг и негодование против социалистов. Ко всему этому мы, русские революционеры и социалисты, давно уже привыкли.

Но в большевистских эксцессах, связанных с Вашим приездом было нечто такое, что заставляет и нас[.] слишком хорошо знакомых с практикой большевистской власти[.] поднять свой предостерегающий голос. К

^{а-б} Исправлено от руки взамен первоначально напечатанного раболепное приветствование.

^в Исправлено от руки взамен первоначально напечатанного расценивание.

^{г-д} Подчеркнуто в документе.

^{е-ж} Подчеркнуто в документе.

обычным приемам коммунистической партии – клевете, лжи и инсинуациям – прибавились и откровенные ³призывы к самосуду уличной толпы^к. Иначе мы не можем ^красценивать и те резолюции^л, принимаемые комьячейками якобы от имени рабочих отдельных фабрик и заводов, с требованием ^м«безпощадной расправы»^н над членами партии соц.-революционеров, привлеченных к суду и ^оих защитниками – представителями II-го и Венского Интернационалов^п и те циничные кровожадные <стихи>, специально изготовленные казенными «поэтами» к Вашему приезду, напечатанные в «Правде» от 27V¹. У нас нет уверенности, что к моменту суда эти сцены в увеличенном масштабе вновь не будут иметь места. Мы, пленники большевистской власти, давно уже свыклись с мыслью о возможности расправы над нами в виде инсценированного Че-ка самосуда, но мы чувствуем себя не в праве подвергать такой же опасности и вас, вождей международного соц[иалистического] пролетариата. И если власть не откажется немедленно же от травли против Вас, грозящей вылиться в форму самосуда[,] и не прекратит инсценировки уличных сцен мнимого «народного негодования» – мы готовы скорей лишиться Вас, как защитников в предстоящем процессе, нежели подвергать международный социалистический пролетариат ^ропасности гибели^с в настоящий напряженный момент борьбы мирового капитала с социализмом, его наиболее выдающихся вождей.

Заключенные в Лефортовской тюрьме члены Центр. К-та и члены партии с.-р.:

А. ГОЦ, Михаил ГЕНДЕЛЬМАН, С. МАРКОВ^т, Евг. РАТНЕР, М. ВЕДЕНЯЦИН, П. ЗЛОБИН, Л. ГЕРШТЕЙН, Владимир УТГОФ, Д. ДОНСКОЙ, Г. ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ, Фло-р[иан] ФЕДОРОВИЧ, Е. ТИМОФЕЕВ, Д. РАКОВ, Н. ИВАНОВ, Е. ИВАНОВА, А. ЛИБЕРОВ, Мих[аил] ЛИХАЧ, Н. АРТЕМЬЕВ, В. АГАПОВ, А. АЛЬТОВСКИЙ, Б. ИВАНОВ

Москва
Лефортовская тюрьма
28 мая 1922 г.

– Л. 3–3 об. Незаверенная машинописная копия того времени, изготовленная делопроизводством ЦК РКП(б) для передачи в «Известия ВЦИК» с целью опубликования с резолюцией Л.Б. Каменева: «т. Стеклову (далее часть текста не прочитывается) ...и дать в зубы. Л. Каменев». На л. 3 сверху рукописный заголовок: «Письмо заключенных эсеров к иностранным адвокатам». На листе сбоку справа помета, предположительно работника редакции «Известий ВЦИК»: «Петитом, не выделяя подчеркнутого».

– Опубликовано: Известия. 1922. 31 мая.

– Опубликовано: Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922. С. 75–76.

№ 17-2

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об участии

^{3-и} Подчеркнуто в документе.

^{к-л} Подчеркнуто в документе.

^{м-н} Подчеркнуто в документе.

^{о-п} Подчеркнуто в документе.

^{р-с} Подчеркнуто в документе.

^т Так в документе, следует Морозов.

**представителей Коминтерна в комиссии Политбюро
по наблюдению за подготовкой и ходом процесса.
Из протокола заседания Политбюро № 9, п. 9**

от 1 июня 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

9. О процессе с.р.

Поручить т. Зиновьеву предложить Коминтерну выбрать двух товарищей для наблюдения за процессом с.р., введя их в состав комиссии Политбюро^а.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 1. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 278. Л. 11. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Сверху слева запись о рассылке: «Зиновьеву, Каменеву, Троцкому, Дзержинскому». Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский. Кандидаты: т. Молотов, Калинин, Бухарин. С совещ[ательным] голосом т. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1388. Л. 9. Машинописный подлинник (подписной) протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Штамп Секретного архива ВКП(б).

№ 17-3

**Телеграмма секретаря Компартии Азербайджана
С.М. Кирова в ЦК РКП(б) И.В. Сталину
с сообщением текста резолюции расширенного
заседания Бакинского Совета в связи с предстоящим процес-
сом над членами партии эсеров**

1 июня 1922 г.

Под ответственность Старшего по Аппаратной Телеграфу и политконтролеров с обязательством передачи вне всякой очереди помимо ли-терности.

ИЗ БАКУ
МОСКВА ЦК РКП СТАЛИНУ

Баку. 1 июня. На пленуме Бак совета зпт Правлении Профсоюзов зпт завкомов зпт Красной армии флота 1 июня принята единогласно на собрании свыше трех тысяч резолюция двтчк квчк Объединенное заседание Баксовета [с] Правлением Профсоюзов фабпромкомов представителями Красармии флота зпт заслушав сообщение [о] предстоящем судебном процессе [по] делу эсеров перед революцией ^аподтверждает двтчк полностью предъявленные эсерам обвинения [в] том что партия эсеров протя-жении всей открыто и подпольно самостоятельно и союзе Колчаком^б Де-никиным Врангелем франко англо польскими империалистами <вела>^ввооруженную борьбу [с] революцией^г зпт что партия эсеров активно уча-

^{а-б} Подчеркнуто карандашом в документе.

^{в-г} Подчеркнуто карандашом в документе.

ствовала [в] ^дорганизации иностранной интервенции^е вооруженного нападения Антанты на Советскую Россию чему является примером предательская диктатура эсеровской партии Баку [в] [1]918 году [в] лице организации квчк Центро Каспия квчк которая предводительствовала ^жоккупации англичанами Бакинского нефтяного района^з что партия эсеров взрывами поджогами путей сообщения государственных сооружений равно организации бандитских погромов [в] Тамбове [и] других районах сотрудничала [с] Польшей [и] Врангелем [в] то время <как> рабочекрестьянские массы истекали кровью на фронтах что партия эсеров применяла террор против вождей рабочекрестьянской революции зпт является виновницей тяжелого ранения тов Ленина и убийцей Володарского Урицкого зверски замученных наших Бакинских 26 комиссаров ^нлучших преданнейших вождей^к Бакинского пролетариата что партия эсеров [в] настоящий момент ведет вооруженную контрреволюционную борьбу организовывая заговоры против Советской Власти и революции тчк принимая [во] внимание вышеизложенное Заседание постановило двтчк приветствовать решение Советской Власти предания эсеров суду революционного трибунала требует от имени Бакинского пролетариата всех трудящихся самой суровой беспощадной кары над ними тчк ^лСуд должен быть суровым и не имеет права допустить никаких послаблений никакой пощады^м тчк [В] То же время Баксовет призывает рабочих крестьян которые обманом эсеровских лозунгов либо несознанию были [в] свое время втянуты партию эсеров или сочувствовали ей благодаря этому вопреки своему желанию своего отношения совласти верхушкой эсеровской партии превращены [в] орудие контрреволюции пушечное мясо белогвардейщины зпт порывая партией эсеров они имеют Р П ^нполное основание быть принятыми обратно нашу трудовую рабочекрестьянскую семью тчк Баксовет лица Бакпролетариата выражает глубочайшее презрение возмутительной роли 2 и 2 1/2 Интернационалов взявших себя адвокатскую защиту суде эсеров^о тчк Бак пролетариат глубоко сожалеет [о] тех слоях западно европейского пролетариата которые все еще плетутся [в] хвосте политики 2 и 2 1/2 Интернационалов или остаются безучастными зрителями их преступного поведения тчк Мы выражаем уверенность что выступая роли адвокатов господин Вандервельде и компания разоблачают себя окончательно побудят наконец даже отсталые слои пролетариата порвать [с] ними пойти [с] подлинными вождями об»единившимися вокруг знамен российской революции и коммунистического Интернационала тчк Квчк № 3872/А

КИРОВ

– Л. 5. Машинописный подлинник на бланке Московского телеграфа. На бланке справа сверху время подачи 1/6 в 23 ч. 10 м и время получения в Москве 3/6 в 3 ч. 30 м. На бланке справа сверху штамп секретного делопроизводства Бюро секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения телеграммы «3/VI-1922 г.», а также рукописная помета: «Читал. В. К[уйбышев]».

№ 17-4

Телеграмма члена исполкома Миргородского уездного Совета Печиса в ЦК РКП(б)

^{д-е} Подчеркнуто карандашом в документе.

^{ж-з} Подчеркнуто карандашом в документе.

^{и-к} Подчеркнуто карандашом в документе.

^{л-м} Подчеркнуто карандашом в документе.

^{н-о} Подчеркнуто карандашом в документе.

**с сообщением текста постановления сельских
волостных сходов о предстоящем судебном процессе
над членами партии эсеров**

1 июня 1922 г.

МОСКВА ПОЛИТБЮРО ЦК РКП   КОПИЯ РОСТА^а

25 [МАЯ] С/Г В МИРГОРОДСКОЙ ЗУБОВСКОЙ ХОМУТЕЦКОЙ КИБИНСКОЙ ПЕТРОВСКОЙ УСТИ[...]КОЙ КРЕСЬКОВСКОЙ ШИШАКОВОЙ БАРАНОВСКОЙ ВЕЛИКОСОРНИНСКОЙ ОСТАПОВСКОЙ БЕРЕЗОВО ЛУК-СКОЙ ВОЛОСТЯХ МИРГОРОДСКОГО УЕЗДА НА МАС-СОВЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ СХОДАХ С КОЛИЧЕСТВОМ ОТ 600 ДО 1500 ДУШ ОБОЕГО ПОЛА НА КАЖДОМ БЫЛИ ЗАСЛУШАНЫ ДОКЛАДЫ О ПРЕДСТОЯЩЕМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ ПАРТИИ С Р СЕЛЯНСТВО МИРГОРОДШИНЫ ОЗНАКОМИВШИСЬ [С] ДЕЛОМ С Р ВЫНЕСЛО СЛЕДУЮЩЕЕ ЕДИНОДУШНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ ПРЕДАТЕЛЬСКИЕ КОНТР РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПАРТИИ С/Р С ПЕРВЫХ ДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОСТУПКИ ЧИСТО УГОЛОВНОГО ХАРАКТЕРА [...]ОЯНИЕ ЛИШ[Ь] ДЕЙСТВИЯМ БЕЛО-ГВАРДИЙСКИХ БАНДАМИ^б КРЕСТЬЯНЕ ТРЕБУЕМ ДАБЫ ВЕРХОВНЫМ РЕВТРИБУНАЛОМ К ИЗМЕННИКАМ И ПРЕДАТЕЛЯМ РАБОЧЕГО КЛАССА И БЕДНОСТИ СЕЛА БЫЛА ПРИМИНЕНА^г ВЫСШАЯ МЕРА НАКАЗАНИЯ ВВИДУ ПРИЕЗДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ 2 И 2 1/2 ЖЕЛТЫХ ИНТЕРНАЦИОНАЛОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРЕДАТЕЛЕЙ УБИИЦ КРЕСТЬЯНСТВО МИРГОРОДШИНЫ ЗАЯВЛЯЕТ ЧТО ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЗАЩИЩАТ[Ь] ОБВИНЯЕМЫХ ПРИЕЗЖАЙТЕ В МИРГОРОДСКИЙ УЕЗД И 100000 КРЕСТЬЯН ПОДТВЕРДЯТ ВАМ ЧТО СДЕЛАЛИ ПОД ВАШИМ РУКОВОДСТВОМ МЕСТНЫЕ С Р И ВАШИ АГЕНТЫ В ВЕЛИКИХ СОРОЧИНЦАХ 20 ИЮНЯ 1920 ГОДА СОЖЖЕНО ЖИВЬЕМ 6 ЧЕЛОВЕК И ЗА ГОД УБИТО ИЗ ЗА УГЛА 52 ЧЕЛ В ХОМУТЦЕ 12 МАЯ [19]20 Г СОЖЕНО НА КОСТРЕ 4 ЧЕЛ И ЗВЕРСКИ УБИТО [...] ЧЕЛ В УСТИВИЦЕ 26 МАЯ [19]21 Г СОЖЖЕНО 8 ЧЕЛ ИСТЕРЗАНО [...] ЧЕЛ В БАКУМОВКЕ [...] ЧЕРЕВКАХ 20 МАЯ [19]20 ОБВАРЕНО КИПЯТКОМ 3 ЧЕЛ И УБИТО 13 ЧЕЛ ВСЕГО ЗА [19]20 И ПОЛОВИНУ [19]21 Г ВО ВСЕХ ВОЛОСТЯХ ПОГИБЛО 274 ЧЕЛ ЗВЕРСКИ ЗАМУЧЕННЫХ ВАШИМИ РУКАМИ НЕЗАМОЖНЫХ СЕЛЯН ЭТИ ФАКТЫ БУДУТ ВАМ МАТЕРИАЛОМ ДЛЯ ЗАЩИТЫ А В Р^д ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЗАЩИТНИКОВ НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ СЛЕДУЮТ ПОДПИСИ ПРЕЗИДИУМОВ 17 ВОЛОСТНЫХ СХОДОВ С ПОДЛИННЫМИ ВЕРНО

ЧЛЕН ИСПОЛКОМА

Н Е Ч И С

– Л. 9–11. Машинотисный подлинник на бланке Московского телеграфа. На телеграфном бланке (л. 9) пометы о времени подачи (1/6 в 18 ч. 5 м.) и времени приема телеграммы (3/6 в 3 ч. 40 м.). На бланке также штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим но-

^а Так в документе, следует РОСТА.

^б Здесь и далее текст не прочитывается.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Так в документе, следует, видимо, Верховный Ревтрибунал.

мером и датой получения телеграммы «6/VI-1922 г.» и рукописная помета «Арх[ив] ПБ».

№ 17-5

Агентурная сводка № 5 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе

3 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 5

о настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 3 июня 1922 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано: тт. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Сталину, Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Трилиссеру и один экземпляр в деле

НАЧСОГПУ: [Самсонов]

Климов обронил вскольз[ь], что нездоров и, вероятно, что скоро уйдет на другую работу. Я воспользовался этим и сказал, что до прихода нового представителя Н.К.Ю.³ придется воздержаться от всяких экстра. В частности, таким образом удалось отложить предполагавшееся в пятницу общее посещение Таганцевской тюрьмы и визит Вандервельде к О-Грэди. Надо выяснить как[-]нибудь, как обстоит дело с встречами с Каменевым. В 1-й раз иностранцы были у него прямо от Курского для вручения декларации по указанию Курского же. При этом случае, Каменев заявил, что всегда готов их принять и при первом же предупреждении даст возможность посетить тюрьмы, больницы, школы и т.д. Если это почему[-] либо считается не желательным, то надо принять меры по отношению к первоисточнику, а не создавать впечатление, что председатель Московского Совета всей душой готов, а кто-то оттягивает и мешает. И так неосуществление планов нервирует публику. Неизменно вежливых и предупредительных Бельгийцев еще можно занять осмотром разных музеев и картинных галлерей, но немцы явно нервничают и настаивают на посещении музея компартии в Кремле. Это было обещано тов. Климовым, но выполнить, очевидно, не придется. Для общего настроения характерен следующий разговорчик:

РОЗЕНТАЛЬ – «Я 2 раза был арестован Ч.К. на несколько часов». (его просят рассказать, он отказывается). Курт РОЗЕНФЕЛЬД – «Это было оба раза в Апреле, а теперь – в Мае». 2-й раз самостоятельно взять инициативу пришлось мне за последние дни по вопросу о счете. Узнав общую сумму, я счел нужным подготовить иностранцев и имел по этому поводу следующий разговор с Берлинцами:

Я. – Вам сегодня представят счет, так он покажется Вам, вероятно, чрезмерным, – то считаю нужным Вам напомнить, что Вы можете потребовать в будущем более скромный стол.

Теодор – «Мы несколько раз об этом говорили».

Я – Но нужно ведь строго различать 2 понятия: возможность обойтись меньшим или ясно выраженное желание этого и соответствующее распоряжение.

Курт – «Разве мы можем распоряжаться. Тогда мы бы отыскиали себе другую квартиру».

Я – Квартиры искать себе Вы конечно не могли, но в этой квартире – что до внутреннего распорядка – Вы можете жить как в отеле, заказывая себе, что Вам угодно.

Теодор – «Но мы не знаем цен. Единственным нас штабом^а является для нас обед в Ампире (1 милл[ион],) который и то показался нам довольно дорогим».

Я – Многие приходится доставлять из города на дачу, что значительно удорожает обеды.

Либкнехт – «Это не наша вина, что мы живем далеко за городом».

Я – И не наша – вина обстоятельств.

Курт – «Недовольно пожимает плечами».

Я – Дело не только в этом, мы в течении нескольких недель держали в вагонах представителей АКА^б, а в них[-]то мы очень нуждались, – потому что в городе абсолютно нет помещений.

Пожали плечами. Безусловно, создают (Берлинцы) атмосферу мелочных придинок.

Сказал Вотерсу, что счет равняется нескольким миллиардам. Тот пришел в ужас. Ведь это деньги рабочих касс. Весьма вероятно, что будут просить на будущее об установлении следующего порядка: утром и вечером – чай, отчасти с привезенными ими с собой продуктами, обед – в городе. Надо, в самом деле, принять во внимание, что 14 миллиардов – это один миллион марок или 700 фунтов стерлингов – сумма, безусловно, потрясающая и для иностранцев. Крупной ошибкой было, что им сразу не сказали, во что вся эта роскошь обойдется. Если после совещания публика и отнеслась к этому настолько спокойнее, то тут думается мне, сыграли роль соображения особого характера. Они могут попытаться нажать политический капиталец на всей этой истории и чувствительно кольнуть наш престиж за границей. Бельгийцы, очевидно, питают ко мне доверие, т.к. все время обращаются с просьбой о переводе их бумаг на русский. Между тем, у них есть возможность сделать это и через Розенталя и через свою машинистку. Не знаю, обратили ли они внимание, что в первой фразе их декларации (манифестация, организованная на...) слово «организованная» редакцией было вычеркнуто. 2/VI-22 Вандервельде передал мне свое письмо редакторам «Правды» и «Известий»⁴ для перевода, который и был своевременно сообщен в ГПУ. Характерная подробность. Ознакомившись с письмом, я спросил Курта Розенфельда, знаком ли он с его содержанием. Он ответил утвердительно. Потом все[-]таки зашел ко мне и говорит: «очень мило, что Вы хотели меня предупредить». Да говорю – мне думалось, что Вы проглядели тут одно выражение и читаю ту фразу, где Вандервельде пишет: «Я и мои друзья (mesamis) Либкнехт и Розенфельд». Розенфельд покраснел, помялся и – «чтож, говорит, ни чего не поделаешь. Он мне такой же друг, как и Вам». Да – говорю я, – но он не называет меня своим другом в печати. Розенфельд развел руками. Когда на меня будут нападать за это – я сумею защититься. Вандервельде, безусловно, остается господином положения. Он глуховат и очень умело пользуется своей глухотой. Из разгов[о]ра с Каменевым или Курским он прекрасно все слышал, а за столом в своей компании разыгрывает такие штуки.

Либкнехт предлагает, скажем, поехать туда-то в таком-то часу. Вандервельде с всегдашним благодушием и оттопыренным рукой ухом гудит своим елейным басом: да...а. Другой кто[-]либо из общества возражает и вносит диаметрально противоположное предложение. Тот же ответ со стороны Вандервельде. Публика в недоумении. Обращаются к Уотерсу,

^а Так в документе.

^б Так в документе. Вероятно, речь идет об АРА.

который кричит в ухо своему патрону. И ответ Вандервельде – «если желательно оставаться в границах вежливости, что для наших немцев, в данном случае, закон – приходится считать окончательным». Такую же штуку разыграл Вандервельде и с визитом к Луначарскому, о чем поднял вопрос Розенфельд. Немцы настаивают на посещении Калинина, Луначарского, Троцкого. Надо им дать по этому поводу ясный и недвухсмысленный^В ответ.

ПРИМЕЧАНИЕ: Сводка № 3 разослана нами не была.

Подлинный подписал:
Заместитель председателя ГПУ Уншлихт
Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 6–8. Машинописный экземпляр того времени, формула «Подлинный подписал» и первая подпись – рукой Т.П. Самсонова; вторая – автограф.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 74–76. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для Л.Б. Каменева. Вверху листа слева помета: «Арх[ив]».

№ 17-6

Агентурная сводка № 6 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе

5 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 6

о настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 5/VI.1922 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано:
тт. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Сталину,
Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Три-лиссеру и
один экземпляр в деле

НАЧСоГПУ: [Самсонов]

Историю со счетом можно считать почти улаженной. Очень жаль, что мне не удалось предупредить инцидента, который вызвал записку НАРКОМЮСТУ и его представителю. Без этого можно было бы спокойно дотянуть до начала процесса, когда защитникам было бы уже дела по горло и не до жалоб, я заявил, что со счетом нужно подождать и подумать о пересмотре, т.к. он произведет потрясающее впечатление. [«]Никак не могу понять – говорил взволнован[н]о Курт РОЗЕНФЕЛЬД – как это умные люди пускаются на такие детские глупые выходки. Нам придется сообщить за границей, что с нас потребовали миллион марок рабочих денег за неделю содержания. Легко себе представить, какое из этого сделает употребление враждебные партии[«]. На следующий же день утром была составлена записка КУРСКОМУ, содержание которой РОЗЕНФЕЛЬД сообщил мне в автомобиле, куда он намеренно по видимому, уселся со мной – по стенограмме^А. Это дало мне возможность сейчас же сообщить о своего рода ультиматуме. Публика была, в самом деле, сильно раздраже-

^В Так в документе.

^А Так в документе.

на. Настаивали на личном свидании с КУРСКИМ. Настаивают они на этом и теперь[,] и свидание это безусловно придется устроить. Мне было заявлено ВАНДЕРВЕЛЬДЕ^б, что они считают необходимым дополнить свою записку, обосновать ее устными заявлениями и т. д.

Перевел обществу последнюю новость из «Правды» от 4.VI-22 г. ВАНДЕРВЕЛЬДЕ – открытое письмо к [н]ему Стучки^в. Он тут же набросал ответ. Из разговора с Розенфельдом и Либкнехтом выяснил, что Вандервельде, действительно держался в Риге крайне осторожно и ограничился одним только интервью^г, так что, пожалуй, ответ его будет удачен. Не помещать его неудобно, к чему тогда открытые письма с просьбой ответа. Поместить – же ... опять[-]таки вряд ли подойдет. Во всяком случае, Вандервельде очень интересуется, почему это до сих пор, не помещено его письмо в «Известиях»^д и «Правде»^д. Перевел в кратце статью СУХОМЛИНА из «Голоса России». Мне было поручено, собственно, сообщить ее только немцам, но не говоря уже о том, что немцы безусловно поделились бы об этом с Вандервельде, СТЕКЛОВ так и так коснулся этой статьи в своей передовице и при посещении его УОТЕРСОМ для передачи письма ВАНДЕРВЕЛЬДЕ – сказал УОТЕРСУ, что я эту статью им переведу.

Бюллетень о здоровье ЛЕНИНА встречен ВАНДЕРВЕЛЬДЕ поразительно холодно. Не видит ли в этом какой[-]либо очередной инсценировки^в. РОЗЕНФЕЛЬД и ЛИБКНЕХТ выразили искреннее сожаление и оба записали в своих книжечках мой перевод бюллетень. Я отметил вскользь некоторую преемственность между выстрелом КАПЛАН и теперешним заболеванием. Указал на возможность новых демонстраций в связи с этим, на то, что в Московский Совет десятками поступают запросы о местопребывании защитников и т. д.

Через часок – разговор с Розенфельдом.

Курт Р. – «Почему этот бюллетень появился только 4/VI, тогда как заболел тов. ЛЕНИН 24/V?»

Я – «Просто не хотели волновать массу, пока была хоть малейшая неопределенность состояния здоровья».

КУРТ Р. – «Так ли было и с операцией?»

Я – «Да».

Курт – «Лучше было бы совсем не упоминать о заболевании». Ведь буржуазная европейская пресса будет разсматривать это, как попытку разжечь страсти в связи с процессом».

Я – «Но сообщение об этом проскользнуло бы, как[-]нибудь, в иностранную прессу. Тогда – совсем конфузно».

КУРТ Р. – «Можно было сделать это не так ярко, в форме простой газетной заметки. Особенно жалею об этом и потому, что надеялся как[-]нибудь, после процесса познакомиться с ЛЕНИНЫМ».

За столом тимпераментная^г вспышка ЛИБКНЕХТА. Громко, раздраженно говорил о немецких социалистах большинства. Их вина после войны еще больше, чем во время войны. Тогда они подорвали идею Интернационала, теперь отравили вновь сознание рабочих, лишили их веры в социализм, направляя на левых социалистов.

Теперь взялись за юношество. Не может быть никакой надежды на улучшение – повторил он уже обретенную^д как[-]то фразу – пока не про-

^б Так в документе, следует ВАНДЕРВЕЛЬДЕ.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Так в документе.

никнутся мыслию, что социалисты большинства в общем не социалисты, должны быть оставлены по ту сторону пролетарского фронта. Выступление произвело сильное впечатление. Очевидно, ЛИБКНЕХТ крепко держится независимцев и его поворот направо, о возможности которого, я слышал от кой[-]кого из иностранных коммунистов – немислим. Кто-то из защитников [сказал] об едином фронте. «Может, прокуратура убедится в неосновательности обвинения и возьмет его обратно».

Я – «И ЛЕНИН разцелуется с ГОЦЕМ. Да Вы прочитите^е внимательно письмо эсер из тюрьмы⁹. Ведь это прямой призыв гражданской войны.

РОЗЕНФЕЛЬД – «Только просмотрел этот документ. Надо будет проштудировать».

6-го [19]22 года завез немцев в посольство, где Розе[н]фельд получил – как после узнал – газету из Берлина. В доказательство того, что почта правильно функционирует – сказал он вечером за ужином. И очень не к стати вспомнил об отосланных им телеграммах. Ему были обещаны квитанции, которые до сих пор – несмотря на мои неоднократные напоминания – представлены не были. [«] – Вы, в самом деле думаете, что телеграммы отправлены[»] – переспросил меня раза два Розенфельд. Надо было бы принять меры, равно, как и по отношению к телефону. Нужно стараться не давать чувствовать особого положения именно в таких мелочах. Розенталь передал посылку в Красный Крест – на Кузнецком, потом отправился отвести душу в Центральный Карательный Отдел¹⁰, к СОВРАСОВУ. Все собрались к 3-м часам в 4-ом Доме Советов.

УОТЕРС пошел со мной по частным делам. Остальные отправились на пленум Совета. Накупил всяких мелочей. Между прочим, СКУНС и СОБОЛЯ на 400 миллионов рублей. За ужином защитники все говорили как это будет, если процесс действительно, затянется на шесть недель. ЛИБКНЕХТ в полушутливой форме предложил устроить дежурство, так чтобы дать возможность каждому побывать за это время недельку дома. Повторно выражали желание побывать в соседней деревне на заседании сельского Совета. Общее настроение улеглось. Когда кто[-]либо уезжает вечером в город – Розенфельд все[-]таки неприминет^ж сказать: «Ах счастливеец. Пусть он меня тоже с собой возьмет[»]. Говорил о каком[-]то приглашении[,] последовать которому он не мог, было сделано это приглашение всем или Вам лично – спросил я. А Вы полагаете, что это не одно и тоже – довольным тоном заметил он. Тогда ловлю Вас на слове. Почему это меня не пустили к ТАГЕРУ, который приглашал меня одного. Ну как там было, не знаю – сказал я. Во всяком случае у Вас есть больше шансов осуществить те или иные проэкты одному, чем когда Вы присоединяетесь к прочему обществу. Последние дни бельгийцы, и берлинцы не держаться так упорно вместе как прежде. Они уже не ждут друг друга – приезжает и уезжает³ из города в разное время.

3/V[I] в один час дня защитники приехали к зданию Наркомюста с настойчивым желанием повидаться с КУРСКИМ и сделать ему заявление о том, что они абсолютно не считают возможным оплатить предъявленный им счет в 15 миллиардов рублей и чтобы привести свои доводы, дающие им с их точки зрения, право неоплачивать счета в этой сумме. Главным мотивом является следующий: они были вынуждены с Советским правительством поселиться в дали от Москвы, помимо их желания, принуждены там жить и столоваться, пользоваться автомобилями, что было бы излишним, если бы они жили в самой Москве. Как пример они приводили

^е Так в документе.

^ж Так в документе.

³ Так в документе.

содержание служащих интернационального Красного Креста, которым комнаты и пансион обходятся в один миллион рублей с человека в сутки. Свидание с КУРСКИМ мы отклонили, сказав, что в Комиссариате его нет и предложили им проехать в приемную в 4-ом Доме Советов, чтобы познакомиться всех защитников с тов. ПРОКОФЬЕВЫМ, как с Зам. КЛИМОВА. После сделанного целого ряда протестов, (они во что бы то ни стало хотели дождаться КУРСКОГО) мы приехали в приемную, где и состоялись их знакомства с ПРОКОФЬЕВЫМ, и где в первые им была предъявлена инструкция по прочтении которой, они полагали устроить совещание, секретно (т.е. без нас)[,] что и было допущено. После совещания, длившегося около часа, ВАНДЕРВЕЛЬДЕ прочел нам, т.е. ПРОКОФЬЕВУ, КЛИМОВУ и мне[,] заявление[,] написанное им КУРСКОМУ по поводу предъявленного счета и ПРОКОФЬЕВ, записав с моих слов перевод[,] уехал для получения дальнейших инструкций. Защитникам было сказано, что он едет к КУРСКОМУ. В отсутствие ПРОКОФЬЕВА я отправился со всеми защитниками обедать в «АМПИР» (уже пешком) и по дороге Розенфельд говорил, что он поражается «близорукостью» Советского Правительства и их тактикой по отношению к защитникам, недоумевает, как оно не понимает того, что все, что ими делается – является игрой в руку 2-го и двух с половинного интернационала и если на него (Розенфельда) это не произведет особого впечатления и не заставляет его перестать быть сторонником Советской власти и русских коммунистов, то во всяком случае это оттолкнет от нас (русских коммунистов) тех рабочих и пролетариата в целом, которые пригласили их как своих посланцев, присутствовать на процессе эсер. При этом он добавил, что им совершенно ясно, что факт предъявления такого счета, означает принуждение для них оставить пределы России, не выжидая^и окончания процесса и что конечно, это сделано не без ведома Высшей власти, (цели которой им не ведомы и неясны). После обеда, мы отправились в приемную обратно и по дороге зашли в магазин аукционного зала по Петровке, где УОТЕРС купил две кашемировых шали за 130 миллионов рублей. Дойдя до приемной, мы разделились[:] 1 (ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, УОТЕРС и Розенталь[]) остались в приемной, чтобы указать присланной из Интернационального Красного Креста, машинистке, что она должна перевести и переписать, а 2 (ЛИБКНЕХТ, РОЗЕНФЕЛЬД и я[]) поехали в Германскую миссию, но ни кого не застав вернулись обратно. Вскоре пришел т. ПРОКОФЬЕВ и объявил им, что говорил с КУРСКИМ и что категорически испрашивающий^к ответ на все вопросы по их заявлению они получат во вторник. Ответ этот их конечно, не удовлетворил, скоро они кончили свои дела, отпустили машинистку и вернулись в Воронцово. Завтра в город они не едут, а предполагавшую^л прогулку на автомобилях – отклонили.

День 4-го июня просидели в Воронцово[,] группой совершили небольшую прогулку к ближайшей карусели, т.к. хотели ознакомиться с способами проведения время праздников у русского крестьянства.

В субботу 3-го июня в приемную комнату иностранных защитников пытался войти старичек лет 55, роста ниже средняго, седой, с седыми баками, переходящими в небольшую бородку “в расщепленную в середине”^н, в золотых очках, в черном пальто, в штатском костюме, с белым воротничком и назвал свою фамилию очень неразборчиво не то БРАГИН, не то

^и Так в документе.

^к Так в документе, следует, видимо, исчерпывающий.

^л Так в документе.

^н Так в документе.

БРАГИНСКИЙ и заявил, что хочет видеть^о ВАНДЕРВЕЛЬДЕ с целью устройства свидания с вдовой одного невинно разстрелянного. Свидание должно было состояться, 6-го, но его не было и эта история сама собой ликвидировалась. Считаю необходимым добавить, что в данном случае было бы полезно произвести агентурную разработку этого дела^а.

[...] Уполномоченного Н.К.Ю. при группе защитников. Этот день для моего вступления в исполнение обязанностей был неблагоприятный в том отношении, что утром им был представлен счет в сумме 15-ти миллиардов; затем представляю, им, я огласил и попросил расписаться в этой инструкции Н.К.Ю. определяющую мои обязанности и до некоторой степени права группы защитников. После этого вся группа направилась в «АМПИР» на завтрак. По дороге в «АМПИР» Розенфельд зашел в И.К.К.И. к тов. ЭБЕРЛЕЙНУ для получения газет, после чего присоединился к общей группе. На обратном пути УОТЕРС купил в антикварном магазине два женских платка за 130 миллионов. Настроение группы все время повышенное – нервное, конкретно это было вызвано как поводом предъявлением счета, который ими был опротестован в заявлении[,] переданном секретарю тов. КУРСКАГО[,] т.к. он их не мог принять и вторично этот же счет был устно опротестован передо мной, как представителем НКЮ с тою мотивировкой, что сумма неимоверно велика, что они живут на средства рабочих организаций Европы, что такие счета не представляются полномочным министрам ни в одной капиталистической стране Западной Европы и что заставит[ь] их оплатить этот счет это все равно, что принудит[ь] покинут[ь] пределы России. Ответ по этому поводу был отложен до 6-го числа. После же оглашения инструкции они выразили благодарность тов. КЛИМОВУ за корректное и очень доброжелательное отношение к ним, но вскольз[ь] указали, что они не протестуют против лиц, а только против системы.

На обратном пути в Воронцово Розенфельд, Либкнехт, Розенталь и я заехали к ТАГЕРУ для получения французского перевода обвинительного акта и отправились восвояси.

В течении дня 3-го июня у них очень часто в разговоре упоминалась Рига и они шутили с довольно многозначительным выражением физиономий по вопросу о приятности обратной поездки в Европу.

Из разговоров с Розенталем выяснилось, что защита будет пассивной и не будет принимать участия в опросе свидетелей, дабы не затягивать процесса и ограничиться только речью[,] которая будет стремиться подорвать силу улик[,] фигурирующих в деле.

5-го числа вся группа защитников отправились к двум часам дня в тюрьму на Кисельный пер[еулок] для свидания с подсудимыми. Первыми приехали Вандервельде и УОТЕРС, в то время как Розенфельд в Люксе имел свидание с ЭБЕРЛЕЙНОМ, а ЛИБКНЕХТ и Розенталь ожидали его не подалеку от Люкса. По окончании свидания все остальные отправились от Люкса, под общий свист сотрудников и при стечении праздной публики тоже на Кисельный. Бывшие на Кисельном ВАНДЕРВЕЛЬДЕ И УОТЕРС долго ожидали остальных компаньонов и так как те запоздали не только на Кисельный, но и в самой тюрьме[,] сели в авто и уехали домой, бросивши несколько резких фраз насчет немцев. Фразы были сказаны в таком резком^р тоне, что явно бросилось в глаза та обостряющаяся вражда[,] которая существует между ними.

^о Исправлено взамен напечатанного виден.

^п Видимо, далее часть текста сводки при перепечатке была механически соединена с другим вариантом сводки событий того же дня.

^р Так в документе.

Через минут 10-ть немцы также уехали домой.

Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 12–18. Машинописный подлинник, подпись – автограф. Формула подписи «ЗАМНАЧ ГПУ» заштрихована.

№ 17-7

Агентурная сводка № 7 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе

7 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 7

о настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 7/VI-22 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано:
т. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Ста-
лину, Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Трилис-
серу и один экземпляр в деле

НАЧСоГПУ: Самсонов

6-го июня первыми приехали немцы с утра и отправились в немецкое консульство, к 3-м часам прибыли бельгийцы и[,] встретившись вместе с немцами[,] отправились с ними на Пленум Московского Совета. Не пошел лишь УОТЕРС, который предпочел заняться для себя покупками^а, на что истратил три часа времени и подыскал для своей жены муфту, которую за неимением денег оставил в магазине за собой. Пребывание в Совете прошло без всяких инцидентов^б. Докладами особенно интересовался РОЗЕНФЕЛЬД, которому РОЗЕНТАЛЬ все переводил. Вандервельде интересовался главным образом способом выборов в Совет и проявил в этом отношении свое полное незнание основных положений строительства Советов. На пленуме группа пробыла не более одного часа, после чего вернулась в свою приемную, где было решено созвать совещание защитников на 7-е в 6-ть часов в помещении приемной. Туда-же зашел и ЖДАНОВ[,] один из русских защитников[,] и вел разговор с РОЗЕНТАЛЕМ на ничего не значащую тему. Часам к шести в приемную вошли три женщины, которые оказались женами обвиняемых^в с просьбой билетов на процесс, но в это время уже регистрации входящих не было и их фамилии остались неизвестными, прошу Вашего распоряжения о предоставлении в мое распоряжение двух человек, которые могли бы систематически дежурить возле приемной, т.к. во время первых дней процесса нужно полагать, что подобные посещения участвуются.

Настроение группы защитников в общем более спокойное, чем было несколько дней назад, но чувствуется во всех их действиях определенная неуверенность[,] по[-]видимому вызываемая тем неблагоприятным положением, которое они занимают в процессе и от которого не могут[,] по[-]видимому[,] отказаться.

Отношение 2-го и двух споловиннаго^в интернационала обостряется все сильнее благодаря совместной жизни и тому, что отношение к про-

^а Вписано от руки.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

цессу[,] по[-]видимому[,] у них совершенно неодинаково. Во всяком случае Розенфельд иногда даже не выдерживает спокойного и корректного тона по отношению к Вандервельде и после подобных вспышек разъезжает* на разных машинах.

7-го июня мною группе защитников через товарища СЕРАКЕРА был представлен ответ правительства (пятерки ЦК) сейчас же после посещения ими заключенных. Так как ответ содержал в себе целый ряд чисто политических вопросов и был обращен ко всей группе, но в особенности против ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, Розенфельд на последующем свидании у КУРСКАГО, заявил, смотря в упор на Вандервельде, что он ничего общего со вторым Интернационалом не имеет и протестует против такого объединения в ответе правительства 2-го и двух с половинного интернационала. Говорил он это очень горячо и ЛИБКНЕХТ со своей стороны поддержал его. Кроме <этого> группой были задеты следующие вопросы:

1) Право посещать защитников на дому (т.е. Муравьева, Тагера и др.)

2) Право посещать жен подсудимых.

3) Предоставление билетов родственникам обвиняемых и не получившим таковых, всего 85 билетов.

4) Толкование и практический смысл пункта в ответе правительства[,] в котором имеется намек на возможность некоторых послаблений режима.

Все это Розенфельд, который поднимал эти вопросы[,] обещал зафиксировать в письменном виде и представить тов. КУРСКОМУ. По первому вопросу тов. Курский дал положительный ответ, что же касается остальных, то по представлению письменного заявления все их требования будут рассмотрены. УОТЕРС на приеме у тов. КУРСКАГО не присутствовал, а находился в приемной 4-го Дома Советов. После приема Розенфельд и Либкнехт в сопровождении Серакера отправились в Нем[ецкое] представительство. Розенталь в сопровождении т. Ригина в Трибунал и еще в какое-то место. В 5-ть часов в приемной защитников состоялось совещание защиты. Необходимо отметить разное настроение защитников, затем острый протест Розенфельда против ответа Правительства, где он, Розенфельд, политически объединяется с ВАНДЕРВЕЛЬДЕ и[,] наконец[,] пониженное настроение Вандервельде после приема у т. Курскаго.

7/VI завез защитников в Кисельный, где они остались значительно дольше предполагавшегося – три часа вместо полтора. Судя по словам УОТЕРСА, велись какие[-]то усиленные переговоры с русскими адвокатами. Так как в три назначен прием у КУРСКАГО, а желательно было до этого ознакомить защитников с ответом правительства, то я вызвал часа в два Уотерса в комендатуру (Кисельный) и перевел ему с листа переданный мне текст. Так, что к Н.К.Ю. явились уже с готовыми возражениями. Напрашивается сравнение нынешнего свидания с первым, когда Вандервельде от имени всей делегации сообщил Курскому благодарность и желание. Тогда говорил один Вандервельде[,] прочие поддакивали. Теперь первым выступил Розенфельд с очень горячим заявлением. Он повторил, что чувствует себя, как в тюрьме и считает ограниченной и свою свободу, как защитника, раз не смог навестить ТАГЕРА, на квартире, но вместе с тем, ясно и довольно[-]таки в приподнятом тоне отмеживался⁹ от политической солидарности с Вандервельде, подчеркивая вместе с Либкнехтом, что независимцы находятся в жесточайшей борьбе с немецкими представителями Амстердамского Интернационала¹² – социалистами

* Так в документе.

⁹ Так в документе.

большинства. Вандервельде сказал им немного, повторив [в] существенном известное уже письмо редакторам «Известия» и «Правды». Содержание переговоров с Курским будет подтверждено в письменных заявлениях особо для Вены и для Амстердама. [«]Так надо было с самого начала сделать» – сказал я по выходе Розенфельду – «тогда неприятное выражение по адресу Вандервельде Вас совершенно не задела бы». Он только пожал плечами, как бы признавая свое упущение. Конкретно защитники требовали право защищать* русских защитников на дому (разрешено тов. Курским), жен обвиняемых, на дому же, свидание с заключенными левоэсерами, предоставление дополнительных 90 мест на процессе родственникам обвиняемых, сверх нормы по одному на каждого. Ответ на эти заявления отложен до выяснения.

В автомобиле на пути в немецкое представительство сообщил немцам, что не исключена возможность их переезда в город, как только будут подысканы комнаты. Были заметно обрадованы этим. Тут же прибавил, что дело очень это нелегкое и если можно будет принять экстрординарные меры для них обоих, то такое же отношение к Розенталю решительно ничем не оправдывается. Как будто-бы примирились с этим. Вообще публика любит над ним издеваться и его не очень высоко ценят. Говорили и о том, как формально провести расселение. Розенфельд спросил, не включить ли просьбу о помещении в городе в их заявлении к Курскому, которая** и может быть, таким образом сепаратно удовлетворена. Поэтому поводу придется еще потолковать.

Пообедали в четвером с шоффером в кафе РИШ. Обещал следующий раз свезти в ресторан поскромнее. К пяти часам произошла новая встреча защитников в приемной 4-го Дома Советов. Сопровождение опять затянулось часа на три. Создалось впечатление, что иностранцы хотят поскорее кончить, но не как не могут отвязаться от русских адвокатов.

Заехал с бельгийцами на Софийскую 14, где передали для размена 40 тысяч марок французу МЕРТЕНСУ. Или вернее через его посредство в Латвийское посольство. Переводил Вандервельде последние новости из телеграммы «Известия». По возвращении говорили с Розенфельдом о случайном неполучении Розенталем пропуска в залу суда. Я сказал, что все выяснится 8-го в 11-ть часов. Розенфельд – с обычной горячностью – «но мы без него вообще не пойдем в зал. Ведь он наш официальный переводчик».

Я – «Речь идет только об одном дне, на который я или Ригин можем Розенталю заменить[«]».

Розенфельд – «Это, конечно, очень мило с Вашей стороны, но ведь Вы не обязаны этаго делать». – Тут я подумал о том, как это собственно, будет с Вандервельде. Кто будет служить переводчиком для него и УОТЕРСА. Ведь формально он имеет основание не доверять нам, а мы также формально являемся переводчиками только при непосредственном контакте с властями. Во время наших посещений официальных лиц Розенталь имел возможность контролировать и пополнять мои переводы с русского на немецкий и наоборот. Не так обстоит дело с Вандервельде. Его секретарь – УОТЕРС – по[-]русски не понимает и ему приходится принимать мои слова на веру. На таком же – несколько необычном [-] доверии основаны и два сделанных мной для него письменных перевода

* Так в документе, следует посещать.

** Исправлено, в документе которое.

на русском: напечатанной в «Известиях» декларация³ и непомышленного пока письма редакторам, наших центральных газет. А также переводы из русских органов печати. Розенфельд это приветствует, но нескрывает своего удивления по этому поводу. Хочет выяснить с ним все-таки, как будет дело на суде. Помнится, в заявлении, поданном КРЫЛЕНКО[,] защитники указали, что оставляют за собой право требовать дополнительных переводчиков. Это требует выяснения.

Защитников сильно пугает продолжительность процесса. Розенфельд упоминул⁴ вскользь о случае из своей немецкой практики, когда товарищ созащитник заменил его на суде.

«Заменить нам с Либкнехтом поочередно друг друга на недельку что-ли и съездить таким образом обоим в Берлин». Оба они были твердо уверены, что процесс закончится в середине июня, захватив лишь покушение на ЛЕНИНА, Володарского. Соответственно с этим, ими и была составлена программа на вторую половину июня, отложены дела и т.д. Вопрос этот к концу июня ставит⁵ вероятно, значительно острее. Не мешало-бы теперь-же установить точку зрения на такой временный отъезд с заместительством.

Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 19–23. Машинописный подлинник, подписи Т.П. Самсонова в начале и в конце документа – автографы.

№ 17-8

Листовка Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров³ «Ко всем трудящимся», посвященная процессу над членами партии эсеров

[Не позднее 8 июня 1922 г.]

Партия Социалистов-Революционеров

В борьбе обретишь ты право свое!

Ко всем трудящимся

Партия социалистов-революционеров под судом. Каждый день большевистские газеты обливают партию в лице ее лучших вождей потоком беззастенчивой клеветы и брани. Партия обвиняется в терроре из[-]за угла, в бандитизме, в измене трудовому народу, словом, во всем, что может почитаться тягчайшим преступлением.

В стремлении во что бы то ни стало обвинить партию с.-р., большевистско-советская власть не брезгает прибегать к услугам провокаторов-чекистов, вымышленных и подложных документов и повторяет все те приемы фабрикация судебных процессов против ненавистных социалистов, к каким прибегала в свое время царская власть.

Почему такая злоба проявляется большевиками по отношению [к] нашей партии? Почему так свирепо и с такой ненавистью пытаются боль-

³ Так в документе.

⁴ Так в документе.

⁵ Так в документе, следует, вероятно станет.

шевики представить партию эсеров, как партию вредную для трудящихся масс?

Потому, отвечаем мы, что подтверждают и большевики, что партия эсеров, несмотря на преследования, день ото дня крепнет, развивается и неизбежно в недалеком будущем организует трудовые массы в грозную силу, способную положить предел разгулу большевистского штыка и пули.

Потому, что партия эсеров, загнанная в подполье, вопреки всем преследованиям впитывает в свой состав свежие молодые силы, срастается с трудовыми массами, делаясь авангардом этих масс, и этим самым создает опасность для диктатуры большевиков, превративших Россию в каторжную тюрьму.

Потому, что партия эсеров, предсказывавшая ложный губительный путь большевиков, стремившаяся предотвратить нищету, развал и голод, оказалась правильно разрешавшей задачи революции, верной заветам социализма и пользуется доверием трудовых масс.

Но клевета на партию эсеров, представляя ее, как партию разбойников, большевики забывают, что все эти злобные обвинения плохо вяжутся с грязью их собственных риз. Кого рас[с]читывают большевики ввести в обман после ряда обманов, в которых они повинны перед трудовым народом.

Сознательные рабочие и крестьяне отлично понимают причину бесильно-злобного желания большевиков очернить в глазах народа партию эсеров, лишить ее доверия в глазах трудового народа и этим самым устранить или отдалить грядущую опасность со стороны партии с.-р. Только дезорганизацией трудящихся, только распылением масс сильны большевики и держатся у власти.

И какими жалкими и подленькими являются их попытки вынесения подложных постановлений и резолюций якобы от имени рабочих и крестьян и красноармейцев[,] требующих применения к эсерам тягчайших наказаний вплоть до смертной казни!

Фабрикация таких резолюций напоминает фабрикацию погромных и провокационных резолюций жандармскими учреждениями при царской власти.

Руки прочь от партии социал. революционеров! – говорим мы. Не вам, насильникам и палачам русского трудового народа, судить авангард этого народа – партию социалистов революционеров!

Кого вы хотите обмануть?

Русский трудовой народ? – Он знает, кто вы.

Трудящихся Западной Европы? – Но ведь эти трудящиеся в лице интернационалов, представляющих собою социалистические партии и рабочие организации Западной Европы, шлют своих представителей для защиты членов партии с.-р. от вашей расправы.

И сколько бы вы ни обливали грязью и клеветой едущих в Россию товарищей социалистов, сколько бы вы ни кричали о социал-предательстве социалистов и рабочих Западной Европы, все равно вам, изолгавшимся, никто уже не верит.

Предстоящий лже-суд, вопреки вашему желанию, привлекает к партии с.-р. внимание трудящихся всего мира. То, чего советско-большевистская власть уже достигла, это лишь то, что к ее собственной истории прибавляется лишняя омерзительная страница.

Да здравствует партия соц.-революционеров. Да здравствует социализм.

Центральное Бюро Партии Социалистов-Революционеров

– Л. 103. Типографский лист того времени. Вверху рукописная помета о принадлежности документа к секретному делопроизводству Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером.

№ 17-9

Агентурная сводка № 8 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе

9 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 8

о настроении иностранных защитников по делу Ц.К.П.С.Р. от 9/VI-22 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано: тт. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Сталину, Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Трилис-серу и один экземпляр в деле

НАЧСОГПУ: Самсонов

Считаюсь, очевидно, с возможностью демонстрации, защитники устроили так, что явились в Дом Союзов к 11-ти часам. Как потом выяснилось из разговоров с тов. МАЛКИНЫМ, это явилось несколько неожиданным. С такой предусмотрительностью старых политиков надо было, [в]прочем заранее считаться.

Подымаясь со мной по лестнице в здание, Вандервельде задает наивный вопрос: «Что эти солдаты из обычной красноармейской формации?»

Передал на суде Курскому письменные заявления бельгийцев и немцев – изложение того, что было сказано ими на вчерашнем свидании. В письме немцев ничего нет о переселении в город. Курский полагает, что это не так уже необходимо. Можно, пожалуй, сослаться на их неоднократные пожелания водворения в городе, что в виду меньшей опасности, угрожающей их неприкосновенности, по отношению к ним и можно выполнить. Вряд ли они подумают о том, что-бы солидаризоваться в данном случае с Вандервельде. Сам, ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, конечно, по испытанному методу корчит приятную мину при плохой игре. [«]Я, – говорит – «очень рад, после душного дня заседания и суда смогу подышать вечером деревенским воздухом». Было-бы конечно, нежелательно переселять меня или тов. Ригина к немцам в «САВОЙ». Новые места – новые лица – новые сотрудники для поручений. Малкин говорил, что имеется в виду секретарь ЭБЕРЛЕЙНА. Я советовал еще ШТЕЙНБЛЮКА – нашего сотрудника бывшего подзащитного Розенфельда и их случайного спутника от границы. Встретились с ним в кулуарах^а суда и смотрят на него, как на спасителя.

За обедом в «АМПИРЕ» начался довольно[-]таки неприятный разговор.

Розенфельд – обращаясь ко мне – «разказывал РАДЕКУ о нашей тюрьме (обычная шуточка Розенфельда. Относится к нашему дачному пребыванию)[,] Радек несколько минут погодя, представил мне некоего УНШЛИХТА, говоря: “Вот директор Вашей тюрьмы”, кто это Ун-

^а Исправлено взамен напечатанного коллуарах.

шлихт? слышал, что Председатель Г.П.У.?[«] [«]Да[»] – говорю. Розенфельд – «Какое же он имеет к нам отношение?» Я – «поскольку в контакте с милицией озабочен предупреждением в каких[-]либо насильственных действий⁶ по отношению к Вам». В разговор вмешивается РОЗЕНТАЛЬ. – «Ведь в функции Г.П.У. входит и контроль над иностранцами; значит, и наблюдение над нами...» (не заканчивает).

Я – «Не буду с Вами спорить о функциях ГПУ[«]. Перевожу разговор на другую тему. Пожалуй[,] излишне добавлять, что милая шутка тов. РАДЕКА поставила меня и тов. РИГИНА в довольно неприятное положение. Остается только, чтобы РАДЕК представил и нас Розенфельду как филеров Г.П.У.

По просьбе ВАНДЕРВЕЛЬДЕ заезжал в Н.К.И.Д. справляться, нет ли для него писем. Просил Заведующего Отделом протелефонировать в положительном случае Г.П.У. 215.

До сих пор ВАНДЕРВЕЛЬДЕ получил только одно письмо от жены, через Софийскую набережную 14 (МЕРТЕНС). Плохо обстоит дело и с французскими газетами. КАМЕНЕВ сначала обещал иностранцам, что сам будет снабжать их газетами. Потом направил в Социалистическую Академию. Но Соц[иалистическая] Академия, оказывается, с первого апреля иностранных газет не получает.

Придется выдавать Вандервельде газету – немцы берут из Коминтерна – из нашего ИНОТДЕЛА¹⁴, под видом Н.К.И.Д. Попросил об этом приватно тов[арищей] по отделу.

Заместитель председателя ГПУ Уншлихт
Начальник секретного отдела Самсонов

– Л. 25–26. Машинописный экземпляр того времени, заверенный за секретаря СО ГПУ Л.Н. Волковым.

№ 17-10*

Заявление иностранных защитников во ВЦИК с просьбой о допущении для участия в процессе русских социал-демократов в качестве защитников обвиняемых членов ПСР¹⁵

10 июня 1922 г.

An das Allrussische Zentral-Exektiv-Komitee

Moskau

Der Vorsitzende des Obersten Tribunals hat in der Sitzung v[om] 8. dieses Monats erklart, dass das Berliner Abkommen der drei. Internationalls mangels einer Anweisung des Allrussischen Zentral-Exekutiv-Komitees fuer das Oberste Tribunals keine formell-bindende Kraft habe. Das Oberste Tribunal hat entsprechend dieser Auffassung in der gleichen Sitzung den auf das Berliner Abkommen gestuetztes Antrag auf Zulassung der von den Angeklagten gewuenschten Verteidiger Lieber, Weinstein, Ber-Gurewitsch und Rubin, von denen der erste bereit als Verteidiger zugelassen war, abgelehnt. Diese Ablehnung widerspricht dem Berliner Abkommen. Deshalb wenden wir uns an das Praesidium des Allrussischen Zentral-Exekutiv-Komitees mit der Bitte, das Tribunal zuzuweisen, die Buerger Lieber, Weinstein, Ber-Gurewitsch und Rubin zur Verteidigung der von uns vertretenen Angeklagten

⁶ Исправлено взамен напечатанного действиях.

zuzulassen. In Anbetracht der Tatsache, dass der Prozess schon begonnen hat, bitten wir, die Entscheidung moeglichst schnell zu treffen und uns mitzuteilen.

Moskau, 10. Juni 1922

Emile Vanderwelde
K. Libknecht
Kurt Rosenfeld

– Л. 38–39. Рукописный подлинник, подписи – автографы.

Русский перевод с немецкого:

Председатель Верховного Трибунала на заседании 8-го сего месяца заявил, что Берлинское соглашение 3-х Интернационалов ввиду отсутствия соответствующих указаний со стороны Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета не имеет для Верховного Трибунала формально обязательной силы¹⁶. Верховный Трибунал в соответствии с таким своим толкованием отклонил на том же заседании основанное на Берлинском соглашении ходатайство о допущении указанных обвиняемыми защитников Либера, Вайнштейна, Бер-Гуревича и Рубина, из которых первый уже ранее был допущен в качестве защитника. Этот отказ в удовлетворение возбужденного ходатайства находится в противоречии с Берлинским соглашением.

Ввиду сего мы просим Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета преподать Трибуналу соответствующее указание о допущении гр. гр. Либера, Вайнштейна, Бер-Гуревич и Рубина в качестве защитников обвиняемых. Ввиду того, что процесс уже начался слушанием, мы просим не отказать возможно скорее вынести соответствующее постановление и довести о нем до нашего сведения.

Эмиль Вандервельде
Т. Либкнехт
Курт Розенфельд

Москва, 10 июня
1922 г.

– Л. 31. Заверенная машинописная копия, сделанная 25 апреля 1958 г. В деле (л. 38–39) рукописный подлинник, подписи – автографы.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 21. Другой экземпляр той же машинописной закладки.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 280. Л. 7. Машинописная копия того времени русского перевода обращения Вандервельде и др. Вверху штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 11, п. 3. Штамп Секретного Архива ЦК ВКП(б).

№ 17-11*

**Агентурная сводка № 9 сотрудника Секретного отдела ГПУ
по наблюдению за иностранными защитниками,
прибывшими для участия в процессе**

11 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 9

о настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 11 июня 1922 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано: гг. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Сталину, Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Трилис-серу и один экземпляр в деле

НАЧСОГПУ: [Самсонов]

Защитники так перегружены процессом, что едва приходится с ними слово молвить. Уотерс [-] кассир группы – не шутя озабочен падением иностранной валюты и сетует, что не успел до сих пор продать 100 фунтов, имеющихся у него. Должен сделать это, по[-]видимому, через своих товарищей по Амстердамской помощи. Купил для Вандервельде 2 кашемировы[е] шали милл[ионов] за 300, собирается тоже сделать и для себя да купить еще милл[ионов] на 500–600 мехов на память разным приятелям о голодной, но все еще дешевой России. Во очию представляется разница между Германской и Бельгийской валютой. Немцы покупают только мелочи и то, основательно, подумав. Ведь наши 1 1/2 миллиона для них все[-]таки больше 100 марок. А высшее жалование у них – министерское – это 10 тыс. марок, т.е. 150 милл[ионов] на наши деньги.

Тут приходится опять вернуться к истории со счетом и сказать, что линия, которая была бы правильной по отношению к Бельгийцам самим по себе – ублажать да откармливать с тем, чтобы нажить политический капиталец в будущем – обращается против нас же в применении к немцам. Можно поверить Курту Розенфельду – и об этом, конечно, осведомлены его немецкие товарищи – если он говорит, что ест белый хлеб только по праздникам и никогда еще после войны не ел его столько, как здесь за эти две недели. Кто поверит, чтобы один из крупнейших немецких адвокатов, мирящийся с очень скромным существованием в Германии, потому что социалист – вдруг вздумал бы раскошествовать^а в России.

9-го Либкнехт все искал Курского, чтобы передать какое[-]то заявление. 10-го эта бумага была вручена мне и оказалась ответом на записку Курского заведывающему хозяйством НКЮ по поводу злосчастного 15 миллиардного счета. Записка 3-х защитников <повторяет> многое из того, что было своевременно приведено мной в до<несении?>, что до образа жизни. В заключение просят опубликовать не только<...> отношения НКЮ – как это имело место с 1-м заявлением Курского о мерах безопасности, опубликованной недавно в выдержках[,] но и защитников. Защитники обратили внимание, на то, что в заметке, отражающей содержание ответа НКЮ, – выпущен пункт о возможном смягчении режима. Не только ведь это выпущено – вставил я. Во всяком случае пока никакого смягчения еще не заметили – заметил кто-то. Защитники предполагали требовать помещения в печати и их заявлений, <связанных> с упомянутым отношением Курского. Вечером 9-го перевел Вандервельде передовицу из «Правды» и несколько резолюций из прессы. Дал беглый обзор всей газеты.

– Л. 28–29. Машинописный экземпляр того времени, заверенный за секретаря СО ГПУ Л.Н. Волковым.

№ 17-12

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об эсерах». Из протокола заседания Политбюро № 11, п. 3

^а Так в документе.

от 12 июня 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО3. Об эсерах

а) Отложить до четверга.

б) Поручить т. Радеку усиленно вести кампанию по поводу фактического срыва Берлинского соглашения и о том, что при вынесении приговора Трибунал должен руководствоваться самим существом дела, не будучи связанным никакими соглашениями, а также процитировать обращение меньшевистского ЦК в Верхтрибунал и сделать политические выводы о блоке меньшевиков и эсеров, сделав таким образом меньшевиков ответственными за деяния эсеров.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 30. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 20. Другой экземпляр той же машинописной закладки.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 280. Л. 6. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева внизу запись о рассылке: «Радеку – п. б)». Помета: «7261/с». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Троцкий, Томский, Сталин, Каменев, Зиновьев. Члены ЦК: тт. Радек, Сокольников. С совещат. голосом т. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1390. Л. 1. Машинописный подлинник, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-13*

**Агентурная сводка № 10 сотрудника Секретного отдела ГПУ
по наблюдению за иностранными защитниками,
прибывшими для участия в процессе**

13 июня 1922 г.

Сов[ершенно]-секретно

АГЕНТУРНАЯ СВОДКА № 10

о настроении иностранных защитников по делу ЦК ПСР от 13 июня 22 г.

Отпечатано в 9 экземплярах и разослано: тт. Троцкому, Дзержинскому, Уншлихту, Сталину, Каменеву, Менжинскому, Пятакову, Трилис-серу и один экземпляр в деле

НАЧСОГПУ: [Самсонов]

Что до образа жизни, ссылаюсь на предыдущий доклад. Напоминаю из указанного уже следующее: деньги меняли не в Госбанке, обедом в доступную цену в Ампире (1.250) не удовлетворились и т. д. Едят, конечно, как все люди. Большей частью не отказываются от 2-й порции мяса – и все.

Утром 13-го Малкин и Повелецкая уславливались со мной о встрече Фроссара и одного польского коммуниста с Вандервельде. Дело идет о процессе Домбаля¹⁷. По этому поводу был прямой провод с Зиновьевым, остановились на визите в загородном доме 13 утром.

Розенталь все беспокоиться^а о дополнительных билетах для защитников и родственников обвиняемых. При чем искал связи непосредственно к Иконникову или Малкину – о которых как-то разнюхал – минуя нас. В обеденный перерыв пошел с немцами осматривать комнаты в Савойе. Решили было взять одну большую на 2-х и одну для Розенталя. С ответом все-таки задержались. Либкнехт все раздумывал. Я комнату большую – все-таки задержал до сегодняшнего дня, чтоб потом не могло быть отговорки – не было, мол, комнаты, в городе. Ведь Розенфельд говорил мне, что собирались уже искать комнат через жен обвиняемых.

Вечером в автомобиле – любопытный разговорчик с Розенталем:

Я – Ну что же, переедите в город.

Розенталь – «Да, я думаю. Жаль только, что Вандервельде предпочитает остаться за городом».

Я – Если бы он и не хотел этого, дело для него несколько бы не изменилось. Речь идет, как Вы прекрасно понимаете, о немцах.

Розенталь – «Розенфельд, вероятно, еще переговорит с Вандервельде».

В виду этой неуверенности, не лишне было бы вспомнить, что Розенфельд был очень обрадован в свое время моим сообщением о возможности переезда и даже не протестовал против того, чтобы Розенталь остался на даче. 12-го только он начал настаивать и на этом – но был обезоружен быстрым согласием. Тогда он спрятался за Либкнехта: тот, мол, любит свежий воздух и хочет еще подумать. Наконец, только 13 утром очевидно после формального и окончательного разрешения Вандервельде – переезд решен. Берлинцы просят оставить за ними право – в случае если помещение все-таки не подойдет – искать себе другое или вернуться на дачу.

– Л. 33–34. Машинописный экземпляр того времени, заверенный за секретаря СО ГПУ Л.Н. Волковым.

№ 17-14

Шифротелеграмма из Берлина наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в Наркомат иностранных дел о готовящемся в Берлине лидером эсеров В.М. Черновым процессе против газеты «Новый Мир»

19 июня 1922 г.

Расшифрована 21/VI-22 г.

Из Берлина
Москва, НКВД

^аПроцесс Чернова против «Нового Мира»^б будет контр-процессом, направленным против Московского процесса эсеров. Для его дискредитирования будут разрабатываться те же вопросы, скажут, что в Москве правда затемнена, здесь она выясняется. Это серьезный шаг. ^вОбратите внимание Цека. ЧИЧЕРИН^г

19 июня 1922 г.

– Л. 40. Машинописная копия того времени, сделанная Наркоминдел для ЦК РКП(б). Сверху справа штамп делопроизводства Бюро Секретариата

^а Так в документе.

^{а-б} Подчеркнуто карандашом в тексте.

^{в-г} То же.

ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения документа «1/VII-1922 г.» Слева рукописная помета: «Эссеры».

№ 17-15

Статья Г.Е. Зиновьева «Процесс эсеров и убийство Володарского. 20 июня 1918 г. – 20 июня 1922 г.»

[Не позднее 20 июня 1922 г.]

Теперь мы все уже знаем, кто убил Володарского: партия правых эсеров¹⁸. Но четыре года тому назад это было не так еще ясно. На следующий же день после убийства эсеры официально заявили о своей полной непричастности к этому преступлению.

«Петроградское Бюро партии социалистов революционеров заявляет, что ни одна из организаций партии к убийству комиссара по делам печати Володарского никакого отношения не имеет».

В такой категорической форме партия эсеров заявляла о своей непричастности к убийству Володарского. Чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений, центральный орган партии эсеров «Дело Народа» 23-го июня 1918 года заявляло:

– «Снимите шапку перед трупом Володарского, погибшего жертвой кровавого безумия, насаждаемого рукой большевистской власти».

Друзья эсеров господа меньшевики целиком подтверждали версию «Дела Народа».

– «Мы не сомневаемся, что убийство это не могло быть делом ни одной из революционных политических партий», писал меньшевистский «Новый Луч»¹⁹ (№ 74).

– «Не располагая никакими дополнительными сведениями, характеризующими этот акт[,] меньшевики, тем не менее, не сомневаются, что убийство это – дело рук либо черносотенного провокатора либо одиночки революционера» («Новый Луч» от 21-го июня 1918 года).

Так эсеры клялись в своей непричастности к убийству Володарского. Так меньшевики, как благородные свидетели, подтверждали невинность своих друзей эсеров. Двоедушные эсеры дошло до того, что они, убийцы Володарского, призывали «снять шапку» перед трупом Володарского, ими же убитого!

И[,] быть может[,] не столь удивительно то, что эсеры унизились до такого лицемерия, сколь удивительно то, что им поверили.

Да, им^а до известной степени^б поверили даже мы[,] большевики. ^вНам все еще казалось мало вероятным, чтобы эсеры дошли «до жизни такой»^г. Правда, нас уже и тогда одолевали сомнения. Пишущий эти строки говорил на заседании Петроградского совета 22-го июня: «Мы не знаем, кто убийца, но было бы желательно, чтобы из числа эсеров никто не присутствовал на погребении товарища Володарского». Однако, мы вполне допускали, что Володарский действительно убит каким-либо «одиночкой». Мы говорили, в той же речи, цитируя выше приведенные слова меньшевиков: «Да, может быть это был одиночка, но, во всяком случае, не революционер, а контр-революционер, это был палач рабочего класса, это был одиночка, в жилах которого течет кровь генералов Корнилова и Галифе, а не кровь рабочего класса».

Теперь мы знаем, что это не был одиночка. Это был ЦК партии эсеров, сидящий теперь на скамье подсудимых.

^{а-б} Слова до известной степени – рукописная вставка.

^{в-г} Вписано от руки над строкой.

Господа меньшевики, уже и тогда разыгрывавшие из себя агнцев невинных, корчившие из себя «принципиальных» противников террора и почти вегетарианцев, — ^дгоспода меньшевики^е обсуждали убийство Володарского с точки зрения «целесообразности»: дескать «одиночка революционер», который убил Володарского[,] поступил так же нецелесообразно, как нецелесообразно поступали при царизме отдельные террористы, убивавшие царских министров. Почти^ж в таком же духе ныне пишет кадет господин Изгоев, когда он заявляет:

– «Скажу совершенно определенно: убийство Володарского, Урицкого, покушение на Ленина также противно моему нравственному чувству, как убийство Александра II, Боголепова, Герценштейна и Иоллоса». («Утренники» книга первая, страница 14, 1922 г.).

С точки зрения контр-революционного кадетского буржуа, убийство Володарского и Боголепова одинаково противно «нравственному чувству». С точки зрения меньшевика, убийство Володарского и убийство царского министра Боголепова одинаково «нецелесообразно»!

Если бы спросить, например, госпожу Зинаиду Гиппиус, как относится она к происходящему суду над эсерами, то она, вероятно, сказала бы вместе с господином Изгоевым:

– «Если бы был возможен не партийный, а национальный суд, суд над террором, суд не политики, а суд совести, то надо было бы приветствовать моральное очищение общественной атмосферы» («Утренники», книга первая, страница 13, статья «Суд над террором»). Но, вместе с тем, этой представительнице «совести» и защитнице «морального очищения», ея «нравственность» не помешала написать следующее стихотворение, нежно озаглавленное «Песня без слов».

Как ясен знак проклятый
Над этими безумными
Но только в час расплаты
Не будем слишком шумными.
Не надо к мести зовов
И криков ликования:
Веревку уготовав
Повесим их в молчании**.

Декабрь, 19., СПб

⁵Сборник вышел в Берлине^н.

** Приведенное стихотворение — лишь один из невиннейших образцов «поэзии» знаменитой госпожи Гиппиус, которая вместе с Мережковским и К^{о20} всегда изображались, как лучшие представители «демократической интеллигенции», являющейся основой партии эсеров.

Да, теперь у нас нет уже никаких иллюзий, и после эсеровского процесса иллюзий не останется и у самых широких трудовых масс. Да вся Россия знает теперь: идет война не на живот, а на смерть: кто за буржуазную власть, кто за власть пролетарскую. В знойной атмосфере гражданской войны все противоречия созрели с головокружительной быстротой. Разве же не ясно, что госпожа Гиппиус есть ^кродная сестра тех^л изящных дам времен Парижской Коммуны, которые^м с удовольствием втыкали^н кончики ^освоих зонтиков^п в раны ^рповерженных коммунаров^с. А между

^{д-е} Вписано от руки над строкой.

^ж Исправлено из первоначально написанного совершенно.

^{з-и} Вписано от руки.

^{к-л} Исправлено из первоначально написанного подобие.

^м Исправлено взамен первоначально написанного разве не.

^н Исправлено взамен первоначально написанного воткнула бы она

^{о-п} Исправлено взамен первоначально написанного своего зонтика.

тем госпожа Зинаида Гиппиус ни в коем случае не принадлежит к худшим представительницам «демократической» русской интеллигенции. Еще в 1914 году она писала революционные стихотворения, – например ее стихотворение «Петроград», написанное на переименование Петербурга.

Так и с буржуазной демократической интеллигенцией, руководящей партией эсеров. Пока царизм душил и буржуазную демократию, господ Гоцц, Авксентьевы, Савинковы и Черновы готовы были бороться против царизма и иногда обнаруживали в этой борьбе своего рода подъем и пафос. Но, когда царизм был низвергнут, когда рабочий класс перешагнул и через кумира буржуазной демократии, Учредительное Собрание, тогда те-же Гоцц, Савинков, Чернов и К^о превратились в маленьких Галифе. И если им не удалось расправиться с русскими рабочими, так как расправился с парижскими коммунарами мясник Галифе, то это уж не по их вине...

* * *

Пытаясь оправдать убийство Володарского[,] некоторые из вождей эсеров намекали на то, что летом 1918 года недовольство Петроградских рабочих советской властью якобы^у было настолько велико, что оно одно могло вызвать убийство Володарского. Гоцц и К^о пытаются свалить с большой головы на здоровую.

Летом 1918 года советская власть, пожалуй, действительно переживала свой первый внутренний кризис. В чем заключался этот кризис? – Впервые широкие трудящиеся рабочие массы стали вполне ясно сознавать, что борьба не так легка, как это кое[-]кому казалось в октябре 1917 года, что предстоит целая полоса, быть может, несколько лет упорной гражданской войны, голода и тяжелых лишений. Впервые рабочие массы ощутили с полной ясностью, что путь, который ранее казался им коротким, на самом деле является длинным, очень длинным путем. Летом 1918 года петроградские рабочие сидели уже на восьмушке хлеба. Общее политическое положение осложнялось все больше и больше. Только что была раздавлена финляндская рабочая революция. На Украине господствовал Скоропадский. Советская власть вынуждена была подписать Брестский мир. Заводы останавливались. Начиналась эвакуация промышленности^ф. Красной армии, как организованной силы, еще не было. У рядового рабочего голова шла кругом при виде надвигающихся трудностей и мучений. Да, в это время часть рабочих поколебалась и в Петрограде. Но выстрел в Володарского совершил чудо. В несколько часов произошел перелом. И все те группы рабочих, которые поколебались было в вере в пролетарскую революцию, немедленно вернулись к нам. В этом смысле господ меньшевики были правы, что эсеровский выстрел в Володарского был «нецелесообразен» с точки зрения эсеров и меньшевиков...

* * *

Каково значение эсеровского процесса? Идет ли дело о простом акте мести, как это изображают ныне некоторые из наших врагов? Какой вздор! Если бы дело шло просто об акте мести или расправы судебный процесс был бы не нужен. Советская власть в определенных случаях не отказывалась от непосредственной расправы с теми из ее врагов, которые

^{Р-с} Исправлено взамен первоначально написанного поверженного русского коммунара.

^Г Вписано от руки над строкой.

^у Вписано от руки над строкой.

^ф Вписано от руки над строкой.

действовали против рабочего государства вооруженной рукой. ^xИ умела делать это открытоⁱⁱ.

– В чем же тогда дело? К чему же возвращаться к старому? К чему копаться в событиях, совершившихся несколько лет тому назад? К чему судить вчерашний день революции? В этом духе возражают нам особенно Иудушки из 2 1/2-го Интернационала – из тех, которые по принципу^ч «ни теплы ни холодны», которые, с одной стороны, «осуждают» террор, с другой стороны, «осуждают» и большевиков.

Да, на судебном процессе в Москве судится одна группа, которая действительно представляет вчерашний день революции. Да, эсеровские рабочие, представителями которых на процессе являются Усов, Кононов и другие, заблуждались искренне. Они были по своему революционерами. Их метания – сегодня с красной гвардией против Керенского, завтра с боевой дружиной эсеров против большевиков, как это было у Усова и других, – отражают трудный мучительный процесс самоопределения незрелыхⁱⁱⁱ слов рабочих. Они искренне верили в то, что Учредилка и общее избирательное право являются вернейшим талисманом для рабочего класса. Мучительным опытом они выстрадали себе те действительно революционные убеждения, к которым они наконец пришли теперь. Эволюция, проделанная рабочими, бывшими эсерами, и отдельными лучшими представителями эсеровской интеллигенции, является выражением и отражением сложнейшихⁱⁱⁱ молекулярных^з процессов, происходивших за эти четыре года в глубинах народных масс²¹. Эта группа рабочих, бывших эсеров, действительно отражает вчерашний день революции. Их судят, но их едва-ли осудят²².

Судебный процесс, происходящий в Москве, ^юпо существу дела^я есть не суд над вчерашним днем революции, а суд над сегодняшним днем контр-революции. Группа эсеровских цекистов, представляющая черное крыло партии эсеров, является одной из главнейших опор русской и международно-контр-революции. Гоц, Изгоев, Зинаида Гиппиус, Милюков, Мартов, Чернов – конечно, между ними есть нюансы, но в основном они одно целое. Истекая бешеной слюной против советской власти, они сейчас не являются активными проводниками идеи интервенции только по не зависящим от них причинам: потому что сами интервенты (правительства Антанты) пришли к тому выводу, что путем иностранного вооруженного вмешательства советскую власть низвергнуть не возможно.

Партия эсеров всегда была разнородной и пестрой партией, партией[,] состоявшей из множества кусочков^{1a} и лоскутьев^{2a}. Теперь все сколько-нибудь революционное отпало от этой партии, остался ¹⁶черный лоскут²⁶. Этих черных эсеров и судят сейчас в Москве.

Черносотенная группа эсеровских центровиков, имеющая за собою опыт многих лет организованной борьбы предшествовавших революции 1917 года^{1b}, является активной частью русской буржуазной контр-революции. Эта группа была опасна тем, что в силу стечения целого ряда исторических^{1г} обстоятельств она в течение значительного времени имела сильные связи с деревней и даже с частью городских рабочих. Судебный процесс над эсерами приведет теперь к тому, что та часть крестьян и не-

^{x-ii} Вписано от руки над строкой.

^ч Вписано от руки над строкой.

ⁱⁱⁱ⁻ⁱⁱⁱ Вписано от руки над строкой.

^з Вписано от руки над строкой.

^{ю-я} Вписано от руки над строкой.

^{1a-2a} Вписано от руки над строкой.

¹⁶⁻²⁶ Вписано от руки над строкой.

^{1b} Исправлено взамен первоначально написанного эта эсеровская группа.

^{1г} Вписано от руки над строкой.

многих рабочих, которые еще не понимали действительной контр-революционной роли партии эсеров, теперь поймут это.

Советская Россия преодолет все те миллионы трудностей, которые стоят на ее пути – при одном условии: если дело политического воспитания широких народных масс будет идти у нас все вперед и вперед. Ничто не будет страшно нам, если наш народ научится полностью разбираться в том, где его друзья и где его враги. Процесс над эсерами должен стать и станет большим шагом вперед в деле политического просвещения самых широких масс города и деревни.

Г. Зиновьев

– Л. 41–50. Машинописный подлинник с рукописной правкой автора, подпись – автограф. На л. 41 сверху рукописная помета автора: «Передать по телефону в Моск[овскую] Правду».

– Опубликовано: Правда. 1922. 20 июня.

№ 17-16

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости скорейшего завершения процесса. Из протокола заседания Политбюро № 13, п. 22

от 22 июня 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

22. О процессе эсэров

(т. Зиновьев)

а) Признать по политическим соображениям необходимым закончить процесс с максимальной быстротой.

б) Предложить Верхтрибу в дальнейшем течении процесса проводить гораздо большую жесткость^а и строгость в ведении самого процесса, чем это было до сих пор.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 51. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 282. Л. 25. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. В п. б) вписано «течении» взамен вычеркнутого «ведении». Слева внизу запись о рассылке: «Пятакову». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Томский, Сталин, Зиновьев, Рыков. Члены ЦК: т. Радек. С совещательным голосом т. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1392. Л. 4. Машинописный подлинник, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-17

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об активизации антиэсеровской кампании в печати. Из протокола заседания Политбюро № 15, п. 1

от 29 июня 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

^а Исправлено взамен напечатанного ранее жестокость.

1. Об эсерах

а) обратить внимание т.т. Крыленко, Луначарского и Покровского на необходимость, в связи с наступающей годовщиной июльских событий, особо выделить и всесторонне подготовить материал о преступлениях эсеров в июльские дни.

б) Предложить редакциям всех газет к 3 июля выпустить специальные номера газет, посвященные июльским дням 1917 г. и роли эсеров и меньшевиков в них, используя, между прочим, для этого материалы, опубликованные Милюковым во 2-ой части его книги: «История Русской Революции».

в) Поручить т. Ионову доставить редакциям газет не позднее 1. VII выдержки из важнейших показаний эсеров и меньшевиков по делу большевиков (обвинения в германском шпионстве)²³.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 52. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 284. Л. 3. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке: «п. а) – Крыленко, Луначарскому, Покровскому, п. б) редакциям газет «Известия», «Правда», «Экономическая жизнь», «Рабочий», «Беднота», «Труд». п. в) Ионову». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский. Члены ЦК: тт. Дзержинский, Радек. С совещательным голосом тт. Цюрупа».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1394. Л. 1. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-18

**Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б), поручающего «тройке» по руководству процессом определить характер судебного решения.
К протоколу заседания Политбюро № 15, п. 1**

от 29 июня 1922 г.

1. Поручить тройке по руков[одству] процессом эсеров представить в Политбюро не позднее 5/VII документы, кот[орые] должны завершить процесс, т.е. приговор или амнистия (или частичная амнистия) и проект постановления ВЦИК.

II. К п. а) Способ проведения в жизнь определить на совещании тройки.

– Л. 53. Рукописный подлинник.

№ 17-19

Шифротелеграмма секретаря Донецкого губкома Э.И. Квининга в ЦК РКП о даче санкции на посылку делегатов в Москву для участия в антиэсеровских акциях

29 июня 1922 г.

Весьма секретно

Поступила для расшифрования 30/6 1922 г. в 19 час.

ИЗ БАХМУТА
МОСКВА ЦК РКП

29/6. 2 Июля назначены конференции-демонстрации против эсеров, предполагаем выбрать для посылки Москву на пр[о]цессе наших делегатов для оглашения резолюции. Просим при согласии санкционировать.

СЕКРЕТАРЬ ДОНЕЦКАГО ГУБКОМА КВИРИН[Г]

– Л. 55. Машинописный подлинник на бланке шифротелеграммы ЦК РКП(б).

№ 17-20

Шифротелеграмма И.В. Сталина Донецкому губкому партии с согласием на приезд делегации для участия в антиэсеровской демонстрации

1 июля 1922 г.

Секретно
ШИФРОМ

БАХМУТ ДОНЕЦКОМУ ГУБКОМУ РКП

1/VII-22 года Ответ на НР 129 Цека не возражает но предупреждает зпт что делегаты рискуют неподоспеть к окончанию процесса зпт который вероятно долго не продлится тчк

СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА СТАЛИН

– Л. 54. Машинописная копия того времени, заверенная зам. зав. шифрбюро ЦК РКП(б) С.Ф. Чечулиным. На бланке сверху слева рукописные пометы: «Арх[ив] ПБ»; «Эсеры». Формула секретности от руки.

№ 17-21

Записка Г.Е. Зиновьева Л.Б. Каменеву к черновому проекту письма от Исполкома Коминтерна во ВЦИК о предстоящем приговоре членам партии эсеров

[Не позднее 10 июля 1922 г.]

Л.Б. Каменеву

Посылаю чернов[ой] проект. Конечно, никому еще не показывал – до закл[ючения] Политбюро.

Прошу посоветоваться с т. Троцким и другими членами П[олит] Бюро. Я буду в Москве в среду – тогда решим.

Г.Е. Зиновьев

– Л. 63. Рукописный подлинник на бланке председателя Исполкома Коминтерна, подпись – автограф.

№ 17-22

Проект открытого письма Исполкома Коминтерна²⁵ Президиуму ВЦИК, подготовленный Г. Зиновьевым, о предстоящем приговоре членам партии эсеров

[Не позднее 10 июля 1922 г.]

Совершенно секретно

ПРОЕКТ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА
ПРЕЗИДИУМУ ВЦИК.

(В случае необходимости, проект этот легко может быть видоизменен в письмо, адресованное ЦК РКП – смотря потому, что будет признано более удобным).

После двухмесячной работы Чрезвычайный Революционный Трибунал Советской России вынес приговор вождям эсеров.

Коминтерн принял активное участие в этом процессе, международное значение которого было ясно с самого начала. Советская Россия является главной крепостью международной пролетарской революции. Важнейшие события, происходящие в Советской России, не могут не затрагивать внимания Коминтерна. А процесс над эсерами был именно таким крупным событием.

В течение двух месяцев перед трибуналом^а проходила почти вся история русской революции. Революционный Трибунал с величайшей тщательностью осветил важнейшие эпизоды из борьбы^б русской и международной^в контр-революции^г против первого рабочего правительства в мире. Перед сознательными рабочими всех стран с необычайной яркостью развернулась картина контр-революционной интервенции, сотрудничества буржуазных правительств запада с контр-революционными силами России. ^д«Эсеровский процесс»^е напомнил каждому сознательному европейскому пролетарию историю неслыханных трудностей, с которыми столкнулась первая пролетарская диктатура. Процесс этот еще и еще раз доказал, что только безпредельная самоотверженность передового авангарда российского пролетариата, смелость, отвага и ясное сознание своих задач позволили рабочему классу России победить своих неисчислимых врагов. Судебный процесс в Москве с неотразимой убедительностью доказал, что эсеры и меньшевики во всем ходе русской революции были только одним из звеньев международного империализма. С этой стороны судебный процесс вполне достиг цели.

^жКоммунистический Интернационал находит вынесенный приговор вполне правильным. Коминтерн^и будет защищать этот приговор перед рабочими всего мира. Коммунистический Интернационал находит, что судебный процесс в Москве должен послужить образцом для революционных пролетариев всего мира в их грядущих схватках с буржуазией и социал-предателями и в неизбежной гражданской войне, которой будет сопровождаться нарождающаяся пролетарская революция во всем мире. Коммунистический Интернационал ставил и ставит себе одной из задач разъяснить рабочим массам прогрессивную роль революционного насилия и популяризировать в среде пролетариата взгляды Карла Маркса на революционный террор. Уже одно существование Коммунистического Интернационала явится, мы надеемся, достаточной гарантией против повторения тех ошибок, которые были допущены французскими рабочими во время их первого великого восстания в 1871 году. ^кЭнергичная плебей-

^а Вписано от руки над строкой вместо первоначально напечатанного судебным разбирательством.

^{б-в} Вписано от руки над строкой.

^г Исправлено от руки из первоначально напечатанного контр-революционеров.

^{д-е} Вписано над строкой вместо первоначально напечатанного Процесс над эсерами.

^{ж-з} Отчеркнуто на левом поле, здесь же рукописная помета об устранении этого абзаца из документа.

^и Вписано от руки над строкой вместо первоначально напечатанного Он готов.

^{к-л} Обведено карандашом. На левом поле рукописная помета со знаком переноса

ская расправа с врагами пролетарской диктатуры неизбежна, если мы хотим, чтобы эта диктатура победила и чтобы буржуазия не имела возможности утопить движение в крови рабочих, как она сделала это с парижскими коммунарами^{3,л}.

Роль 2 и 2 1/2 Интернационалов, как агентов и прихвостней империалистической буржуазии и международной контр-революции, разумеется, ясна для всех партий, входящих в Коминтерн. Если нужны были еще новые^м доказательства, то Московский процесс, так ярко иллюстрировавший роль эсеров и меньшевиков, с которыми солидаризировались 2-й и 2 1/2-й Интернационалы, доказал это с достаточной исторической наглядностью. Ни один сознательный рабочий революционер в Европе не сомневается в том, что, когда придут решающие бои в Германии, во Франции, в Англии, в Италии и в других важнейших странах передового рабочего движения, все эти Носке, Шейдеманы, Эберты, Вандервельде, Рендели, Турати, Бальдези, Хендерсоны, Томасы будут по другую сторону баррикад, выступят палачами рабочих, возьмут на себя от буржуазии самые гнусные поручения, как брали их в России Гоц и Чернов, соединятся с помещичьими сынками против восставшего пролетариата, как это делали эсеры и меньшевики. Разве не видели мы, как Носке и К-о буквально купались в горячей крови, расстреливая рабочих коммунистов и их вождей. На этот счет не может быть ни малейших иллюзий. Господа Вандервельде и Шейдеманы оттого так и взволновались судьбой русских эсеров и меньшевиков, что они догадываются о том, что в ходе мировой пролетарской революции их самих, быть может, ждет такая же участь.

Мы не сомневаемся в том, что в других странах борьба^н будет еще более напряженная, чем это было в России. Нет никакого сомнения в том, что в таких странах, как Германия или Америка, пролетарской диктатуре, в особенности, в начале ее существования, придется прибегнуть, вероятно, к еще более жестким мерам, чем это вынуждена была делать советская власть в России. Бешеное сопротивление буржуазии и ее верных слуг социал-демократов, безусловно, принудит к этому рабочий класс. Задача Коминтерна[,] разумеется, состоит в том, чтобы на это заблаговременно указывать рабочим и учить их на примере^о русской революции бороться и побеждать и буржуазию, и ее прихвостней социал-демократов.

Ссылки вождей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов на пресловутое берлинское соглашение явно лицемерны и лживы. Каждый грамотный рабочий знает, что берлинское соглашение было сорвано 2-ым Интернационалом, покровителем эсеров и меньшевиков. Каждый грамотный рабочий знает, что берлинское соглашение основано было на том, что в короткий срок должен был быть созван всемирный рабочий конгресс для организации кампании против наступления капитала. И каждый грамотный рабочий знает, что именно этот конгресс вожди 2-го и 2 1/2 Интернационалов не захотели допустить и что этим самым берлинское соглашение было сорвано. Российская Коммунистическая Партия решительно ни в чем не связана теперь берлинским соглашением. И с этой точки зрения против приговора, вынесенного Революционным Трибуналом, Коминтерн ни одну минуту не возражает^п.

этого текста на другую страницу (см. сноску п.).

^м Вписано от руки над строкой.

^н Далее вычеркнуто быть может.

^о Далее устранено слово великой.

^п Поставлен знак переноса обведенного ранее текста с предыдущей страницы.

Но[,] исходя из соображений целесообразности, Исполком Коминтерна предлагает отказаться от приведения смертного приговора в исполнение. Мотивы наши следующие.

Вы прекрасно знаете, какое громадное значение для международной борьбы рабочих имеет сейчас лозунг единого фронта. Российская Коммунистическая Партия принадлежала к числу инициаторов тактики единого фронта. Российская Коммунистическая Партия в специальном заявлении ее Ц.К. недавно подчеркнула, что она готова поддерживать тактику единого фронта даже в том случае, если вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов пожелают исключить из общей платформы ^Рвсе требования поддержки ^Ссоветской России. Российская Коммунистическая Партия вместе со всем Коммунистическим Интернационалом вполне правильно считала и считает, что единый фронт рабочих всего мира должен быть в данную минуту организован хотя бы на основе защиты непосредственных экономических интересов рабочих масс для отпора наступающему ^Тпо всей линии капитала.

Вам хорошо известно, что именно организации этого единого фронта не хотят допустить вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов. И они по своему правы. Они прекрасно знают, что образование такого единого фронта миллионов рабочих масс постепенно втянуло бы рабочий класс в борьбу за власть против буржуазии. Они прекрасно знают, что осуществление единого фронта означает ^Уосвобождение рабочих в самом ходе борьбы от последних остатков доверия ко ^Ф2-ому и 2 1/2-ому Интернационалам ^И.

А между тем, идея единого рабочего фронта настолько жизненна, настолько вытекает из всей современной обстановки, настолько близка рабочим массам, что она с каждым днем вопреки всем препятствиям, прокладывает себе широкую дорогу.

Вы знаете, как и мы, что в большинстве стран буржуазная власть держится ныне, в сущности говоря, главным образом при помощи «социал-демократов» и «рабочих вождей» из 2-го, 2 1/2-го и Амстердамского Интернационалов. Без поддержки изменнических вождей профсоюзов и социал-предателей буржуазия не могла бы держаться ни в Германии, ни в Англии, ни в других передовых капиталистических странах. Буржуазия чувствует опасность, которая грозит ей со стороны тактики единого фронта, и она через своих агентов, вождей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, делает судорожные усилия, чтобы сорвать нарождающийся единый фронт мирового пролетариата.

При таких условиях нам необходимо, во что бы то ни стало, избегать всего, что в какой бы то ни было мере может помочь Вандервельде, Шейдеманнам, Макдональдам и Гомперсам сорвать этот единый пролетарский фронт. Заботливой рукой мы должны убирать с пути единого пролетарского фронта все препятствия[,] систематически, неуклонно мы должны стараться обезвреживать бессовестную игру вождей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, срывающих единый пролетарский фронт.

А между тем, не может быть сомнений в том, что приведение ^Чприговора[,] в ^Шсправедливости которого, конечно, не усумниться ни один честный рабочий ^Ш[,] в исполнение ^Ъпри настоящей обстановке ^Ыоблегчило

^{Р-С} Исправлено от руки взамен ранее напечатанного всех требований поддержку.

^Т Исправлено от руки из первоначально напечатанного наступающего.

^{У-Ф} Вписано от руки над строкой взамен ранее напечатанного гибель.

^{Х-Ц} Исправлено от руки из ранее напечатанного 2-го и 2 1/2-го Интернационалов.

^Ч Устранены слова вполне заслуженного эсерами.

^{Ш-Ш} Вписано над строкой от руки.

^{Ъ-Ы} Вписано над строкой от руки.

бы вождям 2-го и 2 1/2-го Интернационалов их попытку удержать под флагом 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, а стало быть, под флагом буржуазии значительные слои рабочих, продолжающих еще доверять реформистам.

После того, как политический урок дан, после того, как эсеры обезврежены, а партия эсеров Московским процессом в сущности говоря, политически убита, пролетарская диктатура России, в настоящее время достаточно сильная и обеспеченная, может, по нашему мнению, отказаться от проведения приговора в жизнь. Вам прекрасно известно, что до тех пор, пока существует буржуазная «демократия» и – что то же – буржуазная диктатура, пока ежедневная печать находится в руках буржуазии, а аппарат^b профсоюзов и социал-демократических партий^{3-ю} в руках социал-предателей, до тех пор значительные слои рабочих неизбежно находятся под деморализующим влиянием буржуазных и социал-демократических идей. Вы легко поймете, поэтому, как извращали, извращают и будут извращать смысл Московского процесса вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, голоса которых поддерживаются многотысячным эхом буржуазных органов печати во всем мире. Интересы революционной целесообразности при данном соотношении сил в международном рабочем движении, по нашему мнению, говорят за то, чтобы смертный приговор не был приведен в исполнение.

Вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, разумеется, тем не менее, сделают все возможное и невозможное, чтобы сорвать единый пролетарский фронт. Но передовые рабочие всех стран, в конце концов, все же сумеют парализовать контр-революционное влияние агентов капитала. И они победят.

– Л. 64–72. Машинописный подлинник с правками и изменениями, внесенными в проект Л.Б. Каменевым. На л. 64 штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК с входящим номером и датой получения документа «12 июля 1922 г.». Рукописная помета «Плен[ум], пр[отокол] № 4, п. 1». Вверху справа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером. Формула секретности от руки.

№ 17-23

Препроводительная записка Л.Б. Каменева Л.Д. Троцкому к проекту письма Исполкома Коминтерна во ВЦИК, написанному Г.Е. Зиновьевым

10 июля 1922 г.

Л[ев] Д[авидович],

Посылаю Вам для ознакомления проект т. Зиновьева с парой моих поправок – для облегчения завтрашнего обсуждения.

Л. Каменев

– Л. 62. Рукописный подлинник на бланке председателя Московского Совета, подпись – автограф Каменева. Вверху рукописная помета: «К Политбюро. 13/VII». Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

^b Вписано над строкой от руки.

^{3-ю} Исправлено от руки из первоначально напечатанного профсоюзы и социал-демократические партии.

№ 17-24

**Протокол № 13 заседания комиссии Политбюро
по руководству подготовкой и ходом процесса
над членами партии эсеров**

от 11 июля 1922 г.

Совершенно секретно

Протокол №13
Заседания Т Р О Й К И по делу э с е р о в.
11 июля 1922 года

Присутствовали: т.т. Троцкий, Каменев Л.Б., Дзержинский, Крыленко, Уншлихт, Малкин, Пятаков

1. Принимая во внимание исключительную важность полученного из Парижа архива для судебного следствия и необходимость просмотреть его с полнейшей тщательностью, которая бы вполне обеспечила передачу в Трибунал документов крупного значения, Комиссия просит ЦК немедленно передать в распоряжение ГПУ несколько высококвалифицированных и ответственных работников для содействия работе в разборе архива, а именно: т.т. Яковлева, Попова, Вардина, Стукова, Овсянникова, Гойхбарга.

Тов. Малкину принять меры, чтобы сегодня же утром вопрос был разрешен.

2. По мере опубликования на суде наиболее важных документов из архива Керенского, Чернова публиковать их в «Правде», воспроизводя факсимиле и в переводах на иностранные языки сообщать по радио за границу.

3. Признать необходимым издание брошюры с кратким чисто деловым предисловием, дающим общие указания на способ получения документов, их перечисление, как общую характеристику всех документов, так и точную характеристику документов, печатаемых в данном издании[,] и наиболее важные доказательства подлинности этих документов.

Тов. Покровского просить ознакомиться с классификацией документов и написать^а предисловие^б с точки зрения указанной выше задачи.

4. Комиссия считает безусловно установленным, что обвиняемые вместе со своими единомышленниками на воле подготавливали побег²⁶ и предлагает председателю Трибунала и председателю ГПУ самыми твердыми и решительными[,] тщательно продуманными мерами устранить возможность такого побега, твердо и категорически разъяснив подсудимым, что при всей мягкости и снисходительности к ним не может быть и речи о таких формах попустительства, которые позволили бы им продолжать фактически контр[-]революционную деятельность.

5. Необходимо дать в газеты статьи: 1) о появлении в распоряжении суда документов исключительной важности, 2) о том, что в результате <обвиняемые>^в наполовину сорвали суд вопреки своим первоначальным заявлениям (т.е. заявили, что не будут присутствовать на тех заседаниях,

^а Вписано от руки взамен вычеркнутого характером.

^б Исправлено от руки из ранее напечатанного предисловия.

^в Часть документа испорчена. Слово обвиняемые реконструировано по смыслу фразы.

где эти исключительной важности документы, характеризующие политику партии[,] будут рассматриваться). Высказать в статье предположение о том, что может быть, за этим полусрывом предположен полный срыв, в связи с тем, как развернется судебное следствие по поводу террора.

6. Сообщить ЦК, что все расходы по защите второй группы обвиняемых должны происходить отнюдь не из средств Трибунала, а из специальных средств, находящихся в распоряжении т. Малкина.

7. Опубликовать заявление златоустинских эсеров²⁷ и пустить его по радио.

ГПУ поручить выработать предварительное выяснение состава соответственных эсеров, собрать справки у бывших эсеров, состоящих в нашей партии, и в случае благоприятных результатов этого предварительного обследования выработать план самого созыва съезда, предложив затем его на рассмотрение комиссии ЦК.

8. Разрешить Трибуналу устроить двухдневный перерыв перед речами.

9. Просить секретариат ЦК по соглашению с Трибуналом направить в Баку в партийном порядке такого председателя Трибунала, который давал бы полную гарантию того, что процесс будет проведен, как следует быть.

Председатель (Л. Каменев)

Секретарь Б. Малкин

– Л. 56–57. Машинописный экземпляр того времени, подписи – автограф Б. Малкина.

№ 17-25

Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского в ЦК РКП(б) с оценками хода процесса

12 июля 1922 г.

С[овершенно] Секретно
В[есьма] Срочно

В ЦК.РКП

Тройке по процессу С.Р.

^аДля Троцкого, Каменева и Дзержинского^б

Дорогие товарищи.

Я считаю совершенно необходимым в нынешний момент процесса высказать несколько соображений по его поводу. Прежде всего о том, что касается нынешнего момента, мы, несомненно[,] опять делаем некоторые ошибки. Одну из них, правда, уже вряд ли можно исправить. Свою небольшую долю вины в допущении ее я готов на себя взять, но, конечно, доля эта весьма невелика. Дело в том, что моя речь почти совершенно не касается Сибири после Колчака. Я прекрасно знаю, что с.р., хотя и нерационально и в незначительной мере, но все способствовали крушению Колчака²⁸, после того, как он наплевал им в глаза. Я прекрасно понимаю, что извлечь что[-]нибудь для нас полезное из этого сибирского периода будет нельзя. Единственным свидетелем того, будто бы с.р. организовали в Сибири в партийном порядке беспартийные крестьянские союзы²⁹, ко-

^{а-б} Исправлено от руки вместо Троцкому, Каменеву и Дзержинскому.

торые выступали де против^в Советской власти, было показание Игнатьева. Игнатьевские показания, однако, оказались чрезвычайно слабыми и четыре заседания, убитые на расследование этого периода[,] во-первых[,] дали возможность с.р. щегольнуть революционной работой, во-вторых, показания Игнатьева предстали^г настолько в неблагоприятном свете, что по словам защитников левая группа подсудимых хотела после них официально отмежеваться от Игнатьева, как шкурочника и выдумщика, марающего их своим соседством[,] и только с большим трудом удалось их от этого отговорить. Был и целый ряд других неприятных инцидентов за эти два дня, о которых более подробно может сказать Шубин, который, как юрист[,] легче, чем я[,] разбирается в этих маленьких, но досадных промахах. В общем же можно сказать, что на благополучном для нас фоне процесса эти два сибирских дня (суббота и понедельник)^д были прямо для нас неудачны.

Досаднее всего при этом то, что тов. Стуков категорически утверждает, что, если бы мы догадались вызвать как свидетеля И.Н. Смирнова,^е от творимой^ж с.р. легенды о значительной роли, которую они будто бы сыграли в падении Колчака[,] вплоть до помпезной фразы Тимофеева^з: «мы свергли Колчака и отдали его Вам в руки», не осталось бы ровно ничего. Но этого свидетеля мы не вызвали и тяжкая борьба в течение четырех заседаний вышла только плюсом для с.р.

Повторяю, этого сейчас не исправишь, но нельзя ли на будущее время принять соответственные меры, чтобы процесс не затягивался теми сторонами, в которых обвинительный акт сравнительно слаб и которые по существу не имеют большого значения для процесса.

Теперь второй вопрос[,] более актуальный, который, быть может[,] уже разрешен благополучно в те минуты, когда я пишу это письмо.

С.р. об'явили голодовку по поводу каких[-]то недоразумений со свиданиями. Каковы же буд[у]т результаты этого? Во-первых, подсудимые[,] левая группа[,] нервничают до чрезвычайности[,] во-вторых[,] их защитники, не исключая Шубина и Кона[,] тоже нервничают. Шубин даже заявил, что показания подсудимого Федоровича^и были сбивчивыми, т.к. он был близок к обмороку. Все это, конечно, вздор и от отсутствия одного обеда никто в обморок не падает, но это свидетельствует, в каком настроении находятся участники процесса, а что Вы скажете о публике и что начнет голосить вся свора наших заграничных врагов. По моему, допустить с.р. до голодовки, значит оказать им огромную услугу. Простите меня, но более предательского промаха нельзя было сделать. Я просто диву даюсь, как не только Уншлихт, но и Крыленко в каком[-]то странном озлоблении против подсудимых не понимают, что они бьют наш процесс на отмашь. Ведь даже там, где нет пятна, его стараются налгать Вандервельде и Вандервельдики. А тут великолепная почва [-] героическое голодание, обмороки, полная возможность уйти на этой почве с процесса, всяческая сентиментальная жалость по отношению к подсудимым и ненависть к угнетателям. К чему все это? Неужели так важно, что, как мне объясняли, жены с.р. садятся к ним на колени и могут передать им записки. Да черт с ними, пусть передают им, что угодно, это было бы в

^в Здесь и далее подчеркнуто от руки.

^г Вписано от руки над строкой взамен вычеркнутого были.

^д Скобки проставлены от руки.

^{е-ж} Исправлено от руки из ранее напечатанного то творимые.

^з Исправлено от руки из ранее напечатанного Фадеева.

^и Исправлено от руки из ранее напечатанного Федорова.

миллион раз менее вредно для нас, чем демонстрация голодания, за которую они горячо ухватились, понимая[,] какой это большой для них козырь. Я сообщил свою мысль Крыленко, который ответил полным непониманием[,] и Пятакову, отнесшемуся более внимательно. Я надеюсь, что тройка ЦК, если только это безобразное явление не пересечено уже сейчас, направит дело в надлежащее русло.

Наконец[,] последнее и несколько предупреждающее событие мнение мое и (если не ошибаюсь, мнение Михаила Николаевича). Так [как] процесс при некоторых слабых сторонах, которые нельзя отрицать, тем не менее приведет к огромной дискредитации[,] политической и моральной[,] партии с.р.[,] устроить по этому поводу хотя бы несколько смертных казней, это значит в значительной степени спасти с.р., кровью которых результат процесса, конечно, будет смыт и затерт. Процесс, я в этом не сомневаюсь, повернется тогда целиком против нас. Не все еще конечно, быть может[,] террористическая часть процесса даст большие эффекты (на что я, впрочем, не рассчитываю, думаю, что в лучшем случае увязнут в терроре персонально Гоц и, пожалуй, Донской), но в самом лучшем для нас случае, я[,] не протестую^к против того, чтобы наиболее виновным Трибунал, быть може[т] и вынес высшую меру наказания[,] считаю огромной политической ошибкой, приведение ее в исполнение. Совершенно необходим скорый акт помилования. Мы можем разрешить себе роскошь презрительного великодушия. Я очень хорошо понимаю, что заграничная травля и угрозы, только политически подстрекают нас к совершению этого акта. Если бы я предполагал достаточно дьявольской хитрости в наших противниках, я сказал бы, что они этим способо[м], как бы толкают на совершение политической ошибки, которую они широчайшим образом используют. Процесс может оказаться плюсом и значительным плюсом для нас, если он будет твердо и осторожно вестись вперед без таких гафов^л, как с Сибирью[,] и таких мученических авансов с.р., как предоставленная им возможность голодовки[,] и если он закончится помилованием, мотивированным тем, что мы слишком сильны теперь для того, чтобы считать столь необходимым физическое уничтожение с.р. и что не стоило в наше время, хотя бы в глазах обывателей[,] надевать на них мученический венец.

Таково мое мнение, которое я считаю своим долгом, как товарища, назначенного Вами одним из обвинителей, высказать ЦК.

Нарком по Просвещению А. Луначарский

– Л. 58–59. Машинописный подлинник на бланке наркома по просвещению, подпись – автограф. Ниже подписи приписка А.В. Луначарского от руки: «Голод уже прекратился вследствие (далее слово не прочитано)». На л. 58. вверху справа рукописная помета секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «20/VII-22 г.» Слева рукописные пометы: «Эсеры»; «Арх[ив] ПБ.» Формулы секретности и срочности от руки.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 90–91. Другой экземпляр той же машинописной закладки, предназначенный для членов «тройки», подпись – автограф. Ниже подписи рукой А.В. Луначарского приписано: «Голодовка уже прекращена компромиссом».

^к Исправлено от руки из ранее напечатанного протестую.

^л Так в документе.

№ 17-26

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«О высылке эсеров».

Из протокола заседания Политбюро № 17, п. 17

от 13 июля 1922 г.

С[овершенно] Секретно

СЛУШАЛИ:

17. О высылке эсеров³⁰

ПОСТАНОВИЛИ:

17. Назначить на следующем заседании Политбюро доклад т. Дзержинского о ходе подготовительных работ по специальному поручению.

Секретарь Цека

– Л. 60. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 13 июля 1922 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу ДЗЕРЖИНСКОМУ». Внизу рукописная делопроизводственная помета: «См. п. 18/13 от 20.VII.22 г.».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1396. Л. 3. Машинописный подлинник, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Молотов (кандидат) Томский, Рыков, Зиновьев. Члены ЦК: тт. Радек, Чубарь, Калинин». Штамп секретного архива ЦК ВКП(б).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 286. Л. 22. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке: «т. Дзержинскому».

№ 17-27

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

о согласовании позиции ЦК РКП(б) с Исполкомом

Коминтерна в связи с предстоящим вынесением

приговора обвиняемым на процессе над членами ПСР.

Из протокола заседания Политбюро № 17, п. 18

от 13 июля 1922 г.

С[овершенно] Секретно

СЛУШАЛИ:

18. О письме Коминтерна об эсеровских делах. (т. Зиновьев)

ПОСТАНОВИЛИ:

18. В случае поступления каких[–]либо ходатайств или заявлений по приговору, который будет вынесен судом[,] вопрос обсуждается предварительно в ЦК РКП.

Решение ЦК немедленно сообщается в коммунистическую Фракцию Президиума ВЦИК и доводится до сведения Исполкома Коминтерна.

Русская делегация в Коминтерне предлагает определить свое отношение к постановлению ЦК и поддержать его

своим авторитетом перед общественным мнением мирового пролетариата

Секретарь Цека

– Л. 60. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 13 июля 1922 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу ЗИНОВЬЕВУ». Внизу рукописная делопроизводственная помета: «Плен[ум] Прот[окол] № 4, п. 1».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1396. Л. 3. Машинописный подлинник, подпись – автограф И.В. Сталина.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 286. Л. 24. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке «т. Зиновьеву». Список присутствовавших см. № 17-26.

№ 17-28*

Сообщение резидента ГПУ из Берлина о настроениях правых эсеров-эмигрантов в связи с предстоящим завершением процесса

[Не позднее 14 июля 1922 г.]

СОВ. СЕКРЕТНО

В эсеровской среде существуют, если не определенные планы, то во всяком случае настроение в пользу террора, как ответа на процесс в Москве, если он окончится смертельными приговорами^а.

Кроме того, с.-р. распускают слухи, что в убийстве РАТЕНАУ³¹ принимали участие и большевики, чтобы таким путем затушевать впечатление приговора над с.-рами.

– Л. 74. Машинописная копия с копии, заверенная 14 июля 1922 г. секретарем Секретного отдела ГПУ Ивановым. В левом верхнем углу машинописью воспроизведен бланк Иностранного отдела ГПУ.

№ 17-29*

Заявление фракций Независимой Социал-Демократической Партии Германии и Социал-Демократической Партии Гер- мании³² в Рейхстаге советскому правительству с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе

18 июля 1922 г.

REICHSTAG

Berlin NW7, den 18. Juli 1922

An die Regierung der russischen

Sowjet-Republik

Mockau.

Gegen alle Todesurteile erheben wir aus menschlichen, politischen und sozialistischen Gründen schärfsten Protest.

Wir verlangen Schutz fuer das Leben der angeklagten SozialistenRevolutionäre.

^а Подчеркнуто карандашом в документе.

Reichstagsfraktion der
S.P.D. und U.S.P.D.

– Л. 112. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «РЕЙХСТАГ. Берлин, NW7, 18 июля 1922. Правительству русской Советской республики. Москва. Мы заявляем по человеческим, политическим и социалистическим причинам решительный протест против всех смертных приговоров. Мы требуем защиты жизни осужденных социалистов-революционеров. Фракция СДПГ и НСДПГ в рейхстаге».

№ 17-30*

Заявление Бременской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии советскому правительству с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе

20 июля 1922 г.

Russische Sowjet-Regierung
Berlin.
Bremen.

USP Bremens nimmt mit Entrüstung Kenntnis von Gewaltjustiz und durch russische KP. betriebene Mordpropaganda an Sozialrevolutionären. USP Bremen erhebt dringend Einspruch gegen Fällung von Todesurteilen und erwartet dass russische Regierung dieses Verbrechen am Proletariat verhindert.

– Л. 115. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Русское Советское правительство. Берлин. Бремен. НСП Бремена с возмущением обращает внимание на насильственное правосудие и пропаганду казни, предпринимаемую русской КП (коммунистической партией) в отношении социалистов-революционеров. НСП Бремена выражает настоятельный протест против вынесения смертных приговоров и ожидает, что русское правительство предотвратит это преступление против пролетариата».

№ 17-31*

Заявление Кенигсбергской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочиному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе

20 июля 1922 г.

Kenigsberg. 20/7

Vertretung der russischen Sowjetregierung.
Berlin.

Gegen die angeklagten Sozial-Revolutionären drohenden Todesstrafen appellieren wir an Menschlichkeit und sozialistisches Gesamtinteresse, die durch jeden solchen Justizmord unheilvoll verletzt werden.
Ostpreussische Bezirksleitung der USPD

– Л. 116. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Кенигсберг. 20/7. Представительство русского Советского правительства. Берлин. С протестом против смертных приговоров, грозящих подсудимым социалистам-революционерам апеллируем мы к человечности и общим социалистическим интересам, которые могут быть непоправимо нарушены каждым таким приговором. Окружной комитет НСДПГ Восточной Пруссии».

№ 17-32*

Заявление Лейпцигской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе

20 июля 1922 г.

Vertretung der Sowjet-regierung, Berlin,
Maassenstrasse, 9.

Leipzig.

Die Bezirksleitung der U.S.P. Leipzig erhebt den schärfsten Protest gegen die beabsichtigte Verurteilung der Sozialrevolutionäre zu Todesstrafen und deren Vollstreckung. Die U.S.P Leipzig betrachtet solche Urteile an revolutionäre Arbeiterführer als Racheakte und gemeine Morde, sie fordert die Sowjet-Regierung auf dies Verbrechen zu verhindern.

Bezirksleitung der U.S.P. Leipzig i a Schroers.

– Л. 118. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Представительство Советского правительства, Берлин, ул. Маассен, 9. Лейпциг. 20/7. Окружной комитет НСДПГ Лейпцига выражает решительный протест против намерений приговорить социалистов-революционеров к смертной казни и приведения этих приговоров в исполнение. НСДПГ Лейпцига рассматривает такие приговоры по отношению к революционным рабочим лидерам как акт мести и подлое убийство; она требует, чтобы Советское правительство предотвратило это преступление. Окружной комитет НСДПГ Лейпцига (по поручению Шперс)».

№ 17-33

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по докладу зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта о работе комиссии по высылке политических противников большевиков. Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 13

от 20 июля 1922 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

13. Доклад т. Уншлихта
(Пост. ПБ № 17, п. 17 от 13.VII).

Признать работы комиссии неудовлетворительными как в смысле недостаточной величины списка, так и в смысле его недостаточного обоснования. Вернуть список в комиссию, поручив ей создать необходимые

подсобные подкомиссии и представить в Политбюро в недельный срок новый, строго обоснованный список. Той же комиссии, в тот же срок поручить подготовить закрытие целого ряда органов печати.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 75. Машинописная копия выписки, сделанная 29 декабря 1970 г. на бланке ЦК КПСС.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 287. Л. 18. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева записи о рассылке «Т. Уншлихту» и номер «№ 8841/с». Л. 2. «Присутствовали: Каменев, Троцкий, Сталин, Томский, Молотов (кандидат), Зиновьев, Рыков. Члены ЦК: Радек, Бухарин, Чубарь».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1397. Л. 2. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-34

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходатайствах А.М. Горького и А. Франса о невынесении смертного приговора подсудимым и сроках завершения процесса. Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 20

от 20 июля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

20. О процессе эсеров (т. Троцкий)

а) Поручить тройке по делу эсеров заказать и проследить за напечатанием ряда статей в том смысле, что ходатайства Горького и Анатолия^а Франса никакого значения для Советской России иметь не будут.

б) Сообщить т. Пятакову, что Политбюро считает абсолютно необходимым окончание процесса 1.VIII.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 76. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 287. Л. 25. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева записи о рассылке «т. Троцкому, Дзержинскому, Каменеву, Пятакову (б)» и номер «8857/с». В п. б) слово «необходимым» вписано взамен вычеркнутого «ультимативным». Список присутствовавших см. № 17-33.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1397. Л. 3. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-35

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О Луначарском». Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 22

^а Исправлено из ранее напечатанного Анатолия.

от 20 июля 1922 г.

С[овершенно]Секретно

СЛУШАЛИ:
22. О Луначарском
(т. Зиновьев)

ПОСТАНОВИЛИ:
22. Поручить т. Молотову вместе с
т. Дзержинским расследовать до
конца случай с Луначарским³³.

Секретарь Цека И. Сталин

– Л. 77. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 20 июля 1922 г. Подпись – факсимиле. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «т.т. МОЛОТОВУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ». Внизу листа рукописная помета с отсылкой к дальнейшему рассмотрению вопроса на заседании Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 287. Л. 27. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева запись о рассылке «т. Молотову, Дзержинскому» и номер «18861/с». В решении слово «расследовать» вписано взамен вычеркнутого «разсмотреть». Список присутствовавших см. № 17-33.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1397. Л. 3. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-36

**Шифротелеграмма наркома иностранных дел
Г.В. Чичерина из Берлина в ЦК РКП(б)
о предполагаемой реакции за рубежом в случае
казни обвиняемых членов партии эсеров**

21 июля 1922 г.

расшифрована 26/VII-22 г.

Из Берлина
Москва, НКВД

Цека от Чичерина. Из всех крупных стран сочувствующие нам элементы предупреждают, что в случае казни некоторых эс-эров, все отшатнутся от нас, и наши ярые враги будут свободно действовать против нас, будет открыт путь самой агрессивной^а политике^б против Советской России.

– Л. 78. Машинописный экземпляр того времени, изготовленный в Наркоминдел для ЦК РКП(б). На листе внизу машинописью указана фамилия отправителя телеграммы – советника полпреда РСФСР в Германии С.И. Бродовского. Вверху листа слева рукописная помета «эсеры».

– РГАСПИ Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 99. Другой экземпляр той же машинописной закладки.

№ 17-37*

**Заявление Эрфуртской организации Независимой
Социал-Демократической Партии Германии
полномочному представительству РСФСР в Германии
с выражением протеста против ожидаемого смертного приго-**

^а Исправлено взамен напечатанного агрессивной.

^б Исправлено взамен напечатанного политики.

вора группе членов ПСР на процессе

21 июля 1922 г.

BEZIRKSLEITUNG GROSS-THURINGEN DER U.S.P.D.

Erfurt, den 21. Juli 1922

An die Berliner Vertretung der Sowjetregierung

Berlin.

Maassenstrasse 9.

Der erweiterte Bezirksvorstand und die Reichs- und Landtagsabgeordneten der Unabhängigen sozialdemokratischen Partei, Bezirk Grossthüringen protestieren aufs schärfste gegen die in Moskau an Klassengenossen verübte Justiz^a. Sie erwarten im Interesse der sozialistischen Arbeiterbewegung sofortige Änderung der jedem proletarischem Empfinden Hohn sprechenden Prozessführung. Sollte das bolschewistische Gericht zur Fällung und Vollstreckung von Todesurteilen kommen, so wuerde der Arbeiterbewegung der ganzen Welt der schwerste Schaden zugefügt. Gleichzeitig wäre damit auf unabsehbare Zeit ein Zusammenarbeiten mit Angehörigen der dritten Internationale unmöglich.

Mit proletarischem Gruss
(Unterschrift)

– Л. III. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «ОКРУЖНОЙ КОМИТЕТ НСДПГ БОЛЬШАЯ ТЮРИНГИЯ. Эрфурт, 21 июля 1922. Берлинскому представительству советского правительства. Берлин, ул. Маассен 9. Расширенное окружное правление и депутаты ландтага и рейхстага Независимой Социал-демократической партии округа Большая Тюрингия решительно протестуют против суда в Москве над товарищами по классу. Они ожидают в интересах социалистического рабочего движения немедленного изменения ведения процесса, выражающего насмешку над чувствами каждого пролетария. Если большевистский суд вынесет и приведет в исполнение смертные приговоры, то причинит этим рабочему движению во всем мире серьезный урон. В то же время это сделало бы совместную работу с представителями третьего Интернационала на неопределенное время невозможной. С пролетарским приветом (Подпись)».

№ 17-38*

**Заявление Франкфуртской организации
Независимой Социал-Демократической Партии
Германии полномочному представительству РСФСР
в Германии с выражением протеста против ожидаемого
смертного приговора группе членов ПСР на процессе**

21 июля 1922 г.

Vertretung Sowjetregierung, Berlin.

Frankfurt a/ Main. 21/7

^a Подчеркнуто в документе.

Gegen zu erwartende Todesurteile und deren Vollstreckung im Prozess der Sozialisten-Revolutionäre in Moskau erhebt die Bezirksorganisation der USP Südwestdeutschlands schärfsten Protest. Ein solches Urteil würde schädigend auf sozialistische Weltanschauung wirken.

Bezirksvorstand Frankfurt a/ Main

– Л. 114. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Представительству советского правительства, Берлин. Франкфурт-на-Майне. 21/7 Окружная организация НСДП юго-западной Германии выражает решительный протест против ожидаемых смертных приговоров на процессе над социалистами-революционерами в Москве и приведения их в исполнение. Такой приговор причинил бы ущерб социалистическому мировоззрению. Окружное правление Франкфурт-на-Майне».

№ 17-39*

**Заявление Плауенфогтландской организации
Независимой Социал-Демократической Партии Германии
полномочному представительству РСФСР в Германии
с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора
группе членов ПСР на процессе**

21 июля 1922 г.

Vertretung der Sowjetregierung.

Plauenvogtland.

Wir erblicken in der beabsichtigten Verurteilung der Sozialrevolutionäre zum Tode und Vollstreckung der Urteile ein gemeinsames Verbrechen. Bezirksleitung Plauen der USPD Ortsverein Plauen der SPD Gewerkschaftskartell Plauen Vogtl. Der Vorstand des AFA Bundes Plauen Vogtl.

– Л. 117. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Представительству Советского правительства. Плауенфогтланд. 21/7. Мы усматриваем в намерениях приговорить социалистов-революционеров к смертной казни и привести приговоры в исполнение подлое преступление. Окружной комитет НСДПГ Плауена, местный союз СПГ, профсоюзный картель Плауен Фогтл. Правление союза (?) Плауен Фогтл».

№ 17-40*

**Заявление Дюссельдорфской организации
Независимой Социал-Демократической Партии Германии
полномочному представительству РСФСР в Германии
с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора
группе членов ПСР на процессе**

21 июля 1922 г.

Berliner Vertretung der
Sowjet-regierung – Berlin.

Duesseldorf. 21/7

Landesleitung U.S.P Rheinland-Westfalen mit 50.000 Mitgliedern appelliert in letzter Stunde an das sozialistische Gewissen der führenden Genossen. Lasst kein Todesurteil über S.R. verhängen schändet nicht durch Todesurteil euch und Sozialismus, übt nicht Rachejustiz an Männern, die für den Sozialismus alles hergaben. Nie würdet Ihr es gut machen können.

Landesleitung Zoellig.

– Л. 119. Машинописная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). Русский перевод: «Берлинское представительство Советского правительства – Берлин. Дюссельдорф. 21/7. Земельное руководство НСП Рейнланд-Вестфален с 50.000 своих членов в последний час апеллирует к социалистической совести руководящих русских товарищей. Не позволяйте приговорить социалистов-революционеров к смертной казни, не позорьте смертным приговором себя и социализм, не мстите людям, которые все пожертвовали социализму. Это никогда не принесет вам добра. Земельное руководство Целиг».

№ 17-41*

Телеграмма из Берлина от представительства профсоюзов председателю Верховного Трибунала Г.Л. Пятакову и зам. председателя СНК А.И. Рыкову с протестом против грозящей смертной казни обвиняемым на процессе членам партии эсеров

[Не позднее 22 июля 1922 г.]

An den Vorsitzenden des Obersten Revolutions-Tribunals

P j a t a k o v
Moskau

An den Vorsitzenden des Rates der Volkskommissare Rykov

M o s k a u

Erhalten Nachricht, das einer Anzahl der angeklagten Sozialrevolutionäre Todesstrafe dront. Erheben im letzten Augenblick Protest gegen solches Urteil, das tiefste Empörung bei der Arbeiterschaft Westeuropas auslösen und die letzten Reste der Sympathie für Sowjetrussland vernichten würde.

Gewerkschaftskommission
Berlins und Umgegend

– Л. 84. Машинописная копия текста телеграммы, изготовленная в Наркоминдел для И.В. Сталина.

Русский перевод с немецкого:

Председателю Верховного Ревтрибунала

П я т а к о в у
Москва

Председателю Совета Народных Комиссаров Р ы к о в у

Москва

Получили извещение, что части подсудимых Социал-революционеров грозит смертная казнь. Выражаем в последний момент

протест против такого приговора, который вызвал бы глубочайшее возмущение в рабочих Западной Европы и уничтожил бы последние остатки симпатии к Советской России.

Комиссия Профессиональных Союзов
Берлина и окрестностей

– Л. 82. Машинописная копия русского перевода текста телеграммы, сделанная Наркоминдел для И.В. Сталина.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 101. Машинописная заверенная копия перевода. Вверху листа справа вписана формула «Строго Секретно». Документ сопровождается письмом А.И. Рыкова Каменеву и Троцкому от 25 июля 1922 г.: «Препровождаю копию телеграммы, полученной мною через Наркоминдел по поводу процесса с-ров. Сообщите – следует ли отвечать и желательный проект ответа от имени правительства. По[-]моему[,] ответ должен быть решительный и резкий» (л. 100).

№ 17-42

**Письмо зав. Агитпропом ЦК РКП(б)
Л.С. Сосновского Л.Д. Троцкому с впечатлениями
о воздействии процесса над членами партии эсеров
на общественность стран Европы³⁴**

[Не позднее 22 июля 1922 г.]

Уважаемый Л[ев] Д[авидович]

Процесс с.-р. подходит к концу. Насколько я вижу теперь отсюда, он имел гораздо больше значения для России, чем для Европы, ибо последняя мало им интересовалась, даже коммунистическая Европа. Разоблачительная сторона дела прошла мимо, а вот приговор не пройдет мимо. Лично я еще до начала в беседе с Ф[еликсом] Э[дмундовичем] и Радеком говорил, что нужно было бы в подходящей форме прямо или косвенно заявить, что правительство и суд вовсе не охотятся за 20 головами эсеров, что головы эти давно во власти нашей и что для расправы бывали более подходящие моменты. По[-]моему, это было бы полезно и тогда. Но сейчас расстрел этой банды повредит нам даже в коммунистических кругах. В особенности же в соглашательских слоях рабочих и среди мелкобуржуазных элементов. Рабочие говорят: допустим, что это – такие же подлецы, как Шейдеман, Носке, Гендерсон, Томас, достойные веревки. Но раз с Гендерсонами и Носке вступают в переговоры о едином фронте, то русских Носке в крайнем случае уместно только попридержать в тюрьме.

В Европе найдется слишком много людей, способных и готовых за дешево показать себя гуманными: «хотя я друг Советов, но во имя гуманности и т.д.». Уже имена А. Франса, Горького, Б. Шоу и др. дают тон этой кампании.

Если приговор будет смягчен после такой кампании, это хуже для нас. Лучше сделать какую[-]нибудь декларацию перед концом. Вообще говоря[,] ее нужно было сделать 20 июня в ответ на требования высшей меры.

Будет совершенным искажением перспективы, если весь интерес буржуазной и соглашательской Европы сосредоточится только на мере наказания.

Ведь Шейдемановцы всех стран имеют в руках громадную силу. Достаточно им дать лозунг и в любом союзе (во всех союзах) общие или

делегатские собрания вынесут протест против расстрела. Проф[союзная] пресса с миллионным тиражем размножит протест.

А наши? Даже на Лейпцигском конгрессе профсоюзов, где были даже члены герм[анского] ЦК (Вальхер) в числе делегатов, наша фракция не сумела ни получить слово, ни огласить декларацию, ни даже приложить ее к протоколу (по вопросу об эсерах, за которых вступился конгресс). Смешно сказать! 80–90 глоток из 600 не могли заставить выслушать своего оратора! Они и не пытались даже. И так везде.

Поэтому мое мнение такое.^а Приговор должен фактически либо изгнать их, либо – чтобы не пустить 10 лишних агитаторов – «мучеников», спасенных Вандервельдами, пусть посидят еще год-два. Но не расстрел. Иначе ко всем прочим нашим затруднениям мы прибавим новые и без надобности.

Жму руку

Л. Сосновский

– Л. 86–87. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На листе 86 сверху рукописные пометы рукой Л.Д. Троцкого: «Всем членам Пол[итического] Бюро»; «т. Сталину». Штамп Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «28/VII-22 г.».

– Л. 85. Машинописная копия того времени, заверенная М.Н. Бураковой. Вверху справа машинописная помета: «Строго Секретно». Вверху рукописные пометы о рассылке членам Политбюро и о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 96. Другой экземпляр той же машинописной закладки с той же заверительной подписью. На листе помета: «С–Р. Арх[ив]».

№ 17-43

Протокол заседания Комиссии, созданной для расследования факта разглашения А.В. Луначарским конфиденциальной информации в ходе процесса

22 июля 1922 г.

Заседание Комиссии Политбюро от 22/VII
по пункту 22 пр. ПБ от 20/VII

чл. ЦК т. Молотов и Дзержинский

Присутствуют: тт. Бухарин и Луначарский

Постановили:

1). Предложить т. Луначарскому и Бухарину дать письменные объяснения, что им известно о постановлении Коминтерна по процессу эсеров, от кого они об этом постановлении узнали и кому и что именно о нем (постановлении Коминтерна) они говорили, или говорил кто-либо другой в их присутствии.

2). Поручить тов. Бухарину выяснить в секретариате Коминтерна о том, какое постановление ИККИ было по процессу эсеров, и переговорить с т. Муна по данному вопросу, выяснив[,] на основании чего и кому он сообщал сведения, касающиеся обсуждения Коминтерном процесса эсеров.

^а Подчеркнуто в документе предположительно Л.Д. Троцким.

3). Предложить всем т.т., в частности т. Пятакову, Галкину, Карклину, Стукову и Покровскому, которым известно об означенном постановлении Коминтерна, воздержаться от каких-либо разговоров по данному вопросу с кем бы то ни было.

4). Предложить т. Бухарину, исходя из интересов процесса эсеров, передать через с[екретаря]т Коминтерна просьбу ЦК ко всем членам Коминтерна, что постановления, касающиеся эсеров[,] необходимо хранить в полной тайне.

– Л. 93. Рукописный беловой подлинник. Вверху штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г., а также штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения документа 28/VII-22 г. Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– Л. 94. Черновая запись протокола заседания комиссии.

№ 17-44

Записка Н.И. Бухарина в комиссию Политбюро в связи с расследованием факта разглашения А.В. Луначарским конфиденциальной информации в ходе процесса

22 июля 1922 г.

Мне была дана дней пять тому назад записка тов. Стуковым, в которой он спрашивал, правда ли, что Коминтерн собирается «хлопотать» за эсеров. Я спросил его, откуда он это знает. Он сказал, что сие стало известно через Пятакова. Тогда я отправился к Пятакову, который сказал, что об этом ему говорил, в присутствии членов суда, тов. Луначарский. На этом у меня нить обрывалась.

Н. Бухарин

22 июля 1922 г.
Москва

– Л. 95. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На листе внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г.

№ 17-45

Показания А.В. Луначарского, данные им Комиссии Политбюро, созданной для расследования фак- та разглашения им конфиденциальной информации

[Не позднее 22 июля 1922 г.]

Показание по делу о «разглашении» постановления Коминтерна по процессу с.р.

Если память мне не изменяет относительно даты, то в субботу 14 (но м[ожет] б[ыть] и позже) член исполкома Коминтерна и гос. обвинитель на процессе С.Р. тов. Муна, придя в суд, за столом обвинителей в присутствии т. Бокани (не понимающего по[-]русски)[,] моем и т. Покровского по[-]русски и очень тихо (<так что> я должен был повторить его рассказ сидевшему несколько дальше т. Покровскому) сообщил мне б[уквально] или м[ожет] буквально следующее: «Исполком Коминтерна постановил

ходатайствовать – по вынесении смертного приговора – трибуналом перед ВЦИК о неприменении высшей меры к подсудимым. Как отнесется правительство[,] выск<ажется> Ц.К. [-] еще неизвестно, но я полагаю, уважит просьбу Коминтерна. Как вы думаете, можно ли сделать так, чтобы тов. Цеткина сейчас-же по вынесении приговора, здесь же, сделала об этом заявление?» Я ответил, что это было бы хорошо, но что я не юрист и не знаю, полагается ли это. Т. Покровский, которому я тут же пересказал сказанное Муной[,] тоже не мог ответить.

В перерыве я пошел в сов[ещательную] комнату, где находились только члены Трибунала и, – может быть, не помню – т. Крыленко. Я передал там рассказанное т. Муна и спросил...^а самым вопросом, удобно ли будет такое заявление т. Цеткиной? Члены Трибунала после короткого спора нашли, что это невозможно. Пожалуй[,] говорилось при этом, что важно, чтобы слух об этом не исходит от суда[,]^б не дошел до подсудимых.

Никому другому я ничего об этом не говорил.

А. Луначарский

– Л. 96–97. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На листе 96 сверху штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г.

№ 17-46

Записка Н.И. Бухарина в Комиссию Политбюро в связи с расследованием «дела» А.В. Луначарского

[Не позднее 22 июля 1922 г.]

Предупреждены Стуков, Овсянников, Покровский, Карклин, Пятаков, Немцов, Галкин, Крыленко, Кон, Муна.

Н. Б[ухарин]

– Л. 98. Рукописный подлинник на бланке секретаря ЦК РКП(б) В.М. Молотова, подпись – автограф. На листе внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г. Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 17-47

Показания чехословацкого коммуниста, обвинителя на процессе, А. Муны Комиссии Политбюро в связи с расследованием «дела» А.В. Луначарского

^а Далее несколько слов не прочитываются.

^б Так в документе.

[Не позднее 22 июля 1922 г.]

Показание т. Муны, писанные с его слов Бу[харин]ым, подписанное Муной.

Тов. Муна говорит, что он передавал ^атолько Луначарскому^б лишь мнения некоторых членов Исполкома (Зиновьева, Шмералья, Клары Цеткиной). Сам тов. Муна сказал Зиновьеву, что хорошо бы, если бы Трибунал сам обратился с ход[атайством] о помиловании, на что Зин[овьев] ответил: «Если бы дело до этого дошло, то это должен был бы сделать Коминтерн». Тов. Муна говорил Лун[ачарскому] и о соотв[етствующем] мнении Шмералья и Цеткиной. О русском Цека речи не шло.

А. Муна

– Л. 99. Рукописный подлинник, автограф Н.И. Бухарина. Подпись – автограф А. Муны. Внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г.

№ 17-48

**Справка секретаря Исполкома Коминтерна
Г. Эберлейна в комиссию Политбюро ЦК РКП(б)
о последнем заседании Президиума
и Исполкома Коминтерна**

22 июля 1922 г.

Hiermit bestätige ich, dass in der letzten Pitzung des Präsidiums mit der Exenutive die Frage des Prozesses gegen die SR nicht eröntert wurde, auch kein Beschluss gefasst wurde.

Sekretär IKKI

– Л. 100. Рукописный подлинник на немецком языке за подписью Эберлейна, заверенный печатью Исполкома Коминтерна. На листе ниже рукописный русский перевод справки, сделанный Н. Бухариным: «Перевод официальной справки из секретариата ИККИ. Москва 22-7-22. Сим удостоверяю, что в последнем заседании президиума и Исполкома вопрос о процессе эсеров не^а дебатировался и никакого решения вынесено не было. Секретарь ИККИ Эберлейн». Ниже его же рукой помета «Верно. Н. Бухарин».

№ 17-49

**Письмо члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского
в Политбюро ЦК РКП(б) о реакции за рубежом в случае вынесения смертного приговора части обвиняемых
на процессе членов партии эсеров³⁵**

^{а-б} Вписано над строкой рукой Н.И. Бухарина.

^а Здесь и далее подчеркнуто карандашом в документе.

26 июля 1922 г.

В ПОЛИТБЮРО Ц.К.

В связи с предстоящим решением вопроса о приговоре над эсерами считаю долгом сообщить Ц.К. мои заграничные наблюдения.

1) Благодаря ничтожному тиражу коммунистической печати в сравнении со всей остальной печатью^а, не только все непролетарские круги, но и большинство рабочего класса информируется о процессе в духе наших противников. Политически мы потеряли^б с этим процессом, поскольку дело идет [о] мелкобуржуазных и большинстве рабочих кругов заграницей.

2) Смертная казнь в результате процесса была бы огромной политической ошибкой. Не думаю, чтоб большинство рабочего класса даже в России так уж жаждало такого приговора. Большинство же рабочих Запада определенно будет против такого приговора. В частности такой приговор отшатнет от Советской власти те мелкобуржуазные круги, симпатии которых к нам сильно выросли за время Генуэзской конференции.

Исходя из этого высказываюсь против смертной казни, которая принесет нам несравненно больше вреда, чем пользы.

Е. Преображенский 26 июля 1922 г.

– Л. 89. Рукописный подлинник, подпись – автограф. Вверху справа штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения письма «27 июля 1922 г.», а также рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1.

– Л. 88. Машинописная копия того времени, заверенная работником аппарата ЦК РКП(б) М.Н. Бураковой. Вверху справа рукописная помета принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1. Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 102. Другой экземпляр той же машинописной закладки с той же заверительной подписью. На листе помета: «С-р. Арх[ив]».

№ 17-50

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
о ходе высылки групп интеллигенции
и представителей политических партий.**

Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 13

от 27 июля 1922 г.

Строго секретно

Слушали:
13. Доклад т. Уншлихта об испол-

Постановили:
13. Поручить Комиссии в составе

^а Далее в документе зачеркнуты слова которая все время ведет.

^б Здесь и далее подчеркнуто в документе.

нении постановления П.Б. от т.т. Уншлихта, Курского и Каменева разработать вопрос о техническом осуществлении предписания Политбюро мер, как в смысле установления необходимых расходов, так и в смысле получения виз.

Секретарь ЦК

– Л. 90. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 27 июня 1922 г. Выше текста выписки напечатаны адреса рассылки: «т.т. УНШЛИХТУ, КУРСКОМУ, КАМЕНЕВУ». Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 288. Л. 28. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на типографском бланке ЦК РКП(б). В тексте вписано слово «разработать» взамен вычеркнутого «рассмотреть». Справа внизу запись о рассылке «т.т. Уншлихту, Курскому, Калинин» и номер выписки «9239/с». Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро т.т. Каменев, Троцкий, Молотов (кандидат), Рыков, Томский, Сталин. Члены ЦК: т. Смирнов, Радек, Сокольников».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1398. Л. 2. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-51

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«Об использовании материалов о работе с.-р. за границей».

Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 18

от 27 июля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

18. Об использовании материалов о работе с.-р. за границей (т. Радек)

Поручить т. Радеку самым широким образом использовать материалы о работе с.-р. за границей, информируя Секретариат ЦК ежедневными телефонограммами о том, что сделано фактически.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 91. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 288. Л. 33. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на типографском бланке ЦК РКП(б). Справа внизу запись о рассылке «т. Радеку» и указание о передаче материалов («вход. ЦК № 93671/с, 95071/с») на Пленум ЦК. Список присутствовавших см. № 17-50.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1398. Л. 3. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-52

Постановление Политбюро ЦК РКП(б)

«О т. Луначарском».

Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 23

от 27 июля 1922 г.

С. Секретно

С л у ш а л и:

23. О т. Луначарском (доклад т. Молотова)
пр. П.Б. от 20/VII с.г.
№18 п. 22

П о с т а н о в и л и:

23. Принять к сведению сообщение т. Молотова, что согласно данным произведенного им расследования, т. Зиновьев не имел основания вносить на рассмотрение ЦК вопрос об оглашении разногласий внутри ЦК, и что те слухи, которые были по поводу этих разногласий, имели своим источником разговор т. Зиновьева с некоторыми членами Коминтерна.

Секретарь ЦК

– Л. 77. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 27 июля 1922 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «тов. ЗИНОВЬЕВУ».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 288. Л. 38. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на типографском бланке ЦК РКП(б). Справа внизу запись о рассылке («т. Зиновьеву») и указание о материалах для рассмотрения вопроса («Вх. ЦК 9511/с с приложениями»). Список присутствовавших см. № 17-50.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1398. Л. 3. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 17-53

**Телефонограмма члена ЦК РКП(б) К.Б. Радека
Л.Д. Троцкому, И.В. Сталину и Л.Б. Каменеву
о необходимости срочной подготовки т.н. желтой
книги эсеров для распространения за рубежом**

29 июля 1922 г.

ВЕСЬМА СРОЧНО

тов. тов. Троцкому, Сталину и Каменеву.

Вчера начал рассылать радиовестник по России и Инроста для заграницы, сводку нового материала об эсерах. Послезавтра идет аэропланом вся сводка в качестве докладной записки в полпечатного листа для всей нашей заграничной печати. Считаю, что надо поручить разбор материала, которого есть пять пудов, группе политически-ответственных товарищей, чтоб подготовить в 2 недели желтую книгу Эсеров и сразу подготовить издание на 3 языках. Все это надо сделать в месяц. Если получу 5–6 грамотных людей, которые в состоянии будут по несколько часов в день работать, берусь это сделать.

Нужны^a мне для работы Вардин, Бубнов, Агранов, остальных двух[,] может быть[,] наметите Вы, так как люди заняты другими работами весь день, их надо будет порядочно подкармливать.

Для переводов нужна ассигновка. Если Вы согласны, пусть Секретариат ЦК примет решение и откроет кредит на это. Работа – не терпит никакой отсрочки. Само собой понятно, что она не должна ни на один мо-

^a Исправлено от руки из первоначально напечатанного нужно.

мент задерживать ежедневной кампании. Подписал: РАДЕК 29^б-го Июля 1922 г.

– Л. 101. Машинописная незаверенная копия того времени. Вверху слева рукописные пометы: «Арх[ив] ПБ»; «Исп[олнено] ПБ 19/18 27/VII-22 г.». Внизу штамп: «Корр. № 1». Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 17-54

Телефонограмма секретариата Л.Д. Троцкого И.В. Сталину и К.Б. Радеку о поддержке Л.Д. Троцким предложений К.Б. Радека по проведению антиэсеровской кампании

29 июля 1922 г.

В/срочно
Тов. Сталину копия тов. Радеку

Сообщаю, по^а поручению тов. Троцкого, что он^б считает не обходимым оказать всяческое содействие тов. Радеку в связи [с] его телефонограммой № 20 от 29/VII.

Упр[авляющий] делами Председ[ателя] рев[олюционного] воен[ного] Совета
[П.А.] Бутов

– Л. 102. Рукописный подлинник на бланке телефонограммы.

№ 17-55

Письмо руководителей компартии Германии³⁶ К. Цеткин и Г. Брандлера в ЦК РКП(б) с предложением о помиловании группы членов партии эсеров в случае вынесения им приговора о смертной казни

30 июля 1922 г.

СЕКРЕТНО

Дорогие товарищи

В виду чрезвычайно трудной ситуации[,] в какой разыгрывается процесс с-ров, мы чувствуем себя обязанными сообщить Вам наш взгляд по этому поводу.

^б Исправлено от руки из первоначально напечатанного 26.

^а Исправлено из первоначально написанного что.

^б Вписано над строкой.

Ясно, что процесс закончится смертным приговором. Об этом не может быть и споров.

Иным является вопрос, должен ли смертный приговор приводит[ь]ся в исполнение. Нам кажется, что при данных обстоятельствах, приведение приговора в исполнение политически неумно и весьма сомнительно по тому, что собой вызовет.^а (bedenklich in ihren auswirkungen)^б.

Нашими основаниями для такого воззрения являются:

1) Последний попавший в ваши руки материал против эс-ров настолько сокрушительен, что совершенно уничтожает эту партию и политически и морально. Этого она не переживет. Вместе с тем эти материалы в высшей степени компрометирующие для правительств Чехословакии и Франции. Поскольку в названных странах существует «общественное мнение»[,] эти документы возбудят его против всей политики в отношении советской России и привлекут к Вам симпатии^г. Материал этот должен быть полностью испол[ь]зован во всех направлениях. И не только для уяснения рабочему классу, но и как морально-политическое средство борьбы и нажима против правительств и обоих реформистских интернационалов. Ясно[,] как на ладони, что наши враги приложат все усилия, чтобы ослабить подавляющее действие обличительных материалов. Рас[с]трел эс-ров был бы для них значительной помощью. Они выдвинули бы мертвецов на первый план, чтобы отвлечь интерес и внимание от документов. Наши враги превратят мертвых эсеров, «мучеников», в блиндаж, прикрываясь которым они поведут против всех нас борьбу отравленным оружием. Убитые эсеры будут для нашего дела значительно опасней, чем могут быть, теперь или когда[-]либо, живущие.

2) Эсеры имеют еще, без сомнения, достаточно сторонников и сил, чтобы на расстрел ответить террористическими актами[,] направленными против наших лучших вождей. Мы не можем лишиться никого из них, никого из Вас. Исходя из этого, ^дтеррористические акты против наших вождей^е, при данном положении и в виду наличного настроения масс, не будут для нас политически плодотворны, они не вызовут прироста симпатий к нам и не вызовут возмущения против эсеров. Буржуазные и реформистские элементы с успехом будут их изображать как «вполне понятную, вызванную индивидуальную месть». Морально[-]политическое наступление контр-революционеров достигло бы своей вожделенной цели изолировать Советскую Россию и морально и политически. Что не удавалось до сих пор, не удастся и на этот раз[,] если вы не откроете врагам возможность обделывать свои политические «гешефты» на мертвых эсерах.

3) Живущие эсеры будут в Ваших руках, в хорошей сохранности, заложниками, порукой против покушений, мертвые же эсеры явятся для наших врагов средством агитации, которое они используют для воздействия на сентиментальность и соболезнавание массы.

4) *Last not least^ж: по той оценке какую мы, к сожалению, должны дать Коммунистическому Интернационалу, рас[с]трел приведет к кризису[,] который еще не по плечу Комун[нистическому] Интернационалу. Грозит серьезная опасность, что он будет сильно расшатан таким испытанием на крепость. Компартия Германии безусловно встанет на сторону этого ме-

^{а-б} Вписано в текст от руки.

^в Здесь и далее подчеркнуто карандашом в документе.

^г Так в документе.

^{д-е} Впечатано над строкой.

^{ж-з} Искаженное написание английского Last but not least (хоть и последний, но не менее важный).

роприятия, но так слабовато, так трусливо, с такой кисло-сладкой миной, что это почти было бы похоже на сдачу и ни в коем случае не было бы политическим выигрышем. К.П. Чехословакии³⁷ "высказалась бы"^к, весьма вероятно, только в кратких мимолетных словах по этому делу и держала бы себя глухо и немо по отношению к ничем не сдерживаемому штурму.

К.П. Франции³⁸ в подавляющем большинстве выступила бы против расстрела. Она еще так не созрела и не окрепла как коммунистическая партия, что не смогла бы противостоять тому урагану "который урагану"^м, который, по вполне понятным основаниям, вырвался бы в первую очередь во Франции.

Сама международная ситуация и обострение положения вещей в Германии в особенности весьма повышают значение[,] придаваемое усилению и дееспособности К.П. Франции. Мы должны считаться с тем, что каждое революционное движение пролетариата Германии будет иметь против себя не только германскую[,] но и французскую^н военную силу. Это непереносимое следствие контроля представителей репарационной комиссии над германским бюджетом.

Из больших партий Ко[м]мун[истического] Интерн[ационала,] вероятно только К[оммунистическая] П[артия] Италии³⁹ выступила бы энергично и безоглядно за расстрел, но вы сами знаете[,] как еще в Италии слабо влияние партии даже в пролетариате и тем более в широких кругах населения. Остальные наши национальные секции еще настолько в этом смысле лишены значения и влияния, что их отношение не может быть принято в расчет.

5) По нашему мнению быть может Исполком Коминтерна мог бы обратиться [к] Совправительству с ходатайством о помиловании[,] т.е. помиловании в смысле не приведения в исполнение смертного приговора. Ходатайство должно быть хорошо обосновано, чтобы быть самым резким осуждением не только эсеров[,] но и всех их защитников. В нем должно быть оговорено[,] что ходатайство и его удовлетворение затрудняется благодаря низкопробному использованию этого дела^{о-п} со стороны^п как со стороны 2-го и 2 1/2 Интернационалов[,] так и в виду сантиментальных благоглупостей хороших и скверных литераторов, являющихся политически детьми и плакальщиками на всех похоронах. Далее, что шаг этот может быть предпринят только в сознании внутренней крепости советской власти и в связи с полным морально-политическим уничтожением партии эсеров в отношении к ним русских рабочих и крестьян.

В заключение следует еще отметить, что мы оба врозь и совершенно независимо друг от друга пришли к одному и тому же мнению в этом чрезвычайно важном деле. Само собой разумеется, мы во всякое [время] готовы обсудить это дело с Вами.

С коммунистическим приветом
Клара Цеткин, Генрих Брандлер

– Л. 104–106. Машинописная копия русского перевода оригинала письма на немецком языке. На л. 104 рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1, а также штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения документа 12/VIII-1922 г.

^{и-к} Впечатано над строкой.

^{п-м} Ошибочно напечатано.

^н Так в документе.

^{о-п} Ошибочно напечатано.

– Л. 107–109. Машинописная копия оригинала письма на немецком языке.

№ 17-56

**Письмо зам. наркома финансов Г.Я. Сокольников
в ЦК РКП(б) о возможных последствиях
для международного престижа Советской
России вынесения смертного приговора группе
обвиняемых на процессе членов партии эсеров**

31 июля 1922 г.

С. Секретно

В Ц. К. Р. К. П.

К предстоящему обсуждению вопроса о развязке процесса эсеров считаю необходимым на основании личных впечатлений во время поездки в Гаагу сообщить членам Ц.К. о следующем: за-границей широчайшая масса рабочих совершенно неосведомлены о ходе процесса, достигнутых разоблачениях эсеровских дел, не понимают смысла процесса. Пресса 2 и 2 1/2 Интернационала развивает бешенную кампанию против большевиков, представляя грозящий эсерам смертный приговор, как акт междоусобной борьбы Интернационалов. Буржуазная пресса представляет процесс эсеров, как доказательство отсутствия правильно организованного суда и пользуется им, чтобы срывать деловые сношения с Р.С.Ф.С.Р. Приведение в исполнение смертного приговора над эсерами создало-бы такую обстановку, что безпартийная рабочая масса в Европе не шевельнулась-бы[,] если бы эсеры возобновили террор против вождей коммунистов в России. С другой стороны все интервенционистские круги получили-бы самую горячую поддержку со стороны партий 2 и 2 1/2 Интернационала и проведение^а ^бфинансовой блокады^в СовРоссии было^г-бы значительно облегчено^д.

Г. Сокольников

– Л. 132. Машинописный подлинник на бланке зам. наркома финансов РСФСР, подпись – автограф. На листе штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой поступления документа «12/VIII-1922 г.», а также рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б) № 4, п. 1 от 8 августа 1922 г. Формула секретности от руки.

№ 17-57

**Письмо П. Мостовенко из Праги Н.И. Бухарину
о предстоящем приговоре группе членов партии эсеров**

5 августа 1922 г.

Совершенно секретно

^а Вписано от руки над строкой.

^{б-в} Исправлено от руки из первоначально напечатанного финансовая блокада.

^г Исправлено от руки из первоначально напечатанного была.

^д Исправлено от руки из первоначально напечатанного облегчена.

Товарищу Б У Х А Р И Н У
Копия Центральному Комитету РКП.

Уважаемый Товарищ!

В связи с близящимся окончанием процесса эсеров, я считаю целесообразным высказать свой взгляд на наиболее, по[-]моему, целесообразное разрешение вопроса о ратификации и не ратификации приговора к высшей мере наказания, поскольку такой будет вынесен Ревтрибуналом.

Я считаю, что мы в этом вопросе должны исходить целиком только из внутренних настроений. Поскольку ратификация в этом отношении произведет плохое впечатление – это веский довод против нее.

Но, если мы будем в этом вопросе считаться с мнением Европы – и исходя из него – не ратифицировать приговора – мы только докажем, что за европейское общественное мнение мы принимаем мнение газет, Вандервельде и прочей пены на поверхности. Я убежден, что даже, если на массового рабочего за границей первое впечатление от ратификации будет тягостным – всякий в конце концов, разберется, что мы были в полном праве поступить так.

В Европе мы давно уже повседневно поведением создали впечатление чего-то уступающего, оправдывающегося и т.д.^а

Не ратификация приговора в этом отношении произведет впечатление нашей слабости и именно будет так использована нашими противниками. Словом, если настроения внутри позволяют, я считаю, что ратификация приговора по крайней мере по отношению к двум обвиняемым – необходима и целесообразна, раз уже процесс мы начали и развернули в таком масштабе.

Я являюсь представителем РСФСР, в полном смысле слова, в столице заграничного эсерства. Поэтому, думаю, что моя обязанность – довести до Вашего сведения мое мнение.

С коммунистическим приветом

Мостовенко

– Л. 133. Машинописный экземпляр того времени. На листе сверху рукописные пометы: «посл[ано] чл[енам] П.Б. для сведения»; «Исполнено за № 6180/с-15/VIII. – Е. Ш[ерлина]», рукописная помета о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б) № 4, п. 1, а также штамп секретного делопроизводства ЦК РКП(б) с входящим номером и датой поступления документа «17/VIII-1922 г.»

№ 17-58

Письмо зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахаия И.В. Сталину с предложением обсудить вопрос о статусе бывшего меньшевика М.И. Скобелева, работавшего в торгпредстве РСФСР во Франции

7 августа 1922 г.

Ген. Секретарю ЦК тов. СТАЛИНУ

Посылаю Вам целую коллекцию протестов по делу эсеров от различных профессиональных и других организаций и фракций; они полностью

^а Здесь и далее подчеркнуто карандашом в тексте.

подтверждают мое указание, что Скобелев в Париже рассматривается как наш представитель. С политическими протестами обращаются именно к Скобелеву, называя его то «официальным представителем Советской России», то «торговым представителем России» и это делают почти все организации^а.

Я обращаю Ваше внимание, что такое положение нас просто компрометирует не только в глазах французских рабочих.

Основной же вред – это иллюзия, создаваемая его пребыванием в Париже, что при выяснившемся на последнем заседании Политбюро общем мнении в целесообразности бойкота Франции тем более недопустимо.

С комприветом
Л. Карахан

– Л. 138. Машинописный подлинник на бланке Наркоминдел, подпись – автограф. На листе сверху рукописная помета, предположительно рукой В.М. Молотова «В ПБ с вызовом т. Карахана», а также штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. и штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения документа «12/VIII-1922 г.» Внизу листа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

№ 17-59

Проект постановления Исполкома Коминтерна о предстоящем объявлении приговора обвиняемым на процессе членам ЦСР, подготовленный для публикации Г.Е. Зиновьевым и переданный для рассмотрения и согласования в Политбюро ЦК РКП(б)

[Не позднее 7 августа 1922 г.]

Совершенно секретно

^аК трудящимся России, к пролетариям всего мира^б

После^в двухмесячной работы Чрезвычайный Революционный Трибунал Советской России вынес приговор вождям эсеров.

Коминтерн^г с самого начала до конца принимал^д активное участие в этом процессе, международное значение которого было ясно с самого начала. Советская Россия является главной крепостью международной пролетарской революции. Важнейшие события, происходящие в Советской России[,] не могут не затрагивать внимания Коминтерна. А процесс над эсерами был именно таким крупным событием.

В течении двух месяцев перед трибуналом проходила почти вся история русской революции. Революционный Трибунал с величайшей тщательностью осветил важнейшие эпизоды из борьбы русской и международной контр-революции против первого рабочего правительства в мире. Перед сознательными рабочими всех стран с необычайной яркостью раз-

^а Здесь и далее подчеркнуто карандашом в тексте.

^{а-б} Вписано от руки Г.Е. Зиновьевым вместо первоначально напечатанного
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ИСПОЛКОМА КОМИНТЕРНА ПО ПОВОДУ
ПРИГОВОРА НАД С.Р.

^в Перед этим абзацем вычеркнут другой абзац «Ознакомившись с приговором Трибунала (и выслушав заявление представителей Р.К.П. о принятом Ц.К-ом этой партии решении) ИККИ постановляет:»

^{г-д} Вписано от руки над строкой взамен вычеркнутого принял.

вернулась картина контр-революционной интервенции, сотрудничества буржуазных правительств запада с контр-революционными силами России. Эсеровский процесс напомнил каждому сознательному европейскому пролетарию историю неслыханных трудностей, с которыми столкнулась первая пролетарская диктатура. Процесс этот еще и еще раз доказал, что только беспредельная самоотверженность передового авангарда российского пролетариата, смелость, отвага и ясное сознание своих задач позволили рабочему классу России победить своих неисчислимых врагов. Судебный процесс в Москве с неотразимой убедительностью доказал, что эсеры и меньшевики во всем ходе русской революции были только одним из звеньев международного империализма. С этой стороны процесс вполне достиг цели. Мы знали раньше, что объективная роль эсеров и меньшевиков есть роль агентов Антанты⁴⁰. Но даже мы не знали той массы вопиющих фактов, которые с убийственной для эсеров ясностью раскрылись на суде и показали всему миру, что Ц.К. с-ров просто служит по найму у буржуазных министров – Бенеша, Бриана и К^о, что Ц.К. эсеров просто принимает на себя функции шпиона Антанты.

Коммунистический Интернационал находит вынесенный приговор^е и последовавшее постановление советского правительства^ж вполне правильным и Коминтерн будет защищать этот приговор^з и это постановление^и перед рабочими всего мира. Коммунистический Интернационал находит, что судебный процесс в Москве должен послужить образцом для революционных пролетариев всего мира в их грядущих схватках с буржуазией и социал-предателями и в неизбежной гражданской войне, которой будет сопровождаться нарождающаяся пролетарская революция во всем мире. Коммунистический Интернационал ставил и ставит себе одной из задач разъяснить рабочим массам прогрессивную роль революционного насилия и популяризовать в среде пролетариата подлинные взгляды Карла Маркса на революционный террор. Уже одно существование Коммунистического Интернационала явится, мы надеемся, достаточной гарантией против повторения тех ошибок, которые были допущены французскими рабочими во время их первого великого восстания в 1871 году. Энергичная «плебейская» расправа со всеми врагами пролетарской диктатуры и в том числе с активными контр-революционерами из среды мелко-буржуазного «социализма», неизбежна, если мы хотим, чтобы эта диктатура победила и чтобы буржуазия не имела возможности утопить движение в крови рабочих, как она сделала это с парижскими коммунарами.

Роль 2 и 2 1/2 Интернационалов, как агентов и прихвостней империалистской буржуазии и международной контр-революции, разумеется, ясна для всех партий, входящих в Коминтерн. Если нужны были еще новые доказательства, то Московский процесс, так ярко иллюстрировавший роль эсеров и меньшевиков, с которыми солидаризировались 2 и 2 1/2 Интернационалы, доказал это с достаточной исторической наглядностью. Ни один сознательный рабочий революционер в Европе не сомневается в том, что когда придут решающие бои в Германии, во Франции, в Англии, в Италии и в других важнейших странах передового рабочего движения, все эти Носке, Шейдеманы, Эберты, Вандервельде, Ренодели, Турати, Бальдези, Гендерсоны, Томасы будут по другую сторону баррикад, выступят палачами рабочих, возьмут на себя от буржуазии самые гнусные поручения, как брали их в России Гоц и Чернов, соединятся с помещичьими и буржуазными сынками против восставшего пролетариата, как это делали эсеры и меньшевики. Разве не видели мы, как Носке и К-о бук-

^{е-ж} Вписано от руки над строкой.

^{з-и} Вписано от руки над строкой.

важно купались в горячей крови, расстреливая рабочих коммунистов и их вождей. На этот счет не может быть ни малейших иллюзий. Господа Вандервельде и Шейдеманны оттого так и взволновались судьбой русских эсеров и меньшевиков, что они догадываются о том, что в ходе мировой пролетарской революции их самих ждет такая же участь.

Мы не сомневаемся в том, что в других странах борьба, будет еще более напряженная, чем это было в России. Нет никакого сомнения в том, что в таких странах, как Германия или Америка, пролетарской диктатуре, в особенности, в начале ее существования, придется прибегнуть, вероятно, к еще более жестким мерам, чем это вынуждена была делать советская власть в России. Бешенное сопротивление буржуазии и ее верных слуг, социал-демократов, безусловно, принудит к этому рабочий класс. Задача Коминтерна[,] разумеется, состоит в том, чтобы на это заблаговременно указывать рабочим и учить их на примере великой русской революции бороться и побеждать и буржуазию, и ее прихвостней социал-демократов.

Ссылки вождей 2 и 2 1/2 Интернационалов на пресловутое берлинское соглашение явно лицемерны и лживы. Каждый грамотный рабочий знает, что берлинское соглашение было сорвано 2-ым Интернационалом, покровителем эсеров и меньшевиков. А теперь 2 1/2 Интернационал в сущности уже полностью предался социал-предателям из 2-го Интернационала, Германская Независимая партия кончила самоубийством. По этому же пути идут другие партии 2 1/2 Интернационала. Каждый грамотный рабочий знает, что берлинское соглашение было основано на том, что в короткий срок должен был быть созван всемирный рабочий конгресс для организации кампании против наступления капитала. И каждый грамотный рабочий знает, что именно этот конгресс вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов не захотели допустить и что этим самым берлинское соглашение было сорвано. Российская Коммунистическая партия решительно ни в чем не связана теперь берлинским соглашением^к.

^лНо интересы революционной целесообразности продиктовали нашим русским товарищам то окончательное решение, которое вынесено в полном согласии с ИККИ, смертный приговор приоста[но]влен и не приводится в исполнение^м.

Известно, какое громадное значение для международной борьбы рабочих имеет сейчас лозунг единого фронта. Российская Коммунистическая партия принадлежала к числу инициаторов тактики единого фронта. Российская Коммунистическая партия в специальном заявлении ее Ц.К. недавно подчеркнула, что она готова поддерживать тактику единого фронта даже в том случае, если вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов пожелают исключить из общей платформы единого фронта все требования поддержки Советской России. Российская Коммунистическая партия вместе со всем Коммунистическим Интернационалом вполне правильно считала и считает, что единый фронт рабочих всего мира должен быть в данную минуту организован хотя бы на основе защиты непосредственных экономических интересов рабочих масс для отпора наступающему по всей линии капиталу^н.

^к Следующая за этим фраза И с этой точки зрения против приговора, вынесенного Революционным Трибуналом, Коминтерн ни на одну минуту не возражает из проекта вычеркнута.

^{л-м} В первоначальном варианте (машинопись) данный абзац был следующим: Но исходя из соображений целесообразности, Исполком Коминтерна, вместе с его русской секцией, полагает, что советской власти следует отказаться от приведения смертного приговора в исполнение. Мотивы ИККИ таковы:

^н Далее вычеркнуты два абзаца: Вам хорошо известно, что именно организации этого единого фронта не хотят допустить вожди 2-го и 2 1/2-го

В большинстве передовых капиталистических стран буржуазная власть держится ныне, в сущности говоря, главным образом при помощи «социал-демократов» и «рабочих вождей» из 2-го, 2 1/2-го и Амстердамского Интернационалов. Без поддержки изменнических вождей профсоюзов и социал-предателей буржуазия не могла бы держаться ни в Германии, ни в Англии, ни в других передовых капиталистических странах. Буржуазия чувствует опасность, которая грозит ей со стороны тактики единого фронта, и она через своих агентов, вождей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, делает судорожные усилия, чтобы сорвать нарождающийся единый фронт мирового пролетариата.

При таких условиях нам необходимо, во что бы то ни стало, избегать всего, что в какой бы то ни было мере может помочь Вандервельде, Шейдеманам, Макдональдам и Гомперсам сорвать этот единый пролетарский фронт. Заботливой рукой мы должны убирать с пути единого пролетарского фронта все препятствия и систематически неуклонно мы должны стараться обезвреживать бессовестную игру вождей 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, срывающих единый пролетарский фронт.

А между тем, не может быть сомнений в том, что приведение вполне заслуженного эсерами приговора в исполнение при настоящей обстановке облегчило бы вождям 2-го и 2-1/2-го Интернационалов их попытку удержать под флагом буржуазии значительные слои рабочих, продолжающих еще доверять реформистам.

После того, как политический урок дан, после того, как эсеры обезврежены, а партия эсеров московским процессом, в сущности говоря, политически убита, пролетарская диктатура России, в настоящее время достаточно сильная и обеспеченная, может, по нашему мнению, отказаться от проведения приговора в жизнь. И мы уверены, что советская власть в лице ВЦИК так и поступит.

До тех пор пока существует буржуазная демократия и – что то тоже – буржуазная диктатура, пока ежедневная печать находится в руках буржуазии, а профсоюзы и социал-демократические партии в руках социал-предателей, до тех пор значительные слои рабочих неизбежно находятся под деморализующим влиянием буржуазных и социал-демократических идей. Понятно, поэтому, в каких размерах извращали, извращают и будут извращать смысл московского процесса вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, голоса которых поддерживаются многотысячным эхом буржуазных органов печати во всем мире. Интересы революционной целесообразности при данном положении вещей, по нашему мнению[,] говорят за то, чтобы смертный приговор не был приведен в исполнение.

Вожди 2-го и 2 1/2-го Интернационалов, разумеется, тем не менее, сделают все возможное и невозможное, чтобы сорвать единый пролетарский фронт. Но передовые рабочие всех стран, в конце концов, все же сумеют парализовать контр-революционное влияние агентов капитала. И они победят.

* * *

Интернационалов. В Германии, например, они предпочитают идти с монархистами, чем допустить единый фронт рабочих. И они по своему правы. Они прекрасно знают, что образование такого единого фронта миллионов рабочих масс постепенно втянуло бы рабочий класс в борьбу за власть против буржуазии. Они прекрасно знают, что действительное осуществление единого фронта означает гибель 2-го и 2 1/2-го Интернационалов.

А между тем, идея единого рабочего фронта на столько жизненна, настолько вытекает из всей современной обстановки, настолько близка рабочим массам, что она с каждым днем вопреки всем препятствиям, прокладывает себе широкую дорогу.

Вынесенным окончательным решением по делу эсеров у вождей 2-го и 2 1/2 Интернационалов отнята возможность пользоваться этим процессом для срыва единого фронта.

Каждый рабочий видит теперь: спасение жизни осужденных эсеров зависит теперь от самой партии эсеров. ПУСТЬ ЭТА ПАРТИЯ ЗАЯВИТ, ЧТО ОНА ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОТ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ОТ БЕЛОГО ТЕРРОРА ПРОТИВ РАБОЧИХ ВОЖДЕЙ[,] ОТ КОНСПИРАЦИИ С ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ АНТАНТЫ ПРОТИВ РАБОЧЕЙ СТРАНЫ, и советская власть готова еще раз пересмотреть судьбу осужденных вождей партии эсеров.

Партия эсеров находится в дружбе с 2 и 2 1/2 Интернационалами. Мы требуем ответа от этих последних: готова ли защищаемая вами партия эсеров сделать такое заявление?

Если нет, это значит, что партия эсеров вновь подымает гражданскую войну против рабочего государства. Ответственность на эсерах. И они не уйдут от нее никуда.

Процесс закончился. Ознакомьтесь с ним подробнее, товарищи рабочие всех стран! Изучите его! Он живая иллюстрация на тему: борьба пролетариата за власть и пособники буржуазии из лагеря 2 и 2 1/2 Интернационалов. Не верьте буржуазным и «социалистическим» газетам, пытающимся еще раз оклеветать и оболгать Советскую Россию. Требуйте ясного ответа на вышеставленный вопрос от покровителей эсеров.

Изучите дело. И тогда вы скажете вместе с нами:

Долой предательскую, белогвардейскую партию эсеров!

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует единый фронт борющегося пролетариата!

Москва, 7 августа 1922 г.

Исполком Коминтерна

– Л. 120–126. Машинотисный подлинник с рукописными правками Г.Е. Зиновьева.

№ 17-60

Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б) о директиве Президиуму ВЦИК по приговору Верховного Революционного Трибунала. К протоколу заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1

[Не позднее 7 августа 1922 г.]

Сов. секретно

Только для т. Сталина

[СЛУШАЛИ]:

Предложение т. Троцкого дать директиву Президиуму ВЦИК расстрелять 4-х эсеров.

[ПОСТАНОВИЛИ]:

Принять
(Голосовали за: тт. Троцкий, Сталин, Томский, Молотов; против: тт. Каменев, Рыков).
т. Каменев переносит вопрос на Пленум.

– Л. 128. Рукописная выписка протокольной записи постановления Политбюро ЦК РКП(б).

№ 17-61

**Заявление членов Исполкома Коминтерна от РКП(б)
о формулировке приговора в отношении группы
обвиняемых на процессе членов партии эсеров
(с приложением результатов голосования)**

[Не позднее 7 августа 1922 г.]

Всем членам Ц.К. на голосование (срочно)
В Секретариат ЦКРКП(б)

Мы, члены Исполкома Коминтерна от русской партии, убеждены, что прямая формулировка о заложничестве и об утверждении приговора Верхтриба ВсеЦиком ^абудет на деле означать продолжение кампании против нас в самой невыгодной для нас обстановке ^б. Поэтому мы предлагаем заключительный пункт постановления ВЦИКа о подсудимых 1-ой группы формулировать следующим образом:

«Определение Верх[овного] Триб[унала] в отношении к подсудимым первой группы, приговоренным к высшей мере наказания, в исполнение не приводить, заменив его пожизненным заключением.

Если П. С.-Р., в лице своих руководящих органов и учреждений на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против Сов[етской] власти, она тем самым откроет возможность ВЦИК вновь поставить вопрос о дальнейшей участи осужденных»^в.

Просим проголосовать это предложение, ввиду абсолютной его срочности и технич[еской] невозможности созвать пленум ЦК, путем опроса членов ЦК.

^гПротив предлагаемой поправки^д

И. Сталин, В. Куйбышев, Ем. Ярославский, С. Орджоникидзе, Г. Сокольников, В. Молотов^е, Я. Рудзутак, Ф. Дзержинский^ж.

^зЗа

Г. Зиновьев, Н. Бухарин, К. Радек, М. Томский, Л. Каменев, А. Рыков, Г. Петровский, И. Коротков, М. Калинин, Т. Сапронов, Х. Раковский^з.

– Л. 129–129 об. Рукописный подлинник, написанный Г.Е. Зиновьевым, подписи – автографы членов исполкома Коминтерна от РКП(б). На листе 129 штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК с входящим номером и датой получения документа «12/VIII-1922 г.». Штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1 от 8 августа 1922 г.

^{а-б} Вписано над строкой вместо вычеркнутого создаст крупнейшие затруднения для коммунист[ической] работы на Западе.

^в Группой членов Исполкома Коминтерна от РКП(б) была предложена редакционная правка последнего абзаца в следующем виде: Если же партия с.-р. будет продолжать выше упомянутую деятельность, ответственность за нее в первую очередь автоматически обрушится на головы осужденных (далее из текста вычеркнуто по всей строгости революционных законов). Далее следуют подписи – автографы согласившихся с поправкой И. Коротков, Т. Сапронов, М. Калинин, А. Рыков, Г. Петровский, Х. Раковский, Г. Зиновьев, М. Томский.

^{г-д} Вписано рукой И. Сталина.

^е В. Молотовым сделана притиска Протестую против изменения решения Цека.

^ж Работником секретариата ЦК сделана запись Опросом по телефону Дзержинский против. А. Н[азаретян].

^з Т. Сапроновым и Х. Раковским сделана притиска внести поправку о заложниках.

№ 17-62

**Отдельный лист с результатами голосования
по формулировке приговора Верховного Трибунала
в отношении группы обвиняемых членов партии эсеров,
составленный помощником И.В. Сталина
А.М. Назаретяном**

7 августа 1922 г.

Результаты голосования:

За – 1. Зиновьев

2. Бухарин

3. Радек

4. Томский

5. Каменев

6. Рыков

7. Петровский

8. Коротков

9. Калинин

10. Сапронов (внести по-
правку о заложниках)

11. Раковский

Против:

1. Сталин (за обсуждение в Пленуме)

2. Куйбышев

3. Ярославский

4. Орджоникидзе

5. Сокольников

6. Молотов (протестует против изменения
решения Цека)

7. Дзержинский

8. Рудзутак

Поправка о заложниках:

За Сапронов

Калинин

Рыков

Петровский

Раковский

Томский

Зиновьев

Радек

Коротков

Не опрошены:

1. Троцкий^а

2. Смирнов

По предложению т. Сталина вопрос пе-
реносится на Пленум (в вторник 8/VIII). К
этому предложению присоединился т. Троц-
кий.

А. Н[азаретян]

7/VIII

– Л. 130. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ 17-63

**Записка И.В. Сталина в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) о ро-
зыске проекта поправки об осужденных эсерах,
предложенного Л.Б. Каменевым**

[Не позднее 8 августа 1922 г.]

Куда девался проэкт поправки Каменева об эсерах. Нужно отыскать
и сдать в архив П[олитического] Б[юро].

Ст[алин]

– Л. 131. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ 17-64

Постановление Пленума ЦК РКП(б) «Об эсерах».

^а Далее из этого списка вычеркнута ранее написанная фамилия Рудзутак.

Из протокола заседания Пленума № 4, п. 1

от 8 августа 1922 г.

1. Об эсерах.

Принять предложение т. Троцкого.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 127 Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 81. Л. 2. Машинописный подлинный экземпляр протокола, подписанный И.В. Сталиным. Л. 9. Черновой протокол заседания Пленума ЦК РКП(б). Рукописный подлинник на типографском бланке. Внизу бланка перечень материалов для рассмотрения вопроса: «Вх. ЦК № 10487/с, 10491/с, 9507/с, 9367/с, 10493/с» и помета: «Материал у тов. Сталина – передан ему для внесения во ВЦИК».

№ 17-65

Поправки к напечатанному в газете «Правда» приговору Верховного Трибунала и обращению Исполкома Коминтерна в отношении обвиняемых членов партии эсеров

10 августа 1922 г.

К ПРИГОВОРУ ПО ДЕЛУ ЭСЕРОВ^а

В напечатанном вчера приговоре по делу эсеров в части, касающейся террористической, экспроприаторской и подрывной деятельности П.С.-Р., в пункте 9 напечатано:

«9. Участие всех членов ЦК П.С.-Р. в этой преступной деятельности доказано...»

Нужно:

9. Участие всех членов ЦК П.С.-Р. в этой преступной деятельности не доказано. Участие членов ЦК и членов П.С.-Р. в террористических актах, экспроприациях и подрывной работе устанавливается специально в отношении каждого из обвиняемых в отдельности.

II.

В напечатанном вчера обращении Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала: «К пролетариям всех стран» – вкралась опечатка: во втором абзаце сверху 2-го столбца следует читать: «Оно сделало это в твердом убеждении, что вы не только сделаете все от вас зависящее, чтобы удержать от безумной гражданской войны партию социалистов[-]революционеров, но употребите все усилия, чтобы помочь советской России в ее тяжелой борьбе за освобождение России от хищнических планов мирового капитализма, оружием которого являются эсеры».

(«Правда», 10. VIII. 1922 г. № 178)

– Л. 135. Машинописный экземпляр того времени. Вверху справа приписано от руки к заголовку: «Поправки».

– Л. 134. Вырезка из газеты «Правда» от 9 августа 1922 г. с текстом приговора.

^а Здесь и далее подчеркнуто в тексте карандашом.

№ 17-66

**Листовка Центрального Бюро партии
социалистов-революционеров с протестом против
суда и приговора над членами партии эсеров**

10 августа 1922 г.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

«В борьбе обретишь ты право свое»

КО ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ

Товарищи. Только что кончился суд коммунистов над Партией Социалистов-Революционеров. Подготовка, ход и конец процесса внесли неизгладимые, незабываемые страницы в историю как партии С-Р, так и Российской Коммунистической Партии.

Материал, послуживший основой для привлечения к суду членов Ц.К. П.С-Р и ряда старых работников партии уже не один год находился в распоряжении «коммунистической» охраны и только теперь РКП настолько потеряла голову, чтобы дать ему применение.

Коммунистическая партия[,] насильнически захватившая власть в 1917 г., за время своего почти пятилетнего владения^а постоянно пускала в ход средства лжи, клеветы, насилия, – прибегала к кровавым расправам в борьбе со своими противниками, но во время суда над П.С.Р. она вписала новую наигоршую страницу в свою историю: РКП унизилась до того, что погнала своих членов и поработанных ею российских обывателей, от отдельных рабочих до советских спецов включительно, на улицу манифестировать за смертную казнь.

Нашлись, правда, отдельные лица в рядах РКП, протестовавшие против такого извращения идеалов борьбы за лучшее будущее человечества и считавшие, что если по нужде можно практиковать смертную казнь, то манифестировать за нее – несмыслимый позор и которые отказались принять участие в манифестации 20 июня^б. Но это были только отдельные лица. Коммунистическая же партия в целом, охваченная истерией, вписала в этот день позорную страницу в свою историю.

Никакой цинизм, даже проявленный коммунистами во время процесса над нашими товарищами, ни самый приговор над ними не превзойдут морального и политического падения, до которого докатились большевики 20 Июня.

Бешенство, в каком находится правящая клика коммунистов последнее время, усилилось еще тем, что в лице наших товарищей они встретили идейных борцов-революционеров[,] с непоколебимым мужеством и неуклонным революционным достоинством отражавших клеветнические нападки обвинителей всех сортов и мастей, излагавших свои взгляды, отстаивавших свои социалистические идеалы и оценивавших предательство и измену коммунистов рабочему классу и революции. Поистине коммунистам было от чего притти в бешенство и изступление. Ведь за весь почти пятилетний период власти большеви[с]тского застенка над Россией в Зале Дома Союзов впервые раздалось независимое слово, бросившее насильникам обвинение в содеянных ими преступлениях.

Революционное достоинство, личное мужество, верность и преданность социалистическим идеалам, проявленные нашими товарищами во время суда над ними, окружили их имена преклонением не только в нашей среде, не только в среде трудящегося класса России, но и всего мира.

^а Так в документе.

^б Подчеркнуто в тексте карандашом.

Партия С-Р с гордостью присоединяется к заявлениям своих лучших членов, сделанным ими Революционному Трибуналу.

Над ними повис меч. Приговор Верховного Трибунала не полностью осуществил то, чего домогалась Коммунистическая партия 20 июня. 12 из наших товарищей приговорены к смерти и по отношению к ним приговор утвержден, но исполнение его отсрочено.

Смерть витает и будет витать над их головами.

Рабочий класс России и всего мира не допустит, чтобы уже заряженная пуля большевистских чекистов лишила жизни испытанных революционеров, не раз жертвовавших ею за лучшую долю трудового народа.

Суд и приговор Верховного Трибунала над членами П.С.Р. требует от трудящихся России организовать свои ряды вместе с трудящимися всего мира[,] заставить коммунистов вернуть рабочему классу тех, кто беззаветно отдал себя на служение ему.

Мы непоколебимо верим, что недалек тот час, когда рабочие массы сплотятся под лозунгом:

Долой произвол и насилие. Позор палачам коммунистам.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПАРТИЯ СОЦ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ БЮРО ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Москва
10/VIII-22 г.

– Л. 136–136 об. Машинописная заверенная копия того времени.

№ 17-67

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О Скобелеве». Из протокола заседания Политбюро № 20, п. 11

от 10 августа 1922 г.

СЛУШАЛИ:

ПОСТАНОВИЛИ:

11. О Скобелеве.
(т. Карахан, Литвинов, Красин).

11. Оставить Скобелева в Париже.

Секретарь Цека

– Л. 137. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 10 августа 1922 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «товарищу ЛИТВИНОВУ». На листе штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 289. Л. 16. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на бланке протокольных записей ЦК РКП(б). Справа внизу запись о рассылке («т. Литвинову») и отсылка к материалам для рассмотрения вопроса («Вход. ЦК № 10509/с»).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1399. Л. 2. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. На л. 1: «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Молотов (кандидат), Рыков, Томский. Члены ЦК: тт. Сулимов (кандидат), Смилга, Дзержинский, Раковский, Мануильский (кандидат), Радек, Петровский, Сокольников».

№ 17-68*

Перечень писем и телеграмм протеста

**различных зарубежных организаций против
суда и приговора над группой членов партии эсеров,
адресованных в Париж М. Скобелеву для передачи
их советскому правительству (с приложением
упомянутых – всего 40 писем и телеграмм)**

10 августа 1922 г.

- 1) FEDERATION NATIONALE DES CUIRS & PEAUX, 211, rue Lafayette a Paris, en date du 24 Juillet 1922
- 2) PARTI SOCIALISTE, SECTION D'AVESNE-LES-AUBERT, Avesne les Aubert, (Nord) en date du 24 Juillet 1922
- 3) Ouvriers restaurateurs, Paris, en date du 25 Juillet 1922
- 4) UNION DES SYNDICATS OUVRIERS, Epernay, en date du 26 Juillet 1922
- 5) UNION DES SYNDICATS DE RENNES, Maison du heuhle, 8, rue St-Louis, a Rennes, en date du 25 Juillet 1922
- 6) Monsieur Roger LECHAPPE, employe de commerce, 61, rue de Fontenay a Vincennes, en date du 24 Juillet 1922
- 7) UNION DEPARTEMENTALE CONFEDEREE DES SYNDICATS DE LA CORREZZE, (C.G.T. 211, rue Lafayette, Paris) en date du 27 Juillet 1922 de TULLE
- 8) BOURSE DU TRAVALL DE CETTE, a Cette, en date du 25 Juillet 1922
- 9) UNION DES SYNDICATS OUVRIERS DU DEPARTEMENTS DE L'AUBE, TROYES, en date du 26 Juillet 1922
- 10) UNION DES SYNDICATS DU RESEAU DU NORD (FEDERATION NATIONALE DES TRAVAILLEURS DES CHEMINS DE FER) 101, rue Duhesme a Paris, en date du 26 Juillet 1922
- 11) UN GROUPE DE PROLETAIRES, Beaucourt (Tessivoire de Belfort) en date du 25 Juillet 1922
- 12) FEDERATION NATIONALE DES PORTS & DOCK, 25 bis, rue des Fleurs a ROCHEFORT SUR MER (Charente In-re) en date du 26 Juillet 1922
- 13) UNION DEPARTEMENTALE DES SYNDICATS OUVRIERS DU NORD, a Lille-St-Maurice, en date du 27 Juillet – tel.
- 14) SYNDICAT CONFEDERE DES CHEMINOTS DE PARIS, en date du 27 Juillet
- 15) SYNDICAT DES COUTURIERES ET TAILLEURS POUR DAMES DE LA SEINE, Paris, en date du 27 Juillet
- 16) SYNDICAT DU PERSONNEL MUNICIPAL DE VILLEURBANNE (RHONE) en date du 27 Juillet
- 17) FEDERATION D'INDUSTRIE DES TRAVAILLEURS DE L'HABILEMENT, Paris, 3, rue du Chateau-d'Eau, en date du 27 Juillet.
- 18) SYNDICAT GENERAL DU PERSONNEL DES HOPITAUX-HOSPICES & MAISONS DE SANTE, 3, rue du Chateau-d'Eau, en date du 27 Juillet
- 19) FEDERATION DES SERVICES DE SANTE (France & Colonies) Paris en date du 28 Juillet
- 20) UNION DES SYNDICATS OUVRIERS FEDERES DU DEPARTEMENT DE LA GIRONDE, Bordeaux, en date du 27 Juillet
- 21) UNION DEPARTEMENTALE DES SYNDICATS OUVRIERS DES BOUCHES DU RHONE Marseille, en date du 27 Juillet
- 22) SYNDICAT DES OUVRIERS METTALURGISTES ET PARTIES SIMILAIRES, Commentry, (Allier) en date du 27 Juillet

- 23) UNION SYNDICALE DES TRAVAILLEURS D'INDRET, Indret, en date du 27 Juillet
- 24) UNION DES SYNDICATS CONFEDERES DU DEPARTEMENT DES LANDES, Mont de Marsan, en date du 27 Juillet
- 25) FEDERATION SOCIALIATE REVOLUTIONNARE DE JURA, St-Claude SurBienne en date du 28 Juillet
- 26) BOURSE DU TRAVALL DE NARBONNE, Narbonne, en date du 28 Juillet
- 27) SYNDICAT METTALURGIQUE DE LILLE, Lille, en date du 28 Juillet
- 28) JEUNESSE SOCIALISTE DE MULHOUSE, Mulhouse, en date du 28 Juillet
- 29) Monsieur Lucien BOUVAT, Paris, en date du 28 Juillet
- 30) FEDERATION NATIONALE CONFEDERES DES TRAVAILLEURS DU BATTMENT & DES TRAVAUX PUBLICS, 211, rue Lafayette, Paris, en date du 27 Juillet
- 31) CONSELL MUNICIPAL DU BOURGET, en date du 28 Juillet
- 32) UNION DES SYNDICATS OUVRIERS CONFEDERES DE SEINE OISE, Juvisy, en date du 26 Juillet
- 33) FÉDÉRATION NATIONALE DES TRAVAILLEURS DES CHEMINS DE FER, DE FRANCE, DES COLONIES & PAYS DE PROTECTORAT, Paris, en date du 27 Juillet
- 34) BOURSE DU TRAVALL DE TOURCOING & ENVIRONS, Tourcoing, en date du 28 Juillet
- 35) FEDERATION NATIONALE OUVRIERE DE L'INDUSTRIE TEXTILE, Paris, en date du 28 Juillet
- 36) BOURSE DU TRAVALL DE CHOLET, Cholet, en date du 28 Juillet
- 37) JEUNESSE REVOLUTIONNAIRE AUTONOME DE JURA, Saint Claude s/Bienne en date du 28 Juillet
- 38) SYNDICAT DES METTALLURGIQUES DE TRIGNAC, Trignac, en date du 27 Juillet
- 39) LES GROUPES SOCIALISTES DE CHARLEROI (Belgique) Charleroi, en date du 28 Juillet
- 40) SECTION SOCIALISTE DE TRIGNAC, Trignac, en date du 27 Juillet

– Л. 139. В деле – л. 140–188 подлинники писем и телеграмм на французском языке.

№ 17-69

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об участии буржуазных правительств в эсеровских заговорах». **Из протокола заседания Политбюро № 22, п. 7**

от 17 августа 1922 г.

СЛУШАЛИ:

7. Об участии буржуазных правительств в эсеровских заговорах (т. Карахан)

ПОСТАНОВИЛИ:

7. Поручить т. Радеку составить проект ноты правительствам капиталистических государств в связи с их помощью эсеровским заговорам и шпионажу в России и разослать всем членам Политбюро.

Секретарь Цека И. Сталин

– Л. 189. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 17 августа 1922 г., подпись – факсимиле (перевернута, зачеркнута). Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Т.т. РАДЕКУ, КАРАХАНУ». Штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 291. Л. 7. Черновой протокол заседания Политбюро. Подлинник на бланке постановлений Политбюро. В колонке «Слушали» вычеркнуто начало фразы «О посылке ноты». Внизу справа запись о рассылке («т.т. Радеку, Карахану») и рассылочный номер («10283/с»). Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Рыков, Калинин (кандидат, с опозданием на 1/2 часа). Члены ЦК: тт. Раковский, Ярославский, Рудзутак, Куйбышев, Радек».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1401. Л. 2. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 17-1

В деле находится сопроводительное письмо на бланке редакции газеты «Известия», направленное 1 июня 1922 г. пом. ответственного секретаря редакции (подпись не разобрана) в Политбюро ЦК РКП(б) «о возвращении оригинала письма заключенных эсеров Вандервельде и др.». На письме штамп о принадлежности документа к делопроизводству Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «6/VI-22 г.» (л. 2).

В деле также содержится записка А.М. Назаретяна о направлении письма В.М. Молотову и В.В. Куйбышеву «для сведения» и запись: «Послать всем редакциям газет» (л. 4).

№ 17-10

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ЦК РКП(б), направленное 19 июня 1922 г. по распоряжению И.В. Сталина пом. секретаря ЦК РКП(б) И. Товстухой Л.Д. Троцкому. На письме рукой Л.Д. Троцкого резолюция: «Вопрос ликвидирован отъездом защитников. Троцкий» (л. 35).

В деле также находятся два сопроводительных письма к ходатайству иностранных защитников: 1) народного комиссара юстиции РСФСР Д.И. Курского секретарю ВЦИК А. Енукидзе от 10 июня 1922 г. «о преподании указаний Верховному Трибуналу по вопросу о допущении защитниками гр. гр. Либера, Вайнштейна, Бер-Гуревича и Рубина» (л. 37) и 2) управляющего делами ВЦИК (подпись не разобрана) И.В. Сталину от 17 июня 1922 г. о рассмотрении «ходатайства иностранных защитников по делу с.-р.» (л. 36). Штамп бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «19 июня 1922 г.».

№ 17-11

В деле находится сопроводительное письмо ГПУ без даты, направленное зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихтом и нач. Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсоновым И.В. Сталину (л. 27).

№ 17-13

В деле находится сопроводительное письмо ГПУ без даты, направленное зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихтом и нач. Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсоновым И.В. Сталину, с круглой гербовой печатью ГПУ (л. 32).

№ 17-28

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ГПУ, направленное 14 июля 1922 г. зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихтом в ЦК РКП(б) без указания адресата с круглой гербовой печатью ГПУ. На письме штамп Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «19/VII» (л. 73).

№ 17-29, 17-30, 17-31, 17-32, 17-37, 17-38, 17-39, 17-40

В деле находится сопроводительное письмо на бланке наркомата иностранных дел РСФСР, направленное 1 августа 1922 г. зав. отделом Запада (подпись не разобрана) И.В. Сталину (копия К.Б. Радеку и в Наркомюст) для ознакомления в копиях с документами из Германии «с выражением протеста против ожидаемого вынесения смертного приговора по делу эсеров». Штамп Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «12/VIII». Внизу рукописная помета, сделанная рукой пом. секретаря ЦК РКП(б) А.М. Назаретяна о времени получения документов: «2/VIII 2 ч. дня» (л. 110).

№ 17-41

В деле находится сопроводительное письмо на бланке Наркомата иностранных дел РСФСР, направленное 24(?) июля 1922 г. зав. отделом Запада (подпись не разобрана) И.В. Сталину для ознакомления последнего с присланными на адрес СНК РСФСР и Верховного Трибунала при ВЦИК телеграммами протеста. На письме помета: «25/VII. В.М. Молотову». Штамп бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «24/VII-22 г.» (л. 80).

№ 17-68

В деле находится представленная ARGUS de la PRESSE, французским бюро выдержек из прессы, вырезка из газеты «Le Peuple» от 28 июля 1922 г. со статьей «Остановить преступление. Телеграфируйте в Москву!» и подзаголовком «Протесты рабочих принимают такой размах, который, возможно, заставит задуматься русское правительство». В ней отмечается, что на ранее опубликованную газетой телеграмму с сообщением о намерении Троцкого настаивать на исполнении смертного приговора, «который будет вынесен против нескольких подсудимых» на процессе ПСР, поступило через «Юманите» опровержение русского торгового представительства. Редакция отметила далее необходимость продолжения кампании солидарности «жертвам чекистских репрессий» и предложила «выражать протест посредством писем, телеграмм, направлением делегаций в официальное торговое представительство большевистского правительства в Париже» (л. 140). На газетной вырезке штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

В деле также находится машинописный подлинник письма на бланке Национальной Федерации кожевенной промышленности, направленного «господину Скобелеву, официальному советскому торговому представителю» 24 июля 1922 г. Исполнительным комитетом Федерации с информацией о вынесенном на своем заседании от 23 июля 1922 г. протесте следующего содержания: «В момент, когда смертная казнь угрожает социалистам-революционерам, мы решительно протестуем против смертной казни вообще. Требуем сохранить жизни обвиняемым» (л. 141). На листе вверху слева рукописная помета «№ 1», а также штампы о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. и Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится рукописный подлинник письма, направленного Скобелеву исполнительным секретарем секции д'Авесн-ле-Обер (Норд) социалистической партии 24 июля 1922 г. для передачи правительству в Москве «своего решительного протеста против пародии на правосудие [...] организованного людьми, у которых отсутствует самое элементарное представление о человечности». На листе вверху слева рукописная помета «№ 2» и штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

В деле также находится рукописный подлинник письма представителя рабочих реставраторов г. Парижа «гражданину Скобелеву, подписавшему закон о 8-часовом рабочем дне для государственных служащих <России>» от 25 июля 1922 г. с выражением протеста «против диктаторских злоупотреблений» (л. 143). На листе вверху слева рукописная помета «№ 3». Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится машинописный подлинник телеграммы секретаря профсоюза рабочих г. Эпернэ «господину Скобелеву, советскому представителю» от 26 июля 1922 г. с требованием «смягчения приговора и освобождения социалистов-революционеров, преданных суду в Москве» (л. 144). На листе вверху слева рукописная помета «№ 4». Внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

В деле также находится машинописный подлинник письма генерального секретаря Исполкома профсоюзов департамента Иль-и-Вилэн на бланке Исполкома «господину Скобелеву официальному советскому торговому представителю» от 25 июля 1922 г. для передачи Советскому правительству протеста «против процесса социалистов-революционеров, преследуемых без обеспечения элементарных гарантий, права на защиту» (л. 145). На листе вверху слева рукописная помета «№ 5». Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится рукописный подлинник письма Роже Лешаппе, торгового служащего г. Венсен «господину Скобелеву» от 24 июля 1922 г., где говорится: «[...] Смертный приговор подсудимых произвел бы удручающее впечатление на большинство друзей русской революции, это непременно должны знать в Москве[...]» (л. 146–146 об.). На листе вверху слева рукописная помета «№ 6».

В деле также находится рукописный подлинник письма, подписанного К. Руссо, секретарем союзной конфедерации профсоюзов Корреза на бланке профсоюза и направленного 28 июля 1922 г. «господину Скобелеву, официальному советскому представителю» с протестом против процесса российских социалистов-революционеров и их возможного осуждения» (л. 147–148). На листе вверху слева рукописная помета «№ 7». Справа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма, подписанного генеральным секретарем Всеобщей конфедерации трудящихся (Биржа Труда г. Сетт) на бланке конфедерации и направленного 25 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против тенденциозного процесса, чреватого вынесением смертных приговоров русским [...] социалистам-революционерам[...]» (л. 149–150). На листе 149 вверху слева рукописная помета «№ 8». Внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма, направленного региональным профсоюзом рабочих департамента от 26 июля 1922 г. Скобелеву: «[...] Мы со всей решительностью протестуем против любого смертного приговора, который может быть вынесен против граждан, виноватых в глазах правительства Москвы в том, что остались верными своему социал-революционному прошлому[...]» (л. 151–151 об.). На листе 151 вверху слева рукописная помета «№ 9».

В деле также находится машинописный подлинник письма профсоюза Национальной федерации железнодорожников Советскому правительству от 26 июля 1922 г. с решительным протестом против процесса. Внизу текста рукописная помета «Сообщить господину Скобелеву» (л. 152). На листе вверху слева рукописная помета «№ 10».

В деле также находится рукописный подлинник письма, направленного от имени группы рабочих Бокуша (территория Бельфора) 25 июля 1922 г. Скобелеву: «[...] В целях гуманизма, во-первых, и справедливости ради, во-вторых, господин Скобелев, Вы должны как можно быстрее довести до сведения Вашего правительства, что весь рабочий класс Франции испытывает чувство возмущения и протеста против этой проводимой в вашей стране акции, где правительство действует вопреки интересам пролетариата. Мы осуждаем эту акцию всеми силами души, требуем немедленного освобождения всех политических заключенных, томящихся в камерах Чека, независимо от их партийной принадлежности[...]» (л. 153, 154). На листе 153 вверху слева рукописная помета «№ 11».

В деле также находится машинописный подлинник письма секретарей национальной федерации портов и доков речного и городского транспорта (г. Рошфор, Нижняя Шаранта) на бланке организации с приложением копии телеграммы, направленной 26 июля 1922 г. в адрес Советского правительства: «Прежде чем совершится политическое преступление, Французская федерация портов и доков выражает протест против смертного приговора, угрожающего русским социалистам-революционерам» (л. 155). На листе вверху

слева рукописная помета «№ 12», а также штамп о принадлежности документа к делопроизводству Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. и Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится машинописный подлинник на бланке телеграммы административной комиссии департамента профсоюзов рабочих Севера г. Лилль от 27 июля 1922 г., направленной через Скобелева советскому правительству с предложением «[...] не применять репрессии против политических противников[...]» (л. 156). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 13».

В деле также находится рукописный подлинник на бланке телеграммы объединенного профсоюза железнодорожников Парижа от 27 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «против политического процесса социалистов-революционеров и возможного их осуждения[...]» (л. 157). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 14».

В деле также находится рукописный подлинник на бланке телеграммы профсоюза швей и дамских портных департамента Сены от 27 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...] против возможного вынесения смертного приговора социалистам-революционерам по настоянию правительства Советов» (л. 158). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 15».

В деле также находится машинописный подлинник на бланке телеграммы профсоюза муниципальных работников г. Виллербанн от 27 июля 1922 г., направленной через Скобелева Советскому правительству с решительным протестом «[...] против смертельного приговора нашим профсоюзным революционными товарищам» (л. 159). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 16».

В деле также находится машинописный подлинник письма генерального секретаря Федерации профсоюза швейников от 27 июля 1922 г., направленного через Скобелева Советскому правительству с протестом «[...] против смертного приговора социалистам-революционерам» и требованием «немедленного прекращения преследования всех борцов» (л. 160). На листе сверху слева рукописная помета «№ 17», внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

В деле также находится машинописный подлинник письма генерального секретаря объединенного профсоюза работников больниц, приютов и санаториев органов государственного призрения Федерации службы здравоохранения Франции на бланке организации от 27 июля 1922 г., направленного через Скобелева Советскому правительству с протестом «[...] против тенденциозного процесса, возбужденного против социалистов-революционеров» (л. 161). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 18» и штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится машинописный подлинник письма секретаря исполкома Федерации здравоохранения Франции на бланке организации от 28 июля 1922 г. Скобелеву об уведомлении последнего об отправке телеграммы Советскому правительству с протестом «[...] против уникального процесса, не дающего никакой моральной гарантии и угрожающего смертельным приговором обвиняемым[...]» (л. 163). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 19», внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится машинописный подлинник письма исполкома профсоюзов рабочих департамента Жиронда на бланке организации от 27 июля 1922 г. Скобелеву с приложением к письму текста телеграммы Советскому правительству с требованием учета протестов, «[...] поднимающихся во всем мире в защиту человеческой жизни и свободы мысли» (л. 164). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 20», внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится машинописный подлинник письма генерального секретаря профсоюза рабочих департамента Буш-дю-Рон Всеобщей конфедерации труда на бланке организации от 27 июля 1922 г., направленного через

Скобелева Советскому правительству с протестом против смертного приговора русским социалистам-революционерам (л. 166). На бланке верху слева рукописная помета «№ 21», справа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма руководства объединенного профсоюза рабочих-металлургов и родственных профессий Коммантри (Аллье) на бланке организации от 27 июля 1922 г., направленного через Скобелева Советскому правительству с протестом «[...]против возможного приговора судом к смертной казни или другому суровому наказанию наших несчастных русских товарищей[...]» (л. 167). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 22».

В деле также находится рукописный подлинник письма секретариата профсоюза трудящихся Эндре от 27 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против смертного приговора, который хотят вынести [...] русским социалистам-революционерам, в вину которым ставится защита своих идеалов» (л. 168). На листе вверху слева рукописная помета «№ 23», внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма административной комиссии объединенного профсоюза департамента Ланды на бланке организации от 27 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против возможного осуждения социалистов-революционеров судом в Москве» (л. 169). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 24», внизу штампы о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. и Секретному архиву ЦК ВКП(б).

В деле также находится подлинник телеграммы на бланке представителей социалистической федерации Юры от 28 июля 1922 г., направленной через Скобелева Советскому правительству с призывом «[...]не совершать непоправимого[...]» (л. 170). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 25».

В деле также находится машинописный подлинник телеграммы на бланке представителей биржи труда Нарбонны от 28 июля 1922 г., направленной Скобелеву с протестом «[...]против готовящихся казней революционных товарищей в Москве» (л. 171). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 26».

В деле также находится машинописный подлинник телеграммы на бланке секретаря профсоюза металлургов г. Лилль от 28 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против угрозы смертного приговора социалистам-революционерам» (л. 172). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 27».

В деле также находится машинописный подлинник телеграммы на бланке секретаря Союза социалистической молодежи Мюлуза от 28 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против недопустимых варварских преследований правительством Советов бескомпромиссных революционеров[...]» (л. 173). На бланке вверху слева рукописная помета «№ 28».

В деле также находится рукописный подлинник протеста французского гражданина Люсьена Бува от 29 июля 1922 г., направленного Скобелеву «[...]против осуждения русских социалистов» (л. 176). На листе вверху слева рукописная помета «№ 29».

В деле также находится машинописный подлинник письма Исполкома национального объединенного профсоюза работников министерства строительства и общественных работ на бланке организации от 27 июля 1922 г., направленного «господину Скобелеву, официальному представителю Советского правительства» с протестом против того, «[...]что этот процесс проходит без каких-либо моральных и материальных гарантий для обвиняемых. Состав суда можно подозревать в предвзятости, свидетели защиты отсутствуют. Среди обвиняемых фигурируют двое перебежчиков, поддерживающих обвинение; как в вашей, так и в нашей стране таких людей называют предателями; их свидетельство сомнительно[...]» (л. 174–175). На

бланке сверху слева рукописная помета «№ 30», справа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма членов социалистической группы (Ф.С.Р.Ф.) г. Бурже на бланке организации от 28 июля 1922 г., адресованного Скобелеву с протестом «[...]по поводу угрозы смертного приговора русским социалистам-революционерам[...]» (л. 177). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 31».

В деле также находится рукописный подлинник письма профсоюза рабочих департамента Сена-и-Уаза на бланке организации от 26 июля 1922 г., направленного через Скобелева Советскому правительству с протестом против осуждения социалистов-революционеров (л. 178). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 32».

В деле также находится машинописная незаверенная копия телеграммы профсоюза железнодорожников Парижа-Норд от 27 июля 1922 г., направленной Советскому правительству с протестом «[...]против осуждения социалистов-революционеров[...]» (л. 179) с препроводительным письмом на имя Скобелева (л. 180). На бланке письма сверху слева рукописная помета «№ 33».

В деле также находится рукописный подлинник письма представителей профсоюза рабочих Туркуэна и окрестностей на бланке организации от 28 июля 1922 г., направленного Скобелеву с приложением копии телеграммы, направленной Советскому правительству с протестом «[...]против преступного преследования, которое не прекращается в отношении тех, кто активнее всех содействовал свершению Русской революции[...]» (л. 181). На бланке сверху рукописная помета «№ 34», внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится машинописный подлинник письма секретариата Национальной федерации рабочих текстильной промышленности на бланке организации от 28 июля 1922 г. «господину Скобелеву, торговому представителю Советского правительства» с изложением направленного повторно от 20 марта 1922 г. протеста федерации Советскому правительству с обеспокоенностью предстоящим «[...]тенденциозным процессом [...] по доносу какого-то предателя рабочего класса[...]» (л. 182–183). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 35», а также штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

В деле также находится рукописный подлинник письма профсоюза работников г. Шоле на бланке организации от 28 июля 1922 г. Скобелеву с уведомлением о направлении телеграммы Советскому правительству с протестом «[...]против вынесения любого приговора русским социалистам[...]» (л. 184). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 36», внизу штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится машинописный подлинник на бланке телеграммы секретаря независимой революционной молодежи Юры от 28 июля 1922 г. Скобелеву для передачи Советскому правительству просьбы «[...]не совершать непоправимого в отношении русских социалистов[...]» (л. 185). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 37».

В деле также находится рукописный подлинник письма секретаря профсоюза металлургов г. Триньяк на бланке организации от 27 июля 1922 г. Скобелеву с сообщением текста телеграммы Советскому правительству с требованием «[...]чтобы была восстановлена справедливость по отношению к людям, которые страдали за общее дело[...]» (л. 186). На бланке сверху слева рукописная помета «№ 38», справа штамп Секретного архива ЦК ВКП(б).

В деле также находится рукописный подлинник письма группы социалистов г. Шарлеруа от 28 июля 1922 г. Скобелеву для передачи Советскому правительству «[...]чувства возмущения и решительного протеста по поводу возможного осуждения наших товарищей, социалистов-революционеров[...]» (л. 187). На листе сверху слева рукописная помета «№

39», внизу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г. и Секретному архиву ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

В деле также находится рукописный подлинник письма секретаря секции социалистической партии г. Триньяк от 27 июля 1922 г. Скобелеву с протестом «[...]против самого существования санкции смертного приговора[...]» (л. 188). На листе вверху слева рукописная помета «№ 40».

Вторую (непубликуемую) часть дела составляют документы июля 1924 – июня 1927 г. о положении осужденных на процессе членов ПСР в местах заключения и ссылки (лл. 42–122).

№ 18-1*

№ 5 нелегального журнала «Труд» (орган московской организации ПСР), посвященный процессу

28 июля 1922 г.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В борьбе обрешь ты право свое!
МОСКОВСК[АЯ] ОРГАНИЗ[АЦИЯ]
П. С.-Р.

К процессу П.С.-Р.

О чрезвычайных судах в Самаре.

Пытаясь ослабить впечатление от декларации, в которой «подсудимые» выявили свое отношение к суду, Крыленко просит огласить выписку из протокола управляющих ведомств Комитета Учр[едительного] Собр[ания]¹, где говорится об учреждении исключительных военных судов для политических дел.

Т. Г е н д е л ь м а н. – Уже из того, что было здесь оглашено, вы слышали, что на заседании К[омите]та членов Учр[едительного] Собр[ания] я высказывался против проекта о создании ведомства охраны. Я высказал, что для возбуждения дел в тех случаях, когда может быть выявлено конкретное обвинение, совершенно достаточно обыкновенных судебных властей. В тех же случаях, когда нет точных обвинений, заключенные должны быть освобождены. Для рассмотрения дел обо всех арестованных в этом направлении, я и предложил создать особую комиссию. И я возражал против организации каких бы то ни было органов судебной расправы.

Мы не высказываемся против всяких судов и даже здесь на территории сов[етской] республики мы признали бы суд, если бы он был правильным судом. Мы подчинились бы решению суда присяжных заседателей или даже суда Совета Раб[очих] Деп[утатов], но, конечно при условии, что это будет Совет[,] свободно избранный самими рабочими, а не фальсифицированный. Но мы не признаем вашего суда – суда коммунистической партии.

На территории Самарского Комитета членов Учр[едительного] Собр[ания] мы никогда не создавали партийных судов. Все дела, подобные нашему^а, были разобраны обыкновенным судом присяжных заседателей. На нашей территории мы никогда не создавали «троек» Чрезвычайных Комиссий, рас[с]треливавших в своих застенках. Военные суды, о которых говорил обвинитель, функционировали только на территории военных действий и охватывали собой тот круг преступлений, который подсуден военным судам во время войны во всех странах мира, не говоря уже о вашей собственной Красной Армии. Эти суды были из назначенных военно-служащих, но в них были все гарантии, обеспечивающие защиту подсудимых и полную гласность судебного разбирательства и кон-

^а Исправлено, в документе вашему.

троля над действием этих судов; в тех же случаях, когда бывали злоупотребления, которые неизбежны всюду и во всех учреждениях, эти злоупотребления не оставались безнаказанными и для расследования их и предания суду виновных назначались особые следственные комиссии. И не было ни одного случая злоупотребления, который не стал бы достоянием гласности и предметом запроса в комиссии. И тот проект о ведомстве государств[енной] охраны, о котором говорил обвинитель, трактовал вовсе не о расправе над задержанными противниками Комитета, а лишь о мерах пресечения в отношении лиц, опасных для государственного порядка в тревожный период гражданской войны. Никакому наказанию внесудебного порядка, как это видно из самого проекта, эти лица не могли быть подвергнуты и при наступлении нормальных условий в случае непредъявления им конкретных обвинений подлежали освобождению.

П р а в д а о с о б ы т и я х в П е т р о г р а д е 29-X-17 г.

Т. Г о ц. – Прежде, чем говорить о фактических неточностях в показаниях гр. Броуна, я хочу выяснить вопрос о моем «отречении», как упорно называет мое письмо гр. Крыленко и обв[инительный] акт, и мы сейчас увидим, где правда и кто является двурушником и лицемером. Мы, т.е. Авксентьев, Синани и я, поместили в «Бюллетене к[омите]та спасения родины и революции»² по письму. В своем письме я указал лишь на то, что я не видал этого приказа. В этом приказе я был обозначен как председатель комитета спасения род[ины] и рев[олюции]. Свидетель Броун запутался здесь в том, кто был председателем комитета: здесь он называет председателем Авксентьева, а в приказе таковым указан я. Эта путаница не удивительна; ибо вообще председателя к[омите]та не было вовсе. Я не хотел «отрекаться» от самого восстания, я отрицал, что был осведомлен об этом приказе; я отрицал, что подписал его в качестве самозванного, мифического председателя, но я не отрицал, что вся морально-политическая ответственность за октябрьское выступление против большевиков лежит на мне. Что это так, это видно из письма, опубликованного в «Деле Народа» от 5-11-17 г., в то самое время, когда приказом Троцкого я был объявлен вне закона.

Я писал тогда: «В № 178 “Правды” помещена статья под заглавием: “Как они изворачиваются”, автор которой с победоносным видом задает Гоцу, Авксентьеву и Синани ряд “язвительных” вопросов и чинит им допрос с пристрастием относительно их прикосновения к событиям 29 октября. Стил[ь], приемы и обращения, способ подхода очень напоминают мне определенные приемы царских прокуроров, которые[,] стремясь добиться нужных им сведений[,] всячески старались воздействовать на своих клиентов, упрекая их в малодушии, трусости и пр., точно так же поступает сейчас и автор названной статьи[,] избличая меня в желании “замести следы”, отвертеться от политической ответственности и пр. Напрасно, г.г. Каменевы и Зиновьевы! Я не принадлежу к числу тех “революционеров”, которые[,] попав на скамью подсудимых, позорно отрекаются, страха ради иудейска, от своих убеждений и пятнают знамя, которому они служили, малодушной изменой – как это было с гр. Каменевым и его товарищами по процессу, членами большевистской фракции 4 Гос. Думы³. Я не принадлежу к числу и тех, которые на обвинение в причастности к германским деньгам и на вызов их на гласный суд присяжных отвечают малодушным бегством, подобно г.г. Ленину и Зиновьеву. И меньше всего из нас кто-либо думает уклоняться от ответственности. Мы привыкли всегда выступать против врагов народа с открытым забралом,

так поступали мы при царском режиме, так поступаем мы и при самодержавии Ленина и Троцкого. И я заявляю, что принимаю на себя вполне морально-политическую ответственность как за события, предшествовавшие 29-Х[,] так и за самые события 29-Х. Я считал и считаю и поныне, что господство б[ольшевиков] есть величайшая угроза всем завоеваниям революции, смертельная опасность для целостности и независимости России. Я думал и думаю и сейчас, что каждый лишний час властвования над опозоренной их насилием, поруганной, истекающей кровью революцией есть непосредственное бедствие для народа. Я полагал, что каждый миг их хозяйничания в стране, сопровождающегося разрушением всех светлых надежд восставшего народа, неудержимо влечет нас к черной пропасти. И право на восстание, право на борьбу вооруженной рукой с губительным засилием кучки узурпаторов, утверждающих свою волю к власти самыми циничными неслыханными приемами насилия, порабощение народной свободы столь же непререкаемо и бесспорно для меня, сколь бесспорно преступление против народа всех этих демагогических авантюристов Каменевых, Троцких. На насилие мы, революционеры, откуда бы оно ни шло, привыкли всегда отвечать силой. Так поступал я 29 октября, так буду действовать и во все остальные дни позорного для страны и великой революции господства захватчиков и узурпаторов. И это право на восстание превращается в обязанность для всякого, кто сознает, что господство б[ольшевиков], несмотря на все их посулы, обещания и декреты, ведет нас в объятия безудержной анархии, а страну отдает на поток и разграбление внешнего завоевателя. Таков мой ответ на политический вопрос, выдвинутый автором статьи в «Правде»».

(Из публики крики: «негодяй».)

Т. Г о ц: Гражданин председатель, прошу оградить меня от оскорблений из публики.

П р е д с е д а т е л ь: Рабоче-крестьянская аудитория не всегда может быть успокоена.

М у р а в ь е в: Но вы, г. председатель, не сделали даже замечания кричавшему.)

Т. Г о ц: Теперь вы не посмеете сказать, что я отрекся. Но вы знали это и раньше, ибо здесь на столе лежит, приобщенный к делу, экземпляр «Дела Народа», в котором напечатано это мое письмо, и вы его знали и составитель обв[инительного] акта не мог его не знать; и весь наш разговор об отречении это только один из приемов той клеветнической, нагло лживой компании⁶, которую вы ведете против меня и партии с.-р. Клеветники – это вы. Я никогда не отрекался от того, что я делал. Это вы, после неудачи вашего восстания 5 июля⁴, отрекались от него и заявляли, что вы здесь не при чем, что это чисто стихийное движение и гр. Стеклов прибежал в Таврический Дворец с двумя парами белья, поселился там и говорил, что он здесь не при чем и что он даже не большевик, а гр. Луначарский обращался ко мне с просьбой выдать ему сертификат в том, что он не провокатор. (Луначар[ский]: «ложь».) Это может быть доказано свидетельскими показаниями...

Комитетом спасения родины и революции фактическое руководство движением было поручено мне. Мы пригласили на заседание г.г. Броуна и Краковецкого, представителей военной комиссии Ц.К., и запросили их о численности имеющихся в их распоряжении войск и о предполагаемых ими планах восстания. Их ответы меня не удовлетворили, я подверг их данные резкой критике и заявил, что движение должно быть отложено.

⁶ Так в документе.

Так и было решено. Однако, когда минут через сорок я вернулся в помещение Комитета, там все бурлило. Были получены известия, что Военно-Рев[олюционн[ый]] Комитет^в, узнав о готовящемся восстании, решил вывести из Петрограда не надежные с его точки зрения части и поэтому было решено выступить немедленно. Нужно было назначить руководителя движением. Я назначил полк[овника] Полковникова, бывшего команд[ующего] войсками Петроград[ского] Воен[ного] Округа. Он был назначен потому, что в военном отношении он был хорошим спецом, а с политической стороны у нас не было оснований считать его реакционером, наоборот, против него возражали, полагая, что он симпатизирует большевикам. Я переговорил с ним и убедился, что эти подозрения неосновательны. Но я ошибся, он все же оказался большевистствующим и весной 1919 г. он был у вас военруком Симбирск[ского] Воен[ного] Округа. В «Современных Записках» № 10 1922 г., которые цитировались уже обвинителем, Керенский говорит: «по рассказам участников восстания полк[овник] Полковников и ему подобные остались верны своей тактике: руками большевиков разбить Временное Правительство и ненавистную демократию»...

Черносотенные генералы не наши друзья. Слащевы – ваши союзники. Это вы их встречаете с триумфом.

Я принял на себя руководство движением, я поддерживал связь с Керенским в Пулкове и постоянную телефонную связь с восставшими частями. И когда я узнал, что внутри города движение не развивается, а Керенский из Пулкова продвинуться не может дальше, я, не желая продолжать бесполезное кровопролитие, приказал восставшим разойтись, сохранив при себе оружие. Я беседовал по прямому проводу с комитетами 12 армии, прося выслать в Петроград надежные революционные войска. Лента, содержащая эти переговоры, была взята у меня при аресте в октябре и была передана гр. Крыленко, тогда Команд[ующему] Петроград[ским] Округом. Да, я хотел вызвать против вас надежные революционные войска с фронта, но к сожалению вы еще раньше, начав переговоры с латышскими стрелками, опередили нас и первым вошел в Петроград 6 Латыш[ский] Стрелковый полк.

Вы спрашиваете, знали ли мы, кто такой Краснов, который шел с Керенским. А вы знали, кто был Муравьев, которого вы назначили командующим вашими войсками на Гатчинском фронте? Да, вы знали. Это тот самый Муравьев, который только накануне октябрьского переворота явился к нам, в Ц.К., и усиленно добиваясь какого-нибудь назначения, просил разрешить ему взять на себя командование в боевых действиях против большевиков; это тот самый Муравьев, который увековечил себя и ту власть, которая его выдвинула, своим знаменитым приказом о беспощадных самосудах на месте. Мы ему отказали в этом потому, что мы не хотели иметь дело с авантюристами, но вам он оказался вполне подходящим.

Я не хочу предвортать^в приговор истории, но не могу со всей силой убеждения не сказать, что виновником гражданской войны была партия б[ольшевик]ов-коммунистов, что первыми, бросившими факел гражданской войны в среду революционной демократии, были большевики. Октябрьский переворот был совершен вами накануне 2 Съезда Советов, – это нужно было вам, чтобы поставить Съезд перед уже совершившимся фактом. Лозунги, во имя которых был совершен переворот: хлеб, мир, земля, встречали среди петроград[ского] пролетариата сочувствие. Да ведь это те самые лозунги, которые выдвинула народная революция с са-

^в Так в документе.

мого начала и которые были написаны на знамени и февральской революции. Февральский период не успел и не сумел в трагических условиях мировой войны полностью реализовать эти лозунги, и усталые, измученные от войны рабочие и солдаты, поддавшись демагогическим посулам и обещаниям большевиков, готовы были претерпеть новый эксперимент, новый опыт. Но, сочувствуя общим лозунгам, они отнюдь не солидаризировались с тактикой большевизма и его приемами и методом проведения в жизнь этих лозунгов; этим[-]то и объясняется тот факт, что с первых же дней большевистского господства широкие слои петроградского пролетариата заняли позицию настороженно-выжидательную. Вот почему нужно было поставить Съезд перед совершившимся фактом.

Я уверен, что делегаты 2 Съезда Советов сумели бы потребовать от своих представителей более решительной борьбы за мир, но они ни в каком случае не допустили бы диктатуры одной партии большевиков, и потому вам нужно было совершить переворот до Съезда Советов. Вы имели орган восстания, Революционный Комитет, и он поставил своей задачей захватить власть не только за две недели до выборов в Учр[едительное] Собрание, но даже в канун Съезда. Переворот был совершен частью петроград[ского] гарнизона, кронштадт[скими] матросами и отрядами рабочей молодежи, вошедшей в Красную Гвардию. Но толщи петроград[ского] пролетариата к вам не примыкали, они сохраняли выжидательную позицию. Мы знали, что лишь на развалинах демократии может быть установлена диктатура партии большевиков, диктатура ее Центр. К-та. С этой политикой были несогласны не только мы, но даже ваши руководящие органы. Восстание было начато за спиной вашего же Ц.К., соглашением Ленина с моск[овским] и петрогр[адским] комитетами большевиков. Мы начали борьбу, но, увидя неудачу нашего выступления, мы перешли к тактике изоляции большевиков от пролетариата и широких масс трудящихся, изоляции, которая естественно вызывалась самой политикой большевиков. И так оценивали положение вещей не только мы, но и часть ваших собственных товарищей.

Г о л о д о в к а   и н о с т р [а н н о й]   з а щ и т ы.

Заявив протест, представители 2 Интернационала и Венского Объединения Вандервельде, Либкнехт и Розенфельд вышли из состава защиты. Испугавшиеся таких решит[ельных] действий коммунисты отправили для переговоров Радека, но тщетно: делегаты раб[очего] класса Запада в достаточной мере убедились в порядочности большевиков и потребовали своей отправки. Тогда российские сатрапы решили не пускать их силой и приехавшие защитники вынуждены были объявить голодовку. И только после этой крайней меры «блустители» российского правосудия предоставили возможность им выехать.

П р о т е с т   у ч е н о г о   м и р а   Е в р о п ы.

«Нижеподписавшиеся, глубоко взволнованные обстановкой, при которой протекает процесс социалистов-революционеров, опасаясь неоправданного приговора, в последний раз призывают Сов. правительство отказать во имя человечности и всеобщего примирения от того, что будет воспринято всем цивилизованным миром, как акт мести».

Подписали: профессора Сорбонны А. Олар, Г. Сеайль*, Пенлеве, Сеньобос и целый ряд др. выдающ[ихся] ученых и писателей, среди которых и Г. Уэльс.

* Следующая фамилия не прочитана из-за повреждения документа.

Обращение М. Горького.

1. К А. Франсу.

Суд над социалистами-революционерами принял цинический характер публичного приготовления к убийству людей, искренно служивших делу освобождения русского народа. Убедительно прошу вас: обратитесь еще раз к советской власти с указанием на недопустимость преступления; м[ожет] б[ыть], ваше веское слово сохранит ценные жизни социалистов.

Сообщаю вам письмо, посланное мною одному из представителей сов[етской] власти.

Сердечный привет. Максим Горький.

2. К А.И. Рыкову.

Ал[ексей] Ив[анович]! Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, – это будет убийство с заранее обдуманном намерением, гнусное убийство. Я прошу вас сообщить Троцкому и другим это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит вас, ибо за все время революции я тысячекратно указывал сов[етской] власти на бессмыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране. Ныне я убежден, что если эсеры будут убиты, – это преступление вызовет со стороны социалистической Европы моральную блокаду России.

М. Горький.

Кража документов.

Загр[аничная] Дел[егация] П. С.-Р., сообщая о краже документов из архива Адм[инистративного] центра внепартийной демократ[ической] организации⁶, заявляет, что Адм[инистративный] центр не находился ни в какой зависимости от партийных центров и действовал вне контроля партии⁷; ни один из членов партии с.-р., обвиняемых на московском процессе, не принадлежал к заграничному внепартийному объединению.

На суде Крыленко заявил, что в его распоряжении находятся документы Адм[инистративного] центра, доставленные их друзьями.

Другом же большевиков оказался офицер-монархист Коротенко, служивший в армии Врангеля; о своих монархических убеждениях и связи с Коротенко заявили также соучастники кражи Н. Зандер и П. Петров, арестованные в Париже.

Аресты социалистов.

К концу процесса коммунисты спешно «мобилизуют» общественное мнение: за последние дни в Москве произведены массовые аресты соц[иалистов]-рев[олюционер]ов⁸, меньшевиков и анархистов, – арестовано до 160 человек.

В тюрьмах.

Режим в тюрьмах по отношению к социалистам резко ухудшился. Сокращены нормы питания, введена система карцеров, избиения стали бытовым явлением.

Из Москвы арестованных развозят по провинциальным тюрьмам, где старые царские тюремщики не скупятся на расправы. В Н[ижнем]-Новгороде протестовавших против насилий социалистов жестоко избили,

при чем женщин тащили со двора в камеры за ноги. Услышав крики истязаемых женщин[,] запертые в камерах стали выбивать двери, разбивать стекла и даже зажгли матрацы.

Заведующим Особ[ым] Отд[елом] Госполитуправления Самсоновым разослано предписание силой оружия подавлять всякие протесты заключенных социалистов.

Голодовка в Бутырской тюрьме.

После побега двух анархистов режим в Бутырской тюрьме резко ухудшился. Социалисты после ряда требований изменения режима, вынуждены были объявить голодовку. Голодовка продолжалась 10 дней, после чего все были развезены по разным тюрьмам и изолированы друг от друга. Судьба голодающих товарищей неизвестна^д.

[...] В приложенной к делу газете «Дело Народа» имеется следующее заявление членов Совнаркома:

В ЦИК, в Совнарком. Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьские дни.

Мы полагаем, что вне этого есть только один путь – сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совнарком – мы на него не можем и не хотим вступать.

Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ВЦИКом звание народных комиссаров. – Нарком торговли Ногин, нарком внутр[енних] дел Рыков, нарком земледелия Милютин, нарком по продовольствию Теодорович, нарком труда Шляпников. 4 ноября 1917 г.

К настоящему заявлению присоединяются: нарком путей сообщения Рязанов, ком[иссар] по делам печати Дербышев, ком[иссар] гос[ударственных] типографий Арбузов, ком[иссар] Кр[асной] Армии Юренев, зав[едующий] отд[елом] конфликтов к[омиссариата] труда Федоров, зав[едующий] отд[елом] законодат[ельства] Ларин.

И не только они, но даже и члены вашего центр[ального] к[омите]та не хотели принять на себя ответственность за гибельную политику одной его части.

Вот что они писали: – ЦК РС-Д(большевик[ов]) 1 ноября принял резолюцию, на деле отвергающую соглашение с партиями, входящими в Совет рабочих и солдатских депутатов для образования социалист[ического] и советского правительства. Мы считаем, что только немедленное соглашение на указанных нами условиях дало бы возможность пролетариату и революционной армии закрепить завоевания октябрьской революции, укрепиться на новых позициях и собрать силы для дальнейшей борьбы за социализм. Мы считаем, что создание такого правительства необходимо для предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающ[егося] голода, разгрома революции калединами, обеспечения созыва Учр[едительного] Собр[ания] в назначенный срок и действительного проведения программы мира, принятой Всероссийским Съездом

^д Далее помещена перепечатка документов о событиях Октябрьской революции.

Сов[етских] деп[утатов]. Неимоверными усилиями нам удалось добиться пересмотра решения ц.к. и новой резолюции, которая могла бы стать основой создания советского правительства. Однако это новое решение вызвало со стороны руководящей группы ц.к. ряд действий, которые явно показывают, что она твердо решила не допустить образования правительства советских партий и отстаивать чисто-большевистское правительство во что бы то ни стало и каких бы жертв рабочим и солдатам это ни стоило. Мы не можем нести ответственность за эту гибельную политику ц.к. [.] проводимую вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между частями демократии; мы складываем с себя поэтому звание членов ц.к. [.] чтобы иметь право откровенно сказать свое мнение массе рабочих и солдат и призвать их поддержать наш клич: «Да здравствует правительство из советских партий. Немедленное соглашение на этом условии». Мы уходим из ц.к. в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим потому, что не можем спокойно смотреть как политика руководящей группы ц.к. ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата. Оставаясь в рядах пролетарской партии, мы надеемся, что пролетариат преодолет все препятствия и признает, что наш шаг вынужден сознанием долга и ответственности перед социалистическим пролетариатом.

Каменев, Рыков, Милютин, Зиновьев, Ногин.

4 ноября 1917 г.

И в этой всеобщей оценке вашей политики в дни октябрьского переворота мы видим лучшее оправдание нашей собственной политики.

Петроградская демонстрация в защиту Учр[едительного] Собрания.

Т. Б е р г. – Я – рабочий. И во время демонстрации в защиту Учр[едительного] Собр[ания] я принимал в ней участие. Петроград[ским] Комитетом была объявлена мирная демонстрация и сам Комитет, и я в том числе, без оружия шел во главе процессии с Петроградской Стороны.

По пути, на углу Литейного и Фурштадтской[,] дорогу нам преградила вооруженная цепь. Мы вошли в переговоры с солдатами, чтобы добиться пропуска к Таврическому Дворцу. Нам ответили пулями.

Здесь был убит Логинов – крестьянин, член Исполкома Сов[ета] Крест[ьянских] Деп[утатов] – который шел со знаменем. Он был убит разрывной пулей, которой ему снесли полчерепа. И убит он был в то время, когда после первых выстрелов он лег на землю. Там же была убита Горбачевская, старая партийная работница.

Другие процессии были расстреляны в других местах. Было убито 6 чел. рабочих завода [...], были убиты рабочие Обуховского завода. 9 января я принимал участие в похоронах убитых; там было 8 гробов, ибо остальных убитых власти нам не выдали, и в их числе было 3 с.-р., 2 с[оциал]-д[емократа] и 3 беспарт[ийных] и почти все они были рабочие. Вот правда об этой демонстрации. Здесь говорили, что это была демонстрация чиновников, студентов, буржуазии и в ней не было рабочих. Так почему же среди убитых нет ни одного чиновника, ни одного буржуа, а все они рабочие и социалисты?

Демонстрация была мирной – таково было постановление Петроградского Комитета, исполнявшего директивы Центр. К-та и передавшего их в районы...

Подойдя к Таврическому Дворцу, чтобы по поручению рабочих некоторых фабрик и заводов приветствовать Учр[едительное] Собр[ание], я и три товарища рабочих пройти туда не могли, потому что кругом шла стрельба.

Демонстрация не разошлась, – она была расстреляна.

И это вы расстреляли мирную рабочую демонстрацию в защиту Учр[едительного] Собрания!

В ы п и с к а

из протокола № 22 от 2 июня 1922 г.

Распорядит[ельного] Заседания Верхов[ного] Трибунала

Слушали: – Ходатайство граждан Гоца, Тимофеева, Ратнер и Федоровича о допущении в качестве защитников Рубина, Гуревича-Бера и Ванштейн[а].

Постановили: – принимая во внимание, что одновременно с заявлением обвиняемых о допущении защитниками Рубина, Гуревича и Ванштейна в верховный трибунал поступило анонимное (без подписи и адреса) заявление от контр-революционной организации Центр. Ком. РСДРП о допущении тех же граждан в качестве защитников, а так же препровожденное из редакции газеты «Правда» второе заявление той же организации, из коего явствует, что те же граждане уполномачиваются названной организацией на выступление контр-революционного характера, верховный трибунал постановил: 1) в ходатайстве подсудимым отказать и 2) оба заявления указанной организации направить в ГПУ на предмет соответств[ующего] расследования.

– Л. 10–11 об. Подлинный экземпляр журнала «Труд» № 5, набранный в подпольной типографии Московского бюро ПСР.

№ 18-2*

Нелегальная листовка Московского бюро партии социалистов-революционеров, посвященная итогам процесса над группой членов партии эсеров

14 августа 1922 г.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

В борьбе обретишь ты право свое!

КОГО СУДИЛИ?

Т. А г а п о в – 32 л[ет], в п[артии] с.-р. с [190]9 г.; при самодержавии был в ссылке, а при б[ольшевиках] арест[овывался] 3 раза и сидит около 2 лет.

Т. А р т е м ь е в – 38 л[ет], в револ[юционном] движ[ении] с [190]3 года, в п[артии] с.-р. с [190]4 г.; при царизме был сослан в Турухан[ский] край на 4 г., откуда, за попытку к побегу, был переведен в один из необитаемых пунктов за поляр[ным] кругом, при б[ольшевиках] арест[овывался] 4 раза и сидит всего почти 3 года.

Т. В е д е н ь п и н – 42 л[ет], в п[артии] с.-р. с 1901 г.; при царизме высылался 2 раза, 3 раза был арестован, просидел ок. 7 лет (в т.ч. 4 г. каторги), при б[ольшевиках] арест[овывался] 2 раза и сидит более полутора лет.

Т. Г е н д е л ь м а н – 41 г[од], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]99 г., с.-р. с [19]02 г.; при цар[ском] строе был сдан в солдаты за студенч[еские] беспорядки, неоднократно сидел в тюрьмах и высылался, при б[ольшевиках] сидит с марта [19]21 г.

Т. Г е р ш т е й н – 45 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]98 г., с.-р. с [19]01 г., при самод[ержавии] просидел 4 с пол[овиной] года, 2 раза ссылался (2 и 3 г.); в [19]20 г. был упр[авляющим] делами Иркут[ского] Полит[ического] Центра, свергнутого Колчака; при б[ольшевиках] сидит с апр[еля] [19]21 г.

Т. Г о р ь к о в – 47 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]02 г., с.-р. с [19]04 г., при самод[ержавии] 5 раз арест[овывался], просидел 5 лет, был выслан; при б[ольшевиках] сидит с августа [19]20 г.

Т. Г о ц – 40 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [1]900 г., с.-р. с [19]02 г.; с [19]05 г. один из руковод[ителей] боев[ой] орг[анизации], уч[аствовал] в подготовке актов против Дурново, ген[ерала] Мина и полк[овника] Римана, мин[истра] Якимова, град[оначальника] Шувалова, вице-дир[ектора] деп[артамента] пол[иции] Рачковского, арест[овывался] 3 раза, был выслан, имел 8 л[ет] каторги; при б[ольшевиках] сидит с мая [19]20 г.

Т. Д о н с к о й – 41 г[од], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]97 г., с.-р. с [19]02 г.; при самод[ержавии] был сдан в солдаты за студенч[еские] беспорядки, 3 раза высылался в Сибирь, в тюрьмах просидел около 6 лет, при большевиках сидит 3 года.

Т. И в а н о в – 34 л[ет], с.-р. с [19]06 г., член Сев[ерного] Летуч[его] Боев[ого] Отряда, уч[аствовал] в террор[истическом] акте против нач[альника] гл[авного] тюр[емного] упр[авления] Максимовского (убит Рагозинниковой), в подготовке взрыва Гос[ударственного] Совета, за что получил 15 лет, заменен[ы]. 10 г[одами] каторжн[ых] раб[от]; при Колчаке избежал расстрела благодаря побегу из тюрьмы; при б[ольшевиках] арест[овывался] 2 раза, сейчас сидит с августа [19]21 г.

Т. И в а н о в а-И р а н о в а – 36 л[ет], с.-р. с [19]01 г., член боевой орг[анизации], при ее содействии убиты нач[альник] тюрьмы Гудима и прист[ав] Радзиевский, организ[атор] убийства нач[альника] «Крестов» Иванова, уч[аствовала] в исп[олнении] акта против Максимовского; при подготовке взрыва Гос[ударственного] Совета в [19]07 г. арест[ована] и приг[оворена] к смертной казни через повешение, замененной потом бес-срочной каторгой; при б[ольшевиках] арест[овывалась] 3 раза, сейчас сидит с декабря [19]21 г.

Т. Л и х а ч – 34 л[ет], с.-р. с [19]03 г., при самод[ержавии] арест[овывался] 4 раза, сидел 2 г., был выслан 3 раза (дважды по 3 г.); при б[ольшевиках] сидит с января [19]21 г.

Т. М о р о з о в – 34 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]04 г., с.-р. с [19]05 г., уч[астник] восстания на Пресне, отбыл 7 л[ет] каторги, при б[ольшевиках] сидит с августа [19]19 г.

Т. Р а к о в – 40 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [19]02 г., с.-р. с [19]03 г., при царизме неоднократно арестовывался и был выслан; был арестован при Колчаке и лишь случайно избежал расстрела, при б[ольшевиках] сидит 3-ий год.

Т. Р а т н е р – 36 л[ет], с.-р. с [19]03 г., при царизме арест[овывалась] 9 раз, сидела ок[оло] 6 лет (в т. ч. 2 с пол[овиной] года в крепости), при б[ольшевиках] сидит с декабря [19]19 г.

Т. Т и м о ф е е в – 36 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [1]900 г., с.-р. с [19]02 г., в [19]05 г. получил 5 л[ет] кат[оржных] раб[от], перед оконч[анием] срока прибавили еще 10 за руководство из тюрьмы Ир-

кутск[ой] парт[ийной] орган[изацией]; при б[ольшевиках] сидит с мая [19]20 г.

Т. Ф е д о р о в и ч – 43 л[ет], в рев[олюционном] дв[ижении] с [18]98 г., с.-р. с [1]902 г., при самод[ержавии] арестов[ывался] пять раз, был выслан, отбыл 6 л[ет] каторги; при Колчаке был арест[ован] и избежал расстрела благодаря побегу, был председателем Иркутск[ого] Полит[ического] Центра, свергнутого Колчака, при б[ольшевиках] сидит с марта [19]21 г.

(К сожалению, в редакции, в условиях нелегального существования, не оказалось своевременно под руками точных данных об остальных т.т.: Альтовском, Берге, Злобине, Либерове, Львове, Утгофе-Дерюжинском, которые также могут насчитать в своем прошлом не один десяток лет тюрьмы и ссылки за участие в революционной борьбе против самодержавия и большевиков.)

Вот краткие, далеко не полные, сведения о революционной деятельности наших товарищей.

Вот против кого были направлены потоки клеветы и инсинуаций г.г. Крыленко и Стекловых!

Вот кого «судили» и над кем готовятся большевики учинить кровавую расправу!

П. С.-Р. ни на один миг не перестает верить, что трудящиеся массы России сумеют отличить, в тумане «коммунистической» лжи и наветов, своих истинных друзей от тех, кто под красным знаменем пролетарской революции и социализма творит черное дело измены рабочему классу.

П. С.-Р. твердо верит, что русские рабочие и трудовое крестьянство отведут Дамоклов меч, повисший над старыми социалистами и революционерами, всю свою жизнь безраздельно отдавшими на борьбу за освобождение трудового народа!

14 августа 1922 г.

Москов[ское] Бюро ПСР

– Л. 9. Типографский лист того времени, набранный в подпольной типографии Московского бюро ПСР.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 206. Экземпляр той же листовки.

№ 18-3*

Проект циркулярной телеграммы Народного комиссариата иностранных дел полномочным представителям РСФСР за границей, осуждающей поддержку антисоветской деятельности партии эсеров рядом зарубежных государств

[Не позднее 22 августа 1922 г.]

**ЦИРКУЛЯРНАЯ ТЕЛЕГРАММА НАРОДНОГО
КОМИССАРИАТА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
Полномочным представителям Р.С.Ф.С.Р. за границей
по поводу
поддержки, оказываемой капиталистическими державами
п.с.р. против Советской России.**

Советское правительство конфисковало в Париже архив тайной организации Административного Центра, так называемого внепартийного

объединения, организации которого^а на деле являлись только ширмой п.с.р. Архив этот содержит целый ряд документов, достоверность которых^б не может подлежать сомнению, ибо они являются подлинниками, свидетельствующими о том, что п.с.р. не только пользовалась^в полной поддержкой правительств Антанты^г[.] как и находящихся под ее влиянием государств[.] в ее преступной деятельности, но что п.с.р. существовала прямо на деньги иностранных капиталистических держав. Мы посылаем Вам сборник документов: «Работа эсеров за границей», к которому приобщен ряд фотографий подлинников документов, доказывающих вышесказанное, как и фотографий других не менее важных документов, обнаруженных нами в архиве Административного центра уже после издания сборника.

Вы увидите из этих документов, что центром деятельности п.с.р.[.] направленной^д на вызывание гражданской войны в Совроссии, на разложение Красной Армии, как и собирание шпионских сведений о ее состоянии, являлся в продолжении всего 1921 года Париж. Руководящие Административным центром русские граждане Керенский[.] Авксентьев находились в ближайшей связи с генеральным секретарем министерства иностранных дел господином Филиппом Бертелло, с министром[-]президентом Брианом. Они доставляли названным лицам сведения о Советской России и получали от них денежные средства для своей деятельности. Это последнее наилучшим образом^е доказывается письмом министерства иностранных дел от 29 июля 1921 года за № 652[.] фотографию^ж подлинника которого мы вам посылаем. В письме этом[.] подписанном неразборчивой фамилией, мы читаем:

«Господин Бертелло сообщает мне относительно вашей просьбы об авансе, о которой вы с ним говорили, что председатель совета министров живо сожалеет о невозможности отпуска такого крупного аванса. Самый характер голосования по французскому бюджету не позволяет предназначить для той или иной определенной цели крупных сумм без предварительного согласия на это парламента».

Такие письма пишутся только при установившихся уже определенных отношениях денежного характера. Если французское^з правительство в июле месяце отказало Авксентьеву в сумме[.] превышающий размеры диспозиционного фонда, то не подлежит сомнению, что сумма в размерах пол миллиона франков, внесенная Авксентьевым в кассу Административного центра за время от 16 февраля до 1 июня, происходит из французского диспозиционного фонда. Французское правительство предоставило Административному центру партии с.р. право посылки шифрованных телеграмм через свой дипломатический аппарат. Оно оказывало п.с.р. посильную помощь для ее шпионской деятельности в Прибалтике, как и в Константинополе. В Прибалтике помощь эту оказывал агенту Административного центра полковнику Махину французский военный уполномоченный в Риге, в Константинополе же агенту Административного центра полковнику Вороновичу – военный представитель Франции генерал Пелле. Французское правительство заключило с Административ-

^а Исправлено от руки из первоначально напечатанного который организации.

^б Исправлено от руки из первоначально напечатанного которых достоверность.

^в Исправлено от руки из первоначально напечатанного пользовался.

^г Далее забито машинкой в своей преступной деятельности, на что.

^д Исправлено от руки из первоначально напечатанного направленным.

^е Исправлено от руки из первоначально напечатанного наилучше

^ж Исправлено от руки из первоначально напечатанного фотографии.

^з Здесь и далее так в тексте.

ным центром договор о доставке кораблей для транспорта оружия[,] как и военных специалистов на случай восстания на Кавказе, подготовляемого п.с.р. на осень 1921 года.

Французское правительство[,] не ограничиваясь этой непосредственной помощью, оказываемой п.с.р. при помощи своих средств, своих агентов, влияло на чехо-словацкое правительство в том же направлении, как это явствует из письма генерального секретаря министерства иностранных дел господина Бертелло от 19 февраля 1921 года, адресованного Керенскому. Чехо-словацкое правительство не только поставило к услугам^н Административного центра весь свой дипломатический аппарат, передавая шифром телеграммы, оказывая помощь Авксентьеву и Милюкову во время их деятельности, направленной против Советской России в Вашингтоне, но как явствует из письма Зензинова, члена Ц.К. п.с.р. и заграничной делегации п.с.р.[,] к Роговскому, секретарю Административного центра[,] от 3 декабря 1921 года, Чехо-словацкое правительство в лице его премьер министра Бенеша оказывало Административному центру значительную денежную помощь.

Отчасти по собственной инициативе, отчасти под давлением Франции и Англии всяческую помощь оказывали Административному центру и его агентам Махину, Брушвиту и Чернову латвийское правительство в лице премьер[-]министра и министра иностранных дел Мееровица, как эстонское правительство в лице премьера Пипа, в лице эстонского генерального штаба, как и финляндское правительство, поставившее к услугам эсеров во время Кронштадских событий правительственные ледоколы и аэропланы. Поскольку эта помощь была недостаточна[,] "английский посол в Ревеле"^л, подозревающий эстонского премьер[-]министра, что он подкуплен Советским правительством (см. письмо Брушвита от 15 марта 1921 года)[,] оказывал давление на эстонское правительство в желаемом для Административного центра смысле. Польский посол в Константинополе, господин Иодко, помогал в осуществлении связи между агентом Административного центра полковником Вороновичем и эмиссаром контр-революционных организаций на Кавказе Нелидовым.

Все это делалось в тот самый момент, когда ряд названных выше держав, как Англия, Латвия, Эстония, Финляндия, Польша, Чехо-Словакия находились уже в договорных отношениях с Советской Россией, обязывающих их воздержаться от всякого вмешательства во внутренние дела России. Это делалось в тот самый^м момент, когда перед лицом катастрофы голода, обрушившегося на Россию, все так называемые цивилизованные^н державы заговорили о человеческой обязанности помочь голодающим миллионам русского населения. В то же время, когда эти державы созывали конференции об организации помощи России, когда их представители изливались в выражениях сочувствия не только подчиненные органы великих держав и зависимых от них стран, но ответственные руководители политики этих стран оказывали политическую, моральную и материальную помощь Административному центру в его подготовке к поднятию новой гражданской войны в России, которая усилила бы только разруху и нищету, созданную интервенцией этих держав. Лицемерие правительств так называемых цивилизованных держав[,] одной рукой показывающих голодающему населению России кусок хлеба, а другой подго-

^н Исправлено от руки из первоначально напечатанного на услуги.

^{к-л} Впечатано над строкой взамен первоначально напечатанного Административный центр.

^м Вписано от руки над строкой взамен ранее напечатанного же.

^н Исправлено от руки из ранее напечатанного цивилизованные.

товляющих гражданскую войну в России[,] требует самого энергичного протеста с Вашей стороны. Это[т] протест должен быть тем более решительным, что те же самые правительства инсценируют в своей печати неслыханную травлю против Советской России по поводу средств обороны, принимаемых ею, против вождей п.с.р., повинных в государственной измене в пользу содержавших эту партию иностранных капиталистических правительств. Не находясь в договорных отношениях с правительством французской республики, Советское правительство обращается с протестом против его действий к народным, массам Франции, доводя до их сведения о злодеяниях министерства иностранных дел Франции. Что касается Англии, Чехо-Словакии, Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, то Комиссариат Иностранных Дел поручает полномочным представителям Р.С.Ф.С.Р. обратиться к поименованным выше правительствам с выражением самого энергичного протеста против их действий, направленных на разрушение усилий Советского правительства, имеющих целью укрепление в России мира и революционного трудового порядка. Советское правительство будет наказывать ^{о-п} всех лиц, уличенных в вышеназванных действиях^п всей строгостью законов. Ответственность за кровь, которую придется пролить в борьбе против лиц и партий, пытающихся втянуть Россию снова в омут гражданской войны, Советское правительство впредь^р возлагает на правительства, поддерживающие работу этих партий и организаций. Эта ответственность ляжет на названные правительства тем более тяжким бременем, что широчайшие массы их стран поймут, что охарактеризованная выше деятельность является помехой в установлении мирных отношений России с Западом, без которых никакое хозяйственное возрождение Европы невозможно.

Москва, 25 августа 1922 г.

Народный Комиссариат Иностранных Дел.

– Л. 3–7. Машинописный экземпляр того времени, изготовленный секретарем К.Б. Радека для членов Политбюро. На л. 3 рукописные пометы: «Просьба тов. Радека: размножить и разослать членам Политбюро. Секретарь Житейко. 22.8.22»; «Копия в Политбюро»; «Копии посланы т. т. Троцкому, Каменеву, Сталину». Вверху штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой поступления документа «23/VIII-1922 г.». На л. 7 штамп Секретного архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 28–31. Заверенная машинописная копия, сделанная 9 сентября 1958 г. В правом верхнем углу л. 28 штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро с ошибочной датировкой заверителя: «29.VIII.22».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 131–135. Машинописная незаверенная копия, предназначенная для Л.Б. Каменева.

№ 18-4

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о проекте циркулярной телеграммы Наркомата иностранных дел о поддержке антисоветской деятельности партии эсеров рядом зарубежных государств. Из протокола заседания Политбюро № 23, п. 3

^{о-п} Исправлено от руки из первоначально напечатанного все лица, уличенные в действиях вышеназванных.

^р Исправлено от руки из первоначально напечатанного вперед.

от 24 августа 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

3. Проект циркулярной телеграммы НКВД по поводу поддержки, оказываемой капиталистическими державами п. с.-р. против Советской России.

(т. Радек).

(пр[отокол] П[олит]/Бюро № 22, п. 7).

Проект телеграммы утвердить, поручив окончательную редакцию т.т. Радеку и Преображенскому.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

– Л. 1. Машинописная копия выписки из протокола позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 292. Л. 4. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на бланке постановлений Политбюро. Справа внизу запись о рассылке («т. Радеку, Преображенскому») и рассылочный номер («10581/с»). Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Каменев, Троцкий, Сталин, Калинин (кандидат), Рыков, Томский. Члены ЦК тт. Радек, Рудзутак, Куйбышев».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1402. Л. 1. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 27. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

№ 18-5

Информационное сообщение газеты «Голос России» о гибели в тюрьме члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева

6 сентября 1922 г.

ТРАГИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ Е.М. ТИМОФЕЕВА.

Гельсингфорс, 6.9 (Соб[ственный] кор[респондент])

В субботу 2-го сентября к вечеру среди московских рабочих распространился упорный слух о самоубийстве находящегося в Лубянской тюрьме осужденного к расстрелу члена Ц.К. ПСР. Тимофеева. В воскресенье 3-го сентября о смерти Тимофеева открыто говорили во всех общественных местах и ожидали подтверждения слуха в понедельник, предполагая, что московские власти не замедлят официально известить о том население. Вечером того же дня в рабочих кварталах определенно говорили: «Советская власть сразу не объявит о смерти Тимофеева. Необходимо добиться правды через профсоюзы». В понедельник представитель политического красного креста имел свидание с Цюрюпой^а, который заявил следующее:

– Мне пока о самоубийстве Тимофеева ничего неизвестно, т.к. я не имею о том официальных сведений от наркомюста и наркомвнутдела.

На просьбу навести справки Цюрюпа выразил согласие и обещал известить просителя.

Основанием к усиленно распространяемым слухам о смерти Тимофеева послужили сведения о следующих установленных фактах: – Постоянное – грубое – издевательство над осужденными, как во время процесса, так и после него со стороны низших агентов госполитуправ-

^а Так в документе, здесь и далее следует Цюрюпа.

ления и тюремной администрации, новый тюремный режим по рецепту Уншлихта, когда осужденных подвергают ежедневно личному обыску, сопровождающемуся грубыми насмешками и издевательствами, лишение свидания с родственниками, отмена передачи пищевых продуктов, запрещение двадцатиминутной прогулки на свежем воздухе, ночные проверки при смене караула, когда вновь открываются камеры и чекисты требуют от спящих осужденных встать с койки и производят поверхностный обыск в камере.

25 августа Тимофеев от имени всех осужденных обратился к начальнику тюрьмы с просьбой о смягчении некоторых формальностей нового устава Уншлихта. Последний, не выслушав Тимофеева, грубо его оборвал и заявил:

... При следующей жалобе пойдешь в Карцер!

27-го августа с Тимофеевым был нервный припадок и дежурный помощник коменданта, войдя в камеру Тимофеева, приказал караулу:

... Если он будет продолжать дурачиться, надеть на него смирительную рубашку и отправить в карцер!

28-го августа Тимофеев был переведен в отдельную камеру, только что отремонтированную, и, как настойчиво говорят в Москве, повесился на вентиляционной отдушине.

– Л. 17. Подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 1053 от 8 сентября 1922 г. В газете текст сообщения набран полужирным шрифтом.

№ 18-6

Передовица «Борьба – смертью» газеты «Голос России» (Берлин) с сообщением о смерти в тюрьме члена ЦК ЦСР Е.М. Тимофеева

8 сентября 1922 г.

БОРЬБА – СМЕРТЬЮ

Берлин, 8 сентября

Два дня мы уже имели из частного источника эту весть – и не решились опубликовать ее. Не хотелось верить. Еще жила надежда – может быть, известие и не подтвердится...

Оно подтвердилось телеграммой агентства Рейтера. Евгения Тимофеева, делившего с Гоцем на московском процессе лидерство группы обвиняемых социалистов-революционеров, человека исключительного хладнокровия, выдержанности и силы воли, нет более среди живущих.

Это – не самоубийство. Это – самораспятие за других.

Особая страна – Россия. В ней нет свободы политической трибуны. Чтобы говорить по всей стране, наши товарищи должны были завоевать себе политическую трибуну особого рода: трибуну смерти. Этой трибуной смерти явилось^a скамья подсудимых Верховного Революционного Трибунала.

^a Так в документе.

Трибунал, в который – как в пещеру хищного зверя – ведет много следов, но из которой «обратных следов» почти не видно.

В России нет права взывать ко всей стране, ко всему миру с громовым протестом против постыдного и неправого приговора. Нет права кассации и апелляции. Есть только с бою захватываемое право – протеста самоубийством. Кассации смертью.

Большевицкая Россия и здесь, как и во многих других отношениях, равна России царской.

Около десяти лет тому назад, когда эпидемия свирепаго безумия неслась над пленниками царских тюрем, Егор Сазонов, избавивший Россию от деспота-временщика – В. фон-Плеве, написал в своей одиночной камере роковые слова:

«Товарищи! Сегодня ночью я попробую покончить с собой. Если чью[-]нибудь смерть и может приостановить дальнейшая жертвы, то прежде всего м о я. А потому я д о л ж е н умереть. Чувствую это всем сердцем. Прошу и умоляю товарищей не подражать мне, не искать слишком быстрой смерти! Если бы не маленькая надежда, что м о я смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы ждать и бороться с вами, товарищи! Но ожидать лишний день – это значит, может быть, увидеть новых жертвы. Сердечный привет, друзья, и спокойной ночи!

Егор[»].

Остановить своею одинокою смертью моральные и физические истязания множества⁶ пленников самодержавия – замыслил тогда Сазонов. – И безтрепетной рукой привел свой роковой замысел в исполнение. Цели своей он отчасти добился¹⁰.

Перед трагедией этого жертвенного подвига в смущении отпрянули даже заматерелые палачи старого деспотического режима.

Тогда в рядах каторжан, ради которых был предпринят этот подвиг, был и Евгений Тимофеев. Его друзьям, делившим его участь, памятно, как глубоко пережила вся эсеровская каторга роковую весть. В глубоко прочувствованных, переворачивающих всю душу разговорах и переписке о смысле акта Сазонова принимал участие и Тимофеев. Он особенно глубоко перестрадал его предсмертную моральную трагедию, – понял, оценил и – ужаснувшись ей, оправдал ее. В протесте смертью, в попытке бросить свой труп поперек дороги палачам, чтоб остановить их на пути, для Тимофеева была в ы с ш а я п р а в д а.

Он так говорил и писал, ибо чувствовал, что на месте Сазонова сам поступил бы точно так же.

И теперь так и поступил...

* * *

Все понимают, как ужасно состояние приговоренного к смерти. Все понимают, как ужасно считать минуты, остающиеся до конца. Все понимают, что еще ужаснее – не знать, когда поведут на казнь, и ждать прихода палачей ежеминутно. Все могут себе поэтому легко представить, что значит оказаться в положении пожизненных смертников.

Человеческое достоинство естественно протестует против издевательства, заключающегося в том, что человеку набрасывают на шею петлю, и затем велят ее носить, сообщая, что подождут ее затягивать вплоть до каких[-]то событий, которые могут каждый день наступить на воле.

⁶ Исправлено взамен напечатанного множество.

И до нас уже доходили темные слухи о том, что все заключенные или часть их ультимативно требуют от большевиков или отмены приговора, или немедленного выполнения его над ними.

Но это издевательство и эта пытка страхом смерти была ничто для людей, не боящихся смерти и привыкших смотреть ей прямо в глаза по сравнению с той, другой пыткой... Невыносимо было сознание, что тобою, твоей головой гнусно шантажируют партию, в которой воплощены все твои заветнейшие чаяния и устремления. Что угрозой покончить с дорогими для партии жизнями ее вождей хотят связать ее по рукам и ногам, парализовать ее волю, сделать ее невольницей страха за томящихся в застенке. Вот та, самая страшная мысль, которая не может не нашептывать пленнику на ухо роковой совет: освободи партию от страха за тебя, своим самоубийством разорви путы, которые на нее хотят накинуть, не будь невольным тяжким грузом, тянущим ее на дно... Есть еще один выход – открыть для партии свободную дорогу, устлав ее своими трупами!

И в тот момент, когда заключенные приходили к мысли о смертельной голодовке, как последнем средстве, остающемся для того, чтобы стряхнуть с себя предательски навязанную роль живых оков, лишаящих партию свободы действий, – Евгений Тимофеев ушел из жизни. Не ясно ли, какая слова сказал он себе перед концом? Те самые роковые слова, которые когда-то сказал себе Сазонов.

«Если чья[-]нибудь смерть может еще приостановить дальнейшие жертвы, то прежде всего моя»...

Эти слова горели, жгли ему грудь, указывали не новую для его мысли дорогу...

Вместе с Егором Сазоновым мог бы Евгений Тимофеев сказать:

«Если бы не маленькая надежда, что моя смерть может уменьшить цену, требуемую Молохом, то я непременно остался бы жить и бороться с вами»...

Мы знали и знаем Тимофеева. Мы знаем, как он был чужд малодушного страха смерти – а только малодушный ищет в смерти убежища от страха смерти. Мы знаем, как он был тверд – и как вынослив. Мы знаем, что он никогда не отчаивался, никогда не терял ни бодрости, ни яркого оптимизма, ни веры в будущее, ни вкуса к жизни.

Он мог бы написать то же, что писал Сазонов близкому человеку в момент, когда у него уже созрела мысль вольной отдачи своей жизни за других, самоубийства – самораспятия:

«А как хочется жить – скажу те слова, которые звучат отвратительно. В сердце горит великая надежда; кажется с каждым днем все больше, все преданнее любишь дело – хочется жить во имя своей горячей веры в недалекий разсвет; годы начинают терять свое значение перед лицом веры; пасть от безвременья, не дотерпеть, не пережить – мне начинает казаться оскорбительным для меня, недостойным!»

Он умирал, как умирал когда-то с его молчаливого одобрения Сазонов, и только одно мучило его при мысли о своем конце: что принесет он? «Остановит ли занесенную руку? Привлечет ли внимание воли? Еще недавно я по чистой совести говорил: может быть, да. Теперь же... Одним я себя утешаю: о нашем положении, о наших “проклятых вопросах” общено на волю. Если погибнем, пусть хоть не делают жалких гримас!»

История повторяется. И от этих повторений кровь стынет в жилах.

Когда, после произнесения московского приговора, мы напрягали свой голос, мучительно чувствуя, что все средства истощены, что, быть может, энергия мирового протеста уже изсякла и никакими средствами не вызвать ее подъема вновь, – перед нашими мыслями все время стояло gry-

зущее опасение именно того финала, который начался актом самораспятия Тимофеева.

Мы не боялись ни за твердость, ни за самообладание, ни за гордое чувство собственного достоинства, ни за мужество приговоренных товарищей. Мы боялись одного: как бы они, признав в себе невольную помеху свободы действий партии социалистов-революционеров, не замыслили убрать эту помеху – убрав самих себя из жизни.

Мы боялись с их стороны жертвенного жеста – указания партии свободного пути по их трупам!

Мы боялись гордой силы их духа, которая могла замыслить таким ужасным путем – разрушить все замыслы и надежды палачей, лишить их живого залога, прекратить всякую возможность шантажировать их головами партию.

Вот почему мы, не боясь показаться навязчивыми, снова и снова апеллировали к мировой совести, к социалистам, к рабочему классу всех стран. Может быть, мы все же виноваты, что не вопияли достаточно сильно.

За то теперь своим жертвенным самоубийством вопиет еще недавно живой, всегда жизнерадостный и бодрый Евгений Тимофеев.

Или и этот протест смертью будет недостаточен? Или всему миру суждено с содроганьем увидеть, как все осужденные один за другим превратят себя из заложников – в морально свободных людей, прибегнув к последней освободительнице – Смерти! Или, кроме ея цепких когтей, никто и ничто не может вырвать заложников у палачей большевизма?

Мы не хотим, не можем этому верить. И мы в последний раз обращаемся к мировой совести, ко всему цивилизованному миру, ко всем силам мирового социализма с последним предостережением и призывом: попытайтесь, пока не поздно, чем[-]нибудь остановить начавшуюся роковую развязку!

– Л. 17. Подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 1053 от 8 сентября 1922 г.

№ 18-7

Коллективное письмо осужденных на процессе членов ЦК ПСР из тюрьмы соратникам по партии, опубликованное в газете «Голос России»

[Не позднее 8 сентября 1922 г.]

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ПОЖИЗНЕННЫХ СМЕРТНИКОВ

Публикуемый документ есть коллективное письмо из тюрьмы, написанное ныне осужденными по Московскому процессу членами Центрального Комитета Партии социалистов-революционеров. Оно адресовано большевистскими пленниками своим заместителям, избран[ным] на съезде X-го Совета Партии Соц[иалистов]-рев[олюционеров]¹¹. В свое время этот документ, составляющий в полном смысле слова п о л и т и ч е с к о е з а в е щ а н и е людей, которых арест снял с боевого поста, не раз воспроизводился в России «кустарными способами печатания» и был разослан по всем партийным организациям. Наконец, он был напечатан за границей[,] но все напечатанное было транспорти[ро]вано в Россию. Таким образом, за границей этот документ остался почти неизвестным. Теперь, когда дело московских «вечных смертников» вступило в свою за-

ключительную фазу, мы считаем необходимым ознакомить наших читателей с их прощальным *credo*, обращенным к товарищам на воле.

Дорогие Товарищи!

С радостью мы узнали о благополучном исходе X-го Совета Партии.

Эта огромная и моральная и политическая победа нашей партии, свидетельствующая с несомненностью, что все жестокие гонения и преследования, обрушивавшиеся за последнее время на партию Социалистов-Революционеров[,] бессильны были сломить ее моральный дух и потушить ее революционный энтузиазм. Загнанная в подполье, сметенная с открытой арены политической борьбы, изгнанная из всех легальных организаций^а, преследуемая властью с неслыханной жестокостью, распинаемая и затушаемая клеветой и растленной ложью, партия Социалистов-Революционеров, ни на минуту не выпускала из своих рук старого славного знамени, не покидала своего революционного поста, стойко боролась в первых рядах рабочего класса и в дни революционных бурь и в дни времен[н]аго затишья во имя революционного социализма и демократии. К каким только грязным приемам, недостойным методам, безчестным средствам не прибегала власть в своей борьбе с Партией Социалистов-Революционеров. От клеветы до провокации все было мобилизовано и брошено на этот фронт большевистской властью. И не только недругам, но и малодушным друзьям порой казалось, что партия не справится с бурей преследований, не устоит по[д] ударами[,] обрушившим[и]ся на нее и падет[,] раздавлен[н]ая тяжестью гонений, истекающая кровью, разорванная в клочки, распыленная.

X-й Совет [–] лучший и красноречивый ответ и недругам и малодушным друзьям. Самый факт созыва многочислен[н]аго Совета в момент разгара большевистского террора в пределах Советской России непреложное свидетельство глубокой жизни нашей партии. На разгром Центрального Комитета Партия ответила не растерянностью и паникой, а еще более тесным сплоченным^б поредевш[их] рядов и новой мобилизацией работников среди пролетариата и трудового крестьянства.

Большевистскому правительству несмотря на все ухищрения не удалось оторвать партию от широких трудящихся масс и, поскольку эта живая связь сохранилась, никакие преследования не в силах сломить партию Социалистов-Революционеров. И мы, пленные члены Центрального Комитета, с радостью приветствуем Вас, членов нового Центрального Бюро, избранных X-м Советом, как своих заместителей и преемников. Без морального порыва и революционного энтузиазма в бурную эпоху ломки старых обветшалых форм и созидания новых форм общественности никакой партии не дано ничего совершить.

Но это мало. Сложная международная обстановка, мучительное запутанное положение внутри страны, переживающей в настоящий момент небывалый кризис, катастрофическое состояние народнохозяйственной жизни – все это требует от ответственных руководителей партии не только сугубой выдержанности и осторожности при решении основных тактических проблем, властно выдвинутых ходом борьбы, но и полной ясности и отчетливости при формулировании своих руководящих указаний.

Никаких недомолвок, никаких недоговоренностей, неточностей не должно быть допущено. В настоящий критический момент ясность нужна больше, чем когда бы то ни было.

^а Исправлено взамен напечатанного организацией.

^б Так в документе, следует сплочением.

* * *

Переживаемый нами этап революции мы можем вкратце характеризовать, как период ликвидации примитивно-утопической эпохи в жизни большевизма. Экономическая политика большевиков, построенная на огульной, безудержной национализации всех предприятий и передачи их в руки бюрократических главков и центров, потерпела полное крушение. Полный развал крупной индустрии, паралич транспорта, катастрофическое состояние добычи угля, нефти, железной руды, хлопка, полное разорение и безмерно глубокое истощение сил крестьянского хозяйства – таковы ближайшие результаты этой политики. Но и политическая система большевизма, построенная на диктатуре Цен[трального] Ком[итета] Коммунистической Партии, на узурпации ею властей рабоче-крестьянских масс, на превращении совет[ов] в бюрократические учреждения, на беспощ[адном] подавлении самостоятельности трудящихся, – обанкротилась совершенно. Четыре года Коммунистическая Партия, обладая всей полнотой власти, безконтрольно распоряжалась судьбами страны и революции. Ныне голод – это новое стихийное бедствие, поразившее страну – костлявой рукой подвел жуткие итоги их хозяйничанию в области экономической и их господству в области государствен[н]о-политической.

Лежащая в развалинах страна, истекающая кровью революция, до тла разрушенное народное хозяйство, разоренное системой конфискации, реквизиции, разверсток, крестьянство, обреченное на муки голодной смерти, на всем Юго-Востоке России, распыленный пролетариат, бегущий из городов, – таковы эти итоги.

Дальше в этом направлении идти было некуда, – впереди уже зияла пропасть, грозившая проглотить и большевизм и революцию и бросить страну в объятия полной анархии и хаоса. И это сознание неминуемо надвигающейся катастрофы в случае упорствования на старых путях, по[д]стегиваемое непрерывными вестями о все ширящемся недовольстве, стихийно прорывавшемся в ряде выступлений пролетариата в городах, и вспышек возстания крестьянства в деревнях, на ряду с признанием ошибочности оптимистических прогнозов о близкой помощи мировой революции, – заставили, наконец, большевистскую власть круто изменить курс своей экономической политики.

* * *

Два пути открывались перед большевистской властью, две возможности лежали перед ней. Она должна была либо[,] круто порвав со старыми методами диктаторского господства и со старыми приемами безконтрольного, монополюльно-партийного управления, вернуться к демократии[,] протянуть руку всем социалистическим партиям, чтобы общими усилиями, опираясь на раскрепощенную самостоятельность самих трудящихся масс, спасти от крушения все то, что можно еще спасти свободным героическим напряжением воли трудящихся из достижений революций.

Либо она должна была пойти на капитуляцию перед иностранным и отечественным капиталом, пойти[,] посыпав голову пеплом и с веревкой на шее[,] в капиталистическую Каноссу. На первый путь звали большевистскую власть и гром кронштадтских пушек, и безчисленные голоса петроградских и московских пролетариев, и та наиболее сознательная часть трудового крестьянства, которая, разочаровавшись в партизанщине и повстанчестве, жадно искала выхода из мучительного тупика, и социалистические партии, лишь чутко отражавшая настроение рабочего класса.

Но коммунистическая партия, охваченная одной только мыслью удержания власти в своих руках во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой, соглашению с социалистической демократией и примирению с рабочим классом предпочла путь капитуляции перед отечествен[н]ым и иностранным капиталом, путь соглашения с международной и своей – новой и старой буржуазией.

В этом весь смысл^в столь пышно возведенной Лениным «новой экономической политики» большевизма, рекламируемой растленными перьями продажных казенных публицистов как мудрый «стратегический маневр», как «глубокий обход с тыла», как «хитро задуманное обходное движение, которое должно нас через расцвет мелкой промышленн[ости], торговли, кредита, банков, через реставрацию X-го тома Свода Законов и восстановление прав частной собственности, через укрепление основ буржуазного строя привести к коммунизму.

Но большевистская власть, восстанавливая одной рукой хозяйственные отношения буржуазного строя, а другой – удушая со все большим ожесточением самодеятельность и выявление воли трудовой демократии, готовит себе в наследники буржуазную реакцию.

Примирится ли с этим социалистическая демократия. Отречется ли она от тех прав, которые были у нея похищены путем насилия и обмана большевистской властью, и которые готовится унаследовать буржуазная реакция.

В исторический, решительный момент рабочий класс не может остаться сторонним зрителем. Трудовая демократия должна собирать и готовить свои силы. Путь для этого в борьбе за демократические гарантии и свободы; за свободно переизбранные Советы, как инстанцию для решения спора нашего и народовластия, за свободную кооперацию; за раскрепощение промышленности, при социализации только наиболее жизненно важных для всего народного хозяйства отраслей ея и при установлении для остальных государственно-общественного контроля, обеспечивающего здоровое развитие производительных сил страны и гарантирующего защиту интересов рабочего класса; за продналог, проводимый не продотрядами и комячейк[ами], а свободно избранными органами народного самоуправления; за свободные и независимые профессиональные союзы; за урегулирование земельных отношений планомерным проведением в жизнь принципов социализации земли в формах, содействующих развитию и укреплению трудового крестьянского земледелия; за все повседневные нужды широких трудящихся масс.

* * *

Нашей программой определяется и наше отношение к новому экономическому курсу большевистской власти. Тем не менее X-й Совет Партии в своей резолюции совершенно правильно расценил этот «новый курс» как шаг вперед, как некоторый сдвиг с той мертвой точки разложения и гниения, в котором перманентно обреталось наше народное хозяйство в результате всех большевистских экспериментов. Это *не наш* путь, но все же это разрыв со старой, губившей страну, экономической политикой, приоткрывающей хоть некоторую возможность для развития производительных сил, – правда, сплошь и рядом в формах уродливых, примитивных и хищнических. И большевизм, со свойственной ему прямолинейностью, раз вступив на этот путь, неудержимо катится по нему, подхваченный, как утлый челн[,] окружающей его мелко буржуазной стихии-

^в Исправлено взамен напечатанного смысле.

ей. Каждый день приносит все новые решительные свидетельства тому. Концессии, аренды, тресты, свобода торговли, переговоры со старыми русскими капиталистами, зазывание иностранного капитала и т.д. и т.д. — Все это лишь отдельные вехи, отмечающие стремительный бег большевистской законодательной колесницы. Современный большевизм стал отныне — *математической точкой приложения всех мелко и крупно буржуазных сил*, работающих над реставрацией капиталистических отношений. Быть может и помимо своей воли и желания большевизм в хозяйственной области является лишь орудием мелко-буржуазной стихии, неудержимо заполняющей все пустоты, образовавшиеся в народно-хозяйственном организме после развала старой крупной промышленности и крушения всех попыток бюрократическим путем возродить ее. Вечно стоящий на избранном им пути перед дилеммой: или катастрофическое крушение своей власти, или непрерывные уступки домогательствам и притязаниям иностранного и отечественного капитала — большевизм с каждым шагом все глубже увязает [в] засасывающей мелко-буржуазной стихии, попадает во все большую зависимость от капитала, обрастает новыми традициями и путями, порвать которые он уже не в состоянии. И это пленение большевизма новыми деловыми и делеческими^Г элементами, вырастающими на почве воскресающих буржуазно-капиталистических отношений, привело к новой фазе революции, которую мы с полным историческим правом можем назвать *большевистским термидором*. Большевистская власть и коммунистическая партия были сильны лишь до тех пор, пока в стране господствовал суровый режим осажденной крепости, отбивавшейся от соединенного натиска империалистических правительств Запада и финансируемых ими белых армий. Но с момента прорыва железного кольца блокады, душившего страну, и заменой ее эластической повязкой капиталистического окружения западных государств, плотно охватившей Россию со всех сторон, с момента ликвидации белогвардейских движений и союзных интервенций, насильственно толкавших трудящихся в объятия большевистской власти, — твердыни большевистского господства, успешно сопротивлявшиеся раньше внешнему нападению, начинают разлагаться под натиском окружающей их мелко-буржуазной стихии.

«Новый курс экономической политики[»], навязанный жизнью большевистскому правительству, медленно[,] но неуклонно, постепенно, но глубоко, размывает основные устои, на которых покоилось господство коммунистической партии.

Охваченная двойным окружением: внешним — крупным капиталом Запада и Америки, и внутренним — отечественного мелкого капитала, — большевистская система неудержимо трансформируется, перерождается в направлении буржуазного термидора.

Этот сложный молекулярный процесс разложения старых классовых сил и нарождения, формирования в недрах нового общественного строя, новых социальных образований, не мог пройти, конечно, безследно для правящей партии. Явления распада и гнилого разложения — с одной стороны, а с другой — внутренняя противоречия, которыми так богата современная действительность, захватили и коммунистическую партию, некогда столь спаянную и монументную, и внесли^Д в нее элементы развала, идейного разброда, распыления. Из организации, когда-то охваченной единым настроением, она превращается все больше в арену столкновения различных течений[,] внутренне обезсиляющих друг друга.

^Г Так в документе.

^Д Исправлено взамен напечатанного внести.

Таковы очерченные в беглых штрихах намечающиеся тенденции переживаемого момента, новые социальные группировки, выступающие на политическую арену (иностранной и отечественной капиталы) и внутреннее состояние правящей партии[,] являющейся еще и по настоящий момент решающим фактором нашей внутренней жизни.

В этих условиях X совет совершенно правильно заявляет в своей основной резолюции, что главным центральным заданием, властно выдвинутым развитием событий последнего времени, является преодоление диктатуры правящей партии, политическая борьба с самодержавием цент[рального] Ком[итета] Коммунистической партии. В этом основная сущность, жизненный нерв, главное содержание переживаемого момента.

Но в силу этого этот пункт нашей платформы требует сугубо отчетливой формулировки. Партия социалистов-революционеров в прошлом – в лице своего Цент[рального] Комитета неоднократно уже заявляла^е, что хотя ликвидация большевистской диктатуры и является основной целью всех политических устремлений партии, но далеко не всякую ликвидацию она будет приветствовать, и не всякую борьбу против нея она будет поддерживать. Отметая самым решительным образом идею коалиции с буржуазными группировками, Цент[ральный] Ком[итет] тем самым определенно подчеркивал, что для него приемлема^ж ликвидация большевистской диктатуры, только во имя демократии и только силами пролетариата и трудового крестьянства.

Разсеивая иллюзию о возможности мирного демократического перерождения большевистской диктатуры, партия соц[иалистов]-рев[олюционеров] должна особенно фиксировать внимание масс на опасности готовящейся^з сменой большевиков^и реакции и на необходимость для пролетариата и трудового крестьянства в решительную минуту не только утвердить на место большевистской диктатуры народовластие, но и защитить последнее против всяких посягательств реакции.

Именно поэтому Цент[ральный] Ком[итет] неустанно подчеркивал, что в своей непримиримой борьбе с большевистской диктатурой, он считает возможным звать трудящиеся классы только на те пути борьбы, которые, быть может, и не сулят решительных успехов, но зато в самом процессе борьбы способствуют сплочению, организационному объединению, идейной консолидации рабочего класса. Исходя из этой точки зрения, Цент[ральный] Ком[итет] постоянно отвергал методы партизанщины и повстанчества, как распыляющие единство трудящихся, расточающие бесплодно народные силы, рассеивающие революционную энергию рабочего класса в ряде разрозненных вспышек, внутренне обезсиливающих его.

Мы не сомневаемся, что совет разделял главные черты очерченной выше политики. В этом нас убеждают и те пункты в резолюциях Совета, где он решительно осуждает подмену классово-революционной социалистической политики трудящихся масс как политиканством отдельных зарубежных групп, пытающихся вновь, вопреки ясно выраженной воли партии, увлечь ее на путь бесплодных соглашений с буржуазными элементами, лишь тормозящих ее работу среди рабочего класса России, так и авантюризмом отдельных оторвавшихся от основного ствола партии ячеек, на свой страх и риск примыкающих к разрозненным повстанческим...^к.

^е Исправлено взамен напечатанного заявляло.

^ж Исправлено взамен напечатанного приемлемо.

^{з-и} Так в документе.

^к Окончание письма на следующей странице газеты, отсутствующей в данном деле.

– Л. 17 об. Подлинный экземпляр газеты «Голос России» (Берлин) № 1053 от 8 сентября 1922 г. Датировано по времени публикации.

№ 18-8

Телеграмма из Берлина от представителей Заграничной делегации партии эсеров и газеты «Голос России» в ЦК РКП(б), СНК и Коминтери с требованием дать официальный ответ о судьбе члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева, осужденного по процессу

8 сентября 1922 г.

МОСКВА ЦК РКП
СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ
ВЦИК КОМИНТЕРН МОСКВА

Общественная совесть требует официального ответа на вопросы: верно ли что Евгений Тимофеев вынужден был самоубийством избавиться от роли заложника за партию. Где остальные приговоренные пропавшие без вести со времени вынесения приговора, не поставлены ли они в условия продиктовавшие Тимофееву его роковое решение. Что сделали вы в ответ на объявленную ему (?)^а голодовку с требованием или отмены утвержденного приговора или немедленного приведения его в исполнение. Ваше молчание будет равносильно боязни признать совершившееся перед общественным мнением всего мира. Заграничная делегация партии социалистов революционеров «ГОЛПРОСЛ[АГ]» (Голос России?)^б Фридрихштрассе 204.

– Л. 12–13. Рукописный экземпляр того времени, перевода с латинского шрифта на русский. На л. 13. рукописная помета: «Эсеры». Здесь же штамп Бюро Секретариата ЦК с входящим номером и рукописной датой поступления документа «20/IX-1922 г.».

– Л. 14. Машинописный подлинник на бланке московского телеграфа. На бланке телеграммы штамп Бюро Секретариата ЦК с входящим номером и рукописной датой поступления документа «11/IX-1922 г.».

№ 18-9

Записка зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в ЦК РКП(б) И.В. Сталину с предложением опубликования в прессе текста сообщения с опровержением слухов о смерти осужденного по процессу члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева

13 сентября 1922 г.

Совершенно секретно.
Срочно.

В ЦК РКП
ТОВ. С Т А Л И Н У

^а Слово подчеркнуто и поставлен знак (?) в документе.

^б В документе попытка перевести телеграфный адрес газеты «Голос России» в Берлине.

Прилагая при сем текст сообщения по поводу слухов о смерти Тимофеева, ГПУ просит Вашего заключения о своевременности опубликования его в прессе. Со своей стороны ГПУ полагало бы полезным не ограничиваться кратким сообщением и предложить газетам осветить вопрос более в обширных статьях^а.

ЗАМПРЕД ГПУ

Уншлихт

– Л. 15. Машинописный подлинник на бланке ГПУ, подпись – автограф. На листе сверху слева рукописная помета: «Арх[ив] ПБ».

№ 18-10

Текст сообщения ГПУ по поводу распространяемых за рубежом слухов о смерти в тюрьме члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева.

13 сентября 1922 г.

О ЧЕРЕДНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

Эсеровская берлинская газета «Голос России» напечатала провокационное сообщение о самоубийстве одного из осужденных по процессу правых эсеров Е.М. Тимофеева. Сообщение это является очередной провокацией находящихся вне пределов досягаемости деятелей окончательно разложившейся партии.

Сообщаем, что по точным сведениям осужденные эсеры пребывают в заключении в одной из Московских тюрем, никакой голодовки, о которой сообщает «Голос России» не объявляли^а.

Заграничная делегация ПСР имела наглость обратиться с запросом по поводу слуха, ею же самой пущенного, к высшим Советским и партийным органам. В этом можно усмотреть лишь организованное проведение детально обдуманной кампании обмана рабочих масс Запада, которые информируются всякого рода ложными и провокационными сообщениями, фабрикуемыми заграничной делегацией ПСР^б.

– Л. 16. Машинописный подлинник с рукописной карандашной правкой, предположительно рукой И.В. Сталина. Вверху текста рукописные пометы: «отпечатать», а также «опубликовать [через] Курского(?) 13/IX в 17 ч. 10 м.».

№ 18-11

Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта И.В. Сталину о нецелесообразности посещения осужденных эсеров представителями Президиума ВЦИК

21 ноября 1922 г.

С. секретно

^а Далее рукой И.С. Уншлихта вычеркнут абзац Прилагается также на ваше усмотрение текст сообщения по поводу ареста Гнилорыбова.

^а Далее карандашом вычеркнуто окончание фразы и все здоровы, в том числе и заключенный Тимофеев.

^б Далее карандашом вычеркнут абзац В ближайшее время нами будут сообщены в печати новые данные, подтверждающие контр-революционный и авантюристический характер работы заграничной делегации ПСР.

ЛИЧНО

В ПОЛИТБЮРО ЦК РКП
Т О В . С Т А Л И Н У .

На заседании Президиума ВЦИК от 20 с/м. решено было поручить членам Президиума т.т. СМИРНОВУ и КУРСКОМУ, в связи с жалобами родственников Цекистов С-р на суровые условия их содержания под стражей, посетить внутреннюю тюрьму ГПУ.

Много усилий и трудов стоило нам переломить с-р и создать условия, гарантирующие их изоляцию и устанавливающие твердый режим.

Посещение тюрьмы представителями ВЦИК поколеблет создавшееся равновесие и вызовет со стороны заключенных ряд невыполнимых требований, что повлечет за собой серьезные осложнения.

Исходя из вышеизложенного, а также из того, что вся ответственность за охрану с-ров возложена на ГПУ, считаю несвоевременным посещение с-ров представителями ВЦИК и прошу соответствующих распоряжений.^а

С коммунистическим приветом

Уншлихт.

– Л. 19. Машинописный подлинник на бланке ГПУ, подпись – автограф. Вверху справа рукописная делопроизводственная помета с входящим номером ЦК РКП(б).

№ 18-12

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
об условиях содержания в заключении осужденных
по процессу членов партии эсеров.
Из протокола заседания Политбюро № 37, п. 13**

от 23 ноября 1922 г.

Сов[ершенно] Секретно

СЛУШАЛИ:

13. Заявление т. Уншлихта.

ПОСТАНОВИЛИ:

13. Поручить т. Уншлихту лично посетить эсеров в тюрьме и доложить о положении их т. Калинин.

Осмотр других помещений в тюрьме предоставить т. Калинин по его желанию.

Секретарь Цека

– Л. 18. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 23 ноября 1922 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Т.т. УНШЛИХТУ, КАЛИНИНУ».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 306. Л. 19. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на листе линованной бумаги. Слева внизу запись о рассылке («т. Уншлихту, Калинин») и отсылка на рассылочный номер («№ 18431/с»). Л. 2. «Присутствовали: Зиновьев, Каменев, Калинин,

^а Подчеркнуто в тексте предположительно рукой И.В. Сталина.

Ленин, Молотов, Сталин, Троцкий, Сокольников, Шкирятов».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1416. Л. 13. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина.

№ 18-13

Заявление члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева в Президиум ВЦИК (с сопроводительной запиской, адресованной И.С. Уншлихту) с требованием о приведении в исполнение смертного приговора в отношении него

24 января 1923 г.

Председателю коллегии ГПУ гр. Уншлихту.

Поскольку я нахожусь в распоряжении Вами возглавляемого учреждения, я считаю необходимым поставить Вас в известность, что сегодня мною подано в Президиум В.Ц.И.К. заявление следующего содержания:

«В Президиум В.Ц.И.К.

В силу полной невозможности существования в условиях, в которых я нахожусь вот уже почти полгода, я вынужден обратиться с ходатайством о приведении в исполнение в части, касающейся меня,^а приговора Верховного Трибунала от 7 августа 1922 г., – приговора, Президиумом В.Ц.И.К. утвержденного. В поддержку указанного ходатайства я считаю нужным начать с утра 25-го сего января голодовку».

член Ц.К. П.С.Р.

Е. Тимофеев

24 января 1923 г.

Внутренняя тюрьма Г.П.У.

– Л. 21. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

– Л. 22. Рукописный подлинник заявления Е.М. Тимофеева в Президиум ВЦИК.

№ 18-14

Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихту о подаче им в Президиум ВЦИК заявления с рядом выдвинутых в нем требований

24 января 1923 г.

Председателю коллегии Г.П.У. гр. Уншлихту

Так как мы числимся за возглавляемым Вами учреждением[,] то считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

Мной подается сегодня в Президиум ВЦИК'а заявление с требованием либо создать для нас режим[,] допускающий человеческое существование, либо привести приговор в исполнение. Впредь до выполнения сего моего требования мною объявляется с утра 25-го янв[аря] 1923 года голодовка.

24/1-23 года Член Ц.К.П.С.-Р.

Москва – Внутр[енняя]-Тюрьма

Николай Иванов

^а Подчеркнуто в тексте Е.М. Тимофеевым.

– Л. 23. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ 18-15

Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова в Президиум ВЦИК с требованием изменения условий содержания во Внутренней тюрьме ГПУ

24 января 1923 г.

В Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета

Приговором Верховного Трибунала мы были присуждены к высшей мере наказания. Президиум ВЦИК'а своей резолюцией превратил этот приговор для нас в безсрочное содержание в качестве заложников. Раз так, то мы вправе были требовать создания таких условий заключения, в которых было бы возможно в течение долгаго периода предстоящего нам заключения сохранить как физическое[,] так и духовное здоровье. Если за последнее время режим полуголодного существования и лишения нас всех, даже самых необходимых предметов, (что практиковалось в первые месяцы заключения) сменился новыми условиями (в частности в области питания^а)¹², то в главном сохранились все те черты его, которые делают его совершенно непереносным на более или менее длинный срок. Полная изоляция от товарищей, лишение права чтения газет, невозможность наладить серьезные научные занятия, вместе с совершенно недостаточной прогулкой, отвратительным воздухом в камерах, превращенных буквально в каменные мешки, вот то, что превращает наше заключение в издевательство и сущую каторгу, перенести которую у меня нехватает более сил. Все это давно уже толкало меня на применение единственного метода арестантской борьбы – голодовки. Инцидент[,] ускоривший ее начало[,] является только иллюстрацией невозможности для меня оставаться на прежних условиях: Режим Внутр[енней] Тюрьмы требует от нас полной тишины, запрещает не только пение, свист, но даже разговор полным голосом. Все это делается под предлогом «уберечь режим тюрьмы от разложения». Так как подчинят[ь]ся таким требованиям^б я не в силах[,] то выход остается один.

Посему я и заявляю: либо создадите условия возможного человеческого существования для нас либо, если условия этой тюрьмы (в которой делали опыт четыре раза – содержать нас и каждый раз сами же приходили к выводу о невозможности длительного содержания в ней) не допускают осуществления сих требований, а в распоряжении Сов[етской] Власти нет иных тюрем[,] где она могла бы нас содержать, приведите свой приговор в исполнение в отношении меня. Не видя другого исхода поддержать это жизненное^в требование[,] я начинаю с утра 25 янв[аря] 1923 года голодовку.

Член Ц.К.П.С.-Р.

Николай Иванов

24/1-23 года. Внутренняя Тюрьма

– Л. 24–24 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

^а Далее замазаны несколько слов.

^б Рукописная правка. В документе ранее было написано условиям.

^в Подчеркнуто рукой Н. Иванова.

№ 18-16

**Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта
в ЦК РКП(б) И.В. Сталину с информацией
о поведении осужденных по процессу эсеров
во Внутренней тюрьме ГПУ**

25 января 1923 г.

Сов[ершенно] секретноЦ.К.Р.К.П. тов. С Т А Л И Н У

Прилагая заявления осужденных членов ЦКПСР ТИМОФЕЕВА и Н. ИВАНОВА[,] ГПУ сообщает: за последний месяц осужденные по делу ЦК ПСР начали проявлять большую нервозность, заявляя, что в условиях Внутренней тюрьмы они не могут отбывать дальнейшее наказание.

21/1 протест выразился не в заявлении, а уже в коллективном свисте, громком разговоре, в чтении вслух.

На предложение не нарушать инструкций Внутренней тюрьмы, ТИМОФЕЕВЫМ и ИВАНОВЫМ поданы настоящие заявления, с добавлением, что в дальнейшем они за себя не отвечают. —

В виду того, что все осужденные имеют личные часовые свидания, (2 раза в месяц), путем перестукивания и др. способами могут договориться, можно предполагать, что голодовка будет поддержана и остальными 19 человеками.

ГПУ[,] сообщая о вышеизложенном, просит распоряжений ЦК РКП. —

При этом: осужденные «цекисты» ПСР добиваются перевода в др. тюрьму с целью иметь большую возможность руководить работой на воле, о чем в ГПУ имеются доказательства.

ЗАМПРЕД ГПУ

(УНШЛИХТ)

— Л. 20. Машинописный подлинник на бланке ГПУ, подпись — автограф. На документе сверху рукописные пометы: «Арх[ив]» и «Эсеры», а также штамп делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой получения письма «16/II-23 г.».

№ 18-17

**Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии
Н.Н. Крестинского К.Б. Радеку и И.В. Сталину
о кампании за границей вокруг судьбы члена ЦК ПСР
Е.М. Тимофеева**

7 февраля 1923 г.

С. Секретно
расшифрована 8/II-23 г.

ИЗ БЕРЛИНА

Москва, НКВД

Радек СТАЛИНУ. Вокруг судьбы Тимофеева начинается новая кампания. Не зная, что верно в сообщениях о его тяжелом положении, пока что обращаю Ваше внимание.

7 февраля

КРЕСТИНСКИЙ

— Л. 25. Машинописная незаверенная копия того времени, сделанная в Наркоминдел для ЦК РКП(б). На листе сверху справа штамп делопроизвод-

ства Бюро Секретариата ЦК (без даты) и рукописная помета: «Эсеры».

№ 18-18
Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«О заявлении тов. Крыленко по поводу эсеров».
Из протокола заседания Политбюро, № 54 п. 21

от 8 марта 1923 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

С л у ш а л и:
21.— О заявлении тов. Крыленко по поводу эсеров. (т. Зиновьев).

П о с т а н о в и л и:
21.— Предложить т. Крыленко представить в Политбюро краткую письменную справку по этому вопросу.

Секретарь Цека

— Л. 26. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 9 марта 1923 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу К Р Ы Л Е Н К О».

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 323. Л. 26. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на бланке постановлений Политбюро. Справа внизу запись о рассылке: «Выписка т. Крыленко». Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро тт. Зиновьев, Сталин, Троцкий, Томский, Молотов (кандидат). Члены ЦК тт. Сокольников, Андреев».

— РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1433. Л. 3. Машинописный подлинник протокола, подпись — автограф И.В. Сталина.

№ 18-19
Заявление Председателя Верховного
Революционного Трибунала Н.В. Крыленко
в Политбюро ЦК РКП(б) И.В. Сталину о воззвании
Заграничной делегации партии эсеров

10 марта 1923 г.

В ПОЛИТБЮРО ЦК
тов. СТАЛИНУ
копия т. МОЛОТОВУ,
КАЛИНИНУ, РЫКОВУ, ТРОЦКОМУ,
КАМЕНЕВУ, ЗИНОВЬЕВУ.

На Ваш запрос, отн[о]сительно помещенного в № 99 газеты «Дни» воззвания заграничной делегации ПСР сообщая: заявление эс-эров представляет собой сплошной вымысел. Нигде никогда, а тем более на собрании «коллегии правозаступников» (я еще не такой идиот) мною никаких заявлений по поводу заключенных эс-эров не делалось¹³. Источник этого заявления мне не известен.

С товарищеским приветом Н. Крыленко

— Л. 27. Машинописный подлинник, подпись — автограф Н.В. Крыленко. На листе сверху рукописная помета: «К делу А. Н[азаретян]». Внизу делопроизводственная помета с входящим номером и датой «10/III-23».

№ 18-20

ЗАЯВЛЕНИЕ

Почти девять месяцев мы, осужденные по делу Ц.К.П.С.-Р.[,] содержимся во внутренней тюрьме ГПУ в условиях исключительно тяжелых, в некоторых отношениях превосходящих своей суровостью и жестокостью историческое заключение народовольцев в Шлиссельбургской крепости.

Почти девять месяцев мы сидим без достаточного количества света и воздуха. Долгое время окна наших камер были закрыты железными щитами. Теперь щиты заменены гофрированными стеклами, но они также очень скудно пропускают солнечный свет и совершенно не пропускают солнечной теплоты. Прогулки попрежнему продолжаются не больше 15–20 минут в сутки на маленьком дворе, совершенно недоступном солнечным лучам, тем более, что на прогулку нас выводят сплошь и рядом поздно вечером.

Казенная пища дается скудная, главное настолько [...] и однообразная, что организм просто отказывается принимать ее. Мы питаемся исключительно передачами родных. Для последних, людей совершенно не обеспеченных и в конце разоренных нашим бесконечным тюремным сидением, [это] становится наконец непосильной тяжестью.

Фактически мы совершенно лишены возможности пользоваться книгами и журналами. Правда, нашим родственникам разрешено передавать нам книги и журналы, но без права обратной их передачи. Стало быть, они могут передавать нам книги, только купленные на собственные средства, а это равносильно при нынешних условиях полному лишению нас нужных нам книг и журналов. В последнее время нам предлагалось выписать для себя книги из библиотеки НКЮ по каталогу 1914 года. Но 1) предлагаются книги, лишь изданные больше десяти лет назад, 2) книги эти почти исключительно юридического содержания, 3) до сих пор из этой библиотеки я не получил ни одной из тех книг, которые выписывал.

Все время по отношению к нам применяются исключительно строгия и совершенно нетер[пимые] меры к изоляции друг от друга. Постановлением ВЦИК мы приговорены «к строгой тюремной изоляции», т. е. к возможно полной изоляции от внешнего мира. Тюремная администрация проводит это с неукоснительной строгостью. Свидания с родственниками так обставлены, что нарушить эту изоляцию нет никакой возможности. Но какой смысл нас изолировать друг от друга? В период следствия такая изоляция была бы до некоторой степени понятна. Но теперь, когда мы уже осуждены Верховным Трибуналом и приговор утвержден ВЦИК, юридические аргументы по этому поводу отпадают. Представитель ГПУ заявил нам, что такое тщательное изолирование нас друг от друга имеет своей целью парализовать возможность нашего влияния на партийную работу на воле. Вообще влияние на партийную работу из-за тюремных решеток – бессмыслица, которая станет совершенно очевидной для всякого, если принять во внимание все те меры изоляции от внешнего мира, которые применяются к нам. Допускать же, что мы окажем руководящее влияние на партийную работу путем устной передачи наших мнений через наших родственников, людей, к политике никакого отношения не имеющих, значит, допускать нечто совершенно невозможное и ни с чем несообразное, значит страдать какой-то специфической маниакальностью агентов государственной охраны. Между тем, общение друг с другом для нас, спянных многолетними совместными страданиями, имеет огромное значение, лишение такого общения граничит с необычной жестокостью по отношению к тем из нас, кто сидит под угрозой вынесения и исполнения смертного приговора.

Наконец по отношению к нам применяется мера, с точки зрения элементарных моральных соображений совершенно недопустимая: одних из нас без всяких объективных, видимых оснований, как болезнь, нервное расстройство и т.п., переводят в Бутырскую тюрьму, в условия более сносные, чем здесь, а других продолжают держать в прежних жестоких условиях. Без объяснений понятно, какой моральной пытке подвергаются те, кто попадает в число привилегированных.

Все вышеизложенное усугубляется и принимает зловещий характер в силу того обстоятельства, что большинство из нас имеет в недалеком прошлом многие годы ссылки, тюрьмы, каторги, от которых лишь на короткое время освободила революция, среди нас есть товарищи, которые сняли кандалы лишь в 1917 году (Тимофеев, Морозов), которые почти непрерывно провели в тюрьме больше тринадцати лет. Неудивительно, что среди нас начались тяжелые физические заболевания (Злобин, Горьков), заболевания нервные (Е. Ратнер, Е. Иванова). Тот тюремный режим, в котором нас содержат[,] принимает характер бессмысленного, жестокого истязания, из которого лишь один исход – голодная смерть.

Поэтому я настаиваю:

1) Поставить нас в такие условия, чтобы мы могли пользоваться в достаточной мере чистым воздухом, солнцем и светом.

2) Улучшить качественно наше питание.

3) Обеспечить нам в той или иной форме достаточным количеством книг и журналов.

4) Разрешить общение друг с другом хотя бы в форме более или менее продолжительной общей прогулки.

5) Не применять к нам таких морально тяжелых мер, как перевод одних в более легкие условия по сравнению с другими.

Все эти требования по меньшей мере скромны и элементарны, но неудовлетворение их равносильно намерению продолжать непонятное, бессмысленное истязание нас, равносильно решению содержать нас в условиях, заведомо непереносимых. Поэтому я, если в ближайшие дни не последует положительного ответа на настоящее мое заявление, со вторника 24 апреля текущего года начинаю голодовку.

20/IV 23 г.

Д. Раков

– Л. 30–31 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ 18-22

**Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта
в Секретариат ЦК РКП(б) И.В. Сталину о голодовке части
осужденных по процессу эсеров
(с приложением заявлений во ВЦИК
А.Р. Гоца, Е.М. Тимофеева и Д.Ф. Ракова)**

21 апреля 1923 г.

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП
тов. СТАЛИНУ

18 апреля содержащиеся во внутренней тюрьме по делу ЦК ПСР 11 человек объявили голодовку¹⁵, предъявив такие требования:

1) Длительную прогулку.

2) Предоставление общения между собой (22 осужденными по делу ЦК ПСР),

3) Учащение свиданий.

Согласно приговору суда осужденные по делу ЦК ПСР должны содержаться при строгой изоляции. Нами все возможное в смысле облегчения режима в рамках приговора было сделано.

Предоставление арестованным полного общения между собой и перевод в другую тюрьму облегчает им как побег, так и возможность руководить партработой.

Исходя из вышеизложенного ГПУ полагало бы требования, предъявленные С-Р[,] отклонить.

Ввиду серьезности вопроса, прошу срочного ответа.

Прилагаю заявление во ВЦИК ГОЦА и Тимофеева и Дмитрия РАКОВА.

Приложение: упомянутое.

ЗАМПРЕД ГПУ

УНШЛИХТ

– Л. 29. Машинописная заверенная копия позднейшего времени. В верхней части листа машинописью воспроизведен бланк ГПУ с датой. В верхнем правом углу штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 62, п. 7 от 21 апреля 1923 г.

№ 18-23

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об изменении режима содержания в тюрьме осужденных по процессу членов ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 7

от 21 апреля 1923 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

СЛУШАЛИ:

7. Об эсерах (отношение тов. Уншлихта за № 5539/с.)

ПОСТАНОВИЛИ:

7. Разрешить:
а) длительные прогулки,
б) учащение свиданий.

Секретарь Цека

– Л. 28. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 21 апреля 1923 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Тов. Уншлихту».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 331. Л. 15. Черновой протокол заседания Политбюро. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 21 апреля 1923 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Тов. Уншлихту». Внизу под текстом выписки напечатано: «Результаты голосования: тов. Зиновьев – голосую за удовлетворение требований № 1 и 3, ибо иначе придется уступить через несколько дней, тов. Каменев – за удовлетворение немедленное № 1 и 3, тт. Троцкий, Молотов – согласны, тов. Томский – за удовлетворение требования № 1, тт. Сталин и Рыков – за предложение ГПУ». В деле (л. 17) подлинный лист голосования, подписанный А.М. Назаретяном.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1441. Л. 1. Машинописный подлинник протокола, подпись – автограф И.В. Сталина. Л. 1. «Опросом по телефону членов Политбюро ЦК РКП(б) тт. Сталина, Рыкова, Молотова, Зиновьева, Томского, Каменева, Троцкого».

№ 18-24**Письмо руководства ОГПУ В.М. Молотову
о требованиях групп осужденных по процессу членов партии
эсеров по изменению условий заключения**

19 ноября 1923 г.

Сов[ершенно] секретноСЕКРЕТАРЮ ЦК РКП
ТОВ. МОЛОТОВУ

От сидящих в особом коридоре Бутырок части осужденных по большому^а процессу п.с.-р., а именно РАТНЕР Евгения, УТГОФ, ВЕДИНЯШИН^б, АРТЕМЬЕВ, БЕРГ, ЛЬВОВА^в с 17/XI объявили голодовку, предъявив требования: 1) прекращение внутренней изоляции в форме свободного передвижения в пределах отведенных им камер и 2) организация физического труда и права продажи их изданий в их пользу.

ВЕДЕНЯШИН, как более слабый физически присоединяется к голодовке с 23/XI. Содержащаяся во внутренней тюрьме часть осужденных ГОЦ, ТИМОФЕЕВ, МОРОЗОВ и другие еще не объявили голодовки, но по категоричности заявлений их об общем изменении режима, тождественности предлагаемых ими изменений с предъявленными бутырцами требований и по недвусмысленным угрозам о возможности шлисельбургской^г кровавой драмы – можно с уверенностью предположить, что объявление голодовки, или какой[-]либо другой формы поддержки тех же требований остальными осужденными, – вопрос двух-трех дней. Мнение ГПУ, что уступки немислимы, ибо они вызовут ряд новых хорошо организованных и согласованных требований. Кроме того удовлетворение первого требования практически разрешает основной вопрос об изоляции вообще.

Зампред ГПУ
Нач СО ГПУВ. Менжинский^д
Т. Дерибас

– Л. 35. Машинописный подлинник на бланке ОГПУ, подписи – автографы. На листе сверху рукописная помета: «К свед[ению] членов ПБ. В. М[олотов]».

№ 18-25**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
о пересмотре приговора в отношении осужденных
по процессу 1922 г. членов партии эсеров.
Из протокола заседания Политбюро № 61, п. 7**

от 10 января 1924 г.

^а Так в документе, следует большому.^б Так в документе, следует Веденяшин.^в Так в документе, следует Львов.^г Так в документе.^д Вписано от руки под ранее напечатанной фамилией Ягода.

СТРОГО СЕКРЕТНО

<p>СЛУШАЛИ: 7. Предложение ского и Калинина.</p>	<p>т.т. Держин-</p>	<p>ПОСТАНОВИЛИ: Принять предложение жинского и Калинина.</p>	<p>т.т. Держ-</p>
---	---------------------	---	-------------------

Секретарь ЦК

– Л. 36. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 10 января 1924 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Т.т. Держинскому, Калинину».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 392. Л. 9. Черновой протокол заседания Политбюро. Выписка на бланке ЦК РКП(б) для протокольных записей. Внизу справа запись о рассылке: «т.т. Держинскому, Калинину». Штамп Секретного Архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером. Л. 2. «Присутствовали: Члены Политбюро: т.т. Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский. Кандидаты в члены Политбюро: т.т. Бухарин, Калинин, Молотов, Рудзутак. Члены ЦК: т.т. Радек, Смирнов А.П., Кубяк, Держинский. Члены Президиума ЦКК: т.т. Сольц, Ярославский».

№ 18-26

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о вынесении
на обсуждение Пленума ЦК РКП(б) проекта
постановления Президиума ЦИК СССР в отношении осуж-
денных по процессу 1922 г. членов ПСР.
Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 10**

от 12 января 1924 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

Опросом по телефону членов ПБ от 12.1.24 года

<p>С л у ш а л и: 10. Проект постановления Пре- зидиума ЦИК'а СССР во исполне- ние постановления ПБ от 10.1 (пр[отокол] № 61 п. 7) (т. Калинин).</p>	<p>П о с т а н о в и л и: 10. Принять с поправками, внесенными членами Политбюро (См. приложение).</p>
---	---

Секретарь ЦК

– Л. 37. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 13 января 1924 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу Енукидзе».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 393. Л. 11. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на 1/2 листа. Внизу записи о рассылке («т. Енукидзе») и запись «Выписка из протокола заседания ПБ № 62. Опросом членов Политбюро от 12/1.24 г.». Из рассылочной записи вычеркнута недописанная фамилия Т.В. Сапронова. Л. 1. «Присутствовали: члены Политбюро: т.т. Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский. Кандидаты в члены Политбюро: т.т. Калинин, Молотов, Рудзутак. Члены ЦК: т.т. Андреев, Квинтинг, Смирнов А.П., Сокольников, Чубарь, Цюрупа. Члены Президиума ЦКК: т.т. Куйбышев, Сольц, Ярославский».

№ 18-27

Проект постановления Президиума ЦИК СССР

**об изменении меры наказания осужденным по процессу
1922 г. членам ЦСР, принятый Политбюро ЦК РКП(б)**

12 января 1924 г.

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Президиума Центрального Исполнительного
Комитета Союза ССР**

Принимая во внимание, что осужденным Верховным Трибуналом ВЦИК к высшей мере наказания членам Центрального Комитета партии правых эсеров по обвинению их в тяжчайших^а государственных преступлениях, организации террористических актов против представителей советской власти, подготовке и руководстве вооруженными восстаниями и сношениях с иностранными державами с целью свержения советской власти гражданам Гоцу, Донскому и другим приведение в исполнение приговора было постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета приостановлено под условием, если партия социалистов-революционеров, как говорится в вышеуказанном постановлении, – «фактически на деле прекратит подпольно-заговорческую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти рабочих и крестьян».

Что указанные мероприятия, однако, диктовались в то время исключительно соображениями обезопасить советскую республику от возможного продолжения той же деятельности со стороны единомышленников осужденных, причем ВЦИК оговорил, что если бы партия эсеров действительно прекратила свою контрреволюционную деятельность, то она тем самым освободила бы от высшей меры наказания своих осужденных вожakov.

Что за истекшие полтора года, хотя на деле партия правых эсеров и не прекратила своей контрреволюционной деятельности ни по агитации, ни по пропаганде свержения советской власти внутри страны, ни своей предательской деятельности по отношению к рабочим и крестьянам за границей путем организации и подготовки вооруженного вмешательства в тех же целях извне[,] тем не менее в связи с общим, основанным на росте^б хозяйственного возрождения, укреплением советской власти внутри страны, ростом доверия по отношению к ней со стороны трудящихся масс и как результат этого укрепления ростом международного значения советской власти – эта деятельность кучки потерявших всякую связь с трудящимися массами Союза ССР, озлобленных эмигрантов и разбитых и рассеянных групп их единомышленников внутри страны не может представляться в настоящее время внушающей^в серьезные опасения.

Что, наконец, поведение самих заключенных за истекшие, с момента приговора, полтора года также не дают оснований считать их настолько опасными, чтобы приведение в исполнение приговора в отношении осужденных диктовалось бы необходимостью.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановляет^г:

^а Вписано от руки взамен первоначально напечатанного тяжелейших.

^б Вычеркнуто от руки из первоначально напечатанного внутреннего благосостояния и начавшегося.

^в В первоначальном проекте было особо серьезные опасения.

^г В первоначальном проекте данный абзац был следующим: «Президиум

1. Пересмотреть постановление Президиума ВЦИК об условном приостановлении приведения⁹ в исполнение приговора Верховного трибунала ВЦИК в отношении граждан А.Ф. Гоца*, Д.Д. Донского, Л.Я. Гернштейна, М.Я. Гельдемана, М.А. Лихача, Н.Н. Иванова, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеева, В.В. Агапова, А.И. Альтовского и Е.А. Ивановой и заменить им высшую меру наказания лишением свободы на пять лет со строгой изоляцией.

2. Соответственно сократить на половину срок лишения свободы со строгой изоляцией осужденным Верховным Трибуналом ВЦИК А.В. Либерову, Н.И. Артемьеву, Д.В. Ракову, Ф.Ф. Федоровичу, М.А. Веденяпину – до пяти лет, В.Л. Утгофу, Е.Ф. Бергу, М.Л. Львову сократить до двух с половиной лет.

3. Тем из осужденных, кои после зачета предварительного заключения окажутся подлежащими немедленному освобождению воспретить сроком на три года проживание во всех промышленных и густо населенных местностях Союза ССР, предоставив ГПУ определить место их проживания с подчинением на месте надзору местного отдела ГПУ.

4. Прокуратуре наблюдать за исполнением настоящего постановления.

– Л. 38–39. Машинописная заверенная копия, выполненная 16.IX.58 г.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 393. Л. 12–13. Черновой протокол заседания Политбюро. Машинописный экземпляр проекта Постановления Президиума ЦИК СССР с правками, предложенными кандидатами и членами Политбюро, заверенный т. Словатиной. Внизу рукописная запись о результатах голосования: «Зиновьев – Воздерж[ался], Рудзутак – за; Калинин, Молотов, Каменев, Томский – с поправками, Сталин (мнение не зафиксировано – сост.)».

– Л. 14–15. Машинописный первоначальный проект постановления Президиума ЦИК СССР, внесенный Президиумом ЦИК СССР. Подпись – автограф А.С. Енукидзе. Внизу слева дата «11/1-24» карандашом.

– Л. 16. В деле – машинописная копия особого мнения, высказанного М.И. Калинин: «Я предлагаю выбросить слова: “во исполнение предложения Президиума ВЦИК” до слов “постановляет”». Внизу листа удостоверяющая подпись – автограф А.С. Енукидзе.

– Л. 17. Машинописная копия результатов голосования по проекту постановления Политбюро: «Результаты голосования: тов. КАЛИНИН – исключить фразу (2 стр., конец 3 стр.): “во исполнение предложения Президиума ВЦИК” до слова “постановляет”».

«тов. МОЛОТОВ – “ЗА” 1) с поправкой т. Калинина и 2) выбросить слова на первой странице на десятой строчке снизу: “внутреннего благосостояния и начавшегося”».

«тов. ТОМСКИЙ – “ЗА” с поправкой заменить (на первой стр. 3-ья

Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР во исполнение предложения Президиума ВЦИК, передавшего данный вопрос ввиду его общесоюзного значения на усмотрение Президиума ЦИК Союза ССР П О С Т А Н О В Л Я Е Т: не ослабляя ни на минуту деятельность соответствующих органов Советской власти по дальнейшей борьбе с остатками партии правых эсеров вплоть до полного их обезврежения».

⁹ Так в документе.

^{*} Так в документе.

^{**} Так в документе, следует А.Р. Гоца. Далее следуют искажения в написании фамилий Герштейна, Гендельмана и инициалов Д.Ф. Ракова, Е.С. Берга, М.И. Львова.

строчка) слово: “тяжелейших” – “тягчайших”».

«тов. РУДЗУТАК – “ЗА”»

«тов. КАМЕНЕВ – выбросить на второй странице, начиная с 4-ой строчки со слов: “передавшего данный вопрос” и кончая словами “до полного их обезврежения”. На 4-ой стр. после слов: “предложения Президиума ВЦИК” вставить слово “постановляет”».

«тов. ЗИНОВЬЕВ – воздерживается».

«тов. РЫКОВ – болен».

«тов. СТАЛИН –».

В деле также помещены (л. 18, 19) два сопроводительных письма, направленные 11 января 1924 г. пом. секретаря ЦК РКП(б) И. Товстухой по поручению И.В. Сталина В.В. Куйбышеву и А.И. Рыкову с просьбой дать заключение по проекту постановления Президиума ЦИК СССР «об эсерах». На них резолюции: «Поправок не имею В. Куйбышев»; «Согласен с предложением т. Калинина. А.И. Рыков»

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 140–140 об. Машинописный подлинник направленной Ф.Э. Дзержинскому 22 февраля 1924 г. выписки из протокола заседания Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 г., подписанного секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Вверху л. 140 делопроизводственная машинописная помета, адресованная Ф.Э. Дзержинскому: «Согласно просьбе тов. Катаньяна, препровождается Вам для сведения». На л. 140 об. ниже подписи Енукидзе автографы Либерова, Донского, Агапова, Герштейна, Федоровича, Ракова, Артемьева, Львова, Альтовского, Утгофа, Тимофеева, Гоца, Ратнер, Иванова и Ивановой об ознакомлении 13 марта 1924 г. с постановлением Президиума ЦИК СССР.

№ 18-28

Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о вынесении на обсуждение Пленума ЦК РКП(б) проекта постановления Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания осужденным по процессу 1922 г. членам ЦСР.

Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 6

от 14 января 1924 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

СЛУШАЛИ:

б. Об с.-р. (т. Калинин)

ПОСТАНОВИЛИ:

б. Внести в порядок дня Пленума ЦК первым пунктом вопрос об с.-р.

Секретарь ЦК

– Л. 40. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 14 января 1924 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу Е Н У К И Д З Е».

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 393. Л. 7. Черновой протокол заседания Политбюро. Рукописный подлинник на бланке постановлений Политбюро. В тексте постановления слова «Пленума ЦК» вписано взамен ранее напи-

санного «съезда Советов». Справа внизу запись о рассылке: «т. Енукидзе». Из списка рассылки вычеркнута ранее написанная фамилия М.И. Калинина. Штамп Секретного Архива ЦК ВКП(б) с инвентарным номером. Список присутствующих тот же, что п. 10.

№ 18-29

Постановление Пленума ЦК РКП(б) об утверждении проекта постановления Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания осужденным по процессу 1922 г. членам ПСР. Из протокола заседания Пленума № 7, п. 3

от 14 января 1924 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

С л у ш а л и:

3. Об эсерах.
(пр[отокол] ПБ № 62, п. 10 от 12/1-24 г.) (т. Дзержинский)

П о с т а н о в и л и:

3. Утвердить постановление Политбюро от 12/1-24 г., прот[окол] № 62, п. 10.

Секретарь ЦК

– Л. 41. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 14 января 1924 г. Выше текста выписки напечатан адрес рассылки: «Товарищу Е Н У К И Д З Е».

ПРИМЕЧАНИЯ

№ 18-1, 18-2

В деле находится сопроводительное письмо, направленное вместе с нелегальными изданиями Московского бюро ПСР 31 августа 1922 г. зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихтом и нач. Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсоновым И.В. Сталину. Штамп Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «18/ЛХ-22 г.» (л. 8).

№ 18-3

В деле находится копия сопроводительного письма на бланке ЦК РКП(б), направленного 23 августа 1922 г. по поручению И.В. Сталина пом. секретаря ЦК РКП(б) А.М. Назаретяном членам Политбюро ЦК РКП(б) Г.Е. Зиновьеву, М.И. Калинин, А.И. Рыкову и В.В. Куйбышеву для ознакомления с проектом, подготовленным К.Б. Радеком. Штамп Секретного архива ЦК РКП(б) с инвентарным номером (л. 2).

№ 18-24

В деле находится сопроводительное письмо на бланке ЦК РКП(б), направленное 19 ноября 1923 г. по поручению В.М. Молотова кандидатам и членам Политбюро за подписью пом. секретаря ЦК РКП(б) И. Товстухи (л. 34).

І. ПРЕДПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

№ П-1

Письмо полиомочного представителя ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о препровождении в Москву для дачи показаний И.С. Юдина и В.И. Игнатьева

14 марта 1922 г.

Лично

Начальнику Секретного Отдела ГПУ. тов. Самсонову.

Уважаемый товарищ.

При сем препровождаю с.-р. Юдина и н.-с. Игнатьева.

Вы уже знаете, что Юдин вышел из партии с.-р., а Игнатьев из партии н.-с. Поэтому они могут дать ценный материал для процесса. Весь вопрос в получении от них этого материала. Я уже говорил по этому поводу с Игнатьевым. Выясняется, что в форме показаний он вряд ли эти материалы даст, считая для себя этот способ неприемлемым, но он не отказывается дать весь материал, ну хотя бы в форме целого ряда воспоминаний фактического характера в Советской прессе.

Что же касается содержания их^а под арест[ом], мне казалось бы, что эта мера уже не целесообразна, и мое мнение, что их в Москве можно было бы освободить. В тюремной обстановке, вряд ли, Юдина и Игнатьева можно максимально использовать. Но^б их окончательно можно выпотрошить^в, предоставив право проживания на воле. Но это Вам там виднее, я только высказываю свои соображения.

Мое мнение, что дать ценные показания по процессу могут следующие члены Крестьянского Союза Сибири: Юдин, Игнатьев и Тяпкин. Тяпкин и Юдин, главным образом, могут установить связь с ЦК Партии с.-р. и Омского Комитета п.с.р. с Крестьянским Союзом. Юдин и Тяпкин были членами Омского Комитета П.-ср. Юдин о Крестьянском Союзе имел разговоры с Гернштейном^г. ^дОстальные члены Крестсоюза барахло. Члены Красноярского Крестсоюза разстреляны^е.

С товарищеским приветом   Павлуновский

П.С.: Сообщаю Вам, что Федорович и Гернштейн, когда им было объявлено, что они едут в Москву, передавали членам Крестьянского Союза следующее: что их де везут в Москву для переговоров о власти. Хотел бы

---

^а Вписано от руки над строкой.

^б Вписано от руки.

^в Так в документе.

^г Так в документе, здесь и далее следует Герштейном, Герштейн.

^{д-е} Вписано Павлуновским от руки.

я видеть их рожи, когда вместо переговоров о власти они ^жв Москве³ получили Трибунал.

Павлуновский

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 63. Л. 51–52. Машинописный подлинник на бланке представительства ГПУ по Сибири. Подпись – автограф. На л. 51 штамп Секретного отдела ГПУ о получении от 21 марта 1922 г.

№ П-2

Записка Л. Д. Троцкого в редакции центральных газет о необходимости контрпропагандистских мер в связи с травлей в эмигрантской печати бывших эсеров Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой

19 марта 1922 г.

В РЕДАКЦИЮ «ПРАВДЫ»
В РЕДАКЦИЮ «ИЗВЕСТИЙ»
копия ПОЛИТБЮРО ЦК

Вся эмигрантская печать травит Семенова (Васильева), как ренегата. «Руль» иначе не называет его. Надо полагать, что и «Новое Время» считает его ренегатом общего священного знамени. Я полагаю, что нашей печати надо дать политическое и психологическое разъяснение и оправдание образа действий Семенова, Коноплевой и др. Нельзя ни в коем случае создавать впечатления, будто бы в оценке Семенова мы^а молчаливо сходимся с эсерами, но только считаем нужным использовать его.

Л. Троцкий

19 марта 1922 г.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 13. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху листа справа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро ЦК РКП(б), протокол № 116, п. 8 от 23 марта 1922 г.

№ П-3

Постановление ЦК РКП(б) о необходимости использования находящихся за границей видных большевиков Л.С. Сосновского и Ю. Ларина с целью ведения

^{ж-3} Впечатано над строкой.

^а Вписано от руки над строкой.

**контрпропаганды против меньшевиков и эсеров¹.
Из протокола заседания Политбюро № 3, п. 20**

от 20 апреля 1922 г.

СТРОГО СЕКРЕТНО

20. – О работе т. Сосновского.

а) Предложить т. Сосновскому по возвращении с Генуи остаться на три месяца в Берлине с целью контрагитации против меньшевиков и эсеров.

б) Поручить т. Троцкому отправить Сосновскому через т. Крестинского соответствующую директиву.

в) Поручить т. Ларину во время его пребывания в Германии принять участие, если позволит здоровье, в разоблачениях в печати неправильности выдвигаемых против коммунистов меньшевиками и эсерами обвинений.

СЕКРЕТАРЬ ЦК.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 14. Машинописная копия выписки позднейшего времени на бланке ЦК ВКП(б)–РКП(б) 1930-х гг.

№ П-4

**Письмо членов комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки»)
Г.Е. Зиновьеву о позиции Коминтерна
в связи с подготовкой процесса**

29 апреля 1922 г.

Совершенно секретно.
Лично.

ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ.
Тов. ЗИНОВЬЕВУ.

Если считаете безусловно необходимым дать разъяснение Коминтерна, то, по нашему мнению, оно должно иметь характер действительного разъяснения заявления т. Курского, который дает ясную и отчетливую опору в том смысле, что обязательства, данные представителями нашей партии, будут выполнены. Курский объясняет: суд, независимо от данных политических обязательств, будет решать по совести, сообразно со следствием дела. Если бы, однако, суд вынес кому[-]нибудь из обвиняемых смертный приговор, то выполнение нами политического обязательства состояло бы в амнистии через высший политический орган страны, через Президиум ВЦИК. Всякие в этом смысле лже-толкования являются прямым и злостным умолчанием ясного и точного заявления т. Курского. Но есть другая сторона, которую нельзя обходить: дает ли это обязательство с нашей стороны ЦК партии Эс-еров, и в том числе тем его членам, которые сидят в тюрьме и фактически сносятся с волей, право участвовать^а в террористической вооруженной борьбе с советской властью? Или же со-

^а Так в документе.

глашение предполагает и обязательство другой стороны отказаться от методов вооруженной борьбы? Об этой стороне молчать нельзя.

29 апреля 1922 г.

КАМЕНЕВ Л. ДЗЕРЖИНСКИЙ
ТРОЦКИЙ.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 27. Машинописная заверенная копия того времени.

№ П-5
Протокол № 1
заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки»)
по руководству подготовкой и проведением процесса

29 апреля 1922 г.

С. секретно

ПРОТОКОЛ № 1
СОВЕЩАНИЯ ТРОЙКИ 29 апреля 1922 г.

Присутствовали: т.т. Каменев, Троцкий, Держинский, Луначарский, Крыленко, Уншлихт, Агранов.

Об обвинительном акте.

1. Заносится в протокол, что т. Луначарский опоздал на 15 мин.
2. Обвинительный акт в рукописи должен быть представлен тройке 15 мая к 12 час. дня, в зависимости от чего начало процесса наметить приблизительно на 20-е мая. Окончательный срок процесса установить после просмотра обвинительного акта.
3. Дать телеграмму т. Радеку:
Начало процесса намечено на 20-е мая. В зависимости от приезда заграничных защитников начало можно отсрочить до 23 мая, но никак не позже. Просим немедленно сообщить имена намеченных защитников и предполагаемый день их приезда.
По поручению Политбюро Каменев.
4. Обязать т. Крыленко завтра же разослать тройке список ответственных следователей по отраслям работы с тем, чтобы особому следователю было поручено детальнейшее изучение состава, деятельности, резолюций и пр. Ц.К. эсеровской партии.
5. Обязать т. Крыленко назначить ответственного человека, который мог бы из всех соответственных учреждений (Соц. Академия, Гос. Архив и пр.) собрать полный комплект всех партийных изданий эсеров, начиная с 17-го года, предложить ГПУ, т. Рязанову и т. Пок-ровскому временно предоставить в распоряжение т. Крыленко специального человека для подбора материалов.
Рекомендовать т. Крыленко в качестве библиоте-

каря т. Знаменского.

6. Т. Крыленко снести с Вардиным и Яковлевым для выяснения местонахождения т. Шафира, вызвать его к прямому проводу и дать ему точное задание для получения обвинительных материалов по делу эсеров на Кавказе, в частности относительно Донского².

7. Обвинительный акт написать пропагандистски, в том смысле, чтобы исходить из фактов, давать их внутреннюю связь, не предполагая у читателей и слушателей наличия готовых обобщений, а приводя их к этим обобщениям из обнаруженных следствием фактов.

8. Обвинительный акт должен быть написан так, чтобы, переведенный на иностранные языки, мог послужить пропагандистской брошюрой в рабочем движении при строго деловом характере изложения.

9. Одобрить предположения т. Крыленко.

10. Одобрить предположения т. Крыленко.

11. Одобрить предположения т. Крыленко.

12. Одобрить предположения т. Крыленко и добавить:

особенно выдвинуть, что октябрьский переворот в Петрограде, в центре политической жизни, произошел почти совершенно бескровно и что ^бфактическими инициаторами кровавой гражданской войны явилась, рядом с Красновым и др., партия эсеров против бескровной революции рабочего класса^в.

13. Одобрить предложение т. Крыленко.

14. Для полной согласованности следственного аппарата с предшествовавшей и текущей работой ГПУ и для устранения всяких трений, недоразумений и несогласованностей между этими двумя органами учреждаются периодические или по мере надобности совещания следователей под председательством т. Крыленко с участием в таких совещаниях т. Агранова, как представителя ГПУ, при чем по всем тем вопросам, где из хода работы вытечет необходимость прямого участия в ней т. Агранова, соответственные задания на него с согласия ГПУ возлагаются.

Эти совещания ни в какой мере не изменяют общего порядка следствия, силой коего руководство и ответственность полностью и целиком остаются на

О построении обвинения.

Об объеме следственной работы.

О количестве обвиняемых.

Об инкриминировании в вину^а деятельности эсеров в конце 1917-го года.

О формуле подписки.

Организационные вопросы.

^а Так в документе.

^{б-в} Так в документе.

т. Крыленко.

Было бы желательно, чтобы т. Луначарский для собственной информации по возможности присутствовал на таких совещаниях³.

15. Тройка рекомендует т. Крыленко привлечь в качестве защитников для известной части подсудимых тт. Знаменского, Яковлева-Эпштейна, Евдокимова и, м[ожет] б[ыть], Вардина (Мгеладзе) по предварительному соглашению с обвиняемыми, а также поручить т. Знаменскому вместе с т. Аграновым организовать защиту коммунистов и отколовшихся, организовав группу защитников и обеспечив правильность и целесообразность ее работы с процессуальной стороны.

16. Вопрос о председателе суда сейчас не решать. В качестве кандидатов называются: т.т. Карклин, Галкин, Глузман, Межин, Ульрих, Смирнов⁴.

17. Обязать т. Луначарского немедленно оставить всякие работы кроме абсолютно неизбежных и неотложных по Наркомпросу и по партийной линии и сосредоточиться целиком на изучении процесса, особенно его политической стороны, во всей детальности и конкретности. (Довести это постановление⁵ до сведения Оргбюро).

18. Т. Крыленко освободить от партийной работы не безусловно необходимой и незаменимой и по возможности от других менее существенных судебно-административных работ.

19. Считать безусловно необходимым полное освобождение т. Розмирович на время подготовки процесса от работ по РКИ.

20. Обязать ГПУ освободить т. Агранова в максимальной степени от всяких других работ и обязанностей, кроме связанных с процессом.

21. Выразить пожелание, чтобы ГПУ в максимальной мере свои силы предоставило для этого процесса.

п/п за Председатель Л. Троцкий

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 2–3. Машинописный экземпляр того времени, заверенный секретарем Л.Д. Троцкого М. Глазманом. Внизу на л. 3 рукописная помета о рассылке копий протокола Л.Б. Каменеву, Ф.Э. Дзержинскому, Н.В. Крыленко.

№ П-6

Протокол № 2

заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки»),
созданной для руководства процессом

6 мая 1922 г.

³ Исправлено взамен напечатанного ранее постановления.

Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ № 2
Заседания ТРОЙКИ
6 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: т.т. Троцкий, Каменев, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Луначарский.

П о с т а н о в и л и:

1. Послать шифром телеграмму т. Радеку⁵:

В соответствии с точным текстом протоколов берлинского соглашения Коминтерн вошел в соглашение с Наркомюстом относительно допущения поименованных Вами десяти лиц, в качестве защитников, на процессе эсеров, и получил от Наркомюста нижеследующий ответ:

Наркомюст считает возможным допустить в Россию в качестве защитников перечисленные 10 лиц^а:

Но, принимая во внимание, что некоторые из них (Сухомлин, Комяков^б, Гуревич) являются активнейшими членами партии эсеров, которая вела и продолжает вести против советской республики вооруженную борьбу в условиях непрекращающегося военно-капиталистического окружения Советской Республики и особенно в данный момент, когда наглые империалистические требования, предъявленные России, в чрезвычайной мере затрудняют ее международное положение, Наркомюст считает необходимым создать такие условия пребывания защитников, связанных единством политической позиции и фактической круговой порукой солидарности с непримиримыми врагами советской Республики, которые исключали бы возможность их активно-враждебной деятельности против советской республики во время их пребывания на ее территории. Само собой разумеется, что эти меры ни в какой степени не будут стеснять или ограничивать свободу действий защитников в пределах их прямых задач^б.

2. Поручить т. Бухарину, Суварину и Стеклову здесь, Радеку в Берлине начать печатание в «Правде» и «Известиях» серии статей, посвященных специально выяснению и разоблачению личности выдвинутых 2-м и 2 1/2 Интернационалами защитников^в. Необходимо, чтобы не позже 11-го мая биографии всех этих лиц были составлены, а потом пополнялись по мере получения сведений.

3. Послать шифром телеграмму Радеку:

Немедленно пришлите^в ряд статей, разоблачающих политическую деятельность и роль названных вами защитников эсеров. При составлении биографии Гуревича имейте в виду разоблачения «Накануне» о связи Гуревича с чехо-словацким правительством. Срок процесса назначен на 23 мая.

4. Бухарину и Суварину поручить соответственным иностранным делегатам составить краткие фактические доклады об убийствах, расстрелах и арестах коммунистов^г (более яркие факты)^д в соответственных странах при участии социалистических партий, члены которых входят в число защитников.

^а Далее в тексте протокола пропуск.

^б Так в документе, следует Кобяков.

^в Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного прислать.

^{г-д} Вписано от руки в текст документа.

5. ГПУ назвать тройке лицо, на которое будет возложена ответственность за выполнение условий, указанных в телеграмме Курского.

6. Петроградскому, Московскому, Харьковскому и др. губкомам по соглашению с секретариатом Ц.К. поручить немедленное начало подготовки кампании по ячейкам с тем, чтобы она к началу процесса могла вылиться в форме демонстрации.

7. В тоже время указать редакциям «Правды» и «Известий», «Рабочей Москвы» и «Рабочего» на необходимость немедленно приступить к подготовке широкой кампании по поводу процесса⁸.

8. т. Луначарскому поручить в недельный срок написать популярную брошюру⁹.

9. Московскому Комитету издать прокламацию по поводу процесса.

10. Рекомендовать в большом количестве издать фотографии Урицкого и Володарского и распространить их как можно шире.

11. Ускорить написание и издание биографий Урицкого и Володарского и распространить в большом количестве.

12. Московскому Комитету накануне открытия процесса устроить публичное чествование памяти Урицкого и Володарского.

13. Истпарту составить список всех сколько-нибудь известных коммунистов, погибших в гражданской войне, в которой на стороне врагов принимали сколько-нибудь явное участие эсеры и меньшевики, в частности[,] в период господства Учредительного Собрания в Поволжья и в Сибири¹⁰.

14. Истпарту поручить подбор всех фотографий, мемуаров, воспоминаний и пр., характеризующих кровавую работу союзников и эсеров во время гражданской войны.

Истпарту указать, какому именно лицу будет поручена специально эта работа.

15. Вызвать немедленно Невского из Петрограда для участия в этой работе.

16. Истпарту использовать материалы, собранные т. Меньшим.

17. Широко использовать все имеющиеся в нашем распоряжении фотографии и литографии для воспроизведения указанных выше снимков.

18. Составить соответственный плакат трагического характера. Для его редактирования создать комиссию из Бухарина, Луначарского и Дени¹¹.

19. Устроить выставку фотографий и пр[очих] материалов, характеризующих террористическую деятельность эсеров против советской власти, в частности альбом, собранный Бонч-Бруевичем по поводу покушения на Ленина.

20. Предложить Ц.К. утвердить в качестве исполнителей всей этой агитационной и организационной работы т.т. Бубнова и Малкина, ассигновав из сметы Ц.К. необходимые средства на расходы¹².

21. Утвердить т. Малкина в качестве ответственного секретаря тройки и передать ему все протоколы ее заседаний.

22. Послать шифром телеграмму Крестинскому:

Желательно участие Садуля в процессе эсеров в качестве свидетеля или защитника одного из подсудимых, ныне стоящих на нашей стороне. Разущите Садуля и сообщите о возможности его скорейшего приезда.

23. Росте^ж выделить лицо, которое будет ответственно за информацию, связанную с процессом эсеров. Это лицо с Сувариным и Эберлей-

⁹ Далее текст не прочитан.

^ж Так в документе, следует РОСТА.

ном должно составить тройку, которая будет мобилизо[вы]вать, направлять и редактировать всю информацию по этому вопросу.

24. Комиссия Ц.К., всесторонне обсудив вопрос о процессе эсеров и об участии в ней виднейших представителей 2-го и 2 1/2 Интернационалов, констатирует, что процесс далеко выходит за пределы чисто русского события, получает международное значение, вовлекает все 3 Интернационала, возбуждает и еще более возбудит в дальнейшем внимание к себе самых широких рабочих масс и поэтому считает необходимым вполне авторитетное участие в процессе представителей коммунистических партий, хотя бы наиболее крупных стран. В первую голову комиссия считала бы крайне желательным, если это сколько-нибудь осуществимо[,] участие т.т. Цеткиной, Фроссара, Бордига и др. в качестве либо обвинителей, либо защитников известной части обвиняемых, либо свидетелей или экспертов¹³.

25. Проверить, вызван ли Шафир т. Крыленкой. Если не вызван, то обязать его вызвать немедленно по прямому проводу, предложив Шафиру привести с собой всякие материалы, которые могут понадобиться на процессе эсеров. По приезде в Москву привлечь его к агитации, пропаганде, информации.

26. т. Каменеву вызвать к себе Краковецкого¹⁴ и Кутузова-Ильинского.

27. Поручить Петроградскому и Московскому губкомам организовать выступления рабочих по поводу процесса.

28. Поручить т. Луначарскому повидаться с Майским, чтобы определить направление и объем его показаний. Майскому подготовить политическую речь о правительстве правых эсеров¹⁵.

29. Начало процесса назначить на 23 мая¹⁶.

30. Затребовать от ГПУ совершенно точной справки о ходе следствия по поджогу в Баку, а также соответственный материал, выдержки из показаний и пр.¹⁷

31. Обратит внимание Трибунала на необходимость иметь известное количество переводчиков для перевода иностранных речей на русский язык. Что касается перевода русских речей на иностранные языки, таковых не допускать, предложив защитникам иметь специальных секретарей.

32. Тов. Крыленко поручить обдумать вместе с ГПУ вопрос о помещении и представить свои соображения к следующему заседанию комиссии.

33. Признать необходимым назначение т. Пятакова в качестве председателя Трибунала. В случае, если не будет возражений со стороны Политбюро, задержать его в дороге, отменить его поездку в Баку, вернуть в Москву и предложить немедленно приступить к работе.

34. Обязать т. Крыленко и т. Розмирович в двухдневный срок представить в распоряжение т. Луначарского все необходимые следственные материалы.

35. Признать желательным выступление т. Бухарина в качестве обвинителя. т. Бухарину ознакомиться с материалами и в двухдневный срок представить в письменной форме свои соображения по этому поводу.

36. Предоставить в распоряжение т. Луначарского и Бухарина – т. Васильевского в качестве секретаря.

37. Послать шифром телеграмму Радеку:

В виду того, что мы согласились на приезд защитников в Россию, предлагаем вам потребовать через девятку на началах взаимности допущения представителей Коминтерна для участия в процессе «Нового Ми-

ра» Чернова¹⁸, тем более что этот процесс тесно связан с московским процессом эсеров. Само собой разумеется, что это наше предложение не является условием для допущения десятки в Россию, так как этот вопрос уже решен на основании вашего соглашения.

П р е с е д а т е л ь

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 4–6. Машинописная незаверенная копия того времени. Вверху л. 4 рукописная делопроизводственная помета: «Протокол Л.Д. Троцким еще не просмотрен. В случае каких-либо изменений будет сообщено дополнительно. Ст. делопроизводитель (подпись неразборчива)».

№ П-7

Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого И.В. Сталину для опроса членов Политбюро о кандидатуре председателя Верховного Революционного Трибунала на период ведения процесса

6 мая 1922 г.

Совершенно секретно

Обсудив всесторонне вопрос о кандидатах в председатели Трибунала и имея в виду чрезвычайную сложность дела, наличие в нем искусных в юридических делах иностранцев и пр., тройка остановилась на т. Пятакове, как на единственно подходящем кандидате из всех названных и настаивает на его утверждении в Политбюро^а.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 275. Л. 23. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху листа штамп о принадлежности документа к делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 6, п. 17. Внизу рукописная помета: «За Сталин». В деле также находятся (л. 24) результаты опроса, произведенного работником Секретариата ЦК Е.М. Шерлиной: «За – Сталин, за – Каменев, за – Зиновьев, за – Троцкий, за – Рыков со следующей поправкой «если не будет отвода со стороны самого Пятакова»».

№ П-8

Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского председателю комиссии Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменеву о написании брошюры по истории партии эсеров

Не ранее 6 мая 1922 г.

Секретно

Председателю Комиссии при ЦК по руководству процессом эсэров, тов. Каменеву.

^а Опуцен п. 2 почтотелеграммы, посвященный судьбе тела В. Кингисетта.

Дорогой Лев Борисович

Мне заказана была популярная брошюра по истории эсэровской партии в недельный срок. Срок этот истекает в воскресенье, при самой напряженной работе я не успел и не успею написать брошюру к этому сроку. Она будет готова к среде. Писать совсем маленькую брошюрку мне не хотелось, у меня слишком много материала и жалко ничего не сказать читателю такой суммарной полулистовкой, поэтому я предпочитаю к среде доставить большую серьезную работу, листа в два (32 страницы), но я очень прошу взвесить, как отдать ее в печать, чтобы она вышла в ближайшее к процессу время, лучше всего во время его самого. Конечно, материал для обвинительной речи у меня будет шире, но тем не менее многое в этой брошюре будет представлять из себя существенные элементы общего плана атаки^а. Это меня несколько смущает. Я склоняюсь даже к мысли, что, может быть лучше издать брошюру на другой день после моей речи, а речь напечатать отдельно. Вообще между речью и брошюрой происходит у меня некоторое замешательство. Я очень был бы Вам благодарен, если бы Вы мне сказали свое мнение на этот счет. В конце концов все дело, конечно, только в сравнительной выгоде или невыгоде разоблачения заранее хотя бы части наших аргументов.

Нарком по Просвещению

А. Луначарский

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 36. Машинописный подлинник на бланке Наркомпроса, подпись – автограф. На листе рукописная помета: «С.р. Арх[ив]».

№ П-9

Письмо К.Б. Радека в комиссию Политбюро ЦК РКП(б) («тройку») по подготовке процесса о ведении контрпропаганды за границей

10 мая 1922 г.

Тов. ТРОЦКОМУ, ДЗЕРЖИНСКОМУ, КАМЕНЕВУ, Копия т. ЗИНОВЬЕВУ.

Дорогие Товарищи.

1. Цеткина и Фроссар уже обязались ехать, других телеграфно известил. Садуля вероятно добудем. Кампанию против защитников уже начал. Материал, касающийся неизвестных мне ближе защитников, как Бонкур, ^аВаутерс, Хадегуст^б, собираю. Разослал телеграммы с запросом о материале и все пришлю, как только получу. Насчет Бонкура хорошо осведомлен Раппопорт^в, который уехал. Труднее обстоит дело с информацией о русских защитниках. Насчет Сухомлина достаточно будет иметь его статьи, которые ясно показывают его физиономию. Я стараюсь здесь добыть полный комплект «Воли России» и «Голоса России», не будучи уверен, что он у Вас имеется.

---

^а Так в документе.

^{а-б} Так в документе, следует Вотерс, Гаденгест.

^в Исправлено взамен напечатанного Рапапорт.

2. Несмотря на все вопли о материале об эсерах, ничего не получил. Просил прислать хранящийся у Самсонова протокол эсеровской конференции с конца 20[-]го года, на которой решено создать боевую организацию, но не под флагом партии. Просил прислать книгу Зензинова о Колчаковщине¹⁹, которой здесь абсолютно нельзя добыть, Письмо Чернова²⁰, нами перехваченное и напечатанное – ничего не получил. Вести агитацию общими воспоминаниями нельзя. Они людям надоели. Надо давать конкретные вещи.

3. Прошу в Ваших телеграммах подчеркивать, что считаете нужным сообщать публично, а что для нашей информации. Я имел сомнения[,] сообщить ли о наших мерах предосторожности, принимаемых по отношению к эсерам-защитникам. Эти меры само собой понятны и вряд ли господа эсеры думают, что мы их не предпримем, но зачем это сообщать, ведь только дадим возможность развить демагогию. Если решение^Г Наркомюста насчет средств предосторожности по отношению к Сухомлинову^Д и К^О будет напечатано в русских газетах, то я, понятно, напечатаю это сообщение тоже в германской печати. В противном случае советую воздержаться от печатания.

4. Коминтерн требовал, чтобы мы затребовали от немцев допущения коминтерновских представителей к процессу «Нового Мира». Этот процесс отложен до осени. Когда соберется девятка, можем вопрос поставить. Тогда надо, знать, какого участия мы требуем. Требуем ли[,] чтобы русские адвокаты имели приступ^Е к суду, или же, чтобы мы могли быть слушателями на процессе? Этого последнего незачем требовать, ибо процесс публичный.

5. Затребуйте от Исполкома Коминтерна, чтобы немедленно прислали воззвание, объясняющее популярно смысл процесса, дабы мы это воззвание могли опубликовать в день открытия процесса.

Привет

10.V. 22. Берлин

К. Радек

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 34–35. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На л. 34 вверху справа рукописная помета: «С.-Р. Арх [ив]».

№ П-10
Протокол № 1
заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б)
(«тройки») по проведению антиэсеровской кампании
в связи с процессом

12 мая 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 1
Заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании
от 12-го мая 22 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Т. Т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН и МАЛКИН.

^Г Напечатано над строкой взамен ранее напечатанного решили.

^Д Так в документе, следует Сухомлину.

^Е Так в документе.

Слушали:

1) О тезисах тов. ЛУНАЧАРСКОГО к правозсеровскому процессу.

2) О брошюре о партии с.-р. к процессу

3) Об издании биографии УРИЦ-КОГО и ВОЛО-ДАРСКОГО.

4) О специальном иллюстрированном издании к процессу эсеров

5) О выпуске 2-х специальных номеров Агитроста, посвященных эсерам

6) Об организации бюро Печати по снабжению материалами газет о эсерах.

7) Порядок расходования средств.

8) О заседаниях тройки.

Постановили:

1). Тезисы немедленно сдать в печать с условием, чтобы 13-го Мая в 12 час. дня были готовы в количестве 10. 000 экз. для разсылки на места.

2). Брошюру тов. ВАРДИНА²¹ в 2 листа сдать в печать в субботу 13-го Мая утром для напечатания в 10. 000 экз.

3) Поручить тов. ФЛЕРОВСКОМУ совместно с тов. ГЕССЕНОМ подготовить биографи[и] к завтра, 13-го Мая.

4) Выпустить специальное иллюстрированное издание, рисующее разрушительную работу, покушение на т. ЛЕНИНА и др. вождей революции и вообще всю деятельность эсеров за время гражданской войны под ответственностью тов. МАЛ-КИНА.

5) Выпустить 2 специальных номера Агитроста до^а судебного процесса[,] посвященных работе эсеров.

6) Поручить тов. КОЛЬЦОВУ организовать Бюро Печати по снабжению Центральных газет и «Помощь Газете» материалами о эсерах под ответственностью тов. МАЛКИНА.

7) Ассигнования на расходы по агитации проводятся тов. ЯКОВЛЕВЫМ, остальные тов. МАЛКИНЫМ.

Заседания происходят по вторникам и пятницам в 11 час. утра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 13. Незаверенная машинописная копия того времени. Вверху справа рукописная помета, предположительно рукой Л.Б. Каменева: «Арх[ив]».

№ П-11

**Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого членам «тройки»
о необходимости изменения характера агитационной
кампании в связи с предстоящим процессом**

13 мая 1922 г.

ПОЛИТБЮРО, Л.Б. КАМЕНЕВУ^а, Дзержинскому.

^а Исправлено взамен ранее напечатанного для.

^а Подчеркнуто в документе.

Считаю, что в агитации нашей по поводу эсеров мы берем сейчас явно неправильный тон, говоря об этой партии в целом, окрашивая ее прошлое, настоящее и будущее в одну и ту же краску.

Важнейшая политическая задача агитации: окончательно закрепить за коммунизмом тех бывших эсэровских рабочих и, вообще, тех бывших эсэров, которые уже вошли в партию или тяготеют к ней, посеять сомнение и колебание в новых кругах эсэров и, таким образом, изолировать эсэровские верхи.

В самом процессе мы опираемся на значительное количество эсэров, либо вошедших в нашу партию, либо поддерживающих ее. С этой точки зрения нам необходимо выдвигать то, что у этой партии, при ее мелкобуржуазной теории и авантюристских методах, было героическое прошлое, носителями которого были боевики-рабочие, наиболее самоотверженные элементы интеллигенции, и проч. и проч. Именно эти элементы, порывая с партией и переходя к коммунизму, спасают этим то лучшее, что в них было в подпольи, в героический период борьбы партии социал-революционеров.

Одним из важнейших доводов против руководящей клики должно быть то, что она использует ореол самоотверженных героев, как Сазонов, Каляев и пр. и пр. для прикрытия сделок с империалистами и т. д.

Только такой агитацией мы проникнем в новые круги, еще не свободные от влияния эсэров.

По той же причине не нужно придавать агитации крикливо-ругательного характера. Эсэрствующий или полу-эсэрствующий уже с первого слова ошарашивается по лбу крепчайшими эпитетами и, разумеется, перестает следить за ходом мыслей автора. Наоборот, надо, скорее, усвоить тон «сожаления» к обманутым и тон разъяснения им, на ярком примере, того, что они являются пушечным мясом контр-революции. Вся наша нынешняя агитация есть отголосок прошлого: старыми словами, на старой территории, против старых врагов. А нам нужно сейчас расширить, и очень широко расширить, рамки нашей анти-эсэровской агитации. Поэтому агитационный подход к делу должен быть по существу совершенно иной. Эти соображения тесно связаны с теми, которые я излагал по вопросу о заграничной агитации (так называемая инструкция т. Сосновскому). Полагаю, что нужно в том или ином виде эти указания преподать нашей печати: либо от имени секретариата ЦК, либо от имени Политбюро.

13/V 22

Л. Троцкий

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 37–38. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. Вверху л. 37 рукописная помета: «Арх[ив]».

№ П-12

Протокол № 2

заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б) («тройки») по проведению антиэсэровской кампании

16 мая 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 2

Заседания Агитационной Тройки по эсэровской кампании
от 16-го Мая 1922 года

ПРИСУТСТВУЮТ: т. т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН, МАЛКИН

Слушали:

1) О напечатании тезисов Агитпропа ЦК в газете «Известия»

2) Об издании биографии тов. УРИЦКОГО

3) Об иллюстрированном издании.

4) О выпуске специального номера «Агитроста».

5) Об издании частной стенограммы о судебном процессе ВАДИМОМ ЧАЙКИНЫМ.

6) О проведении эсеровской кампании на местах

7) О формах агитации на местах

8) О тезисах для агитаторов.

9) О лозунгах кампании²².

10) О привлечении партийных литераторов к системати-

Постановили:

1) Выразить сожаление, что тезисы, выпущенные Агитпропом ЦК к процессу эсеров[,] появились в «Известиях» за фантастическими подписями.

2) Биографию т. УРИЦКОГО, написанную т. ФЛЕРОВСКИМ[,] сдать в Бюро Печати для напечатания в газетах и Госиздату для издания в виде брошюры с портретом тов. УРИЦКОГО.

3) Одобрить выпуск иллюстрированного издания приложением к газете «Известия», включив в него снимки, рисующие работу эсера бандита Антонова в Тамбовской губ. Тов. МАЛКИНУ к следующему заседанию представить один экземпляр издания.

4) Предложить тов. ФЛЕРОВСКОМУ не позже конца текущей недели выпустить первый номер Агитроста[,] посвященный эсерам.

5) Просить Политбюро дать директивы по вопросам о допустимости частного издания стенограм[мы] о процессе В. Чайкиным. С своей стороны Комиссия полагает, что частная стенограмма может выходить лишь при условии самой строгой цензуры.

6) Поручить тов. ПОПОВУ и ЯКОВЛЕВУ написать телеграммы всем Губкомам в связи с подготовкой и проведением процесса с.-р.

7) а[)] Пресса; б[)] Митинги с резолюциями с немедленным опубликованием в печати и посылкой в центр. в) Систематическая информация по телеграфу Агитроста через корреспондентов о ходе кампаний, г) Кампанией руководит тройка из Секретаря Губкома, редактора газеты и Заведывающего Агитпропом, д) Осветить специально работу эсеров в данной губернии, районе и проч., е) Аналогичные указания дать по военной линии.

8) Поручить тов. ВАРДИНУ на основе материалов обвинения сформулировать тезисы для агитаторов в 3/4 листа.

9) Поручить т. ВАРДИНУ к следующему заседанию Комиссии представить проект лозунгов к эсеровской кампании

10) Мобилизовать нижеследующих т.т.: ЛАЦИС, КАРПИН-СКИЙ, ДЕ-

ческой работе в газетах на время кампании.

ВИЛЬКОВСКИЙ^а, СТЕКЛОВ, ЗОРИН, НОВИЦ-КИЙ, ОВСЯННИКОВ, ВАРДИН, ПОПОВ, МИКОЯН, ХОТИМ-СКИЙ, ГЕССЕН, ЯКОВЛЕВ, КОЛЕГАЕВ, БИЦЕНКО, БЛЮМ-КИН, АШМАРИН, КОЛЬЦОВ, МЕЩЕРЯКОВ, ПОЛЯКОВ М., ЛЕПЛЕВСКИЙ, СМОЛЯНСКИЙ Г., ШМИДТ Л., ПОКРОВСКИЙ М.Н., МЕЛКОВ, БЕРДНИКОВ, СВЕТ-ЛОВ, САПОЖНИКОВ, СОРИН, СТУКОВ, созвав таковых на совещание в пятницу в 11 час. утра для прикрепления к газетам.

11) О статьях по разложению эсеровской партии.

11) а) Поручить тов. БИ-ЦЕНКО написать статью, дающую полную картину развала эсеровской партии за годы войны и революции

б) Тов. МИКОЯНУ написать статью о деятельности эсеров на Кавказе и в Туркестане.

в) О деятельности эсеров на Дальнем Востоке поручается написать т. ХОТИМСКОМУ и на Украине тов. ПОПОВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я. ЯКОВЛЕВ

Секретарь: РУДАКОВ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 15–15 об. Незаверенная машинописная копия того времени, вверху л. 15 рукописная помета предположительно рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-13

Рапорт зам. председателя Верховного Трибунала А.В. Галкина председателю Трибунала Н.В. Крыленко с просьбой о предоставлении ему отпуска на время процесса

17 мая 1922 г.

Секретно

Председателю Верховного Трибунала тов. Н.В. Крыленко
Заместителя Председателя А.В. Галкина

Рапорт

По разстроенному здоровью прошу разрешить мне отпуск с 1 Июня 1922 г.

Я уже имею Ваше согласие на этот отпуск, но не с 1 Июня, а лишь по окончании процесса правых с-р'ов, в коем я назначен участвовать в каче-

^а Так в документе, следует ДИВИЛЬКОВСКИЙ.

стве члена суда. Но я убедительно прошу Вас освободить меня от этого процесса и разрешить просимый отпуск по следующим соображениям.

Процесс с-р'ов, как известно, решено поставить под председательством совершенно постороннего Трибуналу товарища Пятакова, специально для сей цели делегируемого в Трибунал. Не вдаваясь в оценку политического момента такой делегации и не усматривая большой беды в уклоне процесса в сторону партийного диспута (чего очень желают подсудимые), я обращаю Ваше внимание на впечатление[,] какое она произведет неизбежно в общественных кругах как партийных так и беспартийных, в особенности же близких к трибуналу. Назначение кандидата в ЦК РКП. тов. Пятакова будет обязательно понято как желание Ц.К. повести процесс не только под секретной директивой^а Ц.К., но под явным, непосредственным и неослабным его руководством, а из практики Верх[овного] Трибунала мы знаем сколь вредно и компрометирующе отзываются на нем даже секретные директивы Ц.К., случайно получавшие некоторую огласку в своих кругах; в этом же случае ни для кого не будет секретом, что судит не трибунал, а Ц.К. и наличие двух других членов Суда (из Трибунала)[,] не влияющих на процесс и снабженных директивой для Совещательной комнаты[,] не изгладит впечатления. Я не знаю может быть с точки зрения Ц.К. так именно и нужно, но для судебного органа, да еще самого высшего в Республике, никакая гласная директива абсолютно не приемлема, от кого бы она ни исходила и как бы ни была необходима. Думаю, что в этом случае Вы разделяете мое мнение и доказывать его справедливость не надо.

Помимо сего те же общественные круги, среди коих нам приходится много вращаться, а также многочисленные провинциальные работники, подчиненные Верхтрибу, справедливо усмотрят в назначении постороннего председателя факт прямого недоверия к Верховному Трибуналу. Всем известно, что в Верхтрибе имеются председатели Карклин, Межин, Ульрих, заместители Галкин, Глузман и друг[ие], утвержденные Президиумом ВЦИК, не снятые с должностей, не больные и не откомандированные[,] и если бы даже Ц.К. захотел обезпечить себе право голоса в процессе для освещения политических моментов его, то, при наличии среди обвинителей члена Ц.К. (тов. Бухарина) было бы с избытком достаточно предоставить представителю Ц.К. одно место в числе членов суда (боковых), вполне полноправных для задания вопросов, судебных разговоров и влияния в совещат[ельной] комнате, без демонстрации исключительно партийного руководства в суде. И если Ц.К. все же на это решился, то чем иным, кроме недоверия к Карклину, Галкину и прочим можно объяснить этот шаг, — назначение тов. Пятакова? Принимая же во внимание, что тов. Пятаков никогда не работал в трибуналах и судах и совершенно неопытен в этом деле, это недоверие нельзя никоим образом отнести на счет недостаточной деловитости и судебного умения трибунальских председателей и в том числе меня: если мне предпочитают новичка, впервые участвующего в трибунале и даже не знакомого с законами по Советской юстиции, то стало быть тут дело не в моей малоопытности как судьи, а в чем[-]то другом. И всякий разумный человек поймет[,] что это недоверие гораздо глубже простой браковки за деловой непригодностью.

В виду изложенного докладываю, что участие в процессе с тов. Пятаковым как председателем для меня равносильно отставке. Но я так сработался с Верхтрибом и с Вами, так люблю это дело и не хочу уходить, что убедительно прошу Вас пойти на компромисс и избавить меня от этого участия, которое сделает всю мою дальнейшую работу невозможной, неавторитетной, неуспешной. Дайте мне отпуск, я уеду до процесса и тем

^а Здесь и далее так в документе.

самым не понесу никакой ответственности за происшедшее и не буду чувствовать той подавленности и разбитости[,] с которой уже хорошо работать нельзя. По приезде из отпуска я очень бы хотел работать только с Вами. Конечно, я человек строго дисциплинированный, старого закала, но Вы и сами понимаете, что одного дисциплинарного подчинения для дела мало и оставаться в Верхтрибе будет неудобно. Я очень хочу остаться, если Вы против меня ничего не имеете.

Зам. Председат[еля] А. Галкин

P.S. Сидение мое в процессе будет практически полезно не более чем всякаго иного члена суда, т[ак] [как] вмешаться в действия Председателя в случае его ошибок будет нельзя: процесс демонстративно-публичный и со стенограммами. Влияние же в совещ[ательной] комнате недостаточно. Сидеть, конечно, буду, если прикажут, но потом уже не смогу работать в Трибунале.

17/V [1]922

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 44–45 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 44 вверху слева рукописная помета рукой Н.В. Крыленко: «т. Каменеву. На рассмотрение. 19/V».

№ П-14

Циркулярная телеграмма ЦК РКП(б) губкомам и обкомам о необходимости изменения характера агитационной кампании в связи с предстоящим процессом

19 мая 1922 г.

СЕКРЕТНО. ЦИРКУЛЯРНО.

ПОЧТО-ТЕЛЕГРАММА № 3748/с

ВСЕМ ГУБКОМАМ И ОБКОМАМ

ЦК считает нужным указать, что в агитации нашей поповоду^а предстоящего процесса эс-эров часто берется^б явно неправильный тон, говорящий об этой партии в целом, окрашивающий ее прошлое, настоящее и будущее в одну и ту же краску.

Важнейшей политической задачей агитации [является]: окончательно закрепить за коммунизмом тех бывших эс-эровских рабочих и вообще, тех бывших эс-эров, которые уже вошли в партию или тяготеют к ней, посеять сомнение и колебание в новых кругах эс-эров и таким образом изолировать^в эс-эровские верхи.

В предстоящем процессе над эс-эрами мы опираемся на значительное количество эс-эров, либо вошедших в нашу партию, либо поддерживающих ее. С этой точки зрения нам необходимо выдвинуть то, что у этой партии, при ее мелкой буржуазной^г теории и авантюристских методов^д

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

^г Так в документе, следует мелкобуржуазной.

было героическое прошлое, насителями^е которого были боевики рабочие, наиболее самоотверженные элементы интеллигенции и пр. и пр. Именно эти элементы, порывая с партией и переходя к коммунизму, спасают этим то лучшее, что в них было в подполье, в героический период борьбы партии социал-революционеров.

Одним из важнейших доводов против руководящей клики должно быть то, что она использует ореол самоотверженных героев, как Сазонов, Каляев и пр. и пр. для прикрытия сделок с империалистами и т. д.

Только такой агитацией мы проникнем в новые круги, еще не свободные от влияния эс-эров.

Потой^ж же причине не нужно придавать агитации крикливо-ругательного характера. Эсэртствующий или полу-эс-эртствующий уже с первого слова ошарашивается по лбу крепчайшими эпитетами и разумеется, перестает следить за ходом мыслей автора. Наоборот, надо, скорее усвоить тон «сожаления» к обманутым и тон разъяснения им, на ярком примере того, что они являются пушечным мясом контр-революции.

СЕКРЕТАРЬ ЦК РКП

В. Куйбышев

19-го мая 1922 г.
г. Москва

– ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 278. Машинописный подлинник, подпись – факсимиле. В правом верхнем углу резолюция секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) И.И. Ходоровского: «1) На Сиббюро, 2) всем губкомам 3) Сообщить содержание тт. Березовскому и Тумаркину. Ходоровский. 8/VI 22» и исходящий номер с датой рассылки «13/VI».

№ П-15

Открытое письмо члена РКП(б) Г.И. Мясникова²³

19 мая 1922 г.

ПОДЛОГ

В № 958 эс-эровского «Голоса России» напечатано «Обращение Рабочей оппозиции» к трудящимся всех стран. От группы членов РКП ко всем организованным трудящимся.

Подписано оно Мясниковым и Батуриным.

Я заявляю перед лицом всех рабочих всего мира, что этого заявления не писал и не подписывал.

Эта эсеровская стряпня предназначена на тот предмет, чтобы порадовать буржуазию всего мира, съехавшуюся на Генуэзскую конференцию для единоборства с единственным во всем мире правительством мозолистых рук, порадовать тем, что Советская Россия находится на краю гибели, она разлагается, а потому де (Вы буржуа) напрасно и разговариваете с ним, давайте[-]ка лучше поговорим о том, как бы поскорее свергнуть эти ненавистные Вам и нам Советы.

Лакейская душа эсеров здесь сказалась как нельзя лучше.

^д Так в документе.

^е Так в документе.

^ж Так в документе.

Они состряпали, сфабриковали это обращение и сами ликуют, радуются, что доставили истинное удовольствие своим господам.

Они радуют их (своих господ – буржуазию всего мира) не только пророчествами на счет скорой гибели Советской Власти (этих пророчеств от них и иже с ними в течении четырех лет – все слышали предостаточно), а радуют своим усердием, с которым они обманывают рабочих.

Вот поглядите[-]ка пролетарии всего мира на русских рабочих – они расправились с буржуазией и помещиками и им так скверно теперь, что они спят и видят пришествие своих спасителей-помещиков и буржуазии, с нами эс-эрами во главе – так вы не вздумайте производить революции – живите мирно и восхваляйте благости буржуазного мира. Не слушайте, мол, коммунистов, призывающих к немедленной борьбе за власть мозолистых рук – за диктатуру пролетариата, потому что это так ужасно, да и бесполезно, потому что возьмете власть, а потом опять к буржуазии придете с поклоном, чтоб они опять пришли владеть и править вами, а слушайте нас (Черновых, Керенских, Авксентьевых, ваших Шейдеманов, Носке, Эбертов), готовых с оружием в руках вкупе и любе с буржуазией всего мира свергнуть, уничтожить эту Советскую власть и укрепить буржуазную диктатуру во всем мире. (Это называется на их языке демократией).

Товарищи... Они пытаются в сфабрикованном ими обращении свалить вину за потоки рабоче-крестьянской крови, пролитой в гражданской войне на наших вождей, на вождей пролетариата, единственной в мире трудовой Республики.

Но спросите их[,] товарищи, кем из рабочих, крестьян и солдат была поддержана Учредилка. Более бескровной революции, чем октябрьская, пролетарская революция не было во всем мире. Спросите, товарищи, у них – отказались ли они от вооруженной борьбы с Советской властью, от союза с буржуазией, в котором они состоят вот уже четыре года.

Они хотят путем вооруженной борьбы, на радость мировых угнетателей свергнуть Советскую власть, т.е. желают еще и еще раз начать гражданскую войну. Им еще мало страданий и мук, которые пережили мы, рабочие и крестьяне России, им еще мало тех потоков рабоче-крестьянской крови, которую они пролили в союзе со всеми разбойниками мирового капитализма. Они жаждут еще крови...

Посеяв ветер – пожнете бурю, господа хорошие, можем сказать вам, клеветникам, грязным лакеям мировой буржуазии, мы измученные, ни кем-нибудь[,] а вами в союзе с буржуазией рабочие и крестьяне России.

Товарищи... Для каждого из нас ясно, что не поддержки иностранная буржуазия наших доморожденных Шейдеманов, Носке, Эберта (Чернова, Керенского, Авксентьева, Дана, Мартова и других)[,] мы бы с ними расправились в два счета. А если бы эти господа «тоже социалисты» не вели гражданской войны против нас – рабочих и крестьян, организованных в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов, а вела ее только буржуазия, то не было бы тех страданий и мук, которые пережили мы.

Если бы все социалисты России признали безоговорочно Советскую Власть, то ведь те полки и армии крестьян, которые боролись против Советов с Деникиным, Колчаком, Юденичем и прочими помещиками и генералами, сама буржуазия и помещики сформировать не сумели бы. Это они, предатели, своим социалистическим ярлыком обманывали рабочих. Это они своим красным знаменем закрыли лютых и вековых врагов наших и временно обманули нас.

Теперь они это делают в мировом масштабе.

Мы здесь их раскусили. Они здесь были биты и поделом. Мы верим, что будут биты и на мировой арене классовой борьбы.

У них нет больше идейного багажа в борьбе с нами, они прибегают к подлогу.

Они сфабриковали за границей эти воззвания, якобы подписанное^а мной, но настолько неумело, что всякий знающий хоть что-нибудь в политике рабочий сразу раскусит их. Они там пишут: «мотивы, вызвавшие наш горячий протест, поданный пленарному заседанию исп[олкома] Коминтерна» и т.д.

Здесь сразу видны заграничные ослиные уши из «Голоса России». Известно ли вам, господа фабрикатеры, что есть только Исполком Коминтерна и, что никакого Центрального исполкома нет... А это, что за выражение «Пленарное заседание съезда Центрального исп[олкома] Коминтерна»... Тоже ослиные уши видны. В то время заседал расширенный Пленум Исполкома Коминтерна. А все воззвание, которое вы подделываете под коммунистическое[,] насквозь пропитано эсеровщиной. Ну, какой марксист-коммунист будет объяснять гражданскую войну взаимным непониманием вождей. Это целиком ваше достояние. Вы там пишете: «сущность гражданской войны заключалась во взаимном непонимании. Вожди двух течений, вожди реакции и революции не пожелали сговориться и предпочли разрешить свой спор кровью невинных рабочих».

Ну что это такое... Ведь это ваши герои и толпа. Это ваша идеология. Это вы ведь представляете нас[,] рабочих, как «массу серого цвета с средними идеалами», а себя, как «многосочных, многогранных, ярко окрашенных героев, призванных лепить по своей прихоти из этой массы, что вам угодно[»].

Не чисто, господа работаете... Уж если надо было подделать, то взглянули бы в нашу коммунистическую-марксистскую литературу, да нашим языком и изложили, а то ведь сплошной конфуз.

Вы, грязные лакеи, хотите использовать наши разногласия в нашей пролетарской семье... Прочь грязные руки.

Да, у нас есть разногласия, но мы спорим знаете^б о чем... Как вам и вашим господам (т.е. буржуазии всего мира), вернее набить морду, без лишних жертв. А что Вам морду надо набить, в этом у нас разногласий нет и никто не сомневается из нас также и в том, что вы в мощном пролетарском союзе всех стран под руководством III Коммунистического Интернационала набьем[-]таки вам ее. Вопрос только о времени и методах.

Да[,] разногласия у нас есть. Но пролетарии всех стран понимают, что мудрено им не быть. Мы первые, в мало культурной стране, с преобладающим крестьянским населением, в безпримерно тяжелой обстановке перекраиваем на новый лад всю жизнь, и вы хотите, чтобы у нас все шло как по маслу... Ведь мы примеров в истории не знаем. А потому неизбежно и разномыслие. Но что это показывает... не разложение наше, в чем хотят вас убедить соглашатели всех мастей, а нашу силу.

Но мы все убеждены, что настала эра социалистической революции, что настал час, когда пролетарии всего мира должны объединиться и единым мощным усилием опрокинуть мир гнета, крови, корысти, и слез, и порабощения человека человеком и создать вольное царство труда.

«Призрак ходит по миру, призрак коммунизма[»]. Для священной травли этого призрака соединились все силы всего мира. Папа и короли, патриарх Тихон и эсэры, Шейдеманы, Эберты, Даны, Мартовы, Вандервельды и Стинессы, группы Рокфеллеры и Морганы, Мильераны и Гардиш, Микаде и Султан.

^а Так в документе.

^б Исправлено взамен напечатанного значете.

«Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетарии могут потерять в ней только свои цепи. Приобретут же они целый мир. Пролетарии всех стран[,] соединяйтесь... И то будет последний и решительный бой[,] с интернационалом воспрянет род людской. Мир хижинам, война дворцам...[»]

Вот это мое слово, которое я хочу сказать пролетариям всех стран.

А вам, господа из «Голоса России», если вы имели наглость поместить мое имя под Вашей стряпней, на предмет одурачивания рабочих всех стран, так напечатайте и мое обращение-опровержение.

Пролетарии всех стран по достоинству оценят ваши милые приемы.

Все газеты, соблазненные «Голосом России» и напечатавшим^в это обращение[,] прошу перепечатать.

Г. МЯСНИКОВ.

Р.С. Еще маленькая подробность. Обращение помечено датой 14 марта, Москва, а меня в Москве в это время уже не было.

МЯСНИКОВ.

Москва, 19/V-22 г.

– АПРФ. Ф. 30. Оп. 59. Д. 15. Л. 16–19. Машинописная копия того времени. На л. 15 на бланке Секретаря Центрального Комитета записка рукой В.М. Молотова: «Предлагаю: 1. Кратко изложить всю историю с подлогом письма Мясн[ико]ва изложить в “Правде”. 2. Кратко же (парой ярких выдержек о подлоге, против эсеров и за Коминтерн) процитировать в “Правде” письмо М[яснико]ва (далее часть текста не прочитана – сост.)». Вверху листа рукописные пометы: «Архив», «т. Назаретяну для Сталина».

№ П-16
«Протокол № 3
заседания Агитационной
Тройки по эсеровской кампании»

от 23 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН и МАЛКИН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: т. ЯКОВЛЕВ

Секретарь: т. РУДАКОВ.

С л у ш а л и:

1) О литературе к процессу эс[е]ров для провинции.

П о с т а н о в и л и:

1) а) Поручить тов. ПОПОВУ прореферировать вышедшую и вновь выпускаемую литературу по процессу.

б) Брошюру тов. СТЕКЛОВА²⁴ отпечатать в количестве 25.000 экзempl[яров].

в) Тов. ВАРДИНУ и ПОПОВУ к 27-му Мая дать тезисы для агитаторов на основе материалов обвинительного акта.

Просить Центральную Комиссию предоставить т.т. ПОПОВУ и ВАРДИНУ возможность прочтения обвинительного акта.

г) Поручить тов. РУДАКОВУ проверить выполнение постановления совещания редакций и

^в Так в документе, следует напечатавшие.

- 2) О ходе кампании на местах.
- 2) а) Поручить Агитотделу МК организовать своевременную передачу в РОСТА резолюций[,] принимаемых на рабочих собраниях[,] немедленно по их принятии.
б) РОСТА организовать выпуск специального бюллетеня[,] дающего картину отношения рабочих масс к процессу.
в) Дать телеграммы местам с напоминанием о срочной посылке по телеграфу сводок о ходе кампаний в РОСТА.
- 3) О связи с МК по устройству демонстраций и встречи защиты.
- 3) Делегировать тов. ВАРДИНА в Агитотдел МК для большего контакта в работе по устройству демонстраций и встречи защитников. –

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Я. ЯКОВЛЕВ)

Секретарь (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 14. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф.

№ П-17
«Протокол № 4
заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании»

от 26 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ и МАЛКИН.

С л у ш а л и:

- 1) Об отпечатании обвинительного акта для партийных организаций.
- 2) Передача сведений о ходе кампании МК и Агитроста
- 3) О статье «Убийство 26-ти Бакинских Комиссаров».
- 4) О лозунгах кампании.

П о с т а н о в и л и:

- 1) Поручить тов. МАЛКИНУ организовать отпечатание обвинительного акта для партийных организаций в количестве 5.000 экз. за счет ЦК.
- 2) Подтвердить необходимость непосредственной передачи Московским Комитетом сведений в «Роста» ввиду того, что иной путь задерживает своевременное опубликование материалов.
- 3) Поручить тов. ВАРДИНУ осветить в печати эпизод из деятельности эсеров в Закаспийской области Убийства^а 26-ти Бакинских комиссаров и др.
- 4) К следующему заседанию Комиссии тов. ВАРДИНУ представить проект лозунгов к кампании.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 15а. Машинописная копия. Вверху листа рукописная помета о рассылке: «т. Каменеву».

№ П-18

^а Так в документе.

**«Протокол № 5
заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании»**

от 30 мая 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, МАЛКИН.

С л у ш а л и:

1. Об издании брошюры о бандитской деятельности социалистов-революционеров.

2. О демонстрации к процессу.

3. О газетной агитации.

П о с т а н о в и л и:

1. Издать брошюру тов. Козакова об «Антоновском восстании».

2. На следующее заседание^а комиссии 2-го июня вызвать представителя М.К. для доклада о ходе работ по подготовке демонстрации.

3. Признать необходимым немедленное использование материалов обвинительного акта в печати. Поручить тов. Вардину и т. Попову совместно с т. Крыленко выделить в обвинительном акте места, могущие быть немедленно использованы в газетах. –

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 17. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф.

**№ П-19
«Протокол № 6
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»**

от 2 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ, Представитель МК – т. СОРИН.

С л у ш а л и:

1) Об устройстве широкой рабочей демократии^а в деле начала процесса с.-р.

2) О ло[з]унгах кампании.

П о с т а н о в и л и:

1) Заслушав сообщение т. СОРИНА[,] решено довести до сведения Секретариата ЦК о том, что М.К. считает нецелесообразным устройство общей рабочей демонстрации в день начала процесса и предполагает ограничиться частичными демонстрациями отдельных фабрик и заводов в течение всего процесса. Просить Секретариат ЦК дать точные указания.

2) Следующие лозунги, представленные т. ВАРДИНЫМ, утвердить, поручив ему до 3 час. дня представить дополнительные лозунги на следующие темы: 1) Защитники, 2) Социалисты-революционеры Антанты^б, 3) Социалисты-революционеры и террор:

^а Исправлено взамен напечатанного заседания.

^а Так в документе, следует демонстрации.

^б Так в документе, следует, видимо, и Антанта.

«Эсеры воюют против Рабочей страны. Долой белых заговорщиков, долой белых убийц».

«Рабочим и крестьянам Советской России нужны мир и порядок – смерть партии эсеров – зачинщице новой войны в стране».

«Партия эсеров снова пытается возглавить контрреволюцию. Нужно обезглавить эту преступную шайку, чтобы утвердился мир в рабочей стране».

«Эсеры – партия новой войны. Они хотят, чтобы рабочая Россия опять запылала в огне пожарищ».

«В классовой войне мы не признаем нейтральных. Защитники наших врагов – сообщники наших врагов».

«Кто защищает наших смертельных врагов, – тот наш злейший враг».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 18. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописная помета предположительно рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-20
Протокол № 7
заседания «тройки» по подготовке
и проведению процесса

3 июня 1922 г.

Присутствовали: т.т. Троцкий, Каменев, Пятаков, Крыленко, Малкин, Уншлихт

С л у ш а л и:

П о с т а н о в и л и:

О Либере

1. ГПУ довести до сведения Трибунала о подписке, данной ранее Либером. Трибунал вызывает Либера²⁵ и в связи с этой подпиской исключает из списка защитников.

О защитниках от м[еньшеви]ков

2. Трибуналу выработать соответствующую мотивировку отказа и опубликовать его.

3. Переслать через т. Малкина след[ующую] телефонограмму в «Известия» и «Правду»: Заявление ЦК меньшевиков об участии их представителей в процессе эс-эров в качестве защитников ни в коем случае не подлежит печатанию. Можно цитировать отдельные места с самой решительной критикой и разоблачением политической связи эс-эров и меньшевиков.

О требовании Вандервельде относительно билетов²⁶

4. Требование отклонить с соответствующей мотивировкой.

О распределении

5. Предложить обратить усиленное внимание:

билетов

1.) на состав аудитории при суде и 2) на то, что все места, предоставленные МК[,] должны быть действительно заполнены. Меры к выполнению этих директив можно возложить на созданные в каждом районе ответственные двойки или тройки, которые следили бы за тем, чтобы билеты не передавались и чтобы билеты использовались действительно каждый день. Передача билетов в обывательские руки должна подвергаться строжайшей партийной каре. При МК должен состоять один ответственный товарищ, который наблюдал бы за проведением этих директив по районам. Тов. Малкину договориться с МК об организации и способах проверки.

6. Все индивидуальные билеты и в частности выданные обществу старых большевиков должны иметь строго именной характер. Обладатели билетов отвечают за их использование полностью на все время процесса (с [...] ^a личной подписью). Т. Малкину проверить использование всех билетов.

О распределении билетов

О характере агитации

7. Принять к сведению сообщение т. Малкина[...] ^b

11. 2) Из цитат, приводимых в газетах, вытекает, что Чернов ежедневно призывает к вооруженной борьбе, принципиально ее признает и поддерживает. Между тем Курский разъяснил, что обязательство наше означает признание отказа эс-эров от вооруженной борьбы.

3) Когда мы получили извещение о заранее данном обещании не применения расстрела в случае соответствующего приговора Трибунала, в рабочих кругах было большое возмущение. Т. Ленин явился выразителем его в своей статье, когда писал, что мы заплатили слишком дорого за вход²⁷. Теперь этот мотив отпадает. Партия эсеров, из-за которой поднялся вопрос, примыкающая ныне ко 2-му Интернационалу, статьями Чернова соглашается на единый фронт без коммунистов. 2-й Интернационал сорвал единый фронт данной эпохи, какой же смысл имеет сохранение этого обязательства. Разумеется, мы не отказываемся от единого фронта. Но мы будем вести его снизу, с европейскими рабочими низами, которые вовсе не требуют помилования убийц наших вождей.

12. «Правда» откликнуться соответственной передовой статьей на эти письма в том смысле, чтобы поставить обязательство под знак вопроса.

13. Бешено вести соответственную агитацию в «Рабочей газете» и «Красной газете».

14. После этой агитации провести соответствующие резолюции на больших заводах.

^a Слово не прочитано.

^b Далее часть документа не прочитывается.

15. Одному из районных Советов поставить тот же вопрос в форме обращения в Исполком Моск[овского] Совета для постановки вопроса [в] полном объеме. Одному из районных комитетов послать такой же запрос в МК.

16. На время проведения процесса газетам свои статьи и отклики и проч. приурочить целиком к самому ходу процесса и давать статьи конкретные с персональными характеристиками, а не вообще агитационные статьи.

Об ознакомлении иностранных защитников с печатью.

О свидетелях.

17. Поручить т. Малкину проследить за тем, чтобы все появляющееся в иностранной и эмигрантской печати доходило до защитников.

18. М. К. составить группу рабочих свидетелей с заводов по возможности из всех районов Москвы, каковые рабочие – свидетели должны были бы в краткой форме обрисовать деятельность эс-эров на их заводах и их районах в самый критический момент жизни Советской Республики.

19. Поручить т. Малкину разъяснить т. Стукову его задачу и связаться с М. К.

20. Свидетели с заводов, являющиеся на процесс, должны предварительно иметь за собой одобрение максимального числа крупных заводов Москвы, снабженные подписями, ко времени собрания подписей, которые должны даваться сознательно, приурочить в дальнейшем всю агитацию в связи с процессом эс-эров.

21. Признать крупную манифестацию желательной, но не приурочивать ее к 1-му дню процесса, а вырешить вопрос о манифестации в связи с успехом кампании с подписями. В 1-й день процесса ограничиться сравнительно небольшой манифестацией.

22. Послать т. Крестинскому телеграмму: Снова подтверждаем необходимость добиться отсрочки процесса по делу «Нового Мира» до окончания процесса эс-эров в Москве, так как документы находятся в Москве и не могут быть препровождены в Берлин до конца начинающегося процесса эс-эров. Нельзя-ли, чтобы защитники по делу «Нового Мира» выехали в Москву. Предлагаем требовать допущения Коммунистических защитников на тех же основаниях, на каких допущена защита Вандервельде в России.

23. Переговорить с Зиновьевым о желательности обращения Коминтерна к Вандервельде и др[угим] защитникам с предложением выступить в самой решительной форме в пользу того, чтобы на процессе «Нового Мира» в Берлине и на процессе Домбалья в Польше были допущены в качестве официальных защитников представители Ком[мунистического] Интернационала. Сделать

это необходимо поскорее, чтобы получить ответ до начала процесса эс-эров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

СЕКРЕТАРЬ:

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 7–8. Незаверенный машинописный экземпляр того времени. На л. 7 вверху рукописные пометы: «Т. Каменеву», «Архив».

№ П-21
Протокол № 7
заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б)
(«тройки») по проведению антиэсеровской кампании

7 июня 1922 г.

ПРОТОКОЛ № 7
Заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании
от 7-го Июня 1922 года.

ПРИСУТСТВУЮТ: Т. Т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН, ПОПОВ, МАЛКИН

С л у ш а л и: **П о с т а н о в и л и:**

1) Об агитации в газетах во время процесса.

1) а) Констатировать, что агитация в тех формах, в которых она велась за последнее время[,] себя исчерпала, указать московским газетам на необходимость связывать каждый момент своей агитации с процессом. Давать исключительно конкретный материал[,] рисующий ход процесса и комментирующий новые данные о позиции социалистов-революционеров, поскольку их будет давать процесс. Возможно меньше брани. Больше фактического и бытового материала[,] связанного с контрреволюционной деятельностью социалистов[-]революционеров. За все время процесса вести линию выявления и подчеркивания противопоставление^а рабочих низов с.-р. цекистской верхушке партии

б) Послать Губкомам и через Роста местной прессе следующие директивы: ЦК предлагает при агитации вокруг начавшегося процесса с.-р. руководствоваться данными ранее директивами о необходимости противопоставления изменнических и контр[-]революционных верхов эсеровской партии обманутым рабочим и крестьянским низам[,] следить за ходом процесса и освещать даваемые им новые конкретные материалы, изобличающие контр-революционную деятельность партии с.-р. Постоянно подчеркивать, что партия с.-р. есть партия возобновления гражданской войны со всеми связанными с ней бедствиями.

^а Так в документе, следует противопоставления.

2) О демонстрациях 20-го Июня.

2) а) Предложить всем газетам номера 20-го Июня посвятить убийствам^б т. ВО-ЛОДАРСКОГО в связи с общей террористической деятельностью против рабочих и крестьян.

б) В нескольких номерах перед 20-м Июня вести подготовительную работу в этом направлении, все это тесно связать с процессом.

в) Предложить М.К. выпустить специальную листовку.

г) Предложить тов. СОРИНУ на заседаниях Комиссии в пятницу в 11 час. утра сделать доклад о подготовительных мероприятиях к демонстрации.

д) Предложить т. СОРИНУ представить в Комиссию для согласования лозунги к демонстрации.

3) О дополнительных лозунгах к эсеровской кампании.

3) Дополнительные лозунги, представленные т. ВАРДИНЫМ[,] принять.

4) О петиционно[й] кампании

4) Т. СОРИНУ к следующему заседанию Комиссии сделать сообщение о ходе кампании.

5) Об Агитроста.

5) К 20-му Июня выпустить специальный номер «Помощь Газете»[,] посвященный эсеровскому террору и убийству тов. ВОЛОДАРСКОГО.

6) О кампании митингов в связи с Гаагской конференцией.

6) Просить ЦК отложить срок начала митингов о Генуэзской и Гаагской конференциях на время с 25-го Июня по 5 Июля.

7) О билетах на процесс.

7) Т[ак] к[ак] Комиссия является органом[,] обслуживающим процесс с агитационной стороны[,] настаивать перед Комиссией Ревтриба на выдаче распоряжений^в Комиссии 4-х служебных билетов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ: (РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 19–19 об. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ВЕРХОВНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРИБУНАЛА

^б Так в документе.

^в Так в документе, следует, видимо, в распоряжение.

№ П-22

Протокол допроса бывшего члена
ЦК ПСР К.С. Буревого

16 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. БУРЕВОГО Константина Степановича[.] Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 16/III-22 г. я показал следующее:

В конце февраля 1918 года в Ц.К.П.С.Р. был поднят вопрос о применении террора по отношению к большевикам. Я в то время состоял членом Ц.К.П.С.Р. Ц.К. находился тогда в Петрограде. В Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. ЧЕРНОВ, РИХТЕР и ТИМОФЕЕВ. РИХТЕР бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К. Вопрос о терроре, насколько помню, был поднят в связи с деятельностью советского комиссара по военным делам АНТОНОВА на Украине (в Харькове). В связи с поднятым в заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о применении террора по отношению к АНТОНОВУ. Не помню, кем именно было внесено это предложение. В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая безусловному противнику террора члену Ц.К. СУМГИНУ, между прочим указал, что при разгоравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызывавшего своими действиями возмущение населения, могло бы революционизировать народные массы. ЧЕРНОВ внес в Ц.К. резолюцию о терроре, которая была так расплывчато отредактирована, что СУМГИН усмотрел в ней возможность истолкования партийными организациями этой резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР, ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е.М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-БЕРНШТЕЙН, ФЕДОРОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН, ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В то время я, как и большинство членов Ц.К. отнюдь не был принципиальным противником применения террора, как метода борьбы, но считал, что революционная обстановка того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы. СЕМЕНОВА и КОНОПЛЕВУ я знал по группе «Народ». Я знал о причастности СЕМЕНОВА к Военной комиссии при Ц.К.П.С.Р.

О покушении на ЛЕНИНА я узнал, находясь в Самаре, где в то время был Комитет Учредительного собрания. Из членов Ц.К. там были Веденяпин^а. У меня возникла мысль о том, что это покушение могло явиться делом П.С.Р., так как я слышал, что КАПЛАН, совершившая покушение, была членом П.С.Р. По приезде в Москву в начале февраля 1919 года я слышал от Донского, что Ф. КАПЛАН обратилась в Ц.К. с предложением об убийстве ЛЕНИНА, причем Ц.К. или орган[.] его представлявший в то время в Москве[.] отверг это предложение, ввиду чего КАПЛАН вышла из партии и самостоятельно совершила покушение. Об эксгах я ничего не знал. Вполне допуская, что многое из деятельности Ц.К. для меня оставалось неизвестным, так как в Ц.К. было большинство, сплоченное персональными связями, распоряжавшееся за спиной остальных членов Ц.К. и

^а Так в документе.

иногда даже наглядно конспирировавшее от членов Ц.К., находившееся вне этой сплоченной группы. Душой этого основного ядра Ц.К. были ГОЦ и ЗЕНЗИНОВ и находившийся вне Ц.К. АВСКЕНТЬЕВ⁶. Иногда эта группа по некоторым вопросам противоречила ЧЕРНОВУ.

16/III-22 г. Исправления верны. К. БУРЕВОЙ

Допрашивал. – Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 163. Машинописная копия того времени.

№ П-23

Протокол допроса заключенного В.В. Агапова

16 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. А Г А П О В А Владимира Владимировича.
Допрошенный 16/III–22 г. я показал нижеследующее:

В 1918 году партия социалистов-революционеров находилась в состоянии вооруженной борьбы с Советской Властью, поэтому она могла бы допускать методы военной борьбы, как вне советской территории, так и на территории Советской России.

Применение партией С.Р. террора и эксов я отрицаю. От дальнейших показаний отказываюсь.

В. АГАПОВ.

По моему представлению СЕМЕНОВ и КОНОПЛЕВА работали в 1918 г. без санкции Ц.К. Когда я впоследствии узнал об их деятельности[,] я оценивал их действия, как авантюристически[е].

Как член П.С.Р. я ответственен за деятельность партии во всякое время.

В. АГАПОВ.

Допрашивал: Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 158.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 163. В деле заверенная машинописная копия, направленная Т.П. Самсоновым для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-24

Протокол допроса бывшего члена ЦК ПСР К.С. Буревого

22 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса, гр. БУРЕВОГО, Константина Степановича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 19/III-22 г. я показал следующее:

⁶ Так в документе, следует Авксентьев.

Моя урожденная фамилия – ОРЛИНСКИЙ; затем я долго жил под фамилией ткач СОПЛЯКОВ.

О терроре со стороны Комитета членов Учредительного собрания и Партии С.Р. могу показать следующее:

1) Восстание рабочих Иващенковского завода против власти Учредительного собрания²⁸ было подавлено войсками Народной армии²⁹ под руководством офицера (фамилии не помню), сыгравшего в этом деле провокационную роль. Восстание рабочих было подавлено жестоко, причем было много убитых рабочих. Политику жестокой расправы в районе Сызрани производил Уполномоченный Комитета члена Учредительного собрания ЛЕБЕДЕВ Владимир Иванович, состоявший потом товарищем военного министра, член Комитета Учредительного собрания. Деятельность ЛЕБЕДЕВА и его полевого суда производила на эсеров гнетущее впечатление. О его деятельности знали эсеры и члены Комитета членов Учредительного собрания. Широкие же круги об этом не знали. Расправа производилась над всеми заподозренными в большевизме. Ведомством Внутренних дел заведывал КЛИМУШКИН[,] с.р., член Учредительного собрания. Позднее с образованием в Самаре Государственной охраны, подчиненной ведомству внутренних дел, этой государственной охраной ведал РОГОВСКИЙ, эсер, член Учредительного собр[ания].

Белый террор в Екатеринбурге производился чехами и Сибирским правительством. Подполковник Генерального штаба МАХИН Федор Евдокимович, член партии с.р.[.] был начальником штаба или командующим одной из советских армий и вместе со своим штабом перешел на сторону Народной армии (Учредительного собрания). МАХИН был назначен Главнокомандующим силами, защищавшими Самару против наступавшей Красной армии, дней за пять до падения Самары. Уже при Директории³⁰ МАХИН был подчинен атаману ДУТОВУ, чем и лишил Комитет Учредительного собрания поддержки, т.к. МАХИН был ДУТОВЫМ арестован.

Крылатая фраза РАКИТНИКОВА о том, что у Партии С.Р. руки в крови, относятся вообще к допущению Комитетом членов Учредительного собрания деятельности самочинных карательных отрядов, свирепствовавших в деревнях. СУМГИНА Михаила Ивановича я потерял из виду в 1918 г. ВЕДЕНЯПИН появился в Самаре вскоре после свержения там Советской власти. Я его там застал в июле месяце 1918 года, ФЕДОРОВИЧ (член Ц.К.) уехал из Москвы вместе со мной в 20-тых числах мая, месяца 1918 года.

Вставлено взамен вычеркнутого: «Комитетом членов Учредительного собрания». На второй стороне зачеркнуто одно слово. Изложенное записано верно и мной прочитано.

К. БУРЕВОЙ.

18/III-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 165. Машинотисная копия. Вверху слева делопроизводственная помета «Тов. Дзержинскому для сведения. 22/III-22 г.».

№ П-25

Протокол допроса гражданина Французской Республики Рене Маршана

24 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Гр-на РЕНЕ МАРШАНА, произведенного гр. АГРАНОВЫМ
24/III-22 г.

Французская миссия и Консульство в Москве по поручению НУЛАНСА имело и поддерживало в 1918 г. связь отдельно и специально с каждой из политических группировок в России. Связь с Савинковым поддерживалась через ГОКЬЕ; связь с монархическими организациями – граф Дешевьи; связь с меньшевиками через б[ывшего] депутата социалиста Шарль Дюмо; связь же с П.С.Р. поддерживалась миссией через ЭРЛИХА, тогда бывш[его] социалистом, но затем избранного депутатом Парламента по списку националистов. ЭРЛИХ имел личные связи с ЧЕРНОВЫМ; связь с кадетами – поддерживалась.

Я знаю, что французский консул ГРОПА придавал большое значение связям с с.-р. и САВИШКОВЫМ. Предполагалось, что в новом русском правительстве после свержения советской власти руководящее значение будут иметь с.-ры, причем во главе министерства должен был встать В. ЧЕРНОВ. Партия с.-р. получала довольно часто значительные субсидии от французск[ого] консульства через ЭРЛИХА для работы своих боевых дружин. ЭРЛИХ и ШАРЛЬ ДЮМА выдвинули в 1918 г. проэкт взрыва при помощи партии с.р. флота в Кронштадте. ЭРЛИХ держал связь также с членом Центрального Комитета П.С.Р. ТИМОФЕЕВА^а, причем он хорошо отзывался о ТИМОФЕЕВЕ, как о способном дипломате.

Под именем М-сье АНРИ в Москве в 1918 г. работал агент миссии для разрушения. Его фамилия ВИРТАМЕН. Это морской капитан, он занимался тогда работами по разрушению жел[езных] дор[ог] и ж[елезно-]д[орожных] мостов. ВИРТАМОН, разработавший план разрушения мостов вокруг Петрограда (на Волхове по Николаевской ж[елезной] д[ороге] и у Званки по Северн[ой] ж[елезной] д[ороге]) с целью вызова в Петрограде голодного бунта, говорил на заседании Американской Миссии в здании Американского консульства в присутствии мистера ПУЛЬ, что с русскими железнодорожниками трудно работать, несмотря на выдаваемые взятки, что как только доходит до устройства крушения, они отказываются принимать участие. Я помню, что какие[-]то поезда были взорваны у ЧЕРЕПОВЦА и у Н[ИЖНЕГО] НОВГОРОДА. В работе ВИРТАМОНА принимал участие представитель Английской Воспной Миссии РЕЛЕ. На вышеуказанном заседании я присутствовал. ФОНТЕН заведывал разведкой военной миссии.

Связь с кадетами по профессорскими кругами поддерживал профессор МАССОН. Подробные показания обо всем изложенном я дам отдельно. Показания о военной французской миссии смогут дать ГЕЛЬФЕР И ПАСКАЛЬ, состоявшие в 1918 г. сотрудниками французской военной миссии.

Изложенное написано с моих слов верно: Р. МАРШАН, 24 марта 1922 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 176, 177. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 178–178 об. Заверенная копия, изготовленная 25 марта 1922 г. и направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

^а Так в документе, следует ТИМОФЕЕВЫМ.

№ П-26

**Протокол показаний гражданина Французской
Республики П.К. Паскаля**

24 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ

свидетеля гражд. ПАСКАЛЬ Петра Карловича 31 года, родился во Франции (Исуар Дан.Пюй-ден-Лом). Местожительство: Москва, Леонтьевский пер., Род занятий – переводчик в НКВД в 1916–[19]18 г. офицер в Французской Военной Миссии в Пет[рограде] и Москв[е]. Холост, Партийность – Член РКП, образование – высшее, связь между французами и эсерами была больше всего в Консульстве, через Эрлиха. В Военной Миссии связи были через ком. ЛОРАН, ФОНТЭН, ком. БОРД. Последний имел целую организацию для вербовки агентов и шпионов. Он сам поехал в Казань незадолго до занятия этого города. В Самаре действовал ЛЕБЕДЕВ, офицер франц[узской] Службы и с.р.[.] в Москве ком. ЛОРАН руководил заготовкой гранат и бомб, которые потом раздавались. ВЕРТАМОН на пр.^а имел запас взрывчатых веществ (у него были найдены капсулы при обыске)[.] ФОНТЭН, говорящий по[-]русски и как инженер, работавший в России, знающий страну, заведывал разведкой.

П. ПАСКАЛЬ.

Допросил – Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 198.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 190. Машинописная заверенная копия.

№ П-27

**Протокол показаний заключенного члена ЦК ПСР
Д.Д. Донского**

28 марта 1922 г.

ПРОТОКОЛ ПОКАЗАНИЙ.

Дмитрия Дмитриевича ДОНСКОГО.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 28/3-22 года я показал следующее: Партия социал-революционеров никакого отношения к террористическим актам против Советских вождей не имела, равно никакого отношения к этим актам не имела ни одна партийная С.Р. организация. От дальнейших показаний по предъявленным мне обвинениям в участии в терроре против Советской власти и экспроприации я отказываюсь до суда Верховного Трибунала.

Дмитрий Дмитриевич ДОНСКОЙ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 198. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 191. Заверенная машинописная копия с ошибкой в датировке изготовления.

№ П-28

^а Так в документе.

**Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР
Е.М. Тимофеева**

30 марта 1922 г.

Допрошенный Особо-Уполномоченным Госполитуправления гр. АГРАНОВЫМ по делу Ц.К.П.С.Р.

Настоящим заявляю, что от всяких показаний по делу до судебного разбирательства отказываюсь, соответствующие сведения дам на суде. Вместе с тем, прошу присоединить к делу нижеследующие документы.

- 1) Протоколы 4-го Съезда партии Соц. Рев.
- 2) Постановление ВЦИК о ликвидации пр[е]следований против ПСР (постановление ВЦИК, Марта 1919 г.).
- 3) Номер газеты «Известия ВЦИК» от того же времени со статьей гр. РАЗМИРОВИЧ^а, представляющий собой результат работы Следственной Комиссии по делу П.С.Р.
- 4) Постановление Верховного Революц[ионного] Трибунала о прекращении дела группы Соц[иалистов-]Рев[олюционеров] летом 1919 г. (группа Семенов, Куликовский и др.)
- 5) Телеграмма Наркома Внудел ПЕТРОВСКОГО об объявлении П.С.Р. вне закона после покушения на ЛЕНИНА в сентябре 1918 г.
- 6) Объявление ВЧК заложниками членов П.С.Р., находящихся в тюрьме (ноября 1920 года).

ЧЛЕН Ц.К.П.С.Р.

Е. ТИМОФЕЕВ

30/3-22 года

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 19. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 192. Машинописная незаверенная копия с копии.

№ П-29

**Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР
М.А. Веденяпина**

1 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ Допроса гр. ВЕДЕНЯПИНА, Михаила Александровича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 1/IV-22 г. я показал следующее. О приезде КОНОПЛЕВОЙ (которую я знал по партийной работе в Питере) в Москву в марте 1918 г. я не помню. Но определенно заявляю, что никаких разговоров с нею о терроре у меня не было. В Москве вопрос о терроре не рассматривался ни в Ц.К., ни в Московском Бюро (по крайней мере, мне лично об этом не было известно) в связи с уходом из Ц.К. СУНГИНА^а М.И. я припоминаю, что одним из мотивов его ухода была резолюция Ц.К. о вооруженной борьбе. Партией с.р. велась в конце 1917 г. и 1918 г. военная работа против Советской власти, о том, что Г.И. СЕМЕНОВ состоял в Боевом отряде, как и о самом существовании этого отряда, я не знал. Я знал о том, что СЕМЕНОВ в начале был членом Военной коллегии при Ц.К.П.С.Р., а затем был во главе этой комиссии. Эта военная организация имела некоторую автономность в своих дейст-

^а Так в документе, следует РОЗМИРОВИЧ.

^а Так в документе, следует СУМГИНА.

виях, она имела даже свою кассу, независимую от кассы Ц.К. – фракцией с.р. Учред[ительного] собр[ания]³¹ велась тоже военная работа, против Советской власти, о существовании в Москве «Союза возрождения» мне как и другой части членов Ц.К. (Буревой) стало известно только в Самаре после приезда Аргунова. Мне неизвестно о санкции Ц.К. на ведение переговоров с союзниками, но поскольку переговоры с союзниками и могли вестись тем или иным членом Ц.К. то, скорее всего, от имени Бюро фракции с.р. Учр[едительного] собрания, в которое входил ряд членов Ц.К. П.С.Р. и которое представляло известный партийный центр.

ВЕДЕНЯПИН 1/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 202. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 195. Незаверенная машинописная копия с копии. Внизу запись о рассылке Дзержинскому, Унилихту, Агранову, 2 экз. Кузьмину.

№ П-30

Дополнения к показаниям заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина

3 апреля 1922 г.

К ПОКАЗАНИЯМ М.А. ВЕДЕНЯПИНА ЧЛЕНА Ц.К. П.С.Р.

Перед VIII Советом партии³² выяснилось, что партия не может не реагировать на разгон Учредительного Собрания, что партия должна направить все усилия, чтобы чаяния, надежды и стремления всего революционно-социалистического движения XIX века в России, созыв Учредительного Собрания были по возможности выполнены и Учредительное Собрание могло возобновить свои прерванные работы. Также партия не могла принять Брестского мира, и как партия, игравшая большую роль в революционную эпоху[,] обязана была реагировать на него открытой борьбой с Германией в форме восстановления восточного фронта. В таких настроениях был Ц.К. перед VIII Советом. Съехавшиеся представители с мест были еще больше настроены активистически. Общее настроение было таково, что если партия не возглавит движения, то указывали на то, что оно выльется помимо нее и будет захвачено какими-либо правыми группировками. Особенно определенное настроение было в Поволжье (кроме Самары, как указывали представители с мест). Все данные говорили за то, что Саратов должен стать центром движения. Самара, как раз пережила несколько местных выступлений и выяснилось, что базой в данный момент она служить не может. В конце Совета получили телеграммы из Саратова, что там началось выступление, что подтверждало картину, нарисованную делегатами о напряженном состоянии Поволжья. VIII Совет вынес определенное постановление о вооруженной борьбе с Советской властью. В связи с данным решением ЦК начал отправлять товарищей на места с соответствующими поручениями. Выяснилось в это время, что Уральское казачество восстало³³ (там Советская власть была в продолжение недели) и в лице своего казачьего круга обращалось к членам Учредительного Собрания с призывом явиться к ним в Уральск и там возобновить свои прерванные работы, что они казаки гарантируют безопасность Учредительному Собранию. Войсковой круг заключил союз с областным комитетом ПСР Поволжья на предмет обоюдных услуг в борьбе с Советской властью. Надо принять во внимание, что уральск[ие] казаки в сравнении со всеми другими казаками были

более демократически настроены, их традиции давали им возможность не бояться ни революции, ни социализма, у них во главе был хоть и из «единственно», но все же социалист ФОМИЧЕВ.

Лично я получил от ЦК временный пропуск в Самару, но я, тем что если начнется движение в этом районе я принял бы в нем участие и в этом отношении мне были даны соответствующие полномочия. В это время о чехословаках Ц.К. не имел никакого представления и расчета на них не строил, иначе бы я получил определенные директивы и связи. В Самару прибыл 8 июня в день ее взятия чехословаками. В Ком[итет] членов У[чредительного] С[обрания] я не мог войти, как не член У[чредительного] С[обрания], но впоследствии вошел, как заведующий ведомством иностранных дел. В самом начале движения пришлось войти в сношение с чехословацким командованием (ЧЕЧЕКОМ) и с их политическими представителями из Национального Совета³⁴ (МЕДЕКОМ). Выяснилось, что чехословаки начали свое движение после съезда представителей всех военных частей чехо-войск в Челябинске, где было постановлено, ввиду того, что чехо-сл[овакам] отказано в переезде в Архангельск и теперь чинятся препятствия к передвижению на Владивосток и в то же время Германия, в лице МИРБАХА настаивает на их полном разрушении^а и на отправке в Австрию, прибываться^б с оружием в руках всем эшелонам чехо-войск по направлению к Владивостоку. Группа чехо-войсками занявшая Самару^в и выполняла данное боевое задание, связав все эшелоны, разбросанные по путям Пенза–Самара и что эта группа после временного отдыха 5–6 дней начнет свое продвижение, впереди оставит Самару, как это было сделано в Пензе и Сызрани. До Самары чехословаки и связались с с.р. через Брушвита, поехавшему к ним навстречу и предложившего^г совместные действия против Советской власти, но чехословаки первое время категорически отказывались от каких-либо общих действий с партией, но после того, как рабочие Иващенковского завода оказали им существенную помощь и особенно после приема чехо-войск в Иващенкове, а также после оказанных услуг, связанных с взятием Самары, чехословаки переменили свое отношение и вошли в тесную связь с Самарской организацией с.р. в то время возглавляемой Вольским, Брушвитом, Климушкиным, Фортунатовым. В связи с возможностью ухода чехо-войск из Самары пришлось приложить все усилия чтобы временно, пока сформируется Народная армия, их задержать.

На расширенном заседании представителей чехо-войск[,] их политических руководителей, членов ком[итета] У.С. и представителя ЦК ПСР было указано им, что чехословаки, пробираясь в Владивосток, стремиться^д, как можно скорее попасть на фронт и сражаться с Германской [п]олицией, что в этом отношении гораздо рациональнее способствовать Комитету У[чредительного] С[обрания] по восстановлению Восточного фронта (в это время уже были точные данные о группировке герм[анских] войск около Орши для вступления вглубь русской территории) мы указали на наши задачи, чехословаки не сомневались в наших стремлениях по восстановлению восточного фронта, но все же чехословаки не решались взять на себя смелость нарушить боевой приказ о продвижении на восток. Но все же наши выводы, а главное результаты нашей работы, по форми-

^а Так в документе, следует разоружению.

^б Так в документе, следует пробиваться.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Так в документе.

рованию боевых частей Народной армии, привели к убеждению, что оставить Самару они не могут и они решили остаться на время в Самаре, пока нами будут сформированы военные части. В дальнейшем, после связи с Национальным советом чехословаки получили приказ остаться в Самаре для организации Восточного фронта.

За все время существования в Самаре комитета Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] от союзников не получали никаких, ни средств, ни вообще какой-либо помощи³⁵, наоборот, все усилия были направлены, чтобы нас ликвидировать и дать перевес Сибири, более приемлемый для союзников, сибиряков, группы возрождения и всех политических группировок, начиная от Н[ационального] С[овета] и правее, была неприемлема для них и с ней велась упорная борьба. В Челябинске на совещании представителей союзников, особенно Франции, требовали перенесения линии борьбы с Волги на Урал – этим стремились разом ликвидировать К[омитет] Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] и только дружный отпор самарцев, чехословаков и уральских казаков разрушили этот план. Были и курьезы в этой области: из Казани на аэроплане прилетел какой-то важный военный француз, он явился в К[омитет] Ч[ленов] У[чредительного] С[обрания] и ничего лучшего не нашел предложить, как переменить знамя (красное) КЧУС на национальное и обзавестись каким-либо национальным гимном, вот что все мог посоветовать «красной Самаре» военный стратег. Из всех союзников вполне были дружеских отношений к КЧУС и понимали друг друга это чехословаки, надо принять во внимание состав их армии – это 83 2/3 %^e социалистов. Все они воспитаны на русской истории и русской литературе. Для союзников, хотя КЧУС декларировал борьбу с Советской властью и восстановление Восточного фронта, но все это делалось под знаком неприемлемого для союзника. <Наряду с> Символом революции «Красным знаменем» для них неприемлемо было существование Советов, функционировавших в Самаре, свобода печати, собрания и т.д. Для них была неприемлема программа Самары «Власть У[чредительному] С[обранию]», полная демократия, социализация земли, социализаторские меры в сфере промышленности и торговли, объединение всех национальных сил и всех областей России в государственных границах за исключением Польши и Финляндии над гегемонией самой многочисленной и обладающей абсолютным большинством В[сех] У[чредительного] С[обрания] П.С.Р. как формулировал РАКИТНИКОВ (Сибирская реакция, Колчак). Все это в корне неприемлемо для союзников, ни их сторонников сибиряков и против Самары повелась ожесточенная борьба (см. мой отчет 9-ому Совету и др. РАКИТНИКОВОГО^ж, СВЯТИЦКОГО).

В период существования Самары Пленум ЦК был перенесен за Волжье³ и я должен констатировать, что надеюсь подтвердят все бывшие и настоящие члены ЦК, что в ЦК не подымались вопросы в связи с покушениями, которые хотят нам, как партии, информировать^н, хотя в Заволжье, как раз концентрировались все оппозиционные группировки в Ц.К. Такие товарищи, как Т. Коган-Бернштейн, Чайкин, обязательно бы этот вопрос должны бы поднять[,] если бы он как-либо стоял в партии, потому я смело могу утверждать, что партия не имела отношения [к] тем деяни-

^e Так в документе.

^ж Так в документе, следует РАКИТНИКОВА.

³ Так в документе.

^н Так в документе, следует инкриминировать.

ям, которые хотят приписать ей СЕМЕНОВ (ВАСИЛЬЕВ) <и другие> на 13-ом Совете партии³⁶, в связи с Уфимскими позициями, в связи с группировками «Союза Возрождения» выделила судебный трибунал с особыми полномочиями, но насколько мне известно, никто из членов партии или из членов ЦК не поднял вопроса о нарушении кого-либо^к партийной дисциплины, по вопросу о терроре, о эксгах, а на 9-ом³⁷ Совете было много товарищей из оппозиции и они обязаны были это сделать, если в партии было что-либо такое, что нарушало нашему^л партийную тактику.

После падения Уфы, я отправился в Советскую Россию, в Москву прибыл в конце марта и выехал туда в связи с появляющимся в газетах заявлением: «Чернов, Иванов и Веденяпин выехали в Москву для переговоров с Советской властью». В Москве я узнал о состоявшемся Уфимском соглашении[,] между прочим в одном из пунктов стояло разрешение приехать мне в Советскую Россию, но с обязательством жить не под своим именем.

На состоявшемся в мае месяце IX-ом Совете партии произошел перелом тактики по отношению борьбы с Советской властью, оставаясь на прежних принципиальных позициях. Партия стала склоняться к отказу от вооруженной борьбы с Советской властью. Вскоре после 9-го Совета Ц.К. выпустил обращение к Совету народных комиссаров под заголовком «КО ВСЕМ», где говорилось, что партия предлагает разрешить вопрос об У[чредительном] С[обрании] трудящимся России в лице Всероссийского съезда рабочих и крестьянских депутатов, выбранных прямым, тайным голосованием и что партия подчинится такому решению[,] при начале военных действий с Польшей, партия в лице Ц.К. обратилась с воззванием, где призывались трудящиеся и члены партии к всемерной поддержке Красной армии в борьбе с Польшей³⁸, ранее Ц.К. вполне одобрял поведение членов Ц.К., стоявших во главе восстания против Колчака и заключивших соглашение с Советской властью вместо возобновления новой гражданской войны, точно также, т. ФИЛИППОВСКОГО Ц.К. одобрил по ведению определенной борьбы против ДЕНИКИНА и заключении соглашения с Советской властью. В этих действиях можно видеть резкую разницу с позициями, занятой партией после VIII Совета.

Лично [я] в связи с позицией, занятой партией в борьбе с Польшей обратился в Ц.К. за разрешением предложить свои услуги Наркомзему, что мне и было разрешено. 9-го мая 20 г. я виделся с БИЦЕНКО и договорился относительно работ в Центроколхозе. 11 мая я был арестован. Ц.К., в связи с приездом английской делегации решил выступить и изложить свое отношение к Советской власти и выразить свои пожелания в выработке и отстаивании позиций, какая^м партия считает необходимым, для социалистических партий Запада по отношению России.

А.Р. ГОЦ был один из видных сторонников нового тактического курса в партии [,] выступать перед английской делегацией намечен был он, но был арестован. В декларации говорилось о борьбе против интервенции, блока^н и Ц.К. высказывал свои пожелания, чтобы социалистические партии боролись за признание советского правительства. В это время произошли аресты среди членов Ц.К. были арестованы ТИМОФЕЕВ, РАКОВ, ЦЕЙТЛИН. Считаю нужным упомянуть, что в сентябре 20 г. члены Ц.К. и другие партийные работники в количестве 17 человек были

^к Так в документе, следует кем-либо.

^л Так в документе, следует нашу.

^м Так в документе, следует какие.

^н Так в документе, следует блоков.

объявлены заложниками в связи с якобы обнаруженными данными, что П.С.Р. готовит ряд террористических актов против представителей Советской власти и что партия вошла в соглашение с Савинковым. Как впоследствии выяснилось, покушение действительно готовилось против Сов[етской] власти со стороны САВИНКОВА, но он действовал не в контакте с П.С.Р., а СЕМЕНОВЫМ (ВА-СИЛЬЕВЫМ), находившимся в распоряжении Рев[олюционного] Воен[ного] Совета[.] 31 декабря 1920 г. Я был освобожден. Переговорив с БИЦЕНКО я вступил в Центроколхоз. В Ц.К. было постановлено принять активное участие в выборах в Московский совет, лично мною в связи с этим было предложено испросить разрешение на издание журнала, на что Ц.К. согласился. Я с Д.Д. ДОНСКИМ обратились к КАМЕНЕВУ, о него мы узнали, что ЦК РКП в связи с занятой позицией П.С.Р. и отчасти в связи с обращением об издании партийного органа постановил выделить тройку (КАМЕНЕВ, СЕРЕБРЯКОВ и КРЕСТИНСКИЙ), которой и пред[о]ставлялось договориться по этим вопросам. Разрешение на издание журнала я получил и не выполнил этого только из-за временного бумажного кризиса в Гос[ударственном] изд[ательстве]. В руках партии скоплялись сведения с мест, в каких формах протекала продразверстка и какую дезорганизацию она вводила в крестьянское хозяйство, партия как-то получила сведения, что, если не будут изменены условия изъятия хлеба на Урале, неизбежно вспыхнет восстание, на все и Урале^o. Лично через А.А. БИЦЕНКО я сделал все от себя зависящее, чтобы предотвратить это, и в данном случае это удалось сделать. В это время секретарь Ц.К. РКП СЕРЕБРЯКОВ прислал ко мне, как члену ПСР крестьянина ЧЕРНОВА, приехавшего из Черемхова Иркутск в Москву с тем, чтобы тут доказать гибельность продразверстки. У него было достаточно обосновано и подтверждено фактами вредность продразверстки, но не было разработано положительная сторона, т.е. чем можно заменить продразверстку[,] и в этом отношении с ним пришлось достаточно поработать. ЧЕРНОВ после этого добился свидания с ЛЕНИНЫМ и по распоряжению ЛЕНИНА доклад ЧЕРНОВА появился в «Известиях», как первая попытка к замене продразверстки – продналогом. Считаю нужным упомянуть, все это, конечно, не для того, чтобы выяснить свою роль или позицию, исключительно для того, чтобы показать на конкретных, легко поддающихся проверке случаях, ту позицию, какую партия занимала в данный период[,] и мои действия, как вполне дисциплинированного члена партии и как ответственного члена Ц.К., конечно не могли расходиться с общей линией партии.

Вторично был арестован на годовом праздновании каторжан, но был освобожден в связи с тем, чтобы через несколько дней [быть] опять взятым. Не скрывался, не уходил на нелегальное положение, при всей явной опасности быть арестованным, совершенно сознательно считая, что постольку, поскольку вполне определенно я являюсь противником вооруженной борьбы с Советской властью (см. опубликованное ВЧК мое письмо... в «Изв[естиях]») я имею право проповедовать^п свои социалистические убеждения и их проповедовать, это право мне дано двадцатилетней революционной борьбой.

Считаю нужным отметить, что в борьбе с правым течением в партии с группировками Парижа во главе стоял А.Р. ГОЦ и при его настойчивом

^o Так в документе.

^п Так в документе, следует исповедовать.

действию ликвидирован Париж[ский] К[омитет] Ч[ленов]
У[чредительного] С[обрания]³⁹.

Внутренняя тюрьма 3/IV-1922 года М. ВЕДЕНЯПИН.
Допросил Я. АГРАНОВ

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 203–210. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 196–199. Заверенная машинописная копия, направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. Вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-31

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Ф.Ф. Федоровича

5 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ

Допроса гр. ФЕДОРОВИЧА Флориана Флориановича.

Допрошенный гр. АГРАНОВЫМ 5/IV-22 г. я на предложенные мне вопросы отвечаю следующее: За все постановления Центрального комитета Партии социалистов-революционеров или уполномоченной части его, принятые и проведенные за весь тот период времени, когда я состою членом Ц.К.[,] я считаю себя ответственным. Показания по существу заданных мне вопроса^а об отношении ЦК или моем личном отношении к делу террора и экспроприаций против Советской власти, – я давать отказываюсь, потому что я считаю неприемлемым для себя всякого рода обещание от предъявленных мне обвинений.

Флориан Флорианович ФЕДОРОВИЧ.
5/IV-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 2. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 200. Заверенная машинописная копия. Внизу сведения о рассылке 5 экземпляров: «т. Дзержинскому 1 экз., Уншлихту и Ягоде, Агранову 2 экз., Кузьмину 1 экз.».

№ П-32

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Н.И. Иванова

7 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ

допроса гр. ИВАНОВА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, допрошенный особоуполномоченным гр. АГРАНОВЫМ 7-го апреля 1922 года.

^а Так в документе, следует вопросов.

Я показал следующее: Центральный комитет партии с.-р., в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти.

Весной отряд Ц.К. сформированный Григорием Ивановичем СЕМЕНОВЫМ, выделился, насколько я помню, как-то сам собой из военной организации партии с.-р. Назначением боевого отряда было совершение боевых актов: недопущение вывоза ценностей из Петрограда в Германию; содействие ведению военных операций в период фронта Учред[ительного] собрания в смысле партизанских действий (взрыв мостов, порча ж[елезных] дорог и пр.). В экспроприациях я никакого участия не принимал. Я лично считал допустимым совершение экспроприаций советских учреждений с целью приобретения средств на партийную работу. С некоторыми оговорками, я считал бы возможным и совершение частных экспроприаций с целью получения средств для партии. У члена Ц.К. партии Н.С. ИГНАТЬЕВА я действительно был один раз в мае, или июне месяце 1918 г. по поводу денег, принадлежащих Военному штабу Союза возрождения. Тему разговора я помню смутно. О том, что А.Р. ГОЦ был членом Союза возрождения, я узнал только в Уфе о вступлении ГОЦА в Военный штаб Союза возрождения, правдивым^а.

Приблизительно в мае или июне месяце 1918 г. в Петрограде Представителем Центрального комитета партии с.-р. велись переговоры с представителем английской миссии о возможности помощи союзников в деле восстановления антигерманского фронта⁴⁰. Представитель миссии обещал нам содействие в этом деле. В Москве переговоры с союзническими миссиями носили тот же самый характер. Иногда ТИМОФЕЕВ делал в Ц.К. сообщения об этих переговорах. Союзники обещались помочь нам установить контакт с чехами. Получение денег от союзников в Москве места не имело. Только в провинции был летом 1918 г. случай получения партией с.-р. некоторых денежных сумм заимообразно в частном порядке от одного из иностранцев (кажется это был французский вице-консул). Деньги ему были полностью возвращены. Вышеизложенное написано с моих слов.

Николай Николаевич Иванов.

На 3-й странице вставлено слово «представителей».

Н.Н. ИВАНОВ.

Мне 34 года. Николай Николаевич ИВАНОВ – мое настоящее имя, отчество и фамилия. В Партию социалистов-революционеров я вступил осенью 1906 года. Арестован был в 1907 г. и в 1908 г. осужден на 10 лет каторги за принадлежность к Северному летучему боевому отряду партии с.-р. Вышел я из каторги на поселение в октябре месяце 1916 года. Членом Ц.К. П.С.-Р. я был избран в декабре м[еся]це 1917 г. С тех пор я не переизбирался. Изложенное написано с моих слов верно: Николай Николаевич ИВАНОВ.

7/IV-22 г.

^а Так в документе.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 5. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 202–203. Незаверенная машинописная копия с копии.

№ П-33

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова

8 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ИВАНОВА Николая Николаевича.
(Члена Ц.К. партии с.-р.)

Допрошенный Особоуполномоченным Госполитуправления гр. АГРАНОВЫМ 8-го апреля 1922 года, я показываю следующее:

1) В 1921 г. от одного из товарищей, члена партии социалистов-революционеров, я узнал, что Ф. КАПЛАН получила в 1918 г. от Московского Бюро Центрального Комитета партии с.-р. разрешение на совершение террористического акта против ЛЕНИНА лишь в виде акта индивидуального, т.е. в случае провала она должна была заявить, что акт совершен не партией, а лично ею, как социал-революционеркой с личной мотивировкой.

2) Наше намерение, путем порчи пути или взрыва бомбой паровоза помешать спокойному отъезду Совнаркома из Петрограда в Москву в марте м[еся]це 1918 г., должно было носить лишь демонстративный характер. Но эта попытка покушения не получила осуществления, в виду недостаточной подготовленности дела и преждевременного отъезда Совнаркома в Москву.

3) В Сибири в 1919 г. я слышал от одного из офицеров, бывших в 1918 г. в Петрограде (он сочувствовал с.-р.), что в январе 1918 г. действительно было произведено в Петрограде покушение на ЛЕНИНА при его проезде на автомобиле с ПЛАТТЕНОМ, при чем это покушение было совершено какой-то военной группой при участии ТЯГУНОВА.

4) Ярославское восстание, организованное Б. САВИНКОВЫМ⁴¹, возникло не только без участия центральных учреждений партии с.-р. [(Ц.К.)] военная комиссия при Ц.К.)], но и шло в разрез с планами партии с.-р., нарушив подготовку с.-р.-ми восстания в северном районе. (Архангельск – Вологда). Восстание в Архангельске – Вологде должно было предшествовать десанту союзников, который должен был уже закрепить победу повстанцев. План восстания в северном районе разрабатывался военной группой п. с.-р. в Петрограде.

5) На первом заседании Ц.К. п. с.-р., на котором я поднял вопрос о терроре против Советской власти (конец января – начало февраля м[еся]ца 1918 г.)], я был поддержан лишь одним членом Ц.К. п.-с.-р. Виктором Михайловичем ЧЕРНОВЫМ[,] насколько я помню. (О переговорах А.Р. ГОЦА с КОНОПЛЕВОЙ Л. весной 1918 г. я не помню)].

6) С Г.И. СЕМЕНОВЫМ я знаком с лета 1918 г.^а Ближе с ним познакомился со времени 4-го съезда п. с.-р.⁴² по работе в Военной организации. Я относился к нему, как к ценному работнику-революционеру. С

^а Так в документе, следует, видимо, 1917 г.

КОНОПЛЕВОЙ я был знаком отчасти по легальной работе в 1917 г. и по военной работе.

7) Мое положение⁶, о вступлении моем в Боевую организацию[,] было отклонено Ц.К. (кажется это было в частном порядке), в виду необходимости использования меня для другой работы.

8) В Петрограде я оставался до VIII Совета партии с-р. (начало мая 1918 года).

9) В начале августа 1918 г. в Москве безусловно не было: БУРЕВОГО, ВЕДЕНЯПИНА, ГЕНДЕЛЬМАНА, ГЕРШТЕЙНА – они находились за фронтами, либо на пути туда.

В Москве, кроме меня, были РАТНЕР Е.М. и ТИМОФЕЕВ; может быть, был ГОЦ А.Р. Московские работники вступили в Бюро Ц.К. уже после моего отъезда. ДОНСКОГО я тогда в Москве не видел.

10) Военная Комиссия при Ц.К. летом 1918 г. занималась отправкой военных работников за волжский фронт. Определенно я знаю о вхождении в состав этой Комиссии ДАШЕВСКОГО. Возможно, что в нее вошли ЗЕНЗИНОВ и МОЙСЕЕНКО.

Вышеизложенное на двух с половиной страницах, изложенное с моих слов – верно: Николай Николаевич ИВАНОВ.

8/1V-22 г.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 6–7. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 204–204 об. Незаверенная машинописная копия, направленная для сведения Ф.Э. Дзержинскому. На л. 204 вверху слева автограф Ф.Э. Дзержинского.

№ П-34

Показания свидетеля обвинения А.А. Краковецкого

8 апреля 1922 г.

ПОКАЗАНИЯ КРАКОВЕЦКОГО (ПО ДЕЛУ ПАРТИИ С-Р.-)

За несколько дней до октябрьской революции я приехал в Петроград в качестве делегата на съезде Советов от Иркутского Совета Солдатских депутатов. В воздухе чувствовалась неизбежность решительного столкновения между военным правительством и большевиками, выдвигавшими лозунг «ВСЯ ВЛАСТЬ СОВЕТАМ».

Насколько я помню[,] в дни[,] предшествовавшие 26 октября[,] военная Комиссия ПСР готовилась к сопротивлению и результаты ее работы особенно реально сказались в подготовке броневых дивизионов. Чувствуя постепенный и неуклонный отход солдатских масс от правительства, члены военной Комиссии настаивали пред членами Ц.К. на захвате инициативы в свои руки, т.е. подавлении назревавшего выступления большевиков самыми решительными мерами. В частности[,] указывали на то, что если броневой дивизион не будет использован эсэрами немедленно, он уйдет из наших рук и мы лишимся весьма солидной опоры. Члены Ц.К. вели в это время переговоры с большевиками и могли дать только общую директиву о необходимости усиленной подготовки войск без ука-

⁶ Так в документе, следует предложение.

зания срока выступления. ^аТем не менее одновременно с этим позиция[,] занятая эсэрами на съезде Советов[,] с неизбежностью вела к кровавой развязке^б. Увидев[,] [ч]то большинство съехавшихся делегатов наст[р]оено большевитски[,] эсеры решили бойкотировать съезд и сорвать его результаты путем отказа от участия в его работах. Насколько руководители ПСР были оторваны от масс[,] можно судить по заседанию эссеровской фракции съезда[,] обсуждавшей вопрос об уходе со съезда накануне его открытия. На этом заседании выступал ГОЦ от имени Ц.К. с резкой критикой лозунга [«]вся власть Советам» и был встречен самыми резкими протестами со стороны эссеровских элементов.

По этому бурному заседанию можно было судить о том, поскольку^в утеряны все позиции партии в глазах широких масс.

Тем не менее решение Ц.К. о бойкоте съезда оставалось неотменным и тем самым дальнейшее развитие событий могло идти только в направлении вооруженной борьбы с большевиками. Правительство и особенно высшие круги очевидно переоценивали свои силы и не учитывали сил противника. Я помню разговор свой с пол[ковником] ПОЛКОВНИКОВЫМ, бывш[им] тогда команд[ующим] войсками Петроградского Военного Округа. Разговор этот имел место в день закрытия большевитских газет 24 или 25 Октября.

Полковников был настроен очень оптимистически и уверял меня, что приняты все меры для быстрой и успешной ликвидации большевитского движения.

Но ближайшие дни показали обратное:

Что касается настроения военной Комиссии ПСР[,] то она, оставаясь на позиции необходимости борьбы до конца, учитывала полное исчезновение доверия солдатских масс к Правительству. Все мы ясно сознавали, что имя КЕРЕНСКОГО было совершенно дискредитировано в глазах армии. В разговорах среди Членов Военной Комиссии не раз в эти дни поднимался вопрос о необходимости образования однородно-социалистического правительства и замены КЕРЕНСКОГО – ЧЕРНОВЫМ. Мы рассчитывали, что этими мероприятиями возможно еще укрепить моральный престиж власти и создать в массах настроение против большевитских лозунгов. К нашей точке зрения склонился также ГЕРШТЕЙН^г, который больше других членов Ц.К. давал себе ясный отчет о критическом положении ВР[еменного] Правительства. Не знаю[,] представлял ли ГЕРШТЕЙН эти проекты на рассмотрение Ц.К. партии, но во всяком случае военная комиссия вынуждена была вести свою работу в условиях старой политической обстановки.

До 26-го Октября, т.е. в течении нескольких дней[,] прошедших с момента моего приезда в Петроград, я часто бывал в военной комиссии[,] но не мог отделиться целиком ее работе[,] т.к. мне приходилось часто посещать Смольный в связи со съездом. Поэтому я не помню теперь конкретно[,] в каких войсковых частях велась работа и какие результаты давала она в отдельных случаях.

Поворотным моментом[,] заставившим меня стать во главе военной комиссии[,] явилось выступление большевиков 26 октября[,] передавшее почти безболезненно власть в их руки. Отъезд КЕРЕНСКОГО на фронт для сбора верных частей и настроение членов Ц.К. указывали на то, что партия и Правительство не намерены примириться[я] с совершившимся

---

^{а-б} Здесь и далее подчеркнуто в документе.

^в Так в документе, следует насколько.

^г Так в документе, здесь и далее следует ГЕРШТЕЙН.

фактом и будут отрагизовывать^д дальнейшую борьбу против большевиков. Это заставило и военную комиссию проявить лихорадочную деятельность по подготовке выступления в Петрограде в связи с наступлением КЕРЕНСКОГО извне. В течении нескольких дней были завязаны связи с военными училищами и несколькими военными частями[,] подававшими надежду на поддержку Правительства. Таких частей[,] правда[,] было очень немного, насколько я помню[,] в наши расчеты входила какая[-]то команда самокатчиков, стоявшая частью в петропавловской крепости, частью в городе[,] и команда инвалидов. Никаких надежд на гвардейские полки мы не возлагали и хранили свой план главным образом на силах юнкеров. Работа Комиссии в этом направлении шла успешно: в течении нескольких дней мы подготовили почву для начала военных действий. О всей этой работе конечно были осведомлены члены Ц.К. партии[,] которые с своей стороны перенесли центр сопротивления большевикам в Комитет «Защиты родины и революции». Однако кровавая развязка поступила^е скорее[,] чем ожидали, Члены военной Комиссии. Были получены сведения о готовящемся разоружении каких^ж броневиков, которые мы считали своими[,] и поэтому было решено выступить немедленно. Решение это было принято представителями военной комиссии ПСР и представителями военного отдела Комитета Защиты Родины и Революции [в] ночь на 29 Окт[ября] в помещении Всерос[сийского] Кредитного союза. Руководителем выступления был назначен тот же ПОЛКОВНИКОВ, при чем назначение это было сделано Комитетом Защиты[,] в котором видную роль играл ГОЦ. Тут же были заготовлены приказы военным училищем^з о выступлении. Эти приказы лично я дал на подпись АВКСЕНТЬЕВУ, как Председателю Комитета.

Уже перед самым переходом руководителей из помещения Союза в Инженерный замок, где было назначено место нахождения штаба, я имел мимолетный разговор с ГОЦОМ. Встревоженный и взволнованный ГОЦ просил меня принять меры, чтобы после занятия Смольного повстанцы были удержаны от эксцессов над видными руководителями большевиков. Как известно[,] наше восстание не нашло себе поддержки среди частей гарнизона и было изолировано рамками чисто юнк[с]рского движения[,] к которому примкнули только определенные группировки офицерства самого разношерстного в политическом смысле состава.

После неудачных для нас боев, сосредоточивающихся вокруг пехотных училищ, мы получили распоряжение из комитета Защиты прекратить дальнейшую борьбу в виду ея полной безнадежности.

Около 5 или 6 час. вечера я оставил здание Никол[аевского] Инженерн[ого] училищ[а] и в течении нескольких дней скрывался^и в Петрограде, а затем выехал в Киев.

В Киев я приехал в начале Ноября в период господства Центральной Украинской Рады. Антибольшевистский характер ее создавал благоприятную обстановку для организации сторонников Вр[еменного] Правительства. Вскоре я узнал о том, что Сибирская Областная дума⁴³, собравшаяся в Томске[,] избрала меня военным министром первого Сибирского Правительства и дала мне поручение приступить к организации сибиряков на фронте. По этому поводу еще ранее я вел переговоры с Дербером[,] пред-

^д Так в документе, следует организовывать.

^е Так в документе, следует, видимо, наступила.

^ж Так в документе, следует таких.

^з Так в документе, следует училищам.

^и Исправлено в документе взамен ранее напечатанного открывался.

ставителем Сиб[ирского] Областного совета[,] по прямому проводу. Мною был организован в Киеве Сибирский Военный Комиссариат и выработан проект формирования сибирских частей. Ввиду отсутствия средств для этой цели я обращался за помощью [к] Украинскому Правительству и главе французской военной миссии ген[ералу] ТАБУЛ. [У]кр[аинское] Правительство ничем не могло помочь нам в этом отношении[,] т.к. и само было стеснено в финансовом отношении. Что-же касается ген[ерала] ТАБУЛ[,] то он очень внимательно отнесся к моему проекту и после долгих переговоров согласился принять за счет французского Правительства содержание организуемых ^ксибирской гостей^л, для начала работы обещала^м отпустить кажется один миллион в счет общей сметы[,] исчисленной в несколько десятков миллионов.

Об этих моих переговорах был осведомлен ГЕРНШТЕЙН, так-же приехавший в Киев вместе с РИХТЕРОМ для переговоров с Укр[аинским] Правительством ЧЕРНОВ о возможности получения денег от ген[ерала] ТОБУЛ^н. ГЕРНШТЕЙН начал настаивать, чтобы я передал часть этой суммы партии ввиду критического финансового положения. На мои возражения [...]° как представитель Сиб[ирского] Правительства и поэтому могу давать их на партийные цели, ГЕРНШТЕЙН ответил мне, что как член партии я обязан сделать все возможное, чтобы исполнить его требования. Зная о том, что переговоры мои с ТАБУЛОМ близятся к концу[,] ГЕРНШТЕЙН почти каждый день посылал ко мне различных товарищей с целью информации о положении дела. Ввиду того, что Киеву угрожала опасность со стороны наступавших большевиков[,] ГЕРНШТЕЙН усиленно торопил меня поскорее получить от французской миссии обещанный аванс, чтобы не оставить партию без денег. Однако события развивались таким быстрым темпом, что я не успел довести дела до конца. Киев был взят после нескольких дней боя и мне пришлось вновь бежать[,] передав свои обязанности комиссара Сибирских войск на фронт[е] своему заместителю.

Выбравшись из Киева[,] я приехал сначала в Москву, где виделся с ГОЦОМ[,] жившим на нелегальном положении, а потому^п отправился в Петроград. ^рЦелью моей поездки явилась организация Сибирского Военного Комиссариата в Петрограде[,] при которых проходило много демобилизованных Сибиряков[,] направлявшихся на родину^с. В Петрограде я нашел много союз^т Сибиряков Областников [-] легальное учреждение, которое занималось террористической и практической разработкой различных вопросов государственного строительства Сибири. Союз был тесно связан с Сибирским Правительством, которое к этому времени было ликвидировано большевиками и ушло в подполье. Союз поддержал связь с Советской властью и кажется принимал от него даже поручения по закупке продовольствия в Сибири. При Союзе имелась небольшая военная ячейка, которая почти ничем не заявляла о своем существовании. Главное руководство его находилось в руках И.А. МИХАЙЛОВА – с.-р., члена Сиб[ирского] Правительства[,] избранного Сиб[ирской] Обл[астной] Думой.

^{к-л} Так в документе, следует, видимо, сибирских частей.

^м Так в документе.

^н Так в документе.

^о Далее часть текста не прочитана.

^п Так в документе, следует, видимо, потом.

^{р-с} Так в документе.

^т Так в документе.

[П]о моем приезде возник проект получить от Советской власти официальное разрешение на организацию Сибирских частей для защиты Петрограда от наступающих немцев. В дальнейшем предполагалось использовать эти силы для антибольшевистской борьбы или в Сибири[,] в зависимости от обстановки и реальных возможностей. Поэтому^у по поводу правление Союза вело переговоры с представителями Советской власти, но не получало необходимого ра[з]решения как замаскированные попытки организации контр-революционных сил.

Тем не менее я вместе с Михайловым был два раза у НУЛАНСА и излагал ему наш проект, ссылаясь при этом на переговоры, имевшие место в Киеве [с] ген[ералом] ТАБУЛ. В первое наше свидание НУЛАНС принял нас очень приветливо и сочувственно отнесся к нашим предложениям. Но второе свидание совпало уже с моментом наступления немцев на Петроград, когда французская миссия уже упаковывала свои чемоданы и готовилась к эвакуации[,] НУЛАНС был очень нервно настроен и[,] бросив обвинение по адресу КОРНИЛОВА, который стоит очень дорого французам[,] а не дает ничего реального, он отказался вести дальнейшие переговоры в Петроградской обстановке. В этот же приезд я виделся несколько раз с работниками партийной военной организации, фамилии которых не помню. Знаю о том[,] что у них велись какие-то переговоры с организацией ФИЛИПЕНКО^ф. Раз или два виделся с их представителями на^х конспиративной квартире, но дело ограничилось взаимной информацией.

Вообще[,] занятый больше Сибирскими делами[,] я в это кратковременное пребывание в Петрограде не успел войти в курс партийных военных дел. Общее впечатление создалось такое, что главные руководители военной работы продолжают ее по инерции без веры в целесообразность ее и возможность положительных результатов. После свидания с Тимофеевым я окончательно убедился, что нет никаких оснований ра[с]считывать на возникновение широкого массового движения против большевиков, как в населении, так и в армии.

В это же время я получил через союз сибиряков телеграмму из Томска, в которой Сиб[ирское] правительство экстренно вызвало меня в Сибирь. По приезде в Томск я виделся с представителями Сиб[ирского] Правительства с.р. МИХАЙЛОВЫМ, МАРКОВЫМ и др. Они вели уже подпольную антибольшевистскую работу, организуя военные силы, которые состояли почти исключительно из офицеров.

В некоторых городах[,] например[,] в Омске организации состояли из Монархических элементов. Тем не менее с.-р. поддерживали с ними деловую связь. Что касается самих с.-р. организаций[,] то и они возбуждали много сомнений в отношении политической физиономии своих членов[,] достаточно указать, что известный Гришин-Алмазов являлся в это время членом Ново-Николаевской группы п. с.-р. и представителем ее военной организации.

Такую картину я наблюдал в Иркутске и Чите, куда заезжал по пути до Д[альнего] Востока. Сибирское Правительство с ДЕРБЕРОМ во главе находилось в это время в Харбине. Все надежды возлагались на Правительство, которое должно было добиться признания союзниками, получить от них материальную [и] моральную помощь и[,] организовав на

^у Так в документе.

^ф Так в документе, следует, видимо, Филоненко.

^х Исправлено взамен напечатанного по.

дальнем Востоке вооруженную силу[,] двинуться оттуда на освобождение Сибири, что касается помощи от союзников живой силы[,] то по этому вопросу мнение организации расходилось. В то время как в Томске и Чите большинство руководителей считали неприемлемой союзническую интервенцию, в Иркутске руководители высшей организацией, как например видный с.-р ЯКОВЛЕВ не возражали против привлечения вооруженных сил японцев. Совершив свой объезд наиболее крупных городов в Сибири[,] я приехал в Харбин. Сиб[ирское] Правительство находилось в критическом положении, денег не было[,] все попытки завязать деловую связь с представителями союзников не давали никаких результатов. Несмотря на усиленное отбивание^ц порогов различных Консульств и Миссий положение Правительства оставалось двусмысленное, на территории, где полными хозяевами являлись банды: СЕМЕНОВА, КАЛМЫКОВА, ген[ерала] ХОРВАТА и др. Между тем местные организации[,] с которыми поддерживалась постоянная связь[,] требовали все время денег для продолжения работы. Нам писали, что отсутствие средств приводит к тому, что члены наших организаций начинают переходить в правые монархические организации, пользовавшиеся материальной поддержкой торгово-промышленников. Впрочем некоторые наши организации как[,] например[,] иркутская пользовалась помощью местной буржуазией^ч[,] назревавший кризис подпольной работы был разрешен выступлением Чехо-Словаков. С первых же моментов их выступления^ш всеми местными организациями^ш работали рука об руку с чехами. В Ново-Николаевске ген[ерал] ГАЙДА еще до выступления вел переговоры о совместных действиях с представителями с.-р. организацией. Уполномоченный Сиб[ирского] Правительства с.р. ФОМИН[,] член учредительного Собрания[,] сопровождал главный эшелон чехов[,] двигавшийся с боем на восток и устанавливал на местах новую демократическую власть. Дерберовская группа Сиб[ирского] Правительства переходила в это время во Владивосток и номинально приняла на себя всю полноту власти. Фактически же оторванная от масс [и] окруженная враждебной буржуазно-монархической^б средой она вынуждена была идти на переговоры с цензовыми элементами. Такие переговоры велись с генералом ХОРВАТОМ по вопросу об образовании коалиционного правительства, при чем в этом деле не последнюю роль играли представители союзников: Франции, Англии и Японии. Стремясь создать единый антибольшевистский фронт из всех право-социалистических, демократических, и реакционно-буржуазных группировок, союзники не склонны были поддерживать на Д[альнем] Востоке одно какое[-]либо течение. Поэтому попытки все Дерберовской^{б1} группы добиться помощи той или иной иностранной державы оканчивались далеко несмотря на усиленную обработку, союзных представителей^б. Что же касается японцев[,] то они поддерживали негласно СЕМЕНОВА [и] весьма охотно вели переговоры с сибирским правительством[,] соглашаясь даже получить от него в аренду транспорт [на] Печенегу.

Такое двусмысленное положение Дерберовской группы продолжалось до приезда [с] запада премьера Омского правительства ВОЛОГОДСКОГО, по сравнению с политическим курсом[,] установившимся в Зап[адной] Си-

---

^ц Так в документе.

^ч Так в документе.

^{ш-ш} Так в документе.

^б Так в документе, следует, видимо, буржуазно-монархической.

^{б1} Исправлено взамен напечатанного Дерберовские.

^б Так в документе.

бири[,] члены Дерберовской группы оказались слишком «левыми» и вынуждены были подать в отставку.

В конце Октября я выехал из Владивостока в Иркутск. Здесь я имел возможность наблюдать полное бессилие эсеров вести борьбу с развертывавшейся реакцией. После колчаковского переворота, когда среди крестьянского населения началось партизанское движение[,] эсеры оставались в стороне от него и не могли дать ни одного руководителя.

Я помню[,] [в] какое безвыходное положение были поставлены члены Краевого Комитета ПСР, когда в Иркутск прибыла делегация от партизан с просьбой дать им организаторов. Оказалось[,] что сил нет, нет даже для выполнения такого элементарного задания.

Такая же самая обстановка полного бессилия и разложения партии наблюдалась на всем протяжении Сибири.

Эсеры[,] вынесшие на своих плечах диктатуру КОЛЧАКА, оказались неспособными принять участие в борьбе против реакции. Когда я ездил в Екатеринбург, на свидание с ГАЙДОМ для привлечения его к антиколчаковской организации, мне пришлось видеться и говорить с ГЕРНШТЕЙНОМ и БРУШВИТОМ. Оба они продолжали оставаться на старых позициях борьбы на два фронта против большевиков и нейтральной диктатуры. Ни тот ни другой не хотели ничего слышать о примирении с Советской властью. В то же время они практически абсолютно ничего не делали для свержения Власти Колчака и ограничивались бесконечными свиданиями, заседаниями и совещаниями в небольшом кругу единомышленников. Эти же черты[,] характерные для эсеров[,] проявлялись и в дальнейшем в период моей антиколчаковской работы и поездке ГАЙДЫ во Владивостоке.

На одном заседании Владивостокской организации ПСР представитель ЦК ИВАНОВ прямо заявил, что до тех пор[,] пока партия эсеров в состоянии или взять власть в свои руки и остаться, опасность передать ее большевикам³, партия не может одобрить выступления против КОЛЧАКА.

Во время второго восстания во Владивостоке против генерала РОЗАНОВА, 31 января 1920 года, эсеры также оставались в стороне и не принимали участия в революционном штабе. Даже больше [-] в несколько дней до этого переворота, Владивостокская группа ПСР официально объявила, что она считает вспышкопускательством все попытки вооруженных восстаний при обстановке[,] сложившейся на Дальнем Востоке.

Все это все больше развенчивало ПСР в моих глазах. Уже в начале 1920 г. я чувствовал себя вне партии, давая себе ясный отчет в неспособности партии занять правильную позицию в отношении Советской Власти. Во время своего пребывания в Чехии, где я виделся и много говорил с видными лидерами эсеров ЧЕРНОВЫМ, ЗЕНЗИНОВЫМ, МИНОРОМ, ЛАЗАРЕВЫМ и др. Я окончательно убедился в преступности их работы за границей в отношении революции в России. В моих глазах разворачивалась соглашательская политика АВКСЕНТЬЕВА, РОГОВСКОГО и др. членов партийной группы с кадетами, я читал в [«]Воле России[»] постоянные призывы к повстанческой борьбе с Советской Властью, я присутствовал на митингах, на которых в угоду черносотенных аудиторий[,] состоявших¹⁰ из Врангелевских офицеров[,] поносилась Советская Россия, наконец[,] я знаю[,] какую позорную роль играли в Чехии г.г. ЛЕБЕДЕВЫ, БРУШВИТЫ, обрабатывая¹¹ руководителей чешского пра-

³ Так в документе.

¹⁰ Исправлено взамен напечатанного состоявшей.

¹¹ Так в документе, следует обрабатывая.

вительства и удерживая их от заключения торговых договоров с Советской Россией.

Перенеся центр тяжести работы за границу[,] эсеры в течении последних лет вели кампанию^{1а} против признания Советской власти и против какой бы то ни было помощи России через посредство советского Правительства. Таким образом значительная доля бедствий[,] переживаемых Россией, русскими крестьянами и рабочими лежит на совести эсеровской партии.

Суд над нею властью диктуется велениями революционной совести и исторической справедливостью перед трудящимися России[,] вынесшими на своих плечах кровавую борьбу с реакцией, интервенцией[,] голодом и хозяйственной разрухой.

За все то партия эсеров должна нести политическую ответственность перед лицом рабоче-крестьянского класса страны. —

(А. КРАКОВЕЦКИЙ.)

8 апреля 22 г.

г. Москва. Допросил особоуполномоченный ГПУ Я. АГРАНОВ.

— ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 11–20. Машинописная копия того времени.

— ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 206–210. Незаверенная машинописная копия.

№ П-35

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна

9 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА Льва Яковлевича ГЕРШТЕЙНА^а.

Допрошенный 9/IV-1922 г. по обвинению в причастности к террористической и боевой работе партии С.-Р., я от дачи показаний отказываюсь[,] считая единственным достойным и возможным для себя давать показания только коллективно вместе с другими членами Ц.К. Партии.

Л.Я. ГЕРШТЕЙН.
Допросил АГРАНОВ.

9.IV.22 г.

— ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 238. Незаверенная машинописная копия.

№ П-36

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Г.Л. Горькова-Добролюбова

11 апреля 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. ГОРЬКОВА-ДОБРОЛЮБОВА Григория Лаврентьевича

^{1а} Так в документе, следует кампанию.

^а Так в документе, здесь и далее следует ГЕРШТЕЙН.

Допрошенный 11/IV-22 г.[,] я заявляю, что от показания по существу дела и предъявленного мне обвинения в связи и сношениях с французской миссией в 1918 г. по поручению Ц.К.П.С.Р. я отказываюсь.

Изложенное написано с моих слов.

Григорий ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ.

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 240. Незаверенная машинописная копия.

№ П-37

**Письмо заместителя народного комиссара
здравоохранения заместителю председателя ГПУ
И.С. Уншлихту с сообщением результатов медицинской экс-
пертизы о свойствах яда кураре⁴⁴**

21 апреля 1922 г.

Сов[ершенно] Секретно.

Посылаю заключения экспертов, – проф. ЩЕРБАЧЕВА, проф. МИНАКОВА и д-ра ЭСАУЛОВА, – о свойствах яда кураре.

ЗАМНАРКОМЗДРАВ (подпись)
21/IV-22 г.

1) КУРАРЕ: Южно-Американский стрельный яд, из коры растения, в виде сухого [...] ^а бурого экстракта, горькаго вкуса, растворима частью в воде. Главное действующее начало сока КУРАРИН имеет аморфных, растворимых в воде краснобурых листочков ^б.

2) Отравление происходит при введении под кожу.

3) Минимальная смертельная доза курарина 0,024 на человека в 70 к

5) ^в Органические яды вообще и Кураре в частности, отличаются большой стойкостью и могут долго сохраняться при надлежащих условиях хранения, но при гниении могут распаться ^г.

6) Органические яды могут выдержать до температуры кипения, но при более высоких температурах перегоняются и затем распадаются.

7) Трудно допустить, чтобы при намазывании сверху кураре пули на ней могло ^д бы сохраниться после выстрела количество яда, достаточно[е] для отравления.

8) Если, при специальном приготовлении пули[,] возможно было достигнуть того, чтобы во время разрыва пули в теле человека в последнее попала бы доза яда, не меньшая смертельной, то конечно при подобных условиях нельзя отрицать возможности отправления ^е.

Сведения[,] данные проф. Судебной Медицины
Н.А. МИНАКОВЫМ Н.Е. ЭСАУЛОВ[ЫМ].

^а Часть текста не прочитана.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

^г Так в документе.

^д Исправлено взамен напечатанного могла.

^е Так в документе, следует отравления.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 6. Машинописная копия.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 9. Машинописный подлинник. Подписи – автографы.

№ П-38

Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова

[апрель] 1922 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Гр. РАКОВА Дмитрия Федоровича, 40 лет, из крестьян Нижегородской губ[ернии] Каяшинского^а уезда, Больше-Камарской волости, ст[аницы] Камары, местожительство гор. Москва, род занятий статистик-экономист, женат, недвижимого имущества не имеет, член Партии социалистов-революционеров, образование – окончил учительскую семинарию, учительский институт и Московский коммерческий институт, до войны 1914 г. был в ссылке, занимался уроками и литературной работой в Москве. До Февральской революции 1917 г. работал в кооперации и Городской управе в Москве. До Октябрьской революции 1917 г. работал в качестве члена Центрального комитета социалистов-революционеров. С Октябрьской революции до ареста тоже.

Сведения о прежней судимости – привлекался к суду несколько раз с 1905 г. по 1917 г. за принадлежность к партии.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

На предложенные мне вопросы: 1. знал ли я о существовании при ЦК Партии социалистов-революционеров боевой организации, 2) Как я относился к боевой организации, 3) Как я относился к террору и экспроприации, 4) Получала ли партия средства от союзных государств отвечать отказываюсь, постараюсь дать показания лишь при судебном разбирательстве дела.

Присовокупляю, что я подписал ответы, написанные мною лично.

Д. РАКОВ

Допрашивал Начальник 2 Отделения СО ГПУ ГЕРЦМАН.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 82. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 272. Незаверенная машинописная копия.

№ П-39

Письмо заместителя председателя Верховного Трибунала ВЦИК А.В. Галкина начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о переводе заключенных членов ПСР в Лефортовскую тюрьму

2 мая 1922 г.

НАЧАЛЬНИКУ СЕКРЕТНОГО ОТДЕЛА
ГОСУДАРСТВЕННОГО

^а Так в документе.

ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ.–
Тов. САМСОНОВУ.–

Верховный Трибунал ВЦИК просит

Вас сделать распоряжение о переводе арестованных по делу правых соц[иалистов] революционеров в числе 17 человек:

1. АГАПОВА Владимира Владимировича.
2. АЛЬТОВСКОГО Аркадия Ивановича (он же АЛЕКСЕЕВ Н.А.)
3. АРТЕМЬЕВА Николая Ивановича
4. ВЕДЕНЯПИНА Михаила Александровича
5. ГИНДЕЛЬМАНА^а Михаила Яковлевича (ГРАНОВСКОГО)^б
6. ГОРЬКОГО^в-ДОБРОШОБОВА Григория Лаврентьевича
7. ГОЦ Абрама Раф[а]иловича
8. ГЕРШТЕЙН Льва Яковлевича
9. ДОНСКОГО Дмитрия Дмитриевича
10. ИВАНОВА Николая Николаевича
11. ИВАНОВА-ИВАНОВА^г Елены Александровны
12. ЛИХАЧЕВА^д Михаила Александровича
13. МОРОЗОВА Сергея Владимировича
14. РАКОВА Дмитрия Федоровича
15. РАТНЕР-ЭЛЬКИНД Евгении Моисеевны.
16. ТИМОФЕЕВА Евгения Михайловича
17. ФЕДОРОВИЧА Флориана Флориановича

Для дальнейшего содержания под стражей в Лефортовскую тюрьму.

Верховный Трибунал ВЦИК полагал-бы необходимым:

1) поручить перевод арестованных под личную ответственность сотрудника ГПУ – которому надлежит следить за тем, чтобы арестованные перевозились в закрытом автомобиле группами по два человека, в каких они содержались в Секретной тюрьме ГПУ, без содержания групп или одиночных заключенных в одном автомобиле, дабы не дать возможности общения им: чтобы они размещались в Лефортовской тюрьме в том же порядке[,] в каком содержатся в Секретной тюрьме ГПУ.

2) Командировать на все время содержания арестованных в Лефортовской тюрьме – трех сотрудников, знающих в лицо всех арестованных – для наблюдения за ними в тюрьме – в распоряжение Коменданта тюрьмы.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЦИКОВНОГО^е
Трибунала ВЦИК

А. ГАЛКИН

Секретарь ШЕП^ж

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 10. Машинописная копия, заверенная секретарем Следственного отдела Верховного Трибунала.

^а Так в документе, следует ГЕНДЕЛЬМАНА.

^б Так в документе, следует ГРАБОВСКОГО.

^в Так в документе, следует ГОРЬКОВА.

^г Так в документе, следует ИВАНОВОЙ-ИРАНОВОЙ.

^д Так в документе, следует ЛИХАЧА.

^е Так в документе.

^ж Так в документе, следует ШЕН.

№ П-40
Протокол показаний заключенной члена ЦК ПСР
Е.М. Ратнер

4 мая 1922 г.

ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА
ЕВГЕНИИ МОИСЕЕВНЫ РАТНЕР

Допрошенная гр. АГРАНОВЫМ 4/V-22 г.[.] я показала следующее: Григория СЕМЕНОВА я в первый раз встретила на 9 Совете П.С.Р. 25/V-19 г. и никаких экспроприированных денег я от него не получала. По существу предъявленных мне обвинений я отказываюсь давать показания, которые я дам только на суде.

Подпись (Евгения Моисеевна РАТНЕР).

Допросил Я. АГРАНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 3. Машинописная копия того времени.

№ П-41
Запрос зав. следственным производством
«по делу правых эсеров» Верховного Трибунала
ВЦИК Е.Ф. Розмирович Я.С. Агранову

4 мая 1922 г.

Верховный Трибунал В.Ц.И.К. просит в срочном порядке уведомить –

1) принимались ли меры к получению актов дознания об экспроприации в 23-м Почтово-Телеграфном Отделении (уг[ол] Камергерского и Тверской) в августе–октябре 1918 года[.] при которой похищено 200–300 тысяч рублей, а также принимались ли меры к розыску гр[аждани]на, состоявшего в этот период в должности Начальника названного Отделения;

2) принимались ли меры к получению актов дознания о попытке экспроприации в Московском Губпродкоме^а (конец сентября 1918 г.[.]) при какой был наполовину расплавлен замок несгораемого ящика шкафа, а также принимались ли меры к розыску красноармейца МОРОЗОВА[.] бывшего Начальником Караула в Губпродкоме в тот период и оказавшего содействие экспроприаторам;

3) принимались ли меры к установлению факта, что в начале 1918 года в Петрограде на углу Пантелеймоновской и Моховой ул. существовал кооператив и какой;

4) требовались ли от Петроградского Уголовного Розыска акты дознания об ограблении торговца на Лесном (показание обвиняемого СЕМЕНОВА);

5) принимались ли меры к выяснению обстоятельств[.] сопровождавших попытку эс-ров совершить экспроприацию в Комиссариате Продовольствия (в Петрограде в феврале 1918 г.)[.] для организации какой был похищен автомобиль из Измайловского гаража; принимались ли меры к розыску эс-эра КАЛХОВСКОГО – рабочего ремонтных мастерских, похитившего^а указанный автомобиль;

6) принимались ли меры к получению от Петроградского Уголовного Розыска актов дознания по делу об ограблении на ст[анции] БУИ в мае

^а Исправлено взамен напечатанного похитивший.

месяце 1918 г. артельщика Комиссариата Продовольствия (похищено у артельщика 1.000.000 руб.);

7) принимались ли меры к розыску эс-эрки РЕМЯННИКОВОЙ (жена Лихача), принимавшей участие в попытке организовать экспроприацию в кассе кооператива льноводства, а также установления факта существования означенного Кооператива обще [...] ⁶ (показание СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 40);

8) принимались ли меры к получению от Московского Уголовного Розыска (Городского или Губернского) сведений в подтверждение факта ограбления купца, проживавшего на одной из ближайших от Москвы станций Рязано-Уральской ж.д., а также к получению медицинского акта[,] устанавливающего, что смерть означенного купца последовала от разрыва сердца. (Результат экспроприации – похищение 15–20 тысяч руб. – показание СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 40);

9) [а)] принимались ли ^в меры к установлению личности Главного Бухгалтера Главсахара, занимавшего этот пост в период времени – конец августа, сентября 1918 г. и принимавшего участие в организации попытки экспроприации Главсахара (показание ПЕЛЕВИНА, т. 1, л. д. 82[;]) б) к установлению личности кассира Главсахара, занимавшего эту должность в декабре 1918 г.

10) принимались ли меры к установлению факта, что эс-эр ЧЕРНЯЕВ состоял в июле, августе 1918 г. на службе в Управлении Александровской ж.д. и к розыску указанного ЧЕРНЯЕВА (показ[ания] СЕМЕНОВА, т. 1, л. д. 41);

11) принимались ли меры к розыску эс-эра ШТАЛБЕРГА Юрия (кличка КАРЛ), являвшегося членом подрывной группы Военной Комиссии при Московском Бюро Ц.К. П.С.Р., а равно к установлению факта[,] что явочная квартира означенного ШТАЛБЕРГА находилась в фотографии, помещавшейся по Долгоруковской ул.;

12) принимались ли меры к установлению факта, что на Мясницкой ул. в августе 1918 г. помещалось Французское общежитие-убежище под названием «АЗИЛЬ».

В случае, если ГПУ располагает в настоящий момент документальными подтверждениями по какому-либо из поставленных выше вопросов, просьба таковые препроводить немедленно; документы по всем вопросам или ответ по существу их просьба препроводить в краткий срок.

**ЗАВЕДУЮЩИЙ СЛЕДСТВЕННЫМ
ПРОИЗВОДСТВОМ ПО ДЕЛУ ПРАВЫХ ЭСЭРОВ
(РОЗМИРОВИЧ)⁴⁶**

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 16–17. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 30–31. Заверенная машинописная копия.

№ П-42

**Протокол допроса заключенного бывшего члена ПСР С.Е.
Кононова**

5 мая 1922 г.

⁶ Часть текста не прочитана.

^в Впечатано над строкой.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА гр. КОНОНОВА Сергея Егоровича.

Допрошенный Особоуполномоченным Г.П.У. гр. АГРАНОВЫМ 5/V 22 года я показал следующее:

Приблизительно до Пасхи сидящий в одной камере (внутренней тюрьме ГПУ) со мной УСОВ перестукивался от имени всей нашей камеры (где сидят ФЕДОРОВ-КОЗЛОВ, ЗУБКОВ, я и УСОВ) с находившимся в камере, расположенной под нашей камерой[,] А.Р. ГОЦЕМ. Перестукивание происходило по трубе. ГОЦ спросил о том, кто заключен в нашу камеру. Ему был дан УСОВЫМ ответ, что в нашей камере находятся прибывшие из Петрограда боевики эсеры. ГОЦ спросил[,] были ли мы на допросе и что мы показывали следователю. Мы ответили, что показывали на следствии обо всем, что касалось нашего участия. ГОЦ сказал нам, что на суде мы должны как эсеры отстаивать прежде всего интересы партии с.-р.^a

Для меня лично, как отошедшего от п.с.р. такое поведение на суде[,] рекомендованное ГОЦЕМ[,] является неприемлемым.

С этим моим мнением согласны мои товарищи по камере, но ГОЦУ об этом мы не говорили⁴⁷.

Сергей Егорович К а н о н о в^b.

На шестой строчке зачеркнуто одно слово и еще на двадцать второй и 23 стр. тоже по одному слову зачеркнуто.

КАНОНОВ.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 174. Машинописная копия того времени.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 168. Рукописный подлинник показаний, написанный Я.С. Аграновым и подписанный С.Е. Кононовым. В деле также имеется машинописная незаверенная копия протокола (л. 169).

№ П-43

**Запрос председателя Верховного Трибунала ВЦИК
Н.В. Крыленко народному комиссару юстиции
Д.И. Курскому о толковании постановления ВЦИК от
26 февраля 1919 г. об амнистии в отношении членов ПСР**

17 мая 1922 г.

Верховный трибунал просит Вас в связи с предстоящим окончанием следствия по делу правых с.-р. и предъявлением обвинения разъяснить:

1) Подлежат ли амнистированию на основании постановления ВЦИК от февраля 1919 года об амнистии деятелей правых с.-р., прекративших согласно постановлению партийной конференции от 8-го февраля того же года вооруженную борьбу с Советской властью, деятелей и иных партийных группировок и беспартийные, удовлетворяющие^a тем же требованиям, т.е. изъявившие о своей солидарности с партийными решениями конференции и лояльно державшиеся в отношении к Советской власти с того момента.

^a Подчеркнуто в документе.

^b Так в документе, следует Кононов.

^a Так в документе, здесь и далее следует удовлетворяющие, удовлетворивших.

Подлежат ли амнистии не только деяния, представляющие собой акты участия в вооруженной борьбе, понимая под последней участие в борьбе на фронтах, или равным образом деяния, направленные на организацию вооруженной борьбы против Советской власти вообще, как-то: подготовка вооруженных восстаний в тылу, подрывная работа, направленная [на] ослабление фронта и т.д., за исключением участия в подготовке в исполнении террористических актов и вооруженных ограблений, как не имеющих никакой связи, ни с борьбой на фронтах, ни с организацией вооруженных восстаний, как равно подлежат ли амнистии аналогичные деяния, имевшие место со стороны тех или иных лиц, на [и]ных фронтах, кроме Восточного, прекращение борьбы на каком-либо послужило в свое время непосредственным поводом амнистии.

С своей стороны, Верховный трибунал, основываясь на тексте амнистии и на имевшем место прецеденте по применению этой амнистии к лицам, привлекавшимся по так называемому Саратовскому делу правых с.-р. в 1919 году, по коему за силой амнистии было прекращено производством дело в отношении 18 человек правых с.-р., торжественно подтвердивших на суде свой отказ от продолжения вооруженной борьбы, причем амнистия тогда была применена судом не только в отношении актов прямого участия во фронтовой борьбе, но в отношении преступных действий по организации восстаний и подрывной работы в тылу, равно на прецеденты, что тогда же постановлением Президиума ВЦИК было предложено Верховному трибуналу распространить амнистию также на беспартийных, привлекавшихся по тому же делу и удовлетворивших тем же требованиям – Верховный трибунал полагает со своей стороны возможным применение амнистии по данному делу в тех же пределах.

Просьба, не замедлить ответом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА

ВЦИК (подпись)

Москва

17 мая 1922 года.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 89–90. Машинописная копия того времени.

№ П-44

Заявление члена ПСР В.К. Белецкого в Верховный Трибунал с просьбой о привлечении его в качестве обвиняемого на предстоящем процессе

1 июня 1922 г.

Заявление

Будучи сначала привлечен в качестве обвиняемого по делу п.с.р., я теперь переведен в разряд свидетелей по этому делу.

По этому поводу имею сделать Верховному Рев[олюционному] Трибуналу следующее заявление.

Неся партийные обязанности как член П.С.-Р. и выполняя поручения партии, как в Саратовской организации, так главным образом в Петроградской в период времени 1917–1918 годы я был самыми тесными узами связан с партией и несу и по сей момент ответственность за свою работу и убеждения, и за деятельность партии с.-р., в полной мере.

Продолжая оставаться членом п.с.-р. и по сей день, я не хочу уклониться от суда, который будет происходить над моими товарищами и

партией. Это говорит мне мое сознание, пробудившееся остро только теперь^a.

На основании всего этого прошу, не принимая во внимание могущия возникнуть препятствия формального характера, привлечь меня, как обвиняемого, чтобы я на скамье подсудимых мог защищать партию от обвинения в преступлениях против рабочего класса.

В. Белецкий

PS Прошу мое заявление приобщить к делу.

ВБ

1/VI

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 364–364 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 364 вверху слева резолюция рукой Е.Ф. Розмирович: «В распорядительное заседание. 2/VI».

№ П-45

Расписки обвиняемых второй группы об ознакомлении с материалами следственного производства Верховного Трибунала и обвиняемых первой группы с требованием продолжения ознакомления с данными материалами

2 июня 1922 г.

Следственное производство по делу правых с.-р.:

А) 5 основных томов^a (1, 2, 3 тома свидетельских показаний и показаний обвиняемых, 4 том – документы[,] приобщенные к делу, 5-й том – движение дела), В) 6 томов приложений (1 и 2-й тома эсеровских прокламаций, резолюций и протоколов, 3-й том газетные статьи, имеющие отношение к процессу, 4-й том – дело КАПЛАН, 5-й том – дело ограбления Почтового Отделения, 6-й том – дело об убийстве ВОЛОДАРСКОГО) и С) литературные материалы, приобщенные к делу о партии правых эсеров согласно постановлению от 15 Мая 1922 года –

1. Книга – журнал «Былое» № 16 – 1921 г.⁴⁸
2. Письмо членов ЦК партии эс-эров, заключенных в Бутырской тюрьме к новому Центральному Бюро указанной партии⁴⁹.
3. Книга В.И. ЛЕБЕДЕВА «Борьба русской демократии против большевиков»⁵⁰.
4. Книга А. АРГУНОВА «Между двумя большевизмами»⁵¹.
5. Сборник статей в книге под названием «Прекращение войны внутри демократии»⁵².
6. Краткий отчет о работе IV съезда Партии С.-р.⁵³
7. Брошюра под названием IX Совет Партии и его резолюции⁵⁴.
8. Книга М. СВЯТИЦКОГО «К истории Всероссийского Учредительного Собрания»⁵⁵.
9. Книга Вадима ЧАЙКИНА «К истории Российской Революции»⁵⁶.
10. Сборник статей и документов «Вокруг Учредительного Собрания».
11. Стенографический отчет 1-го дня Учредительного Собрания.

^a Подчеркнуто в документе.

^a Здесь и далее подчеркнуто в документе.

12. Сборник статей членов Учредительного Собрания фракции эс-эров.

13. В отдельной книге пять номеров еженедельного журнала «Партийные Известия с.-р.»⁵⁷ начиная с 1-го и кончая 5-м, издававшихся в 1917–1918 годах.

14. Открытое письмо Владимира ИГНАТЬЕВА от 9-го февраля 1922 года, адресованное ЧАЙКОВСКОМУ.

15. Семь журналов «Революционная Россия» № 1–22 г., 3–5–23, № 8–9 того же года и № 11 того же года.

16. Брошюра В.И. ИГНАТЬЕВА под названием «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны» (1917–1921 г.)⁵⁸.

17. Книга «Государственный переворот адмирала КОЛЧАКА в Омске 18 ноября 1918 года».

18. Книга Владимира ЗЕНЗИНОВА «Из жизни революционера»⁵⁹.

19. Газета «Родная земля» 31 экземпляр⁶⁰.

20. Комплект газеты «Дело Народа» за 1917 год.

Следственным Отделом Верховного Трибунала ВЦИК нам предъявлены, с каковым мы ознакомились, в чем и росписуемся –

1. Морачевский
  2. Г. Ратнер
  3. Семенов
  4. Л. Коноплева
  5. Ставская
  6. Ефимов
  7. Пелевин
  8. Зубков
  9. Федоров-Козлов
  10. Усов
  11. Дашевский
  12. В. Игнатъев
- 1922 года 2-го июня

Все вышеизложенные материалы были нам предъявлены начиная с 23 мая в следующие дни: 23 мая, 27 мая (доставлены в 5 ч. веч.), 28, 29-го, 31 и 2 июня, в указанные дни материалы доставлялись около 2 ч. дня и отбирались между 9 и 10 ч. вечера каждый раз в виду заявления следователей Верхтрибунала о необходимости предъявления материала и другим обвиняемым, находящимся в других тюрьмах или на свободе, ограничивались лишь частью материалов, о доставлении которых заявляли накануне. По этой же причине мы согласились отказаться от ознакомления с материалами 1-х томов, о чем подали заявление, тем более как раз только в этот день нам было доставлено обвинительное заключение.

В виду этого явно недостаточного времени, которое имелось в нашем распоряжении а также в виду величины следств[енного] производства и хаотичес[кого] его состояния (в 1 т. имеются ссылки на свидетелей и документы, отсутствующие в деле) и наконец в виду позднего вручения нам обв[инительного] заключ[ения] мы не имеем возможности достаточно ознакомиться и считаем необходимым дальнейшее предъявление их нам.

Артемьев, Раков, Морозов, Тимофеев, Львов, Веденяпин, Агапов, Лихачев^а, Горьков-Добролюбов, Донской, Гоц, Е. Ратнер, Либеров, Альтовский, Иванов, Иванова-Иранова, Герштейн, Злобин, Гендельман, Утгоф, Федорович, Берг.

^а Так в документе, следует Лихач.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 416–417. Машинописный подлинник перечисленных материалов следственного производства, подписи обвиняемых – автографы; особое мнение обвиняемых первой группы – рукописный подлинник.

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ПОДСЛЕДСТВЕННЫХ

№ П-46

**Заявление подследственного И.С. Дашевского
особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову
об условиях дачи им показаний**

9 марта 1922 г.

ОСОБО УПОЛНОМОЧЕННОМУ ГПУ т. АГРАНОВУ.

З а я в л е н и е.

В связи с моим привлечением в качестве обвиняемого по делу о деятельности п.с.р. в 1917–1918 г.г. в виду возбужденного вопроса о моем освобождении из заключения до суда, как ответственного, политического работника, в течение последних 2 1/2 лет ведшего непрерывно работу в Политотделе одной из Армий, – считаю необходимым довести до Вашего сведения нижеследующее:

Независимо от того[,] буду ли я освобожден из заключения или нет, мое поведение на следствии будет определяться нижеследующими положениями: не считая нужным, в виду предъявляемого мне обвинения скрывать что[-]либо из своей прежней деятельности, за которую готов нести полную судебную ответственность и из всех тех фактов и условий[,] коими эта деятельность определялась и сопровождалась, я не считаю в то же время возможным для себя, по соображениям революционной этики и личной морали, делать какие либо персональные указания на тех лиц, с которыми я сталкивался в процессе моей работы в то время, – называть имена и т[ому] под[обное].

И. ДАШЕВСКИЙ^а

9-го марта 1922 г.

Внутренняя тюрьма ГПУ
Москва.

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 140. Машинописная копия того времени.

№ П-47

**Заявление бывшего члена МПСР И.С. Дашевского
особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову
о готовности дачи им показаний**

[март] 1922 г.

^а Исправлено взамен напечатанного ДАЩЕВСКИЙ.

ОСОБОУПолНОМОЧЕННОМУ ГПУ тов. АГРАНОВУ.

Заявление Иосифа Самойловича Дашевского.

В дополнение к заявлению моему от 9-го сего марта довожу до Вашего сведения нижеследующее: Я считаю совершенно необходимым, чтобы на предстоящем суде была полностью раскрыта перед сознанием трудящихся масс России и перед общественным мнением Западного пролетариата истина о той печальной полосе в нашей революции, которая ознаменована нашей борьбой, П.С.Р. против Советской власти. Между тем в ответ на опубликованные уже разоблачения Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой, лидер П.С.Р. – В.М. Чернов, в заграничной прессе позволил себе категорически отрицать факты[,] доподлинно ему известные. Весьма вероятно, что и кое-кто из прочих ответственных руководителей П.С.Р. встанет на ту же позицию отрицания, тем более возмутительную, что именно эти лица, не имеющие на то партийной санкции, самочинно предприняли организацию террористических выступлений и тем толкнули рядовых работников и всю партию на гибельный для революции и преступный путь борьбы, а в это же время сами нарушили элементарные требования революционной и просто человеческой морали по отношению к рядовым бойцам, действовавшим по их директивам.

Ввиду этого я считаю необходимым отказаться от своего первоначального решения не называть в своих показаниях никаких имен и буду делать персональные указания в тех случаях, где это будет безусловно необходимо, для точного установления наиболее важных фактов и событий. Я сохраню за собой право воздержания от подобных указаний в отношении многочисленных рядовых деятелей партии.

И. Дашевский

... марта 1922 г.

г. Москва

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 346. Л. 141. Машинописная копия того времени.

№ П-48

Письмо члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова неустановленному адресату о настроениях обвиняемых, изъятое чекистами

Не ранее 29 апреля 1922 г.

Сообщаем на всякий случай новости, полученные нами: по слухам суд начнется 10-го мая. Обвинителем выступит ЛУНАЧАРСКИЙ. Едут ВАНДЕРВЕЛЬДЕ, представитель Вены и будто бы В. СУХОМЛИН, которому даны надлежащие гарантии со стороны Советской Власти. ЛЕВЕНБЕРГ организует Бюро защиты, в которое вошли адвокаты: ТАГЕР, оба МАЛЯНТОВИЧА, МУРАВЬЕВ, КИРИСМАН^а; Н.Д. СОКОЛОВА организаторы защиты почему-то отвели. Они намереваются относительно нас^б ограничиться техничеcки-процессуальной стороной дела, остальных берут полностью; ТАГЕР выражает особое желание защищать ГОЦА и ДОНСКОГО. Мы передали свою точку зрения, что сами мы в защитниках не нуждаемся, хотя против техничеcки-процессуальной защиты мы не возражаем. Нужно подать соответствующие заявления в Красный Крест. Мы, за исключением Митяя, полагаем, что такие заявле-

^а Так в документе, следует Киршман.

^б Подчеркнуто в документе.

ния подать нужно, ибо они нас ничем не связывают. Что думаете Вы по этому поводу и каковы ваши новости в этой области. Передают, что ДЕДУСЕНКО оказался тоже в числе болтающих. КОНОПЛЕВУ часто видят в Чека. Передают также, что Гр. РАТНЕР рыщет по городу и ищет документы для подтверждения своих обвинительных для нас показаний. По слухам, к нему приходил сам Гр. СЕМЕНОВ, что вызвало глубокое возмущение со стороны его матери. Н.П. СМИРНОВ и БЕЙЛИТ на свободе. Произведены новые аресты. Предстоит особый процесс тамбовцев, где будет фигурировать Ю.Н. ПОДБЕЛЬСКИЙ. Н.Ф. БЕРЕЗОВ, привезенный вместе с ЕЛЪЯШЕВИЧЕМ из Саратова, сидит в Бутырках. ЛОТОШНИКОВ выпущен временно на волю и высылается в Череповец. В Москве отпечатаны^в резолюции Всеукраинской конференции с-р.; в числе других есть резолюции об едином фронте и нашем процессе.

Очень плохо чувствует себя ЗАТОНСКИЙ. БЕРГ, ЛИБЕРОВ и ШМЕРЛИНГ продолжают сидеть в Кисельном. Вчера на прогулке АГАПОВ нам сообщил, что они сегодня собираются бить двери, требуя перевода в другую тюрьму. Насколько это серьезно[,] не знаем; по крайней мере встреченные вчера нами на лестнице ШИШИН и Евг. Моисеевна⁶¹ ничего по этому поводу нам не сказали. Мы поддерживаем решительные меры борьбы в случае отказа нам в общении после вручения обвинительного акта, так что шляпами нас не называйте.

Шлем привет.

П.С. Сергей Осипович вновь арестован и высылается в Вятку; он объявил голодовку.

По дороге в Туркестан умер с.д. АСТРОВ (?) от сыпного тифа. Он якобы сидел в Бутырке под другой фамилией. Будьте добреньки[,] пришлите к нам немецкую книжку полегче. Сегодня подали заявление с вызовом АГРАНОВА. –

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 119. Рукописный подлинник, написанный рукой Д.Ф. Ракова, без адреса и подписи.

– Л. 120. Машинописная копия, изготовленная в ГПУ и заверенная В. Брауде. Сверху рукописная помета рукой Брауде: «Копия письма члена ЦК ПСР Ракова (отобрана 29/IV.-22 г.)».

№ П-49

**Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова председателю ВЦИК
М.И. Калинину с требованием изменения
тюремного режима**

8 мая 1922 г.

**ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВСЕРОССИЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА г. КАЛИНИНУ.**

Числящегося за верх. Ревтрибуналом при ВЦИКе и содержащегося во Внутр. Тюремь Г.П.У. члена Центрального Комитета Партии Социалистов Революционеров – Николая Николаевича ИВАНОВА.

^в Вписано от руки.

З А Я В Л Е Н И Е.

В конце апреля, мною и другими т.т.[,] содержавшимися тогда во Внутр. Тюр[ьме] и привлекавшимися по одному делу со мной, было заявлено требование об изменении режима (общие прогулки, более длительное свидание, передача с воли книг, обмен книгами между камерами и ряд других). В ответ на это требование, представитель ГПУ заявил нам, что во Внутр. Тюр[ьме] все эти льготы вводить неудобно, но, что ввиду окончания следствия ГПУ и перечисления нас всех за Верх[овным] Ревтриб[уналом] нас на днях всех переведут в какую-либо другую тюрьму и там предоставят все требуемые нами льготы (он перечислил – общую прогулку и общие свидания, книги, и прибавил «и прочее»). Через несколько дней, 3-го Мая, нам предложили собирать вещи для перевода, но выяснилось, что переводу подлежат не все т.т. – именно женщины и рабочие не переводятся. Не желая расставаться со своей сестрой, я отказался переводит[ь]ся. Представитель Ревтрибунала, уговаривая меня переехать, говорил, что в Лефортове, куда нас переводили, нам будет лучше, нам дозволят общения, большие свидания и т.п., а женщин туда же переведут на днях. Вчера на допросе следов[атель] Верх[овного] Ревтрибунала заявил сестре моей, что женщин в Лефортово перевести невозможно, а их могут перевести в Новинскую тюрьму, что в Лефортове сидеть очень плохо, общих прогулок, конечно нет, а рабочих не перевели, ибо не хотят, чтобы на них оказывал «вредное»[,] влияние т. ГОЦ и другие^а чекисты (надо сие понимать так: чтобы мы легче могли вынудить у рабочих «нужные» нам, следователям, показания – такое отношение к рабочим – «раб.-крест.» власти очень характерно: интеллигенцию^б переводят в другую тюрьму, а рабочих оставляют в особо суровой Внутр. Тюр[ьме], мотивируя это боязнью «влияний»[,] как-будто рабочий такой «младенец», что на него можно «вредно влият[ь]» и чисто жандармский подход к делу, ведь жанд[армы] всегда искали «вред[ных] влияний»!!).

Итак выяснилось, что нас многократно обманывали, и не только представители ГПУ (им сам бог велел обманывать – охранники всегда действуют обманом, как их не называй: жандармами, чекистами или глав...^в[ ]), но и представители Верх[овного] Ревтриб[унала], а это совсем неприлично, ибо, ведь, Сов. Власть хочет доказать всем, что теперь у ней есть «настоящее» правосудие, а одним из атрибутов всякого «правосудия» является честность его агентов. В виду того, что целью наших требований являлся вовсе не перевод отсюда[,] а получение^г ряда льгот (общ[ие] прогулки, книги и пр.) я обращаюсь к вам с этим заявлением (ко всем другим «властям» я обращался уже[,] не добившись толку). Я требую: 1) общения с товарищами (следствие кончено, а с ним отпал последний довод в пользу «изоляции», надо добавить, что и вообще «изоляция» штука бесполезная, ибо когда старым, опытным революционерам понадобится сговориться[,] они «всегда» это смогут сделать[,] как-бы их не изолировали), 2) передачи книг с воли (следов[атель] вчера сказал сестре: «подайте список нужных Вам книг» – как-будто сейчас можно «заказывать» родным «нужные» книги – теперь приходится довольствоваться тем, что сумеют достать родные, поэтому должны разрешить беспрепятственную передачу всех книг, если не хотят превратить, лицемерно, разрешение в запрещенное по существу).

^а Вписано от руки сверху над строкой.

^б Так в документе.

^в Не разобрано копистом, предположительное написание главпупистами.

^г Исправлено взамен напечатанного о получении.

3) Более длительного свидания (моей жене пришлось ради получасового свидания прождать в ВЧК 11 часов!!). Общение должно распространя[ть]ся на всех сопроцессников без позорного и нелепого исключения для рабочих.

Кроме того, лично для себя я требую следующего: матушка моя настолько дряхла и больна (без надежды на улучшение здоровья)[,] что приходить на свидание не может (доктора ей запретили выходить из дому), я, следовательно, лишен возможности свидания с ней. Это вдвойне тяжело, ибо, во-первых[,] нам вообще мало пришлось жить вместе (сначала 10-летняя каторга, затем разлука на время граждан[ской] войны, я был в Сибири, а матушка в Москве), а во-вторых, если сейчас мне не удастся повидаться с ней, то это не удастся никогда: ее годы, вернее м[еся]цы сочтены, а мне, конечно, придется сидеть [в] Советской тюрьме еще не мало. Я просил – либо отпустить меня на некоторое время домой (все необходимые гарантии своевременного возвращения я обязывался дать), либо свести меня под конвоем на квартиру для свидания. В обоих просьбах я получил отказ.

Перед вам я возобновляю это ходатайство. Возможности моего побега не приходится бояться, хотя бы еще потому, что этим побегом я не пожелаю дать советским писакам лишний повод для клеветы на партию. Да и вообще, свое право присутствовать на суде и открыто перед лицом всего мира изложить свои взгляды я ценю столь высоко, что уклонение от суда считал бы величайшей ошибкой.

Если в Вас, гр. КАЛИНИН, осталась хоть капля духа истинного рабочего, Вам не может быть безразлично поведение представителей «рабоче-кр[естьянской] власти» – и Вы должны предложить соответствующим властям удовлетворить все мои требования – ибо неудовлетворение их – голый, ничем не оправдываемый акт насилия и издевательства.

НИКОЛАЙ ИВАНОВ. 8/V-22 г.

К требованиям брата присоединяюсь вполне –
член П.С.Р. ЕЛЕНА ИВАНОВА-ИРАНОВА.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 134–134 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф Н.Н. Иванова. Ниже – подпись Е.А. Ивановой-Ирановой. На л. 134 сверху рукописные пометы: 1) «В Верх. Триб. 9 мая 22 г.» (подпись неразборчива); 2) «В распорядительное заседание. 10/V. Е. Розмирович».

– Там же. Л. 134а–134б. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством НКВД в 1934 г.

№ П-50

**Телеграмма иностранным защитникам
Э. Вандервельде и К. Розенфельду о начатой группой заключенных голодовке для отстаивания своих прав, подписанная
А.Р. Гоцем**

18 мая 1922 г.

Брюссель Вандервельде. Берлин Ц.К. независимых Розенфельд.

В конце апреля Чрезвычайно-уполномоченным по делам с.р. Аграновым было заявлено нам об окончании следствия, передаче дела в ВерхТриб и о переводе нас в Лефортовскую Тюрьму. 13 мая из заявления наркомюста мы узнали о назначении процесса на 1 июня. Это заставило нас

обратиться к Вер[ховному] Триб[уналу] с предложением, в виду фактического окончания следствия, предоставить нам возможность общения, без чего не может быть и речи о действительной подготовке к процессу. Отказ ВерхТриб[а,] с нашей точки зрения[,] являлся самым недопустимым посягательством на наши интересы, и мы вынуждены были с 17 мая объявить голодовку. В ответ на это ВерхТриб. заявил нам, что общение будет разрешено нам только с 23 мая, т.е. всего за несколько дней до начала суда. Этот вторичный отказ мы не можем иначе квалифицировать как желание власти поставить нас в условия полной невозможности какой бы то ни было подготовки к процессу. За несколько дней, предоставленных в наше распоряжение властью, мы не в силах, конечно, будем – собрать нужный нам материал, вызвать свидетелей, изучить обширный следственный материал и т.п. Все это заставляет нас продолжать голодовку, ибо иных средств защиты своих элементарных прав мы не видим.

По уполномочию группы с.р. заключенных в Лефортов[ской] Тюреме
А. Гоц

18 мая 1922 г.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 236–236 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНИЗАЦИЙ ПСР И РСДРП В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

№ П-51

Воззвание Центрального Бюро партии социалистов-революционеров в связи с предстоящим процессом

28 февраля 1922 г.

Ко всем трудящимся.
Товарищи!

Главное Политическое Управление, перенявшее от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии наших пленных товарищей, выступает первый раз перед всей Россией и всем миром с процессом над партией социалистов-революционеров.

В «торжественной» обстановке Верховного Революционного Трибунала большевики хотят судить весь состав Центрального Комитета и ряд активных работников нашей партии.

Их обвиняют «в преступлениях против пролетарской революции», состоящих в «вооруженной борьбе, террористических покушениях и экспроприациях», направленных против диктатуры советской власти.

Новая политическая жандармерия, рожденная из гнойного чрева ВЧК, выступает обвинителем в свите двух уже опубликованных лжесвидетелей: одного типичного предателя-provokatora и другой наивной ренегатки. На очереди еще иные лжесвидетели, которые должны явиться, покорные вызову своих нанимателей.

Процесс наших товарищей задуман смело. Осудить хотят не только тех, кто уже находится в руках Госполитуправления, осудить хотят разом всю партию социалистов-революционеров.

Преодолевая брезгливость, вызываемую стряпней коммунистических жандармов и пародией на суд Ревтрибунала, наши товарищи явятся в зал

его заседаний, но не для ответа перед ним в качестве обвиняемых. Продолжая борьбу, которую они вели на воле, они от имени партии разоблачат отвратительные приемы большевистского правительства и пригвоздят его к позорному столбу перед лицом трудящихся.

Какая омерзительная смесь из бесстыдного лицемерия, политического шарлатанства и кровавадного вожделения скрывается за ширмами выдвинутого обвинения и развязно подносится всему миру.

В момент, когда кремлевские владыки, после четырех с половиной лет, наполне[н]ных их клятвопреступлениями, их предательством и провокацией по отношению к трудящимся, капитулируют перед капиталом и отдают в его власть трудовые массы России, против социалистов-революционеров, боровшихся все эти годы с ними, как с диктаторами, выдвигается обвинение в преступлениях против рабочей революции.

Да, мы боролись с диктаторами!

Мы боролись с ними вооруженной рукой в 1918 году, когда они, вырвав власть из рук трудового народа и разогнав Учредительное Собрание, подавили рабочих и крестьян при поддержке германского империализма.

Поддерживая фронт борьбы с контр-революцией, мы приостановили в 1919 году вооруженную борьбу с большевиками, когда пал под ударами Германской революции этот их союзник и поднялись окрепшие под ударами их политики силы контр-революции.

Мы перешли затем на путь планомерной организации трудящихся масс, преодоления диктатуры коммунистической партии методами революционной политической борьбы. И на этом пути, усиливаясь, не смотря на преследования и террор, мы оказались еще опаснее для узурпаторов.

Все теснее связываясь с трудовыми массами, мы окрепли и теперь стоим на страже трудовой народной революции, ее аванпост и ее неизбежный вождь, в этот момент, когда силы организованного труда разобьют наложенные диктаторами цепи и предьявят счет им и их новому союзнику-капиталу.

Никакой клеветой не затмить этой простой правды о нашей борьбе. В ней были ошибки, были промахи, были отступления – но не власти насилия судить нас за них.

Они знают это. Отсюда их ненависть против нас. Поэтому сейчас, когда пришли им сроки платить по счетам капиталу и предстоит отдать ему в уплату за властолюбие свое социалистическое прошлое, тщатся они повергнуть в прах нас, чье революционно-социалистическое настоящее ярко светит сейчас трудящимся на тяжком пути борьбы за право труда.

И наши товарищи в зале Ревтрибунала дадут всякую отповедь этой новой попытке низвергнуть Партию Социалистов-Революционеров. Мы прорвем стены этого зала и на весь мир разнесем слова, которыми наши товарищи разоблачат гнусный замысел правительства.

Оно уже обанкротилось и скоро снимет последние социалистические доспехи. Но вместе с ним, жалким банкротом, перед миром труда предстанет и партия коммунистов-большевиков, которая соединила себя с этой лже-рабочей крестьянской властью.

Трусливая пойти на свободную политическую борьбу с нами и отдать решение нашей тяжбы с нею на суд свободного суждения рабочего класса, она скрывается за ширму Ревтрибунала, чтобы в его уже заготовленном приговоре найти оправдание полицейским мерам борьбы с нами.

Это делается на кануне международной конференции всех социалистических и коммунистических партий, призванной найти почву для единого фронта, которого требуют трудящиеся массы, чтобы противостоять давящему на них объединенному капиталу.

На этой конференции не может быть места для партии русских коммунистов-большевиков, проводящей политику угнетения трудящихся масс России, подавления их самонадеянности, террора над ними и социалистическими партиями, доколе она не вернется в своих делах к тем заветам, которые все еще сохраняются у них на словах.

Об этом мы подняли свой голос перед всем миром труда.

И вот на неслыханный еще среди трудящихся маневр пускается эта партия.

Ревтрибунал должен объявить нас контрреволюционной партией и с его приговором в руках она хочет явиться пред международной армией труда и требовать там почетного места себе и изгнания нашего оттуда.

Они забыли, что если даже в задушенной и примолкшей России их игра разгадана, то еще более бесполезна эта грубая попытка на открытой арене цивилизованного мира. Ибо там свобода не только для их ораторов и для их печати, там свобода для всех, там фальшивыми документами не обернешься.

Они забыли или не могут понять, что требование прекращения преследования социалистов потому непререкаемо раздастся на международной конференции, что вместе с тем оно есть требование о раскрепощении трудовых масс России.

Нас, вышедших из рядов русских, рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, нас – революционный и социалистический авангард – не вырвать ни из рядов русской армии труда, ни из международной семьи рабочих партий.

И в зале суда будет разоблачен нечестный замысел большевиков-коммунистов.

Пусть обрушивают диктаторы на нас преследования, пусть грозят расправой пленным нашим товарищам, – нас не сломили до сих пор, нас не устрашат новые жертвы. Со знаменем трудовой революции несем мы трудящимся массам клич борьбы:

За свободу!

За социализм!

Этот клич из зала трибунала, как пароль и лозунг тех, кто уже много отдал сил на дело трудящихся и кто бестрепетно положит за него свою жизнь, переймет вся Партия Социалистов-Революционеров и передаст трудящимся.

Центральное Бюро

Партии Социалистов-Революционеров.

Москва, 28 февраля 1922 года.

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 12–13.

– *Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы*. Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917 г. – 1925 г. М., 2000. С. 811–813.

№ П-52

**Письмо члена Центрального Бюро ПСР
Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР
о координации действий в связи с предстоящим процессом**

4 марта 1922 г.

Дорогие друзья

Шлю Вам обращение Бюро. Напечатайте его[,] как просили в письме № 1.

Собирайте весь оправдывающий наших товарищей материал и шлите нам.

Принимаем все меры для того[,] чтобы разоблачить комедию большевиков.

Узники решили на следствии не давать никаких показаний. Выступить на разборе дела.

Хлопочем о хорошей защите, задача которой должна быть не судебная защита, а общественно[-]политическая.

Черезвычайка в новой коже. Управление свирепствует. Всюду идут[,] и в центре [и] на местах[,] аресты наших товарищей.

4/III 1922 г.

Ждем материалов.

Москва.

P.S. Пришлите обязательно брошюру Васильева. Нужна на суде. Суд хотя назначен на 20-е марта, но много данных за отсрочку

Ваш

Люсьмарин

Примечание: Брошюры [( )по[-]видимому они были в конверте № 2) посланы 11/3 (подпись)

№ 1 – не получил.

– Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Машинописный подлинник.

№ П-53

«Заявление членов ПСР, находящихся в заключении в Ярославской тюрьме»

11 мая 1922 г.

После 4-х с половиной лет бессудного заключения членов Партии социалистов-революционеров в тюрьмах – то в качестве «изолируемых», то в качестве «заложников» – советская власть оказалась вынужденной, наконец, перед лицом Европы прикрыть фиговым листком «революционной законности» свою непримиримую борьбу с этой партией.

24 февраля настоящего года, одновременно с переименованием ВЧК в Госполитуправление, ста пятидесяти привлеченным по делу партии с.-р., во главе с ее Центральным комитетом, было предъявлено обвинение в «терроре, экспроприациях и вооруженной борьбе» – ^аобвинение на искусственно построенное на заранее для этой цели опубликованной клеветнической брошюры предателя и ренегата СЕМЕНОВА^б. Попытка в судебном порядке расправиться с социалистической партией, в лице ее <наи>более видных и ответственных работников, и при том за период борьбы[,] уже покрытой в 1919 году постановлением ВЦИК о легализации партии с.-р. – вызвала всеобщий и единодушный взрыв негодования среди всех социалистических партий Запада. Это ярко засвидетельствованное на Берлинской конференции трех Интернационалов единодушие европейского рабочего класса заставило организаторов и вдохновителей инсценируемого процесса, связанных обещанием гласностей и «судебных гарантий», быстро изменить свои первоначальные планы и значительно сузить рамки столь широко затеянного процесса.

^{а-б} Так в документе.

В результате, из 160 привлеченных по делу с.р., на «скамье подсудимых» оказалось в настоящий момент около 20 наших товарищей. И вместо широкого политического «суда» над партией охранно-судебные органы пытаются теперь учинить персональную расправу лишь над теми ответственными членами партии, которые в эпоху[,] предусмотренную обвинением, занимали руководящие партийные посты и находились в поле зрения тех или иных предателей и агентов Советского сыска.

Мы, члены партии, оказавшиеся, благодаря этому выделенными из общего процесса и по каким-то неизвестным мотивам, переведенные в Ярославскую тюрьму, заявляем свой самый решительный протест против попытки возложить ответственность за деятельность партии с.-р. в эпоху обостренной гражданской войны на отдельных ее членов. Мы считаем необходимым заявить, что с момента Октябрьского переворота и до настоящего времени тактическая линия партии определялась и закономерно проводилась в жизнь ее уполномоченными верховными органами и потому ответственность за свою деятельность несет вся партия в целом.

Мы заявляем также, что эта тактическая линия на протяжении всего [...] неизменно определялась задачей решительного преодоления большевистской диктатуры, как это было засвидетельствовано резолюциями 8, 9 и 10 Советов партии. И если 9-й Совет временно постановил^Г военные действия против партии большевиков, то этот временный отказ носит чисто тактический характер и отнюдь не означает принципиального осуждения вооруженной борьбы партии с.-р. в прошлом, или возможности ее возобновления в будущем. Все это заставляет нас, членов партии с.-р., морально ответственных за все действия партии и участвовавших в разные периоды 17–18 годов в вооруженной борьбе трудящихся против псевдо-пролетарской диктатуры большевиков – заявить о своей полной солидарности с деятельностью партии в эту эпоху, равно как и персонально с теми товарищами, которые руководили и осуществляли принятую партией тактическую линию.

Мы решительно протестуем против нашего выделения из общего процесса и считаем, что в момент публичной и гласной встречи партии трудящихся с носителями враждебной народу диктатуры, наше место среди тех, кто сидит сейчас на «скамье подсудимых» и на чью долю выпала высокая и заслуженная честь открыто защищать знамя революционного социализма против яростных нападений вырождающейся и скомпрометированной в глазах мирового пролетариата большевистской власти.

11 мая 1922 года.

Ярославская тюрьма.

Член Ц.К. Партии С.-Р. – Михаил Цейтлин

Члены партии с.-р.

А. Гельфгот

А. Иваницкий-Василенко

Всеволод Шестаков

В. Николаев

Л. Невлер

В. Подбельский

Н. Бауэр

^В Часть текста не прочитана.

^Г Так в документе, следует приостановил.

С. Гнедов
Гав. Билимо-Пастернаков
И.М. Семенов
Я. Штерин

С подлинным верно:
Полит. староста организации с.-р. Иваницкий-Василенко

– ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 356. Машинописная копия того времени.

№ П-54

Обращение членов ПСР, находящихся в заключении в Бутырской тюрьме, к обвиняемым членам ЦК ПСР

26 мая 1922 г.

ЧЛЕНАМ Ц.К.П.С.Р.–

Дорогие товарищи. Через несколько дней начнется наш процесс. Мы с полным правом говорим «Наш», ибо для нас совершенно очевидно – да этого не скрывают и «обвинители и судьи» – суду придается^а партия социалистов[-]революционеров. Больше того, на скамью подсудимых пытаются посадить все международное-социалистическое движение, которое в этом безпримерном [в] истории процессе стало на сторону не палачей, а жертв и организовала их защиту.

Обанкротившиеся внутри и во вне – в глазах трудящейся России и Запада – выветрив все свое социалистическое содержание, коммунисты прибегают к последнему средству. Они хотят политически убить партию социалистов[-]революционеров, они хотят ее физически уничтожить. Ослепленные своей диктатурой, они не хотят или не могут понять, что сила партии, ее правда не в отдельных членах партии, не в вас, дорогие товарищи. Они [не] хотят или не могут понять, что сила партии в той верности и беззаветной преданности социализму, которому она не уставала служить ни до революции 17-го года, ни после [н]ее.

Мы не знаем обвинительного акта. Мы не знаем, для^б каких геркулесовых столбов цинизма и морального падения дойдут эти глашатаи новой правды.

Но мы твердо знаем одно: никакое предательство, никакая провокация не смогут запятнать славного знамени партии, не смогут бросить тени на ее знаменосцев.

Перед судом истории, перед судом международного рабочего класса в стенах Московского Ревтрибунала партия социалистов-революционеров выступит в роли защитника социализма от его псевдо-коммунистических извращений, в роли борца с развращающими и дезорганизующими^в его коммунистическими раскольниками.

Капитулируя и скатываясь в пропасть[,] коммунисты процессом над партией социалистов-революционеров совершают новое величайшее преступление. На опустошенной земле^г Российской Революции, они хотят оставить после себя единственного преемника – буржуазию. Ей они от-

^а Так в документе, следует передается.

^б Так в документе, следует до.

^в Так в документе.

^г Впечатано над строкой.

крыли все пути, для нее создаются все условия нормальной жизни, ей все дозволено, – трудовой социалистической демократии они уготовили только тюрьму и ссылку, только скамью подсудимых и расправу.

Мы отчетливо представляем себе обстановку предстоящей судебной комедии. Мы, прошедшие через ряд коммунистических тюрем[,] знаем[,] каким тяжелым моральным испытаниям подвергнут Вас, что бы полностью лишить так необходимо[го] Вам в борьбе самообладание^д. Привычные фальсификаторы судебную комедию пытаются превратить в «суд народа»[,] <име>нем рабочих и крестьян попытаются прикрыть очередную партийную расправу. –

Но сильные правдой партии, ее поддержкой и твердостью Вы, истинные борцы за социализм останетесь до конца на своих боевых постах ^еслужению дела^ж Рабочего класса. И Мы верим, мы твердо верим, что победа за Вами, за нами, за партией социалистов-революционеров.

Пусть сеют ложь и клевету отравленные языки КРЫЛЕНКО и ЛУНАЧАРСКИХ, пусть зверинные^з инстинкты вызывают Стекловы и Бухарины – международный социализм, русские трудящиеся массы рассудят этот величайший исторический спор. Рок^н истории не умолим. Суд ее не отвратим.

В этой борьбе, дорогие товарищи, с Вами и те члены партии, которые волею коммунистических диктаторов смотрят на Вас из[-] за тюремных решеток, к которым из[-]за толстых тюремных стен будет доносит[ь]ся ваше громкое слово правды.

Наш горячий привет Вам, все[м] друзьям и защитникам.

Леонид Шацкий.–
Н. БЕНТУ
С. КУДРЯВИЦЕВ.
Ф. САВЧЕНКО.
С. ПОПОВ.
СТЕЛЬМАКОВ.–

Б. ДЬЯКОЊОВ.
А. МИХАЙЛОВ. –
И. НИЛОВ. (Из Пензы)

26-го Мая 1922 года. Бутырская тюрьма.–

Просим присоединить свои подписи сидящие в женском корпусе
Мина СВИРСКАЯ.
Томара^к КОЧЕРГИНА (Из Ярославля.)

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 78–78 об. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ 8 августа 1922 г.

№ П-55

Заявление ЦК РСДРП о позиции партии в связи с предстоящим процессом, направленное для опубликования в «Правде»

^д Так в документе, следует самообладания.

^{е-ж} Так в документе.

^з Исправлено в документе взамен напечатанного ранее коварные.

^н Так в документе, следует Рок.

^к Так в документе.

1 июня 1922 г.

Заявление Центрального Комитета Российской Социал-Демократической Рабочей Партии об участии в процессе с.р.

Центральный Комитет РСДРП принимает участие в процессе с.р. Процесс приобрел крупное политическое значение. К нему приковано внимание трудящихся России и всего мира. На нем ставятся вопросы о характере переживаемых этапов российской революции и роли российских социалистических партий. Р.С.Д.Р.П. считает своим долгом осветить эти вопросы с своей, революционно-социалдемократической, точки зрения.

Процесс происходит в такой обстановке, которая лишает трудящиеся массы России возможности вывить свое подлинное отношение к нему и услышать голос российской социал[–]демократии. Режим террора, ^аполитическое бесправие, отсутствие ^бсвободы печати и слова и фальсификация общественного мнения трудящихся побуждают Ц.К. Р.С.Д.Р.П. принять участие в процессе – в единственно возможной в настоящих условиях форме делегирования защитников, – для того, чтобы публично, перед лицом ^ввсей трудящейся России вывить свою позицию, радикально расходящуюся с позицией как большевиков, так и с.р., этих двух партий, борьба которых представляет основной фон процесса.

Эту задачу Ц.К. преследует не во имя прошлого, не во имя оправдания чьих бы то ни было действительных или мнимых грехов, а во имя настоящего и будущего, в интересах ликвидации и преодоления глубокого кризиса, переживаемого российской революцией и социализмом. Делегирование защитников не означает, таким образом, солидаризацию с деятельностью с.р., которая сделана сейчас предметом судебного разбирательства. Наша партия решительно расходилась и расходится с учением и программой, с тактикой и методами борьбы с.р. партии, в частности с ее ролью в гражданской войне. Но наша партия решительно возражает против того, чтобы факты пережитой и уже ликвидированной взаимной вооруженной борьбы послужили ныне основанием – как для расправы одной стороны с другой, так и для осуществления тех губительных для революции целей, которые большевистская партия преследует этим процессом.

Процесс затеян с определенной политической целью: оправдать и узаконить продолжение политики партийной диктатуры и террора, потерявшей ныне, с ликвидацией гражданской войны, даже видимость оправдания. Своим участием в процессе Ц.К. считает необходимым еще раз показать и на суде – поскольку это будет возможно в той обстановке травли ^гинакомыслящих, в той накаленной атмосфере, которая создана вокруг суда – что каковы бы ни были грехи и ошибки отдельных социалистических групп ^д, боровшихся между собою в гражданской войне, политика террора должна быть ныне ликвидирована во имя интересов русской революции и международного социализма.

Процесс затеян в момент, когда в порядок дня международного рабочего движения поставлен вопрос о единстве рабочего фронта. Преодоление политики террора, в частности, затеянный процесс, является одним из наиболее крупных препятствий к такому единству. Пролетариат России и Запада хочет и имеет право знать правду ^ео процессе с.р., о политике тер-

^{а-б} Исправлено взамен ранее написанного политического бесправия, отсутствия.

^в Далее в тексте вычеркнуто всех трудящихся.

^г Далее в тексте замазано написанное ранее и терроризирования.

^д Далее в тексте вычеркнуто в частности.

^е Далее в тексте вычеркнуто русской революции.

рора. Именно поэтому социалистические партии Запада делегировали своих представителей для участия в процессе. Пролетариат хочет устранить препятствия к единству фронта, создаваемые политикой террора и процессом. Именно поэтому принимает участие в процессе Венское международное Объединение социалистических партий, явившееся инициатором и наиболее последовательным и искренним защитником лозунга единого рабочего фронта. Наша партия входит в Венское Объединение и солидаризируется как с его общей политикой, так и с его отношением к процессу. Своим участием в процессе Ц.К. стремится оказать поддержку тем задачам, которые преследует Венское Объединение.

Своим участием в процессе Р.С.Д.Р.П. выполняет свой социалистический долг вмешаться в процесс, означающий расправу над политическим противником, закрепляющим гибельную для русской революции политику террора и срывающей возможность единого международного рабочего фронта.

Во исполнение изложенного Ц.К. Р.С.Д.Р.П. поручает тов. Б.Н. Гуревичу (Беру), С.Л. Вайнштейну (В. Звездину) и И.И. Рубину принять участие в процессе с.р. в качестве защитников.

Москва, 1 июня 1922 г.
Центральный Комитет Р.С.Д.Р.П.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Д. 18. Л. 64–66. Рукописный подлинник, направленный для опубликования в газету «Правда». На л. 64 печать ЦК РСДРП.

ДОКУМЕНТЫ ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПСР

№ П-56

Письмо Заграничной Делегации ПСР Центральному Бюро ПСР⁶² о координации действий в связи с предстоящим процессом

2 марта 1922 г.

Дорогие друзья,

в совершенно спешном порядке по постановлению З.Д. посылаю Вам материал, относящийся к вопросу о привлечении Ц.К.П.С.Р. Верховным трибуналом. Несколько дней тому назад, по[-]видимому[,] заботами и стараниями большевиков, в Берлине была издана брошюра Семенова (Васильева) – «Военная и боевая работа П.С.Р. в 1917–18 г.г.[»]. Сейчас же эта брошюра была использована берлинским «Новым миром», а сегодня в немецком телеграфном агентстве уже напечатана телеграмма из Москвы от 1 марта о привлечении Ц.К.П.С.Р. к суду Верховного трибунала^а на основании именно этой брошюры Семенова^б. Здесь несомненно мы имеем дело с заранее разработанной кампанией, которая имеет целью расправиться с нашими товарищами, сидящими по тюрьмам. Это тем более ясно, что по нашим сведениям Семенов (Васильев) приехал в Берлин по поручению ВЧК из Москвы.

Мы считаем необходимым выслать Вам весь имеющийся у нас по этому поводу материал: 1) брошюра Семенова; 2) две статьи по этому по-

^{а-б} Впечатано над строкой.

воду в «Новом мире»; 3) две^в статьи по этому же поводу в «Голосе России»⁶³. Все это высылается Вам в двух экземплярах – один для Ц.Б., другой – для передачи заинтересованным лицам. Мы полагаем, что необходимо последних поставить как можно скорее в известность о создавшемся положении и ознакомить их со всем материалом, т.к. их могут изолировать или развезти по провинции. Необходимо было бы получить от них немедленно соответствующие заявления для опубликования в заграничной^г русской и иностранной социалистической прессе. Мы предполагаем, не теряя времени, поднять по этому поводу кампанию в иностранной социалистической прессе. Узнайте детали о причинах исключения Семенова (Васильева) из группы «Народ» – все это сейчас же нами будет опубликовано. ^дДостаньте их формальное и официальное сообщение об этом^е. Необходимо эту тварь поставить на место.

Последнее письмо, от Вас только что полученное, было № 35 от 18 февраля со всеми приложениями. На ряд последних писем ответим на этих же днях, также и на все поставленные в них вопросы. В дальнейшем будем аккуратно отвечать, чему до сих пор мешали разъезды между Берлином и Прагой и организация здесь^ж газеты. Теперь понемногу работа входит в норму и далее корреспонденция с Вами будет вестись правильно.

Горячо обнимаю, привет от всех товарищей.

Акакий

Прилагаю выписки из протоколов З.Д.³⁶⁴

– Hoover Institution. V.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Машинописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-57

Обращение Заграничной Делегации ПСР «К социалистическим партиям всех стран»

9 марта 1922 г.

В настоящий день в Москве переданы суду Революционного Трибунала целый ряд членов партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] с Центральным Комитетом во главе. Суд имеет целью раскрыть на основе предательских показаний, «истинную роль партии с.-р. во время гражданской войны» и ее способы борьбы с советской властью, и этим установить преступления партии с.-р. против пролетарской революции.

От имени партии мы торжественно заявляем перед лицом всего социалистического и рабочего мира, что категорически отрицаем право большевистской партии придавать своему октябрьскому перевороту громкий титул пролетарской революции. Этот переворот был лишь пер-

---

^в Вписано от руки над строкой.

^г Вписано от руки над строкой.

^{д-е} Вписано от руки над строкой.

^ж Вписано от руки над строкой.

^з Вписано от руки в конце документа.

вой пробой всей дальнейшей тактики этой партии внести раскол в рабочее и социалистическое движение, не отступая даже перед разрывом его рядов междоусобной и братоубийственной гражданской войной.

Большевистская партия первой начала эту гражданскую войну насильственным свержением правительства, насчитывавшего в своей среде более половины социалистов разных оттенков. Она оправдывала свой переворот лицемерным обвинением этого правительства в затягивании созыва Учредительного Собрания. Проведя под своим давлением главную часть выборов в это Собрание и не получив в нем большинства, она упразднила это Собрание, разогнала, расколола и заменила либо новыми фальсифицированными, либо просто особыми революционными комитетами те рабочие, крестьянские и солдатские советы, которые не соглашались быть послушным орудием ее террора и диктатуры. Все эти акты сопровождались насилиями над личностями членов партии с.-р., захватом ее учреждений и касс, разгромом и расхищением партийного имущества, закрытием партийной прессы, расстрелом, порой совершенно беспричинных, одних ее членов и заключение в тюрьмы других.

Партия открыто объявляла и объявляет, что считала и считает своим неотъемлемым правом в то время оказывать с оружием в руках сопротивление людям, чисто бонапартистскими методами стремившимися к установлению грубейшей партийной олигархии. И если она в то время фактически почти не пользовалась этим законным правом, то лишь потому, что она предпочитала обнажить перед лицом всего рабочего класса России и Европы истинный облик восторжествовавшего грубою силой большевизма и его предательскую роль по отношению к интересам рабочего класса России. Поэтому, например[,] именно стараниями партии социалистов-революционеров был придан абсолютно мирный и невооруженный характер массовым рабочим демонстрациям в честь открытия Учредительного Собрания, – что не помешало большевистской власти разогнать эти мирные демонстрации беспощадными варварскими расстрелами, навсегда покрывшими ее имя в глазах рабочего народа России неизгладимым позором.

Партия никогда не скрывала и не скрывает, что скоро после этого наступил период, когда она находилась с большевистской властью в состоянии открытой войны со всеми вытекающими отсюда последствиями. То было время, когда большевистская власть была свергнута на огромной территории от Казани и Самары до Владивостока, где была провозглашена власть Учредительного Собрания и областных Дум. Закончилась для партии эта полоса в тот момент, когда в глубоком и безопасном тылу этой борьбы адмиралу Колчаку удалось произвести в свою пользу государственный переворот и этим нанести удар в спину противобольшевистскому рабоче-крестьянскому движению.

Тогда партия социалистов-революционеров решила приостановить всякую вооруженную борьбу против большевистской олигархии и обратить свое оружие против нового врага революции – против организованных сил социально-политической реставрации, попытавшихся использовать междоусобие в рабочих и социалистических рядах для своих целей. И честь окончательной ликвидации Колчака выпала на долю нашей партии, сумевшей поднять в тылу его армий народное восстание, овладеть после одиннадцатидневного боя Иркутском, а затем взять в плен и самого Колчака.

Мы считаем необходимым подчеркнуть, что обращая свое оружие против Колчака, мы не заключали никаких соглашений с большевистской властью. Ее антинародный, захватнический, диктаторски-террористический характер не давал нам возможности для этого. Перемене-

на нами тактики состоялась исключительно в интересах революции, и мы из этой перемены не только не старались извлечь для себя какие-либо выгоды, но публично сурово осудили все те элементы из нашей среды, которые на фоне перемены нашей партии^а своей тактики пытались войти с представителями большевистской партии в переговоры. Тогда, как и неоднократно впоследствии, мы были готовы содействовать полному сокращению гражданской войны внутри рабочей демократии, но только на одном непременном условии: назначение всеобщих перевыборов в советы на условии тайного голосования, при полной свободе слова, печати и выборной агитации; обязательства со стороны всех социалистических партий повергнуть на суд перевыбранных таким образом советов все спорные вопросы, включая вопрос о судьбе Учредительного Собрания, и практически подчиниться их решению. И не [на] нас, а на большевистскую партию ложится ответственность за то, что эти наши предложения, эта наша готовность пойти во имя спасения народной революции на уступки и жертвы всегда оказывалась гласом вопиющего в пустыне.

Как бы то ни было, но после выхода нашей партии из гражданской войны, помимо всяких демаршей с нашей стороны, собираясь принять участие в не состоявшейся конференции на Принцевых островах, большевистская власть по собственной инициативе решила изменить свое отношение к нашей партии и «в виде опыта», как было сказано в постановлении ВЦИКа[,] легализовать ее.

Правда, и здесь эта власть не могла устоять перед соблазном превратить акт легализации нашей партии в гнуснейшую полицейскую ловушку. Через десять дней после открытия партией своего легального ежедневного органа и всех партийных учреждений, без всякого со стороны партии повода, если не считать таким поводом стойкой идейной борьбы за свое мирозерцание, были проведены внезапные всеобщие массовые аресты членов партии, с нескрываемой целью захватить ее врасплох и совершенно ликвидировать. И с этих пор до настоящего времени наша партия остается загнанной в подполье, несмотря на то, что формальная ее легализация, сколько нам известно, даже никогда и не была столь же формально отменена.

При таких условиях поистине чудовищным является попытка вновь вчинить партии политический процесс за участие в давно оконченной гражданской войне, и возобновить юридические счета, ликвидированные однажды актом легализации нашей партии. И мы перед лицом всего мира клеймим этот акт, как акт двойного вероломства. Мы заявляем, что будущий суд – не суд, а гнусная расправа, и что наши товарищи явятся на него, не как подсудимые, а как обвинители.

Мы считаем своим долгом разоблачить и настоящие мотивы этого акта. Наши товарищи доселе сидели в тюрьмах без всяких допросов, без суда и следствия, причем некоторые сидят еще с 1918 года. Теперь, когда большевистская власть изменила тактику и пошла на такие уступки капитализму, которые далеко оставляют за собой позиции центровых и даже умеренных элементов социализма, устранение которых с политической арены требовалось для беспрепятственного совершения коммунистического опыта, дальнейшее содержание их в тюрьмах является наглядной несообразностью. Кроме того[,] собираясь явиться на конференцию в Геную и проповедуя – хотя бы в виде почти нескрываемого макиавел[л]истического политического маневра – единство рабочего фронта обороны против наступления капиталистов, правящая в России партия чувствует необходимость чем-то оправдать свою политику длящихся ре-

^а Так в документе, следует партией.

прессий против партии социалистов-революционеров, своей самой серьезной политической сопернице^б, получившей на выборах в Учредительное Собрание, в момент всевластия в России большевиков, больше голосов, чем все остальные партии, вместе взятые.

Для этой цели правящая партия имела бесстыдство **подстроить** якобы литературное выступление человека, когда-то бывшего в партии и ушедшего из ее организованных рядов вместе с отщепенской группой, вынужденной исключить его из своей среды за деяния, недостойные революционера; человека, который после этого однажды уже играл интересах большевистской власти **провокационную** роль в не имеющей никакого отношения к партии группе Савинкова; человека, который в своей брошюре имел неосторожность сознаться, что у центральных учреждений партии всегда состоял на подозрении в авантюризме, что им постоянно приходилось сдерживать его вспышко-пускательские тенденции, и что, наконец, он дважды в то время обманул партию, скрытно от нее организовал ограбление с революционными целями частных лиц – деяние, единственным последствием которого могло быть только немедленное исключение из партии.

Пользуясь услугами этого господина, и основываясь на его предательских показаниях, смешивающих ложь с правдой, большевистская власть в условиях, отнимающих у наших заключенных в тюрьмах товарищей всякую возможность защищаться, хочет произвести комедию суда, который своим заранее заготовленным приговором попытается забросать нашу партию грязью. Для этого к обвинению нашей партии в участии в гражданской войне – припутывают два клеветнических обвинения:

в подстрекательстве партией отдельных групп к политическим убийствам, при сокрытии собственной роли в них и

пользовании против большевистской власти деньгами как Антанты, так даже Гогенцоллернской Германии.

Излишне говорит[ь], что в партии, с негодованием отвергающей эту жалкую клевету, за подобные деяния, если бы к ним оказался причастен кто-либо из ее членов, каждый подлежал бы суровому партийному суду.

И поскольку подстроенные свидетели большевистской власти вынуждены ради опорочения чести нашей партии, прежде всего сами – искренне или притворно – каяться в причастности к актам этого рода, – они сами себя ставят на положение лишенных политической чести отверженцев революции.

Что касается до попытки большевистской партии, прикрываясь подстроенными доносами политических авантюристов, предателей и провокаторов, замарать политическую честь наших товарищей, имеющих за собой многие годы тюрьмы, ссылки и каторги в борьбе против самодержавия, и годы безрассудного^в тюремного заключения, пытки голодом и холодом, избиений и издевательств при большевистском режиме, то мы от лица партии социалистов-революционеров, принимаем на себя их защиту и бросаем правящей партии перед лицом всего рабочего и социалистического мира вызов. Мы предлагаем организацию суда из представителей всех трех международных объединений, как социалистических, так и коммунистических партий. Мы предлагаем разбор этим судом всех, выставленных правящей в России партией против нас обвинений, равно как и наших контр-обвинений, в любом объеме. Мы не только предлагаем – мы требуем этого. И всякое уклонение правящей партии от такого суда –

^б Так в документе, следует соперницы.

^в Так в документе, следует, видимо, бессудного.

мы будем рассматривать, как косвенное признание в заведомой недобросовестности своих обвинений, годных лишь для того, чтобы иезуитской комедией суда в застенке оправдать циничную расправу с политическими противниками, опасными благодаря сочувствию тех рабочих масс, от которых окончательно оторвалась выродившаяся, проеденная коррупцией и капитулировавшая перед капитализмом большевистская диктатура.

Мы твердо верим, что не только социалисты всех оттенков, но и все честные сторонники коммунизма в Европе, даже враждебно настроенные к нам, – в интересах полного раскрытия истины поддержат наше законное требование. Но их самая первая неотложная, святейшая обязанность, – не допустить, чтобы тем временем могло состояться где-нибудь в застенках наскоро переименованной Чрез[вычайной] Комис[сии] новое ужасающее преступление – целого ряда испытанных революционеров, борцов за социализм и неотделимую от него свободу, – массовое убийство, прибавляющее ко всем деяниям кремлевской власти еще одно – оскорбление человечества.

Заграничная Делегация
Партия Социалистов Революционеров:
В.М. Зензинов, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов
В.В. Сухомлин, В.М. Чернов

Берлин, 9 марта 1922 г.

– *Революционная Россия*. 1922. № 19. С. 14–16.

№ П-58

Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР об организации агитационно-пропагандистской деятельности в связи с предстоящим процессом

от 15 марта 1922 г.

БЕРЛИН.

Присутствовали: 1) Чл. З.Д. В.М. Зензинов, С.П. Постников, Н.С. Русанов, В.М. Чернов.

Чл. ред. «Г[олос] Р[оссии],» В.И. Лебедев, чл. парт. гр[уппы] сод[ействия] Е.Ф. Роговский, техн. секр. З.Д. Б. Рабинович.

Председательствует: В.М. Зензинов.

Секрет. Б.Н. Рабинович.

В порядке дня:

Доклад Е.Ф. Роговского о парижской деятельности в связи с судом над членами партии и Ц.К.П.С.Р.

Слушали:

Постановили:

ДОКЛАД Е. РОГОВСКАГО.

Известие о суде в Париже получилось в прошлую субботу. Тут же позвонили т. Рубановичу; не розыскав в этот день И.А. Рубановича, мы, в составе

т.т. Руднева, Керенского, Минора, Рубинштейна и меня устроили собрание, на котором предложили В.В. Рудневу написать письмо в Делегацию с просьбой прислать материалы, подробные сведения и указать мероприятия; на этом же заседании было постановлено в порядке срочности обратиться к Гендерсону и Вандервельду с просьбой принять срочные меры: одновременно стоворились с Реноделем и на понедельник было назначено с ним свидание. В понедельник достали брошюру Семенова-Васильева, свободно продававшуюся в магазине Поволоцкаго: на понедельник же было назначено собрание группы, на котором был сделан доклад о предпринятом и на котором пришли к выводу, что этот процесс такое исключительное дело, что требует напряжения всех наличных партийных сил.

Намечалось создание Бюро, в которое должен был войти и присутствующий в Париже чл. Загр. Делегации И.А. Рубанович. Во вторник состоялось свидание с Реноделем, который горячо воспринял нашу просьбу вмешаться в это дело, но заявил, что для формальной постановки вопроса нужно, чтобы предложение шло формально от партии, т.е. через Делегацию.

В понедельник по этому делу И.А. Рубановичу позвонил О.С. Минор. И.А. заявил, что по этому делу может принять О.С. только через 2–3 дня, ибо до этого времени он занят и перегружен работой, как секретарь З.Д. по сношению с социал[истическими] партиями запада.

В результате И.А. повидался с Реноделем[,] написал статью в «^a», но статья была возвращена, с указанием, что она велика, что на эту тему написал Пьер[,] и Ренодель предложил И.А. составить коммюнике[,] которое и было впоследствии напечатано. В пятницу, получив новые данные, созвали экстренное заседание. Я просил Рубановича прийти на заседание и он пришел. О.С. Минор сделал доклад о сделанном. Сделал доклад и И.А. и из него выяснилось, что он находится в затруднительном положении, ибо до сих пор не видел брошюры, не видел никакого материала. Мы пожалели об этом и указали И.А., что он мог бы достать брошюру у нас.

В результате этого совещания было предложено создать комиссию по ведению кампании, которая должна была работать в постоянном и тесном контакте с Загр. Делегацией.

На это предложение И.А. указал, что дело кампании настолько серьезно и ответственно, что тут могут действовать только лица на то уполномоченные[,] и что он получил на это полномочие[,] и что инициатива отдельных лиц, может только повредить делу. В подтверждение своих соображений, он приводил доводы, как он спас М.Р. Гоца, как он не пустил Николая II в Италию. Он указал, что мыслит комиссию, как комиссию при нем состоящую.

Ему указали, что формально действует он, но об-

суждение вопросов комиссии должно быть ос-

^a *Пропуск в документе.*

новано на равных товарищеских началах. После этого И.А. попросил слово для формального заявления и в своем слове сказал, что если парижская группа примет решение не то, которое он предлагает, то он, как представитель Загран. Делегации объявляет этот акт, как акт враждебный и направленный против партии.

На всех нас это произвело удручающее впечатление; тем не менее было принято решение, заключающееся в том[,] что все собравшиеся считают необходимым пойти навстречу И.А. в смысле технического его обслуживания по данному делу.

На следующий день состоялось заседание бюро, на котором И.А. сделал опять заявление, что прежде чем обсуждать этот вопрос, необходимо обсудить вопрос об Исп[олнительном] Ком[итете] Членов Учр[едительного] Собрания. Произошел обмен мнений, после которого И.А. заявил, что он очень занят и просит его по всяким пустякам не беспокоить.

К счастью, к этому времени пришло письмо от Вл. Мих. Зензинова с предложением приступить со всей энергией к немедленным действиям.

Вслед за этим пришло извещение о дате суда – это изменило и темп работы.

Позвонили И.А., сообщили, что имеем новые данные и сведения, на что он заявил, что он в этот день занят, но что, если потребуется его санкция, то он даст ее на следующий день.

После этого мы решили действовать без него.

Сообщили о новых сведениях Реноделю, который заявил, что у них в этот вечер будет специальное заседание по этому вопросу. Сообщили об этом И.А. Он заявил, что об этом заседании не только знает, но и приглашен на него. Мы собрали материалы и отправили с Фабрикантом на место заседания, чтобы он вручил их там И.А.; но последняго он не дождался.

Решили, что нужно послать кого[-]нибудь в Англию, но встретилось затруднение с визами. Тогда Керенский послал телеграммы социалистическим партиям Англии и Бельгии. От Гендерсона был ответ, что все будет сделано. Был ответ и от Брантинга.

Для улажения конфликта с И.А. к нему поехал И.И. Фондаминский, после чего И.А. решил ходить на заседания. Наша просьба, в связи с этим делом – установить нормальные отношения группы содействия с И.А. и объяснить ему, что в этом деле надо действовать солидарно.

Считаю долгом заявить, что несмотря на то, что парижская группа сод[ействия] не сочувствует идее суда всех трех интернационалов в практических мероприятиях и мы по этому вопросу подчинились Заграничной Делегации и сделали соответствующие практические выводы, в смысле энергичного продолжения начатой кампании.

Председатель
Секретарь

– ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 75–77. Машинописная копия того времени.

№ П-59
Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР
о решении на конференции трех Интернационалов
вопроса о предстоящем процессе⁶⁵

от 6 апреля 1922 г.

ЗАСЕДАНИЕ ЗАГРАНИЧНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ П.С.Р.

Председательствует: В.М. Зензинов

Присутствуют: Рубанович, Сухомлин, Постников, Чернов, Русанов, Роговский с информационными целями.

Порядок дня:

1. Информация.
2. Процесс.

Слушали: доклад Сухомлина о конференции 3-х интернационалов и о процессе.

Постановили:

Командировать Сухомлина, Рубановича и Русанова переговорить с Иллисом, Мак-Дональдом и другими представителями Бельгийской социалист. партии, по поводу предварительных шагов организации защиты.

Принять все зависящие меры для превращения Московского процесса в международную манифестацию.

Добиться у II Интернационала командирования двух лиц в Москву, как для собирания материалов, так и для координирования действий здешних с Московским^а.

Инициатива в организации защиты должна исходить от Интернационала, в этом направлении вести переговоры с англичанами и бельгийцами.

Председатель
Секретарь.

– ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 80. Машинописная копия того времени.

^а Так в документе.

№ П-60

**Протокол заседания Комиссии по организации защиты
на предстоящем процессе членов ПСР в Москве**

от 11 апреля 1922 г.

**ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КОМИССИИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ
ЗАЩИТЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТОВАРИЩЕЙ В МОСКВЕ
ОТ 11 АПРЕЛЯ 1922 г. БЕРЛИН.**

Присутствовали: Зензинов, Сухомлин, Рабинович.

Слушалось:

Постановлено:

**ВОПРОС ОБ ОРГА-
НИЗАЦИИ ЗАЩИТЫ.**1) Послать телеграмму Адлеру с запро-
сом о согласии ехать Бауера2) Командировать Зензинова в Брюссель
для переговоров с Вандервельдом и для
фактической организации защиты.3) Поручить Зензинову выяснить воз-
можность приглашения в качестве защитни-
ка Либкнехта.4) Поручить Зензинову переговорить с
Брауном, Мюллером, по вопросу о финан-
сировании ими организации защиты.5) Поручить Сухомлину подобрать матери-
ал[,] необходимый для защитников.6) Поручить Рабиновичу привезти пар-
тийный архив из Праги.

Председатель

В. Зензинов

Секретарь

Б. Рабинович

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 15. Машинописный подлинник, подписи
– автографы.

№ П-61

**Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР
Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской
об оказании помощи в организации защиты**

20 апреля 1922 г.

Дорогая, милая Бабушка.

Не браните меня, но я вынужден обратиться к Вам с просьбой.

Дело в том, что на поездку защитников в Россию у Заграничной Деле-
гации нет денег; в то же время для всех ясно, что нужно сделать все что в
наших силах, чтоб защитников все же отправить.Я знаю, дорогая Бабушка, что у Вас денег нет, но может Вам удастся
как[-]нибудь выцарапать у американцев, ведь всего[-]то нужно 20.000
чешс[ких] крон.Пишу сегодня во все концы, если отовсюду пришлют по немногу, то
соберется совершенно достаточная сумма.Чувствую, что при возможности организовать защиту и отправить ее в
Россию не выполнение этого легло бы тяжелым камнем на душу. Вот эти

то соображения, дорогая Бабушка, и заставляют меня стучаться во все двери. Знаю, что если б у Вас были деньги, дело было б простое. Пишу с мыслью – авось Вам удастся подковать какого[-]нибудь американца.

О возможностях попросите Лиру мне телеграфировать.

Пока всего доброго и светлаго. Крепко обнимаю и целую.

Любящий Вас внук

Борис.

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 8. Рукописный подлинник.

№ П-62

Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской о координации действий по организации защиты

22 апреля 1922 г.

Милая, дорогая Бабушка,

получил сегодня от Лиры телеграмму и послал Вам много много сердечной благодарности. На мой призыв ко многим, Вы – откликнулись первая, да это и понятно – на то Вы и наша дорогая Бабушка. Вами заложен, Ваш вклад – первый вклад для организации защиты наших товарищей.

Не очень ругайте меня, дорогая Бабушка, правда не к кому было больше обратиться, а деньги нужны, мои фонды уже все истощились, суд близится, большевики грозят, известия приходят неутешительные и т.д. А без денег ничего не сделаешь. Думал, гадал и начал писать. Только сию минуту получил телеграмму из другого места – обещают^a тоже немного. Хочу написать нашим товарищам в Париж – они хотят в мае устроить совещание фракции с-р. Учр[едительного] Соб[рания], думаю лучше будет, если эти суммы отдадут на организацию защиты.

Ну, дорогая, всего доброго и светлаго. Большое спасибо, крепко обнимаю и целую

Люб[ящий] внук Борис

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 9. Рукописный подлинник.

№ П-63

Отчет Комиссии, образованной Заграничной Делегацией ПСР для ведения кампании в связи с процессом

29 апреля 1922 г.

Постановлением З. Д. от 7-го марта с.г. образована комиссия, в составе Б.Н. Рабиновича и М.М. Тер-Погосьяна, коей поручается ведение кампании по делу товарищей, предаваемых Верховному Трибуналу.

Комиссия должна была явиться центром[,] сосредоточивающим в себе все материалы по делу и розсылки таковых по социалистическим рабочим центрам.

По образовании комиссии, весь имеющийся по делу материал (телеграфное сообщение из Ревеля)[,] данный из Москвы, брошюры Семенова-Васильева и газетные материалы по размножении были разосланы по группам содействия П.С.Р. и отдельным товарищам в Париж, Лондон, Прагу, Ревель, Рим, Брюссель, Нью-Йорк с циркулярным предложением

^a Так в документе.

от имени делегации оповестить социалистическую прессу и видных деятелей о готовящемся процессе. Тогда же эти материалы на французском и немецком языках были разосланы по секретариатам социалистических газет и отдельным лидерам.

Всего было разослано по 73 адресам: Германии, Франции, Англии, Чехо-Словакии, Италии, Бельгии и российским лимитропам^а. Одновременно было приступлено к переводу на французский и немецкий языки брошюры Семенова, легшей в основание привлечения наших товарищей к суду.

9-го числа было разослано по редакциям берлинских газет и передано в телеграфное агентство и разослано по 244 адресам краткое коммюнике о готовящемся насилии.

В этот же день выпущенное З. Д. воззвание с призывом немедленного вмешательства для предотвращения готовящегося насилия было разослано на французском, немецком и английском языках по вышеназванным адресам и передано в телеграфное агентство для разсылки, что и было сделано по 244 адресам.

10 марта по вышеназванным адресам на трех языках было разослано воззвание – меморандум З.Д. к «социалистическому миру»⁶⁶[,] воззвание подробно указывало преступления советской власти, провокационные основания привлечения к суду наших товарищей и оканчивалось призывом к социалистическому миру требовать суда 3-х интернационалов, разосланное почти во все уголки Западной Европы и Америки; означенное воззвание в выписках появилось в социалистической прессе почти всего мира.

14 марта была послана циркулярная телеграмма на трех языках по 73 адресам о немедленном вмешательстве. Означенная телеграмма вызвала бурю негодования против насилия Москвы и появилась почти во всей социалистической прессе Европы.

Параллельно циркулярной телеграмме на имя групп содействия и отдельных товарищей предлагалось систематически получаемые телеграммы передавать по социалистическим центрам и постоянно держать в напряжении социалистическую прессу по поводу поднятой кампании.

Одновременно с печатанием материала в «Голосе России» документальные данные, касающиеся процесса и вообще новые сведения из Москвы, систематически, циркулярной телеграммой передавали по 73 адресам.

Так были посланы телеграммы: 14 марта, 15 марта, 17 марта, 18 марта, 23 марта, 24 марта, 25 марта и т.д.

Телеграммы посылались почти каждые два дня и таким образом достигалась планомерность и координация работы во всех странах. Параллельно с оповещением групп содействия и отдельных товарищей о ходе кампании, поступающих телеграммах, протестах и т.д. группы призывались к собиранию материалов и высылке таковых в секретариат З.Д.

12 марта по телеграфу был вызван из Парижа Тисленко и опрошен по поводу провокационных указаний Семенова-Васильева. В этот же день его показания и статья Рабиновича «как это было» были разосланы на немецком и французском языках по редакциям социалистических газет Западной Европы.

12 марта В.В. Сухомлин был командирован в Вену для информации Венского Интернационала и выступления последнего против процесса в Москве.

^а Так в документе, здесь и далее следует лимитрофам.

С 14 числа все поступающие телеграммы-протесты передавались в телеграфные агентства для разсылки по социалистическим организациям и редакциям газеты.

Телеграмма-протест Анатоля Франса⁶⁷ была разослана через чешск[ую] Радиостанцию и явилась наиболее ярким отражением того одиозного отношения, что вызвало предание большевистскому суду Ц. К. партии С. Р.

19 марта З. Д. опротестовала «условное» выступление Фрица Адлера. 17 марта циркулярной телеграммой по 73 адресам на трех языках рабочий мир призывался к немедленному вмешательству, ввиду опасности применения смертной казни над заключенными товарищами.

28 марта на трех языках было разослано воззвание ЦБ. о предании суду наших товарищей⁶⁸. Экстракт из этого возвания был передан в телеграфное агентство во все концы мира.

Ввиду получения некоторых указаний, что опасность применения смертной казни почти миновала – явилась необходимость изменить характер кампании, почему циркулярной телеграммой по 73 адресам на трех языках социалистический мир призывался требовать немедленного освобождения арестованных хотя бы делегатов Партии С.Р. на междусоциалистическую конференцию, в Берлине⁶⁹.

В соответствии с изменением характера кампании группам содействия и отдельным товарищам были посланы указания требовать немедленного освобождения товарищей.

На 2-ое апреля было назначено первое заседание междусоциалистической конференции, ввиду чего было необходимо в срочном порядке составить меморандум от имени З.Д. партии⁷⁰, отпечатать, на трех языках и к сроку представить. Составление меморандума было поручено Делегацией В.М. Чернову. Меморандум был изготовлен 28, в этот же день был Делегацией утвержден. С 28, вечером в течение двух ночей до 30-го марта утра, – меморандум был переведен на три языка. С утра 30-го сдан в набор.

В воскресенье, 2-го апреля были готовы первые экземпляры немецкого текста.

К открытию заседания в президиум конференции было представлено 50 экземпляров.

С 3-го числа было приступлено к разсылке немецких экземпляров по всем рабочим секретариатам, местным органам независимых мажоритеров, а также по всем редакциям социалистических газет в Германии.

Всего было разослано 950 экземпляров. По аналогичным адресам было разослано 200 экземпляров в Чехословакии, 200 в Голландию и Швейцарию и российским лимитропам.

Французские экземпляры были разосланы по профессиональным социалистическим секретариатам и редакциям социалистических газет Франции, Бельгии и Италии. Всего 800 экземпляров.

Английские экземпляры меморандума находятся в периоде розсылки: всего – 1.500 экз. в Англию, Америку и Скандинавск[ие] страны.

Все поступающие сведения о суде циркулярной телеграммой продолжали розсылаться по 73 адресам по сей день периодически.

20-го апреля были разосланы по вышеуказанным адресам возвания о голодовке левых эсеров.

22-го циркулярной телеграммой по 73 адресам снова призывался рабочий класс требовать исполнения берлинских гарантий (имелась в виду опасность нарушения таковых, ввиду телеграм[м]ы Наркомюстиции Курского).

Результатом поднятой кампании явился мощный отклик всей мировой социалистической прессы и организаций⁷¹. Почти все социалистические

партии, профессиональные союзы – Германии, Франции, Англии, Италии, Бельгии, Скандинавских государств, Чехословакии и российских лимитропов, Швейцарии, – откликнулись рядом протестующих телеграмм против готовящегося насилия с требованием нелицеприятного суда Интернационалов и освобождения арестованных социалистов.

Накануне междусоциалистической конференции в Берлине, мировой рабочий класс выступил единым фронтом против коммунистической Москвы.

В настоящее время дальнейшая работа – организация защиты – передана З. Д. специальной Комиссии в составе Зензинова, Рабиновича, Сухомлина.

г. Берлин 29 апреля 1922 года.

Члены Комиссии:

Б.Н. Рабинович.

М.М. Тер-Погасьян

В Редакцию «Р[еволюционной] Р[оссии]»

Поступило в пользу заключенных социалистов от А.А. Хараша 500 м[арок].

– *Революционная Россия. 1922. № 19. С. 45–46.*

№ П-64

Письмо Заграничной Делегации ПСР Центральному Бюро ПСР с информацией об организации пропагандистской кампании вокруг процесса за рубежом

1 мая 1922 г.

Берлин, 1 мая

Дорогие товарищи,

нами получены от Вас ВСЕ Ваши письма, кончая № 10 от 18 апреля (не хватает лишь письма № 7 – может быть оно еще и придет позднее). Получены также все помеченные в письмах приложения и выписки протоколов. Таким образом, почта действует вполне исправно. Горячо благодарим Вас и особенно т. Люсьм[арина] за богатую информацию, кот[о]рая в последнее время от Вас начала притекать – она нам приносит огромную пользу.

Сначала я постараюсь, просмотрев все письма, начиная с № 4 от 14 марта (на все предыдущие нами уже отвечено), ответить на все поставленные Вами вопросы – в той последовательности, в какой они поставлены.

На целый ряд вопросов вы получите ответы из пересылаемых при настоящем письме протоколов заседаний З.Д. (о необходимости регулярных сношений с Вами, о протоколах пленума – постановления пленума Вам давно уже были высланы, в выдержках они напечатаны даже в № 16–18 [«Р[еволюционной] Р[оссии]»], об информационных докладах о социалистических конференциях).

Об Исполнительной Комиссии. Наши решения Вы найдете в протоколах заседаний З.Д. от 6 апреля. Только что мы получили письмо от Н.Д. Авксентьева, копию которого прилагаю.

О деньгах. 500 англ. фунтов мы из указанного Вами места получили для Вас. На этих днях, как только представится техническая возможность,

перешлем Вам 300, остальные 200 будут ждать Ваших дальнейших распоряжений.

О Вашем письме № 1. Оно нами получено, также рукопись о правосудии большевиков, о положении с.х. кооперации и ряд других статей.

Сборник Чека⁷² вышел на русском языке, имеет огромный успех. Вам мы отправили 10 экземпляров. [«]Голос России[»] высылается Вам регулярно, остальные русские газеты будем Вам высылать все по два экземпляра. На П<етроградское>Б[юро] мы послали также 5 экз. Чеки.

Относительно «Деникинщины»⁷³ С.П., кажется, Вам уже писал, что ее УДАЛОСЬ устроить в одном из русских берлинских издательств. О подробностях, кажется очень выгодных, он Вам сообщит сам.

Касательно почты на нас, наоборот, производит впечатление, что в последнее время она действует вполне исправно – от Вас все доходит быстро и аккуратно.

Что касается Вашей «неприятной новости», то мы на все подробности, Вами сообщаемые, обратили пристальное внимание и дело выясняем. Кажется, действительно, Ваши предположения и подозрения основательны – мы приняли все меры. Должен пояснить, что вся эта история прошла мимо Ц.Б. – я, напр.[,] лично обо всем этом узнал лишь из Вашего письма, что считаю совершенно ненормальным. Никаких частных дел здесь не может быть и я лично постараюсь, чтобы этого впредь не повторялось. Слава Богу, что пока все обошлось благополучно. Конечно, как только мы что выясним, немедленно Вам дадим знать.

Сообщите подробнее, в чем выразились «недоразумения» с присланными нами пайками. Дошли ли наши посылки по присланным Вами адресам, какова бывает судьба тех посылок, которые адресуются прямо в тюрьму на имя сидящих (как это делал Чешский Комитет помощи заключенным)? Ваши указания примем к сведению.

В последнем своем письме – № 10 от 18 апреля – Вы, дорогой Люсь., говорите, что Вас весьма опечалила и обезпокоило^a отношение к нам Венского Интернационала. Нас же, по правде говоря, это несколько не удивило. Венский Интернационал, действительно, какое[-]то половинчатое учреждение – по пословице: капитал приобрести и невинность сохранить. В этом отношении чрезвычайно характерен ответ Адлера на нашу телеграмму во время кампании по поводу^b процесса московского. Этот ответ – не случайность. И я уже имел случай Вам писать о том вообще неприязненном отношении к нам, которое они проявляли за время берлинской конференции. Главная их беда: они думают, что за большевиками в России стоят рабочие массы, они очень считаются с тем, что большевистская легенда в Европе еще не совсем изжита, а главное – они очень боятся у кого[-]то «показаться» слишком «правыми», – а эта опасность ведь так реальна, если перед лицом всего социалистического мира свяжешься с такими заведомыми «белогвардейцами и контрреволюционерами», как П.с.р. ... Двусмысленность позиций венцев и их боязнь РАЗОРВАТЬ с большевиками – это одно из тех препятствий, которые необходимо преодолеть, если стремиться к действительному международному объединению трудящихся. – Не думайте, дорогие товарищи, что это МОЯ субъективная оценка – я ведь, вероятно, считаюсь в московских кругах в «правых»... Нет, таково наше общее мнение – и Василия Васильевича; и Николая Сергеевича и Виктора Михайловича...⁷⁴ У последнего даже на этой почве как будто обострились личные отношения с Адлером.

^a Так в документе.

^b Вписано от руки над строкой взамен ранее напечатанного во время.

Вы очень хорошо делаете, что пересылаете нам копии протоколов своих постановлений и другой материал, относящийся к внутренней жизни Ц.Б. – это лучший способ нам войти в Вашу жизнь и понять Ваши нужды и потребности. Очень просим Вас высылать нам все это и впредь.

Я предполагал написать Вам подробно о положении дела с организацией европейской защиты, но потом решил, что лучше переслать Вам копии своих писем об этом – они лучше введут Вас в курс дела. Итак, прилагаю при настоящем письме копии своих трех писем: двух из Брюсселя на адрес З.Д. от 23 и 24 апреля и одно письмо А.Ф. Керенскому в Париж от 27 апреля⁷⁵. Добавлю к этим письмам лишь следующее: если наши иностранные товарищи, действительно, приедут в Москву на процесс, желательно избегать ставить их в затруднительное положение – сочувственные манифестации в честь отдельных из них, конспиративные свидания и пр. Здесь очень опасно дать большевикам какой-нибудь повод причинить им неприятности. Я в беседе с бельгийцами обещал Вам об этом написать, дабы Вы с своей стороны приняли надлежащие меры и не давали никакого повода для большевистской провокации, которая вообще более чем возможна.

Прошу Вас обратить внимание на последний пункт моего письма к А.Ф. Керенскому. Нам необходимы просимые сведения – объем и характер их Вам легче определить при помощи тех юристов, которые нашими товарищами привлечены уже в качестве защитников.

Нам телеграфировал Устинов, что Вы официально^В уполномочиваете нас пригласить в качестве защитника Вандервельде – желательно было бы получить об этом официальную бумагу (хорошо бы и о других предполагаемых защитниках – или дайте нам право назвать эти имена), чтобы ее можно было опубликовать в общей прессе – это произвело бы большое впечатление и имело бы несомненно практическое значение.

Не можете ли Вы присылать нам побольше различных большевистских изданий, в том числе и литературных (журналов и пр.), а также и частных – вроде летописи Дома Литераторов⁷⁶, [«]Голоса Минувшего[»] и т.п. Нам было бы очень важно как можно богаче поставить в [«]Голосе России[»] литературный отдел на основании выходящих в России изданий и выделяться этим из всей другой заграничной прессы.

Все немецкие и французские газеты мы Вам высылаем в двух экземплярах.

Пересылаю Вам различные марки, изданные здесь социалистическими партиями и организациями: 1 – марки в пользу голодающих в России, изданные рабочими синдикатами Бельгии, 2 – в пользу политических заключенных (социалистов) в России, изданные чешским комитетом помощи и 3 – марки, изданные немецкими с.д. (большинства), распространявшиеся ими сегодня на улицах на манифестациях в честь первого мая.

Будьте все здоровы и благополучны.

Горячо всех обнимаю.

Акакий.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 66–67. Машинописный подлинник, подпись Зензинова – автограф.

ДОКУМЕНТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО

^В Вписано от руки над строкой.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

№ П-65

Письмо Э. Бернштейна Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров с протестом против предстоящего процесса

13 марта 1922 г.

Заключение в тюрьму и преследование в уголовном порядке лиц, принадлежащих к одной партии, правительством[,] состоящим из лиц другой, соперничающей с первой партией, – на основании показаний исключенного из первой партии перебежчика и заведомого провокатора, – является при всех обстоятельствах позорным деянием, которое до сих пор в полном праве с презрением отвергалось социалистами. Присуждение же к тяжкому наказанию, а тем более выполнение приговора, вынесенного на основании таких показаний, должно быть названо гнусным преступлением.

Эдуард Бернштейн
Берлин, 13 марта

– *Революционная Россия. 1922. № 19. С. 17.*

№ П-66

Письмо К. Каутского Заграничной Делегации ПСР с выражением протеста против предстоящего процесса

14 марта 1922 г.

Дорогие Товарищи!

В данный момент у меня нет в распоряжении своего органа; равным образом я не занимаю теперь в германской социал-демократии никакого официального положения и могу говорить только, как частное лицо.

Я считаю само собой подразумевающейся обязанностью каждого, желающего быть достойным имени социалиста, присоединиться ко всяким выражениям протеста с.-р., чтобы помешать низкому плану убийства 47 преданных суду членов Вашей партии, и если уже неизбежно должен состояться над ними суд за давнишние действия, то добиться того, чтобы они предстали перед беспартийным судом из членов трех пролетарских интернационалов. Достигнуть этого представляется мне столь же важным, как и добиться назначения комиссии тремя интернационалами, комиссии, которая должна быть послана в Грузию, чтобы изучить тамошние условия и дать грузинскому народу возможность распорядиться своей судьбой. Из этих двух задач мне представляется не терпящим ни малейшего отлагательства протест с целью помешать судебной расправе над привлеченными к суду товарищами из партии с. р.

Я надеюсь, что не найдется ни одной соц[иал]-дем[ократической] партии, будет ли она принадлежать ко II интернационалу или к Венскому объединению, которая не исполнила бы до конца своего долга в этом деле.

Если бы коммунистические партии отстранились бы от дела протеста, или захотели даже помешать ему, то они должны быть заклеены перед пролетариатом всего мира, как трусливые помощники московских пала-

чей, как рабы, лишённые всякого чувства достоинства и чести, с которыми никто не может вступать в общение, кто серьёзно стремится к освобождению пролетариата.

Выражая Вам лучшие пожелания успеха в Вашем деле, сердечно приветствую Вас.

Ваш Карл Каутский.

Шарлоттенбург, 14 Марта 1922 г.

– *Революционная Россия. 1922. № 19. С. 16.*

№ П-67

Протест французской социалистической партии⁷⁷ в связи с предстоящим процессом членов ЦСР

15 марта 1922 г.

Постоянная Административная Комиссия (центральный комитет) французской социалистической партии узнала с большим волнением о новых мерах преследований и террора, предпринятых московским правительством против социалистов-революционеров.

На основании махинаций и доноса агентов-провокаторов, и посредством гнуснейших злоупотреблений властью, напоминая старые методы царского времени, подвергнуты в течение месяцев и лет жесткому тюремному заключению борцы, безупречное революционное прошлое которых оплачено ими при старом режиме десятками лет каторги. И вот теперь сообщают, что многие из них будут преданы пресловутому верховному трибуналу и рискуют быть умерщвленными.

Постоянная Административная Комиссия на самом деле извещена о том, что члены Центрального Комитета Партии Русских Социалистов-Революционеров и делегатов ее на международный социалистический конгресс: Гоц, Гендельман, Тимофеев, Раков и 47 других заключенных товарищей будут судимы верховным трибуналом 20 марта.

Как это уже сделали или как это сделают все остальные социалистические и рабочие партии всего мира, <Постоянная Административная Комиссия> протестует всеми силами от имени социализма и человечества против подготовляющегося преступления.

Она требует от советского правительства покончить раз навсегда с этими жестокостями, насилиями, отрицанием правосудия, которые столько раз социалисты клеймили, когда дело шло об их классовых противниках, революционерах и контр-революционерах всех стран.

Возвышая свой голос для этого публичного протеста Постоянная Административная Комиссия не боится навлечь на себя глупый упрек сыграть в руку врагам революционной России.

Она напоминает, что французская социалистическая партия все время боролась против практиковавшейся союзниками блокады, что она боролась всеми силами, которыми она располагала – в Палате Депутатов, в прессе и во всей стране – против антирусской политики во всех ее видах и во всех ее формах, что она заклеила Юденича, Деникина, Колчака, Врангеля и что в данный момент она без всяких оговорок участвует в

кампании, имеющей целью уничтожить страшный голод, театром которого служит необъятные области России.

Именно все это дает ей право указывать на необходимость защищать Русскую Революцию, когда надо даже над ней самой^а.

Разве это не защищать ее от нее же самой, требуя от нее прекращения преследований и жестокостей, оказывающих дурную услугу и порочащих тех, кто говорит от [ее] имени?

Постоянная Административная Комиссия требует от всех рабочих Франции присоединения их протестов к ее протесту и к протестам социалистических партий всех стран для того, чтобы правительство Советов знало, что мировая рабочая совесть всегда идет против несправедливости, откуда бы она не происходила и что она сумеет потребовать справедливости от всех и для всех.

Постоянная Административная Комиссия

Париж, 15 марта

«Попюлер» («Le Populaire») центральный орган французской социалистической партии) печатает телеграмму секретаря французской социалистической партии Поля Фора в Москву, требующую отложить процесс, назначив его после берлинской конференции исполнительных комитетов интернационалов, ибо строгий приговор уничтожит надежду на общий фронт.

– *Революционная Россия. 1922. № 19. С. 17.*

---

^а Так в документе.

II. ПРОЦЕСС

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ О ХОДЕ ПРОЦЕССА

№ П-68 «Протокол № 9 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании при ЦК РКП»

от 13 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: Члены Комиссии: т.т. ЯКОВЛЕВ, ВАРДИН,
ИОНОВ, МАЛКИН,
Представитель МК – тов. ЛАВЛЕР.

С л у ш а л и:

I. Доклад МК о подготовительных работах и ходе пятиционной^а кампании.

II. О лозунгах.

III. Об агитации в газетах.

П о с т а н о в и л и:

1. а) Общий план работ по организации демонстрации и ее проведения – утвердить.

б) Участие воинских частей в демонстрации в каком бы то ни было виде – признать нецелесообразным.

в) Признать необходимым усиление работ по проведению пятиционной кампании. Привлечь к под[а]нной пятиции наиболее крупные предприятия и союзы металлистов главным образом.

г) Кричащие формы демонстрации (агит-трамвайные вагоны и проч.) – признать нецелесообразным.

II. Тов. Вардину к 13 июня к вечеру составить лозунги[,] вытекающие из хода процесса.

III а). Констатировать, что директива ЦК от 7-го июня о том, чтобы агитация не носила характера вульгарной брани и чтобы конкретные факты[,] даваемые процессом[,] газетами использовались в достаточной мере[,] редакциям газет указать на необходимость точного соблюдения директивы ЦК. Особенное внимание обратить на фельетоны.

б) Поручить тов. Флеровскому ежедневно следить за материалом[,] помещаемом в газетах в связи с процессом и на сколько точно соблюдается директива ЦК.

^а Так в документе, здесь и далее следует петиционной, петиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ЯКОВЛЕВ

СЕКРЕТАРЬ: РУДАКОВ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 20. Машинописный подлинник, подпись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописная помета Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-69
«Протокол № 10
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»

от 20 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН.

С л у ш а л и:

1. Дополнительные директивы Редакциям.

2. Пропагандистское освещение процесса.

П о с т а н о в и л и:

1. Принимая во внимание, что период агитационного освещения и использования процесса эсеров исчерпывает себя на данной стадии процесса в виду невозможности поддерживать в течение недель исключительное внимание масс и партийной периферии ^ак процессу^б в ущерб остальным политическим вопросам; принимая в частности во внимание естественное падение напряженности интереса к процессу после демонстрации признать необходимым: 1) сократить до минимума политическую агитацию в связи с процессом в газетах с тем, чтобы оживить ее к самому концу суда, к прениям сторон и приговору; 2) в течение судебного следствия сосредотачивать внимание^в на деловом освещении фактической, уликовой стороны процесса и индивидуальной вины его отдельных участников.

2. Внести на утверждение Центральной Тройки – Политбюро следующий проект постановления: Признать необходимым издание: 1) сокращенного стенографического отчета процесса, дающего точный фактический политический материал (редактирование поручить тов. тов. Попову, Вардину и Яковлеву с предоставлением им одного экземпляра стенограммы)^г, 2) сборника основных документов, рисующих деятельность эсеров, 3) небольшой брошюры[,] освещающей судебнo-юридическую сторону процесса («Суд буржуазный и суд пролетарский»).

Признать необходимым издать брошюру о работе эсеров на Кавказе, в частности о Бакинском периоде 1918 г. – диктатуры Центрокас-

^{а-б} Исправлено взамен ранее напечатанного на процессе.

^в Вписано от руки взамен ранее напечатанного все усилия.

^г Так в документе, следует Шеболдаева.

пия (брошюра под общей редакцией тов. Попова, использовать в качестве авторов т.т. Микояна, Шабалдаева^Г, Галустяна и др.).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (Я. ЯКОВЛЕВ)

СЕКРЕТАРЬ (М. МИХАЙЛОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 22. Машинописный подлинник, подпись М. Михайлова – автограф. Вверху листа рукописные пометы о рассылке «т. Каменеву» и рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-70
«Протокол № 11
заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании»

от 23 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, МАЛКИН.

С л у ш а л и:

1) Об отчетах в газетах

П о с т а н о в и л и:

1) Указать на общий неудовлетворительный характер печатаемых в газетах отчетов^а о процессе. Эти отчеты страдают слишком грубой тенденциозностью. Она заключается прежде всего в полемическом характере изложения показаний подсудимых 1-й группы. Эти показания с неизменным однообразием из номера в номер сопровождаются эпитетами, бездоказательные, ничего нового в дело не вносящие и т.д. Такой тон изложения показаний режет ухо. Центр тяжести полемики с утверждениями подсудимых, по-скольку она необходима, нужно перенести из отчетов в заметки и статьи.

В изложении показаний свидетелей бросается в глаза подчеркнутое замалчивание всего того, что сколько-нибудь направлено против нас. Конкретный пример: показания свидетеля ВЕРХОВСКОГО^б в номере «Правды» от 22-го Июня изложено^б так, что прочтя их читатель совершенно не поймет, при чем здесь последующие постановления Трибунала о привлечении ВЕРХОВСКОГО к ответственности, ибо его заявления, давшие повод к постановлению трибунала, из показаний устранены.

Далее обращает на себя внимание общий неряшливый характер отчетов. В них постоянно вкрадывается отсебятина, совершенно не отвечающая тому, что на суде происходило. В том же отчете «Правды» за 22-е Июня утверждается, что Председатель Трибунала тов. ПЯТАКОВ после показаний Григорий^в

^а Так в документе, следует отчетов.

^б Так в документе, следует изложены.

^в Так в документе, следует Григория.

РАТНЕРА предлагает подсудимым первой группы дать свои показания, но они отказываются, «не желая полемизировать с РАТНЕРОМ». На самом деле показания РАТНЕРА были прерваны Председателем как не относящиеся к делу (именно – Петербургскому периоду). Последующие вопросы Председателя к подсудимым относились к этому Петербургскому периоду и ответы на них совершенно не носили характера отказа от полемики с РАТНЕРОМ.

Наконец, в изложении дальнейших показаний РАТНЕРА, относящихся к Московскому периоду, подсудимому приписывается просьба не осуждать его за обман Московских рабочих проповедью единого фронта. Ни о чем подобном РАТНЕР суд не просил и напротив брал на себя всю ответственность за прошлую деятельность.

Указанный отчет является типическим. Приведенные примеры можно найти в любом газетном отчете.

Принимая во внимание, что процесс сам по себе дает массу уличающих партию эсеров материалов и что тенденциозный характер отчетов возбуждает к ним недоверие даже в сочувствующих нам слоях рабочих, предлагается в дальнейших отчетах соблюдать максимальную объективность и принять меры к скорейшему устранению указанных выше недостатков. –

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (ЯКОВЛЕВ)
Секретарь (М. МИХАЙЛОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 24. Машинописный подлинник, подпись М. Михайлова – автограф. Вверху листа рукописные пометы о рассылке «т. Каменеву» и рукой Л.Б. Каменева «Арх[ив]».

№ П-71
«Протокол № 12
заседания Агиткомиссии по эсеровской
кампании при ЦК РКП»

от 30 июня 1922 г.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. ЯКОВЛЕВ, ПОПОВ, ВАРДИН.

С л у ш а л и:

1. О дальнейшей издательской деятельности по эсеровскому процессу как для Рос-

П о с т а н о в и л и:

1. а. Признать необходимым издание стенограммы процесса примерно в 15–20 печатных листов, в котором должен быть приведен: по периодам материал наиболее точно устанавли-

сии так и для заграни-
цы.

вающий контр-револю-
ционную деятельность
социалистов-револю-
ционеров.

б. Основной материал, характеризующий
судебно-юридическую сторону процесса и ли-
нию поведения участвующих в процессе сторон
(иностранная и русская защита, подсудимые
обеих групп).

в. Прения сторон и речи подсудимых.

г. Соблюсти между показаниями и объясне-
ниями обвиняемых обеих групп, свидетелей,
защиты и обвинения необходимую пропорцио-
нальность.

Данную работу поручить проделать тов.
ПОПОВУ в течении полутора месяцев.

д. Поручить тов. ШУБИНУ написать бро-
шюру на темы: «Судебно-юридическая сторона
процесса» (как эсеры защищались (для загра-
ницы)).

е. Поручить тов. ПОКРОВСКОМУ написать
брошюру для заграницы на тему: «Что уста-
новлено процессом социалистов-
революционеров».

ж. Поручить тов. ВАРДИНУ написать для
России брошюру на тему «Итоги процесса со-
циалистов-революционеров».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

(Я. ЯКОВЛЕВ)

Секретарь

(РУДАКОВ)

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 25. Машинописный подлинник, под-
пись Рудакова – автограф. Вверху листа рукописные пометы: 1) «т. Камене-
ву», 2) «Арх[ив]».

№ П-72

Из выступления члена ВЦИК Д.Б. Рязанова на IX Московской губернской конференции РКП(б) об отношении к процессу социалистов-революционеров

25 июня 1922 г.

РЯЗАНОВ Т.т. Вы понимаете, что как раз сегодня я должен быть осо-
бенно снисходителен к ЦК, ибо в первый раз ЦК попал в то положение, в
которое мы много раз попадали, когда читали в газетах о постановлениях
ЦК, о подготовке которых мы не подозревали. И вот теперь, в первый раз,
ЦК попал с Наркомземом в такое же положение, когда однажды утром
прочел постановление[,] имеющее громадные политические последствия
и которое может иметь не менее важные последствия в отношениях меж-
ду органами партии и советской власти.

По первой части доклада т. Каменева, относительно внешней полити-
ки, должен сказать, что в общем и целом эта политика, которая свернула

на то, что мы должны быть не только купцами, но купцами и коммунистами, что эта политика принесла крупные плоды, т.к. генуэзская практика, та огромная атмосфера сочувствия, которой мы были окружены в Генуе, выпрямила эту линию. И надо приветствовать решительность, с которой ЦК огорчил Красина и Чичерина, отказавшись утвердить русско-итальянский договор. В этом отношении мы можем только приветствовать это явление, ибо этот акт ЦК выпрямляет и укрепляет спинной хребет той делегации, которая выехала на Гаагскую конференцию. Дальше, т. Каменев говорил и взял это как промежуточную стадию, о нашей тактике по отношению к процессу с.-р. Я на этом хочу остановиться, потому что в нашей среде, где мы^а до сих пор не имели возможности обсудить этот вопрос политически, нам нужно было бы это сделать, и я очень жалею, что т. Каменев, который сделал такой обстоятельный доклад, не указал на различные мнения, которые выявлялись по отношению к этому процессу, а я убежден, что точно также, как они были по вопросу об итальянско-русском договоре, также и по этому вопросу были разные мнения среди наших товарищей. Для нас, конечно, не подлежит никакому сомнению, что этот процесс должен был быть поставлен, что он должен быть поставлен так, чтобы убить партию с.-р. и меньшевиков в международном мнении, но в международном мнении пролетариата. И ЦК, я цитирую слова т. Каменева, совершенно верно поставил вопрос, когда сказал, что не личная месть и не вопрос уничтожения данных групп лиц занимает ЦК. Повторяю, я цитирую буквально слова т. Каменева. Так и надо было ставить этот вопрос, надо было ставить его политически – убить партию с.-р., надо было поставить его так, как он был поставлен. И верно было сказано т. Радеком по поводу демонстрации рабочих, что демонстрация, это не смертный приговор подсудимым, а это смертный приговор партии с.-р. Исходя из этой точки зрения, позвольте мне, который имел возможность 4 или 5 раз быть на этом процессе и следить за некоторыми его эпизодами, указать, что в нашей тактике имеются крупные ошибки, которые теперь мешают нам достичь основной цели и которые создают впечатление для некоторых, особенно политически мало воспитанных товарищей, что речь идет об убийстве лиц, а не партии. Тут нужно сказать несколько слов о берлинском соглашении. Оно было заключено. Надо сказать, что трудно было заключить в этих пунктах более нелепое соглашение. Подумайте об этом пункте – о смертном приговоре, и затем о том, что «в виду публичного характера ведения публичного процесса на нем сумеют присутствовать, в качестве слушателей, представители всех 3 исполкомов, каковым разрешено будет фиксировать в стенограмме ход процесса для сообщения своим партиям» (цитирует). Я не понимаю, где были т.т. Радек и Бухарин, когда они на международной конференции подписывали такое соглашение. И конечно, надо было нам с самого начала знать, что Вандервельде, Розенфельд и Либкнехт будут использовать все случаи, чтобы уйти с этого процесса и нужно было создать им невозможность такого ухода. Кто помнит, как происходило обсуждение по поводу стенограмм[,] тот видит, что тут была допущена тактическая ошибка, которую Пятаков тщетно пытался исправить тем, что заявил, что Вандервельде может обратиться к коменданту дома союзов с просьбой пропустить его стенографистку. Ошибка была сделана в начале Пятаковым, который вообще блестяще ведет процесс – я должен сказать, что нас вывозит на этом процессе, несмотря на крайне нелепое поведение коммунистических защитников и не всегда удачное поведение Крыленко, нас вывозит великолепное, образцовое, прекрасное и умное поведение т. Пятакова. И все[-]таки он вынужден был выпутываться из того безвыходного

^а Вписано от руки над строкой.

положения, в которое поставило нас берлинское соглашение, для чего он должен был сослаться на коменданта дома союзов, который мог пропустить стенографистку. Т.т.[,] я буду говорить дальше об этом берлинском соглашении. Там был вопрос о смертной казни. Но ведь и Радек и Бухарин, обещая, что в этом процессе не будет допущено применение смертной казни, прибавили «как это еще до конференции сообщалось в советской прессе». И вот теперь перед нами то неудобное положение, которое создалось для нас, и особенно для коммунистических защитников второй группы. Во всей заграничной прессе было официальное заявление, что этого не будет, что теперь не такой момент, чтобы говорить о личной мести и личном убийстве. Словом, говорилось так, как говорилось об этом в постановлении ЦК. Но надо было с самого начала подчеркнуть, что для нас не важен факт убийства того или другого лица, того или другого с.-р., тем более, повторяю вам, товарищ Каменев, что на этой стороне, которую защищают наши коммунистические защитники, сидят люди, которые не были только орудием в руках, сидят люди, я лучше всех вас это знаю, сидят Семенов, Коноплева – я прямо заявляю, что Семенова я спас в [19]18 г., когда он чуть не убил при аресте двух товарищей. Семенова я выдрал из рук товарища Кедрова, Семенова я посещал в Таганской тюрьме, я ему давал «капитал», я его передал в руки Дзержинскому для отправки на фронт. Но если бы я знал, что Семенов причастен к убийству Володарского, я бы никогда палец о палец не ударил для защиты его. Читайте показания Семенова, читайте показания Коноплевой, и вы увидите, в какое неудобное положение мы попадаем, имея группу, по поводу которой даже старик Кон должен говорить длинные речи, чтобы оправдать их мораль. Вот то неудобное положение, которое было бы иначе, если бы этого опасения не было. Товарищи знают показания Дашевского, который ведет себя прекрасно, знают показания Семенова, знают, как часто садился в лужу Семенов (шум, отдельные голоса: просим дать еще десять минут). (Председатель: прошу, товарищи, соблюдать порядок и не кричать). Какое положение создалось, если бы наша защита не была вынуждена каждый раз на это⁶, ибо наши защитники чувствуют неудобство, которое растет пропорционально продолжению процесса. Раз мы заявляем смертный приговор для этих лиц, то мы имеем людей, прикованных на несколько недель к этой смертной казни (неясно слышно). А те другие даже среди товарищей вызывают чувство отвращения к себе, когда так делают, как тов. Ратнер, которого прохоровцы очень хорошо знают, когда он так легко нападает на ту сторону. Я укажу вам то здоровое пролетарское чувство, которое разделяют многие молодые рабочие, я это слышал, они говорят, что Семенов и Коноплева хорошо сделали, что они все сказали, но лучше бы они теперь не жили, и они правы (голос: что за чепуха). Я говорю вам, что если бы не была создана эта постановка о неизбежности физического наказания, тогда можно было бы развернуть весь процесс для разоблачения эсеров и меньшевиков в [19]18, [19]19 и [19]20 г.г. В то время, когда нам придется обсуждать вопрос о терроре, для нас создастся положение еще более тяжелое, и вы будете свидетелем того, т. Каменев. В этом отношении я уверен. Вот почему, товарищи, я стою на той точке зрения, которую ЦК выразил в цитированных мною словах т. Каменева, и для международного пролетариата нужно показать, что как ни глупо было это берлинское соглашение, что когда разрывается это соглашение, мы не выпираем в первую голову вопрос о смертной казни, не надо создавать впечатление, что мы мальчишки, ребята, что мы не политики. Если мы желаем произвести впечатление на международный пролетариат, на тот пролетариат, с которым мы хотим объединиться в единый

⁶ Так в документе.

фронт, большая часть которого находится под давлением 2 и 2 с половиной Интернационала, мы ни на минутку ни в нашей прессе, в особенности в «Правде», в особенности в «Рабочей Москве», потому что я должен констатировать, что в последнее время «Известия» стали верхом приличия в сравнении с «Правдой» и «Рабочей Москвой»... (сильный шум), в этом пункте, подтверждая это всем авторитетом московской организации, мы должны создать условия, которые обеспечивают международное политическое значение, пропагандистское значение этого процесса. Мы должны оставаться на той точке зрения, что это не вопросы мести, не уничтожение данного лица, мы не должны делать, как тов. Крыленко, который беспомощно путается между вопросами мести, и каждый раз подчеркивает, что дело идет о юридическом вопросе. Мы должны подчеркнуть, что речь идет только об убийстве, о политическом уничтожении партии эсеров. Поскольку вопрос является юридическим, он является одинаковым для обеих сторон, но для этого мало платонических заявлений той или другой из групп. Для этого нужно в партийной прессе в первую очередь развивать, обосновывать, защищать ту мысль, которую установил Ц.К. в начале этих переговоров: не вопрос мести, а вопрос политический.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 160–162. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарьянц. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. М.: Academia, 1996. С. 195–196.

№ П-73

Из заключительного слова Л.Б. Каменева на IX Московской губернской конференции РКП(б) о позиции Д.Б. Рязанова в оценке хода процесса

Не позднее 26 июня 1922 г.

Товарищи, я считаю, что те ораторы, которые здесь выступали по поводу речи Рязанова, были слишком мягки (смех в зале). Они характеризовали это выступление как отражение каких[-]то интеллигентских настроений. По[-]моему, у нас должно быть иное. Речь Рязанова была не просто отражением каких[-]то интеллигентских настроений. С этой речью к нам на конференцию Московской организации РКП вошли отклики той клеветы и той травли, которая ведется во всей международной литературе против коммунистов по поводу этого процесса (аплодисменты). Ничего другого здесь не было. О чем шла речь. Разве я здесь говорил хоть одно слово о приговоре. Я сказал, что ЦК должен был разобрать вопрос, ставить процесс или не ставить его, и ставя этот процесс, ЦК имел соображение единственное – политически разоблачить партию эсеров. С чем пришел к нам Рязанов. Он не хочет смертного приговора. И он пришел сюда, на партийную конференцию говорить не о политическом смысле этого процесса, а специально вести здесь пропаганду против возможного решения о смертной казни. Да, смысл речи Рязанова заключается в том, чтобы заранее предупредить приговор суда, чтобы предупредить, чтобы приговор суда не был высшей мерой наказания, а я утверждаю, что этого никто не имеет права делать, что суд, во главе которого стоит человек,

которого ЦК специально поставил, которого сам Рязанов назвал человеком, который ведет суд очень умно (голос Рязанова: совершенно правильно), за действия которого специальная комиссия ЦК отвечает, что этот суд сам на основании того, что он выслушает, вынесет приговор, и только. Больше ничего. Ни я, ни Рязанов с этой трибуны не имеем права сказать. Поэтому я ничего не говорю, а Рязанов пришел сюда защищать и создавать настроение против смертной казни. Я спрашиваю, какие у Рязанова были аргументы. Я не хочу употреблять резких^а слов, но я должен сказать: он пытался опорочить возможный смертный приговор, играя на разделении между двумя группами подсудимых и пытаясь доказать, что если кто[-]нибудь заслуживает смертного приговора, то это морально запачканные люди в лице Семенова и Коноплевой, которые в сравнении с безусловно моральными Гоцами, скорее заслуживают смертного приговора (голоса: позор), а я утверждаю, что это есть повторение, другими словами, здесь той агитации, которую

ведет Чернов (голос: правильно), который построил все на том, что Семенов, Коноплева предатели, морально запачканные люди. И тов. Троцкий не даром писал специальную статью для того, чтобы разъяснить недоумевающим рабочим, что тут не предатели, а люди, выполняющие свой революционный долг. И если это делалось для колеблющихся и сомнеющихся рабочих, то нам в ЦК, обсуждая необходимость статьи Троцкого, в голову не приходило, что Рязанову после этой статьи не будет ясна разница между моралью Гоца и Семенова (аплодисменты). Какое нам дело до того, что Рязанов ходил к Семенову. Рязанов очень часто ходит в тюрьмы, и то, что он говорит по поводу Семенова, не последняя его ошибка (Рязанов: не последняя, наверное). Какое нам дело до этого. Тогда Рязанов ходил к нему, не зная, что Семенов готов стать на скамью подсудимых и разоблачать ту партию, которой он служил. Теперь, когда Семенов это делает, когда Семенов, Ратнер, Коноплева в тягчайших условиях, перед лицом всего мира ежедневно ведут борьбу за свой революционный социалистический долг, понимая эту защиту только таким образом, как они могут себя оправдать – только тем, что они изменили партии эсеров ради партии коммунистов, только это моральное оправдание может их поддержать, давать им смелость говорить, что они изменили одной партии ради другой[,] которая лучше выполняет свой революционный долг. Здесь Рязанов говорит, что люди, которые разоблачают^б партию эсеров ради партии коммунистов, морально запятнаны, и он жалеет, что ходил в тюрьму (Рязанов: стенограмма). На счет стенограммы вашей речи я имею сделать предложение конференции, и это предложение будет следующее: во-первых, стенограмму речи Рязанова из стенограммы изъять и направить в ЦК (аплодисменты), потому что, товарищи, шутить с этим нельзя. Мы продолжили время, вы очень весело относитесь к тов. Рязанову. Я дольше знаю т. Рязанова и больше обязан ему, чем многие здесь присутствующие, но нельзя же, чтобы в такой момент устами т. Рязанова с нами говорила чуточку подкрашенная идеология г. Чернова. На коммунистической конференции этого допускать нельзя. Мы должны принять меры^в. Если речь Рязанова донесется до тех сотен тысяч рабочих, которые действительно вышли по нашему призыву, которые не считают Семенова и Коноплеву за то, что они разоблачили Гоца, морально запятнанными людьми, которые говорили, что Пятаков должен вынести соответствующий приговор каждому обвиняемому и, для Гоца не должно быть исклю-

^а Так в документе.

^б Так в документе.

чения, потому что он Гоц, то какое будет впечатление. Не скажут ли эти рабочие, которых мы завоевали только в ходе этого процесса, потому что политический смысл не является в том, чтобы коммунисты сказали, что они коммунисты, а в том, чтобы инертные, обманутые, колеблющиеся рабочие, увидев перед собой эту картину, сказали, что эти эсеры должны быть осуждены коммунистами, как враги рабочих, если здесь на собрании столь почтенный человек, как Рязанов, произносит эту речь, что же должно произойти в головах рабочих.

– РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 162–163. Машинописная копия, сделанная в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) и заверенная помощником секретаря Политбюро Ш.Н. Манучарьянц. Вверху на л. 160 штамп «Архив т. Ленина» и рукописная дата «29.VI.22 г.».

– Опубликовано в сокращении в кн.: Ракитянский Я., Мюллер Р. Красный диссидент. С. 197.

№ П-74

Черновик проекта поправки к Постановлению ВЦИК об утверждении приговора Верховного Трибунала в отношении обвиняемых на процессе, подготовленный Л.Б. Каменевым

Не позднее 7 августа 1922 г.

Признавая, ^ас одной стороны^б, в полной мере правильность и строгую обоснованность приговора Верховного Трибунала, ставя себе, с другой стороны, задачей дать даже^в самым отсталым, запуганным буржуазией и обманутым социал[-]демократией слоям мирового рабочего класса наглядный урок революционной целесообразности и тем облегчить для этих слоев рабочих сплочение вокруг единого знамени мировой пролетарской революции, – ВЦИК постановляет:

1. Определение Верх[овного] Трибунала в отношении подсудимых ^гпервой группы^д, приговоренных к высшей мере наказания в исполнение не приводить, заменив пожизненным заключением. Если партия соц.-рев., в лице своих руководящих органов и учреждений, фактически и на деле прекратит подпольно-заговорщическую, террористическую, военно-шпионскую, повстанческую работу против власти Советов, она тем самым ^еоткроет возможность ВЦИК^жу поставить вопрос о дальнейшей участи осужденных^ж.

2. Что касается подсудимых второй группы (далее как у Тр[оцкого]).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 118. Рукописный подлинник. Вверху листа слева делопроизводственная помета: «Дело с-р.». На обороте листа (л. 118 об) рукой Каменева (?) две колонки фамилий, в том числе вторая с

^{а-б} Вписано над строкой.

^в То же.

^{г-д} То же.

^{е-ж} Вписано взамен вычеркнутого освободит от высшей меры наказания тех своих руководящих членов, которые в прошлом этой работой руководили и на самом процессе оставили за собой право ее проводить.

предполагаемым отношением членов ЦК к вносимой поправке: А. «1) Ленин, 2) Ворошилов(?), 3) Фрунзе, 4) Зеленский, 5) Рудзутак, 6) Чубарь, 7) Андреев».

Б. «1) +Зиновьев, 2) +Каменев, 3) –Сталин, 4) –Троцкий, 5) +Калинин, 6) Раковский ?, 7) +Петровский, 8) +Рыков, 9) +Коротков, 10) Сапронов ?, 11) Смирнов (?), 12) +Томский, 13) –Сокольников, 14) –Куйбышев, 15) –Молотов, 16) –Орджоникидзе, 17) –Ярославский, 18) +Радек, 19) +Бухарин, 20) –Дзержинский».

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОДСУДИМЫХ НА ПРОЦЕССЕ

№ П-75

Защитительная речь А.Р. Гоца на процессе 1 августа 1922 г.

Прокурор здесь поставил кардинальной важности вопрос, вопрос о том, кто начал гражданскую войну и на ком лежит за нее ответственность. Без решения этого вопроса понимание всего последующего немислимо. Но Крыленко, вместо решения этого вопроса, отделяется от него анекдотом. Анекдотом о Тимофееве, который, де, приехав в Петроград, увидел все стены оклеенными большевистскими плакатами – «мир хижинам, – война дворцам!» и решил на этом, что гражд[анскую] войну начали большевики, и что ПСР должна вступить за дворцы, то есть за буржуазию. Но вопрос стоит совсем не об этой гражданской войне, не о борьбе между классами, а о борьбе внутри демократии, внутри класса трудящихся, ибо в этой борьбе по обе стороны баррикад были массы пролетариата и крестьянства. И вот виновником начала этой[-] то гражданской войны и был большевистский Военно-Революционный Комитет в Петрограде. При самом своем возникновении он прикрылся лицемерной маской. Объявлялось, что он образован отнюдь не для захвата власти, а якобы для борьбы с анархией и погромами. Из[-]под этой маски и за спиной переговоров о соглашении с социалистическими партиями, он нанес свой предательский удар в спину демократии. Даже не вся партия большевиков принимала участие в этом перевороте. Петроградский комитет совершил, но за спиной большинства Ц.К. Р.К.П. и против его воли. Это факты безусловно установленные. Правда, военно-революционный комитет опирался на большинство в Петроградском совете и на большинство Петроградского пролетариата, но большинство пролетариата в стране, огромное большинство солдат и подавляющее большинство крестьянства были против переворота и шли в это время за с-р'ами и меньшевиками.

Председатель (перебивает). Это оскорбление трудящихся масс, я не позволю оскорблять волю трудящихся. Она была ясно выражена вторым Съездом Советов. И на суде Верх[овного] Триб[унал]а я не допущу нападения на высший орган Республики.

Гоц. Я утверждаю лишь исторический факт, что Съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом переворота. И я уверен, что если бы Военно-Революционный комитет, отражавший волю лишь Петроградского пролетариата, не поставил Съезд перед совершившимся фактом, то Съезд нашел бы иные пути для решения споров внутри демократии, а не пути крови и насилия, на которые толкнули Россию большевики. Но Съезд был вынужден санкционировать этот переворот, ибо он понимал, что Военно-Революционный Комитет не откажется от захваченной власти

и что аннулировать переворот – это значило бы для Съезда вновь начать войну[,] уже на этот раз против захватившего власть Военно-Революционного комитета и стоявшей за ним части Петроградского пролетариата.

Перед нами стал вопрос о сопротивлении насильническому перевороту и отпор был нами организован. Прокурор обвинял нас в том, что мы прибегли для этого к псевдониму «Комитета^а Спасения Родины и Революции» для того, чтобы потом, в случае неудачи, иметь возможность отречься от движения. Это неправда[,] Ц.К. дал мне полномочие^б организовать отпор^в[,] и я решил сделать это от имени наиболее крупной и влиятельной в то время в Петрограде организации, объединявшей все демократические, социалистические силы: все профсоюзы, все органы демократии и все социалистические партии, кроме большевиков. Не трудовое и не социалистическое представительство в комитете^г не было допущено. И естественно, что начиная борьбу против диктатуры одной партии, я должен был призвать к восстанию не от имени той или другой партии, а от имени комитета^д, объединявшего все силы демократии и социализма. «Комитет спасения Родины и Революции» начал это движение 29 октября и никогда впоследствии он от него не отрекался. Эпизод с моим, якобы отречением – здесь был совершенно ложно изложен прокурором. Прокурор многое запамятовал. И это характерно, что всякий раз, когда прокурор, обладающий феноменальной памятью[,] делает ошибки, то эти ошибки всегда бывают в сторону отягчения обвинения. С самого первого возстания моя роль в нем была совершенно явной и открытой.

В день 29-го был арестован Брудерер, у которого был отобран при аресте документ о назначении его комендантом^е Владимирского военного училища^ж, подписанный мною, как членом комитета Спасения. И все другие приказы в этот день подписывал я же, а не Авксентьев, так как именно я был в Штабе в Инженерном Училище. И мой отказ от подписи на апокрифическом документе, о котором здесь слишком много говорилось, означал только то, что в нем было, а именно, что этого документа я не видал и его я не подписывал.

Мною для руководства движением был назначен полковник Полковников. Это было сделано не потому, как думает прокурор, чтобы привлечь казачьи части на нашу сторону. Нет, Полковников был назначен потому, что мы его считали самым способным и выдающимся военным руководителем. Нам был ближе Краковецкий, но мы его считали недостаточно энергичным и решительным и поэтому он был намечен лишь в начальники Штаба, как ближайший помощник Полковникова. В нашем распоряжении был еще другой полковник, с[оциал-]р[еволюционер] Куропаткин, который был бы более подходящим лицом для руководства движением, но он из скромности сам отказался от руководящей роли и взял на себя лишь выполнение одного из самых важных боевых заданий – захват Петропавловской крепости. К сожалению он был убит в самом начале восстания. Что касается Полковникова в политическом отношении, то если он и возбуждал наши сомнения, это было отнюдь не в смысле его правизны, а напротив, в смысле его уклона в сторону большевиков. Но тогда нам эти упреки его в большевизме казались необоснованными – вот почему я и счел возможным назначить его для верховного руководства.

После неудачи движений 29-го окт[ября] мы увидели, что в нашем распоряжении нет сил для немедленного свержения большевиков воору-

^а Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^{б-в} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного начать восстание.

^г Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^д То же.

^{е-ж} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного школ прапорщиков.

женной рукой, и мы изменили нашу тактику. Началась тактика последовательной изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил и от народных масс; в то же время, стремясь к объединению демократии, мы делали все усилия потушить гражданскую войну путем переговоров и соглашений. Я имею в виду переговоры по инициативе Викжеля⁸⁰ и переговоры в Могилеве⁸¹. И опять[-]таки здесь вина за неудачу переговоров падает не на нас, а на вас. Это было признано еще тогда же такой близкой к вам группой, как группа «Новой Жизни»⁸², которая открыто писала, что в срыве переговоров виноваты большевики. Это же подтверждается и выходом в отставку и многих членов тогдашнего большевистского правительства, которые мотивировали свой уход тем, что диктатура одной партии, диктатура крови и насилия может лишь привести к гибели и крушению революции. Эти свидетельства правильности нашей тогдашней позиции, исходившие из ваших рядов, я привожу потому, что они и для вас должны быть авторитетны. Тактика изоляции с успехом проводилась нами до 5 января, и одиночество захватившей власть партии к этому времени стало уже очевидным.

Перехожу ко дню открытия Учредительного Собрания.

В оценке событий этого дня представители прокуратуры разошлись между собой. Луначарский все объясняет гамлетизмом Гоца, румянец воли которого угас под наплывом разъедающих сомнений – в последнюю решительную минуту Гоц сдал и остановил злоумышленный план вооруженного возстания. И конечно, – говорил Луначарский, здесь дело не в личном гамлетизме Гоца, в нем лишь[,] как в капле воды[,] отразилась двойственная природа мелкобуржуазной партии, ее две антагонистических души, ее вечные колебания между двумя путями. Крыленко выдвигал другую версию: не гамлетизм, а тартюфство³, лицемерие и безчестность. Покровский, как добрый старый марксист (по его словам)[,] разрешал вопрос проще: у них просто не было сил, – говорил он – вот и все. И, конечно, эта простая оценка правильнее всего остального. В это время мы считали необходимым мобилизовать все военные и общественные силы, чтобы дать отпор большевикам, в случае, если они посягнут на высший орган народовластия. Но мы не хотели брать на себя начало вооруженной борьбы и считали необходимым лишь вызвать Петроградские трудовые массы к изъявлению своей воли к борьбе^и за Учредительное Собрание. Мы призвали поэтому к мирной демонстрации, демонстрации воли народных масс.

Крыленко говорит о двойном плане – о мирном открытом плане и о тайном боевом плане. Допустим даже, что его предположение и верно, но ведь на деле[-]то осуществилась лишь мирная часть демонстрации[,] и она[-]то и была расстреляна вами. Ведь броневики, Семеновский полк и прочие части предполагаемой вами вооруженной демонстрации не вышли, их там не было. Нам не удалось собрать вооруженный кулак, но мы считали бы преступлением, если бы мы в то время не приняли всех мер к вооруженной защите Учред[ительного] Собрания. Это был наш долг и мы его выполнили. Все усилия были сделаны и не наша вина, а наша беда, что сил не оказалось. Крыленке его версия понадобилась для того, чтобы скрыть истинный смысл событий 5-го января, ибо в этот день вами была расстреляна мирная демонстрация рабочих Петрограда. Чтобы скрыть это ваше преступление, вы и измыслили двойной план. Но если даже мы и хотели осуществить вторую половину этого плана, это не снимает с вас ответственности за пролитую кровь, ибо вы[-]то расстреливали мирную демонстрацию рабочих. На деле же, конечно, никакой скрытой половины

³ Вписано Гоцем сверху над строкой.

^и То же.

плана и не было. Мы призывали народ лишь ^кзаявить властно^л в этот день, что единственной законной властью в стране, властью революционной является Учред[ительное] Собрание. И оно должно было уже само в случае посягательств на его права со стороны какой[-] либо одной партии подавить восстание этой партии против него и охранить себя силой от всяких насильнических посягательств.

Этот день был поворотным днем в истории русской революции. Роза Люксембург, ваша сторонница, в своей книжке «Русская революция» правильно оценивает значение этого поворотного пункта. «Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл разгон Учредительного Собрания 5-го января. Эта мера определила их дальнейшую позицию, она была до известной степени поворотным пунктом их тактики. Известно, что Ленин и его друзья бурно требовали созыва Учредительного Собрания до своей октябрьской победы, – что именно политика затягивания в этом вопросе со стороны правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и давала им повод к жесточайшим нападениям на него. Троцкий говорит даже в одной из интересных своих статей, – “От октябрьской революции до Брестского мира” – что октябрьский переворот был “настоящим спасением для Учредительного Собрания, как для всей революции...”».

В дальнейшем большевики объяснили разгон У[чредительного] Собр[ания] следующими аргументами: тем, что позиции избравшего его народа уже изменились, что оно представляет собой уже «вчерашний день» революции и тем, что накануне выборов произошел раскол в ПСР, но на выборах партия левых с[оциал-] р[еволюционеров] шла по одним спискам с ПСР, составленным до раскола. Отвечая на эти соображения большевиков...

Бухарин: Роза Люксембург хотела сжечь эту книгу.

Гоц. Это фантастика, но мне вполне понятно, что гр[ажданин] Бухарин хотел бы сжечь эту книгу. Я продолжаю: На эти соображения большевиков «о вчерашнем дне» Роза Люксембург отвечала: «Нужно только удивляться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий не пришли к само собой напрашивающимся выводам: Если Учредительное Собрание избрано задолго до поворотного пункта – октябрьского переворота – и отражает прошедшее, а не новое положение в стране, то само собой напрашивается вывод, что нужно кассировать устаревшее мертворожденное Учредительное Собрание и немедленно назначить новые выборы в новое Собрание». – Это самое говорили и мы тогда – «Вместо этого – продолжает Роза Люксембург, – Троцкий, на основании негодности собравшегося данного собрания, приходит к общему выводу о ненужности и негодности вообще всякого народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве во время Революции, указывая на его громоздкость и проч.»

^мВопрос стоял таким образом: диктатура партии или демократия, власть большинства класса трудящихся или небольшой его части? Вы были за демократию, пока вам казалось, что большинство может быть за вас, но в это время вы уже поняли, что большинство трудящихся против вас, и тогда вы отвергли демократию. Крыленко здесь прочел нам лекцию для кружков 2-го типа старого времени⁸³ на тему о том, что демократия не фетиш и не идол и что в формах демократии может осуществляться буржуазное господство. Это азбука социалистической теории. Демокра-

^{к-л} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного выявить.

^{м-н} Текст написан Гоцем.

тия, конечно, не идол; она есть лишь средство, она есть единственная форма, в которой могут быть осуществлены социалистические идеалы. Отношение большевиков к политической свободе таково: если она им нужна – они за нее, но если другим – они ее отменяют. Для нас же является азбукой, что свобода для одних уже не свобода и что только при свободе для всех возможно массовое рабочее движение, возможна самостоятельность трудящихся, а без массового рабочего движения и самостоятельности трудящихся не может быть социализма. Вот почему мы говорим: «Свобода и самостоятельность масс – душа социализма». Луначарский с его теорией о темноте народных масс, которым вредна свобода, которым вредно «слишком» большое соприкосновение с политическими партиями, напоминает мне другую фигуру, фигуру царских времен. Кто это – если не Победоносцев с его рассуждениями о детской чистоте народных масс, которые нужно оберегать в принципах православия путем жесточайшей полицейской охраны от тлетворных влияний вредных агитаторов, волков в овечьей шкуре. Отсюда один шаг до легенды Достоевского о Великом Инквизиторе.

Председатель. Я прошу вас перейти ближе к делу. Разогнали Учредилку и хорошо сделали. Идите дальше, а не топчитесь на одном месте. Диктатура пролетариата для нас есть форма власти непреложной и обсуждению здесь не подлежит.

Гоц: Я вижу, что прав был Крыленко, когда говорил в начале своей речи о том, что можно было еще в первый день процесса без всякого расследования и речей вынести нам приговор к разстрелу. Но мы все же считаем необходимым выяснить здесь мотивы нашего поведения. Роза Люксембург в своей интересной книге говорит: «Свобода лишь для сторонников правительства, для членов одной только партии, как бы она ни была численно велика, не является свободой. Свобода всегда была и есть свобода для инакомыслящих». – Это так: иначе свобода превращается в привилегию. А вы это и сделали, и превратили в вопрос дискуссионный даже вопрос о свободе для членов коммунистической партии, так как у вас даже и им не всем принадлежит эта привилегия^п.

После 5-го января начался новый период, период накопления и собирания ^осил трудящихся масс^п. Понятно, почему в это время мы всячески противились всем попыткам вспышкопускательства – мы не хотели растрачивать силы по отдельным случаям. Это наша основная линия Ц.К. сталкивалась с другой линией, с линией Семенова и части военной комиссии, с линией безудержного активизма, который мы твердо и решительно отменяли. Семенов и часть военной организации не хотели считаться ни с чем и в любой момент признавали возможным начать вооруженное возмущение по любому поводу. Эту тактику мартовского путчизма⁸⁴, о которой здесь нам много бы могла рассказать Клара Цеткин, мы всегда пресекали. Мы их расхолаживали и удерживали от авантюры, на которые они постоянно порывались. Так было в случае разоружения Преображенского полка, Минной дивизии, волнений на Обуховском заводе и т.д. В одном мы с ними тогда сходились: и мы и они одинаково знали, что симпатии рабочего класса на нашей стороне, а не на стороне большевиков, но в рабочих массах не было организованности и решимости к борьбе против большевиков. Поэтому[-] то мы и удерживали от выступлений, считая нужным вести организационную подготовку. В случае с Преображенским полком мы, конечно, не хотели потерять его, как вооруженную единицу, и мы считали необходимым помочь возникшему в нем плану

^{о-п} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного для вооруженной борьбы.

воспрепятствовать разоружению путем решительного протеста со стороны других полков, которых ожидала та же участь. Что касается наших дружин, то это были в то время такие жалкие группки, роль которых была ничтожна и не могла быть иной. Мы знали, что во всякой политической революционной борьбе дело может дойти и до вооруженного столкновения, но ведь и вы это знали в то время, когда вы отдавали приказ о разоружении. Вы шли на возможность столкновения, вы его начинали и провоцировали. Нашей задачей было не пойти на провокацию, если нет сил для решительного столкновения. Мы и не пошли и не поддались провокации, и мы оказались правы – в своем большинстве эти полки были заполнены шкурниками, думавшими лишь о сохранении материальных благ, а преданные нам группы составляли в них лишь меньшинство. В случае с Минной дивизией мы знали также, что среди ее командного состава имелись и черносотенные элементы. Мы это принимали во внимание и ставили своей задачей их нейтрализовать. Однако, мы знали, что эта опасность была невелика, т[ак] к[ак] матросские массы были, конечно, чужды черносотенства и эти реакционные группы не смогли даже показывать своего лица. Так было до 8-го Совета. К этому времени неизбежность вооруженной борьбы в общерусском масштабе встала для партии совершенно ясно и 8-й Совет лишь подвел итоги тому, что было установлено на местах. Покровский издевался над нашей идеей возсоздания Восточного фронта, он не понимал, как могли мы вновь втягивать страну в войну, когда она только что с таким трудом и потерями выбралась из этой живодерни. Крыленко и здесь все объяснил нашим лицемерием и утверждает, что мы только говорили о войне против немцев, а на самом деле думали лишь о борьбе с большевиками. Однако, и здесь я должен сказать, что мы были не одни. Не только мы, но и ваши союзники, левые эсэры, считали необходимым возобновить борьбу с немецким империализмом. И в ваших собственных рядах было много сторонников этой идеи о возсоздании антигерманского фронта. Между прочим, в их числе был и Бухарин и многие другие. Что же, и у Бухарина это было лицемерие?

Нам ставили вопрос: чем можно объяснить провал Самары⁸⁵, если признать правильным наше утверждение, что массы были на нашей стороне? Что это, чудо, или гений большевиков?! – восклицал Покровский. Нет, дело не в чуде, конечно. Беда заключалась главным образом в том, что нам приходилось импровизировать государство и армию на поле сражения. Это сыграло огромную роль. Сюда прибавилось еще и то, что благодаря чешскому восстанию, эта необычайно трудная задача нам выпала раньше времени, в то время, как лучших наших сил там не было и когда мы еще не успели сделать всех необходимых приготовлений к планомерному выступлению. Кроме того, и это тоже нужно отметить, в нашем распоряжении не было того выкованного, точно действующего партийного механизма, каким обладали вы. Это тоже сыграло не малую роль. В процессе войны, неизбежно при всяких условиях, усиливается значение военщины. У вас, в лице вашей партийной организации имелся противовес этому усилению, у нас же его не было. И благодаря этому молодая, складывающаяся на поле битвы, государственность подпала слишком большому влиянию чуждой нам военщины. И в то же время, в тылу за нашим фронтом, предательская политика буржуазных группировок нанесла нам удар за ударом в спину. Крестьянские же массы, переутомленные и измученные войной, не были в полной мере способны на весь тот героизм, который им необходимо было проявить для защиты их молодой демократической государственности. Вы же, действительно, проявили необычайные способности в организации и выработке способов властво-

вания над массами. Если не для внешней обороны, то для поддержки и укрепления вашей власти, вам удалось создать сильную красную армию и могучий аппарат Чеки, которому мог бы позавидовать и ^Рминистр полиции Французской Империи, Фуше^с. В этом отношении вы выказали необычайные способности, за которые вам ныне не даром слагают акафисты бывшие октябристы, не [19]17-го, а [190]5-го года.

Перехожу к положению после разгрома нашей попытки на Волге. Два обстоятельства играют главную роль в определении нашей дальнейшей тактики. С одной стороны[,] ликвидация германской опасности устранила необходимость борьбы с немецким империализмом, с другой, реакция, в лице правительств Колчака и Деникина^т, после победы над нами настолько усилилась, что стала грозить всем завоеваниям революции и полной реставрацией. Все это было нами учтено на декабрьской и февральской конференциях. А затем на 9-м Совете были подведены окончательные итоги и была выработана новая ясная и твердая тактическая линия, остающаяся в общем и целом неизменной и до настоящего времени.

В оценке 9-го Совета наши обвинители опять[-]таки не сходятся между собой. Луначарский считает, что 9-й совет был попыткой надеть маску легальности. Покровский, напротив, полагает, что никакого изменения в тактике не произошло, что по[-]прежнему с-р'ы хотят вооруженного возстания и по[-]прежнему не могут устроить его за неимением сил. Крыленко опять[-]таки твердит о лицемерии. И здесь, как и всегда, ему чудятся две точки зрения, два пути, ^удва метода для внешнего и внутреннего употребления^ф. Но здесь Крыленко в большой мере облегчает мою задачу тем, что приводит к одному знаменателю, к разстрелу, как вооруженную, так и невооруженную борьбу против большевистской диктатуры. Так или иначе, говорит он, ваша цель остается прежней – свержение советской власти, а за это у нас все равно полагается разстрел. Это по крайней мере ясно^х и дает мне возможность совсем независимо от разстрела и уголовных статей развить наши действительные взгляды. От права на вооруженные возстания мы не отказываемся. Это – неотъемлемое право народных масс и ни одна революционная партия никогда не может от него отречься. Когда массы действительно будут вовлечены в борьбу, возможно – и это зависит в значительной мере от вашей тактики – что это теоретическое право на возстание – выльется в реальные факты. Но сейчас в порядке дня стоит не вооруженная борьба с большевиками, а организация^ц широкого политического движения народных масс^ч.

Вы нас спрашивали – отказываемся ли мы от борьбы за власть. Нет, мы не отказываемся от борьбы за власть, ибо это есть постоянная цель всякой политической борьбы в конечном итоге. Но в данный момент мы не ставим своей непосредственной задачей захват власти путем заговоров, инсurreкций, террора и т[ому] под[обное]. Такой задачи перед нами сейчас нет. От вооруженной борьбы, как тактического приема настоящего времени мы отказались. Отказались потому, что учитываем тяжелое положение страны, голод, разорение и утомление народных масс и всю неблагоприятную международную обстановку.

Основной проблемой дня сейчас является не захват власти в стране, но завоевание широких политических свобод и демократических гарантий. В

^{Р-с} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного старые охранки.

^т Далее из текста вычеркнуто питаемые всей политикой большевиков.

^{у-ф} Вписано Гоцем сверху над строкой.

^х Исправлено Гоцем взамен ранее написанного хорошо.

^ц Вписано Гоцем сверху над строкой.

^ч Далее Гоцем вычеркнуто в мирных формах.

этом сейчас центр всех наших политических кампаний. Отрицательно сформулированный вопрос сводится к вопросу о преодолении большевистской диктатуры. Это преодоление безусловно необходимо рабочему классу, ибо только сбросив этот могильный камень, придавивший всю Россию, рабочий класс сможет вступить на путь защиты всех своих классовых интересов. – В этом смысле совершенно правильна резолюция 10-го Совета, говорящая о насущной необходимости «преодоления большевистской диктатуры». Здесь в отрицательной форме выражено то же, что 9-й Совет выразил положительно в форме требования политических свобод и демократических гарантий. И путь преодоления большевистской диктатуры останется тот же путь, указанный и 9-м Советом, путь не вооруженной борьбы, а путь широких массовых политических кампаний. Путем этих политических кампаний мы хотим, чтобы рабочий класс развязал тот узел пут и стеснений, который завязан диктатурой одной партии на шее трудовых масс. Но если преступная политика власти доведет до того, что узел этот не будет развязан мирно, а будет разрублен в новом кровавом взрыве, то вся ответственность за это ляжет на власть, которая не поняла, что нельзя бесконечно противодействовать интересам и стремлениям народных масс. Крыленко указывает на то, что в современной обстановке эти широкие политические кампании легко могут привести к вооруженным восстаниям. Да, это так. И это прежде всего вы должны знать. Это из[-]за вашей политики насилий всякая мирная борьба трудящихся масс превращается в вооруженное восстание. Это вы довели страну до такого состояния, что лишили трудовые народные массы всякой возможности отстаивать свои интересы мирным путем. И довели народные массы до того, что они неизбежно толкаются на путь восстаний. На наши указания о необходимости политическими уступками дополнить НЭП, Крыленко отвечал: ... «бросьте ваши бессмысленные мечтанья! На политические уступки мы не пойдем и ни крупницы нашей власти мы никому не уступим». Это старая знакомая речи. Мы их слышали не раз от царской власти⁸⁶. Они дорого ей обошлись. Мы об этом не жалеем, но о том, что они слишком дорого обошлись и народу – приходится сожалеть. ^ш Не надо забывать, к чему приводят эти бессмысленные речи об очень осмысленных стремлениях русского рабочего класса^ш. Но так ли уж вы тверды в вашей политической неуступчивости? Я этого не думаю. Ведь не так еще давно вы клялись, что никогда к международному капиталу на поклон не пойдете; а, однако, пошли и к международному, и к отечественному. А давно ли вы считали продразверстку единственной правильной связью между городом и деревней, как говорил Бухарин в «Экономике переходного периода»... И однако, вы уже заменили продразверстку продналогом. Из горделивых предвестников немедленного коммунизма, все больше превращаетесь в жалких возстановителей буржуазного строя. Вы пошли на уступки и отечественной буржуазии, в лице ее новых худших хищнических представителей. Вы создали НЭП, вы открыли Нижегородскую ярмарку и на страницах ваших газет привлекаете туда купцов заманчивыми публикациями о ярмарочных ресторанах и увеселительных местах. Характерна карикатура юмористического приложения к «Рабочей Газете», где Стеклов изгоняется с первых страниц ваших «Известий» целой лавиной торгашеских объявлений. И я боюсь, что эта лавина торгашества и возрождающихся примитивных форм хищнического капитализма выметет из русской жизни не только вас, но и все завоевания революции, которым вы нанесли сами первый наиболее тяжелый удар. Буржуазные силы,

^{ш-ш} *Вписано Гоцем взамен вычеркнутого* И нам жаль, если и вы захотите повторить политику царской власти.

которые вы вызываете к жизни, дадут вам первый удар коленом. И благодаря вашей же политике, доведшей Россию до полного национального безсилия, хищнический международный капитал распаляется такой жаждой, такими аппетитами, о каких раньше он и не мечтал... В борьбе против международного хищничества, наша партия заняла определенную позицию отстаивания интересов России, как целого, каким бы правительством она не управлялась. Поэтому мы будем добиваться международного признания и Советской власти, так как непризнание вашей власти, в котором вы сами более, чем кто повинны, ведет лишь к худшим, наиболее тяжелым формам закабаления России международному капиталу.

Пятаков: Я не могу позволить касаться международных отношений.

Гоц: Но я уже кончил. Я вижу только, что у Крыленки мои слова будили смех. Этот смех смущает нас так же мало, как и его угрозы разстрела.

Я повторяю, что теперь черед за трудящимися массами, которым, как воздух для жизни, нужны основные политические свободы и демократические гарантии, иначе без них рабочий класс будет выдан, связанный по рукам и ногам, буржуазии в тот момент, когда она вас вышибет вон, пинком в зад. Рабочий класс только сам может себя спасти своей самостоятельностью и свободно созданными мощными классовыми организациями; и не опекунам, хотя бы и коммунистическим, его спасти путем лишения «излишней» свободы.

И если рабочий класс своим мускулистым плечом дружно наплет на дверь, запертую вами, она или откроется, или будет сорвана прочь с петель. От вас, от вашего благоразумия зависит, так или иначе будет. Я хотел бы, чтобы у вас хватило политической честности уступить рабочим в их притязаниях, в их стремлении самим в условиях свободы отстаивать свои интересы. Иначе неизбежна новая гражданская война, которая была бы несказанно губительной для страны, доведенной царизмом, войной и вами до последних пределов разорения и голода. В этих условиях мы не хотели бы новой гражданской войны, но мы считаем себя обязанными организовывать народные массы и призывать их к широким политическим кампаниям. Повторяю, не наша будет вина, если вы вновь вызовете возстания.

Русская революция уже проделала свой буржуазный термидор. В наших условиях он отличается от французского термидора только тем, что у нас одна и та же политическая партия сама берет себе привилегию проделывать все метаморфозы. Луначарский выражал здесь сожаление, что не была произведена спасительная хирургическая операция над партией с.р. по примеру якобинцев над жирондистами^б, но это еще не поздно, вы еще имеете время.

Вы не только пошли на уступки международному капиталу, вы не только вступили на путь соглашательства с мелким хищническим капитализмом в России, вы проделали и ваше 18 брюмера по отношению к крестьянству. Да, вы бонопартисты^{в1}, вы оставили за крестьянами завоеванную ими землю, вы сделали крестьянам ряд уступок в области продовольственной политики, но вы организовали над ними ваше господство по Бонопартистски^б. Вы лишили их всяких прав, всякого подобия свободы и держите кнут и нагайку над спиной кормящего вас мужика.

В таких условиях нечего и мечтать, конечно, о социализме. Для социализма необходимы два предварительных условия: зрелый, организо-

^б Вписано Гоцем сверху над строкой.

^{в1} Так в документе, следует бонопартисты.

^б То же.

ванный пролетариат и крупные высшие формы промышленности. Тот, кто разрушает эти два условия, тот делает контр-революционное дело. Вы разрушили до конца в России промышленность и вы распылили пролетариат, уничтожили, деклассировали его, лишили всякой возможности создавать свои свободные классовые организации. Вы выполнили таким образом в полной мере контр-революционную работу.

Мне остается сказать еще о представленных здесь документах Административного Центра. Прокурор Крыленко был автором или, вернее, передатчиком сюда этих документов, ибо я не думаю, что Крыленко мог пойти по стопам прокурора Лыжина, скорее он стремится подражать Фу-кье-Теннвилю. Я не заподозреваю ни Трибунал, ни прокурора в подделке, но для нас не сомненен тот мутный источник, из которого они получены. Те друзья гр[аждани]на Крыленко, о которых он говорил, представляя эти документы, оказались бандой монархических прохвостов, которые за деньги выкрали эти документы, как бандиты. И не ясно ли, что эти прохвосты были в высокой мере заинтересованы, чтобы придать наибольшую сенсационность этим документам и тем увеличить их цену. Ведь не ради прекрасных глаз Крыленко выкрали они эти документы, а исключительно из[-]за денег. Я позволю себе вам напомнить пресловутые документы, опубликованные в копиях и с фотографиями не хуже ваших от имени Американского Общества[,] о продажности партии большевиков. Там были и подписи, и факсимилэ, сделанные так искусно⁹, что даже те лица, чьи подписи были подделаны, только разводили руками. Всякий документ можно подделать¹⁰. И ни в какой мере эти документы не могут сейчас представлять никакого судебного материала, ибо у нас нет ни малейшей возможности их проверить. Поддельные они или нет – мы не знаем. Это могли бы сказать лишь наши заграничные товарищи. И они, конечно, это скажут и дадут все необходимые разъяснения.

К подобного рода обвинениям следовало бы относиться с величайшей осторожностью, ибо грязь, бросаемая в одну из социалистических партий, падает и на другие, и на социализм вообще. Дело Интернационала разобратся во всем этом. Вы, гр[аждани]н Крыленко, занеся над нами угрозу разстрела, требуете от нас отречения от этих документов и хотите, чтобы мы так купили себе жизнь. На подобные предложения мы можем ответить только презрением. Мы не знаем этих документов и потому не можем дать никаких объяснений. Политически мы вам дали полный исчерпывающий ответ на все ваши вопросы. Наши взгляды на интервенцию, на международное признание вашей власти, на вооруженную борьбу и т.д. мы вам осветили полностью. Если бы вы сидели на этих скамьях, я не знаю, как вы бы ответили на предложение предать и тем спастись – мы отвечаем презрительным молчанием. Наш партийный суд разберет и рассмотрит все эти вопросы, все наши внутренние дела, но вам мы не можем позволить в них копаться. ⁹И когда вы обращаетесь к нам с требованием, смысл которого может быть сформулирован, как «руки вверх», то мы вам отвечаем: «не запугаете!»^{1а}. Покровский ^{1б}требовал от Трибунала приговора, который бы вычеркнул партию с.р. из жизни, он ^{1в}хотел нас распылить и уничтожить, но едва ли вам это удастся. Мы все, оторванные тюрьмой более чем два года от народных масс и политической борьбы, получили здесь возможность дать отчет о нашей деятельности перед

⁹ Так в документе.

¹⁰ Далее в тексте вычеркнуто И есть люди, для которых сфабриковать подпись ничего не стоит.

^{1а} Вписано Гоцем.

^{1б-1в} То же.

^{1г}рабочим классом и партией^{1д}. Через ваши головы говорили мы с классом трудящихся, и не только наш отчет о прошлом, но и наши указания о путях дальнейшей борьбы мы им дали. Мы вам за это признательны^{1е}.

^{1ж}Эту трибуну мы использовали для того, чтобы рассказать рабочему классу о своей прошлой деятельности, о тех невольных ошибках, которые были неизбежны в трудных условиях революционного кризиса, и чтобы поведать ему, как мы думаем о возможных путях спасения революции. И если этой нашей исповеди суждено будет стать нашим завещанием, мы выполним свой революционный долг до конца. Я не знаю, что суждено нам судьбой – жизнь или смерть. Если смерть – мы умрем, как революционеры, смело глядя ей прямо в глаза; если жизнь – мы будем дальше бороться со всем напряжением сил, как социалисты, во имя интересов рабоч[его] класса^{1з}.

– МИСИ. Архив ПСР. № 867. Защитительная речь Гоца. Рукописная стенографическая запись, осуществленная предположительно Е. Ивановой-Ирановой⁸⁷.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 7–12.

№ П-76

Последние слова подсудимых 1-й группы (газетный отчет)

4 августа 1922 г.

Сорок седьмой день.

Утреннее заседание.

Прения сторон закончились. Трибунал переходит к заслушанию последних слов подсудимых. Первой говорит обвиняемая Евгения Ратнер⁸⁸. Она произносит часовую речь, в которой[,] однако[,] совершенно не уделяет внимание существу обвинений, инкриминируемых цекистской группе, в частности, – ей самой. Как и в защитительной своей речи[,] она занимается теоретическими выкладками, возражая против положений, выдвинутых в своих речах т.т. Бухариным и Луначарским. Евгения Ратнер утверждает, что тов. Бухарину не удалось доказать предательскую роль, сыгранную ПСР по отношению к постановлениям циммервальдской и кинтальской конференций (несмотря на то, что в речи тов. Бухарина это обстоятельство путем фактических справок было с абсолютной ясностью и неопровержимостью установлено). Ратнер заявляет, что эсерам «чужда теоретическая позиция» II Интернационала, но он объединяет часть пролетариата – и эсеры поэтому обязаны с ним считаться. 2 1/2 Интернационал, в ряды которого тянутся эсеры, Ратнер считает «естественным» продолжением позиции Циммервальда и Кинталя. Ратнер заканчивает утверждением, что эсеры борются «за свободу пролетариата». Когда пролетариат освободится от

^{1г-1д} Вписано Гоцем взамен вычеркнутого всем миром.

^{1е} Далее Гоцем вычеркнуто И этот наш долг мы выполняли и выполнили до конца. Если нам суждено умереть, мы умрем мужественно, как революционеры. Если же мы будем жить – как социалисты – мы будем по-прежнему бороться как социалисты.

^{1ж-1з} Текст написан Гоцем.

большевистской опеки, – эсеры пойдут вместе с ним, в первых его рядах, сражаться против буржуазии.

Аналогичное «последнее слово» произносит обвиняемый – цекист Лихач⁸⁹. Он утверждает, что Вандервельде и К° были присланы для защиты эсеров «западно-европейским пролетариатом». Лихач указывает также, что среди обвиняемых первой группы есть такие, преступления которых амнистированы, и поспешно прибавляет, что он говорит об этом, «конечно, не для того, чтобы ставить вопрос об амнистии перед Трибуналом». Далее Лихач говорит, разумеется, о «предательстве» свидетелей бывших эсеров, а также обвиняемых второй группы. Бухарин утверждал, что за обвиняемыми первой группы нет никого, кроме их жен и детей. Лихач, наоборот, утверждает, что за эсерами стоят «трудовые массы». Лихач возражает против той клички «буржуазных заговорщиков», которую бросил по адресу эсеров тов. Покровский, требовавший от Трибунала признания, что эсеры – не социалисты. Не согласен Лихач и с тем смягчением, которое допустил в этом смысле тов. Бухарин, назвавший эсеров социалистами-соглашателями.

Мы были социалистами и остались социалистами, – этим уверением заканчивает Лихач свою речь.

Обвиняемый Львов⁹⁰, которому предоставляется последнее слово после Лихача, раздражается оскорблениями по адресу советской власти, революционных органов Республики, продолжая их и после предупреждения председательствующего.

Тов. Пятаков обращается к обвиняемым с заявлением, что Трибунал хотел бы в последних словах их услышать о том, **каково было бы поведение обвиняемых, если бы они были освобождены из под стражи: будут ли они вести вооруженную борьбу против советской власти.** Тов. Пятаков подчеркивает, что для Трибунала чрезвычайно важно знать это при вынесении приговора⁶.

Обвиняемый Агапов⁹¹ считает обвинения, предъявленные ему, недостаточно обоснованными и заявляет о своей готовности разделить участь обвиняемых первой группы.

Член ЦК, обвиняемый Донской⁹², заявляет, что он использовал процесс, как возможность отчитаться перед ПСР в своей деятельности за последний период. Он выражает надежду, что партия не вынесет ему осуждения.

Обвиняемый Утгоф-Дерюжинский⁹³ не отрицает того факта, что он сын жандармского генерала. Он долго говорит о тех путях, которые привели его в ПСР. Он вскользь упоминает, между прочим, что являлся автором (когда был членом петроградского совета) декларации, которую тов. Зиновьев назвал «декларацией бесправия». Он выражает уверенность, что «трудящиеся массы под знаменем эсеров пойдут к социализму».

Обвиняемый Либеров⁹⁴ начинает свое последнее слово заявлением, что он никогда не был «генералом», не состоял членом ЦК ПСР. Он называет себя партийным середняком. В дальнейшем он очень пространно рассказывает о своей деятельности за годы революции, начиная с октябрьского переворота. Характерно утверждение Либерова, что советская власть превратила рабочих в «паразитирующий нарост на теле крестьянства». Либеров заканчивает заявлением, что он несет ответственность за все инкриминируемые обвиняемым преступления.

Обвиняемый – цекист Тимофеев⁹⁵ очень краток. Он заявляет, что политические вопросы уже достаточно освещались его товарищами по скамье подсудимых. Он ограничивается возражением Бухарину, заявившему,

^{а-б} Выделено в документе.

что РКП – самая передовая партия современности. В условиях современности, – говорит Тимофеев, – вы царите и побеждаете. Мы будем ждать будущего другого времени, – и тогда вернемся к нашей работе. Так же, как и раньше, ^вмы будем звать к борьбе за это будущее^г. О наших путях и средствах мы вам говорили. Наши идеалы вам также известны.

Обвиняемая Елена Иванова⁹⁶ твердо продолжает линию, проводившуюся ею на судебном следствии, когда она отрицала категорически свою причастность к боевому отряду Семенова, к эксам, террористическим актам и проч. Иванова идет дальше: она утверждает, что при ЦК никакого террористического отряда не было.

Если бы ЦК, – говорит она, – был бы за террор, он организовал бы боевой отряд. Но во главе такого отряда ЦК не поставил бы Семенова. Вот если бы ЦК действительно организовал такой отряд, – я несомненно вошла бы в его состав.

Иванова заканчивает следующими словами:

^дЕсли бы я очутилась на свободе, я поступила бы так, как подсказала бы моя ненависть к вам^е, которая живет во мне с октября 1917 года. Я беру на себя всю ответственность за действия ЦК, так как все время подчинялась его директивам.

Обвиняемый Альтовский⁹⁷, как и многие другие обвиняемые из первой группы, используют свое последнее слово для длиннейших рассуждений о правильности тактики ПСР, гибельности методов управления советской власти, о благах демократических свобод и т.д. Он старательно доказывает, что «между нашей (эсеровской) государственностью и вашей (коммунистической) государственностью – большая разница». Как он поступил бы и что стал бы делать в смысле политическом, если бы оказался на свободе? Альтовский говорит, что он остался бы в советской России, так как это все равно значило бы пребывать в тюрьме.

Обвиняемый Злобин⁹⁸ заявляет, что не может быть и речи о том, чтобы он взял на себя обязательство «не быть в будущем в среде ПСР», с которой он связан неразрывными нитями. Он говорит далее о «едином Интернационале трудящихся масс», о демократических идеалах и проч.

Член ЦК ПСР, обвиняемый Федорович⁹⁹ говорит:

– Еще на предварительном следствии, а также на судебном следствии, я заявил, что несу полную ответственность за деятельность ПСР. И это я здесь настоятельно повторяю. Я был дисциплинированным членом ЦК, действовал только по его директивам.

В дальнейшем Федорович кратко перечисляет этапы своей деятельности, направленной к борьбе с советской властью.

О полной солидарности с обвиняемыми первой группы заявляет и обвиняемый Артемьев¹⁰⁰, обещающий «гордо выслушать приговор Трибунала».

Длиннейшей речью в защиту и восхваление демократических свобод и осуждение советского строя разражается обвиняемый Берг¹⁰¹. Он заявляет о своей готовности разделить ответственность с обвиняемыми членами ЦК, хотя его роль в процессе – маленькая. Берг заявляет, что он и в дальнейшем «не свернет знамени ПСР, если окажется на свободе, и ^жбудет продолжать ту работу, которую вели эсеры до сих пор^з».

Обвиняемый Горьков-Добролюбов^{и102} говорит:

^{в-г} Выделено в документе.

^{д-е} Выделено в документе.

^{ж-з} Выделено в документе.

^и Исправлено взамен напечатанного Гальков-Добролюбов

– Я всегда был противником всякого насилия. Поэтому и большевистская диктатура для меня неприемлема. Единственный путь к социализму – через демократию и народовластие. Я – с-р и никогда от наших позиций не откажусь.

Обвиняемый Веденяпин¹⁰³ рассказывает об этапах своей 20-летней работы в рядах ПСР и о тех репрессиях, которым он подвергался за эту деятельность. В дальнейшем он рассказывает о гражданской войне на Волге, одним из участников и творцов которой он был, говорит о том, как «тяжка и трагична гражданская война», о том, что только сплоченными усилиями пролетариата можно идти к социализму и т.д. Веденяпин заявляет, что он в 1920 году стал работать в Наркомземе с разрешения ЦК ПСР.

Обвиняемый Герштейн¹⁰⁴, подобно Бергу, длинно излагает свою биографию. Далее он делает несколько фактических поправок, относящихся к пунктам обвинения, ему инкриминируемым. Поправки эти следующие: с добровольческой армией он никаких сношений не имел, к покушению на Берзина (в Сибири) не причастен. О своей позиции в дальнейшем Герштейн говорит:

– От того, что составляет сущность революционно-демократического социализма в нашем понимании, мы не отрекаемся. Идеи революционно-демократического социализма не умрут.

Герштейн говорит последним в утреннем заседании.

Трибуналу предстоит еще выслушать последнее слово нескольких обвиняемых-цекистов, а также всех обвиняемых второй группы.

Вечернее заседание.

Продолжаются последние слова подсудимых.

Первым говорит Гендельман¹⁰⁵, который произносит пространную речь для выяснения, как он уверяет, мотивов, вызвавших борьбу ПСР с Советской властью. Но, вместо выяснения мотивов, подсудимый в резкой форме критикует структуру и деятельность Советской власти. Председатель Трибунала предлагает Гендельману держаться в рамках последнего слова. Но Гендельман продолжает речь в том же духе. Председатель Трибунала после трехкратного предупреждения лишает Гендельмана слова.

Подсудимый Иванов¹⁰⁶ в первой части своего заявления разбирает обвинительный материал судебного следствия и судебных речей. В общих чертах он повторяет те же самые аргументы, которые приводились подсудимым Гендельманом и другими в их защитительных речах. Во второй части слова Иванов выясняет политические мотивы борьбы ПСР с Советской властью и заявляет:

– Нам и дальше с вами не по пути. Мы будем продолжать ту же самую борьбу во имя идеалов социализма.

Подсудимый Раков¹⁰⁷ говорит, что он взял слово для того, чтобы обрисовать позицию и идеологию партии в области крестьянского вопроса. **По его словам, тактику свержения советской власти партия считает вредной в связи с внутренним и международным положением Советской России. Борьба за свержение Советской власти должна быть выброшена из арсенала партии^л.** В программу партии в области крестьянского вопроса входит: восстановление крестьянского хозяйства, выявление и оформление классово-ориентации крестьянства, разряжать бунтарские и мятежные настроения в крестьянской среде.

Обвиняемый Морозов заявляет, что он вел политическую работу, не считаясь с ответственностью, которая ему угрожает.

^{к-л} Выделено в документе.

– Вашим врагом, – говорит он, – я был, есть и останусь. Я и дальше буду служить тому делу, которому служил – освобождению трудящихся.

Последним перед закрытием заседания говорит Гоц.

– Я, – говорит он, – взял слово, чтобы ответить на вопрос председателя, как мы будем бороться с вами.

В области внешней политики мы будем настаивать на признании Советского правительства иностранными государствами. Мы будем поддерживать борьбу с Советской властью^М с западноевропейским капиталом за экономическую независимость России, поскольку эта борьба будет вестись в интересах трудящихся масс. Если же вы будете нарушать эти интересы, то мы будем вас разоблачать. В области внутренней политики мы ставим те же задачи, что и прежде.

На этом вечернее заседание заканчивается. Завтра будут произнесены последние слова подсудимых второй группы.

– *Известия ВЦИК. 1922. 5 авг.*

№ П-77 Последнее слово А.И. Альтовского

4 августа 1922 г.

За весь период жизни П.С.Р., который мы здесь разсматривали, самым главным условием ее деятельности, и в частности моей деятельности, как члена П.С.Р., была глубокая, неразрывная связь наша с трудовыми крестьянскими массами. Только полное непонимание этой связи дало возможность прокурору Крыленко издеваться над моими словами о двух случаях возстаний – в Саратове¹⁰⁸ и в Саратовском уезде¹⁰⁹ – из которых к одному, как я говорил, мы не захотели примкнуть, а к другому, как искажил мои слова Крыленко, нас «принудили силком».

Первое было возстанием чуждой местному трудовому населению красноармейской части, руководимой группой сомнительного офицерства, из-за жалования, из-за пайка. Именно в силу нашей связи с массами, мы, конечно, к такому возстанию и не могли иметь никакого отношения. Мы и не имели. Другое – преждевременная попытка возстания Саратовских крестьян, сделанная против указанной^А Партии. В ней в последнюю минуту, когда уже удержать было нельзя, наши партийные крестьяне приняли участие именно потому, что жизнь наших партийных организаций в деревне не может быть отделена от жизни трудовых масс крестьянства. И они поступили, конечно, правильно, хотя и вопреки указаниям обл[астного] ком[итета], хотя начинать возстание и было в то время преждевременным. Эти два эпизода в малом масштабе как нельзя лучше показывают, что не только массы, даже не охваченные партийной организацией были с нами, но и мы были всегда с ними.

Во всероссийском масштабе эту связь нашу с трудовым крестьянством обнаружили выборы в Учредит[ельное] Собрание. И только «марксистская» манера «историка» Покровского^Б обращаться с фактами^В мешает ему видеть это: 20 миллионов голосов, и именно голосов трудового крестьянства, было подано за нашу Партию, несмотря на то, что во время выборов власть была уже захвачена большевиками и во время выборов

^М Так в документе.

^А Так в документе, следует указаний.

^{Б-В} Вписано над строкой.

эта власть употребила все усилия и все насилия, чтобы заставить голосовать за списки большевиков.

Демократия, всеобщее избирательное право, конечно, для нас не фетиш и не догмат. Мы знаем, что в З[ападной] Европе и вообще в развитом капиталистическом обществе вс[еобщее] изб[ирательное] право может приводить и приводит к политическому господству капитала. Но мы знаем, что в мужицкой^Г России всеобщее избирательное право при условии свободных выборов не могло не дать социалистического большинства в Учр[едительное] Собр[ание]. Эта наша вера не со вчерашнего дня создавалась у нас. Еще в [18]81 году социалисты-революционеры, составлявшие тогда партию народной воли, стояли на этой же точке зрения. В своем письме к Александру III Исп[олнительный] Ком[итет] Партии Народной Воли¹¹⁰ говорил, что если будут разрешены выборы в Учр[едительное] Собрание при условии полных свобод, он откажется от вооруженных методов борьбы с правительством и выступит на выборах со своей программой переустройства России в уверенности, что большинство народа выскажется за эту программу. Программой же Исполнительного Комитета было: передача земли трудящимся и система мер, направленная к последовательному и постепенному обобществлению промышленности и торговли.

Эта наша старая вера при выборах в Учр[едительное] Собр[ание] оправдалась блестяще. И она всегда оправдывается, пока класс крестьян в России будет составлять подавляющее большинство народа – мужицкие голоса всегда дадут социалистическое большинство при свободных всеобщих выборах в России.

Да, трудовые крестьянские массы были с нами. Но это не значит, что они были готовы и способны создать и защитить свою собственную трудовую государственность. Это задача такой величайшей трудности и требует такого количества культурных сил, какого у крестьянина не оказалось. Вот тут[-]то и разница между вами и нами. Ваша задача и наша задача не одно и то же. Ваша государственность и наша государственность – огромная разница. В этой именно разнице задач лежит и ключ к объяснению падения Самары. Какова ваша задача? Луначарский, м[ожет] б[ыть], невольно, образно характеризовал ее. Он сказал, что после того, как народ разбил свои цепи и сбросил поработителей, новые наездники пытались оседлать его – Деникин, Колчак и пр. Но народ сбросил и этих всадников со своей спины. И вот тут-то Луначарский добавил: «Крестьянство в некоторых местах временно сбрасывало и нас со своей спины, но лишь временно». Луначарский, которого обычно изображают порхающим мотыльком, изобразил сам себя и коммунистическую партию «всадником на мужицкой спине». В этом глубокая правда и залог вашей удачи и успехов. Ибо одно дело вновь оседлать и обуздать вырвавшегося «временно» на волю подъяремного вола – и совсем другое дело превратить народ из вьючного животного в народ свободных граждан самоуправляющегося свободного государства. Эта задача совсем другой трудности. Оседлать народ и вновь поработить его вам удалось, а нам не удалась, наша неизмеримо более трудная и совсем иная задача.

Не только нам не удалась она. На всем протяжении мировой истории она еще нигде никому не удавалась. Но это нам не мешало верить в грядущую победу и бороться за нее. С тех пор, как появились рабы и господа, угнетаемые и угнетатели, с тех пор и борьба под знаменем братства, равенства и свободы возникла на земле. Рабы всегда восставали под этим знаменем и всегда хотели не перемены цепей, а полного освобождения.

^Г Здесь и далее подчеркнуто в документе.

Но побед это знамя еще пока не знало. Везде, где оно казалось побеждающим, за него хватались и к нему устремлялись грязные, хищные, но цепкие руки и превращали его в символ нового порабощения, новых форм рабства. Так произошло и теперь. Вместо освобождения – новые цепи под новыми названиями. И те же перемены форм эксплуатации крестьянства, которые мы видели теперь при большевиках, как в эмбрионе, вновь пробегают всю историю России. Разве деревня не была отдана на «кормление» комбедам, продотрядам и комячейкам? Все это было заменено потом продналогом. И разве опубликованный в № 173 «Правды» проект Минькова (на основании резолюции вашего XI съезда) о создании для управления деревней штата наемных, платных коммунистов из крестьян^и не повторяет института стражников и урядников царского помещичьего правительства?

Мне остается еще ответить на вопрос^д председателя, что я стал бы делать, если бы оказался на свободе. Риторический вопрос. Свободы не может быть для нас сейчас. Нам грозит разстрелом и значит, нас ждет не свобода, а могила. Или, м[ожет] б[ыть], живая могила в тюрьме, если нам решат сохранить жизнь. И если бы даже и случилось чудо и двери ваших бастилий^е раскрылись для нас – мы все же не оказались бы на свободе, ибо всю Россию вы превратили для народа в огромную каторжную тюрьму.

Но что-бы я стал делать, если бы Россия стала бы действительно свободной? В мечтах, в снах мне случалось думать и об этом – ведь «лучшие сны снятся в тюрьме». В этих грезах для себя лично я не желал бы лучшего, как работать в деревне рука об руку с крестьянами над устройством и улучшением их хозяйственной и общественной жизни. Простая и скромная задача. Но и это только мечты, ибо там, где порабощен и лишен прав мужик, не может быть на свободе социалист-революционер. В большевистской России это только мечты, как были только мечтами, подобные же планы в царской России для Желябова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Альтовского. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 21–22.

№ П-78

Последнее слово Н.И. Артемьева

4 августа 1922 г.

Не для своей защиты пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я, как верный сын партии, как партийный работник, оставшийся верным ея идеалам, хочу в своем, может быть, действительно последнем слове, подчеркнуть здесь свою солидарность с моими товарищами, сидящими на наших скамьях. Политическая позиция партии с достаточной отчетливостью выявлена здесь моими товарищами. Они указали, что задачи партии в данный исторический момент заключаются в сплочении и консолидации сил рабочего класса в организованном оформлении и выявлении во вне рабочих сил в целях отстаивания своих классовых интересов от надвигающегося капитализма, и политическая борьба за воссоздание этих организованных форм путем выявления массовой воли трудящихся.

^д Далее в тексте вычеркнуто ранее написанное риторический.

^е Так в документе.

За всю прошлую деятельность партии, за всю ту героическую борьбу, которую вела партия в авангарде народных масс с вашей диктатурой, я несу полную ответственность перед судом международного пролетариата.

Госуд[арственный] обвинитель требует нам смертной казни. Вы хотите применить к нам те же методы борьбы, которые применяло к нам царское самодержавие, но ваши методы борьбы с нами сугубо ожесточеннее, чем то было при самодержавии. Вы предъявили нам 60 статью, которая карает смертной казнью за одно участие в организации, поставившей своей целью ниспровержение существующего строя. Вы требуете смертной казни не за определенное деяние, учиненное тем или иным членом организации, а только за участие в этой организации. Разве кровавое царское самодержавие могло бы расправиться так со своими противниками. Вспомните, граждане, 126 ст[атью] царского кодекса, или в худшем случае, 102 ст[атью], которая гласит так же, как ваша 60-ая, и старые царские статьи за принадлежность к партии, поставившей себе целью ниспровергнуть власть, требовали 4 года каторги. Вы требуете за те же самые деяния смертной казни. Вы требуете казни за одно участие в организации, борющейся за права трудящегося класса. Вы требуете казни членов той партии, которая ставит своей целью в данный исторический момент изменить политику власти путем организованного давления на власть трудовых масс. За эту политическую борьбу вы хотите вынести нам смертный приговор, как вредным вам элементам.

Наш процесс воистину исторический, не только потому, что он вскрывает гигантскую героическую борьбу демократии, возглавляемой партией с.р. во имя социализма, но он исторический и потому, что здесь впервые коммунистическая партия вступает на легальный путь кровавой расправы со своими противниками социалистами. Вы своим приговором начнете новую эру кровавых расправ. Вы легализуете то, что делалось нелегально в ваших подвалах, где погибли многие и многие наши товарищи; хотя бы для примера укажу тех, имена которых упоминал в порядке следствия госуд[арственный] обвинитель: Данковский, Бондаренко, Еголева, Корзун и многие, имена им – сотни. В период гигантской героической борьбы нашей партии за права рабочего класса, вы выдвинули против нас такие скоропионы^а, такой террор, с которым не может сравниться лютая реакция Александра III.

Здесь старая Клара Цеткин, говорившая от имени III Интерн[ационала], указывала на то, как хорошо живется в советских тюрьмах социалистам, судя по нашему внешнему виду. Но она говорила об ужасах, которые претерпевают коммунисты в герман[ских] тюрьмах. А старик Кон с потрясающими жестами бичевал здесь польское правительство за те ужасы, которым подвергался Домбаль, выразившиеся с его слов в том, что его[,] закованного в кандалы[,] провели по улицам Варшавы. Мы бросаем все возмущение и презрение издевательством над заключенными политическими противниками герман[ского] и польского правительств. Но знает ли Клара Цеткин и старый каторжанин Кон о тех ужасах, которые творятся в тюрьмах того правительства, которые^б они защищают здесь. Пусть Клара Цеткин проникнет в застенки наших тюрем и пусть каторжанин Кон взглянет на условия сидения в тюрьмах, которые он покрывает своим старым революционным именем.

Кл[ара] Цеткин говорила о голодовке коммунистов в Германии, а знает ли она о голодовках социалистов в советских тюрьмах не как явление

^а Так в документе.

^б Так в документе, следует которое.

исключительное, а как бытовое явление. Знает ли старик Кон о 14-дневной голодовке нашего товарища Тарабукина, о 16-дневной голодовке Марии Спиридоновой, о массовых групповых голодовках. Знает ли старый кариец Кон ответ власти на эти голодовки: «Умирайте – одним предателем меньше»

Коммунист Кон говорит о кандалах, наложенных на руки Домбала. Знает ли каторжанин-кариец Кон о тех избиениях социалистов, которые имели место в Бутырской тюрьме в ночь на 26 апр[еля] 1921 года¹¹², когда были избиты социалисты и имели раны, ссадины и кровоподтеки – и их избитых разослали по каторжным централам? Знает ли старик Кон об избиении во Внутр[енней] Тюрьме во время нашего процесса наших товарищей – больной Татьяны Лянде и беременной на 8 месяце Екатерины Полетики, которых за нарушение тюремных правил посадили в уборную, где они просидели целый день, и куда приходили чекисты, чтобы выливать нечистоты, а затем перевели их в подвал, с сырым полом, без кровати, стола и стула, с бегаящими крысами, где они пробыли двое сут[ок]. Если бы старый каторжанин кариец Кон спустился бы в эти подвалы, он ужаснулся бы тому, что он увидел бы там. А вот вам еще пример, гражд[анин] Кон: когда мы сидели во Внутренней тюрьме во время ведения следствия, одна из наших товарищей, сидевшая здесь – Евгения Ратнер, с двумя другими товарищами была посажена в наказание в отдельную комнату, где они просидели двое суток без воды, и откуда их не выпускали в уборную и не давали параши в комнату.

Возьмет ли на седую голову старый кариец Кон ответственность за то, что творится в тюрьмах, которые он патетически здесь защищает.

Граждане, не для своего оправдания пользуюсь я своим последним словом подсудимого. Я – член партии и я несу всю ответственность за деятельность той партии, в рядах которой я работал более 15 лет своей сознательной жизни, и по мере своих сил боролся за благо рабочего класса, из недр которого я сам вышел. Я вел свою работу так, как подсказывал мне мой долг революционера и социалиста. Здесь Клара Цеткин проронила великие слова. Она сказала: «Для каждого революционера – отдать свою жизнь за благо рабочего класса – не только долг, но и счастье».

Мы – революционеры и социалисты, идя на борьбу, всегда готовы к смерти, где бы она не постигла нас. И мы гордо примем ваш приговор к смерти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Артемьева. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 22–23.

№ П-79 Последнее слово Е.С. Берга

4 августа 1922 г.

Я – рабочий. Моя роль незначительна и случайна. Но я благодарю за честь,^а оказанную мне привлечением к этому процессу^б.

Казалось бы, что мне, как рабочему, после октября место с вами; но я – старый рабочий: ^вя сразу понял, что сулит октябрь, и еще 18 апреля и 3–

^{а-б} Дописано предположительно Бергом.

^{в-г} Вписано сверху над строкой.

5 июля^Г мне было ясно, к чему ведут большевики; уже тогда в Петроградском совете, на митингах и рабочих собраниях я не раз говорил о том, какую опасность для революции готовите вы.

^ДВ октябре вы победили с помощью наносных элементов промышленности военного времени, а не коренных питерских пролетариев: например, завод Барановского, вместо 500 человек мирного времени, имел во время войны 5000 человек. Из них четыре пятых – элементов для пролетариата случайных^Е. Как только из Петрограда ушел этот наносный элемент военной промышленности, оставшиеся квалифицированные рабочие сразу выявили вам свое истинное отношение. Сейчас же после октября целый ряд предприятий выносил резолюции протеста против вашего образа действий. Такие протесты слышались прежде всего из среды печатников, самого организованного и передового элемента рабочего класса, бывшего всегда во главе рабочего движения. – Когда они увидели, как на Невском и в других местах города запылали костры, на которых сжигались социалистические и рабочие газеты, ^Жони поняли, что при господстве большевиков погребено свободное слово, погибла независимая свободная печать и они подняли свой голос протеста^З. Путиловцы – оплот ваших октябрьских дней, как вы говорите – вынесли резкий вотум недоверия Шляпникову, ^Ивашему министру^К. Но, может быть, мы, старые рабочие Петрограда, столько лет говорили лишь от имени кучки рабочих, может быть, мы, безпрестанно боровшиеся за дело рабочего класса – мы ошибались? Увы, нет. Советская власть всей своей дальнейшей политикой показала, что они были правы. И даже советы рабочих и крестьянских депутатов, моральный авторитет которых еще со времени 1905 года был так высок, что в трудовых массах никогда не могло родит[ь]ся мысли о том, что ктонибудь осмелится посягнуть на них, – разгонялись вами, вашими штыками. ^ЛТак были разогнаны советы в Ташкенте, в Шуе, совет крестьянских депутатов Московской губ[ернии], совет безработных в Калуге, совет рабочих депутатов в Ярославле^М. Мало того, когда рабочие приходили к вам требовать хлеба – вы их расстреливали, вы их кормили пулями, так же как 25–26 февраля их кормило пулями правительство самодержавного царя. Так было в Кинешме, Туле, Колпине. ^НВ Кинешме было 30 человек раненых, в Туле – 2 убито и несколько ранено и в Колпине – 1 убит и 8 ранено^О. Но, может быть, для этого у вас были серьезные основания? Может быть, вы были правы, что своими выступлениями рабочие подрывали транспорт и продовольственную систему, вносили разруху в налаживающееся хозяйство? Посмотрим, как вы относились к простым политическим демонстрация пролетариата. Вы на них также отвечали применением полицейской силы, отвечали пулями. Так была расстреляна 5-го января в Петрограде и в Москве демонстрация в честь учредительного собрания. Так, в Сормове было разогнано вооруженной силой делегатское собрание рабочих всей Поволжской промышленности ^П(Председатель: «Эти факты вами не доказаны, они голословны»). Это исторический факт, и при желании вы найдете их подтверждение в архивах ВЧК^Р. Я хочу сказать, почему мы, рабочие, мыслящие рабочие, не с вами. Если же вы не хотите слушать, то можете лишиться меня слова.

^{Д-Е} Дописано предположительно Бергом.

^{Ж-З} То же.

^{И-К} То же.

^{Л-М} То же.

^{Н-О} То же.

^{П-Р} То же.

Пусть это было в прошлом. Я скажу тогда о свежей ране, о которой и вы не можете отозваться незнанием – процесс Саратовских рабочих. (29 рабочих, 1 инженер и 1 конторщик). Им ставили в вину требование всеобщего избирательного права, неприкосновенности личности, свободы слова, печати и собраний. Правда, вы их приговорили лишь условно, но, просидев в Таганке при условии полной голодовки, они заплатили за право голоса посредством своего процесса 4 смертями [и] 19 больными. Я – петербургский рабочий, наших питерских рабочих старались не расстреливать и не раздражать; но когда питерские рабочие ездили в качестве делегатов от собрания уполномоченных в другие города, вы их там немедленно арестовывали; но тогда питерские рабочие были еще силой и завод требовал освобождения своих товарищей и вы были принуждены их немедленно освобождать. ^сНо не всем это прошло даром: делегат Сестро-рецкого завода Раковский не ушел от вашей мести и был расстрелян после убийства Урицкого^т.

^уК чему привела ваша профессиональная политика? Вы хвалитесь многомиллионной организованной массой. Но что это за организации? – Это просто бюро для взимания подати с рабочих, куда их притаскивают на аркане. А всякая попытка рабочих сорганизоваться, независимо и свободно выразить свою волю пресекалась вашими скорпионами и вашими чека^ф. Последняя попытка Питерских рабочих выявить свою свободную волю, волю рабочих масс, организовать всероссийский рабочий съезд также была вами раздавлена. Мы легально съехались, легально собрались и также «легально» были арестованы. ^хЭта была последняя попытка легальной борьбы за интересы рабочего класса, но нелегально мы этой борьбы не прекратили^ц. Мы ни на один день не свертывали нашего знамени. Вы утверждаете, что рабочие несознательны и темны и их нужно воспитывать и опекать. Вы говорите это о тех самых рабочих, которые провели революцию 1905 года, которые боролись с реакцией в период до 1917 года, которые совершили февральскую революцию и которые после октября оказались так «темны» и «невежественны», что их пришлось перевоспитывать и расстреливать, чтобы они способны были понимать, как нужно жить и строить социалистическое государство. Для этого вы ввели для рабочих опеку, и очень любопытно было слушать одного из опекунов: министра народного просвещения Луначарского. Он очень хвастался здесь великолепной милицией и сильной армией, но он ни слова не мог сказать об им же организуемом просвещении масс. ^чПравда, он насаждал в рабоче-крестьянской России пляску босоножки Дункан: о, эти пляски были вполне своевременны разутому русскому народу!^ш Но они не привились, и сама Дункан сбежала от него за границу. И теперь, даже сам председатель «опекунского» совета – председатель совета народных комиссаров Ленин – на последнем съезде политпросвета авторитетно заявил, что рабочего класса, как сознательной организационной силы, уже нет. Он распылен и деклассирован. Вот те результаты вашей пятилетней работы, вашей опеки над рабочим классом.

Теперь о предъявленной мне статье. Крыленко, не найдя состава преступления, изобразил меня, как элемент социально опасный, и заявил, что меня нужно изолировать, т.е. по просту загнать туда, куда Макар телят не гонял. Я постараюсь выяснить свою социальную сущность. С 15-летнего возраста я поступил рабочим на завод и покидал его лишь тогда, когда

---

^{с-т} Дописано предположительно Бергом.

^{у-ф} То же.

^{х-ц} То же.

^{ч-ш} То же.

чья либо насильническая рука вырывала меня из стен заводов и бросала в тюрьму или посылала в ссылку. В 1905 и 1917 году я был членом совета, вплоть до того дня, когда вы меня арестовали. Я всегда был в рядах рабочих. 9-го января 1905 года я был среди рабочих, которых расстреливали царь, а 5-го января 1918 года я был в их рядах, когда нас расстреливали вы. Моя работа в рядах пролетариата кончилась 15 марта 1919 года, когда я был снова арестован на улице неким большевиком Рацкановым^ш, который, встретив меня на улице и опознав меня, как члена ПСР, заявил мне: «я вас должен арестовать – у нас в партии теперь такое течение». 20 лет я имею честь состоять членом партии С-Р, и своего партийного знамени я никогда не сверну. И если этим моим товарищам суждено умереть, я буду продолжать их дело, я буду продолжать наше общее дело, в надежде, что то, что не удалось сделать им, сделаю я.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Берга. Стенографическая запись с правкой, предположительно, Берга.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 23–25.

№ П-80

Последнее слово М.А. Веденяпина

4 августа 1922 г.

Граждане! За 20 лет моей революционной социалистической деятельности мне мало пришлось посвятить времени и сил служению социализму работой в пользу трудящихся масс. Мне за это время пришлось отбыть в каторге 4 г., в тюрьмах 6 лет, в ссылках 5 1/2, в эмиграции 2 1/2, на нелегальном положении 2 года и до [19]17 года на легальном положении полтора месяца во время октябрьских дней 1905 г. в Самаре. Моя революционная деятельность связана главным образом с Самарой и Самарской губ[ернией]. С 1901 года я связался с крестьянскими группками[,] отпрысками старых очагов революционной пропаганды со времени хождения в народ [Царевщина]. В самом начале моей революционной деятельности я был привлечен за участие в сообществе, поставившем целью ниспровержение и т.д. В это время еще не было 102, 126 и мне в торжественной обстановке прокурором и жандармским <ротмистром> было объявлено[,] что я привлекаюсь по 250 статье (статья[,] по которой привлекали народовольцев) и по которой карой является смертная казнь. С тех пор приходится быть все время под той или иной статьей, но все время с угрозой смертной казни. В 1905 году в Самаре меня за участие в движение в октябрьские дни арестовали и по распоряжению П.Н. Дурново[,] министра внутр[енних] дел пытались предать военно-полевому суду Меллера-Закомельского[,] проезжавшего в то время из Сибири в Петроград. В дальнейшем меня предавали суду по тем же все статьям и Директория, генералы и Колчак объявляли меня вне закона и вот теперь мне то же грозит за участия в сообществе разстрел за деятельность в качестве члена Ц.К. П.С.Р.[,] за которую я несу всю ответственность. В 1905 году самарское крестьянство приняло самое активное^а участие в революционном движении, которое разлилось по всей губернии. В Сам[арской] губ. были крупные вооруженные выступления <...> и даже была образована Старо-Буянская крест[ьянская] республика. Все движение протекало под непосредственным участием П.С.Р. и партия выявляла классовые интересы

^ш Так в документе, следует, видимо, Ларцаном.

^а Вписано взамен вычеркнутого горячее.

трудового крестьянства. Когда возникло движение крестьян в [19]18 году, оно мне было понятно. В [19]17 году сам^б[арское] крестьянство, подготовленное прошлой деятельностью[,] использовало свободы так[,] как редко где оно было использовано. Крест[ьянство] дышало полной грудью и вошло в самую гущу политической жизни страны, оно вошло во все поры общественной жизни, местной жизни. Оно работало в Советах, Земельн[ых] комитетах, органах мест[ного] самоуправления и когда пришло время посылать своих депутатов в У[чредительное] Собр[ание], то оно послало 12 человек с.р. Октяб[рьский] переворот был не понятен для С[амарского] крест[ьянства], потому что не протекал под лозунгами У[чредительного] С[обрания] и социализации земли, лозунгами издавна ставшими их [родными] и внесенными к ним П.С.Р. Но когда крестьянству пришлось познакомиться с политикой новой власти[,] начавшей свою деят[ельность] с роспуска Советов, где большинство не было коммун[истическим], запрещением выбирать противников Сов[етской] власти, когда запрещено было всякое проявление политическо-общественной жизни, закрытием земских учреждений, земел[ьных] комитетов, запрещением свобод всех видов[,] и когда на деревню обрушился целый поток военных отрядов^в, тут и работа «комбедов» и продовольственных реквизиционных, карательных и всех иных прочих до крестового похода города в деревню [-] все в погоне за мужицким хлебом. Мужик почувствовал[,] что вопрос поставлен о его существовании[,] и он начал бороться за свою жизнь. Он начал организовывать свои штабы, свою пехоту, вооруженную <вилами>, свою кавалерию[,] вооруженную косами, садился за перо и своими корявыми пальцами^г выводил: «Ко всей России» – «Мы находимся в состоянии войны с совет[ской] властью» – «Наши села в огне, наши нивы в крови». И эти простые слова[,] подкрепленные набором[,] сообщались из село в село[,] из волости в волость[,] были понятны крестьянскому сердцу и крестьянство сплачивалось массой[,] поднималось целым краем. Этот призывный клич долетел и до партии и до меня и я пошел на <...>^д и принял участие в движении за Волгой. Я не буду останавливаться на доказательстве неизбежности^е самарского движения[,] я процитирую Буревоего: «То народное движение, кот[орое] так широко развер[нулось] на полях Волги под флагом борьбы за народовластие и независимость России, имело под собой несомненную истор[ическую] почву и большую жизнен[ную] основу. И как бы истинный демократ и социалист не относился критически к этому движению он может <сожалеть> не о том, что оно произошло, а о постигших его неудачах. Россия не могла обойти молчанием “похабный брест[ский] договор”^ж. Рус[ские] демокр[аты], если они обладают жизненными силами, не имели права отказаться от борьбы за независимость страны, не могли без боя выпускать из своих рук знамя народовл[астия]. И этот бой был дан. Он был неизбежен».

О Самаре и политике Комуча[,] в правительстве которого я был[,] здесь говорилось не мало и потому[,] я думаю[,] можно ограничиться цитатами Н.Н. Ракитникова, человека левого устремления и критически относящегося к Самаре. Он говорит («Колчак и реакция в Сибири»): – «В Самар[е] пр[авительство] предполагало, что все поряд[ки] и отношения[,]

^б Вписано сверху.

^в Далее вычеркнута часть фразы посланных за мужицким хлебом.

^г Вписано взамен вычеркнутого руками.

^д Далее слово не разобрано.

^е Вписано взамен вычеркнутого необходимости.

^ж Вписано взамен вычеркнутого мир.

создан[ные] совет[ской] властью, сохраняются в силе[,] пока не будут отменены или изменены приказами новой власти (с. 11). Сам[арское] пр[авительство] объявило законами первые 10 пунктов основного закона о земле, прин[ятого] в У[чредительном] С[обрании] 5 я[нваря] [19]18». – Программы Самары о <власти> У[чредительного] С[обрания] [19]17 г.[,] полная демок[ратическая] соц[иализация] земли, социализ[ированные] меры в сфере промышл[енности] и торговли, объединение всех национал[ьных] сил и всех областей России в ст[арых] гос[ударственных] границах за искл[ючением] Фин[ляндии] и Польши под гегемонией социалистов <?> и обладающих абсолютным большинством в У[чредительном] С[обрании] П.С.Р. (12). ³У Самары была^н социалистическая и демократическая программа возрождения России. В этой борьбе между Вами и нами пришлось столкнуться воочию с гражданской войной внутри трудящихся, внутри демократии. Нет более тяжелого и тяжкого как война между социалистами разного толка^к. Ваши красноармейцы и наши в Народной Армии не хотели воевать[,] и только шли^л на борьбу с Вашей стороны железные батальоны из Питера и Москвы, а с нашей рабочие Самары, Ижевска и Воткинска и крестьяне труженики Сам[арской] губ[ернии], те и другие с красными знаменами социализма шли и умирали за этот идеал. Таких отрядов, как Ваши жел[езные] батальоны[,] теперь Вам не создать, рабочие за Ваш НЭП так умирать не пойдут[,] как они шли тогда[,] думая[,] что борются за социализм. Это заставляет создать такие условия[,] при которых новая гр[ажданская] война была бы невозможна, необходимо иметь такие условия, при которых массы могли бы выявлять свои нужды и чаяния[,] не прибегая к гражд[анской] войне. Правящая власть берет на себя огромную ответственность[,] если вынудит массы прибегнуть к этому способу борьбы. Что же случилось с тем краем[,] который был вынужден подняться против С[оветской] В[ласти] с оружием в руках, против политики продразв[ерстки] и других форм проявления т.н. военного коммунизма, подорвавшего всю хозяйственную мощь когда-то богатого края – житницы России. Сам[арская] губ[ерния] когда-то не только выбрасывала миллионы пуд[ов] хлеба на внутр[енний] рынок, но еще выбрасывала не мало мил[лионов] и за границу[,] в настоящее время корчит[ся] в муках голода и только существует на подачки антантовской благотворительности. В Пугач[евском] уезде из 590.000 жит[елей] осталось 177.000, т.е. 35 % и то только по стат[истике] пайков и выдаваемых пособий. Местами вымерло и разбежалось до 80 %. Прежде на всем пространстве Сам[арских] Степей не было клочка земли не засеянного и мужики дрались, судились за каждый лоскут землицы, ныне на десятки верст глаз не может встретить возделанного кусочка земли. Земля никому не нужна, ее опять захватила степь, бурьян и ковыли накрыли поля[,] когда-то колосившиеся золотой пшеницей[,] и только изредка глаз натолкнется на колючий красивый татарник. Мужик[у] земля не нужна. Мужик ее не может обработать, он ковыряет мотыгой, или запрягает корову в упряжь и сам с женой в пристяжку тащит борону, падая под тяжестью работы. 9 % мужик[ов] мог[ли] пахать в [19]22 г. У мужика и скотины нет сил, сил нет в житнице России. Подкосилась могучая выносливость мужика, да и выжили в ужасную зиму только из-за могучего приспособления к действительности. Люди, могущие питаться трупами, люди могущие есть своих родителей, убивающие своих детей[,] выживали. Мы читаем: «Семья 6 чел., умерло 5, остался мал[ыш] 12 лет последнего съели, пол жены съел, не

^{3-н} Подчеркнуто в документе.

^к Далее в тексте вычеркнуто Ваши войска как и наши не хотели воевать.

^л Далее в тексте вычеркнуто умирать.

управился – умер». Башкиры любят своих детей, они их есть не могли, собирались ночью и при факельном свете топили в реках или озерах. И они вымерли более чем другие. Лун[ачарский] говорит[,] что Ком[мунистическая] власть выведет страну из Египта и через пустыню приведет в обетованную землю. Действительность, которая очень похожа на то, что творится в Поволжье[,] заст<авляет> призадумат[ь]ся и бо-ят[ь]ся[,] как бы при выходе из Египта не погибнуть в пустыне, где[,] кроме звериного зубовнаго лязга и слова <жрать>[,] ничего не останется. Только создание таких условий, при кот[орых] трудящ[иеся] массы могли бы выявлять свою волю и свое творчество и сплачиваться в соц[иалистические] партии[,] дружными общими усилиями могут вывести страну из создавш[егося] тяж[елого] полож[ения,] смогут повести к нашему светлому идеалу – социализму.

^МКонец последнего слова т. Веденяпин не смог прислать.

Приблизительное изложение:

Теперь скажу несколько слов по поводу моего письма из тюрьмы, которое так гнусно, так подло использовали гр. гр. Шубин и Бухарин в целях посеять рознь в нашей среде. Гр. Бухарин здесь в величии власти распределял: «тем (обвин[яемым] 2 ^{ой} группы) – полное освобождение, этим (1ой гр[уппе]) смерть». Гр. Бухарин может взять мою голову, но на свою честь революционера я никому никогда не позволю бросить ни малейшего пятна. Я 20 лет работал с моими товарищами рука об руку и останусь с ними до конца.

Дальше Веденяпин дает объяснение по поводу своего письма из тюрьмы в Г.П.У в 1920 г. после попытки побега^{н13}.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Рукописный подлинник с правкой автора. Конец речи дан в изложении неустановленным лицом.

№ П-81 Последнее слово Л.Я. Герштейна

4 августа 1922 г.

Последнее слово подсудимаго, которому предъявлено 6 смертных статей, подобно исповеди умирающего, и я, стоя на грани небытия, прежде чем уйти туда, откуда нет возврата, хочу добавить немного к тому, что было здесь сказано до меня товарищами. Здесь со стороны обвинения мы не раз слышали обвинения о том, что хотя раньше мы были действительно революционной партией, теперь, однако, мы перестали быть такою. Так ли это? Изменили ли мы социализму и революции – хочу выяснить на собственном примере. Но прежде несколько слов о другом. Когда, создавая наш процесс, окружали его соответствующим антуражем, когда подготавливали демонстрацию 20 июня, и неоднократно также и здесь, в зале суда, кивая на наши скамьи, говорили: «вот Ц.К. с-р партии, персонально состоящий из представителей крупной буржуазии; понятно поэтому, что он оторван от рабочих масс, не знает их». Указывали, между прочим и на меня, как на представителя крупной буржуазии. Так вот, хочу сказать Вам, что буржуазность моего отца заключалась в том, будучи мелким служащим у Зингера, он последние 13 лет своей жизни был разъездным уездным агентом, развозившим по деревням машины и принадлежности для крестьянских портных, зарабатывая этим тяжелым трудом от 30 до 50

^{М-н} Завершение последнего слова М.А. Веденяпина дается в изложении.

рублей в месяц для содержания семьи из 8 человек. А когда этот крупный буржуа умер, то за отсутствием средств пришлось хоронить его, заложив подушки. Что касается меня, то вся обстановка вокруг меня обусловила мое революционное будущее. Уже первое мое воспоминание – картина ночного погрома в 1881 году, глубоко врезалась мне в память. Зарево ночного пожара, плач и крики избиваемых женщин и детей, все это наложило неизгладимый отпечаток на мой детский ум. Вообще, мое детство протекало в [18]80-х годах – период непрекращавшихся погромов, под влиянием которых складывалась моя психика. С 12 лет я поступил учеником в мастерскую часовщика, и за верстаком последнего прошла вся моя молодость. Здесь я узнал другую сторону жизни – эксплуатацию рабочего. Закончив ученичество, на третий год работы в мастерской за 14 ч. рабочего дня я получал 4 рубля в месяц без стола и квартиры. Таким образом, ^ажизнь в молодости складывалась у меня под влиянием двух факторов: национального гнета и жесточайшей эксплуатации, воспитавших во мне дух протеста. В 1898 году столкновение с одним дворянином привело к моему первому аресту, по освобождению от которого я вынужден был оставить родину и стать революционером-профессионалом. Это было время, когда вся страна задыхалась под гнетом царизма, представлявшего собой диктатуру дворянства, помещичьего сословия, опиравшегося на дисциплинированную вышколенную армию и многочисленную полицию. Всякое проявление частной или общественной инициативы душилось в зародыше – все было под опекой власти; не было «свобод», но все же была кое-какая оппозиционная печать, от которой хоть и на «эзоповском» языке мы слышали контрабандой вольную мысль. Сознывая, что путь к социализму лежит через развитие самодеятельности трудящихся, мы, с-ры, вступили в беспощадную борьбу с царс[ким] самодержавием, которое давно уже вызывало отрицательное отношение к себе со стороны крестьян и рабочих. В борьбе с царизмом протекала моя жизнь с 1898 по 1917 год, перемежаясь с тюрьмами и ссылкой. Несмотря на сильную армию и полицию, царизм пал, и я счастлив, что в дни решительной схватки с царизмом в феврале, я на улицах Петрограда принял в ней посильное участие. Мы, с-ры, считали основной задачей революции организацию масс для наступления на капитал, но основным лозунгом нашим было – освобождение трудящихся должно быть делом их самих. Лучшим способом выявления организованной воли трудящихся масс считали Учр[едительное] Собр[ание], которое не могло не быть социалистическим по своему составу, опираясь на трудящихся, составляющих подавляющее большинство в стране. Наш лозунг народовластия разделяли и вы! И Вы сперва поддерживали его. До того момента вы нашей революционности не отрицали, но с февраля по октябрь массы не успели сорганизоваться, мешала усталость от войны, нарастал максимализм. Мы имели мужество пойти против течения, а вы пошли в хвосте его, чтобы использовать в своих целях, для создания собственной диктатуры... Предо мной, как и пред моими товарищами стал вопрос, как быт[ь]. При царизме мы боролись с диктатурой дворянства, сковывавшей самодеятельность трудящихся, а сейчас? – Сейчас та же ^бдиктатура, называется она диктатурой пролетариата, но ведь все черты царистской диктатуры имеются и в вашей, только еще в большем масштабе.

Как могу я, старый революционер, мириться с присвоением вами себе монополией ^в слова, печати, права собраний и союзов?

^а Далее в тексте зачеркнуто лучшие годы своей жизни.

^б Так в документе.

^в Так в документе.

Как могу примириться с превращением нашего лозунга «неприкосновенности личности» во всеобщую повсеместную ежечасную прикосновенность? Ведь никто не обезпечен ни на один час от насилия власть имущих.

Вы гордо заявляете, что вы создали мощную красную армию. В лице ГПУ у Вас прекрасно организованная полиция. Вы утверждаете, что при помощи этих сил, утвердив свою власть, Вы можете считать, что находитесь в апогее силы и славы. Пусть так, но я сомневаюсь в вашей прочности, поскольку Вы не пользуетесь доверием народа. Вот Вы утверждаете, что дав землю крестьянству, Вы тесно связали его с собой, но я знаю, что это не так. Отношение крестьян к Вашей земельной политике лучше всего характеризуется следующим заявлением одного крестьянина в ответ на соответствующую речь коммуниста: «Правда, земля наша, да хлеб ваш, леса наши, да дрова ваши, воды наши, но рыбка-то ваша!»]. В этих простых словах выпукло отразилось настроение крестьянина, его отношение к Вам, к Вашей земельной политике. Отсюда необходимость опеки над крестьянством, Ваше недоверие к нему. Далее, Вы говорите, будто весь рабочий класс за Вами. Да так ли это? Разве основанием для этого может служить уничтожение вами промышленности, нищенский уровень жизни рабочих? Ведь Ваша национализация промышленности привела к полному ее параличу, к уничтожению рабочего класса в советской России. Ведь никто другой, как Ленин, признал, что рабочего класса у нас сейчас нет и нужно возродить его при помощи новой промышленной политики.

Вот почему не могу признать Вашу тактику правильной, октябрь ведет не к социализму, а к ужаснейшей реакции, которая будет тем сильнее, чем полнее деклассация рабочих с одной стороны, и озлобление крестьян с другой. От этой реакции не спасет Вас и Кр[асная] армия. Ведь и французская революция имела в своем распоряжении сильную армию, которая, однако, дала Франции Наполеона, а при отсутствии самостоятельности трудящихся, я не вижу гарантий от появления у нас при Кр[асной] армии генерала на белом коне.

Итак, как видите, изменились не мы, с-ры, а Вы отказались от всего того, что раньше составляло сущность нашей общей борьбы.

Теперь несколько слов о предъявленных мне обвинениях. Гр[аждаин]н Крыленко в заключительной речи заявил, будто я сносился с добрармией. Откуда он это взял? В деле этого нет и это не могло иметь места в действительности. О деле Берзина¹¹⁴ я впервые услышал здесь на суде: сомневаясь в самом факте покушения на него, я просил трибунал справиться, имело ли это место в действительности. Ответ Берзина, утверждающего, что в июле–августе 1918 г. на него было организовано покушение правым с-ром, подробности об этом знает какой то товарищ, — меня не удовлетворяет. Ведь если бы Берзин был ранен, то он просто ответил бы — тогда[-]то и там я был ранен. Человек[,] получивший пулю, едва ли бы мог забыть упомянуть в своем ответе, как о ранении, так и о том, когда и как это случилось. Но если бы даже это имело место, то это еще не доказывает моего отношения к нему. Я категорически отмечаю это обвинение, как ни на чем не основанное.

Несколько слов о нашей работе в Сибири. По отъезде Ц.К. из Уфы я оставлен был в Сибири, чтобы разыскать остальных товарищей и составить с ними Сибирскую делегацию Ц.К., организовать силы партии для борьбы с Колчаком, что и было выполнено. Напрасно гр[аждаин]н Крыленко пытается взять под сомнение наше утверждение, а также показания Тяпкина о том, что в Сибири мы считали очередной задачей партии не борьбу с Совет[ской] властью, а накопление сил для отражения идущей ей на смену реакции, поддерживаемой в Сибири японцами.

Говоря о крест[ьянском] движении вообще и Сибири в частности, обвинительный акт ставит П.С.-Р. в вину между прочим то, что наши лозунги живо воспринимаются крестьянами, чем пользуются раз[ные] проходимцы для организации крест[ьянских] возстаний. Я полагаю, что если наши лозунги охотно воспринимаются крестьянами, то это показывает только их неизменность, правильность и в этом я вижу великую заслугу П.С.-Р., а если вся Ваша политика в деревне толкает на путь восстания, чем пользуются проходимцы а-ля Игнатъев, – то это уже ваша вина, а не наша. Я и сейчас стою на той точке зрения, что нам нет смысла вести борьбу с вами, ибо мы – резерв революции против грядущей в лице Ключниковых и других, похуже, реакции. Гр[аждани]н Крыленко утверждает, что Вы не мести ищите, а рассматриваете вопрос о нас с точки зрения политической целесообразности. В связи с этим ставится вопрос о нашем отречении от того, что в нашем понимании является сущностью революционного социализма, – от идей народовластия и самостоятельности трудящихся, от нашего права идти к осуществлению социализма не по вашей указке, а теми путями, которые подсказывает нам наше революционное сознание и совесть.

Стремясь к истреблению всех инакомыслящих, борясь с нами и уничтожая наши организации, вы подражаете робеспьеристам, котор[ые], уничтожив дантонистов, эбертистов и др[угих], создали вокруг себя пустоту, в которую сами же потом и свалились. Вы, следуя тем же путем, готовите себе такую же участь. Так, повидимому и будет. В упоении победы Луначарский здесь заявил, что П.С.-Р уже не существует, но он ошибается так же, как в свое время ошибался и Столыпин, заявивший во II Госуд[арственной] Думе, что при помощи Азефа П.С.-Р уничтожена. Вы можете, конечно, расстрелять нас, ваших пленников, но, как говорит революционный поэт:

Из наших истлевших костей
возстанет воитель суровый
и будет он нас посильней.

Да, граждане, вы забыли раньше признававшуюся и вами истину, что людей убить можно, но идеи на штыки и пули не улавливаются.

Разстреляв нас, Вы не уничтожите нашей партии. Крепче сомкнутся оставшиеся и будут продолжать наше дело.

Да здравствует международный революционный демократический социализм!

Да здравствует П.С.-Р.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Герштейна. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 26–28.

№ П-82
Последнее слово А.Р. Гоца¹¹⁵

4 августа 1922 г.

Еще несколько часов и отойдет в даль синюю прошлаго и этот эпизод огромной политической тяжбы между партией с. р. и партией ком[мунистов], который тянется с начала революции.

За 80 дней судебного следствия я и мои товарищи старались с исчерпывающей полнотой обрисовать прошлую деятельность пар[тии] с. р. – и что еще важней (с нашей т[очки] зр[ения]) – очертить те политические позиции, которые занимает пар[тия] с. р. в настоящий момент. Мне лично нечего прибавить к тем объяснениям, которые я уже раньше давал. Свою точку зрения я развил, мне кажется, с достаточной полнотой, а вновь и вновь пускаться в безбрежное море полемики с нашими политическими обвинителями, это значило бы бесплодно отнимать время и у Трибунала и у аудитории.

Я считаю необходимым остановиться еще только на вопросе, заданном нам сегодня Председателем Трибунала: «Что бы мы делали, если бы очутились сейчас на свободе?».

Еще до него подобный риторический^а вопрос задал нам и прокурор Луначарский. Обращаясь к нам он говорил: «Вот Ленин в период борьбы с правительством Керенского рекомендовал своей партии: “ставьте этому правительству всякие трудности”. – Думаете ли вы так^б с нами бороться? Будете ли вы “отравлять атмосферу, сеять смуту, устраивать хозяйственный срыв?».

Будете ли вы превращать всякую царапину в зияющую рану, всякую трещину в пропасть, всякую заминку в хозяйственную катастрофу? [»]

Мы уже давали исчерпывающие ответы на все эти и подобные недоуменные вопросы.

Если угодно, я могу в самой сжатой, схематической форме повторить наш ответ.

Что мы делали бы в области внешней политики. – Мы боролись бы со всеми замаскированными формами интервенции, блокады, мы отстаивали бы необходимость немедленного признания капиталистической Европой советского правительства, мы оказывали бы содействие советскому правительству в его борьбе против хищнических притязаний ин[о]странныго капитала, поскольку в этой области политика правительства будет идти по линии интересов рабочего класса и всей страны – мы будем его поддерживать. И мы будем с ним решительно бороться, поскольку его политика будет уклоняться от этих интересов.

Что мы делали бы в области внутренней политики?

Здесь нашей основной задачей являлась бы организация широких трудящихся масс города и деревни с целью преодоления большевистской диктатуры, в качестве центрального вопроса, стоящего сейчас в порядке дня, и на предмет борьбы с реакцией, ныне угрожающей раб[очему] классу не извне, а изнутри, со стороны тех новых социальных сил, которые вырастают на почве вашей экономической политики.

Вот наш краткий ответ.

И еще одно хотелось бы лишь отметить.

---

^а Так в документе.

^б Подчеркнуто Гоцем.

С прокурорских скамей все возражения против нас заканчивались обычно одним торжествующим припевом, одним ликующим рефреном: «а победители мы!» «Мы вас разбили в открытом бою, и теперь судим по праву победителя».

Я не знаю, насколько ценен подобный аргумент пред судом истории. История часто судит, и жестоко судит и победителей! Но в разрезе сегодняшнего дня этот аргумент звучит убедительно и полновесно.

И ему мы можем противопоставить сейчас только сознание своей морально-политической правоты, правоты того дела[,] которому мы служим, которому мы отдали все свои силы, за которые мы боролись всю свою жизнь.

Да, – уввы! – мы не заключили договора с победой^В и в расплату за это нам остается заключить договор со смертью.

И мы выполнили все вытекающие отсюда обязательства с мужеством революционеров, умеющих смотреть смерти прямо в глаза.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слова Гоца. Рукописный подлинник.
– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 28–29.

№ П-83 Последнее слово Д.Д. Донского

4 августа 1922 г.

Двадцать пять лет моей жизни из 41 года, которые я прожил, я служил делу революции и социализма в интересах широких трудящихся масс так, как это я понимал и как понимала это служение партия, к которой я принадлежал.

Настоящий процесс дал мне возможность сделать отчет в своей деятельности за последний год моей работы в партии, за [19]18-й год. Раньше дать этот отчет я не смог по причинам[,] не от меня зависящим: все последующее время я провел в тюрьме и вне активной работы в партии. Отчет этот дан не в той обстановке, которая нужна для спокойного и безпристрастного рассмотрения моей работы, – в обстановке настоящего процесса. Но все же я полагаю, что партия не найдет в моих действиях, даже по такому отчету, данных для моего осуждения за ту роль солдата революции, которая на меня была возложена. Что же касается ответа на вопрос Трибунала о дальнейшем направлении деятельности моей, то на этом процессе с достаточной полнотой было освещено отношение партии к Советской власти, к методам борьбы – с нею, и в дальнейшем еще будет излагаться.

4/VIII [19]22 г.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Донского. Рукописный подлинник. На первом листе проставлено: «5»
– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 29.

№ П-84 Последнее слово Е.А. Ивановой

4 августа 1922 г.

^В Подчеркнуто Гоцем.

Свое последнее слово я начну со слова о том, что бы было, если бы было то, чего не было. И думаю, что этим отвечу на последние слова гр. председателя: – что бы вы стали делать, если бы случилось то, чего не случится – если бы вас освободили?

Итак, что-бы было, если бы Партийный Съезд постановил (а только Съезд и имеет право вынести такое постановление) начать террористическую борьбу с Советской властью? Тогда бы^а Ц.К. создал боевой отряд, который вел бы ту же борьбу и также, какая была во времена Гершуни и других. И тогда не было бы того, что было. Если бы не присутствие таких трагических фигур, как Каплан, Сергеев и некоторые другие, я бы сказала, что то, что было, был глупый и грязный фарс. Если бы был наш отряд, этого не могло бы быть, п[отому] ч[то] составлен был бы он не так, как отряд Семенова. В него не завлекали бы обманом, не заставляли бы людей насильно делать то, что они не хотят. И во главе его не стоял бы человек, в душе которого как то странно переплеталась психология человека, желающего стать Наполеоном[,] и того, чья вся сущность заключается в словах: «лучше живая собака, чем мертвый лев». Во главе^б его стоял бы человек, которого можно убить, но нельзя обратить в собаченку. И вы знаете[,] такие люди у нас есть. Здесь, на этих скамьях, среди членов Ц.К. Вы сами знаете, что наш Ц.К. не какой[-]то генералитет, который с высоты своего величия^в посылает подставлять солдат свои лбы под пули, а сам спокойно и безопасно остается в стороне. Вы знаете это, и потому ложь и лицемерие ваши попреки Гоцу за октябрь, ложь и лицемерие – разъяснение Гендельману^г того, что посылать на смерть и самому идти умирать не одно и то же. Ложь и лицемерие потому, что вы знаете, что не последним, а первым был Гоц в октябре, а Гендельман если и был когда последним, когда он, член Ц.К. и министр, был тем простым солдатом Народной Армии, который последний вышел из Самары[,] в которую уже входили ваши войска.

И в этом отряде я бы была.

Ибо та ненависть^д к вам^е, которая много лет тому назад привела меня в ряды П.С.-Р., а потом и в ряды террористов, эта ненависть сохранилась у меня до сегодняшнего дня. Ненависть и любовь к тому, что вы давите. И вот вам ответ на вопрос[,] что я стала бы делать, если бы очутилась на свободе: я бы по[-]прежнему боролась с вами.

Мне хотелось бы сказать еще несколько слов тем, которые были когда[-]то моими товарищами, а теперь сидят на тех скамьях. Короткое было мое знакомство с Федоровым и Зубковым, но у нас было общее дело и они были мне близки и дороги. И мне больно, что теперь они сидят не здесь, рядом со мной. То, что я хочу сказать, я хочу сказать для того, чтобы с той громадной тяжести, которая отныне будет лежать у них на плечах всю жизнь, снять хоть немного. Здесь не раз говорилось, что, если^ж Семенова, Коноплеву и др[угих] мы еще подозреваем во лжи, то уж Зубкова-то и Федорова даже мы не осмеливаемся подозревать. Выходило так, как будто именно Зубков и Федоров отправили меня на смерть. Неправда это! Что сделали они? Когда и[м] предъявили брошюру Семенова, показания Коноплевой, они... да, они оказались малодушны и пред лицом смерти подтвердили ложные показания тех. Но сами они ничего не прибавили и положения моего не ухудшили. И я бы хотела бы, чтобы они

^а Далее вычеркнуто комитет.

^б Далее вычеркнуто нашего отряда.

^в Далее вычеркнуто спокойно.

^г Далее вычеркнуто разнощи.

^{д-е} Вписано над строкой Ивановой.

^ж Далее вычеркнуто показания.

знали, что умирая, я ни одну минуту не буду считать их виновниками моей смерти.

А теперь мое последнее слово к вам, гр[ажд]не-судьи. Вы слышали здесь, что Ц.К. брал на себя ответственность за все партийные организации[,] и вы знаете, как много рядовых членов партии брали на себя ответственность за Ц.К., желали разделить с ним его участь. Я присоединяюсь к ним и говорю вам: я, рядовой член партии, полностью несу ответственность за всю деятельность Ц.К., п[отому] ч[то] я всегда подчинялась его директивам и всемерно поддерживала его. И вот я второй раз отвечаю вам на ваш вопрос, что бы я делала, если бы очутилась на свободе: на 5-ом Съезде Партии я так же голосовала бы за этот Ц.К., как голосовала за него, как на 4-ом. Так же бы подчинялась его директивам, так же бы поддерживала его.

Но этого не случится.

Мне остается только счастье умереть с теми, кого я считаю самыми близкими и любимыми мне людьми.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Ивановой. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 29.

№ П-85 Последнее слово М.И. Львова

4 августа 1922 г.

Мое последнее слово должно было быть таким же коротким, как коротка часть обвинительного акта[,] касающаяся моего дела, несуществовавшего проэкта Калужской экспроприации, экспроприации[,] о которой даже прокурор мог только спросить меня – а скажите[,] подсуд[имый] Львов[,] Вы допускаете возможность поездки[,] хотя и без вашего ведома, но от вашего имени туда[-]то, тогда[-]то и к тому[-]то[?] Но гр[ажданин] прокурор предъявил мне здесь и другое обвинение[,] правда[,] тоже очень короткое[,] всего на всего из четырех слов: хранение, размножение и распространение литературы. Обвинение в деяниях[,] которых я не отрицал раньше, не отрицаю и теперь. Вот этому и посвящу я свое последнее слово. Да, три года тому назад я был арестован с партийной литературой, с листовками «Ко всем». Это было обращение Ц.К. П.С.-Р. к Совету Народ[ных] Коммиссар[ов] о прекращении межпартийной вражды и о перенесении наших споров на разрешение свободно избранных Советов Раб[очих] и Кр[естьянских] Деп[утатов]. И за это три года тюрьмы, три года изоляции, да[,] изоляции и строгой изоляции. Членам В.Ц.И.К., значки которых я вижу и там[,] и тут[,] и здесь[,] должно быть известно[,] какая участь постигла нашего товарища[,] члена П.С.-Р., дерзнувшего нарушить эту изоляцию. Я не знаю, видел ли член^а Ц.К. Р.К.П. гр. Бухарин эту женщину с растерзанным ртом и изрезанными деснами, но окровавленное письмо он видел, потому что письмо Ц.К. П.С.-Р. от 10 сентября [19]21 г. было доставлено в Ц.К. Р.К.П. [с] еще не успевшей засохнуть кровью.

Три года тюрьмы и изоляции^б. Такое положение, при котором все отличное от большевиков, все думающие не по[-]ком-мунистически, все

^а Далее вычеркнуто гр.

^б Далее вычеркнуто от подвластного коммунистам мира.

инакомыслящие должны строжайшим образом изолироваться от подвластного коммунистам мира[,] надо признать для коммунистической государственности нормальным^в и не только нормальным[, но] и необходимым условием и средством сохранения и поддержания своей власти. Недаром из всех органов Сов[етской] власти всех ее хозяйственных, финансовых и экономических органов, первую награду получили не эти органы, а получил ее, эту награду – орден Красного Знамени – В.Ч.К.

Недаром власть через пять лет своего господства назвала этот орган – здесь я должен извиниться перед всеми, у кого слишком нежный слух – государственным пупом. Да, это центральный орган по укреплению и поддержанию Вашей власти. А Ц.К. Р.К.П. и судебные органы берут его под свою защиту и не только защищают[,] но и творят его идеологию. Здесь когда во время судебного следствия шла речь об обыске у нас в тюрьме на Кисельном[,] гр[аждаин] Крыленко говорил: чекисты брали ваши судебные документы: читали их, изучали, отбирали и правильно делали. Если бы они не делали это[,] мы привлекли бы их к ответственности. – Это не только апологетика[,] но и идеология. И когда член Ц.К. Р.К.П. Бухарин защищал чекистов[,] избивавших социалистов при увозе из Бутырской тюрьмы в [19]21 г.[,] он говорил не только о железных нервах, но и о праве чекистов проламывать череп[,] хотя бы и социалистический, – это не только апологетика – это и идеология.

Всем пленникам власти по дороге к свободе В.Ч.К. предлагает стать или тайным или явным агентом полиции и этого пути редкий пленник избежит, но мы знаем[,] куда приводит этот путь[,] на какие скамьи он приводит[,] и мы здесь видели[,] кто и как этих людей защищает – это не только апологетика[,] но и идеология.

Но нам также известно, что и еще один путь предлагается В.Ч.К-ой для выхода на свободу – путь политического самоубийства, дача подписки отказа однажды и навсегда от всякой политической деятельности в пределах Р.С.Ф.С.Р. Здесь нам на этом основании отказано в защитнике Либере. Я не знаю[,] давал ли он такую подписку, но если Трибунал этим мотивировал свой отказ[,] значит[,] такая подписка предлагалась^г.

Да[,] гр[аждаин] Крыленко, do ut des^д. Вы можете спокойно работать. Чекисты вас не выдадут, но и они могут творить любые издевательства[,] любые зверства – вы за них заступитесь. И очень показательно для власти[,] что человек, который рвал и резал десны женщине[,] каждый день появляется здесь за председательским креслом. У власти хватило нахальства этого истязателя близкаго нам по партии товарища, назначить нашим охранником.

Предс[едатель]: Лишаю вас слова, Львов.

Львов: Я здесь в первый и последний [раз] говорю и вы...

Председатель: Лишаю вас слова.

Львов: Всего лишь два слова.

Председатель: Лишаю вас слова.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Львова. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 30.

^в Подчеркнуто в документе.

^г Далее вычеркнуто И очень показательно для власти.

^д Даю, чтобы ты дал (лат.).

№ П-86
Последнее слово С.В. Морозова¹¹⁶

4 августа 1922 г.

Прежде[,] чем сказать то небольшое, что скажу в последнем слове[,] я хочу сказать несколько слов о том, что имело место сегодня, о чем не могу молчать. Только что на днях Бухарин[,] обращаясь к нам[,] заявил: «у вас ничего не осталось, кроме ваших жен и детей». Я не знаю, что он думал[,] говоря это, но вот, что подумало Г.П.У.[,] учреждение[,] так много им восхваляемое. Г.П.У. решило, что это приказ вождя изъять и то небольшое, что[,] по его мнению[,] осталось у нас. И сегодня у трех моих товарищей Тимофеева, Веденяпина и Альтовского арестованы их жены, а у четвертого[,] Федоровича[,] только что приехавшая издалека, быть может на последнее свидание к отцу, – дочь. Если Бухарин и эти действия органов власти поставит в заслугу своей партии, то воистину он может гордиться. Такой цинизм – привилегия только его партии.

Теперь перейду к своему слову. Ответственность за деятельность Цент[рального] К[омитет]а и отдельных его членов я несу, эту деятельность считаю правильной и всецело с ней солидаризируюсь. Сугубо ответственным считаю себя за деятельность Москов[ского] Бюро Центр[ального] Ком[ите]та, в кот[ором] с середины августа 1918 года я с т. Донским работал лишь вдвоем. И если гражд[анин] Крыленко счел возможным поддерживать обвинение[,] им предъявленное тов. Донскому, о никчемности кот[орого] здесь говорилось достаточно и сейчас касаться этого мне не приходится, то тоже самое обвинение он должен был предъявить и мне, ибо наша работа с т. Донским была совместной, все решения и постановления выносились всегда совместно[,] и разграничение было лишь в исполнении. И я обращаюсь к Трибуналу в надежде, что эта ошибка прокурора будет исправлена и соответствующие статьи будут применены и ко мне.

К вашему приговору, кот[орый] вы собираетесь вынести, вернее, кот[орый] уже вынесен Цент[ральным] К[омитет]ом вашей партии, я отношусь с глубочайшим равнодушием, чтоб не сказать презрением. В своей революционной работе при царизме я никогда не руководствовался тем, что мне грозит за мою работу, не делал того же и при большевизме. Вашим врагом я был, есть, им и останусь. И если мне суждено еще быть на воле, мои небольшие силы будут отданы тому же делу, кот[орому] я служу уже 15 лет. Делу освобождения трудящихся, на борьбу за свободу народа, против вас, его угнетателей и поработителей.

С. Морозов

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Морозова. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 30.

№ П-87
Последнее слово Е.М. Ратнер

4 августа 1922 г.

Чтобы не говорить подряд две речи, мне приходится совместить тему своего последнего слова с теми возражениями, которые мне осталось сделать Луначарскому и Бухарину.

Прокуратура не совсем довольна, что прения сторон судебного процесса перешли в плоскость теоретических прений между представителями двух враждующих партий. Крыленко и Бухарин обвиняют в этом меня. Обвинение не по адресу. Прокуратура в лице Луначарского сама выдвинула в качестве дополнительных прокуроров против нас и Маркса, и Энгельса, и Плеханова. И если суду угодно слушать Маркса там, где он будто бы говорит против нас, ему придется слушать его и там, где он совершенно определенно говорит против вас. От теоретических вопросов не уйти там, где судят о программах политических партий. И не для того же сидел здесь два месяца Бухарин, чтобы в трех словах поведать миру о высокой ценности моральной личности Игнатьева. И он, и Луначарский защищали здесь другого подзащитного – Р.К.П. [(]председатель останавливает: «о РКП говорить нельзя, ее здесь не обвиняют»). Защита этого обвиняемого – задача очень трудная и неблагодарная. Поэтому и Бухарину, и Луначарскому приходится то и дело прибегать к самым грубым извращениям и передержкам, а первый имеет сверх того приятное обыкновение прикрывать бедность аргументации бранью. Как[-]то на фронте, когда я была арестована, коммунист выводил на расстрел моих товарищей по заключению, осыпая их площадной бранью, даже крепче Бухаринской. На мой протест он к[о]ротко ответил: «Да ведь это у нас заместо молитвы». Предположим, что Бухарин, так усердно наживающийся политический капитал на «православном Боге гражданина Зензинова», удовлетворяет собственные религиозные порывы таким достойным образом. Оставим ему эту честь полностью. Но гражданин Бухарин, помимо недостатков, имеет и одно большое достоинство: он откровенен, и потому не всегда может удержаться на позиции официальной коммунистической версии. Эта версия гласила: мы – буржуазные заговорщики. Он и отрапортовал это в первых словах своей речи. Но сейчас же заявил: чтобы понять друг друга, мы должны найти общий язык. Этот язык – социализм. И все дебаты с буржуазными заговорщиками велись на этом общем языке социализма и Маркса, поскольку вы не вполне еще его забыли. То ли дело Луначарский: он с официальной терминологии не сойдет и[,] как в анекдоте[,] будет упорно тыкать пальцем в ветчину, называя ее рыбой. Вы утверждаете, говорил он, что я делал выводы из вашей мелкобуржуазной природы, не доказавши ее; доказывать нечего, я принял это, как аксиому. После Эйнштейна говорить об аксиомах не следует даже в геометрии, в социологии они – безграмотны, а в качестве судебного доказательства – наивны. Докажем это сейчас же на практике. Из вашей аксиомы следовал вывод о нашей кисельности, нерешительности, пассивности. Это доказывалось цитатой из Маркса. Я доказала вам обратное: вы не можете опровергнуть и признаете. Но это не важно, ибо через две страницы вы цитируете другую цитату из Маркса с выводом из того же положения о мелкобуржуазности, решительности, активности и пр. Видите, к чему приводит ваш геометрический метод социологии. Маркс становится для вас, как звездное небо для астролога, как священные книги для монаха-шарлатана – источники, на основании которых одинаково доказываемы прямо противоположные положения. Что хочу – то и вычитаю.

Бухарин основным термином своего социалистического языка делает «предательство». Доказать это[,] по его мнению, значит – доказать все. А предательство в переводе с его жаргона на русский язык означает снятие для данного момента тех или иных максимальных требований, заменяя их более скромными. Эсэры «отказались» от своих прежних позиций в отношении к интернационалу и по вопросу о социальной революции и заняли другие, умеренные. Отказались – значит предали. Во время Цим-

мервальда эсэры резко и верно критиковали второй интернационал, а теперь целиком его поддерживают.

Гр. Бухарин недавно прослушал доставивший его товарищам столько удовольствия, оглашенный здесь документ о выходе партии из 2-го интернационала. В 1920 году мы критиковали целый ряд его позиций не менее резко, чем раньше, мы даже вышли из его состава. Но поскольку весь европейский социализм прекрасно сознает, как важна и нужна сейчас согласованность действий в рабочем движении, мы идем с ними рука об руку и, несмотря на ряд разногласий, готовы их всемерно поддерживать. Разница идейных позиций у нас никогда не мешает единству действий.

От позиций Циммервальда и Кинталя мы отказаться не собираемся. Да и зачем нам это? Ведь все бывшие там и боровшиеся с ним: Каутский и Леденбург в Германии, Макдональд и Сноуден в Англии, Бризон и Мергейм во Франции – все не с нами. Они все в Венском объединении, прилегающими к которому мы считаем и себя.

Вы и тогда были в меньшинстве Циммервальда, и теперь его позициям давно изменили. В вопросах интернационального движения вы никаких «отказов», никаких изменений наших позиций не доказали.

Вопрос о социальной революции: Ваша ссылка на Чернова не верна. Его речь, на которую вы ссылаетесь, критикует позиции социал-демократии и только с той точки зрения, что социалистическая партия в своей программе не связана обязательством охранять интересы капиталистического строя самого по себе, что она обязана пробить в нем все возможные бреши, вырвать все возможные уступки. Но нигде он не говорит о том, что эти уступки и бреши равносильны социальной революции. Вам это прекрасно известно, в прошлой своей речи я цитировала вам нашу полемику с максимализмом, и подсунуть нам вашу программу вам не удастся. Наша экономическая программа борется и теперь за все те меры социализации и национализации, которые возможны при современном развитии общества, и [в] этом отношении мы не только ни от чего не отказывались, но многое прибавили.

Мы вошли в буржуазное министерство против постановлений Циммервальда, говорите вы. Трудно вести полемику с партией, первый теоретик и политический мыслитель которой не понимает разницы между вхождением в буржуазное министерство для органической работы и проведения политики этого буржуазного министерства и вхождением в революционное правительство для защиты и революционного творчества.

Вы извратили мои слова: я никогда не говорила, что в рядах нашей партии не было социал-патриотов; всем известна борьба двух течений в нашей партии. Я лишь ответила Кларе Цеткин, обвинявшей нас от имени международного пролетариата в красном социал-патриотизме, что на этой скамье подсудимых таковых нет.

Вы извратили мои слова о позиции во время войны 1917 г. эсэров и большевиков. Я никогда не говорила, что наши позиции были одинаковы. Я сказала только, что в 1917 году наша партия нигде не осмелилась открыто выступить с программой сепаратного мира и открытия фронта. Официально вы тоже высказывались за необходимость сохранения бое-способного фронта. Разница лишь в том, что мы говорили это искренне и действовали в этом направлении. Вы говорили лицемерно и делали обратное. По вашей терминологии это называется двурушничеством. И если кто[-]нибудь смягчает противоречия, то не мы теперь, а вы тогда. Вы ловите меня на противоречии между моей классово-национальной позицией во вчерашней речи и надклассовой общегосударственной речи месяц тому назад в речи по поводу позиции юго-вост[очного] ком[итета] членов Учредит[ельного] Собрания. «И башмаков она еще не износила» – вос-

клищете вы патетически, цитируя мои слова. Если бы вы прочли несколько строк выше или ниже, то прочли бы, и вы их читали и слышали, ибо этот вопрос ставился мне не раз, что наличие в ЦК в целом позиции Шрейдера никогда не разделяли и всегда критиковали. Так что остается неизвестным, чьи же башмаки вас так волнуют: мои или Шрейдера.

Луначарский передегивает еще крупнее: из моих слов о неизбежности победы буржуазных сил в нашей среде, и о переходе нашей партии в связи с этим с позиций третьей силы на классовые антагонистические вам позиции трудящихся вы делаете путем непонятных логических «сальте мортале» вывод о переходе на позиции свержения советской власти вооруженной рукой для того, чтобы быть мирной оппозицией при буржуазии. Я знала эту вашу тенденцию на всякое слово о борьбе отвечать воплями «Караул! Вооруженная борьба!» и предупредила это точными разъяснениями председателю.

Извращения не случайны. Это вошло у вас в систему. И эта система опирается на то полное отсутствие свободы слова и печати, которое вы ввели, чтобы получить монополию на истину. Только зная, что всякая сказанная вами о нас ложь будет завтра же выдана всей прессой за правду, и что нигде не появятся слова опровержения, вы можете позволить себе такие примеры полемики. Теперь понятно усердие Луначарского в защите скорпионов для печати: кроме прочих достоинств оно полезно в том, что дает возможность коммунистическим вождям и теоретикам помогать бедности своей аргументации искажением слов противника. Когда мы говорим о том, что вы воскрешаете буржуазный строй, мы вовсе не говорим, что вы это делаете «без приобретений», по формулировке моих положений Бухариным. Приобретения будут, ибо революции всегда ведут народы вперед. Дело, которое будет сделано, будет исторически прогрессивным и исторически нужным, но от этого еще не становится социалистическим. Если бы вы всегда были партией новой русской буржуазии без социалистического ярлыка, мы меньше ополчались бы против вас. Но ведь вы, как первая партия, воплощавшая в жизнь идеалы социалистического строя, воздвигавшие тот строй, о котором десятилетия писали и говорили социалисты, вы получили в свои руки весь социалистический капитал, который рабочее движение скопило в течение века борьбы. И если вы его ухлопали на буржуазное дело, – есть ли это предательство, равное этому?

Своих положений о нашем политическом предательстве Бухарин не доказал. Но из него делает вывод о праве на моральное предательство на Семенова: «Предатель предателя есть честный человек». Странная алгебраическая мораль, не более удачная, чем геометрическая социология Луначарского. Минус на минус дает плюс.

Предательство политическое и предательство моральное – вещи вообще несоизмеримые. Это все равно, что складывать фунты с аршинами. Для нас внутренне-моральное сознание, самоуважение – вот тот инстинкт эстетики поведения, который свойствен каждому нормальному человеку, вот высшая инстанция контроля всех политических положений и директив партии каждым из ее членов раньше, чем он приводит эту директиву в исполнение. Личность революционера всегда была выше, его мораль чище, эстетичнее, его внутренний контроль тоньше, чем у рядового гражданина. Насиловать моральное поведение своих членов, требовать подчинения внешним нормам партийных директив самых укромных уголков индивидуальной совести всегда показалось бы диким и недопустимым.

Но пришла революция. Нашлась партия, которая с ничтожными партийными силами возложила на свои плечи громадное дело, все равно обреченное на гибель. Работа не ждет. Думать некогда и вредно. Создается[,] по горделивому выражению Бухарина, партийная машина, работаю-

щая с точностью и механичностью часового механизма. Каждый винтик, каждое колесико не могут жить своим умом. Сила общего вращения уносит их в общем процессе. Остановиться и оглянуться нельзя. Ни работы, ни чувства. Дело, одно дело.

Луначарский восхищался советским беллетристом Асеевым. В рассказе «Страда» он дал нам образчик коммунистической психологии. Лучшие из лучших. Не те 400.000 коммунистов, которые прежде и больше всего хотят присоседиться к казенному пирогу, а действительно идейные и честные, заваленные непосильным делом, они тщетно пытаются его осмыслить. Не творить, – где там, – а хотя бы только понять. Они приносят в жертву все, но жизнь не принимает их жертв. Их отгалкивает и голодный город и темная, чужая, глубоко ненавидящая деревня. Им жутко, они не видят цели, они лишь чувствуют, что «не то». Но остановиться нельзя. Чья[-]то рука завела часовой механизм и колесики должны вертеться. Слепо веря в того, кто завел машинку, они не сомневаются в правильности хода. Если ничего не выходит, виноваты они сами. Надо еще что-то сделать, что-то отдать, как[-]то переломиться. Иначе произойдет страшное, ведь машина не ждет. И отдают все, достают со дна опустелой души самые заветные ценности и бросают их в дело, только бы не остановился механизм. Пускается в ход морфий, кокаин. Нет ничего слишком страшного, слишком дорогого. Россия залита кровью. Но это не страшно ей. И «честный» чекист Клейнер предлагает устраивать кинематографические снимки с расстрелов и показывать их на площадях. Может быть это страшает, поможет. От тоски и бессилия Деревцов стреляется. И если бы Клейнеру или Деревцову перед смертью, всем этим загипнотизированным вечным вращением машины, неспособным сейчас ни к исканию выходов во вне, ни к критической мысли – этим колосникам большевистского часового механизма предложить отдать еще что-то, последнее, самое святое, продать близких, оплывать то, что не можешь не уважать, облить грязью собственную душу, оклеветать то, что не можешь не считать чистым, бросить в пасть ненасытного Молоха партийной машины все, что еще оставалось в душе святого и чистого – они бы это сделали, как сделали сидящие там, на этих скамьях. Это, конечно, смерть души, моральная смерть, гражданка Коноплева. Не утешайте себя фразами о «старой морали». Ваша новая мораль – «цель оправдывает средства» – стара, как мир. К ней прибегали все изуверы всех времен и народов. Она – смерть души и всякой морали. Но вот со дна опустошенной души встает роковой вопрос Деревцова: «а что, если все зря?». А что, если вы социалистический капитал вложили в буржуазное дело? А что, если, вместо спасения пролетариата, вы его обокрали и продали? Что тогда?

Вы говорите: «Смерть!». Простая физическая смерть? Слишком мало, граждане! А что же вы сделаете с тем ядовитым севом, который вы своим черным делом сеете в сердцах тех, кого сами зовете бессознательными и темными. А если ваш пример найдет подражателей? Ведь не убьете же вы и их, чтобы уничтожить посеянное вами семя? Идеи выстрелом не поразить. И это растление душ, которое вы здесь производите под фирмой «воспитательной роли процесса» [-] ваше самое большое преступление. Я не боюсь за русский народ. Пусть его политическое сознание еще сильно отстало от уровня передовых рабочих Англии и Франции. Инстинктивное чувство внутренней правды и красоты ему присуще не меньше. На этом суде он найдет другие примеры, вынесет другие уроки. Но вы сами должны понимать всю глубину пропасти, в которую скатились. А суд и те руки, которые заводили часовой механизм, они не имеют права ставить вопрос о вашем предательстве. Предательство и весь позор его – общий коллективный позор всех вас, всей коммунистической партии до самых

ея скрытых пружин. Этой ответственности никому из вас не скрыть, никому от нея не уйти.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Е. Ратнер. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 31–33.

№ П-88

Последнее слово Е.М. Тимофеева

4 августа 1922 г.

Я не надолго задержу ваше внимание. Меня интересует политическая сторона дела. Однако, поскольку товарищи доверили мне говорить во время процесса от их имени, – вы знаете уже мою точку зрения. Сейчас я хочу привлечь ваше внимание лишь к одному пункту, который[,] по[–]моему[,] является новым в наших прениях на суде и в нашей борьбе с вами за истекшие 5 лет. «Мы сам[а]я крайняя партия современности», «мы якобинцы настоящей революции», – так вещал вчера Бухарин. Я не стану возражать против этого утверждения. Если вам нравится щеголять в якобинских плащах и упиваться победами настоящего боя – это ваше дело. Нас интересует другое, нас интересует будущее.

Помните, что якобинцы считали себя не только крайней партией современности, но и утвердителями царства разума на земле. Дальше их идеалов 1793 года для них не существовало ничего. И вам известно, как обошлась с ними история. Вам известно, что вместо гордого царства разума якобинцы смогли родить и утвердить лишь в лучшем случае царство мещанской добродетели. Здесь не раз уже перелистывали страницы Марксовых писаний. Разрешите мне сделать это еще раз и в последний раз. Вам известны наверное слова Маркса о якобинцах. «Они обещали дать Равенство, Свободу и Братство, а дали в действительности равенство, свободу и Бентама». Да, того самого Бентама, – ту самую мораль, в которой и честь и совесть стали отпускаться по грошам...

Помните об этом примере. Считайте и утверждайте себя, как якобинцев, как крайнюю партию **современности**^а. Упивайтесь этой победой. Нам здесь с вами не по пути. Наши взоры, как и раньше прикованы к будущему, и наших идеалов равенства мы не променяем ни на какого Бентама. Эти идеалы – наши старые идеалы, и вы их своими успехами не измените и не изменяете.

Вот, граждане, источник нашей вражды. Мы служим будущему и хотим служить только ему. Поэтому ваши лавры современности нас не соблазняют и ради них мы ни в чем не согласны отступить со своей стези. Я этим кончаю. Помните – самая «крайняя партия современности» – дала лишь Бентама. Помните, что современностью не кончается все...

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Тимофеева. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 33.

№ П-89

Последнее слово Ф.Ф. Федоровича

^а Выделено в документе.

4 августа 1922 г.

Еще на предварительном следс[т]вии и здесь на одном из первых заседаний, я заявил что я, как член Ц.К., полностью несу ответс[т]венность за все действия и постановления, как Ц.К., так и его полномочной делегации. Сейчас я еще раз настоятельно это повторяю.

За все 20 лет моей работы в рядах партии я всегда был активным, дисциплинированным ея членом. Это моя гордость; от этого я никогда, ни при каких условиях, я не отказывался, и, конечно, не откажусь.

Перехожу к рассматриваемому периоду. После 8-го сов[ета] парт[ии], объявившего вооруженную борьбу против большевиков, я, согласно постановлению Ц.К., один из первых выехал в Поволжье, каковое предполагалось ареной борьбы. Здесь в Поволжье, с образованием Самарского фронта, на мою долю выпало руководство работой отдельных наших партийных комитетов области, оказавшихся в прифронтовой полосе. Разумеется всемерная поддержка фронта – была главной работой; конкретнее говоря, наше[й] задачей ставилась помощь своему фронту и подрыв фронта противника. Этой работой я был занят три месяца, все время разъезжая по сю сторону фронта. В первых числах сентября по вызову Цен[трального] к[омитета], я перешел фронт и попал в Самару, где вступил в комитет членов Учр[едительного] Собрания.

В [19]19 году в Сибири, после побега из Омской тюрьмы, я вступил в Сибирскую делегацию Цен[трального] ком[итета]. В полном согласии с директивами IX-го сов[ета] парт[ии], наши сибирские партийные организации все острее своей борьбы^а обратили против Колчаковской реакции. Наша[,] ведь[,] партия главным образом подготовила эту борьбу. Наша партия возглавила возстание против реакции, которое, как известно, окончилось пленением Колчака в Иркутске. Эту борьбу мы вели под своими лозунгами, под своими знаменами. Те же лозунги у нас остались, когда пришли в Сибирь большевики; мы не скрывали своего отношения к ним.

Здесь пытались доказать, что вся^б эта борьба, и главным образом форма и условия наших взаимоотношений в Сибири с большевиками не соответствуют директивам Ц.К. Чтобы покончить с такими попытками, я должен заявить, что, после моего доклада в Москве Ц.К. о нашей работе в Сибири, Ц.К. полностью ее одобрил.

В Сибири я провел первую половину [19]20-го года. В это время определилась позиция партии в Сибири к большевикам, каковая, главным образом, выявилась в других документах: в декларации по поводу войны с Польшей, и в циркулярном письме по поводу Красноярской программы. Здесь я хочу отметить характерную черту. На суде все время пытались представить, что в нашей партии нет ничего общего: «всяк молодец на свой образец». Характерно, что декларация Краевого Комитета, отделенного от Ц.К. тысячью верст[,] не только не отличается по существу от декларации ЦК, но часто говорит буквально одними и теми же словами. Государственный обвинитель пытался доказать здесь и обратное, что здесь, вопреки постановлениям IX сов[ета] парт[ии], в Сибири готовили вооруженное возстание. Я имею ввиду пресловутый Сибирский крестьянский союз, продукт шантажа и провокации. После объяснений, данных главным образом тов. Раковым^{II}, является, конечно, доказанным, что партия здесь не при чем. Нет, мы в Сибири действовали все время согласно директивам партии.

Все это я говорю только для того, чтобы показать, что невозможно, нельзя меня, члена Ц.К. оторвать от Ц.К., как целого; невозможно, нельзя

^а Вписано вместо вычеркнутого работы.

^б Вписано сверху над строкой.

сказать: это твое дело, отвечай, а это не твое. Нет и нет. За все, что делает Ц.К. отвечает и каждый член Ц.К.

Кончая свое последнее слово, я должен сказать, что здесь на суде выяснилась позиция нашей партии. Наши объяснения здесь, в зале суда, как верно выразился т. Гоц, явились своеобразным отчетом за нашу деятельность за истекший период. И я, член Ц.К., всецело разделяющий заявления и декларации наших ответственных товарищей, уполномоченных всей нашей группой, я считаю себя ответственным за все полностью и до конца.

– МИСИ. Архив ПСР. 867. Последнее слово Федоровича. Рукописный подлинник.

– Опубликовано: *Революционная Россия*. 1922. № 21–22. С. 33–34. Публикация сопровождается редакционным примечанием: «Речи других товарищей редакцией не получены».

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ОБВИНЯЕМЫХ

№ П-90

Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев

30 июня 1922 г.

Общество быв[ших] полит[ических] каторжан.

Мне хочется написать Вам, возможно, что это будет мое последнее послание в моей жизни. Вы должны знать условия[,] при каких мне пришлось попасть на скамью подсудимых.

В 1920 г. в связи с объявлением войны России, Польшей, партия С.-Р.[,] членом Ц.К. которой я все время состоял, занял[а] в этом вопросе определенное отношение[,] заявив о необходимости всемирной поддержки Красной Армии. Я в это время был в санатории «Высокие горы»[,] где была и ПАНЕТ, которой я рассказал о своем желании^а, как[-]либо быть полезным во время войны, и мы сговорились, что П. переговорит об этом с Биценко. БИЦЕНКО согласилась со мной повидаться[,] и 9-го мая[,] в день взрыва артеллерийских^б складов, у нас произошло свидание. Б. предложила мне после выяснения моих и позиций партии с.-р. службу в Центроколхозе. Я указал, что не помешает ли принадлежность к Ц.К. ПСР и мое участие в движении на Волге. На все мне был дан вполне исчерпывающий ответ, что это не может служить препятствием[,] и я был принят на службу, мне было дано поручение набрать агрономов, для Центроколхоза, о чем я и позаботился[,] сходя к некоторым из них (т. ПН.). 11-го Мая ко мне в санаторию явились представители ВЧК с КОЖЕВНИКОВЫМ во главе. Меня предупредили, и я мог скрыться, но гарантия[,] данная мне БИЦЕНКО, не позволяла мне этого сделать и данное мной ей слово[,] и я был арестован. Просидел я 8-мь месяцев, когда был выпущен, то сейчас же опять поступил в Центроколхоз, продолжая работать в Ц.К. В это время происходили перевыборы в Московский Совет[,] и мне ЦКПСР поручил обратит[ь]ся к председателю Мос[ковского]

^а Вписано от руки над строкой.

^б Так в документе.

Совета на получение разрешения на издания газеты во время выборов, что и получил от тройки ЦК РКП (КАМЕНЕВ, СЕРЕБРЯКОВ, КРЕСТИНСКИЙ). В это же время разразилась Кронштадская история¹¹⁹, начались аресты и меня арестовали во время празднования нашей годовщины. 14-го марта после протеста общества я был освобожден с извинениями, через несколько дней вторично взят и опять же был освобожден. В связи с этим я решил уехать из Москвы и пошел выяснять к БИЦЕНКО о том, могу ли я разчитывать[,] что меня не будут каждую минуту брать. Меня опять заверили, что я не буду арестован. Разчитывая выпускать газету и по другим делам[,] в частности[,] по тюремным[,] мне приходилось бывать у ФЕДОРОВИЧА[,] где я и был однажды^В взят в засаде. Опять мне представилось скрыться[,] солдат был один, а нас пять человек, но мне не было смысла переходить на нелегальное существование[,] и я не счел для себя возможным скрываться. Я не буду говорить о процессе, я только укажу на один факт[,] пережить который было очень не легко. Члены нашего общества БИЦЕНКО и КАЦ принимали активное участие в организации мнения[,] которое требовало наших голов. Как бы я хотел в этом ошибиться. Теперь этого^Г требова[ние] осуществлено, общество, думаю, еще не забыло[,] какое участие в его создании было сделано с моей стороны[,] и от членов его пришлось получить такой сильный удар.

Прощайте, очевидно[,] в наше время нельзя быть социалистом и исповедовать свое убеждение[,] не замучил и не повесил Николай, теперь[,] очевидно[,] доделают те[,] с кем так еще недавно вместе носили кандалы. Еще раз прощайте.

Михаил Веденяпин

Р.С. Прошу позаботиться о семье, она у меня в критическом положении. —

30/6 — г. М о с к в а. —

— АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 145–145 об. Машинописная копия, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ и заверенная секретарем Медовниковым (?) 10 августа 1922 г.

№ П-91

Письмо члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна жене

3 августа 1922 г.

Моя родная, любимая,

Счастлив был[,] получив от тебя, наконец, весточку, а то мне говорили, что ты не в Ярославле, а в Нижнем. В день твоего отъезда нам было разрешено свидание, но чекисты увезли тебя. Как[,] милая[,] мне очень хочется тебя повидать, но[,] посоветовавшись с товарищами, как это не тяжело, я решил по целому ряду соображений пока выждать, результата твоего заявления, так как через 2 дня процесс заканчивается. У нас взаимоотношения с триб[уналом] резко ухудшились, моя любимая. Крыленко потребовал для обеспечения советской власти расстрела 19 человек. Это[,] конечно[,] торг с запросом, но несомненно д[ля] части из нас[,] в том числе[,] вероятно[,] и для меня[,] смертные приговоры обеспечены. Приведут ли их в исполнение. Сказать трудно, но мы готовы и к самому худшему, и я надеюсь, что мой ближайший друг и товарищ — ты. Разумеется, я это говорю на всякий случай, но думаю все же, что сейчас это

^В Вписано над строкой взамен вычеркнутого обманом.

^Г Так в документе.

большевикам не выгодно и они едва ли рискнут на такую штуку. После суда, если засадят надолго, буду добиваться соединения с тобой, если только обстановка содержания этого позволит и если это не ухудшит твоего положения. Ну что-же сказать о процессе. Устали мы от него физически бесконечно; от нас всячески вымогают отречения от всей заграничной публики, в том числе и от Черн[ова]. Мы заявили, что разбор достоверности фактов, указываемых в выкраденных за границей и в значительной части сфабрикованных бумажек^а, мы откладываем до съезда, здесь же угрозами расстрела вы от нас ничего не получите. Но одно могу сказать, что наша «заграница» злокачественная болячка на нашем теле и что долг тех, кто останется в живых, эту заграничную власть <от> нашего организма отсечь. И если это будет куплено ценой н[аших] голов, то пусть это будет спасением д[ля] партии и исцелением. Моя любимая, я в мыслях никогда не расстаюсь с тобой, любя тебя. На случай (пока проблематический), если это письмо будет последним, завещаю тебе помнить, что «жизнью пользуйся живущий, мертвый в гробе мирно спи», ты должна применить к себе, что-бы со мной не случилось. Если встретится случай (хороший конечно) не оставаться на всю жизнь в одиночестве, то помни, что это будет лучшим исполнением моих желаний тебе. Ибо единственно, что меня сейчас особенно огорчает – это мысль о твоём грядущем одиночестве. Да, милая[,] страстно любя тебя, я могу желать тебе только одного: не быть одинокой. Завтра мое последнее слово на суде. Я еще к нему не подготовился: мешает невероятная физическая усталость, да и отвычка от речей, но все-же выступлю. Алексеева показала о покушении...^б на Берзина. Вот, что называется, из пальца высосала. В полной уверенности, что он опровергнет эту чушь, я предложил запросить Берзина, но к моему изумлению, он письменно сообщил, будто в июле–августе на него было правым с-р. организовано покушение[,] об этом-де знает какой-то музыкант А. Вот так пишется история, и я попал в великие террористы. Впрочем[,] из газет узнаешь подробности. Но у Крыленко постановка такова. Был в Перми гр. – был, был там Симонов, последний знаком с Алекс. – значит ерго^в все готово.

Но пикантнее всего его последнее заявление, что так как за границей соглашатели требуют сохранения жизни подсудимых, то на зло всем Европам их надо расстрелять. Заканчивая, моя родная, любимая, ненаглядная, я все еще надеюсь еще увидеть тебя, но я готов и к наихудшему. Будь готова и ты. А пока целую тебя бесконечно много раз, безгранично благодарен за счастье, которым ты меня надарила. Твой любящий Л.

Лиза[,] нет[,] не приехала, моя дорогая. Не торопись [с] переводом в Москву. Во внутренней тюрьме холера: установлен 10 дневный карантин и на этот период ты совершенно будешь отрезана от всего мира и даже без газет, а потому пока возможно, сиди спокойно в Ярославле, а потом видно будет.

Целую любимая, моя хорошая, славная. Твой до конца Л. Привет всем.

В ЯРОСЛАВЛЬ М.Р. ГЕРШТЕЙН^г.

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 98–98 об. Машинописная копия того времени, изготовленная делопроизводством Секретного отдела ГПУ.

^а Так в документе.

^б Отточие в документе.

^в Так в документе, следует, видимо, эрго.

^г Так в документе, следует ГЕРШТЕЙН.

– Л. 99. Машинописная копия, заверенная работником Секретариата ЦК РКП(б) М. Бураковой.

ОТКЛИКИ НА ПРОЦЕСС

№ П-92

Совместное обращение Заграничных делегаций российских социалистических партий «К социалистическим партиям и рабочим организациям»

12 июня 1922 г.

Жизнь судящихся социалистов-революционеров, казалось бы, совершенно гарантированная категорическими заявлениями, данными на берлинском совещании трех интернационалов, вновь подвергается опасности. По приказу центрального комитета коммунистической партии, во всех городах России выносятся от имени рабочих и солдат резолюции, требующие применения к обвиняемым смертной казни. Эти резолюции, не имеющие ничего общего с действительным мнением народных масс и проводимые под давлением вооруженных отрядов и под угрозами репрессий, принимаются при непосредственном участии членов правительства и исполкома Коминтерна во главе с Троцким. Сам Радек, дававший в Берлине обещание неприкосновенности жизни обвиняемых, требует в московском совете их «уничтожения». В «Известиях» сообщается[,] что президиум исполкома Коминтерна обсуждает вопрос, насколько для него действительны обязательства, данные от его имени в Берлине Радеком, Цеткин, Фроссаром, подтвержденные его собственной резолюцией и заявлением при выходе из комиссии девяти. В связи с недостойной погромной травлей, организованной советским правительством против присутствующих в Москве социалистических защитников, фактически подвергнутых, вопреки тем же обещаниям, домашнему аресту, стесняющему их в выполнении взятого на себя дела, эта кампания в пользу убийства обвиняемых вызывает в нас самое живое беспокойство. Мы, представители всех российских социалистических партий, объявляем международному пролетариату: готовится неслыханное преступление, сопряженное с неслыханным нарушением честного слова со стороны людей, называющих себя революционерами. Совершается неслыханное издевательство над единодушно выраженной волей международного пролетариата. Во имя социалистической солидарности, во имя будущего русской революции, требуем от всех социалистических партий немедленного принятия всех мер, которыми они располагают, для предотвращения этого преступления. Только солидарная поддержка со стороны всех социалистических партий и рабочих организаций поможет находящимся в Москве социалистическим защитникам выполнить с успехом задачу, которую на них возложил международный пролетариат и которую они взяли на себя с таким самоотвержением.

Заграничная делегация Российской Социал[-]демократич[еской] Рабочей Партии: **Абрамович, Дан, Мартов.**

Заграничная делегация Бунда: **И. Юдин.**

Заграничная делегация левых социалистов-революционеров (интернационалистов): **Шрейдер.**

Заграничная делегация партии социалистов-революционеров: **В. Зензинов, И. Рубанович, Н. Русанов, В. Сухомлин, В. Чернов**

12 июня 1922 г.

– Социалистический вестник. 1922. № 12. 18 июня. С. 3.

№ П-93

Письмо члена Центрального Бюро ПСР Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР об обстановке в России в связи с начавшимся процессом 12 июня 1922 г.

№ 3 1922 г. 12/VI

Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. Вопросы голода, промышленности, транспорта, засева полей и т.д. и т.д. – все это отошло на задний план, или вовсе выброшено за борт внимания. Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы от первой и до последней страницы заполняются «фактами» о предательствах и разбоях «бандитов» эсеров и все это помещается под заголовком «процесс эсеров».

Само собой разумеется, что в бандиты попала и вся защита обвиняемых, не исключая и представителей заграницы – Либкнехта, Вандервельде и др. А так как ширь русской природы способна на большой размах, то, естественно, в одну кучу «предателей и душителей» трудовых рабочих масс казенные листки мешают и второй и 2 1/2 интернационалы. Нужно ли говорить, что эти десятки тысяч казенных газет, разоблачая эсеров, выявляют «истинное настроение» рабочих и крестьян, в миллионах всевозможного рода резолюций. Резолюции... резолюции... без конца резолюции, выражающая оскорбленное чувство трудящихся и требующих одного: не разстреля эсеров, а самой мучительной казни. Зрелище для какого-либо туриста европейца, знакомого с Россией из окна вагона первого класса, поистине грандиозно и изумительно. Одно для него, может быть, непонятно было бы: при чем здесь защита, да еще защита, приехавшая из заграницы?

На исчадие ада – эсеров[,] судя по газетам[,] обрушилась не только большевистская власть, но и вся страна в целом. Однако, приготовления к процессу шли с большими предосторожностями: накануне большевистские «комячейки» Москвы получили приказ: «быть на чеку». Наиболее надежные пулеметные команды получили строжайший приказ – всему комсоставу «быть наготове»; на крышу московского совдепа, а может быть, другие крыши, водрузили пулеметы, словом[,] приняты самые предусмотрительные меры предосторожности, от каких[-]либо неожиданных эксцессов со стороны кучки эсеров, посаженных на скамью подсудимых.

Со всеми миллионами резолюций рабочих и крестьян, происходит то же, что происходит со съездами советов. Страна, насчитывающая в себе 120 милл[ионов] жителей, озлобленных против большевиков, хроническая возстания, при всяком удобном и неудобном случае распарывающая животы очутившимся без надлежащей охраны коммунистам, – эта страна на все съезды и конференции посылает 96–97 % коммунистов. Ясно, что выборы происходят при помощи штыка, а не избирательной карточки, точно то же происходит и с резолюциями, выявляющими гнев по адресу

эсеров и требующих их казни. Сейчас «комяички»^а получили от московского большевистского комитета секретное предписание к концу эсеровского процесса устроить грандиозную демонстрацию в Москве и перед зданием суда. Готовятся знамена с лозунгами: «Смерть предателям эсерам. Долой социал-предателей 2-го и 2 1/2 интернационалов» и т.д. На все это отпущены огромные средства, частью, разумеется, из отобранных у церкви; составляются соответствующие списки организаций и предприятий, кои обязаны будут участвовать в демонстрации, а так как все это дело нелегкое, в провинцию полетели соответствующие секретные телеграммы от Рекапы^б о мобилизации в Москву коммунистов «для срочной работы».

Словом, Левиафан, со всем его грандиозным карательно-принудительным аппаратом, с техническими средствами в виде почты, телеграфа, телефона, железных дорог, аэроплана, печатного станка, газет, журналов и т.д. – все это брошено на борьбу с «кучкой бандитов эсеров»[,] спокойно, с розами в петлицах сидящих на скамье ревтрибунала и временами безпощадно бичующих обвинителей, грязно-кровавыми руками сфабриковавших процесс.

Но большевики не были бы большевиками, еслиб они грандиознейшую провокацию фабриковали кое-как. Они заранее, весьма предусмотрительно, создали себе помощников в процессе, в лице отбросов партии эсеров – Григория Ратнера, Семенова, Коноплевой и др. Моральный уровень этих господ оказался весьма низким для пребывания в рядах партии эсеров и, как раз впору пришелся для партии коммунистов. Этим только и можно объяснить их роль обвиняемо-обвинителей на процессе.

Первые дни процесса дали вполне удовлетворительные для обвиняемых результаты. Что будет дальше – буду сообщать. Сам суд представляет из себя митинг.

– Hoover Institution. V.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 4. Подлинник.

– Опубликовано: *Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. Амстердам. 1989. С. 278–280.*

№ П-94

Декларация Центрального Бюро партии левых социалистов-революционеров (объединенных) о процессе правых эсеров

21 июня 1922 г.

Затаянный через 4 года после ликвидации фронта учредительного собрания и через 2 года после завершения гражданской войны, произведенной не трудовым народом, в лице его свободно избранного революционного суда, но судьями[,] назначающими^а правящей РКП[,] процесс правых эс-эров неспособен стать беспристрастным судом трудового народа над ошибками и преступлениями партии правых эс-эров, но является лишь методом расправы командующей партии над своими политическими противниками, этот процесс, также как и внезапно после 4 лет забвения приводимый в исполнение приговор по делу (МИРБАХА) в отношении членов ЦК партии лев[ых] соц.-рев.¹²⁰, точно также, как и целый ряд других проявлений «новоявленной» революционной законности, является

^а Так в документе.

^б Так в документе.

^а Так в документе, следует назначаемыми.

лишь звеном в непрерывной цепи насилий[,] какие творятся над социалистическим словом, и печатью на фоне партийной диктатуры в продолжении 4 лет.

Если к этому прибавить не имеющие себе прецедентов^б в истории социальных революций открытое^в[,] исходящее от лица командующей власти, использующее весь принудительный аппарат государства подстрекательства к демонстрациям с требованием казни подсудимых, то перед широкими трудящимися массами России и Запада раскроется картина глубокого извращения светлых Октябр[ь]ских заветов, именем которых, якобы творится суд над правыми эс-эрами.

Партия левых соц.-рев. еще 5 лет назад осудила соглашательскую и двусмысленную политику эс-эров. Самым^г фактом раскола с нею [в] 1917 г. наша партия доказала, [с]коль глубокая пропасть отделяет ее программно и тактически от правых эс-эров. С тем большим правом партия левых со[ц]-рев. (объединенных) протестует против методов истребления членов ПСР[,] на которых восстала РКП, тем более бессмысленных, что РКП всей своей новой экономической политикой, непререкаемым фактом своей экономической коалицией^д с русской и^е международной буржуазией, фактом уступок всякого рода белогвардейцам[,] одевшим маску «смену веховства»^ж и «служение родине»[,] встала на тот самый путь минимализма и оппортунизма, какой уже однажды проделан правыми эс-эрами.

Партия левых соц.-рев. (объединенных) напоминает, что первым декретом победившего в Октябрьские дни^з пролетариат и трудовое крестьянство^и был акт об отмене смертной казни. Казнить во имя якобы Октябр[ь]ских идеалов – значит совершенно исказить их и до конца изменить лозунгам мировой социалистической революции. Трудовая Советская Россия произнесла уже однажды свой приговор над политикой правых со[ц]-рев. в Октябр[ь]ские дни. Она произнесла его вторично на фронте учредительного собрания. Но Трудовая Советская Россия знает и помнит также ошибки[,] а подчас и преступления правящей партии – комбедовскую политику «выковыривание хлеба штыком», войну города с деревней, систему террора по отношению к трудовой общественности и т.д. Ни одна партия русской революции (в том числе, конечно, и партия лев[ых] эс-эров) не может, таким образом, быть беспристрастным судьей на[д] другой.

Только свободно избранные советы рабочих и крестьянских депутатов, только при свободе революционно[-]социалистического слова печати, собраний и союзов трудовой народ произнесет свой истинный приговор над всеми партиями Российской революции, в том числе и над правыми эс-эрами.

Наша партия, продолжая впредь свою непримиримую идейную борьбу с правыми эс-эрами[,] вместе с тем считает, что не инсценировками судов может [быть] заменена прямая социальная борьба, что не демонстрациями 20 Июня, морально растлевающей рабочей массы^к, можно искоренить идеи правых эс-эров сознанием^л трудящихся, но лишь последовательным разоблачением минималистской политики всех партий государ-

^б Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного прецедентов.

^в Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного открытой.

^г Исправлено от руки в документе взамен ранее напечатанного Самом.

^д Так в документе, следует коалиции.

^е Вписано от руки над строкой.

^ж Так в документе, следует «сменовеховства».

^{з-и} Так в документе, следует пролетариата и трудового крестьянства.

^к Так в документе, следует растлевающими рабочую массу.

^л Так в документе, следует из сознания.

ственного капитализма в обстановке трудовластия и политической свободы.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛНОВАСТИЕ
СВОБОДНО ИЗБРАННЫХ СОВЕТОВ.
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СВОБОДА РЕВОЛЮЦИОННО-
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СЛОВА ПЕЧАТИ, СОБРАНИЙ.
ДОЛОЙ СМЕРТНУЮ КАЗНЬ.

Москва 21 Июня 1922 года.

ЦБ Партия Левых С.-Рев. (объединенных).

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 138–139. Машинописная заверенная копия того времени.

№ П-95

Статья Л. Мартова «Кровавый фарс»

Не позднее 18 июня 1922 г.

КРОВАВЫЙ ФАРС.

Инсценируя судебный процесс против социалистов-революционеров, большевистская партия грозила, что этот процесс раскроет весьма неприглядную картину деятельности партии с.-р. за время революции, как явно контр-революционной. Насколько это удастся правящей партии, мы еще не знаем, как не знаем, насколько удастся обвиняемым с.-р-ам раскрыть перед судом картину того сплошного террора, под которым Россия жила в 1918 г. и который один мог бы, если не оправдать, то политически объяснить самые худшие из преступлений, приписываемых обвинителями обвиняемым. Но одно мы уже знаем: еще не начавшись, процесс вскрыл перед всем миром, что представляет собой, с позволения сказать, правосудие и суд в большевистской России.

Широким жестом «либерального» большевика Карл Радек, ассистируемый Кларой Цеткин и Фроссаром, заявил на берлинском совещании 3-х Интернационалов, что Э. Вандервельде и всем другим социалистическим защитникам будет предоставлена полная возможность выполнить свою миссию и что никаких препятствий к этому они в советской России не встретят. Заявив, что берлинские делегаты Коминтерна сделали в этом вопросе излишние уступки «социал-предателям», Н. Ленин^а, тем не менее, прибавил, что данные в Берлине обещания должны быть сдержаны. Советский посол в Берлине, Н. Крестинский, в свою очередь, лично заявил защитникам, что они будут пользоваться в Москве полной свободой. Наконец, предъявляя свой известный ультиматум «комиссии девяти», Исполком Коминтерна счел нужным объявить, что, даже в случае распада этой комиссии, обязательства, принятые большевиками в связи с делом эс-эров, будут выполнены.

Не успели защитники, однако, перешагнуть границы России, как они получили возможность наглядно убедиться в том, что значат торжественные обещания возглавляемой Лениным иезуитской партии, и что понимает эта партия под гласным и беспристрастным судом.

^а Так в документе.

На станции Себеж, в Великих Луках, Волоколамске и, наконец, на Виндавском вокзале в Москве толпы согнанного властями сброда, чекистская сволочь совместно со всякого рода коммунистическими назначениями, атаковала^б поезд защитников под видом «российского пролетариата», требующего от них отчета в контр-революционном поступке защиты обвиняемых эс-эров. Комедия проделана с той степенью грубости, которая свойственна только бандитским организациям типа «Союза русского народа». В пограничном городке Себеже, все население которого, кроме мещан-евреев, состоит из чекистов и контрабандистов, «работающих» с ними исполу, обнаружился «авангард мирового пролетариата», досконально знакомый со всеми грехами Эмиля Вандервельде и учинивший ему допрос с пристрастием по поводу того, что он подписал Версальский договор. Само собой разумеется, что этот «авангард» твердо знает еще до начала суда, что убийство Володарского и покушение на Ленина организованы именно Ц.К. эс-эров и что, поэтому, самое желание выступить их защитником есть соучастие в преступлении. Не менее сведующим^в оказался и «пролетариат» в Великих Луках с тем добавлением, что в этом мировом центре ему было поручено довести «моральное воздействие» на «2-ой и 2 1/2 Интернационал» до вышибания стекол, угроз рукоприкладством и, если верить корреспонденту Дэйли Геральд, то и до выстрела, сделанного из толпы переряженных в пролетариат чекистов.

На Виндавском вокзале в Москве комедия, арранжированная^г наиболее опытными режиссерами, была разыграна с полным блеском. Переряженные большевистские городовые и дворники свистали, улюлюкали, оплевывали представителей европейского пролетариата и порывались расправиться с ними судом Линча, в то время, как другая часть полиции «охраняла» их от «пролетарского гнева» под руководством чиновников протитуированной советской юстиции.

В своей декларации, поданной г-ну Курскому 23 мая, защитники ядовито благодарят правительство за принятые им для охраны их жизни меры и с убийственной иронией прибавляют, что в этих мерах не было бы надобности, еслиб то же правительство, обладающее монополией печатного и устного слова, не использовало ее для того, чтобы в течении ряда дней систематически натравливать народ на защитников, извращать смысл их миссии и изображать их контр-революционерами.

«В получении оплеухи расписался мой дурак». Г-н Курский соизволил на опубликование этой декларации защитников, вскрывающей всю гнусность проделанной правительством комедии. И все же защитники и здесь были слишком снисходительны к этим иезуитам: они слишком еще «по-европейски» расценили их действия. В том[-]то и дело, что несмотря на десятки статей и брошюр Стекловых, Бухариных и Вардиных, из которых каждая заслуживает награждения бубновым тузом; несмотря на сотни громких речей больших и малых Троцких на заводах и в полках, — у нас нет никакого основания говорить о «натравленном населении». Кухня, фабрикующая в России «волеизъявления революционного пролетариата», всем известна, а о подлинных настроениях московских и петербургских рабочих масс большевики осведомлены ничуть не менее нас, хорошо зная, что без вооруженного эскорта и без безмолвно висящей над рабочими угрозы расчета и ареста ни один большевистский оратор не мог бы выступить на заводе, не рискуя быть освистанным.

^б Так в документе, следует атаковала.

^в Так в документе, следует сведущим.

^г Так в документе.

Окружив защитников атмосферой погромной агитации, – переряженные чекисты на вокзале в Москве пели песню с угрозой «повесить» их, большевистские власти дошли в своем цинизме до того, что не дозволили им общаться с русскими защитниками и их клиентами^д. Факт тот, что Вандервельде, Либкнехт и К. Розенфельд вынуждены были 28 мая требовать у Курского, чтобы им возможность такого общения была предоставлена, равно как и того, чтобы их ознакомили с следственным материалом и разрешили свидание с обвиняемыми¹²¹. Таковы «все гарантии», предоставленные обвиняемым и защите по уверению бесстыдного лгуна Радека и дошедшей до последней степени политического падения Клары Цеткин! Такова цена обещаний, скрепленных словом главы советского правительства!

В своем ответе защитникам г. Курский, вполне признавая факт нахождения иностранных защитников под домашним арестом, имеет наглость не только мотивировать его необходимостью помешать сношениям Вандервельде с врагами советской республики, но и недвусмысленно намекать, что снятие с них чекистской охраны подвергло бы их жизни опасности, т.е., что та-же че-ка, с соизволения советского правительства, готова в любой момент организовать их убийство.

За это время в советской прессе опубликован обвинительный акт. Правительство до крайности расширило рамки процесса, введя в него, в сущности, всю деятельность партии с.-р.-ов со времени октябрьского переворота, направленную против этого переворота. Юнкерское восстание ноября 1917 года, образование Комитета Учред[ительного] Собрания в Самаре, участие в архангельском правительстве¹²² – словом, все акты **сопротивления** эс-эров большевистскому п[е]ревороту 25 октября, вменены им в преступление. Чтобы правительство, само созданное заговорщическим переворотом, судило сторонников предыдущего правительства за их противодействие перевороту, да еще через 5 лет, – случай небывалый. Удивительно, как еще не привлечены к суду члены разогнанного Учредит[ельного] Собрания за попытку провозгласить последнее единственным носителем власти!

При таком широком захвате прокурорского невода, немудрено, что в заключительной части обвинительного акта **по делу эс-эров** неожиданно читаешь: «выделить, как не связанных непосредственно с рассматриваемым делом, либо как находящихся за границей», дела в отношении целого ряда лиц, в числе которых среди имен кн[язя] Львова, Коновалова, Карташева, Паниной, Филоненко неожиданно находим и имена «Дана, Мартова, Абрамовича». Стало быть, и мы, грешные[,] оказываемся «в каком-то, хотя и не непосредственном» отношении к «яду кураре и к Антанте». Да что мы. Те «честные эс-эры[»] из числа поступивших на службу в че-ка, которых на суде защищают Бухарин, Томский, Садуль, Феликс Кон[,] и другие столь же «честные коммунисты», уподобились, повидимому, тому щедринскому гимназисту, который[,] попавшись на «революции», оговорил сразу сто слишком человек, в том числе родную тетюшку. По крайней мере, в числе оговоренных, но «выделенных», оказались такие нынешние столпы коммунистического отечества, как гг. Майский и Мазуренко.

При таком расширении рамок дела, сам собой становится вопрос, уже давно нами поставленный, о действительности той амнистии, которая в свое время, после прекращения эс-эрами вооруженной борьбы, была провозглашена для всех деяний, с нею связанных. Нельзя сказать, чтобы советские юристы остались глухи к указаниям социалистов всего мира на

^д Здесь и далее выделено в документе.

чудовищность самого суда по делам, погашенным амнистией. Нет, они приняли во внимание эти соображения и нашли гениальный выход из затруднения. Члены Ц.К., заявляет обвинительный акт, «руководили контрреволюционной деятельностью партии с.р. по подготовке вооруженного свержения советской власти как до амнистии [19]19 года, так и после указанной амнистии, в силу чего, согласно точному смыслу амнистии, такая на них распространена быть не может».

Отцы-иезуиты, во истину, «мальчишки и щенки» в сравнении с коммунистическими казуистами. Воображаем, какой взрыв негодования поднялся бы в Коминтерне, еслиб какое[-]нибудь буржуазное правительство попыталось истолковать данную им коммунистам амнистию в том смысле, что она распространяется лишь на тех из них, которые, будучи освобождены, не возобновили своей прежней деятельности по борьбе с буржуазией. Даже царское правительство, амнистировав нас в октябре 1905 года, не придумало после посадить нас обратно в казематы для наказания за старые «преступления» на том основании, что мы занялись новыми!

Вне всякого сомнения, обвиняемые и их защитники выведут в этом пункте на свежую воду кремлевских иезуитов, и ни у кого во всем мире не останется сомнения в том, что в Москве происходит не судебный процесс, хотя бы по законам революционного времени, а самая подлая, ибо прикрытая трусливо-иезуитской казуистикой **р а с п р а в а** над политическими противниками. О характере этой хладнокровно рассчитанной и коварно подготовлен[н]ой расправы дают достаточное представление резолюции, которые большевистские заправилы, совместно с чекистами, «прокатывают», от имени пролетариата и красной армии, на заводах и в воинских частях. Все они требуют «применения смертной казни». Так, на заводе Гужона, после погромной речи **Т р о ц к о г о**, якобы принято постановление избрать по два «беспартийных» делегата от каждой мастерской для посылки в суд с требованием смертной казни. Таковую же резолюцию «прокатил» на собрании курсантов большевистский сановник Петровский-Липец, (особая примета: 2 недели состоял в штабе Петлюры, прежде чем открыл в себе душу коммуниста). Троцкий – член Исполкома Коминтерна. В качестве такового, он связан обязательством, которое от имени Коминтерна дали Радек, Цеткин и Фроссар на берлинском совещании. Напомним его текст:

«Конференция принимает к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что... как было констатировано в советской печати еще до конференции, произнесение смертных приговоров в этом процессе будет исключено».

Читатель помнит о том деланном негодовании, с которым писатели «Известий», покойного «Нового Мира», «Rote Fahne» и «Humanite»¹²³ писали о «клевете меньшевиков», приписывающих советскому правительству намерение вынести смертные приговоры Гоцу и его товарищам! А теперь «Накануне» в передовой от 8 июня не может скрыть своей тревоги за исход процесса и, обращаясь, якобы, к «заграничным эс-эрам», почтительно докладывает начальству, что «государственная власть, власть Советская, передавая революционному трибуналу дело Гоца, Донского и других, отнюдь не ставила себе задачей, во что бы то ни стало, послать их на эшафот или даже на бессрочную каторгу». Очевидно, даже эти мягкотелые люди чувствуют, что «обожаемое» ими правительство собирается сделать новую сверхсметную пакость, собирается снова удивить мир бесстыдством патетических павианов.

Один из таких павианов, Троцкий, пишущий от имени пролетариата требования кровавой расправы, уже подготавливает «обстановку» для чудо-

вищного нарушения торжественного данного честного слова. В статье о «наивных хитрецах» («Rote Fahne» 9 июня) он с невинным видом пишет:

«Нельзя утверждать, что предъявленное к нам (интернационалами) требование о не расстреле эс-эров, равно, как условное согласие на это советского правительства, носит чисто-юридический (а не политический – Л.М.) характер».

Откуда взялось «условное согласие»? Из вышеприведенного текста явствует, что согласие было безусловным, и что представители большевиков считали нужным оговорить лишь одно, – что они «эс-эров расстреливать» и не собирались. Столь же безусловный характер носило и утверждение Исполкомом Коминтерна берлинских решений. Вводя теперь исподтишка термин «условное согласие», член Исполкома Коминтерна Троцкий выдает с головой намерение большевиков «истолковать» берлинские обязательства так, как они уже истолковали обязательство, взятое на себя амнистией [19]19 года.

Другой павиан – г. Радек, – столь красноречиво певший в Берлине о том, что о расправе над обвиняемыми эс-эрами никто и не помышлял, ныне выступает в Московском Совете с призывом «уничтожить убийц Володарского»!

В довершение скандала, в Исполкоме Коминтерна, по сообщению «Известий», «обсуждается» вопрос о том, насколько, после срыва девятки, вообще действительны данные им гарантии, и тот же благородный Радек на первом же заседании суда заявляет с медным лбом, что, вообще, советский суд никаких обещаний не давал (т.е. давал их, дескать Коминтерн, с которым, как давно уже утверждает Чичерин, советское правительство ни в какой связи не состоит!).

И в подтверждение того, что советское правительство себя не считает связанным обещаниями Коминтерна, в том же заседании суда постановляется отказать Ц[ентральному] К[омите]ту нашей партии в праве делегировать своих представителей для участия в защите. Это после обязательства Коминтерна «допустить всех защитников, каких пожелают обвиняемые».

Очевидный вывод из всех этих заявлений и актов тот, что большевики питают серьезное намерение закончить процесс кровавой тризной. Самая непосредственная опасность вновь грозит обвиняемым социалистам-революционерам и самое решительное вмешательство международного пролетариата неотложно необходимо, чтобы помешать совершиться преступлению.

Мы не знаем, удастся ли ему это: международный пролетариат, ведь, не в состоянии к у п и т ь уступку гуманности теми миллиардами, за которые Ленин и Троцкий всегда готовы сделать Ллойд-Джорджу и Пуанкарэ кое-какие уступки «буржуазным предрассудкам о собственности». Попирая открыто свои торжественные обязательства, большевики могут отважиться бросить новый вызов пролетарскому общественному мнению. Мы бы, однако, не советовали коммунистическим рабочим позволять своим вождям «плевать в колодезь». Ибо каждый раз, как теснимые капиталистическими врагами, они будут вспоминать об «едином фронте» и апеллировать^е к помощи международного пролетариата, кровавые тени жертв встанут между последним и ими. Дорогою ценой для всей русской революции может оказаться оплоченным^ж бесстыдное нарушение слова, торжественно данного перед лицом всего мира.

^е Так в документе, следует апеллировать.

^ж Так в документе.

Л. Мартов.

– Социалистический вестник. 1922. № 12. С. 3–7.

№ П-96

**Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР
Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской с просьбой
об обращении к видным деятелям различных стран
с призывом протестовать против применения смертной казни
для части подсудимых на процессе**

3 июля 1922 г.

г. Берлин 3-го Июля 1922 года

Милая, дорогая наша Бабушка,

давно собирался засе[с]ть за письмо к Вам; материала для беседы накопилось много, да и хотелось ответить на Ваше последнее милое и хорошее письмо, но все как[-]то не удавалось. К вечеру так устаешь[,] что только и думаешь[,] как бы отдохнуть^а и накопить силы для следующего дня, а с утра завертись до позднего вечера, в безумном напряжении натянутых возжей своих же собственных нервов, совершая изнурительные колебания от промелькнувшей надежды до полного отчаяния.

Откладывал писание еще и потому, что думал о скором свидании, когда на словах скажешь и больше и лучше да и понятнее чем в письме, но теперь выяснилось, что моя поездка должна отложиться до окончания процесса. Я не могу бросить это дело и уехать. Все это и заставляет меня обратиться к Вам, тем более, что мы все ощущаем нужду в Вашей помощи (не бойтесь, дорогая, не денежной).

Дело в том[,] что судя по всем последним известиям[,] доходящим до нас – большевики решили всех наших московских мучеников приговорить к смертной казни, применив ее только к пяти, а именно – разстрелять – Гоца, Донского, Тимофеева, Иванову и Иванова. Шаг[,] рассчитанный[,] с одной стороны[,] на стремлении гарантировать себя неприменением террора с нашей стороны, с другой – видимая уступка общественному мнению Запада ссылкой на то[,] что казнены не все, а только пять человек.

Все эти обстоятельства заставляют нас сделать последние усилия и напряжения. Много уже сделано, нажаты все кнопки и работа ведется большая, но мы все, дорогая Бабушка, считали и считаем необходимым пустить в ход и нашу тяжелую артиллерию, использовав Ваш авторитет в общественном мнении Европы. А поэтому и обращаемся к Вам с просьбой написать от своего имени письма: Ромэну Роллану, Георгу Брандесу, Кеннану, Анатолю Франсу, Гауптману, Рабиндранату Тагор, Уэльсу, Бернард[у] Шоу, Ф. Нансену. В письмах указать на значение всего происходящего и на собирающееся совершиться неслыханное преступление, пр изывая всех переименованных возвысить свой голос[,] слать свои протесты, поднимать шум в Европе и т.д.

Письма должны быть написаны на соответствующих языках, а главное[,] по возможности скорее. Как только все их напишите^б, пришлите их нам[,] и мы разошлем их экспрессом по соответствующим адресам.

---

^а Так в документе.^б Так в документе.

Вот наша просьба, дорогая Бабушка. Не очень ли это утомит Вас? Вы постарайтесь выполнить это в несколько присестов.

Безумно меня радует, что процесс сгладил все наши разногласия, публика забыла о всех своих дрязгах и дружно по всюду работает. Сгладилась и наша российская атмосфера. Все это очень радует, процесс сыграл колоссальную роль и было бы совсем хорошо, если бы удалось вырвать наших мучеников из когтей обезумевших людей.

От сестры из Москвы имел письма – поражается героизму[,] с каким судимые держат себя на суде.

Ну, дорогая Бабушка, закончу, сегодня еще много работы. Всего Вам самого доброго и самого светлого и самого радостного. ^вКрепко обнимаю и целую Вас

Любящий внук Борис.^г

– ГАРФ. Ф. 5975. Оп. 1. Д. 580. Л. 15–16. Машинописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-97

Обращение ветеранов народовольческого движения¹²⁴ во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к подсудимым на процессе

18 июля 1922 г.

В ВЦИК.

Мы, нижеподписавшиеся, ветераны революции, ныне стоящие вне политической деятельности и партийной борьбы, старые деятели «Народной Воли», заветы которой дороги и коммунистической партии, мы считаем своим революционным и нравственным долгом, в связи с происходящим ныне процессом эсеров, среди которых есть лица, в свое время самоотверженно боровшиеся со старым режимом, высказать следующее:

1) Верные принципам и традициям партии, под знаменем которой боролись[,] и остаемся принципиальными противниками смертной казни, исходящей от правительства и суда.

2) Если допустимы беспощадные действия в разгар острых моментов гражданской войны, то в настоящее время, когда страна наша вступила на путь [у]миротворения, когда ликвидирован[ы] все внешние и внутренние фронты и внешнему строю не грозит никакой опасности, смертная казнь, по нашему глубокому убеждению, является мерой не только нравственно недопустимой, противной основному духу социализма, но и политически нецелесообразной и действующей развращающе на все слои населения.

3) Это для нас не только теоретическое убеждение. Многие из нас в свое время сами пережили ужасы ожидания смертной казни, пережили казни дорогих и близких наших соратников, и мы позволяем себе поэтому напомнить этим борцам за социалистический идеал завещание наших погибших товарищей, заживо погребенных в Алексеевском равелине^а:

«Друзья и братья. Из глубины нашей темницы, говоря с вами, вероятно, последний раз в жизни, мы шлем вам наш завет: В день победы революции, которая есть торжество прогресса, пусть она не запятнает этого святого имени актами насилия и жестокости над побежденным врагом. О, если бы мы могли послужить жертвами искупления не только для созда-

^{в-г} Дописано рукой Б.Н. Рабиновича.

^а Так в документе.

ния свободы в России, но и для увеличения гуманности во всем остальном мире! Человечество должно отказаться от одиночного заключения для осужденных, от насилия и истязания заключенных, в каком бы то ни было виде, как оно отказалось от колеса, дыбы, костра и проч.

Привет вам, привет Родине, привет всему живому[»] (Русская Историческая библиотека № 6. Литература партии Народной Воли, стр. 950).

18/VII-[19]22 г.

М. НОВОРУССКИЙ
Л. ШТЕРНБЕРГ
В. БОГОРАЗ
Эд. ПЕКАРСКИЙ
И. ВАСИЛЬЕВ (Дигамма)
Е. СЕРЕБРЯКОВ

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 143. Машинописная копия, заверенная секретарем Секретного отдела ГПУ. Дата проставлена от руки.

№ П-98

Телеграмма американского журналиста Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о начале процесса

8 июня 1922 г.

Крупнейший политический процесс России начался сегодня, когда руководители партии Социалистов-Революционеров, которая правила Россией в 1917 году, предстали перед Верховным Трибуналом В.Ц.И.К. Настоящий процесс важен не только в смысле установления невинности или виновности обвиняемых, но важен еще тем, что представляет собой последнюю схватку двух революционных групп. «Мы надеемся указать самому безсознательному крестьянину» – говорят большевики, – «что социалисты-революционеры выдохлись, бессильны и недостойны их доверия, внимания и поддержки». Обвиняемые, из числа коих некоторые в ожидании суда находились в заключении три года, включают Гоца, Донского, Иванова, Гернштейна^а, Веденяпина, – известных старых революционных фигур. Обвинительный акт представляет собой книгу в 125 печатных страниц. Обвиняемые разделяются на три группы: первая группа – члены Ц.К. Комитета Партии С.Р., вторая – активные террористы, – третья – рядовые члены партии, которые отказались подписать декларацию о лояльности Советскому Правительству. Обвинение включает^б организацию вооруженных возстаний в Москве и Петрограде, сотрудничество с Англией и Францией, представителями международного капитализма и главарями белых армий для свержения Советского Правительства, организацию групп бомбистов для организации покушений, включая убийство Володарского, попытку убить Ленина, Троцкого и других лидеров. Много значения придается показаниям двух бывших известных членов партии Лидии Коноплевой и Семенова, который заявляет, что был активным членом террористической группы. Он недавно опубликовал в Берлине книгу, выдав секреты партии Соц[иалистов-]Револ[юционеров], разоблачая заговоры на убийства. Коноплева заявила, что эти обвинения правильны. Суд вызвал здесь необыкновенное возбуждение. Газеты в течение недель полны порицаниями обвиняемых. Общественные организации по всей России принимают резолюции, требующие самого строгого

^а Так в документе, следует Герштейна.

^б Так в документе, следует включает.

наказания виновных, чувства здесь страшно напряжены действиями европейских социалистов, пославших иностранных социалистических защитников для защиты обвиняемых. Вандервельде – адвокат защиты – рассматривается большевиками как Иуда Искариоти или Бенедикт Арнольд (известный предатель, перешедший на сторону англичан во время американской революции) современного международного революционного движения. Суд продлится дней двадцать. Обвиняемые может быть откажутся от участия, отрицая компетентность суда. –

Мэкензи. –

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 129. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева.

№ П-99

Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В. Дюранти с отчетом о начале процесса

8 июня 1922 г.

«Нью Йорк Таймс». Москва. Четверг.

Процесс социал-революционеров открылся сегодня атакой^а иностранных и русских защитников и подсудимых на судей и обвинителей Верховного Суда в стране, перед которым они предстали по обвинению в государственной измене, что включает заговор для покушения на жизнь Ленина, Троцкого и других советских лидеров. Это еще один из удивительных контрастов, которыми Россия поражает иностранного наблюдателя. Представьте себе, что Верховный Суд Соединенных Штатов разбирает дело группы коммунистов, за участие в заговоре, который не только погубил здоровье Американского Президента, на которого смотрят со всею любовью и уважением, с каковым американцы относятся к памяти Вашингтона и Линкольна – а Советская Россия не менее уважает Ленина, чья жизнь еще в опасности, как результат выстрела девушки социалист-ки-революционерки, – не только угрожали жизни руководящих членов кабинета, но и подвергали опасности всю общественную структуру. Вообразите это и только подумайте, как была бы принята там попытка отрицать авторитетность суда. Тем не менее это именно то, что случилось сегодня в Москве, городе «Красного Террора и Ревтрибуналов», которые будто-бы приговаривали тысячи невинных жертв к немедленной казни. В течение трех часов Гендельман, один из главных подсудимых, бельгийский социалист Вандервельде и русский адвокат саркастически вызывали и провоцировали председателя Суда Пятакова и главного обвинителя Крыленко[,] и единственным протестом против этого явилось указание судьи Вандервельде в одном случае[,] «что он присутствует на суде для участия в защите, а не для произнесения политических речей». Процесс вызывает большой интерес в социалистических рабочих кругах всего мира отчасти потому, что таковой рассматривают как борьбу между крайним радикальным коммунизмом и более умеренными формами социализма, а также из-за факта, что известным иностранным социалистам – как бельгийскому Вандервельде, немецкому – Либкнехту, датскому – Вокерсу – разрешено защищать подсудимых. Процесс открылся в 12 часов сегодня в Зале, который был раньше танцевальным залом самого аристократического клуба в Москве¹²⁵. –

^а Так в документе.

ДЮРАНТИ.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 127. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева.

№ П-100

**Телеграмма американского журналиста
Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о за-
вершении процесса**

9 августа 1922 г.

Так кончился один из самых любопытных процессов, даже для революционной России: старые товарищи, которые в продолжение двух поколений боролись вместе против царизма, сидели вместе в тюрьмах и шли рядом в цепях в Сибирь, теперь стоят друг против друга, как открытые враги, одни, опираясь на всю свою военную и законную мощь, у других нет даже никого, кто посмел сказать слово в их пользу. Гоц, лидер заключенных, спас жизнь Каменеву, в настоящее время главе Московской власти, в 1917 г., когда Каменеву угрожала толпа. В процессе выявляется особая горечь с обеих сторон, главная группа заключенных не проявляет ни малейшего раскаяния, прославляет себя своими преступлениями. Считая себя осужденными, они решили обратить процесс в гигантскую пропаганду своего дела. «Мы знаем, что мы осуждены, но мы не страшимся умирать»[,] – заявил один из лидеров, Гендельман, Трибуналу, когда во время разбирательства некоторые авторитетные большевики протягивали оливковую ветку, предлагая обвиняемым, если они будут придерживаться терпимых методов и порвут с белыми в эмиграции, освободить их и дать им возможность существовать, как отдельная политическая единица, заключенные не дали никакого ответа. Процесс выявил живую картину жизни за первые три года Советской Республики, когда правительство находилось под постоянными угрозами, вождям угрожала смерть от выстрелов, взрывов поездов, социалисты[-]революционеры сделали все[,] что могли[,] в сотрудничестве с белыми и союзниками, чтобы сокрушить большевизм, не останавливаясь ни перед чем, делая попытки подрывать армию, подделывая документы, поднимая восстания. Весь процесс велся настолько свободно, что совершенно поражало наблюдателей Западной Европы. Громадная публика открыто принимала участие в продолжение почти всего процесса. Заключенным дано больше свободы действия, чем вероятно где[-]либо в другом месте, они систематически нарушали ход процесса, отводом судей, делая оппозиции, произнося политические речи. Многие все еще надеются, что ВЦИК выскажется относительно приговоров и помилует их. Я нахожу мало оснований ожидать от ВЦИК исключительного мягкосердечия. –

Ф.А. МЭКЕНЗИ

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 128. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоминдел для Л.Б. Каменева. Вверху листа рукописная помета: «Телеграмма, посланная в “Чикаго Дейли Ньюс” 9/VIII»

№ П-101

Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В.

Дюранти с отчетом о завершении процесса

Не ранее 9 августа 1922 г.

Телеграмма корреспондента «Нью Йорк Таймс»

9/VIII ВЦИК постановил приостановить выполнение приговора над эсерами-конспираторами. Те, которые раскаялись, окончательно помилованы. 12 приговоренных к смерти из другой группы обвиняемых, хотя они все еще придерживаются антибольшевистской тактики, не будут расстреляны, «если эсеровская партия фактически прекратит всякие подпольные конспиративные акты терр[ора,] шпионажа и восстаний против Советского Правительства. Если же эсеровская партия будет продолжать те же самые методы борьбы против Советского режима, это неприменуемо^а приведет к их расстрелу». Это постановление, приведенное в прежних телеграммах «Нью Йорк Таймс», соответствует тому очень мягкому отношению к обвиняемым во время всего процесса. Напрашивается историческая параллель в случае с восстанием «Мон Маут» в Англии. Несчастные участники его были терроризованы судьей Джефрис в «кровавом судопроизводстве». Здесь наперекор всему тому, что может сказать Вандервельде или другие европейские социалисты, беспристрастный человек наблюдал полную свободу действия обвиняемых. В самом деле, всякий кто знаком с судопроизводством в Западной Европе, много раз удивлялся, почему Председатель Трибунала позволял подзащитным действовать, как они действовали. От начала суда с этим абсурдным инцидентом, когда обвиняемые заговорили о «стачке» против суда и о том, чтобы оставаться в своих камерах, если не будут взяты силой – до финала, когда они отказывались встать при входе суда для прочтения приговора, – обвиняемые вели себя таким образом, что ни один Западно-Европейский суд не терпел бы. Много раз в продолжение процесса, особенно в последние две недели им протягивалась оливковая ветка в виде обещания помиловать, если они признают очевидный факт установления советской власти. Коммунисты говорят, что они готовы предоставить эсерам обыкновенные политические права, но как всякое правительство они не могут допустить, чтобы эсеры были в связи с внешними врагами для организации убийств и заговоров. Несмотря на сильную оппозицию крайних элементов коммунистической партии эта великодушная политика проводилась все время высшим органом советской власти. В настоящее время приговор сделал дело справедливости, но постановление ВЦИКа оставило мост для эсеровской партии работать для будущей России. Если же они будут настаивать на преследовании интересов партии в ущерб интересам страны, они за это поплатятся, но если возьмут верх высшие патриотические соображения, им даны новые возможности. В настоящее время постановление ВЦИКа подорвало крылья тем европейским социалистам, которые выставляли обвиняемых, как мучеников.

ДЮРАНТИ. –

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 124. Машинописный экземпляр русского перевода, сделанный Наркоматом иностранных дел для Л.Б. Каменева.

^а Так в документе, вероятно, следует неминуемо.

III. ПОСЛЕПРОЦЕССНАЯ СТАДИЯ

ДОКУМЕНТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

№ П-102

«Протокол № 1

Совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу
о ликвидации работы правых с.-р. за границей»

23 августа 1922 г.

Сов. секретно.

ПРИСУТСТВУЮТ: т.т. САМСОНОВ, ДЕРИБАС, ТРИЛИС-СЕР,
ПРОКОПЬЕВ.—

Н а ч а т о в 22 час.   К о н ч е н о в 23 часа.—

СЛУШАЛИ:

1. Распоряжение тов.
ДЗЕРЖИНСКОГО о
ликвидации с.-р. загра-
ницей.—

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Поручить ИНОГПУ в срочном порядке
заняться выяснением связи с-р через миссии[,] в
частности через Чехословацкую и Эстон-
скую.—

2. НКВД использовать материал о
Адм[инистративном]. С.-Р. Центре и др. для
соответствующих нот к Иностранным прави-
тельствам.

3. Развить работу закордонного агентурного
аппарата по выявлению путей связи загранич-
ных с.-р. с Россией, ту же задачу поручить при-
кордонным органам ГПУ в России.

4. СОГПУ поручается в срочном порядке
выделить несколько осведомителей для на-
правления через ИНОГПУ за границу.—

5. Меры[,] принятые ИНОГПУ применительно
к пункту 5, записки тов. ДЗЕРЖИНСКОГО [,]
признать правильными.—

6. ИНОГПУ поручается срочно исполнить §
7 записки тов. ДЗЕРЖИНСКОГО и согласовать
разработку с СОГПУ.—

7. Архив КЕРЕНСКОГО оперативно изу-
чить и разработать ИНОГПУ совместно с
СОГПУ.—

8. ИНОГПУ предлагается в срочном поряд-
ке организовать за границей газетную компа-
нию против с.-р.

9. В рабочую комиссию по ведению агит-
компаний в России включить представителя
ИНОГПУ.—

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С А М С О Н О В.—

— РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 99. Машинописная заверенная копия.
Внизу листа делопроизводственная помета секретаря СО ГПУ Иванова о
рассылке «т.т. ДЗЕРЖИНСКОМУ, УНШЛИХТУ, ЯГОДА, ТРИЛИССЕРУ и
1-экзем. В дело».

– Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 960.

№ П-103

Шифротелеграмма руководства ГПУ местным представительствам и губотделам о проведении репрессий в отношении членов ЦСР

10 августа 1922 г.

ШИФРОМ
ЛИТЕР СПР
ВСЕМ ГУБОТДЕЛАМ ГПУ
КОПИЯ ППГПУ

В ЦЕЛЯХ ПОЛНЕЙШЕГО РАЗГРОМА ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ ГПУ ПРЕДЛАГАЕТ ПЕРВОЕ ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩЕГО НЕМЕДЛЕННО ПРОИЗВЕСТИ ЛИКВИДАЦИЮ ВСЕХ АКТИВНЫХ ЭСЕРОВ ВАШЕГО РАЙОНА ВТОРОЕ НА КОИХ БУДУТ ИМЕТЬСЯ ДОСТАТОЧНЫЕ ОБВИНЕНИЯ ИХ АКТИВНОСТИ ПЕРЕДАТЬ В РЕВТРИБУНАЛЫ А НА ОСТАЛЬНЫХ ПОДГОТОВИТЬ К ССЫЛКЕ НА ЧТО ЗА-ПРОСИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ СОГПУ ТРЕТЬЕ ЛИКВИДАЦИИ НЕ ПРОИЗВОДИТЬ ЛИШЬ ПО ТЕМ АГЕНТУРНЫМ ДЕЛАМ КОИ В ИНТЕРЕСАХ РАЗРАБОТКИ ЛИК-ВИДАЦИИ ПОДЛЕЖАТЬ НЕ ДОЛЖНЫ ЗПТ НА ОТС-РОЧКУ ЛИКВИДАЦИИ СПРАШИВАТЬ РАЗРЕШЕНИЕ СОГПУ ЧЕТВЕРТОЕ ВМЕСТО ПОДЛЕЖАЩИХ ИЗЪЯТИЮ ЧЕРЕЗ ГУБКОМЫ И ГУБИСПОЛКОМЫ ПОДГОТОВИТЬ СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ЗПТ ДАБЫ НЕ СОЗДАТЬ ОСЛОЖНЕНИЙ В РАБОТЕ СОВУЧРЕЖДЕНИЙ ПЯТОЕ В СЛУЧАЕ УСТА-НОВЛЕННОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ ЭСЕРОВ ФИЗИЧЕСКОГО ТРУДА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОИЗВОДИТЬ [С] СОГЛАСИЯ ГУБКОМА ШЕСТОЕ ДЕЛА АРЕС-ТОВАИПНЫХ ЗАКОНЧИТЬ В 2-Х НЕДЕЛЬНЫЙ СРОК СЕДЬМОЕ НА ТРЕТИЙ ДЕНЬ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ НАРОЧНЫМ ПРИСЛАТЬ В СОГПУ СПИСКИ АРЕСТОВАННЫХ ПО ЕДИНОЙ СИСТЕМЕ ВОСЬМОЕ НАСТОЯЩЕЕ ПРИНЯТЬ К НЕУКЛОННОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ТЧК НР 25706 10 АВГУСТА 1922 ГОДА ЗАМПРЕДГПУ УНШЛИХТ НАЧСОГПУ САМСОНОВ

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 94. Машинописная копия, заверенная секретарем СО ГПУ Ивановым 23 августа 1922 г.

№ П-104

Шифротелеграмма руководства ГПУ местным представительствам и губотделам о порядке информирования о проведении репрессий в отношении членов ЦСР¹²⁶

Не ранее 10 августа 1922 г.

ШИФРОМ

ЦИРКУЛЯРНО
ВСЕМ ГУБОТДЕЛАМ ГПУ
КОПИЯ ППГПУ

[В]ДОПОЛНЕНИЕ НАШЕМУ НР25706 ОТ 10/8-22 Г. СОПЕРУПР ГПУ ПРЕДЛАГАЕТ ПОВЕСТИ НЕОСЛАБНУЮ И СИСТЕМАТИЧЕСКУЮ БОРЬБУ ПРОТИВ ПРАВЫХ ЭСЕРОВ ДЛЯ ЧЕГО НЕОБХОДИМО ПЕРВОЕ ВСЛЕД ЗА ПРОИЗВЕДЕННОЙ ОПЕРАЦИЕЙ ПО НАШЕМУ НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. СИСТЕМАТИЧЕСКИ ЧЕРЕЗ КА[Ж]ДЫЕ ДВЕ ТРИ НЕДЕЛИ [В] ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОРИЕНТИРОВКИ ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРОИЗВОДИТЬ ОПЕРАЦИИ ВПРЕДЬ ДО КОНЦА СЕГО 22 ГОДА ВТОРОЕ ПОРЯДКОМ ПРОИЗВОДСТВА ОПЕРАЦИЙ ДОЛЖЕН СЛУЖИТЬ НАШ НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. ТРЕТЬЕ ПО СОГЛАШЕНИЮ [С] ГУБКОМАМИ УСИЛИТЬ АГИТКОМПАНИИ ПРОТИВ ЭСЕРОВ РУКОВОДСТВУЯСЬ ПОЭТОМУ^а ВОПРОСУ НАПРАВЛЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕЧАТИ ЧЕТВЕРТОЕ ОСОБОВАЖНЫЕ ДАННЫЕ ГОДНЫЕ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЕЧАТИ НАРОЧНЫМ НАПРАВЛЯТЬ СОГПУ ТЧК НАСТОЯЩЕЕ ПРИНЯТЬ НЕУКЛОННОМУ ИСПОЛНЕНИЮ ТЧК

« » августа 1922 года НР.....

ЗАМНАЧСОПЕРУПРГПУ ЯГОДА

НАЧСОГПУ САМСОНОВ

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 95. Машинописная копия.

– Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 959.

№ П-105

Шифротелеграмма руководства ГПУ транспортным отделам об «изъятии» членов ПСР, работающих на транспорте

Не ранее 10 августа 1922 г.

ЦИРКУЛЯРНО
ШИФРОМ

ВСЕМ ТРАНСПОРТНЫМ ОТДЕЛАМ ГПУ, ГУБОТДЕЛАМ КОПИЯ ППГПУ

ВО ИСПОЛНЕНИЕ НАШЕГО НР 25706 ОТ 10/8-22 Г. И В ЦЕЛЯХ ПОЛНЕЙШАГО НЕДОПУЩЕНИЯ ПРАВЫХ ЭССЕРОВ НА ТРАНСПОРТ ПРЕДЛАГАЕМ ПЕРВОЕ В ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК С ПОЛУЧЕНИЕМ НАСТОЯЩАГО ИЗ'ЯТЬ ИЗ ЖЕЛДОРОЖНЫХ И ВОДНЫХ ПУТЕЙ ВСЕХ ПРАВЫХ ЭССЕРОВ БЕЗРАЗЛИЧИЯ^а ПОЛОЖЕНИЯ ВТОРОЕ [В] БУДУЩЕМ НИ ОДНОГО ПРАВАГО ЭССЕРА НА РАБОТЕ ТРАНСПОРТА ПОД ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ НАЧОТДЕЛОВ НЕ ДОПУСКАТЬ ТРЕТЬЕ ИЗ'ЯТЫХ РАЗБИТЬ НА ТРИ КАТЕГОРИИ АКТИВНЫХ МАЛОАКТИВНЫХ И ПОДОЗРИТЕЛЬНЫХ

^а Так в документе, следует по этому.

^а Так в документе, следует без различия.

ЧЕТВЕРТОЕ ПЕРВУЮ ГРУППУ ПЕРЕДАТЬ [В] РЕВТРИБУНАЛЫ
ВТОРУЮ НАПРАВИТЬ В ССЫЛКУ ЗАПРАШИВАЯ САНКЦИЮ ГПУ
ТРЕТЬЮ ГРУППУ УСТРАНИТЬ С ТРАНСПОРТА ПО СОКРАЩЕНИЮ
ШТАТОВ ЧЕТВЕРТОЕ О РЕЗУЛЬТАТХ ОПЕРАЦИИ ДОНЕСТИ
СОГЛАСНО НАШЕГО НР 25706 ОТ 10/8-22 Г.
ЗАМНАЧСОПЕРУПРГПУ ЯГОДА.

НАЧСОГПУ САМСОНОВ.

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 96. Машинописная копия.

№ П-106

Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О дальнейшей борьбе против ПСР». Из протокола заседания Оргбюро № 52, п. 7

от 6 сентября 1922 г.

С л у ш а л и:
О дальнейшей борьбе
против ПСР (пост.
Оргбюро от 30/ 8 с.г.)
(т. Бубнов)

П о с т а н о в и л и:

Войти в Политбюро со следующим предло-
жением:

1) Считать все существовавшие комиссии
(тройки, пятерки) по эсерам ликвидированными.

2) Для централизации работы и для использо-
вания материала, проходящего через ГПУ, обра-
зовать специальную комиссию при Агитпропе
ЦК в составе тт. Радека, Бубнова, Самсонова,
Попова Н.Н. и Ашмарина.

Секретарь ЦК

В. Куйбышев

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 34. Машинописная выписка на бланке ЦК
РКП (б), сделанная 8 сентября 1922 г., подпись – факсимиле. Круглая печать
ЦК РКП (б). Выше текста выписки штамп о принадлежности документа к
делопроизводству заседания Политбюро, протокол № 25, п. 22 от 7 сентяб-
ря 1922 г.

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 101. Незаверенная машинописная копия
с копии, изготовленной работником Секретариата ЦК РКП(б) Е.М. Шерли-
ной.

№ П-107

Письмо И.В. Сталина полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому и наркому иностранных дел Г.В. Чичерину с предложением принять меры к освобождению из заключения немецкого революционера Макса Гельца¹²⁷

7 сентября 1922 г.

Сов. секретно

Тов. КРЕСТИНСКОМУ
Тов. ЧИЧЕРИНУ

Цека просит Вас в полуофициальном порядке нажать на Германское правительство в целях освобождения из тюрьмы и отправки в Россию коммуниста Макса Гельца, томящегося в тюремном заключении уже два года. Цека просит принять все зависящие от Вас меры. По имеющимся у нас сведениям Германское правительство не прочь освободиться от Гельца при известном нажиме с нашей стороны.

СЕКРЕТАРЬ ЦЕКА И. Сталин

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 295. Л. 44. Машинописный экземпляр того времени на бланке ЦК РКП(б). Внизу бланка рукописная делопроизводственная помета работника Секретариата ЦК: «Отправлено для посылки тт. Чичерину и Крестинскому. 7/ IX-22 г. в 23 ч. 15 м. Получил 7/ IX-22 г. Карахан».

№ П-108

Протокол № 1 организационного заседания комиссии при Агитпропе ЦК РКП(б) по проведению кампании дискредитации партии эсеров

15 сентября 1922 г.

СОВ[ЕРШЕННО] СЕКРЕТНО

Присутствуют тт. Радек К., Бубнов А., Попов Н.Н., Менжинский, Дерibas и Ашмарин.

Председатель – А. Бубнов.

Секретарь – Михайлов

Слушали:

1. О работе комиссии

Постановили:

1. а) В своей работе комиссия пользуется аппаратом ГПУ и Агитпропа ЦК РКП.

б) Комиссия созывается по мере надобности; установить день заседания комиссии – пятница 1 ч. дня.

в) Ближайшим сотрудником комиссии является тов. Дерibas.

г) Секретарем комиссии является тов. М. Михайлов.

2. О положении П.С.Р.
(т.т. Дерibas,
Менжинский).

2. а) Признать необходимым продолжать кампанию в прежнем направлении¹²⁸.

б) Цель кампании – дискредитация партии с. р. в массах путем анализа ее программы и тактики

в) В кампании отождествлять линию заграничных с-ров и российского ЦК.

3. Об изданиях

3. а) Издать речи защитников 2-й группы и просить тов. Радека написать к ним предисловие¹²⁹.

б) Ускорить издание популярных брошюр и приговора (поручается тов. Попову Н.Н.).

в) Поручить тов. Попову Н.Н. переговорить с тт. Степановым И.И. и Мещеряковым Вл. о написании ими брошюры «НЭП и партия эс-эров» (Чем отличается наша политика НЭПа от политики эс-эров?)

г) Вопрос об опубликовании документов

4. О постановке новых процессов.
4. Признать постановку процессов принципиально целесообразной; поручить ГПУ представить к следующему заседанию комиссии свои соображения по отдельным делам.
5. О ликвидации партии эс-эров бывшими членами партии.
5. Принять к сведению заявление т. Дерибаса.
6. О заграничных «известиях» по поводу сидящих в тюрьме с-р.
6. Признать необходимым разоблачать выдумку о самоубийстве Тимофеева^а и т.д.
7. О Бунакове и Авксентьеве.
7. Признать необходимым написать статьи в связи с их исключением из партии с-р.

П. п.

Председатель
Секретарь(А. Бубнов)
(М. Михайлов)

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 103. Машинописная копия того времени, заверенная секретарем комиссии М. Михайловым и направленная в ГПУ. Вверху справа машинописная помета «№ 2 – тов. ДЕРИБАСУ».

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 36. Машинописная копия того времени, направленная И.В. Сталину. Вверху справа штамп секретного делопроизводства Бюро Секретариата ЦК РКП(б) с входящим номером и датой «25/IX 22 г.».

№ П-109

**Постановление Политбюро ЦК РКП(б)
«Об обмене Макса Гельца на Тимофеева».
Из протокола заседания Политбюро
ЦК РКП(б) № 27, п. 14**

от 21 сентября 1922 г.

СЛУШАЛИ:

Об обмене Макса Гельца на Тимофеева (Зиновьев)

ПОСТАНОВИЛИ:

Поручить русским делегатам в Коминтерне предложить через Герм[анскую] Комм[унистическую] партию немецкой с[оциал]-д[емократической] партии в виду ужасного положения, в котором находится Макс Гельц, обменять его на Тимофеева.

– РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 296. Л. 25. Рукописный подлинник на бланке ЦК РКП(б). Внизу бланка помета о направлении выписки Г.Е. Зиновьеву. Л. 2. «Присутствовали: члены Политбюро гг. Рыков, Сталин, Томский, Зиновьев, Молотов (кандидат), Калинин (кандидат), Каменев; члены ЦК гг. Радек, Дзержинский».

^а Так в документе.

№ П-110
Постановление Оргбюро ЦК РКП(б)
о периодичности докладов руководства ГПУ
о состоянии эсеровской партии.
Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б), № 81

от 9 декабря 1922 г.

С л у ш а л и:

О еженедельных докладах т. Уншлихта по делу эсеров (Пост. Политбюро от 2/XI с.г. прот. № 34, п. 7) (т. Сталин)

П о с т а н о в и л и:

Удовлетворить просьбу тов. Уншлихта о замене еженедельных докладов по делу эсеров – ежемесячными.

Секретарь ЦК В. Куйбышев

– АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 44. Машинописная выписка на бланке ЦК РКП(б), сделанная 9 декабря 1922 г., подпись – факсимиле. Выше текста выписки напечатаны адреса рассылки: «т. Уншлихту и Политбюро».

№ П-111
Проект письма руководства ОГПУ в Секретариат
РКП(б) о возможности изменения меры наказания
осужденным членам ПСР

Не позднее начала января 1924 г.

Сов[ершенно] Секретно

В СЕКРЕТАРИАТ ЦК РКП(больш.)

В августе [19]22 г. Верховным Трибуналом по процессу ЦК ПСР были приговорены к высшей мере наказания 9 членов ЦК ПСР, а именно: ГОЦ А.Р., ТИМОФЕЕВ Е.М., ГИНДЕЛЬМАН^а М.Я., ЛИХАЧ М.А., РАТНЕР Е.М., ДОНСКОЙ Д.Д., ИВАНОВ Н.Н., ГЕРШТЕЙН Л.Я., МОРОЗОВ С.В.

Кроме того были приговорены к высшей мере наказания за участие в террористической работе и в участии в покушении на тов. ЛЕНИНА член босвой организации ЦК ПСР ИВАНОВА Е.А. и за участие в военной работе ПСР в 1918 году члены ПСР АЛЬТОВСКИЙ А.И. и АГАПОВ В.В.

Члены ЦК ПСР ВЕДЕНЯПИН М.А., РАКОВ Д.Ф., ФЕДОРОВИЧ Ф.Ф. и АРТЕМЬЕВ Н.И. были осуждены на 10 лет, а также член МК ПСР ЛИБЕРОВ А.В.

Члены ПСР ЛЬВОВ М.И., БЕРГ Е.С. и УТГОФ В.Л. были осуждены на 5 лет.

^а Так в документе, следует ГЕНДЕЛЬМАН.

Приговор Верховсуда в отношении присужденных к высшей мере наказания постановлением ВЦИК был изменен и они были объявлены безсрочными заложниками на случай вооруженных и террористических выступлений С.-Р. против Соввласти.

В настоящее время ОГПУ полагает целесообразным смягчить приговор по делу ЦК ПСР, а именно:

Присужденным членам ЦК ПСР к высшей мере наказания и объявленным безсрочными заложниками ГОЦУ, ТИМОФЕЕВУ, ДОНСКОМУ, ЛИХАЧУ, ГЕНДЕЛЬМАНУ, ГЕРШТЕЙНУ, РАТНЕР, ИВАНОВУ, а также боевичке ИВАНОВОЙ заменить безсрочное заложничество 10 летним тюремным заключением. Уменьшение по отношению к этим лицам тюремного заключения на срок ниже 10 лет не целесообразно, т.к. они являются крупными политическими фигурами и С.-Р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени. Кроме того, они уже отсидели по 3–4 года, зачитываемые в этот 10 летний срок.

Остальным членам ЦК ПСР[.] ВЕДЕНЯПИНУ, РАКОВУ, ФЕДОРОВИЧУ и АРТЕМЬЕВУ[,] присужденным к 10 годам[,] срок можно сократить до 7 лет, так-же зачтя предварит[ельное] заключение.

В отношении же не членов ЦК ПСР, а просто бывших активных работников [19]18–[19]19 г.г., в настоящее время не являющихся политическими фигурами, в значительной мере разложившихся, присужденных по делу ЦК ПСР к высшей мере наказания за участие в военной работе [19]18 г. АЛЬТОВСКАГО и АГАПОВА, а также присужденных к 10-ти годам ЛИБЕРОВА и на 5 лет ЛЬВОВА и БЕРГА, срок наказания таковым⁶ может быть сокращен еще в большей степени, а именно АГАПОВУ, АЛЬТОВСКОМУ, ЛИБЕРОВУ до 5 лет, а ЛЬВОВ и БЕРГ могут быть направлены в 3-х летнюю административную ссылку (БЕРГ – в Верный, ЛЬВОВ – в Чердынь).

Что касается осужденного на 5 лет УТГОФА, то в виду его крайне демонстративного поведения и непрекращающихся антисоветских выходок – сокращать ему 5-ти летний срок безусловно не следует тем более, что он сидит в тюрьме только с начала 1922 года. –

^вПРЕДОГПУ: ДЗЕРЖИНСКИЙ^г
НАЧСОГПУ^д   (ДЕРИБАС)

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 135–136. Машинописный экземпляр на бланке ОГПУ с рукописными правками Т. Дерибаса.

№ П-112

Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому с просьбой подготовить информацию о причинах самоубийства С.В. Морозова

31 января 1924 г.

Тов. Дзержинскому
Дор[огой] тов.

Все «соцгазеты» полны рассказней о смерти Морозова. Говорят, что

⁶ Вписано от руки над строкой.

^{в-г} Исправлено взамен ранее напечатанного ЗАМПРЕД ОГПУ ЯГОДА.

^д Вписано от руки взамен вычеркнутого ЗАМПРЕД.

оно^а, как Евг. Сазонов, принес себя в жертву и пр. По-моему, крайне важно опубликовать сведения о действит[ельных] причинах его самоубийства. Очень советую заняться этим. Дайте материалы. Мы двинем тогда их в загр[аничную] печать.

Привет,
Ваш Г. Зиновьев.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 269. Рукописный подлинник на бланке председателя исполкома Коминтерна, подпись – автограф.

№ П-113

Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому о форме официального извещения о самоубийстве С.В. Морозова

5 февраля 1924 г.

Тов. Дзержинскому

Письмо Мор[озова] печатать никак нельзя. Я советовался с Бух[ариным]. Его мнение – такое же.

Все, что остается – это: дать совсем короткое извещение от ГПУ сухого, формального характера с указанием, что самоубийство вызвано чисто личными интимного характера причинами. Часть поверит – другая – нет. Но тут уж ничего не поделаешь.

Привет
Г. Зиновьев

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 272. Рукописный подлинник на бланке члена Совета Института В.И. Ленина при ЦК РКП(б), подпись – автограф. Вверху бланка слева помета: «Т. Андреевой к делу» (подпись неразборчива).

№ П-114

Письмо Ф.Э. Дзержинского Г.Е. Зиновьеву об обстоятельствах самоубийства во Внутренней тюрьме ОГПУ члена ЦК ПСР С.В. Морозова

Не позднее 5 февраля 1924 г.

ЛИЧНО

16/XI при очередном обходе Нач. СООГПУ ДЕРИБАС и Пом. Прокурора при ОГПУ т. КАТАНЬЯНА, зайдя к МОРОЗОВУ[,] было предложено воспользоваться Совхозом ввиду его неважного состояния здоровья по определению врача. МОРОЗОВ отказался, но просил ему дать анализ его мокроты.

В конце ноября во время голодовки в Бутырках и Внутрен[ней] тюрьме заключенных ГОЦ сообщил между прочим, что Морозов нервничает и предложил соединить его на прогулку с кем[-]либо более спокойным, чем Гендельман, но когда ГОЦУ было предложено взять МОРОЗОВА в свою группу (Гоц, Тимофеев, РАТНЕР)[,] он просил пока этого не делать, а когда это будет можно сделать[,], он, Гоц[,], сам об этом скажет.

^а Так в документе, следует он.

После голодовки РАТНЕР из Бутырки была переведена во внутреннюю тюрьму и ей было предложено поселиться в двойной камере с кем-либо из своих сопроцес[с]ников. Она поселилась с Гоцем и Тимофеевым. ГПУ полагало, что она поселится с МОРОЗОВЫМ.

Накануне самоубийства т.е. 19/XII его посетила в обычном порядке Зам. Нач. СООГПУ т. АНДРЕЕВА и[,] осведомившись[,] нет ли заявлений и получил ли он просимый анализ мокроты – получила ответ, что заявлений нет, анализ получен и что теперь он спокоен за свои легкие (анализ был хороший). По свидетельству врача[,] он в последнее время стал довольно внимательно относиться к своему здоровью.

20/XII он покончил самоубийством[,] приняв ряд мер, которые не давали возможности помешать ему, например, собранные аккуратно в мешок вещи были повешены на стене с таким расчетом, чтобы кровать в волчек не была видна полностью.

При утренней проверке он был обнаружен со слабыми признаками жизни.

Никаких требований для себя или других до самоубийства он не предъявлял.

В оставленном письме на имя родных и заявлении на имя ГПУ никаких замечаний партийного порядка нет, и то и другое исключительно личного содержания.

Все изложенное является почти стенографически точной фиксацией событий, но ГПУ полагает, что все касающееся прямых намеков на личные переживания МОРОЗОВА в связи с Е. РАТНЕР не может быть использовано в печати.

Необходимо принять также во внимание и заявление ГОЦА после объявления ему о самоубийстве МОРОЗОВА: «Я бы очень просил не трепать его имени в печати». На это ему было отвечено, что если в заграничной прессе не появится никаких инсинуаций по поводу его смерти, то ГПУ не будет иметь никаких оснований это делать.

По мнению ГПУ[,] проект извещения в наших газетах, если в таком есть нужда[,] должен быть примерно нижеследующим:

ПРОЕКТ ИЗВЕЩЕНИЯ

«20 Декабря 1923 года осужденный по процессу ЦК ПСР С.В. МОРОЗОВ покончил жизнь самоубийством. О причинах личного характера можно догадываться по оставленному на имя родственников письму и заявлению его...».

ПРЕДОГПУ: (ДЗЕРЖИНСКИЙ)

« » февраля 1924 года.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 270–271. Машинописный подлинник, подпись – автограф. Дата не проставлена. На л. 270 вверху рукописные пометы рукой Ф.Э. Дзержинского: 1) «т. Хорошкевич. В дело Морозову»; 2) «Просьба вернуть со своим мнением».

№ П-115

**Постановление Президиума Верховного Суда
РСФСР о сроке тюремного заключения
члена ЦК ПСР Д.Д. Донского.
Из протокола заседания Президиума, п. 21**

от 4 июля 1924 г.

Слушали:

2. Другие вопросы:

б) представление пом[ощ-ника] Прокурора Республики о разъяснении порядка зачета срока предварительного заключения осужденному по делу ПСР гр[аждани]ну ДОНСКОМУ.
доклад т. Катаняна.

Постановили:

б) Признать толкование прокурором ст. 31 УК о зачете срока предварительного заключения неправильным^а и разъяснить, что согласно 31 ст. УК осужденному ДОН-СКОМУ надлежит зачесть в срок назначенного ему наказания и время[,] проведенное им в предварительном заключении по первому аресту (в 1919 году)
(Принято единогласно)

СЕКРЕТАРЬ ПЛЕНУМА – ВИШНЯК

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 37. Машинописная заверенная копия выписки, направленная в секретный отдел ОГПУ. На листе внизу резолюции: а) Г.Г. Ягоды на рассмотрение зам. Начальника СО ОГПУ Андреевой (воспроизведено машинописью); б) «т. Решетову. Выслать в Якутскую область на 3 года. Андреева».

№ П-116

Справка начальника 3-го отделения Секретного отдела ОГПУ И.Ф. Решетова об условиях нахождения в ссылке осужденных по процессу членов ПСР

Не позднее 27 декабря 1924 г.

СПРАВКА

Гр[аждани]н ГОЦ от имени всех осужденных по процессу Ц.К. ПСР подал на имя Президиума ВЦИК'а заявление, в котором он пишет, что отправка цекистов, по отбытию ими срока заключения в ссылку, есть: «желание в скрытой форме, тайком от общественного мнения России и Запада, вернуться к смертному приговору», что ссылки и их семьи: «обрекаются на нечеловеческие условия», что ссылка – «издевательство и провокация».

До сего времени отбыли срок тюремного заключения и отправлены в ссылку 6 человек, а кончают и будут отправлены еще 2-ое.

1. ЗЛОБИН П.В. – 25/5 – 23 г. выслан сроком на 2 года в Уфу, работает, живет с семьей, материально не нуждается.

2. ГОРЬКОВ-ДОБРОБОЛЮБОВ Г.Л. – 7/9 – 23 г. был выслан, сроком на 3 года, в Царицин, бежал, желая перейти на нелегальное положение и активно работать в ПСР, арестован и заключен в концлагерь.

3. БЕРГ Е.С. – 21/1 – 24 выслан, сроком на 3 г. в Темир[-] Хан[-]Шуру Дагестанской области, живет с семьей, имеет работу, судя по письмам и докладам Губотдела, живет хорошо. Жена БЕРГА в письме от 15/XI с.г. к жене осужд[енного] РАКОВА, пишет: «Здесь дешевые фрукты. Если иметь монету и друзей, куда зайти, то жить можно. Дим. Фед., обязательно, пусть просится сюда, а потом и Флориан и Абрам и

^а Так в документе.

заживем мы на славу». Дим[итрий] Фед[орович] – РАКОВ, Флориан – ФЕДОРОВИЧ, Абрам – ГОЦ. Дальнейшие комментарии излишни.

4. ЛЬВОВ М.И. 21/Л – 24 выслан, сроком на 3 года в Чардынь Верхне-Камского Округа по месту ссылки его жены. Работы пока не имеет, получает достаточную материальную поддержку от общества помощи политзаключенным. В письмах на нужды не жалуется.

5. ДОНСКОЙ Дим[итрий] Дим[итриевич] 11/VII – 24 г. выслан сроком на 3 года в село Парабель Нарымского Края. Работает врачом Парабельской больницы, живет с семьей. О жизни Парабельской колонии ссыльных, жена ссыльного ЗЛАТОГОРОВА в письме от 2/XII – т.г., после описаний дешевизны квартиры и продуктов пишет: «Как видишь[,] умереть с голоду нельзя. Нам, приедем, продают охотно... В общем я с удовольствием отдохну здесь зиму». Полная выписка из письма прилагается.

6. УТГОФ В.Л. выслан на Урал и направлен неделю тому назад для отбывания срока ссылки в гор. Тюмень. Сведений о том, как он устроился[,] в СООГПУ еще нет.

7. АЛЬТОВСКИЙ А. Ив[анович] кончает срок тюремного заключения 27/XII с.г. и по пост[ановлению] особ[ого] совещ[ания] при Колл[егии] ОГПУ будет направлен в адм[инистративную] ссылку в гор. Чардынь по месту ссылки его родственника по жене цекиста ЛЬВОВА.

8. РАТНЕР Е.М. кончает срок тюремного заключения 27/XII – т.г. и по пост[ановлению] особ[ого] совещ[ания] при Колл[егии] ОГПУ будет направлена для отбывания срока адм[инистративной] ссылки в гор. Усть-Цильму Печерского уезда, Архангельской губ.

Из данного перечня видно, что:

1. Цекисты, по отбытии срока заключения, направляются ОГПУ в самые разнообразные пункты – от южных Теми[р]-Хан-Шуры и Царицына до северных Печерского и Нарымского. То или другое место ссылки определяется в зависимости от степени политической активности высылаемого и связанной с этим необходимостью в большей или меньшей изоляции и состоянием его здоровья.

2. Цекистам назначаются обычные районы ссылки, в которые (это хорошо знает ГОЦ) отбывали и отбывают сейчас ссылку, ряд его товарищей по партии, так что, говорить о «мести» со стороны власти и жестокости «при выборе места ссылки[»] – по меньшей мере нелепо. Истерическое кликушество заявления ГОЦА и К-о вызвано не необходимостью спасти цекистов от кошмарных условий ссылки (эти условия ГОЦ знает не хуже ОГПУ), а совершенно особыми причинами.

ГОЦ и его товарищам, по состоянию партии с.-р. в данное время считаю необходимо добиться от Соввласти таких условий ссылки, при которых они могли бы или руководить деятельностью с.-р. в союзе, или бежать за границу и принять участие в работе З.Д. ПСР.

Отсюда и истерика и хватание за детей РАТНЕР, находящихся, кстати, в детском доме Наркомпроса и имеющие^а отца[,] и нелепые обвинения и т.д. и т.д.

Не исключена со стороны цекистов надежда использовать заявление, как прокламацию, для организации общественного мнения определенных кругов СССР и за границей в своих целях. За то, что заявление писалось не только для Президиума ВЦИК[,] говорит его исключительно вызывающий тон.

Чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом, необходимо категорически дать понять осужденным членам Ц.К. ПСР, что ОГПУ, как до

^а Так в документе, следует имеющих.

сих пор, так и в будущем, будет в своих решениях руководиться исключительно принципом политической целесообразности, не считаясь с тем, устраивает это или нет ГОЦа и других, что условия, при которых ГОЦ и К-о могли бы вести эсеровскую, антисоветскую работу – не будут ОГПУ допущены никогда.

Нач[альник] 3 отд[ела] СООГПУ:

(РЕШЕТОВ)

« » Декабря 1924 г.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 85–87. Машинописный экземпляр того времени. Датирован по содержанию документа.

№ П-117

Письмо председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского И.В. Сталину о необходимости ареста находящихся в ссылке членов ЦК ПСР

6 июля 1925 г.

Еще во время нахождения во Внутренней и Бутырской тюрьмах всех осужденных по процессу ЦК п.СР^а, ОГПУ было известно из агентурных сведений, поступавших неоднократно из различных источников[,] о том, что Цекисты из тюрьмы руководят работой СР в России, через свособразное Политическое Бюро в составе: ГОЦ, ТИМОФЕЕВА и РАКОВА, а в особо важных делах принимают участие кроме того еще РАТНЕР и ВЕДЛИЯПИН.

ОГПУ по освобождении Цекистов из тюрьмы отдавало себе ясный отчет в том, что часть Цекистов еще в ссылке будет вести партийную работу, другая часть убежит за границу, а остальные перейдут на нелегальное положение для ведения партийной работы в России. Последующая практика все предположения наши начинает оправдывать.

Так из-за границы сообщают:

«Прага сильно радуется по поводу частичной амнистии смертников (особенно рады, что ГОЦ на свободе) и думают со временем их всех выудить за границу, чтобы развязать себе руки для перехода партии к активной работе. Между прочим в данное время заграничная делегация п.СР находит, что сейчас почва в достаточной степени [в]спахана для того, чтобы п. СР могла заняться уже и террористической деятельностью в России.»

В одной из бесед арестованного КОЛОСОВА Евг. Евг. с членами Центральн[ого] Бюро п.с.р. последнего состава он заявил, что на предстоящий конгресс 2-го Интернационала будет послан представитель п. СР из России, причем он произведет большой фурор, ибо явится, как-бы воскресшим из мертвых. Члены ЦБ п.СР поняли это как указание на то, что поедет кто-то из крупных и освобождаемых цекистов. Известно, что за границей один раз ТИМОФЕЕВА уже «хоронили».

Очень быстро Цекисты установили связь с заграницей и ведут оживленную переписку. Очень большую переписку ведет жена ГОЦА. Особенно любопытными являются письма одной неизвестной Тани из Парижа, где определенно читается, что ГОЦ убежит за границу и даже назначается срок – конец Июля.

^а Здесь и далее так в документе.

Сам – ГОЦ, из ссылки нелегальным путем отправил за границу в «Дни» известное письмо Эд. ФИММЕНУ, – помеченное, правда, задним числом (1 Января.)

Из заграницы же Цекисты получают и деньги. Получают через Кр[асный] Крест на своих жен, а ТИМОФЕЕВ один раз получил партийного содержания письмо и доллары через одно лицо[,] живущее в Киеве.

По прибытии в ссылку Цекисты сразу же объединяют ссыльных, ведут среди них партийную работу, ведут большую переписку не только между собою, но и со многими другими ссыльными с.р. и целыми колониями ссыльных. Путем этой переписки стараются прежде всего учесть наличные эс-эровские силы и, затем уже дать им соответствующие директивы.

Из освобожденных в первую очередь Цекистов двое (ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ и ЛЬВОВ) уже из ссылки бежали, конечно[,] для партийной деятельности.

Пребывание Цекистов (коих за граница упорно называла и называет заложниками) на свободе приподняло настроение эс-эров в России и за границей, развязало им руки для начала террористической деятельности (настроения террористические у эс-эров растут)[,] подняло настроение ссыльных и позволило эс-рам питать некоторые надежды строить известные планы на усиление партийной работы, как за границей[,] так и в России

Поэтому ОГПУ полагает необходимым срочно произвести арест всех эс-эровских Цекистов, находящихся сейчас на свободе.

ПРЕД. О.Г.П.У.

(ДЗЕРЖИНСКИЙ)

6-VII-25

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 154–155. Машинописная копия. На л. 154 вверху делопроизводственные пометы: 1. «Копия»; 2. «Оставить в архиве». Справа штамп о принадлежности документа к архиву Ф.Э. Дзержинского.

– Опубликовано: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 965.

№ П-118

**Справка начальника 3-го отделения СО ОГПУ
И.Ф. Решетова начальнику СО ОГПУ Т.Д. Дерibasу
о местонахождении осужденных по процессу ЦК ПСР**

[Не позднее марта 1925 г.]

Секретно.

СПРАВКА

На запрос тов. ДЗЕРЖИНСКАГО
о ВЕДЕНЯПИНЕ и др. осужденным^а по процессу ЦК ПСР

1. ВЕДЕНЯПИНУ М.А., как и всем Цекистам, будут зачтены все его аресты при Соввласти.

Срок тюремного заключения его кончается 5/8-25 г.

2. ВЕДЕНЯПИН – тактичнее, выдержаннее, осторожнее остальных цекистов, свою тактику он строит с таким расчетом, чтобы у ГПУ создать впечатление о своей относительной неопасности, посему считать его политически приличнее остальных цекистов, нет никаких оснований.

^а Так в документе, следует осужденных.

3. Наиболее активными врагами из цекистов являются: ГОЦ, ТИМОФЕЕВ, ВЕДЕНЯШИН, РАКОВ, РАТНЕР и активист[-]боевик ИВАНОВ.

Первые пять из них, являются руководящей головкой, своего рода Политбюро ЦК ПСР. За прошлый год ЦБ ПСР неоднократно получало постановления ЦК ПСР по вопросам организационным и политическим, причем эти постановления и решения принимались за весь ЦК, только ГОЦ[ем], ТИМОФЕЕВЫМ, РАКОВЫМ, ВЕДЕНЯПИНЫМ и РАТНЕР.

Неоднократно поступали в СООГПУ агентурные сведения о том, что эти 5 цекистов – эсеровская головка.

Поэтому этих цекистов мы должны держать особо крепко.

Кроме того в числе осужденных по процессу ЦК ПСР мы имеет таких боевиков-активистов – как ИВАНОВ, ИВАНОВА, УТГОФ и отчасти АГАПОВ, и сторонников руководителей террористических актов, как ДОНСКОЙ и ГЕРШТЕЙН.

Среди цекистов имеются крупные и способные руководители местных организаций п.с.р.: АРТЕМЬЕВ, ЛИБЕРОВ, ЛЬВОВ, БЕРГ, ЛИХАЧ и АЛЬТОВСКИЙ.

Среди цекистов есть пользующиеся в партии громадным моральным авторитетом: – БЕРГ, ГЕНДЕЛЬМАН, ФЕДОРОВИЧ.

Все это – активные и серьезные враги, считающие борьбу с Соввластью, делом своей жизни и могущие устроить не мало пакостей при благоприятной к этому обстановке.

4. Из осужденных по процессу ЦК ПСР, кончили срок тюремного заключения:

1. ЗЛОБИН П.В. – 23/5-23 г. выслан в Уфу на 2 г., срок ссылки кончается 23 Мая [19]25 г.

2. ГОРЬКОВ-ДОБРОЛЮБОВ Г.Л., окончил срок 7/9-23 г., бежал из ссылки и 20/6-24 г., осужден на 3 г. в концлагерь. Содержится в Ярославле.

3. БЕРГ Е.С. – 21/1-24 г.	выслан на 3 года	на в Темир-Хан-Шуру.
4. ЛЬВОВ М.И. – 21/1-24 г.	" " "	в Чердынь Верхне- Камского Округа.
5. ДОНСКОЙ Д.Д. 11/7-24 г.	" " "	в Нарымский край.
6. УТГОФ В.Л. 8/8-24 г.	" " "	в Тюмень
7. АЛЬТОВСКИЙ А.И. 27/XII-24 г.	" " "	в Темир-Хан-Шуру
8. РАТНЕР Е.М. 27/XII-24 г.	" " "	в Самарканд

5. СОДЕРЖАТСЯ В БУТЫРКАХ.

1. АГАПОВ В.В. –	Кончает срок	4/X-25 г.
2. АРТЕМЬЕВ Н.И.	" "	20/III-25 г.
3. ВЕДЕНЯШИН М.А.	" "	25/8-25 г.
4. ГОЦ А.Р.	" "	20/5-25 г.
5. ГЕРШТЕЙН Л.Я.	" "	19/4-26 г.
6. ГЕНДЕЛЬМАН М.Я.	" "	15/III-26 г.
7. ИВАНОВА Е.А.	" "	19/XII-26 г.
8. ИВАНОВ Н.Н.	" "	2/VIII-26 г.
9. ЛИБЕРОВ А.В.	" "	2/5-25 г.
10. ЛИХАЧ М.А.	" "	25/I-26 г.
11. РАКОВ Д.Ф.	" "	30/X-25 г.

12. ТИМОФЕЕВ Е.М. " 17/5-25 г.
 13. ФЕДОРОВИЧ Ф.Ф. " 23/III-26 г.

НАЧ. 3-ГО ОТД. СООГПУ: (РЕШЕТОВ)

– РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 49. Л. 147–148. Машинописный подлинник, подпись – автограф. На л. 147 штамп о принадлежности документа к архиву Ф.Э. Дзержинского.

ДОКУМЕНТЫ, ИСХОДЯЩИЕ ОТ ОСУЖДЕННЫХ

П-119

Заявление М.Я. Гендельмана от имени осужденных в Верховный Трибунал с требованием изменения режима содержания в тюрьме

18 августа 1922 г.

В Верх[овный] Трибунал
 Михаила Яковлевича Гендельмана
 члена Ц.К.П.С.-Р., содержащегося
 во Внутренней тюрьме Г.П.У.

В отношении нас, осужденных по делу Ц.К.П.С.-Р., во Внутренней тюрьме Г.П.У. установлен режим, специально, видимо, приноровленный к тому, чтобы вынудить нас на голодовку, с целью, надо думать, внести этим корректив в постановление Президиума ВЦИК о приостановлении исполнения над нами смертного приговора.

1) Во Внутр[еннюю] тюрьму нас доставили непосредственно из зала заседаний Трибунала после приговора. Нам не дали[,] так[им] обр[азом,] возможности захватить с собой самые необходимые из вещей, оставшихся в тюрьме на Кисельном пер[еулке] и до сих пор нам невозвращенных.

Более того: случайно оказавшееся при мне полотенце было у меня отобрано, а взамен мне было предоставлено висевшее в камере грязное полотенце с явными следами употребления его моим предшественником по камере. Койка была покрыта такой же унаследованной от предшественника, только еще более грязной простыней. Мое полотенце мне возвращено было только на девятый день.

Нет возможности сменить грязное носильное белье, так как мы лишены права получать передачи от родных с воли и передавать им обратно белье для стирки.

2) Мы лишены свиданий с родными и лишены возможности узнать что[-]либо об их здоровье и судьбе.

3) Мы лишены книг, газет, письменных принадлежностей для занятий. Если все это, не исключая даже газет, предоставлялось нам во время предварительного следствия, то тем менее может быть оправдано такое лишение после суда.

4) После двухмесячного всякого лишения нас прогулок во время процесса мы лишены их и теперь и принуждены круглые сутки проводить в камере без движения. Прежде мы прогулками во Вн[утренней]

тюрьме пользовались.

5) Но и этого показалось мало для тех, в чьем ведении мы находимся. На десятый день моего пребывания на окно моей камеры навешен железный щит, хотя повода к этой мере я не давал. Так как окна и без того были замазаны, то в камере постоянный недостаток света.

6) Тогда, как во время прежнего пребывания в этой тюрьме, нас выпускали в уборную три раза в день, теперь выпускают только один раз[,] так[им] обр[азом,] зловонная параша круглые сутки отравляет воздух камеры. Других заключенных выпускают не менее двух раз в сутки, утром и вечером.

7) Пищевой режим состоит из хлеба и воды, так как в обед и ужин дают по миске грязной воды, на дне которой можно найти 1, самое большее 2 ложки гороха и рыбью кость. Но здесь я не возбуждаю никакого вопроса об изменении режима, так как для заключенных гораздо бóльшую важность имеет вопрос о свиданиях и книгах, и так как тут приходится по[-]видимому, наталкиваться на непреодолимую традицию: сначала из обеда ^адля заключенных подкармливают тюремный персонал, а остатки доливают горячей водой^б, и в таком виде предоставляют заключенным.

8) Я не стану перечислять всей системы мелких, но злостных ущемлений, имеющих, видимо, единственную цель – вызвать заключенных на эксцессы. Для примера укажу на самое невинное: когда я вчера передал через ст[аршего] надзирателя просьбу дать мне бумаги и чернила для заявления в Трибунал, мне было в этом отказано и только сегодня после обхода камер начальником тюрьмы моя повторная просьба была удовлетворена, при чем ко мне каждый раз шлют надзирателя с требованием кончать скорее заявление.

Так[им] обр[азом,] принятый в отношении нас режим является не чем иным, как применявшимся лишь в виде наказания к заключенным карцерным режимом старого строя (лишение свиданий, передач, книг, прогулок, щиты на окнах, содержание на хлебе и воде).

Гражданка Клара Цеткин, с прискорбием установившая на процессе, что, по ее мнению, русским социалистам в коммунистических тюрьмах живется лучше, чем германским коммунистам в буржуазных тюрьмах, могла бы теперь убедиться, что мое приглашение посмотреть на нас, если останемся живы, через некоторое время после приговора, имело полный смысл.

Ввиду изложенного я вижу себя вынужденным начать голодовку, если не будет дано разрешение на свидание с родными, на передачи, на пользование своими книгами, газетами и письменными принадлежностями для занятий.

Головку начну во вторник, 22-го августа, с утра.

Михаил Гендельман

Внутр[енняя] тюрьма Г.П.У., 18-е августа 1922 года.

P.S. Посылаю это заявление на имя Верх[овного] Триб[унала], т.к. по указанию гр. Самсонова мы продолжаем числиться за В[ерховным] Триб[уналом]. Если перечислены за другим учреждением, прошу переслать по принадлежности. Пользуюсь случаем сообщить, что у меня отобрали расписка в объявлении мне приговора, тогда как в действительности была объявлена только резолютивная часть приговора обо мне и моих товарищах, приговоренных к расстрелу. М. Гендельман.

^{а-б} Здесь и далее подчеркнуто в документе.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 60. Л. 13–13 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф. На л. 13 сверху штамп ГПУ с рукописной датой «22 августа 1922 г.», входящий номер, а также резолюция Т.П. Самсонова: «т. Кузьмину. К делу Гендельмана».

№ П-120

Письмо члена ЦК ПСР С.В. Морозова из Внутренней тюрьмы ГПУ родным о своих настроениях после завершившегося процесса

22 сентября 1922 г.

Здравствуйтесь милые, дорогие, бесконечно был рад получить сегодня от Вас весточку (от 18/IX) и узнать, что все Вы здоровы.

Волнуетесь и беспокоитесь за меня Вы, право, напрасно. Выдумать что-нибудь новое, чего не было в царских тюрьмах, – довольно трудно, а ведь я, за долгие годы своего скитания по тюрьмам и каторге, не только многое видел, но многое и пережил и наст[оящий] режим, наверное, тяжел для тех, кто впервые находится в таких условиях, ну а для меня все это слишком хорошо знакомое, старое, с чем давно свыкся и от чего за небольшой промежуток воли не успел еще отвыкнуть. Новое, что теперь приходится переживать[,] вызывает лишь досаду и обиду за тех, кто это делает – совершенно ненужная и ничем не оправдываемая жестокость. Очень и очень прошу Вас не беспокоиться за меня, а главное не обращать внимания на разные «слухи», о чем пишет папа. Верьте мне, что режим, созданный для нас, не заставляет волноваться о нас. И думается мне, волнение Ваше вызывается не столько условиями нашего содержания в тюрьме, сколько возможностью применения к нам приговора, и вот об этом мне хочется с Вами немного поговорить. Переживания Ваши мне, конечно, понятны. Возможность потери близкого, родного человека – переживается больно и тяжело, и здесь, к глубочайшему моему сожалению, помочь Вам я ни в чем не могу, но скажу, если б у меня был сын и ему предстояла та же участь, мысль, что он жил так, как считал должным, в согласии со своим убеждением и не согнулся перед тем, что считал неправдой – доставляла бы мне большое утешение. Но Вы усугубляете тяжесть своих переживаний, думая, что мне трудно живется, что я волнуюсь и пр. – вот это совершенно неверно. Несмотря на мою любовь к Вам, на сознание, что приговор, приведенный надо мной в исполнение, доставит Вам много горя и печали, – я в этом возможном исполнении приговора нахожу и радостное для себя. Умереть за дело, кот[орое] считаешь правым – правдой, за то, во что ты веришь, – легко и радостно. То, что я сейчас являюсь заложником за Партию, – я считаю незаслуженной для себя величайшей честью, очень горжусь этим и, конечно, с достоинством переживу все, что мне предстоит. Верьте мне, мои дорогие, если б не мысль о Вас, что тягостно Вам все это переживать, то я теперь ликовал бы. Вот видите[,] как я отношусь к тому, что будет, а может и не будет, «да ведает то Аллах и его пророк Магомет великий», не волнуйтесь поэтому и Вы.

Сию я в одиночке, вещи все отобрали, первое время не давали и книг, теперь дали две на неделю. Хожу в казенном белье, сплю на соломенной, как в каторге, подушке. До сих пор не могу получить свои гребенки и поэтому со дня суда волосы не причесывал, а отросли они зело, тоже и есть и борода, вид имею, вероятно, дикообразный. Прогулка минут 10–15, двор довольно хороший. Пища первое время была очень скверная, теперь

лучше. Дают папиросы, но мало[,] и у меня к Вам просьба, если разрешат передачи, принести мне табаку и спичек.

Напишите мне[,] как здоровье Валечки, одна она или с Катей? Сердечный им мой привет. Крепко, крепко Вас всех обнимаю и целую, ради всего святого не волнуйтесь за меня, право, я живу хорошо; всем знакомым и друзьям горячий, сердечный привет. Ваш Сергей. Маму поздравляю с бывшим только что днем именин. Борису и Клавдии мой сердечный привет, Тони и Мани^а.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 15–16 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-121

Предсмертное письмо С.В. Морозова родным и близким

20 декабря 1923 г.

Мои дорогие, родные, милые, знаю[,] как будет Вам тяжело и безконечно больно узнать о моей смерти; мысль о Вас долго заставляла меня жить, я боролся с собой[,] насколько мог[,] и как видите, оказался слаб. Не под влиянием тяжелой минуты и настроения поступаю так, нет. В течении последних месяцев не было кажется, дня, чтобы не приходилось делать усилия удержаться от этого шага. Не нехочу, а не могу, нет сил больше жить такой жизнью, как моя. Годы каторги и прошлых лет тюрьмы, очевидно, сделали свое дело. Устал от тюрьмы, тюремных невзгод, а впереди все тоже и тоже. Но в прошлом своем я не раскаиваюсь. Судьба не раз предоставляла мне возможность изменить свою жизнь, но освобождаясь из тюрьмы[,] я всегда шел снова той же дорогой, какой, простите пошел бы и теперь. Это было жестоко по отношению Вас^а, не было возможности заботиться о Вас, давать Вам радость, но иной жизнью я жить[,] очевидно, не мог. Мой путь оказался мне не по плечу, я ухожу, но с сознанием исполненного, насколько позволяли силы, долга и честно прожитой жизни. И только мысль о Вас меня тяготит. Милые мама и папа, Вы редко жаловались мне, мама[-]таки никогда, на свою жизнь. Но[,] любимые мои[,] неужели вы думали, что я не знаю[,] как беспросветно тяжка она. Что часто кусок черного хлеба заменяет Вам обед и ужин. Однажды мне приснился сон, что умираете Вы от голодной смерти, и сейчас я знаю – недалеко это от действительности. И вот, вместо возможности когда-нибудь помощи, а может быть радости и счастья, я приношу Вам сейчас горе и боль. Мама, милая мама, ты видишь я сознаю, что делаю, но скажи[,] голубка, еслиб у меня нашлись силы, если я смог отложить еще хотя на некоторое время разве, родная, я[,] зная тебя[,] не сделал бы этого. Ты меня знаешь и я уверен не обвините^б в забвении тебя. Милая, если Вам передадут мои вещи, я очень прошу тебя мое белье и шубу перешить себе. Голубчик Боря, мама будет отказываться, но ты[,] родной, заставь ее сделать. Так[,] дорогая Клавдия, когда позволит Вам время[,] посмотрите за мамой, она в прошлую зиму по несколько месяцев не меняла «из экономии» белья, пыталась стирать сама, но толку[,] конечно[,] от этого мало. Левочку крепко за меня целуйте. Мама[,] когда будешь иметь адрес

^а Так в документе, следует Тоне и Мане.

^а Так в документе, следует к Вам.

^б Так в документе.

Лидии Семеновны, сообщая ей обо мне, напиши письмо по теплее, она совершенно одинока и ей тяжело будет узнать о моей смерти. Скажи ей, я с глубокой благодарностью вспоминаю ее, много светлаго внесла она в мою жизнь. Прощайте и простите меня, горячо, горячо благодарю Вас всех за заботы, ибо^в мне, ласку, тепло и радость, мне данны[е]. Крепко, крепко обнимаю и целую. Мама, милая мама, как безумно тяжело тебе делать боль, прости[,] голубка родная[,] и ты[,] папа[,] прости. Сергей 20/XII – 23. Четверг.

Передавайте[,] пожалуйста[,] моим товарищам, что горячо их благодарю за доброе, сердечное ко мне отношение, заботу и внимание. Крепко их и их родных обнимаю. С.М. Я в письме не называю ни Жени ни Николая, Нау. Вас. Ан. – адресую его ко всем родным, близким. Дорогая Клавдия[,] передайте привет всем Вашим.

Я вполне спокоен, уложил вещи, написал заявл[ение] в ГПУ об их выдаче. Еще раз крепко всех обнимаю. Ваш Сергей.

Мысль, что[,] может[,] я поддался настроению и не сделал бы[,] если бы поборол себя, может быть для Вас тягостной, вот Вам доказательство, что я и кончаю, т.к. нет сил больше жить в тюремной обстановке, а не под влиянием настроения, я только, что принял яд, кот[орый] оказался не действительным[,] и хочу попробовать вскрыть Артели^г. Простите за эту приписку, но[,] может[,] она поможет Вам ...^д пережить. Целую горячо и обнимаю.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 267–268. Машинописная незаверенная копия того времени, изготовленная в делопроизводстве ГПУ.

№ П-122

Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского Прокурору РСФСР Н.В. Крыленко о несогласии с определением окончания срока его тюремного заключения

24 июня 1924 г.

ПРОКУРОРУ РЕСПУБЛИКИ

Заклученного по делу Ц.К. ПСР
Д.Д. Донского

30 июня с.г. истекает пятилетний срок моего пребывания в тюремном заключении. Арестован был 30 марта 1919 года, и на первом же допросе в тот же день мне были предъявлены след[ователями] Пинесом и Эйдуком обвинения (принадлежность к Ц.К. ПСР и друг.), которые в основных чертах были затем выдвинуты против меня во время процесса 1922 года.

21-го Января 1921 года^а я был освобожден под поручительство Л.Б. Камнева с обязательством являться еженедельно на учет в ВЧК и без права выезда из Москвы (см. т. IV материалов предварительного следствия). Основное дело мое при этом не было прекращено (Ц.К. ПСР),

^в Так в документе, следует обо.

^г Так в документе, следует, видимо, артерии.

^д Отточие в документе.

^а Подчеркнуто в документе при печати.

т.к. через 3 месяца я был возвращен в тюрьму и при допросе 21 апреля 21 года^б мне не было предъявлено никаких, кроме этого обвинений.

Таким образом[,] я нахожусь 5 лет в тюрьме по этому делу. Однако решением прокуратуры, сообщенным мне гр. Катаньяном, мне было зачтено пребывание в тюрьме лишь с 21-го апреля [19]21 года и тем мне было прибавлено, за вычетом 3 месяцев пребывания на поруках, еще 1 г. 10 мес. лишения свободы.

Считая такой расчет неправильным, не соответствующим имеющимся уже прецедентам, нарушающим обязательное[,] казалось бы[,] для прокуратуры постановление Президиума Ц.И.К. Союза ССР от 14 января с.г. и прибавляющим мне без малого 2 новых года лишения свободы, я протестую против этого и прошу:

- 1) Пересмотреть решение прокуратуры,
- 2) к 30 Июня сообщить мне через подлежащие органы место моего нового жительства в ссылке.

С 1-го Июня^в я буду вынужден бороться за своевременное освобождение из тюрьмы всеми доступными средствами.

Бутырская тюрьма
24 июня 1924 года

Д. ДОНСКОЙ

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 36. Машинописная незаверенная копия. На листе вверху слева резолюция: «т. Решетову. Крыленко подписал сегодня письмо. 26/VI-24» (подпись неразборчива).

№ П-123

Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского Ф.Э. Дзержинскому с просьбой об изменении назначенного ему места ссылки

15 июля 1924 г.

Председателю Коллегии О.Г.П.У.

Гр. Дзержинскому.

Меня сейчас известили, что постановлением Особ[ого] Совец[ания] при О.Г.П.У. от 11.VII с.г. мне назначен местом ссылки Туруханский край (даже не сам Туруханск^а) сроком на 3 года. Предполагая указанное место сделать местом постоянного моего жительства, взять туда с собой семью, я совершенно лишен возможности сделать это в данном случае.

Как мне известно из прошлых ссылок, это край, лишенный совершенно своего хлеба с очень суровым и резким климатом, который нельзя даже отнести к разряду «не густо населенных» (постановление Ц.И.К. С.С.[С.]Р. от 14 января с.г.), так как он прямо ненаселен и пустынен (15 тыс. жителей на 1 мил. 150 тыс. кв. верст). Не обладая сам особенно крепким здоровьем и имея в семье мать с пороком сердца 65 лет, жену и сына, страдающих и лечащихся от туберкулеза легких, я не могу рассматривать свою поездку туда с семьей иначе, как обречение на гибель, если не всей, то значительной части ее. Ведь известно, что условия физической жизни и климата Туруханского края на столько губительны для не местных уроженцев, что в прежние времена 5 летний срок даже Яку-

^б Подчеркнуто в документе при печати.

^в Вероятно, следует июля.

^а Здесь и далее подчеркнуто в документе.

тии приравнивался к 4 годам Туруханского края, и при обилии 5 летних приговоров в то время вообще, и молодежь не ссылалась в Туруханск больше, чем на 4 года, в виду репутации Туруханска, как самого гиблого места.

Оставляя же семью в Москве при отсутствии средств и при лишении моей жены возможности служить (ее уволили в этом году со службы по политическим причинам, т.е. из-за меня, ибо со стороны Г.П.У. против нее возражений не имелось), я снова попадаю в то же тяжелое положение, которое принудило меня добиваться зачета мне всего моего предварительного заключения и перевода меня из тюрьмы в ссылку.

Поэтому я настоятельно прошу Вас приостановить и пересмотреть решение Особ[ого] Совещания от 11 июля, назначить мне для жительства местность[,] по климатическим и физическим условиям не обрекающую на медленное вымирание, дать мне возможность личным трудом по специальности (врач) содержать себе^б и семью и воспитывать 13 летнего сына. Таким местом мне рисуется, если оставаться в пределах Сибири и вне линии жел[езной] дор[оги], Минусинск, в крайнем случае Тобольск, или нечто подобное с умеренным или южным климатом.

Об ответе прошу не отказать в извещении.

15/VII 24

Д. Донской

Бутырская тюрьма

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 54–54 об. Рукописный подлинник, подпись – автограф.

№ П-124

Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского заместителю Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде с просьбой об избрании ему местом ссылки Томской губернии

19 июля 1924 г.

Зам[естителю] пред[седателя] Коллегии О.Г.П.У. гр. Ягода.

В дополнение к моему заявлению от 15 июля относительно назначенного мне места ссылки по постановлению Особ[ого] Совещ[ания] при О.Г.П.У. от 11 июля я прошу: 1. Отсрочить мне время моего выезда в ссылку^б до приезда в Москву, вызванных по телеграфу матери и сына, которые приедут вероятно на следующей неделе, чтобы увидаться^в со мной и с моей женой. Последняя, согласно полученному ей разрешению через гр. Хорошкевич отправляется сейчас же со мной на жительство в место ссылки, заарестовываясь для этого в соответственное время.

2. Заменить мне Туруханский край, если невозможно Минусинским или Тобольском, то хотя с. Колпашевым Томской губернии. По слухам[,] это место, как более возвышенное, менее опасно в климатическом отношении для туберкулезных (мой жена и сын больны туберкулезом), и кроме того там я смогу заняться медицинской работой, чтобы

^б Так в документе, следует себя.

^{а-б} Здесь и далее подчеркивания в документе сделаны предположительно Андреевой.

^в Вписано сверху над строкой взамен вычеркнутого попрощаться.

содержать себя и семью[,] с одной стороны[,] и заполнить свое время общепользным содержанием[,] с другой.

3. Предоставить возможность моей жене при следовании со мной на последней станции перед посадкой на пароход (хотя бы в сопровождении конвойного) закупить в этом городе необходимые для жизни в глуши предметы первой необходимости (муку, чай, сахар, керосин и т.д.)[,] чтобы не загромождать лишним багажом транспорт и не удорожать расходы на нашу отставку с самой Москвы. Моя жена, в виду отсутствия денег, лишена возможности поехать на свой счет или отложить закупки до места ссылки, где они во много раз дороже.

4. Разрешить мне в остающийся до отъезда период времени вставить передние зубы (резцы), без которых мне грозит расшатывание и выпадение остальных передних зубов и полная невозможность питаться твердой пищей, что, конечно, значительно отягчает жизнь в ссылке. Зубной врач Г.П.У., производивший удаление расшатавшихся резцов, считает возможным сделать нужный протез в течение недели и находит его абсолютно необходимым в виду отсутствия у меня прикуса.

19/VII 24

Д. Донской

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 59. Л. 56–56 об. Ручкописный подлинник, подпись – автограф. На л. 56 об. внизу резолюция Андреевой: «Т. Хорошкевич. 1) Объявить ему, что высылается в распоряжение ПП ОГПУ по Сибири 2) Отъезд отсрочить, 3) Жене разрешить ехать с ним, 4) О зубах переговорить с Зеленским. 22/VII-24».

КАМПАНИЯ В ПОДДЕРЖКУ ОСУЖДЕННЫХ

№ П-125

**Письмо В. Войтинского секретарю Заграничной
Делегации ПСР Б.Н. Рабиновичу о ходе работы
над книгой о процессе «Двенадцать смертников»**

22 августа 1922 г.

Дорогой Борис Николаевич!

Получил Ваше письмо. Передайте Вас.Вас.¹³⁰, что на нем лежит, между прочим, и освещение всей истории с выкраденными документами.

Я выбросил совершенно главу 3–6-ю («Как партия социалистов-революционеров боролась с большевиками»), а главу 4-ую слил со 2-ой, пополнив их матерьялами из Вашего меморандума.

Новый план моего памфлета таков:

Осужденные.

Преследования социалистов в Советской России.

Провокаторы на службе у Советской власти.

Накануне московского процесса.

Инсценировка народного гнева.

Комедия суда.

Приговор.

О позиции партии при этом плане мне придется говорить исключительно в главе 6-ой, и при том все время словами самих обвиняемых.

Глава 6-ая строится по такому плану: 5. Сперва описание хода процесса, затем рассмотрение дела по существу, в заключение – об обвиняемых.

Таким образом, темы моя и Вас. Вас. отчетливо разграничиваются.

Если будете еще говорить с Вас. Вас., передайте ему мое мнение о его части задачи. Мне кажется, что было бы хорошо, еслибы он мог привести текст постановлений партийных центров с точными датами и, вообще, выдержать статью в стиле документальной справки, своего рода делового досье. Это очень трудно, гораздо труднее, чем лирические излияния против большевистской сволочи. Но это, по-моему, именно то, что нужно в предполагаемом издании¹³¹.

Не можете ли прислать мне [№] 14–15 «Рев. России»? Помещенное в этом № письмо московских товарищей¹³², как мне кажется, должно войти в мою работу, а не в работу Вас.Вас.

Хорошо бы воспроизвести в брошюре прилагаемый автограф Вандервельда. Его можно было бы вклеить в главу 6-ую.

С искр[енним] Приветом
жму руку

Вл. Войтинский

22 авг. 1922 г.

– ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 78–79. Подлинник.

№ П-126

Письмо секретаря Нью-Йоркской группы ПСР Н.К. Комякова Заграничной Делегации ПСР

1 октября 1922 г.

N.K. KOMIAKOFF
840 Forest Avenue
New York City
Секретарь Нью[-]Йоркской Группы

П.С.-Р.

1-го октября 1922 года.

Дорогие Товарищи: –

Вы возложили на нас очень тяжелую и прямо[-]таки непосильную задачу для маленькой Нью[-]Йоркской Группы. Поднять Америку с ее, по сравнению с Европой, специфически-медлительным характером совсем дело нешуточное, тем более, что прежние симпатии к русской демократии или замерли или находятся в какой[-]то недоуменной прострации. Их нужно совершенно заново восстанавливать. Причем, прежние подходы и прежние методы, которые были хороши при борьбе с русским самодержавием, оказываются абсолютно непригодными ни в отношении широких масс, ни в отношении отдельных друзей. Требуется длительная подготовительная работа. Почва для таковой за последнее время начинает мало[-]помалу кое-где обозначаться.

Сама Нью[-]Йоркская Группа бедна активными силами, да и то малое, что могло бы кое-что делать, в настоящее время безработицы так поглощено борьбой за личное существование, что почти не имеет физической возможности уделять время для работы в партийных интересах.

Ваше предложение об начатии компании застало Группу совершенно без средств и совпало с самым разгаром лета, когда все в городе настолько замирает, что нет никакой возможности установить контакт с нужными для дела организациями и отдельными лицами.

Рабочие круги Америки, как Вы знаете, сейчас вплотную прикованы к кризису своей страны и к разразившимся на этой почве грандиозным забастовкам, что, конечно, очень затрудняет привлечение их внимания к событиям в далекой России.

Все это поставило большие препятствия на пути предложенной Вами работы, но все же Группа имела за это время целый ряд заседаний и встреч и обещает сделать все, что будет в ее силах, но результат может выясниться не так скоро, как этого бы хотелось.

Пока же сделано следующее: 1) полученная от Вас декларация в связи с приговором над товарищами размножена и распространена по всем соц. и раб. организациям и периодическим изданиям Соединенных Штатов и Канады; 2) было переведено немедленно и распространено по тем же путям, что и декларация, сообщение специального корреспондента о смерти тов. Тимофеева, которое появилось здесь в Еврейской Социалистической газете «Форвердс»; 3) была послана телеграмма на рабочий конгресс Канады по тому же самому поводу.

Главным нашим устремлением является создание объединенного комитета из рабочих организаций Америки, который мог бы вести широкую работу в защиту политических заключенных в России и в первую очередь, конечно, тех, над кем уже занесен меч смерти. Состоявшиеся две встречи с лидерами крупных рабочих организаций были пока неудачны, так как не все вызванные присутствовали, но обещание содействия от некоторых лидеров уже Группа имеет и в ближайшие дни выясниться более подробно, что можно сделать в этом направлении.

Издавать ежедневный биллетень^а Группа оказалась не в состоянии, налаженного аппарата нет, а обзавестись таковым хотя и можно, но чтоб вести издание[,] нужно оплатить регулярный труд двух человек – с ежедневным расходом в 15 долларов. В силу этого обстоятельства получаемый от Вас информационный материал передавался нами в местные газеты. Но гораздо лучше, если б Вы направляли информацию прямо и непосредственно по следующим адресам^б:

1) На английском языке The New York Call, 112-Lpth Arc., New York, American Federation of Labor Washington D.C.

Justice, 3. W. IS Street, New York (attent. Mr. Danish)

Mr. M.Khinoy, c/a. «Forward», 145 E.B way, N^д.

2) На русском языке:

^гWecker, 145 E.Brodway, New York.

The Day, 183 E.B way, New York

Dos Naye Leban, 242 E.Bway, New York^ж.

Во втором случае можно взамен специальной информации можно^з высылать номера «Голоса России» или вырезки из него. Но в первом обязательно на английском языке, т.к. издания чисто американские, где русского языка не знают.

Относительно книги «Двенадцать смертников» Группа считает нецелесообразным расценивать по возвышенной цене, т.к. таких покупателей

^а Так в документе, следует бюллетень.

^{б-в} Подчеркнуто в документе.

^{г-д} Вписано от руки.

^{е-ж} То же.

^з Так в документе.

сейчас найти трудно, лучше первая комбинация, т.е. расценка по минимальной цене. Может быть практичнее будет цены на обложках книги не выставлять, а предоставить право фиксировать ее здесь на месте и весьма вероятно, что часть количества можно сбыть по возвышенной цене и в зависимости от этого то или иное количество может быть распространено и бесплатно. Относительно количества, в каком книга может быть распространена в Америке, трудно предсказать, так [как] практики у Группы на этот счет давно не было и в этом отношении Группа полагает, что «Издательство» должно соразмерить количество с расходами на издание, т.е. чтоб цена книги не оказалась высокой, что могло явиться главным тормозом^н ее распространения.

С товарищеским приветом (подпись)

P.S. Одновременно с письмом особо высылаются Вам копии распространенного нами материала среди Америк[анских] рабочих.

– ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 12. Л. 87–88. Машинописный подлинник на бланке секретаря Нью-Йоркской Группы ПСР.

№ П-127

Доклад Заграничной Делегации ПСР Бюро Международного Социалистического Интернационала

1 апреля 1923 г.

Секретно.

ПОЛОЖЕНИЕ ПАРТИИ С.-Р. В РОССИИ.

Партия социалистов-революционеров всегда пользовалась в России большим влиянием. Поставив своей задачей, с самого возникновения ее (1899 г.) защиту интересов всех трудящихся – и рабочих, и крестьян, и трудовой интеллигенции, наша партия находила отклик своим идеям в широких слоях населения. Правда, до 1917 г. трудно было в цифрах учесть ее влияние и число членов партии, т.к. при царизме совершенно не было моментов ее легального существования: все ее организации были в подпольи, и даже не было парламентской с.-р фракции в Государственной Думе. Единственный раз, когда партия смогла принять участие в выборах в Госуд[арственную] Думу, это было в 1906 г. Несмотря на всю уродливость избирательного закона, партия тогда получила около 40 депутатских мест, а внесенный партией в Госуд[арственную] Думу основной аграрный законопроект, требовавший передачи всей земли трудящимся, собрал около 106 депутатских подписей. В дальнейшем партия не считала целесообразным участвовать в выборах в царскую думу и сосредоточила все свои силы как в области непосредственной борьбы с самодержавием, так и в профессиональном движении и в кооперации.

В 1917 г., когда партия смогла легально выйти на широкую арену деятельности, рост ее влияния выразался хотя бы следующими цифрами: При выборах в Учредительное Собрание партия с.-р. из 703 депутатских мест получила 416 мест. Из 36 миллионов избирателей в 59 избирательных округах, 20.000.000 избирателей (57 %) голосовали за с.-р.

^н Так в документе.

При выборах в городские думы и земства всюду партия имела большинство. Почти во всех городах России городскими головами были члены нашей партии.

Партия насчитывала около 1.000.000 зарегистрированных членов, 80 ежедневных печатных органов.

Насколько велика была работа партии с.-р. в кооперации, особенно в сельско-хозяйственной, показывает состав различных кооперативных съездов. Так, членами п.с.-р. была представлена почти половина состава Всероссийского съезда кооперативных работников по культурно-просветительной деятельности (1918 г.).

Но война сорвала всю работу демократической России и породила большевизм и белых генералов, а этим загнала социалистов снова в подполье.

Положение партии при большевиках.

При большевиках организациям партии с.-р. пришлось уйти в подполье еще глубже, чем при царизме. Теперь сажают в тюрьму за одно название с.-р., даже в прошлом. Насколько сильны репрессии против с.р.[.] показывают недавние приговоры по делу Михайлова и Эстрина в Петрограде (смертный приговор за распространение с.-р. литературы) и молодого художника Шишкина в Москве (смертный приговор за хранение паспортного нелегального бюро и попытку поставить нелегальную типографию). Весь состав Центрального Комитета, избранный в 1917 г. и дополненный в 1919 г., сидит в тюрьме в качестве заложников. Несколько составов Центрального Бюро также сидят в тюрьме. Некоторые товарищи сидят уже свыше 4-х лет, многие в тюрьмах и в ссылке умерли.

И не смотря на все это, работа партии в ее прежнем выдержанном демократическом и социалистическом духе неуклонно продолжается. На место одних, арестованных, к активной работе подходят другие. В последнее же время, когда жестокость большевиков по отношению ко всем социалистам стала особенно сильной, наши организации стали еще активнее. Доказательством этого служит существование около 6-ти нелегальных типографий и выпуск периодических с.-р. органов, а также возникновение не только партийных организаций, но и областных объединений. Заграничная Делегация П.С.-Р. получает следующие партийные издания: «листок Дела народа», изд. Центр. Бюро Партии, «Труд», изд. Московской организации, «Власть Народа», орган Уральского комитета, «Знамя Труда», орг. Одесского комитета, «Социалист-Революционер», орг. Пензенского Комитета, «Голос Народа», орган Средне-Волжской областной организации, «Голос Социалиста-Революционера», орг. Харьковского комитета, «Дело Поволжья», саратовского комитета, «Революционное Дело», петроградской организации, «Бюллетень» Всеукраинского комитета П.С.-Р. Кроме перечисленных выше периодических изданий, Загр. Делегация получает также и издания непериодические, например, «Кто такие С.-Р. и за что их судили?» – брошюра, изданная Южным Краевым Бюро Партии[.] затем около 10-ти печатных прокламаций, выпущенных по различным поводам (московский процесс, юбилей октябрьской революции, выборы в советы) и др.

Последний всероссийский съезд партии состоялся осенью 1921 г., после него было несколько областных съездов: кавказский, средне-русский, южный, украинский, сибирский. Во главе всей работы стоит Центральное Бюро, при арестах пополняемое представителями от местных организаций.

Надлежит отметить, что работа П.С.Р. в городах тесно связана с данным состоянием пролетариата, распыление которого влечет за собой слабость действующей партийной организации и обратно – скопление и сцепление рабочих масс имеет непосредственным следствием рост и укрепление партийных с.р. организаций, что показательно проявилось за последнее время в усилении партийной работы в местах повышающейся индустриальной деятельности.

Организационная работа в деревне наряду с образованием чисто партийных организаций, отмечалась, за последние годы, созданием массовых крестьянских союзов, под руководством партии.

Кроме чисто политической работы партия принимала деятельное участие в обороне кооперации от разрушающего натиска советской власти, а также вела в целом ряде губерний культурно просветительную работу.

Участия в выборах в советы партия не принимает, т.к. неприкосновенности личности для членов советов в России не существует: выбранный депутат с.-р. моментально арестовывается. Однако, был целый ряд случаев, когда в волостные советы проходило большинство крестьян – с.-р. Но благодаря поведению центральной большевистской власти работа независимых местных советов не смогла продолжаться и нескольких недель. При существовании Дальневосточной Республики¹³³ еще летом 1922 г. при выборах в Народное Собрание (парламент) с.-р-ы получили большинство голосов рабочих (о чем свидетельствуют не только с.-р-овские, но и социал-демократические газеты) и только красная армия и отдаленные сибирские местечки дали коммунистов.

Работа Партии С.-Р. за границей.

За границей Партию С.Р. представляет особая делегация, члены которой избраны и утверждены центральными партийными учреждениями в России. В настоящее время делегация имеет следующий состав (действительные члены и кандидаты): В.М. Чернов, Гр.И. Шрейдер, Н.С. Русанов, и С.П. Постников (в Германии), В.В. Сухомлин и М.Л. Слоним (в Чехии), Е.А. Сталинский (во Франции и Бельгии). Делегация периодически собирается для пленарных заседаний и имеет постоянный рабочий орган – секретариат (в Берлине). При Делегации (в Берлине) издается центральный партийный орган «Революционная Россия».

Задачи делегации заключаются в следующем:

Представительство партии в международном социализме – как на международных социалистических съездах, так и в отдельных странах.

Осведомление западно-европейских рабочих и американских рабочих о положении в России.

Издание Центрального печатного органа партии «Революционная Россия».

Издание книг и брошюр по идеологии и тактике партии.

Транспорт в Россию центрального партийного органа «Революционной России», других партийных изданий, а также и иной независимой литературы, в частности западно-европейских социалистических изданий, запрещенных в России.

Материальное и идейное содействие работающим в России товарищам.

Связь с с.-р.ами, находящимися за границей.

Организация помощи ссыльным и заключенным в советских тюрьмах и ссылке.

Содействие заграничным с.-р. группам в их работе среди эмигрантов (бывших военнопленных, молодежи и т.д.).

Установление постоянной связи с русскими партийными организациями.

Почти весь характер работы Делегации в 1922 г. определился известным Московским процессом, который был для партии не узко-партийным делом, но борьбой против всего коммунистического террора и режима. Так понимали этот процесс наши товарищи на суде, так понимала его и Заграничная Делегация. Поэтому вся кампания в связи с процессом была поставлена в широком международном масштабе.

а) Делегацией был приобретен ежедневный печатный орган «Голос России», который издавался в течение 7-ми месяцев, с Марта по Сентябрь 1922 г.

б) К Берлинскому совещанию был выпущен специальный меморандум на немецком, французском, английском и русском языках, посвященный большевистскому террору.

в) В течение 4-х месяцев издавался ежедневный бюллетень «Соц[иалист]-рев[олюционер]», дававший информацию как о ходе процесса[,] так и вообще о положении [в] России. Бюллетень этот издавался на немецком, французском, английском, итальянском и еврейском языках,

г) Издана на русском, английском, французском и немецком языках книга в 18 печатных листов «ЧЕ-КА».

д) Изданы открытки с фотогр[афиями] подсудимых с.-р. и их защитников.

е) В экстренных случаях разсылались телеграммы по 60-ти адресам социалистических организаций.

ж) Издана книга «12 смертников», на русском, чешском, французском, английском и немецком языках.

з) Было оказано содействие по отправке защитников-социалистов на Московский процесс.

и) Были совершены специальные поездки в Англию, Чехию, Бельгию, Францию, Болгарию, Италию, Прибалтику, Австрию.

На ряду со всей этой работой поддерживалась самая тесная связь с Россией.

Кроме работы в связи с процессом Делегацией выпущено было 10 номеров «Революционной России». До 1923 г. «Революционная Россия» транспортировалась в Россию в массовом количестве, теперь, в виду недостатка средств, количество пришлось сократить. Большевики настойчиво уничтожают не только агитационную, но и научную с.-р.-овскую литературу, легально изданную еще при царизме. Издан специальный циркуляр об изъятии этой литературы из всех библиотек. Поэтому, вследствие настойчивых просьб из России, делегацией разработана программа трех сборников по идеологическим и тактическим вопросам, статьи уже заказаны авторам.

За указанный период члены Делегации участвовали на французском, чешском, немецком, болгарском, бельгийском социалистических съездах, а также на совещании в Брегенце. К Гаагской конференции был издан специальный меморандум.

Помощь т[овари]щам, заключенным в советских тюрьмах[,] выражалась в сборе за границей средств и отправке в Россию посылок и денег.

В декабре 1922 г. делегация приняла самое активное участие в берлинском совещании с.-р., живущих за границей¹³⁴, представив доклады по всем обсуждавшимся на с[ъ]езде вопросам. На совещании были представлены следующие группы П.С.Р.: Пражская, Парижская, Лондонская, Берлинская, Эстонская, Варшавская.

Финансы Делегации.

В январе 1922 г. Загр[аничная] Дел[егация] получила из средств Центр[ального] Бюро, через одного товарища, находящегося в настоящее время в тюрьме в качестве смертника-заложника, 2750 английских фунтов. На эти средства и была поставлена вышеуказанная основная работа. В частности[,] одна покупка газеты «Голос России» обошлась в 600 фунтов. Кроме того, как всякая эмигрантская газета, «Голос России» требовал доплаты около 50 % всех расходов. Из этих же средств в Россию было переведено около 400 фунтов.

Около 160 фунтов было израсходовано в течение 8 месяцев на транспорт литературы. 100 фунтов издержано на поддержание почтовой связи с Россией.

Представительство, издания, агитация, содержание Делегации, выпуск «Револ[юционной] России», отправка защитников в Россию и пр., требовали не только израсходования всей остальной суммы, но и других средств, каковые, за это время поступили, – от продажи изданий, различных сборов от с.-р., живущих за границей, а также от всяческих предприятий (концертов, лекций и т.п.).

Особенно горячее время процесса, его окончание и утверждение приговора, а потом невыясненное положение в первое время после вынесения приговора, – Август – Сентябрь 1922 г. – не позволяли считаться с наличностью кассы, и заставляли нас сделать все возможное[,] чтобы спасти жизнь осужденных. В результате к 1 октября мы оказались совершенно без средств, и только вынужденная спешная продажа «Голоса России» редакции русской газеты «Дни» за 1/3 покупной нашей цены, т.е. за 30.000 чешск[их] крон дала возможность дальше вести работу.

Итак, с 1 октября 1922 г. начался новый период работы Делегации, – в сильно сокращенном масштабе, вследствие финансовых затруднений. Финансы делегации с 1 окт. по 1 апр. представляются в следующем виде:

ПРИХОД	–	1.	За	продажу		
«Голоса России».....					30.000	Кр.ч.
От агентства по счетам «Голо-са Росс[ии]» (причитывалось до 1 окт[ября] 1922 г.).....			1.000.000	г. мар	2.000	" "
Возврат долга II Интернационала.....			6.000	франк	12.000	" "
Из Америки за книгу «Чека» и сбор.....			1.000	долл.	34.000	" "
Из Берлина в пользу заключенных.....			1.400.000	г.м.	3.000	" "
Из Парижа в пользу заключенных.....			2.000	франк.	4.100	чешск. кр.
За продажу «Рев[олюцион-ной] России».....			800.000	г. мар.	1.500	" "
Различных поступлений.....			1.000.000	" "	2.000	крон чешск.
Итого.....					89.000	" "
РАСХОД: 1. Возврат долга по «Голосу России».....					6.000	чешск. крон
То же.....			250	долл.	8.500	" "
Послано в Россию.....			410	долларов		" "
и 9 посылок по.....	10	" "	90	долл.	17.000	" "

Поездка на французск[ий]					
Соц[иалистический] съезд 2 делегатов.....				2000	" "
Поездка в лимитрофн[ые] страны?.....				1.000	" "
Почтовая связь с Россией.....				4.750	" "
Похороны т. Рубановича.....				3.000	" "
Изд[ание] «Рев[олюцион-ной]					
России».....	500	1200	1.000	3.500	" "
Содержание делегации.....				10.000	" "
Уплата за транспорт «Рев[олюционной] России».....				1.500	" "
Бюллетень.....				1.000	" "
Бумага на сборники.....				1.200	" "
Адвокаты по Берлинскому процессу.....				700	" "
Помещение Делегации.....				1.000	" "
Различные расходы.....				4.000	" "
Бумага для «Револ[юционной] России.....				1.200	" "
Возврат долга П. А. Д.....				1.200	" "
" " О. И Н.....				2.100	" "
Дано в долг.....				950	" "
Итого.....				66.500	" "

Остаток на 1 апреля 1923 г.: 89.000 – 66.500 – 22.500.

Из этой суммы 12.000 чешск[их] крон неприкосновенны, так как принадлежат партийному фонду заключенных и ссыльных товарищей.

– Hoover Institution. B.I. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3. Подлинник.

№ П-128

Листовки Московского Бюро ПСР, выпущенные в связи со смертью члена ЦК ПСР С.В. Морозова

Не ранее января 1924 г.

[1.] НА СМЕРТЬ ЧЛЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТА^а РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ СЕРГЕЯ МОРОЗОВА

Если мне суждено еще быть на воле[,] мои небольшие силы будут отданы тому же делу, которому я служу уже пятнадцать лет: делу освобождения трудящихся, на борьбу за свободу народа против его угнетателей и поработителей.

Это было последнее слово т. Морозова на процессе социалистов-революционеров.

Ему не суждено было больше быть на воле.

21 декабря в одиночной камере внутренней тюрьмы ГПУ т. Морозов кончил счеты с жизнью: вскрыл себе артерии. Слишком поздно подоспевшие тюремщики нашли его остывшее тело и наполненные кровью кувшин и чайник.

Не мы его убили, не мы... он сам... смотрите, потрясая последней запиской мученика перед глазами его товарищей, истерически кричали следователи[-]чекисты.

Нет Вы, вы и Центральный Комитет Коммунистической партии. Вы

^а Так в документе, следует социалистов.

убийцы и на Вас эта кровь. Кровь борца за свободу народа. На вашей совести. И когда народ предъявит Вам счет из всех Ваших преступлений, это будет одним из самых тяжких и позорных.

Сейчас Вы его будете скрывать всеми неправдами, чтобы эта мученическая смерть Вашего пленника-заложника не подорвала окончательно доверия к Вам со стороны международного пролетариата[,] не помешала признанию Вас буржуазными правительствами Европы. Вам не впервые прятать свои преступления. Но ведь кровь мученика за свободу нельзя скрыть. Она кричит на весь мир. Весь мир узнает. И не только рабочие и крестьяне – все, все в ком есть хоть капля человеческого, заклеят Вас позором.

ИМЕНЕМ РУССКИХ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ВЫ УБИЛИ БОРЦА ЗА ИХ СВОБОДУ.

Именем рабочих и крестьян борцов за свободу убивают только русские коммунисты. И рабочие и крестьяне России и Европы запомнят это надругательство над собою.

В своей революционной работе и при царизме и при коммунизме Сергей Морозов никогда не руководствовался тем, что грозит ему за эту работу. Не даром при царизме он выдержал семь лет каторги, а при коммунизме пять лет тюрьмы.

Вашим врагом я был, есть и останусь, бесстрашно заявил он перед лицом смерти коммунистическому суду.

И вражеский суд приговорил его к расстрелу, а исполнение приговора отложил на неопределенное время в зависимости от работы и тактики п[артии] социалистов-революционеров на воле и от общих политических условий.

Но не непрерывное ожидание притаившейся смерти убило нашего товарища. Смерти и предсмертной муки он не боялся. У него навсегда отняли возможность борьбы за свободу, за угнетенный народ. А в этой борьбе для Сергея Морозова был весь смысл жизни. И не зачем стало жить.

Смерть его не пройдет бесследно. Она будет призывом к борьбе. Но пусть не влечет она новых смертей. Пусть тов. Сандомир в Соловках[,] вскрывши артерии себе, чтобы своею смертью заявить протест против коммунистических насилий, пусть он будет последней добровольной жертвою.

Не смертью, борьбою будем протестовать против произвола, зверства и лицемерия кремлевских самодержцев.

Товарищи социалисты-революционеры, в подполье, окруженные чекистским шпионажем и провокаторами, ведущие тяжкую борьбу, не падайте духом. Наш погибший товарищ передал Вам омоченное своею кровью славное знамя партии социалистов-революционеров. Не спускайте его. Несите его с честью сквозь строй коммунистической клеветы, издевательства и террора вперед в царство правды, свободы и равенства.

Товарищи социалисты-революционеры, те что устали и отошли от борьбы, если Вы в душе остались социалистами-революционерами, смерть Сергея Морозова всколыхнет Вашу душу: он умер потому, что тюремные стены не давали ему бороться за правое дело. Не[у]жели сможете Вы на воле сидеть сложа руки перед его могилой. Ведь своею смертью он призвал и Вас к борьбе. Ведь те, другие его друзья и соратники за тюремной решеткой, и мы[,] его товарищи на воле, напрягающие силы в неравной борьбе, – мы все ждем Вас.

2. Товарищи рабочие и крестьяне. Вашим именем насильники коммунисты загнали в могилу бесстрашного борца за Ваше счастье и свободу. Вашим именем они мучат и убивают социалистов, наполнили ими тюрьмы. Так делал и царь... Но царь не смел пользоваться Вашим именем.

Неужели Вы будете молчать.

Объединяйтесь. Собирайте силы.

Партия социалистов-революционеров жива. Она зовет Вас. Она как и при царе, борется за Вас, за Вашу свободу.

МОСКОВСКОЕ БЮРО ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

– ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 273–273 об. Машинописный экземпляр того времени. На л. 273 об. внизу помета: «тов. (фамилия неразборчива) в папку листовок ПСР в 1924 г.».

Дело 16

¹ По меткому замечанию отечественного историка В.И. Миллера, партии социалистов-революционеров (с.-р. или эсеров) «не повезло дважды: сначала в истории, затем в историографии». И действительно, в отличие от более или менее адекватных представлений о сущности воззрений и моделях общественного переустройства кадетов, октябристов, социал-демократов обеих фракций, «черносоптенцев», подобные представления в массовом сознании (да и у части историков) о партиях неонароднического спектра, прежде всего об эсерах, далеки от реальности. Причины этого нужно искать, с одной стороны, в жесткой идеологической цензуре советского времени, с другой – в сложности и противоречивости самого объекта исследования, а отнюдь не в одной только политической ангажированности и предвзятости исследователей и публицистов.

В советское время средствами пропаганды целенаправленно было создано устойчивое представление об эсерах как о людях крайне несерьезных, экзальтированных, истеричных, перемежающих бросание бомб с пустыми патетическими речами, прекраснодушных утопистов, социалистов-реакционеров, чей социализм не революционен, а революционность не социалистична. Крайне любопытно, что повальная смена минусов на плюсы в постсоветское время эсеров практически не коснулась. Более того – старые мифологемы прекрасно наложились на новые, трактующие эсеров примерно так, как это делали представители охранного ведомства до революции.

Взаимоотношения двух крупнейших российских социалистических партий – РСДРП и ПСР – вряд ли уместно рассматривать (как это зачастую делалось) с сугубо формальной точки зрения и сводить эти взаимоотношения к формуле «сотрудничество и борьба». Сами эсеры и эсдеки называли себя «друго-врагами». В этом немного режущем слух искусственном словосочетании достаточно хорошо отражены центробежная и центростремительная тенденции, характерные для их взаимоотношений.

Что питало центростремительную тенденцию? Многое. Обе партии ставили перед собой единую конечную цель – социализм. Обе партии являлись членами II Интернационала. У них совпадали многие программные и тактические установки. У них был общий враг – самодержавие, сажавшее их в одни тюрьмы. У них были (при всех оговорках) общие народнические корни. Многие из них были связаны личными отношениями, иногда – дружбой. Первые русские марксисты – Г.В. Плеханов, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, А.Н. Потресов, В.И. Засулич – начинали как народники. С другой стороны, многие эсеры начинали свою политическую карьеру как социал-демократы (С.Н. Слетов, Б.В. Савинков, И.П. Каляев, А.Д. Покотилов, Б.Н. Моисеенко, Е.Ф. Кудрявцев, П.М. Рутенберг и многие другие). Да и с идейной стороны все-таки существовало определенное взаимопроникновение идей. Такой четкой грани между их идеологиями, как, скажем, между кадетами и с.-д., не существовало. Конечно, кристаллизация и формирование российской социал-демократии шли под знаком отталкивания от идей и практики народничества. И тем не менее Г.В. Плеханов еще в середине 90-х годов XIX в. говорил о социал-демократическом секторе в общей семье русских социалистов-революционеров, к которым относили землевольцев, чернопередельцев, народовольцев, народоправцев (См.: Чернов В.М. Перед бурей. М., 1993. С. 108). В свою очередь, самоопределение эсерства шло путем отталкивания идей социал-демократии, воскрешения некоторых постулатов старого народничества.

В то же время влияние марксистских идей на формирование эсеровской официальной доктрины трудно переоценить. В свою очередь, и с.-д. заимствовали некоторые идеи у эсеров и уж по крайней мере учитывали их опыт на практике. Это относится и к теории «перманентной» революции Л.Д. Троцкого, и к идейным и тактическим заимствованиям, которые сделал В.И. Ленин в 1917 году и позже (от идеи прерыва буржуазного развития до идеи социализации земли и использования кооперации в социалистическом строительстве).

Не менее сильным, а точнее говоря, преобладающим было взаимное отталкивание этих партий. Причины этого отталкивания различны и многообразны. И ес-

ли одни из них, скажем идейно-теоретические, хорошо известны, то другие, лежащие в области социальной психологии, исследованы мало. Так, например, уже современники отмечали такие явления, как наличие нескольких устойчивых социально-психологических типов революционеров (эсеры, анархисты, с.-д.), имевших также порой внутреннюю градацию (См.: Майский И.М. Демократическая контрреволюция. М.; Пг., 1923).

Объединительные устремления были вовсе не новы в истории русского социалистического движения, расколовшегося в конце XIX в. на две основные части (если не считать анархистов). Они звучали уже в 90-х годах, как об этом вспоминал В.М. Чернов (Чернов В. Записки социалиста-революционера. Кн. 1. Берлин; Пг.; М., 1922. С. 179–181). В 90-е годы XIX в. и в первые годы XX в. социал-демократы сохраняли свою доминирующую позицию в российском социалистическом движении. Обильную пищу для размышлений дают выводы К.Р. Кочаровского, сделанные им уже в начале 20-х годов, когда он писал: «Силу социал-демократии в Первой Революции и победу большевизма во Второй невозможно понять, если не помнить тот огромный перевес сил, которым они обладали на рубеже революций в 1900 году. Поколение 90-х годов было почти сплошь марксистским, а именно это поколение – люди в возрасте от 20 до 35 лет – делало Первую Революцию, оставляя социал-революционерам за малыми исключениями “старых да малых” – немногих выживших прежних народников и народолюбцев, да начавших понемногу лишь с 1902–03 гг. приливать неоперившихся юношей. А кроме того за социал-демократами стояли уже сотни и тысячи “сознательных” полунинтеллигентных рабочих, вымуштрованных в 90-е годы и быстро размножавших вокруг себя себе подобных. И эти густые ряды были сосредоточены в центрах и делали одно дело: пропагандировали, вдалбливали несколько десятков тезисов – буквы марксистской социалистической азбуки, элементы элементного и потому элементарного учения... И на митингах “эсдеки” буквально “забивали” эсеров и количеством и качеством ораторов, и практичной компактностью своей доктрины. Они занимали готовую позицию в своей бронированной “твердокаменной” догме и чтобы выбить из этой позиции, требовалась большая и организованная сила, требовалось время, требовалось усиление, “отверждение” самого их противника – “молодого народничества”» (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 67. Л. 40–41).

Впрочем, на первых этапах становления эсеровских организаций взаимоотношения между ними были сравнительно терпимыми, а объединительные настроения в обеих партиях были весьма сильны, охватывая как ряд лидеров, так и партийных работников на местах. Существовал ряд объединенных эсеровских и социал-демократических организаций в различных регионах России. Вспоминая позже отношение руководства эсеров к этому процессу в 1904 г., В.М. Чернов писал: «В России тяга к улучшению наших взаимоотношений с социал-демократами тоже очень заметна: при нашем горячем одобрении кое-где, особенно в Саратове и на Урале, уже возникают даже объединенные группы социал-демократов и эсеров, и, почем знать, быть может, им удастся стать пока еще недостающим связующим звеном для создания в дальнейшем объединенной социалистической партии в России» (Чернов В.М. Перед бурей. С. 195).

Серьезные разногласия возникли лишь после включения эсерами индивидуального террора в свою тактику и определения «особого отношения к крестьянству». Инициаторами обострения отношений выступали социал-демократы. Несомненно, что помимо идейных соображений играла роль и боязнь конкуренции со стороны социалистической партии. Социал-демократическая пресса устами своих лидеров клеймила эсеров социал-реакционерами, «вспышкопускателями», буржуазными демократами и т.п.

Интересно замечание меньшевика В.О. Левицкого, относящееся к лету 1902 г., о причинах охлаждения в его четырехлетних дружеских отношениях в эсером А. Покотиловым: «И причиной тому была не перемена нашего внутреннего отношения друг к другу, а исключительно принадлежность наша к двум различным политическим партиям» (Левицкий В.О. А.Д. Покотилев (Из личных воспоминаний) // Каторга и ссылка. 1922. № 3. С. 169).

В то же время, по свидетельству Б.В. Савинкова, члены БО 1904–1905 гг. считали, что они служат «всей российской революции без различия партий и направлений». В 1910 г. Савинков заявлял членам Судебно-Следственной комиссии по делу Азефа: «В наших глазах это имело большое значение, потому что многие из нас не вполне понимали даже, зачем нужна такая борьба с с.-д., хотя из того, что я

сказал, вы видите, что мы меньше всего были с.-д. Но всякие партийные разногласия были нам весьма чужды, до известной степени непонятны и всегда мы относились к ним с некоторым неодобрением» (ГАРФ. Ф. 1699. Оп. 1. Д. 133. Л. 24).

В это же время М.А. Натансоном была предпринята попытка сблизить обе партии. Сам он долго не мог определиться в своем выборе и занимал как бы «промежуточное» положение, будучи вхож в руководящие круги и эсеров и социал-демократов, пользуясь своим авторитетом и связями. В 1910 г. М.А. Натансон так вспоминал о событиях 1904 г.: «Затем случился один факт, который дал возможность больше войти в дела партии; это история о том, как мы с Плехановым задумали устроить боевой наступательный и оборонительный союз с.-р. с с.-д... Примирение с с.-д. и заключение с ними союза расстроилось вследствие непримиримой позиции, занятой Даном, Аксельродом и Дейчем» (Там же. Л. 6). Все это оттолкнуло М.А. Натансона от социал-демократов и повлияло на его решение вступить в ПСР.

В годы революции 1905–1907 гг. обе партии были вынуждены тесно сотрудничать в своей борьбе с самодержавием. Позже эсеры с улыбкой вспоминали, как во время революции эволюционировал способ обращения друг к другу на митингах ораторов двух партий. Для социал-демократов каждый оратор-эсер «был сначала просто “г. такой-то”. Потом какой-то находчивый человек приискал остроумную формулу “товарищ по революции”. Спасительная формула быстро привилась и пошла в ход. Но потому ли, что язык социал-демократических ораторов уставал и путался в длиннотах этой формулы, или потому, что *à la longue* глубокомысленный формализм ее стал, наконец, становиться детским и смешным, – но только “товарищ по революции” постепенно сменился “товарищем” *tout court*» (Кризис большевизма // Знамя труда. 1909. № 23–24. С. 1). Не менее находчивым оказался социал-демократ, закончивший митинг на ст. Зима по случаю проезда через эту станцию группы эсерок-террористок, в числе которых была М.А. Спиридонова (выступившая перед собравшимися с яркой речью о программе эсеровской партии и очаровавшая аудиторию), словами: «Итак, товарищи пролетарии всех стран, соединяйтесь, чтобы в борьбе обрести право свое...» (См.: Измайлович А. Из прошлого // Женщины-террористки в России. Ростов-на-Дону, 1996. С. 407–408).

На I съезде ПСР М.А. Натансон, делая доклад по вопросу об отношениях к политическим партиям, заявил следующее: «Наша задача – создание в России единой социалистической партии, т.к. только такая партия сможет осуществить в будущем всесторонний социалистический переворот и организовать жизнь общества на новых началах солидарности и равенства» (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. 1900–1907. М., 1996. С. 433). От имени комиссии он предлагал заключить с РСДРП и родственными ей организациями «боевые соглашения для координирования действий», под контролем ЦК (по крайней мере в наиболее важных случаях). В то же время он предупреждал: «Вообще с с.-д. нужна осторожность и еще раз осторожность, т.к. вероломство их достаточно уже нами испытано» (Там же. С. 435).

Для того, чтобы лучше понять взаимоотношения эсеров и социал-демократов, обратимся к воспоминаниям, которые дают возможность, спустившись с «официального» уровня на «бытовой», увидеть те нюансы, которые и позволяют лучше понять явление.

Любопытен эпизод о диспутах группы с.-д. и с.-р. по дороге на каторгу, рассказанный с.-д. С. Васильченко: «[...] Однажды я похвастал ему (А. Браиловскому – *сост.*) тем, что после одного спора с эсером о мелкобуржуазности требований этой партии, домогающейся поддержки за счет государства мелиоративных товариществ, я согласился с ним во взглядах, Браиловский махнул рукой. – “Знаю, как вы сходитесь, – заявил он, – ты ему немножечко уступишь, он тебе немножечко, а в результате от спорного вопроса останется один пшик. Впрочем, упражняйтесь”. И мы “упражнялись” до Красноярска. Так как в партии были и женщины, то двое каторжан из нашей группы унесли при разлуке даже нежные чувства к эсеркам и не прочь были хлопотать о разрешении жениться» (Васильченко С. После первого боя // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 53–54).

Живописную картину дружеских отношений эсера Н.Д. Шишмарева с меньшевиком К. Быковым-Адамовичем нарисовал их товарищ по Одесской тюрьме П. Витязев. Оба принадлежали к наиболее влиятельным фигурам среди политических заключенных. Большевик Карл Быков-Адамович являлся тюремным старос-

той и «был огромного роста и большой физической силы. Галя (Н.Д. Шишмарев – *сост.*) пред ним казался прямо карликом. Быков относился к Гале прямо с отеческой любовью. Тот ему платил тем же. Нельзя было без смеха глядеть, как Галя дразнил своего добродушного “Карлу” и как тот отшучивался в свою большую бороду. Обычно они резались по аграрному вопросу. Или же Галя прокатывался насчет “пролетариев” и их “классового сознания”, чем особенно досаждал Быкову. Но эти, чисто теоретические разногласия, не мешали их тесной дружбе, которую какой-то досужий тюремный шутник определил как “неестественную помесь эсдека с эсером”» (Витязев П. Памяти Н.Д. Шишмарева. Из воспоминаний // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 251).

Проигрывая «хитроумным эсдекам» в шахматы, экспансивный Шишмарев, у которого не хватало необходимого терпения и выдержки, однажды разразился ироничной тирадой: «Они не играют, а высиживают партии, как курица цыплят, – жаловался на них Галя. – Впрочем, что от них и требовать, коли они и русскую революцию высиживают, – заключал он под общий хохот. “Карла, а Карла, как ты думаешь, – не унимался дальше Галя после своего шахматного поражения, – чем меньшевики служат русской революции? Скажи, дюша мой, нэ стисняйся...” Но “Карла”, сам любящий крепкое словцо, вместо ответа лишь покатывался с хохота» (Там же).

Вместе с тем многие мемуаристы отмечают, что даже в тюрьмах, как только у политических заключенных появлялась свобода выбора, они селились по партийной принадлежности. Так, по замечанию В. Плескова, в Горно-Зерентуйском центре «каждая фракция, по причинам практического и идейного характера, желала быть в одном месте и жить сплоченной семьей» (Плесков В. Из литературного архива Горного Зерентуя // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 172).

По воспоминаниям с.-д. Г. Крамарова, Нерчинская каторга в 1908 г. резко делилась на партийных и беспартийных, а «среди партийных, в свою очередь, обособленно держались группы эсдеков, эсеров, пепезов (членов ППС – *сост.*) и анархистов, имевших свои организации, но живших в общем довольно мирно, не пытаясь заострять свои теоретические расхождения. И, наконец, во фракции эсдеков совсем уже сплетались большевики и меньшевики» (Крамаров Г. Памяти А.В. Попова // Каторга и ссылка. 1923. № 6. С. 264).

Характерно, что эта идиллия длилась лишь до появления на каторге «непримиримого большевика» А.В. Попова. По словам Г. Крамарова, «вступив в отчаянную схватку с эсерами и обругав их и мелкобуржуазными социалистами, и социал-реакционерами, и вспышкопускателями и т.д. и т.п., он не оставил в стороне и находившихся там же меньшевиков, которых он не называл иначе, как “мягкотелыми”. Попов готов был спорить в любой час дня и ночи. Его аргументы поражали всегда наличием серьезного багажа, остротой и язвительностью, а главное, глубокой искренностью. Он никогда не считал себя побежденным, да по существу, никогда и не был побежден. Если ему не удавалось убедить других в правоте своих слов, то он выходил из себя, разносил противников на чем свет стоит и никогда не умолкал первым» (Там же. С. 265).

Замечание большевика В. Виленского об Якутской ссылке в 1912 г. позволяет понять, что собственно говоря связывало эсеров и социал-демократов: «Нельзя сказать, чтобы в этот первый период нашей ссылке жизни между нами и эсерами существовали какие-нибудь острые разногласия или столкновения. Каждая группа жила своей жизнью, своими интересами, но между ними было живое общение, объяснявшееся, может быть, в значительной степени тем, что большинство было связано совместным сидением в Нерчинской каторге. Позднее, когда подошла новая публика, из новых тюрем, личные связи ослабли, и обе фракции Якутской ссылки больше обособились» (Виленский В. (Сибиряков) Последнее поколение Якутской ссылки // Каторга и ссылка. 1923. № 7. С. 134).

Примечательно, что побег эсерки-террористки М. Школьник из больницы Иркутской тюрьмы в 1911 г. был осуществлен силами иркутских социал-демократов (Гольдин. Побег Марии Школьник // Каторга и ссылка. 1921. № 2. С. 48–49). Общеизвестен факт, относящийся к 1912 г., когда большевик В.В. Куйбышев, чувствуя, что его арестуют со дня на день, собрался эмигрировать. Но узнав от знакомого эсера, что одному из его товарищей, за которым числилось участие в террористическом акте, грозит неминуемый арест с последующей каторгой или виселицей, отдал свой заграничный паспорт и вскоре сам отправился в ссылку в Туру-

ханский край. Любопытно, что даже весной 1910 г., когда отношения между эсерами и социал-демократами были весьма прохладными, секретарь «Парижской группы содействия РСДРП, Бунду и СДПиЛ» обратился к В.М. Чернову с просьбой «пожертвовать» в библиотеку группы его произведения, вышедшие в России за последние три-четыре года (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 97. Л. 381).

Какой вред революционному движению наносила вражда и несогласованность действий с.-р. и с.-д., ярко показала революция 1905–1907 гг. на массе мелких и крупных примеров. Весьма показателен, например, эпизод, произошедший в Екатеринославле в ноябре 1906 г., когда пять членов Украинской боевой группы ПСР напали на шестерых конвоиров, ведших в суд их товарищей. Конвой оказал упорное сопротивление, ранив одного нападавшего и двух заключенных (принявших участие в стычке) и ретировался только тогда, когда была брошена бомба (почти все солдаты были ранены). Каково же было удивление трех схваченных боевиков, когда чуть позже на очной ставке все конвоиры «не опознали» их, так как принадлежали и к военной организации социал-демократов (См.: Комаров Н. Очерки по истории местных и областных боевых организаций партии социалистов-революционеров 1905–1909 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 4. С. 68–73). Любопытно также объяснение В.Н. Фигнер о том, почему в 1910 г. в создаваемый ею комитет общества помощи политкаторжанам она и ее единомышленники не включили представителей ПСР и РСДРП: «Политические партии с.-д. и с.-р. хотели ввести в наш комитет своих представителей – мы единодушно отказались от этого. На основании опыта в Нижнем Новгороде я опасалась недоверия, подозрения в лицепритии и споров. Благодаря этой мере у нас не было разногласий, бесполезной траты времени и разбрасывания сил» (Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. В 6-ти т. Т. 3. М., 1929. С. 384).

Яркую картину взаимоотношений эсеров и с.-д. мы находим в воспоминаниях эсерки Ю. Зубелевич, одной из организаторов Кронштадтского восстания в 1906 г. Она красочно рисует собрание эсеров и с.-д. накануне восстания, проводившееся в «ветхом домике» старого рабочего Трофима: «[...]эсдеки пробуют с нашими столкнуться. Повышенные голоса, злые реплики, выделяется придирчивый голос Яна (С.Ф. Михалевич – в то время руководитель Центрального военного бюро ПСР – *сост.*). Стою, прислонившись к косяку. Войти туда? Попасть под перекрестные ругательства? Нет, ни за что! Все нетерпеливее и несдержаннее становятся все. [...]Но разве это спор? Это просто попытки в запальчивости и раздражении наговорить друг другу возможно больше неприятностей. И это революционеры! Накануне выступления! Может накануне своей ли, чужой ли смерти!

И вдруг стихли. Со стороны эсдеков заговорила девушка, молодое существо лет 18. Заговорила, и все смолкли и внезапно затихшие слушали ее короткие отрывочные фразы. [...]Эта девушка, ясная и выдержанная, резко выделялась на фоне рассерженных лиц и недобрых взглядов. И только она одна казалась здесь и доброй, и умной, и вдумчивой.

[...]За дверями между тем слышался шум отодвигаемых стульев. – С вами одной только и можно разговаривать! – слышался голос Яна, показавшегося в дверях рядом с эсдечкой. Старик и ребенок выходили вместе. Они поладили друг с другом» (Зубелевич Ю. Кронштадт в 1906 году (Воспоминания революционерки). Ч. 3. Кронштадт, 1917. С. 20–25).

Таким образом, нельзя не увидеть тех общих черт, которые были характерны для взаимоотношений эсеров и социал-демократов в целом. Общая картина крайне противоречива: здесь и предубежденность и непримиримость обеих сторон, нарушаемая попытками отдельных, наиболее непредвзятых и терпимых, услышать другую сторону, и бурный темперамент, и неумение держать себя в руках, и застарелые обиды, и понимание того, что договариваться все-таки надо, и бессилие от того, что найти общий язык крайне трудно, и понимание того, что за все это придется расплачиваться и своей кровью, и кровью тех, кого они поведут за собой.

² Российская Социал-демократическая рабочая партия (меньшевики) (РСДРП(м)), Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная) (РСДРП(о)). Фракция Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). Организационно оформилась после 2-го съезда партии (1903 г.) и получила название по результатам выборов в центральные органы партии. Ведущие деятели меньшевизма: Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, Г.В. Плеханов,

А.Н. Потресов, Н.Н. Жордания, И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе. Меньшевизм как идеология сформировался с окончанием революции 1905–1907 гг. и опирался на концепцию «общенациональной» революции (в которой пролетариат выступает лидером, но в случае победы уступает власть буржуазии); стремился к коалиции рабочего, либерального и крестьянского движений; выдвигал концепцию преобразования «интеллигентской» РСДРП в «широкую рабочую партию», в которой минимизировалась роль профессиональных революционеров; высказывал нежелание контролировать революционный процесс и стремление перенести центр тяжести партийной работы в профессиональные союзы, Советы, кооперацию и другие общественные организации; признавал равноценность думской и внедумской деятельности социал-демократии. После Февральской революции 1917 г. меньшевизм становится одной из влиятельных сил в России: значительно возросла численность меньшевистских организаций, его представители играли ведущую роль в Советах рабочих депутатов, занимали министерские посты во Временном правительстве. В феврале–декабре 1917 г. политика меньшевизма направлялась лидерами центристского направления (Ф.И. Дан, М.И. Либер, И.Г. Церетели, Н.С. Чхеидзе). Состоявшаяся в мае в Петрограде Общероссийская конференция меньшевистских и объединенных организаций РСДРП приняла политическую платформу оборонческого характера и создала общепартийный центр – возглавлявшийся П.Б. Аксельродом Организационный комитет из 17 ч. человек. В августе 1917 г. в Петрограде был созван Объединительный съезд РСДРП, в котором участвовали 222 делегата с решающим голосом, представлявшие 146 организаций общей численностью свыше 193 тыс. человек. Съезд принял решение изменить название партии на РСДРП(объединенная), председателем партии был избран Аксельрод. Наибольшим влиянием в партии располагали оборонцы, проводившие в ЦК 28 человек против 14 от интернационалистов. В сентябре часть интернационалистов (фракция «новожизненцев») выделилась в самостоятельную партию – Российскую социал-демократическую рабочую партию (интернационалистов).

До октября главной задачей партии основная часть меньшевиков считала коалицию с либеральным движением. Кризис коалиционной политики и внутрипартийные разногласия подорвали влияние партии. Численный состав меньшевистских организаций заметно снизился. На выборах в Учредительное собрание меньшевики получили 2,3 % голосов. После Октябрьского переворота меньшевики пытались изолировать большевиков от общественности страны и противопоставить им единый демократический фронт политической оппозиции. ЦК РСДРП(о) отказался от участия в работе 2-го съезда Советов и решил вступить в переговоры с Временным правительством о создании коалиционной демократической власти. После провала организованного А.Ф. Керенским наступления войск генерала П.Н. Краснова на Петроград ЦК меньшевиков высказался за мирные переговоры с большевиками на основе признания равноправия всей «революционной демократии» и отказа от создания Республики Советов. Не соглашаясь с отказом от вооруженной борьбы за власть представители фракции оборонцев вышли из ЦК. 10.11.1917 Центральный комитет отозвал представителей партии из Комитета спасения Родины и Революции. На Чрезвычайном партийном съезде (30.11.–07.12.1917, Петроград) левые и центристы достигли компромисса и в политике «официального меньшевизма» возобладала левоцентристская ориентация. Меньшевики продолжали отстаивать лозунг демократической республики, но отвергали насильственные методы ее восстановления, опасаясь гражданской войны. С конца 1917 против меньшевиков начинаются репрессии. После разгона Учредительного собрания (05.01.1918) основная деятельность меньшевиков сосредоточилась в Советах и самостоятельных рабочих организациях, в которых они сохранили, а в ряде случаев и увеличили число своих представителей. Вместе с эсерами меньшевики возглавляли движение «уполномоченных фабрик и заводов» (март–июнь 1918 г.). В 1918–1920 гг. меньшевики контролировали многие профсоюзы и кооперативы. Но большевистское руководство проводило активное вытеснение меньшевиков из общественных организаций. Всероссийское совещание РСДРП (май 1918 г.) высказалось против вмешательства союзных держав в российские дела. Постановлением ВЦИК РСФСР от 14.06.1918 эсеры и меньшевики исключались из состава ВЦИК и Советов всех уровней. В июле–августе меньшевики подверглись массовым репрессиям и продолжали деятельность полулегально. Однако ЦК РСДРП(о) отказывался поддерживать антибольшевистские восстания и движения, интервенцию. Правые

меньшевики критиковали «нейтралитет» по отношению к большевикам и образовали внутри партии «Группу борьбы за независимость и демократический строй России». В октябре 1918 г. ВЦИК РСФСР разрешил участие меньшевиков (кроме т.н. «активистов» из «Группы борьбы за независимость и демократический строй России») в работе Советов и организации обороны страны. Всероссийское партийное совещание РСДРП (27.12.1918–01.01.1919, Москва) высказалось за признание «советского строя как факта действительности, а не как принципа». Совещание сняло лозунг Учредительного собрания и признало неприемлемым блокирование с «партиями имущих классов» и с демократическими партиями, «связанными с контрреволюцией». Выдвигалась программа демократических реформ: свободные выборы в Советы, восстановление свобод, самостоятельность и самоуправление общественных организаций, «лишение каких бы то ни было партийных организаций характера правительственных учреждений». В 1919–1920 гг. меньшевики действовали относительно легально. Во время наступления армий адмирала А.В. Колчака и генерала А.И. Деникина ЦК РСДРП(о) призвал к «революционному свержению белогвардейских режимов» и защите Советской власти, объявил партийную мобилизацию в Красную армию. Меньшевики принимали активное участие в организации партизанского и забастовочного движения в тылу войск Колчака и Деникина. В изданной летом 1919 г. программной декларации «Что делать?» они высказывались за экономическую либерализацию и политическую демократизацию. В марте–апреле 1920 г. прошедшее в Москве совещание РСДРП приняло в качестве новой платформы партии тезисы Мартова «О мировой социальной революции и задачах пролетариата» и тезисы Дана «О текущем моменте». Меньшевики рассматривали социальную революцию как длительный процесс перехода от одной формации к другой. Происходило сближение теоретических установок РСДРП(о) и РКП(б) по вопросам установления диктатуры пролетариата и классовой борьбы в переходный период. Одновременно меньшевики отстаивали позиции «демократического централизма», гражданские свободы и отвергали неправомерное насилие. К 1921 г. в партии сложились два центра – ЦК и Заграничная делегация (первоначально в нее вошли Мартов и Р.А. Рейн (Абрамович), позднее – Дан, И.Л. Юдин, Г.Я. Аронсон, Б.Л. Двинов, М.С. Кефали, С.М. Шварц). В российской партийной организации усилилось влияние правого течения. В принятой в марте 1924 г. расширенным пленумом ЦК РСДРП новой партийной платформе декларировалась «двуединная тактика» борьбы с «большевистским утопизмом» и поддержка большевистской власти против общих классовых врагов. Подчеркивалась необходимость восстановления российской экономики «преимущественно на капиталистических основаниях» и построения демократической республики «как оборонительного орудия пролетариата против наступающего капитализма». В 1921–1923 гг. прошли массовые аресты деятелей партии меньшевиков, резко сократилось количество и численность социал-демократических организаций. В 1922 г. меньшевики оказались вытесненными из Советов и правлений рабочей кооперации. В начале 1923 г. РСДРП(о) окончательно перешла на нелегальное положение. К лету 1925 г. в СССР имелись в составе нелегальных ячеек «лишь единицы и десятки» сторонников РСДРП («Социалистический вестник»). В начале 1930-х годов партийная организация меньшевиков в Советском Союзе полностью исчезла. Эмигрантский центр продолжал работать в Берлине, с 1933 г. – в Париже, с 1940 г. – в США. В начале 1950-х годов Заграничная делегация РСДРП(о) распалась. Сохранившиеся в Женеве, Берне, Париже и Льеже малочисленные группы меньшевиков постепенно утратили политический характер.

³ В результате слияния в 1921 трех систем трибуналов (гражданских, военных и транспортных) Ревтрибунал при ВЦИК, Военный ревтрибунал при РВСР, Главный железнодорожный трибунал при НКПС РСФСР объединились в Верховный трибунал РСФСР. Он являлся судом первой инстанции по делам особой важности, кассационным органом, органом судебного надзора за деятельностью всех трибуналов. Трибунал состоял из Пленума и коллегий (кассационной, судебной, военной, военно-транспортной). Председатель трибунала назначался ВЦИК из числа членов коллегии НКЮста РСФСР. Местными органами трибунала являлись его губернские отделения. (См.: СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294). Ликвидирован на основании утвержденного ВЦИК 11.11.1922 положения о судостроительстве РСФСР, установившего единую систему судебных учреждений: народный суд, губернский суд и Верховный суд РСФСР. (См.: СУ РСФСР. 1921. № 51. Ст. 294; Там же. 1922.

№ 69. Ст. 902).

⁴ Подготовленный Президиумом ГПУ 25 февраля 1922 г. проект сообщения о контрреволюционной и террористической деятельности партии социалистов-революционеров, представленный в тот же день на рассмотрение Политбюро, потребовал дополнительных согласований Л.Б. Каменева и И.С. Уншлихта, после чего санкция Политбюро на публикацию 27 февраля была получена, а 28 февраля 1922 г. «Сообщение» появилось в «Правде» и «Известиях» (см. док. № 16-12, 16-13, 16-18).

По мнению голландского исследователя М. Янсена, двухмесячный временной промежуток между принятием политического решения о предании суду членов ЦК ПСР (28.12.1921) и опубликованием с санкции Политбюро соответствующего «Сообщения» Президиума ГПУ (28.02.1922) был связан с чисто организационными моментами – подготовкой и выпуском 24 февраля 1922 г. в Берлине брошюры Г.И. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров», а также публичными заявлениями Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой об их прошлой террористической деятельности, появившимися в центральной партийно-советской печати также в конце февраля 1922 г. Одновременно ГПУ осуществляло отбор будущих обвиняемых из числа арестованных членов ПСР: в ночь на 25 февраля 1922 г. большинство членов ЦК ПСР были переведены из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму ГПУ на Лубянке, где для них установили режим «строгой изоляции» (см.: Янсен М. Суд без суда. 1922 г. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 44–50). О том, что готовившийся процесс над лидерами ПСР был «секретом полишинеля», свидетельствует факт выхода 28 февраля 1922 г. воззвания ЦБ ПСР, положившего начало антипроцессной кампании в России и за рубежом (см. док. № П-51).

⁵ См. док. № 16-7.

⁶ Ф.Э. Дзержинский находился в Сибири всю вторую половину января 1922 г., возглавляя специальную экспедицию по организации работы местного транспорта и перевозок грузов в европейскую часть России. 21 января 1922 г. он выступил в Новониколаевске на заседании Сибревкома с докладом о мерах по скорейшему восстановлению транспортной системы в восточных районах страны. Одним из шагов стало усиление чекистского контроля за работой транспортных органов.

И.С. Уншлихт, занимавший с апреля 1921 г. до осени 1923 г. должность зам. председателя ВЧК–ГПУ, в течение указанного периода представлял это ведомство на заседаниях Политбюро при обсуждении вопросов, входивших в компетенцию данного органа.

⁷ Можно только добавить, что несмотря на настойчивые попытки М.Я. Гендельмана и других подсудимых 1-й группы добиться от Коноплевой и Семенова освещения этого вопроса, последние всячески уклонялись от ответа на него. Так, 31 июля 1922 г. М.Я. Гендельман в своей защитительной речи восклицал: «Из этого письма Коноплевой мы знаем, что Семенов до этого письма ездил в Россию из-за границы, где был в какой[-]то командировке. Ездил гражданин Семенов именно для того, чтобы нужно ли делать этот доклад, нужно ли делать первый шаг к постановке этого процесса или для чего[-]то другого. В этом письме Коноплевой говорится о том заявлении, которое уже вернувшись в Россию, а может быть и в самой России, подал гражданин Семенов. Когда мы здесь обратились к гражданину Семенову с вопросом: когда это заявление было, какого содержания и куда адресовано, он не пожелал на это ответить. Теперь, вероятно, прошло несколько дней. Может быть он и даст нам какие-нибудь объяснения» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 2–3).

⁸ «Народ» – группа активистов Партии социалистов-революционеров (организационно оформилась в октябре 1919 г.), заявившая о проведении самостоятельной политики сотрудничества с Советской властью, вопреки провозглашенному ЦК ПСР лозунгу «третьего пути». В январе–августе называлась «Уфимская делегация», в августе–октябре – «Народ», с октября – «Меньшинство партии социалистов-революционеров». После разгона в ноябре 1918 г. адмиралом А.В. Колчаком Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания состоявшимся 5 декабря в Уфе подпольным совещанием деятелей Съезда было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с большевиками. 10–17.01.1919 в Уфе проходили переговоры Уфимского ревкома и представлявших партию социа-

листов-революционеров членов Президиума Съезда – В.К. Вольского, Н.В. Святицкого, Н.А. Шмелева, а также члена ЦК К.С. Буревоего, Н.И. Ракитникова и делегата Съезда – министра земледелия Уфимской дирекции Б.Н. Черненкова, которые образовали т.н. «Уфимскую делегацию». Итогом переговоров стало принятие ими воззвания к частям колчаковской армии с призывом «прекратить гражданскую войну с Советской властью, являющейся в настоящий исторический момент единственной революционной властью эксплуатируемых классов для подавления эксплуататоров, и обратить свое оружие против диктатуры Колчака, действуя совместно с советскими войсками». От имени Советской власти Уфимским ревкомом гарантировалась неприкосновенность всех членов партии социалистов-революционеров, поддержавших позицию «Уфимской делегации» и откликнувшихся на ее призыв воинских частей или отдельных групп и лиц. В феврале 1919 г. переговоры были продолжены в Москве, где группа В.К. Вольского окончательно отказалась от идеи Учредительного собрания. В ответ на это ВЦИК принял 26.02.1919 декрет об амнистии членов партии социалистов-революционеров, принявших платформу «Уфимской делегации» и предоставлении им «права участия в советской работе». Действия «Уфимской делегации» вызвали резкое неприятие ЦК ПСР, отказавшегося признать соглашение. Московская конференция эсеров (6–8 февраля) осудила переговоры как капитуляцию. Не порывая с партией, члены «Уфимской делегации» составили особую группу, приступившую к активной пропаганде своей позиции накануне 9-го Совета ПСР. В Москве «Уфимская делегация» издавала журнал «Объединение» (май) и газету «Народ» (август 1919 – декабрь 1921) преобразованную в неперIODический журнал. На проходившем 18–20.06.1919 9-м Совете партии эсеров Вольский и его сторонники выступили с проектом резолюции об объединении «всей трудовой демократии (в т.ч. и большевиков) [...] во имя борьбы против реакции» на основе признания Советской власти, которая должна быть реформирована принятием общего трудового избирательного права в Совете, равного для всех трудящихся[...]. Абсолютным большинством голосов проект был отвергнут. Одобрение Совета получила резолюция в редакции ЦК, провозглашавшая борьбу на два фронта. Вскоре после окончания Совета в Москве на совместном собрании членов «Уфимской делегации», «группы Смирнова–Либермана» и представителей отдельных периферийных организаций, делегированных на 9-й Совет партии, было выработано обращение, в котором партия призывалась к борьбе с реакцией, к отказу от вооруженной конфронтации с большевиками при продолжении идеологической борьбы с ними. 15.10.1919 «Народ» обратился в Совет Обороны республики с просьбой о мобилизации своих членов на денкинский фронт. 17.10.1919 «Народ» в «Письме к ЦК Партии социалистов-революционеров» предъявил последнему требование «определенно и категорически встать на путь активной борьбы за революцию». 25.10.1919 было принято решение партии социалистов-революционеров о роспуске группы; ее члены предупреждались, что в случае невыполнения этого решения они будут считаться выбывшими из партии. На совместном заседании с ЦК (30.10.1919) представители «Народа» объявили о выходе из партии. На собрании членов группы (04.11.1919) провозглашено образование «Меньшинства партии социалистов-революционеров» (МПСР), сформировано Центральное организационное бюро в составе К.С. Буревоего, В.К. Вольского, И.С. Дашевского, Л.А. Либермана и Н.П. Смирнова. Платформа МПСР встретила поддержку ряда местных групп эсеров в Александрове, Бузулуке, Вологде, Уфе, Херсоне и др. Ввиду выявившейся на совместных совещаниях «идеологической разобщенности» и «разнородности», Центральное организационное бюро рекомендовало «не увлекаться идейным объединением[...], вступать в тактические соглашения от случая к случаю, учащая эти тактические соглашения и тем практически способствуя в конечном счете образованию единой революционно-социалистической партии». В июле 1920 г. 2-й конференцией МПСР принят временный организационный устав. Конференция поручила Центральному организационному бюро «войти в сношение с Исполнительным комитетом 3-го Интернационала и находящимися в Москве представителями социалистических партий Западной Европы с целью выяснения вопроса: насколько возможно вступление МПСР в 3-й Интернационал с правом совещательного голоса, не нарушая позиций МПСР». На летних выборах МПСР удалось провести своих представителей в Московский, Петроградский и во многие местные Советы. Используя эсеров мень-

шинства как дезорганизирующую силу внутри партии социалистов-революционеров, РКП(б) жестко пресекала малейшие попытки проявления оппозиционности к проводимой ею политике. Объявленная ВЦИКом амнистия постоянно нарушалась властями, работа Центрального организационного бюро МПСР проходила в условиях непрерывного наблюдения спецслужб, провинциальные организации неоднократно подвергались разгрому. Состоявшаяся в январе 1921 г. 3-я конференция МПСР постановила «продолжать подготовительную работу, направленную к организационному объединению всех левонароднических группировок». К весне 1921 г. МПСР вступила в тяжелейший организационный кризис. Неспособность ее руководителей выработать программу, альтернативную классической эсеровской схеме, способствовала усилению внутренних разногласий, началось массовое возвращение в партию социалистов-революционеров и переход в РКП(б) ее членов. Это совпало с началом проводимого компартией курса на решительное вытеснение «мелкобуржуазных попутчиков» из всех областей политической жизни. Участие нескольких видных деятелей МПСР в создании инспирированного органами ВЧК «Политического центра», установившего связи с руководителями кронштадтского мятежа, дало властям основание для усиления административного преследования группы. На партийном совещании в феврале 1922 решением меньшинства Центрального бюро было объявлено о самороспуске МПСР. Отдельные группы членов меньшинства эсеров продолжали свою деятельность до весны 1923. В направленном 6 апреля 1923 г. из Пертоминского концентрационного лагеря в Центральное Бюро партии эсеров письме бывшие деятели МПСР (В.К. Вольский и др.) заявляли, что «[...]меньшинство ПСР все время рассматривало себя как ответвление ПСР[...]» (ГАРФ. Ф. 5910. Оп. 1. Д. 62. Л. 6 об.).

⁹ «Воля России». Ежедневная газета. Прага, 1920–1921. Издатель: Е.Е. Лазарев. Редакторы: И. Давид, В.М. Зензинов, В.И. Лебедев и О.С. Минор. Финансировалась из средств, выделенных А.Ф. Керенскому правительством Т. Масарика из русского золотого запаса, вывезенного чехословацким корпусом при эвакуации из России. Тираж: 4000–6000 экземпляров. Выходила в качестве главного органа «Внепартийного объединения». Преобразована в журнал «Воля России».

В передовой статье вышедшего 12 сентября 1920 г. первого номера газеты редакция сформулировала в основных чертах свою политическую платформу: «[...]живыми остаются для нас все светлые традиции русской революции – свобода, народовластие, социальная справедливость. По прежнему остается для нас обязательной идея организации в России трудовых масс вокруг положительных задач демократии – утверждение народовластия, созыв Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод, раскрепощение труда, восстановление свободно создаваемых классовых организаций трудящихся и, в частности, основное требование революции – переход земли к народу. [...]мы будем всеми силами стремиться вернуть сознание русских народных масс к правильному пониманию основных идей и принципов государственного и социального строительства февральской революции 1917 года[...]. Мы глубоко убеждены, что только революционно организованная внутри самой Советской России демократия сумеет найти себе пути к лучшему будущему, что только внутренние силы самого русского народа выведут Россию на верный путь[...].»

«Воля России». Журнал политики и культуры. Прага, 1922–1932. Издатель: Е.Е. Лазарев. Редакторы: В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский и В.В. Сухомлин. Периодичность: до сентября 1922 выходил еженедельно; до 1925 – два раза в месяц; до 1930 – один раз в месяц; в 1930 вышло шесть сдвоенных номеров; в 1931 – 2 строенных номера. Тираж 3000–4000 экземпляров. По определению редколлегии, издание журнала преследовало цель «последовательной и неуклонной защиты демократического социализма против большевистской диктатуры». «Журнал стремился идти в русле русского народничества, пытаясь в свете его основных идей осознать и усвоить опыт революции[...], и правильно оценить те здоровые и способные к дальнейшему развитию элементы, которые имеются в современной России[...].» ЦК ПСР оценивало журнал как «демократический», но отнюдь не «социалистический» и не возражая против издания, в то же время не поддерживало его. Принадлежавшие к левоцентристскому течению эсеровской эмиграции редакторы постоянно полемизировали с правозэсеровскими журналом

«Современные записки» и газетой «Дни».

¹⁰ Военная комиссия при ЦК ПСР была создана по постановлению Центрального комитета партии эсеров от 10.06.1917 для ведения партийной работы в армии. Члены комиссии: Л.Я. Герштейн, М.П. Затонский (Дело народа. 1917. 13 июня). После неудачи организованного А.Ф. Керенским наступления на Петроград для подавления большевистского восстания Военной комиссии поручалась организация военных сил в Петрограде и подготовка к вооруженному свержению большевиков. Состав комиссии: Л.Я. Герштейн (председатель), Егоров, Никифоров, Д. Шрей-дер, В.Л. Утгоф.

Петроградская военная комиссия ПСР (председатель А.К. Болдырев, секретарь Фалунин), как утверждал в показаниях на предварительном следствии 14 марта Г.И. Семенов, «[...]фактически бездействовала, существуя лишь на бумаге[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 23). Военная комиссия при ЦК поручила Семенову реорганизовать Петроградскую военную комиссию. На подготовленной им конференции военных работников был избран ее новый состав (А.К. Болдырев, И.П. Кашин, Р.Р. Леппер, Прокофьев, Архипов, Мавринский и представитель Семеновского полка – товарищ председателя полкового комитета, фамилию которого Семенов не мог вспомнить). Комиссия избрала Бюро в составе Семенова (председатель), Усенко (секретарь), Болдырева, Леппера. Комиссия занималась налаживанием связей в полках Петроградского гарнизона и организацией в них эсеровских партийных ячеек, вела агитацию в полках за активную защиту Учредительного собрания. Полки распределялись между сотрудниками комиссии. Основную часть работы выполняли Семенов, Леппер, Б. Соколов, Бианки, Усенко, Ковалев и Фалунин. Особое внимание уделялось броневым, техническим частям и Семеновскому полку. Эсеровские ячейки (составлявшие от 10 до 40 человек) появились в Семеновском, Преображенском, Волыньском, Гренадерском, Измайловском полках, в Моторном, Понтонном, Химическом и Саперном батальонах, в нескольких ротах запасного электротехнического батальона и в 5-м Броневом дивизионе. Проводились «гарнизонные совещания», состоявшие из представителей полковых комитетов, эсеровских ячеек в полках и всех политически активных военнослужащих (независимо от партийности), разделявших позицию защиты Учредительного собрания. В совещаниях регулярно принимал участие представитель ПК партии (как правило, Б. Флеккель), а в отдельных случаях и представитель ЦК. Совещания проходили еженедельно в здании, занимаемом центральными учреждениями партии на Галерной ул., д. 25. На них заслушивались доклады с мест, производился учет сил и намечались планы дальнейшей работы. На 4-м съезде партии военными вопросами занималась Военная секция. Она признала необходимым активизировать военную работу и избрала новый состав Военной комиссии при ЦК, утвержденный затем съездом – И.С. Дашевский, Егоров, Д.Н. Мерхалев, Никифоров, В.И. Паевский, Г.И. Семенов, Б.Ф. Соколов, Г.И. Семенов, Смиренин. В Бюро Комиссии были избраны Б.Ф. Соколов (председатель и руководитель литературно-агитационного отдела), И.С. Дашевский (руководитель иногороднего отдела), Г.И. Семенов (руководитель боевого отдела). В заседаниях комиссии почти всегда участвовал член ЦК Л.Я. Герштейн. Военная комиссия при ЦК также организовала разведывательный отдел, занимавшийся ведением внешнего и внутреннего наблюдения за Красной гвардией. Одновременно с работой в воинских частях и подразделениях велась деятельность по созданию рабочих дружин, которым «[...]первоначально предназначалась роль боевого авангарда в момент вооруженного выступления» (Там же. Л. 24–25). Военная комиссия при ЦК назначила организатором дружины В.И. Паевского и его помощником Н.В. Фомина. Создаваемые при партийных районах боевые дружины, по словам Семенова, «[...]организованы были в эту пору слабо, дисциплина была далеко не на высоте, подбор дружинников был недостаточно удовлетворителен», а ответственный за создание дружин Паевский «[...]был негоден к роли организатора. Всей военной работой в это период руководил член ЦК Герштейн» (Там же. Л. 25). В показаниях на предварительном следствии Паевский подчеркивал, что «[...]в качестве постоянного представителя и руководителя работы Военной комиссии ЦК выделил своего члена Герштейна, которому известны были все наши действия и начинания и без согласия которого мы не могли сделать ни шагу[...]» (Там же. Т. 3. Л. 36).

«Мы считали, – показывал Семенов, – что Учр[едительное] собрание будет ра-

зогнано и намечали вооруженное выступление к этому моменту. К моменту открытия Учр[едительного] собран[ия] наши реальные силы и возможности к выступлению были таковы: Броневой дивизион был готов выступить открыто с оружием в руках в любой момент. Семеновский полк был за выступление, но выступить первым не решался, боясь остаться в одиночестве, готов был присоединиться к выступившим частям, в частности, к 5 Броневому дивизиону. Преображенский полк соглашался примкнуть к Семеновскому. Помимо этого, мы надеялись на присоединение некоторых рот Запасного электротехнического батальона. Боевиков было человек 60–80, причем только приблизительно половина из них была вооружена револьверами, некоторые бомбами. В Солдатский университет приехало только двадцать-тридцать солдат-эсеров. Они были вооружены ручными бомбами английского и русского образца[...]. Гарнизонное совещание избрало Исполнительное бюро и поручило ему организовать Боевой штаб для практического руководства выступлением. Центральный комитет через Герштейна предложил Военной комиссии координировать работу с работой Военного отдела “Комитета спасения Родины и Революции”, в частности, наметить совместно с этим отделом штаб. В военном отделе активно работали в то время меньшевики – [И.З.] Шейн, [Г.П.] Мазуренко, [В.В.] Гомбарг, Борисов, эсеры [Ф.М.] Онопко и Сергей [С.] Маслов, н[ародные] с[оциалисты] – [Н.В.] Чайковский и [А.В.] Сомов. Работа Военного отдела была, насколько я учел, слаба. Реальных сил в войсках у отдела не было[...]» (Там же. Т. 2. Л. 25). 3 января 1918 г. на совместном заседании Военного отдела и Бюро Военной комиссии (в котором участвовали Дашевский, Мазуренко, Маслов, Мерхалев, Онопко, [Н.Н.] Сарычев, Семенов, [Д.П.] Сургучев и Шейн) был избран Боевой штаб. В него были избраны подполковник Генерального штаба [Н.Н.] Пораделов (член штаба юнкерского восстания), Онопко и Семенов. Штаб подготовил план выступления: во главе ожидаемой массовой демонстрации становились 5 Броневой дивизион и эсеровские боевые дружины, направлявшие демонстрацию к Семеновскому и Преображенскому полкам, присоединение которых должно было побудить колеблющиеся воинские части поддержать восстание. «Конечно, мы мыслили намеченное выступление, как выступление партии, санкционированное ЦК[...]», – отмечал Семенов (Там же. Л. 26). В ночь накануне демонстрации состоялось Гарнизонное совещание (на котором партийное руководство представляли член ПК Б.О. Флеккель и член ЦК М.А. Лихач), заслушавшее сообщение Семенова об организации штаба и сделанный им от имени штаба доклад о состоянии сил. После состоявшегося обсуждения деталей предстоящего выступления совещание постановило направить Лихача в Семеновский полк с открытым призывом к вооруженному выступлению. Однако Бюро фракции ПСР Учредительного собрания наложило вето, «[...]мотивируя его тем, что фракция не может взять на себя ответственности за открытый призыв к вооруженному выступлению и результаты этого призыва» (Там же. Л. 27). Эта резолюция поступила к завершению Гарнизонного совещания. Обеспокоенный подобной реакцией Семенов потребовал у Флеккеля и Лихача выяснить позицию ЦК, на что Лихач обещал сделать это. В ту же ночь Семенов встретился с Гоцем и запросил у него точных директив ЦК. «Гоц, от имени ЦК, заявил мне, – вспоминал Семенов, – что ЦК находит наши реальные силы недостаточными и посему не считает возможным, чтобы партия открыто взяла на себя инициативу вооруженного выступления. ЦК предлагал Военной комиссии быть наготове – выжидать, и лишь в случае массового активного выступления, стихийного вооруженного восстания – взять руководство движением в свои руки. В день демонстрации мы, подчиняясь этой директиве ЦК, пассивно выжидали. Выступление не состоялось. После этого на Гарнизонном совещании снова обсуждался вопрос о вооруженном выступлении в день похорон жертв Учр[едительного] собрания. Представитель ЦК В. Каплан говорил о преждевременности выступления в силу нашей недостаточно реальной подготовленности. Вопрос о выступлении был решен отрицательно» (Там же).

Более подробно см.: Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 5–6, 7–15.

¹¹ Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП) (народные социалисты, энесы). Официально заявила о себе в сентябре 1906 г. Руководящим органом партии был Организационный комитет, лидерами – Н.Ф. Анненский, В.Г. Богораз, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов и др. Печатные органы: газета «Общественное де-

ло», сборники «Народно-социалистическое обозрение», «Русское богатство». В программу входила национализация помещичьих земель путем выкупа государством и распределение их между крестьянами, созыв Учредительного собрания, принятие конституции, демократического права и свободы и др. В 1906–1907 гг. деятельность партии была связана преимущественно с Государственной думой. После третьеиюньского государственного переворота 1907 г. энесы значительно сократили свою активность. Деятельность партии возобновилась с началом Февральской революции 1917 г. На 1-м Всероссийском съезде НСП (17–21.06.1917, Петроград) произошло объединение с Трудовой группой и был создан Центральный комитет из 48 человек. Объединительный съезд высказался за установление в России демократической федеративной республики с широкой децентрализацией управления, с однопалатной системой представительства для субъектов федерации, общего парламента от всего населения и специального органа для охраны прав и интересов отдельных областей и национальностей. Конкретизировались положения аграрной программы и усиливалась их социалистическая направленность (например, указывалось, что национализации подлежит вся земля, включая и крестьянскую). Объединенная партия имела около 150 организаций, насчитывавших 10–11 тысяч человек. В целом неудачными для партии оказались итоги выборов в местные органы самоуправления и Учредительное собрание. В то же время партия имела значительное представительство в административных и исполнительских структурах государственных учреждений и общественных организаций. Политика партии основывалась на убеждении, что для построения социализма в ближайшем будущем нет ни материальных, ни духовных предпосылок. Руководство партии поддерживало идею создания коалиционным путем сильной демократической власти, способной преодолеть экономический и финансовый кризис в стране, предотвратить гражданскую войну и созвать Учредительное собрание.

Октябрьский переворот партия встретила резко отрицательно. До лета 1918 г. ТНСП сочетала нелегальную деятельность с легальной. После запрета деятельности организаций партии и ареста в августе ряда ее активистов остальные члены ушли в подполье. На совещании части членов ЦК 26.05.1920 в Париже был образован Заграничный комитет, председателем которого избран Н.В. Чайковский, а членами Исполнительного бюро – Л.М. Брамсон, М.А. Ландау-Алданов и А.А. Титов. К концу 1920-х в эмиграции существовали три группы ТНСП: парижская, берлинская и пражская (всего около 30 человек). Последней прекратила свое существование в связи с оккупацией Франции немцами парижская группа.

¹² Прошедшая в Петрограде 5 января 1918 г. мирная демонстрация в поддержку Учредительного собрания оказалась расстрелянной Красной гвардией на углу Невского и Литейного проспектов и в районе Кировной улицы. Была разогнана главная колонна численностью до 60 тыс. чел., однако другие колонны демонстрантов достигли Таврического дворца и были рассеяны только после подхода дополнительных войск. Разгоном демонстрации руководил специальный штаб во главе с В.И. Лениным, Я.М. Свердловым, Н.И. Подвойским, М.С. Урицким, В.Д. Бонч-Бруевичем. По различным оценкам, число погибших составляло от 7 до 100 чел. Демонстранты в основном состояли из представителей интеллигенции, служащих и учащихся вузов. В то же время в демонстрации принимало участие значительное число рабочих. Демонстрацию сопровождали эсеровские дружинники, не оказавшие серьезного сопротивления красногвардейцам. По свидетельству В.К. Дзеруля, «все демонстранты, в том числе и ПК, шли без оружия, и от ПК было даже распоряжение по районам, чтобы никто не брал с собой оружия» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 10).

¹³ Создан в ноябре по решению Военной комиссии при ЦК ПСР для привлечения с фронта сочувствующих партии представителей полковых комитетов и концентрации их в Петрограде с целью защиты учреждений партии и обеспечения безопасности работы Учредительного собрания, не исключая возможного вооруженного выступления против большевиков. По утверждению Г.И. Семенова, эсеры «[...]рассчитывали стянуть таким образом до двух тысяч человек». Университет находился в здании курсов Лесгафта. В нем велись политические и общеобразовательные занятия. (См. показания Г.И. Семенова 14 марта 1922 на предварительном следствии по делу ПСР: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 23). А вот, что о

нем писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «Был задуман и стал проводиться в жизнь план создания фиктивного солдатского университета под частным флагом; целью университета было стянуть в Петроград к моменту нашего выступления некоторое количество вооруженных солдат, разделявших идею защиты Учредительного Собрания. Университет был рассчитан на 1000–2000 чел.; предполагалось, что солдаты будут приезжать, как делегаты сочувствующих нам полковых комитетов, якобы, для слушания лекций в университете. Съезд в университете должен быть начаться приблизительно к 20-му декабря.

Расчеты на Солдатский Университет не оправдались. Приехало только человек двадцать-тридцать солдат с.-р., вооруженных бомбами (бомбы были сперва сложены на курсах Лесгафта, где помещался университет, откуда были перенесены на Галерную, а затем разобраны по рабочим кварталам)». (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 7).

¹⁴ Вот что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре:

«После разгона Учредительного Собрания военная работа Партии продолжалась. Ц.К. стал придавать ей большее значение и уделял ей большее внимание. Военной работой стал руководить член ЦК. Донской (быв. руководитель от ЦК Герштейн уехал для обще-партийной работы в Киев).

Гарнизонные совещания, ввиду их громоздкости, по соображениям конспиративности, были отменены. Агитационная и организационная работа в воинских частях была в целях ее продуктивности распределена по Отделам; были созданы отделы: Красноармейский, Технический, Броневой, Штабной и Окружной. В отделах работали и не члены партии, разделявшие в основном нашу позицию; руководители отделов назначались Бюро Военной Комиссии.

[...] Первое время (месяца два) Красноармейским Отделом руководил я.

Технический Отдел вел работу в Моторно-Понтонном, в Электро-Техническом и Химическом батальонах. Мы пытались вливать и в них наших людей; но влили только в Электро-Технический батальон человека четыре. Наши ячейки в этих батальонах продолжали существовать; командиры батальонов и батальонные комитеты были под нашим влиянием. В заседаниях Технического Отдела участвовали командиры батальонов и представители батальонных комитетов (по одному от каждого). Руководил Отделом Усенко (Член Комитета Химического Батальона, техник-интеллигент).

Броневой Отдел вел работу в пятом Броневом Дивизионе в Автобронировочных мастерских и в Михайловском гараже (Броневой Дивизион, быв[ший] всецело на нашей стороне, через некоторое время был расформирован). Активными работниками Отдела были: Шкловский Виктор, специалист по броневому делу, капитан Келлер, Бергман – броневик из бронировочных мастерских, Калховский – председатель комитета 5-го Броневых Дивизиона и двое солдат – один из мастерских, другой из 5-го Дивизиона. Руководителем Отдела был Шкловский, его помощником Бергман. Броневой Отдел постепенно создал нелегальный запасный броневой дивизион; мы считали необходимым иметь такой свой дивизион на случай нашего выступления. Пользуясь своими связями среди броневиков, Шкловский (он долгое время был солдатом в каком-то авто-броневом батальоне) подобрал своих людей – старых броневиков из 5-го Броневых Дивизиона, из Бронировочных Мастерских и быв[шего] своего батальона. У нас была подобрана команда для восьми-десяти броневых машин, были наготове свои шофера, свои пулеметчики и артиллеристы. Некоторые из них получали у нас месячное содержание, некоторые – единовременное пособие. У нас был запас бензина, который хранился в специально для этого снятом гараже. [...] Штабной Отдел вел работу в Генеральном Штабе, в Главном Штабе и в Штабных учреждениях. В Генеральном Штабе была наша ячейка около 20-ти человек, комитет Генерального Штаба был целиком на нашей стороне. В ведении Комитета было около 50-ти винтовок, служивших в Штабе для обучения. В момент выступления все эти винтовки были бы в нашем распоряжении. Была наша ячейка в Управлении Военных Сообщений. Руководил Отделом Ковалев – член Петроградского Совета (работал в Генеральном Штабе и был председателем Штабного Комитета). Активно работали в Отделе Донченко, Борисенко и Сотников.

Окружной Отдел вел работу в воинских частях, стоявших в Царском, Гатчине, Красном Селе и Ораниенбауме. Наши ячейки были в пехотных запасных батальонах в Красном Селе, в артиллерийских частях в Царском и в школе прапорщиков

в Ораниенбауме; руководил Окружным Отделом прапорщик Соколов – член Царскосельского Исполкома. Помощниками его были прапорщики Иванов и Бианки. В задачу Окружного Отдела, помимо завязывания связей и созданий ячеек, входила “нейтрализация” стоявших под Петроградом войск: в момент нашего выступления в Петрограде Отдел должен был помешать стоявшим под Петроградом частям выступить против нас; те части, настроение коих более склонялось в нашу сторону работники Отдела должны были удерживать выступлениями на собраниях; в более враждебных нам частях наши ячейки должны были вынуть затворы во всех винтовках и замки в орудиях. В случае активного продвижения частей против нас, Отдел должен был производить по пути их следования разрушения полотна ж. д. (взрывчатые вещества мы имели возможность получать, благодаря связям и артиллерийских частях, в петроградском Химическом батальоне и Моторно-Понтонном батальоне; в этом отношении у нас стеснения не было).

[...] Был организован Морской Отдел, который работал на судах, стоявших в Петроградской Гавани, в Кронштадте и в Минной дивизии (стоявшей частью, около Обуховского завода, частью около Невского судостроительного завода). Наши работники выступали на собраниях команд судов, проводя точку зрения необходимости восстановления Учредительного Собрания. На некоторых судах были созданы наши ячейки. Мы завязали связь с командиром одного из миноносцев, который вскоре оказался под нашим влиянием и принимал активное участие в нашей работе на судах (по убеждению он был значительно правее, беспартийный). Руководил этой работой я. Активное участие принимала Коноплева. Настроение матросов Минной Дивизии было таково, что они готовы были поддержать рабочих в случае их выступления» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 13–22).

¹⁵ Брестский мирный договор был заключен между Советской Россией, с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией – с другой, в Брест-Литовске 3 марта 1918. По его условиям Россия теряла около 1 млн. кв. км. территории, обязывалась демобилизовать армию и флот, заплатить контрибуцию в 6 млрд. марок золотом.

¹⁶ Четвертый Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов состоялся 14–16 марта 1918 г. в Москве. Съезд ратифицировал Брестский мирный договор и решил вопрос о перенесении столицы из Петрограда в Москву. Левые эсеры, выступавшие против ратификации мирного договора, отказались подчиняться решению съезда и вышли из состава советского правительства.

¹⁷ Вот, что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «Считаю нужным отметить, что у ЦК в это время мысль о допустимости и целесообразности террористических актов была уже ясна. Узнав об организуемой нами группе, ЦК обеспокоился, как бы не вышло какой-нибудь «авантюры» (ЦК все время подозревал нас в склонности к “авантюрам”). Но создание группы он признал нужным и поручил ее организацию Рабиновичу (члену Учредительного Собрания). Рабинович стал подбирать работников группы. В частности, он предложил мне войти в группу, и я из этой беседы с ним убедился, что основная цель группы – террористическая работа. Принципиальных возражений у меня не было, но я уклонился от вхождения в группу, так как наиболее важною работою считал нашу военную работу. В террористическую группу Рабиновича вошли Коноплева Лидия и Ефимов (прапорщик, интеллигент, быв[ший] каторжанин).

Коноплева вскоре предложила ЦК произвести покушение на Ленина.

Переговоры об этом она вела с Черновым и Гоцем. ЦК согласился и отправил с этой целью в Москву Коноплеву и Ефимова (я передаю это со слов Коноплевой[,] долгое время спустя рассказавшей мне об этом). Руководителем этого дела в Москве ЦК назначил члена ЦК Рихтера. Но Рихтер не проявил никакой инициативы. Коноплева, прождав в Москве недели три и сделав самостоятельную безрезультатную попытку наладить слежку за Лениным, пришла к выводу о практической безнадежности этого дела, в виду бездействия ЦК и вернулась в Петроград. (Лично себя она мыслила только, как исполнительницу).

Вскоре группа Рабиновича распалась, ничем себя не проявив» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 17).

По словам П.Т. Ефимова на допросе в ГПУ 11 марта 1922 г., он в марте 1918 г.

по предложению Б.Н. Рабиновича поехал вместе с Л. Коноплевой в Москву для устройства террористического акта, где получил задание от члена ЦК ПСР Рихтера организовать слежку за В.И. Лениным, которой и занимался в течение недолгого времени, в силу партийной дисциплины, после чего вернулся вместе с Коноплевой в Петроград. Допрошенный по этому эпизоду более подробно 12 марта 1922 г., П.Т. Ефимов заявил: «С А.Р. Гоцем я имел разговор в Петрограде до отъезда в Москву с Лидией Коноплевой. Я из разговора с ним узнал, что целью поездки является совершение террористического акта, но я тогда совершенно не знал, против кого первоначально будет направлен акт, все указания я должен был получить в Москве от члена ЦК Рихтера. Гоц просил меня следить за тем, чтобы Коноплева не сделала сама какого-нибудь необдуманного поступка. Я только из разговора узнал, что акт будет против кого-то из вождей коммунистической партии и только уже в Москве от Рихтера я узнал о плане покушения на Ленина и Троцкого. При разговоре моем и Коноплевой с Рихтером было решено первым убить того, кто первым попадется. Я помню, что Коноплева предполагала проникнуть через своего знакомого на заседание ВЦИК в Москве и совершить там покушение на кого-то из Советских вождей, кого именно – не помню, кажется, там должен был выступать Троцкий. Я считаю, что бывший тогда в Москве член ЦК Тимофеев был в курсе предполагавшегося покушения на Ленина и Троцкого» (Там же. Т. 2. Л. 99). Обращает на себя внимание разница в этих двух показаниях П.Т. Ефимова, наводящая на мысль о корректировке его первоначальных показаний. М.Я. Гендельман и другие подсудимые 1-й группы были склонны трактовать эту поездку Коноплевой и Ефимова (наличие ее не отрицалось), как сплошную рисовку Коноплевой, решившей поиграть в террористку, а участие в этой истории Ефимова объясняли его «романтическим» отношением к Коноплевой. М.Я. Гендельман в своей защитительной речи восклицал: «Я бы не считал себя вправе лобопытствовать, не считал бы себя вправе поднимать завесу над этим путешествием, но когда граждане за свое увеселительное путешествие хотят расплачиваться головами живых людей, когда используют это, чтобы клеветать на партию, тогда я смею поставить вопрос: для чего же они ездили и в частности, в какой роли Ефимов в этом опереточном путешествии: для того ли, чтобы поселившись под видом мужа и жены совершить покушение на Ленина, или для того, чтобы под видом покушения на Ленина проехаться в Москву». (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 37–38).

Прав М.Я. Гендельман или нет, судить сложно, но все-таки его версия кажется намного более правдоподобной, чем отправка руководством партии двух ничего из себя не представляющих дилетантов убивать Ленина и Троцкого, тем более когда против террора выступала большая часть членов ЦК.

¹⁸ Напомним вкратце динамику изменения отношения к террору в руководящих сферах ПСР с момента его начала (апрель 1902 г.) вплоть до последнего дореволюционного эсеровского террористического акта (август 1911 г.) и непосредственно до Февраля 1917 г. В отношении к террору в ПСР никогда не было ни единодушия, ни особого единообразия аргументов, по которым он либо принимался либо отвергался. Показательно, что несмотря на то, что в руководящих сферах к моменту возникновения ПСР было очень много народовольцев, тем не менее большинство из них относилось к вопросу о начале террористической кампании весьма сдержанно, памятуя об уроках прошлого. Но общественный резонанс на выстрел П.В. Карповича помог сторонникам возобновления террора из числа представителей второй и третьей генерации в ПСР (М.Р. Гоц, В.М. Чернов, Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф и др.) сломить их предубеждение.

Вместе с тем отметим, что принципиально ни заграничные, ни российские эсеры террор не отвергали (А.Н. Бах являлся чуть ли не единственным его противником именно по принципиальным соображениям) имелись лишь разногласия о сроках его начала и соподчиненности террора и «массовой» работы. Договорились, что решить их спор о своевременности террора должна будет общественная реакция на первый террористический акт. Общественная реакция и испуг властей после убийства С.В. Балмашевым министра внутренних дел Сипягина окончательно решили дело. Серия террористических актов, проведенная БО сначала под руководством Г.А. Гершуни, а затем и Е.Ф. Азефа (особенно

после убийства В.К. Плеве в 1904 г.) была бурно поддержана радикально настроенной интеллигенцией, что способствовало быстрому росту авторитета, численности и влияния партии эсеров. Под влиянием данных обстоятельств позиции некоторых партийцев, настороженно или отчужденно относившихся к террору, были ослаблены. Но вскоре вакханалия безудержного терроризма боевых дружин местных организаций, порой ведущая к гибели случайных прохожих, экспроприаторская лихорадка, временами весьма похожая на бандитизм, и особенно разоблачение главы БО ПСР Е.Ф. Азефа как секретного сотрудника Департамента полиции, всерьез изменили внутривнутрипартийную расстановку сил и общественное мнение по этому вопросу. К 1911–12 гг. уже ряд руководящих партийных деятелей (Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский, С.Н. Слетов, В.М. Зензинов, Б.Н. Лебедев, Б. Билит), не отвергая террор в принципе (некоторые, как И.А. Рубанович, А.Н. Бах, А.Б. Шимановский – недвусмысленно отвергали), давали понять, что социалистической партии не к лицу заниматься бомбизмом, в то время как ее главная задача – воспитание социалистического мировоззрения у трудящихся и организация их борьбы. Попытки сторонников террора возродить его в 1909–1914 гг. в общем нельзя было признать успешными, и начиная с 1911 г. шел лишь теоретический спор, прерванный I мировой войной.

С захватом власти большевиками спор вспыхнул с новой силой, к тому же до крайности осложнился новым вопросом – допустимо ли применение террора против социалистов. Возник своего рода парадокс, когда «правые» вроде Н.Д. Авксентьева, ранее спорившие с «террористами», назвали большевизм «абсолютным, метафизическим злом», для уничтожения которого многое допустимо, а «левые» «террористы» вроде Н.И. Ракитникова, оказались ни психологически, ни идейно не способны к его применению.

Так как вопрос об отношении ЦК ПСР к террору весной–летом 1918 г. практически неотделим от вопроса о проблеме существования и статуса Боевого отряда Г.И. Семенова и обстоятельствах покушения на В.И. Ленина, то здесь мы ограничимся свидетельством лишь одного человека и подробнее рассмотрим этот вопрос в комм. 20 к д. 16.

Член Бюро фракции ПСР в Учредительном собрании Н.В. Святицкий на предварительном следствии 19 марта 1922 г. показал: «[...] в первое время после Октябрьского переворота террористические настроения против коммунистической партии и советской власти были господствующими среди широких партийных и ответственных кругов Партии социалистов-революционеров. Из состава членов ЦК ПСР определенно против применения террора высказывались: [Н.И.] Ракитников, [К.С.] Буревой, [М.Л.] Коган-Бернштейн, [М.А.] Лихач; точку зрения применения террора по отношению к представителям сов. власти разделяли: Чернов Виктор Михайлович, [В.М.] Зензинов, [Е.М.] Тимофеев и [А.Р.] Гоц. Остальных сторонников террора не помню. В персональном перечислении допускаю возможность неточности [с] моей стороны. Перед 4-ым партийным съездом Чернов высказался в своей речи на общегородской петроградской партийной конференции в смысле применения террора. Я знал о том, что при ЦК существует боевая группа, имевшая своей задачей – активную вооруженную борьбу с советской властью, устройство взрывов мостов и железнодорожных линий и пр. Моя осведомленность по этому вопросу относится к весне и лету 1918 года. Официального решения Центрального комитета ПСР по вопросу о терроре не было. О практическом проведении террора мне ничего не известно. Последние нотки о терроре прозвучали от 2–3 ораторов на 9-ом съезде [Совете – сост.] ПСР в июне 1919 года, но поддержки они не встретили (ЦА ФСБ РФ, Н-1789, Т. 2, Л. 171).

См. также комм. к д. 16 и док. № П-22, П-29, П-31, П-32, П-33, П-35, П-38.

¹⁹ Собрание уполномоченных фабрик и заводов было создано в Петрограде в январе 1918 г. как альтернатива Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов и действовало легально. В Собрании участвовали беспартийные рабочие, меньшевики и эсеры. Большевики бойкотировали его деятельность. Председателем Собрания был член ЦК партии эсеров Е.С. Берг. Первое официальное заседание собрания состоялось 26 марта 1918 г. К 13 марта оно имело представительство примерно от 60 фабрик и заводов Петрограда. В конце своего существования оно

представляло 83 завода и фабрики с общей численностью в 40–45 тысяч рабочих. Вопрос о проведении всеобщей забастовки в Петрограде обсуждался на первом заседании Собрания 18 января 1918 г. и по итогам обсуждения было принято воззвание с призывом к рабочим Петрограда о проведении всеобщей забастовки. Однако вследствие неуверенности в том, что его инициативу поддержит большинство рабочих бюро Собрания отказалось от намерения опубликовать и распространять воззвание. (Подробнее см.: Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.-Р. Амстердам, 1989. С. 124–136).

²⁰ Террористическая и экспроприаторская деятельность Центрального боевого отряда ПСР, о которой сообщили Семенов, Коноплева и ряд подсудимых второй группы, стала центральным ядром всего обвинения партии эсеров на процессе. Вопрос о степени достоверности их показаний и свидетельств на суде остается до сих пор крайне актуальным. В развернувшейся с начала 90-х годов весьма широкой дискуссии о загадках покушения на Ленина, в центре внимания, помимо прочих, оказались два вопроса: действительно ли Фанни Каплан стреляла в Ленина, или это был какой-то другой террорист? Была ли Каплан одиночкой или за ней кто-то стоял? Впрочем, в ходе и этой, и всех прочих дискуссий возникал и возникает и ряд других вопросов, на которые, как правило, ясного ответа до сих пор нет.

Существовал ли в реальности этот отряд Семенова, и если да – то в какой степени руководство ПСР несет за него ответственность? Какова роль Семенова в событиях 1918 г.? Могла ли часть руководства ПСР за спиной другой, «антитеррористической», части ЦК вести сепаратную игру с отрядом Семенова? Насколько обоснованы утверждения Семенова и следствия о даче санкций Гоцем и Донским от имени ЦК ПСР на убийство Ленина? Была ли Ф. Каплан членом отряда или ее задним числом «включили» в его состав? В какой степени достоверны предположения и даже утверждения о том, что Д.Д. Донской дал Ф. Каплан санкцию на убийство Ленина? Имел ли Донской право, с точки зрения партийной этики, давать Каплан санкцию на индивидуальный террористический акт? Не являются ли «обвинительные» свидетельства второй группы подсудимых результатом фабрикации ГПУ? Если да, то в какой степени и в каких частях их показания фальсифицированы?

Вот как описал Г.И. Семенов в своей брошюре генезис, проблему статуса и подчиненности, а также главные эпизоды террористической деятельности своего отряда: «Представляя себе ход нашей дальнейшей военной работы и предстоящий переворот, я постепенно приходил к выводу, что облегчить дело переворота, потрясти Советский организм могут центральные террористические удары по Советскому Правительству. Я относился к большевикам, как к кучке людей, которая правит насильственно, помимо воли народной. Думал, что большевики губят революцию в настоящем и отодвигают ее в будущем, отталкивая народные массы от революционного движения, заставляя их терять веру в социализм. Я считал, что все способы борьбы с большевиками, как с врагами Революции, хотя и бессознательными, приемлемы. Помимо этого, я считал, что террор против большевиков соответствует сознанию рабочих масс; так казалось мне, судя по настроению тех рабочих, среди которых я работал. Я думал, что проявление действенной боевой силы Партии в террористических актах повысит ее авторитет в глазах рабочих масс и поднимет активность этих масс, начинавших разуверяться в возможность серьезных активных действий против большевиков.

Я решил начать подготовительную работу к террористическим актам. Центральный Комитет санкционировал это решение (переговоры я вел сперва с Донским[,] затем с Гоцем[,] ЦК указал мне, что наиболее видными фигурами в Петрограде, которые следует устранить прежде всего, он считает Зиновьева и Володарского).

Наши боевики разделяли точку зрения признания террора.

В Военной Комиссии резко против террористической работы был Леппер. Он считал, что против большевиков – партии социалистической – этот метод борьбы недопустим, что мы должны с ними бороться лишь путем организации массовых выступлений.

[...] Во время проектировавшегося при разоружении Преображенского полка выступления, ярко проявилась слабость, неорганизованность наших боевых дружин. Было ясно, что организатор их Кононов не выдерживает критики в этой ро-

ли. Между тем, я им придавал большое значение. Я считал их необходимым авангардом при выступлении. Кроме того, мои неформленные прежде, непродуманные до конца мысли о приемлемости экспроприаций у Советского Правительства выявились постепенно в определенный уже вывод, что экспроприации у большевиков допустимы, и я полагал, что этим делом должны заняться наши боевые дружины. На экспроприации я возлагал довольно большие надежды, ибо наша военная работа, да и вся общепартийная[,] весьма тормозились отсутствием материальных средств. Подходящего руководителя Боевого Отдела не было. Я решил взять руководство этим Отделом на себя, сделав это центром моей работы и предоставив руководство остальной военной работой Лепперу. По соглашению между Бюро Военной Комиссии, Центральным Комитетом и Петроградским Комитетом я был назначен руководителем Боевого Отдела. Я взял связи у Кононова, обошел все районы. В дружинах далеко не все соответствовало своему назначению. Дисциплина была слаба. Не было точного учета ни числа дружинников, ни наличного количества оружия. Я принялся за реорганизацию, производя более тщательный подбор дружинников, выбрасывая негодных из старого состава, вводя дисциплину.

Численность моих дружинников была человек 50, главным образом рабочих; интеллигентов было человек 6–7. Вооружены они были плохо; было вооружено человек 35, при чем у большинства были “Наганы”; “Браунингов” и “Маузеров” было только до 15-ти штук (не было денег на покупку).

Каждая районная дружина избирала своего начальника, который утверждался мною. Еженедельно происходили собрания Начальников дружин. Начальником Выборской дружины был Томашевич (рабочий), Невско-Заставской – Сергеев и Федоров (рабочие), Нарвской – Гладков (рабочий), Московско-Заставской – Вакулин (техник-интел[лигент]), Обуховской – Гребеньчиков (техник-интел[лигент]), Василе-Островской – Морачевский (студент), Колпинской – Усов (рабочий). Лучшей была дружина Невско-Заставского района. Я намечал создание Центрального летучего отряда из лучших дружинников. В качестве моих активных помощников работали Коноплева Л. и Иванова Елена (сестра члена ЦК Иванова).

Я приступил к организации Центрального Боевого Отряда. В него вошли: Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванова. Была поставлена слежка за Зиновьевым и Володарским для выяснения, где они живут, где бывают и для определения наиболее удачного места для акта. Слежку вели я и Федоров. Решено было действовать револьвером, а не бомбою: мы считали недопустимым, чтобы при совершении акта оказались невинные жертвы. Федоров, Сергеев, Зеленков и Усов усиленно практиковались (в лесу) в револьверной стрельбе. Исполнителями я намечал Сергеева и Федорова (я считал, что должен быть рабочий). Наилучшим я считал Сергеева. Мы думали организовать дело так, чтобы покушавшийся мог скрыться[,] и выбирали подходящее место где-нибудь на окраине города. Володарский часто бывал на митингах на окраинных заводах – Обуховском, Путиловском. Зиновьев, главным образом, бывал в Смольном, на митингах – редко. Мы решили, что по техническим причинам легче убить Володарского и поставили покушение на него в первую очередь.

[...] Слежку за Зиновьевым продолжали, не намечая пока конкретного плана. Одновременно мы вели слежку за Урицким, считая нужным убить и его. Слежку за Урицким по нашему поручению вела Коноплева, которая сняла для этого квартиру напротив его квартиры. Дальше мы намечали убийство Ленина и Троцкого. Для подготовки к этому, когда основная подготовительная работа к покушению на Володарского была более или менее налажена, были отправлены в Москву Гвозд[ь], Зеленков и Усов; руководителем работы в Москве был назначен Гвозд[ь].

[...] Центр военной работы был перенесен в Саратов. Для руководства этой работой туда выехал Донской. Туда же была переброшена часть нашего нелегального Броневоего Дивизиона во главе с Виктором Шкловским. Боевой Отдел, которым продолжал руководить я, переводился в Москву. Туда переехали боевики Центрального Отряда и перебрасывались постепенно наиболее активные дружинники из Петрограда. Оставшиеся в Петрограде боевики во главе с Коноплевой не прекратили слежку за Урицким. В Москве, к моменту моего приезда туда, была уже организована ранее приехавшими боевиками слежка за Лениным и Троцким.

Мы решили на заседании Центрального Боевого Отряда организовать из Петроградских боевиков партизанский военный рабочий отряд, который перебросить целиком по ту сторону Восточного фронта. Я выехал в Саратов с целью нащупать там почву для переброски отряда через фронт и подготовить все необходимое к переброске. Наиболее активными военными работниками в Саратове были Тесленко и Белецкий. Они завязывали связи в Красноармейских частях[,] где создавали наши ячейки. У Донского были связи, через одного полковника с.-р. — почти со всеми командирами Красноармейских частей; все они (по настроению белогвардейцы) обещали поддержку в случае нашего выступления или в случае подхода к Саратову Народной Армии. Относительно переброски отряда я пришел к выводу, что по ряду технических трудностей перебросить отряд целиком вряд ли возможно. Решил перебрасывать боевиков постепенно, каждого в отдельности.

Донской предлагал мне войти в качестве кооптированного члена в Областной Комитет и взять на себя руководство военной работой в Саратове. Но я придавал большее значение террористической работе, чем военной, поэтому я уехал в Москву для продолжения этой работы (пробыв в Саратове два дня).

В Москву к этому времени стали стягиваться Петроградские боевики, главным образом, из Невско-Заставского района, предназначенные для будущего партизанского отряда. Я решил задержать их временно в Москве. Не было средств на переброску и по ту сторону фронта. К тому же я считал, что они будут нужны при подготовке покушений на Ленина и Троцкого. Приехала в Москву и Коноплева, поручив руководство слежкой за Урицким боевику Василе-Островской дружины Зейме. Боевиков собралось человек пятнадцать. В Москве у нас были две конспиративные квартиры. Кроме того, мы снимали две дачи под Москвой. (Одну по Казанской ж. д., другую по Николаевской ж. д.).

Следили за Лениным и Троцким я, Усов, Коноплева, Иванова и Королев — по-сменно. Установили, что Ленин и Троцкий живут в Кремле. Следили за выездами, стараясь установить, где они чаще всего бывают. Мы считали, что легче всего убить при выходе их из автомобиля в какое-нибудь учреждение. Выяснили, что Троцкий бывает в Военном Комиссариате, но не регулярно; Ленин почти не выезжает ни в одно учреждение. Установили, что Ленин часто выезжает на митинги.

Особое значение я придавал в тот момент убийству Троцкого, считая, что это убийство, оставив большевистскую армию без руководителя, значительно подорвет военные силы большевиков. Убийство Троцкого я ставил в первую очередь, считая нужным приводить его в исполнение немедленно при первой же практической возможности. Я мыслил это убийство не как политический акт, а как дело военное, необходимое по стратегическим соображениям. Покушение на Ленина я расценивал, как крупный политический акт и считал, что политическая обстановка еще недостаточно созрела для подобных политических ударов, что это покушение надо производить при обстановке начинающегося развала Советской Власти и что, следовательно, его надо отсрочить на некоторое время, ибо большевики еще пользуются популярностью, у них еще есть связи с массой.

Для выяснения позиции Центрального Комитета по вопросу о практическом проведении террора я беседовал с Гоцем. Гоц находил, что политический момент достаточно созрел для борьбы путем террора, считал, что убийство Ленина <нужно> осуществить немедленно, что оно будет иметь не меньшее значение для подрыва Советской Власти, чем убийство Троцкого. Он предлагал убить первым того, кого будет легче убить технически. Я указал Гоцу, что если ЦК намерен отказаться от актов после их совершения, как это было при убийстве Володарского, то и я и мои боевики вряд ли согласимся продолжать террористическую работу. Гоц заявил, что, в виду большой политической важности готовящихся актов, ЦК во всяком случае не заявит о непричастности Партии к ним; возможно только, что ЦК по тем или иным практическим соображениям, замедлит с открытым признанием актов делом Партии, но с тем, чтобы через короткое время декларировать открыто о них. Я изложил точку зрения Гоца на собрании боевиков, поставив перед ними следующие вопросы: во-первых, будем ли мы продолжать террористическую работу при условии, что ЦК, возможно, не сразу после актов открыто признает их; во-вторых, является ли беседа с Гоцем достаточной гарантией к тому, что ЦК действительно не отречется снова от актов.

Некоторые из боевиков считали необходимым, чтобы покушавшийся сразу же, в случае ареста, заявил, что акт является делом Партии, и чтобы официальное

заявление об этом Центрального Комитета последовало бы немедленно. После долгих прений мы решили, что точка зрения Гоца приемлема, но что, поскольку Гоц не дал никаких официальных обещаний от имени ЦК, у нас должны быть более определенные и более официальные гарантии в том, что ЦК поступит после акта именно согласно этой точке зрения.

Снова у меня состоялось свидание с Гоцем, на котором я предложил ему, сообщив о настроении боевиков, дать официальный ответ, гарантирует ли он от имени Центрального Комитета Партии Социалистов[-]Революционеров, что ЦК не отречется от акта. Гоц гарантировал от имени Партии своим честным словом, что ЦК не заявит о непричастности и признает акт открыто или немедленно, или спустя некоторое время. Мы сочли честное слово Гоца достаточной гарантией.

Я намечал в это время план организации отделений Центрального Боевого Отряда в крупных центрах России. В Казань я с этой целью отправил Гвозда, Вакулина и одного из боевиков Колпинского района. Предполагалось, что боевая группа в Казани, в случае подхода войск Учредительного Собрания, примет активное участие при взятии города. В случае взятия Казани Народной армией, группа останется по ту сторону фронта и войдет в ряды армии. В Саратов был послан Гладков. В Петрограде часть боевиков осталась. Они вели слежку за Урицким, намечали план выполнения. В Нижний я послал Киселева и Томашевича. Им я, в частности, дал специальное задание, выяснить, где и как хранится перевезенное частью из Москвы в Нижний золото и невозможна ли экспроприация его.

По техническим причинам легче было убить Ленина. Мы решили убить прежде его и намечали конкретный план выполнения этого убийства.

Я узнал от Дашевского, который руководил в это время военной работой в Москве и был в курсе нашей работы, что в Москве есть группа с.-р., которая ставит себе ту же цель, что и мы. Дашевский предложил мне вступить с руководительницей группы в переговоры о присоединении ее группы к моей. Руководительницей группы оказалась Фаня Каплан. Каплан – бывшая анархистка. Работала в террористической организации в Киеве в царское время. В 1906 г. была приговорена к смертной казни по обвинению в принадлежности к террористической организации (перед ее арестом группа готовила покушение на Киевского генерал-губернатора, в ее комнате произошел взрыв). Смертная казнь ей была заменена вечной каторгой, в которой Каплан и пробыла до Революции. После Революции она вошла в Партию с.-р.

При первом же свидании Каплан произвела на меня сильное яркое впечатление революц[ионерки]-террористки. Я предложил лично ей войти в мою группу; ввести всю ее группу целиком, не зная состава, я отказался и предлагал вводить каждого в отдельности после знакомства и персональной оценки. Каплан согласилась. В ее группе оказалось, кроме ее, всего три человека: Пепеляев – старый каторжанин, с.-р., быв. матрос, Груздиевский – кажется, присяжный поверенный, эсерствующий, с сильным белогвардейским оттенком[,] и Маруся – с.-р., лет 20-ти. Груздиевский и Пепеляев произвели на меня определенно отрицательное впечатление; Маруся – более благоприятное, но недостаточно определенное. Представление о терроре у них было совершенно дикое. Они, примерно, считали возможным отравить Ленина и Троцкого, вложив что-нибудь соответствующее в кушанье, или подослать к ним врача, который привьет им опасную болезнь. Предполагалось, что исполнителем будет Фаня. Никто из остальных и не пошел бы на это. Прежде они думали убить Троцкого. Никакого конкретного плана у них не было. Слежка за Троцким велась беспорядочно, и вела ее одна Каплан. Каплан предполагала убить Троцкого бомбой. У нее была бомба[,] специально для этого приготовленная ее знакомым химиком с.-р.[,] работавшим в военной организации (бомбу эту она передала мне). Я решил не вводить Груздиевского и Пепеляева в группу. Марусю я допускал возможным использовать для слежки. Я предложил им не вести параллельной работы с нами; взять на себя слежку за кем-нибудь другим. Указал им на Дзержинского.

Мы решили убить Ленина (выстрелом из револьвера) при отъезде его с какого-нибудь митинга. В это время в Москве бывали во всех районах еженедельные митинги, и Ленин выступал на них почти еженедельно; но заранее не было известно, на каком именно митинге он выступит. Мы наметили поэтому такой план действий: город разбивается территориально на 4 части, назначаются 4 исполнителя; в часы, когда идут митинги, районный исполнитель дежурит в условленном

месте; на каждом сколько-нибудь крупном митинге обязательно присутствует кто-нибудь из боевиков. Как только Ленин приезжает на тот или иной митинг, дежурный на митинге боевик сообщает районному исполнителю; тот немедленно является на митинг для выполнения акта. Выполнителями я наметил: Каплан, Коноплеву, Федорова и Усова (я предлагал и себя, но группа отвела меня как руководителя).

К этому времени ЦК решил переброситься по ту сторону фронта. Бывшие в Москве Гоц, Тимофеев, Евгения Ратнер уехали с этой целью в Сызрань. В Москве было создано Московское Бюро ЦК, которым руководил вызванный для этого из Саратова Донской. У Каплан было свидание с Донским (он хотел видеться с нею как с будущей исполнительницей). Донской на этом свидании говорил, что ЦК не откажется от признания акта делом Партии.

В первую неделю, когда наш план дежурств на митингах уже выполнялся, Ленин выступил только на одном небольшом митинге, на котором не было нашего дежурного (на небольшие митинги мы не посылали дежурных). В следующую неделю Усов, которому дежурный боевик сообщил о приезде Ленина на митинг, пришел туда, но покушения не сделал. У нас после этого было тяжелое собрание. Мы все считали, что Усов оказался слабым, что у него не хватило решимости к действию. Усов был исключен из числа исполнителей.

На следующий раз я разослал дежурных на все митинги. Лучшим исполнителем я считал Каплан. Поэтому я послал ее в тот район, где я считал больше всего шансов на приезд Ленина. Послал хорошего боевика, старого с.-р., рабочего Новикова на завод Михельсона, где ожидался приезд Ленина. Каплан должна была дежурить на Серпуховской площади недалеко от завода. Я считал, что бежать после совершения акта не надо, что за такой момент покушающийся должен отдать жизнь, но практическое решение этого вопроса я представлял каждому из исполнителей, Каплан разделяла мою точку зрения. Все-таки, на случай желая Каплан бежать, я предложил Новикову нанять извозчика-лихача и поставить наготове, у завода (что Новиков и сделал).

Ленин приехал на завод Михельсона. Окончив говорить, Ленин направился к выходу. Каплан и Новиков пошли следом. Каплан вышла вместе с Лениным и несколькими сопровождавшими его рабочими. Новиков нарочно споткнулся и застрял в выходной двери, задерживая несколько выходящую публику. На минуту между выходной дверью и автомобилем, к которому направился Ленин, образовалось пустое пространство. Каплан вынула из сумочки револьвер; выстрелив три раза, тяжело ранила Ленина. Бросилась бежать. Через несколько минут она остановилась и, обернувшись лицом к бегущим за нею, ждала пока ее арестуют. (Думаю, что Каплан остановилась, вспомнив свое решение не бежать и овладев собою). Каплан была арестована. На Новикова никто не обратил внимания.

После покушения я стянул всех боевиков на дачи. В газетах появились заявления ЦК, что Партия не принимала участия в акте. Это произвело на нас ошеломляющее впечатление. Увидевшись с Донским я с негодованием говорил ему о недопустимости такого поведения ЦК, считая это просто трусостью; указывал на честное слово Гоца. Донской объяснил заявление ЦК тем, что ЦК считает недопустимым подвергнуть Партию, в случае отсутствия такого заявления, разгрому красного террора. Новикову Донской предложил описать акт и сдать материал в архив Партии. Отмечаю, что происшедшее вскоре убийство Урицкого было произведено не нашей группой. (Думаю, что оно было организовано группой н.-с.)» (Семенов Г. (Васильев) Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. Берлин, 1922. С. 26–34).

Именно этот рассказ Семенова и послужил канвой для следствия и обвинения, которые стали утверждать, что отряд Семенова существовал как официальная партийная террористическая структура, действовавшая по директивам ЦК ПСР. Эта версия уже фактически содержалась в брошюре Семенова, затем она была подтверждена и Коноплевой, внесшей в его рассказ массу поправок и добавлений (см.: док. № 16-6). После ареста членов их отряда большая часть боевиков дала показания, укладывающиеся в рамках этой версии.

На допросе 6 апреля 1922 г. Ф.В. Зубков заявлял: «О том, что террористические акты против вождей Советской власти и экспроприации санкционированы Центральным Комитетом партии соц.-революционеров, я знал, главным образом, от Семенова. Знал я о санкции ЦК также со слов Новикова, Усова и Елены Ивановой,

которые были вызваны к члену ЦК Донскому и имели с ним беседы по этому поводу» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 120). Обращают на себя внимание неточности и нестыковки в показаниях Ф.В. Зубкова, когда он 6 апреля заявлял: «Покушения готовились на Ленина, Троцкого, Зиновьева, Крыленко и вообще на видных коммунистов. Боевики были вооружены револьверами. Я знал о том, что Федоров-Козлов, встретивши однажды Ленина на митинге в быв. хлебной бирже, отказался стрелять в него, вследствие тех же сомнений, которые одолевали и меня. После того, как Усов отказался стрелять в Ленина, исполнителями покушения были назначены Фаня Каплан, Лидия Коноплева и Федоров-Козлов» (Там же. Л. 120–120 об.). Кроме него никто больше не заявлял о планах покушения «вообще на видных коммунистов». Вот как сам К.А. Усов на допросе 12 марта 1922 г. объяснял мотивы своего отказа стрелять в В.И. Ленина на митинге в Алексеевском народном доме в конце августа 1918 г.: «Помню слова Елены Ивановой, что ЦК партии весьма желательно, чтобы исполнитель был обязательно рабочий, так как это было бы большой агитацией против большевиков, ибо они считают себя рабочей партией и <важно, чтобы> вождя этой рабочей партии убил рабочий. Это бы говорило за то, как далеко большевики зашли, а посему все высказались, чтобы исполнителем был я. Это поддерживала Елена Иванова, которая считала меня очень честным и самоотверженным человеком, кроме того происхождение мое было чисто рабочее и ничего я не имел общего с деревней. Но в это время у меня происходила страшная борьба внутри. Под впечатлением отречения ЦК партии от дела его же рук в убийстве т. Володарского я заподозрил людей, сидящих там, в нечестности. И, развивая эту мысль дальше, мне стало казаться, что Учредительное собрание, то есть с.-р. власть ничего не даст хорошего тому классу, которому я принадлежу[,] и что я так самоотверженно боролся за интересы своего класса совершенно зря и что убивать т. Ленина для того, чтобы власть взял Чернов, я как рабочий не должен, ибо в этом я несколько не заинтересован. Одним словом, тот авторитет как Учредительное собрание, во имя которого я перенес столько лишений и страданий, для меня был поколеблен, и когда я, получив револьвер, пошел в Алексеевский Народный дом, я уже вовсе не думал стрелять в тов. Ленина. В этот вечер я пережил страшную внутреннюю борьбу, где правда, не знал, за кого бороться, тоже не знал. С другой стороны, страдало самолюбие, ибо после этого, когда я откажусь, меня все, до сего времени считавшие за хорошего боевика, отвернутся от меня и назовут трусом, с другой стороны, я не знал, где правда, и посему не мог стрелять. Объяснить все Семенову я не мог, ибо мне казалось, что он меня не поймет, скажет, что я большевик. Я же в это время не был ни большевиком, ни с.-р. Я был на распутье, но как бы там ни было, стрелять я не стал. И когда пришел к своим, они меня уже своим не считали. Я стал думать, как бы вообще уйти из организации. Приблизительно через неделю после моего происшествия Елена Павловна (Каплан) стреляла в товарища Ленина, но неудачно, разведчиком у нее был Новиков» (Там же. Л. 106–107).

Ярчайшим штрихом к портрету К.А. Усова служит тот факт, что порвав связь с эсерами осенью 1918 г., он вступил через год в РКП(б) (но в отличие от Семенова и Коноплевой не покался в грехах своим новым товарищам). Объяснения К.А. Усовым мотивов умолчания о своей террористической деятельности на допросе 12 марта 1922 г. говорят о некоторых весьма специфических чертах его характера: «Теперь мне зададут вопрос, почему я не раскрыл до сего времени этой преступной организации, будучи уже коммунистом. На это я бы спросил тех более посвященных в это дело ответственных с.-р. интеллигентов, почему они до сих пор не раскрыли этого дела, если спрашивают меня, простого рабочего. Я же не раскрыл потому, что, по моему убеждению, я не в состоянии был доказать истинного виновника этого преступления [–] ЦК с.-р. и другие руководящие центры этой партии. На помощь ЦК даже не надеялся, если бы я туда представил свой предварительный материал, ибо люди в курсе всего этого дела, как, например, Ефимов, были арестованы не раз, но почему-то все же он был выпущен[,] и ЧК не добились от него никакого материала. Все, что бы я сделал, раскрыв эту работу с.-р., валил бы рабочих, которые теперь проклинаят тот день и час, как и я, что вступили и доверились вождям преступной партии с.-р.» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 107).

После допросов боевиков и свидетелей нестыковок и противоречий стало еще больше, и часть из них носила неустранимый характер. В частности, следствие и суд вскрыли, что в эсеровском руководстве не было единодушия по вопросу о терроре против большевиков. Из подавляющего большинства показаний видно, что

сторонники применения террора против большевиков были в меньшинстве, как в самой партии, так и в ее руководстве. Так, например, бывший член ЦК ПСР Д.С. Розенблом на допросе 26 марта 1922 г. заявлял «[...]В мае или июне месяце 1918 г. (точно времени не помню), я имел беседу с Виктором Михайловичем Черновым по вопросу о терроре против советской власти. Встреча наша произошла на Поварской улице в Москве. Чернов высказался за своевременность террористической тактики по отношению к советской власти, как метода борьбы с этой властью. Чернов убеждал меня поддержать его точку зрения в этом вопросе, из чего я заключил, что большинство Центрального комитета партии соц[иалистов]-революционеров в этом вопросе были против террора. Я лично был всегда противником террора и в особенности против террора по отношению к другой социалистической партии» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 186). Он же на предварительном следствии 30 марта 1922 добавлял: «[...]Я знаю только со слов В. Чернова о том, что он имел переговоры по поводу террора с членом ЦК Тимофеевым, которого он склонял к необходимости террора как метода борьбы с советской властью. Гендельман М.Я. был решительным противником террора. Те члены ЦК ПСР и те партийные с.-р. группировки, которые были за террористические боевые действия с советской властью, принадлежат к авантюристическим элементам ПСР, не прошедшим школы западноевропейского социализма (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 187).

Намного более определенно высказался Н.И. Ракитников в своих показаниях от 8 марта 1922 г., достоверность которых сомнений не вызывает: «В феврале или январе 1918 г. (точно не помню) в Центральном Комитете был поднят вопрос о применении террористических актов против большевиков. Большинство членов ЦК на этом заседании высказались против террора (в частности я, также был в числе противников террора). [...]Лично мое мнение, поддержанное и некоторыми другими товарищами было резко и принципиально отрицательно[e], т.к. считал террор в отношении социалистов принципиально недопустимым. После отъезда Центрального Комитета в Москву не принимал уже участия в его работе. Но от А.Р. Гоца я знаю, что позиция Центрального Комитета по этому вопросу не изменилась. В этом он уверил меня в июле месяце, вскоре после убийства Володарского, когда он приезжал из Москвы в Питер[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 132).

На допросе 25 марта 1922 г. В.А. Несмеянов отмечал, что «в бытность его в Москве и в московских руководящих партийных органах и кругах вопроса об экспроприациях не поднималось, тем более о терроре, к которому большинство относилось резко отрицательно» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 6). В.К. Дзеруль на допросе говорил, что «о том, что в ЦК дебатировался и решался вопрос о терроре и экспроприациях, нам, партийной периферии ничего не было известно. Эти вопросы не дебатировались ни на партийных конференциях, ни в комитетах, ни на 4 съезде партии. Не поднимались эти вопросы также и на 8 Совете партии, происходящем летом 18 года в Москве» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 10).

Показания К.С. Буревого и Н.В. Святицкого свидетельствуют, впрочем, что отрицание террора у многих руководителей партии не было принципиальным, а также о том, что террористические настроения были весьма сильны сразу после Октября 1917 г. Так, бывший член ЦК ПСР К.С. Буревой на допросе 16 марта 1922 г. заявлял: «В конце февраля 1918 года в Ц.К.П.С.Р. был поднят вопрос о применении террора по отношению к большевикам. Я в то время состоял членом Ц.К.П.С.Р. Ц.К. находился тогда в Петрограде. В Ц.К. существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. Чернов, Рихтер и Тимофеев. Рихтер бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях Ц.К. Вопрос о терроре, насколько помню, был поднят в связи с деятельностью советского комиссара по военным делам Антонова на Украине (в Харькове). В связи с поднятым в заседании вопросом о терроре был внесен вопрос о применении террора по отношению к Антонову. Не помню, кем именно было внесено это предложение. В своей речи по этому вопросу Виктор Чернов, возражая безусловному противнику террора члену Ц.К. Сумгину, между прочим указал, что при разгоравшейся в то время гражданской войне возможно такое положение, при котором убийство какого-нибудь зарвавшегося советского комиссара, вызывавшего своими действиями возмущение населения, могло бы революционизировать народные массы. Чернов внес в Ц.К. резолюцию о терроре,

которая была так расплывчато средактирована, что Сумгин усмотрел в ней возможность истолкования партийными организациями этой резолюции в смысле применения террора. СУМГИН внес в резолюцию поправку о безусловной недопустимости террора во время революции, так как такая тактика оттолкнула бы массы от партии. Поправка СУМГИНА была отвергнута. Это послужило мотивом к выходу СУМГИНА из состава Ц.К.П.С.Р., о чем СУМГИНЫМ было подано в Ц.К. заявление. СУМГИН вскоре ушел и от партийной работы. Лично я голосовал за резолюцию Чернова и против поправки СУМГИНА. В этом заседании Ц.К. приняли участие, насколько помню: ЧЕРНОВ, РИХТЕР, ТИМОФЕЕВ, РАТНЕР Е.М., РАКИТНИКОВ, КОГАН-БЕРНШТЕЙН, ФЕДО-РОВИЧ, БУРЕВОЙ, ТЕТЕРКИН, ВЕДЕНЯПИН. Остальных присутствовавших не помню. В то время я, как и большинство членов Ц.К. отнюдь не был принципиальным противником применения террора, как метода борьбы, но считал, что революционная обстановка того времени позволяла надеяться на преимущество массовой вооруженной борьбы» (см. док. № П-22).

Н.В. Святицкий на предварительном следствии 19 марта 1922 г. заявил: «[...] в первое время после Октябрьского переворота террористические настроения против коммунистической партии и советской власти были господствующими среди широких партийных и ответственных кругов Партии социалистов-революционеров. Из состава членов ЦК ПСР определенно против применения террора высказывались: [Н.И.] Ракитников, [К.С.] Буревой, [М.Л.] Коган-Бернштейн, [М.А.] Лихач; точку зрения применения террора по отношению к представителям сов. власти разделяли: Чернов Виктор Михайлович, [В.М.] Зензинов, [Е.М.] Тимофеев и [А.Р.] Гоц. Остальных сторонников террора не помню. В персональном перечислении допускаю возможность неточности [с] моей стороны. Перед 4-ым партийным съездом Чернов высказался в своей речи на общегородской петроградской партийной конференции в смысле применения террора. Я знал о том, что при ЦК существует боевая группа, имевшая своей задачей – активную вооруженную борьбу с советской властью, устройство взрывов мостов и железнодорожных линий и пр. Моя осведомленность по этому вопросу относится к весне и лету 1918 года. Официального решения Центрального комитета ПСР по вопросу о терроре не было. О практическом проведении террора мне ничего не известно. Последние нотки о терроре прозвучали от 2–3 ораторов на 9-ом съезде (Совете – *сост.*) ПСР в июне 1919 года, но поддержки они не встретили (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 171).

Н.В. Святицкий был единственным, кто утверждал, что террористические настроения были господствующими в широких партийных и руководящих кругах, но относил это к концу 1917 – началу 1918 г. («[...] в первое время после Октябрьского переворота[...]»), и ясно выводил тенденцию угасания этих настроений. Из показаний же К.С. Буревого видно, что многие члены ЦК возражали против террора не из принципиального его отрицания (как Сумгин), а из тактических соображений. Но это обстоятельство, как бы важно оно ни было, сути дела ни меняет, так как игнорировать свое мнение они все равно остальным членам ЦК ПСР не позволили бы.

Таким образом, из всего вышеизложенного следует, что принятие ЦК ПСР весной–летом 1918 г. консолидированного решения о ведении террористической борьбы против руководства РКП(б) было совершенно нереальным. Даже если ЦК ПСР (при условии, что большинство в нем было бы за сторонниками террора) смог принять решение о терроре против руководства РКП(б), он не пошел бы на это. В условиях неготовности значительной части эсеровских кругов к ведению террора против социалистической партии проигнорировать эти настроения, значило только одно – немедленный раскол партии. Эсеры, считавших большевиков меньшим злом, чем белогвардейцы, было много во всех слоях партии; часть из них позже создала группу «Народ» и МПСР, часть продолжала оставаться в ПСР, выступая за террор только против белых. «Террористическое» решение ЦК, как минимум вызвало бы со всех сторон крики о неправомерности ЦК в принятии такого постановления, без предшествующего решения съезда (или хотя бы Совета партии), и требования его созыва. Предположение, что «террористическое» решение утаили бы от партии, обязав меньшинство молчать и о нем и о разногласиях (подобное практиковалось порой у большевиков), маловероятно, так как в соответствии с нравами и традициями эсеровской партии, ни о каком подчинении меньшинства большинству в ЦК ПСР в таком кардинальнейшем вопросе речь и не шла бы, антитеррори-

стическое меньшинство скорее стало бы апеллировать к партии, делать заявления, уходить из ЦК и т.п. Громкий скандал и раскол партии в этой ситуации был бы совершенно неизбежен, а потому этот путь для ЦК ПСР был бы просто самоубийственным. Но даже такого решения ЦК ПСР принять не могло из-за того, что «террористы» были там в меньшинстве.

Но это было не единственной несообразностью (хотя и самой крупной и заметной) этой версии следствия и обвинения. Укажем, что в ходе суда ни Семенову с Коноплевым, ни обвинению не удалось доказать факт дачи Гоцем и Донским санкции ЦК ПСР на террористический акт. Напротив – они неоднократно попадали впросак, когда выяснялось, что они якобы получали санкции в то время, и в том месте, где их встречи состояться не могли (см.: Предисловие, с. 51–52).

Косвенно в пользу непричастности и неосведомленности руководства партии как единого целого к террористической деятельности отряда Семенова, помимо всего прочего, говорит и то соображение, что в противном случае для террористического отряда, ведущего охоту на Ленина и Троцкого, подобрали бы людей, намного более серьезных, авторитетных и имеющих больший опыт террористической деятельности, чем Семенов, Коноплева, Каплан, Ставская и др. Об этом неоднократно говорили и до процесса и во время него Д.Д. Донской, М.Я. Гендельман, Е.А. Иванова и др. Не говоря уж о том, что почти вся головка отряда: Семенов, Коноплева, Каплан, Ставская – были бывшими анархистами. Также немыслимо, чтобы честь покушения на В.И. Ленина отдали бы бывшей анархистке.

И наконец, кто, в этой ситуации, находясь в здравом уме и твердой памяти, поставил бы во главе Центрального боевого летучего отряда при ЦК ПСР не имеющего боевого опыта, никому неизвестного, с репутацией авантюриста, бывшего анархиста – Г.И. Семенова? Скорей всего руководителем такого, официальным путем создаваемого, отряда стал бы один из видных эсеров, бывших членов БО ПСР или Северной летучки: А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, Б.Н. Моисеенко, В.О. Фабрикант, Н.Н. Иванов или Е.А. Иванова. Трудно не согласиться с последней, говорившей в своем последнем слове на процессе об этом так: «И во главе этого отряда не стоял бы тот человек, в душе которого смешались странным образом психология человека, который желает быть Наполеоном[,] и того подпольного человека, психология которого выражается в том, что лучше быть живой собакой, чем мертвым львом. Во главе стоял бы человек, которого можно убить, но которого нельзя сделать собаченкой. И вы знаете, что на этих скамьях были такие люди» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 206).

Следует также отметить, что не только кадровый состав, но и сама технология покушения, с точки зрения предшествующего опыта БО ПСР, не выдерживает критики. Уже с 1904 г. Е.Ф. Азеф и Б.В. Савинков отказываются от «пистолетных» покушений, весьма ненадежных, особенно, когда речь идет о действиях против «первых лиц», более или менее серьезно охраняемых. Но, собственно, не они первые это поняли. Еще народовольцы, после первых своих террористических актов, родили поговорку: «Нет веры – в револьверы», и перешли к т. н. «динамитной технике». Как только молодая эсеровская БО накопила опыта, средств и сил, она также все свои важнейшие покушения ставила с помощью применения бомб (покушение на министра внутренних дел В.К. Плеве в 1904 г., покушение на вел. князя Сергея Александровича; несостоявшееся покушение на Николая II БО ПСР под руководством Б.В. Савинкова в 1909–1911 гг. также планировалось произвести при помощи бомбы). Только дилетанты вроде Семенова, да к тому же делающие все в тайне, в спешке и «на коленке», могли отказаться от прекрасно зарекомендовавшей себя тактики – перехватывать транспортное средство жертвы по дороге и взрывать его бомбой, с динамитной начинкой около 3–5 кг (террорист, как правило, получал ранения или даже погибал, но и вероятность смерти жертвы, была значительно выше, чем при пистолетной стрельбе). Поставить такое покушение в 1918 г. было бы неизмеримо проще и легче, чем до революции: фантастически снизилась квалификация сыскных и филерских кадров (новые люди только начали учиться), охрана у В.И. Ленина, насколько можно понять, просто отсутствовала, определить внешний вид автомобиля В.И. Ленина и поджидать его около Кремля (при отсутствии филеров) – было несложно. Перехват автомобиля на улице 2–3 метальщиками давал много шансов на успех, в отличие от стрельбы из пистолета (да к тому же еще браунинга, серьезно уступающего в своих поражающих свойствах нагану или

кольту) одним человеком, да еще в группе людей (среди которых вполне мог найтись свой Осип Комиссаров, помешавший Каракозову убить Александра II). Если бы ЦК ПСР взялся за убийство Ленина, его бы постарались убить наверняка и с первой попытки, отдавая себе отчет в том, что второй уже может и не быть, что в условиях бушующей гражданской войны партию немедленно объявят «вне закона». Только удачное покушение на Ленина посеяло бы растерянность и панику в рядах большевиков и укрепило бы уверенность в победе у всех антибольшевистских сил. И напротив, сорвавшаяся попытка покушения или ранение, создавали для большевиков весьма удобный случай для мобилизации своих сил и укрепления своих позиций (в том числе и моральных) и серьезнейшего ослабления позиций эсеров (большевики прекрасно все это продемонстрировали на практике).

Но, отрицая утверждения Семенова, а также следствия и суда, что Центральный боевой летучий отряд при ЦК ПСР был создан по решению ЦК ПСР и имел террористические задачи, вряд ли следует отрицать сам факт создания Г.И. Семеновым отряда (рекрутированного им из членов боевых дружин, которые он курировал). В предположение, что отряд Семенова носил «виртуальный характер», несложно поверить, зная, что чуть позже чекисты мастерски придумывали подобные сюжеты и на их фундаменте возводили громкие дела. Ряд свидетелей и обвиняемых знали о работе Семенова в Военной организации, но слыхом не слыхивали о Боевом отряде. Так, бывший член ЦК ПСР К.С. Буревой на допросе 16 марта 1922 г. заявлял: «СЕМЕНОВА и КОНОПЛЕВУ я знал по группе “Народ”. Я знал о причастности СЕМЕНОВА к Военной комиссии при Ц.К.П.С.Р.» (см. док. № П-22). Другой член ЦК ПСР М.А. Веденяпин на допросе 1 апреля 1922 г. заявлял: «Партией с.[-]р. велась в конце 1917 г. и 1918 г. военная работа против Советской власти, о том, что Г.И. СЕМЕНОВ состоял в Боевом отряде, как и о самом существовании этого отряда, я не знал. Я знал о том, что СЕМЕНОВ в начале был членом Военной коллегии при Ц.К.П.С.Р., а затем был во главе этой комиссии» (см. док. № П-29).

Но реальность существования боевой группы Семенова заставляет признать анализ материалов следственного дела и судебного слушания, а также и то, что ее реальность признавали сами подсудимые 1-й группы и эсеровская эмиграция. Но весь вопрос в том, в какой степени отряд был связан с руководством ПСР?

Наиболее перспективными для дальнейшего исследования представляются четыре версии.

Первая – отряд был создан для ведения террора, по собственной инициативе Семенова и Коноплевой, которые обманывали как руководство партии, так и нанятых ими боевиков, говоря последним о работе под эгидой ЦК ПСР.

Вторая – отряд действовал с ведома отдельных членов ЦК ПСР (А.Р. Гоца, Д.Д. Донского), попустительствовавших террористическим настроениям Семенова, но скрывавших это от остальных членов ЦК, отказавшихся санкционировать террор против большевиков.

Третья – Боевой отряд Семенова, о существовании которого руководство партии (или часть его) знало, имел не террористические, а диверсионные функции. Семенов превысил свои полномочия и втайне от руководства партии вышел за очерченные его отряду рамки.

Четвертая – Д.Д. Донской дал Каплан (которую на встречу с ним между 24–26 августа 1918 г. привел Семенов), своего рода санкцию на совершение индивидуального акта, за который ни партия, ни ее руководство, по нормам тогдашней революционной этики, ответственности нести не могла.

В первом и третьем случае речь идет об авантюризме и отчасти провокаторской роли Семенова и Коноплевой (на тот момент, т.к. к 1922 г. уже можно говорить о явном ренегатстве). Во втором – о закулисной деятельности некоторых руководителей партии, ответственность за которую была возложена на всю партию. Четвертый же случай Семенов (оказавший Каплан помощь) трактовал позже как санкцию Д.Д. Донского от имени ЦК ПСР всему его отряду, а вслед за ним ГПУ и суд связали отряд Семенова с руководством партии, большая часть которого даже не подозревала о самом факте его существования.

Первую версию отстаивала эсеровская эмиграция и первая группа подсудимых (кроме Н.Н. Иванова). Возможность второй ситуации допускал бывший член ЦК

ПСР Д.С. Розенблом, который на допросе 26 марта 1922 г. заявлял «[...] Допускаю, что меньшинство ЦК могло санкционировать практику террора помимо большинства ЦК. Но я не был осведомлен о практических шагах ЦК в этом направлении и не знал о причастности ЦК к террористическим актам против советских вождей. Я представлял себе, что акты против Володарского и Ленина не санкционированы ЦК и являются актами какой-нибудь партийной с.-р. организации» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 186).

В пользу третьей версии говорят показания Н.В. Святицкого и Н.Н. Иванова. Так, Н.В. Святицкий на предварительном следствии 19 марта 1922 г. показал: «[...] Я знал о том, что при ЦК существует боевая группа, имевшая своей задачей – активную вооруженную борьбу с советской властью, устройство взрывов мостов и железнодорожных линий и пр. Моя осведомленность по этому вопросу относится к весне и лету 1918 года. Официального решения Центрального комитета ПСР по вопросу о терроре не было. О практическом проведении террора мне ничего не известно» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 171). Но, безусловно, самое сильное впечатление производят показания члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова, как по недвусмысленности его утверждений, так и по степени их достоверности. Последнее крайне важно, так как Н.Н. Иванова не то что в ренегатстве, но даже в желании умастить чекистов никак не упрекнешь (о чем свидетельствует и его приговор и все его поведение в тюрьме). На допросе 7 апреля 1922 г. Н.Н. Иванов показал: «Центральный комитет партии с.-р., в целом и Петроградское бюро Ц.К. в своих резолюциях высказывались против применения террора по отношению к Советской власти весной, в начале лета 1918 г. За применение террора была лишь небольшая часть членов Центрального комитета. Я лично в тот период был сторонником террора против Советской власти, но террора открытого, от имени партии. Ц.К. не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, но исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти.

Весной отряд Ц.К.[.] сформированный Григорием Ивановичем СЕМЕНОВЫМ, выдвинулся, выдвинулся, насколько я помню, как-то сам собой из военной организации партии с.-р. Назначением боевого отряда было совершение боевых актов; недопущение вывоза ценностей из Петрограда в Германию; содействие ведению военных операций в период фронта Учред[ительного] собрания в смысле партизанских действий (взрыв мостов, порча ж[елезных] дорог и пр.). В экспроприациях я никакого участия не принимал. Я лично считал допустимым совершение экспроприаций советских учреждений с целью приобретения средств на партийную работу. С некоторыми оговорками, я считал бы возможным и совершение частных экспроприаций с целью получения средств для партии» (см. док. № П-32).

Добавленное им на следующий день, отчасти свидетельствует также и в пользу четвертой версии: «В 1921 г. от одного из товарищей, члена партии социалистов-революционеров, я узнал, что Ф. КАПЛАН получила в 1918 г. от Московского Бюро Центрального Комитета партии с.-р. разрешение на совершение террористического акта против ЛЕНИНА лишь в виде акта индивидуально, т.е. в случае провала она должна была заявить, что акт совершен не партией, а лично ею, как социал-революционеркой с личной мотивировкой.

[...] На первом заседании Ц.К. п.с.-р., на котором я поднял вопрос о терроре против Советской власти (конец января – начало февраля м[есяца] 1918 г.)[.] я был поддержан лишь одним членом Ц.К. п.с.-р. (Виктором Михайловичем ЧЕРНОВЫМ[.] насколько я помню). (О переговорах А.Р. ГОЦА с КОНОПЛЕВОЙ Л. весной 1918 г. я не помню).

С Г.И. СЕМЕНОВЫМ я знаком с лета 1918 г.^а Ближе с ним познакомился со времени 4-го съезда п.с.-р. по работе в Военной организации. Я относился к нему, как к ценному работнику-революционеру. С КОНОПЛЕВОЙ я был знаком отчасти по легальной работе в 1917 г. и по военной работе.

Мое положение^б, о вступлении моем в Боевую организацию[.] было отклонено Ц.К. (кажется это было в частном порядке), в виду необходимости исполь-

^а Так в документе, следует, видимо, 1917 г.

^б Так в документе, следует предложение.

зования меня для другой работы» (см. док. № П-33).

Категоричность и недвусмысленность утверждений Н.Н. Иванова по факту существования Боевой организации под руководством Семенова очевидна (но парадокс заключается в том, что его показания, опровергая половину первой версии, дают почву для всех трех последних). Но Иванов обошел крайне важный вопрос, а кем (всем ЦК, или частью его, или просто кем[-]то из видных эсеров) и как (официально, с принятием соответствующей резолюции, или полуофициально на одном из заседаний и в присутствии ряда членов ЦК, но устно, или неофициально и с глазу на глаз) была санкционирована деятельность Боевой организации с диверсионными функциями. Безусловно, Иванов вполне недвусмысленно говорит о диверсионных, а отнюдь не террористических задачах группы Семенова.

Представляется, что фраза Иванова: **«ЦК не давал Боевой организации санкции на совершение террористических актов и экспроприации советских учреждений, по исключения из партии с.-р. за совершение подобных актов производить не полагалось, т.к. условия борьбы того периода допускали методы боевых действий против Советской власти»** (выделено нами – *Сост.*) – является своего рода ключом к разгадке всей этой ситуации. Действительно, двусмысленность этой установки, с одной стороны, позволяет желающему рискнуть, так как категорического партийного запрета (исключение из партии) нет, а вероятность в случае успеха стянуть славу великого террориста и попасть под действие поговорки: «победителей не судят» весьма велика. С другой стороны, она, безусловно, дает потенциальную возможность группе сторонников террора в руководстве партии, не нарушая партийной дисциплины и не давая никаких директив и санкций на террористический акт, позволить желающим создать группу с формально нетеррористическими функциями, и закрывая глаза на истинные их террористические намерения, не мешать им (а тайком или намеками, наоборот, всячески их поддерживать). С этой точки зрения, любой член ЦК мог сказать любому эсеру, будь то Семенов со своей группой или Каплан (если все-таки считать ее членом ПСР), или кто[-]либо другой – разрешать террористический акт от имени ЦК партии не могу и не буду, но и запрещать его в качестве личного, индивидуального акта, негативные последствия и ответственность за который (в случае его неуспеха) падает лично на тебя, как инициатора и исполнителя этого акта – не стану.

Исполнитель индивидуального акта в этой ситуации мог надеяться только на то, что победителей не судят, а также на то, что слова – словами, а дело убийства Ленина будет сделано, а это важнее, чем партийный скандал. Предшествующая дореволюционная практика знала даже более скандальные примеры «договорных» индивидуальных актов, таких как, скажем, письменный договор части руководителей ПСР с А.А. Петровым в 1909 г. Признавшийся в сотрудничестве с охранкой (якобы с революционными целями) он во искупление этого греха брался убить начальника Петербургской охраны генерала А.И. Герасимова, а руководитель БО ПСР Б.В. Савинков и член Заграничной Делегации ЦК ПСР И.И. Фондаминский (утаившие это весьма деликатное дело от остального руководства ПСР) обещали признать этот акт партийным. Подчеркнем, что обязательство признать акт Петрова партийным выполнено не было (Савинков и Фондаминский мотивировали это невыполнением Петровым условий договора: он убил не Герасимова, а назначенного на его место полковника Карпова). Подробности всего этого дела, ставшего предметом внутривнутрипартийного скандала и разбирательства Следственной комиссией при ЦК ПСР, весьма интересны, в том числе и с точки зрения того, как отдельные руководители партии оправдывали сепаратность и келейность своих действий.

Отметим также, что вполне вероятно, что факты каких-то договоренностей (вероятнее всего, устных) Донского с Каплан и неафишируемого поощрения к террору группы Семенова друг друга не исключают и могли происходить параллельно и независимо друг от друга. Представляется, что, с одной стороны, устойчивые слухи о получении Каплан санкции от руководства партии (или кого-то из руководства партии) на индивидуальный акт против Ленина в эсеровской среде были вряд ли случайны, а с другой – возможность сепаратных действий одной части руководства партии за спиной других явно не следует исключать. Добавим только, что, скажем, на практику келейного принятия решения частью членов ЦК за спиной других членов ЦК ПСР в 1905–1907 гг. жаловался в своих мемуарах член ЦК ПСР А.А. Аргунов.

Не исключая возможности того, что в этом запутаннейшем деле (в том числе и сознательно запутанном чуть ли не всеми его участниками) на практике могла осуществиться почти что любая из вышеприведенных версий (лишь с разной степенью их вероятности), либо какая-нибудь их причудливая комбинация, выскажем ряд предварительных соображений. И сам террористический Центральный боевой летучий отряд при ЦК ПСР, и санкции, которые якобы давали ему Донской и Гоц от имени ЦК ПСР на совершение покушений против Ленина и Троцкого, явно являются выдумкой Семенова, Коноплевой и чекистов. О том, что отряд имеет официальный статус, а также об этих санкциях Семенов и Коноплева могли говорить боевикам, дабы скрыть от них факт либо своей инициативы, принятой без разрешения партийного руководства, либо факт сговора с отдельными членами ЦК.

Факт подобного сговора однозначно отрицать нельзя, но даже если бы он и был, то обязательно на условиях инициативного или (по другой терминологии) индивидуального (т.е. – непартийного) акта со стороны боевиков Семенова. Ни Донской, ни Гоц, ни кто-либо другой не стали бы обещать признать акта партийным, зная, что это окончится грандиозным партийным скандалом, с очень печальными, в том числе лично для них, последствиями. Да и не мог Семенов, Коноплева и некоторые другие члены отряда (за исключением уж совсем недалеких) поверить таким обещаниям, прекрасно зная, как и вся партия, что подавляющее большинство членов ЦК не позволит признать этот акт партийным, а в случае самовольных действий отдельных членов ЦК, немедленно дезавуирует такое признание.

Более того, если держаться в рамках этой версии, речь скорее должна идти не о прямом сговоре с Семеновым, а скорее о якобы случайном создании необходимых организационных условий для террористического акта (Боевого отряда с диверсионными, но не террористическими целями) и потворствовании (со стороны Донского, Гоца, не исключено, что и Е.А. и Н.Н. Ивановых) террористическим настроениям его руководителя. Но уверенности в подобных действиях части эсеровского руководства все же нет. Все-таки нельзя исключать, что Семенов, действительно, утаивал от них, что занимается подготовкой самостоятельного террористического акта.

Представляется, что Д.Д. Донской все же дал Ф.Е. Каплан (встреча проходила в присутствии Семенова) добро на индивидуальный акт, за который ни партия ни ЦК ПСР ответственности нести не должны. Самое интересное, что в этой ситуации, формально Д.Д. Донской никаких партийных решений не нарушал и ничьего согласия испрашивать не был обязан. По существующим неписанным нормам и дореволюционной практике каждый революционер в случае несогласия с тем или иным решением партии, имел право выйти из партии и поступить так, как велела ему его совесть, отдавая, впрочем, себе отчет в том, что он может столкнуться с осуждением своих товарищей по партии, которая ответственности за его действия не несла и вполне могла от них отказаться. Чтобы не быть голословным в столь важном вопросе (который большинством историков и читателей привычно трактуется в духе ленинского «демократического централизма» и потому право революционера иметь свободу выбора и действий, даже без разрешения ЦК, а тем более вопреки ему, представляется невероятным) в качестве примера процитируем кусок из письма Н.И. Ракитникова В.М. Чернову, относящийся к осени 1912 г. Будучи недоволен выводами Судебно-следственной комиссии по делу Азефа, В.М. Чернов (вместе с В.Л. Бурцевым и Б.В. Савинковым) раздумывал, не воспользоваться ли согласием Азефа (данным Бурцеву) явиться на независимый суд над ним, и не устроить ли такой суд. Но ЦК ПСР высказался неодобрительно о подобной затее, хотя формального, категорического запрета членам партии устроить такой суд в его постановлении не содержалось. В.М. Чернов обратился в ЦК ПСР с заявлением, что дал В.Л. Бурцеву на это «предложение условное согласие, оговорившись, что считаю своей обязанностью как член партии довести об этом до сведения ЦК-та ее и что войду в комиссию, если ЦК мне этого не запретит». В высшей степени важен ответ ему Н.И. Ракитникова, безусловно, корректирующий наши представления о свободе воли и нормах поведения революционера в отношении руководящих сфер партии, да и самой партии: «Опубликованное ЦК заявление имело целью определить позицию ЦК в этом деле, а не устанавливать директивы, обязательные для всех членов П[артии]. Поэтому в тексте его не содержится никакого запрещения формального членам П[артии] принимать какое бы то

ни было участие в комиссии, допрашивающей Аз[ефа]. Но в мотивировке собственной позиции ЦК содержатся морально-политические суждения, определенно отрицательно оценивающие всякое подобное участие. Они не имеют, конечно, формально-обязательной силы, и каждый член П[артии] может считаться с ними или не считаться в меру своей моральной связи с центр[альными] учр[еждениями] П[артии]. Для Делегации-то эти суждения имеют обязательный характер и потому на настоящие разъяснения постановлений ЦК Вы не должны смотреть как на разрешение участвовать».

В следующем письме к нему Н.И. Ракитников, удивляясь, почему В.М. Чернова не удовлетворило постановление ЦК, писал: «И когда Вы говорили со мной, Вы так и говорили “мне надо только знать, запрещено ли формально такое участие отдельным членам П[артии] или нет? Ни санкций, ни одобрений, ни рассуждений мне не надо”. Вам ответили, что формального запрета нет. И вдруг теперь Вам этого оказалось мало: вам надо, если не разрешение, то “дозволение” (“что не запрещено, то дозволено”); вас смущает неодобрение или осуждение. Но ведь наличность неодобрения и осуждения должна была быть для Вас ясна с самого начала, как только Вы прочитали постановление ЦК. Значит, Вам просто не понравилось, что делегация не ограничилась коротким “нет формального запрета”, но и прибавила то, что для Вас, как и для каждого, всегда должно было быть ясно: “не одобряется, осуждается”. Что же делать! Имейте мужество не считаться с этим осуждением, если Вы так убеждены в пользе избранного Вами поведения.

...Вы говорите: “поступок, оцениваемый отрицательно моральными суждениями ЦК, есть больше, чем чистое нарушение политической дисциплины, это нарушение моральной дисциплины”. “Отличие моральных суждений от всех других состоит именно в их категорическом, повелительном, императивном характере”. Да, они императивны, но только для человека, в сознании которого они живут. Никакой ЦК не может сделать для меня моральным того, что мое сознание отвергает, как immoralное, и immoralным того, что оно расценивает как моральное или даже только безразличное. И никакой ЦК не призван писать для меня моральные законы моего поведения; я не давал на это согласия, вступая в П[артию]. Он (или вернее П[артия]) творят формальное право для своих членов и с ними только я и считаюсь, как с обязательным для меня партийным законодательством. Оно только обязательно. Ни ЦК, ни другой орган П[артии] не создают моральных обязанностей для членов П[артии].

Положение таково. ЦК, устанавливая свое отношение к известному делу, указал на некоторые морально-политические аргументы, которые представляют для него это отношение. Обязательны ли эти аргументы и суждения для меня? Формально, конечно, нет, ибо формально меня обязывают только выводы. Но в данном случае вывод сделан только для самого ЦК, а не для каждого члена П[артии]. А с аргументами и суждениями, определившими этот вывод, я считаюсь: 1) в меру моей моральной связи с ЦК; 2) в зависимости от того, как я их сам оцениваю, и 3) от того, как я оцениваю поведение, противоположное тому, какое избрал для себя ЦК.

Если мое моральное сознание расходится с суждениями, это конечно печально, и я постараюсь избежать манифестирования (проявления вовне) этого расхождения без очень серьезных оснований, тем более серьезных, чем (неразб. – *Сост.*) мне моральная связь с ЦК, чем больше я дорожу моральным единством с ним, чем более вредными и несвоевременными представляются мне всякие проявления развала, дезорганизации. Но если я очень глубоко проникнут сознанием ошибочности избранного ЦК-том пути и правильности своего, то я не задумаюсь открыто разойтись с ним, воспользовавшись отсутствием формального запрета (в исключительных случаях, ведь, каждый из нас не задумываясь пойдет и против запрета!). И никакие опасения за мою партийную честь, никакие гадания насчет того, что может сказать в том или другом случае княгиня Марья Ал[ексеевна] меня не остановят. Моя честь может пострадать или возвыситься от моих действий. И если я глубоко убежден в своей правоте, я за нее не опасаюсь. Будущее оправдает меня, а не ЦК. И “бабушка-делегация” оставила благоразумно себе выходы и на тот, и на этот случай – да мне-то какое дело до этого? Это меня даже укрепило бы в своей правоте: а! значит, и сама делегация не уверена, колеблется и дипломатничает.

Но Вы колеблетесь, вы опасаетесь за свою партийную честь, вы опасаетесь от своего шага последствий, неблагоприятных или даже вредных для П[артии], – таких, которые всех заставят искать виноватых. И Вы не хотите оказаться этим ви-

новатым, про которого скажут: мы его предупреждали, он не послушал. Из этого я заключаю, что Вы не верите в свою правоту, вы сами колеблетесь. Мой совет – бросьте это дело!» (Цит. по: Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. М., 1998. С. 571–572).

Возвращаясь к событиям 1918 г., укажем еще раз на слова Н.Н. Иванова, что в условиях гражданской войны эсера, совершившего на свой страх и риск экспроприацию или террористический акт, исключать из партии «не полагалось». Н.Н. Иванов не уточняет, кем и когда было принято такое решение (или это было не официальным решением, а неким полуофициальным мнением), но в любом случае ясны две вещи. Во-первых, это не есть мнение одного лишь Иванова (но по вполне понятным соображениям подсудимые на эту тему не распространялись). Во-вторых, заинтересованные люди (вроде Каплан, Семенова), конечно, знали о таком более чем мягком и, конечно, весьма двусмысленном отношении к самоchinному, индивидуальному акту. Но тогда Ф. Каплан, которая как минимум дважды обращалась к эсеровскому руководству за санкцией на покушение, предстает совсем в другом свете. Она ведь вообще могла бы совершить покушение на свой страх и риск, но, очевидно, боялась попасть впросак, навредить партии, подорвать свою революционную репутацию и т.д. Похоже, что эти попытки Каплан получить санкции через Нила Фомина и Д.Д. Донского были скорее всего своего рода подстраховкой, желанием действовать в строгом соответствии с нормами поведения революционера. Вообще, надо отметить, что устойчивое представление о Каплан, как о крайне экзальтированной, полусумашедшей, не контролирующей себя особе (как ее рисовал тот же Д.Д. Донской, и как она рисовалась в советское время – действительно, если позже даже инакомыслие считали признаком психического нездоровья, то уж человек, поднявший руку на такую святыню, как В.И. Ленин, должен был быть или ярким суперврагом, или психопатом, а так как на убедительный образ врага Каплан не тянула, а ко второй категории революционерку и каторжанку Каплан можно было отнести не впадаясь в столь неприятную тему, как ее мотивы убийства великого революционера всех времен и народов, то представление о ее психической неполноценности было доминирующим), не совпадает с ее реальным поведением и накануне покушения, и во время ареста, и во время допросов. Вместо экзальтированности мы видим нечто совсем иное – боязнь совершить необдуманный поступок, который будет иметь роковые последствия (боязнь, толкавшая ее на поиск санкции и поддержки), максимальную аккуратность и сдержанность в показаниях, спокойную мужественность перед лицом смерти. Тот реальный образ Ф. Каплан, который вырисовывается при вдумчивом взгляде на все ее поведение, заставляет думать, что мы имеем дело не с полусумашедшей, не контролирующей себя особой (а посему и совершившей такой необдуманный поступок, как покушение на Ленина), а безусловно опытной революционеркой, старой каторжанкой, хоть и измученной каторгой и подорванным здоровьем, но сохранившей достаточно ясности ума, осторожности и выдержки, чтобы опасаться совершить роковую ошибку и вести себя на допросах спокойно и мужественно (не будем забывать, что под угрозой расстрела это непросто сделать даже здоровому человеку, не отсидевшему много лет на каторге, не потерявшего зрения и т.д.).

В контексте вышеизложенного и готовность Каплан совершить покушение на собственный страх и риск, в форме индивидуального акта, и поведение Д.Д. Донского выглядят вполне закономерными. Смущает, правда, присутствие на их встрече Семенова. С одной стороны, можно допустить, что Семенов просто свел их вместе, но с другой стороны, роль Семенова, по мысли Донского, могла заключаться в необходимой организационной и технической помощи Каплан, которую тот оказал бы по собственной инициативе, и за которую Семенова можно было потом отругать.

Приведем порой весьма противоречивые и опровергающие друг друга свидетельства подсудимых первой и второй групп, рисующие и саму Фанни Каплан, и обстоятельства ее участия во всей этой террористической эпопее.

Так, например, подсудимая 2-й группы Ф.Е. Ставская (бывшая анархистка, а после Февраля 1917 года эсерка, познакомившаяся с Ф.Е. Каплан еще на каторге), на допросе 13 марта 1922 заявляла: «Еще в Крыму я узнала о покушении на Ленина, совершенном Фаней Каплан, с которой я встречалась в Крыму. Факт покушения и побудил меня поехать в Москву с целью выяснения партийных настроений и политики. В Москве я встретила с членом ЦК ПСР Донским, который отреко-

мендовался мне членом ЦК, представляющим в Москве Центральный Комитет ПСР. На заданный мной ему вопрос о том, причастно ли ЦК к покушению на Ленина, он ответил мне, что ЦК знал о подготовляющемся покушении, не мог удержать Каплан от совершения акта и что ЦК не мог открыто признать акт покушения делом партии, боясь подвергнуть партию репрессиям со стороны Советской власти. Еще будучи в Крыму, я узнала (не помню, от кого, кажется, от нее лично), что Фаня Каплан как член ПСР ведет с группой подготовительную работу к покушению на Ленина и Троцкого и связана по этому делу с ЦК партии с.-р. Поэтому по приезде в Москву я и обратилась в ЦК за разъяснениями. В беседе со мной Донской отнюдь не возражал против применения террора, как орудия борьбы с большевиками. Когда я заговорила с Донским о моей будущей работе, он предложил мне либо остаться при Бюро ЦК, либо же направиться в боевую группу при ЦК, возглавляемую и руководимую Григорием Ивановичем Семеновым. Донской дал мне определенно хороший отзыв о Семенове. Донской сказал мне, что Фаня Каплан состояла в боевой группе Семенова и я от последнего могу узнать все подробности о Фане[...] Потом я встретила на даче под Москвой со всей группой[...] В боевой группе были тяжелые моральные переживания и определенное недовольство поведением ЦК, в связи с отказом последнего от признания акта на Ленина делом партии. Дело покушения на Троцкого оканчивалось уже при мне. Я только мельком знала о слежке за ним» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 114–115). Практически все подсудимые второй группы подтвердили факт участия Ф.Е. Каплан в отряде Семенова, но степень достоверности их показаний неясна.

С другой стороны, сам Д.Д. Донской, по ряду свидетельств, отрицал факт дачи подобной санкции Каплан. Представляет интерес рассказ эсерки Б.А. Бабиной о диалоге с Д.Д. Донским, состоявшемся в Бутырской тюрьме в феврале 1922 г.: “Скажите мне, как могло случиться, что эсерка Фанни Каплан по заданию ЦК пошла убивать Ленина?” – выпалила я одним духом. Донской молча смотрел на меня, потом положил руку мне на плечо и сказал: “Вы так уверены, что Каплан была эсерка?” – “Но ведь об этом писали и пишут все газеты, и наши, и зарубежные... И говорят на каждом перекрестке!” – “Так вот, милочка, прежде всего установим: никогда Фанни Каплан не была членом нашей партии. Кем она была, я с уверенностью сказать не могу – не то анархисткой, не то беспартийной... Но ни на каторге, ни позднее ее среди нас не было, и вообще почти никто, кроме каторжан-акатуйцев, ее не знал. Это первое обстоятельство. Теперь второе. Она, действительно, приходила к нам, и именно ко мне лично, с предложением послать ее убить Ленина. Посмотрел я на нее тогда – женщина довольно красивая, но несомненно ненормальная, да еще с разными дефектами: глухая, полуслепая, экзальтированная вся какая-то. Словно юродивая! Меньше всего мне приходило в голову отнестись к ее словам серьезно. Я ведь в конце концов не психиатр, а терапевт. Уверен был – блажь на бабенку напала!..” Он помолчал немного. – “Помню, похлопал я ее по плечу и сказал ей: ”Пойди-ка проспись, милая! Он – не Марат, а ты – не Шарлотта Корде. А, главное, наш ЦК никогда на это не пойдет. Ты попала не по адресу. Даю добрый совет – выкинь это все из головы и никому больше о том не рассказывай!.. Ну, потом, как вам известно, она, к великому несчастью, все же привела свой безумный план в исполнение и тем немало навредила нам!..” “Как?”, – ответил он на мой безмолвный вопрос. – “Очень просто! Оружие, как вы знаете, добыть в то время было проще простого. А свалили все это на нас – так легче расправиться с теми, кто не угоден. Как видите – сидим вот...”

После, когда я дословно передала этот разговор мужу (эсеру Б.А. Бабину – *Сост.*), он очень жестко ответил: “И это объяснение тебя удовлетворило? Пусть все было так, но нет им оправдания, а ему в особенности. Сама подумай: какой-то безответственный тип доводит до сведения члена ЦК политической партии о своем намерении совершить безумный и вреднейший по политическому значению акт. Что должен сделать в этом случае член ЦК? Доложить другим товарищам, обсудить и быстро принять решение. Установить за таким субъектом наблюдение и, в случае необходимости, принять меры к его изоляции. Ты говоришь, он сказал, что она сумасшедшая. Тем тяжелее его вина. Он же врач! Ему ли не знать, что именно сумасшедшие и способны на всякие безумные поступки!.. На то они и сумасшедшие!.. Я остаюсь при своем мнении. Пусть все это правда – тем хуже. Это безответственное поведение несерьезных людей в самых серьезных обстоятельствах!”» (Бабина Б.А. Февраль 1922 / Публ. В.Захарова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 2.

М., 1990. С. 24–26). Сама Б.А. Бабина думала, что Д.Д. Донской сказал ей правду, что Ф.Е. Каплан не была членом ПСР и санкции ЦК ПСР на покушение на В.И. Ленина не получала, но соглашалась с выводом своего мужа (Бабина Б.А. Февраль 1922. С. 26–27).

Вместе с тем, в 1919–1921 гг. в эсеровских партийных кругах ходили упорные слухи о принадлежности Ф.Е. Каплан к ПСР, а также о причастности к покушению на В.И. Ленина то ли ЦК, то ли Московского Бюро ЦК ПСР, то ли лишь одного члена ЦК ПСР Д.Д. Донского. Так, например, член ЦК ПСР в 1917–1919 гг. Н.И. Ракитников на допросе в марте 1922 г. заявлял: «Что касается покушения на Ленина, то мне лишь много позже стало известно, что это покушение совершено членом партии, но самовольно без санкции какой бы то ни было организации» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 132). Кроме того, Н.Г. Снежко-Блоцкий на допросе 7 марта 1922 г. заявлял: «О причастности Московского Бюро ЦК ПСР к покушению на Ленина я узнал, попав в тюрьму в марте 1919 года. До этого времени я слышал об этом отрывочно[,] не помню от кого. В партийной среде разговоры о причастности Донского к покушению на Ленина возникли после появления в “Известиях ВЦИК” статьи о каком-то допросе в Туркестане» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 131).

В высшей степени важны в этом контексте и показания бывшего в 1918 г. членом ЦК ПСР Бурезового: «У меня возникла мысль о том, что это покушение могло явиться делом П.С.Р., так как я слышал, что КАПЛАН, совершившая покушение, была членом П.С.Р. По приезде в Москву в начале февраля 1919 года я слышал от Донского, что Ф. КАПЛАН обратилась в Ц.К. с предложением об убийстве ЛЕНИНА, причем Ц.К. или орган, его представлявший в то время в Москве, отверг это предложение, ввиду чего КАПЛАН вышла из партии и самостоятельно совершила покушение. Об эксках я ничего не знал. Вполне допуская, что многое из деятельности Ц.К. для меня оставалось неизвестным, так как в Ц.К. было большинство, сплоченное персональными связями, распоряжавшееся за спиной остальных членов Ц.К. и иногда даже наглядно конспирировавшее от членов Ц.К., находившееся^а вне этой сплоченной группы. Душой этого основного ядра Ц.К. были ГОЦ и ЗЕНЗИНОВ и находившийся вне Ц.К. АВСКЕНТЬЕВ^б. Иногда эта группа по некоторым вопросам противоречила ЧЕРНОВУ» (см. док. № П-22).

Нельзя пройти и мимо показаний А.Р. Гоца, собственноручно им написанных в 1937 г. в Алма-Ате, хотя степень достоверности их под большим сомнением, так как они были получены с применением пыток. В этих показаниях много фантастического, вроде ведения эсерами в начале 30-х годов бурной «повстанческо-террористической деятельности», а сам факт применения пыток и последующих моральных мучений Гоца за эти показания вообще отбивает охоту прикасаться к этим трагическим страницам, но невозможно и замалчивать их:

«[...]И если по всем пунктам обвинения мы выступали открыто, оспаривая не фактическую основу событий, а лишь их политич[еское] освещение, истолкование и оценку, то по одному вопросу мы чувствовали невозможность выступить так же открыто – именно по вопросу о терроре. После очень длит[ельного] обсужд[ения] мы пришли к выводу, что нельзя в интересах партии, перед лицом всей страны и обществ[енного] мнения трудящихся России и Запада, вскрыть все разногласия, которые имелись в партии в те годы по вопросу о терроре, рассказать о той внутренней борьбе, которая имела место в рядах партии по этому вопросу и которая приводила к таким некрасивым морально-политическим последствиям, как опубликование Ц.К. п.с.р.[.] о своей непричастности к теракту против Володарского. Не желая демонстрировать разброд в рядах Ц.К. п.с.р.[.] руководящая пятерка обязала всех участников процесса стоять в вопросе о позиции партии в терроре на точке зрения большинства Ц.К. и категорически отрицать прикосновенность партии к теракту против Володарского и покушению Фани Каплан. Об отношении партии к теракту против Володарского уже подробно говорил в том месте своих показаний, где я рассказывал о работе Петроградского Бюро Ц.К. п.с.р. Фани Каплан я лично не знал и никогда в жизни не встречал ее. В момент ее выступления меня не было в Москве (я был в Пензе в это время в ожидании переправы в Сызрань) и об обстоятельствах самого покушения узнал лишь из беседы с Донским после возвращения в Москву и на самом процессе. Вот что передал мне Донской.

^а Так в документе, следует находившихся.

^б Так в документе, следует Авксентьев.

После разъезда всех членов Ц.К. на восток и на север, Донской остался в Москве для руководства эсеровской работой там и для транспортировки людей на Волжский фронт. В этот период к нему обратилась Фаня Каплан с предложением выступить с терактом против Ленина. Донской лично примыкал к тому течению в Ц.К., которое стояло в те дни на точке зрения признания террора. По его словам[,] он заявил Каплан, что т.к. большинство Ц.К. относится отрицательно к терактам, он должен предупредить ее, что от имени партии теракт не может быть совершен, а что теракт, если она намеревается его совершить, должен носить строго индивидуальный характер. Донской рассказал далее, что он предупредил Каплан, что в силу отрицательной позиции Ц.К. к террору, он – Донской – как представитель Ц.К. должен будет опубликовать заявление о непричастности партии к теракту. Каплан заявила ему, что она тем не менее решила выступить с терактом. Донской не скрыл от Каплан, что и он относится сочувственно к террору и оказал ей содействие, но в чем оно конкретно выразилось, припомнить не могу» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 95. Л. 110–111).

На самом процессе Д.Д. Донской подтвердил, что его встреча с Каплан произошла на бульваре, между 24–26 августа 1918 г. в присутствии Семенова. Д.Д. Донской предлагал Каплан хорошенько подумать и предупредил ее, что если она совершит террористический акт, то будет вне партии, что давало ему возможность настаивать на индивидуальном характере покушения, а сам он позже отругал Семенова за то, что тот дал Каплан оружие (Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Сб. док. Казань, 1995. С. 21–22). Безусловно, здесь мы видим корреляцию с тем, что говорил об этом Гоц в 1937 г.

Но тут мы снова имеем две возможные версии событий.

В рамках первой версии можно предположить, что Д.Д. Донской позже лукавил, а на самом деле он всю ситуацию подстроил вполне сознательно и продуманно. Действительно, он заявляет Каплан, что партия ответственности за этот акт на себя не возьмет, а вся ответственность за него ляжет на нее. Но ведь в этом случае гигантское значение имело то, какими словами это было сказано и даже с какими интонациями. Готовность Каплан, (судя по ее словам после покушения), совершить индивидуальный акт сомнений не вызывает и сказанное Донским (скажем, в формулировках и тональности, известных нам от Гоца) было вполне достаточным для нее. Представляется, что если бы Донской ответил Каплан резким запретом и указанием на трагические последствия ее покушения, для страны и революции она вряд ли пошла бы на его совершение. (Не для того она так настойчиво искала «санкции», чтобы получив запрет, тут же нарушить его. Кроме того, выше уже отмечалось, что Донской явно преувеличил экзальтированность, ненормальность и «юродивость» Каплан. Попутно отметим, что Д.Д. Донской также, пожалуй, перестарался, живописуя Бабиной свое поведение во время разговора с Каплан. Так со старой каторжанкой мог разговаривать только отъявленный хам, но никак не член ЦК ПСР, где всегда культивировалось подчеркнуто уважительное отношение к каторжанам и тем более к женщинам-каторжанкам. Можно было бы, конечно, все списать на имманентно присущее лично Д.Д. Донскому хамство, но никто и никогда за всю его жизнь даже не упоминал о таком весьма заметном качестве. Представляется, что Донской оговорил себя, представил хамом, чтобы скрыть правду.)

Если бы разговор Донского с Каплан состоялся с глазу на глаз, без присутствия Семенова (правила конспирация и сугубая шепетильность темы, собственно, этого и требовали), ситуация была бы более однозначной. Говоря же формально нейтральные фразы в присутствии руководителя отряда Семенова, о чьих террористических настроениях Донской не мог не знать, он фактически создавал ситуацию, при которой намерение Каплан усиливалось организационными и техническими возможностями отряда Семенова. Одиночка в подобном деле имела значительно меньше шансов на успех, и в этой ситуации Донской дал Семенову возможность помочь Каплан, негласно подразумевая эту возможность и не запрещая ее.

С другой стороны, в рамках второй версии нельзя исключать и совершенно обратной ситуации, – что Д.Д. Донской стал, во-первых, жертвой излишней доверчивости к Семенову, действительно, использовавшего данную ситуацию втайне от Донского. Во-вторых, Донской (а также и Гоц и другие эсеры) стал заложником своего представления о том, что их нормы и правила игры (индивидуаль-

ный акт, за который партия не несет ответственности) сработают в совершенно иных условиях – в условиях гражданской войны, когда легко могут демагогически обвинить кого угодно в чем угодно, при первом же случае и без всякого к тому поводу. Психологически эта неперенастроенность очень легко понятна и весьма правдоподобна. Действительно, после Октября 1917 г. многие революционеры долго еще не могли привыкнуть, что игра идет уже совершенно по другим правилам, да, собственно, это уже совсем и не та, старая игра, а новая и ведущаяся уже совсем без всяких правил. Вполне возможно, что Донской просто подставился, и это позже использовали чекисты. Парадокс заключается в том, что признаться и объяснить все это для Донского (когда психология и настроения изменились и стали более адекватны реалиям) позже было бы сродни признанию то ли в недомысли, то ли в легкомыслии, а то ли и вовсе в скудоумии. Действительно, возразить тому же Бабину-Кореню просто невозможно, по большому счету он прав.

В последнее десятилетие в ходе довольно бурной и широкой дискуссии обсуждалась возможность того, что в Ленина стреляла не Каплан, а другой террорист (Орлов Б. Миф о Фанни Каплан // Источник. 1993. № 2; Войнов В. Отравленные пули // Комсомольская правда. 29 августа 1990; Данилов Е. Три выстрела в Ленина, или За что казнили Фанни Каплан // Нева. 1992. № 5–6; Литвин А.Л. Кто стрелял в Ленина? // Megapolis-Continent. 30 мая 1991; Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? Сб. документов / Сост. В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин. Казань, 1995 и др.). В качестве возможных кандидатур стрелявших в Ленина были названы Коноплева (Б. Орлов), эсер-боевик, рабочий Новиков (В. Войнов) и бывший левый эсер, боевик Протопопов (В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов, А.Л. Литвин).

Не ставя перед собой задачи участия в данной дискуссии и подробного разбора всех высказанных аргументов и контраргументов, все-таки выскажем некоторые соображения. Представляется, что в этом вопросе сложилась патовая ситуация. С одной стороны, веских доказательств и свидетельств в пользу того, что стреляла Каплан – нет. Отсутствие свидетелей, видевших этот выстрел, особенности ее задержания, а также многочисленные несообразности и логические пробелы в следствии – все это не позволяет быть уверенным, что стреляла именно она. Безусловно, она принимала участие в этом покушении, но весь вопрос, в каком именно качестве? Она вполне могла, конечно, быть и сигнальщицей, но все же вероятнее – одним из исполнителей (но, скажем, не стрелявшим исполнителем). Выше уже отмечалось, что дореволюционная БО ПСР во время важнейших покушений ставила по два-три метальщика бомб, и не только для того, чтобы исключить возможность благополучного проезда по соседней улице, но и для того, чтобы на случай неудачи, после первого взрыва, довершить дело второй бомбой. Такой же тактикой пользовались и народовольцы, как известно убившие Александра II 1 марта 1881 г. именно второй бомбой.

Вполне возможно, что организаторы покушения на Ленина (при всем своем безусловном дилетантизме, раз они в таких условиях и в такой ситуации выбрали не бомбу, а пистолет, да еще к тому же и такого калибра и малой убойной силы, как браунинг), все же для подстраховки послали не одного, а хотя бы двух исполнителей. Ведь покушение в толпе – вещь сложная и весьма проблематичная. Нужно пробраться сквозь находящиеся в движении людей к объекту покушения так, чтобы тебя не оттерли и оттеснили бог знает куда, и в этом случае больше шансов, что из 2–3 исполнителей хотя бы один окажется рядом с Лениным (отсечение большей части толпы в воротах цеха, как это получилось на практике, скорее было большой удачей террористов, т.к. ворота могли быть пошире или часть рабочих поспешила бы выйти к автомобилю Ленина еще до окончания митинга, или желающих послушать вождя мирового пролетариата было бы так много, что они не поместились в цеху и ждали бы его снаружи и т.д. и т.п.). Кроме того, как уже отмечалось, весьма реальной была вероятность, что около террориста окажется свой Комиссаров, который схватит его за руки (или подтолкнет под локоть), и в этих условиях замешательства еще один-два страхующих исполнителя были бы весьма кстати.

Таким образом, более чем вероятно, что 30 августа 1918 г. во дворе завода Михельсона находились и другие боевики, кроме Каплан и Новикова. Рассказ Семенова о системе дежурств по районам и о том, что на покушение идут только два боевика, вполне мог быть подогнан к нужному ответу. Так же вероятна и другая

система оповещения и быстрого сбора (хотя бы и на извозчиках) к месту покушения целой своеобразной бригадой (она могла быть даже единственной, своего рода специализированной террористической бригадой быстрого реагирования), сидевшей в одной конспиративной квартире с телефоном. В таком случае в подобной группе могло быть и больше людей, с заранее распределенными функциями (скажем 4–6 человек). Исключать, что Каплан была нестрелявшим членом такой группы, нельзя. Само ее поведение и во время задержания и во время допросов прямо наталкивают на мысль, что это скорее поведение соучастницы, берущей (и не могущей не взять на себя!) всю полноту вины. Психологически для Каплан, так долго искавшей разрешения на совершение акта против Ленина (готовой совершить его в наименее психологически и политически комфортной – индивидуальной – форме), схваченной случайно и обвиненной вместо другого члена группы, абсолютно невозможно было и отказаться от своего участия, и признать себя лишь соучастницей. Безусловно, с точки зрения норм поведения революционера, поведение Каплан и во время ареста и во время всех допросов несмотря на мощное психологическое давление, оказанное на нее, было, похоже, безупречным. Честный революционер в подобной ситуации только так и должен был поступить.

Но, не исключая в принципе возможность того, что стреляла не Каплан, а некто другой (Коноплева, Новиков, Протопопов либо еще кто-то), и уж в любом случае считая, что эта версия заслуживает самого пристального внимания и исследования, мы сталкиваемся с весьма серьезными сомнениями и вопросами. Прежде всего, неясно, почему имя этого террориста нигде и никогда не всплыло, сначала в разговорах боевиков между собой, а затем в виде слухов. Здесь уместно отметить два обстоятельства. Во-первых, основным движущим мотивом террориста было честолюбие, желание самоутверждения и перспектива упоминания его имени рядом с именами Сазонова, Каляева, Гершуни, Желябова, Перовской (это относимо по крайней мере к интеллигентской части отряда Семенова и, конечно, к нему самому и Коноплевой). Страх наказания, в отличие психологии современного человека, не заслонял эти мотивы, напротив – угроза сурового наказания лишь подчеркивала степень собственного героизма. Если сформулировать проще и грубее – для чего же идти на риск, доказывая свой героизм, если потом даже перед друзьями и единомышленниками нельзя этим похвастаться.

Во-вторых, вся история революционного движения показывает, насколько революционеры не умели хранить тайн друг от друга и как вся революционная среда была пропитана всевозможными слухами и разговорами, как правило, небеспочвенными. Современному человеку трудно понять психологию человека 1918 года, в том числе и потому, что между ними лежат десятилетия всеобъемлющего страха, где умение держать язык за зубами давало хоть какую-то надежду на выживание. В годы гражданской войны этот процесс только начинался и представляется, что такая сенсация, что покушение на В.И. Ленина совершено кем-то другим, а не Ф.Е. Каплан, обязательно выплеснулась бы, хотя бы в виде глухих слухов.

Похоже, тайна о том, кто действительно стрелял в Ленина (как, впрочем, и множество других вопросов, поставленных выше) и не может уже быть раскрыта. В любом случае, стреляла Фанни Каплан в Ленина или нет, ее имя навсегда (и вполне заслуженно) будет неразрывно связано с покушением на Ленина, а отношение к самой ее трагической фигуре, похоже, подвергнется со временем такому же пересмотру, как подверглось отношение к недавнему кумиру нашего общества, на которого она подняла руку.

Наряду с версией, что стреляла в Ленина вовсе не Каплан, получила хождение и другая версия, т. н. версия «кремлевского заговора», собственно говоря развивающая и углубляющая предшествующую (Каплан использовали как старую каторжанку, которая возьмет всю вину на себя и скроет настоящих исполнителей и инициаторов покушения). Составители сборника документов «Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина?» (Казань, 1995) В.К. Виноградов, А.А. Краюшкин, В.И. Крылов и А.Л. Литвин в предисловии к нему пишут: «Одновременно стала набирать аргументы и другая версия: организаторами покушения были председатель ВЦИК Свердлов и председатель ВЧК Дзержинский.

[...] К лету 1918 г. в руках Свердлова была вся партийная и советская власть. Это по его настоянию 19 мая была заслушана комиссия Дзержинского “о необходимости дать в Чрезвычайную Комиссию ответственных товарищей, могущих заменить его”. [...] Дзержинский был вместе с Бухариным при обсуждении мир-

ного договора с Германией, позже вместе со Сталиным против ленинской позиции о Грузии. Вполне вероятно его объединение со Свердловым в перераспределении власти, наметившемся летом 1918 г. Большевистская элита вкусила власти за примерно годичное правление и брала пример со своих лидеров, не стеснявших себя никакими ограничениями, дабы ее не потерять.

[...] Технически организовать убийство Володарского, покушение на Ленина было просто. Достаточно лишь представить себе, что руководители боевой эсеровской организации Семенов и Коноплева начали сотрудничать с Дзержинским не с октября 1918 г., когда их арестовали, а с весны 1918 г.» (Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 25–27).

Главный изъян этой версии – наличие ряда зияющих провалов в объяснении логики, мотивов и психологии как инициаторов, так и исполнителей подобного «подконтрольного» акта. Очень многое авторами этой версии не аргументируется, а многие вопросы, неизбежно возникающие при такой постановке проблемы, даже не ставятся. Во-первых, убить Ленина в разгар острейшего политического кризиса (в этом авторы совершенно правы), значило дестабилизировать ситуацию до предела, за которым она, вероятнее всего, переставала быть подконтрольной не только Свердлову и Дзержинскому, но и большевикам в целом. Вряд ли кто станет спорить, что в случае гибели Ленина растерянность и паника самих большевиков и их сторонников, а с другой стороны – мощный импульс и уверенность в скорой победе их противников, делали всерьезность падения большевистского режима весьма значительной. Настолько значительной, что Свердлов и Дзержинский, идя на это, могли бы заодно подыскать себе и те фонарные столбы, на которых их постарались бы повесить одними из первых (если бы к власти пришли социалисты, их, скорее всего, просто посадили бы, но надолго). Раскачивать лодку, рискуя потонуть, и ради чего? Ради укрепления своего места в партийной и государственной иерархии, ради власти. Подобные цели, конечно, многих людей вдохновляют на всевозможные преступления, но непонятно, зачем Свердлову и Дзержинскому было так спешить? Возможностей и пространства для дальнейшего укрепления своих позиций у них было еще предостаточно. Ведь не загнали же их в угол конкуренты, когда нет выбора и выбирают любые средства для их ликвидации?

Впрочем, даже сама мысль о том, что Свердлов и Дзержинский могут договариваться об убийстве Ленина, игнорирует все, что мы знаем о психологии революционной (пусть и начавшей, но ведь только начавшей, перерождаться и мутировать) большевистской среды в 1918 г., а также самих Свердлова и Дзержинского. Само появление версии «кремлевского заговора» в 1992 г. в высшей степени симптоматично. Рубеж 80–90-х годов XX века, – это время, когда шокированное открывшимися тайнами и преступлениями, в которые совсем недавно никто и поверить не мог, общественное мнение и даже часть историков стали впадать в настоящий антиисторизм, искренне не понимая, что если Сталин мог «поступить так некрасиво» с Кировым в 1934 г., то почему же Свердлов с Дзержинским не могли «поступить так же некрасиво» в 1918 г. с Лениным?

Заявление составителей сборника, что технически подобное покушение организовать «было просто», для этого «достаточно лишь представить себе, что руководители боевой эсеровской организации Семенов и Коноплева начали сотрудничать с Дзержинским не с октября 1918 г., когда их арестовали, а с весны 1918 г.», вызывает сильное удивление. Ну, во-первых, организовать «подконтрольное» покушение чужими руками, и не «засветиться» при этом совсем не просто, так как требует и таланта, и артистизма, и серьезной предусмотрительности, и осторожности и, конечно, времени. А как раз времени-то на подготовку такой серьезнейшей операции практически и не было. Как не было у чекистов весной и летом 1918 г. необходимого опыта для таких филигранных операций, где ценой ошибки лично для Дзержинского была его собственная голова. Даже подобрать лично себе преданных людей и не допустить утечки информации – задача для весны–лета 1918 г., в условиях жуткой пестроты чекистских кадров, практически невыполнимая. Разве можно забывать, например, что в этой структуре (которой от роду было всего чуть более полугодя, так что люди даже друг к другу толком не присмотрелись), было много левых эсеров, с документами ВЧК в руках убивших Мирбаха и арестовавших самого Дзержинского, прозевавшего измену даже в собственных рядах. Не преувеличивают ли авторы способностей Дзержинского, не демонизируют ли его?

Попутно отметим, что готовность Дзержинского к террору против Ленина ав-

торы версии между делом сдвигают с конца лета, когда политический кризис достиг значительных масштабов, уже на весну 1918 г. Может, проще сразу признать желание и готовность убить Ленина имманентно присущими чертами Свердлова и Дзержинского, безотносительно ко времени и пространству? Или весной 1918 г. Дзержинский «обзавелся» подконтрольным боевым отрядом «про запас», «на черный день» – а вдруг кого понадобится убить из своих товарищей по партии? Может быть, у Дзержинского имелось «про запас» еще несколько таких отрядов, другой политической окраски (савинковцы, белогвардейцы, анархисты и т.п.)? Может, следует повнимательнее поискать в истории нашей гражданской войны, что еще такого каверзного мог сделать Дзержинский под каким-нибудь белогвардейским или махновским флагом? Так и хочется вслед за Владимиром Высоцким пропеть: «Это все придумал Черчилль (а, может быть, Дзержинский?) в восемнадцатом году!».

Во-вторых, одного только допущения, что Семенов и Коноплева начали сотрудничать с Дзержинским весной 1918 г. (т.е. за полгода до ареста Семенова), весьма недостаточно. А, собственно говоря, каковы могли быть в этой ситуации обстоятельства и механизм вербовки? Если ареста весной 1918 г. не было (а его не было), то где, кто и как вербовал Семенова и Коноплеву? Кроме того, речь идет о психологически очень различных вещах. Одно дело, когда два честолюбивых, молодых авантюриста с весьма некрепкими принципами организуют покушение на Ленина и вместо всеобщего одобрения со стороны своих товарищей получают упреки в том, что они «подставили» собственную партию, когда они испытывают страх от грядущего разоблачения и вполне вероятного расстрела (когда все откроется), когда их начинают мучить сомнения в собственной правоте и т. д. и т. п., и на этой основе в ходе достаточно долгой эволюции (Семенов сидел в тюрьме девять месяцев) они каются в своих грехах и соглашаются для своей реабилитации «разоблачить» эсеровскую партию. Но подчеркнем, что совершая ренегатство, Семенов и Коноплева имеют множество аргументов для оправдания себя в своих и чужих глазах, как в глазах товарищей бывших (эсеров), так и новых (коммунистов). Особенно это беспокоило Коноплеву, как видно из публикуемых документов. И совсем другое дело, когда тех же двух честолюбивых, молодых авантюристов с весьма некрепкими принципами председатель ВЧК Дзержинский убсждает (уговаривает, заставляет) убить Ленина. Но это же откровенное предательство и провокация, с точки зрения этики революционера – самая чудовищная вещь из всех возможных. А что, собственно, могло бы заставить Семенова и Коноплеву согласиться на это? Их ведь даже не арестовывали, а потому даже страх наказания (да и не за что пока) исключен. И кстати, где и когда Дзержинский с ними встречался? Нет ни одного свидетельства, что он был с ними лично знаком (пути не пересекались, да и слишком незначительными фигурами они для Дзержинского были). Их, что, весной 1918 г., узнав об их желании убить Ленина, разыскали чекисты и пригласили побеседовать с Дзержинским? Или тайно арестовали, быстренько завербовали и тайно выпустили? Но подобное весной 1918 г. чекисты просто еще не смогли бы сделать. Выследить, тихо арестовать (при аресте в сентябре 1918 г. Семенов открыл стрельбу и двоих ранил), стремительно завербовать и выпустить, не допустив при этом никакой утечки информации? Но подобное мастерство требует и опыта и подбора надежных людей, а этого не было у ВЧК весной 1918 г. Ну и наконец, если Семенов был агентом Дзержинского, зачем нужно было его держать девять месяцев в тюрьме. Ну да, арестовал его т.н. «военный контроль» – военная контрразведка, ну, а освободить из тюрьмы, не дожидаясь пока «конкуренты» расколят его агента, Дзержинский-то, должен был. И забегая вперед, отметим, что Семенов (как это видно из статьи С.В. Журавлева о нем) работал на разведуправление РККА, что также было бы весьма небезопасно для Дзержинского. А если Семенов со временем рассказал бы все своим новым хозяевам? И, конечно, тут не может не встать несколько недоуменных, но важных вопросов.

Если бы Дзержинский использовал боевой отряд своего завербованного агента Семенова для убийства Ленина, неужели он оставил бы его в живых, не опасаясь разоблачения? Но даже если Дзержинский проявил бы такое странное и очень опасное для себя человеколюбие, то зачем же он послал Семенова в 1920 г. в Польшу, для диверсионной работы? Ведь надо быть очень наивным или очень бесшабашным человеком, чтобы игнорировать риск его ареста и возможность сенсационного рассказа Семенова полякам или Савинкову о роли Дзержинского в

покушении на Ленина. И уж безусловно, нужно быть полным сумасшедшим и самоубийцей, чтобы вывести собственного агента, по твоему приказу покушавшегося на Ленина, на гласный процесс, к которому приковано внимание всей страны и всей Европы. На процесс, где следствие будут вести не только сотрудники ВЧК, но и следователи Верхтриба («конкурирующей» организации, с радостью вскроющей даже простые ошибки коллег, не говоря уж о чем-то серьезном). На процесс, где будет участвовать цвет русской адвокатуры. На процесс, в котором в той или иной мере участвует и который организует чуть ли не поголовно все партийное руководство (где были, естественно, и недоброжелатели Дзержинского), внимательно следящее за всем, что произносятся обвиняемые и свидетели и на допросах и на суде? Кто еще, как не сумасшедший, рискнул бы вывести своего агента и его людей на процесс, где их могли запутать, где они могли проговориться, где их могли разоблачить, где, наконец, некоторые из них могли и покаяться, «сдав» Дзержинского? Какая судьба ждала бы Дзержинского в этом случае?

Таким образом, представляется, что если бы Дзержинский приказывал Семенову в 1918 г. убить Ленина, то он как можно скорее уничтожил бы не только лично его, но на всякий случай и всех его боевиков, до которых смог бы дотянуться. И уж если по совершенно непонятной причине он этого не сделал, в 1921–1922 гг. Дзержинский костью бы лег, чтобы подобный процесс с участием Семенова и его боевиков никогда не состоялся, и в любом случае ВЧК по собственной инициативе не инспирировала бы этот процесс, как это было на практике.

И наконец, заявление авторов, что «версия этого кремлевского заговора имеет право на существование, пока не будет документально опровергнута» (Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина? С. 25–27) повергает в некоторое изумление. Это же своего рода «презумпция невиновности» историка, использованная весьма неуместно. До сих пор считалось, что продумывать до мельчайших подробностей свои версии, оснащать их серьезными аргументами и защищать их – дело все-таки самих авторов версий. Представляется, что уместнее было бы «документально» подтверждать свои версии, чем требовать «документального опровержения» от оппонентов, тем более в ситуации, когда со своей стороны не представлено абсолютно ни одного документа в ее защиту. Собственно, о каких материалах, «документально подтверждающих» или опровергающих ту или иную версию, в таком деле вообще можно вести речь? Письменный договор между Свердловым и Дзержинским об убийстве Ленина или наряд (или денежный чек) Семенову, подписанный Дзержинским, на выполнение вышеназванной работы? Или письменный приказ Донского Семенову или Каплан об убийстве Ленина? Таких «прямых» документов в подобных делах не бывает и быть не может. Документы, косвенно подтверждающие «ненужную» версию, целенаправленно уничтожают. Свидетельства же участников подобных дел порой в тех или иных своих частях настолько противоречивы, настолько путаны и лживы, а сами участники, стоящие по разные стороны баррикад, имеют столь веские причины изворачиваться (с полным знанием дела), что отделить зерна от плевел, распутать этот огромный и тугой клубок правды, лжи, сплетен, шкурных интересов, идеологических и политических выгод и т.д., практически невозможно. Обстоятельства покушения на Ленина не единственное такого рода дело, где в цепочке «тайная полиция»–«террорист»–«жертва покушения, высокое должностное лицо» запутаться очень легко. А убийство в 1911 г. анархистом Д. Богровым премьер-министра и министра внутренних дел П.А. Столыпина и проблема причастности к этому покушению товарища (заместителя) министра внутренних дел (и шефа корпуса жандармов) П.Г. Курлова? А дело Петрова, произошедшее двумя годами раньше, которое в одном из своих аспектов очень серьезно смахивает на первую попытку Курлова убить Столыпина (но в Петербурге и в Мариинском театре) руками запутавшегося в своем предательстве эсера Петрова? А странное недомыслие и неведение полицейских начальников Азефа, объясняющиеся то ли их непрофессионализмом и хитростью Азефа, то ли совпадением (в ряде случаев) их интересов?

Безусловно, что ни в одном из всех этих дел нет никаких серьезных документальных подтверждений или опровержений, четко и ясно позволяющих расставить все точки над *i*, обрекая историков на работу с версиями и реконструкцию событий из уцелевших мелких фрагментов мозаик.

Представляется, что это в полной мере относится и к покушению на Ленина, и к причастности руководства ПСР к нему, и к загадкам деятельности Боевого отряда Семенова и т.д. Хотелось бы надеяться, что нас еще ждут интересные находки в ранее засекреченных архивах, но вряд ли они будут достаточно фундаментальны и серьезны, чтобы помочь восстановить все полотно событий или хотя бы разгадать основные загадки. Скорее всего находки новых документов будут носить локальный характер, что-то прояснять, но в то же время ставить и все новые вопросы и проблемы. Примером подобного рода могут служить обнаруженные нами в ЦА ФСБ РФ записи в протоколах двух заседаний ЦК ПСР от 14 и 23 августа 1919 г.

На первом заседании девятым по счету вопросом обсуждалось «предложение т. Г.И.С.». Сомнений, что речь шла именно о Григории Ивановиче Семенове, нет по двум соображениям. Во-первых, другой расшифровки, если считать, что первые две буквы – имя и отчество, а третья – фамилия, из известного круга видных эсеров подобрать не удалось. Расшифровывать же именно в таком порядке заставляет предыдущая запись: «В целях реализации и сохранения средств, вложенных в Книгоношу фиктивно перевести ее на имя т. Н.И.Р.» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 64. Л. 3). Представляется, что речь идет о Николае Ивановиче Ракитникове, вскоре создавшем группу «Народ» и легализовавшемся. Исходя, из этого, по аналогии можно считать, что и в случае с «т. Г.И.С.», последняя буква – начальная буква фамилии. В протоколе от 23 августа использовались только две буквы – Г.И., которые по существовавшей традиции могли быть только именем и отчеством. (В целях конспирации, в протоколах за 1918–1919 гг. употребляли либо одну (фамилия), либо две (имя и отчество) и иногда три буквы, соответствующих ФИО человека, но никогда не употребляли в сокращенном виде имя и фамилию (только подписывая письма). Конечно, все эти буквенные обозначения были не очень конспиративны, но значительно более удобны для самих эсеров, чем использование псевдонимов, с расшифровкой которых потом часто возникала путаница. С 1920 г. все-таки перешли на псевдонимы, так как во время обысков и арестов в руки чекистов попала подавляющая часть эсеровского архива).

Во-вторых, считать, что речь идет именно о Г.И. Семенове, заставляет само содержание постановления, которое было весьма характерно и специфично: «Предложение принять. Создание специальной организации ЦК признать не нужным. Выступление должно быть произведено “по постановлению IX Совета Партии”. Кассиру по соглашению с т. Г.И.С. произвести из кассы ЦК нужные расходы» (Там же. Л. 3 об., 4).

Обратившись к постановлениям IX Совета партии, мы читаем: «Партия остается на своих прежних позициях, партия самостоятельно ведет свою борьбу с реакцией и с большевизмом. Меры этой борьбы варьируются и будут варьироваться в зависимости от обстановки. В областях, захваченных реставрацией, сейчас применимы формы борьбы эпохи самодержавия, в “коммунистическом” царстве партия сейчас не может выступить вооруженно, как из-за отсутствия сил, так и вследствие натиска на большевизм реакции» (Там же. Л. 113). Так как к середине августа 1919 г. военно-политическая обстановка по сравнению с началом июля, на момент проведения IX Совета, радикально не изменилась, представляется, что предложение Г.И. Семенова вероятнее всего представляло проект террористического акта («формы борьбы эпохи самодержавия» – вне всякого сомнения эвфемизм террора) против кого-либо из лидеров белогвардейского движения. Подтверждением правильности этих выводов является то, что не договорившись с ЦК ПСР, как известно из ходивших в эсеровской среде слухов, Семенов и Коноплева, получив поддержку от группы «Народ», уехали в Крым для подготовки покушения на руководителей белого движения.

Чего требовал Семенов от ЦК ПСР, можно только догадываться. Возможно,

он хотел получить официальный статус для создаваемой террористической группы, Боевой Организации ЦК ПСР и специального постановления ЦК на совершение террористического акта. Как бы там ни было, договориться не удалось, так как уже на следующем заседании ЦК ПСР, состоявшемся 23 августа 1919 г. по вопросу «О т. Г.И.» было решено: «Постановить, что ЦК стоит на своей прежней позиции и может предложить т. Г.И. лишь свой прежний план в тех же нормах. В случае неприемлемости последних для т. Г.И. от его предложения придется отказаться. Переговорить с Г.И. поручить т. В.М.» (Там же. Л. 5 об.). Косвенным доказательством того, что В.М. Чернов выполнил данное ему поручение, может служить упоминание Л.В. Коноплевой о встрече с В.М. Черновым в начале сентября 1919 г., в ее открытом письме к нему: «Напоминаю Вам (чтобы не быть голословной) – нашу беседу в начале сентября 1919 года в квартире Злобина по Трубниковскому переулку д. 4 в Москве, где я с Вами встретила на ночлеге. Вы мне тогда заявили, что знаете в общих чертах о нашей боевой работе и выслушав мой подробный рассказ о том периоде – возмущались (не знаю, искренно или нет) поведением Ц.К.» (см.: док. № 16-26, 16-17). Но почему тогда Коноплева говорит о случайном характере этой встречи – «на ночлеге», ведь упоминание о том, что В.М. Чернов беседовал с ней (более чем вероятно, что вместе с ней присутствовал и Г.И. Семенов) по поручению ЦК ПСР, увеличило бы весомость ее утверждений? Очевидно потому, что если Коноплева и Семенов вели переговоры с ЦК ПСР о такого рода совместной работе, то все их более поздние утверждения о своем разочаровании в руководстве партии и о своей идейной эволюции явно преувеличены. Возможно, что ни Коноплева, ни Семенов во всех своих показаниях чекистам не упоминают об этих переговорах потому, что тогда их искренность, и без того несколько сомнительная, вообще не будет выдерживать никакой критики. И с другой стороны, достаточно прозрачны мотивы умолчания эсеров о подобных переговорах, если допустить, что они все же были. Из этого следует, что если ЦК ПСР был готов поручить в августе 1919 г. Г.И. Семенову столь серьезное дело, то во-первых, он должен был знать о нем что-то говорящее в пользу возможности как доверять ему лично, так и доверять его способности справиться с организацией сложного террористического акта. Это «что-то» вполне могло оказаться подготовкой покушения на Ленина. Во-вторых, факт переговоров в корне подрывает все многочисленные отзывы эсеров в 1922 г. о Семенове как об авантюристе, действовавшем втайне от партии на свой страх и риск, авантюристе, с которым после того, как стала ясна его роль (т.е. после покушения на Ленина), никаких дел не имели.

Таким образом, если постановления ЦК ПСР в августе 1919 г. трактовать как готовность принять террористическое предложение Семенова, то возникает масса новых вопросов, и не исчезают старые. Этот отдельный факт общую картину не проясняет. Он несколько усиливает позицию Семенова и Коноплевой в их споре с эсерами о статусе их группы в 1918 г., но одновременно окончательно запутывает вопрос об искренности, логике и мотивации поступков Семенова и Коноплевой, без понимания которых трудно с доверием относиться к их показаниям. И если при варианте оценки их ренегатства как результата изменения их идейных и моральных взглядов и наступившего откровенного раскаяния, следствием чего стала полная выдача Семеновым и Коноплевой всего и вся, еще можно хотя бы немного рассчитывать на правдивость их рассказов (при условии, конечно, вычленения и исключения тех примесей, которые они сделали по подсказке чекистов), то в этой ситуации, когда становится ясным, что в их рассказе, кроме правды и лжи, согласованной с властями, есть и третий ингредиент – ложь, утаенная от властей по шкурным соображениям (и не разоблаченная и эсерами, также имевшими хотя и иной, но тоже низменный интерес), отделение всех их друг от друга из трудноразрешимой (как в первом случае) задачи, становится неразрешимой. Действительно, а что еще такого из своего бурного прошлого эта парочка утаила от своих новых хозяев (и о чем за благо сочли промолчать и сами эсеры)?

Подводя общий итог, вне всякого сомнения следует подчеркнуть, что практически все аспекты этой запутанной проблемы требуют дополнительных исследований и осмысления.

²¹ Направление членов Военной организации партии эсеров и группы партийных активистов в Поволжье началась по решению 8 Совета партии (07-16.05.1918), избравшего этот регион на основании имевшихся данных о готовности значительной части местного крестьянства к вооруженной борьбе с большевиками. Е.М. Тимофеев показывал на утреннем заседании процесса 23 июня 1922

г.: «[...] в то время [апрель–май 1918 г.] мы определенно строили Московскую военную организацию не впрок, а для Волжского фронта[...]. [...] мы в это время определенно работали, чтобы поддержать то движение, которое в это время на Волге началось и которое разворачивается более или менее. Факт, который заставил утвердиться на такой позиции, были сообщения нашей Поволжской организации, начиная от Перми до Царицына. Эта линия – Пермь, Самара, Казань по Волге. Эта линия брожения[,] наиболее крупный момент исторического стихийного создания в деревне так называемого союза фронтовиков, то есть тех фронтовиков, которые вернувшись в 1917 году и в начале 1918 с фронта, располагали оружием, которым стали защищаться от тех продотрядов и натиска Советской власти на деревню, которые имели место. Военный момент, который нас подтолкнул сконцентрировать свое внимание на этот шаг, было неоднократное сообщения тов. Викентия Соколова, который был переброшен в город Вольск с тяжелой артиллерией. [...] он из города Вольска, будучи связан с Саратовской организацией, прибыл в Москву со специальным докладом Союза фронтовиков о настроении в войсках и своей работе. [...] В течении всего апреля мы проверяли все это движение, мы старались взять под свой контроль, профильтровать в Москве все эти кадры. Всеми нами определенно учитывалось это дело, как предназначенное для переброски на восточный фронт. [...] Перед нами он обрисовался раньше. Вы понимаете сами, что на основании этого сообщения нельзя пуститься на такое предприятие. С другой стороны[,] не было никаких оснований военные силы сосредоточивать в Москве для Москвы, в целях выступления здесь[...]. [...] в Москве Центральный комитет впрок сил никогда не готовил, потому что тут имелись организации неопределенные, бесформенные, никому не принадлежавшие, являвшиеся делом чисто кустарного производства[,] и мы сразу столкнулись с вопросом о том, что нам нужно [...] будет готовить силы для Поволжья, потому что массовые движения, которые мы предвидели, уже начались. [...] все данные, получаемые [Центральным комитетом] с мест, шли в двух направлениях: о настроении масс[,] с одной стороны[,] и о настроении организации [–] с другой. Так что исход 8-го Совета, когда большинством против одного была принята резолюция о вооруженной борьбе, для [нас] не был неожиданностью. Учитывая это все[,] мы определенно готовили силы» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 26. Л. 282, 286–287).

Работа Военной организации ПСР на Севере России рассматривалась руководством партии как вспомогательная по отношению к деятельности в Поволжье. См., например, показания свидетеля Я.Т. Дедусенко – бывшего эсера и управляющего ведомством государственных имуществ Временного правительства Северной области (Архангельск) на утреннем заседании процесса 27 июня 1922 г.: «[...] Когда Бюро [фракции ПСР Учредительного собрания] было предложено уезжать из Москвы, причем место выезда предоставлялось определить самим уезжающим, я лично был склонен ехать в Вологду и таким образом поехал в Вологду. Вследствие того, что здесь был момент определения места, я и не назвал это командировкой, и в этом смысле разъяснил. Крыленко. Значит, Вы были посланы по соглашению Вашему личному с бюро фракции в Вологду для целей партийной работы? Дедусенко. Да, я был членом партии, активным деятелем этой партии, был членом бюро, из которого я не вышел. Следовательно, я обязан был определенные партийные функции нести. Крыленко. Характер этой работы? Дедусенко. В самой Вологде? Крыленко. Да. Подготовка вооруженного восстания входила в Вашу работу? Дедусенко. Поскольку вообще военная работа имела место в партии. Крыленко. Будьте любезны, прямо ответить – вопрос шел после 8-го Совета? Дедусенко. Лично мне такое поручение не было дано. Крыленко. Какого же сорта поручение было дано? Дедусенко. Я ехал туда как член бюро, обязанный принять участие в местных партийных делах, в местной партийной работе[...].» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 100).

²² Вот, что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «Параллельно с работой в воинских частях шла работа по созданию боевых рабочих дружин. Организатором их был назначен **Паевский**, его помощником – **Фомин** (член Учредительного Собрания). Боевые дружины были созданы при каждом партийном районе. Организованы они были по пятеркам и десяткам, вооружены револьверами, некоторые – бомбами. Связь между центром этой работы и районами была слаба; дисциплина была недостаточна[...] Общая численность боевиков-дружинников реально была около 60–80 человек; причем далеко не все были вооружены. По

учету **Паевского** их было человек триста, но эта цифра не соответствовала действительности. (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 10–11).

В.К. Дзеруль на допросе говорил, что об организации вооруженных отрядов в районах в конце 1917 – начале 1918 г. стал догадываться «только со слов секретаря райкома в то время Скуридиновой, впоследствии жены Гвоздова, которая заявила мне, что Гвоздом и группой его товарищей ведутся при посторонних такие разговоры и о таких делах, о которых не должны даже знать и члены партии, и просила меня передать об этом, куда следует, чтобы призвали их к порядку» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 10).

²³ Эту экспроприацию (ее еще называли Буйской – по названию станции, около которой она и была произведена) Г.И. Семенов описал в своей брошюре очень скупой: «[...] Вторая экспроприация была произведена следующим образом: артельщик Комиссариата Продовольствия, с.-р. сообщил нам, что он в определенный день едет с суммой в миллион и с охраной в четыре вооруженных человека в Саратов для продовольственных закупок. Я, Гвозд, Сергеев, Усов, Зеленков и Тесленко сели в поезд; ночью, наведя револьверы на охрану, отняли деньги, остановили тормазом поезд и скрылись.

В Москве в это время заседал 8-й Совет Партии. Я доложил о происшедшем и сдал деньги в кассу партии. Деньги пришлись в самый нужный момент. На Совете Партии намечалась линия перенесения центра работы на окраины, пытаясь там организовать восстание; готовилась отправка с этой целью в Поволжье группы работников с Вольским во главе, а для всего этого прежде всего нужны были деньги» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 25). Причины его скромности выяснились на процессе, где вскрылось, что это была фактически добровольные передача денег, предпринятая по предложению самого артельщика, не желавшего, чтобы деньги их структуры, только что национализированной большевиками, им же и достались. Эта передача была замаскирована под экспроприацию для отвода подозрений от артельщика. Д.Д. Донской, который дал добро Семенову на эту «экспроприацию», получил скандал со стороны ЦК ПСР, считавшего недопустимыми даже такие «экспроприации», из-за опасений «что это может вызвать уклон в нежелательном духе в партийных рядах[...]». М.Я. Гендельман, обращаясь к судьям, отмечал, что предложений о передаче денег в это время было много: «[...] ликвидируется городское или земское учреждение, учреждение Земского Союза, союза городов и тому подобное и так как считали, что против вас надо вести борьбу, то целый ряд сумм не передавался, согласно вашим декретам в ваши казначейства, а передавался в те организации, которые эту борьбу с вами готовили» (ЦА ФСБ РФ. П-1789. Т. 35. Л. 124–125).

²⁴ Огромный интерес представляют показания Н.И. Ракитникова от 8 марта 1922 г., достоверность которых сомнений не вызывает, а его оценки заслуживают самого пристального внимания. Он заявлял: «[...] Разоблачение гр. Семенова и Коноплевой для меня является вполне неожиданным, тем более, что в феврале 1921 года в первый раз, когда я с ними виделся после этих событий, мне довелось с ними беседовать часа два-три на тему о партийной этике в делах боевого характера, и они ни слова не заикнулись о недопустимости того отношения, которое в 1918 году было проявлено к ним со стороны Гоца и Донского. И вообще за все время моего пребывания в ЦК (до 9-го Совета партии, на котором я заявил о своем выходе из ЦК) ни со стороны гр. Семенова и Коноплевой, ни со стороны других членов боевого отряда не заявлялось никаких жалоб или претензий на действия Гоца и Донского или Центрального Бюро. Не подавалось таких жалоб в Совет партии» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 132).

²⁵ Вот, что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «Я приступил к организации Центрального Боевого Отряда. В него вошли: Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванова. Была поставлена слежка за Зиновьевым и Володарским для выяснения, где они живут, где бывают и для определения наиболее удачного места для акта. Слежку вели я и Федоров. Решено было действовать револьвером, а не бомбою: мы считали недопустимым, чтобы при совершении акта оказались невинные жертвы. Федоров, Сергеев, Зеленков и Усов усиленно практиковались (в лесу) в револьверной стрельбе. Исполнителями я намечал Сергеева и Федорова (я считал, что должен быть рабочий). Наилучшим я считал Сергеева. Мы думали организовать дело так, чтобы покушавшийся мог скрыться, и выбирали подходящее место где-нибудь на окраине города. Володарский часто бывал на митингах на окраинных заводах – Обуховском, Путиловском. Зиновьев, главным

образом, бывал в Смольном, на митингах – редко. Мы решили, что по техническим причинам легче убить Володарского и поставили покушение на него в первую очередь. Решили остановить автомобиль Володарского по дороге из Петрограда на Обуховский завод; выбрали для этого место у часовни на повороте дороги, достаточно глухое. Для того, чтобы остановить автомобиль, мы думали разбросать по дороге битого стекла или гвоздей и тем испортить шины, или бросить впереди автомобиля ручную бомбу военного образца. Слежку за Зиновьевым продолжали, не намечая пока конкретного плана. Одновременно мы вели слежку за Урицким, считая нужным убить и его. Слежку за Урицким по нашему поручению вела Коноплева, которая сняла для этого квартиру напротив его квартиры. Дальше мы намечали убийство Ленина и Троцкого. Для подготовки к этому, когда основная подготовительная работа к покушению на Володарского была более или менее налажена, были отправлены в Москву Гвозд, Зеленков и Усов; руководителем работы в Москве был назначен Гвозд.

Когда мы сочли технику к покушению на Володарского достаточно подготовленной, я обратился к Гоцу с запросом, считает ли он нужным ЦК перейти немедленно к действию. Гоц от имени ЦК предложил мне выждать некоторое (короткое) время. Для чего надо было выждать это короткое время, что могло измениться в ближайшем будущем, – для меня так и осталось невыясненным. Я вынес из беседы с Гоцем определенное впечатление, что у ЦК просто не хватает последней практической решимости, как зачастую это бывало с ЦК в решительные действенные моменты.

На другой день после моей беседы с Гоцем – Сергеев, отправляясь посмотреть, как пройдет в намеченном нами месте автомобиль Володарского, задал мне вопрос, как быть, если у него будет очень удобный случай убить Володарского. Я ответил, что в таком случае надо действовать. В этот день автомобиль Володарского по неизвестной причине остановился недалеко от намеченного нами места, в то время, когда там был Сергеев. Шофер начал что-то исправлять. Володарский вышел из автомобиля и пошел навстречу к Сергееву. Кругом было пустынно. Вдали – редкие прохожие. Сергеев выстрелил несколько раз на расстоянии двух-трех шагов, убил Володарского, бросился бежать. Сбежавшаяся на выстрел публика погналась за Сергеевым. Он бросил английскую военного образца бомбу (взвесив, что на таком расстоянии он никого не может убить). От взрыва преследующие растерялись. Сергеев перелез через забор, повернул в переулок, переехал реку и скрылся. Полдня скрывался в квартире Федорова, дня два в квартире Морачевского. Затем я его отправил в Москву.

Сергеев – рабочий-маляр, много пострадавший в жизни от тяжелых материальных условий. До революции он был анархистом, входил в Петроградскую Анархистскую группу. После революции вступил в Партию с.-р.; в то время ему было около 30-ти лет. Маленький невзрачный человек с красивой душой, из незаметных героев, способных на великие жертвы. В нем все время горело желание сделать что-нибудь большое для Революции. Он был глубоко убежден, что большевиками делается губительное для Революции дело.

Рабинович от имени Ц. К. заявил, мне, что я не имел права совершать акта без точной санкции ЦК, так как ЦК предложил мне подождать (члены ЦК по конспиративным соображениям избегали встречи со мной)» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 27–28).

²⁶ Вот что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «В рабочих с.-р. кругах, среди тех, кто считал нужным террористическую борьбу, полагали, что акт – дело Партии и с напряжением ждали открытого сообщения Партии об этом. ЦК растерялся, и все его домыслы сводились к страху, как бы не открылось, кто виновник происшедшего, как бы Партия не подверглась разгрому. В виду этого (с моей точки зрения – именно в виду этого) на другое же утро после убийства в газетах появилось категорическое заявление ЦК, что ни Партия и ни одна из ее организаций не имели ни малейшего отношения к происшедшему. ЦК настаивал на немедленном отъезде всех нас в Москву. Я был возмущен поведением ЦК. Я считал необходимым, чтобы партия открыто заявила, что убийство Володарского, дело ее рук. То же думала моя Центральная Боевая Группа. Отказ Партии от акта был для нас большим, моральным ударом. Моральное состояние всех нас было ужасно» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 28).

²⁷ 30 августа 1918 года в вестибюле здания Главного Штаба на Дворцовой площади студентом, народным социалистом Л.А. Канегиссером был убит председатель Пет-

роградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий (1873–1918). Утром 30 августа на Дворцовой площади Петрограда появился велосипедист. Это был молодой человек в клетчатом кепи, бриджах и желтых крагах. Он поставил велосипед у стены и уверенно вошел в дом № 5, где помещалась Петроградская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. В ожидании Урицкого он уселся в кресло и стал читать газету. Около десяти часов у дома № 5 остановился автомобиль. Председатель Петроградской ЧК вошел в подъезд, пересек вестибюль и, кивнув швейцару, направился к лифту. Здесь его догнал Канегиссер и несколько раз выстрелил в упор. Смертельно раненный в голову, Урицкий упал и скончался на месте. Стрелявший мстил за товарища, расстрелянного Петроградской ЧК без всякого юридического обоснования. После покушения Канегиссер пытался скрыться, но был задержан и расстрелян. Смерть Урицкого и покушение на Ленина стали для большевиков поводом к развязыванию массового террора, в результате которого были казнены тысячи людей.

²⁸ Планы покушения на Л.Д. Троцкого Семенов в своей брошюре описал так: «[...] Параллельно с подготовительной работой к покушению на Ленина, мы задумали, план организации крушения поезда Троцкого. Иным способом убить Троцкого было технически трудно. К тому же мы считали полезным делом убить одновременно и сопровождавших Троцкого членов Реввоенсовета Республики. Мы создали для этого группу, в которую вошли Зубков, Томашевич, Рудаков и Иванова; группа прошла теоретический курс подрывного дела» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 34). Но реализовать боевикам свой замысел не удалось из-за того, что Троцкий поехал на фронт с другого вокзала.

²⁹ Крестообразный распил пули делался для деформации ее в момент соприкосновения с телом человека, и изменения траектории дальнейшего движения, в результате смещения ее центра тяжести. Распилы пуль стали популярны в ходе англо-бурской войны, и только значительно позже стали производить боеприпасы со смещенным центром тяжести. Распилы пуль довольно широко практиковались российскими террористами различной партийной принадлежности с начала XX века, особенно в годы революции 1905–1907 гг. Следует отметить, что эффективность распила малоомощных пистолетных боеприпасов, особенно к браунингу, весьма проблематична, по сравнению с мощным винтовочным боеприпасом. Дело в том, что деформированная пуля, выпущенная из короткоствольного оружия со слабым боезарядом, резко теряла и без того небольшую убойную способность и как правило наносила меньший урон, чем обычная пуля.

Широко применялся в это время и яд для отравления пуль, а отдельные террористы иногда в своих прожектах заходили довольно далеко. Так, например, заслуживает внимания заявление неизвестного эсера (некоего А.И.), адресованное им в «ЦК, Городской коллектив, Обл[комитет] ПСР» (судя по всему, после весны 1909 г.). В этом «заявлении» автор размышлял о способах повышения эффективности холодного и огнестрельного оружия при совершении террористических актов. Он предлагал применять свинцовые пули и пули без твердых оболочек для усиления ранений, а также использовать для обработки кинжалов и пуль яд, а при его отсутствии пускать в ход «разводки заразных бактерий» для «заражения чахоткой, столбняком, дифтеритом, брюшным тифом» (ГАРФ. Ф. 6212. Оп. 1. Д. 139. Л. 1–4). Самое печальное состоит в том, что он не «открывал Америку». Так, например, еще Г.А. Гершуни в первых организуемых им актах использовал яд, а «крестообразные распилы» пуль, как было уже отмечено, применялись в годы революции многими боевиками без различия партийной принадлежности.

Зачем Г.И. Семенову понадобилось отравлять пули и как он это делал, рассказал на допросе 3 мая 1922 г. член его группы К. Усов, который слышал разговор между Г.И. Семеновым, Е.А. Ивановой и Фанни Каплан о том, что «[...] не все исполнители хорошо стреляют и при покушении могут быть только не смертельные ранения, а посему необходимо пули отравить». Позже он наблюдал и процесс отравления пуль: «Федоров разрезал головки пуль крестообразно, а Семенов заполнял прорезы порошком кофейного цвета (это и был яд) и сверху замазывал воском» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 57).

Вероятно следует отметить, что ни одного случая отравления от пули террориста ни в до, ни в послереволюционное время зафиксировано не было. Большевики, пытаясь понять, почему отравленные пули не подействовали на их вождя, запросили трех экспертов. Мнения экспертов о том, сохранит ли яд кураре после выстрела свои свойства, разошлись. Обобщенную оценку, опираясь на их мнения,

дал зам. наркома здравоохранения в письме от 21 апреля 1922 г. к Уншлихту (см.: док. № П-37).

Но заключения, данные отдельными экспертами, противоречили друг другу. Так, профессор судебной медицины П.А. Минаков, указывая, что при температуре свыше 100 градусов по Цельсию органические яды «персгоняются и затем распадаются», делал следующий вывод: «Трудно допустить, чтобы при намазывании сверху кураре пули на ней могло бы сохраниться после выстрела количество яда, достаточного для отравления» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 10). А профессор Д.М. Щербаков заявлял: «Высокая температура: 100 и даже 120 яда не разрушают [...] Это зависит от оружия: если оружие короткоствольное и ствол не нарезной (револьвер), то весьма возможно, что может» (Там же. Л. 11 об.).

М.Я. Гендельман в своей защитительной речи, считал всю историю с отравлением пуль выдумкой, аргументируя тем, что с 1914 г. в Россию не импортируются лекарственные препараты и крайне сложно было раздобыть даже «простые кровоостанавливающие средства». Кроме этого Коноплеву поймали на путанице в показаниях, из которых выходило, что Рабинович еще в Петрограде дал ей указание отравить пули (на предварительном следствии Коноплева об этом не говорила), а в Москве яд, как по заказу, оказался у Рихтера (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 35. Л. 38–39). Кроме того Семенова поймали на лжи в том, что пули перед убийством Володарского он отравлял на квартире Федорова-Козлова, который категорически это отрицал. Гендельман считал, что Семенов специально «припечатывает» Федорова-Козлова, как и многих из тех 93 человек, чьи имена были названы в его брошюре. (Там же. Л. 68–69).

³⁰ Официальное заявление ЦК ПСР о непричастности партийных организаций к покушению на Ленина 30.08.1918 см.: Правда. 1918. 6 сент.; Известия ВЦИК. 1922. 20 июля.

³¹ Дело № 170/18 об ограблении 9-го городского почтово-телеграфного отделения от 4 октября 1918 г., заведенное в конце 1918 г., было приобщено к материалам процесса (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 1). Оно состояло из различных актов, протоколов осмотра, финансовых документов, свидетельских показаний, списков работников отделения, приказов и переписки почтамта с уголовным розыском и т.п. Любопытно, что на одном из документов слова «экспроприация денежных сумм» были зачеркнуты и заменены формулировкой «ограбление» (Там же. Л. 2). Всего под подсчетам ревизии было «ограблено» 135943 руб. 79 коп. (Там же). Было допрошено 18 посетителей и служащих, находившихся во время ограбления на почте (Там же. Л. 5–16 об.) (всего на почте находилось около 40 служащих, но ограбление было облегчено тем, что дверь в служебные помещения оказалась открытой, а кроме того из трех револьверов, имевшихся в отделении, один был потерян, другой заперт в столе у начальника (Там же. Л. 17)). Подлинность дела и всех его документов сомнений не вызывает, как и сам факт ограбления почты четырьмя грабителями. Но были ли эти грабители членами боевой группы Семенова – неясно. С одной стороны, в 1922 г. очных ставок свидетелей с арестованными боевиками, насколько можно судить по следственному делу и стенограммам суда, проведено не было. С другой – в деле уголовного розыска имеется черновик запроса двух ответственных работников почтамта в МЧК от 7 мая 1919 г., в котором они ссылались на письмо нач. Московского управления уголовного розыска от 21 ноября 1918 г. о том, что «[...] грабителей и похищенного» разыскать не удалось, а также на опубликованный в газете «Известия» от 27 апреля 1919 г. список, из которого следует, что в ночь на 16 апреля того же года по постановлению МЧК по делу об ограблении 9-го почтового отделения был расстрелян некто Андрей Иванович Целовальник (Там же. Л. 62–64 об.). Работники почтамта интересовались, оказались ли у него при обыске деньги, а также имеется ли движимое и недвижимое имущество. Ответ секретаря МЧК был отрицательным (Там же. Л. 64). Как видно из письма зав. Почтамтом и зав. Следственно-ревизионным отделом, отправленного 5 мая 1920 г. в Московское отделение Рабоче-крестьянской инспекции А.И. Целовальников (так в документе) входил в шайку некто Гусева (Там же. Л. 75). Само ограбление выглядело следующим образом – четверо молодых людей, «на вид интеллигентные фабричные рабочие», зашли в 9 часов через парадный вход, обезоружили стоящего там караульного, заперли дверь, заставили лечь на пол 5–6 посетителей (ранив одного из них за непослушание). Один из грабителей прошел через открытую дверь в служебное поме-

шение и угрожая оружием заставил отдать деньги и ценности. Весь налет занял «не более 2-х минут», после чего грабители скрылись через служебный вход (Там же. Л. 66–66 об.).

³² Сведения о связях эсеров с французской военной миссией в России чекисты имели от двух бывших солдат миссии, ставших коммунистами – Г. Гельфера и Води. Опрошенный Аграновым (дата неизвестна) Г. Гельфер так прокомментировал список членов миссии с их характеристиками (составленный «[...]тов. Воды ныне членом РКП в командировке за границей»): «С данной им характеристикой вполне согласен. Кроме этого могу прибавить относительно деятельности Миссии, что последняя периодически снабжала крупными суммами денег польскую и чехословацкую организацию и также и различные русские партии в том числе и с.р. (с последними связь поддерживалась подпоручиком Эрлихом). Со всеми вообще контрреволюционными организациями миссия поддерживала близкую связь и оказывала им всяческое содействие вплоть до снабжения их взрывчаткой [веществами] для их борьбы с Советской властью» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 3. Л. 12).

Как явствует из списка, составленного Воды, состав миссии был следующим:

Военная миссия (Москва): Генерал Лавернь – военный атташе; Командир Лелом – начальник миссии («офицер действительной службы, слабая деятельность, слабая развитость. Любит удовольствия»); Шаруйн – начальник III бюро, офицер действительной службы. («Ограниченный ум. Ярый контрреволюционер. Арестованный в октябре 1918 года [...] выпущен 1919 года февраля. Уехал, видимо, во Францию. О нем больше не слышно. Опасен»); капитан Якан – пом. начальника III бюро («офицер действительной службы. Ищет общества женщин. Был и вероятно еще состоит начальником контрразведки в Константинополе»);

Бюро: Поручик Баре – начальник шифровального бюро – офицер запаса («[...]старый чиновник консульства в Екатеринославле. Давно живет в России. Враг Советской власти, но чудовищный дурак»); подпоручик Матье – офицер запаса («старый директор школы Берлитца в Москве. Симпатичен»); поручик Корбель – начальник службы военной информации («офицер-русофил. У него ничего не замечено вредного для России, к ней он даже иногда был снисходителен. После своего отъезда во Францию должен быть назначен начальником Франц[узской] Новороссийской миссии. Офицер действ. службы. Образование среднее»); подпоручик Марто («Приказчик. Не интересуется политикой [...] Француз, бывш. член Петроградской Миссии, которая в качестве спец. миссии направлялась к Колчаку. Стал пленным после падения Колчака. Предлагал свои услуги НКВД»); начальник службы осведомления, шпионажа и контрразведки капитан Лоран («Человек большой энергии. Особая примета: хромой. Высокого развития. Чрезвычайно опасен. Занимался в Москве фабрикацией взрывчатых веществ в большом количестве»); капитан Гон Па Биде («начальник службы Парижской охранки. Замечательно образован и развит, опасен, автор многих нападений в Москве»); подпоручик Тутен («Инженер-минер. Связан с Биде. Исполнитель планов последнего. Очень опасен. Возможно, что находится в Москве»); сержант Симар («опасен, но развит умственно»); сержант Грослей («великолепный дурак»); сержант Грослеве («Дурак, деятельный, приехавший из миссии контрразведки в Киеве»); поручик Туасси («Говорит по[-]русски. Опасен»).

Миссия Кавказа: Шардинь – офицер действ. службы («Великолепный контрреволюционер»); командир Франсуа («уехал к Колчаку в июле 1918 года»); капитан Вакье («опасный коитр-революционер. Сейчас консул в Гельсин[г]форсе»).

Чрезвычайная миссия при посольстве: капитан Бард, Гурдин, Сури («Очень опасны, авторы многих нападений в России и Украине. Уехавшие к чехословакам. Очень богаты, ораторы... Гурдин организатор многих нападений, которые финансировал из своих личных средств. Не говорит по[-]русски, знает немецкий»).

Специальная миссия при посольстве: морской капитан Пиш, секретарь Гокье («известны в России своими нападениями и разрушениями»); морской поручик Де Варламонт; капитан Генри, капитан Сабуро («симпатизирует режиму»).

I Бюро: начальник Гибер («Покупка платины и алкоголя для нужд вооружения»); Альберт Тома («Враг Советов. Имел сношения со спекулянтами Москвы и Урала. Был в тюрьме в России. В настоящее время в Париже»); капитан Буаяр («зависим от Гибера, покупал платину за счет последнего. Говорит по[-]русски»); капитан Барбье – начальник Стола личного состава («Директор всех школ Берлитца в России. Враг Советов. Говорит очень хорошо по[-]русски. Вернувшись из

Архангельска в Вологду в 19 году помогал в обмене французских пленных, находившихся в России. Большой мерзавец»); поручик Рюисик («существо безобидное и глупое»); поручик Симонне – начальник секции курьеров («не опасен»); Яна (или Иана) («старый профессор французского языка в Москве. Спекулянт. Вор. Способен на все, чтобы заработать деньги. Ярый враг Советов. Узкий слабый ум. Его брат известен по Самаре во время оккупации чехословаков»); Дюмер («промышленник в России»); Виконт Люберсак («авантюрист, называвший себя другом Ленина. Опасен») (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 3. Л. 13, 14, 15).

³³ Я.С. Агранов был выходцем из ПСР, в ряды которой вступил в 1912 г. В 1914–1915 гг. – член Гомельского комитета ПСР. Был арестован в 1915 г. и выслан в Енисейскую губ. В ссылке находился вместе с Л.Б. Каменевым. Тогда же вступил в ряды большевистской партии. В 1918–1919 гг. – секретарь СНК РСФСР. В органах ВЧК–ГПУ с 1919 г. С 1921 г. – особоуполномоченный по важнейшим делам при СОУ ВЧК–ГПУ.

³⁴ См. док. № 16-8.

³⁵ Вот, что об этом писал Г.И. Семенов в своей брошюре: «[...] Через некоторое время мы выяснили, что в Петрограде существует правая военная организация, которая и ведет свою работу в этих полках. Эта организация поручила одному из своих членов – непартийному солдату Преображенского полка (прежде активно работавшему у нас), вступить с нами в переговоры о координировании работы и совместном выступлении; при чем, зная, что мы нуждаемся в средствах на работу, организация предлагала нам, в случае контакта, финансировать нас.

Выяснилось, что это внепартийная буржуазная организация, существовавшая на средства крупной буржуазии и высшего духовенства. Во главе ее стоял бывш. правый с.-р. Филоненко. Целью ее было вооруженное свержение большевиков и создание буржуазного правительства. К этой организации и переходило постепенно наше влияние в Преображенском, Семеновском и Волынском полках. Под ее влиянием оказались полковые комитеты; в ее руках были полковые командиры (командиры Преображенского, Семеновского полков, – старые офицеры, они были некоторое время с нами, поскольку мы шли активно против большевиков, но, как только стала проявлять себя правая организация, все их симпатии немедленно склонились к ней). Организация, как и мы, проводила пополнение полков своими людьми – добровольцами, вводила бывш[их] юнкеров, бывш[их] офицеров в качестве солдат.

Я и Леппер были против контакта с организацией Филоненко. Но, учтя некоторую реальную силу организации, в виду ее влияния в указанных трех полках и, считая вопрос достаточно важным, мы передали его на обсуждение ЦК. Перед ЦК мы поставили через Донского вопрос в такой плоскости: во-первых, можем ли мы вообще входить в какое бы то ни было соглашение с определенно реакционной организацией, при чем я и Леппер в качестве представителей Военной Комиссии высказывались принципиально против; во-вторых, если контакт с точки зрения ЦК возможен, то будет ли это политическое соглашение или только чисто военное сотрудничество; и, наконец, можем ли в случае военного сотрудничества брать у правой организации деньги на нашу работу. ЦК решил на политическое соглашение не идти. Но предложил мне и Лепперу, в целях конкретного выяснения планов Филоненко, вступить с Филоненко от имени ЦК в официальные переговоры о политическом соглашении, делая вид, якобы это соглашение возможно.

Вопрос о военном сотрудничестве и о приемлемости брать деньги ЦК решил положительно.

Считая факт выступления правой организации неизбежным, ЦК полагал, координируя практическую работу, выступить в будущем вместе с организацией Филоненко, а затем, опираясь на массы, в процессе переворота, взять власть в свои руки.

Было устроено свидание для переговоров. Присутствовали я, Леппер, Филоненко и член правой организации (солдат Преображенского полка, о котором я упоминал). Стремясь на этом свидании точно выяснить силы “союзника”, мы определили, что у Филоненко помимо влияния в Преображенском, Семеновском, и Волынском полках, на которое он рассчитывал больше всего, имеются какие-то ударные офицерские группы (численность их Филоненко старался замаскировать, но чувствовалось, что она не особенно велика) и какая-то домовая “гражданская

охрана” из симпатизирующих “обывателей”, по выражению самого Филоненко. Филоненко старался выяснить наши реальные силы, дабы не “проторговаться”. Мы рисовали ему их в преувеличенном виде.

После вооруженного свержения большевиков Филоненко предполагал создать буржуазное министерство, куда ввести: Карташова (Карташов принимал активное участие в организации Филоненко), Пальчинского, Львова (бывш. обер-прокурора Св. Синода), Пешехонова, Коновалова, и кажется Кишкина. Как мы ни старались выяснить кто же намечается на пост министра-председателя, Филоненко умалчивал. Мы догадались, наконец, что это место он предназначает для себя самого. Предполагалось, что правительство созовет Учредительное Собрание, Филоненко считал, что старое Учредительное Собрание не пользуется популярностью в массах (для нас было очевидно, что самый большой дефект старого Учредительного Собрания – отсутствие в нем самого Филоненко).

Мы заявили Филоненко, что политическое соглашение – длительная история, что мы будем делать об этом доклад ЦК, ждать его решения, и предложили, не теряя времени, координировать военную работу по подготовке восстания. Филоненко сразу же согласился и предложил финансировать нас. Получая субсидии в дальнейшем, мы получили от Филоненко около ста тысяч керенок. Политическое соглашение было постепенно нами “замято”.

Работа наша в Преображенском, Семеновском и Волынском полках шла в дальнейшем в контакте с работой там организации Филоненко. Мы направляли своих добровольцев и распределяли их по батальонам при помощи людей Филоненко. Наиболее интенсивно пополняли мы таким способом Волынский полк, который переформировался в это время и командир которого был членом организации Филоненко. Направили мы туда человек двадцать.

План выступления организации Филоненко сводился к тому, чтобы, постепенно подготовив Преображенский, Семеновский и Волынский полки, бросить их против большевиков. Готовилось разоружение Преображенского полка. Настроение было таково, что они думали активно сопротивляться разоружению. Филоненко ждал попытки разоружения, полагая, что в этот момент удастся при сопротивлении Преображенского полка объединить на его защиту другие петроградские старые [полки] и двинуть их против большевиков. У Филоненко был Боевой Штаб предполагаемого выступления; в этот штаб вошел в качестве нашего представителя Леппер. Мы тоже считали, что Преображенский полк окажет активное сопротивление разоружению и думали, что это может быть моментом выступления, объединив вокруг Преображенского полка старые полки Петроградского гарнизона и противопоставив их Красной Армии.

После разоружения Преображенского полка Филоненко вскоре уехал из Петрограда, (за ним следили, и он ожидал ареста). Его организация вскоре распалась[...]» (Семенов Г. (Васильев). Указ. соч. С. 18–21).

³⁶ «Союз возрождения России» (СВР) – Антибольшевистское подпольное объединение представителей партий и организаций демократического и социалистического направления. Создано в марте 1918 г. в Москве. Основатели: народные социалисты – Н.В. Чайковский, В.А. Мякотин, А.В. Пешехонов, С.П. Мельгунов, эсеры – Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, И.И. Бунаков-Фондаминский, кадеты – Н.И. Астров, Н.М. Кишкин, Д.И. Шаховской, Н.Н. Щепкин, меньшевики-оборонцы – А.Н. Потресов, А.А. Трояновский, В.Н. Розанов и др., члены плехановской группы «Единство», генерал В.Г. Болдырев (беспартийный) и др. Ставил целью вооруженное свержение большевиков, формирование демократической коалиционной власти, созыв Учредительного собрания, воссоздание России в границах до 1914 г. (без Польши и Финляндии), продолжение войны с австро-германским блоком. СВР определил «базовой территорией» для «построения новой власти» Сибирь, куда были направлены Авксентьев, Болдырев, Аргунов и др. Союз имел отделения в Петрограде, Архангельске, Вологде, Киеве и др. городах, а также военные организации – центральную (в Москве, во главе с Болдыревым) и периферийные (петроградской руководили народный социалист В.И. Игнатъев, генерал А.И. Верховский и М.Н. Суворов). Образованию СВР предшествовали неудачные попытки кадетов, энесов и эсеров достичь соглашения по выработке «одной общей программы» и проведению ее в жизнь. Бывший руководитель «Союза возрождения России» В.А. Мякотин в эмиграции вспоминал: «Тогда явилась мысль об ином пути – о создании внепартийной организации, в которую мог-

ли бы входить люди разных партий, объединенные общностью взглядов на основную задачу данного момента и признающие необходимость совместной работы для разрешения этой задачи. После нескольких совещаний, посвященных выработке возможной платформы и основных вопросов тактики, такая организация и была создана под именем “Союза возрождения России”» (Мякотин В.А. Из недалекого прошлого // На чужой стороне. 1923. Кн. 2. С. 180–181). Фактически прекратил свою деятельность в ноябре 1919 г.

По свидетельству В.М. Зензинова, «контакт между партией с[оциалистов]-р[евolucionеров] и “Союзом возрождения” был постоянный, причем он имел не столько организационный характер, сколько личный. На заседания бюро фракции с[оциалистов]-р[евolucionеров] Учредительного собрания и междуфракционного бюро, в которых принимали участие и члены ЦК партии с[оциалистов]-р[евolucionеров], часто приходили члены “Союза возрождения” Н.Д. Авксентьев и А.А. Аргунов – и все делились как своими сведениями и планами, так и тем, что каждым в направлении исполнения этих планов было сделано.

Вскоре после его основания в “Союз возрождения” вошел Б.Н. Моисеенко, мой товарищ по военной организации. Он взял на себя заведывание военными предприятиями “Союза возрождения” и таким образом между военной организацией партии с[оциалистов]-р[евolucionеров] и “Союзом возрождения” установился тесный деловой контакт, что в дальнейшем очень облегчало совместную с ним работу. [...] Все мы, боровшиеся тогда с большевиками, занимали определенную позицию: мы были горячими сторонниками продолжения войны против Германии вместе с союзниками, и на большевиков, заключивших Брестский мир, смотрели, как на людей, заключивших союз с врагами нашей родины. Поэтому для нас даже не существовало **вопроса** об интервенции: военная роль союзников в России в борьбе с Германией и ее союзниками – большевиками, по существу, для нас ничем не отличалась от роли тех русских войск, которые были отправлены во Францию на Западный фронт для борьбы с Германией. Для нас, не признававших Брестского мира, убежденных сторонников продолжения войны с Германией, борьба союзников с немцами и большевиками на территории России была не интервенцией, а войной. В этом между нами не было разногласий, не было даже и сомнений – настолько, что даже внутри, в интимных политических разговорах, мы никогда не поднимали этого вопроса.

В этом смысле разговоры с официальными представителями союзников велись неоднократно – как в Петрограде, так и в Москве. Велись при этом официально, от имени тех организаций и партий, которые участники этих переговоров представляли. От имени Центрального комитета Партии с[оциалистов]-р[евolucionеров] через сербов (их представителя д[окто]ра Спалайковича) вел с союзниками переговоры В.М. Чернов, с французами через члена военной французской миссии Эрлиша вели переговоры Е.М. Тимофеев и я. Отчеты об этих переговорах мы представляли Центральному комитету. Переговоры, кроме того, велись еще нами и с графом Шевильи, профессором Французского института в Петрограде, выполнявшим дипломатические поручения французской миссии. Аналогичные переговоры (с графом Шевильи) вели [...] от имени Междуфракционного совета Учредительного собрания Н.В. Чайковский, И.И. Фондаминский, А.А. Трояновский и представители от мусульманской фракции. Наконец, с французским генеральным консулом Гренаром от имени “Союза возрождения” вели переговоры Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров и В.А. Мякотин. Необходимо при этом отметить, что французы вели эти переговоры от имени всех союзников.

Сущность всех этих переговоров была одна: все мы настаивали на необходимости военной помощи России и тем силам, которые вели борьбу с Германией и большевиками. Речь шла о десанте на севере России и на Дальнем Востоке, о содействии военной борьбе с немцами и большевиками внутри России.

К нашим предложениям союзники относились с полным единодушием. Они обещали десант, они совместно с нашими военными представителями выработывали план стратегических действий (такие разговоры имел с ними – именно с французским генералом Лаверием (Лаверном – *сост.*) – от имени “Союза возрождения” генерал В.Г. Болдырев), вместе с ними мы даже выработали текст торжественной декларации, которая должна была быть оглашена при высадке десанта, в которой объявлялись цели военной помощи России и торжественно и решительно заявлялось, что при этом десанте союзники не претендуют на какие-либо террито-

риальные завоевания в России и не покушаются на суверенитет русского народа. При этом вопрос о десанте, хотя и обставлялся большой тайной, но ответ на него давался нами с полной категоричностью: много раз представители союзных миссий нам заявляли, что вопрос о десанте союзниками разрешен положительно, что десант уже посажен на суда и вот-вот будет высажен в Мурманске и во Владивостоке, иногда даже указывались приблизительные даты. [...] Генерал В.Г. Болдырев вместе с представителями военной французской миссии разработал план создания общими усилиями русских и союзников волжско-уральско-северного фронта.

Позднее, именно осенью 1918 года, [Ж.] Клемансо и [С.] Пишон категорически отрицали в личных объяснениях с А.Ф. Керенским, который, находясь весной 1918 года в Москве, знал обо всех этих разговорах и планах, наличие таких решений у союзников и, в частности, у французского правительства. Но мы, участники этих переговоров, категорически утверждаем, что эти разговоры, носившие официальный характер, имели место. [...] мы тогда вполне доверяли обещаниям союзников и на этих обещаниях строили свои планы [...]. Десанты на севере России и на Дальнем Востоке, близкая возможность активной борьбы с Германией и большевиками вместе с союзниками – все это было для нас вполне реальными возможностями, на которых мы строили и свою общую политику [...]» (Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва–Самара–Уфа–Омск. Воспоминания // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Сост. Л.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова. М., 1995. С. 22–24).

27 июня 1922 на утреннем заседании процесса ПСР, отвечая на вопрос государственного обвинителя Н.В. Крыленко об отношении «Союза возрождения России» к иностранной интервенции, свидетель Н.Д. Кондратьев показал: «[...] Союз возрождения никогда не принимал интервенции как таковой и в этом смысле высказывался всегда. Он рассматривал свою задачу по возрождению России следующим образом: после выхода России из войны, после заключения Брестского мира, нам казалось, что Россия весьма дорого оплатит этот шаг, оплатит тем, чем она неизбежно в этом случае должна была оплатить, то есть нам казалось, что страны, с которыми мы были связаны союзными нитями, не оставят этот шаг России без всякого вредного для России последствия. Во-вторых, нам казалось, что в то время Германия и ее влияние, которое, как нам казалось, она распространит на Россию, представляет значительную опасность для будущего России. [...] В этот момент нам казалось в высшей степени целесообразным возобновить союзные связи с бывшими союзниками и в этих целях восстановить участие России в мировой войне, то есть восстановить Восточный фронт. С этой точки зрения мы считали, что переброска войск иностранцами-союзниками сюда представляет совершенно такой же акт, как и переброска войск в Сербию или куда-либо еще, то есть акт международно-стратегический или политический, – не больше».

Далее Кондратьев ответил на вопросы Крыленко, пытавшегося выяснить степень участия деятелей Союза в переговорах с представителями Антанты по организации высадки союзного десанта в России: «КРЫЛЕНКО. А конкретно как ставился вопрос? КОНДРАТЬЕВ. Конкретно он не мог ставиться. КРЫЛЕНКО. А например – в августе или в июле высаживается десант в Архангельске. Известно ли “Союзу возрождения”, что он высадился? КОНДРАТЬЕВ. О том, что он высадится[,] не было известно в Москве, может быть, были сведения об этом в Архангельске, я не знаю. Могу сказать только одно, что несомненно в виду желания союзников и их негодования по поводу выхода России из войны можно было предполагать, что десант совершится. Когда десант совершился в Архангельске, мы узнали из газет. Со стороны “Союза возрождения” никакой реакции на факт высадки в Архангельске десанта не было». (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 12–13).

Как отмечал в июне 1920 г. В.М. Чернов, в связи со стремлением «Союза возрождения России» «стать новой партией» ЦК ПСР по его предложению принял в октябре 1918 г. постановление об отзыве членов партии из этой организации. (См.: Протокол свидания Чернова с членами английской делегации, обнаруженный при аресте члена партии с.-р. т. Гончарова 23/VI-с.г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. М., 2000. С. 649–650).

³⁷ В марте 1922 г. Н.И. Ракитников на допросах выражал свое удивление и плохо скрытое недоверие к сообщениям о разрешении некоторыми членами ЦК

ПСР на совершение боевиками отряда Семенова т.н. «частных экспроприаций» (т.е. экспроприаций денег и ценностей у частных лиц и негосударственных организаций), мотивируя это тем резко отрицательным отношением к частным экскам, которое сложилось в партийном общественном мнении еще в 1907–1910 гг. (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 120). Так, например, после бурной дискуссии на II съезде ПСР в феврале 1907 г. была принята резолюция, запрещающая экспроприации «частных имуществ и капиталов» (под страхом «безусловного» исключения из партии) и допускавшая экспроприации казенных сумм «лишь под строгим контролем и руководством исключительно ЦК».

³⁸ О наличии у эсеров диверсионной структуры, занимавшейся взрывами на железной дороге, помимо Семенова и Коноплевой, свидетельствовали и подсудимые второй группы. Достоверны их свидетельства или нет, однозначно сказать сложно. В несколько большей степени заслуживают внимания показания жены руководителя т.н. Подрывной группы ПСР В.А. Липской-Давыдовой. Липская-Давыдова Ванда Адамовна являлась членом ПСР с конца 1905 г. После ареста в 1906 г. была в 1907 г. осуждена и отправлена в ссылку, откуда бежала через 10 дней. В 1918 г. будучи женой руководителя Подрывной группы, по ее словам, «была хозяйкой квартиры и была элементом сплачивающим и связывающим всех членов группы, поддерживая среди них дисциплину» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 127). В марте 1919 г. была арестована и в июле того же года отпущена. По ее словам на допросе 17 марта 1922 г., «из партии с.-р. я официально не вышла до сих пор, хотя с 1919 г. я уже не разделяю тактики и программы ПСР» (Там же). На первом своем допросе 9 марта 1922 г. заявила: «[...] тактику партии с.-р. в 1918 году, сводившуюся к вооруженной борьбе с Советской властью, считаю антинародной и контрреволюционной по отношению к Советской власти, которую признаю единственной властью, соответствующей интересам трудящихся. Я считаю себя всецело ответственной за ту работу, которую я делала в период 1918 года, в то время я считала ее соответствующей народным интересам. От дальнейших показаний и от разоблачений деятельности партии с.-р. в 1918 году я отказываюсь, считаю необходимым скрыть от масс трудящихся действия партии с.-р., поскольку это зависит от моих показаний» (Там же. Л. 125). На втором допросе она подтвердила факт существования и рассказала о деятельности подрывной группы, прекратившей свое существование к концу 1918 г. из-за желания ее руководства сосредоточиться на общепартийной работе.

³⁹ Имеется в виду восстание крестьян Тамбовской губернии (август 1921 – май 1922 г.). Выступавший на конференции ПСР в сентябре 1920 г. представитель тамбовской партийной организации, приведя детали «[...] вспыхнувшего большого восстания крестьян, подпавшего под руководство называющего себя “независимым с.-р.” Антонова[...]», не сообщил делегатам – предпринимались ли организацией попытки установления контактов со штабом повстанцев. Однако в прениях оба тамбовских делегата «[...] настаивали на необходимости пойти навстречу уже нарастающему в массе трудового крестьянства стихийному протесту против большевистского режима и дать ему свои испытанные в борьбе лозунги. Необходимо уже теперь, в процессе повседневной революционной работы, не только не скрывать от народа неизбежности насильственной ликвидации большевистской диктатуры, но к этой цели приспособить всю работу, не отвлекая свои силы на приговорное движение и проч. Подошло время активной борьбы и под этим лозунгом должна протекать вся подготовительная работа» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 7. Л. 49, 57).

В обзоре Особого отдела Тамбовской ГЧК (вторая половина апреля 1921 г.) отмечалось, что «[...] захваченные материалы и ведущаяся разработка дел [...] подтверждает все больше ту точку зрения, что связи с правыми эсерами [...] у Антонова не было». Пытаясь определить политическое лицо Антонова, особый отдел указывал: «[...] Антонов не является ни правым, ни левым эсером, а просто эсером, помнившим программу 1917 года и остановившимся на ней; оторванный от центральных органов, не имея с ними никакой связи, без идейного руководства он остался на “той же позиции”. Ушедший в подполье, занятый организацией отрядов для активной борьбы, он лишен был возможности заметить весь тот сдвиг, который произошел как в среде рабочего класса Европы в целом, политических партий вообще и у эсеров в частности. В программе СТК [“Союза трудового крестьянства”] говорится об объединении со всеми силами, борющимися против

коммунистов, лозунг, под которым обеими руками подпишутся и кадеты, и монархисты. [...] И действительно, для Антонова и его сподвижников нет никакого сомнения в правильности подобной позиции[...]» (Обзор особого отдела губчека о зарождении и развитии повстанческого движения во главе с Антоновым // Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. Документы и материалы. Тамбов, 1994).

⁴⁰ Имеется в виду восстание крестьян Западной Сибири, начавшееся 31 января 1921 г. в Ишимском уезде Тюменской губернии, вскоре охватившее всю губернию и распространившееся на Тарский, Тюкалинский, Петропавловский, Кокчетавский уезды Омской, Курганский уезд Челябинской, Камышловский и Шадринский уезды Екатеринбургской губернии. Выступлению крестьян предшествовала проводимая местными партийными и советскими органами форсированными темпами и жесткими методами кампания по выполнению постановления Совета Народных Комиссаров от 20 июля 1920 г. «Об изъятии хлебных излишков в Сибири» (по которому крестьяне обязаны были до 1 января 1921 г. сдать все излишки хлеба прошлых лет и одновременно нового урожая). Основная тяжесть разверстки пришлась на декабрь 1920 – январь 1921 г. Все надежды на выполнение губернской продразверстки возлагалась на Ишимский уезд. Практически вся власть на местах переходила в руки продработников, что вело к обострению политической обстановки на селе. Начавшаяся в конце января разверстка неприкосновенного семенного фонда окончательно взбудоражила крестьян. Восстание вспыхнуло 31 января 1921 г. Начало ему положили столкновения крестьян с продотрядами на севере Ишимского уезда. Крестьяне волостного села Чуртанское, оказав вооруженное сопротивление, изгнали продработников и красноармейцев. К восставшим присоединились жители Челноковской, Викуловской, Готопутовской и других волостей. В течение трех дней восстание охватило весь север Ишимского уезда и перекинулось в Ялуторовский. К середине февраля власть большевиков была свергнута на значительной территории Западной Сибири, площадью около 1 млн. кв. км. Повстанцы захватили несколько участков железной дороги на обеих ветках транссибирской магистрали Омск–Челябинск и Омск–Екатеринбург, прервав прямое сообщение Сибири с Европейской Россией. В Ишимском уезде шла борьба за обладание уездным центром. В течение февраля повстанцы продолжали активные действия под Ишимом и лишь с прибытием регулярных частей Красной армии вынуждены были начать отступление в сторону Тобольска. Из северных районов Ишимского уезда восстание перекинулось в Тобольский уезд. В ночь на 21 февраля восставшие захватили Тобольск. Взятие города обеспечило повстанцам контроль над водными и сухопутными путями, ведущими на север Западной Сибири. Восстание распространялось и на юг, охватив Курганский уезд. Упорные бои шли в первой половине февраля под городами Курган и Петропавловск. 14 февраля повстанцы заняли Петропавловск, после чего город три раза переходил из рук в руки и лишь 16 февраля окончательно остался за красными. Но отряды повстанцев продолжали наступать на юг от Петропавловска и 23 февраля заняли город Кокчетав. Повстанцы, поддержанные казаками, подошли к городам Акмолинску и Атбасару, но взять их не смогли. Военские части не смогли сдержать мощного натиска восставших в границах Ишимского уезда только потому, что оно было поддержано подавляющим большинством зауральских крестьян.

На освобожденной от коммунистов территории проводились мобилизации мужского населения в формируемые воинские части. По принципу территориально-милицейских частей, на основе отрядов и штабов, образовавшихся в волостях, комплектовались роты, батальоны и полки. Народная армия не являлась соединением регулярных сил с единым командованием. Волостные повстанческие формирования объединялись в более крупные, насчитывавшие сотни и тысячи бойцов. Они именовались дивизиями, группами, армиями и действовали самостоятельно. Всего в выступлении после проведенной мобилизации приняло участие не менее 100 тысяч человек. На северной ветке транссибирской магистрали действовала голышмановская группировка с центром в селе Голышманово, на южной – Петуховская, в районе станций Макушино–Петухово, между Ишимом и Петропавловском – «Ишимская народная армия», в Тобольском уезде – «Тобольская народная армия», в Курганском уезде – «Курганская дивизия», к

востоку от Петропавловска – «Первая сибирская кавалерийская дивизия», в Ялуторовском уезде – «Мужицкая армия». Они возглавлялись штабами и командующими: Главным штабом в Тобольске, Главным сибирским штабом в Ишимско-Петропавловском районе во главе с бывшим поручиком В.А. Родиным и другими. Единого штаба повстанцев не существовало.

В командный состав повстанцев входили: главнокомандующий армией и начальник Тобольского гарнизона В.М. Желтовский (крестьянин, бывший фельдфебель), начальник Главного штаба Народной армии Н.Н. Силин (бывший поручик), начальник секретно-оперативного отдела штаба Б.Ф. Сватош (бывший колчаковский офицер), начальник особого отдела Г.В. Гутников (крестьянин) и другие.

В штабе был организован ряд отделов для формирования, управления и снабжения армии: военно-оперативный отдел руководил всем ходом военных действий; отдел строевой части формировал армию, составляя из прибывавших «партизан» (как называли себя повстанцы) роты, батальоны, полки; отдел продовольствия, снабжения и фуража занимался снабжением воинских частей. Значительную часть сотрудников штаба составили крестьяне. Фактически он являлся высшим органом власти восставших.

На занятой повстанцами территории отменялись декреты советской власти, восстанавливались гражданские свободы, разрешалась свободная торговля; ликвидировались советские учреждения и создавались органы местного самоуправления; уничтожалось деление населения по категориям, осуществлялась выдача всем равного пайка, вне зависимости от социальной принадлежности; для мобилизации на нужды Народной армии был создан военно-промышленный комитет; взамен большевистских общих судов и трибуналов восстановили окружной и мировой суды; возглавляемая А.Ф. Коряковым особая следственная комиссия занималась расследованиями преступлений коммунистов.

Повстанцы стремились перенести восстание на всю Сибирь и Урал – на востоке их отряды на сотни километров продвинулись в глубь Томской губернии. На северо-западе проникли в Архангельскую губернию, на юге – в казахские степи.

⁴¹ «Голос России» – общественно-политическая газета, выходившая в Берлине в 1919–1922 гг. ежедневно, кроме понедельника, в издательстве «Товарищество «Голос России»». Первоначально издавалась кадетами как «орган независимой русской политической мысли» (с № 47 1919 г. – «орган русской демократической мысли»). Ответственный редактор кн. Д.А. Шаховской. Редактор с № 7 1919 г. – Г. Шумахер, с № 21 (573) 1921 г. – С.Я. Шклявер, с № 608 1921 г. – В.П. Крылов, с № 725 1921 г. – С.Л. Литовцев (Поляков) и Л.М. Неманов при ближайшем участии П.Н. Милокова. Договор кадетской (промилюковской) редакции с издательством длился с 5 августа 1921 г. по 21 февраля 1922 г. Затем, вследствие значительного увеличения стоимости издания, кадеты оказались лишены материальной возможности возобновить договор. Права на издание газеты были приобретены эсерами и с 21 февраля 1922 г. газета выпускалась новой редакцией (В.М. Чернов, М.Л. Слоним, В.В. Су-хомлин, Е.А. Сталинский, Н.С. Русанов, И.А. Рубанович, В.М. Зензинов, К.Р. Кочаровский). В октябре А.Ф. Керенский и В.М. Зензинов взяли газету под полный контроль, удалив из редакции всех представителей левого крыла. С этого времени газета приобретает ярко выраженную правозэсеровскую окраску.

⁴² Статья В.М. Чернова послужила прологом к началу активной противозэсеровской пропагандистской кампании в центральной партийно-советской печати. 7 марта 1922 г. редактор «Известий» Ю.М. Стеклов в передовице под названием «Пойманы с поличным» начал атаку против одного из лидеров ПСР. Говоря о предстоящем московском процессе, Стеклов, впрочем, также не удержался от того, чтобы не отметить (вслед за эсерами) интернациональное значение последнего: «Это дело будет публично рассмотрено революционным трибуналом Социалистической республики, а окончательное слово по нему скажет неподкупная совесть мирового пролетариата...». Более развернутый критический анализ аргументов В.М. Чернова, ставившего под сомнение сведения Семенова о деятельности боевых организаций ПСР в 1917–1918 гг., содержался в статье известного партийного публициста Л.С. Сосновского «Как отвечает Виктор Чернов?» (Правда, 1922, 17 марта). По мнению последнего, Чернов своей публикацией не опроверг ни одного из сообщенных Семеновым в брошюре фактов. 22 марта 1922 г. «Правда» напечатала открытое письмо Л.В. Коноплевой В.М. Чернову (текст его см. в

док. № 16-26).

⁴³ «Новый мир» – ежедневная политическая, литературная и экономическая газета просоветской ориентации, выходившая при финансовой поддержке Москвы на русском языке в Берлине в 1921–1922 гг. Редакция во главе с доктором К. Керстеном декларировала своими целями «правильную информацию о государственном устройстве и экономической жизни» РСФСР. В № 49 от 26 февраля 1922 г. сотрудником газеты М. Петровым была напечатана обширная статья под названием «Политическая помойка (К характеристике партии соц[иалистов]-рев[олюционеров])», построенная на цитировании брошюры Г.И. Семснова (Васильева). В ней содержались грубые обвинения в адрес членов ЦК ПСР, и, особенно, В.М. Чернова в сговоре с русской и иностранной буржуазией и получении от нее денег на подготовку террористических актов против большевиков и т.д. В.М. Чернов обратился в суд Берлина с иском к газете «Новый мир» в лице ее редактора К. Керстена за клевету в его адрес и адрес ПСР. Акция Чернова имела прямое отношение к происшедшей вскоре ликвидации газеты, хотя 5 апреля 1922 г. в вышедшем в тот день № 81 (362) редакция «Нового мира» объясняла свое закрытие рядом объективных обстоятельств (газета выполнила свою роль в прорыве газетной блокады на Западе, давая «объективную информацию о советском строе»). О том, что закрытие «Нового мира» в Берлине было связано со стремлением советского руководства ослабить значение предстоящего рассмотрения иска Чернова к Керстеному, свидетельствует факт продолжения выхода в свет почти одновременно появившейся с «Новым миром» газеты «Новый путь» в Риге. См. также комм. 48.

⁴⁴ Газета «Народ», позднее преобразованная в неперIODический журнал, издавалась в августе 1919 – декабре 1921 г. группой «Народ» (с декабря 1919 г. – «Меньшинство Партии социалистов-революционеров»). Вышло шесть номеров. В редакционную коллегию входили К.С. Буревой, В.К. Вольский, Н.В. Святицкий, Н.А. Шмелев.

⁴⁵ См. док. № 16-23 и 16-24.

⁴⁶ «Дело народа» – ежедневная газета партии социалистов-революционеров (15.03.1917–03.1919). С июня 1917 г. орган ЦК партии. Основана по решению 1-й Петроградской конференции эсеров. Тираж составлял от 66 до 300 тысяч экземпляров. Издатели: С.П. Постников (15.03–28.06.1917), В.М. Зензинов (28.06.1917–16.01.1918), ЦК ПСР (17.01–21.02.1918), Д.Ф. Раков (22.03.–26.06.1918), Московское бюро ЦК партии эсеров (20.03–30.03.1919). В редакционную коллегию первоначально входили А.И. Гуковский, В.М. Зензинов, Р.В. Иванов-Разумник, С.Д. Мстиславский, Н.С. Русанов, П.А. Сорокин и С.П. Постников (секретарь). Заочно введены находившийся в эмиграции В.М. Чернов и проживавший в Саратове Н.И. Ракитников. Включенный позднее в редакцию А.Ф. Керенский только числился в ее составе. Деятельность редколлегии проходила в постоянном соперничестве ее членов, представлявших различные партийные течения. В начале апреля 1917 г. из нее вышли Гуковский и Сорокин, выражая несогласие с решением 2-й Петроградской конференции о недопустимости участия эсеров в коалиционном правительстве. После возвращения из ссылки и эмиграции видных партийных деятелей состав редакции был переизбран. Взамен вышедших в нее вошли Н.Д. Авксентьев и А.Р. Гоц. И.И. Фондаминскому свое место уступил Постников (сохранив должность ответственного секретаря редакции с правом решающего голоса). После 3-го съезда партии в состав редакции не был переизбран Мстиславский. Постановлением ЦК редакция была дополнена М.В. Вишняком, И.А. Прилежаевым и Д.С. Розенбломом. Газета содержала разностороннюю информацию, давала сведения не только о том, что происходило в партии эсеров, в правительстве, на фронте, но и в повседневной общественной жизни страны, особенно Петрограда. Передовые и другие статьи писались с учетом политики партии эсеров, Советов и Временного правительства, однако редакторы пользовались значительной степенью самостоятельности, нередко вступая в конфликты с ЦК ПСР. В июне 1918 г. газета закрыта большевистскими властями. В октябре издание возобновилось в Самаре. Во время краткой легализации партии эсеров в марте 1919 г. было издано 10 номеров газеты в Москве.

⁴⁷ Речь идет о брошюре В.А. Чайкина «К истории Российской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров» (М., 1922). Самому В.А. Чайкину на протяжении подготовки и проведения процесса довелось испытать превратности судьбы

«идейного ренегата», пытавшегося быть при этом беспристрастным и «объективным» летописцем событий революционной эпохи. Выполнив подготовкой книги о бакинских событиях определенного рода социальный заказ большевистской власти, Чайкин пошел на дальнейшее сближение с нею, изъявив согласие выступить на суде в качестве свидетеля обвинения, но резервируя при этом право на самостоятельную позицию. Одновременно, пользуясь своим новым положением, Чайкин сравнительно легко получил в большевистских инстанциях разрешение возглавляемому им Туркестанскому издательскому товариществу на выпуск ежедневных бюллетеней на время всего процесса. Однако 19 мая 1922 г. Президиум ВЦИК отменил данное им Туркестанскому товариществу разрешение ввиду, вероятно, опасений появления альтернативных официальным публикаций. В тот же день Чайкин отправил протест Пленуму ВЦИК на действия Президиума, где характеризовал себя «независимым от каких бы то ни было требований “дня” общественным работником», а запрет на публикацию бюллетеней общественной организацией («революционным издательством») расценивал как роняющий «всякое доверие к искренности заявления власти о желании всесторонне и своевременно выяснить трудящимся РСФСР, путем процесса над членами партии с.-р., всю правду в этом деле, какова бы она ни была» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 42. Л. 64).

В силу ряда обстоятельств вызванному в качестве свидетеля на процесс В.А. Чайкину, как и ряду других свидетелей (Кузьминскому, Редлиху, Борисенко и др.), пришлось довольствоваться присутствием в качестве рядового слушателя, не допрошенного судом. Возможно, организаторы процесса сочли поведение и позиции Чайкина недостаточно подконтрольными для роли свидетеля обвинения. Это, в частности, подтверждается фактом отобрания у последнего комендантом суда Шиманкевичем свидетельского билета 27 июля 1922 г. (Там же. Л. 75).

⁴⁸ Просоветская «ежедневная политическая, литературная и экономическая» газета «Новый Мир» выходила в Берлине на русском языке в 1922–1923 гг. под редакцией доктора К. Керстена. Возмущение В.М. Чернова вызвала помещенная в № 49 от 26 февраля 1922 г. статья М. Петрова «Политическая помойка (К характеристике партии соц[иалистов]-рев[олюционеров]», в которой, опираясь на обширные цитаты из брошюры Г.И. Семенова, автор в хлесткой фельетонной манере обличал руководство ПСР в лице «Чернова и К^б», называя лидеров партии «политическими проститутками», а Чернова – «Иудушкой».

В ответ на публичное заявление Чернова о защите достоинства его и ПСР через германский суд, газета откликнулась 3 марта 1922 г. статьей без подписи «Бред сумасшедшего. – Чернова кобеля не отмоешь до бела», где, выдерживая взятый в полемике «тон», писалось: «Мы не сомневаемся в том, что “Чернова кобеля” действительно нельзя отмывать до бела... Когда против советского правительства были организованы заговоры, когда начался белый террор – эсеры были самыми деятельными участниками этих заговоров, эсеры оказались белыми террористами. Этого черного факта никакими усилиями не отмоешь до бела».

Дело изначально приобрело исключительно политический смысл и справедливо рассматривалось вовлеченными в него силами как контрпроцесс, в противовес «Большому московскому процессу». Большевикам в действительности, как им хотелось, удалось оттянуть слушание дела в суде до осени 1922 г. О том, как далее развивались события, кратко сообщала газета «Дни» в № 95 от 21 февраля 1923 г.: «Лидером партии соц[иалистов]-рев[олюционеров] В.М. Черновым возбуждено в германском суде дело против б. редактора выходившей в Берлине большевистской газеты “Новый Мир” Керстена, по обвинению в клевете, выразившейся в том, что он поместил в газете ряд статей, в которых Чернову бросалось обвинение в подготовке восстаний против советской власти и в получении на это средств от Антанты и Германского генерального штаба.

Германский суд, первоначально разбиравший это дело 30 октября прошлого года, приговорил Керстена к штрафу в 10.000 марок

Этот приговор обжалован был как Черновым, так и Керстеном. 19 февраля дело разбиралось в 6-м уголовном отделении ландсгерихта. Защитниками Керстена выступали присяжные поверенные Вартгер и Гротгузен, со стороны Чернова – Бертгауэр и Розенфельд.

Поверенные Чернова ходатайствовали о допросе д-ра Э. Бернштейна, Штребеля, Людендорфа, живущих в Германии[,] и еще некоторых свидетелей,

проживающих в Чехословакии. Кроме того они ходатайствовали о вызове в суд осужденных по делу соц.-рев. в Москве и заключенных там же в тюрьме Гоца, Гендельмана, Тимофеева.

Необходимо сделать русскому правительству официальное предложение отпустить этих заключенных для дачи показаний.

Керстен ходатайствовал о допросе второй группы осужденных по делу соц.-рев. Семенова-Васильева, Коноплевой и Григория Ратнера, которых он обязался доставить в суд сам.

Ходатайство поверенных Чернова было отклонено, ибо суд не считает возможным посягать на верховные права русского правительства.

В конце концов обе стороны изъявили готовность принять меры к доставке своих свидетелей на следующее заседание суда.

Дело назначено к слушанию на 30 апреля».

Других сообщений о результатах дальнейшего судебного разбирательства в печати не выявлено. Перспективы выиграть дело какой-либо одной из сторон не было.

⁴⁹ В годы гражданской войны ряд эсеров (А.А. Аргунов, Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, Г.И. Шрейдер и др.) считали союзническую интервенцию оправданной лишь при условии оказания державами Антанты давления на белое движение с целью его демократизации. Левоцентристы (М.А. Веденяпин, Д.Д. Донской, М.А. Лихач, Ф.Ф. Федорович, В.М. Чернов и др.) соглашались с присутствием иностранных вооруженных сил на территории России только как со средством восстановления демократической государственности и восстановления антигерманского фронта. После ухода немецких войск в ноябре 1918 г. вооруженное вмешательство союзников во внутренние дела России ими осуждалось.

⁵⁰ В 1920 г. видный русский писатель, публицист и общественный деятель В.Г. Короленко послал шесть писем народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому, в которых, опираясь на принципы гуманизма и демократии, отвергал максималистские лозунги, требующие немедленного осуществления социализма и даже коммунизма в отсталой стране, протестовал против «массовых бессудных расправ», против разорения крестьян и кустарей, против лжи во имя «классовых интересов», против подавления оппозиционных партий, напоминал, что свобода печати, выборов, союзов и собраний не «буржуазные предрассудки», а необходимые условия нормального развития общества, предлагал отказаться от «схематического эксперимента», грозящего стране «неслыханными бедствиями». Введение социализма, заключал Короленко, «составляет насущную задачу современности», но «возможная мера социализма может войти только в свободную страну». Однако Луначарский не ответил на письма. Он определял Короленко как «прекраснодушного Дон-Кихота», душа которого не могла «звучать в унисон с суровыми бурями подлинной, жестокой, беспощадной, деловой революции», но вместе с тем отмечал: «[...]чем более прочной и широкой будет наша победа, тем ценней будет становиться для нас Короленко», ибо «мы примиряемся с ним в некотором высшем синтезе». Короленко увидел своеобразный ответ на письма Луначарскому в обращении властей к нэпу, отметив в письме к Н.С. Тютчеву 6 мая 1921 г.: «Теперь в заявлениях Ленина вижу многое, что я тогда писал. Не приписываю это себе, но поворот несомненный» (Цит. по: Петрова М.Г. Короленко В.Г. // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994. Т. 3. С. 84).

⁵¹ «Not kennt kein Gebot» (нем.) – «нужда не знает запрета».

⁵² Видимо, В.М. Чернов имеет в виду массовые аресты и казни, сопутствовавшие красному террору, легализованному в Советской России после покушения на В.И. Ленина декретом (постановлением) СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. Согласно декрету «О красном терроре» подлежали «расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», имена всех расстрелянных подлежали опубликованию. Фактически же декрет лишь узаконил приказ ВЧК от 2 сентября 1918 г. о массовых арестах «всех видных меньшевиков и правых эсеров», о взятии «как заложников крупных представителей буржуазии, помещиков, фабрикантов, торговцев, контрреволюционных попов, всех враждебных советской власти офицеров» и заключении «всей этой публики в концентрационные лагеря», о немедленном расстреле «бывших жандармских офицеров, исправников», «лиц, явно уличенных в контрреволюционных заговорах» и т.д.

Фактически же «ликвидации» начались 31 августа 1918 г. «Известия» от 3 сентября сообщали, что в предыдущие дни Петроградской ЧК было расстреляно более 500 заложников. Массовые расстрелы происходили также в Москве и практически во всех губернских и областных городах Советской России. Общая численность «сентябрьских убийств» точно не установлена. Ю. Мартов утверждал, что в течение сентября–октября 1918 г. жертвами ВЧК стали более 10 тыс. чел. Исследователи считают данную цифру заниженной, поскольку статистикой не учитывались жертвы подавления властью крестьянских протестов против реквизиций продотрядов.

⁵³ В ноябре 1920 г. за недопустимое для члена МПСР поведение Г.И. Семенов (Васильев) был постановлением Центрального бюро организации исключен из нее (Народ. 1921. № 6 (1). С. 28). По мнению С.В. Журавлева, в связи с тем, что «[...]членство в партии, скомпрометировавшей себя связью с большевиками и сражавшейся на их стороне в Гражданской войне, могло помешать секретной деятельности, в конце 1920 г. им был инспирирован открытый конфликт с меньшинством ПСР, после чего он был исключен из партии[...]» (Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: судьба эсера-террориста Г.И. Семенова (1891–1937). К новой биографической истории // Отечественная история. 2000. № 3. С. 92).

27 июня 1922 г. на вечернем заседании процесса свидетель Н.И. Ракитников показал: «[...]Об этом я могу рассказать со слов самого Семенова, то, что мне известно. Дело в том, что мне пришлось выслушать Семенова по такому поводу, что его именно как раз за отношения с Савинковым Меньшинство ПСР исключило. Это было в 20 году. Исключили из своей организации. Причем этот факт был мотивирован так, что Семенов считает себя задетым, так сказать, с моральной стороны, с точки зрения своего личного мужества, поэтому он вопрос перенес на конференцию Меньшинства ПСР, которая избрала комиссию, поручив ей разобраться это дело. В комиссию, кроме меня, входил [Н.А.] Шмелев и затем, если не ошибаюсь, еще Горностаев. Вот мы втроем и выслушали по этому поводу Семенова. Он рассказал нам такую историю, что пробираясь через западную границу[,] он был арестован польскими властями. И так как было доказано, что паспорта, с которыми он и Л.В. Коноплева перебирались через эту границу, подложные, то им грозил несомненно расстрел за шпионаж. Тогда он сделал заявление польским властям, уже находясь в заключении, что он собственно ехал в Варшаву для того, чтобы вступить в сношения с Савинковым, которому имел в виду предложить свои услуги для террористических актов против советских деятелей. По этому заявлению к нему в тюрьму явился Савинков. Семенов внушил этому Савинкову полное доверие к своему заявлению и благодаря воздействию Савинкова он и Коноплева были очень скоро освобождены из заключения и получили свободу, после чего они спустя, я не помню точно какого времени, уже с поручениями от Савинкова и другими, полученными от Савинкова паспортами и с деньгами, полученными от него, перебрался в Россию. И тут заявился чуть ли не прямо к [Ф.Э.] Дзержинскому, которому и доложил всю эту историю, а после этого уже сообщил об этих своих приключениях группе Меньшинства ПСР, которая нашла их настолько недопустимыми, что постановила исключить его из своей среды. Вот что собственно мне известно[...]. ТИМОФЕЕВ. [...] Семенов был арестован вместе с Коноплевой. Коноплева была исключена? РАКИТНИКОВ. И она была исключена. ТИМОФЕЕВ. Они вместе были исключены? РАКИТНИКОВ. Да, вместе. ТИМОФЕЕВ. Каким образом квалифицировали их политическую вину в данном случае? РАКИТНИКОВ. Дело в том, что они были командированы туда совсем с другими поручениями, с поручениями [...] от партии и штаба командующего армии, но в виду того, что они действовали [...] совершенно вразрез с данными им инструкциями, они и были исключены из организации за нарушение партийной дисциплины и, затем, за нарушение элементарных этических правил. Я точно не помню формулировки, ее у меня нет. Но формулировка эта была составлена таким образом, что несомненно внушала такую мысль, что они исключены потому, что будучи арестованы, труслили и по трусости совершили нечто совершенно недопустимое; вот такой характер она носила [...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 118–119).

⁵⁴ О деятельности отряда см. также воспоминания Н. Беспалова «Исповедь агента ГПУ»: «По постановлению “народовского” ЦБ, с началом русско-польской войны, был образован и отправлен на польский фронт партийный отряд. Отряд

предназначался для подрывных работ в тылу противника и состоял в непосредственном ведении Реввоенсовета Западного фронта. Начальство над отрядом поручено было [М.А.] Гинзбургу. В самом начале организации отряда, Гинзбург ввел в него бывшего провокатора, агента охраны. То, что его протеже – охранник, Гинзбург знал. Старый провокатор вступил в связь с польской контрразведкой. Таким образом, почти все шаги отряда заранее становились известными польскому штабу.

На фронте Гинзбург предпринял ряд действий не военного характера без разрешения ЦБ. В одном из них фигурировал ставший впоследствии известным Семенов-Васильев. Гинзбург командировал последнего в Варшаву для убийства Савинкова. Предприятие провалилось и Семенов попал в руки польских властей. Но ему удалось убедить Савинкова, что он приехал не для убийства его, Савинкова, а для установления с ним связи и организации покушений на вождей РКП. Семенов был выпущен и приехал в Москву. В Москве он немедленно же, прежде чем зайти и переговорить с ЦБ, явился в ВЧК, объявил о своем соглашении с Савинковым и выдал ряд адресов. Семенов за такие свои похождения был исключен из “народовской” организации.

Параллельно фронтовой и за-фронтовой работе Гинзбург упорно настаивал на необходимости вести подготовку для “работы внутренней” – к свержению большевиков. В этом отношении деятельность его была сильно подозрительна. Для нужд своего отряда он получал в больших количествах взрывчатые вещества, часть их он отправлял внутрь России – “для будущего”. Однажды на Петроградском вокзале был задержан член отряда, везший с фронта динамит. Препроводили в ж.д. Чека. Но быстро – после сношения с ПЧК – освободили и отдали динамит. Этот случай очень странный: подозрительные большевики даже не попробовали, для какой надобности провозится с фронта в Петроград динамит.

Полное сочувствие и поддержку своей деятельности Гинзбург нашел в Вольском. Напротив, ряд членов ЦБ – Буревой, Затейщиков, Н. Смирнов и некоторые другие – не сочувствовали слишком авантюристической деятельности Гинзбурга. Почему они не прекратили таковую во время? Не знаю. Может быть, разгадка лежала в том, что Гинзбург умел держать в денежной зависимости от себя все ЦБ. Он получил деньги от Реввоенсовета на нужды отряда и часть их передавал ЦБ. Насколько же, В.К. Вольский слепо следовал Гинзбургу, видно из следующего факта. От членов отряда на имя ЦБ в руки Вольского попало письмо, в котором перед ЦБ разоблачалась деятельность Гинзбурга по отряду. Вольский скрыл от ЦБ письмо. Позже, летом 1922 г., на площадке 5 этажа “Дома крестьянина” в Москве, где жил Несмеянов, Буревой сообщил мне, что Вольский скрыл не только письмо, но не передал Центральному бюро и 40 тысяч рублей. Гинзбург принял меры к устранению мешавших ему членов ЦБ. Так он объявил в отряде, что Буревой, Н. Смирнов и Затейщиков являются агентами-провокаторами ВЧК. На этих трех лиц предпринято было покушение, окончившееся неудачей по совершенно случайным обстоятельствам. [...].

Наконец отряд проваливается. Провокатор выдает членов отряда, пробравшихся за фронт и едущих по подложным паспортам будто бы для организации покушения на генерала Желиховского... Гинзбурга в мае 1921 г. исключают из “народовской” организации. Вольский устраивает в ЦБ скандал и остается при “особом мнении”. Он против исключения. Несколько месяцев спустя с юга приходят вести, что Гинзбург разъезжает по “народовским” организациям, выдает себя за уполномоченного ЦБ и от его имени отдает приказ готовиться к восстанию против советской власти. Организации стараниями Гинзбурга разрушаются.

Следственная комиссия должна была установить:

1) Не является ли Гинзбург агентом контрразведки одной из держав?

Основания для подозрения: приглашение в отряд заведомого провокатора, оказавшегося агентом польской контрразведки. Не был ли это провокатор простым орудием Гинзбурга?

2) Не являлся ли Гинзбург агентом-провокатором ВЧК? Основания: история с динамитом и действия Гинзбурга на юге после исключения.

3) Участие в делах Гинзбурга Вольского.

О дальнейшей судьбе Гинзбурга я имею следующие сведения. После похождения на юге Гинзбург скрылся. ВЧК делала вид, что интересуется им и розыскивает его. Предлагала даже одному из членов отряда, вернувшемуся из Польши, взяться за дело розыска его. Затем весной или летом 23 г. Гинзбург был признан Семеновым-

Васильевым в Харькове в кафе, в компании местных чекистов. Семенов арестовал Гинзбурга и отправил его в Москву. ГПУ сослала его в Ташкент» (Безпалов Н. Исповедь агента ГПУ. Прага: Воля России, 1925. С. 77–79).

⁵⁵ Открытое письмо Л.В. Коноплевой В.М. Чернову, датированное 4 марта 1922 г., было опубликовано в берлинской пробольшевистской газете «Новый Мир» 12 марта 1922 г.

Помимо «открытого письма» Л.В. Коноплевой В.М. Чернову организаторы пропагандистской кампании использовали аналогичное письмо В.И. Игнатъева известному революционному деятелю, находившему в эмиграции, Н.В. Чайковскому.

«Открытое письмо Николаю Васильевичу Чайковскому от имени Владимира Игнатъева», датированное «9 февраля 1922 г. г. Новониколаевск», публиковалось в «Известиях» от 10 марта 1922 г. с предисловием редактора газеты Ю.М. Стеклова «Еще один замечательный документ». Последний счел необходимым сопроводить письмо следующей ремаркой: «Скажут: это заявление вынужденное, сделанное из тюрьмы. Но Игнатъев сам предвидит такое возражение и предупреждает его в первых же строках своего письма. Он ссылается на тех, кто его знает и говорит, что эти люди знают также и то, что он никогда не предпринял бы шага, противоречащего его убеждениям под каким бы то ни было давлением».

Сам В.И. Игнатъев в препроводительной записке к открытому письму рассчитывал прежде всего на публикацию последнего в эмигрантской печати: «Непосредственная цель этого письма Н.В. Чайковскому двойная – объективная и субъективная: субъективная – для окончательного выявления моих взглядов и объективная – для того, чтобы заставить часть нашей эмиграции поставить перед собой еще раз вопрос о признании Советской власти перед Генуэзской конференцией...».

Помимо «Известий» упомянутое письмо было напечатано в «Правде» от 6 апреля 1922 г.

Ответная публикация Н.В. Чайковского появилась за границей значительное время спустя. Лишь 6 мая 1922 г. в газете «Руль» (Берлин) был напечатан «Открытый ответ Н.В. Чайковского В.И. Игнатъеву», в котором Чайковский выдвинул Игнатъеву обвинения в том, что последний, находясь в ЧК под угрозой расстрела, письмом подобного рода получил право на жизнь.

21 мая 1922 г. газета «Известия» опубликовала очередное публичное заявление В.И. Игнатъева «Ответ на ответ Н.В. Чайковского на мое открытое письмо к нему», датированное «17 мая 1922 г. Москва». В нем Игнатъев, вынужденный значительную часть письма посвятить самооправданию смены своих прежних ориентаций, сообщал некоторые детали его переговоров с большевиками в 1921 г. в Сибири: «А известно ли Н.В. Чайковскому, что эти “палачи” всей нашей центральной группе крестьянского союза Сибири еще в марте 1921 г., когда мы сидели в тюрьме в Омске, делали предложение в связи с новой экономической политикой[...] в августе 1921 г. нам было заявлено, что мы ни суду, ни наказанию подвергнуты не будем[...]».

Далее Игнатъев делал заявление, свидетельствовавшее о том, что в оценках демократии он перешел на позиции большевиков: «... Не я предал демократию, а демократия предала меня, не Иван и Петр из среды этой демократии, а сама демократия, как имя нарицательное, потому что эта самая демократия оказалась миражом, несуществующей величиной...».

⁵⁶ 18 марта 1922 г. в газете «Правда» была опубликована статья Л.С. Сосновского «Есть еще судьи в Берлине!». В ней один из ведущих партийных публицистов проводил мысль о том, что буржуазный суд в силу своей классовой пристрастности не может быть объективным: «Из уважения к Виктору Чернову германские с[оциал]-д[емокра]ты – одного поля ягода – передадут разбор дела в тот самый суд, где судили и оправдали убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург... Суд Носке вынесет Чернову оправдательный приговор. А после суда Чернов и Носке обнимутся и пойдут в Желтый Интернационал выносить резолюции о бедненьких, совсем невинных эсерах, которые совсем безвинно томятся в большевистских тюрьмах».

⁵⁷ Социал-демократическая рабочая партия Нидерландов (СДРПН) – основана в 1894 г. на съезде в г. Зволле. Программа СДРПН была составлена по образцу Эрфуртской программы германской социал-демократии. Руководители партии –

П.Й. Трульстра, Г. ван Кол, Я. Оудехост, В. Флиген и др. – придерживались умеренных взглядов. В 1909 г. левой оппозиционной группой, исключенной из партии, была создана собственная Социал-демократическая партия Нидерландов. В 1911 г. из СДРПН вышла группа центристов, основавших в 1915 г. «Революционно-социалистический союз», вошедший в 1916 г. в СДПН. В 1913 г. СДРПН насчитывала 26 тыс. членов и имела 18 депутатов в парламенте, а в 1918 г. соответственно 38 тыс. членов и 22 депутата. В дни подъема рабочего движения в ноябре 1918 г. («красная неделя») руководство партии заняло «примиренческую» позицию. В 1932–1933 гг. левые элементы партии основали Независимую социалистическую партию. После освобождения страны от оккупации, возродилась с новым названием – Партия труда (февраль 1946 г.).

⁵⁸ В документе ошибка. Телеграмма написана на французском языке.

⁵⁹ В документе ошибка. Подписи под телеграммой следует читать: Флиген, председатель; Верковен, секретарь.

⁶⁰ Лейбористская партия Великобритании (Рабочая партия Великобритании), одна из двух ведущих партий страны и наиболее влиятельных партий Социнтерна. Основана в 1900 г. (до 1906 г. называлась Комитет рабочего представительства). После 2-й мировой войны у власти в 1945–51 гг., 1964–70 гг., 1974–1979 гг. и с 1997 г.

⁶¹ 2–5 апреля 1922 в берлинском рейхстаге прошла конференция трех Интернационалов, на которой обсуждалась возможность созыва всеобщего съезда рабочих партий. От имени Исполнительного комитета Второго Интернационала Э. Вандервельде и Р. Макдональд предъявили Коминтерну три условия проведения всеобщего съезда: отказ коммунистов от подрыва социалистических профсоюзов, вывод советским правительством оккупационных войск из Грузии и прекращение советскими властями преследований социалистов. Однако они были решительно отвергнуты руководителем делегации Коминтерна К. Радеком, обвинившим Вандервельде и других лидеров Второго Интернационала в преследовании коммунистов. Он повторил предложение советского правительства о возможности обмена заключенных лидеров партии эсеров на коммунистов, находящихся в тюрьмах Германии и других европейских стран. Выступившие с критикой коммунистов представители Венского Интернационала П. Фор и О. Бауэр одновременно призывали Второй Интернационал не рассматривать предъявленные Коминтерну требования непременным условием созыва всеобщего съезда.

В ходе дальнейших дискуссий К. Радек проявил готовность пойти на отдельные уступки и согласился с требованием представителей Второго Интернационала гарантировать право обвиняемых эсеров на защиту во время предстоящего судебного процесса. И хотя он отказался обсуждать требование о возможном надзоре за процессом со стороны Интернационалов, но не возражал против предложения Макдональда допустить на процесс Вандервельде в качестве защитника. Также со стороны Радека нашла понимание позиция П. Фора, заявившего, что «исполнение смертных приговоров» сделает невозможным все усилия по сближению.

Обсуждение деталей соглашения продолжил комитет меньшей численности, члены которого выработали текст коллективного заявления, принятого всем составом конференции вечером 5 апреля. В нем указывалось, что хотя Второй Интернационал не считает возможным проведение всеобщего съезда в апреле, участники конференции достигли принципиального согласия созвать его как можно ранее. Признавалось необходимым организовать в апреле объединенные демонстрации трудящихся в международном масштабе – 20 апреля (в день начала Генуэзской конференции) или 1 мая. Придавая особое значение суду над социалистами-революционерами «конференция принимала к сведению заявление представителей Коммунистического Интернационала, что на процесс против 47 социалистов-революционеров будут допущены все требуемые ими защитники, что в этом процессе не будет допущено применение смертной казни, как это еще до конференции сообщалось в советской прессе. Ввиду публичного характера ведения процесса на нем сумеют присутствовать, в качестве слушателей, представители всех 3 Исполкомов (т.е. Интернационалов), которым разрешено будет фиксировать в стенограммах ход процесса для сообщения своим партиям». Текст резолюции берлинской конференции был написан на немецком и затем переводился на другие языки.

⁶² Бельгийская социалистическая партия (БСП) – основана в 1885 г. путем слияния существовавшей с 1879 г. Бельгийской социалистической партии с другими рабочими организациями и объединениями. В 1885–1940 гг. партия называлась Бельгийской рабочей партией. Руководителями ее в разные годы были Э. Вандервельде, К. Гюисманс, М. Бюзе, А. Роллен, П.А. Спаак, А. Ван Акер, П. Коллар. В 1914 г. численность БРП составляла 392 тыс. членов, в 1921 г. – 631 тыс. С 1916 г. и до 1921 г. представители партии входили в правительство и вышли из него под давлением низовых организаций.

⁶³ До слова «STOP» текст телеграммы идентичен приведенному в док. № 16-33.

⁶⁴ Второй Интернационал – международное объединение социалистических партий; основан в Париже в 1889 г. Создан при непосредственном участии Ф. Энгельса. Постоянный исполнительно-информационный орган (с 1900 г.) Международное социалистическое бюро. Распался в связи с началом Первой мировой войны. Восстановлен в 1923 г.

⁶⁵ Венский Интернационал (или двухсполовинный Интернационал) – полное название Международное рабочее объединение социалистических партий. Возник в феврале 1921 г. по инициативе центристов, покинувших т.н. Бернский Интернационал (правопреемник II Интернационала) с целью отмежеваться от скомпрометировавших себя правых социалистов. Лидерами Венского Интернационала, куда вошли многие центристски ориентированные социалистические партии Европы и США, были Ф. Адлер, О. Бауэр, Р. Гримм, А. Криспин, Ж. Лонге, Дж. Р. Макдональд, Ю.О. Мартов, В.М. Чернов и др. Представительские функции выполнял И.А.Рубанович, являвшийся бессменным представителем ПСР в МСБ II Интернационала с момента вступления в него в 1904 г. В мае 1923 г. Венский и Бернский Интернационалы образовали Социалистический рабочий Интернационал.

⁶⁶ Социал-демократическая партия Дании основана в 1871 г. как секция I Интернационала Л. Пио, П. Геллефом, К. Бриксом и др. С 1884 г. СДПД стала парламентской партией. В 1906 г. ее ряды насчитывали 77 тыс. членов (и 24 депутата в парламенте), а в 1918 г. свыше 260 тыс. членов (и 39 депутатов). В 1916 г. ее лидер Т. Стаунинг по решению партийного съезда вошел в правительство. В 1918 г. и 1919 г. от СДПД откололись две левые группы, результатом чего стало образование в 1920 г. Коммунистической партии Дании.

⁶⁷ Международная федерация профсоюзов, международное объединение реформистских профсоюзов, образованное в июне 1919 г. на конгрессе в Амстердаме (Нидерланды) на основе возрожденного довоенного Международного секретариата профсоюзов. В момент создания Амстердамский интернационал профсоюзов объединил профцентры 14 стран, общая численность которых составила 17738 тыс. чел. (в 1937 г. профцентры 26 стран, 19425568 чел.). Его политическая линия определялась реформистскими лидерами международного профдвижения (Ч. Эплтон, Ч. Ситрин (Великобритания), Л. Жуо (Франция), К. Мертенс (Бельгия) и др.). На 2-м конгрессе (ноябрь 1920 г., Лондон) была принята программа (введение 8-часового рабочего дня, аннулирование военных долгов, национализация земли и промышленности и др.). В повестку дня конгрессов включались такие вопросы, как социализация средств производства (Амстердамский конгресс 1919 г., Лондонский конгресс 1920 г.), о 8-часовом рабочем дне (конгрессы: в Лондоне в 1920 г., Риме в 1922 г., Вене в 1924 г. и в Париже в 1927 г.), об экономическом кризисе (Брюссельский конгресс 1933 г.), о милитаризме, войнах, и разоружении (конгрессы в Амстердаме в 1919 г., Риме в 1922 г., Вене в 1924 г., Париже в 1927 г., Стокгольме в 1930 г., Брюсселе в 1933 г., Лондоне в 1936 г.), о фашизме (конгрессы в Брюсселе в 1933 г. и Цюрихе в 1939 г.) и др. В 1937 г. руководство АИП начало переговоры с ВЦСПС об условиях вступления в него советских профсоюзов. Однако выработанное соглашение не было утверждено руководящими органами АИП. С началом 2-й мировой войны влияние АИП на международное рабочее движение резко ослабло. После капитуляции Франции в 1940 г. АИП фактически перестал существовать. Вследствие создания Всемирной федерации профсоюзов руководители АИП 14 декабря 1945 г. объявили о его роспуске.

⁶⁸ Белорусская партия социалистов-революционеров (БПСР). Официально провозглашена народническим течением Белорусской Социалистической Грома-

ды (БСГ) в июне 1918 г. Инициаторы создания – находившаяся в оппозиции ЦК БСГ народническая группа во главе с Ф.Ф. Грибом и П.А. Бодуновой. Состояла из членов левых и правых эсеровских организаций. Руководители: Гриб, Бодунова, И. Мамонько, С. Некрашевич, А. Карач. Позднее к ним присоединились видные деятели и идеологи белорусского политического движения В.Ю. Ластовский и А.И. Цвикевич. Партийная фракция в Раде Белорусской Народной Республики (БНР) находилась в оппозиции. Программные положения партии основывались на программе Белорусской социалистической громады (БСГ). БПСР стремилась играть ведущую роль в белорусском общественно-политическом движении. Члены партии отказались от идеи территориальной автономии Белоруссии в границах Российской демократической федеративной республики и выступали за независимость Белоруссии. К осени 1918 г. активно участвовала в сопротивлении германским оккупантам. Руководство БПСР отказалось признать провозглашенную 01.01.1919 БССР и в марте 1919 г. выступило против объединения Литвы и Белоруссии в одну советскую республику. После оккупации в июле 1919 г. Литовско-Белорусской ССР польскими войсками представители партии первоначально пытались достичь компромиссного соглашения с руководством Польской социалистической партии. Впоследствии белорусские эсеры перешли в оппозицию оккупационному режиму и участвовали в повстанческом движении. На состоявшейся в ноябре 1919 г. конференции в Минске БПСР заявила о разрыве с политическими партиями польской ориентации и окончании борьбы с советской властью. В то же время члены партии выступали за Белорусскую трудовую народную республику на основе диктатуры всего трудового народа. В декабре 1919 г. между БПСР и РКП(б) был заключен договор о сотрудничестве. Стремление к совместной деятельности подтверждалось в июле 1920 г., после освобождения Минска. В июле ЦК БПСР отказался подписать «Декларацию о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии», заявив о несоответствии содержания документа позиции БПСР и объявив себя политической оппозицией. Часть членов БПСР, находившихся на нелегальной работе в Западной Белоруссии создала Белорусскую революционную организацию (БРО), вошедшую в 1924 г. в КП Западной Белоруссии (КПЗБ). Состоявшийся 08.06.1924 в Минске съезд бывших членов БПСР заявил о полном распаде партии.

⁶⁹ Существовавшая с 1881 г. Демократическая федерация Великобритании в 1884 г. была преобразована в Социал-демократическую федерацию. Ее особенностью было наличие в ней не только марксистов, но и социалистов другой ориентации, например, анархистов. В 1906 г. вошла в Лейбористскую партию как автономная организация.

⁷⁰ Серию статей в большевистской печати, посвященных формированию позитивного образа Г.И. Семенова, Л.В. Коноплевой и других «раскаянных» бывших членов ПСР открыл Л.С. Сосновский публикацией «В ожидании суда» (Правда, 1922, 23 марта). В ней автор противопоставлял «товарищей» Семенова и Коноплеву, «честно служивших революции», «господину Чернову и К^о». «По Чернову ренегатами называются все те, кто отвернулся от партии с.-р., и пошел за коммунистами. Тогда Коноплева находится не в плохой кампании. Таких ренегатов миллионы».

Линию намеченного Сосновским противопоставления эсеровских вождей «искренним революционерам» продолжил Ем. Ярославский в статье «Общее дело контрреволюции» (Правда, 1922, 28 марта): «Пусть эти люди годами ошибались, пусть делали тягчайшие ошибки. Но что это за “клятва крови”, которую нельзя нарушить членам партии эс-эров, когда они видят, как ЦК ПСР стал явно контрреволюционной организацией!.. Семеновы и Коноплевы хотят делать общее дело с революционным пролетариатом и крестьянством[...] Всякий честный рабочий и крестьянин это поймут теперь, когда Чернов и К^о делают невероятные усилия уйти от гласного суда, а Семенов и Коноплева отдают на суд всей трудовой России поступки свои собственные и той партии, которая обманула их и всех трудящихся».

В «Правде» от 29 марта было опубликовано письмо Г.И. Семенова к одному из неназванных друзей, в котором он давал объяснение своему перерождению примерно в тех же выражениях и с той же мотивацией, что и Л.В. Коноплева в письме к Л.П. Серебрякову в январе 1922 г. (большевики развивают революцию, а ЦК ПСР борется против революции). Семенов, в частности, писал: «Я предвижу,

сколько грязи они (эсеры-эмигранты – *сост.*) выльют на меня. Ведь для них я предатель. Но я продумал до конца моральную сторону вопроса, и для меня слова не страшны. Здесь нет предательства. Предательством было бы скрывать от РКП свое прошлое и таить в себе от трудящихся факты огромной исторической важности. И когда моя правота стала мне ясна, меня уже не пугают перспективы сожжения на эсеровском костре. Пусть обливают грязью. Для мещан и контрреволюционеров я предатель, для коммуниста я исполнил свой долг. Тяжело мне все это невероятно, но я делаю революционное дело[...]».

⁷¹ Свержение Уфимской директории и установление военной диктатуры адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г. привели к изменению тактики ПСР. Проходившее в декабре 1918 г. в Уфе совещание отдельных членов ЦК партии и Исполкома съезда членов Всероссийского Учредительного собрания приняло решение «вооруженную войну с российской Советской властью прекратить и принять все меры, чтобы все вооруженные силы обратить против буржуазной реакции». Тогда же московская организация партии решила отказаться от вооруженной борьбы против Советской власти. Прошедшая в феврале 1919 г. в Москве конференция организаций ПСР на территории Советской России, отвергнув возможность соглашения как с большевиками, так и с буржуазной реакцией, высказалась за прекращение вооруженного сопротивления большевикам. Смена политической линии ПСР повлияла на принятие ВЦИКом 26 февраля 1919 г. постановления об отмене своего решения от 14 июня 1918 г. по отношению ко всем группам партии эсеров, признающим резолюцию февральской конференции ПСР. Им предоставлялось право «принимать участие в советской работе», а административным и судебным органам Советской власти предписывалось освобождать их из мест заключения. В то же время постановление не обеспечивало общей амнистии социалистам-революционерам. Амнистировались в индивидуальном порядке лишь те эсеры, которые соглашались написать личное заявление о личном отказе от применения силы против Советской власти. Объявленная в постановлении легализация была неполной и непоследовательной. Она зачастую использовалась карательными органами для обнаружения и ликвидации подпольных эсеровских групп. Партийные организации эсеров не имели возможности в полную меру пользоваться свободой печати, слова и собраний. Февральское постановление было вызвано прежде всего желанием правящих кругов обеспечить нейтралитет или даже поддержку социалистической оппозиции ввиду усиления угрозы реакции. (Обязательным условием освобождения арестованных по февральской амнистии эсеров ставилось подписание ими личного заявления о признании решений партийной конференции 8 февраля 1919 г.: «Я, член партии пр[авых] с[оциалистов]-р[еволюционеров], стоя на платформе резолюции партийной конференции от 8 февраля 1919 г., отвергнувшей всякие попытки вооруженной борьбы с советской властью, решительно высказавшейся против иностранного вмешательства и потребовавшей очищения территорий, занятых иностранными войсками, призвавшей партийные организации к свержению реакционных правительств в областях, находящихся во власти германских и союзных империалистов, и решительно отвергнувшей союз с буржуазными партиями, прекратившей борьбу на восточном фронте и призвавшей свои войска действовать против Колчака совместно с советской властью, даю настоящую подписку в том, что признаю эту резолюцию и отказываюсь от вооруженных и других противозаконных действий против советской власти» (Дело народа. 1919. 21 марта)).

⁷² На этом же заседании Пленума ЦК РКП(б) вторым пунктом было рассмотрено предложение Троцкого «О контрагитации за границей по поводу анархистов, меньшевиков, эсеров и пр.».

Пленум принял решение «Просить организовать контрагитационную кампанию за границей тт. Суварина и Крестинского (под руководством т. Троцкого)» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 2).

В приложении к п. 2 протокола № 1 Пленума от 3/IV-22 г. дана заверенная Ш. Манучарьянц машинописная копия письма Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК от 2 апреля 1922 г., в котором последний предлагал комплекс мероприятий по развертыванию контрпропаганды за рубежом по поводу анархистов, меньшевиков, эсеров и ситуации в Грузии, направленной на широкие рабочие круги.

В п. 4 письма он указывал: «После брошюры Семенова мы опубликовали о суде. Это послужило лишь призывом к заграничным эс-эрам и их союзникам –

мобилизовать общественное мнение. Они свою задачу выполнили с энергией и успехом. Мы не ударили пальцем о палец для сообщения фактов, документов и пр. По этому поводу необходима строго документальная книжка, которая могла бы служить источником всякой информации для наших единомышленников и друзей за границей[...].

Так как тов. Суварин интересуется этим делом и готов взять на себя значительную часть работы (в форме документальных книг, брошюр), то думаю, что нужно ему оказать всякое содействие, т. е. обязать соответственные комиссариаты, учреждения (в особенности Госполитуправление) представлять ему необходимые для его работы материалы и сведения. Облегчить ему техническую сторону дела (переписка, переводы, разъезды и пр.) [...] P.S. Вопрос о нашей заграничной контр-кампании имеет сейчас колоссальное значение. Надо ЦК серьезно взять это дело в свои руки». (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 78. Л. 4).

В очередной своей записке в Политбюро от 9 апреля 1922 г. Л.Д. Троцкий отмечал, что в международном масштабе наиболее остро стоят вопросы о Грузии и предстоящем процессе эсеров. В частности, он предлагал программу действий за рубежом, в т.ч.: «[...]п. 10. Чтобы давать европейской коммунистической печати своевременно соответственный материал, отвечать на обвинения, особенно в связи с процессом эс-эров и пр., следовало бы, может быть, т. Сосновского поселить в Берлине при т. Крестинском. Л. Троцкий» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1381. Л. 10; Ф. 17. Оп. 163. Д. 271. Л. 40.) (см. док. № 17-42).

⁷³ Очевидно, речь идет о социал-демократах-интернационалистах.

⁷⁴ Партия революционного коммунизма (ПРК) образована на съезде организаций левых эсеров, состоявшемся в Москве 25–28.09.1918. В его работе принимали участие представители 15 губернских организаций с 60 решающими голосами (15 человек – фракция ЦИК, 40 – представители уездных организаций, 5 – губернских), 3 члена партии эсеров-максималистов и 8 – Партии народников-коммунистов. Съезд избрал президиум в составе А.Л. Колегаева, А.А. Биценко, Сапожникова, Симановской, А.М. Устинова) и мандатную комиссию: Егошин, Луков, Корев. Большинством голосов съезд высказался за полное отмежевание от Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов) (ПЛСР(и)) и создание самостоятельной партии – партии революционного коммунизма. Одновременно подтверждалась преемственность программ ПЛСР(и) и ПРК и заявлялось, что выделение было вызвано несогласием с тактикой партии левых эсеров, делающей невозможной реализацию партийной программы. Решением съезда принимался принцип партийного строительства «снизу вверх», предусматривающий автономность местных организаций. Высший орган – Всероссийский съезд ПРК, решения которого были обязательны для всех местных организаций. Политическое руководство между съездами возлагалось на Всероссийские конференции ПРК, которые планировалось собирать не реже раза в 2 месяца (по 1 делегату от губернских партийных организаций). Подчеркивая значение советской власти в деле построения социализма, 1-й съезд ПРК выдвинул лозунг «Все в Советах и через Советы». В основу деятельности советского государства революционные коммунисты считали необходимым положить организованное принуждение, использование массового террора, репрессий (по крайней мере на начальном этапе), исключение всех правовых основ буржуазного государства и замену их единственным принципом – принципом труда. Выразив полную поддержку советской власти, съезд предложил ряд экономических и социально-политических мер, направленных на ее укрепление и развитие. ПРК провозглашала себя «партией широких масс города и деревни», но ориентировалась преимущественно на крестьянство. Основные направления экономической программы партии составляли: национализация торговли, натурализация зарплаты, ликвидация денежной системы, всеобщая трудовая повинность. Наибольшие разногласия с РКП(б) возникли в области продовольственной политики. Революционные коммунисты осуждали создание комитетов, «противопоставляющих деревенскую бедноту трудовому крестьянству и толкающему последнее к кулакам». Выступая в поддержку «наступления на кулачество», ПРК критиковала допускавшиеся перегибы, призывала не объявлять кулаками всех крестьян, продающих излишки хлеба; выступала за последовательное проведение в деревне социализации земли. В середине ноября 1918 г. из партии перешли в РКП(б) члены ЦК Колегаев, Биценко, А. Александров, В. Черный и Доброхотов. Они отрицали необходимость существ-

вованя ПРК как самостоятельной партии, имевшей только идеологические расхождения с РКП(б), полагая, что партия, становясь массовой, неизбежно стремится к захвату власти, то есть становится контрреволюционной. Состоявшийся 02.12.1918 в Москве 2-й партийный съезд отметил сближение ПРК и РКП(б), которое, по мнению теоретиков партии должно происходить не на почве ортодоксального марксизма, а интегрального социализма. Революционные коммунисты требовали заменить «однобокую диктатуру пролетариата» диктатурой всего класса трудящихся. В декабре 1919 – декабре 1920 г. ввиду сопротивления революционеров-коммунистов продовольственной политике большевиков местные организации ПРК подвергались репрессиям. 4-й съезд ПРК в октябре 1919 г. отметил «затруднения в работе с массами», ослабление связей ЦК с местными организациями и сокращение численности партии. 5-й съезд партии (28.04.–02.05.1920), подчеркивая, что «политическая и экономическая диктатура должна опираться на власть всех трудящихся», тем не менее принял резолюцию, обязывающую членов ПРК поддерживать все мероприятия советской власти. Открывшийся в Москве 22.09.1920 6-й съезд ПРК принял решение о самороспуске партии (насчитывавшей 1625 членов и сочувствующих) и слиянии ее с РКП(б).

⁷⁵ Еврейская социал-демократическая партия «Поалей-Цион». Первая партийная группа на территории России создана в 1900–1901 гг. Возникшие в 1901–1902 г. организации «сионистов-социалистов Поалей-Цион» первоначально не имели конкретной программы и организационных связей между собой. На основе кружков «Поалей-Цион» в России в 1904–1906 гг. были образованы партии – Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), Социалистическая рабочая партия (СЕРП), Еврейская территориалистическая рабочая партия (ЕТРП). В августе 1905 г. произошло объединение поалейционистов-палестинофилов на конференции в Цюрихе в «Еврейскую социал-демократическую рабочую партию» (ЕСДРП). На конференции организаций «Поалей-Цион» Юго-Западного края в Бердичеве (декабрь 1905 г.) произошел раскол вследствие различного понимания вопроса национальной автономии в диаспоре. Часть групп созвала в феврале 1906 г. в Полтаве Всероссийский съезд и подтвердила наименование Еврейская с.-д. рабочая партия Поалей-Цион. 20–29.07.1907 на 2-м съезде «Поалей-Цион» в Кракове была принята программа. В ней указывалось, что программой-максимум партии является обобществление средств производства и переустройство общества на социалистических началах путем классовой борьбы пролетариата в рядах интернациональной социал-демократии. Основным пунктом программы-минимум являлось требование территориальной автономии на демократических началах для евреев в Палестине. В середине 1906 г. партия объединяла около 16 тыс. членов. Во время 1-й мировой войны подавляющее большинство поалейционистов занимало интернационалистские позиции. Перед Февральской революцией в партии состояло 2,5 тыс. членов. К лету 1917 г. ее численность увеличилась до 12–16 тыс. Осенью 1917 г. партия образовала политический блок с меньшевиками-интернационалистами. Встретив враждебно октябрьский переворот, поалейционисты требовали перехода власти к Учредительному собранию, но отвергали вооруженную борьбу против большевиков. В июне 1918 г. представители партии были исключены из состава Советов, однако «Поалей-Цион» сохранила право на легальное существование. В период гражданской войны поалейционисты участвовали в борьбе с белым движением. ЦК партии создавал национальные формирования для борьбы с белогвардейцами и объявил мобилизацию своих членов в Красную армию. В 1919 г. из «Поалей-Цион» выделились правая группировка («Поалей-Цион» УНР) и левая фракция, образовавшая Еврейскую коммунистическую партию «Поалей-Цион» (август 1919 г.). В августе 1920 г. ЕКП «Поалей-Цион» вместе с родственными ей партиями европейских стран создала Всемирный еврейский коммунистический союз «Поалей-Цион». В 1919–1922 гг. ЕКП «Поалей-Цион» порвала со Всемирным еврейским коммунистическим союзом «Поалей-Цион». В декабре 1922 г. ЕКП на территории советских республик самораспустилась. Из продолжавших политическую деятельность членов партии часть была принята в РКП(б), а представители правого течения создали Еврейскую рабочую коммунистическую партию. Последние группы «Поалей-Цион» в СССР прекратили свое существование летом 1928 г.

⁷⁶ Бунд, Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России – социал-демократическая организация еврейских ремесленников и промышленных ра-

бочих западных областей Российской империи. Ставшие основой Бунда просветительские кружки и стачечные кассы еврейских ремесленников и рабочих первой половины 1890-х годов, возглавлялись еврейскими марксистами Т.М. Копельзоном, А.И. Кремером, И. Милем (Джоном), П. Берманом, И.Л. Айзенштадтом и др. Состоявшийся 05–27.09.1897 в Вильно Учредительный съезд представителей групп еврейских социал-демократов Вильно, Минска, Белостока, Варшавы, Витебска основал Бунд и избрал ЦК партии – Кремер, Л. Гольдман, М.Я. Левинсон (Косовский), Миль, Д. Кац и др., редколлегия центральных печатных органов – газеты «Арбейтер штимме» («Рабочий голос») и журнал «Идишер Арбейтер» («Еврейский рабочий»). В 1898 г. Бунд участвовал в подготовке и проведении 1-го съезда Российской социал-демократической рабочей партии и вошел в РСДРП как организация, автономная в вопросах, касающихся еврейского пролетариата. В 1905–1907 гг. Бунд состоял из 274 организаций, объединявших около 34 тыс. членов. До ноября 1906 г. в тактике бундовцы сближались с большевиками (поддержка бойкота «Булыгинской думы» и 1-й Государственной думы, союза пролетариата с крестьянством, неприятие лозунга кадетского министерства). Прошедшая в марте 1906 г. в Берне 7-я конференция Бунда высказалась за объединение с РСДРП и сняла требование признания партии «единственным представителем еврейского пролетариата». На 4-м съезде РСДРП Бунд вошел в общероссийскую социал-демократическую партию. Поражение Революции 1905–1907 гг. вызвало поворот Бунда на позиции меньшевизма. Численность партии в октябре 1910 г. составляла около 2 тыс. чел. В начале 1-й мировой войны в Бунде появляются организации франкофильской и германофильской ориентации, однако основная часть бундовцев занимала патриотические позиции. Конференции Бунда (июнь 1915 г., Киев; май 1916 г., Харьков) призвали еврейских рабочих выступить в защиту отечества. Партия участвовала в Циммервальдской конференции (5–8 сентября 1915 г., Швейцария) и с оговорками признала ее решения. После Февральской революции 1917 г. численность Бунда возросла до 34 тыс. чел.; его представители работали в Петроградском, Московском и во многих региональных Советах рабочих и солдатских депутатов. Партия поддерживала Временное правительство. Она вела переговоры с кадетами, но воздерживалась от сотрудничества с большевиками. Октябрьский переворот партийные организации встретили негативно и рассматривали его как «узурпацию народной воли». «Активистское» крыло партии (М. Либер и др.) считало допустимым вооруженное свержение большевиков, многие бундовцы (Р.А. Абрамович и др.) высказывались за переговоры с коммунистами. 8-й съезд Бунда (декабрь 1917 г.) заявил о парламентском, демократическом изживании большевизма. После разгона Учредительного собрания и подписания Брестского мира (март 1918 г.) Бунд стал склоняться к необходимости вооруженного свержения большевистской власти. В мае 1918 г. в партии возобладали сторонники «борьбы с большевизмом в Советах и путем Советов». 11-я конференция Бунда в марте 1919 г. признала Советскую власть, отметив, что бундовцы «не берут целиком ответственности за ее политику и остаются на платформе тактической оппозиции». В апреле 1919 г. ЦК Бунда объявил партийную мобилизацию в Красную армию и призвал еврейский пролетариат выступить на защиту революции и Советской власти. В Белоруссии левые бундовцы получили статус автономной организации и создали Еврейскую коммунистическую партию. На Украине левые бундовцы объединились в Коммунистический Бунд (Комфарбанд). 12-я конференция (март–апрель 1920 г., Москва) приняла решение о выходе Бунда из меньшевистской партии, признании программы РКП(б) и присоединении к Коминтерну. 13-я (Чрезвычайная) конференция Бунда заявила о присоединении партии к РКП(б) на условиях Коминтерна. Отказавшиеся признать это решение правые бундовцы объединились на конференции в Витебске (апрель 1920 г.) в Социал-демократический Бунд. В 1920–1930-е гг. многие члены и руководители бундовских организаций подвергались репрессиям. В марте 1921 г. на территории Советской России Бунд самоликвидировался и многие члены партии были приняты в РКП(б).

⁷⁷ Члены Политбюро, оповещенные Сталиным о затеваемом В.М. Черновым против редактора «Нового Мира» в Берлине процессе, приняли опросом по телефону 8 мая 1922 г. следующее решение: «[Слушали] Об оттяжке суда над Керстеном в Берлине, привлекаемого Черновым за клевету (письмо тов. Крестинского №

482). [Постановили] Оттянуть суд до окончания Московского суда над эсерами» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1385. Л. 4).

⁷⁸ РОСТА – Российское телеграфное агентство при ВЦИК, было создано 7 сентября 1918 г. путем объединения Бюро печати при ВЦИК и Петроградского телеграфного агентства, а с декабря 1920 г. было подчинено Главполитпросвету.

⁷⁹ Назначенная Пленумом Верховного трибунала ВЦИК заведующей следственным производством по делу «правых эсеров» Е.Ф. Розмирович была женой председателя Верхтриба Н.В. Крыленко.

⁸⁰ Вопрос о кандидатах в председатели Верхтриба в судебном заседании по делу ПСР активно обсуждался с конца апреля, т. е. с момента передачи материалов предварительного следствия из ГПУ в Верхтриб. Функционерами самого Трибунала, в частности А. Галкиным, предлагалась кандидатура Н.В. Крыленко. Однако последний неоднократно проявлял «неуступчивость» и самостоятельность не только в отношении с сотрудниками ГПУ, проводившими предварительное следствие, но и с членами «тройки». Поэтому и Л. Каменев и Л. Троцкий предпочли отвести Крыленко важную, но не ключевую роль государственного обвинителя, а на роль председателя определили Г.Л. Пятакова, который, не имея богатого юридического опыта, являлся весьма опытным политиком, умело действовавшим в экстремальных ситуациях периода гражданской войны, а также владевшим несколькими иностранными языками и известным в западных левых кругах со времен пребывания в эмиграции. 6 мая 1922 г. Л. Троцкий от имени «тройки» направил для опроса членов Политбюро следующую почтотелеграмму: «[...]Обсудив всесторонне вопрос о кандидатах в председатели Трибунала и имея в виду чрезвычайную сложность дела, наличие в нем искусных в юридических делах иностранцев и пр., тройка остановилась на т. Пятакове как на единственно подходящем кандидате из всех названных и настаивает на его утверждении в Политбюро». Опрос, проведенный работником аппарата ЦК Е. Шерлиной, выявил единодушие членов Политбюро. При этом на опросном листе зафиксирована следующая поправка: «Если не будет отвода со стороны самого т. Пятакова» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 275. Л. 23–24).

По мнению Д.Б. Рязанова, часто бывавшего на процессе, Пятаков отлично выполнял возложенную на него роль (см. док. № П-72).

⁸¹ В апреле 1922 г. в Берлине на конференции представителей трех Интернационалов (Второго, двухполовинного и Третьего) было принято решение о созыве Всемирного рабочего конгресса (без участия профсоюзов, точный срок не был установлен) и избран оргкомитет – комиссия девяти из представителей трех интернационалов. Ее первое и последнее заседание состоялось 23 мая 1922 г. Оно открылось заявлением II Интернационала, зачитанного Р. Макдональдом, в котором отвергалась не только идея Всемирного рабочего конгресса, но и все единые действия с коммунистами, требовалось изменение Коминтерном «своего образа действий». К. Радек в ответ заклеил «саботаж единства». Представитель 2 1/2 Интернационала Ф. Адлер заявил, что установить срок созыва конгресса невозможно. ИККИ заявил о выходе из комиссии девяти.

⁸² См. комм. 62 к приложениям.

⁸³ Имеется в виду книга воспоминаний Лесли Хейдна Геста о посещении Советской России, вышедшая в Великобритании в 1921 г.

⁸⁴ В связи с необходимостью подготовки квалифицированных кадров ученых-марксистов, в мае–июне 1918 г. по инициативе М.Н. Покровского и М.А. Рейснера и при поддержке В.И. Ленина Совнарком и Наркомпрос приступили к организации Социалистической академии общественных наук, которая должна была стать ведущим научным центром страны в области изучения и пропаганды марксистской теории. Торжественное открытие академии состоялось 1 октября 1918 г. В 1923 г. переименована в Коммунистическую (Комакадемию). Упразднена с передачей ее институтов и ведущих сотрудников в состав Академии наук СССР в феврале 1936 г.

⁸⁵ См. док. № 16-81.

⁸⁶ Чешская социалистическая партия, Чешско-словацкая партия национальных социалистов, Партия национальных социалистов (НСП) – создана в 1918 г. Партийная программа опиралась на идеи Т.Г. Масарика и Э. Бенеша, изложенные по-

следним в начале 1920-х гг. в работе «Трудности демократии». По данным центрального аппарата партии в начале 1920-х гг. ее численность составляла более 115 тыс. членов, из них более 40 % составляли рабочие (в основном занятые на небольших промышленных предприятиях и в мастерских, но высокооплачиваемые), государственные служащие, чиновники, ремесленники и торговцы (около 40 %), а также представители интеллигенции и крестьянства. Под влиянием национальных социалистов находился крупный профсоюз – Чехословацкое рабочее объединение, насчитывавшее к концу 1920-х гг. до 300 тыс. членов. Из них более половины были представителями мелкой буржуазии, служащими и чиновниками. Со вступлением в 1923 г. в партию министра иностранных дел Э. Бенеша она стала массовой опорой правительства. Используя тактику парламентской оппозиции в период буржуазной коалиции второй половины 1920-х гг. НСП добилась заметного усиления на парламентских выборах 1929 г. и превратилась в массовую партию. В основе реформистской ориентации НСП состоял принцип гуманной демократии с платформой парламентаризма. В принятой в 1931 г. программе партии содержалось требование преодоления прежних установок либералистического капитализма. НСП подчеркивала, что она «не выступает против частной собственности, если последняя является результатом честных трудовых усилий и не ведет к эксплуатации. Партия отвергает марксизм, считая его теорию устаревшей и не соответствующей сложной реальной действительности». Партия не игнорировала классовый подход, однако заявляла, что «не существует лишь два класса, как по Марксу, развитие идет совсем не в сторону неуклонного упрощенного развития общества». Новым кредо НСП провозглашалась «ни в коем случае не классовая борьба, а классовое сотрудничество». Воплощение идеи практического социализма НСП видела в обязательном участии рабочего класса во власти и в правительстве. Основой провозглашавшихся принципов т.н. «конструктивного социализма» НСП считала «не диктатуру и террор, а демократию как возможно большую степень свободы». Партия отстаивала принципы частной собственности, а также активного регулирования и вмешательства в экономические процессы со стороны государства.

⁸⁷ Генуэзская конференция 1922 (10 апреля – 19 мая) – Международная конференция по экономическим и финансовым вопросам с участием 28 европейских государств и России, а также 5 британских доминионов. Российская делегация выразила готовность обсудить вопрос о форме компенсации бывшим иностранным собственникам в России при условии признания Советов де-юре и предоставления ей кредитов и внесла предложение о всеобщем разоружении. Вопросы, стоявшие на Генуэзской конференции, разрешены не были, часть из них была перенесена на Гаагскую конференцию 1922 г. В ходе Генуэзской конференции российской дипломатии удалось заключить Рапальский договор 1922 г. с Германией.

⁸⁸ Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Пражский Земгор) было образовано 17 марта 1921 г. с целью оказания всех видов помощи российским эмигрантам в Чехословакии. Издавался «Бюллетень Пражского Земгора» (Прага, 1929–1931, № 1–12). Во главе общества стояли Комитет Земгора и президиум Комитета Земгора. Основную часть деятелей Пражского Земгора составляли члены партии эсеров. Председателями правления поочередно были В.М. Зензинов, В.Я. Гуревич, Д.М. Брушвит. Организация финансировалась правительством Чехословакии, с прекращением в феврале 1932 г. правительственных субсидий деятельность объединения закончилась. Ликвидационный комитет действовал до 1935 г.

⁸⁹ «Современные записки» – общественно-политический и литературный журнал, выходивший в Париже в 1920–40 гг. (первые два года ежемесячно, затем – ежеквартально). Редакционная коллегия: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев. Тираж: 2000–3000 экз. Согласно издателям журнала, стремившимся превратить журнал в орган всей российской эмиграции, «посвященный прежде всего интересам русской культуры», ему предназначалось, будучи «внепартийным» изданием, «проводить ту демократическую программу, которая, как итог русского освободительного движения XIX и XX в., была провозглашена и воспринята народами России в мартовские дни 1917 г.». Редакция заявляла о готовности к самому широкому сотрудничеству, «устраняя вопрос о принадлежности авторов к той или иной политической группировке».

ровке, – для всего, что в области художественного творчества, научного исследования или искания общественного идеала представляет объективную ценность с точки зрения русской культуры». Политическое направление журнала неоднократно подвергалось критике со стороны ЦК и ЦБ (ЦОБ) ПСР как правое, совершенно не соответствующее официальной партийной позиции и во многом ей противоречащее. Однако подобная реакция не находила понимания у редакторов «Современных записок». (О материалах журнала «Современные записки» и деятельности его редакционной коллегии см.: Вишняк М.В. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб.; Дюссельдорф, 1993).

⁹⁰ «Die Rote Fahne» («Красное знамя») – ежедневная немецкая газета коммунистического направления, выходящая с ноября 1918 г. сначала как орган группы «Союз Спартака», затем как центральный орган компартии Германии (с 1935 до 1939 г. печаталась в Праге, затем в Брюсселе).

⁹¹ Независимая социал-демократическая партия Германии образована в апреле 1917 г. на базе левого крыла Социал-демократической партии. В декабре 1918 г. основная часть ее членов вошла в Коммунистическую партию Германии.

⁹² В документе ошибка. Речь идет о британской рабочей (лейбористской) партии.

⁹³ «Freiheit» («Свобода») – газета, орган независимой социал-демократической партии Германии. Выходила в Берлине в 1918–1922 гг. Редактор Е. Раух. Позднее издавался журнал с тем же названием.

⁹⁴ Центральное бюро по обслуживанию иностранцев (Бюробин) НКВД было создано в 1921 г. и занималось комплексным обслуживанием аккредитованных иностранных представительств. С 1947 г. – Управление по обслуживанию дипломатического корпуса при МИД СССР (УпДК). В 1989 г. УпДК преобразовано в Главное производственно-коммерческое управление по обслуживанию дипломатического корпуса при Министерстве иностранных дел СССР (ГлавУпДК).

⁹⁵ Одновременно с берлинскими переговорами между Н.Н. Крестинским и лидерами ЗД ПСР об иммунитете для них на период процесса в случае приезда в Москву руководство Верхтриба обратилось 17 мая 1922 г. к наркому юстиции Д.И. Курскому на предмет преодоления правовой коллизии, порожденной тем, что допущенные к защите В.В. Сухомлин и др. одновременно подлежат привлечению к суду как обвиняемые. В своем ответе Д.И. Курский отмечал: «Сообщаю, что указанные в Вашем отношении лица действительно извещены мною на основе телеграфного сношения с Полномочным Представителем в Берлине т. КРЕСТИНСКИМ о разрешении им выступить в качестве защитника на предстоящем процессе, почему предлагаю Вам на основании ст. 46-й “Положения о Народном Суде” и в изъятие из ст. 17-й [их] в качестве защитников допустить, одновременно объявив гр. ЗЕИЗИНОВУ и СУХОМЛИНОВУ (так в документе – *сост.*), что срок иммунитета для них окончится с момента доставления их после окончания процесса обратно на пограничный пункт» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 14–14 об.).

23 мая 1922 г. зав. Следственным производством Верхтриба Е.Ф. Розмирович подписала постановление, согласно которому в отношении лидеров и активистов ПСР, подлежащих по обстоятельствам дела привлечению в качестве обвиняемых по данному делу[...] впредь до возвращения в РСФСР из-за границы [...] делопроизводством выделить» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 431–432).

⁹⁶ 25 мая 1922 г. в г. Новониколаевске состоялся открытый судебный процесс над командованием бывшего отдельного Оренбургского корпуса колчаковской армии во главе с командующим корпусом генералом Бакичем. Подсудимых в количестве 17 чел. (6 генералов, 6 полковников, 2 подполковника, штабс-капитан, корнет, священник) судила военная коллегия Сибирского отделения Верхтриба при ВЦИК (председатель Опарин, члены Хроматко и Вележев). Коллегия приговорила к высшей мере наказания 6 чел. (генералов Бакича и Смольнина, полковников Сизухина и Токарева, штабс-капитана Козьминых и корнета Шегабетдинова). Остальные получили различные сроки тюремного заключения и условного осуждения. Ем. Ярославский, выступая на процессе в роли общественного обвинителя, стремился связать действия командования корпусом с деятельностью ПСР. В своей статье по итогам процесса, напечатанной в «Правде», Ярославский утверждал, что

генералы во главе с Бакичем одобряли программу Сибирского Крестьянского Союза и готовы были ее реализовывать.

⁹⁷ Весьма осторожное отношение к идее организации массовых крестьянских союзов, существовавшее у работавших в условиях подполья эсеровских функционеров, последние выражали в инструктивных письмах, рассылаемых на места осенью 1921 – начале 1922 г. Так, в информации Сиббюро ЦК РКП(б), направленной 5 января 1922 г. губкомам РКП(б) Сибири, сообщалось для сведения содержание одного из таких писем. В нем, в частности, отмечалось: «[...]Сибкрайком [ПСР – *сост.*] считает, что опыт восстания (так в тексте – *сост.*) крестьянских союзов в Сибири показал нецелесообразность создания их в данный момент, в виду проникновения туда чекистов и контр-революционных стремлений у части крестьянства. Когда в Сибири созреют для создания крестьянского союза условия, Сибкрайком даст указания» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 155. Л. 30).

⁹⁸ Кампания вокруг процесса ПСР в Сибири, как и в других частях российской провинции, проходила с середины мая до конца июня 1922 г. весьма жестко организованном сверху образом. Агитпропотделы губкомов и обкомов РКП(б) обязывались регулярно отчитываться о всех проведенных в связи с этим массовых мероприятиях. Партийные комитеты посылали в Сиббюро ЦК РКП(б) сводки о ходе кампании, где указывали следующие сведения: количество проведенных митингов, число участников, задаваемые докладчикам вопросы, характер выносимых на митингах и собраниях резолюций (учет велся отдельно по губернскому городу и уездам). Для придания большей организованности «народному волеизъявлению» агитпропы рассылали в низовые парткомы образцы резолюций требуемого содержания.

Однако в сводках, присылаемых из провинции и предназначенных для опубликования, акцент делался на «инициативу снизу». Так, Омским агитпропом отмечалось: «Эта кампания, прошедшая в Омске и по губернии с сильным подъемом и большой сознательностью, дала возможность Омскому рабочему и крестьянству выявить свое политическое настроение[...]. Кампания в Омске как раз совпала с годовщиной чехо-словацкого восстания, что придало ей массовый демонстративный характер. Громадная демонстрация 5 июня с числом участников более пяти тысяч человек (из них кр[асно]арм[ейцев] до 3 тыс.), многочисленные плакаты с лозунгами, настойчиво требующими сурового наказания, шлющих проклятия, призывающих вспомнить погибших рабочих в борьбе с чехо-эсеровской контр-революцией, слили Омский пролетариат в одну дружную семью».

По подсчетам функционеров, на 55 митингах и собраниях в г. Омске и 9-ти мероприятиях в губернии присутствовали 18,5 тыс. участников.

В сводке за середину июня отмечался ряд типичных вопросов, заданных докладчикам: «О работе эс-эров в Омске, Крестьянском союзе и за границей, что мы потеряем если разстреляем эс-эров. Можно ли разстрелять эс-эров после данного обещания на Берлинском совещании Интернационалов. Всю ли партию эс-эров судят. Судят ли левых эс-эров и максималистов».

В графе «Характер вынесенных резолюций» указывалось: «Резолюции принимались резко враждебные к эс-эрам, требующие вплоть до высшей меры наказания и предания суду всей партии эс-эров и объявления вне закона» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 263. Л. 52, 58).

Вместе с тем функционеры из Сиббюро ЦК РКП(б) давали мероприятиям более сдержанные оценки. В информационном письме Секретариату ЦК РКП(б) от 13 июня 1922 г. отмечалось: «Кампания вокруг процесса эс-эров развернута нами довольно солидная, но большого энтузиазма в массах не замечается» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 106. Л. 285 об.).

⁹⁹ Число и состав обвинителей на процессе определялись в течение мая – начала июня. Основным (государственным) обвинителем был назначен Н.В. Крыленко. Другие – А.В. Луначарский и М.Н. Покровский – выполняли функции политического обвинения. При этом М.Н. Покровский был включен в состав обвинителей специальным постановлением Пленума ЦК РКП(б) от 16 мая 1922 г. (см. док. № 16-75).

¹⁰⁰ Речь, предположительно, идет о санкционировании партийным Пленумом действий ГПУ по производству арестов участников эсеровского подполья, а также бывших членов ПСР в крупных российских городах, в первую очередь в Москве и Петрограде. Аресты прошли накануне процесса и принесли некоторые ожидаемые чекистами результаты. Так, 7 июня 1922 г. в Москве был арестован один из руко-

водителей тогдашнего подполья Г.К. Покровский и ряд других эсеровских активистов. Аналогичные акции московские чекисты проводили еще дважды: в ночь на 29 июля и в ночь на 2 сентября 1922 г.

¹⁰¹ В феврале 1919 г. для борьбы с контрреволюцией в мелкобуржуазной среде, среди интеллигенции и служащих культов организован Секретный отдел ВЧК (СО ВЧК), который входил в созданное в январе 1921 г. для объединения деятельности всех оперативных подразделений Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК. После реорганизации 06.02.1922 Всероссийской чрезвычайной комиссии в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР преобразован в Секретный отдел ГПУ (СО ГПУ). В 1931 г. Секретный и Информационный отделы были объединены в Секретно-политический отдел (СПО) ОГПУ НКВД.

¹⁰² Имеется в виду поселок Воронцово на окраине Москвы (в начале 1920-х гг. на его территории располагалась бывшая усадьба и т.н. Воронцовский парк).

¹⁰³ Нансеновский комитет, миссия Нансена – созданный в 1921 г. по инициативе Ф. Нансена «Международный комитет помощи голодающим России». В 1921–1922 гг. комитет организовал доставку в Советскую Россию около 5 млн. пудов продовольствия, более 40 тыс. пудов медикаментов и выдал 250 млн. суточных пайков.

¹⁰⁴ Прибывших 25 мая вечером в Москву для участия в судебном процессе иностранных защитников (Э. Вандервельде, А. Вотерс, К. Розенфельд, Т. Либкнехт) встречала на Виндавском вокзале (в настоящее время Рижский вокзал) организованная советскими властями многотысячная демонстрация. Демонстранты держали транспаранты с лозунгами: «Долой предателей рабочего класса», «Каин, Каин, где брат твой Карл?», «Позор защитнику убийц брата своего Карла Либкнехта» и др. Исполнялись сочиненные к присъезду защитников сатирические песни и частушки («Жаль, что нам, друзья, его [Вандервельде] повесить здесь нельзя»). Прорвавшаяся через милицейский заслон толпа мешала защитникам пройти к автомобилю, осыпала их оскорблениями и угрожала избиением. По мнению К. Розенфельда, демонстрация возглавлялась Н.И. Бухариным, которого он опознал среди ее участников.

¹⁰⁵ Памятник Революции (обелиск Свободы – архитектор Д.П. Осинов, скульптор Н.А. Андреев) установлен в 1918 г. на месте снесенного монумента генерала М. Скобелева. Разобран в 1930-е гг. В 1954 г. на этом месте возведен памятник Юрию Долгорукому.

¹⁰⁶ Рапалльский договор 1922 г. – Советско-германский договор, подписанный 16 апреля в г. Рапалло, во время Генуэзской конференции, о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связях.

¹⁰⁷ Международный красный крест – международная общественная организация, объединяющая Лигу обществ Красного Креста (ЛОКК), Международный комитет Красного Креста (МККК) и национальные общества. ЛОКК создана в 1919 г.; в нее входят национальные общества Красного Креста, Красного Полумесяца, Красного Льва и Солнца. МККК основан в 1863 г.; состоит из швейцарских граждан; в качестве нейтрального посредника оказывает гуманитарную помощь во время вооруженных конфликтов (Нобелевская премия мира, 1917 г., 1944 г., 1963 г.). Местопробывание: Женевы.

¹⁰⁸ Лефортовская следственная тюрьма ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ СССР в Бауманском районе Москвы. Бывший дворец Ф. Лефорта. Построен в конце XVIII в. Позже военная и каторжная тюрьма. Здание тюрьмы состоит из трех корпусов, образующих букву «К»; вход в камеры – с галереи или мостиков; все три этажа – сквозные. После самоубийства в 1920-х годах нескольких подследственных междуэтажные проемы были покрыты металлической сеткой. В главном здании расположено 260 камер. В настоящее время основные корпуса находятся внутри квадрата более высоких зданий, в которых находятся кабинеты следователей и дополнительные камеры.

¹⁰⁹ Рекомендация Д.З. Мануильского о допущении в качестве защитника обвиняемых 2-й группы опытного юриста П.А. Шубина (Виленского) была направлена для рассмотрения в «тройку». В своем заседании 3 июня 1922 г. члены «тройки» сочли целесообразным вывести из группы защитников В.И. Вегера и

С.С. Зорина, которые, будучи пропагандистами и публицистами, мало что могли прибавить к усилиям своих более маститых коллег вроде Н.И. Бухарина, И.Н. Стукова и др., и усилить эту группу Шубиным. 6 июня 1922 г. Распорядительное заседание Верхтриба утвердило это решение со следующей мотивировкой: «[...]Шубина-Виленского назначить вместо Вегера и Зорина, которые отказались от защиты ввиду перегруженности работой» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 516). Последующие события, особенно завершающая стадия процесса, прения сторон показали правильность этого решения: выступление П.А. Шубина в защиту Л.В. Коноплевой, построенное в юридическо-правовом, а не пропагандистско-политическом ключе сделало последнего едва ли не самым значительным оппонентом М.Я. Гендельмана, выступавшего «самозащитником» обвиняемых 1-й группы.

¹¹⁰ Имеется в виду процесс над членами ЦК УПСР в Харькове, одним из главных обвиняемых на котором был В.А. Голубович, член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), активный деятель украинского национально-освободительного движения, член ряда украинских правительств 1917–1920 гг., арестованный чекистами в августе 1920 г., и приговоренный 22 мая 1921 г. Ревтрибуналом к пяти годам лагерей. Вскоре был амнистирован, занимал ряд крупных хозяйственных должностей, в т.ч. председателя ВСНХ УССР.

Дело 17

¹ В «Правде» от 27 мая 1922 г. в рубрике «Приезд эсеровских адвокатов», помимо прочих заметок, воспроизводился текст песни, написанной по случаю приезда иностранных защитников и распевавшейся 25 мая 1922 г. на улицах Москвы. Песня, исполнявшаяся на мотив известной песни «Понапрасну Ваня ходишь» состояла из трех куплетов и припева на мотив песенки «Кого-то нет» и была посвящена Э. Вандервельде. В песне последний именовался не иначе, как «лакей», «убийца», «подлец» и т.д., однако апогеем издевательств являлся припев: «Он едет к нам / Всемирный хам / Конечно, рады мы гостям / Однако, жаль / Что нам, друзья / Его повесить здесь нельзя».

² О составе комиссий, созданных в связи с подготовкой и проведением процесса, см. док. № 16-87.

³ Народный комиссариат юстиции РСФСР был создан 26 октября 1917 г. в качестве центрального органа судебного управления по декрету II Всероссийского съезда Советов. В компетенцию наркомата входили функции организации местных органов судебного управления, организации самой системы судебных учреждений и руководство ею, разработка норм советского социалистического права, кодификация законов, их толкование и публикация.

⁴ Письмо Э. Вандервельде, написанное 2 июня 1922 г. и адресованное «гражданам главным редакторам “Известий” и “Правды”», было опубликовано в «Известиях» от 8 июня 1922 г. В нем Вандервельде давал мотивированный ответ нападкам на него в советской печати «как социалиста и защитника эсеров». Центральное место отводилось доказательствам непричастности его лично и бельгийской рабочей партии к поддержке иностранной интервенции против Советской России. В том же номере «Известий» был помещен редакционный (без подписи) материал «Наш ответ господину Вандервельде», значительно превосходивший по размерам само письмо Вандервельде.

⁵ В «Правде» от 4 июня 1922 г. представителем латвийской секции Коминтерна П. Стучкой было помещено публичное обращение к Э. Вандервельде «Некоторые вопросы гр. Вандервельде, представителю II Интернационала». В нем Стучка, опираясь на информацию рижской печати о кратковременном пребывании делегации иностранных защитников в Риге и встречах последних с латвийскими социалистами, требовал от Вандервельде так же публично высказать свое отношение к имевшим место в Латвии расправам над деятелями коммунистического и рабочего движения. В «Правде» от 10 июня 1922 г. было помещено ответное письмо Э. Вандервельде на критику в его адрес (Вандервельде Э. Письмо г. Вандервельде [ответ на открытое письмо П.И. Стучки, опубликованное в «Правде» 4 июня 1922] // Там же. 10 июня) и здесь же П. Стучка опубликовал «Мой ответ гр. Вандервельде». Э. Вандервельде в своем письме отметил, что отказал местным журналистам в интервью, «не будучи осведомлен о деталях внутренней политики Латвии». В свою очередь, Стучка стремился дезавуировать заявление Вандервельде ссылками на рижскую печать о том, что тот имел беседу с местными социалистами.

⁶ Берлинский корреспондент рижской газеты «Сегодня» взял интервью у Э. Вандервельде во время его пребывания в Берлине: «[...]Мы, иностранцы, защитники эс-эров, – сказал Вандервельде, – возмущены той травлей, которую ведет советская печать еще до процесса в отношении защитников, принадлежащих к партии эс-эров. Большевики угрожают, что к нашим товарищам-защитникам будет представлена охрана, им будет запрещено сношение с внешним миром, за исключением подсудимых и других защитников и пр. Все мы, защитники, согласны в том, что кампания, поднятая сейчас в Москве, резко противоречит обещаниям Радека, данным им на конференции трех интернационалов. Все это создает крайне тяжелую обстановку, которая лишит возможности вести процесс в нормальных условиях. Иностранные товарищи предполагали обратиться в Москву с требованием отменить ограничительные меры в отношении русских защитников, но затем эта мысль

была оставлена, так как решено было не давать большевикам повода обвинить иностранных социалистов в попытке создать из процесса политическую демонстрацию. Мы предложили В.М. Зензинову и В.В. Сухомлину отказаться от поездки в Москву, на что они не согласились. На совещании защитников выработан текст заявления, который послан наркомюсту Курскому, в котором говорится о необходимости принятия мер для того, чтобы процесс слушался при условиях, обеспечивающих беспристрастное рассмотрение истины. Не дожидаясь ответа на это наше заявление я, вместе с своим товарищем по партии, бельгийским социалистом Вотерсом, уезжаю в Москву. Вслед за нами едут германские независимые с[оциал]-д[емократы] Теодор Либкнехт, Курт Розенфельд, В.М. Зензинов и В.В. Сухомлин, Поль Бонкур и Морис Мутэ» (Вандервельде о защите с.-р. // Сегодня. 1922. 23 мая).

Перед отъездом из Риги Э. Вандервельде дал интервью местной газете «Socialdemokrats»: «[...]На вопрос о том, что заставляет В. ехать в Москву и принимать участие в защите соц[иалистов]-революционеров, он [...] ответил: “Интересуюсь узнать, насколько слова коммуниста Радека в Берлине совпадают с делом, творимым в Москве, но затем и мотивы простой человечности заставляют меня защищать людей, которым угрожает смертная казнь, и если бы подобный процесс возник и в Брюсселе, я бы по тем же мотивам и там выступил бы в качестве защитника”» (М.Л. Эмиль Вандервельде // Сегодня. 1922. 24 мая).

⁷ Первый номер газеты под названием «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов» вышел 28 февраля 1917 г. в Петрограде. С 1 августа газета стала выходить под названием «Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», с 29 сентября – «Известия ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов». После октябрьского переворота 1917 г. руководство газетой перешло в руки большевиков. В связи с переездом советского правительства в Москву газета стала издаваться в Москве с 12 марта 1918 г. под названием «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов». С 14 июля 1923 г. «Известия» – орган ЦИК СССР и ВЦИК. С 26 января 1938 г. газета выходила под названием «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». «Известия» наиболее активно из всех средств массовой информации освещали судебный процесс социалистов-революционеров 1922 г. в Москве. С № 49 (от 5 марта 1922 г.) в газете публиковались воспоминания Г. Семенова, уже изданные отдельной брошюрой. 7 марта 1922 г. газета вышла с передовой статьей Ю.М. Стеклова «Пойманы с поличным» – откликом на полемическую публикацию В.М. Чернова «Иудин поцелуй» (Голос России. Берлин. 1922. 25 февраля), посвященную разоблачениям Семенова. В «Известиях» регулярно публиковались покаянные письма бывших эсеров, помещавшиеся под рубрикой «Письма в редакцию. К предстоящему суду над партией эсеров» (см.: письма В.И. Паевского (18 марта), И.С. Юдина (23 марта), Е.А. Труппа (7 мая), В.Ф. Моргенштерна (4 июня)). Практиковалось размещение «открытых писем» (В.И. Игнатьева к бывшему товарищу по ЦК ТНСП Н.В. Чайковскому (10 марта), Л.В. Коноплевой – В.М. Чернову (22 марта), бывшего бакинского эсера В.М. Ребруха – к Э. Вандервельде (30 мая)), с обвинениями адресатов в предательстве интересов трудового народа, сопровождаемыми стандартными «разоблачениями». Как исключение, 31 мая 1922 г. в «Известиях» появилось напечатанное мелким шрифтом «Письмо заключенных эсеров к иностранным адвокатам». Его авторы, обвиняемые первой группы, выражая свое отношение к кампании, организованной властями вокруг приезда иностранных защитников, заявляли о готовности отказаться от защиты, чтобы не подвергать их опасности и унижениям. Сотрудники газеты подробно освещали встречу Э. Вандервельде, К. Розенфельда, Т. Либкнехта на Виндавском вокзале в Москве вечером 25 мая и демонстрацию на Красной площади 20 июня. В ней публиковались многочисленные резолюции митингов и собраний населения по поводу предстоящего процесса. Во время процесса в газете постоянно публиковались в кратком изложении речи представителей обвинения, защиты, свидетелей и обвиняемых.

⁸ «Правда» – ежедневная газета – орган ЦК Российской коммунистической партии (большевиков). Издавалась в Петербурге с 22.04.1912. С 16.03.1918 издавалась в Москве, до 1952 г. орган ЦК и МК РКП(б) (с 1925 – ВКП(б), с октября 1952 г. по август 1991 г. – КПСС). Редакционная коллегия и сотрудники газеты принимали активное участие в проведении агитационно-пропагандистской кам-

пани по обеспечению судебного процесса ПСР (Москва, 1922). Наряду с официальными материалами процесса в ней публиковались «разоблачительные» статьи, фельетоны, документы, посвященные деятелям партии эсеров и защитникам первой группы обвиняемых, покаянные письма бывших эсеров, отчеты корреспондентов о демонстрациях советской общественности.

⁹ См. док. № 17-1.

¹⁰ Центральный карательный отдел (ЦКО) Наркомата юстиции РСФСР был образован в апреле 1918 г. в ходе реорганизации ранее существовавшего Главного управления местами заключения (ГУМЗ). Наряду с этой собственной сетью мест заключения в годы гражданской войны создали НКВД (Главное управление принудительных работ – ГУПР) и ВЧК. Места заключения ЦКО НКЮ включали в себя дома заключения, исправительные дома, земледельческие колонии, реформатории и предназначались для содержания уголовных преступников, а лагеря ГУПРа (всего существовало пять типов лагерей) предназначались для изоляции «врагов Советской власти».

В конце 1921 г. в учреждениях НКЮ содержалось около 73 тыс. чел., НКВД – 40 тыс., ВЧК – около 50 тыс. чел. В конце 1921 г. ЦКО был переименован в Центральный исправительно-трудовой отдел (ЦИТО). ЦКО (затем ЦИТО) с весны 1918 до июня 1922 г. возглавлял Л.А. Саврасов.

¹¹ В семейном архиве Донских сохранились написанные в 1967 г. женой Д.Д. Донского Натальей Михайловной воспоминания, в которых описывается и ход процесса:

«Суд был назначен на 3 июня 1922 г. По графику утренние часы заседания продолжались с 10 до 14 час., вечерние – с 16 до 19 час. В воскресенье они не проводились. Посередине сцены Колонного зала Дома профсоюзов установили большой стол для судей. Председательствовать должен был Юрий Пятаков. Я его знала еще по общим детским играм в Городище. У них в семье росло пять братьев, он был четвертым. Слева и справа от председателя были заготовлены места еще для двух судей. Справа – для прокурора, общественного обвинителя А.В. Луначарского, Б. Куна, Н.В. Крыленко, кого-то еще.

Слева стояли скамьи обвиняемых. На них должны были усесться 20 участников партии социал-революционеров, в том числе 12 членов ЦК. Рядом предполагалось разместить группу Семенова и Григория Ратнера, какую-то женщину и еще пару человек. Это были уже коммунисты, их защищал Н.И. Бухарин. Несмотря на их более выгодное положение, они впоследствии так и не сумели использовать свою мощную защиту, выступали слабо и шумно. Даже председатель вынужден был их иногда одергивать. Внизу было отведено место для корреспондентов, стенографисток и защитника А. Тагера.

Мы пришли очень рано и заняли первый ряд стульев. Скоро к нам подошел комендант – молодой военный, желчный и неприятный поляк. Он потребовал, чтобы мы пересели в 15-й ряд, так как на эти места розданы билеты. Мы категорически отказались, он ничего не смог с нами сделать. Бесполезен оказался и вызванный им помощник, молодой веселый матрос. Он лишь рассмеялся: “Ну, что с женщинами сделаешь?!”. В конце концов, мы все же вынуждены были пойти на компромисс и пересесть во второй и третий ряды.

Каждое утро из внутренней тюрьмы привозили обвиняемых. Это был целый кортеж: впереди машина с военными, за ней большой фургон “Черный ворон” с конными милиционерами по бокам, а затем еще несколько открытых машин. Это явление привлекало на тротуары много любопытных. Уже много лет спустя, проходя по Театральному проезду, я всегда вспоминала “Черного ворона”.

Я не буду пересказывать ход процесса на протяжении двух месяцев вплоть до 8 августа. Обвинения были тяжкие. Шла ожесточенная борьба за власть, и сейчас ясно, что правда была на стороне большевиков. Дмитрий Дмитриевич сказал мне тогда: “Этот процесс – осиновый кол, вбитый в могилу партии социал-революционеров”. Его положение на процессе было трудным: он уже не разделял прежних взглядов, но из чувства солидарности с товарищами не мог заявить об этом, не мог не понести с ними единой ответственности.

Обвиняемые резко защищали свои позиции. Как-то при свидании лидера эсеров А.Р. Гоца и председателя процесса Ю. Пятакова последний спросил: “Разве вы не понимаете, что ваши резкие выступления повлияют на приговор?”. Подсу-

димый ответил: “Наша судьба не может иметь значения для наших выступлений”. Очень резко и прямолинейно обвинял Н.В. Крыленко, требуя высшей меры. А речь общественного обвинителя А.В. Луначарского привела своей логикой и формой в восторг обвиняемых. От группы Семенова, как я уже отмечала, выступал Н.И. Бухарин. Кто бы тогда мог подумать, что через 15 лет и Крыленко, и Пятаков, и Бухарин сами будут обвинены?

Очень резок в обвинительной речи был Ф.Я. Кон – седой, с резким голосом. После его речи выступал Е.М. Тимофеев. Он стоял бледный, говорил тихо, прерывающимся голосом. “Помнит ли Феликс Кон годы, когда он вместе с моим отцом был на Каре? Как он держал меня на руках?”, – вопрошал подсудимый. А затем стал возражать на его обвинения. Зал слушал в полной тишине. Выступала и Клара Цеткин. Громким голосом, по-немецки, она громила обвиняемых. Седые волосы развевались, руки были сжаты в кулаки. Один из обвиняемых ответил ей, что она напоминает старуху в поэме о Яне Гусе, что пришла подбросить несколько прутиков в костер у его ног. Тяжело было обвиняемым слышать грозное обвинение группы питерских рабочих. Зная Дмитрия Дмитриевича артистка Художественного театра Коренева, присутствовавшая на заседании, вполголоса твердила: “Это же Голгофа, Голгофа...”

Мы посещали процесс каждый день. В перерыв не уходили домой, обходясь стаканом чая в буфете. Два раза в неделю в обеденный перерыв обвиняемым разрешали свидания. Питались они хорошо, сытно, даже нередко подкармливали и нас.

В начале июля ко мне подошел матрос, помощник коменданта, и пригласил пройти вниз. Там меня ждал Митюша. Он с бабушкой приехал из Хмельника. Я обратилась в записке к Ю. Пятакову с просьбой разрешить подсудимому встречу с сыном и матерью. Он ответил запиской же, что свидание будет дано завтра в обеденный перерыв, можно в его кабинете. Но от кабинета мы отказались. Свидание было тяжелым. Софья Алексеевна все время плакала. Как же так: сын, всю жизнь борющийся за рабочих, сам теперь оказался на скамье подсудимых? Ни она, ни Митя на процесс не ходили.

Ю. Пятаков обращался ко мне по имени-отчеству. Таких записок у меня скопилось несколько штук, но раз во время обыска их забрали. Вообще, во время суда Юра держался выдержанно. Защитнику А. Тагеру выступить не дали. Не допустили до трибуны и представителей Второго Интернационала – Э. Вандервельде и Т. Либкнехта, брата казненного Карла Либкнехта. Обвиняемые виделись с ними. У нас тоже была встреча, во время которой говорили с ними С.Н. Гоц и я, поскольку мы владели языками. Они нам сказали: “Ваши мужья держатся как герои”. Сара Николаевна поднесла им большую деревянную шкатулку, вырезанную на каторге заключенными.

Еще до процесса Карл Радек заявил за границей от своего имени, что подсудимые казнены не будут. За это ему попало. Е.П. Пешкова все время посещала суд. Бывал и Д.Б. Рязанов. Часто на трибуне присутствовали видные члены партии. Накануне приговора у нас было свидание, очень тяжелое. Дмитрий Дмитриевич передал мне и Леночке, которая приехала из Питера, небольшой чемоданчик. Там лежали лишние вещи и много сахара, который он скопил для нас. Вечером мы возвращались домой взволнованные и забыли сахар в трамвае.

И вот – приговор. Обвинения по четырем статьям, каждая из которых влечет высшую меру наказания. А затем вдруг странная оговорка: “Если приговор не будет приведен в исполнение, то 5 лет тюрьмы с зачетом предварительного заключения и затем 3 года ссылки и поражение в правах”. Мы слушали приговор стоя. Никто из нас не проронил ни слезинки, держали себя в руках. Только зарыдала жена одного из группы Семенова, хотя к ним не была применена высшая мера. Обвиняемых увели. При выходе из зала приговоренным к высшей мере давали команду “Налево!”, остальным – “Направо!”. А мы стояли ошеломленные. К нам подбегали незнакомые люди, корреспонденты, жали руки, поздравляли... Через три дня появилось постановление: “Если партия социал-революционеров не будет предпринимать выступлений против Советской власти, приговор не будет применен”.

В этот день при входе, еще до зачитывания приговора, у нас отобрали ручные сумочки. А при выходе нас всех задержали и отправили в ближайшее отделение милиции, где обыскали, но, разумеется, ничего не нашли. Была уже поздняя ночь,

трамваи не ходили. Спать не хотелось. Мы все пошли к Саре Николаевне и просидели у нее до утра. Среди ночи обыск провели во всех наших квартирах.

Дмитрия Дмитриевича поместили в небольшую полутемную камеру. В ней стояли лишь койка без белья и умывальник. Он все время лежал. Еду приносили. Папирос не было. На крышке последней папиросной коробки он написал прощальное письмо. Неделю он не разговаривал, не обращался ни с какими заявлениями. Как выяснилось позже, многие в это время протестовали. Через неделю его перевели к Веденяпину и объявили окончательный приговор. Еще через некоторое время разрешили по четвергам передачи. А относительно свиданий сказали так: если с личным обыском, то встреча без свидетелей; если без обыска, то только в присутствии администрации. Мы предпочли первый вариант» (Донской Дмитрий Дмитриевич. Сб. док-тов и мат-лов / Сост. Я.А. Яковлев. Томск, 2000. С. 141–144).

¹² См. комм. 67 к делу 16.

¹³ В связи с арестом большинства членов Центрального комитета партии эсеров и невозможностью вследствие этого успешно решать задачи оперативного руководства партийными организациями, по решению ЦК ПСР в июне 1920 г. в Москве было образовано Организационное бюро. В него вошли находившиеся на свободе члены ЦК и некоторые партийные активисты. Центральный комитет выступил с обращением к членам партии о создании Организационного бюро и его задачах: «[...]Центральный комитет, по примеру опыта [работы] в аналогичных условиях, имевших место в 1906–1907 г.г., решил сосредоточить организационную работу в руках своего специального органа – Организационного бюро ЦК, назначаемого из опытных партийных работников в порядке партийной дисциплины с вхождением в Бюро всех наличных в данном месте членов Центрального комитета.

Организационное бюро не является вторым политическим центром партии. Никаких общеполитических решений, никаких новых тактических директив оно принимать и издавать не будет. Это – не лаборатория руководящей партийной мысли, а чисто исполнительный и служебный орган. Его задача – действовать в пределах решений и директив, данных Центральным комитетом[...]» (РГАСПИ. Ф. 274 (документ находится в обработке).

В августе 1921 г. Десятый Совет ПСР заменил его Центральным бюро из пяти членов, которому предоставлялось право кооптации новых членов, взамен выбывших. Избранное на Десятом Совете Центральное бюро было ликвидировано в 1922 г. Сменивший его состав стал объектом обширной провокации ГПУ, имевшего в нем своего агента. Попытку воссоздания партийной организации предприняли в марте 1924 г. московские эсеры, предложив Центральному бюро «считать свою работу приостановленной и личный состав распущенным». Они обеспечили формирование нового бюро из четырех членов (представитель от рабочих, представитель от крестьян и два старых партийных работника) (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 34–34 об.). Однако оно не располагало ни организационными, ни финансовыми возможностями для активной деятельности. После его ареста в 1925 г. партийная организация социалистов-революционеров в России исчезла; по другим данным, последний состав ЦБ ПСР функционировал и в 1926 г.

¹⁴ В связи с активизацией внешнеполитической деятельности советского правительства 20 декабря 1920 г. на базе Иностранного отделения Особого отдела ВЧК был создан Иностранный отдел (ИНО), на который возлагалось поддержание связей со всеми государственными учреждениями и общественными организациями РСФСР, имевшими международные контакты (НКВД, Наркомвнешторг, Коминтерн и др.). Отдел стал первой советской службой внешнеполитической разведки. Временно исполняющим обязанности начальника ИНО был назначен Давыдов. С 6 февраля 1922 г. – ИНО Главного политического управления при НКВД. В мае 1922–1926 гг. ИНО ГПУ руководил М.А. Трилиссер. В октябре 1922 г. в отделе работали 75 сотрудников.

¹⁵ Об участии ряда членов РСДРП на процессе в качестве защитников см. док. № П-55.

¹⁶ Уже в самом начале процесса Н.И. Бухарин и К.Б. Радек заявили, что берлинское соглашение утратило свою силу и не является обязательным для советского суда. По мере развития самого процесса большевистское руководство все

чаще возвращалось к разработке новой формулы приговора. 29 июня 1922 г. Политбюро поставило перед «тройкой» задачу выработки директивы Верхтрибу: «Поручить тройке по руков[одству] процессом эсеров предоставить в Политбюро не позднее 5/VII документы, кот[орые] должны завершить процесс, т.е. приговор или амнистия (или частичная амнистия) и проект постановления ВЦИК».

Следующий важный поворот событий был связан с решением Политбюро от 13 июля 1922 г., согласно которому определялся порядок взаимодействия ЦК РКП(б) с Коминтерном в вопросе о предстоящем вскоре решении Трибунала. Предусматривалось, что Коминтерн в лице его руководства вправе выступить по этому вопросу с какими-либо ходатайствами или заявлениями, но таковые обязательно подлежат предварительному направлению в ЦК РКП(б): «Решение ЦК немедленно сообщается в коммунистическую фракцию ВЦИК и доводится до сведения Исполкома Коминтерна».

Подобная иерархическая конструкция переговоров и согласований была намеренно выстроена Политбюро для того, чтобы до конца оставлять открытым оба варианта исхода процесса: «мягкий» и «жесткий». Здесь проглядывалась скорректированная схема апреля 1922 г.: приговор Верхтриба будет четко юридическим и «справедливым», но вариант с объявлением его смягчения посредством постановления ВЦИК должен был бы иметь источником предпочтительно внешнюю сторону, в данном случае Коминтерн в форме внесения соответствующего ходатайства в Президиум ВЦИК.

О проявлении глухих разногласий внутри ЦК РКП(б) по вопросу о формуле приговоре свидетельствует постановление Политбюро от 27 июля 1922 г., в котором Г.Е. Зиновьеву вменялся в вину разговор с некоторыми членами Коминтерна «об оглашении разногласий внутри ЦК».

В явной форме разногласия внутри большевистских верхов в данном вопросе проявились на заседании Политбюро, официально не протоколировавшемся и состоявшемся предположительно между 7 и 8 августа 1922 г. Предположительно, раскол обозначился еще на заседании «тройки» между Л.Д. Троцким и Л.Б. Каменевым. Троцкий уже на заседании Политбюро предложил «дать директиву Президиуму ВЦИК расстрелять 4-х эсеров», в чем был поддержан тремя членами и кандидатами в члены ПБ – Сталиным, Молотовым и Томским (позиция последнего не совсем прояснена, поскольку в другом голосовании вокруг судьбы подсудимых с участием членов ЦК РКП(б) он оказался среди умеренной части). Против выступили Каменев и Рыков. Каменев, оказавшись на упомянутом заседании в меньшинстве, потребовал обсуждения вопроса на Пленуме ЦК.

В делопроизводстве Политбюро отложились уникальные документы, отразившие борьбу мнений внутри группы членов ЦК, входивших в Исполком Коминтерна от РКП(б), собравшихся на совещании предположительно 7 августа 1922 г. в промежутке между оглашенным Верхтрибом приговором и его утверждением Президиумом ВЦИК. Часть членов ЦК, считая, что присутствовавшая в проекте постановления Президиума «прямая формулировка о заложничестве (отложенном исполнении смертном приговоре 12-ти подсудимым – *сост.*) будет на деле означать продолжение кампании против нас в самой невыгодной для нас обстановке», предложила более мягкий вариант постановления: смертный приговор для подсудимых первой группы в исполнение не приводить, заменив его на пожизненное заключение, оставив возможность для смягчения и этого приговора в будущем. Мнения присутствовавших разделились почти поровну: за смягченный вариант, о котором речь шла выше, проголосовали 11 присутствовавших; против высказались 8, позднее поддержку им путем опроса высказал Л.Д. Троцкий. Оказавшись в данном случае в меньшинстве, Сталин и Троцкий, в свою очередь, потребовали перенесения вопроса о формуле приговора на Пленум ЦК. На Пленуме же, после обсуждения, большинством была проголосована позиция, нашедшая затем отражение в Постановлении Президиума ВЦИК: приговор Трибунала в отношении 12-ти подсудимых, приговоренных к высшей мере наказания, «утвердить, но исполнением приостановить». Из документов архива Политбюро лишь косвенно может быть подтверждено авторство Л.Б. Каменева формулы об отложенном смертном приговоре, о чем писала эмигрантская печать, а позднее М. Янсен. Можно лишь предположить, что в ответ на жесткие установки Л.Д. Троцкого потребовался компромисс, и он был достигнут поправками Каменева.

¹⁷ За речь против режима И. Пилсудского коммунист Т. Домбаль – депутат Учредительного сейма Польши, был арестован, закован в кандалы и приговорен к 6 годам каторги.

¹⁸ См. комм. 25 к делу 16.

¹⁹ «Новый луч», орган Бюро ЦК и ПК РСДРП, издавался в Петрограде в 1917 (№ 1 (1 декабря) – 1918 (№ 69 (11 мая)). Выходила взамен закрытой большевиками газеты «Молот». После закрытия властями «Нового луча» издание было продолжено под названием «Наша газета» (1918. № 1. 14 мая). Газета вновь издавалась как «Новый луч» 18. –23.06.1918 (№ 71–76).

²⁰ З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковскому и Д.Ф. Filosoфoву принадлежала малоизвестная попытка создания своеобразной религиозно-революционной организации в форме «ордена» при ПСР. Эту идею они пытались реализовать при помощи и поддержке И.И. Фондаминского и Б.В. Савинкова, с которыми у них сложились весьма дружественные отношения. По словам З.Н. Гиппиус, эсеровская партия была им «все-таки ближе всякой другой, особенно марксистской, как более русская, более народная, отрицающая в России “диктатуру пролетариата” и признающая “роль личности в истории”» (Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский // Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н. 14 декабря. Роман. Дмитрий Мережковский. Воспоминания. М., 1991. С. 409–410). Немалую роль играло, очевидно, и то обстоятельство, что «свобода мнений и критики» не была столь скована в эсеровской среде, как у более догматичных социал-демократов. Программа и организационный устав «новой» партии, о которой вела речь З.Н. Гиппиус, представляли из себя плод коллективного творчества «троицы» (и отчасти Б.В. Савинкова) и писались в 1910–1911 гг., но так и не будучи завершенными, осели в бумагах Б.В. Савинкова (написанные почерком З.Н. Гиппиус, они вероятно, были переданы ему для ознакомления).

Помимо сугубо программных установок, в документе регламентировалось и организационное устройство «Общины» и «Союза Земли и Правды», действовавших автономно. Первая организация должна была носить характер своеобразного идейного и руководящего центра. Вторая – часть членов которой могла и не быть введенной в «Общину» – должна была быть более открытой и предназначалась для ведения «конкретной революционной работы».

Тем не менее ничего цельного, более или менее завершенного, создано не было. Представляется, что помимо атеистической традиции, господствовавшей в среде революционной интеллигенции, этому препятствовали и другие причины. В качестве одной из главных, пожалуй, можно выделить ту, что при совпадении некоторых идей, оба эти мирозерцания (православное и революционно-социалистическое) серьезно не совпадали в своей сущности. Революционно-социалистическое мировоззрение помимо всего прочего опиралось именно на идеи борьбы, личной инициативы и активности, направленных на трансформацию социальных отношений. И хотя весьма заманчива перспектива считать эти идеи заимствованием из западной традиции (а отчасти так и есть), эти идеи не были чужды и русской традиции, богатой крестьянскими войнами и бунтами.

Эсерам в некоторых случаях удалось найти удачные формулы выражения своего революционно-социалистического мирозерцания и задач, которые они перед собой ставили, легко воспринимаемые русским народом, такие, как, например, «Земля и воля», «Черный передел», «Народоправство». Другими словами, они «перевели на русский», «русифицировали» такие важные элементы социалистической теории, как «социализация собственности» (в данном случае помещичьей, церковной и удельной земель) и «политической свободы». Но ни эсеры, ни другие социалисты не смогли дать формул, в которых переплеталась бы морально-нравственная мотивация революционной борьбы, а также социального переустройства общества и «народное православие». Необходимость поисков подобной «интегральной социальной религии» ощущала та часть интеллигенции, которая видела, что атеистическое социалистическое мировоззрение не дает ответа на ряд важных мировоззренческих вопросов. В данном же случае речь идет о попытках Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус и Д.В. Filosoфoва создать, с одной стороны, идейное построение – «христианскую революцию» или «революционное христовство»; с другой – создать для «конкретной революционной работы» «сознательную религиозно-революционную организацию», опирающуюся на идеи

этого «революционного христовства» и призванную «действенно бороться с коренной неправдой общественного строя России». Таким образом, в первом случае речь шла о попытке создания своеобразной «идеологии-веры», соединяющей целый ряд христианских идей, ценностей и веры с идеями и ценностями социализма и революции. Во втором – о создании организационной структуры (или самостоятельной или в качестве «ордена» при ПСР) для ведения конкретной политической деятельности.

²¹ В данном месте статьи Г.Е. Зиновьев в несколько иной форме воспроизвел разработки и предложения Л.Д. Троцкого о том, что в антиэсеровской пропаганде следует различать позиции «верхов» и искренне заблуждавшихся «низов» ПСР (см. док. № П-11).

²² К группе рабочих, бывших членов ПСР, Верхтриб относил К.А. Усова, Ф.Ф. Федорова-Козлова, Ф.В. Зубкова. Приговором Трибунала от 7 августа 1922 г. отмечалась доказанность предъявленных им обвинений, «но принимая во внимание их неруководящую роль и пролетарское происхождение», мера наказания определялась в виде тюремного заключения сроком на пять лет. Одновременно Трибунал обратился в Президиум ВЦИК с ходатайством «об их полном освобождении от всякого наказания» в силу того, что «названные подсудимые вполне осознали всю тяжесть содеянного ими преступления[...]». Ходатайство Трибунала Президиумом ВЦИК 8 августа было удовлетворено.

Сказанное выше не распространялось на положение и судьбу другого рабочего – бывшего члена ЦК ПСР Е.С. Берга. Он вышел из состава ЦК еще в годы гражданской войны и мог избежать участи других «цекистов», но сам потребовал включить его в состав подсудимых и на процессе входил в первую группу, в отличие от Усова и других. В итоге Берг получил пять лет тюремного заключения, половину срока отбыл, затем был отправлен в ссылку.

²³ Позиция руководства крупнейших социалистических партий России (РСДРП и ПСР) в вопросе о причастности большевистских лидеров к тайным связям с немцами существенно отличалась от позиции Временного правительства. Так, сенсационная публикация журналистов Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова о связях большевиков с немцами была опубликована лишь в газете «Живое Слово», имевшей репутацию «желтой». Крупнейшие же газеты по просьбе председателя ВЦИК меньшевика Н.С. Чхеидзе воздержались от печатания сообщения. ВЦИК была создана собственная комиссия по расследованию инцидента с обвинениями против лидеров большевиков, представители которой затем вошли в правительственную комиссию. 6 июля 1917 г. в «Известиях» было опубликовано заявление ВЦИК, в котором содержался фактический протест против огульного обвинения большевиков в провокации и шпионаже. Меншевистские лидеры Церетели, Либер и другие обвинения в адрес Ленина и Зиновьева считали необоснованными. Вместе с тем ситуация вскоре усложнилась. Уклонение Ленина и Зиновьева от явки в суд и дачи показаний дали основание представителям РСДРП и ПСР во ВЦИК выступать за гласный суд «над теми группами большевиков, против которых выдвинуто обвинение...».

Тем не менее, 22 июля 1917 г. появилось официальное сообщение о привлечении Ленина, Зиновьева, Ганецкого, Коллонтай и других к суду в качестве обвиняемых в измене и организации вооруженного восстания. 24 июля Мартов выступил на заседании ВЦИК с резким протестом против этого. По мнению В.Г. Короленько, «большевики принесли много вреда вообще, но – что хотите, в подкуп и шпионство вождей я не верю[...]». Позднее, в 1921 г., Чернов в открытом письме Ленину вспоминал, как в те июльские дни считал долгом чести защищать его, «оклеветанного и несправедливо заподозренного» в своих выступлениях перед петроградскими рабочими.

²⁴ Созданная по решению Политбюро комиссия по руководству подготовкой и проведением процесса (названная «тройкой») работала с 29 апреля по сентябрь 1922 г. За этот период комиссия собиралась на свои заседания более десятка раз. Ее работой руководил Л.Б. Каменев, которого иногда заменял Л.Д. Троцкий. В отсутствие Ф.Э. Дзержинского его замещал И.С. Уншлихт. В начале июня, когда подготовка к процессу вступила в завершающую стадию, постоянными участниками комиссии стали Н.В. Крыленко и Г.Л. Пятаков как непосредственные ключевые фигуры на предстоявшем суде. Возможно поэтому протокол № 6 от 6 июня 1922 г.

назван «заседанием пятерки по эсерам». Помимо отмеченных выше лиц, на заседаниях достаточно часто фигурировали А.В. Луначарский, Н.И. Бухарин, в отдельных случаях Г.Е. Зиновьев. Техническим секретарем комиссии являлся Б. Малкин.

Выявлены следующие протоколы заседаний комиссии:

– Протокол № 1 заседания от 29 апреля 1922 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 2–3.

– Протокол № 2 заседания от 6 мая 1922 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 4–6; ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 1–3.

– Протокол № 3 заседания от 10 мая 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 3–4.

– Протокол № 4 заседания от 16 мая 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 46. Л. 7.

– Протокол № 5 заседания от 3 июня 1922 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 7–8.

– Протокол № 6 заседания от 6 июня 1922 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 9–10.

– Протокол № 7 заседания от 13 июня 1922 г. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 11–12.

– Протокол № 13 заседания от 11 июля 1922 г. – АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 17. Л. 56–57.

²⁵ Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ) – в качестве руководящего органа Коминтерна был создан на II конгрессе Коминтерна, состоявшемся 19 июля – 7 августа 1920 г. Председателем ИККИ до 1926 г. был Г.Е. Зиновьев.

²⁶ См. предисловие, с. 61.

²⁷ См. предисловие с. 91–92. См. также: Юрьев А.И. Последние страницы истории партии социалистов-революционеров // Отечественная история. 2001. № 6. С. 129–135.

²⁸ «Сибирская линия» деятельности ПСР в 1918–1921 гг. первоначально предполагалась ГПУ в качестве одной из наиболее выигрышных на предстоящем процессе. Об этом свидетельствует факт того, что уже в первой половине марта руководство ГПУ запросило сибирское полномочное представительство на предмет обеспечения информацией (материалами) и свидетельскими показаниями (людьми) развернувшихся под руководством Агранова следственных действий. Полпред по Сибири И. Павлуновский 16 марта 1922 г. направил Т. Самсонову шифротелеграмму: «15 марта скорым поездом [в] Москву высланы Юдин и Игнатъев и почтовым Дьяконов[,] Тяпкин[,] Тягунов[,] Савченко[,] Меринов[,] Макушин[,] Кудрявцев. Просьба за исключением Юдина и Игнатъева никого не освобождать и по миновании надобности направить в Н[ово]-Н[иколаевск]. В Сибири они связаны операторами (так в документе – *сост.*) и являются в некотором роде заложниками» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 513). Здесь уже прослеживалось очевидное влияние сценария с делением членов ПСР на две группы – «лояльных» и «непримиримых»: первых (Юдина и Игнатъева) предлагалось максимально использовать в интересах следствия, вторых, сняв показания, изолировать.

Примечательно, что события в Сибири интересовали ГПУ выборочно, с точки зрения сопротивления Советской власти (первая половина 1918 г. и 1920 – весна 1921 г.). События, происходившие в промежутке (вторая половина 1918–1919 гг.), связанные с сопротивлением колчаковскому режиму, где роль ПСР была очевидной, следствие предпочитало игнорировать. Именно этим можно объяснить реакцию Верхтриба, распорядительное заседание судебной коллегии которого 6 июня 1922 г. при рассмотрении ходатайства Ф. Федоровича и Л. Герштейна о приобщении к делу двух документов – Обращения Сибирского краевого комитета ПСР ко всем членам ПСР по вопросу о Крестьянском союзе и договора между Политцентром и Иркутским комитетом РКП(б) – первый из них был приобщен к делу, а относительно второго решение гласило: «Ввиду того, что действия ПСР против Колчака в вину не ставятся[,] договор между Политцентром и Иркутским комитетом РКП и пред. Сибревкома – к делу не приобщать» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 509).

На том же заседании при рассмотрении ходатайства обвиняемых 1-й группы о вызове в качестве свидетеля В. Филипповского было принято следующее решение: «Принимая во внимание, что эпизоды и характер борьбы с.-р. против КОЛЧАКОВ (так в документе – *сост.*) освещены в других показаниях[,] в ходатайстве отказать» (Там же. Л. 497). В отношении членов ПСР (Юдина,

Тяпкина и др.), связанных с делом Сибирского Крестьянского Союза, дело было выделено в особое производство. Следствие не справилось со столь выигрышным сюжетом.

В своей защитительной речи на процессе Д.Ф. Раков подробно остановился на роли ПСР в борьбе с колчаковским режимом и позициях партии после его падения:» [...] Для Сибирской организации партии социалистов-революционеров вопрос о вооруженной борьбе с Советской властью, вернее вопрос о прекращении борьбы с советской властью был решен еще осенью 18 года. Еще во время Директории Центральный Комитет[,] бывший в то время в Екатеринбурге[,] опубликовал известное извещение Центрального Комитета членам партии социалистов-революционеров, где он со всей энергией призывал партийные ряды и элементы населения, примыкающего к ним, к оружию для борьбы с реакцией. Вопрос о борьбе с Советской властью отодвигался на задний план. Он уже не был в поле зрения деятельности партии социалистов-революционеров, ее усилия направлялись для подготовки вооруженных сил для борьбы с надвигавшейся в то время явно и определенно реставрационной реакцией. Не даром Колчаковская власть[,] как только заменила Директорию[,] объявила партию социалистов-революционеров вне закона, не даром Колчаковская власть все свои скорпионы в первое время своего существования, направила на партию социалистов-революционеров. Недаром безумные офицерские банды Колчака охотились за эсерами и партия в этой борьбе с Колчаком и колчаковщиной несла великие и тяжелые жертвы. Я сам сидел в тюрьме Колчака в тот момент, когда несколько раз эти банды пытались нас из тюрьмы брать на растерзание. Девять моих товарищей были на берегу Иртыша растерзаны. Я спасся случайно, потому что оказался не там по воле военного положения, где меня искали банды. Наши товарищи вешали на телеграфных столбах железных дорог, но это несколько не ослабляло той энергии, с которой партия социал-революционеров на территории Сибири стала готовить вооруженную ликвидацию этой колчаковщины. Создавались военные организации в рядах колчаковской армии, которые должны были не только разложить эту колчаковскую армию, но создать реальные кадры, реальные силы для ликвидации самой колчаковской власти. Началась организация крестьянских военных отрядов. Началась организация крестьянского союза, который поставил своей целью именно борьбу с этой колчаковщиной. Наши товарищи организовали партизанские отряды, которые работали в тылу наряду с отрядами коммунистическими. Об этих эсеровских отрядах не раз упоминалось здесь на судебном следствии, и упоминалось[,] кажется[,] гражданином Игнатьевым. Весной 1919 года не только был решен вопрос о том, что прекращается какая бы то ни было вооруженная борьба с коммунистической властью, но был выработан совершенно конкретный план практической работы по ликвидации Колчаковской власти. Были распределены силы, намечен план, намечены пути и средства для этой работы. И вот в конце декабря и начале января 20 года эта ликвидация Колчаковской власти была совершена руками партии социалистов-революционеров в Сибири. Было восстание в Ново-Николаевске, было восстание в Красноярске и[,] наконец[,] было организовано восстание эсеров в Иркутске, в Иркутском районе, а во всем Иркутском районе, которое окончательно ликвидировало, арестовало его министров, и окончательно ликвидировало ту армию, которая была еще в его распоряжении. Я здесь нарочно упомянул, что не только в Иркутске, но и во всем Иркутском районе потому, что на судебном следствии[,] кажется[,] сам гражданин Председательствующий указал: “Позвольте, прежде чем началось восстание в Иркутске, поднятое эсерами, было еще восстание[,] поднятое в Черемхове”. Да, действительно, было восстание в Черемхове, но то восстание ему предшествовало. И оно как раз было организовано тем самым свидетелем Кудрявцевым, который здесь фигурировал, он же организовал восстание и в Архангельском районе. Наконец, все эти восстания слились в восстание в Иркутске. Мы здесь в Иркутске опять принесли великую и тяжелую жертву. Я вам напомним трагическую гибель наших 30-ти товарищей на Байкале, которых колотушками избивали на ледоколе и сбрасывали под винты. Это разыгралось в момент самого восстания в Иркутске. Наши товарищи вынесли 11-ти дневный бой, пока не одержали победу. Они тут же в Иркутске, после ликвидации власти Колчака, все свои силы бросили на борьбу с надвигающимся в это время ультра-реакционным отрядом Семенова. Всю свою народную армию они бросили на борьбу с ним. Здесь в Иркутске представляло огром-

ную опасность вмешательства японцев. Там стоял японский отряд. И вот, сидящий здесь на скамье подсудимых товарищ Герштейн в эту минуту явился к этим представителям Японского империализма и заявил, чтобы через 24 часа их здесь не было, ибо за спиной у Семенова были эти японские штыки, и тот японский отряд, который оставался в Иркутске, мог сыграть в руку Семенова, роковую для Иркутской власти роль. Гражданин Крыленко говорит: «Все это хорошо и этих фактов исторических мы не оспариваем, что здесь отчаянная борьба с реакцией со стороны партии социалистов-революционеров была проявлена воочию. Но вот тут-то ваша теория третьей силы и показала свою фактическую несостоятельность. Вы все проповедуете эту третью силу, а с нашей точки зрения нет этой третьей силы и если вы будете опираться только на эту третью силу, то практически вы должны будете отойти или к реакции, или к Советской власти. Так ли это было в Иркутске, не произошло ли то, что вы добровольно сдали свою власть Сибирскому Ревкому, потому именно что и опирались на третью силу». Нет, гражданин Крыленко, мы вынуждены были сдать власть Сибирскому Ревкому в Иркутске добровольно не потому, что опирались на третью силу.

Крыленко. – Сил-то не было.

Раков. Сил не было, это другое дело, но вопрос о третьей силе, который вы всюду пристегиваете, очевидно ни к чему. Сил для борьбы с Советской властью было недостаточно, не потому что против нас могла восстать вся Красная армия, но недостаточно потому, что в тылу стояли реакционные отряды Семенова, что оттуда продолжало угрожать японское оккупационное вмешательство в дело японских империалистов, и нам ничего другого не оставалось сделать, как объединить свои силы с Советскими войсками и совокупно бить и войска Семенова и по возможности вытеснить японские войска с Иркутской территории. Вот эти объективные условия – необходимость во чтобы то ни стало быстрыми ударами докончить эту реакционную силу в Сибири, чтобы она больше не проявляла тенденцию к возврату власти, вот эти конкретные условия заставили нас добровольно войти в договор с большевиками, войти в договор и оговорить, что по этому договору, по крайней мере, Советская власть отказывается от преследования тех, кто доселе вел вооруженную войну с Советской властью. Насколько соблюдался и соблюдается этот договор, это вы лучше меня видите. Итак здесь гражданин Крыленко ставил еще такой вопрос: Вот вы там организовали эсеровско-меньшевистские отряды и отдали их в распоряжение большевистской власти. Как это согласовать с линией поведения, которая была выработана 9-м Советом партии, которая проводилась здесь в Москве и на местах, не являлось ли это вопиющим противоречием. Вот здесь говорилось, что Центральный Комитет Партии Социалистов-революционеров был против партийной мобилизации во время борьбы с Деникиным, а мы не только там произвели партийную мобилизацию, организовали эсеровские отряды, присоединились к большевикам и шли бороться с деникинской реакцией, мы были против этой партийной мобилизации по тем соображениям, которые здесь были чрезвычайно четко и ярко выявлены, только что говорившей Евгенией Моисеевной Ратнер. Но была и другая причина. Мы хотели действительно драться с реакцией. Мобилизация товарищей с обещанием освободить из тюрьмы, вряд ли можно было оказать существенную и надежную помощь красным войскам. Но самое главное мы хотели драться с этой реакцией своими силами, под своими знаменами и мы это сделали в Сибири. И я не знаю, кто больший вред, больший удар нанес реакции и оказал больше пользы революции – те ли[,] которые там по 12 дней вели бои с войсками Колчака, те ли, которые в этой борьбе трагически погибли на Байкале, или одиночки, которые освобождались из тюрьмы, вступали в Красную армию и затем отходили на какие-то должности комиссаров. На эту сторону дела я хотел обратить ваше внимание. Так что попытки гражданина Крыленко здесь столкнуть линии поведения Сибирской делегации Центрального Комитета и Сибирского Крайкома с политикой Центрального Комитета здесь в России является покушением с негодными средствами. Здесь же заключается и тот упрек, который раздавался здесь от гражданина Вагнера в этом двурушничестве. Здесь же содержится ответ на те якобы негодующие вопросы, которые он ставил нам, здесь сидящим на скамье подсудимых, по вопросу о партийной мобилизации: вот как мы понимаем резолюцию 9-го Совета партии в Сибири. Вот как мы дрались с реакцией, вот как мы погибали и понимали революцию. Теперь, граждане, судите нас за это».

²⁹ Официальная позиция советских органов по отношению к организационным формам антибольшевистского крестьянского движения в 1920–1921 гг. в Сибири в

виде Всесибирского Крестьянского Союза была изложена в начале 1922 г. в работе полномочного представителя ВЧК–ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского «Обзор бандитского движения по Сибири с декабря 1920 г. по январь 1922 г.», изданной небольшим тиражом в Новониколаевске в том же году. Содержавшиеся в ней оценки и факты сомнению не подвергались. В интерпретации Павлуновского Сибирский Крестьянский Союз (СКС) являл собой новый вид контрреволюции, вошедший в себя эсеров, энесов и белогвардейцев. Точное время создания СКС не было определено, раскрытие его чекистами датировано декабрем 1920 г. Состав руководящего органа устанавливался из следующих лиц: Тяпкин (член ПСР с 1902 г.), Юдин (член ПСР с 1902 г.), Тагунов-Ельшевич (член ПСР с 1904 г.), Дьяконов (член ПСР с 1904 г.), Макушин (член ПСР с 1902 г.), Игнатъев (член партии энесов с 1905 г.), Савченко (член партии энесов с 1904 г.), Меринов (член партии энесов с 1907 г.). Указывалось, что в каждом губернском городе Западной Сибири организуются комитеты СКС. Согласно показаниям Игнатъева, приведенным в публикации Павлуновского, число членов СКС исчислялось многими тысячами, а в одной только Алтайской губ. насчитывалось будто бы до 400 местных ячеек. В Омской губ. в состав СКС вошла белогвардейская офицерская организация во главе со штабс-капитаном Густомесовым, белогвардейцы же передали СКС склады оружия. Новониколаевскую организацию чекистам, по их признанию, удалось раскрыть только в начале февраля 1921 г., буквально накануне готовившегося восстания, возглавить которое собирались члены ПСР Степанов и Гусельников. И.П. Павлуновским была воспроизведена телеграмма, посланная 31 января 1921 г. представительством ВЧК по Сибири местным ЧК: «Имеются признаки, что в Сибири мы подходим к полосе массовых крестьянских восстаний. Факты: 1) Крестьянский Союз охватывал всю Алтайскую губернию, имел свои ячейки в каждой волости, в профсоюзах, ж.д. рабочих и полках 26 дивизии. Восстание, по отобранным документам, назначалось на январь–февраль. 2) Арестованы лица и захвачены документы, что восстание подготовлялось одновременно в Алтайской губернии и Новониколаевском уезде» (Цит. по: Земля Сибирь. 1992. № 3. С. 64).

До начала 1990-х гг. отечественными историками данные сибирских чекистов о существовании и деятельности СКС не подвергались сомнению. Однако в ряде работ последнего времени исследователями (В.И. Шишкин и другие) если не сам факт создания СКС, то его «реальная деятельность» рассматриваются в ином контексте, уже как часть чекистских мистификаций того времени. Для подобных оценок имеются определенные основания. На тот факт, что свои пространственные показания об СКС Игнатъев и другие давали, находясь на положении смертников, и нужными чекистам показаниями покупали себе жизнь и свободу, указывали на процессе Д.Ф. Раков и некоторые другие «цекисты».

Сибирскими исследователями А.А. Петрушиным и Н.Г. Третьяковым была доказана беспочвенность утверждений чекистов о наличии в Тюменской губ. сети ячеек СКС, сыгравших будто бы решающую роль в подготовке Западно-Сибирского восстания 1921 г. «Тем самым, – отмечает В.И. Шишкин, – один из ключевых выводов советской историографии, отводивший решающую роль в подготовке мятежа “Сибирскому крестьянскому союзу”[...] при проверке не нашел реального подтверждения фактами». Впрочем, В.И. Шишкин считает доказанным тот факт, что в Алтайской губ. «действительно существовала довольно широкая сеть ячеек “Сибирского крестьянского союза”» (Шишкин В.И. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 48).

Примечательно, что руководитель сибирских большевиков председатель Сибревкома И.Н. Смирнов в своем докладе в начале января 1921 г. председателю СНК В.И. Ленину так комментировал участие крестьянства и роль ПСР в повстанческом движении в Сибири в 1920 г.: «Восставшие местами выбрасывали лозунг Учредительного Собрания, местами организовывались в трудовой крестьянский союз. Кое-где была видна рука соц.-революционеров, но расследование показало, что соц.-революц., как организация, в этом восстании участия не принимали, отдельные же их члены, плохо связанные партийной дисциплиной, вовлекались в движение» (Цит. по: Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск: Олсиб, 1997. – С. 704). Отсюда следует, что оценка И.Н. Смирновым «эсеровского следа» в крестьянских восстаниях близка к тем, которые делали «цекисты» на процессе.

В своей защитительной речи на процессе Д.Ф. Раков особо отметил сюжет о Сибирском крестьянском союзе: «[...] объектом судебного обследования является [...] тот период, который заканчивается организацией крестьянских союзов в Ново-Николаевске, Омске и организацией какого-то все-сибирского крестьянского союза. К нему я хочу перейти. Какое положение создалось для партийной организации в Сибири после Иркутского переворота. Я уже говорил, что там положение создалось до крайности сложное, до крайности строгое. Крестьянские массы низвергнувшие Колчака – не будем скрывать – приветствовали появление Советской власти и утверждение ее. В ней они видели спасительницу от всего того, что там надделала и могла надделать Колчаковщина. В ней они видели спасительницу от тех реставрационных попыток, неприкрытой реакции, которые были произведены в Сибири. И в первые периоды крестьянские массы жили в дружбе и мире с Сибирским Ревкомом. Но вот начинает выявлять настоящее свое лицо Советская власть. Началась продовольственная политика, началось аннулирование денег в формах и условиях, которые явно и неприкрыто били и по рабочему классу и по крестьянству. Деньги были аннулированы тогда, когда был закуплен у крестьян хлеб. Деньги были аннулированы как раз на другой или третий день после того, как рабочим было выдано жалование. Естественно, это была первая кошка, которая пробежала между Советской властью и трудящимися массами. Здесь они увидели, что над ними произвели такой акт, который они в своих интересах истолковать никак не могли при всей своей лояльности, при всем своем желании. Жестокая продовольственная политика поставила крестьянскую массу на дыбы. И эта крестьянская масса сначала от простого ропота и недовольства перешла к открытому ропоту и недовольству и наконец в Сибири разыгрались те тяжелые трагические события, которые неоднократно разыгрывались и на территории Европейской России. Как раз в Алтайской губернии происходил целый ряд крестьянских вооруженных восстаний. Особенно жестокий, кошмарный характер носило восстание крестьян в районе Ишима и Петропавловска. Вот в этот момент, в момент вооруженного столкновения с Советской властью, когда действительно пролиты были реки крови, партия социалистов-революционеров была подвергнута жестоким преследованиям. Наши товарищи арестовывались и погибали в качестве заложников, увезенные далеко куда-то в Березов, расстреливались. Вот в связи с этими событиями и выплыло, что в этих событиях как-то, каким то образом, замешены^а крестьянские союзы. Вот в связи с этими трагическими кошмарными событиями и была притянута партия социалистов-революционеров к делу сначала в Сибирском масштабе, затем здесь в ВЧК во Всероссийском масштабе и наконец перекочевала сюда на эти скамьи. Вот корень вопроса, который заставил на судебном следствии подвергнуть обследованию вопрос о крестьянских союзах. [...] Краевой Комитет Партии Социалистов-Революционеров установил: первое, что при таких тяжелых условиях, при этих сложных обстоятельствах всякая борьба с большевиками может привести к господству или по крайней мере к выступлению тех реакционных сил, которые гнездились на необозримом просторе Сибири. Она может дать повод послужить причиной для продвижения или вмешательства во внутренние дела Сибири войск Японского Империализма. Поэтому при этих сложных обстоятельствах Сибирская Делегация Центрального Комитета Партии Социалистов-Революционеров борьбы за власть с большевиками не ведет. Это был первый пункт. Второй положительной задачей партии является розыскание и укрепление среди крестьян и рабочих тех связей, которыми они пользовались раньше и утверждение на всей территории Сибири, хотя бы и небольших, но прочных чисто партийных дисциплинированных ячеек. Что касается вхождения в беспартийные крестьянские Союзы в то время, когда они по инициативе деятелей разных крыльев, разного пошиба (с разными целями, может быть[,] я здесь согласен с гражданином Крыленко) организовались с целью поднятия восстания против Советской власти, то входить в эти беспартийные организации ни один член партии не мог и не должен был, тем более не мог организовывать эти беспартийные крестьянские союзы, ибо это, как указывалось, ведет к определенным практическим результатам, которые абсолютно не согласуются со всей линией поведения Партии Социалистов-Революционеров в Сибири, с теми исходными пунктами ее тактики, которые только что я наметил. Вот линия партии социалистов-революционеров. Гражданин Крыленко[,] анализируя сибир-

^а Так в документе, следует замешаны.

ские условия[,] согласился, что вот эта была бы до конца правильная линия поведения если бы мы, эсеры доказали, что вот существовал этот документ[,] запрещающий вступление в беспартийные крестьянские союзы, если бы этот документ, как выразился гражданин Крыленко не был бы мифом, был бы в действительности. Что такая позиция была, что такие циркуляры, такие постановления краевого комитета и Сибирской Делегации Центрального Комитета Партия социалистов революционеров были, утверждали подсудимые Герштейн и Федорович. Гражданин Крыленко вправе, конечно, им не верить, но это утверждается свидетелем Кудрявцевым и гражданином Игнатьевым. Вот этому свидетелю Вы, гражданин Крыленко, вероятно больше поверите, чем нам, потому, что в этом процессе гражданин Игнатьев уже старался с поразительной тщательностью строить одну ступеньку за другой, по которой мы легче вошли на эшафот. Гражданин Игнатьев упоминает в своих показаниях (гражданин Крыленко может это проверить в стенограмме за 27-й день заседания на стр. 21-й напечатано – показания гражданина Игнатьева): “в тоже время мне был предъявлен документ, которого я не знал – прокламация Сибирского Областного Комитета Партии социалистов революционеров, не помню от такого числа июня или июля месяца, о том, что воспрещается членам партии участвовать в крестьянском союзе”. Это было сказано гражданином Игнатьевым.

Крыленко – в Красноярском.

Раков – здесь не сказано в Красноярском. Здесь сказано: участвовать в крестьянском союзе. Это написано черным по белому, и сказано было здесь человеческим голосом. Я говорю, что вот этому указанию гражданина Игнатьева вы вероятно верите. Теперь перейдемте к тому, что произошло в Ново-Николаевске. По существу к Сибирскому Крестьянскому Союзу нас и за уши и за хвост и в Сибири и здесь на процессе собственно говоря притягивал гражданин Игнатьев. Все его показания по Сибирскому Крестьянскому Союзу сводились в конечном счете к тому, чтобы какнибудь сделать, чтобы в этом крестьянском союзе, который он организовал и в котором участвовал, – я не ручаюсь за это, в восстаниях против советской власти была притянута организация социалистов революционеров. Он говорит: “с той оценкой положения в Сибири мы не соглашались”. Мы – это Игнатьев и еще кто-то. Эта острота положения, которая создалась в Сибири[,] давала благоприятную почву для агитации и пропаганды борьбы за власть, борьбы с советской властью. Я говорю, что эти мостики, нам на эшафот он строил очень старательно все время. Чем же кончились эти старания. Гражданин Крыленко сказал: Что касается Новониколаевского, Алтайского Крестьянского союза, то несмотря на все старания гражданина Игнатьева, организационной связи с партией не оказалось. В чем же дело. Но гражданин Крыленко поставил некоторое “НО”. И вот это “НО” заставляет меня на вопросе, как будто уже на решенном несколько остановиться. Что произошло в Ново-Николаевске. Там была *какая[-]то* группа кооператоров, какой[-]то центр и в этом центре был Игнатьев активным политическим деятелем. И вот этот Игнатьев[,] который был и в центре и в Архангельском Министерстве[,] и вел милые разговоры с Колчаком, этот Игнатьев обладает по-видимому таким темпераментом, что без активной политической деятельности жить не может. И вот по его настоянию была создана инициативная группа Крестьянского союза в составе самого Игнатьева, Дьяконова, Савченко, Юдина, Меринова и Макушина. Эта шестерка собирается и вырабатывает устав, устав, в котором не говорится об Учредительном Собрании в первоначальной редакции, а говорится только о Земском Собрании. Собираются эти люди, утверждают кой[-]какую программу, соглашаются на этой программе и решают разъехаться по разным местам, по разным губернским городам Сибири. Что делали остальные члены этой инициативной группы в Томске или Омске, здесь свидетельскими показаниями установлено, что они просто ничего не делали.

Сам гражданин Игнатьев поехал в Красноярск, предъявил там эту программу, созвал там собрание, может быть туда и входили бывшие или настоящие эсеры. Потом он возвратился в Ново-Николаевск. Здесь в Новониколаевске эта программа по-видимому опять подверглась пересмотру, потому что в тексте стал фигурировать по указаниям Вашим, гражданин Игнатьев, Земский собор в смысле Учредительного Собрания. Стало быть эта программа редактировалась не один раз, а два раза. В Красноярске она была без Учредительного Собрания, а в Ново-Николаевске тот проект, который поехал с Вами в Алтайскую губернию, был с Учредительным Собранием. Назовите это Вы копией. – Нет. Земский собор, без оговорок, это не то,

что Учредительное собрание, не только по своим полномочиям, а и по построению: ведь Земский Собор может быть основан на началах недемократических. Стало быть мы уже здесь обнаружили две программы. Гражданин Крыленко, согласитесь, что когда к Вам попадет в руки программа, где упоминается только Земский Собор, который должен был заменить советскую власть, и попадает в руки программа, где уже Земский Собор равен Учредительному Собранию, Вы найдете существенную разницу между этими двумя программами. Здесь поразительно другое явление, что только в Красноярске фигурировала программа Крестьянского союза с православием, с какими-то думами и палатами, но эта же программа фигурировала и в Алтайской губернии. Я вовсе не хочу являться прокурором гражданина Игнатъева, как он является прокурором и обвинителем, по отношению к нам. Я вовсе не хочу отягощать его участие хоть чем-нибудь, ибо здесь уже и так торжественно были произнесены семь смертных статей. Я вовсе не хочу этим заниматься. Я вовсе не хочу сказать, что автором этой программы с православием и всякими палатами является гражданин Игнатъев. Но только мы не можем из судебного следствия, как судебного факта устранить два случая.

Побывал гражданин Игнатъев в Красноярске и в Иркутске[,] едет член партии и говорит, что появляется программа Крестьянского союза, как нам быть. Появляется гражданин Игнатъев в Алтайской губернии, как об этом свидетельствует гражданин Рукавишников и там появляется рядом с программой и программа православия. Мимо этих фактов прокурор[,] по-моему, пройти не может, меня же это не интересует, для меня[,] миф или не миф Красноярская программа[,] не существенно. Это ровно не затрагивает нас подсудимых и наших сибирских товарищей по партии и их деятельность в этот период к этой программе с православием и всякими земскими соборами, конечно, гражданин Крыленко, не только не хочет притягивать эсеров, но даже народных социалистов. Я здесь только обращаю внимание на этот факт, и не хочу быть обвинителем гражданина Игнатъева. Гражданин Игнатъев едет в Алтайскую губернию и ведет энергичную кампанию по организации Крестьянского союза. Эта губерния, где в это время как раз происходит наиболее острые крестьянские движения. Где действительно происходили кошмарные трагические события, тяжелые не только для тех крестьян, которые там погибали, но, граждане, тяжелые и для Вас. Там он организует, как он говорит, приблизительно 32 волости, попадает он в Бийске, его арестовывают и на этом деятельность Крестьянского Союза и инициативной группы ликвидируется. Посмотрим теперь, какое отношение вся эта процедура имеет отношение к партии эсеров, по личному составу инициативная группа состоит из следующих лиц: н.с. Игнатъев, Савченко, который, как это зафиксировано, в прошлом году исключен из партии, Дьяконов, который засвидетельствовал, что он к партии социалистов революционеров с 1918 года никакого отношения не имеет, ни к какой организации не принадлежал и ему распоряжения Центрального Комитета не были известны; директивы же и распоряжения местного комитета он считал для себя необязательными и поступал по своему усмотрению.

Макушин – он также два с лишним года никакого участия ни в какой партийной организации не принимал. И, наконец, Юдин, который в Омской организации действительно был, но Юдин сказал, что он об этом Омскую организацию партии социалистов революционеров не извещал и она об этом не знала.

Крыленко – а Тяпкин.

Раков – Сейчас мы перейдем и к Тяпкину. Был гражданин Игнатъев в Барнауле, он разговаривал там с эсерами. Совершенно верно[,] гражданин Крыленко, он разговаривал, но какой разговор был. Он предложил Комитету работать совместно с ним в Крестьянском союзе. Гражданин Игнатъев не отрицает, что Местный Комитет отказался принять участие в этом союзе, Юдин подтверждает тоже самое, Дьяконов тоже слышал, что Барнаульский Комитет социалистов революционеров отказывается. Юдин[,] наоборот[,] говорит, что вместо ответа он преподнес гражданину Игнатъеву устав партийного Крестьянского союза. Барнаульский Комитет партии социалистов революционеров как раз, стало быть, работал по директивам Краевого Комитета Сибирского и Сибирской делегации Центрального Комитета, т.е. он намеревался организовать чисто партийные ячейки, чисто партийные дисциплинированные группы и только. А эти организации притянуть никак нельзя. В Ново-Николаевске никакой партийной организации в это время не было и сам гражданин Юдин, Игнатъев и другие заявляют, что они не входили ни в какую пар-

тийную организацию, а входили только в союз. Наконец, говорят, что Макушин был послан в Томск и вел переговоры с какими[-]то эсерами. С кем. – С Комитетом или с отдельными эсерами. Этого судебное следствие установить не могло, потому что и сам гражданин Игнатъев этого не знает. Наконец, ему было поручено привезти типографию партии социалистов-революционеров. Тоже факт, который можно инкриминировать партии социалистов революционеров, можно, конечно, установить некоторую организационную связь Томского, по крайней мере, Комитета партии социалистов революционеров с этим Крестьянским союзом. Но ведь типография не была привезена. Почему. – На этот вопрос мы ответа не получили, может быть просто потому, что с партийным Комитетом не разговаривали, что он с этой организацией не хотел иметь дела. Во всяком случае эту организационную связь установить нельзя. Итак, Новониколаевское дело о Крестьянском союзе к партии социалистов революционеров отношения не имело и не имеет, и вменять это в вину партийным организациям в Сибири вряд ли будет гражданин Крыленко, постольку поскольку в своей обвинительной речи он констатировал, что организационной связи с партией социалистов революционеров не было. Теперь перейдем к тому, что происходило в Омске. В Омске гражданин Тяпкин встретился с членом Краевого Комитета тов. Кудрявцевым и говорит, что хотел бы заняться крестьянской партийной работой, и спрашивает, как Краевой комитет, вы смотрите на организацию Крестьянского союза. Тут ему отвечают, что у него имеются в распоряжении циркулярные указания Краевого Сибирского Партийного Комитета о том, что членам партии ни в какие беспартийные крестьянские союзы входить нельзя, никаких беспартийных крестьянских союзов устраивать нельзя. Но личная точка зрения, как свидетельствует Кудрявцев, лично ни для кого не обязательная, никоим образом не ангажирующая Сибирскую организацию, была такова, что если организовывать крестьянство, то только в социалистическую организацию крестьян. Вот о чем шел разговор. Это свидетельствует Кудрявцев и Тяпкин. Гражданин Крыленко, когда он говорил о партийной связи Омской организации с этой группой крестьянского союза, он говорил об одной из этих связей: “Ведь разговор с Кудрявцевым был”. – Да, был. Но ведь это же не связь. Вот о чем и в какой плоскости шел этот разговор. Дальше гражданин Кудрявцев говорил, что у Юдина, одного из членов Крестьянского союза в Омске, разговор с Герштейном был, значит – связь была. Да, разговор был, но на другую тему. В разговоре с Герштейном Юдин не касался никакого крестьянского союза. Его заявление Юдину сводилось к указанию[,] какого курса политики следует в Сибири держаться, или проще сказать, какой политический курс наметил краевой комитет и Сибирская делегация Центрального Комитета партии Социалистов Революционеров. Он ясно и определенно ему сказал, что для данного момента все острие наших действенных сил, и организаций в этой политической борьбе в Сибири, должно быть направлено на борьбу с Советской властью не в плоскости борьбы за власть, а в плоскости борьбы с реальной угрозой реакции, попыткам ее свергнуть советскую власть. Все острие действенных партийных сил должно быть направлено на борьбу с надвигающимся реально, а не теоретически только, японским империализмом, действующим вкупе и влюбое с теми реакционерами, которые рассеялись по всей Сибири. Вот, что сказал Герштейн Юдину и Юдин подтвердил это. Какое отношение это имеет к Сибирскому крестьянскому союзу. Наконец, говорил Крыленко: “Ведь Тяпкин[-]то докладывал Городскому Комитету”. Да, докладывал. Но о чем он докладывал. Об этом вопрос не касается. А Тяпкин как раз докладывал о том, в каком состоянии находится и в каком напряжении идет разработка программы крестьянского союза и только. Все остальное, что делал Тяпкин, а я утверждаю на основании того материала, который имеется здесь, практически ничего не делал. Об этом Городскому Комитету известно не было. Это подтверждает и сам Тяпкин. Он говорит, что да, я действовал в разрез с директивными указаниями, которые были сделаны Кудрявцевым, я не выполнил партийных директив, я преступил партийную дисциплину и за это я считаю себя ответственным перед партией. Поэтому я себя не считаю до сих пор социалистом революционером. И напрасно гражданин Крыленко констатировал какую-то близкую связь с Тяпкиным. Тяпкин из партии вышел и эсером себя не считает. Была, говорят здесь связь с Густомесовым. Это связь с людьми уже большего уклона чем те, которые работали в Омске. С Густомесовской ли организацией была связь. Не был ли Тяпкин только связан с Густомесовым. Тяпкин и его компания не подозревали никакой организации за Густомесовым, у него была только какая-то связь с

крестьянами и связь в военных кругах в качестве информатора и только. Но прежде чем разговаривать с Густомесовым ведь они поехали проверить[,] верно ли, что есть связь Густомесова с крестьянами и подлинны ли это крестьяне и не фальшивая ли связь. И только. И Густомесов и все свидетели показывали, что эта Омская группа крестьянского союза никакой практической работы не вела и тем более ни малейшего отношения к крестьянскому движению, разыгравшемуся в Петропавловске, не имела. Единственная услуга, которую сделал для Густомесова Юдин или Тяпкин[,] состояла в том, что задолго до восстания из Омска были отправлены какие-то два человека, которым угрожала репрессиями Советская власть, и эти двое никакого участия в Петропавловском движении не принимали. Наконец Крыленко подходит к проблеме: хорошо – Тяпкин действовал вопреки директивы Центрального и Краевого комитетов, Тяпкин нарушил элементарные правила партийной дисциплины – так откажитесь от него, откажитесь от этого старого партийного работника, если это факт. Я ответил тогда, гражданину Крыленко: я не могу отказаться от человека[,] который там в Сибири, в Ново-Николаевске сделался жертвой трагедии, которая разыгралась в Сибири. Дотоле, доколе эта трагедия для самого Тяпкина не будет разрешена, доколе этот узел, который завязался в этой трагедии, не развязан, не разрешен, поймите, что по элементарным человеческим отношениям мы бросим грязью, бросим камнем (так в документе – *сост.*) в этого человека, может быть стоящего на краю могилы не можем.

Вы можете констатировать, что он нарушил директивы Центрального Комитета, что он шел вопреки им, нарушил элементарное дисциплинарное правило. Он сам в этом сознается, но вы еще хотите заставить нас бросить камень в умирающего. Нет, гражданин Крыленко, я этого не сделаю. Есть здесь в деле программа и устав Всесибирского крестьянского союза. Было опубликовано заявление на имя Н[ово]николаевской или Алтайской Чрезвычайной Комиссии, подписанное нашими партийными товарищами, подписанное, так, что действительно существует Всесибирский Крестьянский союз, что действительно мы являемся или Центральный Комитет во всяком случае является руководящей организацией, что этот крестьянский союз имеет свои ячейки во всех селах и во всех волостях необъятной России. – Заявление, под которым подписываются все же старые взрослые партийные работники и утверждают, что мы руководим вот этим обширнейшим крестьянским союзом, который представляет из себя внушительную реальную силу, что с ним начинает вести политические разговоры гражданин Павлуновский. Я уверен – на место Павлуновского вы наивного человека не посадите никогда. Павлуновский, вероятно, лучше, чем гражданин Игнатъев, и гражданин Тяпкин, знает, где какие настроения существуют в крестьянской среде; и вот такого опытного практического работника, знающего Сибирь вдоль и поперек, эти наивные эсеры с Игнатьевым во главе хотят надуть, хотят шантажировать. Позвольте этому не поверить. Павлуновского шантажировать не так легко. Кого же Игнатъев и компания могли шантажировать. Они могли шантажировать Юдина, Тяпкина и других членов партии социалистов революционеров, которых хотели притянуть к несуществующей Сибирской организации. И здесь, в своих показаниях гражданин Игнатъев откровенно рассказал об этом, что действительно в Сибири в тюрьме они так и написали такое заявление, что они несуществующий крестьянский союз объявили существующим, якобы для того, чтобы получить возможность вести разговоры политические с представителями реальной силы – Сибревкомом. Граждане, ведь объяснение это, по меньшей мере наивное, объяснение это по меньшей мере нелогичное. Если бы Сибревком такими наивными мерами шантажировали, я думаю, что гражданин Крыленко не позволил бы ему оставаться ни одной минуты на месте. Это объяснение получает явно определенный характер невероятности даже в смысле шантажа. Здесь шантажировали и притягивали эсеров. Здесь вероятнее другое объяснение, что вот в связи с активной работой гражданина Игнатьева в Алтайской губернии[,] может быть[,] происходили те кошмарные трагические события, о которых я здесь упоминал, что за эти именно события притянули 30 студентов сельскохозяйственного института. Тут же захватили в Бийской или Барнаульской организации самого гражданина Игнатьева. Сибирская, Алтайская Чрезвычайная Комиссия квалифицировала все это движение, как движение бандитское, и чтобы казаться не бандитами, чтобы придать этому движению характер социалистический и политический[,] оставалось шантажировать отдельных членов Партии Социалистов революционеров и они были шантажированы под смертью, которая угрожала

этим студентам и этим крестьянам, а может быть и самому гражданину Игнатьеву. Вот где разгадка той трагедии, которая разыгралась в Алтайской Чрезвычайной Комиссии, вот таков этот шантаж, подтвержденный показаниями самого гражданина Игнатьева, что это была выдуманная, а не действительная организация, что это было выдумано и преувеличено для того, чтобы создать как бы реальную силу.

Вот почему дотоле, доколе Вам, ведущим в Советской России судебные дела, руководящим судебным следствием, не удастся найти настоящей истины здесь, до тех пор хоть каким-нибудь самым отдаленным способом притянуть Партию Социалистов-революционеров к этому делу[,] конечно[,] нельзя. К тюремному Крестьянскому Союзу притягивать даже отдельных членов нельзя. Вот будет процесс Сибирского Крестьянского Союза, процесс[,] где вы будете судить наших товарищей. Там дай Бог, чтобы Вы нашли эту настоящую истину, чтобы Вы четко ее формулировали и, наконец, осветили бы то темное, что происходило в алтайской губернии, не в Чрезвычайной Комиссии, а в Крестьянской Алтайской губернии, осветили бы то кошмарное, тяжелое, темное, что там совершалось. Здесь Вы привлечь Партию Социалистов-революционеров не можете.

Наконец, у гражданина Крыленко есть еще одно средство, которым он притягивает Центральный Комитет Партии Социалистов-революционеров в частности, и всю партию целиком к крестьянским союзам вообще. В мае 1920 года Центральным Комитетом Партии Социалистов-революционеров был издан циркуляр, направленный к партийным работникам и трактующий о методах и способах ведения крестьянской работы. Там рекомендуется в первую голову концентрировать политическую мысль крестьян, заставить эту крестьянскую массу социально ослабленных, политически бесправную, распыленную, рассеянную, далекую от какой бы то ни было продуманности в области своих политических выступлений, заставить ее сконцентрировать свое внимание на политических проблемах, не выступать по первому случаю за первым проходимцем с вилами, косами и лопатами, а продумать эту свою политическую линию поведения. Это подготовительная работа, работа так сказать по консолидации крестьянского мнения, не более. Дальше Центральный Комитет рекомендует после этого создавать на местах крепкие ячейки, крепкие партийные организации. Они должны быть опорными пунктами для всей политической работы Партии среди крестьянства. Они должны быть точками применения сил политической деятельности партии среди крестьян, без которых немыслима работа в самом крестьянстве. Это другая основная работа. Когда все это будет сделано, когда будет намечена консолидация крестьянского мнения, когда пройдет эта сложная кампания, когда будут сколочены прочные консолидированные партийные ячейки, тогда можно будет приступить к организации социалистических крестьянских союзов. Таких союзов, в которые могут входить эсеры, борьдбисты⁶, вообще не социалистические партии левые отнюдь не правые, даже народных социалистов там отнюдь не было. Так вот гражданин Крыленко говорит: – Позвольте, Вы в своей партийной периферии насаждаете этот яд, эту отраву, бросаете эту идею организации беспартийных крестьянских союзов, и вот в этом ваша вина. Поэтому в Сибири, Ново-Николаевске и так далее возникают крестьянские союзы. Вот в этом деянии, только в этом ваша вина, в том, что мы говорим, что может быть полезно и нужно организовать крестьянские союзы после длительной и тяжелой работы. Вина партии и Центрального Комитета состоит в том, что он рекомендует вести длительную работу сообразно условиям, местности и времени, в конце концов организовать крестьянские союзы. И поэтому мы здесь, сидящие на скамье подсудимых, за эти[-]то деяния и привлекаемся к ответственности, за деятельность Сибирских Крестьянских Союзов. Если мы обратимся к фактическому материалу, с которым оперировал, – а он умеет оперировать с таким фактическим материалом, – гражданин Крыленко, к тому фактическому материалу, который приложен к делу, то мы увидим, что с этой линией поведения Центрального Комитета, то, что вменяется в вину нам, это ничего общего не имеет. Это делалось или не зная циркуляра, или узнали об этом циркуляре после, когда деятельность по Крестьянскому Союзу уже началась сама по себе. Тогда, говорит гражданин Крыленко, Ваша вина состоит в том, что гражданин Юдин обрадовался, так как его линия поведения совпадала с линией Центрального Ко-

⁶ Так в документе.

митета и это до некоторой степени было моральной санкцией и поддержкой и за это Вы отвечаете. Должен сказать, что работа всех Сибирских деятелей крестьянского союза шла коренным образом в разрез со всей той тактикой, которую рекомендовал Центральный Комитет в качестве указания для практической крестьянской работы. Мы этой предварительной, подготовительной работы не только не проделали, не только не приступали к ней, но и не хотели ее делать. Вот Краевой Комитет, линию поведения которого гражданин Крыленко признал, наконец, правильной, он и следовал указанию этого циркуляра, “прежде чем решать вопрос о крестьянском союзе, Вы, Партийные работники на местах, в тех тяжелых условиях, в которых находится Сибирь, в том критическом положении, в котором очутилась Сибирь при наличии определенных объективных условий, Вы извольте проделать эту длительную, подготовительную работу, Вы прежде всего займетесь социалистической пропагандой и агитацией среди крестьян, чтобы они с вилами и косами не шли за первыми проходимцами против Советской власти, чтобы они отличали этих бандитов от действительных социалистов и политических деятелей”. Эта работа кропотливая и тяжелая. Вторая работа, которую рекомендовал после этого делать Краевой Комитет, это организовывать крестьянские партийные организации, как опорные пункты для партии среди крестьянства. И только проделавши эту длительную работу, можно строить крестьянские союзы, но не так, как строились они в Новониколаевске, а исключительно они должны были быть социалистическими от эсеров и левее, с уставом, который должен был объединить программу и тактику тех партий, которые могут объединиться на этой почве. И мы знаем[,] когда делаются попытки составлять программу и устав такого чисто социалистического крестьянского союза, то приходится прибегать прежде всего не к Земскому Собору, а приходится прибегать к трудовластию, а так как трудовластие на языке гражданина Крыленко равно советовластию, принципиально разницы как будто нет, но практически может быть разница, – то Вы увидите, что в том, что делалось в Сибири, Центральный Комитет ни при чем. Как ни старались партию за уши притянуть к этому делу, я кончаю свою защиту деятельности Сибирской организации Партии Социалистов-революционеров, с глубочайшим убеждением, что эти обвинения вменяются не по адресу[...].»

³⁰ См. предисловие, с. 93–95.

³¹ Министр иностранных дел Германии В. Ратенау был убит утром 24 июня 1922 г., когда он ехал на работу в возглавляемое им министерство. Его убийцами оказались молодые люди, принадлежавшие к различным крайне правым группировкам – «Дойч фолькишер шутц» и «Трутцбунд», «Морская бригада Эрхарда» (некоторые из них принимали участие в первой попытке свергнуть республику во время путча Каппа в 1920 г.). Все они были членами организации «Консул» («Konsul»), имевшей свою штаб-квартиру в Мюнхене. Действовавшая в 1920–1933 гг. эта тайная террористическая организация финансировалась некоторыми германскими монополиями, ее члены совершили свыше 300 политических убийств. Поводом к убийству послужили обвинения Ратенау в принадлежности к мировому сионизму и связях с коммунистами. Покушению предшествовала кампания травли Ратенау в немецкой правой прессе.

³² Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) – создана в 1869 г. на общегерманском рабочем съезде в Эйзенахе (руководители В. Либкнехт и А. Бебель). В партии шла острая борьба между течениями – с начала XX в. три: ревизионистское, или правое (Э. Бернштейн, К. Легин, Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, Г. Мюллер), центристское (К. Каутский, после 1910 г.) и левое (К. Либкнехт, Р. Люксембург, К. Цеткин, Ф. Меринг, В. Пик), на основе которого образована в декабре 1918 г. Коммунистическая партия Германии. Находилась вне закона в 1878–90 гг. и в период нацистской диктатуры (1933–45 гг.).

³³ См. док. № 17-43, 17-44, 17-45, 17-46, 17-47, 17-48, 17-52.

³⁴ См. док. № П-3.

³⁵ Борьба вокруг формулы предстоящего приговора Трибунала занимала важное место в политическом противостоянии большевистского руководства и эсеровских лидеров в эмиграции. И если до начала процесса наличие т.н. Берлинского соглашения о неприменении смертной казни к обвиняемым являлось аргументом в контрпропагандистской кампании Заграничной делегации ПСР, то последующий отказ большевиков принимать во внимание эту договоренность заставил обе сто-

роны считаться с возможностью вынесения смертного приговора части обвиняемым. Что касается деятелей ЗД ПСР, то, судя по переписке, они уже допускали такой вариант развития событий, при котором обвиняемым первой группы будет вынесен смертный приговор, но применят его власти в отношении пятерых: в своем письме к Е. Брешко-Брешковской от 3 июля 1922 г. Б. Рабинович, основываясь на источниках из России, называл фамилии А. Гоца, Д. Донского, Е. Тимофеева, Е. Ивановой-Ирановой и Н. Иванова. Возможно, что такого рода «утечку» информации организовывали сами обвиняемые первой группы, внутри которой существовало устойчивое мнение о предрешении своей участи. Так, согласно сводке наружного наблюдения на процессе 4 июля 1922 г. один из агентов ГПУ докладывал: «Лихач, Гоц и Гендельман в разговоре со мной высказывали мнение, что им надоела эта возня, т.к. они все точно знают, что приговор уже составлен, и у тов. Пятакова уже в кармане. На мое возражение, что вряд ли кто-либо такую нелепость может утверждать [...] Гендельман мне заявил, что мы знаем великолепно, что гр. Пятаков ежедневно докладывает в Совнарком о ходе процесса и получает точные инструкции и указания для ведения собрания» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 43).

Несколько позднее, 17 июля 1922 г. из зафиксированного чекистами разговора в тюрьме Е. Тимофеева с другими заключенными позиция последнего относительно исхода процесса выглядела следующим образом: «Мы предполагаем, что на семь человек вынесут <смертные> приговоры, но мы подадим заявление, чтобы всех расстреляли, и вот они примут заявление и приведут в исполнение, то это будет для них очень плохо, тогда за границей будет бунт и от Советской власти все рабочие откажутся» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 48. Л. 133).

Среди лидеров большевиков, как свидетельствуют источники, не существовало единства в данном вопросе. «Включенному» в процесс изнутри в качестве обвинителя А.В. Луначарскому, выразившему точку зрения о том, что вынесение смертного приговора возможно, но исполнение недопустимо по политическим соображениям, в письме к «тройке» от 12 июля 1922 г. казалось вероятным доказать причастность к организации террора против лидеров большевиков только А. Гоца и Д. Донского.

Не сохранилось каких-либо указаний о том, кого конкретно имел в виду Л. Троцкий, предлагая директиву о расстреле 4-х обвиняемых. Можно лишь предполагать, что, помимо А. Гоца и Д. Донского (к последнему вообще трибунал применил наибольшее число статей обвинения – восемь, четыре из которых предусматривали смертную казнь), в это число должен был попасть Е. Тимофеев, вместе с А. Гоцем руководивший на процессе действиями обвиняемых первой группы.

Можно также предположить и то, почему именно Троцкому принадлежала инициатива выработки «расстрельной» директивы. Параллельно процессу ПСР шел, но завершился ранее, в июле, процесс по делу петроградского духовенства и верующих; по завершении его на заседании Политбюро от 13 июля 1922 г. докладчиком вопроса «О питерских попах» (как и ранее, 18 мая 1922 г. вопроса «О московских попах») выступал Л. Троцкий (см.: Политбюро и церковь. 1922–1925. Кн. 1. М., 1997. С. 237, 229). Соавтору директивы о расстреле 4-х «питерских попов» вполне подходила и формула о расстреле 4-х эсеров.

Примечательно еще одно хронологическое совпадение времени обсуждения судеб приговоренных петроградских священнослужителей и верующих и лидеров ПСР (начало августа 1922 г.) и формы обсуждения (вынесение вопроса, ранее решенного уже заседанием Политбюро, на заседание проходившего в начале августа Пленума ЦК РКП(б)). Наличие не преодоленных разногласий внутри высшего партийно-государственного руководства по вопросам жизни или смерти тех, кого оно считало своими противниками, заставляло лидеров большевиков в одних случаях искать компромисс (отсроченный смертный приговор части членов ПСР), в других же искать более широкую поддержку внутри круга соратников для реализации «расстрельных» директив (священнослужители).

Одна из причин того, почему Троцкий мог уступить «умеренным» большевикам (Каменеву и др.) в вопросе о расстреле 4-х эсеровских лидеров, могла лежать в осознании большевиками возможности коллективного и осознанного протеста на это решение со стороны «цекистов» в виде требования привести смертный приговор в исполнение в отношении всех 12-ти осужденных к смерти. О готовности лидеров ПСР к самопожертвованию свидетельствовало не только их поведение в ходе процесса (см. приведенное выше высказывание Е. Тимофеева), но и акции после

процесса (письма Е. Тимофеева и Н. Иванова об исполнении приговора в отношении каждого из них лично – см. док. № 18-13 и № 18-14).

³⁶ Коммунистическая партия Германии – создана в 1918 г. Лидеры: Р. Люксембург, К. Либкнехт, Э. Тельман, К. Цеткин и др. В 1933–1945 гг. на нелегальном положении. В 1946 г. объединилась с Социал-демократической партией Германии, образовав Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ). В числе руководителей В. Пик, О. Гротеволь и др. В 1990 г. преобразована в Партию демократического социализма (ПДС).

³⁷ Коммунистическая партия Чехословакии – создана в мае 1921 г. на базе Чехословацкой социал-демократической рабочей партии (левой) путем объединения марксистских организаций и групп, возникших под влиянием Октябрьского переворота 1917 г. в России. Основатели: Б. Шмераль, А. Запотоцкий, К. Крейбих и др. В 1938 г. запрещена после мюнхенского соглашения. В годы нацистской оккупации (1939–1945 г.) на нелегальном положении. С февраля 1948 г. правящая партия. В июне объединилась с Социал-демократической партией.

³⁸ Французская коммунистическая партия (ФКП) – основана в 1920 г. В числе руководителей были М. Кашен, М. Торез, Ж. Дюкло, Ж. Марше. Печатный орган – газета «Юманите».

³⁹ Итальянская коммунистическая партия (ИКП) – основана 21 января 1921 г. (до 1943 г. называлась КП Италии). В числе основателей и руководителей А. Грамши, П. Тольятти. ИКП прекратила свою деятельность в феврале 1991 г.; на ее основе создана Демократическая партия левых сил.

⁴⁰ Антанта (франц. Entente, букв. согласие) («Тройственное согласие»), союз Великобритании, Франции и России; оформился в 1904–07 гг. и объединил в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более 20 государств (среди них США, Япония, Италия).

⁴¹ Используя как повод приближение четвертой годовщины убийства 20 июня 1918 г. народного комиссара по делам печати В. Володарского, руководство РКП(б) с 15 июня неоднократно обращалось в печати с призывами к населению участвовать в демонстрации. На производстве и в учреждениях велась агитация и организационная работа по привлечению рабочих и служащих к участию в ней. Акция сопровождалась публикациями в центральной прессе 20 июня, посвященными памяти Володарского и содержащими резкие выпады против социалистов-революционеров. В связи с проведением демонстрации в Москве был объявлен укороченный рабочий день. С 12 часов дня в указанных организаторами местах начали формироваться колонны демонстрантов и готовиться к выдвигению на Красную площадь. Демонстрация началась в 16 часов, с выходом на сооруженную на площади трибуну президиума (председатель митинга Л.Б. Каменев, председатель Верховного революционного трибунала Г.Л. Пятаков, обвинители Н.В. Крыленко и К. Цеткин, защитники второй группы Н.И. Бухарин, Ф.Я. Кон и Ж. Садуль, многие русские и западные коммунисты (К.Б. Радек, Б. Шмераль, Б. Суварин, Б. Хейвуд и др.). Одновременно службой безопасности были сняты кордоны и на площадь после прохождения под траурный марш батальона солдат вышли демонстранты. По утверждениям советской печати, численность демонстрантов составила около 300 тыс. чел. Участники демонстрации несли транспаранты с лозунгами, клеймившими социалистов-революционеров как «агентов иностранных капиталистов» и основных виновников гражданской войны. Неоднократно раздавались требования расстрела подсудимых первой группы: «Смерть предателям революции», «За кровь вождей рабочего класса, за кровь наших мужей и сыновей требуем суровой кары». В отношении подсудимых второй группы предлагалась «Пощада раскаявшимся». Демонстранты несли значительное количество плакатов и кукол с карикатурным изображением социалистов-революционеров и западноевропейских социалистов, и перечислением их преступлений. Перед демонстрантами выступили Пятаков, Крыленко, Радек, Бухарин, Каменев и ряд других ораторов. Выступивший первым Пятаков заверил собравшихся, что суд будет стоять на страже «интересов и спокойствия рабочего класса» и вынесенный им приговор будет «справедливым и грозным». Крыленко просил демонстрантов поддержать и одобрить свое требование смертной казни обвиняемым. Рабочий, включенный в список выступающих, выразил мнение, что суду нечего волыниться с социалистами-революционерами. «Смерть предателям,

смерть убийцам», – закончил он выступление. «Да здравствует пролетарский суд, смерть эсерам», – отвечала толпа. Радек заклеил позором «бегство» западных защитников. Бухарину толпа громко аплодировала за защиту Семенова и компании. «Пусть наши враги склонят перед нами голову, а кто не захочет, пусть ее потеряет», – заявлял Каменев. Он спрашивал демонстрантов, верят ли они суду. «Верим, верим!» – скандировали те и громко приветствовали стоящих на трибуне. Демонстрация сопровождалась исполнением военными оркестрами революционных песен, траурных маршей и специальных композиций, созданных к проведению процесса. Около семи часов обвиняемых вывели на балкон, где они подвергались освистыванию и словесным выпадам. Демонстрация продолжалась несколько часов и занимала территорию вплоть до Дома союзов (места судебных заседаний). Вечером часть демонстрантов была допущена на вечернее заседание суда.

Дело 18

¹ Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч) – правительство, созданное в Самаре 08.06.1918 после захвата города чехословацкими подразделениями. Первоначально состоял из 5 членов Учредительного собрания (председатель эсер В.К. Вольский). Объявил себя временной властью до созыва Учредительного собрания на территории Самарской губернии, позднее стремился придать своей власти «всероссийское» значение, распространить ее на всю территорию, захваченную противниками Советской власти. В начале августа 1918 г. в Комуче было 29 человек, в начале сентября – 71; а в конце сентября – 96–97 человек. Исполнительная власть сосредоточивалась в «Совете управляющих ведомствами» (председатель Е.Ф. Роговский): П.Д. Климушкин (ведомство внутренних дел); Е.Ф. Роговский (ведомство государственной охраны и порядка); А.С. Былинкин (ведомство юстиции); М.А. Веденяпин (ведомство иностранных дел); И.М. Брушвит, Д.Ф. Раков (ведомство финансов); В.К. Вольский, В.Н. Филипповский (ведомство промышленности и торговли); В. Абрамов, М.А. Веденяпин (ведомство государственных имуществ); С.Л. Маслов (ведомство земледелия); Вольский, И.М. Майский (социал-демократ), Филипповский (ведомство труда); П.Г. Белозеров, Веденяпин (ведомство почт и телеграфов). Комуч декларировал восстановление демократических свобод, принял красный государственный флаг, установил 8-часовой рабочий день, сотрудничал с местными советами рабочих и крестьянских депутатов, разрешил деятельность съездов и конференций общественных организаций демократического и либерального направления. Одновременно частично отменил действие декретов Советской власти, возвращал бывшим владельцам национализированные промышленные предприятия, денационализировал башки, восстановил городскую думу и земства, разрешил свободу частной торговли. После создания 23 сентября 1918 г. Уфимской директории Комуч преобразовался в «Съезд членов Учредительного собрания». «Совет управляющих ведомствами» перешел на положение Областного Уфимского правительства. 19 ноября, после переворота Колчака, «Съезд членов Учредительного собрания» арестован. Окончательно упразднен 3 декабря 1918 г.

В.К. Вольский, получивший во второй половине мая 1918 г. от ЦК ПСР задание пробраться Уральск (считавшийся эсерами «центром борьбы за народовластие»), в 1921 г. вспоминал в московском Доме печати о становлении Комитета: «[...] По докладам в 8-м Совете я знал, что Самарская и Саратовская губернии в крайне напряженном, предповстанческом состоянии. ЦК было известно и то, что чехи, расположенные в разных районах, обещали нейтралитет, может быть даже содействие восстанию, хотя более склонялись к отказу от вмешательства в русские дела, требуя себе только свободы выхода из России и присоединения к союзникам[...]. По моем приезде в Саратов [...] я узнал о той боевой подготовке к приходу чехов в Самаре, которая велась социалистами-революционерами, и от Областного повстанческого комитета получил поручение поехать в Самару для помощи местным работникам[...]. В Самару я приехал, когда уже шли бои в 15–20 верстах от нее. Сызранский совет пропустил чехов беспрепятственно. Самарский совет решил не допускать их дальнейшего прохождения, несмотря на то, что рабочие отнеслись к этому решению с большим сомнением и отрицанием, особенно железнодорожники.

Эсеровская организация в Самаре [...] развивала интенсивную работу, как в оказании помощи в ускорении взятия Самары, так и в подготовке к действиям после ее взятия. [М.А. Веденяпин указывал, что «[...] в Самаре была небольшая группа активных партийных работников, подготовлявших восстание; главными организаторами были члены Учредительного собрания от Самарской губернии – И.М. Брушвит, П.Д. Климушкин, [Б.]К. Фортунатов и приехавшие позднее Нестеров и Вольский» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина Центральному комитету Партии социалистов-революционеров 29/IV.1919 г. // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 2000. С. 36)]. Эсеровские боевые дружины еще до чехов взяли Иващенковский завод и [...] оказали значительную помощь в ускорении взятия Самары. Член Учредитель-

ного собрания И.М. Брушвит в Пензе присоединился к чехам и, принимая личное участие в боях, все влияние свое употребил на то, чтобы убедить чехов дать возможность под их временным прикрытием образовать реальные силы для борьбы за Россию и Учредительное собрание. [Как показал на утреннем заседании 29 июня 1922 г. свидетель обвинения, бывший управляющий делами Комуча Я.С. Дворжец, «[...]самарским комитетом партии [эсеров] был командирован к чехословацкому командованию [...] И.М. Брушвит, который по возвращении оттуда делал доклад в создавшемся уже Комитете Учредительного собрания и на общем собрании граждан г. Самары, где рассказал, что в первую минуту чехословаки встретили его крайне враждебно, что они совершенно не желали считаться с ним как с представителем организации, которая оказывает им содействие[...]. Брушвит [...] чехословацкий штаб нашел в Пензе, но там ему не поверили в том, что Самара действительно обладает такими силами, которые сумеют оказать поддержку чехословацким войскам и потребовали у него доказательств[...].» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 460, 472)]. Член Учредительного собрания Б.К. Фортунатов и другие эсеры оказали ряд технически-боевых содействий чешскому продвижению[...].

Ночью и утром на 8-е июня Самара была занята. Утром 8-го в 10 часов была объявлена власть Комитета членов Учредительного собрания в составе И.М. Брушвита, В.К. Вольского, П.Д. Климушкина, И.П. Нестерова и Б.К. Фортунатова[...]. [из отчета Веденяпина ЦК следовало, что делались «[...]попытки привлечь к власти не только местные самоуправления, но и политические партии. Те деятели (кадеты – М. Ве[деняпин]), которые теперь претендуют на власть и всячески нас поносят, тогда от нее отреклись во всеуслышание. Партия с.-д. меньшевиков также в первый день отказалась принимать участие и на наше предложение ответила, что может присоединиться лишь после получения директив ЦК партии в Москве или созыва конференции. Партия же Народной Свободы ответила, что выступит лишь тогда, когда определенно убедится, что чехи остаются здесь[...].» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина Центральному комитету Партии социалистов-революционеров. С. 37). Дворжец указывал: «[...]тут же встал вопрос о создании всероссийской власти. Если до факта занятия Самары стоял вопрос [о] создании этой власти из представителей местных органов, как земства и городской думы, то с того момента, когда прибыл уполномоченный Центрального комитета Вольский, с момента занятия Самары, стоял вопрос о создании этой власти не как местной самарской, а как власти, являющейся зачатком власти всероссийской. Тогда было решено, что в состав Комитета и войдут представители местных самарских организаций, а Комитет будет сконструирован из числа членов Учредительного собрания, приезжающих в город Самару. В дальнейшем приезжающие члены Учредительного собрания входили в состав этой власти и она приобрела название “Комитета членов Всероссийского учредительного собрания” вместо “Самарского комитета”, каким она именовалась первые дни[...].»(ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 461–462)]. Проект первого воззвания был уже заготовлен. Я считал в нем ошибочным, во-первых, отсутствие общего принципа временной революционной власти во имя Учредительного собрания и смесь самарски-местного дела с общероссийской задачей и, во-вторых, огульное восстановление учреждений дооктябрьского периода, что, несомненно, было излишним и вводило путаницу[...]. Но Климушкин заявил мне, что текст уже одобрен всеми наличными членами Учредительного собрания [...] и основан на переговорах с различными местными представителями демократии. Мне оставалось или не подписав войти в Комитет, или проявить “солнцарность” с самого начала, а затем уже в процессе работы выправлять первоначально допущенную ошибку. Я сделал последнее и подписал наше первое, несколько путаное воззвание [См.: Декларация Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания // Россия антибольшевистская. С. 27–29]. В первый же день было объявлено ведомственное разделение Комитета[...]. Все дела вообще решались именем Комитета и многие ведомственные дела мало-мальски принципиального характера решались нашим «обширным» пленумом, доходившим часто до 3-х человек. Впоследствии развивалось и более оформленное разделение труда, большее оборудование органами действия, наконец, большая уверенность друг в друге, что в сфере его компетенции [каждый член Комитета] и сам не отойдет от общей линии. Но и при всей дальнейшей структуре аппаратов управления, управлял Комитет и принципы каждого акта устанавливались им коллегиально. Это не мешало тому, что иные,

весьма важные, акты, проходили в силу взаимной сработанности и доверия к разумной обдуманности их постановки по ведомственной инициативе с самым лишь общим докладом Комитету[...]» (Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского // Исторический архив. 1993. № 3. С. 124–125).

Я.С. Дворжец отмечал, что «В первый момент, когда Комитет состоял из пяти человек, его действия были более или менее сплоченные и исходившие из этого директивы. Тогда все вопросы решались быстро и он являлся как-будто бы властью, которая способна была выполнять свои функции. Но когда его состав пополнился, когда в него влились уже другие члены Учредительного собрания, в нем самом уже имелись различные группировки. С одной стороны[,] имелась группа, которая была левее, в которую входили [...] К.С. Буревой, к которой примыкал М.А. Веденяпин, [В.К.] Вольский. С другой стороны [–] целый ряд группировок различных оттенков, начиная с группировки [В.В.] Подвицкого, [Е.Е.] Лазарева и всех тех правых членов Учредительного собрания, принадлежавших к Партии социалистов-революционеров, которые сочувствовали “Союзу Возрождения” и фактически входили в его состав» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 471–472).

На протяжении всей деятельности отношения наиболее активной части Комитета и его правительства с бюро партийной фракции Учредительного собрания оставались напряженными – при том, что многие управляющие ведомствами одновременно являлись членами бюро фракции. Когда направленный через несколько дней после Государственного совещания в Челябинске с информацией о его решении («создать в Уфе Государственное совещание в целях объединения всего востока России и создания впредь до Учредительного собрания общего временного правительства») эмиссар, вернувшись в Самару, по словам Вольского, «[...]привез такие вести, что нам сразу стало ясно, что рассчитывать мы можем только на себя и только наши победы заставят бессильных и никчемных людей, сидевших в “бюро фракции” эсеров, признать комитетскую работу и милостиво сесть в кресло Учредительного собрания и затем “судить” Комитет за “авантюру”. Мы – пятерка [первые пять членов Президиума Комуча] – с нескрываемым презрением отнеслись к этим, называвшим себя эсерами, бюрократам из фракции социалистов-революционеров. В ответ на их заявление, что мы авантюристы, я послал им, жаль, не дошедшее до них письмо, где объявил их злейшими врагами Учредительного собрания, партии социалистов-революционеров и просто мерзавцами. Через М.А. Веденяпина мы вскоре получили “благословение” ЦК и тем спокойнее стали игнорировать бюрократов из бюро, хотя тем более остро ощущали недостаток сил и слабость своей базы, покоящейся на отношении к нашему делу таких эсеров, которых бы лучше не было в партии, но которые имели звание членов Учредительного собрания и потому силой, нашей силой, они впоследствии наше дело разрушили, а потом, когда оно погубило и мы сделали все выводы из положения, подняли шакалий вой против нас за [наше] “соглашение” с большевиками» (Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского. С. 132).

Неоднозначно складывались контакты Президиума Комуча и его правительства с ЦК ПСР: Вольский отмечал, что «[...] Пополнение Комитета повело и к созданию ненужной фракции, сыгравшей плачевную роль в Уфе. Организаторы фракции понимали, что в Комитете им большинства не получить и с благословения ЦК они создали фракцию из всех эсеров членов Учредительного собрания, в Уфе – из всех эсеров и, таким образом, насильствовали эсеров Комитета и самый Комитет. Мы, основное ядро, и примыкавшие к нам, считали, что только комитетчики могут решать его дела, ибо Комитет орган власти, а не партии социалистов-революционеров и что не члены Комитета тут участия иметь не могут, а просто, как граждане, должны повиноваться власти. Но ЦК, которому и мы все же считали себя обязанными повиноваться, обессиливал нас. На одном из заседаний ЦК в Самаре, на которое был приглашен и я, при обсуждении вопроса о бездейственности правительства я заявил, что откажу в повиновении, если ЦК отступит от позиций 8-го Совета партии» (Там же. С. 133–134).

В целом негативно оценивал деятельность бюро партийной фракции Учредительного собрания и М.А. Веденяпин: «[...] Из Москвы товарищей из Бюро фракции стало приезжать все больше и больше; большинство из них ехало за Волгу с каким-то пресудеждением к Комитету, без всякой веры в наше дело, без веры в массы; они ехали не проводить директивы, данные Советом партии ЦК, а какие-то

свои задачи пробовать претворять в жизнь. Все, что делалось нами в Самаре, для них было чуждо, они не хотели помочь в нашем деле, а вольно или невольно мешали ему. [...] наши товарищи не считали нужным приехать к нам в Самару, а отправлялись в Сибирь, в Омск. Проехали Авксентьев, Моисеенко, Гендельман, Минин, туда же двинулись Аргунов, Павлов; только случайно удалось перехватить одного Гуревича. Гуревич нам объявил, что у Бюро фракции постановлено съехаться в Омске и Бюро запретило членам входить в Комитет, потому и он, Гуревич, не мог вступить в Комитет, а поехал в Омск для получения этого разрешения. Гуревич впоследствии вступил в Комитет, а также и Гендельман, но товарищи легко могут судить по именам, как было бы важно вступление всех этих товарищей в наш Комитет вовремя, ведь многое могло бы измениться, ведь в это время разрывалась пятерка с несколькими приехавшими товарищами (Филипповским, Лазаревым и др.) положительно на части, и приходилось делать промахи, и не выполнялось все, что необходимо было сделать. В Самаре всю работу выполнял, выражаясь современным термином большевиков, наш партийный “середняк”, все более крупное, приехавшее на все готовое, только вставляло палки в колеса комитетской работы “середняка”, вводило его в смущение, и вместо плодотворной работы начался период нескончаемых разговоров с товарищами, искусившимися и всецело поглощенными желанием творить высокую политику. Москвичи с места в карьер взялись не организовывать и налаживать работу Комитета или работу партии, а всего лишь организовывать отделы Союза возрождения для борьбы с партией и Комитетом[...]» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина... С. 52–53).

Строившаяся Комитетом буквально на ходу и существовавшая неполных четыре месяца система государственного управления имела неровный и противоречивый характер, в ней сочетались методы диктатуры и коллегиальности. Вольский отмечал, что «под конец своей работы Комитет стал создавать комиссии и вообще переходил к плапомерной работе, знаменующей глубокую жизненность того принципа “коллективного самодержавия”, который лег в основу его строения. Коллегиальность пронизывала работу комитета, была его принципом, как внутренним, так и ведомственным, была способом избежать бюрократизма сверху донизу[...] Комитет сохранял свое самодержавство, но осуществлял его наилучшими путями, никогда не забывая своей демократической природы и своих демократических целей[...].

Комитет действовал диктаторски, власть его была твердой и, как сказал однажды товарищ Иванов – жестокой и страшной. Это диктовалось обстоятельствами гражданской войны. Взяв власть в таких условиях, мы должны были действовать, а не отступать перед кровью. И на нас много крови. Мы это глубоко сознаем. Мы не могли ее избежать в жестокой борьбе за демократию. Мы вынуждены были создать и ведомство охраны, на котором лежала охранная служба, та же чрезвычайка и едва ли лучше[...]» (Судьба Учредительного собрания... С. 134).

В свою очередь, М.А. Веденяпин подчеркивал, что «характеризуя вообще политику Комитета, можно сказать, что она была национальной политикой, где интересы государства превалировали над интересами групп, классов, партий и интересов окраины[...]» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина Центральному комитету Партии социалистов-революционеров... С. 50).

² «Комитет спасения Родины и революции» – создан в ночь на 26 октября (8 ноября) 1917 г. в Петрограде для борьбы против Октябрьского переворота, совершенного большевиками. В комитет, возглавлявшийся эсерами (Н.Д. Авксентьев – председатель, А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, В.М. Чернов и др.) входили представители Городской думы, ВЦИК Советов 1-го созыва и Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов, ушедшие со 2-го съезда Советов члены фракций меньшевиков и эсеров, представители Почтово-телеграфного союза, Предпарламента, Центрофлота и других организаций. Распался после подавления юнкерского восстания, а его деятели образовали «Союз защиты Учредительного собрания». В Москве 25 октября при Городской думе был создан «Комитет общественной безопасности» во главе с городским головой, эсером В.В. Рудневым. В вооруженной борьбе против Московского ВРК он потерпел поражение и был распущен 2(15).11.1917.

³ В ноябре 1914 г. большевистская фракция IV Государственной думы была арестована, ее члены (А.Е. Бадаев, М.К. Муранов, Г.И. Петровский,

Ф.Н. Самойлов, Н.Р. Шагов, за исключением Р.В. Малиновского, оказавшегося провокатором) сосланы в Сибирь.

⁴ 3–5 июля 1917 г. в Петрограде произошли стихийные демонстрации под лозунгом «Долой Временное правительство». Формальным поводом к кризису стал выход из состава правительства министров-кадетов, которые выступили против утверждения заключенного ранее соглашения с Центральной радой, предусматривавшего учреждение на Украине в качестве высшего органа управления Генерального секретариата. Кадеты расценили соглашение как «преступный элемент», угрожающий «святости и неделимости Российского государства». В демонстрациях приняли участие солдаты 1-го пулеметного полка, находившиеся под влиянием анархистов. Их поддержали Московский гренадерский, Павловский, 180-й, 1-й запасной полк и 6-й саперный батальон. К ним присоединились рабочие Путиловского и ряда других заводов. Большевики решили возглавить движение. 90 представителей от 54 предприятий явились в ЦИК и предложили ему взять власть. ЦИК в ответ объявил демонстрацию «большевистским заговором». Воспользовавшись этим, главнокомандующий войсками Петроградского военного округа отдал приказ разогнать демонстрацию. Возникла перестрелка, в которой было убито 56 человек и ранено 650. Правительство приняло решение разоружить рабочих и расформировать участвовавшие в демонстрациях воинские части. 6 июля был отдан приказ об аресте В.И. Ленина. Правительственный кризис вынудил уйти в отставку премьер-министра кн. Г.Е. Львова.

⁵ Петроградский военно-революционный комитет – создан 12 октября 1917 г. при Петроградском СРиСД по предложению ЦК РСДРП(б) под предлогом организации обороны столицы и охраны общественной безопасности в случае подхода к ней германских войск. На деле стал руководящим органом по подготовке и проведению государственного переворота 25–26 октября. Первые недели после октябрьского переворота Петроградский военно-революционный комитет выполнял функции аппарата Совета Народных Комиссаров. После включения в него 29 октября тринадцати представителей ВЦИК, он превратился во всероссийский орган и стал называться Военно-революционным комитетом при ВЦИК. ВРК играл ведущую роль в наведении «революционного порядка», в борьбе с забастовкой служащих, организации наркоматов и решении других неотложных проблем, фактически подменяя Наркомат внутренних дел. На заседании Совнаркома 15 ноября 1917 г. члены правительства склонялись к официальной передаче ему функций НКВД. Это предложение не прошло, однако 16 ноября Совнарком ввел в коллегию наркомата членов ВРК М.К. Муранова, И.С. Уншлихта, Ф.Э. Дзержинского, М.И. Лациса, М.С. Урицкого и П.Е. Лазимира. Лишь новый нарком Г.И. Петровский не был членом ВРК. Деятельность Военно-революционного комитета, сумевшего создать многофункциональный аппарат, привыкшего к самостоятельности и подведомственного формально не правительству, а Петроградскому Совету, а затем ВЦИК, вызывала иногда серьезные разногласия с СНК, наркоматами, а порой и лично с В.И. Лениным. 25 ноября уже по его предложению СНК решил освободить ВРК от ряда функций, передав их соответствующим наркоматам (продовольствия, иностранных дел, внутренних дел, путей сообщения, юстиции и пр.), после чего Совнарком стал отказывать ВРК в кредитах. 26 ноября был расформирован Морской военно-революционный комитет. 5 декабря 1917 г. ВРК был распушен.

⁶ «Внепартийное объединение» – создано на состоявшемся в Париже 20–26 июля 1920 г. совещании парижских, лондонских и пражских эсеров, представлявших все основные внутрипартийные течения в эмиграции (в совещании участвовали Н.Д. Авксентьев, И.М. Брушвит, М.В. Вишняк, Н. Высоцкая, Д.О. Гавронский, А.И. Гуковский, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, И.Н. Коварский, Е.Е. Лазарев, Н.А. Лазаркевич, В.И. Лебедев, Г.А. Мартюшин, Ф.Е. Махин, О.С. Минор, Е.Ф. Роговский, Л.В. Россель, И.А. Рубанович, В.В. Руднев, В.И. Руднева, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, В.О. Фабрикант, И.И. Фондаминский (см.: ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 125. Л. 26а)). Ставило целью «организацию и сплочение демократических сил внутри России для [...] низвержения тирании большевиков, [...] восстановления единой федеративной республиканской России, построенной на реализации, укреплении и развитии политических и социальных принципов мартовской

революции 1917 года» (Там же. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 1. Л. 1).

Создание «Внепартийного объединения» было продиктовано преимущественно стремлением эсеров обеспечить материальную основу своей деятельности. Идея образования этой организации принадлежала А.Ф. Керенскому, заключившему (по свидетельству М.В. Вишняка) соглашение о его финансировании с министром иностранных дел Чехословакии Э. Бенешем. Чешское руководство приняло решение «поставить политически на партию с[оциалистов]-р[еволюционеров] после того как президент республики Масарик разошелся со своим прежним и старым приятелем Милюковым, разочаровавшись в его политике[...]». (Финансовая поддержка эсеров осуществлялась параллельно с оказанием гуманитарной помощи российским эмигрантам в рамках так называемой «Русской акции», за проведение которой несло ответственность министерство иностранных дел Чехословакии).

Ведущим направлением деятельности «Внепартийного объединения» являлось создание и развитие издательской базы эсеровской эмиграции, для чего использовались все наличные партийные кадры и основная часть денежных средств.

В порядке выполнения поставленной «Внепартийным объединением» цели участники совещания образовали Инициативную группу, позднее расширенную до 50 человек, с введением в нее нескольких меньшевиков и народных социалистов. На очередном совещании, проведенном 7–12 ноября 1920 г., группа избрала своими руководящими органами Совет (Н.Д. Авксентьев, И.М. Брушвит, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, Н.В. Макеев, Ф.Е. Махин, О.С. Минор, Е.Ф. Роговский, В.В. Руднев, М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский) и Административный центр (Н.Д. Авксентьев, И.М. Брушвит, В.В. Зензинов, А.Ф. Керенский, Е.Ф. Роговский).

Группа выступала против политики окружения Советской России санитарным кордоном и систему ее экономической изоляции, ратуя за восстановление экономических связей между Россией и мировым сообществом; отрицала возможность демократизации большевистской системы, ввиду чего считала «решительную борьбу с большевизмом совершенно неотложной и для себя обязательной», отвергая при этом всякое иностранное вооруженное вмешательство; признавала исторически неизбежным федеративное устройство России в границах до Октябрьского переворота как наиболее соответствующее интересам трудящихся всех национальностей. В сложившихся условиях группа находила нежелательной организацию политической коалиции. В то же время вопрос о коалиции расценивался лишь как тактический, который в «будущем может быть разрешен в ту или другую сторону в зависимости от соотношения сил в стране и от задач, которые встанут перед демократией». Ввиду того, что неизбежный конфликт народных масс с большевистской властью мог принять форму вооруженного восстания, группа считала вооруженную борьбу с партией большевиков тактически преждевременной и нецелесообразной, и готовилась к организации трудящихся. В числе основных политических требований выдвигались: утверждение народовластия, созыв Учредительного собрания, осуществление гражданских свобод, раскрепощение труда, восстановление свободно организованных классовых организаций пролетариата и кооперативов.

Разработанный активом группы организационный план предусматривал, что она «никогда не выступает публично, не имеет никакого особого названия и программы[...], всячески избегает возможности конкурировать с какими-либо партийными учрежд[ениями] [...] и предоставляет каждому из своих членов полную свободу в его отношении к партиям».

Инстанцией, дающей основные директивы и определяющей общий план работы, являлось Совещание членов Инициативной группы, созываемое не менее одного раза в три месяца. В период между сессиями Совещания выполнение функций высшего руководящего органа поручалось Совету, назначаемому Совещанием и действующему в пределах общих директив последнего.

Руководство текущей деятельностью возлагалось на Административный центр, обязанный координировать общий ход работ учреждений группы, отвечать за ее финансовое снабжение, налаживать контакты с российскими и иностранными общественными кругами и государственными учреждениями.

Местом пребывания Административного центра был выбран Париж, где находилось большинство его членов и работали отделы: международный (зав. —

А.Ф. Керенский, зам. – Н.Д. Авксентьев), русский (зав. – Е.Ф. Роговский, зам. – Н.Д. Авксентьев), особый (зав. – Е.Ф. Роговский, зам. – А.Ф. Керенский), информационный (зав. – А.Ф. Керенский), финансовый (зав. – А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, Е.Ф. Роговский), административный (зав. – Е.Ф. Роговский), корреспонденция (зав. – А.Ф. Керенский, зам. – Е.Ф. Роговский).

Одной из важнейших задач Административный центр считал ведение разведывательной деятельности в Советской России и европейских странах, организацией которой занимались Информационный и Особый отделы во главе с А.Ф. Керенским и Е.Ф. Роговским. При них была создана агентурная служба (в которой преобладали бывшие военнослужащие) на российской территории, целенаправленно изучавшая развитие общественно-политической ситуации в стране и наблюдавшая за деятельностью высшего партийно-государственного руководства, а также состоянием вооруженных сил и экономики. Наряду с этим собирались сведения о политических настроениях в повстанческих районах и антибольшевистских вооруженных формированиях.

Аналогичная служба существовала в Европе, где она проводила наблюдение за общественно-политической атмосферой стран европейского региона, деятельностью советских дипломатов и российских эмигрантских монархических и иных реакционных военных и политических группировок (уделяя особое внимание врангелевским войсковым частям).

Ответственность за «содействие восстановлению действенных организации внутри России и развитию их деятельности» возлагалась на Особый отдел Административного центра, который, по замыслу руководителей «Внепартийного объединения», должен был оказывать помощь в вооружении и материально-техническом обеспечении нарождавшихся оппозиционных организаций и вести агитационно-пропагандистскую работу в рядах повстанцев. Следуя своей тактике отрицания целесообразности немедленного восстания против большевистского правления, лидеры Инициативной группы избегали провоцирования неподготовленных вооруженных выступлений и придерживались метода продолжительного «накапливания сил». На практике это выражалось в попытках установить связь с уже восставшими группами в Северо-Западном, Юго-Восточном и кавказском регионах.

Судя по письму Центрального оргбюро В.М. Зензинову от 26 июля 1921 г., партийное руководство негативно реагировало на предложения Административного центра о подготовке к ведению вооруженной борьбы с большевиками (См.: Известия ВЦИК. 1921. 8 сентября). Контакты представителей Административного центра с руководящими органами партии были, вероятнее всего, исключением из правил, так как Административный центр часто сознательно, а иногда и по причине отсутствия налаженной связи, оставлял ЦК и ЦОБ (ЦБ) ПСР в неведении относительно своих планов и действий по военной организации повстанческого движения. Это дало В.М. Чернову основание обвинить в 1929 г. Административный центр в том, что «ставя себе целью свержение Сов[етской] власти путем вооруженного восстания, в то время, как такая тактика в силу политических соображений была отвергнута Центральным комитетом партии в России[...], сделал несколько неудачных попыток войти в сношения с Россией помимо партийных организаций[...]» (ГАРФ. Ф. 6108. Оп. 1. Д. 12. Л. 19).

Осенью 1921 г. Инициативная группа прекратила свою деятельность. Причиной тому послужило резкое сокращение ее финансирования чешскими властями, что вызывалось сменой их внешнеполитического курса (под французским и британским влиянием) на поиски соглашения с советским правительством и негативным восприятием ими «антибуржуазных» решений Десятого Совета ПСР (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 27).

7 января 1922 г. состоялось заседание Заграничной делегации, на котором обсуждался вопрос о приостановлении работы «беспартийной организации» и было принято к сведению заявление Е.Ф. Роговского о постепенной ликвидации Административным центром всех своих предприятий, с сохранением центрального аппарата, при том, что формально организация продолжала считаться существующей. Окончательный же роспуск «Внепартийного объединения» состоялся в апреле 1922 г.

После того, как некоторые подробности деятельности Инициативной группы

стали, просочившись в прессу, достоянием гласности, представители эсеровской эмиграции поспешили предложить свою версию. Так, В.М. Зензинов, в ответ на публикацию 2 июня 1921 г. в «Известиях ВЦИК» письма В.М. Чернова ЦК ПСР (написанного в апреле 1921 г.) выступил 12 июля с заявлением, в котором утверждал, что «организация эта не только [...] “формально”, но и по существу была и продолжает быть “межпартийной” [...], или, точнее *внепартийной*, так как задачи, поставленные себе этой организацией, не совпадают с задачами какой-либо партии и не покрываются ими [...]. Все имеющиеся в распоряжении объединения средства [...] никогда [...] не собирались и не тратились на какие-либо посторонние цели или для осуществления задач одной какой-либо партии “под титулом”, под предлогом “межпартийности” [...]» (Воля России. 1921. 17 июля).

Документы Административного центра «Внепартийного объединения», хранившиеся в парижской квартире А.Ф. Керенского, были выкрадены в середине июня 1922 г. его сотрудником Коротневым, связанным с ГПУ РСФСР. Писавший неоднократно встречавшийся в эмиграции с А.Ф. Керенским писатель Р.Б. Гуль свидетельствовал в книге воспоминаний «Я унес Россию. Апология эмиграции»: «[...] В группе А.Ф. Керенского появился опасный агент, офицер-корниловец Коротнев, выкрававший у эс-эров этой группы архив Административного Центра. Этот Центр издавал “Информационный бюллетень” и из Ревеля забрасывал его в СССР. Укравал архив, перед бегством Коротнев оставил записку, что убить Керенского “был не в силах”. [...] Его “прощальная” записка стала известна в эмиграции и, конечно, парижскому резиденту НКВД. [...] Помню, как А.Ф. Керенский в Америке рассказывал мне, что этот тайный советский агент Коротнев был рекомендован ему другом Керенского, бывшим министром юстиции Временного правительства П.Н. Переверзевым, как “исключительно честный и порядочный человек”. Весь архив Административного центра хранился в особнячке на 9 бис рю Винец, где А.Ф. Керенский жил один. “Часто, – рассказывал Керенский, – когда я был уже в постели, Коротнев стучал в дверь и просил разрешения войти поговорить”. Керенский впускал его. И они иногда долго говорили о России, о политике, о большевиках, о том, о сем. “И вот не убил!” – закончил свой рассказ А.Ф. “Чем же вы, А.Ф., это объясняете, ведь он же свободно мог убить вас в постели в этом особнячке? А.Ф. широко улыбнулся и подняв указательный палец вверх, проговорил: – Шарм!”» (Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. II. Россия во Франции. Нью-Йорк, 1984. С. 178–179).

Через три недели после похищения материалы, включая протоколы заседаний Административного центра, были оглашены на процессе в Москве государственным обвинителем Н.В. Крыленко, не раскрывшим обстоятельства их получения. Обвинение в значительной мере основывалось на этих документах, доказывавших, по мнению властей, стремление социалистов-революционеров в эмиграции к насильственному свержению советского строя. Обвиняемые заявили, что никогда не слышали о существовании Административного центра и не признают документы, подлинность которых не имеют возможности проверить.

Заграничная делегация сочла необходимым опровергнуть обвинения. Она заявила 14 июля, что «ни один из членов Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров], обвиняемых на московском процессе, не принадлежал к заграничному “Внепартийному объединению” и Административный центр этой внепартийной организации не находился ни в какой зависимости от партийных центров и действовал вне контроля партии, которая поэтому никакой политической ответственности за его действия нести не может [...]» (Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 39). В.М. Зензинов и Заграничная делегация также отрицали утверждения о стремлении «Внепартийного объединения» к насильственному свержению большевистской власти и подчеркивали приоритет информационно-пропагандистского направления его деятельности.

В настоящее время основная часть материалов Административного центра хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Фонд Р-5893. Административный центр «Внепартийного объединения»).

⁷ Отношения «Внепартийного объединения» с официальными органами партии эсеров складывались весьма сложно и неоднозначно. Ни ЦК и ЦОБ, ни ЗД ПСР не санкционировали его создания. В состав Инициативной группы «Внепартийного объединения» вошел член Заграничной делегации В.В.

Сухомлин. Однако он не представлял делегацию как таковую и не участвовал в руководстве организацией. Кроме того, Заграничная делегация, как полномочный орган партии, в момент возникновения объединения, фактически еще не существовала. Работа объединения направлялась и контролировалась правоцентристами. Они преобладали в Совете и составляли большинство в Административном центре, фактически руководившем организацией. Все финансовые связи находились в руках А.Ф. Керенского и его ближайших соратников. Они проводили достаточно самостоятельную политику, во многом не соответствовавшую партийной линии.

После ознакомления с работой объединения В.М. Чернов отмечал в письме ЦК партии в апреле 1921 г., что «организация эта формально объявлена межпартийной [...]. На вопрос, зачем нужна беспартийность, ответ гласит – для того, чтобы под сим титулом получать находящиеся в руках чехосл[оваков] средства, оставшиеся от Ком[итета] членов Учр[едительного] собр[ания] – организации тоже формально беспартийной. Но я боюсь, что для некоторых членов есть и дополнительное основание – забронированность от контроля делегации ПСР» (Письмо В.М. Чернова ЦК ПСР // Известия ВЦИК. 1921. 2 июня).

Сам Чернов в беседе с членами Административного центра заявил о своем нежелании вступать в организацию. В то же время он настаивал на вхождении представителей левого крыла и, в частности, В.В. Сухомлина, в состав Административного центра. Чернов вел собственную игру, пытаясь использовать связи Административного центра в своих интересах и не спеша выполнять требование Центрального комитета о ликвидации «Внепартийного объединения».

ЦК ПСР в письме Заграничной делегации, имея в виду участие социалистов-революционеров в работе «Внепартийного объединения» и Исполнительной комиссии Совещания членов учредительного собрания, осуждал склонность отдельных эсеров к «проведению в жизнь своей особой тактической линии поведения, отличной от общепартийной линии поведения и нередко ей враждебной» и любые «попытки заграничных партийных групп устанавливать связи и организационно воздействовать на работающие в России партийные комитеты независимо и помимо Заграничной делегации и ЦК[...]» (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 120. Л. 74, 78).

Руководство «Внепартийного объединения» с согласия В.М. Чернова принимало участие в формировании партийных органов за рубежом. По утверждению В.В. Сухомлина, «З[аграничная] д[елегация] была созвана в 1921 году в результате продолжительной переписки, в которой принимали участие и представители Административного центра. Со стороны Административного центра были сделаны представления о составе З[аграничной] д[елегации]. В конце концов было получено постановление об организации З[аграничной] д[елегации] из наличных членов Ц[ентрального] к[омитета] [...]. Назначение З[аграничной] д[елегации] из членов Ц[ентрального] к[омитета] было до некоторой степени компромиссным, чтобы кого-нибудь не обидеть[...]» (ГАРФ. Ф. 6108. Оп. 1. Д. 11. Л. 16 и об). Составленный в процессе взаимных консультаций список членов Заграничной делегации (в число которых вошел представитель Административного центра В.М. Зензинов) был направлен В.М. Черновым на утверждение ЦК и ЦОБ ПСР.

Вместе с тем, Административный центр с неприязнью относился к Заграничной делегации, рассматривая ее как конкурирующий орган, мешающий его работе. Как отмечал В.М. Чернов 29 декабря 1921 г. в сообщении Центральному бюро, «бесп[артийная] орг[анизация], в сущности собирая средства именем партии, ибо всеми рассматривалась как “форма инобытия партии”, отказывалась финансировать Заграничную делегацию, субсидируя лишь издание журнала “Революционная Россия” (выходившего в качестве центрального органа партии)» (Письмо В.М. Чернова ЦБ ПСР. 1921 г. 29 декабря // Hoover Institution Archives. В. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3).

В письме В.М. Зензинову от 26 июля 1921 г. Центральное организационное бюро продолжало настаивать на прекращении участия членов партии в мероприятиях «Внепартийного объединения». «Что касается вопроса о беспартийной группе, – указывало оно, – то наше отношение к ней таково же,

как и отношение ЦК. Мы полагаем, что лучше сократить размах работы, но зато сохранить во всей чистоте знамя партии. Коалиция с н[ародными] с[оциалист]ами, кооператорами, никого не представляющими соц[иал]-демократами никакой политической выгоды нам не дает, наоборот, она отражается на ударности нашей позиции, она способна лишь затемнить четкость и ясность. Мы думаем, что Вам необходимо изыскать пути безболезненного разрыва с этой группировкой, ведя в дальнейшем работу совершенно независимо и самостоятельно[...]» (Известия ВЦИК. 1921. 8 сентября). Заграничная делегация проигнорировала это распоряжение и на заседании 2 января 1922 г. постановила «признать участие членов партии в беспартийных объединениях приемлемым при условии консолидации партийных сил в парт[ийных] группах[...]» (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 2. Д. 131. Л. 68).

Центральное бюро, избранное на Десятом Совете партии, скорректировало позицию своего предшественника, направив 6 января 1922 г. В.М. Зензинову инструкцию, в которой указывало: «Внепартийная организация, если она жизнеспособна, ведет свою работу, не смешиваясь в ней с партийными организациями. Если наши товарищи, работающие во внепартийной организации, могли бы передать ее средства партии – делегации, было бы совсем хорошо. И возможности бы партийные расширились, и аншлаг был бы один. Если этого сделать нельзя – пусть внепартийная организация продолжает работу, размежевавшись с партийными организациями[...]» (Письмо ЦБ ПСР В.М. Зензинову. 1922. 6 января. Hoover Institution Archives. В. Nikolaevsky Collection. Box 9. Folder 3.).

⁸ См. предисловие, с. 93–95.

⁹ См. док. № П-55.

¹⁰ Сазонов (Созонов) Егор Сергеевич – член Боевой организации ПСР, убивший 15 июля 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве. Приговоренный к бессрочной каторге, Сазонов отбывал ее в Акатуе, Алгачах и Горном Зерентуе. Амнистия, объявленная в связи с манифестом 17 октября, ограничила пребывание Сазонова на каторге известным сроком; но еще до его истечения правительство приняло меры к тому, чтобы не освобождать Сазонова, прислав нового начальника тюрьмы Высоцкого. Весть о назначении в Зерентуй Высоцкого взволновала не только заключенных, но и администрацию, в том числе и начальника каторги Забелло, отдававшего себе отчет в возможных последствиях неизбежного столкновения. В тюрьме, где сидел Е.С. Созонов, из-за которого уже убили двух тюремщиков – Метуса и Бородулина – администрация поддерживала, по определению участника этой драмы В. Плескова, «сносный, а подчас и хороший режим», и появление Высоцкого, связанного личными отношениями с неизвестным черносотенцем Дубровиным, грозило «выносом сора из избы».

Высоцкий приехал в ноябре 1910 г. и сразу дал понять, что ни в какие переговоры с политическими вступать не будет, оставляя им по сути три возможных выхода: подчиниться, бунтовать (с последующим подавлением), совершить групповое самоубийство.

Приндравшись по пустяковому поводу, Высоцкий приказал выпороть двух политических, один из них облил себя керосином и пытался сжечь себя, после чего начались «массовые покушения на самоубийство». Е.С. Созонов перед принятием яда написал записку с объяснением причин своего поступка. Агонизирующего Созонова надзиратели, заметившие неладное, перенесли из его одиночки в лазарет в 3 часа ночи и поставили в известность о происшедшем Высоцкого, который категорически запретил пускать к нему врача до 8 часов утра. Находящийся в тюрьме вместе с Е.С. Созоновым В. Пирогов отмечал, что если бы не распоряжение Высоцкого, возмущенного попытками политических, не оказывать медицинскую помощь ночью, Созонова удалось бы спасти. Кроме того, Высоцкий распорядился не отмечать ничем могилу Е.С. Созонова, чтобы она поскорее затерялась среди других.

Попутно отметим, что администрация в течение нескольких лет уничтожала знаки на его могиле, которые делали некоторые надзиратели и уголовные вольнокоманды. После Февральской революции бывшие каторжане, чтобы найти его могилу, поехали за 300 верст за «сочувствующим» надзирателем. Надо сказать, что Е.С. Созонов был легендарной фигурой и для надзирателей, звавших его «королем

каторги». Тело его было перевезено в Уфу и похоронено матерью. Е.С. Созонов отсрочил своим поступком позор и гибель своих товарищей, переведенных в Кутомары, где в 1912 г. трагедия повторилась, причем часть политзаключенных отказалась кончать жизнь самоубийством и покорилась режиму.

Реакция в обществе (особенно в студенческой среде) и, конечно, среди самих эсеров на смерть Е.С. Созонова была крайне острой. По оценкам современников, смерть Е.С. Созонова послужила «толчком, который сдвинул нашу общественную жизнь столыпинской эпохи с мертвой точки» (Пирогов В. Так было // Каторга и ссылка. 1921. № 1. С. 54). Смерть Е.С. Созонова вызвала волну возмущения в революционной среде, временно объединив все конфликтующие и недовольные ее группы и подвигнув парижских эсеров-эмигрантов создать «Революционно-боевой фонд им. Егора Созонова» для финансирования «тюремного террора» (ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1910. Д. 9. Ч. 1. Л. 170). В феврале 1911 г. ЗД ЦК ПСР было принято решение об издании «подписных листов на тюремный террор» за подписью ЦК (МИСИ. Архив ПСР. 154). Фактически покушение на Высоцкого было предрешено. 18 августа 1911 г. ссыльным эсером Б.И. Лагуновым по поручению Сибирского летучего боевого отряда ПСР было совершено покушение на ставшего после самоубийства Е.С. Созонова всероссийской «знаменитостью» начальника зерентуйской тюрьмы Высоцкого. Сообщение об этом было опубликовано на первой полосе «Знамени труда» вместе с фотографией Б.И. Лагунова. И то обстоятельство, что Высоцкий был только ранен, по словам передовицы, имело «мало значения», ибо «товарищ выполнил то, что требовали честь партии и долг революционера» (Покушение на Высоцкого // Знамя труда. Январь 1912. № 39. С. 4). Жизнь Высоцкого спас орден на груди, в который попала пуля Б.И. Лагунова.

¹¹ Решение о созыве 10 партийного совета было принято 7 мая 1921 г. Центральным организационным бюро ПСР. 10 Совет партии прошел в августе 1921 г. в Самаре. Он принял резолюции «По текущему моменту», «Задачи и методы работы ПСР в деревне», «По экономической политике», «По организационному вопросу», «По отчету Ц[ентрального] О[рганизационного] Б[юро]», «О партийном печатном органе», «О международном политическом объединении рабочего класса» и «Приветствие членам партии, заключенным в тюрьмах». Совет отметил, что «открыто агрессивный по отношению к рабочему классу» и «являющийся своеобразной [...] столыпинской ставкой по отношению к деревне» новый курс экономической политики советского правительства «не в состоянии остановить продолжающегося процесса развала всей народно-хозяйственной жизни». Не видя в сложившейся политико-экономической ситуации возможности инвестирования частного отечественного и зарубежного капитала в крупную и среднюю промышленность России, он рассматривал как наиболее реальную в ближайшей перспективе «сферу мелкого производства и обмена». Действенным «средством борьбы с мелким предпринимательством, распыляющим производительные силы страны и легко принимающим хищнические спекулятивные формы», по мнению Совета, могла стать координация совместной деятельности «коллективными хозяйственными организациями – кооперативами, артелями и коммунальными предприятиями», успех которой возможен лишь при условии оказания всемерной поддержки государством. Однако подобных шагов не следовало ожидать от коммунистической партии, стремящейся любой ценой сохранить власть, не останавливаясь даже перед отказом «от всей своей социальной программы [...] и становящейся на сторону частного предпринимательства[...]», вследствие чего неизбежен «давно наметившийся процесс вырождения большевистской власти и ее перехода от утверждения «революционной классовой диктатуры пролетариата» к противоестественному, на первый взгляд, союзу «коммунистической власти» с хищнической буржуазией против трудящихся». 10 Совет «определил ближайшую задачу партии, как позицию накопления сил распыленной трудовой демократии, той «третьей силы», которая одна только способна своим активным вмешательством вновь вывести революцию на торный путь и обеспечить торжество начал полного народовластия». 10 Совет партии заявил о том, «что вопрос о революционном низвержении диктатуры коммунистической партии со всей силой жизненной необходимости становится в порядок дня, становится вопросом всего существования российской трудовой демократии», в связи с чем важнейшей задачей партии должна стать «работа по организации активных сил города и деревни и идейной кристаллизации широких масс трудящихся классов» под лозунгом построения системы наро-

довластия, «как единственной политической системы, обеспечивающей развитие народной самодеятельности, этого основного условия победы революции и социалистического строительства». Совет подтвердил категорический отказ, как в настоящее время, так и в дальнейшей борьбе от сотрудничества с правыми силами и любой, даже временной и тактической, коалиции с буржуазией.

Совет отметил, что основой партийной работы в пролетарской среде должна стать борьба за «полную свободу и независимость [...] профессиональных и кооперативных организаций» российского пролетариата, «полного развития» им «своей классовой самодеятельности в обстановке благоприятствующей демократической государственности – полного народовластия». Он призывал максимально использовать все доступные легальные средства в стремлении к «полной свободе и независимости [...] профессиональных и кооперативных организаций[...]». Партийным работникам на местах рекомендовалось незамедлительное и настойчивое [...] завоевание фабрично-заводских комитетов [...], делегатских собраний, профсоюзов, беспартийных конференций и вообще всех низовых рабочих органов[...]. Вместе с тем, по мнению Совета, следовало «[...]с большой осторожностью относиться к вхождению и тем более к полному завоеванию центральных рабочих органов (Правлений, Союзов и т.п.)», в связи с тем что «завоевание Правлений Союзов в условиях большевистского режима, имеет целью решительное противопоставление правильной рабочей политики – политике власти и, следовательно, каждый раз с неизбежностью будет приводить к открытому конфликту с последней». Одновременно с использованием возможностей легальной работы полагалось необходимым «[...]создание нелегальных объединений пролетариата в виде рабочих союзов, рабочих комитетов, делегатских собраний и т.п.[...]». Вместе с тем подчеркивалась неотложность мероприятий по организации партийных кадров на производстве и активизации ее работы среди пролетариата.

Совет определил основные задачи и методы «крестьянской работы» партии: «[...]всемерное содействие ускорению процесса изживания классовой дезорганизации крестьянской массы[...]»; настойчивое разъяснение крестьянам «[...]всей бесплодности и вредности случайных, неорганизованных и беспорядочных вспышек и стихийного бунтарства против самодержавного режима коммунистической власти[...]»; а в случае возникновения подобных выступлений партийным работникам и организациям стремиться придавать им организованный характер, отсекая от движения трудового крестьянства контрреволюционные элементы; обеспечение «[...]классового объединения трудового крестьянства с [...] рабочим классом путем создания организаций, устанавливающих [...] контакт между городом и деревней[...]»; «[...]работа в деревне по сплочению трудового крестьянства, как в партийные ячейки, так и в более широкие объединения – союзы трудового крестьянства[...]» под лозунгами социализации земли, права крестьянина на полный продукт его труда (после выплаты налога; соответствующего платежеспособности крестьянина), независимости кооперативных и трудовых объединений крестьянства, борьбы против навязывания властями производственных объединений крестьянства, «преодоления» диктатуры коммунистической партии и созыва Всероссийского Учредительного собрания; завоевание всей совокупности гражданских свобод; выдвижение лозунгов «ближайшего момента» (прежде всего «[...]требование собраний, митингов и беспартийных конференций рабочих, крестьянских, красноармейских и свободного перевыбора советов, для обсуждения всех острых вопросов переживаемого момента»).

В области экономической политики Совет отмечал неотложность восстановления народного хозяйства страны и предлагал «[...]в первую очередь выдвинуть задачу восстановления сельского хозяйства и добывающей промышленности[...]», в сельском хозяйстве стремиться к «[...]социализации земли на уравнилельно-трудовых началах[...]», «[...]при организации промышленности отдавать преимущество государственным и общественным формам пред частнокапиталистическими[...]», «[...]в области обмена и распределения [...] отстаивать максимальное господство коллективных общественных форм над частными».

Совет избрал – «впредь до возобновления работ ЦК» – Центральное бюро партии в составе пяти членов, определив, что члены ЦК входят в состав ЦБ и Центральному бюро предоставляется право кооптации новых членов в случае выбытия из его состава кого-либо из членов ЦБ.

Партийный форум в качестве первостепенной задачи потребовал «[...]самого

строного, неукоснительного подчинения партийной дисциплине[...]» и заявил, что «[...] Партия по всем вопросам внутренней и внешней жизни, как в России, так и за границей, должна выступать в лице своих полномочных организаций или отдельных членов партии, специально ими на то уполномоченных[...]; Ц.Б. должно принять самые решительные шаги в борьбе с персональной политикой, с сепаратизмом местных организаций, с ослаблением партийной дисциплины» (См.: Резолюции X Совета ПСР // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 770–785).

¹² Установление и уточнение норм питания осужденных были превращены чекистами в особую процедуру. 8 августа 1922 г. пом. нач. СО ГПУ Андреева представила начальнику СО ГПУ Самсонову «[...]норму пайка для осужденных по делу ЦК ПСР», которую находила «[...]вполне достаточной» и просила утвердить. (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 35–35 об.). Представляется, кстати, весьма странным порядок определения пайка для заключенных не наркоматом юстиции, не наркоматом внутренних дел, не в крайнем случае коллегией ГПУ (так как речь шла о ведомственной тюрьме), а руководством структурного отдела ГПУ, который и ловил этих эсеров.

По мнению Андреевой, на человека в день следовало отпускать: «Хлеба – 1 ф. 60 зол.; Сахар – 3,2 зол.; Мяса или рыбы – 28,8 зол.; Пшеница – 6,4 зол.; Гороху – 16 зол.; Жиров – 3,2 зол.; Соли – 5,6 зол.; Кофе – 1,2 зол.; Мыло – 1,4 ф. на месяц» (Там же. Л. 35 об.). (1 золотник = 4,266 г., 1 фунт = 0,409 кг).

Но Уншлихту, утверждавшему норму продуктов – количество продуктов показалось слишком маленьким и для сравнения им была взята некая «раскладка продуктов для санаторных на 1-го чел. на 1 день» (о каком санатории идет речь, из документа неясно): «Хлеба – 1 ф. 60 зол. Мясо – 1 ф. 12,8 зол. Жиров – 16 зол. Крупы – 48 зол. Сахару – 15,2 зол. Сух. фруктов – 36 зол. Муки подпр. – 4 зол. Соли – 6 зол. Муки картоф. – 8 зол. Яиц – 2 1/2 шт. Кофе – 0,8 зол. Мыло – 1,4 ф. на месяц» (Там же. Л. 47).

Из этой раскладки Уншлихт своими красными чернилами отчеркнул сухофрукты, муку картофельную и яйца. Любопытно, что сначала он вычеркнул и кофе, но потом вернул его (Там же). По представленной 26 августа 1922 г. Андреевой и утвержденной тогда же Самсоновым и Уншлихтом новой раскладке, заключенным эсерам предполагалось выдавать: «Хлеб – 2 ф. Мясо – 52,4 з. Жиров – 11 зол. Крупы – 24 зол. Сахару – 12,5 зол. Муки подпр. – 2 зол. Соли – 6 зол. Кофе – 0,8 зол. Мыло – 1/4 ф. на м[есяц]» (Там же. Л. 45). Из раскладки Самсоновым были вычеркнуты: сухофрукты – 18 зол., мука картоф. – 4 зол., яйца – 1 шт.

В сопроводительной записке Андреевой отмечалось, что «[...]в переводе на калории на одного человека приходится – 2500 калорий. Эта норма питания совершенно достаточная для человека работающего физически. В счет не вошли яйца, соль, кофе, мыло, как продукты не дающие калорийности» (Там же. Л. 44). На документе стояла резолюция Самсонова от 29 августа 1922 г. – «Андреевой. К исполнению».

Но вновь вносятся изменения. На одном из черновиков с расчетами, очевидно, сделанных Андреевой, предполагалось последнюю раскладку обогатить 1 фунтом овощей и 3 золотниками лука. (Там же. Л. 46, 48). Представленная 1 сентября 1922 г. вновь на утверждение Уншлихта раскладка снова подверглась изменениям, он собственноручно вставил в нее 400 шт. папирос и 3 коробка спичек в месяц. Но овощи, фигурировавшие в прикидках Андреевой 29 августа, в предложенный Уншлихту вариант не попали.

Ягода поддержал эту раскладку, наложив 1 октября 1922 г. следующую резолюцию: «Согласен. Для всех политзаключенных. Провести через Наркомпрод». Кроме этого Г. Ягода увеличил в два раза норму мыла с 1/4 до 1/2 фунта в месяц. После всех мытарств и утверждений раскладка стала выглядеть так (по ней стали кормить «осужденных с.-р.» уже с 1 сентября 1922 г.): хлеба – 2 ф.; мяса – 52,4 зол.; жиров – 11 зол.; крупы – 24 зол.; сахару – 12,5 зол.; муки подправочн. – 2 золот.; соли – 6 зол.; кофе – 0,8 зол.; мыла – 1/2 ф. на мес.; папирос – 400 шт. в мес.; спичек – 3 кор. в мес. (Там же. Л. 49, 50).

Таким образом, мы видим, что хотя окончательные размеры пайка оказались выше, чем в первоначальном варианте Андреевой, они были существенно ниже (кроме хлеба), чем санаторные пайки. Отметим это особо, потому что это так запало в душу чекистам, что позже, когда цифры из памяти изгладились, они стали

говорить о курортном питании заключенных. Отметим также, что из запланированного на 2500 калорий пайка была изъята часть продуктов (сухофрукты – 1 фрукт, мука картофельная – 4 зол., 1 яйцо) (Там же. Л. 44–45).

¹³ В феврале 1923 г. в эмигрантской печати появилась информация о будто бы имевшейся у советского руководства инициативе ослабить тюремный режим для осужденных по процессу членов ПСР. Газета «Дни» в своем номере от 23 февраля опубликовала небольшую заметку собственного корреспондента в Риге «Голова за голову», где со ссылкой на источник из Москвы сообщалось о сенсационном высказывании Н.В. Крыленко в беседе с представителями коллегии правозащитников следующего содержания: «Я вполне понимаю болезненное и нервное состояние Ратнер, Гоца и Тимофеева, вызванное продолжительным тюремным заключением и бывшим процессом; насколько мне известно, советское правительство было бы не прочь отпустить Ратнер, Гоца и Тимофеева на один год за границу, если вместо уехавших добровольно явятся в Россию члены Центрального Комитета партии эс-эров, находящиеся сейчас за границей».

Журналистская информация не была основана ни на каких официальных сообщениях, однако вызвала к жизни целую серию открытых заявлений в печати со стороны лидеров ПСР в эмиграции. 22 февраля В. Зензинов, 23 февраля С. Постников, Н. Русанов, В. Чернов, Г. Шрейдер, 24 февраля А. Керенский выступили с публичными заявлениями о готовности пойти на такой обмен, в случае официального предложения от советского правительства (Дни. 1923, № 98 от 24 февраля и № 99 от 25 февраля).

Особенно значительный резонанс, на который большевики не могли не обратить внимание, получило открытое обращение Заграничной делегации ПСР «трем интернациональным объединениям социалистического рабочего класса», опубликованное в № 99 газеты «Дни», где ЗД ПСР просило международные организации о посредничестве в обращении к руководству СССР о возможностях обмена. В обращении, в частности, указывалось:

«[...] Наши товарищи, годами томящиеся в застенках Чрезвычайки и Г.П.У. с тяготеющим над ними около года неотменным смертным приговором, давно поставлены в положение заложников за партию, или, вернее, даже больше того: заложников за всю Россию. Советское правительство уже заявляло не раз, например, через Радека на московском совещании или позднее полуофициальным путем о своей согласии выменять некоторых из этих заключенных на осужденных европейских коммунистов, вроде Макса Гельца. Как ни было велико наше желание увидеть наших товарищей свободными, мы, ни в малейшей степени не заинтересованные в продлении заключения Макса Гельца и его товарищей, не могли, однако, со своей стороны поддержать этого демарша советской власти, ибо в его основе была глубоко отвратительная для нас идея возможности менового торга людьми.

Если переданные телеграфом слова Крыленко верны, они не вносят в характеристику правосознания Кремля ничего нового: те, кто готов торговать людьми и воскрешать среди мирного времени первобытные институты коллективной ответственности, взаимной уголовной круговой поруки и заложничества, не могут упасть еще ниже, требуя за временное освобождение захваченных заложников – их заместителей. Мы ни на один момент не считаем возможным своими действиями как бы санкционировать эту чудовищную варваризацию правовых понятий и приемов политической борьбы. И тем не менее, в высших интересах человечности, перед лицом беспримерно тяжелого положения товарищей, которые по свидетельству самого Крыленко не раз приводились на грань самоубийства, мы, члены З.Д. партии с.-р., за себя и за своих организованных товарищей по партии за границей заявляем, что в любой момент готовы представить возглавленный нами список заместителей за всех двадцать двух осужденных московского процесса.

Мы готовы быть за них заложниками в полном и точном смысле этого слова. Мы явимся и сядем за них в тюрьму. Это не будет означать признания нами права за руководителями кремлевской власти лишать нас свободы и судить нас. Мы заранее категорически отказываемся давать им какие либо объяснения или показания. В этом отношении мы в точном смысле этого слова явимся “залоговой вещью”, обеспечивающей их лишь в том, что выпущенные ими из своих когтей полузамученные жертвы не ускользнут от них навсегда. Ныне сидящие наши товарищи взамен нас будут пользоваться всею той свободой действий, какой доселе

пользовались мы. Мы просим Вас убедить наших заключенных не противиться этому обмену, поняв естественное желание товарищей на воле принять на свои плечи хоть часть их тяжелой ноши, преодолев чувство естественного отвращения перед придуманной властью сделкой и поставив выше своего морального самочувствия исполнение обращенного к ним призыва партии. Мы прекрасно понимаем, что это для них будет более тяжелой моральной жертвой, чем та, на которую идут согласные стать их заместителями в тюрьме, но мы просим, мы требуем от них принесения этой жертвы.

Мы просим три существующие ныне в Европе интернациональных объединения рабочих социалистических сил (Венское, Амстердамское и Лондонское) взять на себя все переговоры с кремлевской властью, необходимые для осуществления хотя бы временного освобождения заключенных по московскому процессу, если оно возможно той ценою, о которой говорил главный прокурор кремлевской власти Крыленко[...]

Попробуем разобраться, откуда взялась эта «инициатива Крыленко». Очевидно, что ни Политбюро, ни ГПУ к ней отношения не имеют. Остаются три варианта. 1-й вариант – «московский источник» эсеровского корреспондента выдал слух за чистую правду (весьма распространенная ситуация в журналистике и поныне). 2-й вариант – Н.В. Крыленко все же сделал подобное заявление, но увидев, чем оно для него грозит обернуться, отрекся от него. 3-й вариант – все это было испирировано эсеровской эмиграцией для развертывания очередной антибольшевистской кампании и саморекламы собственной храбрости. Представляется, что самыми реальными являются 2-й и 1-й варианты. Следует иметь в виду фон всего происходящего. А им было: объявление 22-ти осужденных заложниками, ведение Радеком (во исполнение решения Политбюро) переговоров об обмене немецкого коммуниста М. Гельфера на Е.М. Тимофеева, а самое главное – большевистское руководство к этому времени неоднократно и наглядно демонстрировало свою способность к экспериментам в области права и морали (исповедуя приоритетность над ними «политической целесообразности»). На этом фоне легко объяснимо и появление подобных слухов, а также легко объяснима и логика заявления Крыленко, лишь развивавшего логику всей позиции Политбюро в этом вопросе, но отнюдь не выходящего за ее пределы. Но на этом фоне заявления виднейших лидеров эсеров были для них отнюдь не безопасны. Даже если они придумали заявление Крыленко, зная непредсказуемость советского руководства, эсеры не могли быть уверены в том, что их предложение отвергнут. Действительно, у большевиков появлялся определенный искус пренебречь приличиями, когда репутация уже и так подмочена, и «пощупать» на крепость нервы виднейших деятелей ПСР, что сулило в случае их отказа сдержать свое слово серьезные политические дивиденды. Так как вероятность того, что власти согласятся принять «заместителей» была, а отказ от поездки во Внутреннюю тюрьму для Зензинова, Чернова, Керенского, Русанова, Постникова и Шрейдера означал для них верную политическую смерть, цена их игры становилась вполне весомой: или смерть политическая или вполне реальная (только растянутая во времени), так как уж Чернова или Керенского назад бы не выпустили – их имена к этому времени были уже символами.

Представляется, что вся эта история не была инсценировкой этих эсеров, еще и потому что на такой поступок их могла толкнуть не совсем спокойная совесть. Из перехваченных чекистами в 1920–1921 гг. писем российского ЦК ПСР к зарубежным товарищам видно, что они многократно требовали от всех членов ЦК немедленно вернуться в Россию, так как за рубеж их посылали лишь в командировку, а согласно принятым решениям, ЦК обязан был находиться в стране. В частности, от Чернова члены ЦК требовали вернуться назад. Но с полным правом это распространялось на всех избранных в члены ЦК ПСР на четвертом съезде ПСР в конце 1917 г. (все 10 членов избранных на 9-м Совете партии и кооптированных в 1920 и 1921 гг. были арестованы) и находившихся в это время за границей: В.М. Чернова, В.М. Зензинова, Н. Русанова, В.В. Лункевича и В.В. Сухомлина (на 4-м съезде был избран кандидатом в члены ЦК ПСР). Возможно, согласие сесть в тюрьму «по обмену», с одной стороны, успокаивало их совесть, а с другой – столь демонстративный и сенсационный способ оказаться во Внутренней тюрьме был более привлекателен, чем просто отправиться на подпольную работу в страну, а максимум через полгода попасть туда же, но уже не находясь в эпицентре всеобщего внимания. Но тем не менее подобный поступок с их стороны свидетельствовал об их мужестве. Впрочем, следует оговориться, что в таком

шепетильном и закрытом от посторонних взоров вопросе ничего нельзя утверждать наверняка.

¹⁴ Об условиях пребывания народовольцев в Шлиссельбурге см.: Ашенбреннер М.Ю. Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет, от 1884 по 1904 г.: (Воспоминания) // Былое. 1906. № 1. С. 54–93; Инструкция: (Для заключенных в Шлиссельбургской крепости) // Там же. 1906. № 3. С. 149–150; Новорусский М.В. В Шлиссельбургской крепости // Там же. 1906. № 7. С. 55–80, 1906. № 8. С. 208–227; [Манучарьянц О.А.] Эпизод из жизни Шлиссельбургской крепости // Там же. 1906. № 8. С. 81–82; [Кирпичников С.Д.] Правила работы в мастерской Шлиссельбургской крепости // Там же. 1907. № 4/16. С. 130–131; [Лопатин Г.А.] Из Шлиссельбургского мартиролога // Там же. 1910. № 13. С. 50–62; [Лопатин Г.А.] Из области правительственного ханжества // Там же. С. 62–65; Николаевский Б.И. Скорбные страницы Шлиссельбургской крепости // Там же. 1918. Кн. 7. № 13. С. 76–90; [Гончаров В.Ф.] Шлиссельбургская каторга: (Воспоминания) // Там же. 1924. № 5. С. 157–194; Волкенштейн Л.А. 13 лет в Шлиссельбургской крепости. СПб., 1906; Кеннан Д. Тюремны в России. СПб., 1906; Ювачев И.П. (И.П. Миролубов). Шлиссельбургская крепость. М., 1907; Панкратов В.С. Жизнь в Шлиссельбургской крепости 1884–1898. Пг., 1922; Колосов Е.Е. Государева тюрьма – Шлиссельбург. Пг., 1924.

¹⁵ См.: предисловие, с. 115–116.

Приложения

¹ С предложением продлить работу Л.С. Сосновского за рубежом в Политбюро обратился 9 апреля 1922 г. Л.Д. Троцкий. Данное постановление было принято в развитие предыдущего, датированного месяцем ранее, 18 марта 1922 г. Именно тогда, в канун Генуэзской конференции, совещания представителей трех Интернационалов и в условиях начавшейся за рубежом кампании протеста против готовящегося процесса над лидерами ПСР, В.И. Ленин предложил проект партийной директивы членам РКП(б), выезжавшим в то время для работы за границу: «т. Молотову для членов Политбюро.

Ввиду поездки за границу т. Радека, а говорят еще и т. Сосновского, – ввиду того, что к сильным сторонам этих ценнейших и крупнейших работников не относится способность к дипломатии, предлагаю вынести от Политбюро директиву:

“Всем товарищам, едущим за границу, Политбюро указывает, что данный момент требует самой большой сдержанности в заявлениях и разговорах о меньшевиках и эсерах, с одной стороны, а с другой стороны, самой беспощадной борьбы с ними и самого максимального недоверия к ним (как к опаснейшим фактическим пособникам белогвардейщины)”.

17/III.

Ленин

P.S. Прошу проголосовать по телефону.

Ленин»

Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 50.

18 марта 1922 г. Политбюро в своем заседании приняло предложенный Лениным проект директивы. Выполняя указанную директиву, Л.С. Сосновский оставался за границей для ведения антиэсеровской кампании. Накануне завершения процесса он написал Л.Д. Троцкому письмо, в котором, обобщая свои зарубежные наблюдения, выступал против применения смертного приговора в отношении обвиняемых лидеров ПСР (см. док. № 17-42).

² В начале мая во исполнение директив «тройки» зам. председателя Верхтриба А.В. Галкиным была послана секретная записка в Тифлис т. Шафир, в которой, в частности, говорилось: «[...]на основании особой тройки Политбюро ЦК прошу вас собрать и привезти в Москву весь обвинительный материал [по] делу правых с.р. на Кавказе в частности в отношении Донского тчк» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 6. Л. 54). Упомянутый выше документ оказался включен в материалы делопроизводства следствия Верхтриба и тем самым стал доступен впоследствии обвиняемым и их защите. Последние получили прямое подтверждение существования и деятельности секретной «тройки», что в дальнейшем обыгрывалось ими в ходе процесса.

³ Трения и конфликты между следственными аппаратами ГПУ и Верховного Трибунала начались фактически с момента постановления Политбюро о передаче материалов предварительного следствия из ГПУ в Трибунал, руководствуясь которым Н.В. Крыленко 13 апреля 1922 г. в категорической форме потребовал от возглавлявшего следственную группу ГПУ особоуполномоченного по важным делам Я.С. Агранова передачи следственных материалов в суточный срок. Самому Агранову было предложено войти на правах одного из работников в Следственную Коллегию Верхтриба, перейдя временно в подчинение Е.Ф. Розмирович. Аргументы Агранова о том, что дело невозможно передать в столь короткие сроки «ввиду его сложности и громоздкости» и того, что им еще «недокончен ряд допросов», Крыленко воспринял как саботаж и потребовал «экстренной сдачи дел».

В рапорте, направленном своему руководству, Агранов отмечал: «Нежелание тов. Крыленко вступать с представителями ГПУ в какие бы то ни было переговоры по поводу дела с.-р. создает угрозу возможности срыва предстоящего процесса или его искажения, т.к. тов. Крыленко не знает персонально лиц, привлекающихся к этому процессу и отношения этих лиц к процессу, не посвящен в историю всего обвинительного материала».

Аналогичный этому рапорт написала 25 апреля 1922 г. пом. начальника 3-го отделения ГПУ В. Брауде, которая в разговоре с Крыленко подняла вопрос «относительно перечисления за Революционным Трибуналом» ряда арестованных, «вопрос о привлечении которых остался открытым». С ее слов Крыленко «отказался разговаривать».

И.С. Уншлихт, препроводив оба рапорта для разрешения в «тройку», указал в письме «на совершенно недопустимое отношение т. Крыленко к ГПУ и его ответственным работникам, которое в дальнейшем грозит срывом или искажением предстоящего процесса с.-р.» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 1. Л. 119–122).

В свою очередь «тройка» проявила при рассмотрении этого конфликта интересов двух ведомств разумную гибкость, прикомандировав Агранова к следственной группе Верхтриба на правах представителя ГПУ фактически для увязки результатов проведенного предварительного следствия с официальными, судебными, верхтрибовскими. Агранов получил возможность завершить свою работу по допросам обвиняемых 2-й группы (ренегатов), чем он занимался в начале мая 1922 г., параллельно с судебным следствием Верхтриба.

⁴ Согласно принятому опросом членов ПБ от 6 мая 1922 г. решению по предложению Троцкого на должность председателя суда был назначен Г.Л. Пятаков (см. комм. 80 к док. № 16-65), что вызвало, в свою очередь, негативную реакцию в руководстве Верхтрибом (см. док. № П-13).

⁵ Оставшийся по решению Политбюро в Берлине после завершения конференции Трех Интернационалов для ведения антиэсеровской кампании за рубежом К.Б. Радек вел переговоры с европейскими социалистами о выполнении советской стороной взятых на себя обязательств по берлинскому соглашению, прежде всего о допущении для участия в процессе представителей II и II 1/2 Интернационалов, включая и представителей Заграничной Делегации ПСР. От имени социалистов переговоры осуществлял Ф. Адлер. В список защитников, переданный им Радеку, вошли: Э. Вандервельде, А. Вотерс, Л.Х. Гест (II-й Интернационал); П. Бонкур, Т. Либкнехт, К. Розенфельд (II 1/2 Интернационал); Д. Модильяни (Итальянская социалистическая партия – в то время вне Интернационалов); С.А. Кобяков, В.Я. Гуревич, В.В. Сухомлин (ЗД ПСР).

Первоначально состав иностранных защитников для участия на московском процессе предполагался более широким, нежели тот, что сложился в итоге многочисленных переговоров и консультаций. Долгое время под вопросом находились кандидатуры англичан Бокстона и Гадена Геста и итальянца Модильяни, но в силу ряда обстоятельств, прежде всего финансового плана, последних в составе делегации под руководством Э. Вандервельде так и не оказалось. Из числа тех, кто достаточно быстро и безоговорочно согласился на участие для поездки в Москву был бельгиец Вотерс, не так давно вернувшийся из России, где по поручению Амстердамского (II) Интернационала организовывал помощь голодающим.

О том, насколько сложными были согласования по составу делегации и источникам финансирования поездки защитников в Москву, можно судить по письму В. Зензинова членам ЗД ПСР в Берлин 24 апреля 1922 г. из Брюсселя, где тот обсуждал с бельгийцами эти проблемы: «Все согласились на том, что первейшим вопросом является немедленная поездка кого-либо из европейских социалистов в Москву – в качестве “разведчика”, как они выражались, и для организации на месте самой защиты. Что касается кандидатуры доктора Геста, то де Брукер ее очень горячо поддержал, находя ее чрезвычайно удачной. Однако Вандервельде и Рукербрук высказали свои сомнения, т.к. в свое время МакДональд, сообщив об отказе Бокстона[,] просил для поездки в Москву наметить кого-либо из бельгийцев – отсюда Вандервельде делает основательное предположение, что среди англичан не удалось найти кандидатов, а следовательно нечего рассчитывать и на Геста. Что касается Северака, то де Брукер указал, что Северак читает лекции в правительственном лицее и рассчитывать ему получить отпуск не удастся. Остается кандидатура бельгийская – того самого Вотерса, который на нашем собрании присутствовал и который своей работой в деле помощи голодающим в России уже завоевал себе среди большевиков уважение. Это на вид еще молодой человек, лет 30, производящий очень симпатичное впечатление. Он заявил Вандервельде, что представляет себя в распоряжение партии и немедленно по получении русской визы готов выехать, хотя бы это даже было завтра. Так вопрос и был решен» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 60–61).

⁶ В телеграмме Д.И. Курского (п. 1. Протокола) содержалось прямое указание на то, что приезжающие из-за рубежа защитники будут поставлены в жесткие условия контроля за их деятельностью, помимо выполнения ими своих прямых задач. Отказ от приезда в Россию представителей ЗД ПСР не повлиял на разработанные ГПУ, НКЮОстом меры ограничительного и надзорного характера, примененные к иностранным защитникам (см. соответствующие агентурные сводки ГПУ – док. № 16-89, 16-91, 16-92 и др.).

⁷ См.: Варлин И. Убийцы и адвокаты. (К делу эсеров) // Правда. 1922. 14 мая; Адвокатская контора Вандервальде and Brothers // Там же. 20 мая; Зиновьев Г. Как Вандервельде с князем Кудашевым «обрабатывали» общественное мнение русских социалистов // Там же. 21 мая; К.Т. Г. Вандервельде, адвокат Версальского договора // Там же. 23 мая; Гутман К. Курт Розенфельд – защитник эсеров // Там же. 24 мая; Две защиты // Там же. 25 мая; Брандлер Г. К встрече эсеровских защитников // Там же. 25 мая; Суварин Б. Два француза на помощь контрреволюции // Там же; Нин А. Адвокаты контрреволюции // Там же; Imprekor. Открытое письмо фламандского эмигранта г-ну Вандервельде, бывшему хранителю печатей королевства Бельгии и лидеру II Интернационала // Там же; Стеклов Ю. А судьи кто? // Известия ВЦИК. 1922. 16 мая; Он же. Коготок увяз // Там же. 20 мая; Трусливая наглость // Там же; Б.Н. К истории обращения Вандервельде к «русским социалистам» // Там же.

⁸ Первоначальный замысел приурочить массовую антиэсеровскую демонстрацию к открытию процесса был затем изменен: последняя, проведенная почти две недели спустя, 20 июня, была приурочена к годовщине убийства В. Володарского 20 июня 1918 г.

⁹ А.В. Луначарский в своем обращении к председателю «тройки» Л.Б. Каменеву в середине мая отмечал невозможность подготовки заказанной брошюры в столь сжатые сроки (см. док. № П-8). Она была издана позднее тиражом 10 тыс. экз.: Луначарский А.В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922.

¹⁰ См.: Памятник борцам пролетарской революции, погибшим в 1917–1921 гг. М.: Госиздат, 1922. Вып. 1.

¹¹ Известный художник В. Дени нарисовал для кампании несколько плакатов, в том числе и сатирического плана. Так, наиболее известным стал плакат «Селянская богородица», или «Икона Чернова». Последний был изображен в виде богородицы, держа на руках Колчака в виде младенца, вверху справа и слева изображались Юденич и Деникин в виде ангелов.

¹² Согласно рекомендаций комиссии Политбюро на базе аппарата Агитпропа была создана «Агитационная тройка по эсеровской кампании» в составе Я. Яковлева (председатель), И. Вардина и Б. Малкина, позднее ее членом стал также Н.Н. Попов. Первое заседание агиттройки состоялось 12 мая 1922 г., до начала процесса состоялось 7 заседаний (см. док. № П-10, П-12, П-16, П-17, П-18, П-19, П-21).

¹³ 10 мая 1922 г. из Берлина К.Б. Радек письменно извещал «тройку»: «Т. Цеткина и Фроссар уже обязались ехать, других телеграфно известил. Садуля вероятно добудем» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 543. Л. 34).

Согласование между Коминтерном и ЦК РКП(б) состава участвовавших в процессе иностранных коммунистов заняло продолжительное время – около месяца. 6 июня 1922 г. президиум ИККИ назначил защитниками второй группы Ж. Садуля и Ф. Кона (позднее в их число был включен и А. Грамши).

Помимо них Президиум ИККИ утвердил в качестве обвинителей К. Цеткин, А. Муна (Чехословакия) и Д. Бокани (Венгрия). В роли «свидетелей» были назначены Л. Фроссар (Франция), Б. Шмераль (Чехословакия), Т. Белл (Англия) и И. Йорданов (Болгария). Из перечисленных западных коммунистов по различным причинам в работе не участвовали А. Грамши, Т. Белл и И. Йорданов. Состав свидетелей обвинения был пополнен Р. Маршаном и П. Паскалем (Франция).

¹⁴ Краковецкий Аркадий Антонович (1884–1938) – бывший активный член ПСР, до революции в течение длительного времени отбывал каторгу вместе с А.Р. Гоцем. После Февральской революции – член Учредительного Собрания от ПСР, впоследствии – военный министр в составе эсеровского правительства в Сибири. В годы гражданской войны вышел из рядов ПСР и вступил в РКП(б). 4 февраля

1922 г. «Правда» опубликовала открытое письмо А.А. Краковецкого, выступавшего уже в роли ренегата. На самом процессе А.А. Краковецкий выступал в роли бывшего члена ПСР, свидетеля, поддерживавшего обвинение.

¹⁵ И.М. Майский (Ляховецкий) – известный социал-демократ-меньшевик, в 1918 г. сблизился с лидерами ПСР, принял участие в деятельности правительства Комуча. Порвав с меньшевиками, в феврале 1921 г. вступил в РКП(б). В ходе подготовки процесса над членами ПСР изъявил согласие участвовать в роли свидетеля на стороне обвинения. В газете «Правда» от 25 и 27 мая 1922 г. был напечатан пространный очерк Майского «Жестокий опыт (К истории Комитета членов Учредительного Собрания)», которому автор предпослал следующее пояснение: «Печатаю настоящий очерк, считаю необходимым сделать одно замечание личного характера. В течение трех месяцев (август–октябрь 1918 г.) я был членом правительства Комитета членов Учредительного Собрания, и, стало быть, являюсь ответственным за все действия и политику последнего в течение названного периода. Ответственность за преступления и ошибки, совершенные тогда, я готов нести не только перед судом истории, но и пред всяким иным судом более непосредственного и материального характера». (Правда. 1922. 25 мая).

¹⁶ Директивно определенная дата начала процесса – 23 мая 1922 г. – была перенесена на более поздние сроки прежде всего потому, что, как предупреждал «тройку» Н.В. Крыленко, следствие Верхтриба затянулось. В итоге оно официально было завершено только 23 мая. Прошло еще несколько дней, пока обвинительное заключение было подписано Верхтрибом и предъявлено обвиняемым, которые должны были ознакомиться с обвинением и материалами следствия. В результате процесс начался только 8 июня 1922 г.

¹⁷ 9, 10 и 16 апреля 1922 на Сурханских нефтяных промыслах (Баку) произошли возгорания нефтяных вышек. На проводимом с 1 по 9 декабря 1922 г. Верховным Ревтрибуналом Азербайджанской ССР в Баку суде над бакинскими и закавказскими эсерами подсудимым (32 человека) в числе основных предъявлялось обвинение в организации поджога нефтяных промыслов. Так, например, О. Сухорукова-Спектор обвинялась в том, что в начале апреля 1922 г. она передала М. Зайцеву сообщение о предстоящих арестах эсеров и «директиву Бакинского к[омите]та ПСР организовать поджог Сурханских нефтяных промыслов в ответ на эти аресты». Зайцев «передал эту директиву [Ф.] Плетневу, тот – [М.] Голомазову». После ареста Плетнева 7 апреля, Голомазов 9 апреля поджег бездействующую буровую в Раманах, был арестован, а 10 и 16 апреля загорелись еще 3 вышки. Голомазов «признал свою вину полностью», а Плетнев и Зайцев – «частично». Сухорукова на суде резко отрицала показания Зайцева. Обвинитель Васильев, почти не настаивая на фактической доказанности эпизода с поджогом, потребовал расстрела как для «исполнителей» Голомазова, Плетнева и Зайцева, так и для «морально ответственных» Н. Аношина, А. Фонштейна и Сухоруковой. Однако суд не согласился с ним и признал недоказанной вину трех последних «в принятии решения о поджоге промысла». Материалы процесса дают серьезные основания считать обвинение в поджоге провокационным.

М. Зайцев, Ф. Плетнев, М. Голомазов, К. Иванов и Н. Клешапов были приговорены к расстрелу, Р. Карашарли, М. Осинцев, А. Фонштейн и Я. Штерин – к 5 годам заключения, Н. Аношин, Д. Гаджинский, И.Крестовский, О. Самородов, И. Спектор, А.А. Сафикюрдский и Н. Тарханов – к трем, остальные к меньшим срокам. 8 человек были «освобождены от наказания» либо получили условный срок, а один – оправдан.

Взглянуть по-новому на то, как, кем и с какими аргументами принимались решения о судьбе бакинских эсеров, а также на вопрос о персональной ответственности виднейших большевиков позволяет следующий документ. 7 декабря 1922 г. из Баку за подписью Кирова, Васильева, Полуяна была прислана в Москву и передана в Политбюро на голосование телеграмма следующего содержания: «Начавшийся утром 1-го декабря процесс с.р. заканчивается. Приговор будет 9-го утром. Из 32 обвиняемых высшая мера наказания без какой бы то ни было замены намечается следующим: ГОЛОМАЗОВУ – непосредственному поджигателю, ПЛЕТНЕВУ, ЗАЙЦЕВУ и САМОРОДОВУ – бывшим членам Комитета, давшим директиву о поджоге, ОСИНЦЕВУ – члену областного Комитета, имевшему тесную связь с врангелевцами, КЛЕШАПОВУ – совслужащему, снабжавшему орга-

низации оружием, деньгами, документами, КАРАШАРЛИ – бывшему ЗамНачГлавмилиции, снабжавшему организации документами, деньгами, использовавшему советский аппарат в с.з. целях, Иванову – белогвардейцу. Пятерым – оправдание. Четверых – условному заключению. ТАРХАНОВУ, СПЕКТОРУ – членам областного К-та – по три года. СУНДУК'ЯНЦ – один год с зачетом предварительного заключения. Остальные – к разным срокам максимум на пять лет. Замену высшей меры наказания считаем совершенно невозможной, особенно в силу последних событий: пожар станции Насосны, главных мастерских, крушение поездов. Приговор должен войти в силу через 48 часов после вынесения».

«За» проголосовали Сталин, Молотов, Троцкий и Ленин. (РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1268. Л. 1).

¹⁸ См. док. № 16-29.

¹⁹ Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. 18 ноября 1918 года. Сборник документов / Собрал и издал В. Зензинов. Париж, 1919.

²⁰ Имеется в виду написанное в марте 1921 г., вскоре после начала Кронштадтского восстания, письмо В.М. Чернова ЦК ПСР (о деятельности эсеров в эмиграции), найденное сотрудниками ВЧК на квартире Ф.Ф. Федоровича после его ареста (23.03.1921 во время засады на квартире Н.А. Бауэр). Письмо было опубликовано 2 июня 1921 г в газете «Известия ВЦИК». Одна из его машинописных копий хранится в РГАСПИ (Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 71–78). (См. последнюю публикацию письма: Письмо В.М. Чернова в ЦК ПСР о положении дел в эсеровской эмиграции в 1921 г. // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 735–742).

²¹ Вардин И. Эсеровские убийцы и социал-демократические адвокаты (Факты и документы). М., 1922.

²² См. док. № П-19.

²³ Открытое письмо члена РКП(б) Г.И. Мясникова опубликовано 23 мая 1922 г. в кратком изложении в газетах «Известия ВЦИК» и «Правда». (См.: Подлог // Известия ВЦИК. 1922. 23 мая; Еще один подлог // Правда. 1922. 23 мая).

²⁴ Стеклов Ю. Партия социалистов-революционеров (правых эсеров). М., 1922.

²⁵ Несмотря на сложность собственного положения, ЦК РСДРП в конце апреля 1922 г. принял решение участвовать в защите обвиняемых членов ПСР первой группы. Официально Трибуналу были представлены Б. Бер, И. Рубин и С. Вайнштейн. Помимо них свои услуги в качестве защитников предложили меньшевики А. Дюбуа и М. Либер. Большевистское руководство признало нецелесообразным присутствие их на процессе. В случае с М. Либером Трибунал мотивировал невозможность его участия в роли защитника ПСР тем, что по информации ГПУ Либер, находясь в тюрьме в 1919 г., в обмен на освобождение дал подписку в дальнейшем не принимать участие в политической деятельности. По информации «Голоса России» М. Либер действительно получал подобное предложение со стороны ВЧК, но отказался (Голос России. 1922. 25 июня). Тем не менее М. Либер был отведен Трибуналом в качестве защитника, равно как и другие заявленные на эту роль меньшевики. Позднее все они были арестованы ГПУ.

²⁶ Э. Вандервельде от имени иностранных защитников членов ПСР вносил в Трибунал требование о выдаче более значительного числа входных билетов посетителям, сочувствующим обвиняемым, прежде всего родственникам. Получив отказ, Вандервельде поднял этот вопрос вновь уже публично в первый день работы суда, но также безрезультатно.

²⁷ В опубликованной 11 апреля 1922 г. в газетах «Правда» и «Известия» статье «Мы заплатили слишком дорого» В.И. Ленин подверг критике действия делегации Коминтерна на конференции трех Интернационалов в берлинском рейхстаге 2–5 апреля 1922 г., отметив, что делегация не имела права гарантировать неприменение советским правительством смертной казни по отношению к подсудимым социалистам-революционерам и обещать допустить на процесс представителей Интернационалов. Сделанная делегацией уступка оказалась тем более недопустимой в связи с отсутствием соответствующих уступок с другой стороны – «реакционной буржуазии». Однако Ленин полагал, что берлинское соглашение не должно нарушаться. «Ошибка т.т. Радека, Бухарина и других не велика, – указывал он, – она тем более не велика, что мы рискуем самое большее тем, что, поощренные

итогами берлинского совещания, противники Советской России устроят два-три, может быть успешных, покушения на отдельных лиц. Ибо они знают теперь заранее, что могут стрелять в коммунистов, имея шансы, что совещание, подобное берлинскому, помешает коммунистам стрелять в них[...]» (См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 140–144).

²⁸ 1 октября 1918 г. рабочие пос. Иващенково оказали вооруженное сопротивление попытке демонтажа предприятий и эвакуации их в Сибирь по решению Совета управляющих ведомствами Комуча. Исполняя приказ властей, подразделения Народной армии подавили выступление и разбили вооруженные формирования рабочих. В ходе боев, по данным советских источников, из числа рабочих и мирного населения погибло около тысячи человек.

О реакции руководителей Комуча на восстание говорили на предварительном следствии Н.В. Святицкий и В.К. Вольский: «[...] О событии в Иващенкове, восстании рабочих на Елашенском заводе, в последние дни эвакуации Самары Комитетом Учр[едительного] собрания, [...] мне известно со слов третьих лиц, что там была Народной армией устроена кровавая баня, произведшая на членов Комитета тяжелое впечатление[...]» (Протокол допроса бывшего члена Бюро фракции ПСР Н.В. Святицкого на предварительном следствии 22 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 175).

«[...] Восстание в Иващенкове произошло в тылу отступающих войск и Ком[итет], уже не имевший власти, узнал об этом уже после факта подавления восстания, происшедшего к концу эвакуации Самары» (Дополнительные показания бывшего председателя Комуча В.К. Вольского от 13 апреля 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 292).

²⁹ Народная армия Комуча формировалась летом и осенью 1918 г. Основой будущей армии стали около 300 членов эсеровской военной организации в Самаре, боевые дружины которой еще до подхода чехословацких подразделений (около 3–4 тыс. солдат и офицеров) заняли Иващенковский завод и активно поддержали чехословаков при взятии Самары. В день захвата Самары – 8 июня 1918 г. был назначен Главный штаб для создания вооруженных сил и управления всеми военными делами: подполковник артиллерии Н.А. Галкин (беспартийный, вошедший в начале мая по приглашению в эсеровскую военную организацию для военно-технического руководства) и два эсера – Б.К. Фортунатов и В.П. Боголюбов. После приезда В.И. Лебедева Комитет ввел его в Главный штаб помощником Галкина. Вторым помощником начальника штаба Комитет назначил эсера прапорщика Взорова. М.А. Веденяпиным отмечалось в докладе ЦК ПСР 29 апреля 1919 г.: «[...] В Военное Ведомство стали проникать нежелательные элементы и начались подготовки к различным заговорам[...]. Надо было обязательно иметь своих людей в центре Военного Ведомства; но надо отдать должное Лебедеву и Фортунатову: насколько оба они храбрые рубаки и люди, ценные на фронте, настолько оказались совершенно непригодными к политической деятельности в Военном штабе. Присутствие наших товарищей в Военном ведомстве не поднимало престижа Комитета, но, скорее даже роняло его. Оба они были все время на фронте, предоставив в центре хозяйничать одному Галкину, и на фронте были случаи, где они проводили свою политику, а не политику Комитета[...]» (Отчет члена Центрального комитета М.А. Веденяпина Центральному комитету партии социалистов-революционеров // Россия антибольшевистская. Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 48). Выступая через три года в московском Доме печати В.К. Вольский вспоминал, что «много было потрачено усилий на то, чтобы чехи согласились составить базу образования народной армии. Первые недели [после] взятия Самары не было ни одного дня, когда бы можно было с уверенностью сказать, что чехи не уйдут и что зачатки народной армии не будут разбиты армией большевиков. С большим трудом пошли чехи на то, чтобы, и то условно, взять на себя роль аванпоста в борьбе русской демократии за возрождение [...] России. Они признали власть Комитета и с ними была установлена политически дружественная связь, при полной независимости чешского войска. Впоследствии чешский командующий Чечек не пошел на измену демократии, как то сделали другие чешские военные вожди Сыровый, Гайда, Дидерихс и Войцеховский после колчаковского переворота[...]» (Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского. С. 127). С первых же дней власти Комуча началось формирование отрядов добровольцев – преимущественно из офицеров. В течение двух недель количество

добровольцев достигло двух тысяч. Основная часть подразделений немедленно по сформировании направлялась в бой. Руководство Комитета первоначально не решалось объявить принудительную мобилизацию и для ведения гражданской войны считало достаточным наличие добровольческой армии. Идея создания регулярной армии появилась во второй половине июня, но и тогда планировалось ее использование исключительно в борьбе с Германией. В связи с тем, что добровольческие части, несмотря на успешные в целом действия, с каждым днем все с большим трудом удерживали фронт, Главный штаб получил задание сформировать армию в 200 тысяч человек для действий на фронте гражданской войны. Преобладающая часть крестьянства (первые недели лояльно относившегося к деятельности Комитета), на которое ложилась основная тяжесть мобилизации, воспринимало ее негативно, не понимая необходимости ведения военных действий против большевиков и не желая покидать свои семьи и хозяйства. В июле был объявлен призыв двух годов, давший около 60-тыс. новобранцев. В ряде случаев крестьяне отказывались идти в армию и шли в нее только под угрозой применения оружия. Активное сопротивление крестьян мобилизации, не став массовым явлением, проявлялось, однако, неоднократно. В.К. Вольский в своих воспоминаниях дал завышенно оптимистичное описание мобилизационной кампании: «[...] Было только несколько случаев сопротивления. Так, в Бузулукском уезде уполномоченный Комитета эсер Цодиков получил смертельную рану при уговоре сельчан дать солдат. Силою оружия Комитет заставил подчиниться приказу о мобилизации. Помянутое село было обстреляно и в селе была сожжена одна изба и убито несколько (1–2) человек. Во всей же своей массе набор прошел вполне свободно, обнаружив доверие народа к Комитету. Комитет, как орган революционной государственной власти, считал необходимым не допустить никакого сопротивления своим приказам и не останавливался перед тем, чтобы обрушить силу репрессий на неповинующихся. Опыт мобилизации показал, что народная масса идет за Комитетом» (Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского. С. 128). Обострение борьбы на Волжском фронте и расширение его по линии свыше 500 верст заставили Комитет начать использование мобилизованных в гражданской войне. В последние дни власти Комитета – в конце сентября – на фронте действовали всего около 22 тыс. солдат и офицеров (до 5500 чехословаков, около 6 тыс. добровольцев, до 2 тыс. казаков и около 8–9 тыс. мобилизованных) (Там же. С. 129). Войска имели 350–400 пулеметов и 90–100 орудий, до 20 вооруженных пароходов. 29 июня 1922 г. на утреннем заседании процесса ПСР свидетель обвинения – бывший управляющий делами Комитета Я.С. Дворжец[,] показывал, что «[...] части Народной армии по своему составу являлись неоднородными. С одной стороны[,] мы имели части, составленные из добровольцев первоначального формирования, то есть формирования начиная с 8 по 30 июня. Это были те части Народной армии, которые состояли главным образом из местной интеллигенции и [...] офицерства. Эти части действительно были боеспособны. Затем второе формирование после начала мобилизации. Эти части боеспособными не были[,] и в этих частях было совершенно определенное большевистское настроение. [...] уже с первых же дней своего существования они начали устраивать одно за другим восстания с целью свержения власти Учредительного собрания[...]. Часть мобилизованных частей Народной армии находила другой выход из создавшегося положения: при вступлении в бой они переходили на сторону Красной армии, захватывая с собой тех офицеров, которые командовали[...]. И, наконец, когда принцип формирования той и другой армии стал явно отрицательным для чехословацкого командования, стали формироваться по инициативе генерала Чечека (командующего Поволжским фронтом – *сост.*) так называемые “русско-чешские полки”, которые формировались при поддержке Комитета Учредительного собрания против поддержки своего штаба Народной армии. В состав этих частей набирались преимущественно добровольцы, но все командование состояло [...] из командования чехословацких войск, причем эти части формировались на основании принципа демократического формирования и если бы их формирование продолжалось, если бы Штаб Народной армии не ставил препятствия для [...] формирования, то это были бы наиболее боеспособные из частей Народной армии. [...] части Народной армии, все командование Народной армии, ни в коей мере не являлись подвластными Комитету Учредительного собрания. В практике Комитета были неоднократно случаи, когда части Народной армии, командование отдельных отрядов не только не исполняли директив Комитета

Учредительного собрания, но действовали как раз наоборот им[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 467, 473–474). Вопросы организации армии решались Комитетом при постоянном участии Н.А. Галкина. Под влиянием Галкина и исходя из того, что государственного акта о лишении чинов не было, но испытывая серьезные сомнения, Комитет сохранил чины и произвел ряд производств в высшие чины, принял основывавшийся на принципе дисциплины воинский устав. В связи с построением Народной армии на основе единоначалия и централизации ее структуры военные советы и другие выборные учреждения в ней не вводились. Комитетом устанавливались форма без погон и значок – георгиевская лента на головном уборе. В конце сентября Комитет назначил командующим Народной армией полковника Ф.Е. Махина. После создания Директории части Народной армии вошли в состав Волжской (Уфимской) и Камской групп войск.

³⁰ Уфимская директория («Временное всероссийское правительство») – создана 23 сентября 1918 г. Уфимским государственным совещанием в составе: Н.Д. Авксентьев (председатель), В.Г. Болдырев, П.В. Вологодский, В.А. Виноградов, В.М. Зензинов. 9 октября Директория переехала из Уфы в Омск. Она сохранила все акты Временного сибирского правительства и была признана всеми областными, национальными, казачьими правительствами, Сибирской областной думой, Временным Сибирским правительством, Комучем. Прекратила свое существование после переворота адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г.

³¹ По состоянию на 3 января 1918 г. считались избранными 536 членов Учредительного собрания, прошедших по спискам ПСР (в т.ч. и левые эсеры, образовавшие самостоятельную фракцию). Из них во фракцию партии в начале января вошли 270 депутатов. Партийная фракция образовалась ко дню предполагаемого открытия Учредительного собрания – 28 ноября. Первое заседание состоялось накануне вечером. Второе – утром 28 ноября. Первоначально фракция насчитывала около 40 чел. На общем собрании было избрано бюро фракции – ее высший исполнительный орган. До начала работы Учредительного собрания бюро трижды переизбиралось в связи с «постепенным ростом самой фракции, необходимостью привлечь к активной работе все новых и новых прибывающих в Петроград депутатов». В первый состав бюро входило 25 членов. В конце декабря 1917 г. оно насчитывало 30 чел. По данным на 24 декабря в него входили: А.А. Аргунов, В.Г. Архангельский, В.П. Быков, М.В. Вишняк, В.К. Вольский, Д.О. Гавронский, М.Я. Гендельман, В.Я. Гуревич, Я.Т. Дедусенко, А.Б. Ельяшевич, В.М. Зензинов, И.Н. Коварский, В.А. Колеров, А.Н. Кручников, М.Л. Коган-Бернштейн, М.А. Лихач, И.Н. Лордкипанидзе, С.М. Лотошников, С.С. Маслов, Б.Н. Моисеенко, Г.К. Покровский, Н.П. Пумпянский, Н.И. Ракитников, Д.С. Розенблом, П.И. Романенко, В.В. Руднев, А.Н. Слетова, П.А. Сорокин, Е.М. Тимофеев, И.И. Фон-даминский и В.М. Чернов. Бюро образовало президиум в составе В.В. Руднева, И.И. Коварского, Я.Т. Дедусенко, М.Я. Гендельмана, А.Н. Слетовой и секретаря фракции В.А. Колерова. При бюро и фракции работали комиссии: решавшие организационные задачи внутри-фракционной деятельности – агитационно-практическая, иногородняя, личного состава, хозяйственная, редакционно-издательская, междуфракционных переговоров, т.н. «комиссия первого дня»; занимавшиеся разработкой законопроектов – земельная (с подкомиссиями), основных законов (с подкомиссией федеративной), международная, социально-экономическая (с секциями: рабочей, внешней экономической политики, продовольственной, по регулированию промышленности), народного просвещения, военной, по демобилизации, по транспорту.

Допрошенные чекистами известные эсеры так характеризовали роль данного органа: «[...] Бюро с.р. фракции Учр[едительного] собр[ания] и ЦК ПСР были в сущности двумя центрами, не всегда работавшими в контакте, а иногда и прямо расходившимися[...]. По более ответственным и важным вопросам устраивались совместные заседания ЦК ПСР и Бюро фракции. В Москве эти совместные заседания устраивались не особенно часто, согласно постановлению VIII Совета партии решения ЦК были в случае разногласий его с фракцией [...] обязательны для фракции с.р. Учр[едительного] собр[ания][...]» (Протокол допроса бывшего члена Бюро фракции ПСР Н.В. Святицкого на предварительном следствии 22 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 178).

«[...] В случае возникновения сложных вопросов происходили соединенные заседания Ц[ентрального] К[омитета] с бюро фракции Учред[ительного]

собр[ания][...]» (Протокол допроса Д.С. Розенблома на предварительном следствии 26 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 187). О финансировании Бюро фракции ПСР Учредительного собрания говорил Я.Т. Дедусенко: «[...] Источники были разные[...]. Во-первых, поступали небольшие суммы от Центрального комитета[...]. Затем, суммы, которые собирались членами бюро, на то уполномоченными бюро, и суммы, которые добровольно притекали из разных источников. Источники, из которых суммы добровольно притекали и которые собирались членами бюро были следующие: отчасти это остатки сумм разных земских и городских самоуправлений, которые в ту пору ликвидировались советской властью, а отчасти и главный источник – это от кооперативных организаций[...]. О поступлении денег от союзников во фракцию мне ничего не известно[...]» (Допрос свидетеля Я.Т. Дедусенко на утреннем заседании 27 июня 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 96).

³² Состоявшийся 07–16.05.1918 в Москве 8-й Совет ПСР (на котором присутствовали 19 членов ЦК (5 с правом решающего голоса), 15 членов бюро партийной фракции в Учредительном собрании (3 с правом решающего голоса), представители местных организаций партии (53 с правом решающего голоса и 24 с правом совещательного голоса) и комиссий ЦК (11 с правом совещательного голоса) – всего 122 делегата) рассмотрел доклады Е.М. Тимофеева «Текущий момент», М.Л. Коган-Бернштейна «Текущий момент», М.Я. Гендельмана «Советы и Учредительное Собрание», Б.Н. Черненко «Практическое проведение социализации земли», С.Л. Маслова «Вопросы земельной политики предстоящей весной», М.А. Лихача «О задачах рабочей политики» и Н.Н. Иванова «Организация партии в связи с федеративным устройством республики». Совет принял резолюции «По текущему моменту», «По международной политике», «О партийной дисциплине», «Об издании Центрального органа партии» и постановление «По вопросу о финансах партии». Совет определил «[...]основной задачей всей русской демократии [...] борьбу за восстановление независимости России и возрождение ее национально-государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых февральской революцией». Выполнение этой задачи представлялось возможным только в «[...]единении всех творческих сил страны и воссоздании общенародного фронта путем прекращения гражданской войны[...]. Взять на себя «[...]инициативу в деле национально-государственного возрождения в России путем образования общенародного фронта[...]» призывалась «[...]трудовая демократия, идущая к этой цели через создание мощных подлинно классовых организаций трудящихся города и деревни». В качестве основного препятствия в достижении поставленной цели Совет видел большевистскую власть – ее свержение «[...]составляло очередную и неотложную задачу всей демократии». Призванная сменить власть большевиков государственная система мыслилась «[...]основанной на началах народоправства». Планировалось подготовить восстановление органов местного самоуправления и воссоздать Учредительное собрание, должное «[...]приложить все силы к тому, чтобы в кратчайший срок был созван новый орган народного представительства на основе всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права, дабы народы России могли возможно скорее вновь выразить свою волю». Совет признавал «[...]не только приемлемым, но и желательным для России[...]» оказание на основе соглашения союзными державами законной российской власти вооруженной помощи в борьбе с германским империализмом. Использование иностранной помощи для восстановления демократической власти в России исключалось. Совет принял решение о направлении значительной группы партийных работников в Поволжье для создания при поддержке поднимавшегося там крестьянского повстанческого движения плацдарма для воссоздания власти Учредительного собрания (См.: VIII Совет партии социалистов-революционеров (7–16 мая 1918 г., Москва). Материалы // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 366–393).

³³ Через 20 дней после Октябрьского переворота в Петрограде войсковой атаман А.И. Дутов арестовал большевиков из состава Оренбургского совета, разогнал местный ВРК и объявил мобилизацию. 7 тысяч казаков Дутова быстро взяли, но вскоре оставили под натиском отрядов В.К. Блюхера несколько городов, в том числе и Оренбург. Весной 1918 г. части Дутова находились в тургайских степях. Благодаря начавшемуся в мае восстанию чехословацкого корпуса казаки Дутова в августе снова взяли Оренбург.

³⁴ Чехословацкий национальный совет (Национальный совет чешских и словацких земель) – политическая организация чехословацкой либеральной эмиграции. Основан в Париже в 1916 г. Председатель – профессор Томаш Масарик, члены – политолог Эдуард Бенеш и словацкий астроном и офицер французской авиации Милан Растислав Штефанек. В октябре 1918 г. провозгласил себя Временным правительством Чехословакии. Российский филиал Чехословацкого Национального Совета был создан в апреле 1917 г. под председательством Т. Масарика. Ко времени восстания чехословацкого корпуса председателем филиала был И. Патеидль (Потейдл), с лета 1918 г. – Б. Павлу. В декабре того же года филиал был ликвидирован, заменен специальной коллегией под председательством Павлу, в 1919 г. замененного В. Гирсой. Действовала коллегия вплоть до эвакуации в сентябре 1920 г. корпуса из России. Филиал, в который входило около 30 членов, а затем коллегия, размещались в Челябинске, часть членов – в Екатеринбурге.

³⁵ Действия дипломатических и военных представителей Антанты (прежде всего Франции и Великобритании) по отношению к Комитету членов Всероссийского учредительного собрания отличались осторожностью и неопределенностью. В период до ноября 1918 г. (капитуляции Германии и ее союзников) они были заинтересованы в поддержании связей со всеми российскими политическими силами (за исключением крайне монархических), сотрудничество с которыми могло прямо или косвенно содействовать ослаблению Германии и ее окончательному поражению в I мировой войне. Французские военные оказали серьезное давление на подчинявшийся им чехословацкий корпус, заставив его высший командный состав задержать вывод частей корпуса из России и вступить в бои с Красной армией на стороне Комуча. Осенью стала очевидной близость капитуляции германских вооруженных сил. Главной задачей теперь являлось свержение власти большевиков. Но тогда же – после ряда неудач Народной армии Комуча французское командование в России начало разочаровываться в способности Комитета удержать фронт гражданской войны. Им, совместно с представителями Великобритании (при декларировавшемся нейтралитете САСШ) была сделана ставка на создание режима военной диктатуры, который, как они полагали, позволит эффективно бороться с большевизмом.

Характерны, например, высказывания бывшего председателя Комуча и «Съезда членов Всероссийского учредительного собрания» В.К. Вольского и секретаря «Съезда членов Всероссийского учредительного собрания Н.В. Святицкого: «[...] Представители [союзных] держав проявили большую неустойчивость и двойственность в отношении к Комитету. Часть их, особенно гражданин Жанно, постепенно перешли к полному признанию основ работы Комитета, полному признанию основ демократии и Учредительного собрания, на деле убедившись в национальной неустойчивости и негодности буржуазно-кадетских кругов. Он оказал Комитету много незаменимых услуг. Но часть наиболее влиятельных представителей предпочитала по своей традиции искать возродителей в буржуазных кругах. Сложная закулисная игра оказывала сильнейшее влияние на Чешский Национальный совет, который в свою очередь колебался между Сибирской и Самарской ориентацией и давил на Самару, где был фронт, с целью побудить ее к уступкам Сибири (представителям возглавляемого П.В. Вологодским Временного Сибирского правительства и сибирским политикам правой ориентации – *сост.*). Полнейшее непонимание России было основным свойством большинства этих представителей и привело их, наконец, к решительно буржуазной ориентации, к поддержке правительства Колчака» (Судьба Учредительного собрания. Доклад председателя Комуча В.К. Вольского // Исторический архив. 1993. № 3. С. 136).

«[...] Ведомство иностранных дел Самарского комитета вело оживленную переписку с разными представителями союзников. Но [Ж.] Клемансо с явной недоброжелательностью отнесся к Самарскому комитету членов Учредительного собрания. Последний за все время своего существования так и не был признан союзниками» (Показания Н.В. Святицкого на предварительном следствии 26 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 289).

³⁶ В документе ошибка. Речь идет о VIII Совете ПСР. См. комм. 33.

³⁷ 9-й Совет ПСР состоялся в Москве 18–20 июня 1919 г. Присутствовали 33 делегата с решающим голосом и 14 с совещательным. Совет принял резолюции «Гражданская война и задачи партии социалистов-революционеров», «Отношение

к большевистской власти», «О контрреволюционной опасности», «Об интервенции», «О работе среди пролетариата», «О работе в деревне», «Отношение к социалистическим партиям», «О партийной дисциплине» и «Об Интернационале». Наиболее важное место на Совете занимал вопрос отношения партии эсеров к власти большевиков. Во время дискуссий выявились различные позиции. Так, В.К. Вольский предлагал заключить соглашение с большевиками, а Н.И. Ракитников настаивал на прекращении вооруженной борьбы против большевиков и вхождении со своей платформой в Советы. Совет принял резолюцию ЦК, объявлявшую борьбу на два фронта – против реакции и большевистского режима – и временный отказ от вооруженного противостояния большевикам. Он утвердил «[...] принятое всеми правомочными партийными органами решение о прекращении вооруженной борьбы против большевистской диктатуры и замене ее политической борьбой», подчеркнув временный характер подобного шага. Комментируя отсутствие «возможности слить свою борьбу против попыток контрреволюции с борьбой против большевистской власти», эсеры намеревались «[...] центр своей борьбы против Колчака, Деникина и других [...] перенести в их территории, подрывая их дело внутри и борясь в передовых рядах восставшего против политической и социальной реставрации народа всеми теми методами, которые партия применяла против самодержавия». Совет решительно отверг возможность союзнической интервенции как средство разрешения внутривнутриполитических проблем России и поручил Центральному комитету принять самые энергичные меры к тому, чтобы побудить социалистические партии всех стран заставить империалистические правительства прекратить хищнические набеги на Россию, блокаду ее и военную и материальную помощь российской контрреволюции. Партия обязалась «[...] вести борьбу за демократизацию Советов, т.е. за всякое расширение и уравнение избирательного права в Советы, за упорядочение самих выборов, за свободу агитации и т.д., а также за уничтожение в них большевистской диктатуры и бюрократии». (См.: 9-й Совет партии социалистов-революционеров (июнь 1919 г., Москва) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 455–467).

³⁸ Вскоре после начала 24 апреля 1920 г. войны между РСФСР и Польской республикой Центральный комитет ПСР направил заявление Московскому совету, в котором определял войну с Польшей как оборонительную и призывал народ поддержать ее, несмотря на руководящую роль коммунистической партии в организации обороны. В июне ЦК ПСР направил циркулярное письмо «Ко всем организациям и членам Партии с[оциалистов]-р[еволюционеров]», в котором отмечалось: «[...] вся революционная Россия, без различия партий, ведет борьбу за общенародные интересы, за завоевания трудового народа против объединенной мировой реакции в лице ее авангарда – армий Пилсудского и Врангеля[...].

Партия с[оциалистов]-р[еволюционеров] в своей декларации по польскому вопросу при объявлении войны сразу поняла всю грядущую опасность и без колебания призвала весь трудовой народ принять участие в этой действительно народной и оборонительной, защищающей его кровные интересы войне. В той же декларации она предвидела и тот путь, который изберет большевистская власть в этой войне. [...] Правящая партия ничего не сделала для того, чтобы использовать возможность народного энтузиазма, чтобы примириться с трудовыми массами, чтобы превратить войну практически в общенародное дело... Режим репрессий и бесправия сменился террором, режим притеснения рабочих организаций, несогласных с правящей партией, сменился уничтожением и арестами их правлений, начались и продолжают беспрерывные аресты членов всех социалистических партий, тюрьмы переполнены испытанными революционерами, мужественно борющимися с царизмом и с буржуазией и запечатлевшими десятилетней каторгой свою преданность интересам трудового народа[...]. И результаты этой безумной для правящей партии и преступной по отношению к трудовой России политики налицо. Вспыхнувший было энтузиазм в борьбе против панской Польши угас, сменился общим безразличием и апатией. [...] Война затягивается, страна истощается и все реальнее и реальнее угроза новых интервенций, новых “освободителей” со стороны приободлившейся мировой реакции. И тем жалким остаткам революционных завоеваний в России, какие существуют, и делу международного социализма грозит тяжелый удар[...].»

ЦК призывал всех членов партии к сплочению в «борьбе с помещичьей Поль-

шей и южной армией последнего Деникина – Врангеля». Отвергая возможность «[...]по принципиальным и практическим соображениям партийной мобилизации с передачей мобилизованных товарищей в полное распоряжение Реввоенсовета[...]», он обязывал все партийные организации содействовать «[...]развитию добровольчества как в рядах партии, так и в широких слоях народа, находящегося под влиянием партии[...]». ЦК подчеркивал: «Партия с[оциалистов]-р[еволюционеров], не прекращая своей идейной борьбы с большевиками, исполнит свой революционный и социалистический долг до конца, чтобы ни предпринимала и ни творила большевистская власть в своем безумном ослеплении и изоляции». Завершивший войну Рижский мирный договор, имевший тяжелые последствия для России, партийным руководством расценивался как “изменническое предательство” национальных интересов (Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 647–649).

³⁹ 8–21 января 1921 г. в Париже состоялось частное Собрание бывших членов Всероссийского Учредительного собрания. Работа Собрания финансировалась «Внепартийным объединением». В нем принимали участие 33 из 56 членов Учредительного собрания, находившихся за пределами России: 22 социалиста-революционера, 5 кадетов, 1 октябрист, 1 народный социалист и 4 делегата от национальных группировок. Председателем был избран Н.Д. Авксентьев. На открытии Собрания выступил В.М. Чернов. Эсеры и кадеты, участвовавшие в собрании, приняли отдельные декларации о будущем устройстве и принципах национального возрождения России.

Участники собрания приняли резолюции по вопросам об отношении иностранных держав к Советской власти, об отношении к возможным торговым сношениям с Советской Россией (о блокаде), о силе соглашений, заключенных при раздаче концессий до установления законной государственной власти в России, об отношении к отторжению иностранными державами отдельных частей российской государственной территории, об отношении к окраинным государственным образованиям и о национальностях. В них излагалась программа действий, призванная сплотить сторонников демократического преобразования России и привлечь внимание иностранных правительств к российским проблемам.

Собрание отрицало законность власти большевиков, ввиду чего призывало иностранные державы воздерживаться от признания советского государства. Оно считало не имеющими правовой силы любые договоры и соглашения, заключаемые большевиками от имени российского государства. Все принятые международные соглашения подлежали пересмотру с точки зрения их соответствия жизненным интересам России, свободе ее хозяйственного развития. Выражалось стремление к устранению всех искусственных преград на пути возобновления экономического общения России с внешним миром и к прекращению блокады, так как ее последствия тяжелейшим образом влияли не столько на Советское правительство, сколько на ни в чем не повинное население. Всякие попытки воспользоваться возобновлением экономических связей с Россией для ее хозяйственного закабаления или укрепления власти большевиков расценивались как недопустимые и заслуживающие активного протеста. Собрание выступило с протестом против всех актов оккупации или захвата частей территории российского государства иностранными державами.

Собрание признало, что федеративное устройство является наиболее целесообразной формой экономического и политического сближения с Россией вышедших ранее из ее состава государств, неизбежного после ликвидации большевистской диктатуры и установления в России подлинного народовластия. В рамках данной федерации предполагалось наделить каждую национальность правом на национально-культурную автономию. Планировалось предоставить любой народности право образовывать автономную государственную единицу в районе ее компактного проживания.

Собрание избрало Исполнительную комиссию в составе эсеров Н.Д. Авксентьева, В.М. Зензинова, А.Ф. Керенского, Н.В. Макеева и О.С. Минора; кадетов М.М. Винавера, А.И. Коновалова и П.Н. Милукова и мусульманского депутата С.Н. Максудова; заместителями членов Исполкома были избраны эсер Е.Ф. Роговский и казачий депутат, кадет В.А. Харламов. В сентябре, взамен выбывших по болезни Винавера и Коновалова, в ее состав вошли эсер М.В. Вишняк и кадет И.П. Демидов.

Как отмечал впоследствии В.М. Чернов, Исполнительная комиссия была

избрана вследствие того, что, по мнению организаторов совещания, она могла представлять за границей «подлинную Россию», в отличие от Советской России, тогда еще юридически никем не признанной.

Исполнительная комиссия приступила к работе в конце января. Она занималась рассмотрением вопросов международно-политического характера, защитой прав российских граждан за границей, мероприятиями в области информационно-агитационной и издательской деятельности, сношениями с общественными организациями и группами, вопросами внутреннего распорядка своей работы и текущими делами. Соответственно, вся исполнительская работа возлагалась на следующие отделы, возглавлявшиеся членами комиссии (или их коллегией): отдел защиты русских граждан (М.М. Винавер), финансово-экономический (А.И. Коновалов и Н.В. Ма-кеев) и международно-политический (Н.Д. Авксентьев, М.М. Винавер, А.Ф. Керенский, П.Н. Милуков).

Из отделов были выделены подотделы для специальных работ и созданы комиссии с приглашенными специалистами: подотдел о военнопленных и интернированных (О.С. Минор), юридический подотдел и при нем юридическая комиссия, финансово-экономическая комиссия и информационное бюро.

Комиссия уделяла значительное внимание критическому анализу договоров Советской России с Афганистаном, Великобританией, Персией и Польшей, и зарубежных проектов экономического восстановления России в целях определения степени их соответствия российским национальным интересам в политическом, экономическом и юридическом аспектах.

Основная деятельность комиссии направлялась на разрешение гуманитарных проблем «из-за неоправдавшегося расчета, что при гуманитарном, а не политическом подходе легче будет добиться помощи остро нуждающимся в ней в России и за рубежом» (Вишняк М. Годы эмиграции. Стэнфорд, 1970. С. 69–70). Комиссия взяла на себя инициативу организации общественного Комитета помощи голодающим и оказанию ему материальной поддержки. Финансово-экономический отдел Комиссии разработал и передал Комитету план продовольственной помощи голодающему населению России. Комиссия также обсуждала вопросы международной помощи голодающими, собирала и систематизировала материалы о положении политических заключенных в советских тюрьмах.

В области защиты прав российских граждан за границей Комиссия занималась выработкой проектов о формах и способах этой защиты, решением практических вопросов, требовавших немедленного отклика и вмешательства.

Она вела информационную и издательскую деятельность, и финансировала литературные предприятия, соответствовавшие ее платформе.

Члены комиссии планировали проведение систематических объездов наиболее крупных пунктов скопления российских беженцев, но, вследствие финансовых затруднений и других обстоятельств, состоялись лишь единичные поездки.

Отсутствие средств стало причиной окончания работы Исполнительной комиссии осенью 1922 г., что сделало невозможным созыв очередного Совещания членов Учредительного собрания.

Сотрудничество эсеров и кадетов в процессе работы совещания членов Учредительного собрания подвергалось усиленной критике со стороны различных политических сил.

Недовольство действиями социалистов-революционеров за границей выражали руководству партии эсеров многие партийные организации в России, выступавшие с осуждением любых соглашений с «буржуазными группировками». 28 января 1921 г. Центральный комитет ПСР потребовал от всех эсеров, вошедших в Исполнительную комиссию Совещания членов Учредительного собрания, немедленно выйти из нее, под угрозой неизбежного исключения из партии. Он также настаивал на полном прекращении контактов эсеров с кадетами. ЦК повторил это требование 4 февраля и 5 апреля 1921 г.

Впоследствии оно неоднократно подтверждалось Центральным бюро ПСР (См. письма: ЦОБ и ЦБ ПСР В.М. Зензинову (от 26 августа 1921 г. и 6 января 1922 г.), ЦБ ПСР ЗД ПСР (от 14 сентября, 19 и 24 октября 1921 г., 13 марта, 23 мая 1922 г.).

С осуждением «парижского» предприятия в августе 1921 г. выступил Десятый Совет ПСР (Революционная Россия. 1921. № 14–15. С. 40).

Участвовавшие в Совещании эсеры возражали против позиции российского

партийного центра. В.М. Чернов выступал посредником в споре правых эсеров с Центральным комитетом, стремясь примирить конфликтовавшие стороны. 4 марта 1921 г. он обратился к членам Инициативной группы «Внепартийного объединения» с письмом, в котором утверждал, что «Совещание – зародышевое [...] государственно-правовое целое и сиденье вместе [с кадетами] было сиденьем по должности, а не коалицией» и просил их не идти на обострение отношений с ЦК ПСР, испытывавшим сильное давление со стороны партийных масс, опасавшихся буржуазной реставрации, и, вследствие этого, с крайним подозрением воспринимавших всякие связи с представителями несоциалистических течений.

В апреле 1921 г. В.М. Чернов пытался в переписке с Центральным комитетом опровергнуть мнение последнего об участии эсеров в Совещании как практической реализации идеи коалиции с буржуазными политиками и предостерегал его от чрезмерного натиска на эсеров, инициировавших созыв Совещания, мотивируя это опасностью раскола эсеровской эмиграции, потери для партии ряда ее авторитетных деятелей (в первую очередь, А.Ф. Керенского, О.С. Минора и В.М. Зензинова) и образования на «почве оппозиции» решению ЦК «союза правых, центра и части левых заграничной организации» (что могло, по утверждению Чернова, привести к утрате руководством партии возможности использовать материально-техническую базу партийной эмиграции, контролируемую ее правоцентристской частью (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 273. Л. 76–77).

М.Л. Слоним сообщал 4 апреля 1921 г. ЦК и ЦОБ ПСР, что «Совещание учредителей далеко не прошло так гладко в нашей группе, как вы думаете. Существовала оппозиция ([Г.И.] Шрейдер, [Б.Ф.] Соколов, [В.В.] Сухомлин, я, отчасти [И.М.] Брушвит, [В.М.] Зензинов, сдержанно держался Ал[ександр] Фед[орович] [Керенский]), требовавшая, чтобы Совещание ограничилось “разговорами”. Это имело бы значение в международном порядке и ничуть бы нас не скомпрометировало. Позиция Викт[ора] Мих[айловича] [Чернова] не позволила нам, однако, особенно резко выступать по этому поводу[...]» (Там же. Л. 36).

В.В. Сухомлин также считал В.М. Чернова ответственным за непринятие им действенных мер по недопущению участия в Совещании эсеров, и, более того, за фактическое содействие его работе, что должно было самым негативным образом отразиться на партийном престиже. Он отмечал в письме к И.А. Рубановичу от 9 мая 1921 г., что «считал Совещание хождением вокруг пустого места и предупреждал против опасных последствий его для работы в России. Я и теперь остаюсь на той же точке зрения. Я считаю, что В.М. [Чернов] совершил ошибку, поехав в Париж, и поехав, не выступил резко и решительно против устройства этого Совещания[...]» (ГАРФ. Ф. 6108. Оп. 1. Д. 15. Л. 5).

В июне 1921 г. в Париже члены эсеровской фракции Учредительного собрания подписали протест Центральному бюро против решения Центрального комитета от 4 января 1921 г. Они отрицали, что своим участием в Исполнительной комиссии эсеры нарушили запрет коалиций с буржуазными партиями, принятый Девятым Советом ПСР: «Наоборот, мы были твердо уверены, что выполняем нужное и для партии и для российской демократии дело. Но если и могли быть все же какие-либо сомнения, то они должны были рассеяться с приездом в Париж члена ЦК В.М. Чернова, явившегося с полномочиями из России. Он присутствовал на всех заседаниях фракции, принимал деятельное участие в выработке всех ее решений и резолюций[...]». Согласно им, в интересах скорейшего освобождения Родины от большевизма требовалось вести политическую работу не только в социалистическом, но и в общедемократическом направлении, чему могло немало способствовать сотрудничество с кадетами в Исполнительной комиссии. Обращение с протестом подписали Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, В.Г. Архангельский, Е.К. Брешко-Брешковская, И.М. Брушвит, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, П.Д. Климушкин, И.Н. Коварский, Е.Е. Лазарев, А.В. Милашевский, О.С. Минор, И.П. Нестеров, Б.Н. Рабинович, Е.Ф. Роговский, В.В. Руднев, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, И.И. Фондаминский. Из подписавшихся Аргунов, Архангельский, Милашевский, Нестеров, Рабинович и Сухомлин не являлись представителями

фракции социалистов-революционеров на Совещании членов Учредительного собрания. Среди подписавшихся отсутствовали фамилии следующих эсеров – членов фракции: А.Н. Алексеевский, А.А. Булат, Д.О. Гав-ронский, Н.В. Макеев, Б.Ф. Соколов, В.М. Чернов и Г.И. Шрейдер.

Большинство эсеров, участвовавших в Совещании, отказывалось выполнять постановления руководящих партийных органов с роспуске Исполнительной комиссии. Так, частное совещание эсеров – членов Учредительного собрания на заседании 27 мая 1922 г. одобрило деятельность Исполнительной комиссии и высказалось против решения ЦК ПСР, принятого им 28 января 1921 г.

Входившие в Исполнительную комиссию социалисты-революционеры, игнорируя распоряжения своего руководства, продолжали совместную с кадетами работу вплоть до ее ликвидации, ввиду недостаточного финансирования, осенью 1922 г.

Деятельность Совещания членов Учредительного собрания не дала значительных результатов, ожидавшихся от нее. Отличаясь достаточно левым направлением, оно не было признано российской эмиграцией, в среде которой наибольший вес набирали правые течения. Совещание не имело сочувствия и у левых радикалов. Центристские силы не пользовались заметным влиянием и не находили поддержки в условиях все более усиливавшейся поляризации эмигрантского общества. Идеи легитимности оказались чуждыми его менталитету, сформированному жестокими реалиями гражданской войны. Правительственные круги иностранных государств игнорировали Совещание и создавшую им Исполнительную комиссию, предпочитая устанавливать официальные отношения с советским правительством, фактически представлявшим Россию.

⁴⁰ «[...] Связями с союзными миссиями в Советской России (с представителями этих миссий) ведали Бунаков и Брешко-Брешковская, члены фракции с.р. Учредительного собрания. В конце мая 1918 года Бунаков предложил мне поехать к французу, фамилии которого не помню, корреспонденту какой-то большой французской газеты [...], я дал этому французу информацию об итогах избирательной кампании в Учредительное собрание, о составе нашей фракции, о работе фракции У.С. после разгона Учредительного собрания. Я ему осветил в заключительной беседе также и общеполитическое положение в партийных тонах. Когда выждалась высадка союзников в Архангельске, туда были делегированы от Бюро с.р. фракции Учредительного собрания, [Я.Т.] Дедусенко, Коварский, и, кажется, Сергей Маслов. Они были уполномочены вести переговоры с союзниками. Господствующее настроение фракции с.р. У.С. было таково, что если союзники предложат свою военную помощь в деле восстановления Восточного фронта против Германии и против свержения советской власти, то такую помощь принять. Дедусенко и Сергей Маслов вступили в состав северно-русского правительства, во главе которого стоял [Н.В.] Чайковский. Осип Соломонович Минор рассказал мне в августе 1918 года, что член ЦК партии с.р. Тимофеев Евгений Михайлович, имевший в Москве летом 1918 года сношения с представителями Антанты, производит на них хорошее впечатление своими интеллектуальными и дипломатическими способностями. [...] О связях Тимофеева Е.М. с союзниками я слышал еще до Минора, в Москве, от партийных деятелей. Дипломатические сношения партии с.р. с союзниками имели своим содержанием вопросы о власти в России, об отношении к Учредительному собранию и советской власти» (Протокол допроса бывшего члена Бюро фракции ПСР Н.В. Святицкого на предварительном следствии 19 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 170–171).

«[...] Издававшие газету “Возрождение” в 1918 г. члены бюро фракции с.р. Учр. собр. гордились тем, что вся иностранная информация получается ими из первоисточников и все сведения, касающиеся намерений и политики союзников являются не обычными в то время “ушками” и слухами, а аутентичными данными, исходящими из вполне компетентных сфер. В 1918 году в с.р. кругах говорилось, что [Е.К.] Брешко-Брешковская (“Бабушка”) поддерживает связи с американскими общественными организациями и получает оттуда денежные средства, говорили также, что будто бы на эти средства издавалось в Москве продолжение газеты “Воля народа”, “Земля и воля”, издававшиеся при участии [А.А.] Аргунова, бабушки, [Е.А.] Сталинского, д-ра [В.Е.] Павлова» (Протокол допроса бывшего члена Бюро фракции ПСР Н.В. Святицкого на предварительном следствии 22 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 173).

«[...] Этими сношениями [с союзными дипломатическими миссиями] ведали [И.И.] Бунаков (Фондаминский) и [Н.Д.] Авксентьев. Других членов бюро [фракции ПСР Учредительного собрания] я не помню. В чем практически проявились эти сношения не помню. Помню только, что связи носили характер взаимной информации и обещания союзниками поддержки Учредител[ьного] собр[ания]. На заседании бюро фракции Авксентьевым и Бунаковым делались доклады о переговорах с союзными миссиями. Это относится к периоду апрель–май–июнь 1918 г. Сношения с миссиями происходили с ведома и с санкции Центрального комитета. [...] Дедусенко и Сергей Маслов были командированы в июне [...] 1918 г. (точно время не помню) в Архангельск для переговоров и связи с союзническими миссиями. Союзнические миссии в то время находились в Архангельске, куда они переехали из Вологды. Дедусенко и Сергей Маслов, насколько я помню, были командированы в Архангельск Центральным комитетом ПСР» (Протокол допроса Д.С. Розенблюма на предварительном следствии 26 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 186).

«[...] Бюро фракции У[чредительного] С[обрания] поддерживало в Москве сношения с представителями союзнических миссий лишь неофициально, так как официальные сношения являлись компетенцией Центр[ального] ком[итета] ПСР, сношения с миссиями поддерживали [И.И.] Бунаков и, отчасти, [Н.Д.] Авксентьев. В Москве связи поддерживались с французским консулом Массоном (насколько я помню) и какими-то другими представителями Нуланса. Связи были преимущественно с французами. Бунаков и Авксентьев делали частные сообщения о своих переговорах с союзниками на заседаниях бюро фракции с.р.; эти сообщения не протоколировались. Переговоры имели своим содержанием вопрос о восстановлении Восточного фронта мировой войны совместно с союзниками и вопрос об интервенции союзников в России» (Показания бывшего члена Бюро фракции ПСР Учредительного собрания и управляющего Ведомством продовольствия, торговли и промышленности Правительства Северной области Я.Т. Дедусенко на предварительном следствии 8 апреля 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 205).

«[...] По поводу связи с Антантой (французами, американцами и др.) я помню один случай, лично со мной имевший место в г. Минске в конце 1917 года (в декабре месяце). Когда большевики ликвидировали партийную типографию издававшейся комитетом ПСР газеты (у нас отобрали шрифт), ко мне пришел один из товарищей военных с.р. и, ссылаясь на знакомого (сочувствовавшего с.рам), предложил комитету получить на приобретение шрифта 40 тысяч руб. По наведенным мною справкам я заподозрил, что эти деньги могут исходить от японского военного атташе при штабе фронта. Я отклонил прием этого пожертвования, что и было одобрено партийными органами в Минске и Москве. Конкретные факты сношения ПСР с союзными миссиями совет. республики мне известны не были, но общий факт этих сношений для меня был известен и я к нему относился неуклонно отрицательно» (Протокол допроса П.В. Злобина на предварительном следствии 17 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 165).

«[...] Определенно яркое выражение оборончества Екатерины Брешко-Брешковской (“Бабушки”) было известно, конечно, и американским жертвователям, дававшим средства “на поддержку русской революции”. Первоначальный фонд “бабушки” возник из добровольных пожертвований[...]. Она имела большие связи в американском обществе: имела личную связь с [В.] Вильсоном, возможно, что одним из источников “бабушкиных” денег были правительственные американские круги. “Бабушка” расходовала эти деньги по своему усмотрению и усмотрению своих друзей ПСР, так как она придерживалась определенной политики оборончества, она расходовала этот фонд на агитацию и пропаганду (через с.р.) в пользу продолжения войны с Германией». (Протокол допроса Д.С. Розенблюма на предварительном следствии 30 марта 1922 г. – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 187).

«[...] Официально деньги от союзников не получались. Неофициально же в Бюро [фракции ПСР Учредительного собрания] попадали и деньги из союзнических источников. Главным же источником денежных средств Бюро были внутренние средства, пожертвования и сборы от разных учреждений и организаций, производившиеся членами Бюро, а также поступления из провинции» (Протокол допроса бывшего члена Бюро фракции ПСР Учредительного собрания и управляющего Ведомством продовольствия, торговли и промышленности Правительства Северной области Я.Т. Дедусенко на предварительном следствии 8 апреля 1922 г. – ЦА ФСБ

РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 205). (Отвечая на утреннем заседании процесса 27 июня 1922 г. на вопросы государственного обвинителя Н.В. Крыленко, Дедусенко дезавуировал свои показания от 8 апреля: «[...] Это ответ, записанный следователем, производившим дознание, так сформулированный в результате постановки мне по этому поводу, по крайней мере, 25 вопросов и зафиксированный всего-навсего в десятке слов. Основная часть, которую я развивал в ответ на вопросы следователя[...]» мне ничего неизвестно о получении денег бюро фракции из союзнических источников[...].

[...]я подтверждаю, что [Н.Д.] Авксентьев имел беседу с ответственным лицом, кажется, с самим [Ж.] Нулансом из французского посольства. Это я твердо помню. Что же касается денег, то это было из области слухов и о том, что он получал деньги, я слышал, но не видел и слышал не от самого Авксентьева[...]]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 27. Л. 97–98, 105).

⁴¹ Ярославское восстание (06–21.07.1918) было организовано местным отделением созданного Б.В. Савинковым «Союза защиты родины и свободы» совместно с ярославскими организациями «Союза офицеров», «Союза фронтовиков» и «Союза георгиевских кавалеров». Основной силой восстания стал возглавленный полковником А.П. Перхуровым «Ярославский отряд Северной Добровольческой Армии», число бойцов которого, по различным оценкам, составляло от 400 до 1000 штыков. В распоряжении повстанцев были автоброневой дивизион (25 офицеров, 2 пушечных бронемобиля, 5 крупнокалиберных пулеметов) и 2 трехдюймовых орудия. Восстание в основном поддержала местная милиция и значительная часть рабочих и крестьян. В первом обращении-приказе к населению города Перхуров заявил о своей связи с южнорусским Белым движением: «на основании полномочий, данных мне главнокомандующим Северной Добровольческой армией, находящейся под верховным командованием генерала Алексеева, я, полковник Перхуров, вступил в командование вооруженными силами и во временное управление гражданской частью в Ярославском районе[...]». Программа повстанцев была близка к политической программе белого движения. План восстания был согласован с французской военной миссией в России, и руководители повстанцев рассчитывали на обещанную высадку союзного десанта в Архангельске, которая состоялась уже значительно позднее подавления восстания – в августе. Несмотря на поражение, восстание вынудило большевиков снять значительную часть войск с Поволжского фронта. Подробнее см.: Ярославское восстание. Июль 1918. М., 1998.

⁴² Четвертый съезд Партии социалистов-революционеров состоялся 26.11–05.12.1917 в Петрограде. На нем присутствовало 215 делегатов с решающим и 120 с совещательным голосами. Съезд открыл Д.Ф. Раков. В президиум съезда вошли В.М. Чернов (председатель), Н.И. Ракитников, М.А. Лихач, Н.С. Русанов (товарищ председателя), Раков и В.М. Зензинов (секретари). Были обсуждены вопросы: текущий момент – Чернов, содокладчик М.Л. Коган-Бернштейн; отчет ЦК – Зензинов; о финансовом хозяйстве партии – М.А. Веденяпин; о работе партии в Учредительном собрании – Ракитников; об организационном уставе партии – В.В. Руднев. Работали секции: социально-экономическая и национальная. Съезд констатировал, что ЦК не осуществлял в должной мере контроль над деятельностью членов партии, занимавших ответственные посты в правительстве и руководящих органах демократии, чем делал партию ответственной за политику, ею не санкционированную, и невольно способствовал подрыву доверия масс к партии. Съезд поддержал лозунг «Вся власть Учредительному собранию!», признав, что Советы должны руководить идейно-политической жизнью масс и стоять на страже завоеваний революции; указал, что в Учредительном собрании должны быть поставлены вопросы о мире, земле, контроле над производством, переустройстве Российской республики на федеративных началах; подтвердил исключение из ПСР левых эсеров-интернационалистов и членов Организационного совета петроградской группы эсеров-«оборонцев». Съезд избрал (голосовало 174 делегата) ЦК партии: Ракитников («за» – 167 голосов), Раков (165), Чернов (163), Зензинов (161), Русанов (148), В.В. Лункевич (144), Лихач (131), Веденяпин (126), И.А. Прилежаев (126), М.И. Сумгин (120), А.Р. Гоц (112), М.Я. Гендельман (107), Ф.Ф. Федорович (105), В.Н. Рихтер (104), К.С. Бурсвой (103), Е.М. Тимофеев (100), Л.Я. Герштейн (85), Д.Д. Донской (82), В.А. Чайкин (79), Е.М. Ратнер (76); кандидаты в члены ЦК: А.Б. Ельяшевич (75), И.И. Тетеркин (75), Н.Н. Иванов

(73), В.В. Сухомлин (71), Коган-Бернштейн (65).

⁴³ Сибирская областная дума была создана эсерами, меньшевиками и сибирскими областниками в декабре 1917 г. в Томске на Чрезвычайном общесибирском областном съезде. В ночь на 26 января 1918 г., по предписанию Центросибири, Томский совет рабочих и солдатских депутатов распустил Сибирскую областную думу и арестовал часть ее членов. Оставшиеся на свободе члены думы 27 января на конспиративном совещании в Томске создали Временное сибирское правительство во главе с П.Я. Дербером, большая часть членов которого вскоре бежала в Харбин. После захвата Томска чехами Сибирская областная дума сформировала 23 июня Временное сибирское правительство во главе с П.В. Вологодским. В конце сентября 1918 г. Сибирская областная дума была упразднена Уфимской директорией.

⁴⁴ См. комм. 29 к делу 16.

⁴⁵ Из справки Московского управления уголовного розыска от 9 мая 1922 г. видно, что в их регистрационном журнале за 1918 г. записей о делах об ограблении губпродкома и 23 почтово-телеграфного отделения не имелось (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Ч. 1. Л. 1). См. также комм. 31 к делу 16.

⁴⁶ В ходе рассмотрения следственным отделом Верхтриба ключевого пункта обвинения, связанного с покушением на жизнь В.И. Ленина, следственная группа вступала в переписку с последним. 8 мая 1922 г. Е.Ф. Розмирович направила Ленину официальный запрос с просьбой об уведомлении: выступал ли он в тот день, 30 августа 1918 г., на митинге на Хлебной Бирже (Басманный район). Ответ Ленина, переданный Л. Фотиевой в Верхтриб по телефону 13 мая 1922 г. («Я не помню»), потребовал дополнительного запроса в МК РКП(б), зав. Агитотделом которого В. Сорин подтвердил, что Ленин 30 августа 1918 г. выступал в двух местах – на Хлебной Бирже и заводе Михельсона (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 119, 198, 365).

⁴⁷ Днем позднее, 6 мая 1922 г. допрошенный Я. Аграновым К. Усов существенно дополнил показания С. Кононова о времени и содержании переговоров, которые вел А. Гоц путем перестукивания с сидевшими в одной камере внутренней тюрьмы ГПУ бывшими боевиками из группы Г. Семенова.

По словам К. Усова, Гоц в ходе первого перестукивания 9 апреля 1922 г. рекомендовал экс-боевикам от уже данных следователям показаний отказаться. Ответ Усова гласил, что они дали показания обо всем, что делали, и отрицать это бессмысленно, «т.к. Семенов все равно все знает». В следующий раз Гоц сообщил арестованным, что на «съезде» (совещании – *сост.*) трех Интернационалов состоялось соглашение о «невынесении смертных приговоров» на процессе (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 4. Л. 167). Если учесть время второго перестукивания (между 10 и 16 апреля 1922 г.) и соотнести его со временем подписания т.н. Берлинского соглашения трех Интернационалов в части предстоявшего московского процесса (5 апреля), то можно констатировать достаточную оперативность в получении информации извне и осведомленность, которой лидеры ПСР обладали в условиях строжайшей тюремной изоляции.

⁴⁸ Журнал «Былое». Петроград. 1921. № 16 (материалы номера: Аптекман О.В. Две дорогие тени: (Из воспоминаний о Г.В. Плеханове и М.А. Натансоне как семидесятиках); Утгоф В.Л. Уфимское государственное совещание 1918 года: Из воспоминаний участника); Ковальская Е.Н. Мои встречи с С.Л. Перовской: (Отрывки из воспоминаний); Халтурин И.П. Семейные воспоминания о Степане Халтурине; Генкин И.И. Псковский централ (Из воспоминаний полит. каторжанина); Русская революционная эмиграция: (Записка Я.В. Стефановича) / Публ. Ф.И. Покровского; Клейнборт Л.Н. М.И. Гурович-«Харьковцев»: (Из воспоминаний); С.-Петербургское охранное отделение в 1895–1901 гг.: («Труд» чиновника отделения П.С. Статковского); Гревс И.М. В годы юности: (За культуру). После студенчества. Наше братство; Святловский В.В. К истории Первого мая (1890–1893 гг.): Ист. справка; [Николаевский Б.И.] «Первое преступление» М. Горького: (Из очерков по архивным материалам) / Примеч. А.М. Горького; Щеголев П.Е. Из летописи Шлиссельбургской крепости; Тютчев Н.С. К характеристике Я.В. Стефановича: (Письмо в редакцию)).

⁴⁹ См. док. № 18-7.

⁵⁰ Лебедев В.И. Борьба русской демократии против большевиков: Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Нью-

Йорк, 1919.

⁵¹ Аргунов А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919.

⁵² Прекращение войны внутри демократии. Сборник статей [К. Буревоего, В. Вольского, Н. Святицкого и др.]. М., 1919.

⁵³ Краткий отчет о работах Четвертого съезда Партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 года). Пг., 1918.

⁵⁴ Девятый Совет Партии [социалистов-революционеров] и его резолюции (июнь 1919 г., Москва). Paris, 1920.

⁵⁵ Святицкий Н. К истории Всероссийского Учредительного собрания: Очерк событий на востоке России в сентябре–декабре 1918 г. М., 1921.

⁵⁶ Чайкин В. К истории Российской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. М., 1922.

⁵⁷ Журнал «Партийные известия». Орган ЦК ПСР. Издавался в Петрограде с сентября 1917 по март 1918 г. Вышло шесть номеров.

⁵⁸ Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917–1921 г.). Ч. 1. (Октябрь 1917 г. – август 1919 г.). Петроград, Вологда, Архангельск (Личные воспоминания). М., 1922.

⁵⁹ Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919.

⁶⁰ Газета «Родная земля» издавалась группой членов Краснодарской городской организации ПСР в октябре 1918 – январе 1919 г. Редакционная коллегия: Г.И. Шрейдер, Н.Ф. Березов, Б.В. Бабин-Корень, М.Г. Бо-чарников, А.П. Гельфгот, Г.К. Покровский, Е.А. Сталинский, П.И. Шир-ский). Программа: вооруженная борьба с большевиками с целью созыва Учредительного собрания, поддержка Уфимской директории, достижение соглашения о совместной деятельности ПСР, Уфимской директории, Кубанского краевого правительства и Добровольческой армии. Закрыта по требованию командования Добровольческой армии.

⁶¹ Речь, видимо, идет о Е.М. Ратнер.

⁶² В отличие от членов Заграничной делегации (включая В.М. Чернова, вошедшего в ее состав вскоре после приезда в Эстонию в сентябре 1920 г.), выехавших за границу по решению ЦК партии, основная масса эсеров покидала родину в индивидуальном порядке, вследствие преследований со стороны большевистских властей и белых правительств. Партийное руководство негативно относилось к этому. ЦК ПСР в ряде своих постановлений запрещал партийным работникам выезжать из России без разрешения партии. Согласно им, социалисты-революционеры могли направляться за рубеж только будучи специально командированными. Высшие партийные органы неоднократно обращались к эсеровской эмиграции, подчеркивая приоритет внутри-российской партийной работы и требуя возвращения в Россию многих известных эмигрантов.

В июне 1918 г. в Лондон прибыл А.Ф. Керенский с целью «заручиться военной помощью союзников для восстановления русского фронта и тем самым обеспечить России место среди союзных стран на предстоящих мирных переговорах» (Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 343). Из Лондона он периодически выезжал в Париж, куда окончательно переселился в 1920 г.

Первоначально местом основного сосредоточения социалистов-революционеров стал Париж, в который в течение 1919 г. съехались многие партийные деятели. В него прибыли высланные из Сибири А.В. Колчаком члены Уфимской директории Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов со своими ближайшими сотрудниками А.А. Аргуновым и Е.Ф. Роговским. К ним присоединились М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, И.Н. Коварский, О.С. Минор, В.В. Руднев, М.Л. Слоним, Б.Ф. Соколов, И.И. Фон-даминский и др. В среде парижских эсеров доминировали представители правого крыла партии, тяготевшие к коалиции с буржуазно-демократическими группами и считавшие приемлемой иностранную интервенцию в России. Они находились в оппозиции к руководящим партийным органам и претендовали на независимость от них. Составляя меньшинство, правые социалисты-революционеры в первые годы эмиграции во многом определяли идейно-политическую платформу эсеровского зарубежья.

В начале 1919 г. идейный лидер правых Н.Д. Авксентьев выступил с идеей создания «коалиции живых сил страны», которая объединяла бы меньшевиков, эсеров, народных социалистов и левых кадетов. Он также призывал «народы Западной Ев-

ропы [...] вмешаться в дела России», утверждая, что «другой интервенции, чем во-ешной, не существует».

16 мая 1919 г. эсеры – члены Учредительного собрания (Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, В.М. Зензинов, А.Ф. Керенский, О.С. Минор, Е.Ф. Роговский, М.Л. Слоним и Б.Ф. Соколов) вместе с партийными соратниками Я.Л. Делевским и С.А. Ивановым («Союз возрождения России») и меньшевиками И.М. Пескиным и О.И. Розенфельдом («Республиканский союз России») выступили в Париже с «Призывом к мировой демократии», в котором «мировая демократия» призывалась прийти на помощь «русской демократии». В нем решительно осуждались «большевицкая и генеральская диктатуры и их признание, [...] нарушение суверенитета России, [...] военная интервенция в пользу реакционных правительственных образований». (ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 125. Л. 24). Оно было опубликовано во многих французских газетах и получило сочувственные отклики в местной буржуазной и социалистической прессе.

Выступление парижских эсеров вызвало раздраженную реакцию ЦК ПСР, отмежевавшегося от призыва и объявившего «парижскую группу» в лице подписавшихся распущенной. Центральный комитет критиковал «признание группой вообще вмешательства иностранных правительств в их современном виде в русские внутренние дела ввиду необходимости борьбы в мировом масштабе против анархии и реакции». Он подчеркивал, что несмотря на необходимость данной борьбы, «ни международный социализм, ни ПСР не могут согласиться на признание современных правительств держав Согласия своими представителями и уполномоченными в этой борьбе» (Партия социалистов-революционеров после октябрьского переворота 1917 г. С. 653–654).

Правые эсеры в Париже высказывали несогласие с резолюциями Девятого и Десятого Советов партии и скрывали их существование от других членов партии и европейской общественности. В письме от 31 октября 1919 г., адресованном социалистам-революционерам юга России (издававшим журнал «Народовластие»), Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов, И.Н. Коварский и В.В. Руднев высказывались против прекращения вооруженной борьбы с большевиками и отказа от союзнической интервенции. Они также выражали надежду на демократизацию белого движения под «давлением русской демократии и союзников, находящихся тоже под давлением своих демократий» (Письмо Н.Д. Авксентьева к с.-р. Юга России // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 411–416).

Те же лица вместе с А.И. Гуковским, А.Ф. Керенским, О.С. Минором и Е.Ф. Роговским выступили 14 марта 1920 г. в Париже с протестом против намерений некоторых союзных правительств признать советское правительство.

Вскоре после приезда из России в сентябре 1920 г. В.М. Чернов дал интервью корреспонденту газеты «Последние Новости», в котором указал на то, что борьба с коммунистами «будет затяжной и нелегкой, [...] она осложнится стихийными эксцессами темных озлобленных масс, но, по-видимому, другого пути нет, большевики неисправимы и к благоразумным и своевременным уступкам так же мало способны, как и самодержавие». В деле освобождения Отечества от большевизма он «рассчитывал исключительно на внутренние народные силы и, как огня, боялся всякой прямой или косвенной иностранной интервенции» (В.М. Чернов о современном положении // Воля России. 1920. 5 окт.).

В беседе с сотрудником британской газеты «Дейли Ньюс» В.М. Чернов заявил, отвечая на вопрос о том, кто придет к власти в случае стихийного падения большевизма: «Две силы будут конкурировать между собою – “белая” реставрация и трудовая демократия[...]. После падения большевизма у трудовой демократии сильного конкурента не окажется. Власть достанется ей не потому, что она сейчас достаточно сильна и организована, а потому, что народу больше не к кому отнестись с доверием». Им допускалась при этом возможность продолжительного переходного «периода анархии, в течение которого власть будет переходить из рук в руки». Он считал, что «прочной власти никому, кроме трудовой демократии, организовать не удастся. Так или иначе, но России придется вернуться к Учредительному собранию[...]. А на выборах в Учредительное собрание ни правые, ни кадеты, опять никакого успеха иметь не будут. Народным массам они были и останутся чуждыми» (Там же. 19 нояб.).

Эсеровская эмиграция представляла собою весьма неоднородное образование.

Сам В.М. Чернов сообщал Центральному комитету в апреле 1921 г. о наличии в ней трех основных течений: левого, правого и центристского. Оговаривая всю условность подобного деления, он относил к левым Е.А. Сталинского, М.Л. Слонима, Г.И. Шрейдера, В.И. Лебедева и Ф.Е. Махина; к центру – В.М. Зензинова, О.С. Минора, А.Ф. Ке-ренского, И.М. Брушвита и к правым – Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова-Фондаминского, М.В. Вишняка, А.И. Гуковского, И.Н. Коварского, Е.Ф. Роговского и В.В. Руднева. Официальные представители партии за границей – Д.О. Гавронский, И.А. Рубанович, Н.С. Русанов, В.В. Су-хомлин и В.М. Чернов занимали левые позиции.

В качестве примера условности используемой Черновым классификации следует указать, что Е.А. Сталинский, принадлежавший в 1917–1918 гг. к правому крылу партии, неоднократно обличал Чернова за безмерную левизну, выступал за коалицию с буржуазными группировками и работал в парижском отделе «Союза возрождения России» (членство в котором категорически запрещалось ПСР), а Г.И. Шрейдер, проживая в годы гражданской войны на занятом войсками А.И. Деникина юге России, писал в екатеринодарской газете «Родная Земля»: «Добровольческая армия является необходимым соучастником в той общей работе, которая направлена на оздоровление и возрождение нашей измученной Родины» (Цит. по: Вишняк М. Годы эмиграции. Стэнфорд, 1970. С. 81).

В своей организационной работе эсеры, учитывая собственный дореволюционный опыт, руководствовались положениями прежнего «Устава Заграничной организации Партии социалистов-революционеров» согласно которому она «являлась районной организацией, объединяющей местные комитеты и группы за границей». Ее целью определялось «содействие в духе программы ПСР партийной деятельности в России всеми средствами, возможными при работе за границей». Руководящим партийным органом за границей являлся Заграничный районный комитет, ежегодно избираемый на съезде организации (члены ЦК ПСР, временно находившиеся за пределами страны, входили в него) с предоставлением ему права кооптации между съездами новых членов. Комитет должен был «вести сношения по делам партии за границей, объединять и направлять деятельность местных комитетов и групп, заведовать общим транспортом ЗО, издательством, собирать, хранить и расходовать денежные суммы ЗО, вести пропаганду программы партии за границей, знакомить доступными ему средствами общественное мнение Зап[адной] Европы с общим ходом революционной борьбы и партийной деятельности в России, представлять собою ПСР в официальных случаях и вступать в сношения с другими рев[олюционными] организациями по всем частным вопросам, не превышающим его компетенции; [...] публиковать периодические отчеты о [...] всех [...] подлежащих опубликованию делах партии, созывать ежегодные и экстренные съезды[...]».

В области строительства низовых партийных организаций Устав предусматривал, что «с[оциалисты]-р[еволюционеры] данной местности, признающие себя таковыми и желающие работать в духе программы ПСР, соединяются в группы содействия партии и работают под руководством местного комитета ЗО, если таковой существует в данной местности или, если его не существует – уполномоченного ЗК». Эти группы, принятые в состав Заграничной организации, были обязаны «заниматься подготовкой своих членов к активному участию в работе ПСР в России, делать регулярные взносы в общий фонд ЗО, способствовать усилению фондов ЗО и ПСР, принимать участие в местной агитации за границей и, вообще, всеми доступными средствами стремиться к цели (содействия в духе программы ПСР партийной деятельности в России)» (ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 111. Л. 1).

Процесс организационного оформления социал-революционной эмиграции начался со значительной задержкой и проходил крайне медленно, затянувшись на несколько лет. Отчасти это было вызвано уверенностью членов партии, оказавшихся за рубежом, в непродолжительности эмиграции, отчасти сознательным стремлением правых эсеров дистанцироваться от руководящих партийных органов, оставшихся в России (при одновременном нежелании порывать формальную связь с российской партийной организацией).

Первой организационно оформившейся группой стала ревельская, образованная в июле 1920 г. эсерами, оставшимися на территории Эстонии после ее отделения от Советской России. Поначалу она действовала самостоятельно, не имея налаженной связи ни с Заграничной делегацией, ни с пражскими и парижскими эсе-

рами. В сентябре контакты с Прагой и Парижем были установлены, чему предшествовала интенсивная полемика и переписка с А.Ф. Керенским, В.М. Зензиновым и В.И. Лебедевым, критиковавшими членов группы за «правое направление» издаваемой ими газеты «Народное Дело», публикации которой отличались сочувственным тоном по отношению к врангелевскому и польскому выступлениям (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 271. Л. 25).

Под влиянием пражского партийного центра ревельские эсеры стали проявлять большую лояльность руководству партии, а их политическая деятельность приобрела систематический характер. Вскоре группа заняла исключительно важное место в эсеровской эмиграции, став основной инстанцией, через которую эсеры-эмигранты осуществляли связь с партийным подпольем в Советской России и оказывали помощь восставшему Кронштадту.

Существовавшие фактически с лета 1920 г., пражская и парижская группы конституировались только весной 1921 г. Учредителями пражской партийной организации стали В.И. Лебедев, В.И. Пшиходский, Л.В. Россель, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин, И.И. Яковлев; по другим данным, пражская группа была создана 29 ноября 1922 г. В Пражской группе преобладали сторонники официальной партийной линии, «считавшие партийную политику не только более правильной и важной, чем все другое, но как бы предпосылкой ко всему, что эсеры вправе и должны говорить и делать в государственных учреждениях, общественных организациях, профессиональных объединениях». Ответственным было и их отношение к соблюдению партийной дисциплины. Тем не менее, даже они были не всегда последовательны в выполнении распоряжений руководящих органов партии. Пражская организация, как правило, поддерживала Заграничную делегацию в ее спорах с парижанами. Однако в состав Пражской группы В.М. Чернов со своим ближайшим окружением вошел лишь 17 октября 1925 г.

Основу парижской группы составили Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков-Фондаминский, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, А.Ф. Керенский, О.С. Минор, Е.Ф. Роговский и Л.В. Россель. Представители правого течения, определявшие позицию группы, выступали приверженцами так называемых «внепартийных методов» политической работы (предполагавших активное участие социалистов-революционеров в различных политических и общественных объединениях российской эмиграции), считая их наиболее эффективными и позволяющими избежать политической изоляции. Отражая взгляды правых по этому вопросу, В.В. Руднев писал 26 ноября 1922 г. И.М. Брушвиту, что «правые не имеют вкуса к технически-партийной работе, в узком, подпольном смысле слова; по-видимому, так будет и впредь [...] нашу открытую общественную и литературную деятельность мы считаем нашей службой и партии. После 1917 года слишком много у нее смертельных врагов, стремящихся во чтобы то ни стало загнать ее в подполье, в ту типичную дореволюционную “партийную” работу, которая сводится к агитации и к революционному разрушению [...]; работая на общественной поверхности, мы, все правые, стремимся спасти партию от удушающего подполья, от “чисто партийной” работы тех левых, которые, попадая даже в общественную работу, стремятся свести ее к партийно-фракционной лавочке. Много ли удастся нам сделать в нашем “правом” направлении, – не знаю, но в этом подлинный пафос нашей работы» (ГАРФ. Ф. 5789. Оп. 1. Д. 46. Л. 31).

Последней зарегистрированной группой в эмиграции стала Нью-Йоркская. Она была утверждена Областным комитетом в сентябре 1924 г.

На время созыва Первого съезда заграничных организаций ПСР в ноябре 1923 г. за рубежом существовали 12 партийных групп, насчитывавших более 147 чел. (Пражская – 54 чел., Парижская – 25, Нью-Йоркская – 22, Двинская – 10, Виленская – 8, Берлинская – 6, Варшавская – 6, Белградская – 5, Лондонская – 5, Льежская – 3, Ревельская – 3 чел. и Ковенская – численный состав неизвестен).

С 10 по 15 декабря 1922 г. в Берлине работало совещание представителей эмигрантских групп партии эсеров. Оно было созвано для определения путей консолидации партийных сил с перспективой создания единой организации и рассмотрения основных вопросов программы и тактики. На нем присутствовали делегаты от пражской, парижской, берлинской, лондонской и ревельской групп, и уполномоченные Заграничной делегации. Совещание имело частный характер и не обладало правом выносить решения, обязательные для выполнения членами партийных организаций.

Созданию единой партийной организации был посвящен Первый съезд заграничных групп ПСР, проходивший 15–24 ноября 1923 г. в Праге. Он стал возможным после преобразования существовавших ранее групп содействия партии в партийные группы, пользующиеся всеми правами и выполняющие все обязанности партийных организаций. В отличие от берлинского совещания, пражский съезд стал «первым правомочным съездом партийных организаций за границей, компетентным выносить решения, обязательные для членов партии, проживающих за пределами Советской России». Ему предстояло определить задачи и план деятельности будущей организации, утвердить основные положения организационного устава и избрать Областной комитет. В его работе принимали участие тридцать человек, представлявшие Заграничную делегацию и двенадцать партийных групп (пражскую, парижскую, нью-йоркскую, двинскую, виленскую, берлинскую, варшавскую, белградскую, лондонскую, льежскую, ревельскую и ковенскую).

С докладами на съезде выступили В.Я. Гуревич, В.В. Руднев (по вопросу о задачах и планах деятельности ПСР за границей), О.С. Минор, М.Л. Слоним (по вопросу об основах организации), С.П. Постников и Ф.Е. Махин (о проделанной Заграничной делегацией работе). В докладе организационного бюро (подготовившего созыв съезда (в состав Оргбюро входили В.Я. Гуревич, Ф.Е. Махин, С.П. Постников, Б.Н. Рабинович и Г.И. Шрейдер) содержались принципы постановки партийной работы за границей, которые определяли ее.

Отчетливо наметившиеся на съезде разногласия соответствовали изначально существовавшему среди эсеров и особенно усилившемуся в эмиграции размежеванию на «правых» и «левых» или «партийцев» и приверженцев внепартийных методов работы (Выявившиеся на съезде течения (в наибольшей мере «правое») не были вполне однородными. Несколько человек определились «центристами», хотя при голосовании проявилась их связь с «правыми». Из числа делегатов с правом решающего голоса 11 чел. (без учета мандата ЗД) принадлежало к «левому» течению и 9 – к «правому», из них трое причисляли себя к «центру», а один, солидаризируясь с «правыми» по организационным вопросам, отмежевался от них в идейно-политической сфере).

Съезд принял декларацию и резолюцию по организационному вопросу, и обратился с приветствием к российским товарищам по партии. В декларации участники съезда дали оценку политико-экономической ситуации в России, констатировав невозможность окончательного выхода страны из тяжелого экономического кризиса при сохранении партийной диктатуры большевиков. Они выдвинули альтернативную программу экономических преобразований, нацеленных на восстановление промышленности, поднятие сельскохозяйственного производства и обеспечение их нормального взаимодействия. В деле возрождения народного хозяйства признавалось необходимым использование «частно-хозяйственного почина, предполагающего частную собственность на средства производства и продуктов труда, кооперативное, муниципальное и общественно-государственное строительство»; рабочий класс призывался «противопоставить бюрократическому государственному капитализму лозунг раскрепощения народного хозяйства».

Осуществление социализации производства в условиях полного разрушения промышленности виделось эсерами на пути «усиленного развития кооперации, захватывающей все более широкие отрасли производства и обмена через городскую, деревенскую и земскую муниципализацию». В области сельского хозяйства следовало обеспечить земель, «окончательно и бесповоротно перешедшей в распоряжение народа», трудящихся на ней и «создать благоприятные условия для развития сельскохозяйственной кооперации».

Основными задачами партии провозглашались «организация и сплочение трудовых масс города и деревни, объединение их с передовой интеллигенцией[...], создание действительной политической силы, могущей стать опорой для борьбы за политическое и экономическое раскрепощение страны».

В резолюции по организационному вопросу фиксировалось создание заграничной областной организации, определяемой в качестве «органической составной части всей партийной организации, на общих основаниях партийного устава, принимающей участие во всех ее правомочных совещаниях и съездах, и подчиняющейся их решениям и руководству созданных ими центральных партийных учреждений». Всем членам партии за границей предлагалось вступить в местные партийные организации или же пройти регистрацию в Заграничном Областном комитете,

заявлялось о недопущении «всяких сепаратных выступлений [...] и соглашений с инопартийными группировками». Однако в случае инцидентов предусматривалось лишь выступление областного комитета с дезавуирующим заявлением. Компетенция комитета определялась как «непосредственное руководство [...] всей партийной работой за границей [...], всемерное содействие русской работе [...], общее представительство Загр[аничной] орг[аниза]ции и [...] политические выступления от ее имени [...]». В компетенции Заграничной делегации оставались только «общее представительство партии, как целого, за границей [...], сношение с другими инонациональными партиями и Интернационалом [...], передача за границу всех директив центральных учреждений и исполнение [...] специальных поручений центров партии». Взаимодействие Областного комитета с Заграничной делегацией надлежало осуществлять «путем делегирования каждым из этих учреждений представителей с совещательным голосом в состав другого».

После продолжительных переговоров съезд избрал на паритетной основе Областной комитет, в который вошли полными членами В.Я. Гуревич, В.И. Лебедев, Ф.Е. Махин, О.С. Минор, И.П. Нестеров, Е.Ф. Роговский и кандидатами в члены – С.Н. Николаев, Б.Н. Рабинович, В.А. Риган, Л.В. Россель. Его состав отражал сложившееся на съезде соотношение сил. Устанавливались особые гарантии против возможности майоризирования в Областном комитете одной фракции другой случайным большинством голосов. На этих основаниях заграничной организации и Областному комитету предстояло руководить партийной эмиграцией до созыва очередного съезда. Комитету поручалось выработать на основании принятой резолюции по организационному вопросу Устав заграничной организации и план ее деятельности. Он наделялся полномочиями по финансовому обложению групп. Результатом съезда стало принятие двумя выявившимися группировками «взаимных, неформального характера обязательств [...], гарантирующих в будущем установление между ними большего контакта и также устранение трений на страницах временной печати с сохранением, однако, полной свободы суждения, дискуссии и полемики, а также и полной независимости всех органов, издающихся за границей в порядке частной инициативы членами ПСР или при их ближайшем участии» (Революционная Россия. 1923. № 32. С. 28). На состоявшихся по завершении съезда заседаниях Областного комитета и Заграничной делегации, были определены представителями: от Областного комитета в Заграничной делегации – О.С. Минор и от Заграничной делегации в Областном комитете – Е.А. Сталинский.

Создание Заграничной организации ознаменовало завершение организационного оформления эсеровской эмиграции, что расширяло возможности ведения социалистами-революционерами эффективной политической работы. Вместе с тем, стремление к достижению формального единства партийных сил обусловило непрочность нового образования. Заключенный компромисс по-настоящему не удовлетворял ни правых, ни левых, составленный из представителей двух разнородных идеологических группировок Областной комитет не располагал должным авторитетом и не мог в полной мере осуществлять руководство партийной организацией. Лишь временно приглушенные, идейно-политические противоречия продолжали углубляться. Наряду с заметным ухудшением психологического климата в партийном коллективе, они служили потенциальным источником организационного раскола.

⁶³ См. док. № 16-14, 16-20.

⁶⁴ См.: Выписки из протоколов заседаний Пленума Заграничной делегации ПСР 26 дек[абря] 1921 г. – 8 января 1922 г. // Революционная Россия. 1922. № 17–18. С. 49–51; а также: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 800–804.

⁶⁵ Одним из важнейших условий, обеспечивших согласованное воздействие на представителей Коминтерна в ходе состоявшейся в начале апреля 1922 г. берлинской конференции представителей трех Интернационалов по вопросу о судьбе подсудимых членов ПСР, являлась договоренность о координации действий в этой области не только иностранных социалистов, но и российских, представленных эмигрантскими организациями социал-демократов и социалистов-революционеров. Накануне, 27 марта 1922 г., там же, в Берлине, состоялось совещание лидеров заграничных делегаций указанных партий с участием Мартова, Абрамовича, Чернова, Зензинова и др. под председательством Дана. Присутство-

вавшие были единодушны в том, чтобы поставить на грядущей конференции Интернационалов т.н. русский вопрос, где бы одним из важнейших подпунктов стало обсуждение преследования социалистов в России. Здесь же лидеры партий высказались о принципах и тактике действий. Приведем ниже выдержки из протокольной записи совещания: «ЧЕРНОВ.[...] В нашем меморандуме мы сделаем заявление о том, что не признаем большевицкого суда и в то же время не бежим от разбирательства этого дела комиссией трех интернациональных объединений. МАРТОВ. Считает необходимым поставить резко вопрос о гарантии неприменения смертной казни к заключенным эсерам. Требование это должно носить резкий характер и в то же время ультимативный. ЧЕРНОВ. Понимает, что вопросу о спасении жизней можно придать характер экстраординарности. Но он был бы этим ультиматумом не ослабил (так в тексте – *сост.*) дальнейших демаршей. Требовать нужно, но необходимо выбрать удачный момент. ДАН. Считает необходимым добиться гарантий от Радека в частной беседе, а не в публичном заседании. Вопрос о моменте вопрос второстепенный и в этом вопросе он разделяет соображения Викт. Мих. (Чернова – *сост.*). ЧЕРНОВ. Заявляет, что ни ЗД ПСР, ни наши товарищи в Москве не сочтут для себя приемлемым частное собеседование с Радеком по этому вопросу» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 18–19).

Из документов ЗД ПСР следует также, что проводимая ею за рубежом протестная кампания содержала в себе помимо вполне реалистичных целей и ряд иллюзорных моментов. Так, согласно отчета комиссии, проволотившей пропагандистскую кампанию, датированного 29 апреля 1922 г., в течение всего марта центром пропаганды являлась борьба за жизни подсудимых «ввиду опасности применения смертной казни». Далее же, как отмечал член комиссии Б. Рабинович, «ввиду получения некоторых указаний, что опасность применения смертной казни почти миновала – явилась необходимость изменить характер кампании, почему циркулярной телеграммой по 73 адресам на трех языках социалистический мир призывался требовать немедленного освобождения арестованных, хотя бы делегатов партии С.Р. на междусоциалистическую конференцию в Берлине». (Там же. Л. 24). Однако жесткая реакция большевистских руководителей на берлинские договоренности заставила эсеровскую комиссию отказаться в пропаганде от выдвижения явно невыполнимых большевиками требований.

⁶⁶ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 813–814.

⁶⁷ См. док. № 16-34.

⁶⁸ Речь идет о воззвании ЦБ ПСР «Ко всем трудящимся» от 28.03.1922 с разъяснением позиции партии эсеров в связи с организацией судебного процесса ПСР и призывом к изоляции РКП(б) международным социалистическим движением (См.: Воззвание Центр[ального] Бюро партии Соц[иалистов]-Рев[олюционеров] «Ко всем трудящимся» // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 811–813).

⁶⁹ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 798–799.

⁷⁰ См.: Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 820–841.

⁷¹ См. предисловие, с. 97–103.

⁷² ЧЕ-КА: Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин: Центральное бюро Партии социалистов-революционеров, 1922.

⁷³ См.: Покровский Г. Деникинщина: год политики и экономики на Кубани (1918–1919 гг.). Берлин: Гржебин, 1923.

⁷⁴ «Василий Васильевич» – В.В. Сухомлин; «Николай Сергеевич» – Н.С. Русанов; «Виктор Михайлович» – В.М. Чернов; «С.П.» – С.П. Постников.

⁷⁵ В написанном и отправленном 27.04.1922 из Берлина А.Ф. Керенскому в Париж письме В.М. Зензинов сообщал, что ЗД ПСР получила «телеграмму от [Ф.] Адлера с запросом сообщить ему окончательный список защитников, которые хотят ехать в Москву на процесс» и ответила на нее по телеграфу, указав: «Предварительный список защитников – Вандервельде, Вотерс, Гаден Гест, Поль Бонкур, Модильяни, Розенфельд, Теодор Либкнехт, Сухомлин, Кобяков, Гуревич. Все зависит от средств, которые в настоящее время собираются, и от даты процесса».

В связи с изложенным, Заграничная делегация просила А.Ф. Керенского: «1) написать письмо Гендерсону, могут ли англичане внести свой пай на это дело (не менее 10000 франков или хотя бы обеспечить поездку в Москву Геста – если он, конечно, согласится), 2) написать также письмо Брантингу, согласна ли шведская партия материально помочь в этом деле и 3) переговорить лично с П. Бонкуром, убедить его поехать на процесс и постараться найти средства где-либо во французских кругах», а также взять на себя «[...] общее юридическое обоснование защиты для введения в курс дела иностранцев, дабы в Москву они приехали несколько уже подготовленными[...]» (АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 15. Л. 50–51).

⁷⁶ Летопись Дома Литераторов. Литературно-исследовательский и критико-библиографический журнал. Выходит два раза в месяц / Ред.-представитель литературно-научной Коллегии Дома литераторов Б.И. Харитон. Петроград: Комитет Дома литераторов, 1921–1922. № 1–8/9; Голос минувшего. Исторический журнал. Москва. 1913–1923. Редакционная коллегия: А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов, П.Н. Сакулин, В.И. Семевский.

⁷⁷ Французская социалистическая партия – создана в 1905 г. в результате слияния Французской социалистической партии (основана в 1902 сторонниками мильеранизма, руководитель Ж. Жорес), Социалистической партии Франции (основана в 1901 г., руководитель Ж. Гед) и др. социалистических организаций. До 1969 г. название Французская секция Рабочего интернационала СФИО. В 1968 г. приняла решение о самороспуске и объединении с др. левыми некоммунистическими партиями; в 1971 г. образовалась новая Социалистическая партия.

⁷⁸ Одним из наиболее важных не только процедурных, но и содержательных моментов процесса являлся вопрос о ведении и использовании всеми участвующими сторонами стенограмм (и – шире – записей) судебных заседаний. Официальный (полный) экземпляр стенограммы судебного процесса, будучи юридическим документом, соответствующим образом оформлялся. Существовал процедурный порядок, по которому стенографические записи велись, расшифровывались и распечатывались ежедневно, приобретая силу после собственноручной росписи председательствующего суда, Г.Л. Пятакова. Стороны получали стенограмму истекшего дня по прошествии нескольких дней, как правило, трех-четырех. Иногда разрыв в утверждении стенограмм достигал пяти дней, на что указывали обвиняемые первой группы, которым с конца июня приходилось самостоятельно осуществлять защитные действия на суде. Наряду с этим предпринимались попытки добиться разрешения на ведение стенографических записей для последующего их опубликования в полном или сокращенном вариантах. Так, в начале мая в официальные органы с просьбой такого рода обратился бывший деятель ПСР и на тот момент уже активно участвовавший в антиэсеровской пропагандистской кампании В.А. Чайкин. Будучи представителем Туркестанского издательского товарищества, он добивался права на ведение стенографических записей с целью последующего выпуска на этой основе ежедневных бюллетеней. Ходатайство рассматривалось и оценивалось различными инстанциями. Первоначально «агитационная тройка» ЦК считала это возможным, полагая, однако, что «частная собственность» может выходить лишь при условии «самой строгой цензуры» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 15). Далее Чайкину даже удалось получить разрешение от ВЦИК на издание бюллетеней о ходе процесса. Однако далее власти, по видимому, сочли нецелесообразной возможность по сути альтернативного издания материалов процесса и 19 мая 1922 г. тот же ВЦИК аннулировал свое решение. В. Чайкину оставалось лишь негодовать против подобного решения «как нарушающего элементарнейшие правовые нормы и роняющего в глазах широкого западноевропейского общественного мнения всякое доверие к искренности заявления власти о желании всесторонне и своевременно выяснить трудящимся РСФСР путем процесса над членами партии с.-р. всю правду в этом деле, какова бы она ни была» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 42. Л. 64). Между тем, власти пришли с другой стороны к необходимости использования официальной стенограммы, но уже для пропагандистских целей. Та же упомянутая «агитационная тройка» на своем заседании 20 июня 1922 г. признала необходимым издание «сокращенного стенографического отчета процесса, дающего точный фактический политический материал (редактирование поручить тов. тов. Попову, Вардину и Яковлеву с предоставлением им одного экземпляра стенограммы)» (РГАСПИ. Ф.

17. Оп. 84. Д. 453. Л. 22). Вернувшись к поставленной проблеме 30 июня 1922 г. «агиттройка» конкретизировала подходы для ее реализации: «а) признать необходимым издание стенограммы процесса примерно в 15–20 печатных листов, в котором должен быть приведен по периодам материал, наиболее точно устанавливающий контрреволюционную деятельность социалистов-революционеров, б) основной материал, характеризующий судебную-юридическую сторону процесса и линию поведения участвующих в процессе сторон (иностранная и русская защита, подсудимые обеих групп), в) прение сторон и речи подсудимых, г) соблюсти между показаниями и объяснениями обвиняемых обеих групп, свидетелей, защиты и обвинения необходимую пропорциональность. Данную работу поручить проделать тов. Попову в течение полутора месяцев» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 453. Л. 25).

Так или иначе, но из намеченного реализованным оказался «усеченный» вариант публикации отдельных выступлений на процессе, которые власти сочли целесообразным обнаружить. Были опубликованы два выпуска, основанные на стенограммах судебных заседаний, куда вошли речи государственных обвинителей, защитников и обвиняемых, то есть, по сути, материалы завершающей части суда. (Процесс П.С.-Р. Вып. 1. Речи государственных обвинителей. М., 1922; Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922).

Что же касалось оперативного информирования через официальную печать о ходе процесса, то еще за месяц до начала процесса было организовано т.н. Бюро печати под руководством Н. Кольцова «по снабжению материалами газет о эсерах». В ходе процесса именно эта группа имела доступ к официальным стенографическим записям, на основании чего и должна была «выправлять» общую линию освещения событий на процессе в газетах. Тем самым проект Чайкина в видоизмененной форме был реализован РОСТА. На своем заседании 2 июня 1922 г., т.е. за неделю до начала процесса, Распорядительное заседание судебной коллегии Верхтриба утвердило порядок, согласно которому «стенограммы Судебного следствия поступают для проверки в Секретариат Суда для представления на подпись председателя, после чего приобщаются к материалам Суда и выдаются в Бюро печати для опубликования». Ответственным за последующее распубликование этой информации назначался упомянутый Кольцов (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 46). Нельзя не отметить, что, со своей стороны борьбу за право ведения частной стенограммы велась защитой, иностранной и отечественной. Вопрос об этом из разряда технического перерос в политический, поскольку это касалось роли и значения на процессе иностранных защитников. Настаивая на праве ведения защиты и обвиняемыми первой группы собственных записей, Тагер исходил и из того, что это должно было бы облегчить положение обвиняемых в борьбе с обвинением. Однако суд мотивировал отказ тем, что, якобы, для размещения еще дополнительных стенографистов в зале места нет (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 26. Л. 618). Вплоть до демарша иностранных защитников и их отъезда вопрос о записях заседаний другой (негосударственной) стороной еще несколько раз ожесточенно обсуждался. В конечном итоге суд пошел на уступку защите в этом споре, однако это произошло уже после отъезда западных защитников. Очевидно также, что наличие или отсутствие права обвиняемых первой группы на ведение собственных ежедневных записей судебных заседаний или довольствование получаемыми по истечении нескольких дней официальными записями не останавливало эсеров в стремлении обеспечить альтернативное большевистскому освещение хода процесса. Ими была (и не без успеха) организована «утечка» материалов судебных заседаний, которые затем «всплывали» в периодических изданиях партии (журнал «Революционная Россия», газета «Голос России» и т.д.). При этом нельзя не отметить, что материалы, исходившие от обвиняемых-«цекистов» имели ряд особенностей. Сравнение опубликованных в эмигрантских изданиях отдельных речей и прений сторон с официальными стенографическими записями указывают на наличие в текстах порой существенных несовпадений. Во всех случаях первичным и основным текстом следует считать официальную стенографическую запись. То же, что публиковалось, далее в эмигрантской прессе или нелегальных изданиях в России, проходило через определенный редакционный «фильтр», тексты несколько, а порой и существенно сокращались в целях экономии места. Нельзя исключать и того факта, что ключевые выступления «цекистов» проходили процедуру редактирования и внесения правок, прежде чем они оказывались за рубежом. Есть, во вся-

ком случае, свидетельство чекистов, что свое обширное выступление 31 июля 1922 г. в качестве «самозащитника» (оно длилось с перерывами в течение целого дня!) М.Я. Гендельман весьма тщательно просмотрел по записям и внес необходимые изменения, чтобы затем передать (безусловно, неофициальным путем) нужному адресату.

⁷⁹ По завершении губпартконференции стенограмма выступлений Д.Б. Рязанова и Л.Б. Каменева поступила в бюро секретариата ЦК РКП(б), где тексты были размножены для ознакомления с ними членов Политбюро со следующим препроводительным письмом за подписью помощника Сталина И. Товстухи от 27 июня 1922 г.: «По поручению тов. Сталина препровождается для ознакомления к заседанию Политбюро в Четверг 29/VI с.г. следующий материал: 1) Речь т. Рязанова на заседании Московской губпартконференции и заключительное слово тов. Каменева (на 4-х листах)» (РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 159).

На состоявшемся 29 июня 1922 г. заседании Политбюро было принято следующее решение:

«п. 6. О т. Рязанове.

Ознакомившись со стенограммой речи т. Рязанова на Московской Губпартконференции 25/VI с/г. Политбюро находит:

1) Речь тов. Рязанова снова показала, что т. Рязанов в наиболее острых политических вопросах, имеющих громадное значение для Советской России, не стоит на точке зрения партии и даже прямо питает работу враждебных нам партий (с.-р. и м[еньшеви]ков).

2) Случай острого расхождения т. Рязанова с партией по важнейшим вопросам не прекращаются, а форма выступлений т. Рязанова становится все более опасной для единства действий партии.

Ввиду этого Политбюро постановляет:

а) сделать серьезнейшее предостережение т. Рязанову с указанием, что в случае продолжения такого образа действий его принадлежность к РКП станет невозможной.

б) Признать[,] что изменение общего характера всех выступлений т. Рязанова возможно лишь в том случае, если будет изменена на время вся обстановка его работы, что может быть достигнуто только при условии, если он в течение года будет занят за границей обслуживанием Советской России в литературной научной области» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1394. Л. 1–2).

Данная резолюция была подготовлена Г.Е. Зиновьевым. Вместе с тем в окончательном варианте отвергалась зиновьевская формулировка подпункта «б»: «Предложить Рязанову на год сосредоточить свою деятельность на литературно-теоретической работе (за границей) и не принимать участия в актуально-политической работе партии – ибо в этой области т. Рязанов часто коренным образом расходится с решениями партийных съездов и ЦК» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 284. Л. 20 об.).

⁸⁰ Викжель (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного профсоюза) – создан на I Всероссийском учредительном съезде железнодорожников (проходил в Москве 15.07.–25.08.1917). В его состав вошло 14 эсеров, 6 меньшевиков, 3 большевика, 6 членов других партий и 11 беспартийных. Октябрьский переворот большинство членов Викжеля встретило враждебно. В телеграммах, разосланных 26–29 октября по линиям железных дорог, они требовали создания «однородного социалистического правительства». В ходе продолжительных переговоров 20 ноября Викжель признал советскую власть при условии передачи ему управления железнодорожным хозяйством. 19 декабря открылся 2-й Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожников. Левое крыло взяло на себя инициативу созыва Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда, состоявшегося 5–30 января 1918 г. в Петрограде. Был избран Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников (Викжедор). Несколько месяцев два комитета существовали параллельно. В начале июня 1918 г. Викжель призвал железнодорожников к забастовке, и тогда по решению правительства Комитет был распущен. Вскоре в условиях начавшейся гражданской войны и интервенции железные дороги были объявлены на военном положении. Викжедор прекратил свое существование в феврале 1919 г.

⁸¹ Имеются в виду переговоры о создании единого «общесоциалистического правительства» во главе с В.М. Черновым, проходившие в Ставке 4–11 (17–24)

ноября.

⁸² Группа социал-демократов-«интернационалистов» (В.А. Базаров, В.А. Десницкий, Н.Н. Суханов, А.Н. Тихонов и др.) – сторонников Ю.О. Мартова и отдельных интеллигентов лево-меньшевистской ориентации. Издавала с апреля 1917 г. по июль 1918 г. газету «Новая жизнь» (главный редактор – М. Горький).

⁸³ Речь идет о кружках «второго», или высшего, типа, в которых по более сложной, чем в кружках «первого» типа, программе готовили рабочих-пропагандистов. Одну из главных целей этих кружков партийные функционеры видели в выработке из наиболее развитых рабочих «сознательных эсеров».

⁸⁴ 13 марта 1920 г. в Германии был совершен «Капповский путч» (продолжался до 17 марта). Американский журналист немецкого происхождения Вольфганг Капп со своими сторонниками из числа военных праворадикальной ориентации захватил власть в Берлине. Правительство бежало, но и заговорщикам не удалось удержаться у власти из-за возникшей угрозы всеобщей забастовки.

⁸⁵ Речь идет о падении власти Комуча.

⁸⁶ Имеется в виду ответ Николая II делегации земских деятелей о том, что надежды на введение конституции в России суть «бессмысленные мечтанья».

⁸⁷ Защитительная речь А.Р. Гоца, произнесенная им 1 августа на утреннем заседании и продолжавшаяся в течение нескольких часов, была опубликована в журнале «Революционная Россия» по записи, которая делалась в процессе выступления Е.А. Ивановой-Ирановой. Ею был подготовлен рукописный вариант текста речи, который затем подвергся редактированию самим Гоцем. Им же собственноручно было вписано несколько фрагментов в подготовленный Ивановой текст. Кроме того, несколько фрагментов, прежде всего цитаты из книги Р. Люксембург, написаны неуставленным лицом, возможно А.И. Альтовским. В таком виде речь Гоца была переправлена, равно как и многие другие материалы процесса, для напечатания за рубежом. Вместе с тем официальная стенографическая запись речи Гоца имела очевидное преимущество по сравнению с рабочей записью Ивановой с точки зрения большей полноты и точности передачи текста, что не трудно установить. Ниже приводим с некоторыми сокращениями это выступление.

«[...] Гражданин прокурор Крыленко в начале свое речи поставил вопрос – кто начал гражданскую войну. Я считаю эту постановку совершенно правильной. Я считаю, что разрешение этого основного кардинального вопроса – вопроса о том, кто начал первый гражданскую войну, на ком лежит ответственность за кровь пролитую, за все те разрушения, за все те бесчисленные беды, за все те раны, которые нанесла испепелявшая 4 года Россию и рабочий класс, гражданская война, я считаю, что разрешение этого вопроса является основным кардинальным и необходимым для понимания всех тех событий, которые имели место в позднейшее время.

Но я только думаю, что от этого серьезного и большого вопроса нельзя так просто отделаться только остроумной шуткой, как это казалось возможным сделать гражданину Крыленко. Ему представился вопрос чрезвычайно простым: приехал товарищ Тимофеев, походил по улицам Петрограда, посмотрел на плакаты, оклеивавшие тогда дома, здания и столбы, увидел старинный социалистический лозунг: “Мир хижинам, война дворцам” и решил: значит, войну начали большевики и начали[,] объявив войну буржуазии. Значит, нам эсерам, нужно вступаться. Нет, гражданин, Крыленко, этот вопрос не так просто, не так юмористически разрешается. У нас имеется серьезный материал, который дает мне возможность пролить полный свет на этот действительно трагический вопрос – кто начал первый гражданскую войну, ибо война, которую открыл октябрь, была войной не межклассовой, а внутриклассовой. Роковая грань прошла внутри трудящихся, огненный меч разделения прошел через сердца пролетариата и та трещина, которая потом превратилась в пропасть, имела вертикальный, а не горизонтальный характер. Трагедия именно в том, что по обе стороны баррикады боролись трудящиеся.

Кто же начал гражданскую войну. Я думаю, что полный ответ на этот вопрос может пролить история возникновения военно-революционного комитета. Из тех материалов, которые прошли здесь у нас на судебном следствии, из тех материалов, документов и газет, которые приобщены к делу, с совершенно определенной ясностью вытекает, что зачинщиком, инициатором, вдохновителем, главным дей-

ствующим лицом и фактором гражданской войны был именно этот военно-революционный комитет. Вы помните, когда возник тот военно-революционный комитет, который действительно сыграл роль инсurreкционного штаба, штаба восстания. Этот военно-революционный комитет, на самом деле сыгравший такую роль, все время прикрывался, лицемерно прикрывался маской. Какой? Что он говорил, когда возник, как он объяснил свое возникновение в Совете Рабочих Депутатов города Петрограда? Он заявил, что он возник не для целей захвата власти, не для цели ниспровержения власти временного правительства, нет, он возник только для борьбы с анархическими и погромными явлениями в городе Петрограде.

В “Деле Народа”, приобщенном к делу, имеется определенное заявление этого военно-революционного комитета, выпущенное почти уже накануне самого Октябрьского переворота, в котором он[,] успокаивая социалистические партии, говорит, что он не помышляет о захвате власти, что не для этой цели он возник. И это в то время, когда уже он оттачивал кинжал, которым нанес удар в спину революционной демократии, ибо, повторяю, нападение, организованное военно-революционным комитетом, застигло врасплох. Ему предшествовали переговоры, предшествовали попытки со стороны всех социалистических партий уладить назревавший тогда кровавый конфликт мирным путем.

Необходимо еще отметить, что в организации этого переворота принимала участие даже не вся партия большевиков в целом. Как вам известно, опять[-]таки из документов, приобщенных к делу в свое время, в большевистских рядах не царилло единодушное отношение к перевороту. Вы знаете из документа, который я в свое время здесь оглашал, что центральный комитет Коммунистической партии был против захвата власти, против переворота. И этот переворот совершился и вдохновлялся военно-революционным комитетом вкупе и влюбое с Московским и Петроградским Комитетом за спиной центрального комитета. Я на это указываю гражданину Крыленко, который так любит делать экскурсии в области чужих партийных отношений, указывать на мексиканские нравы, существующие в чужой партии. Да, гражданин Крыленко, этот переворот совершился за спиной вашего центрального комитета, против воли вашего центрального комитета. Когда переворот имел уже место, когда уже он совершился, мы были поставлены перед необходимостью защищать достояние февральской революции, мы были вынуждены защищать трудовой народ от той беды, которую нес ему октябрьский переворот. На кого опирался военно-революционный комитет, каковы были те силы, которые он в те дни мобилизовал. Да, я знаю, что Совет Петроградских рабочих депутатов в городе Петрограде в большинстве был тогда на стороне большевиков, но я также хорошо знаю, что огромные, подавляющие массы крестьянства с одной стороны, значительная часть пролетариата – с другой и огромная часть армии были в то время на стороне партии социалистов-революционеров и на стороне партии меньшевиков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Имейте в виду, что вы имеете перед собой 2-й Съезд Советов и поэтому оскорблять волю рабочих, выразившуюся на этом съезде Советов вы не имеете права. Имейте в виду держаться только в рамках дозволенного. Это для нас факт и факт законный и из этого мы исходили, и в этом отношении Трибунал беспристрастным быть не может и стоит на стороне Съезда Советов и это является исходным положением для всех наших решений.

ГОЦ. Гражданин председатель, я принимаю во внимание ваши слова, что Трибунал не может быть беспристрастным, а я постараюсь быть максимально беспристрастным. Но я и не помышлял оскорблять волю трудящихся и с этих скамей такие упреки по адресу трудящихся никогда не раздавались. И если мы адресуем какие-нибудь упреки, то ни в коем случае не по адресу трудящихся масс, а только по адресу наших противников, по адресу партии коммунистов.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Восстание октябрьское есть факт. Восстание сделано руками Петроградского пролетариата. В первую очередь оно поддержано трудящимися, во-вторых и санкционировано Съездом Советов всех трудящихся масс, в третьих.

ГОЦ. Я думаю[,] г. Крыленко и все другие прокуроры в свое время используют для всесторонней критики мною развиваемых здесь положений. Разрешите же и мне свободно развить здесь мою точку зрения, тем более, что я повторяю, что я не думаю оскорблять волю трудящихся, я и не хотел этого сделать. Я хотел только

сказать, что второй съезд был поставлен в такое положение, и в этом я вижу одно из основных преступлений партии коммунистов, что он вынужден был санкционировать совершившийся переворот.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я еще раз говорю, что есть предел всему. Нападки на съезд Советов, критика Сов[етской] Власти не может иметь места перед лицом ТРИБУНАЛА. Мы являемся органом Сов[етской] Власти и в качестве такого органа вас держим в определенных пределах, и потому Вы говорите только в тех пределах, которые Вам указываю.

ГОЦ. Я и держусь в этих пределах и не нападаю на 2-й съезд, а я говорю, что съезд был поставлен лицом к лицу с совершившимся фактом, и здесь я констатирую только исторический факт, зафиксированный в документах, уже приобщенных к делу, что этот съезд был поставлен лицом к лицу перед совершившимся фактом, и это тот основной упрек, который мы тогда бросили коммунистической партии. Ибо мы глубоко убеждены, что если бы переворот не был совершен накануне съезда, если бы все те спорные вопросы, которые раздирали тогда и раскалывали ряды Революционной Демократии, если бы все эти спорные вопросы, были вынесены на обсуждение съезда, то, по моему глубокому убеждению, этот второй съезд сумел бы найти примиряющие пути, которые бы избавили страну от гражданской войны и спасли бы ее оттого бедствия, в которое ее вверг Октябрьский переворот и вместе с тем он нашел бы возможность и силы и средства реализовать все цели, которые этот Съезд в своем большинстве одобрил, т.е. прежде всего программу мира. Значит я утверждаю только одно обстоятельство и я думаю, что это обстоятельство исторически уже можно считать зафиксированным и установленным, что этот 2-й съезд был вынужден санкционировать совершившийся акт помимо его, на пороге самого его созыва, ибо не мог же он в тот момент, когда Власть была в руках Военно-Революционного Комитета, не мог же он аннулировать совершившийся переворот и таким образом начать новую серию гражданских столкновений, гражданских социальных битв, для того чтобы заставить этот Военно-Революционный Комитет отказаться. Ибо, я повторяю, если большинство второго съезда и не сочувствовало тем методам, тем путям, которыми был совершен октябрьский переворот, то те цели, во имя которых, якобы был совершен Октябрьский переворот, – эти цели находили полный отзвук в среде трудящихся, ибо я уже имел случай раньше указывать, что те цели, те лозунги, которые выставили большевики в Октябрьские дни, это были старые лозунги февральской Революции, которые к несчастью этой же самой Революции, родившейся в трагических условиях международной войны, которые не умели, не сумели и не успели целиком реализовать. Когда переворот совершился, партия эсеров, которая понимала и отдавала себе ясный отчет в том, какими бедствиями грозит стране и Революции переворот, вопрос основной, который встал перед нами, был вопрос о том, как же сопротивляться, каким образом организовать это сопротивление этому насильническому нападению. Партия эсеров, как наиболее крупная организованная социалистическая сила была на бреши, и вполне естественно, что этот вопрос ею был в упор поставлен. Я уже говорил о том, что переворот застиг нас до известной степени врасплох и этим объясняется то обстоятельство, что нам пришлось спешно тут же на поле сражений мобилизовать свои отряды, которые мы могли бы противопоставить небольшим, но сплоченным, хорошо дисциплинированным, потому что это в значительной степени были кронштадтские матросы, военным отрядам, военного Революционного комитета. Здесь гр. прокурор упрекал нас в том, что мы этот отпор организовали не от имени партии, а от имени Комитета Спасения Родины и Революции. Он даже создал целую, не лишнюю остроумия, как все его построения, должен признать концепции: он создал такую теорию, – эсеры, желая прикрыть свое лицо, на всякий случай, какойнибудь взятой на прокат у чужой организации маской, прибегли к псевдониму Военно-Революционного Комитета^а с тем, чтобы в нужный момент впоследствии от решиться, отказаться: в случае если удача будет, они сумеют приписать всю честь успеха себе, если будет неудача, они тогда отмахнуться, отшвырнут рукой и скажут, что это не наша партия, а Комитет Спасения Родины и Революции.

^а Так в документе, следует Комитета спасения родины и революции.

Я говорил Вам уже, г. Крыленко, как обстояло фактически дело. ЦК в те дни дал мне определенное полномочие организовать вооруженное сопротивление перевороту большевиков. Если я счел более целесообразным в данном случае действовать не от имени ЦК, а от имени Комитета Спасения Родины и Революции, и не только я, но и все мои друзья, которые принимали участие в организации контратаки на большевиков в октябрьские дни, то это объяснялось тем обстоятельством, что Комитет Спасения Родины и Революции, в то время был наиболее авторитетной, наиболее крупной, наиболее влиятельной демократической и социалистической организацией, которая охватывала, которая объединяла, которая заключала в своих рядах все демократические, все социалистические, все профессиональные рабочие организации, все демократические органы самоуправления, не стоявшие на большевистской точке зрения. Там не было принципов коалиции, ибо там были представители только социалистических партий, и если там было три представителя из Кадетской Партии, то они вошли в эту огромную массу членов Комитета Спасения Родины и Революции не как представители своей партии, а как избранные Городского Общественного Самоуправления города Петрограда. И во всяком случае, даже г. Крыленко, я думаю, не будет отрицать, что руководящая дирижирующая роль принадлежала социалистическим партиям, что они руководили событиями и только они несут ответственность за все те дела, которые имели место. Этот Комитет Спасения Родины и Революции, организовавший отпор, вызвал здесь нападки со стороны Крыленко лишь со следующей стороны. Он говорил: Комитет Спасения Родины и Революции действовал, как самозванец. Он не имел полномочий. В этом Крыленко ссылался на такого “достоверного” свидетеля, как г. Игнатъев. Я не хочу сейчас полностью, подробно восстанавливать все то, что здесь достаточно было нами обсуждено во время предварительного следствия, я хочу только вкратце рассказать, что Комитет Спасения Родины и Революции вначале возник как орган сопротивления, что он санкционировал вполне то движение, которое было организовано 29 Октября, что никогда он от него не отрекался. И он ни одним словом не заявлял, что он так или иначе отгораживается от исторической политической ответственности, которая на него падает в связи с событиями 29 Октября. Я не буду говорить сейчас о подробностях этого события, я не буду здесь снова и снова восстанавливать истину, по-моему извращенную в данном случае г. Прокурором в связи с моим так называемым пресловутым отречением, который довольно неточно этот эпизод воспроизвел. Я должен указать, что за время следствия мне приходилось неоднократно изумляться феноменальной памяти г. Крыленко, и в то же время я наблюдал одно любопытное, постоянно повторявшееся явление – когда он ошибался, то это было не случайное запечатывание, не ошибка его памяти, а он ошибался потому, что он хотел ошибиться. Также дело обстоит и в этом случае. Я только в двух словах, чтобы не затягивать слишком свое изложение, позволю себе остановиться и на этом эпизоде. Прежде всего, я уже указывал, что не может быть и речи об отречении там, где имелся совершенно определенный документ, который красноречиво, недвусмысленно свидетельствовал о моем участии, о моем ближайшем участии, о моей непосредственной прикосновенности к этому движению. Г. Крыленко должен был бы помнить, что в день 29 Октября, когда был арестован тов. Брудерер, когда он был обыскан и все бумаги были отображены Военными Властями, и переданы в распоряжение Военно-Революционного Комитета, среди прочих бумаг у него имелся документ, подписанный мною (как членом Комитета Спасения Родины и Революции), который уполномочивал его на принятие комиссарства над военным училищем, так что уже наличие этого документа совершенно определенно и явственно устанавливает мое причастие. И когда г. Крыленко спрашивает, когда Вы отреклись от той бумаги, которой Вы не подписывали, то этим Вы отреклись совершенно от всякого участия вообще. Я говорю, что это наивно и смешно и вы понимаете, что когда эта бумажка была в ваших руках, не могло быть и речи о каком бы то ни было моем желании отгородиться от прикосновенности к этим событиям, тем более, что все бумаги, и это я сначала заявлял, не А[в]ксентьевы[м], как это утверждал здесь ошибочно свидетель Краковецкий, а мною были подписаны, ибо А[в]ксентьев, и это установлено свидетельскими показаниями, не был ни разу в штабе, не был ни разу в военном училище, а был там я... и непосредственно представитель штаба сносился только со мною. Дальше, здесь выдвигался упрек, почему во главе движения был поставлен Полковников и, кажется, г. Покров-

ский строил остроумную гипотезу. Полковников был выдвинут в качестве руководителя потому, что необходимо было заручиться симпатией казачьих частей, потому что социалисты-революционеры хотели опереться на эту реакционную часть Петроградского гарнизона. Дело обстоит гораздо проще, гр. Покровский. Полковников был выдвинут потому, что он представлял из себя способного, энергичного и решительного военного специалиста. Меня спрашивали, почему же не был выдвинут Краковецкий, которому вы имели больше оснований доверять. Да, несомненно, с политической точки зрения мы имели основание больше доверять тогда нашему товарищу Краковецкому, но я лично считал его недостаточно решительным человеком, недостаточно инициативным и предприимчивым.

Я считал его, и это убеждение разделяли все товарищи, которые имели возможность ближе с ним работать, я считал его прекрасным Начальником штаба, но плохим Главкомандующим, и поэтому он был назначен в качестве помощника Начальника штаба полковника Полковникова. Больше того, там был и полковник Куропаткин наш социалист-революционер, делегат 5-й армии, лицо, которому мы вполне доверяли. Это было лицо, которое принимало участие в революционном движении еще в царистские времена. Почему мы не обратились к нему – я скажу почему. Я предлагал ему, но он по скромности предпочел взять на себя наиболее ответственный пост, но не общее руководство – он взял на себя задачу овладения Петропавловской крепостью, и если бы этот акт был им осуществлен, если бы ему удалось, опираясь на те специальные отряды, которые у него имелись, осуществить это задание, может быть, был бы ход событий несколько иной, но он был убит в самом начале. Полковник Полковников, если и возбуждал в нашей среде какие либо опасения, то не со стороны своей прикосновенности к черносотенному лагерю, а со стороны своего некоторого мягкосердечного отношения к большевикам. Он был некоторыми моими товарищами заподозрен в чрезмерной уступчивости и склонности идти на компромиссы с большевиками. Вот в чем его обвиняли в записках Керенского, которые приобщены к делу, как раз на эту сторону обращают внимание. Я очень внимательно отнесся ко всем тем упрекам и убедился, что тогда, по крайней мере, эти упреки были не справедливыми и тогда я со спокойной совестью назначил его руководителем движения 29 Октября. После того, как движение 29 Октября потерпело неудачу[,] мы перешли к тактике так называемой изоляции большевизма. К этому же периоду относятся все наши попытки уже начавшуюся гражданскую войну так или иначе залить. Мы в это время сделали бона фиде все, я скажу, гражданские усилия, для того, чтобы запылавшие огни гражданской войны затушить. К этому времени относятся переговоры, которые были начаты по инициативе Вижеля и несколько позже начались переговоры в Могилеве, начатые там по инициативе Обще-армейского комитета при ставке. И если эти оба начинания потерпели неудачу, то вина, граждане, опять[-]таки падает не на нас, а на вас. Я в свое время уже цитировал здесь приобщенную к делу газету “Новая жизнь”, которая специализировалась на пропаганде соглашения с большевиками и во что бы то ни стало на указывании на то, что только в этом соглашении спасении революции. И что же. – И эта газета признала, что поведение большевиков таково, что она считает, что вся ответственность за срыв переговоров падает только на большевиков. Это имеется и в статье Суханова, это имеется и в передовой статье газеты “Новая жизнь”, которая приобщена к делу. Больше того. Я в свое время цитировал такое конечно для нас⁶, а не для меня авторитетное заявление вышедших в отставку членов Ц.К. и вышедших в отставку членов Совнаркома. Я их повторять не буду. Вы их помните хорошо, гражданин Бухарин. Все они тогда заявляли в один голос, что они снимают с себя ответственность за ту позицию, которая по их мнению, ведет к гибели, срыву, крушению революции. Я тогда же заявил, что при таких условиях мы находим лучшее свое оправдание в этих авторитетных словах, конечно, с вашей точки зрения, а не с нашей точки зрения, оправдание той линии, которую мы в то время вели.

После неудачи, после того, как эта серия попыток была сорвана, не по нашей вине, партия эс-эров приступила к, так называемой, тактике изоляции. Этой тактики она придерживалась до 5 января 1918 года, т.е. до дня созыва и до дня разгона учредительного собрания. Я сейчас должен буду остановиться несколько под-

⁶ Так в документе, вероятно, следует вас.

робнее на этом событии, потому что оно приковывало внимание к себе и всех наших трех прокуроров. Я должен прежде всего указать, что все они, приступив к этому вопросу, разошлись между собой в оценке этого явления. Гр. Луначарский подчеркнул следующую версию: почему и как объяснить все события, имевшие место в день 5-го января, как объяснить действия военной организации, как объяснить действия фракции учредительного собрания, почему они[,] мобилизовав все свои силы для того, чтобы организовать организованный отпор большевистской власти не случай если он посягнет или в случае если решится наложить свою руку на суверенную волю народа, вдруг в последний момент отказались от этого. Луначарский выдвигает одну гипотезу: “Виноват мол гамлетизм Гоца: румянец, как он говорил своим высоким штилем, поблек, когда необходимо было в последнюю минуту уже принять оправдательное решение. У него хватило воли для того, чтобы размахнуться, но не хватило решимости, чтобы ударить. У него было воображение, чтобы замыслить план, но не было мужества, чтобы этот план реализовать и конкретно осуществить на деле”. Дальше Луначарский подвел и известный социологический фундамент. Этот личный мой гамлетизм он раздвинул в рамки гамлетизма социологического. Он говорил, что это и понятно, что дело не в личной трусости Гоца, а дело в том, что Гоц являлся представителем партии мелкобуржуазной, партии двойственной, партии двухкрылой, в которой живут две души, в которой заключаются самые противоречивые настроения, которая совмещает в себе самые различные устремления, которая является двойственной по самой своей социальной природе и по существу. И эта двойственность с одной стороны, а с другой отказ от действий, когда действия надо реализовать, вот что является основой этого гамлетизма личного и социологического. Вот что помешало тогда осуществить эти замыслы, эс-эровской партии.

Гражданин Крыленко говорит: “Нет, эта версия не годится. Надо тут один художественный образ заменить другим, не Гамлет для Гоца и Ц.К., а Тартюф”. Здесь дело все в лицемерии. Он и вообще во всем этом процессе ведет все время установление нашей позиции с точки зрения высокой морали. Он все время говорит о чести и высокой морали, бия себя в грудь. По его версии выходило так. И, наконец, третья версия, которую предложил нам гр. Покровский. Он выдвинул совсем другую точку зрения. Он говорил, что тут дело не в Гамлетизме и не в Тартюфе, а в другом, в том, что у них не было достаточно сил. Я должен сказать, что это простое и немудрящее объяснение гр. Покровского, оно гораздо ближе к истине, гораздо адекватнее к действительности, чем замысловатые тенденции гр. прокурора и художественно-витиеватые измышления художественного критика гр. Луначарского. Как обстояло дело в действительности. Прежде всего я должен сказать, что гражданин прокурор Крыленко ломится здесь в открытую дверь. Мы определенно заявили, что да, мы считали необходимым организовать все те силы, военные и боевые, которые были в нашем распоряжении, чтобы в случае, если большевистская власть осмелится посягнуть на учредительное собрание, дать ему надлежащую опору. Таково было основное политическое задание в эти дни. Это первое.

Дальше мы считали необходимым не ограничиваться только мобилизацией тех военных сил, которые имелись в нашем распоряжении, мы считали, что сам народ, сам рабочий класс Петрограда должен манифестацией заявить свою волю защиты учредительного собрания. Он должен был заявлением своей воли сказать громко, отчетливо, всесторонне, обращаясь к представителям Смольного – “не смейте посягать на учредительное собрание, ибо за учредительным собранием стоит сплоченная железная фаланга рабочей армии”. Вот чего мы хотели. Поэтому мы, обращаясь ко всем партиям, ко всему рабочему классу Петрограда, говорили: “идите на мирную безоружную демонстрацию, идите для того, чтобы вывить свою волю, для того, чтобы свое настроение манифестировать”. И гражданин Крыленко говорит (допустим, на минутку, правильность его версии), что да, я не отрицаю, что была организована вами мирная демонстрация, которая должна была суммировать эту волю, но кроме этого была еще другая демонстрация, уже не мирная, которая должна была идти от броневиков, Семеновцев и т.д. Допустим на минуту, что ваша концепция правильна, но все это не изменяет сути дела. Все вооруженные демонстрации (допустим вашу версию), которые тогда были задуманы, не состоялись, не имели место, ибо все эти мифические броневики, которыми вы, как главковерх, оперировали, расставив их с помощью моего друга Ти-

мофеева и бросили на Смольный, это все ирреально, все – гадание на кофейной гуще. Вы знаете хорошо, что ни один броневик не выехал. С моей точки зрения, очень плохо, что не выехал, но это другой вопрос. Мы не устанавливаем, что хорошо и что плохо, а устанавливаем факты. А факты таковы, что если даже допустить наше субъективное самое страстное желание собрать бронированный кулак (такое желание, такое задание у нас было совершенно определено), это гадание нам не удалось, не удалось потому, что просто, не мудрствуя лукаво, у нас не оказалось этого кулака. Когда мы попытались его сжать, он остался в таком виде (жестом показывает). Вот в чем дело. Вот каково положение вещей. Броневики не вышли. Семеновский полк не вышел.

Было ли у нас намерение. Да. И здесь Тимофеев определенно говорил, что мы, члены Ц.К. считали бы преступным со своей стороны, если бы мы не приняли всех мер к тому, чтобы организовать, собрать кулак, организовать вооруженную защиту учредительного собрания. Мы решили, что в тот момент, когда вы решитесь покуситься на суверенитет учредительного собрания, положить на него свою руку, мы должны дать вам отпор. Мы считали это не только своим правом, но и священной своей обязанностью перед трудящимся классом. И если бы мы не сделали всех усилий для того, чтобы эту задачу выполнить, мы, действительно несли бы всю полноту ответственности не перед вами, а перед всем трудящимся классом России. Но, повторяю, мы боне фиде сделали все то, что мы могли и если тем не менее нам не удалось, то по той причине, о которой упоминал гр. Покровский. Зачем же нужно было гр. Крыленко громоздить все эти факты, зачем ему нужно было помимо желания использовать эти факты, как обличительный материал против нас, чтобы лишний раз доказать, что эта партия лицемерия, и произнести несколько громких филиппик, которые ему недурно удаются. Зачем ему это нужно было. Я вам скажу зачем. Это нужно было для того, чтобы скрыть, затушевать, завуалировать истинный смысл и трагический и политический смысл событий дня 5 января. И этот день войдет в историю не как день лицемерия партии, а как день кровавого преступления, совершенного вами против трудящихся, ибо в тот день вы расстреляли мирные демонстрации, ибо в тот день вы пролили кровь рабочих на улицах Петрограда, и эта кровь вызвала дух возмущения потом. Чтобы скрыть этот факт, чтобы завуалировать преступление не партии социалистов-революционеров, а какой то другой партии, нам^в нужно было конечно громоздить и строить гипотезы, которые мы отмечаем, ибо в этом отношении вы ломались совершенно в открытую дверь. Да, мы хотели защищать, но этот факт, факт нашего желания защищать, он ни в коей мере не оправдывает того факта, что вы расстреляли безоружную демонстрацию, которая двинулась на вас с целью захвата власти. Позвольте вам указать, что в деле имеется № экземпляра “Дела Народа”, в котом накануне дня 5 января было помещено следующее заявление: Город Петроград превращен в вооруженный лагерь. Большевики распространяют вести о том, что эс-эры готовят вооруженный захват власти, что они куют заговор против Совета Народных Комиссаров. Не верьте этой провокации и идите на мирную манифестацию. И это была правда, мы не задавались целью организовать переворот, мы не задавались целью заговорческим путем захватить власть, нет, мы открыто говорили, что вот единая законная, легитимная власть, и ей должны все граждане и все трудящиеся подчиниться, перед нею должны смириться и сложить свое кровавое оружие все партии, враждовавшие до этого момента. А если только эти партии не пойдут на путь соглашения и примирения с нею, тогда это Учредительное Собрание имеет право конечно не увещеваниями и не витиеватыми речами, а мечом смирить все остальные партии. И наше дело было выковать этот меч и если нам не удалось, то это не наша вина, а наша беда. Но, больше того, этот день был не только днем преступления со стороны большевиков, но этот день сыграл роль поворотного момента в истории большевистской тактики. Чтобы не быть голословным, позвольте мне сослаться на авторитетное лицо, которое для вас является безусловным. Я думаю, что мне будет разрешено гр. Председателем сослаться в этом случае на Розу Люксембург. Я позволяю себе указать, что в книге, ею выпущенной под названием “Русская революция”, она писала: “выдающуюся роль в политике большевиков сыграл известный разгон Учредительного Собрания 5 ян-

^в Так в документе, вероятно, следует вам.

варя 1919^Г г. Эта мера определила их дальнейшую позицию. Она была до известной степени поворотным путем их тактики. Известно, что Ленин и друзья его бурно требовали созыва Учредительного Собрания до своей Октябрьской победы. Эта именно политика затягивания в этом вопросе со стороны правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и давала им повод к ожесточеннейшим нападениям на него. Троцкий говорит даже в одной из интересных статей своих от “Октябрьской революции до Брестского мира”, что октябрьский переворот был настоящим спасением для Учредительного Собрания, как и для всей революции[“]. Ну, как понимают большевики слова “спасение” это мы достаточно видели из практики в день 5 января. По-видимому у них спасать – это значит расстреливать. Дальше он^Д указывает на всю несостоятельность той аргументации, которую приводили большевики когда^Е для политического оправдания своего насильнического акта против Учредительного Собрания. Какие аргументы выдвигались тогда большевиками в оправдание разгона Учредительного Собрания. Что они говорили. Они говорили прежде всего, что Учредительное Собрание, это вчерашний день революции. Оно не отражает того реального соотношения сил, которое установилось после октябрьской победы. Что это день уже отшедший, это перевернутая страница книги истории и нельзя, опираясь на него[,] вершить судьбы сегодняшнего дня. Дальше, помимо этих общих политических соображений, они указывали и на то, что в эту избирательную кампанию партия эсеров выступила как единая партия, еще не расколовшаяся, еще не выделившая из своей партии, так называемых левых социалистов революционеров. Вот эти два соображения обычно выдвигались в политическое оправдание этой тактики. Что же отвечает им на это Роза Люксембург. Я опять предпочитаю говорить ее словами, ибо ее авторитет, я не сомневаюсь, для вас...

БУХАРИН. Эту книгу она хотела сжечь.

ГОЦ. Я не знаю, хотела ли она эту книгу сжечь или нет. Я не думаю, что она хотела ее сжечь, я думаю, что она не хотела ее сжечь, но оттого, что она потом в некоторых отношениях изменила свою точку зрения, от этого высказывания и эти взгляды не теряют всей своей глубокой ценности и поучительности. Относительно того, что она хотела сжечь, позвольте Вам сказать, гражданин Бухарин, это уже из области фантастики. Об этих ее намерениях нам неизвестно по крайней мере из литературы.

БУХАРИН – Вы не знакомы с литературой.

ГОЦ – Не будем полемизировать, гражданин Бухарин. Позвольте указать, как она отвечала на те соображения, из той книги, которую гражданин Бухарин хотел бы сжечь. Я понимаю, почему он хотел бы сжечь эту книгу, ибо эта книга, это яркий, поучительный, красноречивый акт против него и против его друзей. Теперь, что же она говорит. Она говорит следующее: “Нужно только удивляться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий не пришли к само собой напрашивающимся выводам. Если Учредительное Собрание избрано задолго до поворотного пункта – октябрьского переворота и отражает прошедшее, а не новое положение в стране, то само собой напрашивается вывод, что нужно кассировать устаревшее мертворожденное Учредительное Собрание, и немедленно назначить выборы в новое Учредительное Собрание”. Это буквальное то, что говорили и мы в свое время в тех книгах, от которых мы не отрекаемся и которые сжечь мы не собираемся. Но большевики не пошли по этому пути. “Они не хотели вручать – говорит она дальше, – вручать судьбы революции в руки собрания, которое выражало настроение вчерашней России, период[а] колебания и коалиции с буржуазией, когда им осталось только одно: тотчас же на место старого созвать новое Учредительное Собрание, вышедшее из недр обновленной, двинувшейся на новый путь страны”. Вместо этого Троцкий, на основании негодности собравшегося данного собрания, приходит к общим выводам о ненужности и негодности вообще всякого народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве. Уже в этот день, в день 5-го января, со всей режущей остротой был поставлен тот кардинальный вопрос, который нас потом все время делил на два враждебных лагеря. Во-

^Г Так в документе, следует 1918.

^Д Так в документе, вероятно, следует она [Р. Люксембург].

^Е Так в документе, следует тогда.

прос был поставлен так: диктатура или демократия. Должно ли государство опираться на меньшинство, или государство должно опираться на большинство трудящегося класса. До тех пор, пока у нас^ж была надежда на то, что большинство учредительного собрания будет ваше, вы не возставали, и только тогда, когда вы убедились, что вам этого большинства не создать, что отношение сил социальных среди трудящихся таково, что оно против вас, только с этого момента вы повернули фронт против Учредительного Собрания и с этого момента вы выдвинули понятие: “диктатура”.

Когда я говорю сейчас о демократии, то я считаю нужным прежде всего отнестись к теории № 2 гражданина Крыленко. Гражданин Крыленко здесь с большим задором, с большим полемическим и диалектическим искусством, я отдаю ему должное, развивал перед нами здесь теорию, которую мы, собственно говоря, по крайней мере многие из нас, я это откровенно говорю, проповедовали лет 15 тому назад в кружках для второго типа. Гражданин Крыленко говорил: не надо быть фетишистами, идолопоклонниками демократии. Демократия это не фетиш, не идол, перед которым нужно преклоняться и разбивать лоб. Гражданин Крыленко, я думаю, что даже все не учившиеся в семинарии, но которые приобщились так или иначе к международному социализму, великолепно знают, что ни для одного социалиста демократия, конечно, не является фетишом, не является идолом, а является лишь той формой и единственной формой, в которой могут быть осуществлены социалистические идеалы во имя и ради которых мы боремся.

Но гражданин Крыленко пошел дальше. Он говорит: свобода для нас орудие, т.е. если свобода нам нужна, тогда мы ею пользуемся, если же на свободу притязают, если ее жаждут, если к ней стремятся и другие, тогда мы это оружие направляем острием против них.

Позвольте Вам сказать, что это самое неправильное и самое губительное понимание свободы. Для нас свобода это та живительная атмосфера, в которой единственно только и возможно всякое широкое, всякое массовое рабочее социалистическое движение, это та стихия, которая должна окутывать, окружать и пропитывать это рабочее движение. Вне этих условий, вне форм свободы, широчайшей свободы невозможна никакая самостоятельность трудящихся масс. А нужно ли мне вам, людям, называющим себя марксистами социалистами, доказывать, что социализм невозможен вне условия широчайшей самостоятельности трудящихся масс, которая с своей стороны не может иметь места без свободы.

Свобода это душа социализма, это – основное условие самостоятельности масс. Если вы этот жизненный нерв, эту основную сущность, если вы этот нерв перережете, тогда, конечно, от самостоятельности масс ничего не останется и тогда уже лишь прямой путь – путь к той теории, которую здесь вслед за гражданином Крыленко развивал гражданин Луначарский – к теории о непросвещенных темных массах, которым вредно слишком много соприкасаться с политическими партиями, могущими их, неопытных, неискушенных, темных, сбить, увлечь за собою, вовлечь в такое болото, из которого они, бедненькие, никогда и не вылезут. Да что же это такое, как не классически выраженная теория Победоносцева. Что это по своей социалистической сущности, как не то же стремление Победоносцева уберечь православный чистый народ от тлетворного влияния западной демократии, которая может только замучить³ чистоту его сознания, которая может только развратить его, в которой он бессилён будет разобраться и, как ребенок, которому дают острый нож, может нанести себе только острые опасные раны.

И уже один шаг от этой концепции гражданина Луначарского, которую начал гражданин Крыленко, только один шаг до легенды о великом инквизиторе Толстого, извиняюсь, Достоевского. Так вот эта легенда – это есть логическое естественное завершение того цикла мыслей, который сейчас здесь перед нами развивал гражданин Крыленко и гражданин Луначарский и который можно сказать, спрессовать в одно политическое понятие – понятие диктатуры в вашем понимании. Позвольте мне опять таки сослаться на Розу Люксембург...

^ж Так в документе, вероятно, следует у вас.

³ Так в документе, вероятно, следует замучить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – Нельзя ли просить быть ближе к делу. Учредилку, слава Богу, разогнали. Нас интересует дальнейшая ваша позиция, а не то, что разогнали Учредилку, хорошо ли это или плохо. Разогнали и хорошо сделали.

ГОЦ – в этой плоскости я не буду, конечно, спорить, хорошо ли, что разогнали Учредилку, хорошо или плохо, что тянули по голове того или иного джентльмена. В этой плоскости я не считаю возможным и уместным вести политические дебаты, хотя и в виде защитительной речи. Я до сих пор не выходил из рамок, которые вы мне указывали, держусь ваших указаний...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – Указания, касающиеся формы диктатуры пролетариата, для нас форма исходная, не подлежащая обсуждению Мы – органы этой диктатуры. Вопрос относительно всеобщего избирательного права – вопрос разрешенный, не подлежащий обсуждению, так что весь разговор здесь об этом совершенно зряшное.

ГОЦ – Может быть, мы многие разговоры ведем здесь зря, потому что одну очень правильную мысль высказал гражданин Крыленко. Он сказал: “с самого начала, собственно говоря, с момента ваших первых заявлений, можно было сказать, что вопрос исчерпан и приступить к вынесению приговора”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ – Я не возражаю против того, чтобы вы для связи развели известную теорию, но нельзя же без конца доказывать преимущества демократии над диктатурой.

ГОЦ – Я не буду своей речью затруднять так долго, как затруднял ею гражданин Крыленко. Я постараюсь ограничиться минимальным количеством времени. Я буду экономить время и в целях экономии времени попрошу меня не перебивать. Это внесет пестроту и растрепанность в мою речь и не содействует мне в выполнении той задачи, которую я себе поставил. Поэтому я просил бы мне сейчас не мешать, поскольку я не буду выходить из рамок, которые вы указали. Я должен напомнить вам о том, как Роза Люксембург в своей книге расценивает эту свободу. Она говорит, что свобода только для приверженцев правительства, только для членов одной партии, как бы она не была многочисленна, это не свобода; свобода – есть всегда свобода для инакомыслящих и не из фанатизма справедливости, а только потому, что иначе все спасительное, все то целительное, все то очищающее, что есть в политической свободе, будет вычеркнуто, все это будет изгнано из этого понятия, тогда, когда свобода превратится в привилегию. Т.е. она предостерегала о том, что сделали Вы, превратив свободу из общего блага всех трудящихся в привилегию и монополию одной только партии, да и то, гражданин Бухарин, не всей партии, ибо у вас вопрос о свободе для своих членов есть вопрос дискуссионный, который нужно завоевать и защищать. Позвольте мне теперь подойти хронологически к той военной работе, которую вела наша партия за это период. Я не думаю, чтобы мне нужно было военную работу от момента разгона Учредительного Собрания до 8-го Совета партии и дальнейшую часть (я ее прихвачу), чтобы нужно было бы много внимания и времени отводить для разъяснения этого вопроса. Здесь для нас все ясно. Здесь мы факты в полной мере признаем и мы только протестовали[,] когда эти факты пытались неправильно осветить, пытались неправильно истолковать, когда их пытались в неправильном контакте^и перед нами развернуть. Весь этот период протекал под лозунгом накопления сил. Вот этими основными заданиями руководствовались все наши военные организации, как в Москве, так и в Петрограде. Мы считали, что необходимо собрать силы, необходимо объединить эти силы и для этого необходимо отказаться от всякого вспышкоступательства, от всякой путчистской тактики, и необходимо их собирать бережно, не расходуя по отдельным случаям, которые могут вызвать только рассеивание этих сил, которые могут в конечном счете увлечь только на путь авантюры и повредить рабочему классу, а не помочь делу революции.

Такова была наша основная линия, линия Центрального Комитета, которая неизбежно проводилась нами, начиная с этого времени. Здесь перед нами прошло несколько моментов, когда эта основная линия сталкивалась, скрещивалась с другою линией, которую наметили и проводили наши военные работники и с некоторыми товарищами, сидящими на той скамье. Мы здесь имели возможность отметить, как эти две противоположные точки зрения сталкивались, как две, я бы ска-

^и Так в документе, вероятно, следует контексте.

зал неслиянные струи, протекали все время по одному руслу, ибо они не могли по самому своему существу течь в одну струю, как вода и масло, они были различны и по существу неслиянны. Мы исходим из точки зрения строго учета реальных возможностей и отметили всякие авантюристические попытки. Товарищи наши из военной организации они были более импульсивно настроены, более стремительно настроены и не считались ни с какими препятствиями, ни с какими преградами и ими считалось возможным сейчас в любой момент начать уже действовать. Для того, чтобы вскрыть нашу точку зрения, я укажу, что их точка зрения эта та же самая точка зрения, которая нашла себе потом такое яркое отображение в так называемом мартовском путчистском движении и я думаю, что как раз об этой точке зрения могла бы много интересного и любопытного передать наша обвинительница теперешняя Клара Цеткин. Мы считали, что недостаточно только сорвать массы, увлечь их на улицу, вытолкнуть их с фабрик и заводов и затем бросить их в бой. Мы считали, что этот путь неизбежно ведет только к излишнему кровопролитию. Поэтому всюду и везде и всегда, когда перед нами вставали вопросы о выступлении, мы прежде всего делали анализ, строгий объективный анализ реальных возможностей, строгий учет тех сил, на которые мы можем опереться. Прежде всего мы принимали во внимание не только умонастроение рабочего класса, которое, начиная, с января стремительно начало видоизменяться и все более и более пропитываться враждебным отношением к большевизму и сочувственным отношением к социалистической демократии, но и степень основной организации спайки этих трудящихся масс, если и нам казалось, что эта организационная спайка не стоит на достаточной высоте и что те военные силы, которыми мы располагали[,] не достаточно велики, тогда мы везде и всюду ставили точку и пресекали авантюристические устремления, ставили крест над всеми этими порываниями наших более пылких военных работников и с облаков низводили их на грешную землю. Так поступили мы в дни разоружения Преображенского полка, так действовали мы во время событий [в] Минной дивизии, так действовали мы во время, так называемых беспорядков на Обуховском заводе. Словом[,] так мы поступали всегда, когда перед нами вставал вопрос о выступлениях. В деле имеется показания и утверждения ряда лиц, ничего общего с нами сейчас не имеющих, которые свидетельствуют тем не менее о том, что их точка зрения, что их положение и их планы всегда и неизменно нами пресекались, как авантюристские, и что по этим вопросам они всегда и неизменно оставались в меньшинстве. В частности, гражданину прокурору здесь было угодно очень много внимания посвятить вопросу о так называемом разоружении Преображенского полка. Я должен прежде всего указать, что когда мы выступили против утверждения прокурора, когда мы заявили, что его утверждение не соответствует действительности, то мы руководствовались следующим, и только одним соображением. Мы считали совершенно ложным его утверждение, что в дни разоружения Преображенского полка мы задавались целью захвата власти. Я уже указывал, что это не потому, конечно, что у нас не было воли к этому действию, не потому, что мы не хотели этой властью овладеть, не потому, что мы думали, что мы хуже вас распорядимся в интересах революции этой властью, нет, не во имя этого, а просто потому (и здесь опять прав старый, добрый марксист, гражданин Покровский), именно потому, что у нас тогда вооруженной силы было недостаточно. Исходя из факта недостаточности наших вооруженных сил, и, с другой стороны, из не достаточной организованности рабочего класса, — хотя в его симпатиях мы не сомневались, не сомневались в том, что он на нашей стороне и это единогласно и дружно подтверждает вся та сторона, они вынуждены перед вами свидетельствовать, что они были тогда убеждены (и это единственное, что они вынесли из той поры, что и теперь говорят), что тогда масса действительно была сочувственно настроена по отношению к нам. Мы столкнулись с одним фактом. Нам было заявлено, что собираются разоружить Преображенский полк. Преображенский полк был один из тех, на которые опирались и мы. У нас там были свои ячейки, свои группы, свои небольшие отряды и, естественно, что потерять базу для нас было бы невыгодно, это значило бы ослабить наш военный фронт против нас^к. И, естественно, что мы не могли пройти мимо угрозы, которая нависла над этим полком. И когда они заявили, что рассчи-

^к Так в документе, следует вас.

тывают, что полк не позволит себя разоружить, что рассчитывают на то, что и другие полки профессионально заинтересованные в этом, ибо эта опасность, которая могла бы перекинуться с преображенцами на семеновцев, с семеновцев на павловцев и т.д., спаяет в одно и что в этом случае правительство не решится их расформировывать, когда они все это нам заявили, мы приняли целью (в каком направлении мы и дали распоряжения всем нашим военным работникам) оповестить все военные части о предполагающихся разоружениях и настаивать на том, чтобы все части поддержали преображенцев в их стачке, в их нежелании разоружаться. Более того, если бы у нас тогда были действительные боевые дружины, они, конечно, должны были бы быть допущены в ход. Но вы, со слов товарища Кононова, знаете, что тогда представляли из себя эти дружины, что на самом деле это были жалкие группы лиц, еще не дисциплинированных, не обученных, несколько между собой несвязанных. Но если бы они были, они должны были бы быть приведены в боевую готовность. Гражданин прокурор говорит, что, вы, знаете, это могло бы привести к кровопролитию, вы знали, [что] вы затевали. Гражданин прокурор, мне кажется нужно бросить эту наивность. Совершенно с тем же основанием я могу сказать: а вы[-]то знали, с вашей стороны, что делаете, знали, что прольете кровь, вы на это шли. В политической революционной борьбе всегда дело, конечно, может дойти до столкновения. В этом должны отдавать себе отчет и та и другая сторона. Преступна та сторона, которая первая начинает. Это были тогда вы, и преступна та сторона, которая легкомысленно поддается на провокацию. Этой провокации мы всемерно хотели избежать и поэтому мы говорили нашим товарищам: Не увлекайтесь. Действительно ли настроение полков таково, что они, как один человек, воспротивятся, и если это будет так, то Советская Власть побоится, ибо она и тогда не располагала солидными силами, и если наши силы были соломенными, то и ее полки не были железными. Когда этот вопрос обсуждался у нас, то очень многие мыслили скептически и говорили, что по обыкновению наши военные работники преувеличивают. И действительно, все это оказалось так, как мы говорили, пуфом, мыльным пузырем и не потому, что мы были застигнуты врасплох, а просто потому, что в этих полках помимо социалистических элементов было очень много шкурников, которые меньше всего думали о революционной борьбе, чтобы с оружием в руках что-нибудь отстаивать. Так было с Минной дивизией. Здесь опять товарищ Крыленко говорит: а вы не знаете, что вы тогда могли сыграть на руку какой-то черносотенной организации, и он потрясая какими-то листами из какого-то дела, кажется дела Щастного, рассказывал нам, что организация черносотенцев протянула корни в эту среду. Да, гражданин Крыленко, мы определенно знали, что среди командного состава есть определенная группа, которая настроена так-то и так-то. Мы эту опасность определенно учитывали, имели ее в виду, определенно имели в виду. Мы ставили задачей нейтрализовать эту опасность, но мы ее не преувеличивали, потому что несомненно настроение матросов было таково, что, конечно, не группки черносотенных лиц могли руководить матросской массой. В июне месяце матросские массы были пропитаны далеко не черносотенным настроением и те заговорщики, которые там имелись, они открыто и не смели носа своего совать, а могли только шептаться по углам, и потому большой силы не представляли. И тем не менее по отношению к этому движению мы приняли совершенно определенную позицию. Мы были против того, чтобы это движение стимулировать, чтобы это движение вызывать. Так же мы поступили, когда стал вопрос связанный с беспорядками на Обуховском заводе. Так действовали мы постоянно, во все моменты переломные и критические, когда стоял вопрос, выступать или нет.

8 Совет партии подвел определенные итоги тем настроениям, которые зародились уже со дня разгона Учредительного Собрании. Уже тогда для многих была ясна неизбежность гражданской войны. Тогда было ясно, что рассчитывать на то, что Сов[етская] власть пойдет путем компромиссов, примирения с рабочими, пойдет на выполнение их политических домогательств, что об этом речи быть не могло. Тогда дух гражданской войны повис в воздухе. И когда собрался 8 Совет партии, он высказал то, что было уже налицо. Он только подсчитал, подвел черты и суммировал все те слагаемые, которые полностью были налицо. Вам уже известно, мы об этом говорили, что 8 Совет партии поставил перед собой две основных задачи: во-первых, вопрос о свержении большевистской власти и ликвидации Бреста. О том, как мы пытались ликвидировать этот Брест, с достаточной полно-

той говорил мой товарищ Тимофеев. О том, как мы пытались реализовать свои задачи[,] будет говорить тов. Раков, а я не хочу заниматься браконьерством и вторгаться в его область. О том, как мы понимали ликвидировать этот Брест[,] вчера здесь с достаточно исчерпывающей полнотой говорил мой товарищ Тимофеев. Я только вкратце укажу на одно обстоятельство. Вот гр. Покровский здесь особенно издевался над нашей затеей воссоздания восточного фронта. Он говорил: Как это так люди, как будто взрослые, как они могли заниматься такой ребяческой игрой в бирюльки. Восточный фронт, – ну, что же они не понимали что ли, что Россия вышла только что с тяжело ободранными боками из этой империалистической живодерни, что она вышла совершенно истерзанная, истекающая кровью, и где ей опять вновь впрягаться в это самое кровавое ярмо. Как они могли. И поэтому, не являются ли все разговоры... и тут уже выступает моралист Крыленко и ставит точку над і: “конечно, – говорит моралист Крыленко, – все эти разговоры были одно лицемерие, на самом деле ни о каком восточном фронте они не помышляли, они говорили – борьба с немцами, а думали – бей большевиков”. Позвольте вам сказать, гр. Покровский, что мы [были] тогда не в одиночестве и что мы были с вашей точки зрения даже в недурной компании, и в очень недурной, и что если это были иллюзии, то они разделялись не только левыми эсерами, но и очень большими влиятельными группами, представленными и некоторыми уважаемыми, с вашей точки зрения, лидерами и вождями, которые сейчас являются вашими лидерами и вождями, и они, однако, думали, что эта самая Россия, истекающая кровью, и эта Россия, которая казалось бы тоже дышит на ладан, она тем не менее должна воссоздаться, она тем не менее снова должна ринуться в бой во имя спасения революции и во имя спасения революции она должна лучше погибнуть, чем примириться с жалким Брестским игом, чем лизать сапог и ботфорты немецкого вахмистра. Вот каковы были настроения некоторых ваших лидеров, тогда возглавлявшихся Бухариным, который тоже говорил и думал о возможности борьбы с Германией за уничтожение Бреста. Что же вы, гр. Крыленко, и ему будете адресовать упрек лицемерия и будете говорить, что он лицемерно покрывал Брестом свою борьбу с вами, что он на самом деле думал вас за горло схватить, а хватался за Брест, как за одну из удобных палок, которой можно было вас оглушить по голове. Так что эти соображения гр. Покровского я отмечаю. Здесь имеется другой вопрос, который я вкратце хочу отметить. Гр. Луначарский говорил: вот вы поставили себе задачей восточный фронт. Как вы пытались ее реализовать. “Вот вы пытались организовать власть, вы завели такие порядки хорошие, демократические порядки, у вас там было крестьянство, на вашей стороне были рабочие, а тем не менее чем объясняется, что босая и голая армия пришла и вас разбила. Чудо ли это или наш гений”.

Я в чудеса не верю, то же вероятно не верит и гр. Луначарский, я думаю, что чудес в истории не бывает и факт объясняется гораздо проще. Вы не забудьте, что в Самаре нам пришлось импровизировать государство и армии на поле сражения. Вы не забудьте, что мы с первых же дней столкнулись с вашей же армией, которая была против нас. Вот то обстоятельство, что и армию и государственность нам приходилось организовывать импровизированно на поле сражения, это конечно не могло не сыграть своей значительной роли. Кроме того, в это движение, до известной степени все[-]таки обрушившееся на нас врасплох, мы не имели возможности партийные силы втянуть, не имели возможности эти партийные силы мобилизовать. Более того, мы не имели к тому моменту того превосходного партийного аппарата, который успели выковать вы к тому времени, и для нас не секрет, как и для вас, что одно из условий того чуда, о котором говорит гр. Луначарский, это великолепно выкованный, и без отказа действующий с точностью действитель[но] часового механизма, пока еще действующий партийно, ваш механизм. Мы этим похвастаться не могли, нам предстояло еще эту работу сделать. Нам еще нужно было скрепить, сковать, спаять нашу партию и эту работу мы, к сожалению, не могли и не успели проделать, за отсутствием времени. В процессе войны всегда и неизбежно усиливается влияние военщины, это опять элементарно исторический факт: всякая война приводит к тому, что власть перетекает в руки военного элемента и военщина... всегда при всяком режиме и при демократической республике и при вашей советской власти, играет огромную роль в моменты войны. У нас был против этого противовес, противовес в лице вашего партийного аппарата, еще не успели сковать этого партийного мощного аппарата мы, и поэтому не сумели

еще парировать той опасности, которая для нас была ясна на востоке. И третья причина, которую нужно сюда присоединить, это то предательское поведение буржуазии, которое имело место на востоке. Ибо в тот момент, когда мы были обращены фронтом к вам, в этот момент эта предательская буржуазия, реакционные и помещичьи элементы исподтишка мобилизовали все силы, и когда они увидели, что мы напрягли все силы для борьбы с вами, они нанесли нам предательский удар в спину. Вот та совокупность обстоятельств вместе с еще одним обстоятельством, на которую указывал здесь достаточно подробно мой товарищ Раков, когда он говорил, что крестьяне были настолько утомлены от войны, что на героические все новые и новые усилия они были не в полной мере способны, вот та совокупность обстоятельств, которая привела к тому, что мы пали на востоке. Здесь нет, гр. Луначарский, никакого чуда, здесь нет и вашего организационного гения, как вы это горделиво хотели себе приписать. Мы отдаем в полной мере дань вашим организаторским способностям, выразившимся в организации красной армии. Это единственное, что вам удалось организовать в полной мере, по крайней мере, как инструмент для поддержания внутреннего порядка и не всегда удачно национальной безопасности. Вам удалось организовать красную армию и затем удалось еще один институт действительно создать – вам удалось создать институт полиции. Здесь вы тоже проявили максимальные способности и таланты, я думаю, сам Фусше мог бы вам в некотором отношении позавидовать. И может быть этими вашими талантами в организации этих двух учреждений и объясняется то обстоятельство, что бывшие октябристы сейчас так нежно пламенеют сердцами к вам и слагают вам акафисты и не видят иной власти, которая могла бы круче и жестче наводить порядки, как вы.

[...] Я перехожу сейчас к тому положению, которое мы застали после разгрома на востоке.

Разгром нашего фронта против большевиков с одной стороны, ликвидация германской опасности ноябрьской революцией с другой, резко и определенно изменили всю международную и всю внутреннюю ситуацию. Та опасность, которая нам всегда мерещилась со стороны Германии, та опасность дальнейшего расчленения, когда германское железо все глубже и глубже вонзалось в тело России, – эта опасность была ликвидирована не вами, а вопреки вам, ноябрьской германской революцией, которая вспыхнула в результате ее поражения на франко-английском фронте. И с этого момента, так или иначе, падала для нас необходимость борьбы против гогенцоллернской империи, с этого момента для нас вставала в совершенно новом освещении проблема интервенции, так называемая проблема пребывания каких бы то ни было союзнических отрядов на территории Российской Республики, так называемая блокада. С другой стороны победа временной реакции, победоносное наступление Колчака и Деникина ставило перед нами задачу необходимости напряжения всех сил. Вопрос шел о том, что наступающая реакция грозила не только большевизму, но она грозила взять в железо, уничтожить, раздавить все завоевания революции, не только октябрь, но и февраль[,] не только коммунистическую партию, но и всю социалистическую демократию, и все завоевания и достижения рабочего класса. Во первых, с этим вопросом мы сталкивались на декабрьской конференции. Декабрьская конференция приняла уже определенное решение по вопросу об интервенции, о блокаде, о котором вам докладывал Тимофеев и к которому я возвращаться не буду. Февральская конференция приняла решение о прекращении вооруженной борьбы. Дальше 9-й совет партии, собранный в июне мес[яце,] подытожил, суммировал все те совещания, конференции, отдельные решения партийных организаций и вынес известную определенную точную линию партийной тактики, которая с этого момента, может быть, не всегда, непрерывной, но отчетливой чертой тянется через все этапы развития партийной деятельности. Здесь мы сталкиваемся, при решении вопроса об отношении нашем к вооруженной борьбе, опять сталкиваемся с 3 версиями. Опять перед нами богатство мнений того стола. Здесь имеется версия гр. Луначарского, версия Покровского, и версия Крыленко. Гр. Луначарский говорил здесь о том, что постановление 9-го совета партии и то истолкование, которое я ему дал, есть ничто иное, как попытка надеть маску, что это есть ничто иное, как попытка выдать нашу позицию за какую[-]то легализацию методов партийной деятельности. Я еще остановлюсь на том, сколько это справедливо. Гр. Покровский говорит: «ничего подобного, никакого изменения в тактике не произошло; 9 совет никакого

изменения не внес, все осталось по прежнему, ибо, – аргументирует гр. Покровский, – если человек хочет прыгнуть на луну и не может, то ни один здравомыслящий человек не поставит ему этого в заслугу, а в таком положении находятся эсеры”. Гр. Крыленко примиряет эти обе версии с моралистической точки зрения, но примиряет так неудачно, что противоречия остаются. Он говорит: здесь все было лицемерием, было тартюфством. У эсеров, говорит он, как и было всегда, осталось и в этом вопросе две точки зрения – две правды. Позвольте несколько разобраться в этом основном и кардинальном вопросе. Каково же в действительности наше отношение к вопросу о вооруженной борьбе, начиная с 9-го совета. Правда, гр. Крыленко заявил, что, собственно говоря, как государственный прокурор, он должен меня предvarить, что совершенно неважно, как мы стоим – на вооруженной или не вооруженной – хрен редьки не слаще, и зато и за другое полагается по 62 или 60 ст. расстрел. Так что – о чем же говорить. Вот это ваше утверждение до чрезвычайности облегчает мою позицию. Вы не можете меня заподозрить, что я хочу что[-]то затушевать перед вами, ибо, если и за то и за другое полагается расстрел, то позвольте отбросить угрозу, как не относящуюся к делу, и развить нашу политическую позицию, как она есть. В ней окажется и отношение к уголовной стороне. Значит, как же мы в действительности относимся к проявлению вооруженной борьбы. Мы уже говорили перед вами, что мы считаем, что право революции – это есть неотъемлемое право и, больше того, это есть обязанность всех социалистических революционных партий, от которого они отказываться не могут. И в тот момент, когда рабочие массы созревают для революции, когда они стихийно вовлекаются в революционные выступления, тогда, конечно, социалистические партии должны эти движения возглавить. Так что право на революцию, это абстрактное право [должно] остаться, но ведь не о праве на революцию для всех социалистов бесспорно идет здесь речь. Вопрос стоит так, что ставится сейчас в порядок дня. Тактика ли вооруженной борьбы, как метод, или нечто иное, то есть то что мы назвали политическим методом борьбы. Вот только как ставится вопрос: или вооруженная инсurreкция или организация широкого политического движения народных масс. Вот, собственно говоря та дилемма, которую нужно разрешить. Вот тот выбор, который нужно сделать. Гр. Луначарский ставит здесь сокрушающие вопросы и заявил: “как же вы отказываетесь от борьбы за власть: здесь Гоц развивал такие взгляды и такие воззрения, которые звучат почти как отказ от борьбы за власть”. Позвольте сказать, что это величайшее недоразумение, гр. Луначарский. Ни одна партия политическая, а особенно в революционную эпоху, не может, конечно, отказаться от борьбы за власть, ибо борьба за власть это есть конечная цель, это есть основная сущность всякой политической борьбы. Я и подтверждаю и я прошу извинить меня за эту элементарную и тривиальную истину, которой приходится касаться. Всякая политическая борьба в конечном счете протекает как борьба за власть. Эта борьба за власть это есть тот всеобъемлющий принцип, который как регулятивный и конструктивный принцип лежит в основе всякой политической деятельности. Это одно. А вот ставится ли вопрос так: идем ли мы к захвату власти в данный момент заговорщическим путем, путем террора, путем партизанщины и проч. и проч. Я говорю – нет, мы себе такой задачи не ставим. Мы совершенно определенно отказались от вооруженной борьбы, как тактического приема, в силу тех соображений, которые я здесь уже подробно развивал и которые покоятся с одной стороны на точном анализе социальных сил внутри страны сейчас в хозяйственном, экономическом и всяком ином отношении на учете международной обстановки, а затем на учете той реакционной опасности, которая всегда возможна. Вот, исходя из всех этих соображений[,] развивать которые я сейчас подробно не буду, ибо они достаточно исчерпаны были во время следствия, исходя из всего этого мы приняли определенное решение от отказе от вооруженной борьбы, как от тактического приема. Мы сказали себе, что мы не ставим себе задачу непосредственного захвата власти в данный момент, ибо мы совершенно ясно понимали, что в настоящий момент основная проблема, которая лежит сейчас в самом центре того спора, который раскалывает ряды революционной демократии, который разделил нас на два враждебных лагеря, – это является вопрос о политических свободах и демократических гарантиях. Значит, стоит сейчас в центре всех наших усилий всей нашей политической борьбы, всех тех политических кампаний, которые мы решили организовать и по мере сил и возможности организовывали и будем организовывать во имя достижения этих

вот целей, в центре этих кампаний, я говорю, лежит вопрос о демократических гарантиях и о политических свободах. Этот вопрос может быть еще иначе – отрицательно сформулирован, как вопрос о преодолении большевистской диктатуры. В положительной формуле это гласит: вопрос о гарантиях и вопрос о политических свободах, в отрицательной формулировке он гласит, как преодоление большевистской диктатуры, ибо только преодолев большевистскую диктатуру, только выбросив из жизни этот тяжелый камень, который, как могильный камень, глушит, сковывает живые силы трудящихся масс, только делая это героическое напряжение и освободившись от стесняющей оковы, рабочий класс действительно сумеет вступить на путь защиты всех своих классовых интересов. И надо сказать, что в этом отношении никакого разноречия между 9-м и 10-м Советами не было. То, что мы здесь формулируем положительно, 10 совет формулировал отрицательно, то есть как преодоление большевистской диктатуры.

Но здесь поднимается старый вопрос, каким путем мы хотим и стараемся преодолеть эту диктатуру, путем ли вооруженной инсurreкции, путем ли партизанских выступлений, путем ли отдельных вспышек, путем ли террора или путем планомерного массового выступления рабочих масс города и деревни. Я думаю, что тот ответ, который мы вам здесь давали, не оставляет места никакому сомнению, никакой двусмысленности, никаким кривотолкам, никаким уверткам. Мы говорим определенно и ясно: наш метод политический, а не вооруженный. Мы поставили себе целью распутать, развязать этот основной узел, в который заплелись все те противоречия, все те неурядицы русской жизни, которые имеют место. Сейчас это является гордиевым узлом русской жизни. И если будет от нас зависеть, конечно, мы будем стремиться всеми силами к тому, чтобы этот узел был развязан усилиями трудящихся, мозолистыми руками самих трудящихся. Но если благодаря преступной политике власти дело дойдет до того, что этот узел развязан быть не сможет, а должен будет быть разрублен, тогда, конечно, нужно винить не нас, злонамеренных подстрекателей социалистов, – эту точку зрения, упрощенно-жандармско-полицейскую, нужно отбросить, она не к лицу людям, которые именуют себя марксистами, а надо будет всю тяжесть ответственности возложить на власть, которая своевременно не поняла, что нельзя без конца противодействовать законным стремлениям масс.

И тут выступает гражданин Крыленко и говорит: “но вы знаете, как трудно удерживать на грани политическое движение, вы знаете, что легко вызвать политическое движение, но кто же ему укажет роковую грань, как же вы удержите его, как же скажете: стой, вот черта заветная, вот грань, не переходите ее. Как можно со стихией так разговаривать, стихия не игрушка, которую можно положить в карман жилета, раз она выступила, вышла на улицу, то на сцену выступает логика борьбы, которая [может] завести дальше, чем вы хотели”. Мы все эти соображения понимали, гражданин прокурор, и думаем, что именно эти соображения надо задать не в виде вопросов и упреков, а нужно их адресовать вам. Вы должны знать, что нельзя доводить настроение трудящихся до такого состояния, когда всякое, даже мирное политическое выступление фатально и неизбежно грозит вылиться в форму стихийного восстания. Это должна знать власть. Если власть знает, что в стране создано такое положение, когда нельзя уже вызывать массу даже на мирную демонстрацию, когда нельзя массу собирать на митинги, когда нельзя организовать массу в виде каких[-]нибудь процессий, потому что, не дай Господи, эта масса может воспламениться и, как порох, взорваться, когда вы довели страну до такого состояния, тогда действительно можно сказать, что эта власть сделала все для того, чтобы уничтожить мирные пути развития. И упрекать нужно именно эту власть, которая своей преступной политикой довела страну до такого состояния.

Гражданин Крыленко здесь дальше моим товарищам, кажется в ответ на реплику М.Я. Гендельмана, который заявил: “мы уверены, что вы уступите в конечном счете”, гражданин Крыленко довольно гордо заявил: “нет, на политические уступки мы не пойдем, бросьте эти бессмысленные мечтания”. Я думаю, что такие речи мы уже не раз слышали в русской истории и в свое время они довольно дорого обошлись их автору. Мы, конечно, не жалеем о том³, что они очень дорого обошлись русскому народу. И преступно если вновь из

³ Так в документе, вероятно, следует не жалеем об этом, но жалеем о том.

уст представителей власти, а вы являетесь здесь представителем власти, гражданин Крыленко, раздаются такие бессмысленные речи, простите за выражение, об осмысленных мечтаниях трудящихся масс. Но так ли уж однако, вы господа, большевики, непреклонны, так ли уж вы действительно уверенно можете говорить, что ни на какие уступки вы не пойдете? Мы уже слышали от вас всякого рода горделивые заявления. Мы уже слышали о том, что нет, мы в Каноссу международного капитала не пойдём, мы не склонимся перед отечественным капиталом и мы ни когда не позволим его величеству капиталу вновь у нас хозяйничать, мы его не пустим на нашу территорию Советской Республики. И более того, мы слышали и другие заявления, которые делали и гражданин Свидерский и гражданин Бухарин о том, что продрозверстка это единственно правильная связь города и деревни. Это у меня выписка из вашей книги: “Экономика переходного периода”. И что же осталось от этих горделивых заявлений? Вы сейчас превратились в жалких реставраторов лачуг буржуазного строя и вы в области продовольственной политики вынуждены уступить крестьянству. Более того, вы пошли на уступку буржуазии отечественной. Вы воскресили ее господство, вы создали НЭП, вы создали сейчас вновь нижегородскую ярмарку. На первой странице “Известий” сказано: “Приезжайте, господа купцы, у нас открыты рестораны, буфеты и прочее и прочее”. И я думаю, граждане, что тот юмористический листок, который мне вчера попался, этот листок изображает чрезвычайно символическую картину, вы ее помните, вероятно, это приложение к “Рабочей Газете” гражданина Стукова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На счет листков нельзя.

ГОЦ. Я хочу только напомнить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я и Кларе Цеткин не позволил цитировать газету.

ГОЦ. Тогда я нарисую только тот фантастический образ, который мне рисуется. Вот гора объявлений. Здесь колбаса, резина и чего хотите и вот эта груда обрушилась на несчастного гражданина Стеклова и он бежит в ужасе, вытесняемый этой лавиной объявлений. Я боюсь, то есть я не боюсь, откровенно говоря, (Смех), как бы эта участь не постигла вас и как бы вас не вытеснила лавина новых преобразований, которые вы сейчас производите. Нам, конечно, не страшно, что вас выметут, но нам боязно, страшно и жутко, за революцию, которая может вновь попасть в руки буржуазных элементов (Смех). Мы убеждены, что ваши эксперименты кончатся тем, что вашими же силами вскормленные и выхоленные буржуазные силы, они в одно прекрасное утро с успехом выкинут отсюда, как правильно выразился гражданин Крыленко из того социалистического рая, который вы создали, вас самих. И мы считаем, что теперь, после того, как вы сделали уступки буржуазии русской и международной, причем сделали их в такой мере, что их хищнические вождедения уже распались настолько, что они мечтают теперь уже о полном захвате, все же должен сказать, что в этой борьбе мы в полной мере должны вас поддержать, ибо против нападения международного капитала, который стремится закабалить Россию нет средств...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Насчет международных отношений полегче.

ГОЦ. Я не касаюсь международных отношений в вашей политике, а только указываю ту позицию, которую в этой борьбе должна занять наша партия. В этой борьбе наша партия должна занять позицию защиты, отстаивания интересов России. И в этом отношении мы считаем необходимым (это уже мы здесь говорили подробно) добиваться признания Советского Правительства. Мы понимаем, что конечно, сейчас стране была бы не под силу новая гражданская война. Она настолько разорена, настолько истощена, рабочий класс настолько ослаблен и обескровлен, что новая гражданская война была бы несчастьем для него и мы первые говорим: да минует чаша сия. Но, повторяю, мы ставим перед собою задачи только политических методов действия. Мы не можем и не несем никакой ответственности за все те возможные осложнения, которые готовятся русской жизни вашей политикой. Но, повторяю еще раз, я повторяю это бесчисленное количество раз, что ответственность за это ни в какой мере не ложится на нас, а ложится только на вас. Теперь, когда большевизм стремительно изживает свой утопически максималистский период, когда он проделал уже свой буржуазный термидор, ибо надо сказать, граждане, что различие между вашей и французской революцией заключается в том, что различные этапы, периоды французской революции персонифицировались разными лицами, а у нас одна партия взяла на себя монополию проде-

лать все этапы и все периоды. Здесь, правда, гражданин Луначарский указывает, что одна ошибка была сделана – не последовали вовремя за спасительным примером якобинцев, которые произвели одну, как он выразился, операцию, очень благотворную, хирургическую. Но это время, знайте, еще не упущено и по ныне. Но сейчас исторически стоять может только один факт, что действительно у нас есть партия, которая за собою признает право персонифицировать все отдельные этапы. Буржуазный термидор, вы его полностью утвердили и проделали, привлекая крупный капитал и раскрепостив силу мелкого капитала, развязав стихию мелкобуржуазной собственности. Вы сейчас своими руками создали и проделали термидор. Больше, по отношению к крестьянству вы проделали и 18 брюмера. Вы давно являетесь бонапартистами по отношению к крестьянству. И в этом заключается разгадка того горделивого заявления, которое делал гражданин Луначарский, почему “вы не сумели организовать крестьянство, а мы смогли”. Но как вы организовали. Вы организовали железным кулаком, вы сковали это крестьянство, вы втоптали его сейчас в бесправие. Оно не имеет никаких прав, оно является парией в Советской республике. Позвольте сказать, что так в свое время организовал крестьянство и Наполеон. И у него по отношению к крестьянству был с одной стороны пряник, которым он удовлетворял некоторые его экономические притязания и это вы сделали, когда вы пошли на уступки крестьянству в области продовольственной политики, а в другой руке у вас был кнут, нагайка, которые вы всегда держите распростертыми над крестьянством. Для социализма, для реализации социализма необходимо два условия. Первое условие – организованность и зрелость пролетариата и второе условие – это организация промышленности в крупные единицы. И тот, кто разрушает эти два условия (и это элементарная истина социалистической теории) тот объективно является контр-революционером. И когда вы разрушили промышленность, когда вы распылили пролетариат, когда вы его превратили в значительной части в деклассированную массу, когда от него остались мелкие жалкие остатки, тогда мы имеем полное право и основание, оставаясь на почве социалистической теории, сказать вам, что контр-революционную работу сделали вы и за это несете в полной мере ответственность перед историей.

Теперь мне остается перейти к последнему вопросу об административном центре.

КРЫЛЕНКО. Вот это интересно.

ГОЦ. Гражданин прокурор говорит: “это интересно”. В нем заговорило до известной степени авторское самолюбие, ибо он, если не автор, то передатчик этих документов. Позвольте мне сказать по отношению к ним следующее. Прежде всего, я ни в коей мере не хочу гражданина прокурора обвинять в том, что он может пойти по стопам Лыжина. Никогда я себе такого упрека по отношению к нему не позволю. Я думаю, что его соблазняют другие лавры, перед ним встает образ другого прокурора Фуки-Д’Анвиля, а не царского прокурора Лыжина. Но, не подозревая его лично и Трибунал в фальсификации, подделке, извращении этих документов, я тем не менее должен сказать, что тот мутный грязный источник, из которого почерпнуты эти документы, заставляет меня и моих друзей отнестись к ним с полным недоверием. Мы знаем (ибо сам прокурор расшифровал псевдоним своих социалистических друзей), кто оказались эти социалистические друзья. Это банда монархистских прохвостов, которые за плату, как наемные бандиты, выкрали эти документы и любезно на блюде предоставили их именно сейчас. Как здесь говорилось [,] “дорого красное яичко ко Христову дню”. Теперь можно ли думать, что эти прохвосты, которые выкрали документы, что они были не заинтересованы в том, чтобы придать большую серьезность, большую пикантность, большую пряность тем документам, которые они так любезно поднесли гражданину прокурору. Но ведь не ради прекрасных глаз гражданина прокурора Крыленко они совершили эту кражу, это самое уголовное деяние, за которое они сейчас несут ответственность перед буржуазным уголовным судом. Ведь не ради этого. И что же вы думаете, что эти люди проявят скрупулезную честность, что они ни одной запятой, ни одной черточкой, ни одного слова не изменят в этих документах. У вас, граждане, короткая память. Позвольте напомнить вам один эпизод, который должен быть у вас в памяти. Вы помните, когда были изданы эти пресловутые документы от имени какого[-]то американского общества, обвинявшего большевиков в продажничестве, сношениях с германским генеральным штабом, то в этом сборнике, изданном с технической стороны не хуже вашего сборника, фигурировали факсимиле, подписи

столь искусно сработанные, столь искусно сделанные, что сами авторы принуждены были разводиться только руками. И опять[-]таки не тайна, что всякий документ можно подделать и не мне гражданина прокурора, опытного судебного деятеля, учить этому делу. Всякий документ можно сфабриковать и мы считаем, что поскольку у нас нет уверенности, постольку мы считаем, что эти документы сейчас для нас являются абсолютно не ценным материалом. Я думаю, что друзья наши за границей должны (это их политический долг), дать полный исчерпывающий ответ по всем этим вопросам, они должны заявить: поддельны или не поддельны эти документы. Они должны дать исчерпывающие объяснения и когда они эти объяснения дадут, высшая партийная инстанция, которая соберется, она вынесет свое мнение, она скажет свое нелицеприятное компетентное и авторитетное слово и тогда вмешается не только наша партия, но и другие социалистические партии, ибо обвинение[,] бросаемое одной социалистической партией[,] в одинаковой мере задевает все социалистические партии. Но, когда вы к нам обращаетесь и требуете отречения, когда вы говорите: “отрекись, откажись, предай и тогда ты спасешься”, то мы заявляем, что на такие крики, которые, вульгарно выражаясь, можно назвать только “руки вверх”, мы отвечаем старыми словами: “не запугаете”. Если вам угодно знать политический наш ответ, то мы дали его исчерпывающе. Не было ни одного вопроса, который бы вы нам не задавали и на который мы не дали бы здесь полного ответа. Мы ответили, как мы смотрим на блокаду, мы ответили[,] как мы смотрим на интервенцию, как смотрим на вторжение иностранных отрядов, как смотрим на всякого рода авантюры, как смотрим на вопрос о признании Советского Правительства, как смотрим на вооруженную борьбу. Мы на все эти вопросы дали наш ясный политический ответ и если вы хотите знать, то вы не можете сейчас говорить и прикрываться словами “мы не дали ответа”. Ответ мы дали перед всеми трудящимися и ответ ясный и полный. Но я убежден, что если бы на этих скамьях сидели не мы, а вы, и если бы к вам пристал кто[-]нибудь с таким же требованием, то я думаю, что если бы вы уважали себя, вы ответили бы только так, как отвечаем мы, ибо другого ответа дать нельзя, ибо на всякое заявление о том, что “предай, откажись, отрекись и ты спасешься” – может быть только презрительное молчание. Другого ответа мы дать не можем. Что касается политического ответа, то я повторяю, мы его дали полностью и целостностью. Я уже говорил о том, что партийный наш суд в лице полномочно[го] съезда при первом случае, когда он соберется, выскажет, конечно, свою оценку и выскажет свое отношение и выскажет, конечно, свое суждение. Не вам сейчас нам эти вопросы задавать, не нам на них перед вами отвечать, особенно на основании того материала, из которого, может быть, половина, окажется сфабрикованным и сфальсифицированным.

[...] Гражданин Покровский в качестве “доброе старого марксиста” требовал от Трибунала такого приговора, который бы совершенно вычеркнул партию эсеров из мира, совершенно уничтожил бы. Вы хотели, и не только гражданин Покровский, все вы хотели нанести нам смертельный удар, не нам, а нашей партии, хотели сокрушить нашу организацию, целостность нашей организации распылить, превратить ее в пыль, которую теперь придорожный ветер отнесет куда[-]нибудь на простор жизни. Но вам это не удалось. Мы, члены центрального комитета, оторванные от родной партии в продолжение уже двух или трех лет, которые не имели возможности за наше прошлое отчитаться перед ней, дать отчет перед теми лицами, которые выдвинули нас в качестве своих вождей, мы вам признательны за то, что вы дали нам возможность с высоты этой трибуны дать полный, ясный и открытый ответ о нашем прошлом, о всей нашей прошлой деятельности и о том, как мы считали бы сейчас возможным вести партию, какие пути мы считали бы нужными, чтобы партия следовала во имя спасения революции, во имя реализации наших конечных целей демократии и социализма. И мы признательны вам за то, что вы дали нам возможность этот ответ высказать полностью и если эта наша исповедь, которую мы здесь высказали, волею судеб явится нашим завещанием, то мы считаем, все-таки, что мы свой долг выполняем до конца и выполним его до самого последнего конца, так как подобает его выполнить революционерам. И что бы вы нам сейчас не судили, мы, если вы нас осудите, мы умрем как революционеры мужественно, глядя смерти в глаза. Если нам суждена жизнь, то мы будем жить как социалисты, работая во имя социализма, как мы работали до сих пор и как мы этот социализм понимаем» (МИСИ. Архив ПСР. 867. Защитительная речь Гоца).

⁸⁸ Е.М. Ратнер значительную часть своего последнего слова посвятила полемике в выступавшими накануне с обвинениями в адрес ПСР А.В. Луначарским и Н.И. Бухариным. В ходе почти часового выступления Ратнер стремилась обозначить черты различий между ПСР и РКП(б) в понимании теории социализма и возможностей построения нового общества в условиях послереволюционной России. По ее мнению, «в настоящий момент мы еще не на пороге социалистической революции», и под этим углом зрения она давала неутешительный для правящей большевистской партии прогноз на будущее в связи с провозглашением нэпа. При этом Ратнер применила эффектный политический прием, используя фрагменты из предыдущего выступления Бухарина: «У него есть момент[,] за который ему можно простить многое. В его словах впервые прозвучала нотка тревоги, нотка ответственности правящей партии за судьбы России, которой она взялась управлять. Это было тогда, когда он говорил, и это верно, что Россия может погибнуть от рук той буржуазии, которую мы сейчас привлекаем. И конечно, если он говорит, что германская независимая социалистическая партия, войдя в блок с буржуазией, протигивает^а ей палец, то она рискует потерять и руку, а если вы протигиваете буржуазии не палец, а обе руки, то пусть она хоть десять раз ползает сейчас перед вами на коленях, но придет момент, когда она вскочит с этих колен и вас уничтожит. Он понимает, что это может случиться, но все-таки он говорит, что придет буржуазия, и он считает, что снова вернется старый строй без изменений, без приобретений. Нет, этого, граждане, мы не думаем. Мы знаем, что та буржуазия, которая придет, внесет много изменений в России. Это не будет старая царистская, рабская буржуазия, это будет новая, свободная и может быть более революционная буржуазия со всеми новыми приобретениями, но это будет все-таки только буржуазия и приобретения будут, но не социалистического характера, а буржуазного характера. Революции даром не проходят и всегда ведут к прогрессу, как скверно их ни проводить. И здесь будет прогресс, но только исторический прогресс. Но разве для того, вы брали власть, чтобы идти к прогрессу буржуазных стезей. Разве вы для этого называете себя якобинцами, чтобы исполнить задачу якобинцев, привести к власти разрушившую феодализм буржуазию. Может быть это и будет заслугой в процессе истории, но ведь это не те требования, которые мы предъявляем к социалистической партии. Может быть мы не имели бы права предъявлять вам эти требования, но здесь есть другое обстоятельство. Международный рабочий класс в течение столетнего рабочего движения накоплял целый социалистический капитал, и в то время, когда вы стали у власти и стали называть себя первым рабоче-крестьянским правительством, то весь этот капитал перед всем миром попал в ваши руки, ибо вы, как первое рабоче-крестьянское правительство, в первое время пользовались всем тем кредитом, который в течение столетней борьбы завоевывал рабочий класс. И вот, если этот капитал, который вы получили от европейского социализма, вы вложите в буржуазное дело, как это будет называться по терминологии Бухарина, как не предательством дела социализма и его столетней борьбы. Бухарин понимает предательство оригинально. Он говорит, что предательство политическое, а политическое предательство у него понятие очень широкое, есть всякий отказ от программы максимума. Но здесь из политического предательства делается политический и моральный вывод: “если вы политические предатели, то вас, как предателей, морально можно предавать”. Вот эта алгебраическая формула – минус на минус дает плюс – предатель, предающий предателя честен, вот эта формула, моральная формула, критики никакой не выдерживает, потому что политический отказ от максимальных требований, то что он называет предательством и моральным предательством растления собственной души, эта категория настолько разная и несоизмеримая, как фунт и аршин, и сочетать те и другие это все равно, что вычитать из фунтов аршины, или прибавлять к фунтам аршины. Они друг с другом совершенно не связаны. И это, конечно, политический прием только для того, чтобы чем[-]нибудь, каким[-]нибудь политическим вольтом^б покрыть то моральное убожество, которое лежит на лице всей социал-демократической коммунистической партии, когда она своим знанием покрыла моральное предательство. Но в этом моральном предательстве есть и своя

^а Здесь и далее так в документе.

^б Так в документе.

политическая и историческая сторона, – отдельные лица в таких массовых фактах виноваты не бывают. В них бывает виновато нечто более крупное, нечто более историческое, более серьезное. И здесь мы имеем случай с такими же точно фактами. Пришла революция, громадная грозная принесла с собой задачи новые. И те задачи, которые выбрала ваша партия коммунистическая, эти задачи оказались объективно невыполнимыми. С какими бы силами не браться за эти невыполнимые задачи[,] их все равно нельзя было бы выполнить, тем более[,] если браться за них, со слабыми жалкими силами партии, которая так долго была нелегальной, была разбитой. И вот, взвалив на свои плечи эту неисполнимую историческую задачу[,] вы тем самым взвалили на плечи каждого из ваших работников тоже физически неисполнимую задачу. Вы заставили их выполнять то, что при напряжении всех физических сил они все равно не могли бы выполнить. Здесь получилось такое положение: партийный механизм, о котором с такой гордостью говорил гражданин Бухарин, который он квалифицировал как часовой механизм, состоящий из бесчисленного количества колесиков и винтиков[,] был заведен одной рукой и пущен в ход. Машина закрутилась. Все колесики и винтики бесчисленные уже вне своей воли, поскольку они сами частичками этого механизма должны были крутиться и вертеться и делать ту работу, которая заведена была чьей[-]то рукой, должны были вертеться.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Речь идет не о коммунистической партии, а это ваше последнее слово и я поэтому прошу вас держаться в пределах определенных рамок.

РАТНЕР: Последнее слово подсудимого и отличается тем, что оно дает ему право и моральных суждений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вас не прерываю, когда вы говорите о чем вы хотите.

РАТНЕР: Об этом[-]то я и хочу говорить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но не о коммунистической партии и о советской власти. Я вам делаю второе предупреждение.

РАТНЕР: Я говорю сейчас об отдельных членах коммунистической партии, которые здесь определенным образом предъявляли нам целый ряд определенных обвинений, о тех членах коммунистической партии, на основании оговоров которых и поднялся весь этот процесс. И если в последнем слове нельзя касаться и этого положения...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это я говорю только о партии, как о таковой; этого же можно касаться.

РАТНЕР: Как политический человек я не могу не подводить под это политического фундамента, но я постараюсь оградить себя в этом отношении поскольку возможно. Вот эта машина, заведенная раз навсегда, вертится с бешеной быстротой, не предоставляя возможности за бесконечной работой и напряжением отдельным винтикам думать самим, вырабатывать какие[-]нибудь исходы из положения. Эти винтики, загипнотизированные бесконечным верчением в пределах машины, поставлены в действительно трудное положение. Луначарский ссылаясь здесь на какой-то рассказ Асеева, который он прочел и который показался ему наиболее характерным, я позволяю себе сослаться для психологической характеристики этих людей на другой рассказ, который произвел на меня тоже очень сильное впечатление. Рассказ глубоко талантливый и художественный вашего же товарища коммуниста Аросеева. Он говорит о страде, которую коммунистическая партия наложила на своих членов. Надрываясь из-за всех сил не те 400 тысяч коммунистов, которые рассеяны по России, а лучшее из лучших, святые по своей внутренней сущности, герои этого рассказа вкладывают в свою теперешнюю работу то, что они понимают под строительством новой России, все свои силы, сок своих нервов, каждую клетку своей крови, все, что могут, но у них ничего не выходит, и сжавши руки, они говорят, что нужно что-то сделать с собой, потому что о том, что задача неверна, что задания часового механизма неправильны, такой еретической мысли нет у них. Но мысль их работала лихорадочно в этом направлении и они вертятся, говоря, что надо с собой что[-]то сделать, надо, как они говорят, переломиться, вытравить старое, и вложить что-то новое, что может справиться и они ищут пути, каждый по своему. Одни, как Деревцев, перебрав все пути работы, и видя, что страна не откликается, что деревня темна и чужда, что рабочие проклинаят, стоят перед неразрешимой задачей и говорят: “Да, дело святое, но то, что мы практически делаем[,] это не то” и начинают искать выхода, испуганные предстоящим “завтра”, думая – “а что будет завтра – завтра неизвестно”.

ное”[,] эта неизвестность есть то, что говорил Бухарин: «а может быть, Ключников победит, что же тогда». Тогда все зря, все силы, которые потрачены, вся внутренняя мораль, которая ухлопана на это дело, все это зря, это сделано в пустую. В своем последнем слове я заявляю, что до тех пор пока вы будете заниматься не только политическим экспериментаторством, но и моральным экспериментаторством, до тех пор никакого права на название партии не только социалистической, но честной партии у вас не будет» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 168–173).

⁸⁹ М.А. Лихач в своем последнем слове акцентировал внимание на особенностях процесса, выделявшегося из множества других политических процессов того времени не только в России, но и в мировой практике. Ниже приводится часть его выступления в записи по стенограмме: «Ну[,] граждане[,] настоящий процесс выдается из ряда других политических процессов и по другим причинам. Как никак судят социалистическую революционную партию, побежденную в гражданской войне[,] но судит не буржуазное правительство, победившее в войне, а судит партия, называющая себя также социалистической и также революционной.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я уже разъяснял, что судит Верховный Трибунал В.Ц.И.К.

ЛИХАЧ: Но как будто гражданин Бухарин говорил, что пролетариат правит через партию, я не буду на этом настаивать. Судит правительство, буду говорить так, которое называет себя социалистическим и революционным. Гражданин Луначарский, гражданин Крыленко и гражданин Бухарин проводили здесь параллель между нашим процессом и процессом жирондистов. Гражданин Луначарский выражал даже сожаление о том, что та хирургическая операция, которая была во время французской революции произведена над жирондистами, к сожалению своевременно не произведена над нами. Таким любителям исторических аналогий я отвечаю указанием на период во время французской революции, когда судили граждан не только жирондистов, но судили Дантона и дантистов, и та самая хирургическая операция, которая была произведена над партией жирондистов, была произведена и над дантистами. При этом не забывайте еще одного, что Дантону и его товарищам также было предъявлено обвинение в получении иностранных денег, и даже больше того[,] было предъявлено обвинение в желании восстановить монархический строй во Франции в 1794 году. Конечно мы также мало похожи на Дантона, как мало похожи на жирондистов. Слишком разница^а историческая обстановка Франции того времени и той о[б]становкой исторической, которая имела место в 1918 году и даже в 1922 году. Но все-таки любителям исторических аналогий того факта, что к Дантону предъявили совершенно аналогичное обвинение, которое нам предъявляется здесь[,] не следует забывать. Так вот социалистическую эволюционную^б партию[,] пораженную в гражданской войне, судит сейчас правительство, называющее себя социалистическим и революционным, но судят не в острый период гражданской войны, а судят через несколько лет после окончания гражданской войны, судит – предъявляя обвинение, воздвигая в качестве обвинения действия, совершенные главным образом в момент этой гражданской войны, судит за действия, большинство из которых подходят по[д] эту амнистию, которая была вами самими издана. Граждане, вы понимаете, что я говорю об этом, указываю на это не для того, что бы смягчить, не для того, чтобы думать смягчить хоть сколько[-]нибудь нашу участь: вы знаете, что с этих скамей ни разу подобной речи не раздавалось, и[,] я уверен в этом[,] и не раздастся. Этим я только указываю на характеристику той политики лицемерия, которой руководились создатели настоящего процесса. Больше того – на этих скамьях сидят двое подсудимых, неприкосновенность которых была оговорена специальным договором[,] заключенным в 1920 году председателем Сибревкома Смирновым от имени всего социалистического правительства в момент передачи власти всего политического центра в Иркутск. Как ни подходить к вопросу, их можно только судить за те действия, которые произошли после этого договора, и тем не менее эти два лица (я не называю их фамилии[,] вы их прекрасно знаете)[,] эти два лица сидят на этих скамьях и их ждет все то, что и нашу группу. Это ли не политика лицемерия. Больше того – здесь сидят те лица, которым гражданин Крыленко также требовал разстрела, и

^а Так в документе, следует различия.

^б Так в документе, следует революционную.

которые попали сюда только потому, что они отказались дать позорящую их честное имя подписку. Но есть и еще нечто, что резко выделяет настоящий процесс, процесс Центрального Комитета партии социал-революционеров из ряда других политических процессов, – это самая система построения данного процесса. Граждане, вы все знаете из истории, и далекой и близкой, что ни один политический процесс никогда не обходился без председательства^В, в настоящем процессе этот элемент председательства возведен как бы в квадрат. Мы имеем в данном процессе ни одну скамью подсудимых[,] на которых сидят обвиняемые, которых обвиняют в определенных преступлениях. Мы имеем здесь две скамьи подсудимых: одна так называемая 1-я скамья, где сидит Центральный Комитет партии эсеров и все члены, оставшиеся верными партии социал-революционеров, – и другая скамья подсудимых, главное ядро которых составляют бывшие члены партии социал-революционеров, перешедшие в коммунистическую партию, принятые в эту коммунистическую партию и по дерективам^Г этой коммунистической партии действующие и обвиняющие в настоящем процессе. И вот почему, когда гражданин Членов говорил здесь о какой-то третьей стороне, яко бы представленной в настоящем процессе, то это, также как и многое другое, является сплошным лицемерием. В настоящем процессе представлены две стороны – партия социал-революционеров и политическая партия, ее обвиняющая в определенных преступлениях. Постольку поскольку интересы Крыленко, как государственного обвинителя, и Кона и Бухарина и всех защитников этой группы, и массы, большинства этих обвиняемых бывших членов партии социал-революционеров и настоящих членов коммунистической партии (я говорю конечно об основном ядре этой скамьи подсудимых)[,] поскольку интересы этих трех групп, государственного обвинителя, защиты и обвиняемых этой стороны совершенно объединены, постольку не может быть и речи о том, чтобы так называемых обвиняемых 2-й группы в чем[-]нибудь обвинили. Вы обвиняете нас, и во всяком случае не обвиняете ни Усова, ни Семенова никакого либо^Д другого. Но любопытно следующее, что по этому вы самому принципу, собственно говоря, построена и вся свидетельская часть процесса. Если вы посмотрите продефилировавших перед судом Верховного Трибунала, свидетелей обвинения, которых было, приблизительно, в круглых цифрах 40 человек, и на нашу долю пришлось всего восемь[-]девять человек свидетелей, если вы посмотрите внимательно список этих свидетелей, то вы увидите, что большинство этих свидетелей являются членами коммунистической партии. Ни одного нейтрального человека, который не был бы ни членом коммунистической партии, ни членом партии социал-революционеров, к суду допущено не было. Когда мы вызывали Васильева, члена социал-демократической партии, когда мы вызывали левого эсера Комкова, то нам в этом было отказано по той простой причине, что они никакого отношения к настоящему делу не имеют. Если вы посмотрите большинство тех коммунистов, которые составляли свидетелей обвинения, то вы увидите такую же картину. Большинство коммунистических свидетелей состояло из выходцев партии социал-революционеров, то есть это тот же самый элемент председательства, который в построении скамей подсудимых был введен. И как раз самые серьезные^Е свидетели Ракитин, Кудря, Краковецкий, Алексеев, Алексеева, и другие – все это бывшие члены партии социал-революционеров, которые в настоящий момент приняты в коммунистическую партию и которые выступили совместно с обвинением, совместно с этой защитой, совместно с этой скамьей обвиняемых в качестве главных обвинителей партии социал-революционеров. Вот в свете всех этих фактов двух каких[-]либо различных мнений об истинной физиономии настоящего процесса, конечно, не может быть. Процесс этот есть акт партийной борьбы и мы были совершенно правы, правы поскольку факты нас оправдали, за все время ведения этого процесса, когда мы с самого начала процесса громко и ясно это заявили. Но если ясна система по-

^В Здесь и далее так в документе, следует, видимо, предательства.

^Г Так в документе.

^Д Так в документе, следует ни кого-либо.

^Е Так в документе.

строения процесса и ни в ком каких[-]либо двух мнений возбудить не может, то для меня, откровенно говоря, оставалось очень долгое время не ясно цель, которую преследовали авторы этого процесса. Зачем после ликвидации гражданской войны вы[,] победители, садите на скамью подсудимых побежденных, садите не в острый период гражданской войны, когда бы это, может быть, было понятно просто и естественно, а садите через несколько лет после ликвидации этой гражданской войны и через много лет после того, как партия вышла из гражданской войны. Самый естественный ответ на этот вопрос, конечно, один: из мести. Ну граждане, и государственный обвинитель гражданин Луначарский, который так[-] таки не сумел выговорить здесь этого сакраментального^ж слова “разстрел” и государственный обвинитель гражданин Крыленко, который произносил это слово, – они оба в один голос утверждают, что советская власть, как будто бы соображений мести не имела, когда она ставила настоящий процесс и указывала, что советской власти, будто бы чужд этот буржуазный предрасудок мести. И в тот момент, когда гражданин Крыленко требовал для всех, за исключением трех[,] всеобщего прямого и тайного разстрела, он мотивировал это не соображением мести, а безопасностью пролетарской власти и пролетарского государства, которому будто бы угрожает существование нас, определенных конкретных лиц. На ряду с этой аргументацией и гражданин Крыленко – официальный обвинитель и гражданин Луначарский – официальный обвинитель и гражданин Бухарин тоже неофициальный обвинитель, – все в один голос утверждали, что вот мы[,] партия социал-революционеров, как определенная реальная величина среди борющихся сил в России в настоящее время не существуем. Партия социал-революционеров разгромлена, разбита, она представляет из себя решительно ничто, а гражданин Бухарин так и сказал: “граждане, за вами решительно ничего нет, кроме ваших жен и детей”. Но, как хотите, тут есть какой[-]то провал в аргументации: требовать всеобщего равного и тайного разстрела для лиц[,] у которых решительно ничего за собой нет, кроме жен и детей, – тут есть какой[-]то порочный круг, тут есть что[-]то недоговоренное и, конечно, цель нашего процесса была гораздо дальше простой мести и простого расчета со своими политическими противниками, может быть, в настоящий момент и бессильными. Не нужно скрывать, граждане, того, что ваше положение в настоящий момент, положение власти чрезвычайно тяжелое, но тяжелое не потому, что бы ей угрожал кто[-] либо из-вне^з, какая[-]либо иностранная интервенция или какие[-]либо внутренние враги. В этом отношении гражданин Луначарский, который заявил здесь, что мы находимся в настоящий момент в апогее нашей силы, он был совершенно прав. Но ведь для всякой власти, в особенности для власти, взявшей осуществлять что[-]то небывалое в истории, для чего исторический момент еще не настал, бывает не столько опасна внешняя сила, которая может раздавить эту власть, сколько внутреннее банкротство этой самой власти. И вот, граждане, я утверждаю, что вы находитесь накануне внутреннего банкротства. Позвольте в нескольких словах, дабы не затруднять и не увеличивать своего последнего слова, в самых общих чертах доказать это. Вернемся пять лет тому назад к моменту октябрьского переворота[,] к тем лозунгам, которые вами тогда выставлялись. Вы выставили[,] прежде всего[,] лозунг всеобщий демократический мир, как вы утверждали, взяли власть в свои руки. Вы утверждали в тот момент, что вот, мол, существовало коалиционное^и правительство социал-революционеров, кадетов и меньшевиков, оно не смогло осуществить всеобщий демократический мир, а вот мы, настоящая революционная социалистическая партия, мы сумеем осуществить этот лозунг.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Прекратите[,] пожалуйста[,] ваши выпады против Советской Власти.

ЛИХАЧ: Я не против Советской Власти, я только разбираю смысл настоящего процесса – это мое право.

---

^ж Исправлено взамен напечатанного саркаментального.

^з Так в документе.

^и Так в документе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Насчет процесса я вам не мешал говорить, но когда вы перешли к вашим утверждениям относительно характера Советской Власти, я вас останавливаю.

ЛИХАЧ: Я никаких утверждений относительно Советской власти не делал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы переходите к этому.

ЛИХАЧ: Вы запрещаете мне в моем последнем слове сказать относительно того, отчего этот процесс поставлен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я сказал совершенно ясно, что критика Советской Власти не входит в тему настоящего Вашего слова.

ЛИХАЧ: Я не критикую, я только указываю, что Советская власть обещала и что она не могла выполнить. Разрешите продолжать. Так вот, в октябрьские дни, был выставлен прежде всего лозунг демократический мир.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вам сказал, чтобы вы не касались политики Советской Власти.

ЛИХАЧ: Если мне нельзя об этом говорить, я перейду к следующему вопросу. В те же октябрьские дни власть была взята для осуществления, как тогда говорилось, немедленного социалистического переворота в России. Во имя этого немедленного социалистического переворота была произведена всеобщая национализация банков, торговли, промышленности, крупной, мелкой и средних предприятий. Национализация была проведена так далеко, что даже в конце этой национализации, в конце 1919 года и начале 20 года, было приступлено к национализации кустарей, – одиночек, работающих в качестве самостоятельных промышленных производителей. Что получилось в результате всех этих мер. Полный паралич промышленности и распыление всего рабочего класса в России. Теперь задним числом представители коммунистической партии здесь на суде, в частности гражданин Луначарский, утверждали, что все это были меры так сказать стратегического характера [–] “мы разорили буржуазию”, заявил здесь Луначарский, зная что мы разоряем и промышленность, но нам нужно во чтобы то ни стало обезкровить буржуазию и мы не остановились перед тем, чтобы разорить промышленность. Эту широкую тенденцию национализаторским^к захватом Луначарский объяснил условиями военного времени, военной необходимостью. Это делалось всего только вчера в реплике, имевшей место утром. Я думаю, что в этой формулировке, формулировке теории военного коммунизма, этот ответ является совершенно неправильным самооправданием, произведенным задним числом и лучшим примером, чтобы не захватывать очень широко, не приводить очень много примеров, характеризующих как раз финансовую систему советского хозяйства. Когда граждане, вы...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы ведете разговор[,] совершенно не относящийся к делу.

ЛИХАЧ: Так ведь гражданин Луначарский, обвиняя нас, выставлял здесь эти утверждения. Позвольте нам, оправдываясь, опровергнуть эти утверждения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопрос о политике Советской Власти вовсе не является спорным вопросом для Верховного Трибунала и не подлежит обсуждению.

ЛИХАЧ: Почему же тогда обвинению было разрешено оперировать с этими фактами, а нам в последнем слове...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас у вас последнее слово, а не защитительная речь. В защитительной речи я не мешал вам говорить об этом.

ЛИХАЧ: Гражданин председатель, я нахожусь в громадном затруднении: вы мне не даете возможности опровергнуть то, что ставилось здесь в обвинении.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То что касается вас лично, то что касается партии социал-революционеров, Центрального Комитета, политики Центрального комитета – в этой плоскости я вам мешать не буду. То, что касается процесса непосредственных доказательств вашей виновности или невиновности – сделайте одолжение. Предел я ставлю совершенно определенный: критика действий Советской власти, и критика действий коммунистической партии не подлежат суду Верховного Трибунала.

ЛИХАЧ: Я спорить не буду. Я только считаю, что недавно в советской прессе было одно очень интересное заявление. Это указание на то, что вот, в противоположность Советской Республике на суде ирландских националистов, которые судились за убийство английского генерала[,] обвиняемым не было дано права в

^к Так в документе, следует национализаторских.

своим последним словом говорить все то, что они говорят. Я констатирую, что мне в этом последнем слове на советском суде тоже не было дано того права защищать себя так[,] как я хочу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Знаете, обвиняемый, извините, больше свободы говорить чем была предоставлена вам[,] трудно даже себе вообразить. Я предоставил в защитительных речах, в противоречии со всеми законами, которые существуют[,] право критиковать свободно и открыто существующую власть[,] то есть то, что никаким судом не могло быть допущено. Трибунал хотел знать индивидуальную позицию каждого из вас, чтобы вынести определенное суждение. Но сейчас речь идет о других темах совершенно. Вот почему я вас останавливаю, а не потому, что мы боимся вашей критики.

ЛИХАЧ: Вы не даете мне возможности выяснить мою собственную позицию. Свободу той критики, свободу того слова, о котором вы говорите я и усматриваю в этом факте, что вы запретили говорить, то, что я хотел. Я перехожу тогда к концу своей речи. Какой бы отдельный конкретный факт из деятельности Советской Власти и коммунистической партии не взять, в настоящий момент по сравнению с теми обещаниями, с теми векселями, которые были выданы в октябре 17 года[,] вы решительно во всех областях и области международной политики, и в области экономической политики, и в области земельных отношений, вы всюду увидите, что советская власть в настоящий момент бьет отбой, идет на тормозах^л назад. И вот[,] конечно[,] этот факт никак нельзя рассматривать иначе как внутреннее банкротство советской власти[,] внутреннее банкротство по крайней мере тех лозунгов[,] которые были выставлены в октябре 17 года. Вы пробовали осуществить неосуществимое. Вы пробовали в октябре 17 года и на протяжении целого ряда[а] лет осуществлять политику введения в России немедленно социализма. Что из этого получилось. Получился прежде всего отход на новые позиции, на позицию так называемого НЭП-а. НЭП[,] как заявил здесь гражданин Бухарин[,] это свобода торговли. Это неверно. НЭП не только свобода торговли. НЭП – возможность организации частно-капиталистических предприятий мелкого, среднего и крупного размера, НЭП – есть возможность получения частными предприятиями в аренду крупных промышленных предприятий. НЭП – есть возможность получения^м иностранными капиталистами концессий[,] и как бы не подходить к вопросу о НЭП-е[,] совершенно ясно, что это[т] вопрос является вопросом восстановления в настоящий момент в той стране, которая взяла на себя задачу осуществить непосредственно социалистический строй[,] частно-капиталистических отношений. И вот когда совершенно ясно, что вы на той позиции, на которой до сих пор оставались, остановиться и удержаться дальше не сумеете, вы ставите настоящий процесс партии социал-революционеров, для того, чтобы иметь возможность ваши собственные ошибки, ваши собственные отступления перевалить на плечи^н других. Вот почему как в старое царское время за все отвечали евреи, так в новое советское время за все должна отвечать партия социал-революционеров, за все ошибки власти, за все то, что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще одно подобное заявление и я вас лишу слова.

ЛИХАЧ: Гражданин председатель[,] вы можете каждый момент лишиться меня слова.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не виноват.

ЛИХАЧ: За все то, от чего в настоящий момент вам хочется отступить, за все это должна на настоящем процессе ответить партия социал-революционеров. И вот почему для меня представляет особенную ценность заявление гражданина Покровского. Он требовал от Трибунала, тоже не высказывая и не смея высказать всего того, что сказал гражданин Крыленко, он требовал только одного, чтобы Трибунал сказал, что партии социал-революционеров как социалистической партии на свете не существует, а существует определенная группа буржуазных контр-революционеров и заговорщиков. Ужасно вам хочется партию социал-революционеров представить и перед русскими трудящимися массами и перед массами западно-европейского пролетариата именно как группу буржуазных за-

^л Так в документе, следует тормозах.

^м Исправлено взамен напечатанного получение.

^н Исправлено взамен напечатанного плеча.

говорщиков. Но, граждане, эта карта бита с самого начала, еще до момента постановки настоящего процесса. Как вы бы не хотели и чтобы вы не говорили, но тот факт, что на этих скамьях сидит один смертный приговор, восемь-десять[ь] лет каторги, пятьдесят слишком лет ссылки, пятьдесят слишком лет тюрьмы в царское время, сорок слишком лет в Советской Республике и это граждане, приходится почти десять лет на каждую из единиц, сидящих на этих скамьях подсудимых, известных под именем скамьи подсудимых 1-й группы. Этого факта вы никогда вычеркнуть не сможете. Нельзя утверждать, хотя бы это был “прошлогодний снег”, о котором говорила Клара Цеткин, нельзя уверить западно-европейский пролетариат, что 240 лет каторги сидящих на этих скамьях подсудимых есть ничто иное, как простые буржуазные заговорщики и простые буржуазные контр-революционеры. По[-]видимому, чувствуя слабость этой аргументации, гражданин Бухарин выставил другое положение, несколько смягчающее⁹⁰ первое положение. Здесь судятся, говорил, он, соглашательская партия, представительница тех соглашательских партий, которые имеют своих представителей во 2-м, 2 1/2 и Амстердамском интернационалах. То есть судится социалистическая партия, которую вам угодно называть соглашательской партией, социалистическая партия, резко с вами расходящаяся в методе понимания социализма и социализма диктаторского. Вот такую постановку, граждане, мы признаем и приветствуем. Вам угодно расстрелять социалистов для того, чтобы на этих социалистов демократического толка возложить всю ответственность за ваши неудачи, за ваше внутреннее банкротство, за банкротство всей той политики[,] которую вы ведете. Ну что же, против этого мы возражать не будем. Вам угодно нас расстрелять, пожалуйста, но мы были социалисты, есть социалисты и будем социалистами. Разбить ту правду о нас, которая сейчас есть в западно-европейском пролетариате, утвердить в том, что мы буржуазные заговорщики вам никогда не удастся. Мы жили социалистами и умрем социалистами» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 174–186).

⁹⁰ М.И. Львов, выступая с заключительным словом, построил речь таким образом, чтобы продемонстрировать методы чекистской деятельности и показать, насколько откровенными и циничными были эти приемы в отношении обвиняемых накануне и в ходе самого процесса. В частности, он отмечал: «[...] Да, три года тому назад, я был арестован с партийной литературой. С обращением Центрального Комитета партии социал-революционеров к Совнаркому о передаче наших партийных споров на разрешение свободно избранных советов. Вот за эту литературу три года тюрьмы, три года изоляции. Такое положение – положение[,] при котором все отличное от коммунистов, все не по[-]коммунистически, должны строжайшим^a образом изолироваться от подвластного большевикам мира, такое положение в социалистическом государстве я считал не только нормальным и необходимым средством и способом поддержать и сохранить свою власть. Не даром первый орган Всероссийская Чрезвычайная Комиссия, из всех советских органов и экономических и финансово-хозяйственных и других получил первый орден в знак награды. И не даром вы через 5 лет вашего господства (я должен здесь извиниться перед теми[,] у кого нежный слух) назвали этот орган Пупом. Да это центр, который поддерживает и охраня[е]т власть коммунистов. И не даром Центральный Комитет Российской коммунистической партии берет под свою высокую защиту этот орган. Не даром вы здесь слышали не только защитительные, но и идеологические речи. Не даром здесь гражданин Крыленко, когда он говорил об обыске у нас в тюрьме на Кисельном, о том как чекисты во время судебного следствия брали наши судебные документы, читали и изучали их, не даром гражданин Крыленко сказал: “если бы они этого не делали, мы бы их привлекли к ответственности”. Это нетолько^b апология, но и идеология. Дальше всем известно, каждому, кто сидел в советской тюрьме, известно, что выход из нее дорого покупается тайным или явным сотрудничеством в Всероссийской Чрезвычайной Комис-

⁹⁰ Исправлено взамен напечатанного смягчающий.

^a Исправлено взамен напечатанного строжайшем.

^b Так в документе.

сии. Но мы знаем куда ведет этот путь, на^В какие скамьи он приводит. И тем не менее мы видели здесь[,] кто и какими способами защищает этот путь. Это опять[-]таки не только апологетика, но и идеология. Дальше, во время судебного следствия нам было отказано в защитнике Либере. На каком основании. На том основании[,] что он однажды дал подписку раз навсегда отказаться от всякой политической деятельности в пределах Р.С.Ф.С.Р. Я не знаю[,] давал ли он эту подписку, но когда трибунал формулировал отказ, он говорил об этом. Очевидно[,] такая подписка ему предъявлялась. Хорошо. Может быть он и дал подпись. Таким образом, гражданин Крыленко вы можете спокойно работать. Чекисты вас не выдадут. Но и они могут делать любые беззакония и вы за них заступитесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я вас лишаю слова» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 186–188).

⁹¹ В.В. Агапов в своем выступлении продолжил тему, начатую предыдущими подсудимыми, – о попытках ГПУ и следователей Верхтриба произвести раскол среди обвиняемых: «Теперь два слова относительно приговора. Товарищ Лихач уже указал здесь на лицемерие гражданина Крыленко, которое выразилось в том, что некоторым из нас предлагали накануне суда дать подписку с тем основанием, что мы будем освобождены от наказания. К сожалению, я был в числе тех, которым предлагали дать такую подписку. И я очень рад, что после судебного процесса, после того, как даже свидетель Давыдов, который являлся единственной уликой против меня, даже умалил то, в чем меня обвиняли, отказавшись от части показаний, что и после этого гражданин Крыленко потребовал для меня расстрела. Я очень доволен, что ту борозду, которую провели здесь предлагая нам дать подписку, теперь сгладили и что мы сравнены со всеми товарищами в той участи, которую вы нам подготавливаете. Я очень рад, что эта ошибка вами исправлена. Это была большая смелость, граничащая с чем, я не стану говорить, чтобы нам, испытанным революционерам, предлагать дать подписку и носить на себе Каинову печать и жить с нею в коммунистическом раю. Нет, мы разделим общую участь со всеми нашими товарищами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В виду определенного характера предшествовавших четырех речей последних слов обвиняемых, Трибунал высказывает свое пожелание, что Трибунал желал бы слышать в последних словах, каково именно было бы поведение соответствующих обвиняемых в том случае, если бы они были освобождены из под стражи, если бы они получили полную свободу действий в пределах^А Советской России. Для суждения о мере наказания, Трибуналу желательно знать от соответствующих обвиняемых, будут ли они продолжать и в какой форме борьбу против Советской Власти и против рабочих и крестьян, интересы которых обязан охранять Верховный Революционный Трибунал» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 188–189).

⁹² Стенографическая запись заключительного выступления на суде Д.Д. Донского (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 189–190) имела незначительные расхождения с текстом, опубликованным в «Революционной России» (см. док. № П-83).

⁹³ Значительная часть последнего выступления в суде В.Л. Утгофа-Дерюжинского была посвящена объяснению мотивов того, почему он, сын жандармского генерала, стал социалистом и революционером. Далее в своей речи он отметил: «Вы ставите мне в вину другое. Почему, когда вы, называющие себя авангардом революции, вышли на дорогу к социализму, почему в этот момент я не с вами. Граждане! Потому, что мне прежде всего факты, потому что факты больше всего на меня давят, чтобы мне ни говорили, какие бы программы[,] какие бы хорошие слова я не слышал с какой бы то ни было стороны, факты на меня действуют больше, чем какие бы то ни было слова. Я искал равенства, я искал его на путях социализма. Поэтому я и стал социалистом. И вот, когда здесь в Москве, я сталкивался с этим социализмом, который мы имеем сейчас, что я видел – рестораны, наполненные богатой публикой, в которой кучи спекулянтов и старшие чиновники государства. Граждане, если это социализм, то я такого социализма не искал и если я стремился бороться со всем международным интернационалом, то

^В Подчеркнуто от руки в документе.

^А Подчеркнуто в тексте стенограммы.

не с тем, который заседает в Гааге. Такие факты меня не привлекают. Я ушел из флота, ушел с военной службы, потому что я не мог видеть того, что там творилось, того угнетения, того бесправия[,] той жестокости, которые нераздельно там творилось^а[,] и насколько хватало моих сил, в революции я боролся за изменение этого порядка именно в армии. В свое время я был автором, как член Петроградского Совета, той декларации прав солдата, которую Зиновьев назвал декларацией солдатского бесправия и против которой манифестировали^б солдаты под вашими знаменами. На этих знаменах было написано: “Долой убийцу Керенского, долой декларацию бесправия солдат”. Но, граждане, в той несправедливой царской армии, может быть раз в год, иногда реже, бывали случаи расстрела солдата за то, что он ударил начальника (я говорю о дореволюционном времени) или за какие-нибудь другие тягчайшие, по воинским понятиям акты, но когда я узнал, что кронштадтских курсантов...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Предлагаю о Красной Армии не говорить.

УТГОФ: Но то, что я хотел сказать является для меня достаточно красноречивым фактом, что новых фактов в этой области я не вижу. А личная свобода, а право говорить? Кто из нас не находится ныне во власти ЧК. Итак, граждане, вот что заставило меня пойти на борьбу – могучая потребность правды, справедливости, свободы и равенства, но она сейчас также далека от меня, как она была далека и в те далекие годы. Но, может быть, бывают у всякого минуты колебания, они бывают и у меня. Когда я вижу на ваших знаменах те лозунги, за которые мы боролись долгие годы, у меня бывала мысль: может быть, мы ошибаемся, может быть здесь лежит путь к лучшему будущему, может быть, те более 150 лет борьбы за свободы, которые я лично считаю прошли от Радищева до наших дней, может быть, они не даром прошли, может быть действительно добились этой свободы. Граждане! У каждого из нас есть отдельные моменты в жизни, которые врезались неизгладимо в памяти. Граждане! Если в этой обстановке, если, как вы говорите, темный народ, темная масса иначе не может идти к социализму, как под бичем, как под железной палкой, то я скажу: так мы вести народ не умеем, так мы его вести не можем. Но я думаю, что если бы даже это было необходимо сейчас, если бы это был тот путь, который культурные условия данного момента предписывают вам с объективной необходимостью, то на нас лежит иная, более высокая и более благородная задача: быть предвестниками иного пути, не теперешнего пути, пусть не теперь ему время, но того пути, который будет путем свободного движения народа по пути к социализму.

Да, граждане, к этому пути мы стремимся и мы стремимся к тому, чтобы путь к социализму не походил на этапы рабов, закованных в цепи, гремящих ими и под кнутом погонщика, идущих к неведомой стране. Мы хотим иного, мы хотим, чтобы энтузиастическая масса народа свободно шла по дороге к царству социализма. И мы знаем, что эти ваши рабы перервут окружающие их цепи штыков, сбросят сковывающие их кандалы и придут под наши знамена – знамена свободы и социализма» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 193–195).

⁹⁴ А.В. Либеров в своем последнем слове достаточно подробно остановился на судьбах кооперативного движения в послереволюционный период: «Я старый кооператор и на юге работал в первых союзах кооперации, возникших впервые, в Мелитопольской кооперации и в Бердянском союзе и вполне естественно, приехав в Москву, я занялся кооперативной работой. Здесь в Москве, мною был сделан доклад и сообщения о том, как мы работали, какую политику мы вели в Крыму. Мы считали тогда, что наша политика согласовалась с директивами центрального комитета и когда был сделан доклад, центральный комитет нашу линию всецело одобрил. Московский период в области кооперативной нам сразу показал или мне лично показал, что и тут неблагоприятно. Начиная с декрета 12 апреля 1918 г. русская кооперация, русская хозяйственная общественность пошла на многострадальную Голгофу, на заклание. Тут много говорили нам товарищи марксисты, но я не марксист, я старовер народник, я не буду клясться во имя Маркса, но я понимаю благо социализма там, где есть органический рост солидарности народных масс, а не механическое вломление государства в общественный аппарат. Вот по-

^а Так в документе.

^б Так в документе.

чему мои симпатии на стороне общественно-хозяйственного метода, хозяйственного без непосредственного вмешательства владычествующей руки государства. И когда началось воплощение государственной кооперации, мы, кооператоры-эсеры, боролись против этого. Мы выявляли наши позиции, мы отстаивали неприкосновенность народного хозяйственного классового аппарата, ибо мы считали, что без кооператива профсоюзы ничто, как и наоборот, ибо если профсоюзу удастся добиться заработной платы, то только при наличии кооперации это может иметь успех. И наоборот, это неразрывная цепь. И нам дорога была кооперация, как хозяйственная классовая основа народного хозяйства в России. И когда мы увидели, что эту цитадель, главную основу рабочего класса уничтожают, а ведь с уничтожением кооперации пропадают накопленные народом капиталы, тогда мы, конечно, вели борьбу не вооруженную, а как в Питере на демократическом собрании говорили, борьбу селедками. У нас были свои методы борьбы. Правда, гражданин Крыленко мне тоже требует смертную казнь. Ну, что же. Я умру спокойно, хотя меня Семенов назвал трусом. Вы посмотрите, как я буду умирать. Но дело сейчас не в этом. Чего достигли большевики этими результатами и как мы держали себя в этот период, мы эсеры. Началась гражданская война. Да, я не скрывал – шел к рабочим и призывал к борьбе против власти. Я в этот период стоял и сожалею, конечно, не из ненависти к большевикам, что мало работал. Я не скрываю, мы эту политику вели и я вел, но не как кооператор. В области кооперации я понимал, что у нас есть другие задачи – хозяйственные, а не классовые и когда кооперативные организации уничтожались, были поглощены государством, мы оставались, мы работали и мы не меньше любого большевика, а даже больше, болели всеми теми болями за те несчастья, которые постигли русский народ. Мы ставили хозяйственные задачи и пытались их разрешить. Мы шли туда не как саботажники, мы шли туда только не на ответственные командные посты. И вместе с тем, в то время, когда открылся Поволжский фронт, нам Бухарин предлагает счет: уплатите, мол, за вами большой должок накопился. Я скажу – нет, этот счет не по адресу. Ведь мы всегда говорили Советской Власти, что война – войной, мы понимаем, что хлеб Сибирский исчез, что мы отрезаны от хлеба, и я лично вел переговоры с Наркомпродом о снабжении из Сибири Советской России хлебом. Перед нами была эта задача, мы не стремились к экономической блокаде, по рабочему классу мы не били и не наша вина, кооператоров-эсеров, что гражданин Фрумкин Замнаркомпрода и Советская Власть не пошли дальше. Вы знаете больше: когда сюда прислали пароходы из Поволжья... (не слышно) вы перерезали у себя все пути, создали для себя хозяйственную экономическую блокаду с Востока. Не зная почему это, не думаю, чтобы здесь был злой умысел, но наблюдая за этим хозяйственным процессом, я, как практик-кооператор, не мог не быть эсером. Я не мог изменить старым заветам наших учителей – Лаврова и Михайловского, ибо я видел, что все идет наизнанку и куда только не приложило свою руку государство – это была мертвящая рука, разлагающая всякую жизнь. Я это видел, я этим болел. Вот почему я в этот период был эсером. Поскольку вы сами признали, что это была глупость – мы были правы. Что же изменилось к нам отношение? Ничего подобного. Мы продолжали работать в ваших учреждениях псевдо-кооперативных, пытаюсь спасти положение. Мы работали не ради пайков, вы сами это знаете. Жалование было очень невелико. Не это нас прельщало. Если гражданин Крыленко говорил о работе эсеров в кооперации, то что это значит? Это значит, что основная партийная толща с.р. идет в те области, которые наиболее важны для народной жизни. Мы эти функции выполняли, работали добросовестно, не за страх, а за совесть, за совесть социалистическую, революционную. Мы не уходили тогда, когда обстановка была такая, какая была до дня ареста. Если моего товарища вызывает член правления в кабинет, то он берет шапку в охапку и убегает задним ходом, ибо если пойти к члену правления, это значит попасть в ВЧК. И вот при таких условиях мы не уходили со своих постов и вели работу. Но вот либеральное мнение стало проходить в кооперацию. Кооперацию отделили от Наркомпрода, ну и что же? У вас вопрос становился о необходимости работы в пользу рабочего класса, а не крестьянства. Наша основная заповедь – народников: крестьянство и пролетариат – единый рабочий класс. Вы вклинивали клин только в пользу рабочего класса, превращая рабочий класс в паразитствующий класс, отчасти, конечно на теле трудового крестьянства. Когда я это наблюдал, конечно, я не мог заразиться симпатией к вашей партии, к вашему социализму, я остался эсером. Поскольку

вы теперь перешли к максимально либеральной политике, вы в прошлом году раскрепостили кооперацию, но не всецело, конечно. В значительной степени в кооперации что же вы имеете. Я вам скажу. В рабочих центрах, как живет рабочий класс в области хозяйственной. Я возьму из ваших “Известий” маленькую справку. Как обстояло дело на выбора[x] в ЕПО в Иваново-Вознесенске. Кто участвовал. Сколько народу пришло. Как развивается народная самодеятельность. В квартале с население[m] в 352 человека на собрание пришло всего 65 человек, из этого числа 40 человек коммунисты. В другом фабричном районе пришло 27 человек, из них 18 коммунисты. “Известия” № от 21 февраля т/г. пишут: “Поистине мертвая точка”.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы читаете[,] обвиняемы[й]?

ЛИБЕРОВ: Я уже кончил. Так вот, мы уже пришли к чему. Я отправляюсь от “Известий” к “мертвой точке”. Так вот теперь[,] когда я смотрю на то, что вы делаете с рабочим классом, с его самодеятельностью, так вы хотите, чтобы я дал подписку? А то мне грозит расстрел. Нет, я подписки не дам. Я остаюсь эсером. Это мы правы, а вы не правы. Я убежден, что вы скоро станете на наши позиции, а пока вы не встанете, вы нас держите в тюрьме. Я в Москве с 18 года.... часть 20 года просидел в тюрьме. 21 весь просидел в тюрьме... и теперь сижу, за последнее время я в 12-ю тюрьму попал. Я объехал по всей России и на мне только не было еще кандалов. За что же? За то, что я селедочник-кооператор и кооперацию по своему понимаю и правильно понимаю и задачи и потребности рабочего класса в настоящем. Я не скрывался. Когда я пришел в Центросоюз, я пришел в Правление и заявил: я эсер, я областник, я против вашего централизма, как хотите или я буду работать или отрешите меня или отправьте в ВЧК. Мне сказали: “хорошо”[,] и я работал, пока не попал в ВЧК. Я не укрывался и вся жизнь моя в Москве была легальной. Но я не грешил, правильно вел работу и не потому, что вас очень любил, но я иначе совершенно понимал задачи. Крыленко говорил: если бы вы опять сделали во всероссийском масштабе, была бы хорошая пиллюля. Была бы, но какая[-] то другая. Мы с вами сговорились бы тогда. Я думаю, что мы теперь жили бы в состоянии демократии. Черная сволочь может быть на нас не лезла бы. Но я считаю, что если бы и мы и вы ушли в подполье, то эту черную сволочь мы скинули бы легче, чем скинули Колчака. И по всей вероятности иными путями пошла бы наша революция. Вот почему я жалею, что я мало тогда работал. Здесь все не так истолковывается, все с какой[-]то уголовной точки зрения, вы жаждете расстрела. Вы утверждаете, что Октябрь принес что[-]то новое, я утверждаю[,] что Октябрь ничего нового не принес. Жаль нет Луначарского. У меня сейчас как раз на памяти его первое обращение к трудящимся России, когда он стал Народным Комиссаром Просвещения от 29 октября 17 года. И что же Луначарский говорил: “Мы верим, что дружные усилия трудового народа и честной просвещенной интеллигенции выведут страну из мучительного кризиса и поведут ее через законченное народовластие к царству социализма и братству народов”. Так говорил не богоискатель Луначарский, так говорил Луначарский комиссар Народного Просвещения. Я вас спрашиваю, что же изменил демократии или заветам социализма – мы или Луначарский и компания. Я говорю – вы изменили, а не мы, потому что вы постав[и]ли ложные лозунги. А мы идем честным путем. Мы не поддавались демагогии потому что нам слово истины дороже всего. Мы верим, что к нам массы придут или вернее не к нам – а они пойдут теми путями, о которых говорим мы и на которые призывали. Пусть мне без конца сидеть по вашим тюрьмам, я остаюсь социалистом-революционером. Вы обвиняете меня как военного работника. Я военным работником не был. Но 68-ю статью мне приписали по справедливости, все правильно – и явка была у меня общепартийная, но там были и военные. Но я говорю, что я несу ответственность за всю деятельность партии в прошлом, а не только Центральный комитет. Если мне суждено продолжать мытариться в ваших тюрьмах и умереть – все это не поколеблет меня в моей социально-революционной вере» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 198–203).

⁹⁵ Последнее слово Е.М. Тимофеева, напечатанное в «Революционной России» (см. док. № П-88), имело незначительные текстуальные расхождения с официальной стенографической записью (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 204–205).

⁹⁶ Последнее слово Е.А. Ивановой-Ирановой в газетном изложении значительно отличалось от реально сказанного ею на процессе. Ниже приводим выдержки из официальной стенографической записи ее выступления: «Я начну свое

последнее слово словами о том, что было бы, если бы было то, чего не было. И этим, я думаю, лучше всего отвечу на последние слова председателя, что было бы, если бы случилось то, чего не случилось, то-есть что бы мы делали, если бы очутились на свободе. Я хочу сказать, что было бы, если бы партийный съезд постановил (только партийный съезд может это постановить), что необходимо начать террористическую борьбу против Советской власти. Если бы партийный съезд это постановил, то, конечно, центральный комитет организовал бы боевой отряд и этот боевой отряд работал бы так, как и работали наши боевые отряды в старое время, во времена Гершуни. И тогда бы не было того, что мы видели. Если бы здесь не было таких трагических фигур, как Фани Каплан, Сергеев и другие, я бы сказала, что то, что было, было глупым и грязным фарсом. И действительно, этого не было бы, а был бы другой отряд. И в этот отряд не тащили бы силой, не заставляли бы обманом и насилием оставаться людей, которые не желали этого делать. [...] Лицемерием были ваши слова попрека Гоцу за октябрь. И таким же лицемерием было обвинение Гендельману, что посылать на смерть легче, чем умирать самому. Ложь и лицемерие это было потому, что в октябре не последним, а первым был Гоц и вы знаете, что если Гендельман и был когда-нибудь последним, то только тогда, когда он, как член Центрального Комитета и министр Гендельман, был последним рядовым той народной армии, которая выходила из Самары, когда вы в нее входили. Это вы знаете, вы знаете, что наш центральный комитет, это не тот генералитет, который с высоты своего величия посылал нас подставлять свои лбы под пули, а сами оставались в стороне. И если бы такой отряд был, то конечно, в этом отряде была бы и я, потому что, та ненависть, ненависть к вам, которая много лет тому назад привела меня в партию эсеров, а потом в ряды террористов, она осталась и до настоящего дня. И в этом мой ответ гражданину председателю. Если бы я очутилась на свободе, то та же ненависть к вам и любовь к тому, что вы давите, определили бы линию моего поведения.

Теперь я хочу сказать несколько слов о тех бывших товарищах, которые сидят с той стороны, которых я знала мало, но все таки там есть двое, которых я когда то называла своими товарищами и которые мне были близки и дороги, потому что мы шли за одно дело. И мне больно, что они там, а не здесь с нами. Я говорю о Федорове и Зубкове и я говорю это потому, что я хочу с той страшной тяжести, которая у них останется на всю жизнь, снять хотя немного, снять то, что касается меня. Здесь говорилось и говорилось не раз, что их показания являются самыми тяжелыми для меня. Если об остальных мы можем говорить, что это чекисты, то об них никто никогда не осмелится сказать этого, и этого кома грязи мы в них бросить не можем и предателями их никогда не назовем. Я хочу им сказать в моем последнем слове, что они ничего не сделали для того, чтобы отправить меня на смерть. Что они сделали? Когда их привезли в ЧК, им дали показание Семенова и они под страхом смерти, это, конечно было малодушие с их стороны, они только подтвердили это показание, они ничего лишнего обо мне не сказали. Я это говорю для того, чтобы они знали, что умирая, я никогда не подумаю плохо об них, не они меня отправили на смерть и в этом нет их вины.

А теперь, граждане судьи, мое последнее слово к вам. Вы не раз слышали, что центральный комитет брал на себя ответственность за все партийные организации, слышали также и то, что мы рядовые отдельные члены партии брали на себя ответственность за центральный комитет и требовали, чтобы нас посадили на скамью подсудимых. Я присоединяюсь к этому. И я, рядовой член партии, беру на себя всю ответственность за все, что делал центральный комитет, потому что за время моей партийной работы я подчинялась директивам центрального комитета и его всемерно поддерживала. И еще второй раз отвечу на вопрос председателя. Если бы я очутилась теперь на свободе, я бы сделала тоже, что сделала раньше, я бы на V съезде голосовала также, как и на IV, также, как и раньше подчинялась бы его директивам. Этого не будет. И вы мне оставили одию счастье – умереть с теми, которых я считаю самыми близкими и дорогими для меня людьми» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 206–208).

⁹⁷ А.И. Альтовский в своем выступлении заострил внимание на громадном и принципиальном различии в подходах к народным массам у ПСР и РКП(б) после 1917 г.: «Массы были с нами, но это не означало, чтобы эти массы и мы вместе с ними были уже готовы и способны создать новую свободную трудовую государственность и сумели бы ее защитить. Это совсем иное дело. Эта задача необычай-

ной огромной трудности – привлечь трудовые массы, неучаствовавшие в общественной государственной жизни, привлечь к строению совершенно новой государственности, которая только в том случае может существовать, когда все народные массы в ней могут участвовать. Эту задачу нам не удалось осуществить. И когда вы говорили, что вы ее осуществили, вы забываете об огромной разнице: наша задача и ваша – это две разные задачи, наша государственность и ваша государственность – это две различные вещи. В этой разнице и ни в чем ином лежит ключ к объяснению, почему Самара пала. Эту разницу заметил и может быть невольно указал на нее обвинитель Луначарский, когда он говорит, что после свержения царского и помещичьего строя, новые наездники, новые всадники пытались усесться на народной спине. Это был Деникин, Колчак и другие реакционные правительства, и их вновь сбрасывали народные массы. И он добавил: крестьянство в некоторых местах сбрасывало и нас со своей спины. Вот здесь он и отметил то, что чрезвычайно важно. Вы тоже были всадниками на крестьянской спине. Гражданин Луначарский, которого чаще рисуют, как мотылька, порхающего, на этом процессе изобразил коммунистическую партию, в виде гарцующего на мужицкой спине всадника. Да, граждане, это иное дело: организовать порабощение[,] организовать насилие легче[,] чем организовать свободную новую государственность. Подъяремный вол сбросил с себя ярмо и не так легко вновь оседлать его и взнуздать, но огромной трудности задача превратить народ из подъяремного животного в народ свободных граждан в свободной самоуправляющейся стране. Эту огромной трудности задачу мы не выполнили, а вы выполнили не эту задачу, а задачу нового оседлания трудящихся. Та же задача, которая была нашей задачей, задача совсем иной трудности и не только нами, в этой революции она не была выполнена, она не была выполнена многими из наших предшественников во всех революциях, какие где бы то ни было и когда бы то ни было происходили, ибо с тех времен, как появились рабы и господа, угнетенные и угнетатели; с тех же самых времен поднято было знамя восстания против угнетения, знамя равенства, братства и свободы, но никогда это знамя еще не знало победы, оно не оказалось победителем и в нашей революции и в тот момент, когда те, что плохо служили ему, теперь оплевывают это наше знамя и другие, которые никогда не служили ему, пытаются вновь его втоптать в грязь, маленькая кучка людей еще остается у этого знамени и, может быть, слабыми, может быть, малочисленными руками, она вновь поднимает его и его никогда не удастся совершенно уничтожить и смять, оно вновь будет воскресать до тех пор, пока наконец, под этим знаменем не пойдут широкие трудовые массы, не одержат сознательной, планомерной победы. Вот в Самаре нам не удалось сделать это знамя победителем, оно было там растоптано вашими усилиями и усилиями Колчака и черной сотни, которая с ним была, но мы не отказались от этого знамени и никогда не откажемся, потому что мы не хотели одних форм гнета, одних форм порабощения заменить другими формами. Мы хотели, как хотела и вся народная масса во всех революциях, полного уничтожения всякого гнета и смены форм эксплуатации, смены форм порабощения. Это было именно результатом всех восстаний, всех бунтов, всех революций, которые до сих пор всегда кончались неудачей, и новые формы порабощения, которые вы теперь вводите, по существу ничем не отличаются от прежних форм и в истории развития уже под вашим господством этих новых форм порабощения мы пробегаем, как бы всю историю России в короткий период. Мы знаем, что в этой истории, было время, когда цари отдавали и целые округа на кормление восводе. Позже это было сменено налогом, позже – для поддержки царского и помещичьего самовластия была заведена наемная армия урядников и стражников. Нечто аналогичное пережили мы теперь. Был период, когда деревня была отдана на кормление комбедам и комячейкам, и теперь на основании резолюции XI вашего Съезда заходит речь о создании платных коммунистов в деревне. Это говорю не я, но говорит в сегодняшнем № “Правды” коммунист МИНЬКОВ. Заведут платную армию в деревне и только таким путем смогут сохранить свою власть на деревне. Я отвечаю еще на вопрос председателя о том, что я стал бы делать[,] если бы вдруг я сейчас оказался бы на свободе в России. Странное впечатление произвел этот вопрос. Он мне кажется чисто риторическим вопросом, ибо на самом деле и председатель и все мы знаем, что на свободе нам не бывать. Вы грозите нам расстрелом. Значит нас ожидает могила, а если нет, то ждет только живая могила – тюрьма. А если бы нет, если бы двери тюрьмы вдруг, вопреки всем вероятностям вдруг перед нами

раскрылись, то они раскрылись бы только для того, чтобы мы оказались во все-российской тюрьме, в этой огромной каторжной тюрьме, в которую вы посредством вашего Государственного Политического Управления обратили всю Россию. Свободы в России нет. И быть на свободе в России без свободы я не мог бы. А если иногда в мечтах и снах мне мерещится эта свобода России, мне она представляется так: я уехал бы в деревню, работал бы там вместе рука об руку с трудовым крестьянством над поднятием его хозяйственной и общественной жизни и только. Скромная и мирная задача, но она представляется мне в мечтах наилучшей участью. Увы, это только мечта, подобные мирные планы были мечтами и у Желябова» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 211–214).

⁹⁸ П.В. Злобин значительную часть своего выступления вынужден был посвящать тому, как и при каких обстоятельствах следователем Верхтриба Яковлевым была взята у него подпись на пресловутой подписке: «Крыленко вчера или раньше 2-го сказал, что мною была сделана надпись на тексте подписки о желании быть оправданным. Но не думайте, что я в тот день хотел в чем то повиниться и прощения просить. Присутствующий здесь Яковлев не дал мне возможности эту надпись заменить мотивированным заявлением. Он в то время убедил меня, чтобы регистрировать мой отказ сделать хоть какую[-]нибудь надпись. Надписью я хотел выразить только одно, что я в полной мере с точки зрения Советской власти, который держался директив Центрального Комитета давно подошел под ряд советских амнистий. Но на следующий же день, 19-го мая, я послал свое заявление и оно, по словам товарища, просматривавшего личные дела[,] есть. Там гораздо подробнее того, что так неясно выразил я на этом бланке подписки. Почему я не подписал. Да, ясно, стыдно мне кажется было обращаться с требованием вымогательства обязательства, которым вдобавок привыкли еще не верить. Теперь, сейчас я слышал запрос председателя: что бы вы стали делать на воле. Гражданин Председатель. Обидеть вас я не хочу, не желаю нисколько, но скажу совершенно академически, что это повторение запроса о той же самой подписке. Разве так ставят вопрос судьи. Что я делал – вы знаете. Если не по следственному производству суда, то, по крайней мере, по данным Государственного Политического Управления: Что я член партии социалистов-революционеров – это ясно. Обязательства на будущее не участвовать в партийной среде никогда не дам. А если я в течение ряда лет, как это знает Государственное Политическое Управление, в нелегальной работе участия не принимал, – то что же делать. Это уж мои счета с партией и пусть с меня Центральный Комитет спрашивает. Буду ли я, или нет принимать участие – об этом судите по прошлому. Теперь, относительно нескольких выпадов, параллельно путаницу, внесенных еще одной фразой гражданином Крыленко: “Есть, говорит он, такие люди, которые входят одновременно и в Наркомнац и в Наркомпрос, и в то же время обделывают свои делишки”. Гражданин Крыленко, при первом же опросе, я вам отчетливо сказал, что я явился сюда, как делегат белорусского трудового народа и все, с кем я сносился, знали, что я член областного комитета зарубежной организации партии социалистов-революционеров. И позже, когда я стал работать в московской организации, когда было движение крестьянских масс, мне приходилось ходить по советским учреждениям, заверять личности зарубежных беженцев, при невозможности перебраться через немецкий кордон с мандатом, и мне, заведомому социалисту революционеру и за мое обязательство советская власть уплатила много миллионов работникам фронта. Вчера гражданин Бухарин, опираясь на фразу гражданина Крыленко, я думаю, что и гражданин Крыленко мог спутать, так как и он может не удержать в памяти каждый штрих стенограммы, сказал, что одному обвиняемому Крыленко сказал: “Можно скрываться, призываться и под ширмы прятаться”. Нет, работая в условиях легальных, живя в течение ряда лет легально, хотя был несколько раз арестован, живя на одной квартире и под одной фамилией, работая в разных советских организациях, в Цектране, Наркомпросе, в сельской секции совета Центросоюза и в других, я на всех советских анкетах писал, что я член партии социалистов-революционеров. Ширм я не признаю. Я работал только с теми коммунистами, которых я знал, с которыми я работал раньше как, например, Розенгольц, который был у меня секретарем на фронте, или Канделари, я шел работать только с теми, кто доверял мне неограниченно, кто во мне не будет видеть спеца, а творца, сознательного творца народного счастья и народного дела, поскольку это можно делать, собираясь в те скважины, которые гражданин Бухарин так тщательно шпок-

люет^а от проникновения социалистов-революционеров. Но если бы там не было социалистов-революционеров, и сидели бы только коммунисты-комиссары того достоинства, которые были не у меня, правда, лично надо мной комиссаров не ставили, но которые были при мне, в водном транспорте, которых я ревизовал. И если бы эти комиссары были и если бы у них сидели спецы, то вечно комиссары были бы надуваемы и вечно было бы расхищение народного добра. Мешайте нам работать, а мы будем на эту работу итти и будем делать все, что сможем, но когда партия призовет нас в нелегальные ряды, мы будем слушаться нового состава Центрального Комитета, так же беспрекословно, как и старого и ни жалоб, ни вздохов, ни охов, ни клеветы вы от нас не услышите. Еще в первый день я сказал, что мне нужен суд Интернационала. Советская пресса это зубоскальски высмеяла, – скука и тоска о каком[-]то интернационале. О каком. О едином трудовом, классовом, которого нет, который должен быть, который должен противостать черному интернационалу, ныне существующему в мировой реакции мирового капитала. Вот какой интернационал мне нужен. Если бы комиссия трех интернационалов явилась судить нас, то мы бы сумели перед ней оправдаться и захотели бы оправдаться, ибо нет той группы, того человека, который, работая, не совершал бы ошибок и промахов. Но там нужно было бы оправдываться не нам одним, а и вам пришлось бы там оправдываться. А Клара Цеткин сюда явилась и предъявила мандат и сказал[а]: вы хотели перед пролетариатом отчитываться – я от пролетариата, не от всего, а от коммунистического. Я еще от угнетенных масс отсталых народностей от анахоретов^б, от индусов, от племени Центральной Африки. Клара Цеткин слишком старый, слишком испытанный вождь революции, чтобы она не чувствовала, какой сильной иронией над ней самой, какой ужасной натяжкой звучал этот второй ее мандат, к чему были ее слова о суде над нами коммунистического пролетариата. Да ведь мы уже знаем, что коммунист не может не осудить эсера, зачем же ей ссылаться на то, что есть пролетарии, которые нас осудят. Есть такие, которые нас и не осудят. Мы были несогласны, чтобы нас судили другие, значит нужно было найти комиссию, найти кого-нибудь Анатоля Франса, найти какую[-]нибудь пятерку честных достойных людей, которые бы в порядке третейского беспристрастного суда разобрали бы тяжбу, прекратили бы братоубийственное кровопролитие в рядах трудящихся России. Оно должно быть окончено, и чем скорее оно кончится, тем лучше. Если наша кровь, если моя кровь и наших товарищей будет нужна, то пусть она прольется. Если гражданину Крыленко и Трибуналу нужно будет, чтобы я пал искупительной жертвой за восстановление единого трудового интернационала, то я охотно буду этой жертвой, лишь бы скорее наступило восстановление единого интернационала трудящихся, а до той поры рабочие всегда будут остав[а]ться на оборонительной позиции[,] может быть иногда перейдут в атаку, но это будут короткие удары. Сокрушающего удара, производящего социальный переворот[,] не произведут рабочие массы, пока есть три, четыре и сколько хотите интернационалов. Один интернационал необходим. Мы, граждане коммунисты, должны сделать сейчас все, чтобы он был. Если бы наша партия стояла у кормила власти[,] е[с]ли бы мы победили, мы бы сумели подойти к вам и сговориться не на основах одностороннего договора. Берегитесь, вы побеждены, мы бы вам не кричали. На этом я кончаю» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 215–218).

⁹⁹ Ф.Ф. Федорович в своем последнем слове сделал акцент на то, что будучи членом ЦК ПСР нес полную ответственность за все действия последнего. Особое внимание он уделил полемике с Н.В. Крыленко в оценке действий организаций ПСР в Сибири в 1919–1920 гг.: «В 1919 году, когда я прибыл в Сибирь после моего побега из Омской тюрьмы, я вступил членом сибирского бюро Центрального Комитета и там, по директивам IX Со-вета партии и бюро Центрального Комитета совместно со всеми нашими партийными организациями вел острую борьбу, направленную против реакции. Наша партия во главе со всесибирским краевым комитетом и бюро Центрального Комитета, наша партия главным образом подготавливала эту борьбу и наша партия возглавляла то восстание против Колчака, которое окончилось его пленением. В этой борьбе мы тогда шли под своими знамена-

^а Так в документе.

^б Исправлено взамен напечатанного анахаретов.

ми и под своими лозунгами. Этим же лозунгам мы остались верным и открыто их провозглашали, когда в Сибирь пришли большевики. И вот теперь, здесь пытались доказать, что эта наша позиция, которая была установлена всесибирским краевым комитетом, совершенно резко расходилась с директивами Центрального Комитета. Главным образом та позиция, которую мы, сибирские организации, заняли по отношению к Советской власти, тоже, как говорил обвинитель Крыленко, резко расходилась с Центральным Комитетом. Чтобы покончить с этим, я должен заявить, что в Москве, когда я докладывал Центральному Комитету о нашей работе в Сибири, эта сибирская работа была признана вполне правильной. К несчастью я не мог достать, находясь в этих условиях, этого самого постановления. Затем первую половину 1920 года я провел в Сибири и здесь в моем присутствии, в присутствии бюро Центрального Комитета была установлена главным образом позиция эсеров по отношению к Советской власти. Она главным образом выявилась в двух документах: так называемой декларации по поводу объявления войны Польше и в циркулярном письме по поводу красноярской сибирской платформы. Я здесь хочу отметить одну только черточку: наша партия, которую здесь хотели все время представить, что у нас «каждый молодец на свой образец», я должен отметить, что наша декларация в Сибири, в то время, когда мы тысячами верст были отделены от Центрального Комитета, почти буквально, почти слово в слово повторяла ту декларацию, которая здесь была вынесена Центральным Комитетом. Здесь опять[-]таки обвинитель Крыленко с другой стороны теперь подводит наши сибирские работы. Он говорит, что мы здесь не проводили директив 9-го Совета, а занимались совершенно другой работой. Я говорю относительно этого пресловутого сибирского крестьянского союза – этого продукта шантажа и провокации. Я думаю, что после разъяснений, главным образом товарища Ракова, эти обвинения отпали, но все это мне нужно сказать для того, чтобы сказать, что во всей работе и я и бюро Центрального Комитета в Сибири никогда не отрывалось от общей директивной работы Центрального Комитета. Я говорю это для того, чтобы показать, что совершенно невозможно вырвать меня как члена Центрального Комитета от Центрального Комитета и отделить – меня от него, как от целого. Нельзя заявить, что: это – твое дело, ты за это отвечаешь, а это не твое дело. Нельзя этого делать, потому что все дело Центрального Комитета есть твое дело также, как и дело каждого члена Центрального Комитета. Кончая свое последнее слово, я должен еще заявить следующее: здесь на суде все время выявлялась и декларировалась позиция нашей партии и вот я, как член Центрального Комитета, который всецело разделяет все заявления, которые делали наши отдельные товарищи, уполномоченные всей моей группы, я считаю себя полностью до конца ответственным за те заявления, которые были сделаны на суде» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 219–221).

¹⁰⁰ Последнее слово Н.И. Артемьева, напечатанное в «Революционной России», по тексту, заготовленному заранее и переданному впоследствии за границу (см. док. № П-78), отличалось от текста официальной стенограммы своим объемом. В выступлении на процессе в силу разных причин он произнес лишь около половины заготовленного текста, фактически отказавшись от полемики с К. Цеткин и Ф. Коном: «АРТЕМЬЕВ: Не для своей защиты беру я последнее слово подсудимого. Я, как верный сын партии, как активный работник в ее рядах, всегда стоял на той позиции, на которой всегда выявлялась линия поведения нашей партии. Я в своем последнем слове хочу подчеркнуть полную солидарность с моими товарищами, сидящими на этих скамьях. [...] Сплочение сил рабочего класса, организация и оформление рабочих сил и политическая борьба за воссоздание организационных форм путем выявления массовой воли трудящихся – вот те задачи, которые ставила партия эсеров. К этим позициям, которые выявили здесь мои товарищи, я всецело присоединяюсь и несу полную ответственность за все. Государственный обвинитель требует нам смертной казни. Государственный обвинитель предъявил мне, как и всем другим моим товарищам, 60-ую статью, которая гласит, что за участие в организации, поставившей себе целью ниспровержение существующего строя, виновные караются смертной казнью. Граждане, вспомните старые царские статьи, вспомните статьи 126 и 102 и даже царское самодержавие, которое указывало, что за участие в организации, поставившей себе целью ниспровержение существующего строя, даже эти статьи говорили не о смертной казни, а говорили в самых худших случаях о каторге. И вот сейчас вы легализуете

новое начало. То, что вы раньше делали в своих чрезвычайках[,] что вы раньше хотели делать открыто, выносить сюда, вы хотите вынести теперь путем вашего приговора. Вы требуете смертной казни членам партии, которая ставит своей целью изменение государственной власти, даже не путем вооруженного восстания, не путем вооруженной борьбы, а которая стремится в данный исторический момент изменить политику власти путем организованного политического давления рабочего класса на власть. За это вы хотите расстрелять нас, как вредный элемент. Наш процесс воистину исторический. Он исторический не только потому, что вскрывает здесь гиган[т]скую борьбу нашей партии, партии, стоящей на точке зрения демократии, партии стоящей на точке зрения социализма, но он исторический еще и потому, что здесь впервые коммунистическая власть путем кровавой расправы желает разделаться со своими политическими противниками за их политическую борьбу. Вы своим приговором начинаете новую эру кровавых расправ. Я говорю здесь свое последнее слово подсудимого не для своего оправдания. Я член партии социалистов-революционеров, и я несу всю ответственность за деятельность этой партии, в рядах которой я работал более 15-ти лет своей сознательной жизни и, по мере своих сил, боролся за благо трудового класса, из недр которого я сам произошел. Я вел свою работу так, как мне подсказывал мой долг и моя революционная совесть, – совесть социалистов-революционеров. Здесь Клара Цеткин проронила великие слова. Она сказала: “Для каждого революционера отдать свою жизнь за благо рабочего класса, не только долг, но и счастье”. Мы революционеры и социалисты, идя на борьбу, всегда готовы к смерти, где бы она нас не постигла и мы гордо выслушаем ваш смертный приговор» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 222–223).

¹⁰¹ Е.С. Берг в своем заключительном слове подробно остановился на положении рабочего класса после 1917 г., обращаясь к конкретным фактам и примерам, имевшим место в 1917–1921 гг. В частности, он отмечал: «Мы ни на один день не свергивали своего знамени и не складывали своего оружия. И с самых первых дней после Октябрьского переворота и до сих пор мы продолжали нашу борьбу. Мы не приходили к вам просить защиты, как после 3-го и 5-го июля приходили большевики просить защиту у нас. Мы не прятались, как прятался Троцкий. Все эти репрессии, разгоны Советов, расстрелы рабочих, удушения печати, все это делалось якобы во имя интересов классового благосостояния рабочих[.]^а Рабочие видели насколько темны рабочие^б, прошедшие революцию 1905 года, рабочие прожившие 12 лет до 17 года, правда, в тисках реакции, но каждый момент вырывающиеся из этой реакции, рабочие после октября оказались настолько невоспитанными, настолько политически низко павшими, что их надо было снова перевоспитывать, снова учить. И во имя этих классовых интересов, классового самосознания их советы разгонялись, профессиональные учреждения превращались в казенные учреждения и самих их расстреливали, чтобы они понимали, как надо жить. Гражданин Луначарский говорил или, не помню, гражданин Крыленко, здесь говорил о той опеке над рабочими, которую проводили они. Мы, мол, их опекали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвиняемый, предел всякой клевете есть. Здесь мы слышали, что говорил Луначарский и обвинитель. Они здесь говорили, что относительно опеки и речи быть не может. Когда вы фантазируете вообще, я вас не останавливаю, а когда вы говорите о том, что происходило на заседании судебном, я не могу не остановить.

БЕРГ. Может быть, я ошибаюсь, и этого не говорил Луначарский, но и в вашей литературе и во всем поведении опека рабочих всегда есть, опека и невыпускание из[-]под своей ферулы^в, из[-]под своей руки – всюду и везде проскальзывает. И здесь позвольте мне сказать, что один из опекунов гражданин Луначарский, министр народного просвещения, очень резко хвастал организованной армией, организованной милицией, но ни слова не мог сказать об организованном народном образовании. И вот после 5-ти летнего переживания тех приемов, в которых старались воспитывать, мы слышали на последнем съезде Главполитпросвета от председателя этой опеки, председателя Совета Народных Комиссаров Ленина, что

^{а-б} Так в документе.

^в Так в документе.

рабочий класс, как организованная социальная категория, уже не существует, он уже деклассирован. Вот те плоды завоевания рабоче-крестьянской власти, те плоды социалистической революции, то строение, которые вы объявили во время октября, привело к том[у], что вы сами устами вашего главы, устами лидера партии, главы государства, заявляете, что мы рабочих этих так опекали, так их воспитывали, что от них ничего не осталось. Я думаю, что рабочие вам за это спасибо не скажут. Теперь я перехожу к сущности предъявляемой мне статьи. Гражданин Крыленко[,] не найдя никакого состава преступления, решил найти состав преступления в фразе, которую я здесь сказал и от которой я не отказываюсь, что я, как вредный социальный элемент, должен быть куда[-]то выслан, сослан, замурован, что бы не мешать дальнейшему социалистическому строительству Советской Республики. Я в кратких словах хочу дать характеристику самого себя. Я уже говорил, что я с 15 лет пришел работать на завод, с 98 года стал в ряды борющегося пролетариата и с тех пор я ни разу не уходил из этих рядов. Я был в 5 году членом Совета, в 1905 году я был в Петербурге в рядах борющегося пролетариата, в 17 году был членом Совета с первых дней его существования, до тех пор пока вы насильно не вырвали меня и не заключили в тюрьму. В 17 году 24 февраля я вышел на улицу вместе с рабочими Леснера и с тех пор не уходил с улицы, пока революция не восторжествовала. И в октябре месяце, 25 октября, когда вы делали переворот, я также был на улице, чтобы посмотреть, что делают и как действуют рабочие вместе с вами. Там не было рабочих, о которых так нахально говорил Крыленко, вы не можете гражданин Крыленко сказать, что вы там были, вы не знаете, кто был на улицах Петрограда в ночь на 25 октября. Я упустил сказать еще одно, аналогичный момент был 9 января 1905 года, когда рабочие ошибочно (ошибку мы, социалисты, им указали) шли к царю, я был в среде этих рабочих, я был среди толпы, которую расстреливали царские войска. 5 января 18 года я также был среди рабочих, которых вы расстреливали, я не ушел из среды рабочих, шел на смерть, вместе с ними, до последнего момента. И в 17 году был член правления Союза металлистов, последнего Союза, который существовал при царизме. Я товарищам управленцам провел три крупнейших забастовки у Леснера, у металлистов и Сименс-Шуккерт. В 18 году, когда назрели рабочие нужды, когда нельзя было молчать, мы созвали собрание уполномоченных, хотели созвать Всероссийский Съезд, но вы нам не дали, вы нас бросили в тюрьму. Разница в том, что после царизма я с товарищем Тетеркиным, которого вы расстреляли на улице, я стал работать в нелегальной организации партии социалистов-революционеров. Я организовывал товарищей и устраивал рабочие группы партии социалистов-революционеров. В 18 году мы работали легально на поверхности, так сказать, на той поверхности, где вы нас могли видеть. И так протекла вся моя деятельность во время вашей власти. После ноября 18 года, когда я вышел из тюрьмы, когда процесс, который создавался усилиями гражданки Розмирович и гражданина Крыленко не состоялся, не знаю почему, после предъявления обвинительного акта мы были амнистированы, но я почти уже не мог принимать участия в работе партии, не потому, что не хотел, но потому, что не долго дали мне пожить на свободе. 23 ноября я вернулся в Петроград, а 15 марта 19 года я уже был в тюрьме опять, я был арестован на улице Петрограда Ларцаном, помощником коменданта города Петрограда, который заявил, что “я вас, товарищ Берг, знаю как активного члена партии социалистов-революционеров, а вы у нас в почете, пожалуйста в тюрьму”. И милостиво, товарищески, так сказать, пригласил и [с] 15 марта 19 года по сей день я гуляю между тюрьмой и больницей, а в промежутках этого времени путешествую, например, в Ярославль. Я кончаю словами: я член партии социалистов-революционеров, 20 лет я уже считаю для себя честью быть членом этой партии, в течение 20 лет, не смотря ни на какие преследования и скорпионы царской и вашей власти, я никогда не свертывал этого знамени. Я никогда не отходил от этого знамени и на все прежние и современные подписки, которые мне предлагались, я отвечал отказом. И сейчас, гражданин председательствующий, могу ответить следующими словами: я этого знамени не сверну и если товарищам, с которыми приходится мне сидеть на скамье подсудимых, суждено умереть, то я оставшись в живых буду продолжать святое дело, начатое ими и то, что им не удастся закончить, я надеюсь, удастся закончить мне» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 229–234).

¹⁰² Г.Л. Горьков-Добролюбов произнес самую краткую среди выступавших в тот день речь: «[...] Я всегда был противником всякого насилия, от кого бы оно не исходило. Таковым я остаюсь и до сего дня. И поэтому для меня ни в какой мере не приемлема Ваша диктатура, как бы Вы ее не называли^а. И тут я с Вами в корне расхожусь».

Но есть еще другое, что для меня неприемлемо – это Ваше насильственное осуществление социалистического строя. Я никак не допускаю мысли, чтобы к социализму можно было придти путем террора и через груды человеческих трупов. Я не мыслю себе социализма без свободы. И я думаю, что единственный путь к социализму – это путь через демократию и народовластие. Иного пути я не мыслю. Такова моя позиция и, как социалист-революционер, от этой позиции я никогда не откажусь» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 234). Тем не менее вопреки сказанному организаторы процесса сочли возможным трактовать позицию Г.Л. Горькова-Добролюбова как отличную от взглядов представителей первой группы. Так, в приговоре Верхтриба Горьков-Добролюбов получил сравнительно мягкое наказание (три года), «принимая во внимание незначительный объем контрреволюционной деятельности и принципиально отрицательное отношение его к вооруженной борьбе...» (Приговор Верховного Революционного Трибунала, с. 28). Когда же 18 сентября 1922 г. Горьков-Добролюбов подал в Верхтриб заявление с протестом против искаженного толкования его высказываний на процессе («[...] в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах, у меня с ЦК ПСР, а стало быть и с моими товарищами по процессу никогда никаких расхождений не было[...]»), то Дзержинский потребовал пересмотра срока его заключения в сторону увеличения до 10 лет.

¹⁰³ Ниже приводится стенографическая запись выступления М.А. Веденяпина: «[...] За 20 лет мне пришлось отбыть 4 года каторги, 6 лет тюрьмы, 5 с половиной лет я провел в ссылке, два с половиной года в эмиграции^а, два года был на нелегальном положении и до 17-го года я провел на легальном положении только полтора месяца. Вся моя революционная деятельность, главным образом, до 17 года протекала на Волге и, главным образом, протекала в Самаре. В 900-х годах я был связан еще с крестьянскими организациями, которые образовались и еще тянули свое существование со времен “хождения в народ”. И вот с этими группами я был связан до самого последнего времени и всегда вместе с ними работал. И очаги наши, крестьянские, были, главным образом, в Царичинщине^б в Старом Буяне. И вначале своей деятельности я был в первый раз привлечен в Самаре. И вот еще в те времена мне была в первый раз предъявлена статья (в то время не было ни 126, ни 102 ст. ст., а была ст. 250), по которой привлекались еще народовольцы. Эта статья гласит, что за принадлежность к сообществу грозит смертная казнь. За мою деятельность в 901 г. я был привлечен по ст., которая уже тогда грозила смертной казнью. И из под угрозы этой статьи, из под угрозы расстрела, я, граждане, не уходил до сих пор. Под этой угрозой я провел 905 год, когда был отдан Дурново и Меллер-Закомельскому, этой статьей грозили мне и Ключниковы, когда они были у Колчака. Этими статьями военно-полевых судов грозили мне все штабы военные Колчака и сам Колчак, который объявил меня вне закона. И в настоящее время, граждане Судьи, я тоже имею сейчас те же самые статьи, но теперь уже я несу ответственность за деятельность Ц.К. и отвечаю за нее также, как и все мои товарищи, находящиеся на скамье подсудимых».

В Самаре в 1905 г. я принимал самое деятельное участие[,] какое только можно было принимать. В Самаре в то время развевалось очень крупное крестьянское движение. Особенно движение разрасталось в тех центрах как раз, которые были старыми революционными очагами. Всем наверно известна эта так называемая Старо-Буянская Республика крестьянская, которая была образована в 1905 г. В то время еще самарское крестьянство приобщалось к общественной жизни, и с тех пор самарское крестьянство стремилось строить свою жизнь, как считало нужным строить, и строило ее идя вместе с партией социал-революционеров. Для

^а Исправлено от руки взамен напечатанного вызывали.

^а Так в документе.

^б Так в документе.

меня, граждане, было вполне понятно, когда началось движение крестьянства Самарской губернии в 18 году. Крестьянство самарское восприняло переворот 17 года, как и должно было воспринять крестьянство, воспитанное в революционных традициях. Самарское крестьянство использовало 17 г. так, как может быть редко где в других местах эти свободы были использованы. Оно вошло в самую гущу общественной жизни, оно вошло, конечно, во все свои крестьянские организации, во все земельные комитеты, органы местного самоуправления и приняло при этом самое активное участие в выборах Учредительного Собрания. Самарское крестьянство было самым тесным образом все время связано с партией социал-революционеров и с ее лозунгами и с партией социал-революционеров и вместе и действовало. И вот, когда совершился октябрьский переворот, самарское крестьянство не сразу разобралось, в чем дело. Для него было не совсем сначала понятно, что это за переворот, потому что лозунги его были – Учредительное Собрание и социализация земли, те лозунги, за которые самарское крестьянство привыкло бороться уже с 905 года. Но вот, когда в дальнейшем пришлось самарскому крестьянству познакомиться с другими сторонами деятельности большевиков, то очень скоро самарское крестьянство одно из первых и выступило на борьбу с Советской Властью. Для крестьянства самарского, привыкшего жить общественной жизнью, было совсем непонятно, как это можно после 17 года, когда оно жило полной жизнью и дышало полной грудью общественной жизни, как можно было его отс[т]ранить от общественной жизни. А так как в Самарской губернии в Советы, где не было большинства большевиков[,] начались различные назначения, а дальше началась политика комбедов и полное разорение края, который был одной из житниц России, то вскоре весной 1919 г. самарское крестьянство начало свою борьбу с большевиками. Самарское крестьянство само начало организовывать штабы, само начало организовывать свою пехоту, вооруженную вилами, свою кавалерию, вооруженную косами и, организуя свои штабы, крестьянский мужик садился и писал: “мы, граждане всей России, находимся с Советской Властью в войне. Наши села в огне, наши нивы в крови”. И вот, когда этот призыв, этот набатный звон, который шел из деревни в деревню, из села в село, из уезда в уезд, дошел и до нас, и дошел до меня, то я, как один из участников крестьянского движения в Самаре, конечно, я только мог одно сделать, выполнить свой долг и быть в рядах того крестьянства, которое поднялось. И я, граждане, был в Самаре и по силе своей выполнял ту роль, которая на меня выпадала. Я не буду останавливаться на Самаре, потому что более или менее Самара здесь освещена. Только относительно ее я процитирую то место из книги Буревоего, которое более характеризует то, что относится к причастности начала этого самосуда. Эта книга “Прекращение войны внутри демократии”, то народное движение, которое так широко развернулось на полях Волги под флагом борьбы за народовластие и независимость России, имело за собой несомненно историческую почву и большие жизненные основы. Я не буду останавливаться, граждане, на той политике, которая была в Самаре и участником которой я был. Я процитирую^в только несколько мест, относящихся к Самаре, которые, по моему, вполне характеризуют ее. Так начинается: “В Самаре правительство предполагало, что все порядки и отношения, созданные советской властью, сохраняются в силе, пока не будут отменены или изменены приказами новой власти. Самарское правительство, как известно, объявило законом первые 10 пунктов основного закона о земле, принято[го] в Учредительном Собрании 5 января 1918 года. Программа Самары – власть Учредительному Собранию 1919 г., полная демократия, социализация земли, социализаторские меры в сфере промышленности и торговли, объединение всех национальных сил и всех областей России в старых государственных границах, за исключением Финляндии и Польши, под гегемонией самой многочисленной и обладающей абсолютным большинством в Учредительном Собрании партии социалистов-революционеров. У Самары была социалистическая и демократическая программа возрождения России”. Так, граждане, говорит Ник. Ив. Ракитников в своей книжке “Сибирская реакция и Колчак”, этот Ракитников, который максималист и который с большой критикой относился к Самаре. Я – участник той гражданской войны, которая разразилась на Волге и я должен сказать, что эту гражданскую войну

^в Так в документе, следует процитировать.

я видел и хорошо знаю. Ничего нет, может быть, более тяжелого, как именно гражданская война, граждане, внутри демократии, внутри трудящихся. И вот этот рок, который мне пришлось там пережить и те впечатления, которые мне пришлось испытать, и я хотел бы в кратких словах изложить. Граждане, среди наших войск, с которыми мы сражались, было мало стойких войск. Те красноармейские части, которые шли на нас, они также не хотели сражаться, как не хотели сражаться те части, которые организованы были у нас в народную армию. Единственные части, которые у вас сражались и дрались, это были знаменитые железные отряды сорганизованные из рабочих Москвы и Петрограда. И с нашей стороны могли им противостоять только одни части – батальон имени Учредительного Собрания, в котором были исключительно только члены партии эс-эров и рабочие Самары и Уфы. И вот в этом столкновении рабочих, с одной стороны объединенной в ряды коммунистической партии и с другой стороны рабочих трудящихся, объединенных партией эс-эров, в этом граждане огромный трагизм и вся тяжесть гражданской войны. Первые шли, думая, что они идут и будут осуществлять социализм. Я думаю те ряды, которые наполняли ваши железные батальоны[,] сейчас не так бы дрались, если бы они знали, что им приходится осуществлять. Они шли за другие идеалы. И вот я думаю, после тех уроков, которые мы пережили в этой гражданской войне, перед всеми должна встать вполне определенная задача – не должно и быть тех условий, которые явились бы возможностью для гражданской войны. И будет преступлением тех, кто доведет до необходимости опять кому[-]нибудь взяться за оружие гражданской войны, потому что опять[-]таки повторяю, более тяжелой вещи, как гражданская война в рядах демократии, – нет ничего. Граждане, что же в настоящее время происходит в Поволжье, которое ввело в гражданскую войну. Отчасти причина гражданской войны в Поволжье было то, что крестьянство чувствовало, что если та политика, которая была начата там, и особенно продразверстка, будет продолжаться, то крестьянство, как хозяйство будет подорвано и уничтожено. Во многих случаях крестьянство это чувствовало, может быть, инстинктивно. Вы сами, граждане, теперь относитесь вполне отрицательно к продразверстке, заменив ее другим способом сбора хлеба. Но результат той работы, которая была произведена там, под видом так называемого военного коммунизма, граждане, сказалось в Поволжье самым тяжелым образом. Я не для критики буду отчасти говорить, а только для того, чтобы найти какой[-]нибудь выход из того положения, которое там создается. Край, который производил огромную массу хлеба, который миллионами пудов выкидывался не только на Российский рынок, но и на международный рынок, в настоящее время находится в тяжелом положении, он умирает голодной смертью. Те самарские степи, которые тянутся на сотни верст, и еще так недавно не было там клочка земли, чтобы там не колосилась золотистая пшеница, где крестьянину не приходилось, может быть, бороться за этот клочек, в настоящее время на десятки и сотни верст нельзя встретить обработанного клочка земли. Я говорю про Пугачевский уезд, где из 500 тысяч, или вернее 400 тысяч жителей в настоящее время остались 177 тыс. человек и это числится по статистике, которая организована по получению пайков, так что эта цифра может быть в многих случаях преувеличена. Населения в Пугачевском уезде осталось 35 % из всего бывшего населения. Из миллионов десятин, которые там обрабатывались^Г, в настоящее время обработано только 9 % всей земли. Чтобы представить себе, что в настоящее время там творится, я только могу указать обычную в настоящее время картину, когда вся семья вместе со своей коровой тащит борону, или на дороге корова в корню, а мужик и баба в пристяжке. Это, граждане, в том краю, который был цветущ и богат, в том краю, который именно стремился выявить себя, стремился к тому, как бы приобщиться к общественной жизни и внести в жизнь России свои мысли. Этот край в настоящее время пустынен. На сотни верст кругом нельзя встретить сколько[-]нибудь обработанного куска земли. Вся степь в настоящее время заросла прежним кустарником, прежним ковылем и только в редких местах растет сочный красный татарник. Кто же, граждане, в настоящее время выжил в этом ужасном краю. Выжили только те, кто потерял всякий, может быть, человеческий облик и всякое человеческое чувство. Те описания, которые в настоящее время имеются о самарском уезде, и

^Г Так в документе, следует обрабатывались.

главным образом о Пугачевском уезде, ужасны. Там говорится, что, например, в семье из 6 человек, умерло пятеро, остался мальчик 12 лет, последнего съели. Крестьянин (Балдин) полдюжены^д съел, не управился, умер, похоронили вместе. Вот картина, которая в настоящее время царствует в Поволжье. Если кто и остался в живых, то главным образом только те, у кого вместо человеческого чувства стали превалировать старые звериные инстинкты. И вот думаю, что этот элемент оставшихся там плохой может быть строитель для будущего нашего социалистического строя. Гражданин Луначарский здесь говорил, что он вполне оптимистически смотрит, как он из Египта через пустыню проведен в обетованную страну. Но, граждане, вот то, что творится в Поволжье, и та картина, которая там есть – это в очень многих местах на нашей матушке России. Я думаю, те оптимистические настроения Луначарского как бы не были ошибочными, как бы не вышли мы, граждане, из Египта, но не пришли бы в обетованную страну, а пришли бы в пустыню, где кроме единственного лязга зубовного и крика “жрать” мы ничего не услышим. В такой обстановке конечно организовать и строить социализм довольно трудно. Есть ли какой[-]нибудь выход из данного положения. Мне думается только создание таких условий, при которых трудящиеся могли бы выявить свою волю, свое творчество и сплоченные бы социалистические партии дружным[и] и общими усилиями могли бы вывести страну из создавшегося тяжелого положения и могли провести к нашему светлому идеалу – социализму. Теперь[,] граждане[,] я хочу коснуться личного вопроса, который тут был затронут гражданином Бухариным и Шубиным. После IX Совета партии, партия социалистов-революционеров[,] развивая те положения, которые были положены на IX Совете[,] выпустила обращение в связи с объявлением Польшей войны, так называемую польскую декларацию. В этой декларации говорилось, что партия социал-революционеров призывает всех членов партии оказывать всемерное содействие красной армии в войне с Польшей. Я[,] граждане[,] шел немножко дальше моих товарищей по партии, по Центральному Комитету, и хотя я не считал возможным сотрудничество с Советской властью в политической области, но я считал возможным работать в культурном строительстве страны и когда было вынесено наше постановление о поддержке красной армии, то я обратился в Центральный Комитет с просьбой, чтобы мне было разрешено в столь, как я считал, тяжелый момент, который Россия переживала, в момент войны с Польшей, чтобы мне было разрешено предложить свои услуги по работам в Наркомземе. Я интересовался строительством в деревне, главным образом артелями и я испросил разрешение, чтобы мне было разрешено поступить в Наркомзем. Центральный Комитет мне это разрешил. Я указал, что я член Центрального Комитета, что я социал-революционер и как был, так и остаюсь. То, что я говорил тогда, я повторяю и в данном случае. Я укажу на то, что я принимал активное участие и в Самарском движении. Гражданка Биценко мне вполне определенно сказала, что препятствий к тому, что я с.-р., член Центрального Комитета – не имеется и меня пригласили работать в Наркомзем. Это было 9-го мая 20 года в тот день, когда в Москве взрывались артиллерийские склады. Это было 9-го мая, а 11-го мая я был уже арестован. Я только предупреждаю, что я указывая на эту дату ни в малейшей степени не хочу указать, что гр-ка Биценко имела какое[-]нибудь отношение к моему аресту. Я думаю[,] меня в этом не заподозрят. Я только указываю на это как на факт. Никаких заподозриваний я себе не позволяю и не желаю, конечно, на них намекать. Вот, при каких условиях я был арестован. Я мог бы совершенно свободно в то время скрыться, потому что я был в санатории, я был предупрежден[,] что за мной пришли. Но я не считал возможным скрываться тогда, когда я шел с открытым забралом и говорил: вот в настоящий момент Россия переживает тяжелый кризис и я считаю нужным идти и работать. И это было причиной, почему я в это время не считал возможным скрыться. Сидел я довольно изрядное время уже в тюрьме и совершенно случайно создались такие условия, что я мог убежать. И я сделал эту попытку побега. Я был задержан. Я думаю, меня не заподозрят, что я сейчас сказал неправду[,] потому что через год, в 21 г., когда я вышел из тюрьмы, был освобожден по болезни, я первым долгом обратился опять[-]таки к гр. Биценко (я думаю[,] она это может подтвердить) с тем же предложением и пошел туда, куда считал нужным идти в это время, и мой по-

^д Так в документе.

бег был только для того, чтобы я мог осуществить то, что считал нужным осуществить. Я бежал и хотел идти туда, куда считал нужным идти работать. И вот, после этого побега, я счел возможным написать то письмо, которое здесь, по моему, так неподобающе использовали гр. Бухарин и гр-н Шубин. Я никогда не мог написать и не написал бы Вам[,] граждане[,] сидя в тюрьме. Но меня в тюрьму привело то, что я предложил вам свои услуги, а не то, что из тюрьмы я вздумал просить вашей пощады. Я этих вещей делать не умею и никогда не делал. И гр-н Бухарин – он здесь голосом хозяина распоряжается, – одним дает свободу, других обрекает на смерть, – он может тоже сделать и со мной отправить меня умирать вместе с моими товарищами, он это может сделать, но на мою честь я никому не позволю посягнуть, никому не позволю бросить на нее какие-нибудь намеки. Он пытался набросить на меня тень, он пытался разделить меня с моими товарищами, пытался посеять рознь между мною и товарищами, с которыми я 20 лет работал и от которых никогда не отрекусь, но набросить тень я никому не позволю и каждому скажу: руки прочь» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 234–243).

¹⁰⁴ Ниже приводится стенографическая запись выступления Л.Я. Герштейна: «ГЕРШТЕЙН. Граждане, последнее мое слово подсудимого, которому предъявлено шесть смертных статей, есть слово обязывающее меня, как революционера, высказаться здесь перед тем, может быть, как уйти туда, откуда нет возврата, в тот момент, когда я может быть стою на грани небытия.

[...]. Не раз здесь обвинители бросали всем нам и поэтому и мне упреки в том, что “вы эсеры в прежнее время были действительно революционерами, которые выполняли определенные революционные функции, а сейчас вы контр-революционеры. Вы изменили делу революции, вы изменили самим себе, стали не тем, чем вы были во время царизма”. Так ли это. Вот я и хочу на собственном примере, поскольку будет сил и возможности, попытаться уяснить этот момент. Граждане, вокруг нашего процесса создавался известный антураж и в обществе и в печати. И та демонстрация, которая здесь была устроена, повторилась известным образом и здесь и в обществе. Мы слышали обвинение и указание на то, “что же удивительного, что вы стали на путь контр-революции, ведь по существу вы кровно связаны с буржуазией”. Так говорилось в частности и обо мне. И мне, грешному, пришлось читать в печати, что Герштейн представитель крупной буржуазии. Разрешите начать с того, кто был тот крупный буржуа, которому я обязан своим появлением на свет. Я еврей по происхождению. Мой отец был крупный буржуа – последние 13 лет своей жизни он был служащим у Зингера и получал от 30 до 50 рублей в месяц и нес тяжелый труд разъездного рабочего по деревням, продавая машины и части машин крестьянам. И на этой работе он и умер, оставив многочисленную семью без всяких средств. Когда нам нужно было хоронить его, то пришлось закладывать ростовщику последнюю подушку. Вот какой был буржуа тот, от которого я происхожу. Свое детство я провел в тяжелой обстановке полунищеты и тяжелого труда. Мои первые воспоминания детства, наложившие может быть неизгладимый отпечаток на все последующее направление моих действий, на всю последующую мою жизнь, относятся к очень далекому периоду 81 года. Это была ночь погрома. И я запомнил это самое глубокое воспоминание моего детства, я запомнил зарево ночных пожаров, я запомнил крик и плач женщин и детей, я запомнил звон разбиваемых стекол. Это воспоминание, которое осталось у меня от моего детства. 80-е годы, годы моего детства[,] были годами погромов, под влиянием которых складывалась моя психика. 12-ти лет от роду я уже был за верстаком – и здесь мое буржуазное происхождение, конечно, сказывается. После трех лет бесплатного труда я стал зарабатывать 4 рубля без стола и квартиры за тяжкий труд. До призывного возраста я не мог выбиться из этой среды. И вот вся эта обстановка и гнет национальный, который я, как еврей, живший в черте оседлости испытывал чрезвычайно сильно, и гнет классовый, который я испытывал, как отчаянно эксплуатируемый^а, – это заставило меня уже очень рано идти путем борьбы с окружающей обстановкой. И что более всего меня в ней возмущало, это неравноправие и колоссальная опека полицейская, которая тогда была над всем и над каждым и, конечно, сугубо над нами, втройне угнетаемыми – и как еврей, и как рабочий. И уже в 1898 году иногда случайные причины играют роль,

^а Так в документе, следует эксплуатированный.

случайное столкновение с одним дворянином, поведшее к моему аресту, заставило меня оставить мой родной город и уйти в чужие люди. И с того момента я стал революционным работником. Какие же цели преследовала тогда эта работа, что мы имели в виду. Уже тогда мы понимали, что освобождение рабочего класса в широком масштабе, как я его понимал, может быть делом рук только самого рабочего. Уже тогда мы себе представляли, что только при осуществлении всех свобод, при осуществлении полной возможности осуществления своей инициативы, и единоличной и коллективной, рабочие сумеют дойти до конечного пункта, до осуществления социалистического переворота. Царское самодержавие стояло перед нами. Перед нами стоял режим опеки всего живого, не было свободы слова, не было свободы печати, собраний и так далее. [...] И все же тогда, хотя сколько-нибудь, хотя эзоповским языком, к нам проникали свободные слова и мысли, мы все же могли слышать не только то, что говорило казенное перо, но мы могли, конечно, только урывками и контрабандой, мы могли слышать и что-либо свободное и тем не менее мы считали такой режим нестерпимым. И тогда уже мы на самые тяжкие страдания готовы были, чтобы сломить этот режим. И вся моя жизнь с того времени, с 1898 года протекла здесь в России в тюрьмах, ссылках и на воле. Каково было положение тогда, какова была та сила, почему царизм мог царить. И тогда было уже ясно, что широкие народные массы, массы рабочих, массы крестьян, даже известные массы буржуазии относились враждебно, в лучшем случае отрицательно к нему. На чем же он держался[,] этот режим. На огромно[й] дисциплинированной вышколенной армии царской, он держался на могучей огромной полиции – вот в чем была его сила. И что же. Спасла ли эта сила его от крушения. Нет. И я, граждане, счастлив тем, что мне [с] 1898 года пришлось быть свидетелем почти всех важнейших событий в нашей дореволюционной жизни и что в решительный момент февральской революции я был один из тех, который на улицах Петрограда принимали участие в решительном кровавом столкновении с царизмом. Настала февральская революция. Как мы смотрели на нее, мы, бывшие в России работники партии эсеров. Мы считали, что февральская революция должна в первую голову создать те условия, которые дали бы возможность широким трудовым массам рабочих и крестьян организоваться, самоопределиться и стройными рядами, могучими полками идти на завоевание твердыни капитализма, но идти с полным сознанием того, что они делают, идти в порядке самостоятельности этих рабочих масс. Так мы смотрели на февральскую революцию. Для нас учредительное собрание, в котором подавляющее большинство представителей не могло не быть социалистическим, ибо мы были глубоко убеждены, что широкие трудовые массы при осуществлении всех элементарных свобод, при возможности самой широкой агитации различных течений, не могут не отдать свои голоса партии революционной, социалистической, что это есть наилучший способ, наилучшая форма выявления организованной народной воли, при помощи которой могут быть осуществлены те возможности, которые имеются в данный момент. Так мы смотрели на учредительное собрание. Это лозунг, который был выдвинут нами и раньше, который поддерживали не мы одни, но и вы, коммунисты. Но и до того времени, и сейчас вы считаете, что до того момента мы были революционерами. Но вот за время, протекшее с февраля по октябрь в народных массах, в рабочих массах, не успевших еще сорганизоваться, появилось чрезвычайно сильное... (не слышно). Усталость от войны, стремление как можно скорее придти туда, куда их манили лозунги социализма, нарастал⁶ максимализм. Я не буду распространяться на эту тему. Этот максимализм был использован не нами, ибо мы не хотели идти в хвосте за массами. Мы имели мужество – может быть история за это нас осудит – идти против течения, а максимализм был использован вами. Вы пришли к власти и тут для меня, как и для других революционеров, встал вопрос, как быть, что делать. Перед чем очутились мы и перед чем стоим мы сейчас. В периоде царизма мы боролись по существу с диктатурой. То была диктатура помещичьего, дворянского класса, осуществляемая при помощи дисциплинированной армии и огромной массы чиновничества. Диктатура, которая считала народ несовершеннолетним, и более того – неразумным существом, которое подлежит опеке, и если это существо осмеливалось проявить свою волю, свое недовольство, говорили, что в

⁶ Так в документе, следует нарастал.

этом виноваты агитаторы[,] и агитаторов царское чиновничество тащило и не пушало. Мы теперь тоже стоим сейчас перед диктатурой. Она теперь называется диктатурой пролетариата, но она в общих чертах сохранила почти те же формы, еще усугубленные, чем какие были во времена царизма. Отсюда диктуется и наше отношение. И, в самом деле, если я эсер, и вообще, революционер, который отдавши всю свою жизнь на борьбу за самостоятельность рабочего класса, за право каждого рабочего свободно высказывать свое мнение, хотя бы оно и расходилось с официальным мнением большинства рабочих, как могу я мириться с тем положением, которое создано теперь с той монополией печатного слова, которое присвоили вы, коммунисты, считая, что только одни вы имеете право известным образом формировать мозги рабочего класса. Как могу я, старый революционер, мириться с тем, что свобода слова предоставляется только казенным ораторам, ораторам определенного течения, всем другим рот зажат, как можем мы, старые революционеры, смириться с тем, что лозунг неприкосновенности личности, за который мы боролись в течение многих лет вместе с вами и вместе со всеми другими революционными партиями, превратился в настоящий момент в полнейшую, повсеместную, повседневную прикосновенность, когда у нас созданы условия, при которых никто не обеспечен не только на сегодняшний день, но даже и за следующий час существования. Это условия такие, в которых никакая, ни революционная, ни социалистическая жизнь быть не может, если вообще может существовать какая[-]нибудь жизнь. Правда, при таких условиях вами создана здесь, вот товарищи мои отдавали вам в этом должное, могучая армия, сильная, могучая, но разве это уберезет от очередного провала. Поэтому хотя гражданин Луначарский и говорил, что вы сейчас стоите в апогее своей славы и силы, позвольте нам в этом усомниться, ибо многое говорит нам, что есть условия, которые утверждают противное. Вот здесь шел спор, за кем идет крестьянство: за нами или за вами. Я этого спора касаться не буду, но я хочу только ответить словами одного крестьянина, который на указание большевика о том, что мы ведь вам дали землю, сказал: “да, верно, вы дали нам землю. Земля наша, но хлеб ваш. Лес наш, а дрова ваши, вода наша, а рыба в ней ваша”. Вы дали крестьянину номинально землю, но фактически вы отнимаете у него не только землю, но и плоды трудов его на этой земле и поэтому в этом лежит коренная слабость ваша, в этом лежит полнейшая невозможность упрочиться в крестьянстве на доверии крестьянской массы. Это есть условия, которые обуславливают сами себе необходимость опеки. Говорят о том, что нынешняя власть опирается на доверии рабочего класса. Если бы это было так, может быть, передо мной, как социалистом, встал вопрос: раз весь рабочий класс идет за ними, не надо ли и нам, и мне в частности идти за ними. Где эти условия, которые могли бы заставить рабочих пойти за вами. Вы объявили национализацию фабрик и заводов. Она превратилась в уничтожение промышленности. Никто другой, как Ленин, сам признал, что рабочего класса у нас почти нет. Он деклассирован. Вот результаты октябрьского переворота. Насколько он победен, насколько он действительно дает право утверждать, что ваша программа, ваша тактика есть действительно правильная, можете судить вы, я в данном случае с вами согласиться никак не могу. Я считаю, мое глубокое убеждение, что та политика, которая велась властью и вообще в октябре встала у кормила правления России, ведет не к революционному возрождению России, не к укреплению революционных начал, ведет не к социализму, но объективно стихийно неизбежно ведет к контр-революции, к самой ужасной контр-революции, к такой контр-революции, которая при полной деклассации рабочего класса, при возмущении ожесточенного крестьянства никакая армия не может спасти. Ибо многие правительства имели армию. Имела армию революционная Франция[,] и эта армия во время великой французской революции в конце концов дала Наполеона. В силу этих условий я, как социалист-революционер считаю, что мы социалисты-революционеры, оставаясь на точке зрения оппозиции к вам[,] несколько не изменились, мы остались только верными сами себе, но мы не стали контр-революционерами. Изменились не мы, а изменились вы, которые когда[-]то вместе с нами боролись за те самые условия, которые теперь не считаете нужным предоставить народу. И вот, в силу указанного, я как член партии и как член Центрального Комитета партии принимал посильное участие в деятельности партии. Я был на Урале, я был на Украине, в Сибири, не буду распространяться об этом, об этом слишком много говорилось на предварительном следствии, но должен вкратце отнести те неправильные по[-

моему положению, которые обвинением брошены были. Это было случайно может быть – я не знаю, но гражданин Крыленко в одной из последних реплик бросил такую фразу: “с доброармией сносились и Ратнер, и Тимофеев и Герштейн, когда они были в Киеве”. Я не знаю[,] откуда гражданин Крыленко взял это утверждение, что Герштейн сносился с доброармией. Я лично с доброармией никогда нигде не встречался. Не потому говорю это, чтобы оправдаться, но меня это не интересовало. Второй момент – это так называемое покушение на Берзина. Об этом покушении я впервые узнал на суде. Тогда я заявил суду, что факта не было. Я просил суд осведомиться, так как сомневался в возможности его. К удивлению я узнал, получилась справка, что в июле–августе было каким-то правым эсером организовано покушение, о чем подробности знает такой[-]то. Я думаю, что если в человека стреляли, то простите, получив пулю, не забудешь, в каком месте получил и естественно вспомнить, что такого[-]то числа я был ранен так-то и так-то. Но когда говорят о том, что покушение было организовано, то тут что-то другое, я не хочу утверждать, что выдуманно, но речь о чем-то другом, ко мне отношения не имеющем. Обвинение в организации, в соучастии или в сокрытии покушения на Берзина я совершенно и категорически отметаю. Теперь третий момент вопрос о Сибири. Я, после того как Центральный Комитет уехал из Уфы, по поручению Центрального Комитета остался там, в Сибири, куда я прибыл незадолго перед этим для организации партийных сил и в частности, чтобы разыскать остальных товарищей, членов Центрального Комитета, разбросанных по Сибири, связь с которыми была на время прервана. Мы[,] собравшись[,] создали сибирскую делегацию. Эта делегация поставила своей задачей с самого начала определенную борьбу с колчаковской реакцией. Я не буду распространяться о том, как эта борьба происходила. Об этом не разрешили во время следствия говорить. Я не хочу об этом распространяться. Я хочу только сказать одно: в связи с показаниями Тяпкина и других, в связи с той картиной, которую гражданин Крыленко хотел взять под сомнение. Я же утверждаю, что для нас в Сибири главная опасность в силу сибирской обстановки, в силу нашего соприкосновения с Москвой, главной опасностью являлись не вы, а реакция и иностранный империализм. В силу этих соображений, и нами и всеми нашими товарищами в руководящих органах на первый план невольно, само собою, в силу объективных сибирских условий, ставилась борьба с сибирской реакцией и эта борьба нами так или иначе проводилась. И когда Тяпкин говорил, что я указывал ему на необходимость организовать крестьянские, рабочие и другие союзы по борьбе с реакцией против [...]това^в, то он не выдумывал, а говорил правду, то что это имело место на самом деле, ибо я, как тогда, так, отчасти, и сейчас, считаю, что мы, в силу создавшейся сейчас обстановки являемся резервом революции, задача которого не столько бороться с вами, сколько тогда, когда на ваше место придут приглашенные вами варяги из Ключниковых, или еще похуже, наша задача скопить силы для борьбы с той грядущей опасностью, которая имеется на лицо. В этом духе велась работа сибирской организации. В обвинительном акте указывают другое. Вы обвиняли нас по Сибири тоже в том, что мы бросали в массу лозунги, которые живо воспринимались крестьянской массой и создавали почву разным проходимцам использовать их во вред советской власти и так далее. Если наши лозунги, партии социал-революционеров таковы, что они чрезвычайно живо воспринимаются массами, то это не наша вина, а я бы сказал, что это наша заслуга, ибо это доказывает только, что мы правильно поняли жизнь и требование народных масс и что наши лозунги есть те, которые, действительно нужны массам, давая им возможность жить и развиваться. А если на почве советского правления, советской опеки и других условий в крестьянстве вызывается недовольство, которым пользуются разного рода проходимцы, а ля Игнатьев, то это не вина партии, это вина общероссийская. Я считаю, что за деятельность всякого рода проходимцев из крестьянских союзов Сибири и других мест, ни партия, ни мы, никоим образом ответственности нести не можем и ни в каком отношении такую ответственность на себя принимать не можем. Здесь перед нами гражданин[ом] Крыленко вопрос был поставлен несколько иначе. Он заявил, что вы мстить нам не собираетесь, перед нами, говорит он, стоит вопрос политической целесообразности, вопрос будущности, то есть

^в Пропуск в документе.

иными словами, нам предлагают и неоднократно предлагали: отрекись. Граждане, от того, что составляет сущность социализма в нашем понимании, сущность революционно-демократического социализма, конечно мы ни на одну минуту не откажемся. И если в этом Суде и в данный момент вам угодно разыгрывать из себя Робеспьеров, если вы, предъявив в лице гражданина Крыленко требование секим башка для 10 членов партии эсеров, требование расстрела, – это дело ваше. Робеспьер, расправившись с Дантоном и либертистами и другими, то он создал вокруг себя ту пустоту, в которую он потом сам свалился. И вы, граждане, истребляя революционно-демократические силы, силы, которые нужны не только для революции вообще, но на которые может быть в известные моменты могли опереться и вы, вы создаете ту пропасть, куда вы свалитесь и сами. И что бы вы с нами ни сделали, вы можете нас расстрелять, это в вашей власти. И я думаю, судя по всему, что вы здесь говорили, это так и будет, по крайней мере об этом говорил гр. Луначарский, что партию эсеров нужно уничтожить, но Луначарский забыл о том, что Столыпин уже однажды уничтожил партию эсеров. После дела Азефа он официально в 2 Думы заявил, что партия эсеров официально не существует. Что он ошибся, в этом вас убеждать не приходится. И если вы теперь говорите, что партии эсеров не существует, вы ошибаетесь также, как и ошибался Столыпин, ибо вы забыли старую истину, которую не раз повторяли и вы, что людей можно умертвить, людей можно уничтожить штыками и пулями, но идеи на штыки и пули не улавливаются. И идеи революционного социализма на ваши штыки и пули также не уловятся. И если мы погибнем, если нам суждено погибнуть, то я скажу словами революционного поэта: «Из наших истлевших костей восстанут воители суровые и будут они нас посильнее». Мы уйдем в могилу, но партия эсеров не погибнет, она останется и будет делать то свое дело, которое она должна была делать, дело революционно-демократического социализма. И мы уйдем в могилы с этим лозунгом: да здравствует международный демократический социализм, да здравствует партия эсеров» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 244–252).

¹⁰⁵ Ниже приводится стенографическая запись выступления М.Я. Гендельмана: «ГЕНДЕЛЬМАН: [...] Я хочу рассмотреть вопрос о нашей ответственности, политической ответственности и о борьбе, которую мы с вами вели. Я хочу говорить о мотивах нашей борьбы с советской властью. Этот вопрос был совершенно правильно поставлен вами. Гражданин Председательствующий и сказал здесь – не в том дело, кто начал первый гражданскую войну, (речь идет разумеется о гражданской войне внутри рабочего класса), а в том дело, кто ведет ее в интересах рабочего класса. И Клара Цеткин здесь тоже совершенно правильно сказала – не важно[,] какими методами вы боролись с советской властью, это дело второстепенное, важно[,] во имя каких целей вы боролись. И если здесь товарищи мои, возбуждали все-таки вопрос о том, кто первый начал гражданскую войну внутри революционной демократии, внутри рабочего класса, то они разумели под этим конечно следующее – кто первый создал и кто вообще виновен в том, что он создал такие условия, при которых борьба за выявление воли рабочего класса и за претворение этой воли рабочего класса в жизнь стала невозможна вне кровавой борьбы. Вот как ставился вопрос и как он совершенно правильно должен был стоять. Следовательно вопрос о нашей борьбе решается так: во имя чего мы боролись, на чьей стороне мы боролись. Но когда говорят о том, во имя чего боритесь, то от этого не отделим второй вопрос, против чего и против кого боритесь. И здесь я не могу не сказать о том затруднении, которое нам в этом вопросе приходится испытывать. Для того, чтобы сделать это понятным, я прошу разрешить мне привести следующую аналогию. Вам, граждане, которые теперь являются носителями власти, трудно вспомнить те ваши переживания, которые вы испытывали тогда, когда власть принадлежала самодержавию, а вы были в таком положении, в каком находимся мы теперь. Представьте себе, что в то время, когда вас судили по 102, 126 и другим статьям, вам сказали бы следующее: Вы не имеете права доказывать, что власть царя не от Бога, вы не имеете права говорить о том, что власть самодержавная есть власть антинародная, противонародная. Но вместе с тем вы не хотели скрывать того, что вели борьбу с самодержавием. Как вы могли заявлять тогда вполне мотивы вашей деятельности, точно также и сейчас добиваемся этого и мы. Мы должны считаться с теми указаниями, которые сделаны нам гражданином Председателем, что Трибунал является органом советской власти, органом Всероссийского Исполнительного Комитета, что то, что этот орган выражает волю

рабочего класса, это факт, не подлежащий здесь ни в какой мере опровержению, не значит ли это [что вы] ставите нас в такое положение: Вы мол признаете, что вы вели борьбу против советской власти, но вы не имеете права говорить, (так говорят) что эта Советская власть – власть противонародная – это значит сказать нам: вы не имеете права говорить о тех мотивах, которые двигали вами; а только вы можете сказать, что вели борьбу с нами, сначала вооруженную, потом другую, вы можете говорить об этом, но должны при этом сказать, что вы считаете, что вы борьбу вели против рабочего класса (а мы не считаем такой советскую власть). Нам прямо говорят: “вы здесь на суде, и защищаясь, имеете право только заявить себя контр-революционерами”. Вот, для того, чтобы моя свобода слова этой части не была связана, я сейчас же хочу установить, в каких пределах я буду касаться этого вопроса. В виду указаний гражданина Председательствующего, я не буду говорить и подвергать критике ни действия советской власти, ни ее природу, не буду вести этой политической дискуссии. Я буду говорить лишь в тех пределах, в которых нужно, чтобы понять наши мотивы. Я буду говорить, как мы понимали и понимаем, поскольку речь идет о нашем настоящем, советскую власть, вашу диктатуру, и почему в связи с этим пониманием мы считали себя не только в праве, но и обязанности вести борьбу против Советской власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если вы вывернете все наизнанку и будете в такой форме говорить о советской власти, то дело не изменится. Вопрос о советской власти не подлежит обсуждению Верховного Трибунала. Верховный Трибунал – орган советской власти – и призван защищать советскую власть. Поэтому позволить вам обсуждение действий Советской власти я не могу.

ГЕНДЕЛЬМАН: Действия советской власти я не буду обсуждать, но я думаю, что вы мне позволите сказать, как мы мыслили диктатуру рабочего класса, в чем наше понимание расходилось здесь с вашим. Я заявил открыто, что я буду говорить, но я полагаю, что в дальнейшем даже вы, гражданин Председательствующий, не найдете оснований, чтобы меня останавливать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поскольку вы заранее это сказали, я заранее предупреждаю вас, что если вы выйдете за пределы, я остановлю вас неизбежно.

ГЕНДЕЛЬМАН: Я буду говорить о мотивах. Если бы мы также мыслили себе диктатуру рабочего класса, как мыслила ваша партия, то, конечно, никакой борьбы мы бы с вами не вели. Мы считаем, что мы вели борьбу за интересы рабочего класса, но не против рабочего класса. Следовательно, вопрос сводится к тому, что же нужно разуметь под диктатурой рабочего класса. Это первый вопрос, который стоит перед нами. Разрешите, в особенности и для того, чтобы остаться строго в пределах, указанных заранее мною и в тех пределах, которые вы мне ставите, обратиться к тому, к кому мы здесь неоднократно обращались, к Марксу, как он мыслили себе диктатуру рабочего класса и когда она возможна. Маркс говорит: “Коммуна была правительством рабочего сословия, результат борьбы между производящими и присваивающими, она была той давно искомой политической формой, при которой могло совершиться экономическое освобождение труда”. Так мыслима ли она при другом ее содержании. Вот теперь я особенно подчеркиваю слова Маркса “Без этого условия коммуна не мыслима, без него она пустой призрак. Политическое господство производителей не может существовать с социальным рабством их”. И ту же самую мысль подтверждает и Каутский. Каутского вы конечно сейчас не очень высоко ставите, но в тех случаях я думаю, когда его толкование вполне повторяет только что приведенную мною мысль Маркса, когда она вполне совпадает с Марксом, я думаю и вы с ним согласитесь. Вы ведь старые работники и вы это цените. В своей брошюре “Накануне социальной революции” у Каутского есть такое место “Политическое господство пролетариата при капиталистических способах производства не совместимо. Кто допускает возможность первого, тот должен признать и возможность исчезновения последнего”. Итак, какой вывод отсюда: диктатура рабочего класса[,] политическое его господство ни с кем неразделимо. Диктатура рабочего класса, даже в той форме, как вы ее мыслите, она возможна только тогда, когда возможна уже вполне социалистическая революция, и она не совместима с оставлением рабочего класса в социальном рабстве, иначе говоря, она не совместима с сохранением капиталистического способа производства. А имеются ли сейчас, как вы мыслите, вот эти предпосылки для социалистической революции. Здесь я обращаюсь к тем, кто для вас не менее авторитетен. Вы помните в самом начале еще 17 года был спор о природе революции

и о том, какой смысл должен иметь переворот, который вы после совершили. Был спор между гражданином Каменевым и гражданином Лениным. Каменев считал схему Ленина рассчитанной на немедленное перерождение буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленин возражал Каменеву. Каменев по его словам немножечко не терпеливо размахнулся. И позвольте мне напомнить из хорошо вам известных тезисов гражданина Ленина тезис 8-й, где было сказано, когда он возражал Каменеву и указал, что он нетерпеливо размахнулся, следующее: “не введение социализма, как наша непосредственная задача, а переход подчас^а лишь к контролю со стороны рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов”. И потом вы помните[,] какой должен был быть рабочий контроль – всеобъемлющий и так далее. Значит, тогда вы не мыслили[,] себе в лице вашего вождя Ленина, не мыслили что эта революция является такой, которая является вполне социалистической, которая упраздняет вполне капиталистический способ производства и которая одна совместима с той диктатурой, которую вы после ввели. Правда после все переменялось, песни стали иные, и пожалуй того упрека, который был сделан Каменеву[,] нельзя уже было сделать. Я хотел бы здесь указать еще одно чрезвычайно характерное место одного из ваших теоретиков, который тогда давал несколько иную оценку того, что сейчас происходит, который иначе высказывался, чем делает это сейчас. – Каутский. Вы помните и знаете[,] когда он говорил о революции в России[,] он говорил, что революция в России не может положить начала социалистическому строю, ибо еще не созрели все необходимые для того предпосылки. Все, кто понимает марксизм, тот знает, что в недрах старого строя должны созреть все предпосылки нового строя и только тогда может наступить этот новый строй. В недрах старого строя, как Каутский считал, эти предпосылки не созрели.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорите совсем не то, что полагается в последнем слове. Сейчас речь идет не о том, какой мы строй имеем, какие задачи преследует Советская Власть, для чего пролетариат овладел властью, сейчас речь идет о том, что партии социал-революционеров и вам лично вменена в вину борьба против Советской Власти в таких-то формах, в таких-то и таких-то деяниях. Относительно этого нам и нужно сейчас выслушать ваше последнее слово. Относительно того, какой у нас строй, как на это смотрел Каутский и другие теоретики, этому совсем не место здесь.

ГЕНДЕЛЬМАН: Вы понимаете вероятно, гражданин председательствующий, что я хочу объяснить...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы хотите объяснить[,] это меня интересует очень мало. Я говорю, что я не могу позволить вам рассуждать теоретически о всяком строе и так далее, когда речь идет о последних словах ваших.

ГЕНДЕЛЬМАН: Я хочу объяснить мотивы нашей деятельности. Я представляю, что если бы мы не считали, что вашей диктатурой и тем переворотом, который вы совершили, нанесен громадный урон революции и по существу ваша деятельность является срывом революции, – мы бы этой борьбы не вели. Мы ставим вам в вину отдельные акты, начиная с октябрьского переворота.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это абсолютно нам безразлично.

ГЕНДЕЛЬМАН: Прекрасно. Но поскольку гражданин Луначарский здесь нам представлял возражения и говорил именно на эту тему, постольку...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы имели свое время сказать то, что вам нужно было сказать. Сейчас извольте держаться в рамках последнего слова.

ГЕНДЕЛЬМАН: Могу ли я в рамках последнего слова говорить о том, почему мы вели против вас борьбу. Мы вели борьбу потому, что мы считали, что ваша диктатура не выражает интересы рабочего класса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это мы слышали. Для нас спора нет о том, что является ли данная форма государственной власти формой диктатуры пролетариата или не является. Если вам угодно заявить, что это антинародная диктатура, что это не диктатура пролетариата, что вы враждебно относитесь, если это ваш мотив и из этого вытекают ваши действия, то я предлагаю вам по поводу ваших действий и говорить.

^а Так в документе, следует тотчас.

ГЕНДЕЛЬМАН: Мне угодно утверждать другое. Если я просто скажу, что мы считали вас антинародной партией, – это будет для вас не убедительно. Вы все-таки будете продолжать считать, что мы действовали как контр-революционеры, что мы нарочно связались с буржуазией и так далее. Разрешите мне сказать вам в последнем слове, вы судите Центральный Комитет, который давал директивы, которым подчинялась партия, разрешите мне сейчас сказать в последнем слове, почему такую директиву дал Центральный Комитет и 8 совет, почему мы тогда, когда вы стали властью и почему мы еще раньше, когда вы хотели стать властью во время октября, почему мы противодействовали вам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это мы все слышали.

ГЕНДЕЛЬМАН: Если вы все слышали, тогда зачем вы нам даете последнее слово, если Вы все слышали и все знаете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обо всем этом Вы говорили здесь неоднократно в зале суда.

ГЕНДЕЛЬМАН: Я об этом ни разу не говорил. Всякий наконец обвиняемый имеет право говорить. Вы прекрасно знаете, к чему свелась моя работа во время следствия. Гражданин Бухарин, например, ссылался на статью Маркса в 54 году и говорил...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвиняемый Гендельман, Вам угодно воспользоваться Вашим последним словом в тех рамках, который должен был установить Трибунал, если угодно, то говорите. Если нет – то нет. Но я не позволю говорить Вам так...

ГЕНДЕЛЬМАН: Для меня не ясны Ваши рамки. Я хочу говорить о мотивах нашей деятельности. Я исключительно хочу об этом говорить. Могу я говорить или нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О мотивах вашей деятельности вы можете говорить, но обсуждать вопрос о природе власти, о диктатуре советской власти этого я Вам позволить не могу.

ГЕНДЕЛЬМАН: Вы дадите мне в последнем слове опровергнуть то, что нам предписывали в пределах мотивов, в пределах защиты и в пределах обвинения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам негодно говорить. В таком случае я лишаю Вас слова.

ГЕНДЕЛЬМАН: Пожалуйста» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 253–261).

¹⁰⁶ Ниже приводится стенографическая запись выступления Н.Н. Иванова: «ИВАНОВ: Гражданин Председатель[,] таким разъяснением, которые Вы дали сейчас, Вы ставите меня и[,] я думаю[,] всех моих товарищей в чрезвычайно затруднительное положение. Я не знаю, как по Вашим законам, (с Вашим кодексом я не знаком), но до сих пор считалось во всех судах, что в последнем слове обвиняемые имеют право не только опровергать и отвергать те конкретные обвинения, которые выдвинуты против них, но и давать объяснения, почему они делали так, и не делали так, почему они делали то, что против них выдвигается. Это было неотъемлемым правом всякого обвиняемого. Даже формально. Потому что для оценки всякой конкретной вины мало знать, что человек убил, а надо знать[,] почему он убил. Мало знать, что мы с Вами боролись. Если Вы судьи, то Вы обязаны ознакомиться с тем, почему мы в 18 году шли против Вас. Не только потому[,] что постановил 8 совет, но Вы должны заглянуть на то, какие аргументы были выдвинуты нами тогда, почему мы приняли такое решение. И, лишая слова моего товарища Михаила Яковлевича Гендельмана, Вы не дали ему возможности развить те соображения, исходя из которых велась та борьба, которая привела нас на скамью подсудимых. Я крайне затруднен. Если вы будете и к другим обвиняемым относиться также, как вы относитесь к моему товарищу Гендельману, то вероятно нам говорить не придется [...] Целью моей речи будет не личное оправдание, а прежде всего восстановление[,] истины в тех частях, в которых она была нарушена на суде. Прежде всего я должен коснуться некоторых, может быть второстепенных[,] но характерных черточек. Гражданином Шубиным, вслед за гражданином Членовым здесь было обращено внимание на то, как давали показания некоторые из обвиняемых на предварительном следствии. Делалось это гражданином Членовым для того, чтобы подорвать доверие к показаниям, данным на суде, моей сестрой. Тут Гендельман возражал достаточно, возразил он и на это сопостанов-

ление^а. Обвинять человека, арестованного и живущего нелегально, в том, что он назвался чужой фамилией, под которой жил, обвинять его в том, что он не признал, что принадлежит к партии, когда он скрывается в течение 3-х лет, было крайне странно. Если бы кто-нибудь из нас, арестованный по своей фамилии, обвиняемый по этому делу здесь сказал, что он беспартийный, это было бы ложью, которой Вы могли бы опорочить наше показание. Но таких актов Вы в нашем следственном производстве не найдете. Гражданину Шубину этого показалось мало и он пытался продолжить разсуждение на счет этих показаний и использовать их для других целей. Гражданин Шубин пытается аргументировать следующим образом: вот Елена Иванова не может давать правдивых показаний, потому что она не получила от Центрального Комитета инструкций и поэтому вынуждена была отречься от партии, от своей фамилии, от своей матери, а вот Иванов, он член Центрального Комитета и он старый боевик[,] и линия Центрального Комитета, не дававшего показания[,] ему показалась неприемлемой. Прежде всего я не старый боевик, а очень молодой и к сожалению мне пришлось мало пробыть в боевых организациях старого времени, а среди обвиняемых есть действительно старые боевика. Так что этим одним соображением Ваш аргумент до некоторой степени подрывается. Затем позвольте[,] гражданин Шубин, что Вы хотели этим показать: всем остальным показаниям верить нельзя, а вот старый боевик Иванов не может лгать и поэтому он дает показания, но ведь все Ваши коллеги по защите и все ваши подзащитные утверждают, что мои показания ложны. Одно из двух[:] или моими показаниями вы пытаетесь подтвердить, что лгут мои товарищи, или, что я лгу. Не уподобляйтесь старому тюремному Ивану, который заявляет при игре в орлянку, что его и орел и решка. Здесь в речах защитников этой стороны, являющихся фактически нашими обвинителями[,] была выдвинута новая версия относительно вопроса о санкции террора Центрального Комитета. В обвинительном акте вопрос ставился ясно и определенно: весь Центральный Комитет в полном своем составе обвиняется в том, что он организовал террористические организации и направлял их деятельность. Не знаю почему только у прокуратуры в последний момент не хватило духу предъявить это обвинение всем. Отдельным товарищам предъявляется обвинение в этом, а другие товарищи оказываются от этого обвинения освобожденными и здесь создается новая версия, что не Центральный Комитет санкционировал, а за спиной Центрального Комитета была какая-то заговорившая группа, которая за спиной остальных членов Центрального Комитета проводила свои идеи в жизнь, скрывая их [от] товарищей. О нашем Центральном Комитете у Вас нет права утверждать этого, ибо не было ни одного показания об этом, у Вас нет права утверждать, чтобы у нас принимались какие-либо решения, которые не делались бы известными всем членам Центрального Комитета. В нашей партии вообще и в нашем Центральном Комитете в частности, хотя и имеются разногласия, как[,] например[,] на суде же тут, один товарищ говорил: “Я Марксист”, а другой говорит: “я лаврист”, хотя имеются у нас и идейные разногласия, и разногласия в вопросах тактики, я не буду называть фамилии, но вы все знаете[,] о ком я говорю, у нас есть разные уклоны в этой области, но в области практики мы всегда едины. И как бы мы не спорили между собой в своих частных беседах по вопросу о том, на кого нужно опираться в своей программе, на Лаврова или на Маркса, как бы мы не расходились в своих личных мнениях, в методах борьбы, в своих решениях, мы всегда едины. Но нам не приходится применять дисциплинарные меры, какие практикуются в Вашей партии. Гражданином Луначарским в своей обвинительной речи было сказано; когда он говорил о террористических настроениях партии в начале 18 года: “вот член Центрального Комитета Иванов признал и на предварительном следствии и здесь, что, как выразился он, вопрос о терроре, о террористических актах носился в воздухе, а все-таки Центральный Комитет не нашел нужным принять какие бы то ни было меры, чтобы этим носившимся в воздухе идеям о терроре не дать воплотиться в жизнь”. Когда гражданин Крыленко, исполняющий обязанности прокурора уголовного, старающегося найти криминалы, не точно цитирует наши слова, это дело в порядке вещей. Но когда гражданин Луначарский, выступающий здесь в качестве прокурора, не юрист, а писатель, свои нравы из Дома Литературы и свою при-

^а Так в документе.

вычку, переносить себя на трибуну суда, то я думаю это не совсем подходящие занятие. Если вы проверите по стенограмме, вы увидите, что там сказано: в воздухе носилась не идея террористических актов, а идея как-нибудь выявить[,] демонстрировать нежелание рабочих Петрограда выпустить без помехи, беспрепятственно из Петрограда Совнарком в Москву. Можно разсматривать это с разных точек зрения, можно спорить что это такое, но от этого желания до желания уничтожить Совнарком дистанция огромных размеров. И мы не могли принять никаких мер, что бы эта плававшая в воздухе идея исчезла, ибо не в наших руках было прекратить эту идею и вызывалась она не нашим поведением, а вашим поведением. Покончив с этим исправлением[,] я перейду к главной части моей задачи и прежде всего коснусь одного вопроса, вопроса небольшого, но меня все-таки интересующего. Этот тот же вопрос о посланных из Москвы и не полученных ни гражданином Игнатъевым, ни генералом Суворовым, деньгах. Если вы прочтаете брошюру Игнатъева и сопоставите те осторожные данные, которые он дает, дающие возможность установить хронологию этого события, не знаю чем эта осторожность объясняется [–] неточностью лишь памяти, или нежеланием войти в противопоставление с другими партиями, если вы обратите внимание на эти хронологические данные, то вы увидите, что факт пересылки денег из Москвы в Петроград должен был происходить самое позднее в мае месяце, так следует из всего текста брошюры гражданина Игнатъева. Здесь, когда выяснилось до показания гражданина Игнатъева, что есть целый ряд фактов, несогласующихся с этой хронологией, что даже вхождение Абрама Рафаиловича Гоца в Штаб Союза Возрождения, которое должно было предшествовать этой истории с деньгами, ибо, по словам гражданина Игнатъева сначала об этих деньгах велись разговоры с Гоцем, потом со мной, могло произойти значительно позднее, гражданин Игнатъев отодвинул этот факт, сказав, что очень возможно что это было и в июле, и тут такая счастливая случайность: гражданин Ефимов сказал: “я помню хорошо этот случай, именно я эти деньги пропавшие увез и я их передал Иванову”. Вы помните, что я тогда отрицал этот факт. Когда через два дня мы вернулись к этому, гражданин Ефимов указал, что он не только вспомнил факт, но вспоминает и от кого он эти деньги получил – от Рабиновича. И когда я спросил: почему вы во время не сказали, почему вы только теперь говорите об этом, он сослался на то, что он уже говорил давно об этом Пелевину и что когда Пелевин здесь будет, он это подтвердит. Болезненное состояние Пелевина не дало мне таким мелочным вопросом тиранировать его, как любит называть наши вопросы Председатель, но и Ефимову не дало обратиться к этому вопросу. Перехожу к следующему вопросу, вопросу о связи [между] нашими партийными организациями и организациями так называемыми белогвардейскими. Я не могу останавливаться на всех этих эпизодах, которые нам здесь вменялись. Я возьму один эпизод и на этом примере покажу[,] насколько мало основательны эти обвинения. На основании показаний гражданина Игнатъева, наша военная организация и руководители партии все обвиняются в том, что они только вошли в контакт с Союзом Возрождения, с его военным штабом в Петрограде, но что они подчинили все свои военные организации в Петрограде этому самому штабу, а следовательно все те криминалы, которые можно привязать к Петроградскому Штабу союза Возрождения, тем самым привязываются и к нашей организации. Вы помните, как гражданин Игнатъев рисовал эту историю с возникновением контакта между нашими партийными организациями в Петрограде и организациями, создававшимися под его водительством. Пришли два представителя, Шкловский и Постников, сговорились с Игнатъевым, они явились официальными представителями военной организации социал-революционеров в Петрограде, приняли подчинение штабу Союза Возрождения, куда для пополнения вошли сначала Постников, а затем и Гоц. И в дальнейшем вся работа военной организации и союза Возрождения проходила под единым руководством. Была единая касса и единый план. Есть другое лицо, которое дает об этом показание, это – Семенов. У Семенова и в брошюре и в показаниях на предварительном следствии, об этом контакте сказано несколько иначе. Там говорится, что действительно был известный контакт, но ни о каком подчинении нашей организации союзу возрождения не могло быть и речи, что дело ограничилось разговорами, прикомандированием тех лиц, которых рекомендовали на ту или иную должность. Общая оценка работы Союза Возрождения, данная Семеновым очень нелестная: работы никакой не было, силы были чрезвычайно слабы, “мы избегали”, говорит Семенов

“иметь с ними какие[-]либо тесные сношения”. Гражданин Игнатъев пытался сгладить некоторые противоречия, черезчур резко выпиравшие из этих сопоставлений. В самом деле. Гражданин Семенов, бывший во главе военной организации того времени, даже не упоминает, что его военная организация, будем так кратко ее называть, находилась под властью штаба Союза Возрождения. Игнатъев говорил, что Семенов не был даже поставлен в известность своим цекистами о том, что его организация подчиняется организации штаба Союза Возрождения. Я сейчас приступаю к сравнению показаний, по возможности кратко этих 2-х обвиняемых. В данном случае, более близкую к истине версию развивает гражданин Семенов. И есть объективные данные, которые дают нам право независимо от оценки личных качеств гражданина Семенова и гражданина Игнатъева, совершенно объективно установить, кто из них говорит правду, а кто правду не говорит. Прежде всего возможная ли вещь, чтобы представитель уполномоченный от военной организации партии социал-революционеров пришел к представителям чуждой организации, не известив об этом своих главарей. Если даже принять оговорку, что это было гораздо позднее, когда Семенов уже отошел от военной организации и становится во главе боевых дружин, даже если сделать эту оговорку, надо сказать, что это соображение все[-]таки остается в силе. Во-первых не было момента до отъезда Семенова из Петрограда, по его собственным словам, никем не опровергнутым, когда бы он совсем отошел бы от дела военной организации. Все важнейшие акты и все важнейшие планы протекали при его непосредственном участии. Он участвовал во всех совещаниях, которые созывались по поводу развивавшихся планов, выступлений и так далее. Он сам говорил, что с Леппером он был чрезвычайно близок. Если не он, то Леппер должен был явиться официальным представителем этой организации, так как он должен был стоять во главе, а не как^а ни Постников и ни Шкловский^б. Но допустим даже, что это все[-]таки могло произойти, как эти ни нелепо[,] и организации слились. Неужели никто из тех, кто участвовал на этих совещаниях[,] ни Постников, ни Шкловский не сказали, что отныне они не подчиняются Семенову, а над ними есть высшая воля, Штаб Союза Возрождения. Если допустить, что Гоц, на которого, можно все валить, что он скрывал в каких-нибудь политических целях от своих товарищей, что он подставил организацию партии социал-революционеров не только под флаг Союза Возрождения, но и под его команду, то как можно допустить, что все остальные – Шкловский, Постников и все коменданты, о назначении которых совместно шла речь, могли скрыть именно это от Семенова. Вероятна эта версия или нет. Я говорю смело – это версия невероятная. То, что здесь говорилось гражданином Игнатъевым, что организации слились и были поставлены под общее руководство, не соответствует истине. Это случай так сказать наиболее проверяемый, допускающий максимальную проверку. Вы в праве говорить, как здесь говорили, что имело место не подчинение нашей военной организации или организации Союза Возрождения или политическому или военному штабу, а только контакт, попытка использовать подходящие элементы для своей работы, причем использование велось в двух плоскостях. Ежели гражданин Семенов, или другое лицо[,] стоявшее во главе нашей военной организации или в организации Союза Возрождения[,] некоторых из рекомендованных ею лиц, брали в свою организацию в качестве комендантов, то с другой стороны Гоц военных спецов, сконцентрировавшихся вокруг гражданина Игнатъева, пытался использовать для разработки разных военных вопросов, для вопросов, предстоявших тогда по нашему плану войны на восточном фронте. Все остальные криминалы, связанные с так называемой Ивановской организацией, организацией Филоненко, это была попытка стремления выяснить, что это за организации и когда выяснилось, что эти организации нам чуждые, что нам не по пути с ними, мы с ними разошлись также, как и сошли случайно. Покончив с этим, я хотел бы остановиться на следующем вопросе, уже общего характера. Гражданин Пятаков в самом начале процесса сказал, я процитирую ту фразу, о которой говорил товарищ Гендельман: “не то важно, кто первый стал драться, важно кто с кем дерется. Ежели буржуй с рабочим, то наш суд всегда скажет, что прав рабочий и что неправ буржуй”. В применении к на-

^а Так в документе, следует никак.

^б Так в документе.

шему процессу значит надо понимать так, что не то важно[,] кто начал войну, – вы против нас или мы против вас, а важно то, что как следует понимать Вас в вашем лице – коммунистов мы имеем рабочего, борющегося за социализм, а в нашем лице вы имеете, ежели не буржуя, то его наймита [–] сознательного или безсознательного союзника, борющегося против социализма и потому всегда и всюду неправого. Граждане я заявляю, что не всякий кто бьет буржуя и поет Интернационал – социалист, и не всякая борьба приближает к социализму. Мало того, что вы говорите о себе, что вы Рабоче-Крестьянская Власть, мало того, что вы называете свою Республику социалистической, не по словам мы судим или вы нас судите, а по делам. Я не буду вдаваться в слишком глубокие социалистические изыскания, это не мой стиль. Я подойду к вопросу оценки, имеете ли вы право обвинять нас, борющихся за социализм в борьбе против социализма, я подойду к этому вопросу также упрощено, как упрощено подходит к важнейшим и сложнейшим вопросам гражданин Крыленко. Можете ли вы сказать, что в результате вашей работы положение трудящихся улучшилось, по сравнению с тем, что оно было до выступления вашего в качестве Власти. Нет, ни абсолютного и относительного улучшения не произошло. Ежели два года назад, когда рабочие, крестьяне и все население России переживало чрезвычайно тяжелое время, вы могли с достаточной степенью не искренно говорить: “товарищи рабочие[,] ежели вам приходится страдать, то другие страдают еще больше. Как ни бедна Россия[,] вы имеете все то, что здесь только возможно. Все лучшее к Вашим услугам”. Теперь даже права говорить это вы не имеете. Разве то, что было до вашего прихода – различие между бедняками и богачами, разве оно сгладилось. Я думаю – наоборот. Богатые – не важно кто они[,] те ли потомственные богачи дореволюционного периода, или вновь взрошенная вашим НЭПОМ буржуазия, – всякие совбуры и совспецы, – все равно важно то, что как раньше они жили в свое удовольствие, так и теперь они живут не хуже чем прежде буржуазия. Я скажу грубо, – становясь на формальную точку права своей защиты, вы можете нам не верить, но мы в праве сказать, что мы знали[,] к чему приведет Россия[,] и это и было причиной и мотивом того, что мы шли против Вас, как ни тяжела, как ни страшна была гражданская война. Разсеяв пролетариат, разорив всю Россию, деморализовав все ее население, Вы что же этим сделали. Улучшили положение пролетариата или может быть у Вас прекрасные соображения, которые не раз выдвигались в Вашей прессе и в ваших ответственных выступлениях. Да, все это тяжело, все это испытания чрезвычайно тяжкие. Но эти жертвы, эти муки рабочий класс примет и должен принять, чтобы дожить до социализма. Он приносит жертвы для будущего своего. Это было бы соображением основательным, если бы не разбивалось в корень другими фактами. О каком социализме в ближайшее время может быть речь, когда у нас нет пролетариата. О каком социализме может быть речь, когда у Вас нет промышленности, когда Вы вынуждены эксплуатировать все, что есть в России самыми примитивными способами, недопускающими никакой ни научной организации, ни социалистического учета, (об этом смешно говорить), что бы только не померла с голоду вся страна. Разве то, что сейчас вам предстоит[,] вам сами не ясно. О том, что вы допускаете такую возможность того, что делалось Вами, делалось напрасно, что это не тот путь, которым Вам нужно было идти, это уже начинает звучать в Ваших словах. Вы видите, что в России поработенной, с народом деморализованным, дезорганизованным растет новая сила, новая буржуазия, несущая с собой все отрицательные стороны капиталистического развития, почти при полном отсутствии положительных организующих сторон капитализма, как и при всякой вновь нарождающейся буржуазии, как и при всяком начальном периоде ее, разве вы не видите[,] какими опасностями это чревато для Вас. Если раньше в первый период революции Вы были тем факелом, который освещал дорогу к социализму, вы были тем факелом, который стоял впереди, то тот порядок, тот ужас, который творится сейчас в России, способен остановить идущих к социализму рабочих и напугать их перспективами того, что мы переживаем сейчас в России. Долго придется еще ждать, пока этот ошурок⁶ будет изжит пролетариатом всего мира, когда он смело и спокойно пойдет к социализму старыми путями, вопреки тем[,] которые указываете Вы. Вот[,] граждане[,] причина, почему мы в 18 году выступали

⁶ Так в документе. Вероятно, следует: «ваш урок».

против Вас и почему сейчас идти с Вами не можем. Я думаю, что этим я даю ответ на маленький вопрос Председателя сегодня утром[,] на вопрос о том, что мы станем делать, если случится то, чего не случится, то есть если мы выйдем отсюда спокойно на улицу. Мы будем делать тоже, что и сейчас. Мы будем бороться за социализм своими путями и тактика нам будет подсказываться реальным соотношением сил. Гражданин Луначарский в своей речи с торжеством говорил: вы нам предсказывали на другой день после октябрьского переворота, что мы через две недели сломим себе шею. Да, в этом мы ошиблись, шею вы себе не сломали. Вы спасли, вы утвердили свое государство, принесшие в жертву громадное неисчислимое количество людей, людских жизней. Но с вами случилось худшее, вы идеалы свои разбили, вы собственными руками строите то[,] с чем вы раньше боролись, вы видите[,] как из под ваших рук выходит то, что называется НЭПОМ, что с социализмом имеет мало общего, что имеет очень много общего с возвратом к старым формам изжитым, к худшим формам того, что в России пережито. Гражданин, я сейчас заканчиваю свою речь, я только хочу сказать следующее. Если в начале, когда меня спрашивал гражданин председательствующий, признаю ли я себя виновным, я сказал: «обо мне здесь речи быть не может, здесь акт политической борьбы, а кто выйдет из этой борьбы победителем, покажет будущее». Сейчас я совершенно смело говорю: из этого акта политической борьбы, который здесь разыгрывался, победителями вышли мы, а не вы. Не важно, что будет с нами завтра или после завтра. Не тот победитель, кто разстреливает, вернее не всегда. Здесь была пущена вами в ход, чтобы выйти моральными победителями из этой борьбы, в начале перед судом, компания, я не желаю резко квалифицировать ее, газетная компания, которая не стеснялась с фактами. Вы прибегли даже к таким совершенно к экстраординарным приемам. В том воззвании, которое выпустил Исполком Коминтерна[,] находятся явно неточные выражения[,] и я докажу это. Гражданин Шмераль, ваш свидетель, говорил о составе чешских войск, что они состояли из рабочих и крестьян, что было мало офицеров, а в этом воззвании у вас есть утверждение, я не говорю о целом ряде других неверностей, что чехословацкие войска состояли наибольшей своей частью из военнопленных офицеров австрийской армии. В этом воззвании вы не постеснялись, ваши сверхглавари, даже не рабочие, даже не главари, а Коминтерн предсказать, что на предстоящем суде все обвинения будут подтверждены безусловно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: При чем здесь Коминтерн.

ИВАНОВ: Коминтерн при том, что пытался своим авторитетным для многих европейских рабочих словом, вмешаться в решение Трибунала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ну тогда и обращайтесь к Коминтерну.

ИВАНОВ: Мы здесь имеем представителей Коминтерна и если сейчас их нет, то теоретически он здесь присутствует. Во время суда до чего доходили ваши изложения фактов. Достаточно сказать, что недвусмысленное показание гражданина Смирнова относительно Семенова был истинно Каляевский подход к террору. И лучшим доказательством того, что этот политический процесс выиграли мы, а не вы, послужит следующий факт, который еще не случился, но который будет. В борьбе демократии с самодержавием, самодержавие может побеждать, может держаться десятки лет, но в конце концов на смену самодержавия, как бы оно не называлось, приходит демократия» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 261–273).

¹⁰⁷ Ниже приводится стенографическая запись выступления Д.Ф. Ракова: «РАКОВ: граждане, я воспользуюсь своим словом не для того последнего предсмертного революционного жеста, о котором здесь говорилось со скамьи обвинения. Я взял себе слово для того, что бы дополнительно мотивировать свою деятельность и деятельность нашей партии за тот пятилетний период, которая в течение 45-ти дней здесь инкриминировалась нам. Я взял последнее слово так же и для того, что бы удовлетворить выраженное здесь желание Трибунала знать, какова была линия поведения партии не только в прошлом и настоящем, но какова она должна быть и в ближайшем будущем. И ответ на этот вопрос я постараюсь дать в наиболее острой и наиболее жгучей области, которая особенно подвергалась здесь тщательному судебному обследованию и разбирательству, – в области так называемой крестьянской политики. Для нас, эсеров, промышленный пролетариат и трудовой крестьянин не только союзники, но и братья. Совокупно, вместе, с нашей точки зрения, они образуют единый рабочий фланг. Их интересы не только не противоречат друг другу, не только солидаризируются, но они так сопряжены

друг с другом, что всякий разрыв, всякая брешь, сделанная в этой неразрывной органической цепи между рабочими и крестьянином является гибелью для всякой революции, которая всегда творилась, творится и будет твориться только руками рабочего класса. [...] Основное классовое устремление, которое стимулировало классовую борьбу в деревне, интенсифицировало эту борьбу, консолидировало революционное настроение деревни, – это была ликвидация помещичьего землевладения, переход всего государственного фонда в трудовое пользование на началах уравнительности. Но это основное классовое экономическое устремление, как факт революционного достижения нуждается для трудовой деревни в дополнительной политической гарантии. Это классовое экономическое достижение для всей трудовой деревни будет прочным революционным достижением лишь в том случае, если государственный механизм сверху до низу будет широко демократизирован, в данном случае безразлично – на основах ли народовластия, или трудового властия, а равным образом, по терминологии Гражданина Крыленко, советовластия. Важно для гарантии основного классового достижения, чтобы крестьянство в этом организационном государственном строительстве приняло участие соответствующее его социалистическому и политическому удельному весу. Вот те две основные классовые задачи, которые были поставлены перед русским трудовым крестьянством объективным ходом истории фактом пришествия революции. Самый факт пришествия ликвидировал помещичье землевладение. Задача революционной демократии сводилась к тому, чтобы сделать этот переход от помещичьего хозяйства к хозяйству трудовому в планомерно обще-государственном масштабе, с сохранением производительности сельского хозяйства, ибо сельскохозяйственное производство как источник продовольственных ресурсов является фундаментом, на котором покоится всякая революция. Вот и революционная демократия объективно возилась всеми лучшими своими силами, чтобы выполнять эту задачу, поставленную перед ней революцией. Октябрьский переворот ликвидировал эту работу. К власти пришла партия, которая идеологически до сих пор не была настроена дружелюбно по отношению к трудовой крестьянской деревни. Для этой партии широкие трудовые крестьянские массы являлись не субъектом революционной социалистической политики, а только объектом ее. Еще красочнее формулировал здесь это положение государственный обвинитель Луначарский. Он заявил, вот мы настоящая крестьянская партия, мы принудили крестьянство, вогнали крестьянство в те организационные формы, которые требовались интересами революции. Мы заставили крестьянство идти в красную армию, мы заставили крестьянство давать продовольствие, мы давали крестьянству организационные формы, войти в которые мы его принуждали и принуждаем, что эсеры не были способны соорудить это трудовое крестьянство в активную революционную силу. Вот, мы, методом принуждения, методом порой чрезвычайно жестоким и жестким заставили крестьянство идти по тому пути, по которому оно должно идти в интересах революции. Вот почему мы настоящая крестьянская партия. С этой точки зрения, конечно, всякий властелин, подчиняющий многомиллионные крестьянские силы, заставляющий их идти по выбранному организационному руслу, конечно, может претендовать на звание крестьянской партии. Первым шагом новой власти был так называемый закон о земле. Этот закон о земле фигурирует в самых первых строчках и нашего обвинительного акта. Это [т] закон о земле, теперь это стало общеизвестное место, имел не столько органическое, практическое, политическое значение, сколько имел своей конечной задачей нейтрализовать крестьянскую массу, привлечь ее по возможности на свою сторону, если это возможно, такими декларационными средствами. Вот почему этот закон в течение 5 лет в жизнь практически органически не проводился. Только спустя 5 лет или 4 года, если я не ошибаюсь, наконец[-]то Советская Власть приступила к настоящей аграрной политике, политике настоящего землеустройства, но уже на началах совершенно новых, на началах далеко не тех, которые были провозглашены 1-м законом о земле. С нашей точки зрения этот закон о земле был действительно срывом всей земельной реформы, которая объективным ходом революции намечалась, ибо он означал не что иное, как беспорядочный анархический расхват земель, ибо он практически и политически был равно-силен черному переделу. Он выдвинул на первый план частные местные интересы. Земли захватывали те, кто ближе всего к ней стоял. Гибли ценные культурные хозяйства, разрушался инвентарь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы на счет аграрного вопроса не распространяйтесь так долго. Ну хорошо, скверный закон был о земле, дело ясное.

РАКОВ: Это мне необходимо, потому что он имел роковые последствия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нельзя бесконечно нам читать лекции по аграрному вопросу.

РАКОВ: Я не читаю лекции, я хочу подойти к тому, почему именно наша политика была такая, а не иная и каковой она должна быть в настоящее время.

[...] ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вот о политике партии и говорите.

РАКОВ: Для меня необходимо сказать, чем мотивировалась политика партии в этом остром крестьянском вопросе. Это первое[,] на что я хотел сосредоточить внимание. Этим определяется и наше отношение к самому закону о земле. Этот закон о земле мог бы внести рознь и вражду внутрь самой крестьянской массы. В одном из своих объяснений я уже упомянул, что на этой почве стали возникать местные крестьянские фронты. Он имел другое последствие, именно то, что в значительной степени в первые годы господства Советской Власти определилось сокращение посевной площади. Второй шаг, который был направлен к разложению деревни[,] к перенесению вражды, гражданской войны внутрь деревенской демократии, это был крестовый поход за хлебом. Продовольственный аппарат был разрушен. Все имевшиеся продовольственные запасы были исчерпаны. Нужно было выкачивать из деревни дополнительные запасы. И вот в спешном порядке без норм[,] без законов надлежащих, без надлежащего контроля и ревизии снаряжались отряды, которые отбирали у крестьянского хозяйства все, что могли отбирать и зажгли пожар гражданской войны в самой деревне. И поставили на дыбу деревню. Но это имело еще одно значение, которым определяется наша крестьянская тактика в настоящее время. Оно положило корень недружелюбию[,] корень вражды между деревней и городом и городским рабочим. Продолжение этой политики вырыло огромную пропасть, пробило губительную брешь в едином рабочем крестьянском фронте[,] и эта брешь несомненно дает чувствовать себя сейчас[,] и долгое время ее не изжить. Мы в противовес этому предлагали политику совсем другую. Мы говорили, что продовольствие для городов[,] конечно[,] нужно во что бы то ни стало достать, продовольствие нужно добыть, но нужно добыть такими средствами, чтобы не зажигать пожара гражданской войны между двумя отрядами рабочего класса, чтобы не подрывать в корне самого сельскохозяйственного производства. Мы предлагали: отмену хлебной монополии, продналог и свободную торговлю хлебом. Мы предлагали то, к чему в конце концов пришли и вы. Вы осудили эту продрозверстную политику, назвали ее ошибочной. Вы объясняете ее проведение только потребностями военного времени. Но что эпоха военного коммунизма требовала именно этих мероприятий в корне разрушающих крестьянское хозяйство, этого нам никогда и ничем не было доказано. Вот почему мы отрицательно относились к этому методу взимания хлеба, который имел роковые последствия для всей крестьянской массы. Он в корне разрушил крестьянское хозяйство, он разбил стимул к расширению крестьянского производства, он привел в конце концов крестьянское хозяйство к тому катастрофическому состоянию, в котором оно находится теперь. Эта рознь в деревне вносилась и другими мероприятиями Советской Власти, которые также диктовались этой продовольственной необходимостью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы на счет мероприятий Советской Власти оставьте.

РАКОВ: Я не могу объяснить иначе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Если не можете объяснить, тогда прекратите речь.

РАКОВ: Эта политика комитетов крестьянской бедноты также внесла рознь, она разбивала единый крестьянский фронт...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Обвиняемый Раков[,] Вы имеете два предупреждения, на третьем я вас лишаю слова. Вы знаете порядок.

РАКОВ: Мне продолжать очень трудно в таком порядке. Я и буду говорить, что комбедная политика, политика финансовая, политика бесконечных манипуляций бумажно-денежного обращения, все это средства, которые истощили ресурсы крестьянского хозяйства, которые поставили его на полуголодное существование и свели его к нормам хозяйства потребительного. Здесь гражданин Луначарский охарактеризовал эту крестьянскую массу, как политически слепую массу, непонимающую тех революционных задач, которые в данный момент стоят перед рабочим классом. И в последний момент, два года тому назад, этой крестьянской

массе преподносятся такие меры, которые имели ввиду переустройство всего сельско-хозяйственного производства на началах социалистических. Я говорю о попытке нормализации сельско-хозяйственного производства[,] о посевках.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нельзя всю аграрную политику вытряхивать. Это недопустимо. Теперь Вы будете говорить о земельных отношениях, о посевках...

РАКОВ: Я сейчас перейду. В результате мы имеем определенную, ясную, кошмарно-тяжелую картину. В данный момент крестьянское хозяйство в корне разрушено. Экономическая жизнь России идет по такому пути, когда это крестьянское хозяйство, которое есть, было и будет основной базой, исходным пунктом для развития производственных сил страны, в результате всех этих мероприятий не только разрушилось в корне, не только под угрозу поставлено самое физическое существование его, но получилось социальное расслабление, политическое подавление и в конце концов массовое дезориентация в деревне. Все эти явления для социалистической партии очень значительные, и имеющее существенное значение для ее тактики. В чем же, принимая во внимание данный момент, принимая во внимание состояние крестьянского хозяйства, его социальное состояние и политическое положение, в чем партия социал-революционеров видит основные вехи, основные пункты своей крестьянской политики, каковы те методы, политической работы, которые партия социал-революционеров не только вела, и должна вести в сфере трудовой деревни. Прежде всего уже после 9-го Совета партии из арсенала борьбы с советской властью мы выкинули метод вооруженной борьбы и теперь задачи партии в крестьянской работе состоит^а в том, чтобы прежде всего имеющимися в ее распоряжении силами и средствами исправлять и подавлять те бунтарские инсurreкционные настроения, мятежные настроения деревни, которые создались и создаются на почве той хозяйственной политики, которую мне не дали обрисовать со всей полнотой и ясностью. Это задача трудная, задача неблагодарная, задача тяжелая для социалистической партии. Но в данных тяжелых обстоятельствах при данном соотношении сил, при данном положении трудящихся масс в России и при данном международном положении России, это единственная тактика для социалистической партии, ибо этими бунтарскими мятежными настроениями в деревне, в конце концов воспользуются элементы и политической группировки, не только чуждые, но и враждебные трудовому крестьянству. Вторая задача – лозунг свержения Советской Власти, лозунг борьбы за власть, также должен быть выброшен из арсенала крестьянской политики партии социал-революционеров для ближайшего времени. Это объясняется тем, что партия социал-революционеров утратила массы, что она слаба, что у нее нет на это сил, эта ее тактика объясняется теми объективными условиями, в которые поставлена русская революция, условиями и отечественными^б характера и условиями международного положения России. Тактику свержения Советской Власти, как уже здесь неоднократно заявлялось, мы считаем вредной. При данном состоянии трудящихся масс, а то^в свержение советской власти было бы губительным, пагубным для самого дела революции, ибо при таком положении вещей трудящиеся массы не в состоянии были бы удержать власть в своих руках и она сама силой вещей попала бы в группы реакционные и подлинно контр-революционные. Такая же тактика диктуется и международным положением. Международный империализм протягивает свои хищные руки к слабой, экономически разбитой России. Он встал на ноги в Западной Европе и рабочий класс от наступательных позиций перешел там на позиции оборонительные, он не в состоянии отбивать те жестокие атаки капитала, которые в последнее время на него производятся. Следовательно западно-европейский пролетариат при данном соотношении сил не в состоянии удержать и остановить те хищнические поползновения западно-европейского капитализма, который не двусмысленно здесь выражается. Советская власть плохо ли, хорошо ли ведет борьбу с этим международным хищническим капитализмом, она ведет борьбу с этими поползновениями. Мы уже здесь заявили, что в этой борьбе мы будем вместе с Советской Властью, мы будем вести борьбу с этими поползновениями бок о бок с ней. Вот эти два условия, условия объективной действительности

^а Так в документе, следует состоят.

^б Так в документе, следует отечественного.

^в Так в документе, вероятно, следует это.

сти, ясно, отчетливо и определенно говорят, что эта тактика – лозунг свержения Советской власти, самый факт свержения Советской Власти не только выбрасывается из арсенала политической работы партии социал-революционеров среди крестьян, но я говорю, что мы считаем, как и здесь заявляли, это сейчас при данной объективной обстановке вред для самого дела революции. Каковы же положительные задачи, которые ставит себе партия эсеров в деревне. Основная задача, которая стоит сейчас перед крестьянской массой, это восстановление крестьянского хозяйства, как такового, восстановление производительных сил сельского хозяйства. Это нужно, это диктуется[,] во[-]первых тем, что само крестьянство стоит на грани физического вымирания, оно должно сейчас вести в области хозяйства борьбу за свое дальнейшее физическое существование. Эта позиция диктуется и тем, что базисом восстановления народной хозяйственной жизни в России, было, есть и будет крестьянское хозяйство. Поэтому поскольку, поскольку^Г революция, как таковая заинтересованная в восстановлении производительных сил страны, она тем более заинтересована в восстановлении сил в корне разрушенного крестьянского хозяйства. И вот этот лозунг, лозунг восстановления крестьянского хозяйства является первым лозунгом, который должны бросить члены нашей партии в эту крестьянскую среду, в эту крестьянскую массу. Второе положение в связи с той позицией, в которую поставлены сейчас крестьянские массы, в связи с тем, что они переживают чрезвычайное социальное расслабление, политическую, так сказать, деморализацию и классовую дезорганизацию, они в этом положении могут сделаться и делаются легкой добычей всяких авантюристов разных родов и мастей. Чтобы крестьянство было в глазах политической партии активной действующей революционной силой, оно должно изжить эту свою классовую дезориентацию, оно должно ясно и отчетливо осознать[,] кто его враги, и кто его друзья, оно должно осознать[,] с кем ему [по] пути и с кем ему не по дороге. Вот изживанию этой классовой дезориентации партия и должна посвятить максимум своих усилий. Она прежде всего всеми средствами и способами, которыми она располагает, как партия нелегальная и гонимая, она должна засыпать брешь, пробитую в едином рабоче-крестьянском фронте. Она должна засыпать тот ров, который образовался между трудовой крестьянской деревней и промышленным пролетариатом. Она должна стремиться к установлению единого рабоче-крестьянского фронта. Эта следующая основная задача партийной деятельности, которая стояла, стоит и будет долгое время стоять перед социалистической партией. Третья задача – удерживая бунтарско-мятежные настроения взбудораженной деревни, удерживая это настроение, подогреваемое порой острыми объективными условиями, вызываемыми острыми средствами, которые пускаются по тем или иным соображениям в ход властью предержавшей, партия эсеров будет волеизъявление трудовых крестьянских масс направлять только по руслу политической борьбы, а не по руслу вооруженной борьбы, и она должна принять все меры, что бы эти бунтарские мятежные настроения крестьянских масс разряжать, направляя его политическое волеизъявление в тех легальных руслах, которые представлены, представляются и будут расширяться легальной советской действительностью. Что бы консолидировать распыленные, деморализованные политические настроения деревни, мы должны применять только меры политического, а не вооруженного или какого[-]нибудь другого воздействия. Задачи партии – направить политическую мысль и политическое волеизъявление в том направлении, что бы она в этих условиях советской действительности, принимая активное участие в политической жизни, имела организационные формы своего политического волеизъявления. Вот почему выдвинут был лозунг для крестьянских организаций еще в 20-ом году – вовлекать крестьянские массы в политические компании^Д, что бы и в этих политических компаниях нашло себе выражение волеизъявление широких крестьянских масс и происходило давление на советскую власть в том смысле, что бы политическим и экономическим социальным нуждам, потребностям этих широких трудовых крестьянских масс, советская власть не только прислушивалась, но и шла навстречу. И от мудрости советской власти, от ее политического разума будет зависеть – пойдет ли она навстречу или не пойдет. В области экономики советская

^Г Так в документе.

^Д Так в документе.

власть сделала на этом пути один маленький шаг, как ни плох продналог, как бы мы его ни расценивали, как бы мы его ни критиковали, но он все же является шагом вперед, он все же является выходом из того безысходного^е тупика, в который зашли крестьянские массы. Действительность показывает, что это система продналога под давлением жестокой экономической и политической необходимости, будет совершенствоваться, приспособляться к конкретным условиям крестьянского хозяйства, будет, выражаясь языком нашего процесса[,] уточняться. Уже мы имеем сейчас форму единого продналога. Когда будет достигнута стабилизация рубля, когда будут приняты меры к урегулированию денежного обращения, очевидно этот уточненный продналог будет заменен обычной продналоговой системой. Но, граждане, этот продналог является с нашей точки зрения уже шагом вперед в том отношении, что он до некоторой степени открывает окошко для развития производительных сил сельского хозяйства. Как не плох этот закон, но стимул у крестьян к расширению своего производственного процесса, своего хозяйства, этим уже не отнимается. В узких рамках, но крестьянину предоставлена та или иная возможность хотя бы спасти себя от неминуемой физической гибели. Идя по этому пути, идя навстречу восстановлению народной хозяйственной жизни, восстановлению крестьянского хозяйства во всем его объеме, советская власть, по нашему глубокому убеждению не останется глухой и к тем социальным политическим притязаниям, которые совершенно естественно и законно заявляет эта крестьянская масса, и мы верим, что под этим давлением волеизъявления этих масс Советская Власть, хотя бы в пределах той конституции, которую она утвердила и которой живет, пойдет на политические уступки крестьянству и в этом направлении. Вот основные вехи, вот основные стержни той тактики в области крестьянской политики, которые приняла и должна будет принять партия социал-революционеров. Вот то в области крестьянской политики, вернее говоря в области тактической линии поведения, в области крестьянской политики, которую мы формулируя здесь завещаем нашим товарищам, восходя на изготовленный нам эшафот» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 274–286).

¹⁰⁸ По сообщению «Известий ВЦИК» от 25 мая 1918 г. причиной вооруженного выступления в Саратове 16–18 мая стал отказ местного Совета удовлетворить требования красноармейцев по улучшению их положения. Возмущенные этим солдаты восстали, захватили вокзал, почту и начали артиллерийский обстрел здания Совета. Выступление с трудом было подавлено. Власти утверждали, что местные эсеры принимали в выступлении «горячее участие».

¹⁰⁹ Начавшееся в июне 1918 г. после взятия Самары чехословацкими подразделениями восстание крестьян Саратовской губернии в тылу Красной армии не получило достаточной поддержки Комитета членов Всероссийского учредительного собрания – частям Народной армии не удалось прорвать линию фронта.

¹¹⁰ 10 марта 1881 требования «Народной воли» были сформулированы в письме Исполнительного комитета к Александру III. Они сводились к объявлению амнистии по политическим делам и созыву народных представителей.

¹¹¹ М. Миньков в опубликованной «Правдой» статье «Задачи партии в деревне» предлагал: «Крестьяне выходят из партии. Вовлекать их в партию не имеет смысла. Нужно лишь создать партийное ядро из бедняков и батраков, обеспечив им материальное существование при выполнении ими партработы» (Миньков М. Задачи партии в деревне // Правда. 1922. 4 авг.).

¹¹² В ночь на 26 апреля 1921 г. по решению Коллегии ВЧК около 250 заключенных социалистов и анархистов (членов ПСР, ЛПСР, МПСР, РСДРП и анархистских организаций) были насильно и без каких-либо разъяснений вывезены из московской Бутырской тюрьмы и распределены по тюрьмам Москвы (Лефортовская) и провинции (Владимирская, Орловская, Рязанская). Во время акции многие из арестантов (среди которых находилось немало больных и женщин, в т.ч. беременных), отказывавшиеся выходить из камеры, подвергались сильным избиениям, получив тяжелые травмы. Вопрос о проведенной операции был поставлен меньшевистской фракцией 14 мая в Московском совете, после чего его руководство создало комиссию из трех представителей РКП(б). В своем отчете Московскому

^е Так в документе.

совету, сделанном 30 июня 1921 г., комиссия пришла к выводу, что сила применялась не против заключенных, а самими заключенными.

¹¹³ В июле 1920 г. М.А. Веденяпин из тюрьмы обратился с заявлением в ВЧК, в котором высказывался за борьбу с Польшей, Антантой, Врангелем, за всемерную поддержку Красной армии и высказал желание вступить в ее ряды: «Мне лично невозможно постичь, как можно иначе действовать, как только отстаивая необходимость борьбы против интервенции, против блокады, за восстановление торговых сношений, за признание советского правительства Антантой. Считаю необходимым поддерживать Красную армию и тыл в огромной борьбе с Польшей, имеющей историческое значение. Два с половиной месяца я пытаюсь это изложить, но, к сожалению, не мог этого сделать[...]».

Я сделал бы все возможное, чтобы бороться со шляхетской Польшей и ее союзниками, а также с Врангелем, считая, что никто не может быть сейчас нейтральным в этой борьбе[...]» (Известия ВЦИК. 1922. 3 авг.).

¹¹⁴ На процессе ПСР Верховный революционный трибунал в обвинительном заключении предъявил подсудимым эсерам обвинение в покушении на командира Красной армии на Урале Рейнгольда Берзина в июле–августе 1918 г. Однако Трибунал на судебном заседании не предпринимал никаких попыток выяснить детали якобы имевшего место покушения и не привел доказательств его реальности.

¹¹⁵ Ниже приводится стенографическая запись выступления А.Р. Гоца: «ГОЦ: Еще несколько часов[,] и отойдет в область истории и этот эпизод той политической тяжбы, которую партия социал-революционеров и партия коммунистов ведет сначала русской революции. Мы за 50 дней судебного следствия старались с исчерпывающей полнотой обрисовывать позиции партии в прошлом, очертить ее деятельность за минувшие 4 года и что еще важнее с нашей точки зрения наметить те основные политические позиции, которые партия занимает в настоящий момент. [...] Мы достаточно скрещивали свои политические мечи. Но я хотел бы в самых немногих словах ответить на тот новый вопрос, который поставил сегодня перед нами, передо мною и всеми моими товарищами председатель Трибунала. Он спросил, что бы мы сделали, если бы мы очутились на свободе. Собственно до него этот вопрос в несколько иной форме поставил Луначарский. Он к нам в своей первой обвинительной речи обратился с риторическим вопросом: вы говорите, что вы будете бороться против нас, если вы вновь очутитесь на свободе, но как будете бороться, будете ли бороться так (здесь он цитировал слова Ленина, произнесенные во времена Керенского) будете ли ставить всякие новые трудности нам, будете ли отравлять атмосферу, сеять смуту, устраивать хозяйственный срыв и прочее и прочее. Другими словами спрашивал, не будем ли мы в своей деятельности стремиться превратить всякую царапину в зияющую рану, всякую трещину в пропасть и всякую заминку в катастрофу. Позвольте на этот вопрос в самых кратких сжатых чертах дать наш ответ. Что бы мы делали в области внешней политики. В области внешней политики наша партия проводила бы ту линию, которую мы вели. Мы бы стали бороться против всяких скрытых форм интервенции, мы бы настаивали на признании Советского Правительства, мы бы поддерживали борьбу Советской Власти против притязания иностранного капитала постольку, поскольку действительно Советская Власть боролась бы за интересы рабочего класса, за интересы страны. Там, где она, по нашему мнению, отступает от интересов рабочего класса, от интересов страны, там мы сочли бы своим долгом социалистическим и революционным выступить здесь в России против нее, с указанием рабочему классу на тот неисчислимый вред, который мог бы принести тот или иной ложный шаг Советской Власти. Что бы мы сделали в области внутренней политики. Тут также мы дали свой исчерпывающий ответ. Та самая основная задача, которая стояла перед нами[,] сводилась бы к организациям широких трудящихся масс города и деревни на предмет преодоления диктатуры правящей партии и на предмет борьбы с реакционной опасностью[,] с той реакционной опасностью, которая ныне угрожает рабочему классу не извне, а изнутри, из тех новых сил, которые выращиваются на почве новой экономической политики, то есть большевизма. Вот ясный короткий ответ, который резюмирует все те разсуждения, которые мы здесь в продолжении стольких дней мы развивали. Я хочу остановиться на одном обстоятельстве: с тех скамей все возражения, направленные по нашему адресу неизменно оканчивались таким торжествующим призывом, таким ликующим рефреном: а мы вас победили, мы вас раздавили в открытом бою, теперь мы победители, а вы побежденные. Да, вы правы с этой точки зрения, пе-

ред судом истории этот факт еще далеко не так убедительный, как он кажется представителям обвинения. Мы знаем, что история судит строго и жестоко осудит иногда и победителей. Но в разрезе сегодняшнего дня этот аргумент звучит чрезвычайно полновесно и убедительно и этому аргументы мы можем сейчас противопоставить только знание своей морально-политической правоты и сознание того дела, во имя и ради которого мы боролись, которое мы так или иначе стремились реализовать и воплотить в жизнь. Да, увы, мы не заключили договора с победой и нам сейчас в расплату за это остается теперь заключить договор со смертью и я только думаю, что все мы исполним свой революционный долг до конца. Вот то немногое, что я хотел сказать в моем последнем слове Трибуналу» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 286–289).

¹¹⁶ Ниже приводится стенографическая запись выступления С.В. Морозова: «МОРОЗОВ: [...] Ответственность за деятельность Центрального Комитета и отдельных его членов несу я. Эту деятельность я считаю правильной и всецело с ней солидаризируюсь. Я сугубо считаю себя ответственным за деятельность Московского бюро Центрального Комитета, в котором с августа 19 года я работал вдвоем с Донским. И если Крыленко, поддерживая предъявленное обвинение Донскому, не предъявил такого же обвинения мне, – о никчемности этого обвинения здесь уже много говорилось, то я думаю Трибунал это исправит, ибо наша работа была совместной[,] все решения и постановления принимались также совместно и разграничение было только в исполнении. К вашему приговору, который вы собираетесь вынести вернее^а, я отношусь с глубочайшим равнодушием, чтобы не сказать более. В своей революционной работе при царизме, я никогда не руководствовался тем, что мне грозит за эту работу. Не руководствуюсь я этим и при большевизме. Вашим врагом я был, есть и останусь и если суждено мне быть на воле, то все мои силы будут отданы на служение тому делу, которому я раньше служил 15 лет[,] делу освобождения трудящихся за свободу народа против его угнетателей и поработителей» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 36. Л. 286).

¹¹⁷ См. комм. 29 к делу 17.

¹¹⁸ Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935), Москва. Имело свыше 50 филиалов (1928). Печатные органы: журнал «Каторга и ссылка», «Бюллетень» (1930–33). В июне 1935 ликвидировано по постановлению Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) СССР. Многие члены позднее репрессированы по сфабрикованным обвинениям.

¹¹⁹ Подробнее об этом см.: Кронштадтская трагедия 1921 года. Документы. В 2 кн. М., 1999.

Приведем также ряд малоизвестных фактов, касающихся взаимоотношений эсеров и восставших кронштадтцев. Так, например, «Внсарттийное объединение» намеревалось оказать всемерное содействием мятежному Кронштадту. Находившиеся в Таллине В.М. Зензинов и В.М. Чернов призывали поддержать его всеобщей стачкой и восстанием. Чернов вел полемику с Кронштадтским ревкомом, в которой настаивал на своем приезде к повстанцам в качестве бывшего председателя Учредительного собрания и требовал признания восставшими идеи созыва Учредительного собрания. Одновременно на эстонской территории полковником Ф.Е. Махиным создавались эсеровские дружины и отряды из числа интернированных солдат и офицеров Северо-западной армии с целью поддержки кронштадтцев путем нанесения молниеносных ударов по Ямбургу, Пскову и Гдову. В эти дни позиции эсеров Эстонии значительно окрепли. Они пользовались вниманием эстонского правительства и всех иностранных миссий в стране.

Однако внезапно начавшееся восстание застало эсеров врасплох. В нужное время и в нужном месте они оказались без необходимых средств и людских резервов. Административному центру удалось лишь организовать отправку транспорта с продовольствием, но из-за стремительно развивавшихся событий большая часть помощи не дошла по назначению.

Отношение самих повстанцев к эсерам было неоднозначным. Кронштадтские лидеры, с уважением относившиеся к Партии социалистов-революционеров (о чем

^а Так в документе.

свидетельствовали их неоднократные обращения в адрес центральных органов партии и руководителей эсеровской эмиграции), в своих посланиях отмечали неприятие восставшими массами принципа партийности и лозунга созыва Учредительного собрания (Так, председатель Временного Ревкома Н.Е. Архипов писал 22 марта 1921 г. эсерам в Прагу, именуя их «единомышленниками»: «масса [...] с презрением смотрит теперь на всякую партийность [...], так же и с Учредительным собранием, потому что не совершенно уяснила, что такое есть, а известно, как коммунисты долбили эту Учредилку. Наверно, и в зубах навязла. Самый лучший способ – беспартийность и свободные Советы на равном и тайном избирательном праве [...]» (ГАРФ. Ф. 6772. Оп. 1. Д. 79. Л. 6)). Недоверие к Учредительному собранию основывалось на его оценке как органа, «выбранного партиями, а не народом». Визита самого Чернова кронштадтский гарнизон не пожелал, заявляя, что он «опять разведет партийность».

¹²⁰ 27.11.1918 Верховный революционный трибунал РСФСР, рассмотрев дело об организаторах левозсеровского «мятежа» 06.07.1918, заочно приговорил к расстрелу Д.И. Попова (расстрелян в конце 1920 г.), 9 членов ЦК ПЛСР (в т.ч. Б.Д. Камкова, В.А. Карелина и П.П. Прошьяна), Я.Г. Блюмкина и Н. Андреева – к 3 годам поремного заключения с принудительными работами. М.А. Спиридонову и Ю.В. Саблина к 1 году тюремного заключения, «учитывая их особые прежние заслуги перед революцией» (29.11.1918 амнистированы Президиумом ВЦИК); большинство осужденных заочно позднее были арестованы и отбывали наказание.

¹²¹ См. док. № 16-89, 16-91, 16-92, 16-93, 17-5, 17-6, 17-7, 17-9, 17-11, 17-13.

¹²² Временное правительство Северной области. Создано 28 сентября 1918 г. в Архангельске в период интервенции. Сменило «Верховное управление Северной области», образованное 2 августа 1918 г. Объединяло кадетов, эсеров, народных социалистов. Председатель Н.В. Чайковский. 30 апреля 1919 признало власть А.В. Колчака. Упразднено 10 сентября 1919 г. Колчаком, который провозгласил генерала Е.К. Миллера главным начальником края.

¹²³ «Юманите» (L'Humanité) – французская еженедельная газета, с 1920 г. центральный орган Французской коммунистической партии (в 1904–1920 гг. орган Социалистической партии), Париж. Основана Ж. Жоресом.

¹²⁴ Разность позиций в среде старых народовольцев вызвала к жизни еще два обращения, адресованных во ВЦИК. Первое из них гласило: «Военно-революционный Трибунал в заседании от 7 августа с/г. приговорил социалистов-революционеров к высшей мере наказания.

Группа старых революционеров, боровшихся долгие годы с царским правительством и отбывавших наказание в Шлиссельбурге, на каторге, в централах, в ссылке в Сибири, считает своим нравственным долгом, долгом социалистов, обратиться в данный момент в Высшее Государственное Учреждение – в ВЦИК со следующим заявлением.

Учитывая, с одной стороны, тот факт, что гражданская война закончена, что Россия вступила на путь мирного строительства, что в настоящее время существованию нашей социалистической республики никакая опасность не угрожает, а с другой стороны, то обстоятельство, что приговоренные к расстрелу – несомненные социалисты, боровшиеся много лет за освобождение родины от царского гнета и немало пострадавшие за это, мы полагаем, что применение к ним смертной казни не вызывается политической необходимостью и изменение приговора в сторону смягчения, по нашему убеждению, вызовет в широких массах чувство глубокого удовлетворения.

Вера Фигнер, Михаил Фроленко, Михаил Ашенбреннер, Анна Якимова-Диковская, Шебалин Михаил, С. Иванова-Борейша, Михаил Чернавский, Михаил Сажин, Евгения Фигнер-Сажина, Анна Топоркова-Горева, Михаил Дрей, А. Геденовский, Наталья Коган-Бернштейн, Брамсон Моисей, А. Бах, А. Ергин, [одна фамилия неразобрана]».

В другом обращении заявлялось: «В партийных газетах неоднократно печатались заявления с требованием применения высшей меры наказания, т.е. смертной казни, к подсудимым по процессу с.р. Мы, нижеподписавшиеся, ветераны революции считаем своим нравственным долгом открыто заявить, что такое требование противоречит идее социализма и человеческой совести: смертная казнь возможна только во время гражданской или внешней войны или в разгар политического еди-

ноборства. В настоящее время этих условий нет. А потому мы, с точки зрения наших идеалов и нравственных понятий, решительно протестуем против применения высшей меры наказания к подсудимым. 25/VIII-1922 г. Петроград.

А.П. Корба-Прибылева, Е.Н. Ковальская, А. Прибылев, А. Бибергаль, Николай Тютчев, В. Панкратов, О.В. Аптекман, И. Майнов»

В печати, насколько известно, обращения старых народовольцев не появлялись.

¹²⁵ См. предисловие, с. 59–60.

¹²⁶ В течение сравнительно короткого времени, начиная с 10 августа 1922 г. и до конца месяца по линии как партийных, так и карательных органов из Центра на места поступил ряд циркулярных писем, телеграмм и дополнений к ним, содержащих указания по ликвидации подпольных организаций ПСР и репрессий в отношении членов этой партии. Помимо первой общей директивы, отправленной 10 августа 1922 г., последовала 11 августа 1922 г. по линии ГПУ вторая, предусматривавшая «немедленное производство ликвидации всех активных эсэров вашего района». Учитывая необходимость «изъятия» членов ПСР из аппаратов местных учреждений, чекисты рекомендовали «вместо подлежащих изъятию через Губкомы и Губисполкомы подготовить соответствующих заместителей, дабы не создать осложнений в работе Совучреждений» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 319. Л. 215).

26 августа в дополнение к директиве от 10 августа 1922 г. чекистское руководство потребовало от местных губотделов завершить операцию по «изъятию» правых эсэров из всех транспортных учреждений до конца месяца. «Изъятых» членов ПСР требовалось «разбить на три категории – активных, малоактивных и подозрительных... 1-ю группу предать [в] ревтрибуналы, 2-ю направить в ссылку..., а 3-ю группу устранить с транспорта за сокращением штата» (Там же. Л. 214).

Представительством ГПУ по Сибири 17 сентября 1922 г. была подготовлена для Сиббюро ЦК РКП(б) информационная справка о проводимой чекистами анти-эсэровской операции. Приведенные данные по трем губерниям Западной Сибири позволили чекистским аналитикам сделать вывод о том, что «излюбленное место их (членов ПСР – *сост.*) деятельности – кооперация, как аппарат, охватывающий все слои и наиболее легко используемый для целей ПСР. Борьба с засильем эсэров в кооперации при условии выборности ее руководящих органов, требует не только административного подхода к разрешению этого вопроса, но и более сложных приемов. Одним из них, наиболее значительным, представляется борьба с широко распространяющимся мнением, что эсэры – хорошие дельцы и лучшие кооператоры[...]

Ново-Николаевская губ. Арестовано 20 человек эсэров, из них активных 19 и 1 не установлен[...] распределялись по учреждениям: в кооперации 13 чел., Внешторге 2 чел., Наробразе 2 чел., в Земотделе 1 чел., Сибгосплане 1 чел. и Здраводеле 1 чел. Из числа арестованных 7 человек подали заявление о выходе из партии эсэров». Далее сообщались сведения об аресте 17 чел. в Алтайской губ. и 13 чел. в Томске.

Местные чекисты, помимо прочего, проявляли озабоченность расконспирированием деятельности по ликвидации ПСР: «среди бумаг, найденных у одного арестованного, найден секретный циркуляр одной из организаций РКП, касающийся борьбы с эсэрами» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 161. Л. 261–261 об.).

¹²⁷ С окончанием гражданской войны в России общество продолжало испытывать на себе воздействие атмосферы и методов чрезвычайщины, причем касалось это не только деятельности чрезвычайных органов типа ВЧК, но и высших партийно-государственных институтов. С санкции последних в 1922 г. состоялись несколько процессов над священнослужителями, членами непролетарских партий, которые завершались, как правило, вынесением смертных приговоров либо всем обвиняемым, либо какой-то их части. Публичность процессов и переход к «нормальному» судопроизводству с такими элементами, как состязательность сторон (право обвиняемых на защиту) отнюдь не исключали предрешенность их результатов. Отрабатывалось все до мелочей – от агитационных кампаний до решения конкретной участи каждого из обвиняемых. Здесь-то и проявлялись приемы, лишь несколько видоизмененные, времен вооруженной борьбы, такие, как заложничество и другие. Так, весной 1922 г. во время обсуждения членами Политбюро вопроса о судьбе католических священников в Белоруссии, арестованных ГПУ за сопротивление изъятию церковных ценностей, Л. Троцкий пишет альтернативную резолю-

цию – «расстрелять – обменять на польских коммунистов». И высказанные намерения, как первые, так и вторые, были вполне реальными. Стремление стоять в оппозиции остальному «враждебному капиталистическому окружению» и всячески стимулировать революционное, коммунистическое движение в западных странах рождало время от времени стремление к совершению акций обмена заключенными для того, чтобы спасти нужных в то время большевистскому режиму иностранных революционеров.

В частности, в 1920 г. в Польше был брошен в застенки известный депутат от крестьян Домбаль. Советское руководство в течение трех лет вело кампанию по его освобождению и добилось желаемого, обменяв Домбалья на группу арестованных польских аристократов и священников.

Ядро данного сюжета – планировавшийся Политбюро, но так и не состоявшийся обмен немецкого коммуниста Макса Гельца на одного из 12 приговоренных к смертной казни с заменой пожизненным заключением лидеров эсеровской партии Евгения Тимофеева.

7 сентября 1922 г. Г.Е. Зиновьев обратился к членам Политбюро с письмом, в котором сообщал: «Т. Макс Гельц (член Компартии Германии, перенес 2 голодовки в тюрьме). Смертельно болен. Есть основание думать, что гермпра отпустило бы его в Россию, если бы мы об этом попросили. Макс Гельц сейчас один из самых популярных людей среди рабочих Германии. Он был членом К.А.Р.Д. и только 1 1/2 года тому назад открыто перешел к нам. Выручить его крайне важно. Предлагаю от имени Политбюро поручить т. Крестинскому произвести нащупывание почвы» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 295. Л. 40).

В тот же день опросом по телефону членов Политбюро предложение Зиновьева было принято, и Сталин направил директиву полпреду РСФСР в Германии Крестинскому «в полуофициальном порядке нажать на Германское правительство в целях освобождения из тюрьмы и отправки в Россию коммуниста Макса Гельца, томящегося в тюремном заключении уже два года» (Там же. Л. 44).

Идея обмена М. Гельца именно на Е.М. Тимофеева, как это следует из постановления ПБ от 21 сентября 1922 г., возникла у членов Политбюро вероятно потому, что в начале сентября появились слухи о самоубийстве Тимофеева как акте протеста против фактического бессрочного заложничества (по постановлению Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г. исполнение смертного приговора 12-ти осужденным по процессу было приостановлено на неопределенный срок, в зависимости от поведения находившихся в подполье и эмиграции членов ПСР), и это приобрело широкий резонанс. Появился ряд публикаций в эмигрантской прессе (см. док. № 18-5, 18-6). Причину срыва переговоров об обмене установить не удалось. Возможно, здесь проявилось нежелание официальных немецких властей пойти на уступки в отношении Гельца, которому суд инкриминировал не политические, а уголовные деяния. Однако не следует исключать и того, что идея обмена была отвергнута самим Тимофеевым по соображениям этики профессионального революционера.

Примечателен следующий факт. В одной из своих нелегальных листовок (12 октября 1922 г.) Московское бюро ПСР обвиняло в лицемерии большевистское руководство, развернувшее активную кампанию протеста против преследования революционеров в других странах, одновременно жестоко преследуя русских социалистов (аресты, избиения в тюрьмах и т.д.) (АПРФ. Ф. 3. Оп. 59. Д. 20. Л. 207).

¹²⁸ Антиэсеровская пропаганда, заметно ослабевшая по завершении процесса, продолжалась в различных формах и в последующие месяцы, будучи уже связанной с новой стадией ликвидации оппозиционной партии и ее влияния на общество. Одним из типичных проявлений такого рода пропаганды следует рассматривать выпущенную Новониколаевским губкомом РКП(б) предназначенную для крестьянства листовку «Преступления правых эс-эров в Сибири» и приуроченную к 3-х летней годовщине освобождения губернии от колчаковщины (декабрь 1922 г.). Помимо обвинений в адрес ПСР (развертывание гражданской войны, пособничество интервентам, организация антисоветских восстаний в Сибири в 1920–1921 гг.) в листовке содержалась краткая тенденциозная характеристика прошедшего процесса: «Недавно Верховный Революционный Трибунал судил партию эс-эров за эти и за многие другие ее преступления, в числе которых было множество восстаний, покушений на убийство тов. **Ленина** и др.

На суде были знаменитые адвокаты – защитники, приезжавшие из-за границы. Суд был гласный, тянулся он более месяца. И он раскрыл данную вереницу отвра-

тительных преступлений эс-эровской партии против русского трудового народа и показал их всему миру. И ни заграничные защитники, ни сами эс-эры не смогли их опровергнуть.

Эс-эровская партия осуждена Трибуналом. Ее вождям Советская власть сохранила жизнь, как заложникам, чтобы эс-эры не возобновили их преступной и кровавой работы. Мировой рабочий класс подтвердил этот приговор, не смотря на то, что защитники и заграничные буржуазные газеты старались скрыть от него позорные дела эс-эров» (ГАНУ. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 263. Л. 40 40 об.).

¹²⁹ См.: Процесс эсеров. Вып. 2. Речи защитников и обвиняемых. М., 1922. В книгу вошли речи защитников – С.В. Членова, П.А. Шубина, Ф. Кона, А.А. Биценко, Н.И. Бухарина, Ж. Садуля, а также последние слова подсудимых второй группы И.С. Дашевского, К.А. Усова, Л.В. Коноплевой, Ф.Т. Ефимова, Ф.В. Зубкова, Ф.Е. Ставской, Г.И. Семенова, Г.М. Ратнера. Предисловие к книге написал Л.Д. Троцкий.

¹³⁰ Имеется в виду В.В. Сухомлин.

¹³¹ См.: Войтинский В. Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.

¹³² Письмо московских эсеров «К зарубежным товарищам», опубликованное в № 14-15 «Революционной России». См. обращение ЦК и ЦБ ПСР от 17 октября 1921 г. (подписано М.А. Веденяпиным, М.Я. Гендельманом, А.Р. Гоцем, Д.Д. Донским, Н.Н. Ивановым, Е.М. Ратнер, Е.М. Тимофеевым и М.С. Цейтлиным): К зарубежным товарищам [Обращение Центрального Комитета партии социалистов-революционеров] // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 2. С. 786–791).

¹³³ Дальневосточная республика (ДВР) – буферное государство между Советской Россией и Японией. Образована 6 апреля 1920 г. Столица Верхнеудинск, с октября 1920 г. – Чита. Глава правительства А.М. Красношеков, с начала 1922 г. Н.М. Матвеев, председатель Совмина П.М. Никифоров, командующий народно-революционной армией В.К. Блюхер. 15 ноября 1922 г. прекратила свое существование и вошла в состав России.

¹³⁴ См.: Партия социалистов-революционеров. Т. 3. Ч. 2. С. 928–954.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Абезгауз Давид Моисеевич (1886–?). Из мешан. Образование низшее. Электромонтер. В 1904 вступил в РСДРП. С 1905 в ПСР. По обвинению в революционной деятельности подвергался арестам и находился в заключении (1904, 1905, 1907, 1914). В 1920 арестован как активный работник партии эсеров. Вторично арестован 06.12.1921 в Москве, находился в Бутырской тюрьме; 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности; в июле 1922 содержался в Таганской тюрьме. В числе 38 социалистов и анархистов, содержащихся в Таганской тюрьме, поставил свою подпись под приветственным письмом Вере Фигнер по случаю ее 70-летия. Затем в ссылке. Дальнейшая судьба неизвестна.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943). Родился в семье чиновника. В 1897 поступил на юридический факультет Московского университета. Председатель студенческого Союзного совета объединенных землячеств, один из организаторов и руководителей студенческих антиправительственных выступлений (1899). Исключен из университета «без права обратного поступления» и выслан по месту постоянного жительства в Пензу. Осенью 1899 выехал в Германию, в Берлинском и Лейпцигском университетах изучал философию и политэкономия. В Галльском университете защитил докторскую диссертацию по философии Ф. Ницше (опубликована в рус. переводе в 1906 в петербургском издательстве «Север»). Ведущий участник кружка российских студентов в Германии (А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, И.И. Фондаминский и др.), сотрудничавших с эсеровскими организациями. Во время одной из поездок в Россию арестован на границе 30.07.1902, но через два месяца, в связи с недостаточностью улик, освобожден. В 1905 вернулся в Россию и вступил в Партию социалистов-революционеров. Кооптирован в ЦК. Входил в редакцию газеты «Сын Отечества». По решению ЦК замещал в Исполкоме Петербургского СРД представителя партии М.А. Натансона. Вместе с большинством членов Исполкома и депутатов Совета арестован 03.12.1905. В 1906 осужден на процессе Петербургского СРД, лишен всех прав состояния и сослан в Обдорск (ныне Салехард) Тобольской губ. В 1907 бежал за границу, где вошел в редакцию газеты «Знамя труда» и кооптирован в ЦК. Возглавляя правое крыло партии, выступал за ее легализацию и отказ от террора. В 1913 стал членом масонской ложи «Агни» (с 1919 мастер). Во время 1-й мировой войны участвовал в оборонческих изданиях эсеров «За рубежом», «Новости» и вместе с Г.В. Плехановым и др. в журнале «Призыв». Один из лидеров эсеров-оборонцев. Содействовал формированию добровольческих отрядов из российских политэмигрантов. После Февральской революции, 08.04.1917 вместе с А.А. Аргуновым, И.И. Фондаминским, В.М. Черновым и др. вернулся в Россию. Кооптирован в ЦК ПСР, от него введен в Исполком Петроградского СРД. На 1-м Всероссийском съезде КД (май) избран председателем Исполкома Всероссийского СКД. В июле стал министром иностранных дел во 2-м коалиционном правительстве. Участник Государственного совещания в Москве (август). 2 сентября ушел в отставку с поста министра. Участвовал в работе Всероссийского Демократического совещания (сентябрь); избран председателем Временного Совета Российской Республики (Предпарламента). В ходе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в ночь на 26 октября участвовал в создании Комитета спасения Родины и Революции. Избран в члены Учредительного собрания (по списку эсеров от Пензенского избирательного округа). Один из руководителей «Союза защиты Учредительного собрания». В декабре арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Освобожден по ходатайству левых эсеров. В марте 1918 участвовал в организации «Союза возрождения России». На Уфимском государственном совещании (сентябрь) избран председателем Временного Всероссийского правительства (Директории). После переворота в Омске (18 ноября) по приказу адмирала А.В. Колчака арестован и выслан в Китай. В 1919 приехал в Париж. Выступал против решения 9-го Совета ПСР отказаться от вооруженной борьбы с большевиками. 04.02.1920 на собрании членов Российского общества защиты Лиги Наций избран вместе с кадетами М.М.

Винавером и А.И. Коноваловым, в председатели этого общества. На организационном собрании «Внепартийного объединения» (07–12.11.1920) вошел в Административный центр. Принимал участие в частном Совещании членов Всероссийского учредительного собрания (08–21.01.1921) в Париже, на котором избран председателем Исполнительной комиссии совещания. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, дело выделено за нахождением за границей. Член общества «Земгор». После 1924 – член масонских лож «Северная звезда» и «Свободная Россия». В 1920–1940 член редакционной коллегии журнала «Современные записки». В 1936–1937 участвовал в организации и редактировании журнала «Русские записки». В октябре 1940 в связи с оккупацией Франции немцами переехал в Нью-Йорк, где входил в редакцию издаваемого нью-йоркской группой эсеров журнала «За свободу». Выступал с критикой соглашения СССР с Германией, заключение которого, по его мнению, значительно ухудшило положение Советского Союза и стало позором для России. С началом Великой отечественной войны занимал оборонческую позицию и высказывался за активную помощь советскому народу и государству в борьбе с нацизмом.

Агапов Владимир Владимирович (1890–?). Родился в мещанской семье. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. Член ПСР с 1909. В марте 1917 – марте 1918 входил в Исполком Московского СРСД и Президиум Московского областного бюро СРСД. После октябрьской революции входил в левое крыло ПСР. С ноября 1918 по март 1919 вел переговоры с Л.Б. Каменевым, а позднее с Л.П. Серебряковым о возможности и условиях легализации ПСР. В марте–апреле 1919 отв. редактор газеты «Дело народа» (вышло 10 номеров). 27 декабря 1919 был арестован ВЧК в Москве, 24 апреля 1920 освобожден. 2 марта 1921 вновь арестован. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса был приговорен в числе 12-ти к смертной казни. Содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 11 января 1924 смертная казнь была заменена на 5 лет заключения со строгой изоляцией с окончанием срока заключения 4 октября 1925. Участвовал в голодовке осужденных эсеров в октябре 1925. По окончании срока 3 марта 1926 должен был быть сослан в Шенкурск Архангельской губернии. Позднее был сослан в Оренбург. Дальнейшая судьба неизвестна.

Агранов (Сорендзон) Яков Саулович (1893–1938). В революционном движении с 1912: член ПСР (1912–1915); член Гомельского комитета ПСР (1914–1915); находился в Енисейской ссылке (1915–1917); в РСДРП(б) с 1915. После революции 1917 на партийной и советской работе: секретарь СНК РСФСР (1918–1919). В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1920: особоуполномоченный по важнейшим делам при СОУ ВЧК–ГПУ (1921–1922); нач. Особого бюро по делам административной высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ (1922–1923); зам. начальника, начальник СО ОГПУ (1923–1931); позднее – зам. Председателя ОГПУ, зам. Наркома внутренних дел СССР. Арестован в 1937, расстрелян в 1938. Не реабилитирован.

Адлер Фридрих (1879–1960). Один из лидеров Австрийской социал-демократической партии.

Азеф (Азев) Евно Фишелевич (1869–1918). Один из создателей и руководителей ПСР, глава Боевой организации ПСР и одновременно сотрудник Департамента полиции с 1893. Разоблачение Е.Ф. Азефа в декабре 1908 вызвало грандиозный скандал и в эсеровской партии и в российском обществе. Умер в Германии по выходе из тюрьмы, где сидел по подозрению в шпионаже. Подробнее см.: Николаевский Б. История одного предателя: террористы и политическая полиция. М., 1991; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа. Б.м., 1911; Письма Азефа: 1893–1917 / Сост. Д.Б. Павлов, З.И. Перегудова. М., 1994; Городницкий Р.А. Боевая организация партии эсеров (1901–1911). М., 1998; Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914. М., 1998 и др.

Александр II (1818–1881) – российский император, убитый по приговору Исполкома «Народной воли» И.И. Гриневицким 1 марта 1881.

Александр III (1845–1894) – российский император, второй сын императора Александра II, сменивший его на престоле после его гибели в 1881. Проводил политику контрреформ, сочетавшую в себе «завинчивание гаек» в сфере социальной, национальной и культурной жизни, с проведением ряда прогрессивных экономических преобразований.

Алексеева Н.Н. Бывший член ПСР, свидетель обвинения на процессе по делу ПСР.

Альтовский Аркадий Иванович (1880–1975). Родился в семье акушерки (отчество по 1 мужу матери, акцизному чиновнику) Марии Николаевны Альтовской от гражданского брака с политическим ссыльным Феофаном Алексеевичем Борисовым. Учился в 1-й саратовской гимназии. Вошел в 1901 в образовавшуюся в Саратове молодежную группу социалистов-революционеров и социал-демократов, объединившую все рабочие кружки. Осенью 1900 местным губернским жандармским управлением впервые привлечен к дознанию по делу о «пропаганде» социалистических идей среди учащейся молодежи в Саратове и подчинен особому надзору полиции. Подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам в 1901, 1902, 1903, 1906. С 1907 в эмиграции. Входил в Парижскую группу содействия ПСР, в марте 1909 принимал участие в Заграничной конференции партии в Париже. Окончил Политехнический институт, работал инженером-электриком в электротехнической фирме в Гренобле. В августе 1917 вернулся в Россию. Работал в Саратовском губернском комитете ПСР, принадлежа к его центру. Избирался в уездный земский комитет (ноябрь) и в уездную земскую управу (декабрь). На 8 Совете партии (май 1918) первый сообщил о готовности поволжских крестьян выступить с оружием против большевиков. Эту информацию подтвердил Б.К. Фортунатов (из Самары). Сказанное ими повлияло на выбор территории для возобновления деятельности сторонников Учредительного собрания. В 1919 кооптирован в ЦК; арестован; мог быть освобожден по амнистии, но отказался от подписки о прекращении к-р деятельности и не был освобожден; 12.08.1920 – в Ярославской тюрьме. В 1921 сидел с женой в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1922 переведен во Внутреннюю тюрьму ГПУ. На судебном процессе ПСР обвинялся в проведении «военной работы в Саратове и снабжении документами и явками направляемых к нему белогвардейцев и членов организаций». Приговорен к расстрелу, исполнение которого приостановлено. В апреле 1923 содержался в Таганской тюрьме. 11.01.1924 смертная казнь была заменена на 5 лет заключения со строгой изоляцией. Срок заключения закончился 27.12.1924, после чего был выслан на 3 года в Темир-Хан-шуру. В 1930 – в ссылке в Ростовской обл., затем – на Северном Кавказе. В 1937 получил срок исправительно-трудовых лагерей. После войны отбывал ссылку в Ухте, где работал старшим инженером, в 1955 – был главным инженером электростанции в Ухте. С 1965 жил в Москве у приемной дочери.

Аммосов Максим Кирович (1897–1938). Член РКП(б) с марта 1917. С 1918 секретарь и комиссар просвещения Якутского Совета, затем на подпольной работе в Сибири. В 1920 уполномоченный Сибревкома по организации органов Советской власти в Якутии, председатель губревкома, в 1922–1923 секретарь Якутского бюро РКП(б), в 1925–1928 председатель СНК и ЦИК Якутской АССР. Репрессирован.

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971). Из крестьян, с 1914 – рабочий артиллерийского склада в Петербурге. Член РСДРП с конца 1915, с 1920 – член Президиума ЦИК СССР и член ЦК РКП(б), в последующие годы являлся кандидатом и членом Политбюро ЦК ВКП(б), а с 1953 по 1962 – членом Президиума Верховного Совета СССР.

Андреева (Горбунова) Александра Азарьевна (1888–1951). Член РСДРП с 1905. За революционную деятельность подвергалась репрессиям царского правительства. После Октябрьской революции работала в органах народного образования в Слободском Вятской губернии. С 1919 работала в Разведупре РККА. 01.12.1921–01.03.1931 – помощник начальника Секретного отдела ВЧК–ГПУ–ОГПУ. С марта по декабрь 1931 – секретарь Секретно-политического отдела

ОГПУ. С декабря 1931 – помощник начальника СПО ОГПУ. 05.12.1938 арестована, 04.05.1939 осуждена на 15 лет лагерей. 17.07.1951 умерла в заключении, похоронена в пос. Абезь. В 1957 реабилитирована.

Анипко. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Речь идет, по-видимому, об Ф.М.Онипко.

Антонов Александр Степанович (1889–1922). Родился в мещанской семье; отец – владелец слесарной мастерской. Окончил 5 классов реального училища Кирсанова Тамбовской губ. В 1906 вступил в партию социалистов-революционеров максималистов. Находился на каторге (1907–1917). Освобожден после Февральской революции. Служил милиционером, затем начальником Кирсановской уездной милиции. Октябрьский переворот встретил враждебно. Опасаясь ареста, не вернулся в апреле 1918 из отпуска и перешел на нелегальное положение. В 1918–1920 занимался подготовкой крестьян Тамбовской губернии к вооруженному выступлению против власти большевиков. Один из организаторов Тамбовского восстания 1918. В 1920–1922 руководитель Тамбовского восстания. Застрелен вместе с братом сотрудниками ГПУ при попытке ареста.

Аргунов Андрей Александрович (1866–1939). Из семьи чиновника, учился на юрфаке Московского университета, один из руководителей «Союза социалистов-революционеров», основатель газеты «Революционная Россия», позже ставшей центральным органом ПСР. Накануне своего ареста в декабре 1901 принял в члены Союза провокатора Е.Ф. Азефа и передал ему все связи и полномочия. В 1905 бежал из Сибири и был кооптирован в ЦК ПСР, а на I съезде ПСР, учитывая его заслуги перед партией был избран в число пяти членов ЦК ПСР. В годы революции и после нее много занимался партийной оргработой, в январе 1909 вместе с другими членами ЦК подал в отставку. В 1909–1914 являлся членом Заграничной Делегации ЦК ПСР, руководителем Транспортной комиссии, снабжавшей российских эсеров нелегальной литературой, и одним из редакторов ЦО ПСР «Знамя труда». В годы первой мировой войны был оборонцем, участвовал совместно с рядом видных эсеров и меньшевиков в издании журнала «Призыв». После Февраля 1917 вернулся в Россию, занимал позицию на правом партийном фланге, являлся членом редакции ЦО ПСР «Воля народа». От имени «Организационного совета петроградской группы ПСР» опубликовал в сентябре 1917 воззвание, где обвинял ЦК в пораженчестве и максимализме и призывал сторонников подобного взгляда организовываться и может быть даже готовиться к отдельному съезду, что фактически могло означать раскол партии. Энергично боролся с большевиками, за что дважды был арестован (в конце 1917 и в начале 1918). Был избран членом Учредительного собрания, входил в состав «Временного Всероссийского правительства» (Директории) вплоть до ареста в Омске во время переворота адмирала А.В. Колчака, после чего был выслан за границу, где продолжал занимать позиции, неприемлемые для большинства членов партии. В частности он был одним из авторов «Призыва к мировой демократии» и участников Парижского совещания членов Учредительного собрания. Привлекался по процессу над эсерами, дело было выделено в связи с нахождением за границей. В 1922 вышел из партии и вместе с С.С. Масловым создал организацию «Крестьянская Россия», в 1927 конституировавшуюся в партию, которая ставила своей целью помощь крестьянам в их борьбе против коммунистического ига – за «национально-правовую и демократическую Россию».

Аросев Александр Яковлевич (1890–1938). Член РСДРП с 1907. В 1909–1910 вольнослушатель философско-филологического факультета Льежского университета (Бельгия). С 1916 студент Петроградского Психоневрологического института. С середины марта член Военного бюро при МК РСДРП, избран в Московский ССД. На 1-й Московской городской партийной конференции избран в МК РСДРП(б). В июне избран во Всероссийское бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). С начала сентября работал в Московской военной организации при МК РСДРП(б), секретарь большевистской фракции ССД. 25 октября избран кандидатом в члены Московского ВРК, начальник штаба восстания. 3 ноября назначен помощником командующего войсками МВО по полити-

ческой части и контрразведке. Избран в Московский СРСД и в Учредительное собрание. С 23 февраля член Чрезвычайного штаба МВО. Занимался созданием Красной армии. Участник гражданской войны. После ее окончания на научной и дипломатической работе. 8 февраля 1938 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Артемьев Николай Иванович (1883–?). Из крестьян. Окончил гимназию. В партии эсеров с 1903. По обвинению в принадлежности к ПСР сослан в Красноярский уезд Енисейской губернии, где занимался статистической работой. Вернувшись в 1913 в Москву, продолжал работать статистиком в Московской городской управе. Член МК ПСР в 1917–1920 (председатель в 1917–1918). В июне 1920 – в Бутырской тюрьме. 12.08.1920 – в Ярославской тюрьме. Освобожден и вновь арестован 20.04.1921 в Москве. Отбывал заключение во Владимирской тюрьме (избит). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен к 10-летнему тюремному заключению со строгой изоляцией, которое решением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 было сокращено до 5 лет с окончанием срока 20 марта 1925. Содержался в Бутырской тюрьме, дважды держал голодовку. По окончании срока тюремного заключения 23 июля 1925 должен был быть выслан в Букеевскую орду (Калмыцкая обл.), в 1925 – в Темир-Хан-Шуре. Чекистами характеризовался как «крупный и способный руководитель местных организаций».

Архангельский Василий Гаврилович (1869–1948). Из семьи священнослужителя. Окончил Московскую духовную академию. Преподавал в начальных и средних учебных заведениях, работал инспектором народных училищ. По обвинению в антиправительственной деятельности периодически подвергался увольнению, тюремному заключению и ссылкам. С 1906 в ПСР. В 1907 избран во 2-ю Государственную думу. На III съезде ПСР избран в ЦК. В сентябре 1917 вошел во Временный Совет Российской республики (Предпарламент). В ноябре избран в Учредительное собрание. С 1920 в эмиграции. Участник Инициативной группы «Внепартийного объединения» (1920–1922). Редактор центрального органа ПСР – журнала «Революционная Россия» (1921–1926). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено за нахождением за границей.

Астров (наст. фамилия Повес) Исаак Сергеевич (1876–1922). Рано вступив в социал-демократическое движение, впервые был арестован в 15-летнем возрасте. Член РСДРП с 1902, с 1903 меньшевик. Сотрудничал в газете «Луч», журнале «Наша Заря», «Возрождение»; в 1912 арестован, выслан в Нарым, затем эмигрировал. В годы I мировой войны член Заграничного секретариата ОК РСДРП, позднее участвовал в циммервальдском движении. После Февраля 1917 вернулся в Петроград, входил в ПК РСДРП(м). Член Центрального бюро меньшевиков-интернационалистов с момента его создания в июне. Делегат объединительного съезда РСДРП (август 1917), избран кандидатом в члены ЦК РСДРП(о). Не приняв октябрьскую революцию и агитируя против большевистского режима, тем не менее голосовал за участие в переговорах с большевиками о создании однородного социалистического правительства. С середины 1918 в Одессе, неоднократно арестовывался местными органами советской власти, в 1921 выдворен в Харьков, где вошел в Главный Украинский комитет партии меньшевиков. В апреле 1922 выслан в Туркестан, скончался от тифа по дороге в ссылку в саратовской пересыльной тюрьме.

Аустрин Рудольф Иванович (1891–1937). Член РСДРП с 1907. Подвергался тюремному заключению (1912, 1915–1917). В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1918: пом. Уполномоченного 3-го отделения СО ВЧК (1921); нач. 9-го, нач. 2-го отделения СО ГПУ (1922); нач. 3-го отделения СО ОГПУ (1925–1929); позднее – полпред ОГПУ, нач. УНКВД ряда краев и областей РСФСР. Арестован и расстрелян в 1937. Реабилитирован.

Ашанин (Антонов) Николай Михайлович (ок. 1890–?). Из мещан. Родился в семье врача. Окончил юридический факультет Московского университета (1911). В ПСР с 1905. В 1912–1918 – частный поверенный и страховой агент

(Пенза). В 1919–1921 – заведующий инструкторским отделом и секретарь Тверского губернского союза кооперативов. Арестован 7 марта 1921 Тверской ВЧК по телеграмме ВЧК на основании обнаруженных 3 марта 1921 при аресте помощника секретаря ЦК ПСР М.Л. Гершевич-Свирской эсеровских явок, среди которых значился адрес Н.М. Антонова. «На допросе в ВЧК заявил, что с 1905 года по настоящее время сочувствует ПСР, хотя официально членом партии никогда не состоял и не вел никакой партийной работы[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 18). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ, в апреле – в тюрьме в Кисельном пер., в июле – в Таганской тюрьме. В числе 38 социалистов и анархистов, содержащихся в Таганской тюрьме, поставил свою подпись под приветственным письмом Вере Фигнер по случаю ее 70-летия. В октябре 1923 находился в тверском исправдоме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Бабин-Корень Борис Вячеславович (1887–?). Образование незаконченное высшее. Член ПСР с 1906. По обвинению в революционной деятельности судился в Петербурге (1908). До I мировой войны занимался литературной работой. В 1914 – феврале 1917 служащий и литератор. После Февральской революции и в годы гражданской войны кооператор на Дону и Кубани. В 1922 член Ученого совета и Ученый секретарь Центрального института труда (Москва). На допросе 11 апреля 1922 во время предварительного следствия в ГПУ на вопрос о политических убеждениях сообщил, что является беспартийным «сторонником единого Интернационала» (ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 348. Л. 198–199). 09.05.1922 освобожден. Вскоре вновь арестован в Москве, заключен в Лефортовской тюрьме. 9 августа 1922 объявил голодовку. 30 сентября 1922 – в Таганской тюрьме. В декабре 1922 освобожден. В 1925 – декабре 1927 – в ссылке в Усть-Сысольске. В апреле 1927 – в Зырянском крае. В феврале 1928 освобожден. В 1930 – в исправительно-трудовых лагерях на Колыме. Умер на этапе.

Бакич Андрей Степанович (1878–1922). Военачальник. Черногорец. В России с 1900. Окончил Одесское военное училище (1902). Участник русско-японской и I мировой войн. Командир полка, полковник (1916). Начальник 2-й Сызранской дивизии народной армии Комуча (1919). Командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, генерал-майор (1919). Бывший член партии социалистов-революционеров; в начале гражданской войны командовал бригадой Красной Армии. Служил у атамана А. Дутова, произведен им в чин генерал-лейтенанта (1920). После его гибели (1921) возглавил Оренбургскую армию. 27 марта 1920 перешел китайскую границу у г. Чугучак (провинция Синьцзян), где со своими подчиненными был интернирован китайскими властями. 24 мая 1921, ввиду угрозы захвата лагеря Красной армией, отдал приказ о перемещении находившихся под его командованием частей и следовавших с ними беженцев вглубь китайской территории на восток («Голодный поход Оренбургской армии»). После боев в конце октября остатки корпуса Бакича, насчитывавшие несколько сот человек, сдались Красной армии под Уланкомом. Осужден на открытом процессе в Новониколаевске. В январе 1922 Бакич, его помощник генерал Степанов, начальник штаба полковник Смольнин-Терванд и 14 других командиров Оренбургской армии расстреляны в Кяхте.

Бауэр Наталья Арнольдовна (1892–1923). Член ПСР. Арестована 23 марта 1921 в Москве. Помещена в Бутырскую тюрьму. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведена не была. По данным ГПУ на 1 апреля 1922 содержалась во внутренней тюрьме, затем – в Ярославском политизоляторе. 2 октября 1922 подверглась избиению в тюрьме; 3 октября объявила голодовку. В ноябре 1922 – в Бутырской тюрьме. 23 марта 1923 прибыла в Соловки со сроком 3 года. 19 декабря 1923 убита охраной Соловецкого лагеря.

Бебель Август (1840–1913). Один из основателей и руководителей германской социал-демократической партии и II Интернационала. Неоднократно изби-

рался в рейхстаг. Подвергался репрессиям (всего пробыл в заключении около 6 лет).

Бейлин Александр Ефимович. Член ПСР. 7 июня 1918 постановлением ЦК ПСР был «прикомандирован к Московскому городскому комитету». Арестован 3 декабря 1921 в Москве. Содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1924 – в ссылке в Вятке, затем – в Челябинской тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Белецкий Вячеслав Константинович (ок. 1896–?). Из мещан. После окончания гимназии (1913) железнодорожный служащий. В 1914–1915 учился в Петроградском университете. По обвинению в принадлежности к партии эсеров и ведении агитации арестован и приговорен Петроградским военным окружным судом к году крепости без зачета предварительного содержания под стражей. Освобожден по амнистии в дни Февральской революции 1917. Член Петроградского СРиСД. Работал в профсоюзе металлистов. Как член саратовской организации ПСР арестован 7 августа 1918 и провел 8 месяцев в заключении. После освобождения поступил добровольцем в Красную армию. В 1920 демобилизовался и продолжил учебу в Петроградском университете. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован, в марте 1922 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 25 апреля 1922 освобожден, т.к. его дело было прекращено по амнистии 27 февраля 1919. Дальнейшая судьба неизвестна.

Белимо-Пастернаков Гавриил Андреевич (1897–1923). Сын учителя. Учился на историко-филологическом факультете Петроградского университета (1914–1917). Слушатель Института народного хозяйства в Москве (1921). Работал в кооперации и занимался преподавательской деятельностью. В ПСР с 1916. После Февральской революции 1917 входил в Петроградский СРиСД; работал в Бюро печати Министерства земледелия Временного правительства. В октябре 1917 – секретарь Тверского губернского земельного комитета. Инструктор Тверского (октябрь 1917 – сентябрь 1918) и Тульского (сентябрь 1918 – сентябрь 1920) посреднического товарищества кооперативов; инструктор по кооперации (сентябрь 1918 – сентябрь 1920) и заведующий бухгалтерско-статистической частью Тульского совнархоза (сентябрь 1918 – апрель 1921). С апреля 1921 в Москве – секретарь Белорусского университета. 26 апреля 1921 арестован, помещен в Бутырскую тюрьму. Освобожден. Арестован СО ВЧК 05.09.1921 на основании агентурных сведений, что он является членом Центрального организационного бюро ПСР. Помещен в Ярославский политизолятор. На допросе отказался от дачи показаний. В декабре 1921 содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17 мая 1922 приговорен к 2 годам ссылки в Яренск Вологодской губ. 19 мая 1922 – в Ярославской тюрьме. 3 октября 1922 объявил голодовку. В декабре 1922 – в Бутырской тюрьме. В марте 1923 – в Ярославском политизоляторе. 23 февраля 1923 приговорен к заключению в СЛОН. 19.12.1923 застрелен охранниками Соловецкого лагеря особого назначения.

Белимо-Пастернаков Паригорий (Григорий) Андреевич (1896–?). Из семьи учителя. Учился на физико-математическом факультете Петроградского университета (1914–1917). В ПСР с 1916. Летом 1917 призван на военную службу; рядовой в Нижегородском учебном батальоне. В начале 1918 демобилизован. Давал частные уроки. Заместитель главного бухгалтера Тульского совнархоза (сентябрь 1918 – март 1921). Арестован Тульской ГЧК по телеграмме ВЧК в марте 1921 на основании того, что адрес Белимо-Пастернакова был взят в числе явочных адресов у помощника секретаря ЦК ПСР М.Л. Гершевич-Свирской при операции по социалистам-революционерам 03.03.1921. «На допросе заявил, что в ПСР вступил в 1916 в Петрограде. Был рядовым членом партии, партийных

выборных должностей никогда не занимал, не занимал также никаких выборных должностей в 1917 и 1918 гг. В настоящее время тоже состоит членом партии[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 21). В декабре 1921 содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В марте 1922 содержался в Бутырской тюрьме. В мае 1922 приговорен к ссылке в г. Яренск сроком на 2 года под гласный надзор Губотдела ГПУ. В январе–марте 1924 – в Сольвычегодске, затем в ссылке в центральной части России.

Бенеш Эдуард (1884–1948). В 1915–1918 являлся генеральным секретарем эмигрантского Чехословацкого национального совета, затем с сентября 1918 по 1935 – министр иностранных дел Чехословакии, а в 1921–1922 премьер-министр. В 1935–1938 был президентом страны, а после оккупации Чехословакии немцами эмигрировал. Вновь был избран президентом в 1946–1948, вынужденно ушел в отставку.

Бентам Иеремия (1748–1832). Английский философ, социолог, юрист. Родоначальник философии утилитаризма.

Бенту Н. Член ПСР. В мае 1922 содержался в Бутырской тюрьме. Подписал «Обращение членов ПСР, находящихся в заключении в Бутырской тюрьме, к Центральному Комитету ПСР».

Берг Ефроим Соломонович (1875–?). Член ПСР. Арестовывался в 1899, 1905, 1913, 1914, дважды ссылался. В 1917–1919 – член Петроградского Совета, член бюро ВЦИК. Арестован в марте 1918 в Петрограде. В апреле 1919 содержался в Бутырской тюрьме, затем освобожден. 03.08.21 арестован в Москве, помещен в Бутырки. 17.11.21 освобожден. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 24 февраля 1922 арестован в Москве, содержался в тюрьме в Кисельном переулке. По итогам процесса приговорен к 5 годам тюремного заключения со строгой изоляцией; в 1923 содержался в Бутырской тюрьме, принимал участие в 14-ти дневной голодовке. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 срок заключения сокращен до 2,5 лет (с учетом уже отбытого наказания срок закончился 24 января 1924), выслан на 3 года в Темир-Хан-Шуру. В мае 1928 – в Буйнакске ДагАССР; в 1933 – в Суздальском политизоляторе; в 1934 приговорен к ссылке в Мары-Ташкент на 3 года; 26.09.37 приговорен к ВМН; 09.10.37 расстрелян.

Берзин (Берзиньш) Рейнгольд Иосифович (1888–1939). Из батраков. Учитель. Член РСДРП с 1905. Окончил школу прапорщиков (1916), поручик. С июня 1918 председатель Высшей военной инспекции в Сибири, командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом. В декабре 1918 – июне 1919 инспектор армии Советской Латвии, затем член РВС Западного, Южного, Юго-Западного фронтов. В декабре 1923 – июле 1924 член РВС Туркестанского фронта. Репрессирован.

Биценко (урожд. Камеристая) Анастасия Алексеевна (1875–1938). Из крестьян с. Александровка Бахмутского уезда Екатеринославской губ. Окончила гимназию, училась на педагогических курсах. Член ПСР с 1902, состояла членом комитетов партии в Смоленске (1902–1903), Петербурге (1903–1904), Москве (1905). В 1905 участвовала в летучем Боевом отряде, от имени которого 22 ноября того же года застрелила генерала-адыютанта В.В. Сахарова, усмирявшего аграрные беспорядки в Саратовской губернии. 3 марта 1906 военно-окружным судом в Саратове приговорена к бессрочной каторге, которую отбывала в Забайкалье (Нерчинская каторга) вместе с М.А. Спиридоновой, А.А. Измайлович, П.П. Прошьяном, Е.С. Созоновым и другими известными террористами. Освобождена по личному распоряжению А.Ф. Керенского 3 марта 1917. Возглавляла просветительскую комиссию Читинского Совета, участвовала в организации местного комитета ПСР. Делегат 3-го съезда партии от За-

байкальской области, была избрана в его президиум. После окончания работы съезда осталась в Москве. На 7-м Совете партии голосовала за платформу левой оппозиции. Состояла членом редакционного коллектива журнала «Наш путь», играла одну из главных ролей в самоорганизации левых эсеров в Москве. Неудачно баллотировалась в Учредительное собрание. 27 октября на пленарном заседании Моссовета была избрана в состав его президиума. Принимала участие в работе Московского ВРК, от которого получила поручение организовать аграрную комиссию при губернском Совете РД. Возглавляла Московское областное бюро эсеров-интернационалистов, сплотившее вокруг себя левозэсеровские организации Центрального промышленного района. Общим собранием 2-го Всероссийского съезда Советов КД избрана в Исполком ВСКД. Вошла в объединенный ВЦИК, входила в состав советской делегации на переговорах в Брест-Литовске. 30 ноября 1917 избрана в состав организационной комиссии ЦК ПЛСР. В марте–июне 1918 участвовала в работе Совнаркома Москвы и Московской области, являясь товарищем (заместителем) председателя М.Н. Покровского. Член ВЦИК 3–4-го созыва, Исполкома Московского областного Совета, участница Всероссийских съездов Советов. Инструктировала Я.Г. Блюмкина и Н.А. Андреева перед покушением на В. Мирбаха. Во время июльских событий была ненадолго арестована. Осудила начавшиеся репрессии против левых эсеров на заседании Московского областного Совета, вошла в состав временного Центрального бюро ПЛСР. Являлась одним из организаторов группы «Воля Труда», ставшей инициатором создания Партии революционного коммунизма. На 1-м Всероссийском съезде ПРК выступила с докладом от бюро по организации съезда. До ноября 1918 была членом ЦК ПРК, затем вступила в РКП(б) по рекомендации Я.М. Свердлова. На процессе являлась общественной защитницей 2-й группы обвиняемых. Была функционером Наркомзема, членом коллегии Главсовколхоза, работала в молочной кооперации, на преподавательской работе, была одним из теоретиков совхозно-колхозного строительства. Одна из инициаторов создания Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (ОПиС), член его руководящих органов. В 1920–30-х член ОПиС, персональная пенсионерка союзного значения. Выпустила ряд книг, посвященных колхозному движению. 7 февраля 1938 была арестована по обвинению в принадлежности к «антисоветской эсеровской террористической организации», 16 июня приговорена Военной коллегией ВС СССР к расстрелу. Реабилитирована в 1961.

Блинин. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности

Блох Леонид Максимович (Максимилианович). Член ПСР. Арестован 2 февраля 1922, содержался во внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В апреле 1922 содержался во внутренней тюрьме ГПУ.

Блюменталь М.А. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено в отдельное судопроизводство за нерозыском.

Блюмкин Яков Григорьевич (Симха-Янкель Гершев) (1898–1929). Родился в семье приказчика. В период 1-й Мировой войны учился в Одесском техническом училище; связан с эсеровскими ученическими кружками и Одесской группой анархистов-коммунистов. С 1917 левый эсер. После октябрьского переворота – боец, командир отряда, помощник начальника штаба и начальник информационного (разведывательного) отдела штаба 3-й Советской украинской армии. После отступления армии с Украины – в распоряжении ЦК ПЛСР. В июне 1918 по рекомендации ЦК ПЛСР принят на работу в ВЧК на должность заведующего отдела. 6 июля по заданию партийного руководства вместе с фотографом возглавляемого им отдела Н.А. Андреевым совершил убийство германского посла В. Мирбаха. В апреле 1919 добровольно явился в Киевскую губчека и дал показания председателю Всеукраинской ЧК М.Я. Лацису о подготовке и проведении

акта 6 июля, не сообщая имена руководителей. На основании доклада Особой следственной комиссии Президиум ВЦИК 16 мая того же года амнистировал его. В июле 1919 перешел в Союз максималистов. Осенью 1919 по партийной мобилизации от Союза максималистов направлен в РВС Южного фронта; уполномоченный Особого отдела по борьбе со шпионажем 13-й армии, начальник штаба, и.о. командира 79-й бригады 27 Омской дивизии Южного фронта. Летом 1920 назначен комиссаром штаба Красной армии Гилянской Советской республики (Северный Иран). Один из руководителей коммунистического переворота в Гиляне. Вступил в Персидскую коммунистическую партию и вошел в ее ЦК. Осенью 1920 направлен слушателем на восточный факультет Академии Генштаба РККА. В 1921 принят в РКП(б). С последнего курса академии откомандирован в секретариат наркомата по военным делам, состоял при наркоме Л.Д. Троцком для особо важных поручений. В 1923 приглашен на работу в Коминтерн и направлен на конспиративную работу в Западную Европу. По предложению Ф.Э. Дзержинского перешел на работу в Иностранный отдел (ИНО) ОГПУ. Резидент советской разведки в Палестине. Затем вошел в состав коллегии Закавказского ГПУ (под фамилией Исаков) и работал помощником полномочного представителя ОГПУ на Кавказе. В 1925 направлен Оргбюро ЦК ВКП(б) на ответственную работу в Наркомат торговли; заведующий отделом организации торговли, консультант при наркоме. Позже отзван в ИНО ОГПУ и назначен главным инструктором Государственной внутренней охраны Монголии. Одновременно являлся резидентом разведки на Тибете Внутренней Монголии и северных районах Китая. Советник в гоминьдановской армии генерала Фына. В ноябре 1927 отозван в Москву. В 1928–1929 резидент внешней разведки на Ближнем Востоке (Сирия, Палестина, Хиджаз, Египет). После возвращения в Москву в середине октября 1929 арестован по обвинению в нелегальном сотрудничестве с Л.Д. Троцким. В декабре 1929 расстрелян по постановлению судебной коллегии ОГПУ «за повторную измену делу пролетарской революции и Советской власти и за измену революционной чекистской армии».

Бобров-Васильев Николай Васильевич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. См. Васильев Николай Васильевич.

Боголепов Николай Павлович (1846–1901). Профессор римского права, ректор Московского университета, в 1898–1901 министр народного просвещения. 14 февраля 1901 смертельно ранен бывшим студентом П.В. Карповичем.

Богораз (Тан) Владимир Германович (1865–1936). Писатель-публицист, этнограф и языковед. В 80-х годах XIX в. участвовал в народовольческом движении, один из организаторов Южнорусской организации «Народной Воли», в 1889 был сослан в Сибирь; по возвращении из ссылки входил в редакции журналов «легальных марксистов» «Начало» и «Жизнь». В 1905 один из создателей «Крестьянского союза», в 1906 один из организаторов Трудовой народно-социалистической партии, сотрудник газеты «Родная земля». В годы первой мировой войны – оборонец, после Октября 1917 сосредоточился на научной работе, являясь профессором этнографии Петроградского университета. В дальнейшем был директором Музея истории религии АН СССР; являлся одним из инициаторов образования Комитета Севера, создания письменности для народов Севера, автором первых учебников, словарей и грамматики чукотского языка.

Бондаренко Евгения Семеновна (ок. 1888–?). Из мещан. Окончила Высшие женские курсы (Петроград). Работала в системе внешкольного образования Волоколамского уезда Московской губернии. Член Тамбовской ГО ПСР с 1917. Осенью 1918 переехала в Тамбов. Сотрудничала в кооперации. С мая 1920 заведующая библиотечной секцией Тамбовского губнаробраза. Арестована в сентябре ТГЧК «по делу тамбовской нелегальной организации социалистов-революционеров». Согласно «[...]показаниям Муравьева Георгия [П.] Бондаренко входила в ядро тамбовской организации социалистов-революционеров в 1919 году и 1920 году, хранила у себя типографский шрифт и через нее устраивалось печатание на пишущей машинке нелегальной эсеровской литературы[...]». Как показывал Н.Г. Муравьев, «[...]Бондаренко была в мае 1920 году на собрании социалистов-революционеров в лесу, где обсуждались вопросы организационного харак-

тера. Была на собрании 10 сентября 1920 года [...], где были выборы в губернское бюро и где обсуждался вопрос о нападении на Моршанский артиллерийский склад. В апреле 1920 года была выбрана в городской комитет тамбовской организации». Неоднократно выезжала в Москву за партийной литературой. «На первом допросе Бондаренко отрицала свою принадлежность к партии социалистов-революционеров, но на втором допросе [...] созналась, что будучи социалистом-революционером по убеждениям с 1909 года вступила в партию социалистов-революционеров официально с 1917 года. С осени 1919 года по приезду в Тамбов состояла членом тамбовской социал-революционной нелегальной организации, присутствовала на собрании членов организации в лесу, в мае 1920 года, на губернском совещании в июне 1920 и на совещании членов партии в квартире Акулина в сентябре 1920 года, где обсуждался вопрос об отношении к восстанию Антонова. От дальнейших показаний и назвать участников собраний Бондаренко отказалась. Отправлена в Тамбовскую губернскую чрезвычайную комиссию для дальнейшего следствия и на распоряжение» (ЦА ФСБ РФ, Н-1789. Т. 21. Л. 23 и об.). В 1921 предана суду Ревтрибунала. Дальнейшая судьба неизвестна.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955). Большевик, в революционном движении с 1895, участник революции 1905–1907. В 1917 член Исполкома петроградского Совета, председатель комитета по борьбе с саботажем и контрреволюцией. В 1917–1920 управляющий делами СНК, затем на научной работе.

Бордига Амадео (1889–1970). С 1910 член Итальянской социалистической партии, возглавил течение, близкое к анархизму. С 1919 во главе фракции «коммунистов-бойкотистов». В 1921 участвовал в основании Итальянской компартии, до 1926 входил в состав ее руководящих органов. Делегат II Конгресса Коминтерна. В 1930 исключен из партии. Выступал против тактики Коминтерна по созданию единого антифашистского фронта. В 1944 основал партию «коммунистов-интернационалистов».

Борисенко. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919. Вероятно, речь идет о Борисенко Дмитрие Павловиче, арестованном в 1921 в Брянске и препровожденном в Бутырскую тюрьму; освобожденном в августе 1921; затем вновь арестованном и освобожденном в 1922; в 1925 сосланным в Марийск.

Бочарников Михаил Григорьевич (1886–?). Родился в семье крестьянина. Образование домашнее. Принимал участие в социал-революционном движении с 1902. Член ПСР с 1904. Активист ПСР с 1906. В 1905 выслан из Ростова-на-Дону на родину, в село Богородицкое Богородицкого уезда Ставропольской губернии. В 1907 арестован в Москве и весной 1908 бежал от конвоя на этапе. Около 10 месяцев в тюрьме. Летом покушался на побег из Рязанской тюрьмы. После пребывания в заключении выслан в административном порядке в Архангельскую губернию на 3 года. Бежал от конвоя (1909). Эмигрировал в 1910. Проживал в Бельгии, Швейцарии и Франции. Вернулся в Россию в 1911. В том же году арестован в Москве и помещен в тюрьму. После освобождения вновь арестован в 1912 в Москве. Находился в заключении в Москве и Рязани. Постановлением Московской судебной палатой отправлен на поселение. В 1913 по приговору суда сослан на поселение в Иркутскую губернию. Освобожден по амнистии политическим заключенным в марте 1917, входил в Иркутский губком партии эсеров. В марте–июле председатель правления Иркутского союза потребительских обществ. В августе–октябре 1917 председатель Богородицкого волостного земства Богородицкого уезда Ставропольской губернии. Избран в ноябре в Учредительное собрание. В 1918–1920 член Бюро Северо-Кавказского Союза городов, председатель Кубанского общества университетов (Екатеринодар). В 1918–1919 член Кубанского краевого комитета партии и редколлегии его органа – газеты «Родная Земля» (Краснодар). По данным СО ВЧК («Список членов ЦК ПСР находящихся в заключении» от 25.11.1920) М.Г. Бочарников являлся «[...]председателем подпольн[ого] к[омите]та Екатеринодарской орг[аниза]ции [ПСР], прибывшим в Москву для пополнения ЦК» (РГАСПИ, Ф. 17. Оп. 84. Д. 139. Л. 45). Арестован СО

ВЧК в Москве 30.07.1920, содержался в Бутырской тюрьме, затем – во Внутренней тюрьме ГПУ, освобожден после 4-месячного заключения. Заместитель заведующего отделом Кубанско-Черноморской сельскохозяйственной кооперативной секции (1921). В 1922 заместитель заведующего Нежинской конторой Центроколхоза по хлебозаготовкам (г. Нежин Черниговской губ.). Заведующий оперативным отделом Башсоюза, заведующий статистическо-экономическим отделом товарной биржи, заведующий планово-экономическим отделом Южураллеса, преподаватель школы II ступени (г. Уфа). В 1922 арестован в Киеве «за участие в съезде социалистов-революционеров» и административно выслан в Уфу на 3 года.

Брандес Георг (1842–1927). Датский критик и историк литературы. Основной труд «Главные течения в европейской литературе XIX века» (т. 1–6, 1872–1890).

Брандлер Генрих (1881–1967). Рабочий, член СДПГ с 1898, член ЦК КПГ в 1919–1923. Выступил в октябре 1923 против курса ЦК КПГ на вооруженное восстание, за что был исключен из ЦК. После исключения из КПГ в 1929 и прихода к власти фашистов эмигрировал и вернулся в Германию лишь после войны.

Брантинг Карл Яльмар (1860–1925). Один из основателей (1889) и лидеров Социал-демократической рабочей партии Швеции (с 1907 Председатель ее Исполкома). С 1896 депутат Парламента от СДРПШ. В 1917–1918 министр финансов, в 1920–1925 премьер-министр, в 1921–1923 также министр иностранных дел.

Брауде (урожд. Булич) Вера Петровна (1890–?). С марта 1917 по июль 1918 состояла в партии левых эсеров, в сентябре 1918 вступила в РКП(б). С января 1918 занимала должность заместителя председателя Казанской губчека. В июне–июле 1918 работала в следственной комиссии ревтрибунала 5-й армии Восточного фронта, с августа 1918 – сотрудник ЧК Восточного фронта. С октября 1918 – заместитель председателя следственной комиссии Казанского губревтрибунала, с августа 1919 по сентябрь 1920 – заместитель председателя Челябинской, Омской, Новосибирской и Томской ЧК. В 1920–1924 – помощник начальника отделения Секретного отдела ВЧК–ОГПУ. С октября 1924 – партийный следователь Московской контрольной комиссии при МК РКП(б). С 1926 – уполномоченный 5-го отделения Контрразведывательного отдела ОГПУ.

Браун. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. См. Броун-Ракитин М.Я.

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844–1934). Из семьи крупного помещика. В 1870–1880 участвовала в народническом движении, на «процессе 193-х» приговорена к каторге, которую отбывала на Каре, где была первой женщиной-каторжанкой. В сентябре 1896 по амнистии вернулась в Европейскую Россию. Стояла у истоков эсеровской партии. С 1903 в эмиграции. В 1905–1907 в России, арестована в сентябре 1907 и после 2,5 лет в Петропавловской крепости сослана в Восточную Сибирь, зимой 1913 за попытку побега приговорена к 1 году и 4 месяцам тюремного заключения. В марте 1917 вернулась в Петроград, затем совершила агитационную поездку по стране, призывая к единству и созыву Учредительного собрания. На III съезде ПСР избрана почетным председателем и членом ЦК, однако отказалась войти в ЦК, т.к. съезд забаллотировал кандидатуру А.Ф. Керенского. Избрана членом Учредительного собрания по эсеровскому списку в Черниговской губ. После Октября 1917 два месяца нелегально жила в Петрограде, затем в Москве, летом 1918 выехала на Урал, затем в Омск. В начале 1919 вместе с чехословацким эшелоном покинула Россию, уехала в США, в 1920 вернулась в Европу, жила в Берлине, Париже, Праге.

Бриан Аристид (1862–1932). Французский государственный деятель и дипломат, начавший свою карьеру как социалист, но исключенный из соцпартии в 1906 за вхождение в правительство. В 1909–1929 являлся вице-премьером и премьером, министром иностранных дел. В 1926 получил Нобелевскую премию мира.

Бризон Пьер (1878–1923). Французский социалист, адвокат и публицист. В 1910–1919 член палаты депутатов. Во время первой мировой войны занимал центристско-пацифистскую позицию, участник Кинтальской конференции. В 1921 примкнул к Коммунистической партии Франции, из которой вскоре вышел.

Брун (Браун)-Ракитин Михаил Яковлевич (1889–?). Родился в семье приказчика, позднее заведшего собственную торговлю. В 1898 поступил в Елизаветградское реальное училище, откуда был исключен в 1905 за антиправительственную деятельность и эмигрировал в США. Проживая в Нью-Йорке, примкнул к анархистам-коммунистам. Через три месяца вернулся в Россию и был вновь принят в Елизаветградское реальное училище, которое окончил в 1906. Одновременно работал в подпольной ученической революционной организации. В 1906 поступил на физико-математический факультет Новороссийского университета (Одесса) и вошел в южнорусскую группу анархистов-коммунистов, в которой вел пропагандистскую и террористическую работу под руководством лидера группы «Черное знамя» И.С. Гроссмана. Впоследствии член ПСР. Будучи арестован Одесским жандармским отделением по делу об экспроприации, выдавал в 1906–1907 своих товарищей. Осужден на 10 лет каторги, отбыл этот срок. Оставаясь членом партии эсеров, в марте 1919 после освобождения Елизаветграда от петлюровских войск избран первым секретарем Елизаветградского исполкома Советов. В том же месяце вступил в РКП(б). Служил в органах ВЧК, НКВД, НК РКИ. Во время процесса ПСР выступал свидетелем обвинения. В 1925 после обнаружения в Одесском архиве протоколов его дореволюционных допросов был арестован ОГПУ как провокатор, исключен из партии. ОГПУ и ЦКК предложили сослать его в административном порядке в Туркестан, не предавая суду, «поскольку речь идет о человеке, игравшем некоторую роль в революции и известном широким кругам коммунистов и эс-эров».

Брудерер (Брудедер). Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Брусинин. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Брушвит Иван Михайлович (1880 – не ранее 1945). Из семьи чиновника. Учился в Петербургском горном институте. Активный участник студенческого движения. В ноябре 1917 избран членом Учредительного собрания (по Самарскому избирательному округу – от губернской организации партии эсеров и губернского Совета крестьянских депутатов). В июне 1918 в числе организаторов самарского Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, товарищ председателя Комитета и управляющий ведомством финансов. В 1919 выезжает за границу. В 1920–1922 член Административного центра «Внепартийного объединения». С 1922 председатель Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением обвиняемого за границей. В мае 1945 арестован сотрудниками советских спецслужб и вывезен в СССР.

Брюллова-Шаскольская Надежда Владимировна (1886–1937). Потомственная дворянка. В 1908 окончила историко-филологическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов. Преподавала в Петрограде в гимназиях и Народном университете, занималась научной работой. В 1916 сдала испытания на диплом 1-й степени Петроградского университета. Член ПСР с 1910. Пользовалась известностью как специалист по национальному вопросу. Делегат 3-го съезда партии эсеров (май–июнь). С лета 1917 член Петроградского губернского комитета ПСР. После партийного раскола в ноябре избрана его председателем. Участвовала в 4-м съезде партии (ноябрь–декабрь). Осенью 1918 выехала на Украину. В

1919–1920 экстраординарный профессор по кафедре истории религии Харьковского университета. С 1921 преподавала в вузах Петрограда. К процессу ПСР не привлекалась. 25.07.1922 арестована и административно выслана в Среднюю Азию. Проживала в Ашхабаде и Ташкенте – научный и музейный работник. По возвращении в Ленинград работала переводчиком и занималась литературной деятельностью. 25.02.1933 повторно арестована и сослана в Ташкент. 24.04.1937 вновь арестована и постановлением «тройки» НКВД от 26.09.1937 приговорена к расстрелу. Реабилитирована посмертно.

Бубнов Андрей Сергеевич (1884–1938). Член РСДРП с 1902, член ЦК в 1917–1918 и в 1924–1937. В 1922–1923 возглавлял Агитпроп ЦК РКП(б). С 1929 по 1937 нарком просвещения РСФСР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Буракова Мария Николаевна (1892 – после 1975). Член Коммунистической партии с 1918. С июня 1922 – заместитель технического секретаря Политбюро ЦК РКП(б). В 1923–1925 – технический (1923 – дежурный) секретарь Политбюро ЦК РКП(б). В дальнейшем – на партийной, советской и научной работе.

Буревой (Сопляков) Константин Степанович (1888–1934). Из украинских крестьян. Окончил 4-х классную земскую школу. С 1905 в ПСР. В апреле 1907 вошел в Острогжский уездный комитет партии эсеров. С 1910 в составе Воронежского губернского комитета партии. За принадлежность к эсерам и участие в погромах помещичьих усадеб арестовывался и высылался в Пермскую (1907) и Олонецкую (1911) губернии. В июле 1914 арестован за издание в Петербурге эсеровской газеты «Живая мысль труда», в августе выслан на 3 года в Енисейскую губернию. С 1914 «пораженец». В сентябре 1915 бежал из ссылки. В 1916 арестован в Петрограде и выслан в Туруханский край. В июне–августе 1917 – председатель Президиума Исполкома Воронежского Совета. Получив сообщение о большевистском перевороте в Петрограде и подготовке большевиков и левых эсеров к взятию власти в Воронеже, объявил 29 октября о выходе крестьянской секции из Совета и образовании губернского Совета крестьянских депутатов. 30 октября арестован ВРК, но в тот же день освобожден. На 4-м съезде ПСР избран в ЦК, в котором примыкал к черновскому крылу. Член Учредительного собрания, работал в «иногородней комиссии» фракции эсеров. Во второй половине января 1918 выехал в Киев, где вошел в состав Центральной Рады. С февраля введен в Крестьянскую комиссию при ЦК партии эсеров. В июне вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания. В июле–августе особоуполномоченный на Хвалыинско-Вольском участке фронта Народной армии Комуча. Участвовал в Съезде членов Всероссийского Учредительного собрания (сентябрь–ноябрь), подписав заявление ЦК партии с призывом к борьбе с правой реакцией. После колчаковского переворота арестован 19 ноября в Екатеринбурге в числе виднейших деятелей партии эсеров. После освобождения в подполье. Вошел в Уфимскую делегацию ПСР, установившую в ходе переговоров в январе–феврале 1919 соглашение с большевиками. В феврале амнистирован ВЦИКом Советов. В июне покинул ЦК партии. Один из основателей группы «Народ», член редакции журнала «Народ». В ноябре исключен из ПСР за призыв к членам партии вступать в Красную армию. С другими деятелями группы «Народ» создал «Меньшинство ПСР» (МПСР) и вошел в Центральное организационное бюро МПСР. В феврале 1922 подписал заявление меньшинства Центрального бюро с призывом к самороспуску МПСР, после чего отошел от политической деятельности. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 24.02.1922 арестован ВЧК в Москве по обвинению в антисоветской деятельности, 04.05.1922 освобожден под подписку о невыезде. 27.05.1922 судебной коллегией Верховного трибунала при ВЦИК дело было прекращено в связи с амнистией. На судебном процессе ПСР проходил свидетелем защиты. 27.07.1922 арестован и отправлен в ссылку на 2 года в Ташкент; находился в тюрьме Нижнего Новгорода. По распоряжению заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта

возвращен в Москву и после встречи с ним освобожден 07.09.1922 за отсутствием состава преступления. В дальнейшем работал в Профинтерне, сельскохозяйственной кооперации и промышленности. Занимался поэзией, драматургией и литературной критикой. Обвиненный в «организации подготовки террористических актов против работников Советской власти», арестован и расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Бухарин Николай Иванович (1888–1938). Большевик с 1906, член ЦК партии в 1917–1934, кандидат в члены Политбюро ЦК (1919–1924), член Политбюро (1924–1929). Во время процесса представитель ЦК в Комиссии Коминтерна, защитник 2-й группы обвиняемых.

Бухтер Фаня (Фанни) Ошеровна. (1898–?). Член ПСР. Арестована 2 февраля 1922, содержалась во внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1922 содержалась в Ярославской тюрьме, после избиения 2 октября 1922 совершила попытку самоубийства, 3 октября объявила голодовку; 25 ноября 1922 приговорена к трем годам содержания в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ); в декабре 1922 содержалась в Бутырской тюрьме; в апреле 1926 – в Архангельске. Дальнейшая судьба неизвестна.

Быховский Наум Яковлевич (Иоким Шебшелович) (1875/1876–1938). Из мещан Черниговской губернии. Революционную карьеру начал по время учебы в фельдшерской школе в Чернигове и в последующие 10 лет неоднократно подвергался арестам и ссылкам. Находясь в конце 1901 в ссылке в Иркутске, вступил в ПСР, а летом 1902 вернулся в Европейскую Россию для продолжения партийной работы. В 1902–1905 работал в Одессе, Кишиневе, Екатеринославе, Саратове, Чернигове, Харькове, Смоленске, Николаеве, Киеве, Полтаве, Двинске, Риге и др. городах и дважды арестовывался на короткие сроки. В годы революции был вновь арестован и выслан за границу. С лета 1907 работал в петербургском комитете ПСР, а с осени 1907 до весны 1908 в качестве уполномоченного ЦК был направлен в Баку. В начале 1909 после окончания срока ссылки легализовался и вел партийную, профсоюзную и литературную работу в столице. В июле 1914 сослан в Сибирь, из которой вернулся после Февраля 1917 в Петроград, где стал одним из организаторов и руководителей Всероссийского Совета крестьянских депутатов и членом Президиума его Исполкома и редакции «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов». На III съезде партии был избран кандидатом в члены ЦК, а затем кооптирован в его состав. Член Учредительного собрания от Саратовской губернии. В 1918 выехал в Сибирь, работал в Сибирской областной думе, сотрудничал и редактировал в 1918–1919 ряд эсеровских и демократических газет, принимал участие в свержении Колчака, являлся министром земледелия в правительстве Политцентра. С весны 1920 по 1923 преподавал в Иркутском университете и получил звание профессора по кафедре политэкономии и экономической политике. В 1922 содержался в Иркутском политизоляторе. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, но на процесс выведен не был. В марте 1923 сослан в Казань. В декабре освобожден «с выездом за границу». В феврале 1924 вновь арестован. Находился в Таганской тюрьме (Москва). В 1937 на поселении в г. Тара Омской области. 28.10.1937 арестован по обвинению в «контрреволюционной террористической деятельности». 08.02.1938 ВКВС приговорен к ВМН и расстрелян 08.02.1938. Реабилитирован 14.08.1956.

Вандервельде Эмиль (1866–1938). Член Бельгийской социалистической партии с момента ее основания в 1885. По образованию юрист. С 1894 член палаты депутатов, с 1900 – председатель Международного социалистического бюро II Интернационала. Во время I мировой войны занял оборонческие позиции и вошел в правительство. После Февраля 1917 приезжал в Россию для агитации в пользу продолжения войны. На Парижской мирной конференции 1919–1920 в качестве представителя правительства Бельгии подписал Версальский мирный

договор. В 1922 принял участие в процессе над ПСР в качестве защитника первой группы обвиняемых. С 1924 являлся профессором политэкономии Брюссельского университета, но политической и государственной деятельности не бросал до конца жизни.

Вайнштейн (Звездин) Семен Лазаревич (1876–1923). Член РСДРП, меньшевик. После Февральской революции член Президиума исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, из которого вышел 25 октября 1917. Член ВЦИК первого созыва. На Объединительном съезде РСДРП в августе 1917 входил в президиум съезда. Член Временного совета Российской республики (Предпарламента). Во время гражданской войны вел борьбу против Советской власти, затем эмигрировал. Предполагаемый защитник эсеров на процессе.

Вакулин. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерыском.

Вардин (наст. фамилия Мгеладзе) Илларион Виссарионович (1890–1941). Окончил 2-х классную сельскую школу В компартии с 1917. После Октябрьского переворота член Саратовского губкома партии, начальник политотдела 1-й Конной армии, зав. подотделом печати ЦК РКП(б). В 1918–1919 член бюро Петроградского комитета РКП(б), в 1921 уполномоченный ВЧК. В 1925 активный участник т. н. «новой оппозиции». В декабре 1927 XV съездом исключен из партии как активный член троцкистской оппозиции. Работал литератором-журналистом. Арестован 28.02.1940. Приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 07.07.1941 по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 28.07.1941. Реабилитирован 28.03.1959.

Васильев Николай Васильевич (ок. 1880–?). Из крестьян. Окончил реальное училище и кооперативные курсы. Кооператор. В ПСР с 1904. С марта 1919 инструктор Единого военного кооператива (Москва). Впервые арестован ВЧК 06.12.1919 в Москве. «На допросе сперва назвал себя беспартийным, но потом сознался, что в ПСР состоит с 1904. Более никаких о себе сведений не дал[...]». Освобожден в декабре 1920. Вновь арестован Тверской ГЧК 07.03.1921 в Твери, на квартире члена ПСР Н.М. Антонова, операция на квартире которого была проведена по телеграмме ВЧК на основании того, что адрес его как явочный был обнаружен при аресте 03.03.1921 у помощника секретаря ЦК ПСР М.Л. Гершевич-Свирской. При аресте назвался Бобровым Николаем Васильевичем и предъявил подложный паспорт. «[...]на допросе после опознания его как старого арестованного сознался, что он – освобожденный из Бутырской тюрьмы в декабре 1920 социалист-революционер[...]». От дальнейших показаний отказался[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 25). Содержался в Бутырской тюрьме. Переведен с другими арестованными 27.04.1921 во Владимирскую тюрьму, откуда бежал 03.11.1921 с эсерами С.Д. Масаловым и А.П. Чистосердовым.

Вашингтон Джордж (1732–1799). Первый президент США (1789–1797), главнокомандующим армией колонистов в Войне за независимость в Северной Америке 1775–1783. Председатель Конвента (1787) по выработке Конституции США. Делегат 1-го и 2-го Континентальных конгрессов.

Веденяпин Михаил Александрович (1879–1938). Внебрачный сын помещика. После окончания Самарского реального училища (1900), поступил в Ново-Александровский институт сельского хозяйства и лесоводства. В марте 1901 впервые арестован за организацию студенческих волнений. По обвинению в революционной деятельности подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам в 1902, 1905, 1906, 1908. В

июле 1903 выехал в Западную Европу, где вскоре присоединился к Боевой организации ПСР. На женевском съезде партии вошел в состав Парижской группы (июль 1904). Летом 1905 возвратился на родину. В ноябре–декабре возглавлял Самарскую группу партии эсеров. С 1914 «оборонец», сотрудник Иркутского

отдела Всероссийского «Союза городов». После февральской революции участвовал в создании в Иркутске Комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов. С марта 1917 в Петрограде. На 3-м (май–июнь) и 4-м (ноябрь–декабрь) партийных съездах избирался в ЦК. В сентябре вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент). 8 декабря ЦК ПСР возложил на него руководство хозяйственной и финансовой частью Комитета. Отвечал за партийные финансы до переезда Комитета в Москву (март 1918), после чего был введен в его Бюро (Президиум). В процессе своей деятельности в центральных органах партии неизменно входил в число сторонников В.М. Чернова. В июне направился в Самару, где вошел в правительство Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) как управляющий ведомствами иностранных дел, почты и телеграфов. После государственного переворота адмирала А.В. Колчака находился на нелегальном положении. Правительством Колчака объявлен вне закона и заочно приговорен к расстрелу. 5 декабря участвовал в подпольном совещании лидеров Комуча (Уфа), на котором было принято решение о прекращении вооруженной борьбы и переговорах с Красной армией. 12.05.1920 арестован органами ВЧК. В 1920–1922 находился под следствием в Ярославской, а затем Бутырской тюрьмах. Вскоре после ареста совершил неудачный побег. В заключении твердо выступал против вооруженной борьбы с большевистским режимом. Осенью 1920 обратился с заявлением в ВЧК, в котором высказывался за борьбу с Польшей, Антантой и Врангелем, за всемерную поддержку Красной Армии. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 07.08.1922 приговорен Верховным ревтрибуналом к 10 годам лишения свободы. В 1923 принимал участие в 14-дневной голодовке в Бутырской тюрьме. Президиум ЦИК СССР 14.01.1924 сократил срок до 5 лет. По его отбытии Особым совещанием при ОГПУ выслан в Пензу на 3 года (с 15.05.1925). В ссылке работал статистиком-инструктором, занимался археологическими раскопками, сотрудничал в журнале «Каторга и ссылка». В 1928 срок ссылки в Пензе был продлен на 1 год. 15.09.1930 арестован, обвинен в принадлежности к контрреволюционной эсеровской организации и антисоветской деятельности. 03.01.1931 Особым совещанием при Коллегии ОГПУ осужден по статье 58-11 УК РСФСР к высылке в Чимкент на 3 года. 22.09.1933 и 12.07.1935 срок ссылки продлевался на 3 года. В Чимкенте работал старшим техником Арысского системного управления единой Гидрометслужбы, а позже изыскателем Ленгоспроектстроя. 21.09.1937 Выездной сессией военной коллегии Верховного суда СССР по ст. 58-8, 58-10 и 58-11 УК РСФСР осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей (считая срок с 07.02.1937). Умер от сердечной слабости в Восточном железнодорожном лагере (Комсомольск-на-Амуре). Реабилитирован в ноябре 1989.

Верховский Александр Иванович (1886–1938). Из дворян. В 1905 за либерально-конституционные взгляды исключен из Пажеского корпуса и отправлен рядовым в Маньчжурию; наводчик в полевом артдивизионе, награжден солдатским Георгиевским крестом и произведен в офицеры. Окончил Академию Генерального штаба (1911). С начала I мировой войны на фронте в Восточной Пруссии. С 1915 начальник оперчасти штаба 22-го корпуса Юго-Западного фронта, с июля в штабе 9-й армии, с декабря – 7-й армии. С марта 1916 подполковник, начальник штаба группы войск, предназначенной для овладения Трапезундом с моря. В сентябре–декабре 1916 помощник по оперчасти российского представителя при Румынской главной квартире. С начала 1917 начальник штаба Черноморской дивизии. В марте 1917 избран товарищем председателя Севастопольского совета. С 31 мая полковник и командующий Московским военным округом (МВО). 30 августа А.Ф. Керенский назначил Верховского военным министром, 1 сентября ввел его в состав Директории с присвоением звания генерал-майора, сохранил пост военного министра в новом составе правительства. 3 ноября вместе с членами ЦК ПСР направился в Ставку верховного главнокомандующего, где Общеармейский комитет и лидеры социалистических партий пытались создать «Общесоциалистическое правительство». После провала этого

плана отошел от политической деятельности. С 1919 в Красной армии на Восточном фронте. С 1921 в Академии РККА. В 1922 военный эксперт советской делегации на Генуэзской международной конференции. С 1930 начальник штаба Северо-Кавказского военного округа. 18.07.1931 по обвинению в антисоветской деятельности Коллегия ОГПУ приговорила Верховского к расстрелу, но 02.12.1931 заменила приговор на 10 лет лагерей. 17.09.1934 досрочно освобожден. 19.08.1938 Военная коллегия Верховного суда СССР по тому же обвинению приговорила Верховского к высшей мере наказания, расстрелян в тот же день. 28 ноября 1956 реабилитирован.

Викулин. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Вирт Карл Йозеф (1879–1956). В 1921–1922 германский рейхсканцлер. В 1922 подписал (вместе с В. Ратенау) советско-германский Рапалльский договор. В 1930–1931 министр внутренних дел, после 2-й мировой войны выступал за установление дружественных отношений с СССР. Международная ленинская премия (1955).

Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976). Из купеческой семьи, в революционном движении с 1903, в ПСР вступил в 1905, поставив перед А.Р. Гоцем и И.И. Фондаминским, которых знал с детства, два условия: неучастие в полемике с с.-д. и отказ от прославления террористической тактики. Принимал активное участие в декабрьском вооруженном восстании, был делегатом I съезда ПСР, неоднократно арестовывался. С июня 1906, приняв предложение К.Р. Кочаровского, занимался в организованной последним «академией» проблемами русского обычного права, но вскоре вновь вернулся к общепартийной работе. После полугодового заключения был в августе 1907 выпущен под залог и продолжил свое образование. В ноябре 1908 закончил юрфак Московского университета. В 1909–1910 и в 1911–1914 находился за границей, а в 1915 вместе с В.М. Зензиновым выпускал в Москве некоторое время легальную газету, где отстаивал оборонческие взгляды на войну. После Февраля 1917 вместе с В.В. Рудневым принимал участие в организации МК ПСР и ее печатного органа «Труд». В партии считался главным экспертом по вопросам публичного права, участвовал в работе нескольких комиссий Особого совещания по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, выступал на III съезде ПСР с докладом о государственном устройстве России, вел отдел государства и права в газете «Дело народа», являлся членом Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание. К октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно, входил в «Комитет спасения родины и революции», был избран депутатом Учредительного собрания и после его открытия стал его секретарем. До эмиграции занимался общепартийной и литературной работой. С мая 1919 во Франции. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. Последующие годы принадлежал к правому крылу ПСР и занимался главным образом литературной деятельностью, в том числе и в созданном совместно с Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, А.И. Гуковским и В.В. Рудневым журнале «Современные записки». В 1940 эмигрировал в США, где сотрудничал в эсеровском журнале «За свободу», а с 1942 по 1966 в «Новом журнале». Кроме этого входил с 1948 в Лигу борьбы за народную свободу, с 1953 в Координационный центр антибольшевистской борьбы. До конца жизни считал себя эсером, активно отвечая в прессе на нападки на эсеровскую доктрину как слева, так и справа.

Войтинский Владимир Савельевич (1885–1960). Родился в семье почетного потомств. гражданина, профессора математики Петербургского электротехнического института. В 1904 поступил на юридический факультет Петербургского университета (в 1909 отчислен за неуплату). С 1905 в РСДРП(б); в 1905–1907

входил в Петербургский комитет РСДРП. Во время сибирской ссылки сближается с меньшевиками. Как представитель идейного течения «сибирского циммервальдизма» одновременно критиковал «оборончество» и «пораженчество» и требовал скорейшего заключения мира без аннексий и контрибуций. После Февральской революции 1917 избирается в Бюро Исполкома Петроградского Совета РСД (апрель); вводится исполкомом в редакцию «Известий Петроградского Совета». Избран чл. Бюро ВЦИК (июнь). В июле входил в состав Военной комиссии ВЦИК и Исполкома Всероссийского Совета КД для восстановления и поддержания порядка в Петрограде. В июне назначен помощником комиссара Врем. правительства на Сев. фронте (с октября – комиссар), где активно проводил мероприятия по укреплению армии и нейтрализации влияния большевиков. Участвовал в ликвидации выступления ген. Л.Г. Корнилова (авг.). В сентябре вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент). По заданию Комитета спасения Родины и Революции занимался формированием фронтовых частей и участвовал в походе ген. П.Н. Краснова на Петроград. На Чрезвычайном съезде меньшевиков (ноябрь–декабрь) заочно избран кандидатом в члены ЦК. С 1921 в эмиграции. Вел исследования в области экономики и статистики. В 1929–1933 зав. отделом статистики Генерального совета профсоюзов Германии. В 1935–1947 работает в федеральных учреждениях США (Центральное статистическое управление, Министерство социального страхования). Сторонник государственного регулирования рыночной экономики. Автор классических работ по экономике и статистике, последние из которых написаны с позиций либерализма.

Вологодский Петр Васильевич (1863–1928). Родился в семье священника. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Служил судебным чиновником в Средней Азии. С 1897 в адвокатуре. Присяжный поверенный в Иркутске и Томске, старший председатель Омской судебной палаты. Член II Государственной думы от прогрессистов Томска. В январе 1918 назначен министром иностранных дел во Временном Сибирском правительстве под председательством П.Я. Дербера. С июня председатель и министр иностранных дел нового Временного Сибирского правительства. В ноябре председатель Совета министров Временного всероссийского правительства (Уфимской директории). С 19 ноября премьер-министр правительства адмирала А.В. Колчака и член Совета Верховного правителя. В ноябре 1919 назначен председателем Комиссии по выборам в Учредительное собрание. С начала 1920 в эмиграции в Шанхае.

Володарский В. (Гольдштейн Моисей Маркович) (1891–1918). В с.-д. движении с 1905, большевик с августа 1917, член ПК РСДРП(б). После октября 1917 комиссар по делам печати, пропаганды и агитации, член Президиума ВЦИК.

Вольский Владимир Казимирович (23.06.1877–04.10.1937). Из дворян, сын присяжного поверенного. По окончании Тамбовской гимназии (1895) поступил на математическое отделение Московского университета. За принадлежность к студенческой организации «Союзный Совет» и связь с социал-демократическим «Рабочим Союзом» (Москва) арестован в ноябре 1897. По обвинению в революционной деятельности подвергался арестам, тюремному заключению и ссылкам в 1899, 1900, 1902, 1905, 1907, 1908, 1911, 1914, 1916. С 1903 в ПСР. В 1908–1911 руководил Вологодской губернской организацией партии эсеров. С 1911 в Москве, работал в кооперации секретарем Комитета по сельским ссудосберегательным и промышленным товариществам при Московском обществе сельского хозяйства, участвовал в работе «Народного Банка», входил в редколлегия журнала «Кооперативная Жизнь» (1914). С 1914 – «пораженец». В 1914–1916 возглавлял Тверскую губернскую организацию ПСР. В дни Февральской революции принимал участие в вооруженном восстании в Твери. В марте 1917 один из организаторов губернских Советов рабочих и крестьянских депутатов, входил в тверской Временный комитет как представитель от Совета рабочих депутатов. С апреля товарищ председателя Совета рабочих и солдатских депутатов, с мая товарищ председателя Бюро Совета крестьянских депутатов. Председатель губернского комитета ПСР. На I съезде крестьянских депутатов избран в Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (май). Избран в

Президиум Демократического совещания в Петрограде (сентябрь) и в Учредительное собрание (ноябрь). На III съезде Советов (январь 1918) прошел в состав ВЦИК по списку фракции ПСР, но участия в его работе не принял. С февраля член Крестьянской комиссии при ЦК ПСР. В числе первых вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), который, по признанию Вольского, вел вооруженную борьбу не только против коммунистов, но и против принципа Советской власти. С августа председатель Президиума Комуча, участник Государственного совещания в Челябинске и Уфе. После колчаковского переворота арестован 19 ноября в Екатеринбурге вместе с видными деятелями ПСР. По освобождении ушел в подполье. Возглавляя Уфимскую делегацию ПСР, достигшую в феврале 1919 соглашения с большевиками. Один из основателей группы «Народ» (август 1919). За обращение к ЦК ПСР с требованием поддержать большевиков в борьбе с генералом А.И. Деникиным, был исключен в ноябре из ПСР, после чего с частью группы «Народ» составил Меньшинство ПСР (МПСР) и вошел в Центральное оргбюро МПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 арестован в Москве. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919. В декабре приговорен к 3 годам заключения и отправлен в Пертоминский концлагерь (Архангельская губерния). Летом 1923 переведен на Соловки. По окончании срока заключения поселился в Тамбове. В 1925 постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ выслан на 3 года в Кировский край. В 1925 содержался в Верхне-Уральском, в 1926 – в Челябинском политизоляторах. В мае 1929 – в Вологде. Расстрелян по приговору выездной сессии Верховного суда СССР за принадлежность к «антисоветской террористической организации». Реабилитирован.

Воронович Николай Владимирович (1886–1967). Сын потомственного дворянина – владельца особняка в Петербурге. Учился в Пажеском корпусе. Член ПСР. Не закончив курс обучения, ушел добровольцем на Дальневосточный фронт. После войны в 1905 продолжил занятия в Пажеском корпусе. В 1907 окончил корпус. С начала I мировой войны на фронте. В 1915 контужен и отправлен на лечение в тыл. В ноябре 1919 – начале 1920 – начальник штаба Комитета освобождения Черноморья, возглавлявшего крестьянское повстанческое движение против ВСЮР. Сотрудник меньшевистского правительства Грузии. В 1920 исключен из партии Закавказским областным комитетом как сторонник вооруженной борьбы с большевизмом. С 1920 в эмиграции в Чехословакии и Франции. В 1920–1922 член Инициативной группы «Внепартийного объединения». В конце 1940-х годов переехал в США. Сотрудничал в газете «Новое русское слово». Автор воспоминаний о гражданской войне и автобиографической книги «Вечерний звон».

Ворошилов Климент Ефремович (1881–1969). Из семьи рабочего. Член РСДРП с 1903. Неоднократно арестовывался и ссылался. Делегат VI съезда РСДРП(б), II Всероссийского съезда Советов, участвовал в Демократическом совещании, избран членом Учредительного собрания. С конца ноября 1917 в Петрограде, с февраля 1918 снова в Донбассе. В годы гражданской войны командовал различными частями и соединениями, входил в правительство Украины. На X съезде РКП(б) избран в ЦК. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. С апреля 1921 командующий войсками Северо-Кавказского военного округа. В период болезни В.И. Ленина выдвинут И.В. Сталиным на высшие военные посты. В декабре 1925 избран в состав Политбюро ЦК. В 30-е входил в ближайшее окружение Сталина.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928). Барон, генерал-лейтенант. В 1918–1919 в Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России, в 1920 главком Русской армии в Крыму. С 1920 в эмиграции. В 1924–1928 организатор и председатель «Русского общевоинского союза».

Высоцкий Александр Давыдович. Член ПСР. Арестован 5 ноября 1921, содержался во внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было

предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В сентябре 1922 в Ярославском политизоляторе. 7 сентября 1923 приговорен к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения, в ноябре 1923 – к трем годам ссылки в Тюмень; в феврале 1924–1925 содержался в Суздальском политизоляторе. В августе–октябре 1926 в Свердловске, в январе 1927 – сентябре 1929 в Обдорске. В ноябре 1929 отправлен из Обдорска в Барнаул. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гавель (правильно – Габель). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, речь идет о жене Герштейна М.Р. Герштейн, арестованной вместе с мужем под этой фамилией 19 апреля 1921, которой около года удавалось скрывать свою настоящую фамилию.

Гавронский Дмитрий Осипович (1883–1949). Сын купца. Член ПСР с 1904. В 1905–1907 входил в МК ПСР. В 1906 избран в Областной комитет партии эсеров. В 1907 арестован и после шестимесячного тюремного заключения административно выслан из России. После возвращения в 1910 недолго работал в российской партийной организации и в связи с новыми политическими делами, которые были возбуждены против него, вынужден был покинуть Россию. Представитель партии в Социалистическом Интернационале. В апреле 1917 вернулся в Россию и был избран в Исполнительный комитет Московского ССД и в президиум Московского СРиСД (апрель–сентябрь). В 1917–1918 член МК ПСР. В ноябре избран в Учредительное собрание по Симбирскому избирательному округу от Съезда крестьянских депутатов и партии эсеров. В марте 1918 через Финляндию уехал в Швецию и в Стокгольме вместе с Н.С. Русановым и В.В. Сухомлиным по заданию ЦК ПСР образовал Заграничную делегацию ПСР, однако активно в ней не работал. Участник Совещания членов Всероссийского учредительного собрания в Париже (08–21.01.1921). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Гайда Радола (наст. имя и фамилия – Рудольф Гейдль) (1892–1948). Чехословацкий военный деятель, участник I мировой войны. С весны 1918 – командир 7-го полка чехословацкого армейского корпуса.

Галиффе Гастон (1830–1909). Французский генерал, в качестве командира кавалерийской бригады принимал участие в разгроме парижской Коммуны 1871, отличившись при этом особой жестокостью.

Галкин Александр Владимирович (1876–?). Член Коммунистической партии с 1917. С февраля 1920 – член коллегии НК РККИ, с мая 1920 – член коллегии НКВД, затем член Малого СНК, с 1922 – заместитель председателя Верховного суда при Президиуме ВЦИК, с 1925 – член коллегии Верховного суда. В 1936 арестован.

Гауптманн Герхарт Йоханн Роберт (1862–1946). Немецкий драматург, поэт, и романист, лауреат Нобелевской премии за литературу (1912).

Гвоздь Иван Иванович. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерыском.

Гельфгот Александр Павлович (1887–?). Член ПСР. В 1915–1916 входил в Исполнительный комитет Всероссийского бюро труда, образованного при отделе по устройству беженцев Всероссийского союза городов. Один из редакторов органа Московского комитета ПСР газеты «Труд». В 1919 член Екатеринодарского губернского комитета партии эсеров. В июне 1920 кооптирован в Центральное бюро партии. 24.03.1921 арестован в Москве, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 содержался во внутренней тюрьме ГПУ, в апреле переведен в Ярославский политизолятор. На процессе ПСР выступал свидетелем защиты. 18.11.1922 постановлением Коллегии ГПУ

приговорен к 3 годам заключения в концлагере. В декабре переведен в Бутырскую тюрьму. В январе–ноябре 1923 находился в Соловецком лагере особого назначения; в декабре 1923 – январе 1924 в тюремной больнице Бутырской тюрьмы. С июля 1925 в Тобольском политизоляторе. В феврале 1926 отправлен на поселение в Коканд.

Гельц (Хельц) Макс (1889–1933). Немецкий революционер. Член Коммунистической партии Германии (КПГ) с 1919. В 1918–1919 председатель рабочего совета в Фалькенштейне (Средняя Германия). В дни Капповского путча 1920 руководил вооруженными рабочими отрядами в Фогтланде (Средняя Германия). Исключался из компартии за проявление анархистских тенденций, отказы исполнять директивы партийного руководства. В 1922 вновь вступил в КПГ. Во время мартовских боев 1921 в Средней Германии возглавлял сформированные им отряды, ведшие бои с жандармерией и правительственными войсками. После подавления восстания арестован, обвинен в уголовном преступлении и приговорен к пожизненному заключению. Осенью 1922 Г.Е. Зиновьев предложил обменять его на члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева, приговоренного к смертной казни в Советской России. В 1928 Гельц был амнистирован и выехал в СССР. Здесь работал в профсоюзном движении, в т.ч. на Кузнецкстрое. Был награжден Орденом Красного Знамени, его именем названа одна из фабрик в Ленинграде. Обстоятельства смерти неясны.

Гендельман Михаил Яковлевич (1881–1938). Родился в семье врача. Присяжный поверенный. По окончании с золотой медалью 3-й Киевской гимназии поступил на юридический факультет Киевского университета (1899). В январе 1901 исключен за участие в студенческом движении и направлен для отбывания воинской повинности в 140-й Зарайский пехотный полк, расположенный в Скопине Рязанской губернии. В июне освобожден от продолжения военной службы, а в сентябре вновь зачислен в Киевский университет. Находился под негласным надзором полиции. В марте 1902 выехал для продолжения юридического образования в Германию, где учился в Берлинском (1902–1903) и Фрайбургском университетах (1903–1904). Вскоре после приезда в Германию вступил в заграничную организацию ПСР. При возвращении в Россию арестован в феврале 1904 в Одессе как социалист-революционер. После 6-месячного тюремного заключения освобожден в связи с отсутствием вещественных доказательств. По постановлению Особого совещания в феврале 1905 «за принадлежность к заграничным революционным кружкам» выслан на 3 года под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию. В октябре амнистирован. В октябре–декабре входил в Киевский Совет рабочих депутатов. В январе 1907 арестован в Москве по обвинению в участии в работе редакционной комиссии книгоиздательства «Молодая гвардия», входившего в состав «Союза издателей социалистов-революционеров». В марте освобожден под залог. Вследствие неоднократных арестов провел в царских тюрьмах около трех лет. 1 марта 1917 избран в исполнительную комиссию исполкома Московского Совета рабочих депутатов (13 марта комиссия упразднена). На пленарном заседании Московского совета рабочих депутатов (5 марта) избран в Президиум, введен в редколлегию «Известий Московского Совета рабочих депутатов». 16 марта выступил с докладом на пленуме Совета о переговорах с председателем Московского Торгово-промышленного комитета С.Н. Третьяковым относительно введения в Москве 8-часового рабочего дня. 18 марта – 20 апреля член московского Комитета общественных организаций. 22 марта на 3-й Московской конференции эсеров избран членом городского комитета партии. Выступал с докладом об отношении к Временному правительству на объединенном заседании Советов (25.03), придерживался формулы «оказывать давление на правительство, чтобы оно и дальше творило волю народа». Участник Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов (29 марта – 3 апреля); выступил против участия революционной демократии во Временном правительстве и против взятия власти рабочим классом. Член исполкома Московского Совета рабочих депутатов, вошел в комиссию труда. Делегат 3-го съезда партии социалистов-революционеров (25 мая – 4 июня), избран членом ЦК, а также в комиссии по рабочему вопросу, созыву Учредительного собрания и др. Делегат 1-го Всероссийского съезда Советов (3–24 июня), избран членом ВЦИК, 24 июня на заседании ВЦИК избран от

эсеров в Президиум ВЦИК. 25 июня избран гласным Московской городской думы. В сентябре 1917 делегат Всероссийского Демократического совещания, на котором избран членом Всероссийского Демократического Совета, затем вошел во Временный совет Российской республики (Предпарламент). Участвовал во 2-м Всероссийском съезде Советов (25–27 октября); выступил с речью от фракции эсеров, в которой призывал отказаться от решения споров силой оружия, обвинил большевиков в заговоре, предложил создать новое правительство, опирающееся на все слои населения, но без большевиков; заявил о неправомерности съезда, призвал делегатов в знак протеста покинуть заседание. 29 октября участвовал в первом совещании представителей социалистических партий и организаций, созванном Викжелем. Поддержал создание «однородного социалистического правительства» без большевиков. Делегат 4-го Экстренного Всероссийского съезда эсеров, на котором избран членом ЦК партии; член Президиума (Бюро) ЦК. В ноябре избран во Всероссийское учредительное собрание (по Рязанскому избирательному округу). В конце декабря 1917 – начале января 1918 – член Президиума (Бюро) фракции эсеров в Учредительном собрании. Участвовал в совместном совещании ЦК ПСР, бюро ее фракции в Учредительном собрании и представителей «Союза защиты Родины и Революции», на котором решался вопрос о демонстрации-манifestации демократических сил 5 января 1918. После 8-го Совета партии эсеров (май 1918) переехал в Самару, где вошел в числе первых в состав Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Избран товарищем председателя комитета. В сентябре участвовал от партии эсеров в Уфимском государственном совещании. Наряду с представителями «правого крыла» партии был согласен на образование Директории. В сентябре–ноябре товарищ председателя Президиума съезда членов Всероссийского Учредительного собрания. В 1921–1922 находился под следствием в Бутырской тюрьме, был избран заключенными старостой. 5 сентября 1921 вместе с другими членами старого ЦК направил письмо ЦК, избранному 10-м Советом партии. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 07.08.1922 приговорен Верховным ревтрибуналом к смертной казни (условно). 8 августа Президиум ВЦИК приостановил исполнение приговора. 11 января 1924 Президиум ЦИК СССР заменил этот приговор лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией с окончанием срока 25 августа 1925. В октябре 1925 провел 18-дневную голодовку, причем 3 дня голодал всухую. После окончания срока 26 марта 1926 отправлен в ссылку, срок которой неоднократно продлевался. В начале 1930 вновь арестован и после 4-месячного заключения в нижегородской тюрьме выслан в Сургут. 03.10.1938 Верховным судом СССР приговорен к расстрелу. Реабилитирован в 1989.

Гендерсон (Хендерсон) Артур (1863–1935). Английский политический деятель, один из правых лидеров Лейбористской партии, в 1911–1934 ее секретарь. В период I мировой войны, в 1915–1917, входил в правительства Г. Асквита и Д. Ллойд Джорджа, выступал «за войну до победного конца». В 1924 министр внутренних дел в 1-м лейбористском кабинете Р. Макдональда, которое в 1929 восстановило дипломатические отношения с СССР, разорванные Великобританией в 1927. В 1932–1933 председатель международной конференции по разоружению.

Герман Иван Яковлевич (1889–1972). Окончил юридический факультет университета. Присяжный поверенный. Начиная деятельность помощником адвоката Ф.Н. Плевако. В годы I мировой войны офицер для поручений при штабе 8-й армии генерала от кавалерии А.А. Брусилова. Член Военной организации ПСР. В 1920 эмигрировал в Париж. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де Буа.

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906). Один из создателей кадетской аграрной программы, депутат I Государственной думы, где стал весьма популярен благодаря своим выступлениям по аграрному вопросу. Застрелен 18 июля 1906 в Териоках боевой группой из черносотенной дружины, во главе ко-

торой стоял кандидат в члены Главного Совета Союза русского народа Н.М. Юскевич-Красковский.

Гершгорн Вениамин Константинович. Член ПСР. Арестован 3 декабря 1921, содержался во внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17 мая 1922 приговорен к ссылке в Архангельск, в июне 1926 – в Воронежской губ.; в июле 1932 – в Тобольске.

Гершевич-Свирская Мина Львовна (1901–1978). Родилась в семье купца. Вскоре после Февральской революции 1917 вступила в ПСР (по др. данным в партии эсеров с 1916). В 1917–1918 работала в Петроградской организации ПСР. Участвовала в распространении центрального органа партии – газеты «Дело народа», занималась агитационной работой. После октябрьского переворота становится связным между партийным руководством в Москве и самарским Комитетом членов Учредительного собрания, организует переезд членов Учредительного собрания в Самару. Летом 1918 перешла фронт и прибыла в Самару, где работала в секретариате Комуча. После переворота адмирала А. Колчака на нелегальной работе в Сибири, Дальнем Востоке, Москве и Петрограде. В конце 1920 через Маньчжурию и Монголию вернулась в Центральную Россию. Проживала в Москве и работала в библиотеке сельскохозяйственной секции Наркомпрода. Помощник секретаря ЦК ПСР, заведовала технической работой секретариата. Органами ВЧК впервые арестована в марте 1921 (по др. данным 24.02.1921) на своей квартире. Находилась во внутренней тюрьме ВЧК. На допросе отказалась дать показания. «Дело Гершевич-Свирской вместе с личностью направлено в город Омск представителю ВЧК по Сибири для приобщения к делу Сибирского крестьянского союза» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 29). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе свидетель защиты. В июле 1922 содержалась в Ярославской тюрьме, в ноябре – в Бутырской тюрьме. 23 февраля 1923 приговорена к трем годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОУ), содержалась на о. Муксалма. В октябре 1925 – в политизоляторе г. Кеми. В том же году направлена в Верхне-Уральский, а затем в Чимкентский политизолятор. В 1927 отправлена на поселение в г. Оренбург. В 1937 заключена в ИТЛ. В 1949 направлена на поселение. В 1956 освобождена. По обвинению в антисоветской деятельности провела, с перерывами, в тюрьме, концентрационном лагере, ссылке около 25 лет. В 1963 эмигрировала в Израиль.

Герштейн Лев Яковлевич (1877–1935). Из мещан. Рабочий. В социал-революционном движении с 1898. При самодержавии за принадлежность к партии эсеров неоднократно подвергался репрессиям; провел четыре с половиной года в тюремном заключении и пять лет в ссылке, находился в эмиграции до 1917. На 3-м съезде ПСР (май–июнь 1917) вошел в Военную комиссию при ЦК партии. На 4-м съезде ПСР (ноябрь–декабрь) избран в ЦК. Избран в Учредительное собрание от Пермского округа по списку ПСР и СКД (ноябрь). Летом 1918 через линию фронта прибыл в Самару и вошел в Комуч. При колчаковских властях нелегально проживал в Сибири. Вместе с Ф.Ф. Федоровичем один из руководителей иркутского Политического центра (декабрь 1919 – январь 1920). Входил во Всесибирский краевой комитет ПСР. В августе 1920 приехал в Москву. Работал заведующим отделом в Главуме. 19.04.1921 вместе с женой арестован СО ВЧК. На первом допросе «[...]заявил, что он член Центрального комитета Партии социалистов-революционеров и отказался от дальнейших показаний[...]». Герштейн был передан «[...]представителю ВЧК по Сибири [...] для приобщения к делу Сибирского крестьянского союза и восстания против Советской власти, в организации которых Герштейн принимал участие в 1920 году[...]». 12.07.1921 с женой отправлен в Омск (См.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 2). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвиняемый первой группы. По приговору Верховного революционного трибунала РСФСР от 08.08.1922 осужден к ВМН. 11 января 1924 Президиум ЦИК СССР заменил наказание 5 годами

тюремного заключения со строгой изоляцией с окончанием срока 19 апреля 1926. Чекисты видели в нем «сторонника руководителей террористических актов». По отбытии срока выслан в Свердловск на 3 года, после чего срок дважды продлевался еще на один год. Умер от сердечной недостаточности в казанской больнице.

Гершуни Григорий Андреевич (1870–1908). Один из создателей ПСР, являлся одним из инициаторов и участником переговоров между эсеровскими организациями, приведшими к образованию партии. Член ЦК первого состава, организатор и руководитель БО ПСР. В 1903 арестован, приговорен к смертной казни, Высочайшим повелением замененной пожизненным заключением. После Манифеста 17 октября 1905 пожизненное заключение было заменено 20-летней каторгой, отправлен в Акатуйскую тюрьму. В 1906 бежал через Китай в США, где выступал с лекциями о революции в России и о положении политзаключенных. На II съезде ПСР избран в ЦК, вместе с Е.Ф. Азефом пытался воссоздать БО. Умер от саркомы.

Гест Лесли Хейдн (1877–1960). Английский общественный деятель, публицист, член Лейбористской партии. Военный врач. Активист Красного креста. В 1920 как секретарь и врач делегации английских рабочих посетил РСФСР. В 1921 в Великобритании вышла книга воспоминаний Геста о поездке по Советской России.

Гинзбург М.А. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945). Поэтесса, литературный критик, прозаик. Родилась в семье юриста. Октябрьский переворот восприняла резко враждебно; сб. «Последние стихи. 1914–1918» (Пг., 1918) отражает ее отношение к Октябрю как к «предательству и святотатству». Порвала отношения с В. Брюсовым, А. Блоком и др. деятелями культуры, принявшими Советскую власть. В начале 1920 вместе с мужем нелегально перешла советско-польскую границу. С конца 1921 – в Париже, где организует литературные «воскресенья» и общество «Зеленая лампа» (1925–1940), собирающие представителей разных поколений литературной эмиграции.

Гирса Вацлав. Чехословацкий дипломат. Представитель чехословацкого правительства во Владивостоке (1919–1920). Заместитель министра иностранных дел ЧСР (1921–1927), председатель чехословацкой государственной комиссии помощи голодающим в России и русским эмигрантам (1921–1926).

Гладков Николай Николаевич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Гнедов-Смирнов Степан Иванович (1897–?). Член ПСР. Арестован в Москве 06.02.1922, содержался во Внутренней тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Находился под следствием в Бутырской тюрьме. 23.02.1923 приговорен к 3 годам лагерей и отправлен в СЛОИ. В 1928 сослан в Усть-Сысольск.

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883–1962). Член РСДРП с 1904 по 1917, большевик с 1919 по 1924. С 1920 по 1924 член коллегии Наркомата юстиции. В 1921–1923 председатель Малого Совнаркома. В последующие годы юрисконсульт в Наркомате внешней торговли.

Голодков. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, речь идет о Голодкове Михаиле Ивановиче.

Голодков Михаил Иванович (1882–?). Арестован в 1922 в Петрограде; содержался во Внутренней тюрьме; 09.12.22 приговорен к 2 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ); в ноябре 1924 – в Кеми; 24.11.24 приговорен к 2 годам ссылки в Печоре.

Голубович Всеволод Александрович (1885–?). Родился в крестьянской семье. Окончил Киевский политехнический институт (1914). Инженер железнодорожного транспорта. С 1917 член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР), представлял партию в Малой Раде Украинской Центральной Рады. Летом 1917 входил в Генеральный секретариат (правительство) Украинской Центральной Рады, возглавляя ведомства путей сообщения, промышленности и торговли. В декабре руководитель Украинской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. 29.01.1918 назначен премьер-министром и министром иностранных дел в Совете народных министров Украинской народной республики. После переворота гетмана П.П. Скоропадского (апрель) арестован, освобожден 01.12.1918. В апреле 1919 решением ЦК УПСР назначен редактором центрального органа партии газеты «Трудова громада». 10.08.1920 арестован в Каменец-Подольском Особым отделом 14 армии. По обвинению в государственной измене 22.05.1921 приговорен революционным трибуналом в Харькове к 5 годам концлагерей. Вскоре амнистирован. Работал в хозяйственных органах. Председатель ВСНХ УССР. В 1931 повторно арестован и осужден по делу «Украинского национального центра».

Гомперс Сэмюэл (1850–1924). Профсоюзный деятель США. В 1881 принял активное участие в организации Американской федерации труда (АФТ). В 1882–1924 (кроме 1895) – председатель АФТ. Участвовал в создании реформистских международных профессиональных объединений – Панамериканской федерации труда в 1918 и Амстердамского интернационала профсоюзов в 1919. Крайне враждебно относился к Советской России, выступал против признания СССР правительством США.

Гончаров (Гончаров-Градский) Василий Федорович (1884–?). Из крестьян. Окончил 2 класса сельской школы. С 10 лет работал поденным рабочим в имениях помещиков и ломовым извозчиком. В 1898 поселился в Петербурге; рабочий трубопрокатного завода. По обвинению в организации сбора средств в пользу бастующих рабочих арестован и находился более 4 месяцев в одиночной тюрьме «Кресты» (1898). После освобождения вступил в кружок «Рабочий комитет». В 1901 кружок переименован в группу социалистов-революционеров, которая вошла в «Союз социалистов-революционеров» и впоследствии в ПСР. С 1902 токарь в «Новом адмиралтействе». Вскоре арестован за появление на заводе прокламаций, к распространению которых, по утверждению самого В.Ф. Гончарова, он никакого отношения не имел. Выслан в Повенец, откуда скрылся и вернулся в Петербург, начав работать в эсеровской организации. После случайного ареста сослан в Пермь и через год нелегально покинул место ссылки. Продолжал партийную деятельность в Петербурге, заведовал фабрично-заводскими библиотеками. После избрания в октябре 1905 кандидатом в Петербургский СРД «самостийно легализировался». Избирался депутатом во 2 и 3 состав Совета. Вследствие провала в 1906 боевой организации партии, собиравшейся на квартире В.Ф. Гончарова, вынужден перейти на нелегальное положение и уехать в Киевскую губернию. Участвовал в деятельности профсоюза «Лиц, служащих в сельском хозяйстве Юго-Западного края». Арестован в Киеве на нелегальном собрании и переведен в Радомысльскую тюрьму, откуда бежал, но в Ровно попал в засаду на явочной квартире. Осужден за содействие боевой организации, к которой не принадлежал, и приговорен к 4 годам заключения. В 1909 установлено настоящее имя В.Ф. Гончарова и он привлечен к «делу 29-ти». Приговорен к 15 годам каторжных работ. Содержался в Шлиссельбургской крепости. Освобожден по амнистии во время Февральской революции. В 1917 – секретарь районного комитета ПСР и заведующий складом издательства (Петроград). В 1918 арестован в числе сотрудников издательства; находился 5 месяцев в заключении. В 1920 арестован за причастность к проходившему на его квартире совещанию членов ЦК ПСР Д.Ф. Ракова и М.С. Цейтлина с британской профсоюзной делегацией; провел 6 месяцев в заключении. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской дея-

тельности. 5 февраля 1922 арестован за участие в организации нелегальной типографии, в конце февраля 1922 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. Приговорен к 10 годам исправительно-трудовых работ, из которых 7 лет находился в Суздальском, Челябинском, Тобольском политизоляторах, а 3 года провел в ссылке (г. Оренбург). В январе 1932 освобожден. Дальнейшая судьба неизвестна.

Горбунов Николай Петрович (1892–1938). Большевик, член партии с 1917. С ноября 1917 секретарь СНК и личный секретарь В.И. Ленина. С 1920 управляющий делами СНК РСФСР (а затем СССР) и СТО, член Госплана, с 1935 академик АН СССР.

Гордон (Вальхер) Герта (1894–?). Деятель рабочего движения Германии. С 1915 член группы «Интернационал» (позднее «Союз Спартака»). В 1918 приехала в Москву. В 1919–1925 секретарь К. Цеткин.

Горьков-Добролюбов Григорий Лаврентьевич (1875–?). Родился в семье ремесленника. Член ПСР с 1904. Окончил саратовское реальное училище (1891) и учился на социологическом факультете Брюссельского университета. По обвинению в принадлежности к партии эсеров и участии в революционной деятельности впервые арестован в 1904 в Саратове, провел три месяца в заключении. Повторно арестован в 1906 в Москве, находился в заключении около трех лет и по приговору Судебной палаты направлен на поселение в Енисейскую губернию. В 1910 бежал с места ссылки за границу. Проживал во Франции и в Бельгии. После Февральской революции 1917 вернулся на родину. Жил в Петрограде (май–сентябрь 1917) и Москве (с сентября 1917), занимаясь литературной и партийной работой. На допросе во Всероссийской чрезвычайной комиссии 23 августа 1920 показал, что «до мая 1919 работал в партии активно, с мая 1919 активного участия в партийной работе не принимаю, оставаясь в то же время членом партии. Разногласий с Центром у меня нет и работаю в партии в настоящее время по чисто личным соображениям» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 5. Л. 72). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен к трем годам тюремного заключения со строгой изоляцией (с окончанием срока 23 августа 1923). 18 сентября 1922 подал заявление в Верховный трибунал, в котором подчеркивал, что «ни в показаниях и ни в своих объяснениях во время судебного разбирательства, а равно и ни в своем последнем слове подсудимого и ни разу и ни словом не говорил о своем принципиально-отрицательном отношении к вооруженной борьбе. Поэтому подобное утверждение, имеющееся в приговоре, является ничем иным, как сплошным недоразумением и в корне не верным, кроме того заявляю, что в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах, у меня с ЦК ПСР, а стало быть и с моими товарищами по процессу никогда никаких расхождений не было, нет их и теперь и во всем была полная солидарность». Препровождая это заявление помощнику прокурора РСФСР, Ф.Э. Держинский писал, что «считал бы полезным вопрос о мере наказания по отношению к нему [Горькову-Добролюбову] повысить до 10-ти лет, созвав для этого новое заседание Верхтриба». После окончания срока 7 сентября 1923 отправлен в ссылку, бежал, был вновь арестован и 20 июня 1924 осужден на 3 года концлагеря, содержался в Ярославском политизоляторе. Дальнейшая судьба неизвестна.

Гоц Абрам Рафаилович (1882–1940). Из купеческой семьи. В революционном движении с 1896. Учился в Берлинском университете, вместе с Н.Д. Авксентьевым, И.И. Фондаминским, В.М. Зензиновым и др. входил в Галле-Гейдельбергский кружок «молодых» эсеров. С весны 1906 член Боевой организации ПСР. Арестован в 1907, приговорен к 8 годам каторги, которую отбывал в Александровском центре. После Февраля 1917 участвовал в Иркутске в создании Комитета общественных организаций и Совета рабочих и солдатских депутатов. Вернувшись в марте в Петроград, был избран членом президиума Всероссийского совещания советов РСД (от эсеров) и введен в Исполком Петросовета, в котором был лидером эсеровской фракции. На III съезде ПСР избран товарищем председателя съезда, членом ЦК партии. На I Всероссийском съезде советов избран в президиум, с июня член Президиума ВЦИК 1-го созыва. Во время июльских событий осудил вооруженную демонстрацию большевиков. По решению VII Совета ПСР (август 1917) был включен в число обязательных кандидатов в члены

Учредительного собрания. Входил в Предпарламент, был избран в его Президиум. Принадлежит к той части эсеров, которая оказывала активное противодействие большевикам, участвовал 22 октября в совещании у командующего Петроградским ВО Г.П. Полковникова; вошел в Комитет спасения родины и революции, в качестве председателя комитета руководил восстанием юнкеров в ночь на 29 октября. В работе IV съезда ПСР участия не принимал, прислал приветствие съезду, избран членом ЦК. По прибытии в Петроград 18 декабря 1917 арестован, на следующий день освобожден по распоряжению наркома юстиции левого эсера И.З. Штейнберга. От Пензенского избирательного округа избран членом Учредительного собрания, после разгона которого активно участвовал в боевой работе ПСР. Входил в военный штаб «Союза Возрождения» в Петрограде, занимался переброской вооруженных групп на Волгу. Не сумев попасть на территорию Кому-ча, выехал в Пензу, затем в Одессу, входил в Южнорусское бюро ЦК ПСР, где отстаивал позиции борьбы на два фронта – и против большевиков и против белого движения. Принимал участия в партийной конференции в Одессе в феврале 1919. Арестован 19 мая 1920, содержался во внутренней тюрьме ГПУ, 5 августа переведен в Бутырскую тюрьму. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен к высшей мере наказания, которая решением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 была заменена 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией (с окончанием срока 20 мая 1925), несмотря на представление Секретного отдела ГПУ, считавшего нецелесообразным уменьшать Гоцу тюремное заключение на срок менее 10 лет, т.к. он входит в число лиц, которые «являются крупными политическими фигурами и с.-р. убеждений и активности не потеряли и до настоящего времени». Содержался в Бутырской тюрьме. В мае 1925 сослан на 3 года в Ульяновск. В июле 1925 арестован, приговорен к 2 годам тюремного заключения, содержался в Ульяновске под домашним арестом. По окончании срока заключения отбывал ссылку в Ульяновске. В 1937 арестован в Алма-Ате, отправлен на Колыму. 20 июня 1939 Военной коллегией Верховного суда осужден на 25 лет лишения свободы, умер в Краслаге.

Гребеншиков. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Гришин-Алмазов (наст. фамилия Гришин) Алексей Николаевич (1865–1919). Офицер царской армии. После Октябрьской революции 1917 принимал участие в организации подпольных монархических групп в Сибири. Летом 1918 Сибирским временным правительством произведен в генералы и назначен военным министром. После одного из выступлений перед союзниками, которых обвинил в неказании помощи, уволен, предпринял неудачную попытку совершить государственный переворот, затем уехал к Деникину, возглавлял одесское градоначальство. При попытке перейти фронт и вернуться в Сибирь был задержан красноармейцами и застрелился.

Грудневский. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Гуковский Александр Исаевич (1865–17.01.1925). Сын врача. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Помощник присяжного поверенного. Член ПСР со времени ее организационного оформления. Неоднократно репрессировался за участие в революционном движении (впервые арестован в 1897). Сотрудничал в журнале «Русское богатство», газете «Сын Отечества» и в других неонароднических изданиях. С началом I мировой войны – «оборонец». После Февральской революции председатель Череповецкого уездного и гласный Новгородского губернского земских собраний. Редактор правоэсеровской газеты «Воля народа» (1917–1918). В августе–сентябре 1918 управляющий отделом юстиции Верховного управления Северной области. Позднее занимал пост архангельского городского головы. В конце 1919 выехал за границу. Участник Инициативной группы «Внепартийного объединения» (1920–1922). Один из основателей и редакторов издававшегося правыми эсерами с ноября 1920 общественно-политического и литературного журнала «Современные

записки». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Покончил жизнь самоубийством.

Гуревич Виссарион Яковлевич (1876–1939). Вырос в семье владельца частной гимназии. Окончил юридический и физико-математический факультеты Петербургского университета. Изучал юридические науки в Берлинском университете. В 1909 утвержден в звании присяжного поверенного. Участник неонароднических организаций с 1898. В 1905 с П.М. Толстым организует Союз чиновников и представляет его в Центральном комитете «Союза Союзов». Депутат Второй Государственной думы. Сотрудничал с думскими фракциями трудовиков (1907–1908, 1911–1914). Неоднократно подвергался арестам и ссылкам (впервые арестован в 1897). В марте 1917 избран товарищем председателя Соединенного исполнительного бюро Красноярского комитета общественной безопасности и Совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов, в котором заведовал внешней и внутренней охраной Енисейской губернии. Представитель партии эсеров в Особом совещании по подготовке проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, образованном Временным правительством 25 марта 1917. На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов (май) избран товарищем председателя Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов. На III съезде Партии социалистов-революционеров избирается в Центральный комитет. В июле–октябре товарищ министра внутренних дел Временного правительства. В сентябре участвует в Демократическом совещании (Петроград), на котором избирается во Временный совет Российской республики (Предпарламент). В ноябре избран депутатом Учредительного собрания по объединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Тульской губернии. В июне–сентябре 1918 входит в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания и представляет его в Сибирской областной думе. Работает в Бюро Уфимского государственного совещания (сентябрь). С июня 1920 в эмиграции. В 1921–1922 председатель Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1923–1928 первый управляющий Русским заграничным историческим архивом в Праге (РЗИА). В 1923–1928 входил в Областной комитет Заграничной организации Партии социалистов-революционеров (ОК ЗО ПСР). В апреле 1925 решением Центрального бюро партии эсеров (ЦБ ПСР) утвержден членом партийной Заграничной делегации (ЗД ПСР). Вместе с В.М. Черновым и Г.И. Шрейдером создает летом 1927 «Социалистическую Лигу Нового Востока». В марте 1928 в составе возглавляемой Черновым группы членов делегации выходит из Заграничной организации и образует с ними Заграничный союз ПСР. Незадолго до смерти переезжает в Соединенные Штаты Америки.

Давыдов Михаил Александрович (1880–?). Сын чиновника. Окончил Петроградский историко-филологический институт (1901). В 1903–1907 как «внепартийный с[оциалист]-р[еволюционер]» принимал участие в деятельности ПСР. В 1905–1906 занимался организацией крестьянских боевых дружин при Поволжском Областном комитете партии эсеров. По обвинению в антиправительственной деятельности подвергался административным арестам и высылкам (1903, 1908). С 1909 от партийной работы отошел. Преподавал российскую историю в московской гимназии Страхова (1903–1918). Возобновил работу в эсеровских организациях после победы Февральской революции 1917. Согласно агентурным данным Секретного отдела ВЧК, в 1918 входил в Московский комитет ПСР и руководил боевой организацией партии. В 1917–1920 работал инструктором в едином военном кооперативе. С 1921 на преподавательской работе в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. Одновременно помощник заведующего административно-хозяйственным отделом Коммунистического университета трудящихся Востока. По подозрению в принадлежности к ПСР арестовывался МЧК в марте 1919 (освобожден 30 мая) и ВЧК в августе 1920 (освобожден в декабре), в марте 1921 (освобожден в сентябре). На допросе в марте 1921 заявил, что партийной работой не занимается с начала 1918 и с этого времени из партии фактически вышел, дав обязательство сделать объявление в газетах о выходе из ПСР (опубликовано в газете «Рабочая Москва» 18 февраля 1922) (

ФСБ РФ. Н-1789. Д. 5. Л. 94 об.–96). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вновь арестован ВЧК 24 февраля 1922, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Данковский Георгий Николаевич (1902–1921). Член ПСР. В июне 1920 арестован в Тамбове по обвинению в идейном руководстве и связи с повстанческим движением, в 1921 предан суду Ревтрибунала. Расстрелян.

Данченко. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, речь идет о Донченко, дело которого было выделено за нерозыском.

Дашевский Иосиф Самойлович (1891–1937). Окончил шестиклассное реальное училище и два семестра в Цюрихском университете. С 1906 в ПСР. В годы I мировой войны проходил службу в пехотном полку на Юго-Западном фронте в звании рядового. После Февральской революции 1917 председатель фронтового комитета Юго-Западного фронта, вел партийную работу в эсеровских организациях Петрограда, Москвы и Саратова; работал секретарем Всероссийского бюро областных кооперативных союзов. Весной 1918 вместе с Е.М. Тимофеевым, В.М. Зензиновым и Б.Н. Моисеенко организовал Военную комиссию ЦК ПСР в Москве. Участвовал в создании весной 1919 группы «Народ». В ноябре с другими лидерами организации заявил о выходе из партии эсеров и образовании Меньшинства ПСР (МПСР), вошел в Центральное организационное бюро МПСР. С ноября на политической работе в Красной Армии. 20.04.21 арестован в Москве. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен к 3 годам заключения с освобождением от наказания.

Девильковский (Дивильковский) Анатолий Авдеевич (1873–1932). Член РСДРП с 1898. В 1906 эмигрировал в Швейцарию, примыкал к меньшевикам-плехановцам. С начала первой мировой войны – интернационалист, в 1918 вошел в Женевскую группу большевиков и в ноябре того же года вернулся в Россию. Работал в Москве в качестве пропагандиста и агитатора, был помощником управделами СНК.

Дедусенко Яков Тимофеевич (1890–?). Родился в семье донского казака. Образование незаконченное высшее. Член ПСР с 1906. В 1910 арестован и выслан в Архангельскую губернию, откуда вернулся в 1913, после чего несколько раз задерживался и подвергался обыскам. До I мировой войны работал в Псковском губернском земстве. В годы войны служащий петроградской городской организации Союза городов. В феврале–октябре 1917 член Петроградского городского продовольственного управления. С октября председатель правления Товарищества книгоиздателей. В ноябре избран в Учредительное собрание от Самарского избирательного округа. Член Бюро фракции ПСР в Учредительном собрании. Участник 8-го Совета партии (май 1918). Командирован в Архангельскую губернию для активизации деятельности местной партийной организации и ведения военной работы. С августа Управляющий ведомством продовольствия, торговли и промышленности Верховного управления Северной областью. Вместе с другими членами правительства временно смещен во время государственного переворота, произведенного командующим войсками Верховного управления капитаном 1-го ранга Г.Е. Чаплиным, но через несколько дней по настоянию британского командования восстановлен в должности. На допросе 12 апреля 1922 во время предварительного следствия в ГПУ Дедусенко указал, что «[...] Дня через три после восстановления Верховного управления, вследствие моего глубокого убеждения, к которому я пришел в результате месячного опыта, в невозможности существования независимой власти при наличии интервенций, из состава правительства вышел, одновременно уходили С.С. Маслов и М.А. Лихач. Уход[у] из Управления придали форму бессрочной командировки в Сибирь для “связи и информации”. В Омск я прибыл в день колчаковского переворота. Через недели две по прибытии в Сибирь я вернулся в кооперацию, в Центросоюз. К политической и партийной работе более не возвращался» (ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 81). На процессе ПСР свидетель.

Дени (наст. фам. Денисов) Виктор Николаевич (1893–1946). График, заслуженный деятель искусств России (1932). Один из основоположников советского политического плаката («Антанта», 1919), карикатурист.

Деникин Антон Иванович (1872–1947). Генерал-лейтенант царской армии, главнокомандующий вооруженными силами Юга России в годы гражданской войны. В 1917 командовал Западным, затем Юго-Западным фронтом и принял участие в Корниловском мятеже, за что был арестован, но бежал. После смерти Л.Г. Корнилова возглавил Добровольческую армию. Летом 1919, захватив Донбасс, предпринял поход на Москву, который завершился неудачей. Весной 1920 передал командование Н.Н. Врангелю и эмигрировал.

Дербер Петр Яковлевич (1883, по другим данным 1889–1938). Представитель правого течения ПСР. Член Учредительного собрания. В декабре 1917 вошел в Сибирскую областную думу и в Сибирский областной совет. Возглавил образованное 27 января 1918 Временное Сибирское правительство. После занятия чехословацким корпусом Владивостока с 29 июня по 30 июля 1918 – первый председатель Временного правительства Автономной Сибири. Позднее научный сотрудник Центрального бюро краеведения. Арестован 07.01.1938. Приговорен к расстрелу 19 марта 1938 ВКВС СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 19.03.1938. Реабилитирован 24.07.1991.

Дербышев Николай Иванович (1879–1955). Большевик, в с.-д. движении с 1896. В конце 1917 комиссар ВРК по делам печати, присоединился к требованию о создании коалиционного социалистического правительства. С 1918 на профсоюзной и хозяйственной работе.

Дерибас Терентий Дмитриевич (1883–1938). Член РСДРП с 1903. В 20-е годы начальник секретного отдела ОГПУ, в 1931–1934 член коллегии ОГПУ, с 1934 кандидат в члены ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Дзен Петр Адамович (1893–?) Член ПСР. В 1913 был сослан. 14.03.19 арестован в Петрограде и препровожден в Бутырскую тюрьму; в августе 1920 содержался в Ярославской тюрьме; 21.12.20 освобожден. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926). Сын учителя гимназии, из мелкопоместных дворян. Участник социал-демократического движения с середины 1890-х. Делегат IV съезда РСДРП, на V съезде заочно избран членом ЦК. Неоднократно арестовывался и ссылался. В марте 1917 освобожден из Бутырской тюрьмы восставшими солдатами. На VI съезде РСДРП(б) избран в ЦК. Один из руководителей октябрьского переворота, Делегат II Всероссийского съезда советов. С декабря 1917 председатель ВЧК, с марта 1919 нарком внутренних дел. В 1921–1924 нарком путей сообщения РСФСР, затем СССР. В 1922–1926 председатель ОГПУ. С февраля 1924 председатель ВСНХ СССР.

Диканский Григорий Осипович (ок. 1888–?). Из мещан. Окончил Симферопольскую гимназию (1906). Вольнослушатель Новороссийского университета (1908). В ПСР с 1904. По обвинению в принадлежности к партии эсеров арестован; находился в Симферопольской тюрьме (1908). В 1907–1915 служил бухгалтером и статистиком в частных конторах Симферополя и в Таврическом земстве. В декабре 1915 – декабре 1917 на службе в действующей армии; рядовой. После Февральской революции член армейского комитета. Гласный Симферопольской городской думы, кандидат в Учредительное собрание от ПСР. Демобилизован в начале 1918. Член правления Крымского губернского союза (февраль 1918 – август 1920). В августе арестован врангелевскими властями и освобожден в октябре. Продолжал работу в правлении Крымского губсоюза до 10.07.1921, когда был командирован правлением в Москву, в распоряжение Центросоюза, где работал помощником заведующего заготовительного отдела (13.07.–02.09.1921). Участник 10 Совета ПСР. 06.09.1921 арестован во время засадки на квартире эсера Г.А. Белимо-Пастернакова. «На допросе заявил, что в ПСР [...] вступил в 1904 [...] В начале 1918 будто бы из ПСР вышел, но официально об этом никуда не заявлял. По убеждениям остался по-прежнему социалистом-революционером[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 33 об.). Содержал-

ся в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Переведен во Внутреннюю тюрьму ГПУ, затем в тюрьму в Кисельном пер. 17 мая 1922 приговорен к 2 годам ссылки, отправлен в Череповец; в марте 1924 – в Туруханске. Дальнейшая судьба неизвестна.

Долецкий (Фенигштейн) Яков Генрихович (1888–1937). Член СДКПиЛ с 1904. С марта 1919 по июнь 1920 – член Президиума КП Литвы и Белоруссии. С сентября 1919 по июнь 1920 – член Польского бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). С середины 1920 – в Польбюро в Смоленске. С 1921 – начальник РОСТА, ТАСС.

Домбаль Томаш Францевич (1890–1937). Один из руководителей левого крыла Польской крестьянской партии, в 1919 избран в сейм. В 1920 лишен депутатской неприкосновенности за антивоенную пропаганду, вторично арестован в 1921, неоднократно судим. В 1923 обменян советской властью, жил в СССР. Один из основателей Крестьянского Интернационала. В 1932–1934 вице-президент Белорусской АН, член ЦК КП(б)Б, член ЦИК БССР.

Донской Дмитрий Дмитриевич (1881–1936). Родился в семье сельского врача в подольской губернии. В годы первой русской революции вступил в ПСР, за принадлежность к которой в 1907 был выслан в Тобольскую губ, откуда несколько раз бежал. Затем эмигрировал и получил высшее медицинское образование в Германии. По возвращении в Россию отбывал срок ссылки в Тобольской губ., работая врачом. После 1914 военный врач на Кавказском фронте. В 1917 комиссар фронта. С декабря 1917 член ЦК ПСР. В 1918 руководитель военной комиссии ЦК, затем работал в Поволжье, далее один из руководителей антибольшевистского подполья ПСР в Москве. Летом 1919 был арестован ВЧК. В июне 1920 содержался в Бутырской тюрьме, в августе 1920 – в Ярославской тюрьме. 2 января 1921 объявил голодовку. На некоторое время освобожден и 20 апреля 1921 арестован вновь, содержался во Внутренней тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По процессу проходил как один из главных обвиняемых, был приговорен к смертной казни, которая решением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 была заменена лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. По окончании срока 11 июля 1924 был выслан на три года в Нарымский край, где находился до конца жизни, работая врачом районной больницы. Покончил с собой в преддверии ареста.

Донченко Алексей Иванович (1882–1937). Из крестьян. Получил домашнее образование. Член ПСР с 1904. Находясь с 1905 на военной службе в Севастополе, принял участие в вооруженном восстании (ноябрь 1905). По приговору Морского суда севастопольского порта от 13 ноября приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы. Провел полтора года в заключении в 31 экипаже Севастополя (1906), три с половиной года в Смоленской каторжной тюрьме (1907–1910) и на поселении в Киренском уезде Иркутской губернии (1910–1917). После мартовской амнистии 1917 в апреле выехал с места ссылки и поселился в Николаеве. Позднее проживал под Харьковом, работая кузнецом в артели (колхозе) «Интернационал».

Дурново Петр Николаевич (1845–1915). В 1884–1893 директор Департамента полиции, в 1905–1906 министр внутренних дел.

Дутов Александр Ильич (1879–1921). С сентября 1917 атаман Оренбургского казачьего войска, в ноябре 1917 возглавил вооруженное выступление против советской власти в Оренбурге. С 1919 генерал-лейтенант. В 1918–1919 командовал Оренбургской отдельной казачьей армией, входившей в состав войск А.В. Колчака, после разгрома которых остатки армии Дутова отступили в Семиречье. В марте 1920 бежал в Китай. Был убит казаком в своем штабе в г. Суйдине.

Дьяконов Борис Михайлович. Член ПСР. 26 мая 1922 подписал Обращение членов ПСР, находящихся в заключении в Бутырской тюрьме, к Центральному Комитету ПСР.

Дюма Шарль (1883–1955). Французский журналист и публицист, член Социалистической партии Франции, депутат парламента, в годы I мировой войны занимал «оборонческие» позиции.

Егольева Дарья Ивановна (1884–?). Из крестьян. Образование высшее. Член ПСР с 1907. До октябрьского переворота работала учительницей в Москве и Волоколамском уезде Московской губернии. В 1919 приехала в Тамбов. Служила в кооперативе и наробразе (инструктор по внешкольному образованию). Арестована в сентябре 1920 Тамбовской ГЧК «по делу тамбовской нелегальной организации ПСР». Как показал на допросе член тамбовской организации партии эсеров Г.П. Муравьев, «[...]Егольева Дарья входила в ядро тамбовской организации в 1919 году и в 1920 году, присутствовала на с.р. собрании в лесу в мае 1920 года, где обсуждались вопросы организационного характера и на губернском совещании в июне 1920 года, где было решено создать крестьянскую организацию, хранила у себя партийные деньги и литературу». Член ПСР Н.Г. Муравьев сообщил на допросе, что «[...]Егольева была на губернском с.р. совещании в июне 1920 года, где обсуждался вопрос о создании крестьянской организации, была в сентябре 1920 года на собрании[...], где обсуждался вопрос о нападении на моршанский артиллерийский склад и где избиралось губернское бюро, была на крестьянском съезде, где был выбран штаб для координации действий с повстанцами». В своих показаниях эсер Боголюбский указывал, что «[...]Егольева держала связь с Москвой, куда ездила за социал-революционной литературой. В апреле 1920 года была выбрана в городской комитет тамбовской организации[...]». «На первом допросе Егольева заявила, что к партии социалистов-революционеров она никогда не принадлежала и не принадлежит и выдавала себя за беспартийную. На втором допросе созналась, что в партии социалистов-революционеров состоит с 1907 года, состоит членом партии и в настоящее время. Но от дальнейших показаний по существу дела отказалась». Отправлена в Тамбовскую ГЧК «для дальнейшего следствия и на распоряжение» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 35 и об.). В 1922 эсеры считали ее погибшей от рук большевиков.

Егоров М.Ф. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Езерская (Вольф) Романа Давидовна (1899–1937). 05.05.1921–01.12.1922 – секретарь Президиума ВЧК–ГПУ. 01.12.1922–01.10.1923 – секретарь коллегии ГПУ. 01.10.1923–16.01.1924 – уполномоченный следственного отделения Юридического отдела ГПУ–ОГПУ. С января 1924 – в МК РКП(б). Репрессирована.

Елец-Голобуцкий (Елен-Гадобудский) Иван Петрович (1903–?). Член ПСР. Арестован 02.10.1921, содержался в Бутырской тюрьме, в феврале 1922 – во Внутренней тюрьме ГПУ, в марте 1922 переведен в тюрьму в Кисельном пер. В марте 1922 был приговорен к ссылке в Череповец, которая в мае была отменена. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ельяшевич Александр Борисович (1888–?). Родился в семье врача. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета (1914). В ПСР с 1905. В 1905–1907 работал в партийной организации лектором и агитатором. По обвинению в принадлежности к партии эсеров и ведении революционной деятельности находился в тюремном заключении (1906–1907). С лета 1907 до Февральской революции 1917 в деятельности партии участия не принимал. Преподавал политическую экономию в Народном университете им. Лесгафта в Петрограде. В марте 1917 работал в Комиссии по выработке муниципальной программы ПСР. В ноябре избран кандидатом в члены ЦК ПСР и депутатом Учредительного собрания. Входил в Бюро фракции эсеров в Учредительном собрании. С декабря 1918 консультант Экотдела Центросоюза, с марта 1919 профессор Саратовского университета и ректор Института народного хозяйства в Саратове. 8 июля 1918 был арестован в Москве, освобожден 10 ноября. В марте 1919 прекратил партийную работу. В апреле сложил с себя звание кандидата в члены ЦК, а в мае 1919 вышел из партии. С июля 1921 член губплана и председатель финсекции Саратовского Экосо. Накануне процесса профессор Саратовского института народного хозяйства. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекра-

щено по амнистии 27 февраля 1919. На процессе выступал в качестве свидетеля, отказываясь подыгрывать обвинению. В 1926–1927 работал советником министра экономики революционного правительства Китая. В конце 1920-х один из организаторов Ленинградского инженерно-экономического института. 09.03.29 приговорен к 3 годам ссылки на Урал. В 1949 в связи с «Ленинградским делом» был арестован и сослан на 5 лет в Канск (Красноярский край). После 1953 амнистирован.

Енукидзе Амель Сафронович (1877–1937). Член Коммунистической партии с 1898. С 31.05.1924 – член ЦКК РКП(б), 1927–1934 – член Президиума ЦКК ВКП(б). 1934–1935 – член ЦК ВКП(б). 28.09.1918–28.12.1922 – член Президиума и секретарь ВЦИК, 30.12.1922–03.03.1935 – член Президиума и секретарь ЦИК СССР. 30.10.1937 расстрелян, реабилитирован посмертно.

Ефимов Петр Тимофеевич (1883–?). Бывший студент Петербургского Технологического института, по его собственным словам «подвергался арестам и преследованиям с 1901 года» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 97). Член ПСР с 1904, 10 октября 1906 за участие в кронштадтском восстании арестован и приговорен военно-полевым судом к 8 годам каторги, которую отбывал в Тобольском и Александровском централах. В 1913 по амнистии пребывание на каторге было заменено ссылкой. В Петроград приехал из Сибири после октября 1917 и, будучи лично знаком (по Александровскому централу) с членами ЦК ПСР А.Р. Гоцем и Е.М. Тимофеевым, получил техническую должность в редакции партийного журнала «За народ», после закрытия которого являлся комендантом общежития IV съезда ПСР в ноябре–декабре 1917. Затем был направлен для работы в военную организацию ПСР. В марте 1918 вместе с Л. Коноплевой прибыл в Москву для организации слежки за В.И. Лениным, которой занимался в течение трех недель, после чего вернулся в Петроград. В конце марта 1918 вышел из военной организации ПСР. В марте–сентябре работал агентом Петроградской городской управы в Астрахани, Туле и Балакове. С сентября работал комендантом столовой Петрокоммуны. На допросе в ВЧК 4 марта 1922 утверждал, что в состоянии «душевного разлада» принял в 1919 решение о невозможности находиться в партии, «о чем и было мною сделано заявление в письменной форме в Петрогр[адское] отд[еление] газеты “Дело Народа” в 1919 году[...]. Было помещено мое заявление или нет – не знаю. С этого момента считал себя совершенно отошедшим от партии и потерявшим с нею всякую связь до сего времени[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Д. 5. Л. 127 об.). Арестован Петроградской ЧК 02.09.1920 как принадлежащий к партии эсеров. Вновь арестован 13 июля 1921 по обвинению в агитации против Советской власти. Постановлением ПГЧК от 25 сентября 1921 за недоказанностью обвинения дело следствием прекращено и сдано в архив. Освобожден 29 августа 1921. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На основании ордера ПГЧК арестован 27 февраля 1922, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. На процессе являлся обвиняемым второй группы, приговорен к 10 годам заключения с освобождением от наказания. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, дальнейшая судьба неизвестна.

Жданов Владимир Анатольевич (1869–1932). Адвокат обвиняемых первой группы на процессе. Вскоре после процесса отправлен в ссылку.

Желябов Андрей Иванович (1851–1881). С 1873 член кружка «чайковцев» в Одессе. Один из создателей и руководителей «Народной Воли», ее военной и студенческой организаций, редактор «Рабочей газеты». Организатор ряд покушений на Александра II. Арестован накануне царевубийства 1 марта 1881. Повешен 3 апреля в Петербурге.

Жорес Жан (1859–1914). Деятель французского и международного социалистического движения, один из лидеров Французской социалистической партии, основатель газеты «Humanité», неоднократно был депутатом парламента. Убит французским националистом Р. Вилленом.

Зайцев. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено за нерозыском. Скорее всего речь идет о Зайцеве Максиме.

Зайцев Максим. Член ПСР. На проводившемся 1–9 декабря 1922 Верховным Ревтрибуналом Азербайджанской ССР в Баку суде над бакинскими и закавказскими эсерами, в ходе которого подсудимым (32 человека) в числе основных предъявлялось обвинение в организации поджога нефтяных промыслов 9, 10 и 16 апреля 1922, был приговорен к расстрелу.

Закгейм Бернард Григорьевич (1899–?). Бывший член ПСР. На допросе 14 апреля 1922 во время предварительного следствия в ГПУ показал, что в июне–ноябре 1918 «с небольшими перерывами состоял для поручений при Центральном комитете Партии социалистов-революционеров. Эту же работу я выполнял в с мая по сентябрь [...] 1919 года. Я исполнял поручения [С.В.] Морозова, [Е.М.] Тимофеева и Е.М. Ратнер[...]. Моя работа сводилась к приему приезжавших с мест работников на партийных явках (в Университете [А.Л.] Шанявского и в столовке этого университета и некоторых других явках). Я выполнял разные поручения, иногда ездил в провинциальные города (Саратов, Курск, Воронеж, Витебск и др.). [...] в начале лета 1918 года я по поручению члена ЦК Тимофеева Е.М. разнес пакеты [в которых содержалось обращение ЦК ПСР к союзным державам о верности социалистов-революционеров союзническому долгу и стремлении добиваться отмены Брестского мира и возобновления войны с Германией] во все союзнические миссии: во французскую [...], в румынскую, американскую, английскую, итальянскую [...]. [В ответ все союзные миссии выразили признательность за обращение и заверили партию эсеров в своей поддержке]. Ответы представителей миссий были мною устно переданы Тимофееву на партийной явке. Об этих ответах представителей союзнических миссий я говорил также с членами ЦК Морозовым, Ратнер Е.М.» (ГАРФ. Ф. Р.-1005. Оп. 1а. Д. 347. Л. 33–34). На процессе ПСР выступал свидетелем.

Затонский Михаил Петрович (Батрак) (1882–?). Из рабочих. Эсер. В 1905 избирался в первый Совет рабочих депутатов. После поражения революции 1905–1907 – в эмиграции, активно сотрудничал в партийной прессе. На III съезде ПСР в июне 1917 избран членом ЦК. Член Предпарламента и Учредительного собрания (от Саратовской губ.). Делегат IV съезда ПСР (26.11–05.12.1917). В июне 1920 в Бутырской тюрьме, в августе 1920 – в Ярославской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дальнейшая судьба неизвестна.

Зейман Лев Эдуардович. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Зейме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Зеленков. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено в связи со смертью обвиняемого.

Зеленский Исаак Абрамович (1890–1938). Член РСДРП с 1906, вел партийную работу в Астрахани, Пензе, Оренбурге, Саратове, Самаре, неоднократно арестовывался. После Февральской революции член президиума Моссовета, с 1920 по 1924 – зам. председателя Моссовета, секретарь Московского комитета партии (1921–1924). На X съезде РКП(б) был избран кандидатом в члены ЦК. С октября 1924 секретарь Среднеазиатского бюро ЦК партии. В марте 1938 расстрелян, реабилитирован посмертно.

Зензинов Владимир Михайлович (1880–1953). Сын известного чаоторговца, купца I гильдии, приобщился к революционной романтике еще в гимназии. В 1899 он уехал учиться за границу и стал одним из активных членов кружка Н.Д. Авксентьева. С января 1904, вернувшись в Москву, стал одним из руководителей МК партии и «агентом ЦК», затем в январе 1905 следует арест, ссылка, побег из нее, кооптация в ЦК, участие в Декабрьском вооруженном восстании, участие в I съезде ПСР, вступление в БО ПСР, арест в сентябре 1906 и приговор

к 8 годам каторги, замененной пятилетней ссылкой в Сибирь. В 1907 он бежит, эмигрирует и приближается к руководящему ядру партии. В 1909–1910 в качестве члена ЦК ПСР работал в России, где был арестован и сослан в Якутию. В 1915–1917 жил в Москве и Петрограде, где занимался партийной и литературной работой. После Февраля 1917 член редколлегий «Дело народа» и «Партийные известия», член ЦК (избирался на III и IV съездах ПСР). После октября 1917 покинул II Всероссийский съезд Советов. Член «Комитета спасения родины и революции», депутат Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания весной–летом 1918 редактировал издававшиеся в Москве эсеровские газеты, а затем уехал в Самару, где вошел в состав Комуча. С октября 1918 член Директории, но в ноябре после колчаковского переворота арестован и выслан из России. С начала 1919 находился во Франции, где в январе 1921 участвовал в работе частного совещания членов Учредительного собрания. Занимал правоцентристские позиции в руководстве партии (выходил из ЦК ПСР в знак протеста против решения IX Совета партии приостановить вооруженную борьбу против большевиков, затем осенью 1920 вернулся в его состав). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено за нахождением обвиняемого за границей. С началом Второй мировой войны эмигрировал в США, где продолжал заниматься литературно-политической деятельностью.

Зиновьев (Радомысльский) Григорий Евсеевич (1883–1936). Большевик, в 1919–1926 председатель Исполкома Коминтерна, член ЦК РКП(б) в 1907–1927, член Политбюро ЦК в 1921–1926. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Злобин Павел Владимирович (1882–?). Потомственный дворянин. Член ПСР с 1902. Вел нелегальную партийную работу и работал в земствах. По обвинению в принадлежности к партии эсеров неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке. В годы I Мировой войны работал в организациях Земсоюза в Уфе и на Западном фронте. В марте–октябре 1917 товарищ председателя Минской губернской земской управы. С 1918 в Москве: работал в университете им. А.Л. Шанявского, в сельской секции Центросоюза, на водном транспорте. С 1921 служил заместителем начальника снабжения Наркомпрода и консультантом кооперативного отдела Наркомзема. Как член Московского бюро ПСР в 1919–1920 четыре раза арестовывался МЧК. После ареста, произведенного 2 августа 1921 сотрудниками ВЧК, заявил, что «оставаясь членом партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] и в настоящее время, [...] в партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] активно не работает с конца 19 года» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Д. 5. Л. 140). В декабре 1921 числился «временно освобожденным до особого распоряжения». Арестован 24 февраля 1922, содержался в тюрьме в Кисельном пер. По итогам процесса приговорен к 2 годам тюремного заключения со строгой изоляцией с окончанием срока заключения 24 февраля 1923. 25 мая 1923 выслан в Уфу на 2 года. Дальнейшая судьба неизвестна.

Зубков Федор Васильевич (1888–?). Из крестьян. Получил образование в начальном училище. По собственному признанию, «фактически членом партии эсеров [...] никогда не состоял и билета партийного не имел. Но этой партии сочувствовал с 1906 года» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Д. 5. Л. 156). Работал старшим слесарем на вагоностроительном заводе в Петрограде. С началом I Мировой войны призван на военную службу в звании рядового. После победы Февральской революции 1917 как сочувствующий ПСР постоянно выступал на различных собраниях в защиту программы партии. Вследствие внутривнутрипартийного раскола в среде эсеров отошел от партии. Весной 1918 по демобилизации вернулся на родину, в деревню Сафонково Липенской волости Ореховского уезда Московской губернии, где до ареста в марте 1922 работал председателем Липенского волостного кооператива. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 13 марта 1922, содержался во Внутренней тюрьме. На процессе обвиняемый 2-й группы. 07.08.1922 приговорен к 5 годам заключения с освобождением от наказания. Дальнейшая судьба неизвестна.

Иваницкий-Василенко Александр Алексеевич (1885–?). Потомственный дворянин. Окончил Харьковскую гимназию (1901). Журналист и кооператор. В ПСР с 1904. По обвинению в принадлежности к партии эсеров подвергался арестам в Харькове (1904, 1905). В 1907 арестован в Финляндии по делу боевой организации ПСР; находился в ссылке на Ангаре, откуда бежал в 1915. Нелегально проживал в Новониколаевске и Ялutorовске; служил в кооперации. После Февральской революции на работе в организациях ПСР в Иркутске и других сибирских городах. В 1917–1919 – член Сибирского Краевого комитета ПСР. На территории, контролируемой колчаковскими властями, жил нелегально. Работал кооператором в Томске и Иркутске. После свержения А.В. Колчака входил в январе 1920 в Политический центр (Иркутск) и участвовал в подписании соглашения с представителями РКП(б) о передаче власти большевистскому Ревкому. С мая 1920 проживал в Москве; научный сотрудник Историко-революционного архива. С октября управляющий делами и заведующий научно-информационным отделением Главного управления сельскохозяйственной кооперации при Наркомземе. Арестован 02.03.1921. «На допросе [...] заявил, что оставаясь членом ПСР он с 1919 в партии не работал, так как сильно болен (туберкулезом)[...]». Ввиду представления им врачебного свидетельства о болезни, ходатайства Наркомзема как о незаменимом работнике освобожден 02.07.1921 со взятием на учет. На основании материалов наблюдения «[...]было выяснено, что Иваницкий по выходе из тюрьмы начал активную работу в партии, и по агентурным данным, сразу же вошел в ЦОБ ПСР». 02.08.1921 вновь арестован во время засады на квартире эсера П.В. Злобина. Содержался в Бутырской тюрьме. (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 39 об.). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале–марте 1922 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 2 октября 1922 был избит в тюрьме, на следующий день объявил голодовку. 18 ноября 1922 приговорен к 3 годам заключения в концлагере, которые отбывал в Архангельском концлагере. В феврале 1923 – в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ). В 1925 – в Суздальском, затем в Тобольском политизоляторе. В феврале 1926 отправлен в ссылку в Сургут. В 1926 арестован, привезен в Бутырскую тюрьму. В феврале–мае 1932 находился в Челябинском политизоляторе. Дальнейшая судьба неизвестна.

Иванов Борис Сергеевич (1890–1938). Член ПСР с 1906. Арестован 7 декабря 1921 в Москве, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В апреле 1922 находился во Внутренней тюрьме ГПУ. На процессе выступал свидетелем. В августе 1922 держал голодовку в Лефортовской тюрьме, в августе 1922 переведен в Таганскую тюрьму; 24 декабря 1922 отправлен в концлагерь; в 1923 – в СЛОИ; в марте 1926 в ссылке в Архангельске; в ноябре 1926 – ноябре 1928 в ссылке в Усть-Цильме; 23 января 1931 решением ОСО ОГПУ приговорен к 3 годам ссылки по ст. 58-10, 11; в 1931 в Западной Сибири; 22 сентября 1933 получил еще 2 года ссылки; 22 сентября 1935 ОСО НКВД Омска добавило еще 2 года ссылки. В 1937 арестован в Омске и по ст. 58-6, 10, 11 5 июля 1937 Тройкой УНКВД Тюмени приговорен к ВМН. Расстрелян.

Иванов Николай Несторович (1877–?). Из мещан. Рабочий-ткач. Член ПСР (с 1901) и МК партии эсеров (1915–1919). При самодержавии за участие в рабочем движении неоднократно подвергался арестам; провел полтора года в тюремном заключении и находился в ссылке. После Февральской революции избран в Московский СРиСД (1917). В октябре 1917 – мае 1921 член заводского комитета Прохоровской мануфактуры. В мае 1921 командирован Профсоюзом текстильщиков в Московский СНХ – помощник заведующего ткацким отделом. После октябрьского переворота постоянно арестовывался ВЧК и МЧК «как правый эсер, взятый на учет». Провел 1,5 года в заключении. 02.08.1921 повторно арестован ВЧК «как видный эсер, взятый на учет». На допросе заявил: «[...]в партии эсеров не работает с 1919 года, потому что плохо разбирается в течениях внутри партии эсеров и скорее сочувствует группе [В.К.] Вольского, чем эсерам центра, но из партии эсе-

ров не выходил» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 38). Содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 переведен во Внутреннюю тюрьму ГПУ. Дальнейшая судьба неизвестна.

Иванов Николай Николаевич (1888–1937). Окончил тифлисскую гимназию. В 1906, учась в Петербургском университете, вступил в ПСР. Вел пропагандистскую работу среди рабочих и студентов в Выборгском районе. 18.02.1906 арестован на собрании Военной организации партии эсеров, на котором должен был выступить с докладом. Привлечен к следствию по делу петербургской организации Всероссийского военно-революционного союза и 4 месяца провел в заключении в «Крестах». Осенью 1907 вел организационно-партийную работу в Охтинско-Пороховом подрайоне Петербурга. Снабжал взрывчатыми веществами Северный Летучий боевой отряд («отряд Карла»), а затем и сам вступил в него. Обеспечивал связь находившихся в Петербурге боевиков со «штаб-квартирой» в Финляндии. Принял участие в подготовке покушения на начальника Главного тюремного управления Максимовского и петербургского градоначальника генерала Драчевского. Во время подготовки боевым отрядом взрыва Совета министров деятельность отряда была раскрыта Петербургским охранным отделением; в конце ноября 1907 произошли аресты его членов, в т.ч. Н.Н. Иванова. По старому делу о военной организации Н.Н. Иванов был приговорен к 4 годам каторги, по основному делу – к 15 годам (со скидкой 1/3 срока по несовершеннолетию). После Февральской революции 1917 вернулся в Петроград и осенью того же года направлен на партийную работу в армейскую организацию партии эсеров 5-й армии. В ноябре избран во Всероссийское Учредительное собрание от армий Северного фронта. На IV съезде ПСР (ноябрь–декабрь) избран кандидатом в члены ЦК партии. Вместе с М.А. Лихачем возглавил Военную комиссию ЦК. После переезда ЦК в марте 1918 в Москву остался в Петрограде как ответственный представитель (вместе с А.Р. Гоцем, Д.Ф. Раковым и др.). От имени ЦК ПСР провел переговоры с председателем Петроградского комитета ТНСП В.И. Игнатьевым, представлявшим создаваемый «Союз возрождения России». В мае 1918 участвовал в 8-м Совете партии в Москве. В сентябре того же года, как депутат Учредительного собрания, участвовал в работе Уфимского Государственного совещания, на котором примкнул к группе В.К. Вольского, считавшей недопустимым для эсеров проводить политику соглашательства с правыми. После колчаковского переворота в ноябре съездом членов Учредительного собрания избран в состав Исполкома, призванного организовать восстановление законной власти. 12 декабря арестован вместе с другими участниками Съезда отрядом колчаковцев и в ту же ночь отправлен из Уфы в Омск. Три недели спустя освобожден из тюрьмы распропагандированными большевиками солдатами. Вместе с Ф.Ф. Федоровичем, В.Н. Филипповским и др. эсерами скрылся из города. В дальнейшем продолжил нелегальную партийную работу на территории Советской России. 3 августа 1921 арестован сотрудниками ВЧК и до февраля 1922 содержался в Бутырской тюрьме в Москве. В связи с подготовкой процесса над эсерами переведен во Внутреннюю тюрьму на Лубянке. По итогам процесса приговорен к ВМН, которая решением Президиума ВЦИК от 11 января 1924 была заменена 5 годами лишения свободы со строгой изоляцией. По окончании срока заключения 2 августа 1926 отправлен в ссылку в Самарканд на 3 года, после чего срок ссылки ежегодно продлевался еще на один год, а в 1936 – на 3 года.

Иванов П.Л. 29.10.1921–01.12.1922 – секретарь Секретного отдела ВЧК–ГПУ. 01.12.1922–05.01.1923 – помощник начальника VIII отделения СО ГПУ. 05.01.–03.05.1923 – секретарь СО ГПУ.

Иванова-Иранова Елена Александровна (1884–1937). Из мещан. Незаконнорожденная дочь профессора казанского университета Г.П. Кириллова. Воспитывалась в семье М.П. Ивановой и М.П. Громова. Окончила женскую гимназию в Тифлисе (1903) и Бестужевские курсы в Петербурге (1907). В 1907–1915 работала библиотекарем. В 1916–1919 постоянной работы не имела; служила конторщицей в Продпути (1920), инструктором по образованию и библиотекарем

во Всероссийском союзе кожевников (1920–1921), заведующей библиотечной секцией Московского губернского союза кожевников (1921). Арестована 6 декабря 1921. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвинялась в том, что входила в Боевую организацию ПСР под руководством Г.И. Семенова (Васильева) и была связной между ней и ЦК партии. На допросе отрицала свою принадлежность к какой-либо политической партии и утверждала, что «советской власти в общем сочувствую, но отношусь критически к некоторым ее мероприятиям» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 5. Л. 182). По итогам процесса была приговорена к ВМН, которая решением ЦИК СССР от 11 января 1924 была заменена лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. 12 июля 1926 предприняла попытку самоубийства. По окончании срока выслана в Самарканд на 3 года, в 1929 и 1930 срок ссылки продлевался еще на 1 год. В сентябре 1931 отправлена в ссылку в Нарым на 3 года, после чего срок ссылки продлевался (в 1933 на 2 года, в 1935 на 2 года). Арестована 23 августа 1937, по постановлению «тройки» УНКВД Запсибкрая расстреляна 31 октября 1937.

Игнатъев Владимир Иванович (1887–1937). Родился в Петербурге в семье учителя. Окончил юридический факультет Варшавского университета (1915). В годы первой русской революции – эсер, примыкавший к левому крылу партии, боевик-экспроприатор. В 1905–1916 входил в Союз социалистов-революционеров-максималистов, за принадлежность к которому отбывал ссылку в Тобольской губернии (1908–1911). В 1917–1920 являлся членом ЦК партии народных социалистов, председатель ее петроградского комитета. Член Комитета спасения родины и революции, входил в состав военного штаба Союза возрождения России и возглавлял его петроградское отделение. Один из руководителей антибольшевистского заговора в Вологде. С конца сентября 1918 правительственный комиссар (начальник) Архангельской губернии, с января по начало августа 1919 – член ВПСО, управляющий Отделом внутренних дел. В августе выехал в Сибирь, где возглавлял «Всесибирский крестьянский союз». В декабре 1920 был арестован в Сибири за принадлежность к деятельности т.н. Сибирского крестьянского союза. На процессе над ПСР входил в число обвиняемых второй группы и приговорен к высшей мере наказания, но был амнистирован Президиумом ВЦИК. После освобождения работал юрисконсультom в НКВД, затем в аппаратах ВЦИК и ЦИК СССР (1923–1934). Автор книги «Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны» (Москва, 1922). В 1935 проходил по т.н. Кремлевскому делу и ОСО при НКВД СССР был сослан в Нарымскую ссылку на 3 года, которую отбывал в с. Колпашево. Постановлением тройки УНКВД Западносибирского края за принадлежность к «контрреволюционной эсеровско-монархической повстанческо-террористической организации» был расстрелян.

Изгоев (Лянде) Александр (Аарон) Соломонович (1872–1935). Из семьи раввина, политическую деятельность начал в 90-е годы XIX в. как легальный марксист, а позже социал-демократ. Один из создателей «Союза освобождения», а с января 1906 член ЦК кадетской партии, где примыкал к правому крылу. Один из авторов сборника «Вехи», публицист журнала «Русская мысль». После октября 1917 ярый противник большевиков, за что арестовывался и содержался в Ивановском концлагере. В 1922 выслан за границу, где активно сотрудничал в либеральной прессе.

Изотов. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Иоллос Григорий Борисович (1859–1907). Редактор «Русских ведомостей», депутат I Государственной думы от кадетской партии. Его убийство было организовано черносотенцем А.Е. Казанцевым, наwerbовавшим в свой отряд нескольких рабочих, уверенных, что вступили в дружину эсеров-максималистов.

Г.Б. Иоллос был застрелен на улице рабочим В.Д. Федоровым, считавшим, что казнит изменника, присвоившего экспроприированные деньги.

Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952). Русский химик-органик, академик (1916–1936). Окончил Михайловскую артиллерийскую академию в Петербурге (1892). С 1900 профессор этой же академии. В 1918–1927 работал в АН СССР, в ВСНХ и в основанном им Научно-исследовательском химическом институте высоких давлений. В 1927 направлен в заграничную командировку, из которой не вернулся. С 1930 работал в США (фирма «Юниверсал ойл продактс компани»), был профессором Нортвэстернского университета (Чикаго).

Йодко-Наркевич Витольд (1864–1924). Польский политический деятель, журналист, историк. С ноября 1918 заместитель министра иностранных дел Польши. Посол в Турции (1919–1921) и Латвии (1921–1923).

Каджинов. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Калинин Михаил Иванович (1875–1946). Большевик, член партии с 1898. С марта 1919 председатель ВЦИК (с 1922 ЦИК СССР), член ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК с 1919, член Политбюро с 1926.

Калмыков Иван М. (?–1920). Атаман Уссурийского казачьего войска. Создал отряд в полосе отчуждения КВЖД и с марта 1918 действовал против советской власти на Гродековском направлении. Летом 1918 его отряд захватил Хабаровск. В феврале 1920 перед занятием Хабаровска партизанами Калмыков бежал в Маньчжурию, захватив 36 пудов золота. В Фукдине отряд Калмыкова был разоружен китайскими войсками, сам он арестован и расстрелян.

Каляев Иван Платонович (1877–1905). Сын околоточного надзирателя. С 1903 член ПСР и ее Боевой организации. 4 февраля 1905 в Москве убил вел. кн. Сергея Александровича. Повешен в Шлиссельбурге по приговору суда особого присутствия Сената.

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883–1936) Член РСДРП с 1901. После раскола РСДРП примкнул к большевикам. В 1917 являлся одной из центральных фигур большевистского руководства, а также членом Президиума Петроградского совета (с октября). Выступал против вооруженного восстания, а также против однопартийного состава правительства. В годы гражданской войны был председателем Московского совета (до мая 1926). С VIII съезда партии член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б), с 1922 – заместитель председателя СНК и СТО РСФСР (с июля 1923 – СССР), с января 1924 председатель СТО (до января 1926). Накануне и в ходе процесса возглавлял комиссию Политбюро («Тройку») по руководству процессом. В результате внутривластной борьбы теряет свои посты, а в декабре 1927 первый раз исключается из партии. Приговорен к расстрелу по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра» в 1936 году. Реабилитирован в 1988 году.

Канегиссер Леонид Акимович (1896–1918). Учился в Михайловском артиллерийском училище и в Петроградском Политехническом институте (студент 4-го курса). Член Трудовой народно-социалистической партии. В училище – председатель секции юнкеров-«социалистов». А.В. Луначарский утверждал на процессе, что Канегиссер был членом организации М.М. Филоненко. 30 августа убил председателя ПЧК М.С. Урицкого. Допрашивавший Канегиссера следователь Антипов записал: «При допросе Леонид Канегиссер заявил, что он убил Урицкого не по постановлению партии или какой-либо организации, а по собственному побуждению, желая отомстить за аресты офицеров и за расстрел своего друга Перельцвейга, с которым был знаком около 10 лет. Из опроса арестованных и свидетелей по этому делу выяснилось, что расстрел Перельцвейга сильно подействовал на Леонида Канегиссера. Узнав о расстреле, он уехал из дому на несколько дней – место его пребывания за эти дни установить не удалось». По признанию следствия «точно установить путем прямых доказательств, что убийство Урицкого было организовано контрреволюцией, не удалось». Расстрелян по решению Коллегии ПЧК.

Каннер Григорий Иосифович (1897–1938). Из семьи служащего. Образование высшее. С мая 1922 в аппарате ЦК РКП(б). Третий помощник генерального секретаря ЦК, осуществлял техническое руководство работой бюро секретариата ЦК. Заместитель начальника Главного управления металлургической промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР. Арестован 26.05.1937. Приговорен к расстрелу 22.08.1938 Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян 22.08.1938. Реабилитирован 09.06.1956 Военной коллегией Верховного суда СССР.

Каплан Фанни Ефимовна (Ройтблат Фейга Хаимовна) (1888–1918). Из семьи еврейского учителя, жила и работала модисткой в Одессе. Являясь членом террористической группы анархистов-коммунистов, в декабре 1906 после взрыва ею бомбы в гостинице, была арестована и приговорена к бессрочной каторге. После Февраля 1917 жила в Москве, затем лечила зрение в Крыму и Харькове. По данным Я.В. Леонтьева, считала себя ортодоксальной анархисткой-коммунисткой, а по некоторым свидетельствам современников, чья достоверность неясна, вступила в ПСР. Обстоятельства террористической деятельности Ф.Е. Каплан и ее роль в покушении на В.И. Ленина до сих пор вызывают споры. Это связано во многом с противоречивостью самих свидетельств подсудимых первой и второй групп.

Каплон Б. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Очевидно, речь идет о Каплане Владимире Натановиче.

Карахан Лев Михайлович (1889–1937). Член РСДРП с 1904, с июля 1917 большевик. С 1918 член коллегии Наркоминдела, заместитель наркома, в 1921–1922 полпред РСФСР в Польше. В 1927–1934 заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1934–1937 полпред в Турции. Репрессирован.

Карклин Отто Янович (1875–1937) – профессиональный революционер, юрист. Член соц.-дем. партии Латвии. В 1908 арестован и приговорен к 8 годам каторги. В 1916 переведен на поселение. После 1917 работал в органах юстиции, член Верховного Ревтрибунала при ВЦИК.

Карпинский (Минин) Вячеслав Алексеевич (1880–1965). Член РСДРП с 1898, большевик, партийный литератор, пропагандист. Неоднократно арестовывался. Сотрудник газет «Вперед» и «Пролетарий», заведующий библиотекой и архивом ЦК РСДРП в Женеве. В 1914–1917 сотрудник ЦО РСДРП газеты «Социал-Демократ». В 1918–1922 редактор газеты «Беднота».

Карпов. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960). Сын чиновника, окончил Петербургскую духовную академию (1899). В 1906–1917 профессор Высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. В 1909 стал председателем Религиозно-философского общества в Петербурге. В первые дни после Февральской революции вступил в конституционно-демократическую партию; член ЦК партии. Соратник лидера правого крыла П.Б. Струве. Вошел во 2-е коалиционное Временное правительство; с 24 июля обер-прокурор Священного Синода, 5 августа Временное правительство упразднило этот пост и учредило министерство исповеданий во главе с Карташевым. Выступал сторонником генерала Л.Г. Корнилова. Вечером 25 октября вместе с другими членами правительства арестован в Зимнем дворце и отправлен в Петропавловскую крепость. Освобожден в начале 1918. Один из руководителей «Национального центра». В январе 1919 уехал в Финляндию, где возглавил Русский комитет (с мая – Политический центр), оказывал помощь армии генерала Н.Н. Юденича. С 1925 профессор Русского богословского института Святого Сергия в Париже.

Катанян (Катаньян) Роберт (Рубен) Павлович (1881–1966). Член РСДРП с 1903. В 1920–1921 – зав. агитпропотделом ЦК РКП(б), с 1923 – пом. прокурора РСФСР, ст. помощник прокурора Верховного суда. В 1933–1937 – ст. помощник прокурора СССР.

Каутский Карл (1854–1938). Один из лидеров и теоретиков германской социал-демократии и II Интернационала, центрист. В 1883–1917 редактор теоретического журнала германской социал-демократии «Neue Zeit».

Кашин Иван Прокофьевич (1886–?). В 1905–1906 – член эсеровской боевой дружины в Петербурге. За участие в нападении на казначей корпуса пограничной стражи осужден на 8 лет каторги, в 1911–1914 отбывал каторгу в Александровском центральном, с 1914 на поселении. В январе 1918 член боевого отдела Военной комиссии при ЦК ПСР. Вышел из ПСР до 1922. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей (в Дальневосточной республике). На процессе ПСР – свидетель защиты. За «неправильную» линию на процессе подвергался давлению и угрозе предания суду. Член Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В 1938 работал бухгалтером в артели «Технохимик» (ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-30281. Т. 2. Л. 14).

Кеннан Джордж (1845–1924). Американский журналист. Неоднократно посещал Россию. В 1885–1886 исследовал каторжные тюрьмы и места ссылки в Сибири. В 2-томной работе («Сибирь и система ссылки» (1891), на русском языке – «Сибирь и ссылка» (1906), переведена на все европейские языки) и в лекциях, прочитанных в США и Великобритании, дал подробное и объективное описание условий содержания политических ссыльных. Приветствовал свержение российского самодержавия, выступал против вооруженной интервенции в Советскую Россию.

Керенский Александр Федорович (1881–1970). Из дворян, окончил в 1904 юрфак Петербургского университета, в последующие годы приобрел известность в качестве адвоката по громким политическим процессам. Сочувствовал и оказывал помощь эсерам как в годы революции 1905–1907, так и позже. В 1912 избран депутатом IV Государственной думы, где вошел во фракцию Трудовой группы, а с 1915 возглавил ее. В 1912 был принят в масонскую ложу «Великий Восток народов России», где с 1916 по февраль 1917 являлся генеральным секретарем. В марте 1917 вошел во Временное правительство, где с июля 1917 стал министром-председателем, а с августа и Верховным главнокомандующим. 25 октября 1917 покинул столицу и пытался организовать военное сопротивление большевикам. С лета 1918 в эмиграции. Осуждал военную интервенцию союзников, преследовавших корыстные цели, и поддержал тактику правого крыла ПСР «За третью Россию» под лозунгом «Ни Ленин, ни Колчак». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Кингисепп Виктор (1888–1922). Окончил медицинский факультет Петроградского университета (1916). Член РСДРП(б) с 1906. В ноябре 1917 входит в краевую исполком Эстонской советской республики и занимается организацией Красной гвардии. После оккупации Эстонии немецкими войсками уезжает в Москву; назначен следователем Верховного революционного трибунала и Президиума ВЧК. В 1919–1922 на нелегальной работе по созданию коммунистического подполья в Эстонии. Расстрелян сотрудниками эстонской полиции.

Киров (Костриков) Сергей Миронович (1886–1934). Большевик, член партии с 1904. С июля 1921 секретарь ЦК КП(б) Азербайджана. В 1921–1923 кандидат в члены ЦК партии, с 1923 член ЦК, с 1926 кандидат в члены, с 1930 член Политбюро ЦК ВКП(б).

Киселева. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, имеется в виду Киселев.

Климушкин Прокопий Диомидович (1887–?). Из крестьян. Член ПСР с 1905. В феврале 1917 – октябре 1918 председатель Самарского ГК ПСР. В июне 1918 вошел в самарский Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Управляющий ведомством внутренних дел Комуча. После переворота адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 на нелегальном положении. С 1920 в эмиг-

рации – проживал в Праге. Входил в Пражскую группу 30 ПСР. Участник Пражского восстания в мае 1945. После занятия Праги советскими войсками арестован органами госбезопасности и отправлен в СССР. По обвинению в антисоветской деятельности приговорен к 10 годам заключения в ИТЛ. Освобожден в 1956. По неподтвержденным данным поселился на родине – в Куйбышевской области.

Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938). Политический деятель, специалист в области международного права. До 1917 приват-доцент Московского университета. Член конституционно-демократической партии. В период гражданской войны консультант, товарищ министра и министр иностранных дел правительства Уфимской директории (1918), затем министр иностранных дел правительства адмирала А.В. Колчака (1918–1919). В 1919 уехал за границу, входил в Парижский комитет партии кадетов. Участник сборника «Смена веж» (Прага, 1921) и журнала «Смена веж» (Париж, 1921–1922). Переехав в конце 1921 в Берлин, вместе с Ю. Потехиным основал газету «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В августе 1922 под давлением советских представителей в Берлине и членов редакционной коллегии газеты «Накануне» был смещен с поста редактора газеты. В августе 1923 вместе с И. Василевским (Не-Буквой), А. Бобрищевым-Пушкиным и А. Толстым вернулся на родину. Заведующий кабинетом международной политики Коммунистической академии, преподаватель, консультант Наркомата иностранных дел, сотрудник журнала «Международная жизнь». Постановлением Особого совещания от 25.02.1934 за «антисоветскую агитацию» выслан на три года в Карелию. 05.11.1937 вновь арестован и 10.01.1938 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» к расстрелу.

Кобяков Сергей Артемьевич (1876–1923). Образование высшее. Член ПСР с 1904. Присяжный поверенный. В 1904–1917 участвовал в защите на судебных процессах эсеров и участников революционного движения. С 1920 в эмиграции – проживал в Германии и Чехословакии. Весной 1922 Заграничная делегация ПСР намеревалась направить С.А. Кобякова в РСФСР в качестве защитника первой группы обвиняемых эсеров на судебном процессе по делу ПСР в Москве.

Ковалев. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском обвиняемого и прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Ковалев-Сорокин Федор Данилович (ок. 1885–1941). Из крестьян. Образование среднее. В 1905–1907 – на службе в Военно-морском флоте. В 1907–1914 продолжал заниматься сельским хозяйством. Член ПСР с 1909. В годы I мировой войны служил матросом на Балтийском флоте. После Февральской революции 1917 вернулся на родину – в Усманский уезд Тамбовской губернии и на местном губернском крестьянском съезде избран депутатом в Исполком СКД. Осенью Временным правительством назначен комиссаром в Усманском уезде. В ноябре арестован Усманским уездным Советом «за оказание противодействия Октябрьской революции». После освобождения в апреле 1918 жил в Воронеже и работал в местной организации партии эсеров. После восстания чехословацкого корпуса перешел в июне линию фронта и прибыл в Самару (июнь). Сотрудник Политического отдела Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча) в Хвалынске и Ижевске. После колчаковского переворота в ноябре 1918 жил нелегально в Новониколаевске и Владивостоке и продолжал работать в партийных организациях эсеров. Летом 1919 морским путем переправился из Владивостока в Тифлис, где принимал участие в работе нелегального Комитета по освобождению Черноморья от Врангеля и Деникина. После занятия Красной армией Черноморья в июне 1920 арестован как эсер Новороссийской ГЧК и отправлен в ВЧК. После освобождения в сентябре 1920 поступил на работу агентом в Главтабак. В московской организации ПСР отвечал за материально-техническое обеспечение ее деятельности. Во время массовой операции ВЧК по «правым социалистам-революционерам» в Москве в марте 1921 скрылся при попытке его задержания и перешел на нелегальное положение. В конце марта попал в засаду на квартире члена ЦК ПСР Ф.Ф. Федоровича, но сумел бежать. Арестован 20 апреля засадой в квартире члена ЦК партии эсеров Л.Я. Герштейна. На допросе признался в принадлежности к ПСР, но на вопро-

сы, касающиеся его партийной работы отвечать отказался. Содержался в Бутырской тюрьме. В 1925 приговорен к заключению в Соловецком лагере особого назначения. В марте 1927 держал голодовку, затем пытался совершить самоубийство. Арестован 14.06.1939 в г. Алма-Ата. Приговорен к расстрелу 07.07.1941 ВКВС по обвинению в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 30.07.1941. Реабилитирован 31.05.1991 Прокуратурой СССР.

Коган-Бернштейн Матвей Львович (1886–1918). Из семьи народовольцев. Окончил Гейдельбергский университет (1909) и позже защитил докторскую диссертацию. Вступил в Баденский союз эсеров. Окончательно вернулся в Россию в 1909. Работал в правлении Общества торгово-промышленных служащих в Ростове-на-Дону. Возглавлял местную организацию партии эсеров. В 1914 арестован и выслан под гласный надзор полиции в Воронеж. Сотрудник Центрального товарищества льноводов. С организованной им группой эсеров издавал журнал «Запросы жизни» (1916). В годы I мировой войны – интернационалист. Осенью 1916 призван в армию. В январе 1917 по болезни освобожден от военной службы и вернулся в Воронеж. После Февральской революции 1917 председатель Воронежского губкома ПСР и член редколлегии газеты «Социалист-революционер». Избран гласным Городской думы и депутатом Воронежского совета РСЖД. Участник III (май–июнь) и IV (ноябрь–декабрь) съездов партии эсеров. 20 июня избран товарищем председателя Воронежского совета. Делегат I Всероссийского съезда Советов РСД (3–4 июня) от Воронежского совета; избран членом ВЦИК. 14 августа избран председателем Воронежского совета. В ноябре избран в Учредительное собрание от ПСР по Воронежскому избирательному округу. На IV съезде ПСР избран в ЦК – представитель левого центра. Избирался членом ВЦИК 3-го и 4-го созывов. Возглавлял фракцию эсеров центра во ВЦИК. Участвовал в 8-м Совете ПСР (май 1918), на котором выступил с содокладом по вопросу о вооруженной борьбе с большевизмом, не соглашаясь с большинством ЦК, выступал «против» вооруженной борьбы с большевиками. Постановлением ВЦИК от 14.06.1918 лишен депутатского мандата. В августе нелегально перешел Восточный фронт под Саратовом и прибыл в Самару. Входил в Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Противник деятельности правого течения в ПСР и соглашения праволиберальными группировками. В сентябре демонстративно покинул Уфимское государственное совещание и решил вернуться в Советскую Россию. При переходе фронта в районе Сызрани задержан и расстрелян как член Комуча.

Колегаев Андрей Лукич (1887–1937). Член ПСР с 1906. В 1907 за участие в революционном движении исключен из Харьковского университета. Четырежды арестовывался, 1 год находился в тюремном заключении. В 1909 приговорен к 4 годам ссылки в Архангельскую губернию, замененной высылкой на 4 года за границу. Учился в Сорбонне (Париж). Входил в Парижскую (левую) группу действия ПСР. После Февральской революции 1917 поверенный общества Московско-Казанской железной дороги (Казань), с мая член губернской земской управы. Один из создателей и лидеров казанской левоэсеровской организации. С мая возглавил Казанский комитет ПСР; член редакции газеты «За Землю и Волю». Руководил работой 1-го губернского крестьянского съезда (май), избран председателем казанского губернского Совета КД. С октября гласный городской думы. 15.10.1917 на 8-й Петроградской конференции ПСР избран членом ПК партии. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. Депутат II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, избран членом ВЦИК. В ноябре вошел в центральное бюро по созыву учредительного съезда Партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов); на съезде (19–27.11.1917) избран членом ЦК ЛПСР. 24.11. ВЦИК утвердил, а 25.11.1917 СНК назначил Колегаева наркомом земледелия. В знак протеста против заключения Брестского мира, согласно постановлению ЦК ЛПСР, 24.03.1918 сложил полномочия наркома земледелия. Одновременно выступал в ЦК и во фракции ЛПСР во ВЦИК против разрыва с большевиками. На 2-м съезде ЛПСР (17–25.04.1918) отказался баллотироваться в ЦК, однако его просьба не была принята и Колегаев прошел в ЦК минимальным количеством голосов. На 3-м съезде партии левых социалистов-революционеров (28.06.–01.07.1918) в ЦК избран не был. В мае–июле 1918 председатель президиума исполкома Казанского губернского совета. Осудил выступление левых эсеров в Москве. Один

из организаторов Партии революционного коммунизма. С ноября 1918 в РКП(б). Участник гражданской войны. В дальнейшем на хозяйственной работе. В 1936 арестован. 23 марта 1937 Военной коллегией Верховного суда за антисоветскую деятельность приговорен к расстрелу, приговор приведен в исполнение в тот же день. Реабилитирован в 1957.

Колосов Евгений Евгеньевич (1879–1938). Из дворян, с конца 90-х годов XIX в. член Северного союза с.-р., неоднократно арестовывался, член ЦК ПСР, участник I съезда партии, с лета 1906 в эмиграции, где занимался литературной и научной деятельностью (считался самым крупным знатоком наследия Н.К. Михайловского). Весной 1909 вышел из ПСР после шумной истории, когда он заявил, что долг каждого члена партии убить заподозренного в провокации члена БО ПСР «Николая» (против которого не было достаточных улик), на что Б.В. Савинков публично и предложил ему это проделать, после чего Колосов, не найдя в себе сил на этот поступок и не желая впасть в противоречие со своей позицией, вышел из партии. В 1911 Колосов устроил скандал В.М. Чернову, добившемуся у ЗД ЦК ПСР его восстановления в партии, заявив, что руководство партии за сокрытие писем Е.Ф. Азефа необходимо отдать под партийный суд. В годы войны, став оборонцем, добился разрешения у правительства вступить в русскую армию, но был арестован и отправлен в ссылку. После Февраля 1917 являлся членом красноярского комитета ПСР, затем комиссаром Временного правительства города и крепости Кронштадт. Делегат IV съезда ПСР и депутат Учредительного собрания. С лета 1918 член Сибирской областной думы, после колчаковского переворота курировал редакционно-издательский отдел в енисейском губернском земстве. Летом 1919 обсуждал с чехословацким генералом Р. Гайдой план совместного выступления против Колчака. С октября 1919 член земского политического бюро и его представитель в Политцентре. В январе 1920 участник переговоров Политцентра с большевиками об образовании Восточно-Сибирского буферного государства. До 1922 служил конторщиком в Сибздраве, затем до 1925 жил в Петрограде, где занимался исследованиями по истории революционного движения, сотрудничая с рядом журналов. С начала 1925 неоднократно подвергался арестам, содержанию в политизоляторах и ссылках. 10.07.25 приговорен к 3 годам заключения в политизоляторе и отправлен в Верхне-Уральский политизолятор. 07.05.28 ОСО ОГПУ приговорен к 3 годам ссылки в Ташкент. В 1930 на Урале. 23.12.30 приговорен ОСО ОГПУ к 3 годам ссылки по ст. 58-11. В 1933 на 3 года заключен в Суздальский политизолятор; в 1936 сослан на 3 года в Тобольск. 07.03.37 приговорен к ВМН Тройкой УНКВД Омской области. 07.08.37 расстрелян.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920). Сын офицера морской артиллерии. Окончил Морской корпус (1894), полярный исследователь, участник русско-японской и I мировой войн, в 1916–1917 – командующий Черноморским флотом. Адмирал (с ноября 1918). После Февраля 1917 командирован в США как специалист по минному делу. Вернувшись на Дальний Восток в конце 1917, в ноябре 1918 был назначен военным и морским министром в Совет министров Уфимской директории. 18 ноября произвел переворот и принял титул «верховного правителя российского государства» и звание главнокомандующего. После разгрома в декабре 1919 колчаковских войск выдан представителями чехословацкого корпуса эсеровскому «Политическому центру» 15 января 1920 на станции Иннокентьевская под Иркутском и затем передан большевистскому Иркутскому ВРК, по постановлению которого расстрелян 7 февраля на берегу реки Ушаковка.

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941). Большевик, участвовал в польском революционном движении с 1882, в РКП(б) с 1918. В 1921 секретарь ЦК КП(б)У, в 1922–1923 секретарь ИККИ. На процессе выступал защитником обвиняемых 2-й группы.

Коновалов Александр Иванович (1875–1948). Родился в семье крупного промышленника. С 1897 председатель правления товарищества мануфактур «Иван Коновалов с сыном». Председатель костромского комитета торговли и мануфактур (1905–1908), товарищ председателя (1908–1911) Московского биржевого комитета, председатель совета Российского взаимного страхового союза (1908–1911), один из учредителей и член совета Московского банка Рябушинских (1912) и Русского акционерного льнопромышленного общества (1912). В ноябре 1905 один из организаторов Торгово-промышленной партии. В 1912 член партии прогрессистов. В дни Февральской революции 1917 член вре-

менного комитета Государственной Думы. Министр торговли и промышленности (02.03.–18.05.1917). С июля в конституционно-демократической партии, вошел в ЦК. 25 сентября вошел в 3-е коалиционное Временное правительство как министр торговли и промышленности и товарищ министра-председателя. 25 октября А.Ф. Керенский перед отъездом из Петрограда поручил Коновалову организацию вооруженного сопротивления большевикам в столице. 26 октября вместе с другими министрами арестован и заключен в Петропавловскую крепость. В начале 1918 освобожден и эмигрировал во Францию. В 1921 вступил в возглавленную П.Н. Милюковым Республиканско-демократическую группу. С 1924 председатель Совета общественных организаций, вместе с князем Г.Е. Львовым и Н.Д. Авксентьевым руководил Российским Земско-Городским союзом (Земгор). В 1924–1940 председатель правления редакции газеты «Последние новости». С началом II мировой войны переехал в США.

Кононов Сергей Егорович (1884–?). Из крестьян. Окончил сельскую школу. Рабочий-литейщик. С 1900 в ПСР. По обвинению в революционной деятельности высылался в административном порядке на 1,5 года (1901) и 1 год (1903), привлекался к суду, но был оправдан (1906). В 1908 за изготовление взрывчатых веществ приговорен к смертной казни, замененной 20 годами каторжных работ. Освобожден по амнистии после победы Февральской революции. В апреле 1917 – марте 1921 член Петросовета. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 6 марта 1922 сотрудниками Петроградского управления ГПУ. Уголовное дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919. Дальнейшая судьба неизвестна.

Коноплева Лидия Васильевна (1891–1940). Из семьи учителя. По окончании гимназии училась на Высших женских Бестужевских педагогических курсах (специализация: биология, физика и математика). В 1906–1916 участник анархистского движения. В 1909 за революционную деятельность арестована в Архангельске и позднее выслана в Новгородскую губ. под надзор полиции. В 1912 повторно арестована в Петрограде. После Февральской революции 1917 вступила в ПСР. Работала секретарем редакции партийной газеты «Земля и воля». С осени 1917 до середины 1918 член Петроградского комитета партии. Затем входит в Военную комиссию ПСР и в возглавляемый Г.И. Семеновым боевой отряд по подготовке терактов для устранения лидеров большевизма. В мае 1919 временно отходит от активной политической деятельности и работает учительницей. С октября 1919 в Меньшинстве Партии социалистов-революционеров (МПСР). В феврале 1920 по партийной мобилизации направляется на фронт. Выполняет ответственные задания командования РККА в тылу ВСЮР в Крыму и др. местностях. По возвращении служила в Регистрационном отделе РВС Юго-Западного фронта. В декабре 1920 уволена из отдела. В январе 1921 возвращается в Москву и получает назначение на должность инструктора отдела охраны детства Наркомпроса (проработала около месяца). 26 февраля написала заявление в ЦК РКП(б) о вступлении в партию большевиков. Уже на следующий день Оргбюро ЦК удовлетворило ее просьбу. Тем же постановлением Оргбюро Коноплева вновь откомандирована из Наркомпроса в распоряжение Регистрационного управления РККА. В марте направлена по линии военной разведки за границу, где успешно выполняла задания командования до начала 1922. На процессе являлась одной из центральных фигур среди обвиняемых 2-й группы. По постановлению Президиума ВЦИК амнистирована. Впоследствии репрессирована.

Коноплев С. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918). Из семьи мелкого чиновника. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), Академию генерального штаба (1898). Служил в штабе Туркестанского военного округа, участвовал в русско-японской войне. Отличившись в боях с японцами, награжден золотым оружием «за храбрость» и произведен в полковники. Служил военным агентом (атташе) в Китае (1907–1911) и в частях пограничной стражи. Во время I мировой войны командовал дивизией, корпу-

сом. Попал в плен, бежал. После Февральской революции – главнокомандующий войсками Петроградского военного округа, в мае–июле командовал 8-й армией и войсками Юго-Западного фронта. Генерал от инфантерии (1917). С 19 июля по 27 августа 1917 Верховный главнокомандующий. 25 августа 1917 отдал приказ о движении войск на Петроград, потребовав отставки Временного правительства. После подавления мятежа был арестован, содержался в Быхове. 19 ноября при содействии генерал-лейтенанта Н.Н. Духонина бежал в Новочеркасск, где вместе с М.В. Алексеевым возглавил Добровольческую армию. 13 апреля 1918 убит при штурме Екатеринодара.

Королев. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921). Прозаик, публицист, общественный деятель. Родился в семье уездного судьи. Учился в Технологическом (Петербург, 1871–1873), Петровской академии (Москва, 1873–1876) и Горном институте (Петербург, 1877). В статье «Торжество победителей» («Русские ведомости», 1917, 3 октября) высказывался против политики подавления большевиками свободной мысли. Во время многократной смены властей в Полтаве выступал против арестов, грабежей и расстрелов. Председатель Лиги спасения детей, которая организовала размещение на Украине голодающих детей Москвы и Петрограда. Почетный председатель политического Красного Креста в Полтаве, постоянно боролся за жизнь арестованных. С гуманистических и демократических позиций написаны и 6 писем к А.В. Луначарскому в 1920. В 1921 тяжело больному Короленко был предоставлен специальный вагон-салон для поездки за границу на лечение вместе со всей семьей, но он отказался покинуть родину.

Коротков Иван Иванович (1885–1949). Член РСДРП с 1905. В 1922–1924 – член ЦК РКП(б). В 1923–1924 – кандидат в члены Оргбюро ЦК РКП(б). С 1921 – секретарь Иваново-Вознесенского губкома. С 1923 – заведующий отделом ЦК РКП(б). С 1924 работал в ЦКК РКП(б).

Коховский. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском (Калховский).

Кочаровский Георгий Трифонович (ок. 1897–1923). Сын чиновника. В ПСР с 1913. Студент Харьковского университета; сотрудник харьковской газеты «Утро» (1913–1916). В 1916 призван на военную службу. Окончил Одесскую школу прапорщиков. Служил младшим офицером в 241 запасном полку в Кузнецке Саратовской губернии и в Пензе. После Февральской революции председатель Евлашевского гарнизонного совета в Кузнецком уезде, член уездного исполкома Кузнецка Саратовской губернии, гарнизонного совета в Пензе, сотрудник газет «Известия» – периодических органов СРиСД Кузнецка и Пензы. В июне 1917 пошел добровольцем на фронт. До октябрьского переворота 1917 член армейского комитета 8-й армии и Исполкома Могилево-Подольского СРиСД, сотрудник «Известий» 8-й армии; прапорщик 617-го Делатынского полка. После демобилизации в начале 1918 до августа 1918 редактор органа харьковской губернской организации «Голос народа». В августе 1918 арестован германскими оккупационными властями. Освобожден в декабре 1918. До января 1919 редактировал газету «Волна». В январе 1919 уехал в Киев, где вошел Украинский трудовой конгресс при правительстве С. Петлюры и Винниченко. После прихода советских войск переехал в Тамбов. В марте 1919 мобилизован в Красную армию и направлен в распоряжение штаба 13 армии; прикомандирован к управлению Инспекции пехоты делопроизводителем и затем начальником канцелярии. С мая 1920 сотрудник для поручений, с июля помощник начальника инспекторского отделения при Штабе Юго-Западного фронта. В январе 1921 причислен к штабу Киевского военного округа. В феврале откомандирован как «неблагонадежный элемент» – член ПСР в распоряжение штаба Московского военного округа. Арестован 03.03.1921 во время засады на квартире помощника

секретаря ЦК ПСР М.Л. Гершевич-Свирской, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 19.12.1923 застрелен охраной Соловецкого лагеря.

Кочергина Тамара Ивановна. Член ПСР. Арестована 22 марта 1922, первое время содержалась в комендатуре. В сентябре 1922 в Ярославской тюрьме; 23 сентября 1922 подверглась избиению, на следующий день объявила голодовку. В декабре 1922 – апреле 1923 в Ковровском исправительном доме Ярославской губ.; в мае 1923 – январе 1924 в Челябинском политизоляторе. Дальнейшая судьба неизвестна.

Краковецкий Аркадий Антонович (1884–1937). Родился в дворянской семье; сын офицера. В 1902 окончил Михайловское артиллерийское училище (С.-Петербург). В 1905, во взаимодействии с представителями Партии социалистов-революционеров, создал подпольную военно-революционную организацию в Варшавской крепости, вскоре объединившую эсеров Варшавского военного округа. В 1907 арестован по обвинению в организации террористических актов, экспроприаций и побегов политических заключенных. По приговору военного суда отбывал наказание в Александровской каторжной тюрьме в Иркутской губернии (1907–1917). В 1916–1917 член Иркутского комитета Союза городов; секретарь Иркутского областного комитета Союза городов. В феврале 1917 вошел в Иркутский совет РК и СД; руководитель Военного комитета Совета. В апреле 1917 избран в президиум Окружного комитета Советов Восточной Сибири. Командующий войсками Иркутского военного округа. После ликвидации корниловского выступления назначен заместителем командующего Петроградским военным округом. Возглавил восстание юнкеров 29 октября в Петрограде. В период гражданской войны занимался организационной работой по созданию вооруженных формирований для борьбы с большевиками и колчаковцами. Входил в число руководителей антиколчаковского восстания в ноябре 1919 во Владивостоке, подавленного властями. С декабря становится во главе Военного совета объединенного штаба революционных организаций Приморья. В конце января назначен главнокомандующим революционных сил Приморья. В апреле эмигрирует в США. Вскоре переезжает в Чехословакию, где устанавливает контакты с советскими дипломатами и сотрудниками ВЧК. В 1921 опубликовал открытое письмо с признанием Советской власти и просьбой принять в ряды РКП(б). В связи с подготовкой судебного процесса над партией эсеров, на котором ему отводилась роль одного из главных свидетелей обвинения, в начале 1922 доставлен в Москву. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919. Участник пропагандистской кампании по дискредитации социалистов-революционеров. Выступил против эсеров с серией «разоблачительных» статей (опубликованы в газетах «Правда» и «Известия») и брошюрами «Работа эсеров за границей», «Страницы из истории эсеровской партии», широко использовавшейся на процессе. С 1922 в РКП(б); на дипломатической работе в НКВД. В 1925 направлен генеральным консулом в Мукден (Китай). По возвращении в Москву занимает должность начальника отдела по борьбе с вредительством ОГПУ. В 1933 возглавил охрану Совета труда и обороны СССР. Помощник начальника 2-го отдела Комитета резервов при СТО СССР. Арестован 07.05.1937. Приговорен к расстрелу 02.12.1937 Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в шпионаже и участии в террористической диверсионной организации. Расстрелян 02.12.1937. Реабилитирован 15.06.1957 ВКВС СССР.

Красин Леонид Борисович (1870–1926). Член Коммунистической партии с 1890. С 31.05.1924 – член ЦК РКП(б)–ВКП(б). 12.11.1918–08.07.1920 – народный комиссар торговли и промышленности. 08.07.1920–06.07.1923 – народный комиссар внешней торговли. С августа 1920 по 1926 – полпред и торгпред в Великобритании, 1924–1925 – во Франции.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947). Генерал-лейтенант (1917). В августе–сентябре 1917 командир 3-го конного корпуса, в октябре 1917 вместе с А.Ф. Керенским возглавил вооруженное выступление против большевиков. В 1918–начале 1919 атаман Войска Донского. С 1920 в эмиграции. Во время второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами, повешен по приговору советского суда.

Крестинский Николай Николаевич (1883–1938). Член с 1903. В 1917–1921 – член ЦК РКП(б), 1919–1921 – член Оргбюро и Политбюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). В 1921–1930 – полпред РСФСР в Германии. 1930–1937 заместитель наркома иностранных дел СССР, заместитель наркома юстиции СССР. Расстрелян, реабилитирован посмертно.

Крыленко Николай Васильевич (1885–1938). Член РСДРП с 1904. С 1918 – в Верховном революционном трибунале при ВЦИК, с декабря 1922 – заместитель народного комиссара юстиции и старший помощник прокурора Республики. На процессе выступал государственным обвинителем. С 1928 – прокурор РСФСР. В 1927–1934 – член ЦКК ВКП(б). С 1931 – нарком юстиции РСФСР, с 1936 – нарком юстиции СССР. Расстрелян в конце июля – начале августа 1938 (расстрельный список утвержден Сталиным и Молотовым 28.07.1938), реабилитирован посмертно.

Кубяк Н.А. (1882–1942). Член РСДРП с 1898, участник революции 1905–1907. После октября 1917 являлся секретарем Петроградского губкома партии, председателем ЦК Всеработземлеса, ответственным инструктором ЦК РКП(б). В 1921 примыкал к «рабочей оппозиции», с 1922 являлся секретарем Дальбюро ЦК РКП(б), секретарем ЦК ВКП(б), с 1928 нарком земледелия РСФСР, председатель Ивановского облисполкома.

Кудрин. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Кудрявцев Сергей Андреевич. Член ПСР. Арестован в мае 1921, содержался в Бутырской тюрьме; 09.08.22 принимал участие в голодовке в Лефортовской тюрьме; 20.12.23 приговорен к 2 годам ссылки в Туркестан.

Куйбышев Валериан Владимирович (1888–1935). Член РСДРП с 1904. В 1921–1922 – кандидат в члены ЦК РКП(б), 1922–1923, 1927–1935 – член ЦК партии. С конца 1920 – в Москве, работает в ВЦСПС, 25.05.1921–11.11.1924 – член Президиума ВЦСПС. 28.05.1921–22.04.1922 – член Президиума ВСНХ. В 1923–1926 – председатель ЦКК партии, нарком РКИ.

Кулаков Филипп Григорьевич (ок. 1892–?). Из крестьян. Окончил 3 курса медицинского факультета Московского университета. В ПСР с 1915. Сотрудник Саратовского общества потребительской кооперации и Московской городской управы. По обвинению в революционной деятельности арестован в Рязани (1908). Находился 8 месяцев в заключении по делу революционного кружка молодежи. Повторно арестован в Волоколамске (1912). Сидел 4 месяца в тюрьме за агитацию среди крестьян. После Февральской революции 1917 член Московского и Волоколамского СКД. Летом 1917 ездил в командировку от Московского Комитета общественных организаций в Архангельскую губернию организовывать органы местного самоуправления. В 1917–1918 – член земской управы, гласный земского собрания Волоколамска и член Волоколамского СКД. Опасаясь ареста, в июне 1918 покинул Волоколамск. Как Березников Арсений Николаевич служил секретарем совета профессиональных союзов в г.г. Орехов и Зуево. С августа 1918 жил нелегально в Саратове, Тамбове и Москве. По данным ВЧК, член Тамбовского губернского комитета ПСР с осени 1918 по август 1920. В конце августа 1920 окончательно переехал в Москву и поступил на работу инструктором в Продпуть. С января 1921 работал по совместительству инструктором в Наркомземе. Арестован в конце марта 1921 Уфимской ГЧК на основании агентурных сведений, что он, пользуясь служебной командировкой, развозил по городам Камышин, Екатеринбург, Пермь, Челябинск и Уфа циркулярные письма ЦК ПСР и был послан Центральным комитетом партии эсеров для связи с местными организациями партии в Уфе. «На допросе в Уфимской губчека [...] именовал себя беспартийным и отрицал всякую связь с эсерами[...].»

На первом допросе в ВЧК [...] тоже отрицал свою партийность[...]. После предъявления ему основанного на показаниях ряда свидетелей «[...]обвинения в участии в организации тамбовского восстания, в связи с [А.С.] Антоновым и его бандами [...] Кулаков на втором допросе сознался, что в действительности он состоит в ПСР с 1915 г., в Тамбовской нелегальной организации с.-р. работал с августа 1918[...]. С августа 1920 г. в Тамбове не был. Это подтверждается и свидетельскими показаниями. Виновным себя в участии организации Тамбовского восстания и в сношениях, и даже в знакомстве с Антоновым не признал и отказался давать дальнейшие какие-либо показания о своей работе в ПСР, и в частности, в тамбовской организации ПСР[...]. Обвинен в «[...]активной и руководящей роли с осени 1918 г. по август 1920 г. в тамбовской нелегальной организации, подготовлявшей восстание против Советской власти и личной связи Кулакова [в] июне и июле 1920 г. с организатором тамбовских банд Антоновым[...]. Направлен в распоряжение Тамбовской ГЧК для проведения дальнейшего следствия. (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 45). Вновь арестован 16 октября 1921, бежал. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Куликовский Иосиф Самойлович. Член ПСР. Арестован в октябре 1918 в Саратове. В 1919 содержался в Бутырской тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Курский Дмитрий Иванович (1874–1932). Член РСДРП с 1904 и участник Московского декабрьского вооруженного восстания. После Февраля 1917 являлся председателем Совета солдатских депутатов на Румынском фронте, а затем член Одесского ВРК. В 1919–1920 был членом РВС Республики. С 1918 по 1928 нарком юстиции РСФСР, член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР, председатель Центральной ревизионной комиссии, а затем член ЦКК ВКП(б).

Куусинен Отто Вильгельмович (1881–1964). Член с.-д. партии Финляндии с 1904 и один из руководителей ее левого крыла. В 1909–1910 член, в 1911–1917 председатель исполкома СДПФ, в 1907–1916 редактор ее центрального органа. В 1908–17 депутат финляндского сейма. В 1918 один из руководителей революции в Финляндии и создателей компартии Финляндии, член правительства. В 1921–1939 член Президиума и секретарь ИККИ.

Лазарев Егор Егорович (1855–1937). Сын крепостного крестьянина-мельника. Участвовал в народническом движении, привлекался к суду по «процессу 193-х», но был оправдан за недостатком улик. Впоследствии неоднократно арестовывался и ссылался. С 1890 в эмиграции. Член ПСР с 1902, кандидат в члены Заграничного комитета. В 1905–1907 в России, член Крестьянской комиссии при ЦК партии. В 1907 уехал в Швейцарию, в 1909 вернулся в Россию, в 1910 арестован, выслан на 4 года в Сибирь, вскоре ссылка была заменена высылкой за границу. После Февраля 1917 вернулся в Россию, жил в Самаре, избран в Учредительное собрание по списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов. К октябрьской революции относился резко отрицательно. Министр народного просвещения в правительстве Комуча. С 1919 в эмиграции, принимал активное участие в политической и культурно-общественной жизни.

Ларин Ю. (Лурье Михаил Зальманович) (1882–1932). Член РСДРП с 1900, большевик с августа 1917. В ноябре 1917 выступал за создание коалиционного советского правительства из социалистических партий. До лета 1918 играл важную роль в разработке хозяйственно-политических вопросов и организации экономики Советской республики. В последующие годы с перерывами (из-за состояния здоровья и расхождений с руководством партии в оценках нэпа) работал в ВСНХ, Госплане, различных комиссиях ЦК, ЦИК, СТО.

Лебедев Владимир Иванович (1883 (по другим данным – 1882) – 1956). Выходец из казачьей семьи. После окончания в 1904 Тифлисского пехотного училища произведен в офицеры. Участник войны с Японией; георгиевский кавалер. В 1906 вступил в ПСР. Принимал участие в руководстве севастопольским восстанием (1907), после подавления которого эмигрировал во Францию. Вместе с Ф.В. Волховским редактировал партийный журнал «За народ»; сотрудник журнала «Русское богатство» (1914). С началом Первой мировой войны «оборонец»; совместно с проживавшими во Франции русскими политическими эмигрантами

рантами формирует добровольческий отряд и вступает в него рядовым солдатом. Произведен в лейтенанты французской армии. После Февральской революции 1917 возвращается на родину. С Е.К. Брешко-Брешковской, А.И. Гуковским и П.А. Сорокиным создает и редактирует издающуюся в Петрограде правоэсеровскую газету «Воля народа». В апреле назначен Временным правительством председателем Комиссии по поднятию дисциплины в армии. По приглашению председателя правительства князя Г.Е. Львова назначается в апреле управляющим Морским министерством и занимает этот пост до конца августа, покинув его вследствие серьезных разногласий с военным министром Б.В. Савинковым. В июне 1918 решением самарского Комитета членов Всероссийского учредительного собрания введен в состав Штаба Народной армии. В ноябре командирован в США и Францию, где вел переговоры с союзными правительствами об оказании военной и экономической помощи России. В 1920–1922 входил в Инициативную группу «Внепартийного объединения». В 1922–1932 работал в редакционной коллегии общественно-политического и литературного журнала «Воля России» (Прага). На 1 съезде заграничных организаций партии эсеров избран в Областной комитет ЗО ПСР (1923). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Ледебур Георг (1850–1947). Один из основателей (1917) и лидеров Независимой социал-демократической партии Германии, участник ноябрьской революции 1918. В начале 20-х противник объединения НСДПГ с компартией. В 30-х выступал за единый фронт социал-демократов и коммунистов против фашизма.

Лежава Андрей Матвеевич (1870–1937). Большевик, член партии с 1904. Революционную деятельность начал с середины 80-х годов XIX в. в народно-вольческих кружках Тифлиса, в 1893 работал в типографии партии «Народное право». Уже в ссылке эволюционировал к марксизму. После октябрьской революции занимал посты председателя Центросоюза, заместителя наркома внешней торговли. В 1922–1924 нарком внутренней торговли, с 1924 по 1930 заместитель председателя СНК РСФСР и председатель Госплана РСФСР. В 1930–1937 начальник управления субтропических культур СССР. Репрессирован. Реабилитирован в 1956.

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870–1924). Председатель СНК, член ВЦИК и ЦИК СССР. Насколько позволяло ему здоровье, следил за организацией процесса и его ходом.

Леплевский Григорий Моисеевич (1889–1939). Член РСДРП с 1917. С мая 1920 – заведующий организационно-инструкторским отделом НКВД, заместитель наркома. В 1921–1923 – член, затем председатель Малого совнаркома. С 1923 – председатель административно-финансовой комиссии СНК СССР. Арестован 10.03.1938. Приговорен к расстрелу 29.07.1938 ВКВС СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 29.07.1938. Реабилитирован 03.12.1957 ВКВС СССР.

Лешнер (Лепер) Роман Романович (ок. 1890–1918). Сын чиновника. Учился в Петербургском университете. В 1917–1918 член Петроградской военной комиссии при ЦК ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Либер (наст. фамилия Гольдман) Михаил Исаакович (1880–1937). Из мещан; сын мелкого служащего. С 1896 в литовской социал-демократической партии. Работал частным учителем. Один из основателей (1897) и руководителей Бунда (член ЦК с 1904). В 1899 впервые арестован, через полгода освобожден на поруки и эмигрировал в Швейцарию. В 1905 член Исполкома Петербургского Совета РД. Вскоре после Объединительного пленума ЦК РСДРП (Париж, январь 1910) кооптирован от Бунда в Заграничное бюро ЦК, члены которого осенью 1911 заявили о самороспуске бюро. По обвинению в антиправительственной деятельности подвергался арестам (1910, 1912, 1914) и ссылкам (1910, 1912, 1915). Дважды бежал с места ссылки. С 1916 сторонник «революционного оборончества». В 1917 возглавлял правое течение в Бунде и в РСДРП (объединен-

ной). Член Исполкома Петроградского Совета РСД. На I Всероссийском съезде Советов (июнь) отстаивал идею коалиционного правительства; избран членом ВЦИК и его Президиума, товарищ председателя ВЦИК. В июле сторонник вооруженного подавления большевистского восстания. Член Временного Совета Российской республики (Предпарламента). Избирался членом меньшевистского ЦК на объединительном съезде РСДРП (август 1917) и на Всероссийской совещании РСДРП (май 1918); выходил из ЦК 01.11.1917, выступая против переговоров с захватившими власть большевиками. Предлагал для оказания действенного сопротивления большевикам коалицию с кадетами и опору на органы местного самоуправления. В годы Гражданской войны пропагандировал союз с Антантой. В 1922–1923 – член Бюро ЦК. С начала 20-х годов неоднократно арестовывался и ссылался. После ареста осенью 1923 содержался в Суздальском политизоляторе, затем в ссылке в Семипалатинске, после ссылки – в Курске. В 30-е годы на хозяйственной работе в Казани. Последний раз арестован в марте 1937 и приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.

Либеров Александр Васильевич (1887–1942). Из крестьян. Образование среднее. Член ПСР с 1905. Работал в кооперации. До Февральской революции по обвинению в принадлежности к партии эсеров трижды осужден. После октябрьского переворота 1917 заведующий отделом Сибсвязи Центросоюза. Член Московского комитета ПСР. Арестован ВЧК в марте 1920. Находился в Ярославской тюрьме. Освобожден. Повторно арестован 09.03.1921 в Акмолинске. В апреле переведен в Орловскую тюрьму. В октябре направлен в Ярославскую тюрьму. На процессе обвиняемый первой группы. Приговором Верховного революционного трибунала от 08.08.1922 осужден на 10 лет строгой изоляции. 11.01.1924 решением Президиума ВЦИК наказание заменено 5 годами заключения во Внутренней тюрьме ГПУ. 10.04.1925 постановлением ОСО КОГПУ приговорен к 3 годам ссылки (Акмолинск). 30.03.1928 ссылка продлена на 3 года. 03.10.1931 постановлением ОСО КОГПУ приговорен к 3 годам ссылки. Находился на поселении в Вятке и Костроме. В 1932 переведен в г. Кемь. 21.06.1933 постановлением ОСО НКВД (ст. 58-10, 11 УК РСФСР) приговорен к 2 годам лишения свободы. Находился в Суздальском политизоляторе. 03.03.1934 по постановлению ОСО НКВД срок заключения продлен на 1 год. 20.02.1935 решением ОСО НКВД отправлен на поселение в Киров. Освобожден 07.03.1936. В 1938 осужден по ст. 58-8, 11. 17.04.1938 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к 10 годам ИТЛ. Умер в Сиблаге.

Либкнехт Карл (1871–1919). Адвокат, крупный деятель германского с.-д. движения. В 1912 стал членом социал-демократической фракции в рейхстаге, откуда исключен в 1916 за антивоенную пропаганду и призывы к свержению правительства. Один из создателей германской компартии. Убит после подавления вооруженного восстания берлинских рабочих.

Либкнехт Теодор (1870–1948). Старший брат Карла Либкнехта, авторитетный деятель германского социал-демократического движения центристского толка.

Линкольн Авраам (1809–1865). 16-й президент США (1861–1865), один из организаторов республиканской партии (1854), выступившей против рабства. В ходе Гражданской войны (1861–1865) правительство Линкольна провело ряд преобразований, в том числе закон об отмене рабства. Убит агентом южан.

Литвинов Максим Максимович (1876–1951). Большевик, член партии с 1898. После октябрьской революции член коллегии НКВД, а с 1921 заместитель наркома иностранных дел. В 1922 заместитель главы советской делегации на Генуэзской конференции. В 1930–1939 нарком иностранных дел СССР, член ЦК партии с 1934 по 1941.

Лихач Михаил Александрович (1887–1931). Из семьи чиновника. Учился в Петербургском и Московском университетах (курс не окончил). Член ПСР с 1904. Неоднократно арестовывался. Участник I мировой войны, произведен в офицеры. После Февральской революции член и председатель армейского комитета 12-й армии Северного фронта. Делегат IV съезда Советов. Член ЦК ПСР. Летом 1918 по поручению ЦК ПСР был направлен в Архангельск для организации антибольшевистского восстания. Член ВУСО, управляющий отделами труда и народного образования. В сентябре 1918 выехал в Сибирь. После колчаковского переворота арестован, после освобождения занимался кооперативной дея-

тельностью. Арестован 26 января 1921, содержался во Внутренней тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса был приговорен к ВМН, которая решением Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 была заменена лишением свободы на 5 лет со строгой изоляцией. По окончании срока 25 января 1926 выслан в Воронеж на 3 года, после чего срок дважды продлевался еще на 1 год. В 1930–1931 содержался в Челябинском политизоляторе, где и умер от воспаления легких.

Ллойд-Джордж Дэвид (1863–1945). Премьер-министр Великобритании в 1916–1922, один из лидеров Либеральной партии. В 1905–1908 министр торговли, в 1908–1915 министр финансов. Один из организаторов антисоветской интервенции, в 20-е выступал за установление контактов с Советской Россией.

Лотошников Сергей Михайлович (1884–?). Из мещан. Окончил Петроградский политехнический институт (1909). Член ПСР с 1905. По обвинению в принадлежности к партии эсеров арестован в 1907 в Рязани. После годичного тюремного заключения выслан в Архангельскую губернию на 2 года. Вскоре ссылка была заменена на 2 года пребывания за границей. Учился в Мюнхенском университете. Инструктор по кооперации Костромского земства (1909–1913). Сотрудник Центросоюза (Москва, 1913–1915). В 1915–1917 служащий Земсоюза на Западном фронте. После февральской революции 1917 гласный Костромского земства и Костромской городской думы. Председатель Костромского СКД и член ГК ПСР. В ноябре избран в Учредительное собрание (Костромской избирательный округ – список ПСР и СКД). В октябре 1917 – январе 1918 проживал в Петрограде. До лета 1918 – в Москве. Участвовал в 8 Совете партии эсеров. Летом 1918 перешел линию фронта и прибыл в Самару, где вошел в Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (Комуч). Участник Уфимского государственного совещания (сентябрь) и Съезда членов Всероссийского учредительного собрания (сентябрь–ноябрь) – занимал наиболее правые позиции. После переворота адмирала А.В. Колчака в ноябре арестован и увезен в Омск. Освобожден в январе 1919. Инструктор по кооперации в Восточном отделении Центросоюза в Омске и Новониколаевске (январь–сентябрь). В сентябре 1919 – марте 1920 жил в Владивостоке и Верхнеудинске. В мае 1920 – июле 1921 работал в Центросоюзе (Омск). С начала июля 1921 в Москве – помощник заведующего яично-масляного отдела Центросоюза. 30.10.1921 арестован СО ВЧК «на основании телеграммы Костромской губернской чрезвычайной комиссии о том, что Лотошников в 1917 году и в 1918 году был членом Костромского губернского комитета ПСР, в настоящее время тоже имеет связь с костромским[и] с.р. и телеграммы из Омской губчека о том, что Лотошников в Омске в 1920 и 1921 годах был членом губернского комитета нелегального Крестьянского союза и был видным активным с.р., состоящим на учете». На допросе заявил, что «[...]в партии с.р. он активно работал до 1919 года, с тех пор из партии фактически вышел, но официально нигде об этом не заявил и дать теперь заявление в газете о выходе из ПСР отказался[...]» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 21. Л. 48 об.)

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933). Большевик, в с.-д. движении с 1895. С октября 1917 по 1929 – нарком просвещения РСФСР. В 1933 полпред СССР в Испании. На процессе выступал обвинителем.

Лункевич Валериан Викторович (1866–1941). Сын врача. Учился на физико-математическом факультете Харьковского университета (1885–1887). В 1887 отчислен за участие в студенческих волнениях. После сдачи экзаменов и написания кандидатского сочинения получил диплом кандидата физико-математических наук (1899). Проживая в 1902 в Берлине, работал в революционных организациях «Искра» и «Заря». В январе вернулся в Российскую империю. Принимал активное участие в реорганизации бакинской и тифлисской организаций ПСР и углублении их сотрудничества с представителями армянской партии «Дашнакцутюн». Во время революции 1905–1907 вел организационную работу среди эсеров Петербурга, Москвы и южных городов России. Находясь в 1908 в Женеве, вошел в местную организацию ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925). Князь. Крупный помещик. Окончил юридический факультет Московского университета (1885). Председатель Тульской губернской земской управы (1903–1905). Участник земских съездов 1904–1905. В 1905 избран в 1-ю Государственную думу от Тульской губернии и вступил в конституционно-демократическую партию, но вскоре покинул ее. С 1914 председатель (главноуполномоченный) Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (ВЗС). Один из руководителей Объединенного комитета Земско-Городского союза (Земгор). В марте–июле председатель Временного правительства. В начале октября 1918 выехал в США с целью получения финансовой и материальной помощи для белых армий, в которой ему было отказано. Направился во Францию, где вошел в состав «Русского политического совещания».

Львов Михаил Иванович (1885–?). Сын священника. Член ПСР с 1904. В 1900–1902 учился в омском духовном училище. Работал инструктором и конструктором сельскохозяйственного машиностроения на заводе сельскохозяйственных машин в Омске и служил в омском уездном земстве. С марта 1917 проживал в Москве, «занимаясь исключительно партийной работой». В июле–ноябре 1917 инструктор при Областном Московском совете крестьянских депутатов. Впервые арестован 20 ноября 1919 в Саратове местной губернской чрезвычайной комиссией (См.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 5. Л. 203 и об.). Вновь арестован 15 октября 1920, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. По решению Президиума ЦИК СССР от 11 января 1924 срок сокращен до 2,5 лет. По окончании срока 21 января 1924 выслан на 3 года в Чердынь Верхне-Камского округа. В 1925 бежал из ссылки; в 1926 – в Суздальском политизоляторе; в январе 1929 в Оренбургской больнице. Дальнейшая судьба неизвестна.

Людендорф Эрих (1865–1935). Немецкий генерал. Во время I мировой войны был начальником штаба 8-й армии, а затем Восточного фронта. С августа 1916 по октябрь 1918 – генерал-квартирмейстер Верховного командования (отправлен в отставку). Участник Капповского путча 1920 и «пивного путча» 1923. Сторонник доктрины «тотальной» и «молниеносной» войны.

Люксембург Роза (1871–1919). С гимназических лет принимала участие в революционном движении, в 1888 эмигрировала в Швейцарию и училась в Цюрихском университете. В 1897 переехала в Германию и заняла крайне левые позиции в СДПГ. Поддерживала связи с польским социал-демократическим движением, а после раскола РСДРП выступила на стороне меньшевиков. В годы I мировой войны заняла интернационалистские позиции, являясь одним из создателей «Союза Спартака». Выступила с осуждением разгона большевиками Учредительного собрания в январе 1918. На учредительном съезде компартии Германии (30.12.1918–01.01.1919) сделала доклад о программе партии. Убита после подавления восстания берлинских рабочих.

Маврицкий. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском (Мавринский).

Майский (настоящая фамилия Ляховецкий) Иван Михайлович (1884–1975). Сын военного врача крестьянского происхождения. Участник революционного движения с 1899. В 1901 поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, в 1902 исключен за участие в студенческом движении и выслан в Омск. С 1902 в РСДРП; после раскола партии колебался между большевиками и меньшевиками. Член Самарского и Саратовского комитетов партии. В декабре 1905 представлял РСДРП в Саратовском Совете РД. После ареста в январе 1906 административно выслан в Тобольскую губернию, откуда бежал в 1908 и эмигрировал в Германию. Учился на экономическом факультете Мюнхенского университета. После окончания университета (1912) переехал в Лондон, где утвердился на меньшевистских позициях. В период I мировой войны – меньшевик-интернационалист. В мае 1917 вернулся в Россию. Работал в

Петроградском Совете РиСД, в профсоюзах. Член коллегии министерства труда во Временном правительстве. На Чрезвычайном съезде (ноябрь–декабрь 1917) и Всероссийском совещании (май 1918) меньшевиков избирался членом ЦК. На 1-м Всероссийском съезде профсоюзов (январь 1918) избран членом исполкома ВЦСПС. В августе 1918 вошел в правительство Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) в Самаре в качестве управляющего ведомством труда, за что в сентябре был исключен из ЦК и из партии. В 1919 порвал с меньшевиками, заявив об этом в газете «Правда». В феврале 1921 принят в РКП(б). Работал председателем Сибирского госплана. В 1922–1923 заведующий отделом печати НКВД, в 1923–1925 редактор журнала «Звезда», одновременно преподавал в Коммунистическом университете в Петрограде. Выступал свидетелем обвинения на процессе по делу ПСР. В дальнейшем на дипломатической работе. В феврале 1953 арестован вместе с другими бывшими сотрудниками советского посольства в Лондоне по обвинению в шпионаже в пользу Великобритании и в антисоветской деятельности. Летом 1955 приговорен к 6 годам лишения свободы за «служебные нарушения», но сразу же помилован Президиумом Верховного Совета СССР и затем реабилитирован. С 1968 работал в Институте всеобщей истории АН СССР.

Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937). Один из основателей и лидеров Лейбористской партии Великобритании. В 1920 на короткое время примкнул к 2 1/2 Интернационалу, но вскоре вернулся во II Интернационал, один из вдохновителей Амстердамского объединения профсоюзов. В 1924 и 1929–1931 – премьер-министр. В 1931–1935, выйдя из Лейбористской партии, возглавлял коалиционное (т. н. национальное) правительство.

Малкин Борис Федорович (1891–1938). Член ПСР с 1908, один из организаторов ЦКПР и член ее ЦК. С весны 1918 член РКП(б). В 1919–1921 руководил Центропечатью. В 1922 член Комиссии Оргбюро РКП(б) по агитации, созданной для освещения процесса над ПСР.

Маянгович Павел Николаевич (1869–1940). Родился в семье чиновника. Учился на юридическом факультете Московского университета. Окончил курс на юридическом факультете Юрьевского университета (1893). С ноября 1893 присяжный поверенный Московской судебной палаты. За связь с социал-демократами и социал-революционерами подвергался при царской власти арестам. Один из лучших адвокатов Москвы. Участник сотен политических, уголовных и гражданских процессов. 25 сентября 1917 назначен министром юстиции и генерал-прокурором Временного правительства. Официально вступил в партию меньшевиков по предложению министра финансов М.И. Терещенко, в связи с занятием должностей министра и генерал-прокурора. Занимал эти посты ровно месяц – до Октябрьского переворота. В числе ряда министров Временного правительства арестован 26 октября по распоряжению ВРК, но 27 октября освобожден на основании предписания ИК ПСРиСД. Вскоре после освобождения вышел из партии меньшевиков и вернулся в Москву. В августе 1918 выехал в Пятигорск. В октябре переехал в Екатеринодар, где проживал до сентября 1921. При власти командования ВСЮР занимался исключительно юридической практикой как товарищ юрисконсульта Общегородской больничной кассы. 21.09.1921 вызван наркомом просвещения А.В. Луначарским и наркомом юстиции Д.И. Курским на работу в Москву. В 1921–1922 работал юристом в Главлекомме и юридическом отделе Президиума ВСНХ. С октября 1923 по февраль 1924 главный юрисконсульт акционерного общества Транспорт. Принимал активное участие в организации советской адвокатуры и долгое время занимался адвокатской практикой. Пользуясь доверием властей, имел доступ к спецделам. 13.12.1930 арестован ОГПУ. 10.05.1931 приговорен к 10 годам лишения свободы по обвинению в принадлежности к центральному бюро меньшевистской организации. По ходатайству видных деятелей большевистской партии освобожден 28.05.1931. В сентябре 1937 исключен из коллегии адвокатов. 01.11.1937 арестован по распоряжению зам. комиссара внутренних дел СССР. 26.11.1937 ему было предъявлено обвинение в принадлежности к партии меньшевиков, участии во Временном правительстве, преследовании в качестве главного прокурора и министра юстиции В.И. Ленина и других лидеров большевиков. В закрытом судебном заседании 21.01.1940 Военная коллегия Верховного суда

СССР признала Малянтовича виновным и приговорила к ВМН. Приговор приведен в исполнение в Москве в тот же день. 13.05.1992 Генеральная прокуратура РФ признала, что на Малянтовича полностью распространяется действие Закона РСФСР от 13 октября 1991 «О реабилитации жертв политических репрессий».

Мамонько Иосиф (1887–?). Эсер. Арестован 09.03.1921 в Минске; препровожден в Бутырскую тюрьму. Выслан в Казань, бежал в Белоруссию. К 1923 секретарь Белорусской Рады, член ЦК белорусских эсеров.

Мануильский Дмитрий Захарович (1883–1959). Член РСДРП с 1903. С декабря 1921 первый секретарь ЦК КП(б)У, с 1922 работал в Коминтерне, где стал в июле 1924 членом Президиума ИККИ, а с 1928 по 1943 был его секретарем. С 1922 кандидат в члены ЦК, с 1923 по 1952 член ЦК ВКП(б).

Манучарьянц Шушаника Никитична (1889–1969). Член РКП(б) с 1918. В 1920–1924 – библиотекарь личной библиотеки В.И. Ленина, затем Н.К. Крупской. В 1922 – помощник технического секретаря Политбюро ЦК РКП(б). В 1931–1955 – старший научный сотрудник ИМЭЛС.

Мартов Л. (Цедербаум Юлий Осипович) (1873–1923). Один из лидеров меньшевизма, в с.-д. движении с 1891. С октября 1920 жил в Германии, где в 1921 основал журнал «Социалистический вестник» и возглавлял Заграничную делегацию РСДРП. Один из создателей и лидеров Венского 2 1/2 Интернационала.

Мартьянов Николай Николаевич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Масалов Сергей Дмитриевич. Арестован 15 марта 1921, бежал. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Маслов Сергей Семенович (1887 – не ранее мая 1945). Экономист, политический деятель, публицист. Родился в мещанской семье. Окончил 6-классное городское училище и среднее агрономическое училище в Харькове. Член ПСР с 1906. В декабре 1911 арестован; после 11-месячного заключения сослан в январе 1913 на два года в Пинегу Архангельской губернии под гласный надзор полиции. После окончания ссылки (апрель 1914) поселился в Вологде. Участвовал в организации Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации. В годы I мировой войны инструктор кооперации по культурно-просветительской работе при Вологодском кооперативном союзе маслоделов. С августа 1916 в Москве. После Февральской революции избирался председателем оргбюро по созыву 1-го Всероссийского съезда крестьянских депутатов (апрель), членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов (май). Избран в Учредительное собрание от Вологодской губернии по эсеровскому списку (ноябрь). Член президиума 2-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов (ноябрь–декабрь 1917). После разгона Учредительного собрания на нелегальном положении. Вошел в созданный в марте Союз возрождения России, который направил его на Север для подготовки восстания против большевиков. Осенью 1918 гражданский губернатор Архангельска при правительстве Северной области Н.В. Чайковского. Участвовал в кооперативном движении в Сибири. Находился в тюремном заключении по распоряжению колчаковских властей. После освобождения скрывался. Осенью 1919 сдался представителям большевистского правительства в Уфе. Отправлен в Москву, но вскоре освобожден. Сотрудник сельскохозяйственных учреждений Москвы. В декабре 1920 основал в Москве из студентов и преподавателей Тимирязевской сельскохозяйственной академии нелегальную ячейку «Крестьянская Россия», у которой к середине 1921 появились региональные организации. В конце 1921 эмигрировал. Занимался созданием ячеек «Крестьянской России», участвовал в работе Земгора. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1923–1924 – заведующий заграничным отделом пражского Института изучения России. Один из учредителей

Союза русских писателей и журналистов. В 1925–1933 редактировал «Вестник Крестьянской России». На съезде в декабре 1927 «Крестьянская Россия» преобразована в партию «Крестьянская Россия – трудовая крестьянская партия» (ТКП), которую возглавили Маслов (генеральный секретарь), А.А. Аргунов и А. Бем. В период Второй мировой войны на оборонческих позициях. Неоднократно арестовывался гестаповцами, в конце войны заключен в концлагерь, из которого освобожден Советской армией, но вскоре повторно арестован.

Махин Федор Евдокимович (1882–1945). Сын казака. Окончил Академию Генерального штаба (1914). С 1906 в ПСР. Во время I мировой войны служил помощником начальника и начальником оперативного отделения штаба 8-й армии на Румынском фронте. Службу в царской армии завершил в звании полковника. Вскоре после октябрьского переворота создал подпольную офицерскую организацию. По решению ЦК ПСР весной 1918 поступил в Красную армию. В июле, командуя 2-й советской армией на уфимском участке Восточного фронта, с ближайшими сотрудниками штаба перешел на сторону Народной армии самарского Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. В сентябре назначен главнокомандующим Народной армии. С 1920 в эмиграции. В 1920–1922 входил в Совет «Внепартийного объединения». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. На 1 съезде заграничных организаций партии эсеров избран в Областной комитет Заграничной Организации ПСР (1923). В 1941–1945 служил в Народно-освободительной армии Югославии. Генерал-лейтенант (с 1944). Скончался вскоре после возвращения из командировки в СССР.

Меллер-Закомельский Александр Николаевич (1844–?). Барон, генерал от инфантерии (1906). С 1904 командующий корпусом, во время революции 1905–1907 подавил восстание матросов в Севастополе, возглавлял карательную экспедицию на Транссибирской магистрали. В 1906–1909 временный прибалтийский генерал-губернатор. С 1918 в эмиграции.

Менжинский Вячеслав Рудольфович (1874–1934). Большевик, член партии с 1902, член петроградского ВРК в 1917, с декабря 1917 член коллегии ВЧК, в 1918 генеральный консул РСФСР в Берлине. С 1919 в аппарате ВЧК, с 1923 заместитель председателя, а с 1926 по 1934 председатель ОГПУ СССР. Член ЦК ВКП(б) в 1927–1934.

Мергейм Альфонс (1881–1925). Французский политический деятель, синдикалист. С 1905 один из лидеров Федерации металлистов и Всеобщей конфедерации труда Франции. В начале I мировой войны один из руководителей левого синдикалистского движения во Франции, участвовал в Циммервальдской конференции, примыкал к Циммервальдской правой. К 1918 эволюционировал вправо, к СССР относился враждебно.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941). Русский поэт, прозаик, драматург, философ, литературный критик. В 1919 эмигрировал. До конца жизни занимал непримиримые позиции по отношению к большевизму, который считал абсолютным злом, и призывал к крестовому походу против него.

Мерхалев Дмитрий Николаевич (1888–?). Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 12.05.22 в Ново-Николаевске, содержался в Бутырской тюрьме, затем в Ярославском политизоляторе; 02.10.1922 подвергся избиению, после чего объявил голодовку. В ноябре 1922 переведен в Бутырскую тюрьму; 23.02.1923 приговорен к 3 годам заключения в концлагере; в апреле–июне 1923 в Ярославском политизоляторе; в августе 1923 – июне 1924 в Соловецком лагере особого назначения (СЛОН); в феврале 1926 – апреле 1929 в Свердловске; в 1930 арестован в Свердловске, препровожден в Бутырскую тюрьму. Дальнейшая судьба неизвестна.

Мехлис Лев Захарович (1889–1953). Член Коммунистической партии с 1918. Участник гражданской войны. С 24.11.1922 – пятый, затем четвертый помощник генерального секретаря ЦК РКП(б). С июня 1924 – заведующий Бюро Секретариата ЦК РКП(б), первый помощник генерального секретаря ЦК РКП(б). В 1930 окончил Институт красной профессуры и работал в редакции газеты

«Правда», кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1934–1939, член ЦК с 1939. В 1937–1940 начальник ГлавПУ РККА, армейский комиссар 1-го ранга. В 1941–1942 начальник ГлавПУ и заместитель наркома обороны СССР (освобожден за провал обороны Крыма весной 1942), затем член Военных Советов ряда фронтов. Депутат ВС СССР и член его Президиума в 1937–1950.

Мещеряков Владимир Николаевич (1891, по др. данным 1885–1946). Член РСДРП с 1905. Занимался партийной деятельностью в Петербурге и за границей. В 1917 вернулся в Россию. В 1918 член Коллегии Наркомзема РСФСР, а затем нарком земледелия Украины. С 1919 на руководящей партийной и советской работе в Новгороде, Тамбове, Симбирске. В 1922–1928 член Коллегии Наркомпроса, зам. председателя Главполитпросвета, позднее – зам. заведующего с.-х. отделом ЦК ВКП(б). С 1930 по 1936 на работе в НКВД, в дальнейшем – на хозяйственной работе.

Микоян Анастас Иванович (1895–1978). Член РСДРП с 1915. В 1922–1923 кандидат в члены ЦК РКП(б), в 1923–1976 – член ЦК партии. В 1935–1966 – член Политбюро (Президиума) партии. В 1922–1924 – секретарь Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б) в Ростове-на-Дону. В 1924–1926 – секретарь Северо-Кавказского крайкома партии.

Мильеран Александр (1859–1943). Адвокат. Впервые избран в парламент в 1885. В 1899 входит в состав министерства Вальдека-Руссо министром торговли, «открывая» эру «мильеранизма» и «министериализма» (первый в истории случай участия социалиста в буржуазном правительстве – т. н. «казус Мильерана»). После Октябрьской революции один из главных вдохновителей интервенции союзных войск против Советской России. В августе 1920 избран президентом французской республики и оставался на этом посту до августа 1924, когда победа «левого блока» заставила его выйти в отставку.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943). Историк, один из лидеров партии кадетов и активный противник большевизма. С 1920 в эмиграции, возглавлял левое крыло кадетов, строившее свою тактику на вере в возможность перерождения советского режима и подрыва его изнутри.

Милютин Владимир Павлович (1884–1938). Член РСДРП с 1903, большевик с 1910. В 1917 член ЦК партии и нарком земледелия, сторонник коалиционного социалистического правительства, покинул эти посты из-за несогласия с политикой ЦК партии. В 1918–1921 заместитель председателя ВСНХ.

Минаков Петр Андреевич (1865–1931). Судебный медик. Окончил медицинский факультет Московского университета (1891). В 1900–1911 заведующий кафедрой судебной медицины, 1909–1911 проректор Московского университета. В 1911 подал в отставку в знак протеста против реакционных действий министра народного просвещения Л.А. Кассо. Организовал и возглавил кафедру судебной медицины Московских высших женских курсов (впоследствии 2-й МГУ). В 1917 вернулся на кафедру Московского университета, которой заведовал до 1931. С 1923 председатель Антропологического общества при МГУ.

Минор Осип Соломонович (1861–1934). Из семьи московского раввина. Учась на юрфаке Московского университета, вступил в народовольческий кружок и в конце 1883 был арестован. В 1884, будучи выслан на год в Тулу, продолжал заниматься революционной деятельностью. С 1885 2,5 года провел в одиночке ярославской тюрьмы, затем был приговорен к ссылке в Якутию на 10 лет. Во время т.н. «Якутской трагедии» был ранен и за сопротивление властям приговорен к бессрочной каторге, которую в 1895 заменили поселением в Чите, где занимался метеорологией. В 1898 получил право жительства в Европейской России, где вновь приступил к революционной деятельности. В 1902 накануне ареста эмигрировал и вскоре вступил в ПСР. С 1904 возглавлял Заграничный комитет и был кооптирован в ЦК ПСР, участник I и II съездов ПСР и Амстердамского конгресса II Интернационала. В 1905–1907 в качестве чрезвычайного уполномоченного ЦК вел работу на Кавказе и Украине, а в 1908 отправился с группой единомышленников в Поволжье, где был арестован и приговорен к 8 годам каторги. После Февраля 1917 член ЦК ПСР и сторонник бескомпромиссной борьбы с большевиками. В начале 1919 эмигрировал во Францию, заняв в

эсеровской эмиграции позиции ярого противника большевизма, допускавшего для борьбы с ним и возможность союзов с белыми правительствами (на условиях признания Учредительного собрания) и использования союзнических войск. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Минов Илья. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Мион. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено за смертью обвиняемого (Цион).

Мирбах Вильгельм (1871–1918). Германский дипломат, граф. С апреля 1918 посол в Москве при правительстве РСФСР. Убит левым эсером Я.Г. Блюмкиным.

Михайлов Иван Адрианович (1890–1946). Сын народовольца А. Михайлова. Член ПСР. По окончании Петербургского университета оставлен для подготовки к профессорскому званию на кафедре политической экономии. В 1915–1917 сотрудник Всероссийского Земского союза. После Февральской революции 1917 служащий Министерства земледелия, продовольствия и финансов. В 1918 член Временного Сибирского правительства и Административного совета. Принимал активное участие в государственном перевороте в Омске (ноябрь). Министр финансов в правительстве адмирала А.В. Колчака. Эмигрировал в Китай. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Модильяни Джузеппе Эмануэле (1872–1947). Деятель итальянского социалистического движения. Публицист. С 1908 – член руководства Итальянской социалистической партии (ИСП). В 1913–1926 – депутат парламента. В 1922 один из основателей правореформистской Унитарной социалистической партии. В 1926 эмигрировал во Францию, присоединился к антифашистскому движению. Вернулся в Италию в 1944. После раскола ИСП в январе 1947 возглавил парламентскую фракцию Социалистической партии итальянских трудящихся.

Молотов (наст. фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986). Член Коммунистической партии с 1906. В феврале 1917 член Русского Бюро ЦК РКП(б), а в октябре член Петроградского ВРК. В 1920–1921 – кандидат в члены ЦК РКП(б), 1921–1957 – член ЦК партии. В 1921–1930 – член Оргбюро, секретарь ЦК партии. В 1921–1925 – кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), 1926–1957 – член Политбюро (Президиума) ЦК партии.

Морачевский Юрий Витальевич (1895–?). Из дворян. Окончил химический факультет Петроградского университета (1917). Работал химиком Геологического комитета ВСНХ (1918–1921) и ассистентом Петроградского медицинского института (1921–1922). Член ПСР с апреля 1917. В январе 1918 избран в Василеостровский районный комитет партии. Руководитель Василеостровской районной дружины ПСР (февраль–апрель). В ноябре вышел из партии. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 27 февраля 1922, содержался во Внутренней тюрьме. На процессе ПСР включен во вторую группу обвиняемых. Оправдан за недоказанностью обвинения. 25.04.24 арестован, по неподтвержденным данным находился в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ).

Морозов Сергей Владимирович (1888–1923). Из мещан. Получил среднее образование. Учитель. В ПСР с 1904. По обвинению в революционной деятельности приговорен к каторжным работам; в 1906–1909 находился на каторге. Повторно приговорен к трем годам каторги за побег 1915. Освобожден

после Февральской революции 1917. В мае 1918 на 8 Совете партии эсеров избран в ЦК. 26.08.19 арестован в Москве. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвиняемый первой группы. 07.08.1922 приговорен Верховным трибуналом РСФСР к ВМН с оставлением в строгом заключении. Протестуя против условий содержания политзаключенных, покончил самоубийством (вскрыл вены) во Внутренней тюрьме ГПУ 21.12.1923.

Мостовенко П.Н. (1881–1938). В 1921–1922 полпред РСФСР в Литве и Чехословакии, в 1925–1927 директор Промакадемии, в 1927–1930 ректор МВТУ им. Н.Э. Баумана.

Муна Алоиз (1886–1943). Чехословацкий коммунист. На IV конгрессе Коминтерна 05.12.1922 избран кандидатом в члены ИККИ. V конгрессом Коминтерна (17.06.–08.07.1924) избран членом ИККИ. Решением ИККИ от 08.07.1924 введен в Президиум.

Муравьев Николай Константинович (1870–1936). Потомственный дворянин. В 1890–1896 изучал медицину и право в Московском и Казанском университетах. Присяжный поверенный. В 1896–1917 выступал защитником на процессах рабочих, крестьян, сектантов, политических партий. Принадлежал, по собственному определению, к независимым беспартийным социалистам. За участие в антиправительственном движении подвергался арестам (1891, 1894, 1898, 1905) и ссылкам. В конце 1890–х избирался членом Тверского окружного земства; в 1916 – Московской городской думы. После Февральской революции назначен 4 марта Временным правительством председателем «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц как гражданских, так и военных и морских ведомств», с правами товарища министра юстиции. После октябрьского переворота работал юридическим консультантом Московского народного банка. С января 1918 по 1922 председатель Комитета политического Красного Креста. Выступал защитником на политических процессах (по делу «Тактического центра» и др.). Участвуя как защитник, в процессе по делу партии эсеров (1922), выразил протест против допущенного трибуналом вмешательства в процесс демонстрантов, требовавших смертной казни для обвиняемых, отказался от дальнейшего ведения защиты; был арестован и выслан. В 1923 вернулся в Москву. В 1930 вышел из коллегии защитников.

Мясников Гаврил Иванович (1889–1946). Председатель Мотовилихинского Совета РД. За критику политики руководства РКП(б) арестован весной 1923 и выслан в Германию, власти которой депортировали его в СССР, где он был отправлен в ссылку в Армению, бежал через персидскую границу и оказался во Франции. В 1946 вернулся в СССР. Расстрелян.

Назаретян Амаяк Маркарович (1889–1937). Член РСДРП с 1905. С 1920 – секретарь Кавказского бюро ЦК РКП(б). В 1922–1924 – заведующий Бюро Секретариата ЦК РКП(б), первый помощник генерального секретаря ЦК РКП(б). С 1924 – секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), председатель ЦКК и нарком РКИ ЗСФСР. С 31.05.1924 – член ЦКК РКП(б), с 31.12.1926 – член Президиума ЦКК ВКП(б). 30.10.1937 расстрелян, реабилитирован посмертно.

Нансен Фритъоф (1861–1930). Норвежский политический деятель, полярный исследователь, океанолог и зоолог. В 1920–1921 глава комиссии Лиги наций по помощи беженцам и военнопленным, в 1921–1923 участвовал в организации продовольственной помощи голодающим в России. В 1923 ему была присуждена Нобелевская премия мира за гуманную деятельность.

Невлер Лазарь Иудович. Член ПСР. 06.02.1922 в Москве бежал во время организованной ГПУ засады. В мае 1922 содержался в Ярославской тюрьме.

Вновь арестован в 1923. Предъявлено обвинение по ст. 62 УК РСФСР. В 1924 содержался в Челябинском политизоляторе. Позднее находился в заключении под Ростовом-на-Дону. В 1926 на поселении в Кзыл-Орда. В 1929 переведен в Семипалатинск. Дальнейшая судьба неизвестна.

Нейлер. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Возможно, речь идет о Невлере Лазаре Иудовиче.

Немцов Николай Михайлович (1879–1938). Член РСДРП с 1897. В 1919–1921 – секретарь Тамбовского губкома РКП(б). С 1922 – заместитель председателя, председатель Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Репрессирован.

Нечаев Сергей Геннадьевич (1847–1882). Организатор тайного общества «Народная расправа», автор «Катехизиса революционера». В 1869 по подозрению в провокации убил студента И.И.Иванова и скрылся за границу. В 1872 выдан швейцарскими властями. В 1873 приговорен к 20 годам каторги, умер в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Никифоров. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Николаев (Николаев-Кудрявцев) Герман Александрович (1894–?). С 1919 в МПСР. Арестован 6 октября 1921 в Москве, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1922 содержался в Ярославской тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Новиков. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Новорусский Михаил Васильевич (1861–1925). Член террористической фракции «Народной Воли», участник покушения на Александра III 1 марта 1887. Приговорен к вечной каторге, которую до 1905 отбывал в Шлиссельбурге.

Ногин Виктор Павлович (1878–1924). Из мещан, в революционном движении с 1897. С 1898 член с.-д. группы «Рабочее знамя», затем агент газеты «Искра» в Москве и Петербурге. После II съезда РСДРП стал большевиком и вел партийную работу в ряде городов России, делегат V съезда РСДРП и член ее ЦК. После февральской революции товарищ председателя, а с сентября 1917 председатель Московского Совета рабочих депутатов, член ВЦИК. Член ЦК РСДРП(б), член Московского ВРК и инициатор переговоров о мирном переходе власти к большевикам. Нарком по делам торговли и промышленности в первом Совнаркоме и сторонник создания коалиционного социалистического правительства. 1 ноября 1917 в знак протеста против установления однопартийной диктатуры покинул Совнарком, но вскоре признал ошибочность этого шага. Делегат VII–X съездов РКП(б), в 1920–1921 кандидат в члены ЦК, с 1921 председатель Центральной ревизионной комиссии РКП(б).

Носке Густав (1868–1946). Деятель правого крыла германской социал-демократии, из рабочих, в 1908 избран в рейхстаг, в годы I мировой войны оборонец. С декабря 1918 член правительства, в 1919–1920 член Веймарского учредительного собрания и военный министр. В 1920–1933 обер-президент прусской провинции Ганновер, затем на пенсии.

Нуланс Жозеф (1864–1939). Французский политический деятель и дипломат, сенатор (1920). В 1902–1919 член палаты депутатов, 1913–1914 военный министр, 1914–1915 министр финансов. С июня 1917 посол в России. После Октябрьского переворота принимал активное участие в организации помощи антибольшевистско-

му движению. В ноябре 1918 по обвинению в причастности к «заговору Локкарта» выслан советскими властями из России. В феврале 1922, в преддверии Генуэзской конференции «Общество Французских интересов» (под председательством Нуланса) призывало французских дипломатов не вести никаких переговоров с Советской Россией до признания ею царских долгов. В 1933 опубликовал книгу воспоминаний «Моя миссия в России».

Олар Франсуа-Альфонс (1849–1928). Историк. Член-корреспондент по ряду исторических наук (история) Отделения исторических наук и филологии Французской Академии наук с 6 декабря 1924.

Онипко Федот Михайлович (1880–1938). Из крестьян, один из организаторов трудовой группы в I Государственной думе, активный участник революции 1905–1907. За участие в Кронштадтском восстании в июле 1906 приговорен к смертной казни, замененной на ссылку в Туруханский край, откуда он бежал за границу. После Февраля 1917 один из организаторов созыва Всероссийского съезда крестьянских депутатов, комиссар Свеаборгской крепости и генеральный комиссар Балтийского флота. Избран в Учредительное собрание от Ставропольской губернии по эсеровскому списку. После Октября 1917 создал беспартийную террористическую группу, деятельность которой была направлена на «изъятие всей большевистской головки», в первую очередь В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого в качестве заложников. Однако эти планы не встретили поддержки со стороны ЦК ПСР, которое предложило Онипко распустить свою группу. Входил в состав эсеровской фракции в Учредительном собрании, принадлежал к той ее части, которая призывала к активным действиям против большевиков. С 1920 работал в советских учреждениях. В то же время в 1922 заграничные эсеры сообщали о его расстреле большевиками на Волге в 1920. В 1938 репрессирован.

Орджоникидзе Георгий (Серго) Константинович (1886–1937). Из обедневшей дворянской семьи. С 1903 член РСДРП. Вел партийную работу в Гудауте, Баку, арестовывался, ссылался, жил за границей (Германия, Персия, Турция). В 1911 вернулся в Россию, член ЦК и Русского бюро ЦК РСДРП, но в 1912 вновь арестован и после трехлетнего заключения выслан в Якутию. После октября 1917 принимал активное участие в гражданской войне. С апреля 1920 председатель Кавказского бюро РКП(б), с 1921 представитель правительства РСФСР в Тифлисе, а с 1922 первый секретарь Закавказского и Северокавказского крайкомов партии, член ЦК ВКП(б) с 1921. Покончил жизнь самоубийством.

Павлов В.Е. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Павлуновский Иван Петрович (1888–1940). Член РСДРП с 1905. В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ с 1918: председатель Уфимской ЧК (1919); зам. нач. особого отдела ВЧК (1919); полномочный представитель ВЧК–ГПУ–ОГПУ в Сибири (Сибирском крае) (1920–1926). Позднее работал в НК РКИ, ЦКК, Наркомате тяжелой промышленности. Кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦИК СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Паевский Владимир Игнатьевич (1884–?). Член ПСР с 1904. С 1909 в эмиграции. В 1914–1917 на службе в действующей французской армии. В октябре 1917 командирован французским военным министерством в Россию для медицинского сопровождения русских солдат-инвалидов с Салоникского и Шампанского фронтов в Петроград. С ноября работает в петроградской организации партии эсеров. Участник IV партийного съезда (ноябрь–декабрь), на котором избран в Военную комиссию при ЦК. По заданию ЦК ПСР руководил действиями партийной дружины по сопровождению шествия в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918. Во второй половине января вышел из партии. В апреле поступил добровольцем в Красную армию. До окончания гражданской войны проходил службу на руководящих медицинских должностях. 24 февраля

1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе по делу партии эсеров выступал свидетелем обвинения. Уголовное дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Панина Софья Владимировна (1871–1957). Из старинного дворянского рода. Окончила Петербургские высшие женские курсы. Активно занималась благотворительной деятельностью. Один из пайщиков Художественного театра. Оказывала материальную поддержку Всероссийскому земскому союзу. В 1915 организовала «Биржи труда». На VIII съезде конституционно-демократической партии (май 1917) избрана в ЦК. Товарищ министра государственного призрения Временного правительства. С 14 августа товарищ министра народного просвещения. Депутат Петроградской городской думы. Вошла в сформированный в ночь на 26 октября «Комитет защиты родины и революции» как представитель партии кадетов. Член подпольного Временного правительства, глава Малого Совета министров, образованного товарищами министров. В конце ноября арестована на основании декрета СНК «о предании суду Ревтрибунала членов руководящих учреждений партии кадетов» как «партии врагов народа» и заключена в Петропавловскую крепость. 19 декабря освобождена из тюрьмы. Осенью 1918 выехала на Юг к генералу А.И. Деникину. До весны 1920 находилась на Дону, входила в «Национальный центр». Весной 1920 эмигрировала. В начале мая 1920 избрана в Парижский комитет Конституционно-демократической партии. Проживала в Швейцарии. При расколе Парижской группы в июле 1921 осталась в старом комитете, не принявшем «новой тактики» П.Н. Милюкова.

Парский. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Паскаль Пьер (1890–1983). В 1916–1918 – сотрудник Французской военной миссии в Петрограде и Москве. С 1918 член РКП, переводчик НКВД. На судебном процессе по делу ЦК ПСР выступал свидетелем обвинения.

Пелевин Павел Николаевич (1882–?). Из крестьян. В 1903 призван на службу в военно-морской флот. Служил матросом в Кронштадте. В 1905 вступил в Кронштадтскую организацию ПСР. Как участник восстания на крейсере «Память Азова» арестован в 1906 и приговорен военно-морским судом к 20-летней каторге, которую отбывал до февральской политической амнистии 1917. Экспедитор газеты «Труд» – органа Московского комитета партии эсеров (1917–1918), заведующий хозяйственной частью и столовыми в кооперативах «Картофель» и «Еврейский кооператив» (1918–1921), инспектор в Центральном жилищном отделе и комендант в Институте красной профессуры (1921). В 1919 впервые арестован МЧК, но через три месяца освобожден. По обвинению в принадлежности к правому течению ПСР арестовывался в августе 1919 и августе 1920, но каждый раз через несколько дней освобождался. После ареста, произведенного ВЧК 2 августа 1921, на допросе заявил, что после Октябрьской революции партийной работы не вел и к Советской власти относится сочувственно. По решению Президиума ВЧК от 17 сентября 1921 освобожден. Вновь арестован 6 марта 1922, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. На процессе обвиняемый второй группы. Приговором Верховного революционного трибунала от 07.08.1922 осужден на 3 года заключения с освобождением от наказания.

Пенлеве Поль (1863–1933). Математик, специалист в области механики. Член-корреспондент по разряду математических наук (математика) Отделения физико-математических наук с 6 декабря 1924 Французской Академии наук.

Пепеляев Виктор Николаевич (1884–1920). По образованию учитель. Депутат IV Государственной Думы, примыкал к фракции кадетов. После Октября 1917 член московского отделения «Национального центра», по поручению которого в августе 1918 выехал в Сибирь. Член Восточного бюро партии кадетов. При Колчаке член Совета Верховного правителя, директор Департамента милиции и государственной охраны, товарищ министра внутренних дел Омского правительства, с 23 ноября председатель его Совета министров. В январе 1920 вместе с А.В. Колчаком передан чехословаками Иркутскому Политцентру, а за-

тем Иркутскому ВРК. Расстрелян 7 февраля 1920. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело (ошибочно) выделено за нахождением за границей.

Перовская Софья Львовна (1853–1881). Участница революционного движения 1870–80-х. Член кружка «чайковцев», участница «хождения в народ», член «Земли и Воли», Исполкома «Народной Воли», организатор и участница покушения на Александра III. Повешена в Петербурге 3 апреля 1881.

Петровский Григорий Иванович (1878–1958). Из семьи портного и прачки, крестьянин Харьковской губернии. В революционном движении с 1897. В годы революции 1905–1907 являлся одним из руководителей Екатеринбургского Совета. В 1912–1914 депутат IV Государственной думы. В 1912 кооптирован в ЦК РСДРП. С 1914 до февраля 1917 в сибирской ссылке. Один из организаторов установления Советской власти в Донбассе. С ноября 1917 по март 1919 нарком внутренних дел, в 1918–1919 и в 1920–1921 кандидат в члены ЦК РКП(б). Активный сторонник введения «красного террора» осенью 1918. В 1921–1939 член ЦК ВКП(б), в 1926–1939 кандидат в члены Политбюро ЦК, с 1922 один из председателей ЦИК СССР. В конце 1930-х годов был репрессирован ряд его родственников, сам он потерял свои посты, но репрессирован не был.

Пийп Антс (1884–1942). Сын служанки из Вильяндиского уезда. Окончил учительскую семинарию в Голдингене (Кулдига в Латвии) в 1903, гимназию экстерном в Курессааре в 1908, юридический факультет Петербургского университета (1913). Работал учителем (1903–1912). Научный стипендиат Петербургского университета (1913–1916), магистр юриспруденции (1916), приват-доцент по международному праву (1917). В 1917 – член Временного земского совета Эстонии. В ноябре 1917 первый дипломатический представитель Эстонии в Петрограде, в 1918–1920 представитель и посланник в Лондоне. 1919–1920 заместитель и исполняющий обязанности министра иностранных дел. В 1920–1921 – премьер-министр и военный министр. Депутат Учредительного собрания и 1-го созыва Государственного собрания (1919–1923) от трудовой партии. Министр иностранных дел в правительствах К. Пятса (1921–1922), Я. Тезманта (1925–1926), Я. Тыниссона (1933). Посланник в США (1923–1925). Член 2-й палаты Национального собрания 1937, депутат Государственной думы 1938–1940. Арестован 30.06.1941 и отправлен в лагерь на Урале, откуда переведен в Ныробинскую тюрьму (Молотовская область), где и скончался.

Платтен Фриц (1883–1942). Член рабочего просветительного союза «Эйнтрахт» («Согласие») и организации «Интернациональные социалисты» (с 1904). В 1905–1907 принимал участие в революции в Латвии. С 1911 член социал-демократической партии Швейцарии, в 1912–1918 секретарь ее правления. После Февраля 1917 организатор проезда группы российских социал-демократов во главе с В.И. Лениным через Германию в Россию. Во время покушения на В.И. Ленина после митинга в Михайловском манеже 1 (14) января 1918 прикрыл его собой и был ранен. Член Президиума I Конгресса Коминтерна, с 1919 член Бюро Коминтерна. В 1921 один из организаторов Компартии Швейцарии, в 1921–23 ее секретарь. В июле 1923 приехал в Россию.

Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904). С 1902 министр внутренних дел. Сторонник применения жестких мер к участникам революционного движения. Убит эсером Е.С. Созоновым.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918). С 1875 народник, один из руководителей «Земли и воли» и «Черного передела». С 1880 в эмиграции, создатель первой марксистской группы «Освобождение труда». После II съезда РСДРП один из лидеров меньшевиков. В годы Первой мировой войны обо-

ронек, один из руководителей группы «Единство». В 1917 вернулся в Россию, выступил против курса большевиков и осудил октябрьский переворот.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907). Преподавал законоведение и право наследникам престола (будущие императоры Александр III и Николай II). В 1880–1905 обер-прокурор Синода. Один из инициаторов контрреформ.

Поварской. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Подбельский Юрий Николаевич (1886–?). Родился в семье ссыльных революционеров, родной брат В.Н. Подбельского. Член ПСР с 1904. До революции 6 раз сидел в тюрьме и трижды ссылался. После Февральской революции 1917 работал секретарем больничной кассы печатников Воронежа и редактором органа губернской эсеровской организации – газеты «Социалист-революционер» («Голос труда»). С октября 1917 на партийной работе в Воронеже, Тамбове и Борисоглебске. В 1919–1920 представитель Совета кооперативных съездов в Тамбове. С сентября 1920 служил в кооперативном отделе Наркомзема (Москва). В 1921 работал секретарем Главного управления сельскохозяйственной кооперации Наркомзема и инспектором-инструктором в Управлении обслуживания Наркомпроса. Арестован 20 мая 1921 сотрудниками МЧК, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено в особое производство «по к[онтр]-р[еволюционерам] в Тамбове». В марте–апреле 1922 – во Внутренней тюрьме ГПУ, затем в Ярославской тюрьме. 23 ноября 1923 приговорен к 5 годам лишения свободы; в 1925–1926 в Челябинском, затем в Свердловском политизоляторах. После января 1927 в ссылке. В 1935–1936 на поселении в Ташкенте.

Покровский Георгий Константинович (1880–?). По окончании сельской школы служил писарем в земстве. Член ПСР. В 1907 избирался депутатом II-й Государственной Думы, после ее роспуска был арестован, выслан. Окончил юридический факультет Московского университета, занимался адвокатской практикой. Продолжил образование в народном университете А.Л. Шанявского. Юрисконсульт Дмитровского союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, преподаватель Пречистенских рабочих курсов (Москва). В 1917 член Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов, был избран депутатом Учредительного Собрания. В 1918–1922 преподаватель кафедры политэкономии Кубанского политехнического института, затем кафедры сельхозэкономики Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Сотрудничал в журналах и газетах «Кооперативное дело», «Местное самоуправление на Северном Кавказе» и др. Автор книг по экономике. С начала 1920-х – член Центрального Бюро ПСР. Арестован в Москве 7 июня 1922, при его аресте была захвачена часть переписки ЦБ ПСР. Приговорен к 10 годам заключения, отбывал срок в московских тюрьмах и Тобольском политизоляторе. Досрочно освобожден по болезни, с 1928 в ссылке в Саратове. Срок ссылки закончился в 1932. Дальнейшая судьба неизвестна.

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932). Член РСДРП с 1905, член МК партии, после революции 1905–1907 эмигрировал во Францию, где вел литературную и научную работу. Вернулся в Россию после Октября 1917, где возглавил Московский Совет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов. В 1918 председатель Московского облсовнаркома, а затем заместитель наркома просвещения, курировал проблемы высшей школы. С его именем связано становление рабфаков и Института Красной профессуры. В 20–30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской энциклопедии. Академик АН СССР с 1929 и член ЦКК ВКП(б) с 1930. В 1918–1932 – заместитель народного комиссара просвещения РСФСР.

Полковников Георгий Петрович (1883–1918). Родился в семье потомственного дворянина. Окончил Симбирский кадетский корпус (1902), Михайловское артиллерийское училище (1904). Служил в 19-м Донском казачьем полку. В составе полка участвовал в русско-японской войне. С 1907 служил в 8-й казачьей батарее. В 1912 окончил Академию Генштаба. Командовал первой сотней в 12-м Донском казачьем полку. Участник I мировой войны: ст. адъютант 1-й кавале-

рист дивизии, штаб-офицер при штабе сводного кавалерийского корпуса, начальник штаба. С февраля 1917 начальник штаба конной дивизии, с июня командир 1-го Амурского казачьего полка. В дни корниловского мятежа сохранил верность Временному правительству. 4 сентября назначен командующим Петроградским военным округом. После победы Октябрьской революции бежал на Дон. В марте 1918 арестован и казнен по приговору Ревтрибунала.

Поль-Бонкур Жозеф (1873–?) – французский политический и государственный деятель, юрист. В 1909–1914 и в 1919–1931 депутат парламента, в 1911–1912 министр труда, в 1933–1934 и в 1938 министр иностранных дел. В 1919–1928 постоянный представитель Франции в Лиге наций.

Поляков Михаил Харитонович (1884–1938). Из мещан. Образование незаконченное высшее. Член РКП(б). Главный арбитр при СНК РСФСР. Арестован 2 февраля 1938. Приговорен к расстрелу 9 мая 1938 ВКВС по обвинению в участии в контрреволюционной организации. Расстрелян 09.05.1938. Реабилитирован 28.01.1958 ВКВС СССР.

Попов. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, речь идет о Попове-Мещерякове Сергее Васильевиче.

Попов-Мещеряков Сергей Васильевич (он же Прохоров Николай Петрович). Член ПСР. Арестован 18 ноября 1920. Содержался в Бутырской тюрьме; в 1922 освобожден; 12.04.23 арестован в Одессе; 16.06.23 приговорен к 2 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ); в 1925 содержался в Ленинградской и Бутырской тюрьмах; в апреле 1926 – в Ярославском, затем в Суздальском политизоляторах; в апреле 1929 сослан на Урал.

Породелов (Пораделов). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Постников Сергей Порфирьевич (1883–1965). Сын преподавателя духовной семинарии. После окончания духовной семинарии (1903) работал учителем в земской школе. В 1906 вступил в архангельскую губернскую организацию ПСР. Избран членом губернского комитета партии. Представлял бакинскую губернскую организацию на партийной конференции в Париже (1909). Окончил Московский коммерческий институт (1915). Основатель легального неонароднического журнала «Заветы» (1912). Сотрудник «Мысли», «Русских ведомостей», «Северного края», «Современника», «Сына Отечества» и «Экономической газеты». В годы I мировой войны выступал противником как оборонческой, так и пораженческой ориентации. С осени 1914 работал в Союзе городов. В 1916 вместе с Р.В. Ивановым-Разумником, С.Д. Мстиславским и А. Иванчиным-Писаревым инициировал издание литературно-публицистического сборника «Скифы». Один из создателей в марте 1917 центрального органа партии эсеров – газеты «Дело народа» и партийного издательства «Революционная мысль». Руководил эсеровской фракцией в петроградской городской думе. В ноябре избран в Учредительное собрание. В июле 1921 нелегально покинул Советскую Россию. Проживал в Финляндии и Германии. В октябре 1923 переехал в Прагу. С осени 1921 кандидат в члены Заграничной делегации ЦК ПСР; входил в редакционную коллегию центрального органа партии – журнала «Революционная Россия». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В апреле 1925 утвержден Центральным бюро партии членом Заграничной делегации. С февраля 1923 заведующий отделом печатных изданий Русского заграничного исторического архива (РЗИА). Участник Пражского восстания в мае 1945. В июне арестован сотрудниками советской контрразведки и депортирован в Советский Союз. По обвинению в участии в антисоветской организации приговорен в ноябре по постановлению Особого совещания при НКВД СССР к 5 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1957 возвратился в Прагу и продолжил научную деятельность.

Преображенский Евгений Алексеевич (1886–1937). Член РСДРП с 1903. В 1917–1918 – кандидат в члены ЦК РКП(б), 1920–1921 – член ЦК РКП(б). В 1920–1921 – член Оргбюро ЦК РКП(б). В 1920–1921 – секретарь ЦК РКП(б). В 1921–1927 – член коллегии Наркомфина, председатель Главпрофобра НКП РСФСР. Расстрелян в июле 1937, реабилитирован посмертно.

Прилежаев Иван Александрович (1881–1946). Сын сельского священника. По окончании Нижегородской духовной семинарии сдал экстерном экзамены за курс гимназии в Казани и поступил в Ново-Александровский сельскохозяйственный институт (1899). Отчислен после ареста (1900). В 1901 продолжил учебу в институте. Перевелся на сельскохозяйственное отделение Киевского Политехнического института (1902). Отчислен вследствие ареста (1903). Поступил вольнослушателем в Киевский Политехнический институт в 1914 и окончил его в 1915. Участник студенческих организаций неонароднического направления, член исполнительных комитетов. В ПСР с 1902. Работал пропагандистом и агитатором в Нижнем Новгороде, Киеве, Саратове, Белой Церкви и Брянске. Осенью 1905 вошел в Киевский Областной комитет ПСР. В 1907–1908 – член Крымского Областного комитета партии эсеров. По обвинению в революционной деятельности подвергался арестам, тюремному заключению (1900, 1903–1904, 1905, 1905–1907, 1908–1912) и ссылкам (1900, 1912–1914). Проживая в Киеве, участвовал в издании эсеровской газеты «Рабочее слово» (1914). В составе группы эсеров организовал кооперативный крестьянский журнал «Наше дело» при Московской агентуре Союза потребительских обществ (1914). Как один из редакторов привлечен к дознанию по ст. 126 Уложения о наказаниях в связи с публикацией его статьи, а журнал закрыт, но дело прекращено по всеобщей литературной амнистии (1914). В марте 1917 кооптирован в Киевский губернский комитет ПСР. После избрания на III съезде партии эсеров в Центральный комитет (июнь) переехал в Петроград. Но убедившись во время работы в ЦК «[...]в неминуемом крахе эсеров и народничества [...] примкнул к левой группе, которая вела энергичную, но безуспешную борьбу с Черновым, Керенским и друг[ими][...]». Вследствие разочарования в политике Центрального комитета, не стремившегося к немедленному проведению закона о земле (подготовкой которого И.А. Прилежаев занимался в составе возглавляемой членом ЦК ПСР Д.С. Розенблюмом партийной комиссии по аграрному вопросу), поддерживавшего идею коалиции с кадетами и не принимавшему срочных мер для окончания войны, И.А. Прилежаев постепенно отстраняется от работы в нем и основное внимание уделяет деятельности в профессиональных союзах Петрограда и в партийной прессе (входя в редакционную коллегию центрального органа партии – газеты «Дело народа»). На IV партийном съезде вновь переизбран в Центральный комитет (ноябрь), но заявил о выходе как из ЦК, так и из партии. После октябрьского переворота 1917 на работе в семенном бюро Наркомзема и в отделе сельскохозяйственных машин в Наркомпроде. В марте 1918 вместе с СНК переехал в Москву, где продолжал работать в отделе сельскохозяйственных машин Наркомпрода. В июле арестован ВЧК в связи с левоэсеровским выступлением, но через полтора месяца заключения освобожден под поручительство А.Д. Цюрупы и О.Ю. Шмидта. Осенью 1918 командирован в Киев в распоряжение Мануильского и Ашуп-Ильзена в комиссию по ведению переговоров с гетманом Скоропадским. После падения гетмана остался в Киеве и вступил в организацию «Борьбистов». Работал заведующим городским земельным отделом, членом коллегии и заведующим земельным отделом комхоза, начальником отдела госземель в губземотделе, уполномоченным по Правобережью общества «Селопомощь», главадминистратором треста «Совхозов», членом сельскохозяйственной секции Губплана, читал лекции в воинских частях, проводил курсы продработников. В 1922 в газете «Киевский пролетарий» официально заявил о полном согласии с программой и тактикой коммунистической партии. По словам И.А. Прилежаева, «[...]письмо это было вызвано тем, что старые эсеры меня продолжали считать “своим” и я решил от них отмежеваться[...]». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1923 Наркомземом УССР командирован в Москву как заместитель уполномоченного Всеукраинского общества семеноводства для участия в проведении Всероссийской сельскохозяйственной выставки. С этого времени

сотрудничал в Постоянном представительстве УССР. В 1923 выступал на съезде бывших членов партии эсеров, на котором призывал к вступлению в коммунистическую партию. В июне 1931 принят кандидатом в РКП(б).

Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895–1937). Член партии анархистов-коммунистов (1916–1919). В компартии с 1919. Окончил до революции юридический факультет Киевского университета. В годы гражданской войны на подпольной работе на Украине (1918–1919), нач. политпросвета 12-й армии, затем 1-й Конной армии (1919–1920). В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД с 1920: сотрудник ИНО ВЧК–ГПУ (1920–1922); пом. нач. ИНО ГПУ–ОГПУ (1922–1924); нач. ИНФО ОГПУ (1924–1926); нач. ЭКУ ОГПУ (1926–1931). Позднее – зам. пред. ОГПУ, нач. ГУРКМ ОГПУ, зам. наркома внутренних дел СССР, зам. наркома связи СССР. Арестован и расстрелян в 1937. Не реабилитирован.

Пуанкаре Раймон (1860–1934). Президент Франции в 1913 – январе 1920, премьер-министр в 1912 – январе 1913, 1922–1924 и 1926–1929, неоднократно министр.

Пятаков Георгий (Юрий) Леонидович (1890–1937). Из семьи инженера-технолога, владельца сахарного завода. Революционную деятельность начал с 1904 сначала в с.-д. кружке, затем сблизился с анархистами, от которых отошел в конце 1907. С 1907 студент юрфака Петербургского университета, где с 1910 вошел в с.-д. организацию. В 1911–12 работал в Киевском комитете РСДРП, затем до октября 1914 сидел в тюрьме и ссылке, откуда бежал за границу. Весной 1917 выступал против курса на социалистическую революцию. В октябре 1917 являлся председателем Совета рабочих депутатов и руководителем Киевского ВРК, а летом 1918 стал секретарем ЦК КП(б)У. Участник гражданской войны. В 1921–1927 возглавлял Центральное правление промышленности Донбасса, заместитель председателя Госплана РСФСР и ВСНХ. В 1927 исключен из партии, вскоре восстановлен и с 1931 вновь был избран членом ЦК ВКП(б). Приговорен к расстрелу по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», расстрелян, реабилитирован посмертно.

Рабинович Борис Николаевич. В 1917 возглавлял эсеровскую организацию на Северном фронте. Секретарь Заграничной делегации ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В 1942 арестован по распоряжению немецких властей в Праге и отправлен в лагерь. Погиб в заключении.

Радек (Собельсон) Карл Бернгардович (1885–1939). Член СДКПиЛ с 1902, неоднократно арестовывался. В Россию приехал в апреле 1917 вместе с группой В.И. Ленина, по поводу проезда которой вел переговоры с немецкими властями. С ноября 1917 заведующий отделом Центральной Европы Наркоминдела и отдела внешних сношений ВЦИК. Один из руководителей компартии Германии, член РКП(б) с 1919 по 1924. С декабря 1919 секретарь Коминтерна и с 1920 член ИККИ. Член делегации Коминтерна на конференции трех Интернационалов в Берлине в 1922, где подписал вместе с Н.И. Бухариным обязательство не приговаривать к расстрелу подсудимых эсеров на предстоящем процессе. Участие во внутрипартийной борьбе на стороне Л.Д. Троцкого закончилось крахом карьеры Радека и его осуждением по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» к 10 годам заключения. Убит в тюрьме уголовниками.

Ракитников Николай Иванович (1864–1938). Из семьи садовника графа Орлова-Денисова. Благодаря помощи старшего брата, взятого господами еще мальчиком в Петербург, поступил в гимназию. В 1881–1885, будучи студентом естественного факультета столичного университета, участвовал в кружках самообразования, а с 1885 стал членом рабочей группы «Народной Воли». Через два года был арестован и, отсидев в тюрьме более года, был отправлен в вологодскую ссылку, откуда из-за туберкулеза позже был направлен в Астраханскую губернию. Закончив в 1891 ссылку, поселился в Саратове, где активно участвовал в работе группы народовольцев и оказывал некоторые услуги партии «Народное право». В начале 1900 Ракитниковы отправились за границу, где познакомились с некоторыми ведущими деятелями народнического лагеря, а вернувшись в июле 1901, приняли активное участие в работе группы эсеров, выполнявших с момента создания ПСР функции ее ЦК. Через год привез за границу

свой проект партийной программы, но в ходе длительных дебатов был составлен компромиссный вариант, учитывавший особенности проектов В.М. Чернова и Н.И. Ракитникова. В марте 1903 вновь возвращается в Россию, ведет организационную партийную работу на Юге России и на Кавказе, затем больше года сидит в тюрьме, а с начала 1905 активно занимается работой в крестьянстве. В партии снискал себе известность и авторитет как «массовик», специалист по аграрно-крестьянскому вопросу, талантливый публицист и защитник эсеровской ортодоксии. В годы I мировой войны занял интернационалистские позиции, которые активно отстаивал в эмигрантской прессе. Опасаясь ареста со стороны властей, уехал в Россию, где был арестован и отправлен в ссылку. После Февраля 1917 организовал Саратовский комитет ПСР, затем был делегатом III съезда ПСР, на первом заседании которого был избран председателем Президиума. Являлся членом ЦК, членом редакции «Дела народа» и товарищем министра земледелия в коалиционном составе Временного правительства. К октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, ратовал за создание коалиционного социалистического правительства и считал совершенно недопустимым применение против большевиков террора. На IV съезде ПСР был вновь избран в ЦК. Депутат Учредительного собрания. В январе 1919 обратился с призывом прекратить вооруженную борьбу с большевиками и сосредоточиться на военных действиях против Колчака. В июне 1919 на IX Совете партии отстаивал эти взгляды, мотивируя их возможностью в будущем заключения соглашения с большевиками и давления на них через Советы. Не найдя поддержки, вышел из ЦК ПСР и создал группу «Народ». С конца 1919 переехал в Саратов, где работал в губернском статистическом бюро, фактически прекратив заниматься политической деятельностью. С 1922 жил в Москве, работая статистиком и экономистом. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 3 апреля 1922, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919. На процессе выступал в роли свидетеля. В 20–30-е годы был членом народовольческого кружка при Московском отделении общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, входил в редколлегию сборников, посвященных «Народной воле». В начале 1937 арестован и приговорен к 5 годам исправительно-трудовых лагерей, в апреле 1938, уже находясь в Красноярском крае, приговорен к расстрелу.

Раков Дмитрий Федорович (1881–1941). Из крестьян. После окончания учительской семинарии и учительского института (Казань) преподавал отечественную историю в средних учебных заведениях Казанской губернии. В период революции 1905–1907 возглавлял Союз учителей Козмодемьянского уезда Казанской губернии. Занимался созданием местных организаций Всероссийского Крестьянского Союза. Сотрудничал с казанскими эсерами и социал-демократами. В декабре 1906 арестован за революционную пропаганду; постановлением МВД от 03.02.1907 предназначался к высылке в Вологодскую губернию на 3 года, 12.04.1907 ему разрешено выехать за границу. В 1910 возвратился в Москву, где входил в городскую организацию ПСР. В 1913 получил образование в Коммерческом институте в Москве. После Февральской революции переехал в Петроград. На III (май–июнь) и IV (ноябрь–декабрь) съездах партии эсеров избирался в ЦК. С июня 1917 входил в состав иногородней, издательской комиссий и комиссии по организационному уставу. В ноябре избран в Учредительное собрание. 08.01.1918 избран в Бюро (Президиум) ЦК и возглавил его иногородний и организационный отделы. В июне одним из первых вошел в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). В июле–сентябре управляющий ведомством финансов Комуча. В ночь на 19.11.1918 арестован в Омске сторонниками адмирала А.В. Колчака, освобожден 21.03.1919. В августе из Владивостока перебрался в Прагу. По заданию Заграничной делегации (ЗД) ПСР в начале 1920 направился в Москву для организации подпольной работы. 23.06.1920 арестован органами ВЧК. Вновь арестован 25 апреля 1921. В 1920–1922 находился под следствием в Ярославской, Бутырской и Лефортовской тюрьмах. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 07.08.1922 Верховным ревтрибуналом при ВЦИК осужден к 10 годам тюремного заключения. 28.08.1922 Верховный ревтрибунал заменил этот приговор лишением свободы на 5 лет. 11 января 1924 Президиум ВЦИК сократил срок заключения до 2,5 лет. 09.10.1925 постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ по

отбытии срока тюремного заключения выслан на 3 года в Коканд. 11.12.1925 во изменение прежнего постановления выслан в Уфу на тот же срок. 21.12.1928 срок ссылки был продлен на 1 год. 13.02.1930 ссылка повторно продлена еще на один год. 03.01.1930 постановлением Особого совещания выслан в Ташкент на 3 года. 22.09.1932 срок ссылки продлен на 2 года. 26.09.1937 тройкой при НКВД Узбекской ССР по обвинению в контрреволюционной деятельности приговорен к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. 08.09.1941 приговорен Верховным судом СССР к расстрелу.

Раковский Христиан Георгиевич (Станчев Крыстю) (1873–1941). Из семьи болгарских революционеров, вел революционную работу в Болгарии, Румынии, России и сотрудничал во многих европейских социалистических изданиях. С 1905 один из лидеров румынской социал-демократии, в годы войны интернационалист, в мае 1917 был освобожден русскими войсками из тюрьмы в Яссах, жил в Одессе и Петрограде. Был объявлен румынскими властями и Временным правительством немецким шпионом. После октября 1917 вступил в РСДРП(б). С января 1919 по июль 1923 председатель СНК и нарком иностранных дел Украины, член ЦК КП(б)У. В 1922–1923 член советских делегаций на Генуэзской и Лозаннской конференциях. С июля 1923 по октябрь 1925 – полпред РСФСР (СССР) в Великобритании, с октября 1925 по 1927 – во Франции. Один из основателей Коминтерна, член ИККИ и председатель Юго-Восточного бюро Коминтерна. Принимал участие во внутривнутрипартийной борьбе на стороне оппозиции, подвергался исключению из партии и ссылке. В 1938 осужден на 20 лет заключения, а в сентябре 1941 расстрелян близ Орла; реабилитирован посмертно.

Раппопорт Шарль (1865–1941). В 1887 эмигрировал из России, где с 1883 принимал участие в революционном движении. С 1902 примкнул к социал-демократическому движению. Автор работ по философии и социологии. 16.07.1921 Малым бюро ИККИ назначен редактором французского издания информационного бюллетеня Коминтерна в Берлине. Накануне и во время процесса находился в России и печатал ряд корреспонденций в «Юманите». Позднее в своих мемуарах, написанных в 1926–1927, отмечал свое принципиальное отрицательное отношение к развернутой в России кампании травли иностранных защитников во главе с Э. Вандервельде, называя эту кампанию «едва ли корректной...» Мемуары Раппопорта оказались одним из немногочисленных источников, достаточно подробно отразивших подготовку и проведение процесса «изнутри», с точки зрения отношения к последнему руководства Коминтерна.

Ратенау Вальтер (1867–1922). Германский политический деятель, промышленник и финансист. Как министр иностранных дел (с февраля 1922) участвовал в Генуэзской конференции, в ходе которой подписал вместе с К. Виртом Рапалльский договор с Советской Россией. 24 июня 1922 убит тремя ультраправыми студентами из экстремистской организации «Консул», в связи с участием в подписании договора с коммунистической Россией и еврейским происхождением (годом ранее членами этой же организации был застрелен Маттиас Эрцбергер, подписавший от имени Германии перемирие в 1918).

Ратнер Григорий Моисеевич (1895-?) Из семьи врача, потомственного почетного гражданина, младший брат Е.М. Ратнер, члена ЦК ПСР. Член ПСР, в конце 1917–1918 секретарь Московского комитета партии эсеров. В 1918, по его же собственным словам, у него в партии довольно быстро сложилась репутация «полубольшевика». В мае–июне 1918 уехал на Юг и вернулся в Москву в ноябре 1918, где сразу же выступил на Московской городской конференции ПСР «против линии ЦК ПСР, настаивая на соглашениях с коммунистической партией». Арестован 09.10.1919 в Москве, но вскоре освобожден. 19.10.1919 написал два заявления в ЦК ПСР, где утверждал, что представители группы «Народ», встречавшиеся с ним в тюрьме, без согласования с ним опубликовали его имя в списке добровольцев, вступающих в Красную Армию, но дезавуировать это заявление он не желает. В другом заявлении патетически восклицал, что он отнюдь не порывает с партией, и верит, что партийное меньшинство, к которому он примыкает, скоро неизбежно станет большинством (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 27. Л. 30, 30 об., 31). Вскоре вступил в РКП(б). Сам предложил властям включить его в состав обвиняемых 2-й группы. На предварительном следствии дал явно сфальсифицированные показания. На процессе стал идеологом и лидером 2-й группы и заявлял, что ради интересов революции можно и должно свести и сестру на эшафот. Был «оправдан по суду». В 1923 привлекался чекистами и организации ликвидационного съезда ПСР. В дальнейшем автор ряда книг по сельскому хозяйству.

Ратнер-Элькинд Евгения Моисеевна (1886–1931). Потомственная почетная гражданка. Дочь врача. Училась на медицинском факультете Цюрихского университета. В ПСР с 1903. Член Северо-Западного областного комитета партии эсеров. Вместе с первым мужем – Л.М. Элькиндою входила в Московский отдел Боевой организации партии (БО ПСР). Участвовала в декабрьском вооруженном восстании в Москве. Впервые арестована в 1903. По обвинению в революционной деятельности восемь раз подвергалась арестам и провела около пяти лет заключения в крепости. В марте 1917 избрана в МК ПСР. На Государственном совещании в Петрограде (сентябрь) избрана во Временный Совет Российской республики (Предпарламент). На IV съезде ПСР (ноябрь–декабрь 1917) избрана в ЦК. Летом 1918 оставлена для нелегальной работы в Москве. Возглавляла Московское бюро ЦК. В августе–декабре 1918 инспектор Главного архивного управления при СНК РСФСР. Выехала на Юг, где вошла в Южнорусское бюро ЦК. Арестована в Москве 27.12.1919 (по др. данным 09.10.1919), затем освобождена. Арестована 23 февраля 1921, содержалась в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе обвиняемая первой группы. 08.08.1922 Верховным революционным трибуналом РСФСР приговорена к ВМН с оставлением в строгом заключении. Находилась в Бутырской тюрьме, где принимала участие в 14-дневной голодовке. 14.01.1924 наказание заменено на 5 лет тюремного заключения, которое отбывала в тюрьме Усть-Цильмы. По окончании срока 27 декабря 1924 сослана в Самарканд. Умерла от рака.

Ренодель Пьер (1871–1935). К социалистическому движению примкнул в 1899. В 1915–1918 директор журнала «L'Humanité». В 1914–1919 и 1924–1935 депутат парламента. В 1920 после раскола Социалистической партии на Турском съезде оказался в меньшинстве, отказавшемся присоединиться к Коминтерну. Враждебно относился к СССР и французской компартии.

Решетов Илья Федорович (1894–1937). Член ПСР (1912 – июль 1917), член ПЛСР (июль 1917 – сентябрь 1918), далее член ЦК партии революционного коммунизма (1919–1920). Вступил в РКП(б) в 1921 с зачетом партийного стажа с 1912. Подвергался репрессиям с 1913. В 1914–1916 отбывал ссылку в Енисейской губ., где познакомился с Л.Б. Каменевым и Я.С. Аграновым. В органах ВЧК–ГПУ–НКВД с 1920: работал в Брянской и Костромской губЧК (1920–1922); нач. 3-го отделения СО ГПУ (1922–1923); нач. 5-го отделения СО ОГПУ (1923–1924); нач. 2-го отделения СО ОГПУ (1924–1926); позднее – полпред ОГПУ и нач. УНКВД ряда краев и областей РСФСР.

Рихтер Владимир Николаевич (20.07.1880, Ростов-на-Дону – 6.11.1932, Каркаралинск). Сын «вольного штурмана». С 1899 по февраль 1902 учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета, после чего был отчислен, и получил диплом после сдачи «испытания» в мае 1903. Член ПСР с 1902. По данным Особого отдела Департамента полиции, «принадлежал к Партии социалистов-революционеров, к группе крайнего направления, был и прикосновенен к боевой организации, состоял членом Одесского комитета» (ГАРФ. Ф. 102. Д. 314. Л. 531. Л. 82). 21.11.1904 выехал в Лейпциг, где поступил в университет и пробыл до конца декабря 1905. Вернувшись на родину, возглавил организацию первого взрыва Одесского жандармского управления 10.01.1906, участвовал в создании Южнорусского областного комитета ПСР. 05.03.1906 арестован в числе лиц, проводивших агитацию среди учащихся Одесской Петропавловской военной школы. 31.03.1906 привлечен жандармским управлением г. Одессы к дознанию в качестве обвиняемого по I части 126 статьи Уголовного Уложения, 1 апреля заключен под стражу в Одесскую тюрьму. По постановлению временного генерал-губернатора г. Одессы и одесского градоначальника от 16.06.1906 выслан на время военного положения в Вологодскую губернию. В конце января 1907 бежал за границу. В автобиографии, написанной в ссылке незадолго до смерти, отмечал, что «при царском режиме трижды арестовывался, трижды ссылался и дважды был в эмиграции». В 1907 избран в Заграничный Областной комитет ПСР. На проходившей 22.03.1909 Заграничной конференции партии избран в новый состав Заграничного Областного комитета и кооптирован в ЦК ПСР. С 1908 по 1910 слушал курс в Парижской высшей школе общественных наук, параллельно закончил факультет филологии в Сорбонне. В 1910–1914 окончил курс естественных наук и курс юриспруденции в Римском университете. Читал курсы западноевропейской литературы в Парижском вольном университете. С 1913 член Ассоциации периодической печати Италии, с 1914 член Ассоциации зарубежной печати в Риме, с 1917 член

Союза журналистов Италии. К 1917 являлся корреспондентом «Одесских новостей» и «Речи» (по словам Рихтера – «сотрудничал в русской и заграничной легальной и нелегальной прессе»). После Февральской революции вернулся в Россию, где на III съезде ПСР был избран в ЦК. При распределении обязанностей был избран секретарем ЦК и введен в иногороднюю комиссию и комиссию по выборам в Учредительное собрание. Во время выборов в члены ЦК на IV съезде ПСР, состоявшемся 26.11.–05.12.1917, набрал 104 голоса. По свидетельству К.С. Бурезова, в начале 1918, «в ЦК существовало Бюро Ц.К., в которое входили В. Чернов, Рихтер и Тимофеев. Рихтер бывал обычным докладчиком от Бюро в заседаниях ЦК». После VIII Совета партии (май 1918) из-за внутривнутрипартийных разногласий вышел из ЦК и уехал с семьей в Одессу. В 1918–1921 продолжал заниматься партийной работой, зарабатывая себе на жизнь преподаванием в школе и на рабфаках. В 1921 был арестован ВЧК и содержался в Одесской тюрьме до начала 1922. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По свидетельству Л.В. Коноплевой (продублированному в брошюре Г.И. Семенова), весной 1918 московским Бюро ЦК ПСР Рихтер был назначен руководителем боевой группы для организации покушения на В.И. Ленина и в этом качестве передал ей яд кураре (которым были отравлены пули, предназначавшиеся для В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого). В марте 1922 был выпущен Одесским губотделом ГПУ «под честное слово для устройства семейных дел», после чего скрылся. Уголовное дело в отношении Рихтера было выделено в особое производство в связи «с не розыском». Арестован в сентябре 1922 в Киеве и с этого времени по октябрь 1923 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. Во время следствия от дачи показаний отказался и обвинительное заключение, предъявленное ему в июне 1923, было построено на обвинительном материале процесса над эсерами 1922. С октября 1923 по февраль 1924 находился в Суздальском политизоляторе. С февраля 1924 по июнь 1925 – в Челябинском политизоляторе, с июля 1925 по июнь 1926 – в Тобольском политизоляторе; в июле–августе 1926 «на этапе» в Бутырской тюрьме; с сентября 1926 по июнь 1929 в Верхне-Уральском политизоляторе. С июня 1930 находился в ссылке в г. Каркаралинск Казахской ССР; где и умер от тифа. Незадолго до смерти в своей автобиографии он писал: «При коммунистическом режиме трижды арестовывался, восемь с половиной лет отбыл в политизоляторах и теперь нахожусь в ссылке. Член партии социалистов-революционеров В. Рихтер».

Роговский Евгений Францевич (1888–1950). Родился в семье судьи. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. По обвинению в принадлежности к партии эсеров с 1905 неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции вошел в Иркутский исполнительный комитет общественных организаций; занимался организацией губернской милиции. В мае–сентябре 1917 товарищ директора департамента общественной безопасности Петрограда. В ноябре избран в Учредительное собрание по соединенному списку партии эсеров и Совета крестьянских депутатов Тульской губернии. В июне 1918 назначен председателем Совета управляющих ведомствами и управляющим ведомством государственной охраны самарского Комитета членов Всероссийского учредительного собрания. В сентябре–ноябре товарищ министра внутренних дел Временного всероссийского правительства (Уфимской дирекции). Во время колчаковского переворота арестован и выслан за границу. Входил в Административный центр «Внепартийного объединения» (1920–1922). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На I съезде заграничных организаций партии эсеров избран в Областной комитет Заграничной организации ПСР (1923). В годы Второй мировой войны участвовал во французском движении Сопротивления. После освобождения Франции от немецких оккупантов принимал участие в создании и деятельности Союза советских патриотов (1944–1948).

Розанов. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Розанов Сергей Николаевич (1869–1937). Генерал-лейтенант, участник русско-японской войны. В 1918 во время свержения большевистской власти в Поволжье перешел из Красной армии на сторону Комуча. Начальник штаба Главнокомандующего вооруженными силами Временного Всероссийского правительства (затем Верховного Главнокомандующего А.В. Колчака). В мае 1919 командующий Кан-

ско-Тайшетским фронтом, с сентября командующий войсками Приамурского округа и главный начальник Приамурского края.

Розенблюм (Фирсов-Розенблюм) Дмитрий Самойлович (1873–?). Из мещан. Окончил юридический факультет Московского университета (1910). В революционном движении с 1895. В 1898–1903 член РСДРП. С 1905 в ПСР. В марте 1917 избран в Президиум Московского СРисД. На III съезде ПСР (май–июнь) избран в ЦК. С июня член бюро ВЦИК 1 созыва. В ноябре 1917 – июне 1918 заведующий юридическим отделом Совета Всероссийских кооперативных съездов. До февраля 1921 работал в Центросоюзе (Омск, Владивосток, Севастополь, Симферополь). С марта 1921 в Москве; заведующий Экономическим отделом Главного управления сельскохозяйственной кооперации и научный сотрудник Института советского права. 8 апреля 1921 арестован ВЧК как бывший член ЦК ПСР. На допросе «заявил, что из [...] ПСР он вышел после колчаковского переворота в ноябре 1918 года и с тех пор отошел от партийной работы. С весны 1918 года (после Брестского мира) по осень 1918 года (разгона Учредилки Колчаком) Розенблюм держался правой ориентации (правее чем ЦК ПСР). Потом стал леветь и с начала 1920 года стоит, по своим словам, на позиции поддержки Советской власти и свои силы хочет отдать участию в экономическом строительстве Советской России[...]». Освобожден ввиду отсутствия «материалов для дальнейшей разработки» в конце апреля. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 24 февраля 1922 как «член ЦК ПСР в 1918 г.» (см.: ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 5. Л. 422–424). Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Розенгольц Аркадий Павлович (1889–1938). Член РСДРП с 1905. В 1922–1925 – начальник Управления Военно-воздушных сил РККА. Состоял членом Реввоенсовета СССР. В 1925–1928 – полпред СССР в Великобритании. С 1928 заместитель наркома РКИ СССР. С 1930 – нарком внешней и внутренней торговли СССР. С 1937 – начальник Управления НКВТ СССР. Репрессирован.

Розенфельд Курт (1877–1943). Член иностранной делегации защитников.

Розмирович Елена Федоровна (1886–1953). Из дворян, член РСДРП с 1904, в 1917 делегат 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б), член Всероссийского бюро военных организаций при ЦК РСДРП(б). С конца октября 1917 член следственной комиссии Петроградского ВРК, член Петроградского ревтрибунала, с марта 1918 председатель следственной комиссии Ревтрибунала при ВЦИК. Член ВЦИК.

Рубанович Илья Адольфович (1859–1922). Из семьи адвоката, в 1877–1881 учился на физико-математическом факультете Одесского университета, из которого исключен после ареста в связи с участием в работе местных народовольческих кружков. Освобожден под залог, эмигрировал во Францию, где принял активное участие в работе народовольческой эмиграции, став одним из учредителей «Группы старых народовольцев». Продолжив образование, стал преподавать химию в Сорбонне. Накануне образования ПСР являлся членом Аграрно-социалистической лиги и одним из редакторов «Вестника русской революции», ставшего позже теоретическим органом партии. Вместе с Н.С. Русановым оказался в своеобразной «марксистской» оппозиции руководству партии, что привело к уходу из «Вестника русской революции» и ряду конфликтов с В.М. Черновым, М.Р. Гоцем и Е.Ф. Азефом. По предложению Е.К. Брешко-Брешковской стал с 1904 представителем ПСР в Международном социалистическом бюро II Интернационала, а также редактором партийной газеты, издававшейся на французском языке. На этом поприще добился значительных успехов, получив признание как в партии, так и в европейском социалистическом движении. В 1917 вернулся в Россию, был избран III и IV съездами членом ЦК ПСР, заведовал отделом международных отношений в Исполкоме Всероссийского совета крестьянских депутатов и по его поручению (совместно с ЦК ПСР) был в конце 1917 делегирован за границу для убеждения социалистов и правительств Антанты в заключении справедливого мира. В 1918–1922 член Заграничной Делегации, член всех партийных делегаций на международных социалистических конференциях и конгрессах, где выступал за создание единого социалистического Интернационала. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Рубин Исаак Ильич (1886–1937). С 1904 – меньшевик и член Бунда. В 1917–1920 член ЦК Бунда, в 1921–1923 – меньшевик. В 1926–1930 – заведующий Кабинетом политэкономии Института К. Маркса и Ф. Энгельса. 9 марта 1931 осу-

жден к 5 годам лишения свободы. Находился в Верхнеуральском политизоляторе, с 1933 – в ссылке в Тургае, затем Актюбинске. Занимался научной работой. В ноябре 1937 вновь арестован и 25 ноября по решению тройки УНКВД по Актюбинской области расстрелян по обвинению в троцкизме. Реабилитирован 13 марта 1991.

Рудаков Петр Ильич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено за смертью обвиняемого.

Рудзук Ян Эрнестович (1887–1938). Из крестьян, член РСДРП с 1905. В 1907 осужден на 10 лет каторги, которую провел в каторжных централах. С 1920 член ЦК РКП(б), член Президиума и генеральный секретарь ВЦСПС, член Президиума ЦИК СССР. В 1923–24 секретарь ЦК ВКП(б). С 1934 кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Репрессирован.

Руднев Вадим Викторович (1879–1940). Из дворян, за участие в студенческих волнениях в 1899 исключен из Московского университета и продолжил образование в Германии. В 1902–1905 находился в Иркутской ссылке. С начала 1905 возглавлял Московскую организацию ПСР, участвовал в декабрьском вооруженном восстании, в работе I съезда партии. В годы революции дважды подвергался арестам, но вскоре вновь оказывался на свободе. После I съезда партии был кооптирован в ЦК и активно работал в России до своего ареста в ноябре 1908. Отбыв четыре года ссылки в Енисейской губернии, к партийной работе решил не возвращаться. В годы войны оборонец, вернулся в Россию, где работал врачом в госпитале, а затем земским врачом в Московской губернии. После Февраля 1917 возглавил МК ПСР, член Президиума Моссовета, делегат III съезда ПСР, с июля 1917 избран московским городским головой. В качестве председателя Комитета общественной безопасности, созданного 25 октября 1917 стремился превратить Москву в центр борьбы с большевиками и организовал вооруженное сопротивление. Депутат Учредительного собрания, член «Союза возрождения России», являлся сторонником идеи «единого национально-демократического фронта против большевиков» и выступал за поддержку правительства А.И. Деникина, а также допускал возможность иностранной интервенции. Весной 1919 эмигрировал и примыкал к правому крылу эсеров (Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондамицкий, М.В. Вишняк, А.Ф. Керенский), ратуя за коалицию с несоциалистической демократией и восстановление в России «здорового капитализма». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Русанов Николай Сергеевич (1859–1939). Из купеческой семьи, в революционном движении с 1877. Параллельно занимался журнальной публицистикой, став в 1880–1881 пайщиком и сотрудником журнала «Русское богатство», а в 1881–1882 пайщиком и редактором журнала «Устой». С марта 1882 в эмиграции, где примкнул к «Народной Воле», став одним из основных авторов «Вестника Народной Воли». В 1901 создал журнал «Вестник русской революции», ставший вскоре теоретическим органом ПСР. В руководстве ПСР (вместе с И.А. Рубановичем) представлял своеобразную «марксистскую оппозицию», что привело к трениям и уходу его с поста редактора «Вестника русской революции». Вернувшись в Россию в конце 1905, участвовал в работе I и II съездов ПСР, был редактором эсеровских журналов и газет. После революции легализовался и работал в журнале «Русское богатство», являясь единственным эсером среди его редакторов, за что, по его собственным шутливым словам, был сослан энесами «за границу», т.е. в основном писал заграничные обзоры. Дав в 1912 В.М. Чернову и С.П. Постникову согласие войти в редакцию «Заветов», взял его обратно, в связи с ультиматумом энесовского большинства «Русского богатства». После Февраля 1917 член редакции «Дела народа», участник III съезда ПСР, на котором был избран членом ЦК ПСР. К октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, участник IV съезда ПСР, вновь избравшего его членом ЦК. После разгона Учредительного собрания перешел на нелегальное положение, а в апреле 1918 выехал в Стокгольм, где стал одним из членов Заграничной делегации К ПСР. В 1919–1920 принимал участие в международных социалисти-

ческих конференциях и конгрессах, хотя и выступал за безоговорочный разрыв с II Интернационалом. До 1923 являлся членом ЗД и членом редакции журнала «Революционная Россия», придерживаясь взгляда на недопустимость иностранной интервенции в Россию. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. С 1923 по 1927 в «бессрочном литературном отпуске», а с 1928 член Заграничного союза ПСР, но с начала 30-х годов от партийной деятельности отошел, сосредоточившись на мемуарах.

Рыков Алексей Иванович (1881–1938). Из семьи мелкого торговца, в революционном движении с 1898, в 1901 исключен из Казанского университета. С 1902 по 1917 активно занимался партийной работой в России и за границей, неоднократно арестовывался (9 раз), сидел в тюрьмах и ссылался. На 7-й (Апрельской) конференции РСДРП(б) выступал против курса на социалистическую революцию. С апреля 1918 по май 1921 председатель ВСНХ РСФСР. В 1921–24 заместитель председателя СНК, в 1924–1930 председатель СНК СССР. Расстрелян по делу «антисоветского правотроцкистского блока», реабилитирован посмертно.

Рюмин Александр Николаевич (1894–?). Член ПСР. Арестован 07.02.1921 в Москве. Содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В апреле 1922 содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 09.08.1922 объявил голодовку в Лефортовской тюрьме. 30.09.1922 переведен в Таганскую тюрьму. 25.11.1922 приговорен к 3 годам заключения в концлагере и направлен в СЛОН. 24.12.1922 переведен в Пертоминский концлагерь. В 1923 возвращен в СЛОН. В 1925 отправлен на поселение в Усть-Сысольск. В январе 1926 переведен в Чердынь. В 1928 – в Усолье. Дальнейшая судьба неизвестна.

Рязанов (Гольдендах) Давид Борисович (1870–1938). Из мещан, сын торговца, в революционном движении с 1887, причем начинал как народник, но двумя годами позже стал приверженцем марксизма. В 1891–1896 находился в «Крестах», затем до января 1900 в Кишиневе под надзором полиции. В эмиграции возглавил с.-д. группу «Борьба», распущенную резолюцией II съезда РСДРП. После раскола партии стал нефракционным социалистом, приняв в 1905–1907 активное участие в профсоюзном движении, призывал к пересмотру отношения к экономической борьбе пролетариата и к ослаблению централизма в партии. После революции находился в эмиграции, а в годы первой мировой войны участвовал в Циммервальдской конференции. В РСДРП(б) вступил в составе «межрайонцев». Будучи членом делегации на переговорах с Викжелем в октябре–ноябре 1917, выступал за создание коалиционного правительства, затем против закрытия буржуазных газет. В знак протеста против Брестского мира покинул партию, но затем вернулся в нее. Полемизировал с ее руководством по поводу подавления инакомыслия в партии и неверности профсоюзной политики. В 1918–1921 возглавлял Главархив, Главнауку, участвовал в создании Социалистической академии и Института К. Маркса и Ф. Энгельса (был его директором с 1921 по 1931). В 1931 был арестован и исключен из партии за помощь меньшевикам в их контрреволюционной деятельности. Сослан на 3 года в Саратов, а в июле 1937 вновь арестован за связи с «правооппортунистической троцкистской организацией», в январе 1938 приговорен к смертной казни и расстрелян.

Савинков Борис Викторович (1879–1925). Из семьи дворянина, сын варшавского судьи и известной писательницы. Будучи в 1900–1901 членом социал-демократических организаций, был в 1901 арестован и сослан в Вологду, в ссылке перешел на эсеровские позиции. В июне 1903 бежал за границу, где встретился с М.Р. Гоцем, которому заявил о своем желании вступить в БО ПСР. Стал заместителем Е.Ф. Азефа, руководившего БО. В 1905 кооптирован в ЦК ПСР. В 1905 в Петербурге, входил в Боевой комитет, участвовал в I съезде ПСР как представитель от БО, в мае 1906 арестован в Севастополе при подготовке покушения на адм. Чухнина, предан военному суду, за два дня до суда бежал за границу. В 1907–1908 от активной партийной деятельности отошел, занимался литературным

творчеством. В 1909–1911 пытался воссоздать БО. В 1911–1913 написал роман «То, чего не было», серьезно обостривший его отношения с руководством партии. Перед I мировой войной сблизился с Г.В. Плехановым, в годы войны был корреспондентом газеты «День» во Франции. В апреле 1917 вернулся в Петроград, с 19 июля товарищ министр, управляющий Военного министерства при министре А.Ф. Керенском, в августе вел переговоры с Л.Г. Корниловым. В октябре постановлением ЦК ПСР исключен из партии. Октябрьскую революцию встретил враждебно, организатор «Союза защиты Родины и свободы». По поручению Директории направился с военной миссией во Францию, где входил в состав Политического совещания. С января 1920 в Польше, председатель «Русского политического комитета», участвовал в формировании на территории Польши военных отрядов для рейдов на советскую территорию. В октябре 1921 Польша приняла решение о высылке из страны лидеров антисоветских организаций. Не дожидаясь этого, выехал в Париж, затем нелегально в Минск для руководства подпольной организацией «Либеральные демократы», инспирированной чекистами. Арестован в августе 1924 и приговорен к высшей мере наказания, замененной 10 годами тюремного заключения. Погиб в тюрьме, обстоятельства смерти до сих пор неясны.

Садуль Жак (1881–1956). Офицер французской армии, член Социалистической партии. В 1917 был командирован в Россию в качестве члена французской военной миссии. Под влиянием Октябрьской революции стал сторонником коммунистических идей, вступил во французскую секцию РКП(б) и добровольцем в Красную Армию. Вел революционную пропаганду среди французских войск на юге Украины. Участник I и II Конгрессов Коминтерна. За революционную деятельность приговаривался (заочно) французским военным судом к смертной казни, но по возвращении во Францию в 1924 был оправдан.

Самгин. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Вероятно, речь идет о М.И. Сумгине.

Самсонов Тимофей Петрович (1880–1956). Анархокоммунист. До 1917 находился в эмиграции (Великобритания). Член РКП(б) с 1919. В органах ВЧК–ГПУ–ОГПУ с 1919: начальник особого отдела МЧК (1919); начальник секретного отдела СОУ ВЧК–ГПУ (1920–1923). После 1923 зам. председателя правления Белорусско-Балтийской ж.д. В 1927–1936 управляющий делами ЦК ВКП(б) и Коминтерна.

Сапронов Тимофей Владимирович (1887–1939). Член РСДРП с 1912. 1919–1920 – председатель Харьковского губревкома, затем секретарь Уральского Бюро ЦК РКП(б). Один из лидеров группы «демократического централизма»; в 1925–1927 – группы «15». В 1927 исключен из партии. 02.04.1922–17.04.1923 – член ЦК РКП(б). 10.12.1919–23.12.1921 – член Президиума ВЦИК, 29.12.1921–30.12.1922 – кандидат в члены Президиума ВЦИК, 30.12.1922–26.01.1924 – член Президиума ЦИК СССР. Председатель Малого СНК. С 13.03.1922 – председатель Московской Комиссии по изъятию церковных ценностей (КИЦЦ), с 23.03.1922 – заместитель председателя Центральной КИЦЦ. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Семар Пьер (1887–1942). Французский коммунист. В июле 1924 – июле 1935 – член Президиума Исполкома Коминтерна.

Семашко Николай Александрович (1874–1949). В революционном движении с 1893, позже стал большевиком, участник революции 1905–1907 (в Нижнем Новгороде). С 1918 нарком здравоохранения РСФСР, позже был членом Президиума ВЦИК и членом ЦИК СССР.

Семенов Григорий Михайлович (1890–1946). Казачий есаул Забайкальского казачьего войска, участник I мировой войны. С июля 1917 комиссар Временного правительства в Забайкальской области по формированию добровольческих отрядов. В ноябре–декабре 1917 поднял мятеж против советской власти, но потерпев неудачу, бежал в Маньчжурию. Во время выступления Чехословацкого корпуса вернулся в Забайкалье. Временное Сибирское правительство назначило его командиром отдельного корпуса со штабом в Чите. В начале 1919 избран атаманом Забайкальского казачьего войска. В 1919 произведен в генерал-лейтенанты. 4 января 1920 адмирал А.В. Колчак назначил его Главнокоман-

дующим вооруженными силами на Дальнем Востоке. В сентябре 1921 эмигрировал, жил в Корее, Японии, Северном Китае. В сентябре 1945 взят в плен советскими войсками. Повешен по приговору Военной коллегии Верховного суда 30 августа 1946.

Семенов Григорий Иванович (1891–1937). В революционном движении с 1904. В 1907 вступил в группу анархистов-коммунистов. В 1907 арестован за участие в революционной организации и через 10 месяцев тюремного заключения выслан из пределов Прибалтийского края. В 1908 вновь арестован за участие в организации неудачной попытки освобождения революционеров-смертников из Рижской центральной тюрьмы. Около года находился в заключении. Выслан на 2 года в Архангельскую губернию. По возвращении в начале 1912 из ссылки в Юрьев вновь арестован, но через несколько недель освобожден. Эмигрировал во Францию. В 1912 порвал с анархистами и вступил в ПСР. В 1912–1915 работал электромонтером на разных электротехнических фирмах Марселя и Ниццы. В 1915 вернулся в Россию и призван в армию. Служил в Прибалтике – в электротехническом запасном батальоне инструктором по обслуживанию станций высокого напряжения. Во время Февральской революции 1917 один из организаторов Совета солдатских депутатов 12-й армии и товарищ председателя исполкома рижского совета. Делегат 1-го Всероссийского совещания Советов, член бюро исполкома Петросвета и председатель его фронтовой коллегии. В июне–октябре делегат 1-го и 2-го съездов Советов и Демократического совещания, комиссар 9-й армии, комиссар 3-го конного корпуса и помощник комиссара Румынского фронта. После октября 1917 возглавлял Петроградскую военную организацию ПСР и входил в Военную комиссию при ЦК. В сентябре 1918 арестован военным контролем – контрразведкой РККА за принадлежность к военной организации партии эсеров. В тюрьме содержался до весны 1919. С апреля 1919 сотрудничает с советскими спецслужбами, затем зачисляется в штат военной разведки РККА. По данным ГРУ МО СССР, Семенов в 1919–1921 «работал по линии» ВЧК. В 1919 – декабре 1920 член МПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1922 (после окончания процесса) на основании приказа РВС Республики уволен из РККА в бессрочный отпуск. Вскоре после возвращения из Крыма, 16 ноября 1922 направлен ЦК партии на работу в Главэлектро ВСНХ на должность инспектора при Начальнике Главэлектро А.З. Гольцмане. 7 сентября 1923 откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б). В 1927 – советник Военной комиссии ЦК КПК, в дальнейшем занимался разведывательной работой в Маньчжурии и Испании. Арестован 11.02.1937. Приговорен ВКВС 08.10.1937 по обвинению в участии в антисоветской организации. Расстрелян 08.10.1937. Реабилитирован 22.08.1961.

Семенов Иван Михайлович. Член ПСР. Арестован 2 мая 1920, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В апреле 1922 – в Ярославском политизоляторе, в ноябре 1922 в Бакинском исправительном доме, освобожден. В декабре 1922 вновь арестован по делу Закавказских эсеров; в июле 1924 – в Бакинском исправдоме; в январе 1925 – в Бутырской тюрьме; в 1925 – в ссылке в Архангельске.

Сеньобос Шарль (1854–1942). Французский историк. С 1890 преподавал в Сорбонне. Посвятив первые работы древней и средневековой истории, в дальнейшем занимался преимущественно новой историей. В трудах Сеньобоса, написанных с позиций позитивизма, насыщенных конкретно-историческим материалом, освещается главным образом политическая (в особенности парламентская) история. Ему принадлежат также работы в области методологии исторического исследования.

Сергеев Н. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Серебряков Леонид Петрович (1890–1937). Из семьи рабочего. Член РСДРП(б) с 1905, после октября 1917 член Московского обкома партии, секретарь ЦК РКП(б) и секретарь ВЦИК. С мая 1922 стал заместителем наркома пу-

тей сообщения и членом коллегии НКПС. В 1927 исключен из партии (в 1930 восстановлен и в 1936 вновь исключен). Расстрелян по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра», реабилитирован посмертно.

Серебряков Эспер Александрович (1854–1921). Сын действительного статского советника – инженера С.-Петербургской Варшавской железной дороги. После окончания военно-морского училища произведен в офицеры (1880). Лейтенант Балтийского флота. В 1880 работал в народовольческом кружке в Кронштадте. В 1880–1883 в Центральной военной организации «Народной воли». Опасаясь ареста эмигрировал (1883). Издавал в Париже «Вестник Народной воли» (1883–1885) и в Лондоне ежемесячник «Накануне» (1899–1902). В 1892–1898 член кружка «Старых народовольцев» (Париж). В 1906 вернулся в Россию. Автор книг: «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (Женева, 1893–1896), «Очерк по истории «Земли и воли» (СПб., 1906) и др.

Сидоров Иван Николаевич. Член ПСР. Арестован 11 октября 1921 на Дальнем Востоке, препровожден в Бутырскую тюрьму. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17 мая 1922 отправлен в ссылку в Великий Устюг; в мае 1924 арестован, приговорен к 3 годам тюремного заключения, которое отбывал в Челябинской тюрьме; в мае 1924 предпринял попытку саможжения; переведен в Бутырскую больницу; затем отбывал заключение в нижегородской тюрьме и Суздальском политизоляторе. Позднее сослан в Среднюю Азию.

Скобелев Матвей Иванович (1885–1938). Член РСДРП с 1903. В 1906–1912 в эмиграции. Депутат IV Государственной Думы, после раскола с.-д. фракции вошел в меньшевистскую организацию. В 1915 отбывал 4-х месячное тюремное заключение. После Февральской революции тов. председателя ВЦИК. В мае–сентябре 1917 министр труда Временного правительства. В августе избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. В ноябре 1917 вышел из ЦК и рядов РСДРП. В 1918 занимал антибольшевистскую позицию, затем пересмотрел свои взгляды. С конца 1920, будучи за границей, до 1925 являлся неофициальным торгпредом РСФСР во Франции. В 1922 принят в РКП(б). С 1926 возглавлял концессионную комиссию РСФСР. Работал в Всесоюзном радиокомитете (1936–1937). Расстрелян в 1938, в 1957 реабилитирован.

Слоним Марк Львович (1894–1976). Родился в семье раввина. Окончил историко-филологический факультеты Петербургского университета и Флорентийского института высших наук. Переводчик. Делегат Второй Петроградской конференции ПСР (3–5 апреля 1917). Член Учредительного собрания (от Бессарабской губ.). В 1919 эмигрировал. Жил в Италии, Чехословакии и Франции. В 1920–1922 участвовал в деятельности Инициативной группы «Внепартийного объединения». 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По представлению Заграничной делегации ЦК ПСР утвержден Центральным бюро партии кандидатом в ее члены. С апреля 1925 член ЗД ПСР. В 1922–1932 с В.И. Лебедевым, Е.А. Сталинским и В.В. Сухомлиным возглавлял общественно-политический и литературный журнал «Воля России». В 1941 переехал в США, где преподавал русскую и европейскую литературу в американских колледжах.

Смирнов Александр Петрович (1878–1938). Член РСДРП с 1896. В 1922–1933 член ЦК РКП(б)–ВКП(б). В 1924–1930 член Оргбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б). В 1928–1930 секретарь ЦК ВКП(б). 28.12.1921–30.12.1922 кандидат в члены Президиума ВЦИК, 30.12.1922–26.01.1924 кандидат в члены Президиума ЦИК СССР. 02.02.1924–27.04.1927 член СТО. В 1923–1928 нарком земледелия РСФСР. В 1923–1928 генеральный секретарь Крестьянского интернационала. Расстрелян в феврале 1938, реабилитирован посмертно.

Смирнов Иван Никитич (1881–1936). Из крестьян. Член РСДРП с 1899. В 1919–1921 – председатель Сибревкома, затем секретарь Северо-западного областного бюро партии в Петрограде. 23.03.1919–20.03.1920, 16.03.1921–27.03.1922 кандидат в члены ЦК партии, 05.04.1920–08.03.1921 член ЦК РКП(б). 22.04.1922–06.09.1922 член Президиума ВСНХ, 06.09.1922–15.05.1923 заместитель председателя Президиума ВСНХ. В 1923–1927 нарком почт и телеграфа.

06.09.1918–08.07.1919 член Реввоенсовета Республики. В 1933 осужден на пять лет лагерей. 24.08.1936 по «делу антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» На следствии и суде держался мужественно. 25.08.1936 расстрелян, реабилитирован посмертно.

Смирнов Николай Петрович (1891–?). Член ПСР. До революции 2 раза ссылался – на 3 и 4 года. В 1921 содержался в Бутырской, Орловской и Ярославской тюрьмах; в октябре 1921 освобожден. В 1922 вновь арестован, помещен в Бутырскую тюрьму, затем в Ярославский политизолятор. Болел туберкулезом. По непроверенным данным находился в заключении до конца 1932. Дальнейшая судьба неизвестна.

Смольнин (Терванд) **Иван Иванович** (1887–1922). Окончил Академию Генерального штаба (1914). Начальник штаба армейского корпуса, подполковник (1916). Начальник штаба 2-й Сызранской дивизии народной армии Комуча (1918). Начальник штаба 4-го Оренбургского армейского корпуса, полковник (1919). После разгрома колчаковских войск перешел с корпусом на территорию Китая. Произведен Дутовым в чин генерал-майора (1920). Передан советской стороне в конце 1921. Осужден вместе с Бакичем на открытом процессе в Новониколаевске. Расстрелян.

Сноуден Филипп (1864–1937). В 1903–1906 и 1917–1920 председатель Независимой рабочей партии, представитель ее правого крыла. С 1906 член парламента. Во время Первой мировой войны центрист. В кабинете Макдональда 1924, а также в 1929–1931 канцлер казначейства.

Созонов (Сазонов) **Егор Сергеевич** (1879–1910). Сын богатого лесопромышленника, выходца из крестьян-раскольников. Впервые познакомился с революционной литературой после ареста за участие в студенческом движении протеста против отдачи студентов в солдаты. С 1902 член ПСР и ее Боевой организации. В 1904 брошенной им бомбой был убит министр внутренних дел В.К. Плеве. Арестован и приговорен к лишению всех прав состояния и бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости, затем в Бутырской тюрьме, с мая 1906 – в Акатуйской каторжной тюрьме, в начале марта 1907 переведен в Алгачи. Покончил с собой в Горном Зерентуе, протестуя против телесных наказаний заключенных.

Соколов Борис. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Соколов Михаил Михайлович. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Соколов Николай Дмитриевич (1870–1928). Окончил юридический факультет Петербургского университета. Присяжный поверенный. Член РСДРП. Секретарь Исполкома Петросовета в марте 1917, редактор Приказа № 1.

Соколов-Курицын Владимир Михайлович. Арестован 4 июня 1920, содержался в тюрьме в Кисельном пер. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В марте–августе 1923 – в Бутырской тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Сокольников Григорий Яковлевич (Бриллиант (Бриллиантов) Гирш Янкелевич) (1888–1939). Член РСДРП с 1905. В 1917–1919, 1922–1930 член ЦК партии, 1930–1936 кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). 30.12.1922–26.01.1924 кандидат в члены Президиума ЦИК СССР. В 1921–1922 заместитель народного комиссара финансов РСФСР; 23.11.1922–16.01.1926 народный комиссар финансов РСФСР–СССР. Умер в тюрьме, реабилитирован посмертно.

Сольц Аарон Александрович (1872–1945). Член РСДРП с 1898. 16.03.1921–1934 член ЦКК, 26.04.1923–1934 член Президиума ЦКК. С 1921 член Верховного суда РСФСР, затем СССР; председатель Судебной коллегии по уголовным делам.

Сорин Владимир Гордеевич (1893–1944). Член РСДРП с 1917. В 1920–1925 член бюро МК РКП(б). С 1924 – в Институте В.И. Ленина. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Сосновский Лев Семенович (1886–1937). Член РСДРП с 1904. В 1918–1924 редактор газеты «Беднота». 20.03.1918–30.12.1922 член Президиума ВЦИК. В 1921 заведующий Агитпропом ЦК РКП(б). В 1922 член комиссии Л.Д. Троцкого по учету и сосредоточению ценностей, член «тройки» по подготовке изъятия церковных ценностей. Публицист, литературный критик (разоблачал футуристов, Есенина, Пильняка, поддерживал Демьяна Бедного), освещал политические процессы. В 1937 давал ложные показания против Бухарина. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Сотников Григорий Петрович (ок. 1895–?). Из крестьян. Окончил церковно-приходскую школу. Занимался сельским хозяйством. С 1915 на военной службе. В начале марта 1917 откомандирован в Главное управление Генерального штаба. На общем собрании солдат избран в члены солдатского комитета, придерживавшегося эсеровской ориентации. В период избирательной кампании и деятельности Учредительного собрания оказывал содействие петроградской организации ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 27 февраля 1919.

Сперанский Анатолий Николаевич (1887 (по др. данным 1888)–?). Потомственный почетный гражданин. Окончил юридический факультет Московского университета (1916). С 1903 в ПСР; член Боевой организации партии. Впервые арестован в Москве на митинге местной группы ПСР. После трехмесячного заключения, взамен высылки под гласный надзор полиции в Архангельскую губернию на 2 года получил разрешение на выезд на указанный срок за границу и выехал в мае 1907 во Францию. Принимал участие в проходившей 15–21 января 1908 в Париже конференции заграничных групп ПСР. Вошел в Областной Заграничный комитет партии. 13 июня 1909 вернулся в Россию и поселился в Петербурге. В январе 1910 арестован в Петербурге. Выслан на 5 лет в Якутскую губернию. В 1913 переведен на поселение в Астраханскую губернию и через несколько месяцев получил разрешение взамен ссылки выехать за границу. Вернулся в России с началом I мировой войны и оканчивал срок ссылки в Астрахани и в Курской губернии. В 1916 служил в статистическом отделе Витебского губернского земства и уполномоченным Земгора по регистрации беженцев Западного фронта. В конце года вернулся в Петроград. После Февральской революции 1917 – Временным правительством назначен комиссаром милиции Василеостровского района Петрограда. С июня назначен начальником особого отдела при управлении делами Горного начальства. После октябрьского переворота уехал в Витебск. Возвратившись в Петроград, в январе 1918 устроился на работу следователем по особо важным делам Петроградского ревтрибунала. По собственному утверждению, в январе вышел из партии эсеров «по тактическому разногласию в вопросе о признании совместной работы с Советской властью» и сделал об этом официальное заявление на заседании ПК ПСР, «оставшись с[оциалистом]-р[еволюционером] вне партии». В июне 1918, после разногласий с председателем следственной комиссии ревтрибунала Самойловым вышел из следственной комиссии и покинул Петроград. Перейдя фронт, прибыл в Уфу, находившуюся под контролем Народной армии Комуча. Назначен руководством партии эсеров начальником личной охраны В.М. Чернова. Во время колчаковского переворота в ноябре арестован вместе с Черновым и руководителями Комуча в Екатеринбургe. Выслан в Уфу, где вновь арестован и увезен в Омск. В декабре освобожден из омской тюрьмы восставшими солдатами местного гарнизона. В январе 1919 повторно арестован. В конце июля выслан по проходному свидетельству из Омска в Томск. По дороге бежал в Иркутск, где вступил в организацию ПЛСР и вошел в ее исполнительное бюро, находясь на нелегальном положении. После организованного Политическим центром восстания в Иркут-

ске (январь 1920) выдвинут организацией левых эсеров на должность начальника разведывательного отдела. Но в этой должности работал только две недели, т.к. организация ПЛСР отозвала его из разведывательного отдела в связи с выдвинутым против него рядом членов организации левых эсеров обвинением в участии в августе 1918 в убийстве М.С. Урицкого, в сознательном допущении ареста колчаковцами членов Комуча в ноябре 1918 и в связи с колчаковской контрразведкой в 1920. Первоначально исключен решением Исполнительного бюро, но затем реабилитирован областной конференцией ПЛСР и вновь принят в организацию. После установления власти большевиков в Иркутске в числе других служащих контрразведывательного отдела Политцентра введен в состав Иркутской ГЧК и назначен заведующим секретно-оперативным отделом. В мае отстранен от работы ввиду повторного выдвижения местными коммунистами и начальником особого отдела 30-й дивизии 5-й армии Павловым обвинений в причастности к убийству Урицкого и сотрудничестве с колчаковской контрразведкой, а также связях с иностранной разведкой и приеме на работу в иркутскую ГЧК «заведомых белогвардейцев и контрреволюционеров». По приезду в июле в Москву явился на прием к заместителю председателя ВЧК и ее представителю в Верховном ревтрибунале при ВЦИК И.К. Ксенофонтову. Верховный ревтрибунал взял за него поручительство от ЦОБ МПСР и подписку о невыезде, передав его дело в Петроградский ревтрибунал. С июня 1920 сотрудник Коминтерна. В августе перешел на работу начальником следственного отдела Ценкомпутидезертира. 4 октября 1920 арестован ВЧК, содержался в Бутырской тюрьме. Во время следствия неоднократно заявлял, что по своим убеждениям принадлежит к МПСР, но числится в списке членов тюремной фракции ПЛСР и состоит старшиной фракции левых эсеров в Ярославской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 27 апреля 1923 приговорен к 2 годам ссылки в Пржевальск; в 1923 – в Ярославском политизоляторе (страдал пороком сердца); в 1924–25 – в Вологде; в июле 1926 – мае 1929 – в Соловецком лагере особого назначения.

Спиридонова Мария Александровна (1884–1941). Из семьи коллежского советника. Член ПСР с 1905. В январе 1906 по заданию Тамбовского комитета партии убила Г.Н. Луженовского, возглавлявшего карательный отряд по подавлению крестьянских волнений. Пыталась покончить с собой на месте, но была арестована, подверглась истязаниям и надругательству. В 1906 приговорена к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, которую отбывала в Нерчинской, Акатуйской, Мальцевской и Горнозере́нтуйской каторжных тюрьмах. Дважды пыталась бежать. Освобождена в мае 1917 по распоряжению министра юстиции А.Ф. Керенского. Делегат III съезда ПСР, вошла в состав оргбюро левых эсеров. Поддерживала Октябрьскую революцию. На Учредительном съезде партии левых эсеров избрана его почетным председателем и членом ЦК. В коалиционное большевистско-левоэсеровское правительство не вошла, предпочтя работу во ВЦИКе. Депутат Учредительного собрания по списку съезда крестьянских депутатов и эсеров, кандидат в его председатели от левых эсеров и большевиков. Одобряла разгон Учредительного собрания большевиками. Весной 1918 начался поворот в ее отношении к большевикам и на V съезде Советов она заявила, что выступает как их «яростная противница». Арестована в ночь с 6 на 7 июля в связи с убийством Мирбаха, в ноябре 1918 приговорена к 1 году тюремного заключения, через день амнистирована и освобождена. Впоследствии неоднократно арестовывалась и ссылалась. В январе 1938 по обвинению в подготовке покушения на К.Е. Ворошилова приговорена к 25 годам тюремного заключения, которое отбывала в Ярославской, затем Орловской тюрьмах. Расстреляна по приговору Военной коллегии Верховного суда.

Ставская Фаина (Фанни) Ефремовна (1891–1937). Из мещан. С 1906 участвовала в движении анархистов. В июне 1908 арестована за покушение на екатеринославского губернатора генерала Н.М. Клингенберга, приговорена Одесским военно-окружным судом к 20 годам каторги. Вернулась с каторжных работ после победы Февральской революции 1917. На допросе 13 марта 1922 указывала: «В Партию социалистов-революционеров я вступила в 1917, хотя идеологию

с[оциалистов]-р[еволюционеров] я стала разделять гораздо раньше, еще будучи на каторге» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 114). С сентября 1917 работала в редакции органа Таврической губернской организации ПСР газеты «Земля и воля» (Симферополь); вела партийную работу в Симферополе и Севастополе. В сентябре 1918 переехала в Москву, где вступила в отряд Г.И. Семенова, но [...] практической работы не успела проявить», и была в конце октября 1918 направлена Бюро ЦК ПСР в Уфу. По возвращении находилась в его распоряжении до марта 1919, после чего занималась профсоюзной работой. В ноябре 1919 – августе 1920 секретарь Центрального бюро Меньшинства ПСР (МПСР). Подвергалась арестам в 1919 (освобождена через три с половиной месяца), декабре 1921 (освобождена в феврале 1922). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорена к двум годам заключения с освобождением от наказания. В 1937 арестована в Москве; расстреляна.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953). В исследуемое время генеральный секретарь ЦК РКП(б) и нарком РКИ. В вопросе об отношении к оппозиционным социалистическим партиям придерживался предельно жесткой позиции и голосовал за расстрел 4-х членов ЦК ПСР, проходивших по процессу.

Сталинский Евсей Александрович (1880–1952). В 1909–1917 политический эмигрант; проживал во Франции. После начала I мировой войны – «оборонец». В 1917–1918 редактор правозероветской газеты «Воля народа». В 1918 руководитель парижского отделения «Союза возрождения России». Член Инициативной группы «Внепартийного объединения» (1920–1922). Входил в редакционную коллегию общественно-политического и литературного журнала «Воля России» (1922–1932). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В апреле 1925 утвержден Центральным бюро партии эсеров членом Заграничной делегации ЦК ПСР.

Стеклов (Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941). В социал-демократическом движении с 1893, участник революции 1905–1907, после Февраля 1917 член Исполкома Петросовета, участник октябрьского переворота, на II Всероссийском съезде советов избран членом ВЦИК, членом Президиума ВЦИК. С октября 1917 редактор газеты «Известия». С 1925 на журналистской, административной и научной работе. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Стиннес Гуго (Хуго) (1870–1924). Немецкий промышленник. Владелец угольных шахт, сталелитейных заводов, электростанций, банков, газет, гостиниц. В 1890 получил в наследство принадлежавшие отцу угольные шахты и сталелитейные заводы. С целью построения единой системы управления принадлежавшей ему собственностью в 1893 основал акционерное общество («Hugo Stinnes GmbH»). Во время I мировой войны ведущий поставщик военной продукции Германии. Оказывал активное влияние на формирование государственной политики, член Экономического совета Веймарской республики и Рейхстага от Немецкой народной партии (1920–1924).

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911). В 1903–1906 саратовский губернатор. С 1906 министр внутренних дел и председатель Совета министров. Инициатор применения военно-полевых судов для борьбы с революционным движением. В 1907–1911 начал проведение аграрной реформы. Смертельно ранен Д.Г. Богровым.

Студенецкий Сергей Александрович (1879 (по др. данным 1878)–?). Потомственный почетный гражданин. Окончил математическое отделение Московского университета. Экономист-статистик. Член ПСР с 1903. Неоднократно арестовывался (в 1896, 1905, 1906, 1912, 1913, 1916). В 1917 товарищ городского головы Москвы. После Октября 1917 служил в Наркомземе и в Главхозе (заведующий организационно-экономическим подотделом). В 1918 арестован в Москве, оправдан. Вновь арестован 9 октября 1919 в Москве, освобожден. Арестован 8 мая 1920 в Москве, содержался в Бутырской тюрьме. В марте 1921 арестован МЧК. При аресте отказался давать какие-либо показания. Содержался в Бу-

тырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17.05.22 приговорен к ссылке. В июле 1922 – в Вятке; 22.02.24 приговорен к 3 годам заключения в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ); в 1926–1928 – в ссылке в Оренбурге; затем в Нижнем Новгороде. В 1930 получил еще 3 года лишения свободы; в июле–ноябре 1932 – в Бутырской тюрьме; в январе 1934 – в Воронеже; затем в Орле. Дальнейшая судьба неизвестна.

Стуков Иннокентий Николаевич (1887–1937). Член РСДРП с 1905, большевик. После Октября 1917 зав. отделом МК РКП(б), редактор газеты «Московский рабочий», редактор издательства «Красная Новь». В 1918 «левый коммунист», в 1920–1921 примыкал к группе «демократического централизма». В 1927 сторонник Л.Д.Троцкого во внутрипартийной борьбе.

Стучка Петр Иванович (1865–1932). Из крестьян, в революционном движении с конца 80-х годов XIX в., по образованию юрист. С 1897 находился в пятилетней ссылке, с 1903 примкнул к большевикам. В 1906–1907 председатель ЦК Латышской с.-д. рабочей партии, затем работал в Петербурге. После Октября 1917 нарком юстиции, затем член коллегии НКВД, в 1918–1919 председатель советского правительства Латвии и член ЦК РКП(б). В 1921 заместитель наркома юстиции, а с 1923 представитель компартии Латвии в Коминтерне.

Суварин (наст. фамилия Лифшиц) Борис Константинович (1894–1984). Родился в России (Киев). В 1900 семья переехала в Париж. С 1914 участвовал в социалистическом движении. После I мировой войны один из основателей и руководителей Коммунистической партии Франции. В июле 1921 – июне 1924 член Исполкома Коминтерна с решающим голосом; входил в Президиум ИККИ (декабрь 1922 – июнь 1922); заведующий отделом печати ИККИ (июль 1921 – ноябрь 1922). В 1924 покинул коммунистическое движение в ответ на развернутую в СССР антитроцкистскую кампанию. В 1929 порвал с Л.Д.Троцким.

Сумгин Михаил Иванович (1873–1942). Из семьи мордовского крестьянина. В 1895 поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1898 арестован Петербургским губернским жандармским управлением за антиправительственную деятельность; 3 месяца содержался в Доме предварительного заключения. В 1899 задержан за участие в студенческой забастовке, исключен из университета и выслан на родину. С 1902 в социал-революционном движении. В декабре 1905 арестован Самарским губернским жандармским управлением и назначен к высылке в Якутскую губернию на 5 лет. Одновременно Саратовской судебной палатой приговорен к 1 году заключения в крепости. После отбытия наказания получил разрешение взамен ссылки на 3 года в Тобольскую губернию выехать на тот же срок за границу. В марте 1907 выехал в Париж. В начале 1908 Областной заграничный комитет ПСР командировал его для проверки и постановки работы в костромской партийной организации. В марте арестован в Костроме местным губернским жандармским управлением и выслан на 3 года в Амурскую область. В 1911–1912 заведующий научно-исследовательской станцией Бомнак на р. Зее. Осенью 1912 назначен заведующим метеорологическим бюро Амурского района в Благовещенске. В то же время основал и редактировал «Известия Метеорологического бюро Амурского района», разработал опросную анкету по вечной мерзлоте, которую распространял среди местной интеллигенции, золотоискателей и широких кругов населения. На основе этих анкетных данных подготовил работу о вечной мерзлоте. В апреле–октябре 1917 комиссар Временного правительства по Нижегородской губернии. Вошел во Временный революционный комитет, сформированный сторонниками правительства в нижегородских Советах для «недопущения каких бы то ни было насилий над гражданами и подавления всякой попытки к грабежам или насилиям». Придерживался пассивной тактики переговоров с местными большевиками, направленных на «мирное улаживание политического кризиса» путем проведения до 30 октября перевыборов в Советы. Член Учредительного собрания. На IV съезде партии (ноябрь–декабрь) избран в ЦК, где примкнул к «левому центру». На первом же заседании комитета внес предложение о полном исключении террора из средств борьбы с большевизмом. В начале декабря решением ЦК командирован на 2 Всероссийский съезд Советов крестьян

янских депутатов. Вместе с другими делегатами съезда, ушедшими с него 4 декабря, принял участие в работе 2 Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, стоящих на платформе защиты Учредительного собрания. 9 декабря вошел в образованный на съезде Временный исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов, стоящих на защите Учредительного собрания. 8 декабря возглавил крестьянский отдел ЦК партии. Работал в издательской комиссии при ЦК. Вышел из состава ЦК в феврале 1918, заявив о несогласии с утвержденной комитетом резолюцией о необходимости активных действий против власти большевиков. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. С начала 1920-х продолжил научную работу по изучению вечной мерзлоты. В 1930 выступил одним из организаторов Комиссии (Комитета) по изучению вечной мерзлоты при АН СССР. С 1939 заместитель директора и руководитель научной деятельностью Института мерзлотоведения АН СССР. С 1936 доктор геологических наук.

Сулова-Михайлова Анна Николаевна. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 содержалась во Внутренней тюрьме ВЧК.

Сулов-Груздев Иван Николаевич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В феврале 1922 содержался во Внутренней тюрьме ВЧК.

Сухомлин Василий Васильевич (1885–1963). Сын народовольцев (а затем и эсеров) В.И. Сухомлина и А. Гальпериной. Начальное образование получил на Кариийской каторге, а среднее в ялтинской гимназии, после возвращения родителей в 1903 в Европейскую Россию. Став членом ПСР, в 1907 был сослан в Тобольскую губ., откуда в том же году бежал и эмигрировал. За границей завершил свое образование в немецких и французских университетах. После Февраля 1917 работал в редакции газеты «Дело народа», депутат Учредительного собрания. К октябрьскому перевороту отнесся отрицательно, участник IV съезда ПСР, где был избран в члены ЦК, а с февраля по март 1918 редактор газеты «Дела народа», после чего в эмиграции, где входил в состав ЗД ЦК ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Участник ряда международных социалистических конференций, а с 1923 представитель ПСР в Исполкоме социалистического рабочего Интернационала. В ЗД ЦК ПСР занимал левоцентристские позиции, но в силу личных качеств являлся объединяющей фигурой. В 30-е годы у него растут просоветские настроения и на этой почве начинаются недоразумения с эмигрантскими кругами. В 1947 принимает советское гражданство, а в 1954 возвращается в СССР, где с 1962 становится членом Союза писателей СССР.

Тагер Александр Семенович (1888–1938). Родился в семье врача. Образование высшее. Адвокат подсудимых социалистов-революционеров на процессе. Научный работник Всесоюзного института юридических наук, член Московской городской коллегии защитников. Арестован 09.06.1938. Приговорен к расстрелу 14.04.1939 ВКВС СССР по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. Расстрелян 15.04.1939. Реабилитирован 04.04.1956 ВКВС СССР.

Тагор Рабиндранат (Тхакур Робиндронатх) (1861–1941). Индийский писатель и общественный деятель. Писал на бенгальском языке. Один из руководителей национально-освободительного движения в Бенгалии (1905), отошедший от него после перехода участников движения к использованию насильственных методов борьбы. В 1930 посетил СССР. В «Письмах о России» (1931) высоко оценил достижения Советского Союза. Автор рассказов, поэтических циклов.

Теодорович Иван Адольфович (1875–1937). Из дворян, сын железнодорожного служащего-поляка, участника восстания 1863. С начала 1902 член Московского комитета РСДРП. Делегат IV и V съездов партии, на V избран в ЦК. Арестовывался (в 1902 и 1908) и ссылался (1903), в 1909 приговорен к каторжным работам, с января 1912 на поселении. После Февраля 1917 вернулся в Петроград, делегат VI

съезда РСДРП(б), избран кандидатом в члены ЦК. С июня член ВЦИК, участник Демократического совещания. В первом составе Совнаркома нарком продовольствия, 4 ноября 1917 в числе сторонников многопартийного советского правительства подписал заявление о выходе из СНК. В декабре уехал в Сибирь, где участвовал в партизанском движении. С осени 1920 член коллегии Наркомзема РСФСР, с 1926 директор Международного аграрного института, в 1928–1930 генеральный секретарь Крестинтерна. Освобожден от всех должностей в связи с делом Трудовой крестьянской партии. В 1937 арестован и расстрелян. Реабилитирован посмертно.

Тесленко (Тисленко) Михаил Андреевич. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Тетеркин Иван Иванович (?–1918). Из мещан, рабочий. Член ПСР, в 1917 вел активную работу в Петрограде. На Первой Петроградской конференции эсеров (2 марта 1917) избран председателем. На III и IV съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК. Член Учредительного собрания от Бессарабской губ. Участник VIII Совета партии (7–16 мая 1918). По решению ЦК ПСР от 16 мая 1918 был командирован для партийной работы в район Ижевского и Воткинского заводов. Расстрелян чекистами в Сарапуле.

Тимофеев Евгений Михайлович (1885–1941). Сын народовольца М.А. Тимофеева, сосланного в 1881 в Восточную Сибирь по делу «кружка якобинцев». С 1897 учился в томской гимназии, в 1903 за ним было установлено негласное наблюдение. Впервые арестован в октябре 1903 за участие в демонстрации учащихся в Томске. В 1903 переехал в Иркутск, где встретился с руководителями нарождавшейся эсеровской организации. В 1905 поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В феврале 1906 арестован в связи с убийством рабочим Котловым помощника директора Путиловского завода Назарова (инкриминировалось укрывательство Котлова). В мае 1906 приговорен Петербургским военно-окружным судом к 10 годам каторжных работ и лишению всех прав состояния (вскоре срок наказания сокращен на 5 лет). Отбывал наказание в Александровском центре, в апреле 1910 вновь приговорен к 10 годам каторги (начиная со времени окончания срока по предыдущему приговору) за руководство из тюрьмы Иркутской организацией партии социалистов-революционеров. С 1913 активно участвовал в самодеятельных военных курсах, автор статей на военные темы в сибирской периодической печати. В 1915–1916 постоянно сотрудничал в газете «Сибирь» (Иркутск). После Февральской революции освобожден. В марте 1917 вошел в президиум исполкома общественных организаций Иркутска и возглавил Объединенный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов. Участник III (май–июнь) и IV (ноябрь–декабрь) партийных съездов и 7-го Совета ПСР (август). Избран в Учредительное собрание от эсеров и крестьянского союза по Иркутскому округу (ноябрь); работал в Бюро фракции ПСР. Непосредственно перед созывом Учредительного собрания руководил эсеровской агитацией в воинских частях. На IV съезде партии избран в ЦК (январь 1918), в Бюро (Президиум) ЦК, в котором выступал последовательным центристом. Весной 1918 вместе с И.С. Дашевским, В.М. Зензиновым и Б.Н. Моисеенко организовал работу Военной комиссии в Москве. Принимал участие в 8-м Совете партии эсеров, провозгласившем «борьбу за восстановление независимости России и возрождение ее национально-государственного единства на основе разрешения социально-политических задач, выдвинутых Февральской революцией». В феврале 1919 участвовал в Одесской конференции, организованной Южно-русским бюро ПСР. 17.05.1920 арестован, до процесса находился в Бутырской тюрьме. В последнем слове на суде заявил: «Вы получите наши головы, чтобы положить их к ногам Коминтерна, но чести нашей вы не получите». Верховным Ревтрибуналом по делу ЦК ПСР приговорен к смертной казни. Президиумом ВЦИК приговор заменен 5 годами тюремного заключения. В 1925 выслан в Коканд, через месяц после прибытия вновь арестован, приговорен к 2 годам тюрьмы и доставлен в Москву. После длительной голодовки протеста освобожден и выслан в Уральск, где работал в местном Губплане. Постановлением Особого совещания от 03.01.1931 выслан на 3 года в Самарканд; работал экономистом, публи-

ковал работы по гидрологии края. Военной коллегией Верховного суда СССР 20.06.1939 приговорен к 25 годам лишения свободы. Отбывал срок в Бутырской и Орловской тюрьмах. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 26.07.1990 приговор от 08.09.1941 отменен, дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Тихон (в миру Василий Иванович Белавин) (1865–1925). Патриарх Московский и всея Руси с 1917. Избран Поместным собором Русской православной церкви. В 1922 арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В 1923 призвал духовенство и верующих к лояльному отношению к советской власти; выпущен из тюрьмы и находился под домашним арестом. Канонизирован Русской православной церковью.

Товстуха Иван Павлович (1889–1935). Член РСДРП с 1913. С апреля 1922 второй помощник генерального секретаря ЦК РКП(б), заместитель заведующего Бюро Секретариата ЦК РКП(б). В 1924–1926 помощник директора Института В.И. Ленина при ЦК РКП(б)–ВКП(б). В 1926–1930 заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б).

Томашевич Вячеслав Фелицианович. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936). Член РСДРП с 1904. В 1919–1934 член ЦК партии, в 1934–1936 кандидат в члены ЦК ВКП(б). В 1921–1924 член Оргбюро ЦК РКП(б). В 1922–1930 член Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). 10.12.1919–22.12.1920 кандидат в члены Президиума ВЦИК, 31.12.1920–30.12.1922 член Президиума ВЦИК. 30.12.1922–1929 член Президиума ЦИК СССР. С 27.03.1918 член Президиума ВЦСПС. В июне 1922 секретарь ВЦСПС. 22.09.1922–1929 председатель ВЦСПС. В августе 1936 покончил жизнь самоубийством.

Трилиссер Меер Абрамович (1883–1940). В социал-демократическом движении с 1901, участник революции 1905–1907 в Финляндии, борьбы за Советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке. Ответственный работник иностранного отдела ОГПУ СССР, а с 1926 заместитель председателя ОГПУ. С 1930 член Президиума ЦК ВКП(б).

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1897–1940). Из семьи зажиточного херсонского колониста. В социал-демократическом движении с 1897. После Октября 1917 был наркомом по иностранным делам, наркомом по военным и морским делам, наркомом путей сообщения, председателем Реввоенсовета республики, членом Политбюро ЦК и членом ИККИ. В вопросе об отношении к оппозиционным социалистическим партиям занимал крайне жесткую позицию и голосовал за расстрел четверых членов ЦК ПСР, проходивших по процессу над ПСР. Убит в Мексике.

Тумаркин Д. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Туратти Филиппо (1857–1932). Один из основателей Итальянской социалистической партии (1892). С 1926 в эмиграции, где вел антифашистскую деятельность.

Тяпкин Ефим Федорович. Член ПСР. Арестован 17 февраля 1921, содержался в Бутырской, Лефортовской, Сокольнической и Внутренней тюрьмах. В феврале 1923 отправлен в ссылку в Великий Устюг; в ноябре 1923 в Северо-Двинской губ.

Уланова Варвара Александровна. Член ПСР. Арестовывалась в 1920, содержалась в Бутырской и Ярославской тюрьмах. Арестована 28 мая 1921, содержалась в Бутырской, затем во Внутренней тюрьме ВЧК. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ была включена в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17 мая 1922 отправлена на 2 года в ссылку в Рыбинск.

Ульрих Василий Васильевич (1889–1951). Член РСДРП с 1910. Генерал-полковник юстиции. Председатель Военной коллегии Верховного суда СССР.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938). Из семьи служащего, член СДКПиЛ с 1900, окончил Высшие технические курсы в Варшаве. В октябре 1917 член Петроградского ВРК, Исполкома Петроградского совета, ВЦИК. С декабря 1917 член коллегии НКВД, в апреле 1918 – январе 1919 председатель Центропланбежа. С февраля 1919 нарком по военным делам и член ЦИК Литовско-Белорусской советской республики, член Президиума ЦК КП Литвы и Белоруссии, затем с июня 1919 по декабрь 1919 член РВС 16-й армии, а с декабря 1919 член РВС Западного фронта и член Временного ревкома Польши. Делегат IX–X съездов РКП(б). В 1921–23 заместитель председателя ВЧК–ОГПУ. В октябре 1923 исключен из состава органов ОГПУ. Член Ревизионной комиссии ВКП(б) с 1924, кандидат в члены ЦК партии с 1925. В 1923–1925 член Реввоенсовета СССР, в 1925–1930 заместитель председателя Реввоенсовета и заместитель наркомвоенмора. 28.07.1938 расстрелян, реабилитирован посмертно.

Урицкий Моисей Соломонович (1873–1918). Из семьи купца. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам. Неоднократно арестовывался и ссылался. Сотрудничал в венской «Правде». Вернувшись в марте 1917 в Петроград, вступил в группу «Межрайонцев», в числе членов которой VI съездом РСДРП(б) был принят в партию, избран членом ЦК. Член Петроградского ВРК, делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК. В октябре 1917 временный комиссар Министерства иностранных дел, с 23 ноября комиссар СНК во Всероссийской комиссии по делам созыва Учредительного собрания, комендант Таврического дворца. На второй день после разгона Учредительного собрания на Урицкого было совершено покушение. В январе 1918 исполнял обязанности председателя ВЧК. С марта 1918 председатель Петроградской ЧК, с апреля нарком внутренних дел Северной области. Убит бывшим студентом и юнкером Л.С. Канегиссером.

Усенко. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нерозыском.

Усов Константин Андреевич (1895–1937). Родился в семье слесаря. Окончил двухклассную школу в Колпино Петербургской губ. и курсы по повышению квалификации при Главмаштресте по специальности «техник по холодной обработке металла». Работал токарем на Ижорском заводе. Член ПСР с 1914. 8 февраля 1917 арестован за активное участие в забастовке на Ижорском заводе. В 1918 состоял в боевой организации партии эсеров. В 1920 вступил в РКП(б). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе входил во вторую группу обвиняемых. Решением Верховного революционного трибунала осужден на 5 лет тюремного заключения, но затем помилован постановлением ВЦИК. После освобождения в январе 1924 работал в должности начальника отдела капитального строительства Спецмаштреста (1932–1937). 15 марта 1937 арестован. 13 июля 1937 Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к расстрелу по обвинению в участии в «антисоветской эсеровской террористической организации, ставившей своей целью свержение Советской власти путем совершения террористических актов в отношении руководителей партии и Советского правительства». Приговор приведен в исполнение в тот же день. 31 августа 1957 посмертно реабилитирован определением Военной коллегии Верховного суда СССР за отсутствием состава преступления.

Утгоф-Дерюжинский Владимир Львович (1887–?). Из дворян. Сын жандармского генерала. В октябре 1905 за революционную агитацию был исключен из петербургского морского училища. В 1906 поступил в Политехнический институт. Член ПСР с 1906. Один из участников создания «Союза офицеров». Арестован в октябре 1908, по обвинению в принадлежности к Центральному Военному Бюро ПСР осужден к 4 годам 9 месяцам заключения в крепости. После освобождения на военной службе, в начале I мировой войны мобилизован, дослужился до младшего офицерского чина. В начале 1915 переведен под Псков

«под надзор начальства». После Февраля 1917 приехал в Петроград, в марте 1917 от своей воинской части избран в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, из которого вышел после прихода к власти большевиков. На первой петроградской конференции эсеров избран членом ПК, а с июня 1917 председатель Петроградской партийной военной организации. На IV съезде ПСР избран членом мандатной комиссии и председателем военной секции. С декабря член Военной комиссии ЦК партии эсеров, товарищ ее председателя. Член Учредительного собрания (от Северного фронта). В мае–сентябре 1918 редактор журнала «Путь» Совпрофжеля. Входил в самарский Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч) (сентябрь) и участвовал в Съезде членов Всероссийского собрания (сентябрь–ноябрь). Осенью 1918 занимал центристские позиции в партии. Работал в московской (январь–июнь 1919) и пензенской (июнь 1919–1921) кооперации. В 1921–1922 представитель Пензенского губсельсоюза в Москве. Арестован 5 февраля 1922, содержался в тюрьме в Кисельном пер. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На судебном процессе ПСР включен в первую группу обвиняемых. 7 августа 1922 был приговорен к 5 годам лишения свободы со строгой изоляцией. Находясь во Внутренней тюрьме ГПУ, 14 и 29 августа и 15 сентября 1922 написал три заявления в Верховный Трибунал при ВЦИК, в которых ссылался на то, что, являясь польским гражданином (удостоверяющие этот факт документы имелись в ГПУ и в польском представительстве в Москве), согласно статьям Рижского мирного договора и дополнительного соглашения между Польшей и РСФСР, подлежит «в случае осуждения высылке в пределы Польской республики и передаче польским властям». Ни на одно из этих заявлений (последнее осело в архиве ГПУ – ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 58. Л. 89–89 об.) ответа не получил, вероятно потому, что все они были перехвачены чекистами и не дошли до адресата. В 1923 принимал участие в 14-ти дневной голодовке в Бутырской тюрьме. 11 января 1924 постановлением ВЦИК срок заключения был сокращен до 2,5 лет несмотря на мнение начальника Секретного отдела ГПУ Дерибаса, считавшего, что «ввиду крайне демонстративного поведения и непрекращающихся антисоветских выходок» Утгофа «сокращать ему 5-ти летний срок безусловно не следует, тем более, что он сидит в тюрьме только с начала 1922 года». Срок заключения закончился 8 августа 1924, после чего сослан в Тюмень. В январе 1925 начальник 3-го отделения Секретного отдела ГПУ И. Решетов характеризовал Утгофа как «боевика-активиста». В августе 1925 – октябре 1928 – в ссылке в Самарово Тобольской губ., в 1929 срок ссылки продлен еще на 1 год. Затем в ссылке в Западной Сибири. В 1937 арестован в Камень-на-Оби по делу о «контрреволюционной эсеровско-монархической повстанческо-террористической организации». Расстрелян 7 октября 1937.

Уэллс Герберт Джордж (1866–1946). Английский писатель, классик научно-фантастической литературы. В 1920 и 1934 посещал СССР, беседовал с В.И. Лениным (книга «Россия во мгле», 1920).

Федодеев Александр Васильевич. Член ПСР. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Арестован 24 февраля 1924. Содержался в Бутырской тюрьме. В апреле 1922 приговорен к ссылке в Архангельскую губ. на 2 года.

Федоров-Козлов (Козлов) Филипп Федорович (1888–?). Член ПСР с 1917. Родился в крестьянской семье. Получил начальное образование. Работал водопроводчиком на судостроительном и техническом строительном заводах Петрограда. В 1918 член Центрального летучего Боевого отряда ПСР. В 1920 арестован сотрудниками Петроградской ЧК по обвинению в причастности к убийству В. Володарского. По его собственным словам, разочаровавшись в отказе ЦК ПСР признать покушение на Ленина, «в конце 1918 уехал в деревню, решив порвать с активной деятельностью, но из партии социалистов-революционеров не

вышел» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 2. Л. 92об.). На первом же допросе 4 марта 1922 признал факты своего участия в боевом отряде Семенова, в слежке за Володарским, эпизоды с попытками боевиков ограбить купца и взломать сейф, а также свою роль как одного из намеченных исполнителей покушения на В.И. Ленина, дежуривших в разных районах Москвы (Там же. Л. 92). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе являлся подсудимым второй группы, приговорен к 5 годам тюремного заключения, в январе 1924 по ходатайству трибунала освобожден ВЦИКом. Дальнейшая судьба неизвестна.

Федорович Флориан Флорианович (1877–1928). Из семьи дворянина Могилевской губ., действительного статского советника. В 1897 закончил Пензенскую гимназию, в 1900 – три курса физико-математического факультета Петербургского университета. В революционном движении с конца 1890-х. Член ПСР с 1902. Неоднократно арестовывался и ссылался, несколько раз бежал из тюрьмы и из ссылки. После Февраля 1917 освобожден по амнистии. На IV съезде ПСР избран в ЦК. Член Учредительного собрания. После 8 Совета партии в мае 1918 по его решению выехал в Поволжье, входил в Комуч, участвовал в Уфимском государственном совещании. В 1919 вступил в Сибирскую делегацию ЦК ПСР, председатель Политцентра, после отстранения от власти член Всесибирского краевого комитета ПСР. Летом 1920 уехал в Москву, где зимой 1921 участвовал в заседании ЦК партии. Арестован 23 марта 1921, содержался во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. По итогам процесса приговорен 10 годам тюремного заключения, по решению Президиума ВЦИК СССР от 11 января 1924 срок лишения свободы со строгой изоляцией был сокращен до 5 лет. После отбытия наказания с 1926 в ссылке в Оренбурге. Умер от заражения крови.

Фейт Андрей Юльевич (1864–1926). Из семьи врача, в революционном движении с 1882, получил медицинское образование, не прекращая работы в различных народовольческих кружках, за что неоднократно арестовывался. С 1890 земский врач в Ярославской губернии, с лета 1892 член петербургской «Группы народовольцев». В 1895 отправился за границу для установления контактов с народовольческой эмиграцией и вернулся в Россию в качестве представителя Фонда Вольной русской прессы. В 1897 вновь арестован и после двухгодичного заключения сослан в Сибирь, где с образованием ПСР стал ее членом. С сентября 1905 на партийной работе в Нижнем Новгороде, кооптирован в ЦК ПСР и делегирован им в Исполком петербургского совета рабочих депутатов. В декабре 1905 арестован и сослан в Тобольскую губернию, откуда бежал за границу в 1907. С весны 1909 до весны 1911 входил в состав ЗД ЦК ПСР, которую покинул после появления «Заключения судебно-следственной комиссии по делу Азефа». С началом войны вступил добровольцем во французскую армию в качестве военного врача. После Февраля 1917 был членом ПК ПСР и членом Исполкома Петросовета. После октябрьских событий помогал А.Ф. Керенскому в организации похода на Петроград. Депутат Учредительного собрания и участник эсеровских подпольных организаций в 1918. С 1918 становится инспектором санитарных поездов «Красного Креста» и отходит от партийной работы. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело прекращено по амнистии 1919. На процессе привлекался в качестве свидетеля.

Филипповский Василий Николаевич (1889–1940). Родился в семье инженера – выходца из крестьян. Окончил Рижский Политехнический институт. В ПСР с 1903. По обвинению в принадлежности к партии эсеров находился в заключении в Кронштадтской крепости (1905–1906). Выслан на 2 года в Вологодскую губернию. Старший лейтенант флота. В марте 1917 вошел в Исполком Петроградского Совета РСД. Участник Второй Петроградской конференции ПСР (3–5 апреля 1917). На I Всероссийском съезде Советов РСД избран во ВЦИК (июнь). В ноябре избран в Учредительное собрание по списку ПСР от Юго-Западного фронта, член бюро эсеровской фракции. После разгона собрания работал до ле-

та 1918 в Москве профессиональных союзах металлистов и торгово-промышленных служащих. В июне 1918 перешел линию Восточного фронта и прибыл в Самару, войдя в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). Председатель Совета управляющих ведомствами и управляющий ведомством торговли и промышленности Комуча, Съезда членов Всероссийского Учредительного собрания. Во время колчаковского переворота в ноябре арестован в Уфе и находился до января 1919 в омской тюрьме, откуда бежал. До апреля 1919 на нелегальной партийной работе в Сибири. Через Владивосток уехал морским путем на юг России. С августа 1919 нелегально проживал на Кавказе (в т.ч. в Тифлисе). Председатель Комитета по освобождению Черноморья от Деникина и Врангеля. После занятия Черноморского побережья Кавказа Красной армией арестован в Сочи как видный социалист-революционер и направлен Кубано-Черноморской ЧК в ВЧК. Освобожден в сентябре 1920. До апреля 1921 помощник заведующего эксплуатационным отделом Главлескома, сотрудник ряда комиссий ВСНХ. С августа инструктор по кооперации и инженер в Артель-банке (Москва). 09.11.1921 арестован СО ВЧК на основании агентурных данных, что В.Н. Филипповский отвечал за связь между ЦК ПСР и ЦБ МПСР. Содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На процессе ПСР – свидетель защиты. В декабре 1922 – в Бутырской тюрьме; 23 февраля 1923 Коллегией ОГПУ приговорен к 3 годам концлагерей, срок отбывал на Соловках (СЛОН); в 1925 – в ссылке в Усолье; в 1931 – в Астрахани; 17 января 1933 арестован по ст. 58-4,11; в июле 1934 дело прекращено; в 1936 вновь арестован в Сталинграде по ст. 58-10, ч. 1; 21 марта 1936 Верховной сессией областного суда приговорен к 8 годам лишения свободы. Погиб в лагерях на Колыме. Реабилитирован 11 июля 1956.

Филоненко Максимилиан Максимилианович (1886–1950). Сын корабельного инженера. Морской инженер, штабс-капитан броневое дивизиона. Член ПСР. В 1917 комиссар 8 армии, которой командовал Л.Г. Корнилов, с 19 июля комиссар Ставки Верховного Главнокомандующего, помощник генерал-губернатора Петрограда по военной части; после провала выступления Корнилова снят с должности; после Октябрьского переворота в Архангельске; в 1919 эмигрировал, взяв с собой французские субсидии. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В 1938 выступил защитником на процессе Н.В. Плевицкой. Скончался в США.

Фомин Нил Валерианович (ок. 1890–1918). Родился в семье ремесленника. Учился в Петербургском университете. Публицист. Член ПСР. Председатель правления Сибирского кооперативного союза «Закупсбыт». Избран во Всероссийское учредительное собрание по списку социалистов-революционеров от Енисейской губернии. После его роспуска вернулся в Сибирь и принял участие в нелегальной работе по подготовке свержения большевиков. Выполнял поручения Временного Сибирского правительства в качестве представителя на местах, уполномоченного при чехословацком соединении, возглавлявшимся генерал-майором Р. Гайдой. Участник Уфимского государственного совещания и Съезда членов Всероссийского учредительного собрания (избран в Исполком съезда). Вел переговоры с Гайдой о прекращении преследования В.М. Чернова, избежавшего благодаря этому повторного ареста. После государственного переворота адмирала А.В. Колчака (ноябрь) выехал в Уфу, затем в Челябинск, выступая с протестами против колчаковцев и в защиту Директории. Арестован и заключен в Омскую тюрьму. 23 ноября вывезен из нее и убит офицерами тюремной охраны.

Фондаминский Илья Исидорович (парт. и лит. псевдоним Бунаков) (1880–1942). Родился в семье купца I гильдии. Его старший брат Матвей, бывший народовольцем, стал для него объектом поклонения и подражания. С 1900 учился в Германии, где входил в дружеский кружок, из которого впоследствии вышло несколько видных деятелей ПСР (А.Р. Гоц, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов). В конце 1904, вернувшись в Россию, вошел в Московский комитет ПСР, в сентяб-

ре 1905 был арестован, но 18 октября освобожден из Таганской тюрьмы толпой. Был кооптирован в ЦК, переехал в Петербург, но в дни Декабрьского вооруженного восстания находился в Москве и представлял ее (вместе с другими комитетчиками) на I съезде ПСР. И до этого и после выступал с докладами на собраниях и митингах во многих городах России – Петербурге, Москве, Курске, Твери, Нижнем Новгороде, Вологде, Казани, Самаре, Саратове и др. В июле был арестован на восставшем крейсере Балтийского флота «Памяти Азова», куда он прибыл вместе с еще двумя эсерами для руководства восстанием (к их прибытию на крейсере произошел переворот и они были схвачены). Вопреки ожиданиям суровой кары, на суде был оправдан и эмигрировал. В 1909–1911 член Заграничной Делегации ЦК, являлся кассиром партии, представителем БО за границей, принимал участие во всевозможных третейских разбирательствах и т.д. В 1912 являлся одним из редакторов журнала «Почин», а в 1915–1916 – журнала «Призыв», отстаивавшего последовательно «оборонческие» позиции. После Февраля 1917 избран на III съезде ПСР в члены ЦК, а также являлся членом редакции «Дела народа», товарищем председателя Совета крестьянских депутатов, комиссаром Черноморского флота. Принадлежал к правой части руководства ПСР, выступая за коалицию с буржуазными партиями, за что не был избран в состав ЦК ПСР на IV съезде ПСР. Активно выступил против большевистского переворота, с весны 1918 член «Союза возрождения России» и в качестве его делегата участвовал в Ясской конференции, допускал возможность иностранной интервенции. В апреле 1919 эмигрировал во Францию, где входил в состав местной эсеровской группы, придерживавшейся правых позиций. С 1920 входил в редакцию журнала «Современные записки», на страницах которого активно печатался. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело было выделено в связи с нахождением обвиняемого за границей. Погиб в фашистском концлагере.

Фор Поль (1878–1960). В 1901 вступил в Рабочую партию, во время I мировой войны входил в пацифистское крыло Социалистической партии. В 1920–1940 Генеральный секретарь Социалистической партии и главный редактор ее газеты «Le Populaire» (до 1928). В 1936–1938 министр. После капитуляции Франции перед фашистской Германией голосовал за предоставление неограниченных полномочий А. Петену, за что в 1944 был исключен из Социалистической партии. В том же году основал Демократическую социалистическую партию.

Франс Анатоль (Анатоль Франсуа Тибо) (1844–1924). Французский писатель, автор романов «Преступление Сильвестра Боннара» (1881), «Суждения господина Жерома Куаньяра» (1893), «Таис» (1890), серии «Современная история» (1897–1901), «Остров пингвинов» (1908), «Восстание ангелов» (1914), «Боги жаждут» (1914). В 1921 получил Нобелевскую премию.

Фроссар Луи Оскар (1889–1946). По профессии учитель. Член Французской социалистической партии с 1905 (и в 1924–1935), в 1918–1920 ее генеральный секретарь. В 1920 участвовал во II конгрессе Коминтерна. Генеральный секретарь французской компартии с момента ее образования до ноября 1922. В 1923 вышел из ФКП, став одним из основателей Социалистического коммунистического союза. В 1928–1940 депутат парламента, в 1936–1940 министр в различных правительствах. Во время второй мировой войны член Национального совета А. Петена. В конце войны отошел от политической деятельности.

Фрунзе Михаил Васильевич (1885–1925). Из мещан, сын фельдшера. Член РСДРП с 1904. Неоднократно арестовывался и ссылался, дважды приговаривался к смертной казни, замененной 10-летней каторгой. Депутат Учредительного собрания от большевиков Владимирской губ. В годы гражданской командовал войсками на Туркестанском и Южном фронтах, руководил разгромом повстанческой армии Н.И. Махно. В 1924–1925 зам. председателя РВС и председатель РВС СССР, зам. наркома и нарком по военным и морским делам. С 1921 член ЦК РКП(б), с 1924 кандидат в члены Политбюро. Умер после операции язвы желудка.

Халатов Арташес Багратович (1894–1938). Большевик, член РСДРП(б) с июля 1917, в августе 1917 член президиума Замоскворецкого райсовета от большевиков, в октябре 1917 работник замоскворецкого ВРК, затем с начала 1918 комиссар Москвы по продовольствию и транспорту. В 1918–1922 на государственной и научной работе, член ВЦИК и ЦИК СССР.

Ховрин Александр Алексеевич (1877 – после 1933). Потомственный дворянин. Родился в семье чиновника. Во время учебы на математическом отделении Московского университета (1896–1899) неоднократно задерживался полицией и находился в заключении в Московской центральной пересыльной тюрьме за участие в студенческом антиправительственном движении и работе «Московского союзного совета». Весной 1899 отчислен из университета без права восстановления. Арестован в январе 1902 в Москве по обвинению в подготовке назначенной на февраль политической демонстрации. Согласно постановлению Особого совещания от 7 марта 1902 подвергнут высылке под гласный надзор полиции в Восточную Сибирь на 4 года. По высочайшему повелению от 13 сентября и 5 декабря 1902 получил разрешение переехать в Европейскую Россию. Решением Особого совещания от 20 февраля 1904 ему было воспрещено, по освобождении от надзора, жительство в Москве в течении одного года. В июне 1905 привлекался Московским губернским жандармским управлением к дознанию по делу «о заготовлении Московским комитетом Партии социалистов-революционеров оружия для террористических актов и вооруженного восстания» (дело прекращено по высочайшему указу от 21 октября 1905). По сведениям Московского охранного отделения, в 1906 состоял членом Московского областного комитета ПСР по военно-технической организации, заведующим пропагандой в военной среде. В том же году кооптирован в Центральный комитет партии (по другим данным, избран на 5 Совете партии, состоявшемся в мае 1909), являясь представителем летучей боевой организации Областного комитета Центрального района, приведшей в исполнение покушение 30 октября 1906 на жизнь московского градоначальника и убийство 9 декабря 1906 в Твери генерал-адъютанта графа А.П. Игнатьева. В 1907 выслан под гласный надзор полиции в Туруханский край Енисейской губернии на 5 лет. 10 июля 1907 бежал с места высылки. Нелегально проживая в Севастополе, возглавлял «Летучий боевой отряд Южной области». В 1920–1921 несколько раз арестовывался и освобождался. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В 1932 отбывал срок в Суздальском политизоляторе; в 1933 отправлен в ссылку. Умер на этапе

Ходоровский И.И. (1885–1940). Член РСДРП с 1903, большевик. В 1903–1906 член Николаевского комитета, в 1907–1911 работал в партийных организациях Москвы. Подвергался арестам. В октябре 1917 участник восстания в Москве. В 1918–1919 начальник политотдела и член реввоенсовета Южного фронта. В 1919–1920 председатель Казанского, затем Тульского губисполкомов, секретарь Сиббюро ЦК РКП(б). В 1922–1928 зам. наркома просвещения.

Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937). Окончил Николаевское инженерное училище. С 1903 управляющий КВЖД. В 1918 провозгласил себя «временным правителем» и организовал на станции Гродеково «всероссийское правительство», не обладавшее реальной властью. Представитель адмирала А.В. Колчака в Маньчжурии. Падение его власти в Харбине произошло в марте 1920.

Хотимский В.И. (1892–1939). Член Коммунистической партии с 1918 с перерывом в 1927–1930 по болезни. Ранее состоял в ПСР. С 1918 на партийной работе в Донбассе, Сибири и на Дальнем Востоке. Позднее занимался научно-издательской и преподавательской деятельностью – экономист.

Цейтлин Михаил Соломонович (1887 (по др. данным 1890) – 1937). Из мещан. Окончил Московский университет (1911). Частный учитель. Член ПСР с 1904. Доизбран в ЦК ПСР на 9 Совете партии (июнь 1919). Арестован 23.06.1920 как руководящий работник партии эсеров, содержался в Бутырской и Ярославской тюрьмах. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в спи-

сок эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. В марте–апреле 1922 содержался во Внутренней тюрьме. 2 октября 1922 подвергся избиению, на следующий день объявил голодовку. В ноябре 1922 переведен в Бутырскую тюрьму. В 1923 в Соловецком лагере особого назначения (СЛООН), был старостой на Анзере. В 1925–1928 – в ссылке в Усть-Цильме. С 1928 – в Вятке. В 1932 был в ссылке в Томске. В июне 1932 получил еще 5 лет ссылки в Биробиджан. Весной 1933 переведен в Минусинск. Затем переехал в Томск, где был арестован в январе 1937. Этапирован в Новосибирск. Полгода не давал показаний. Расстрелян в Новосибирске в августе 1937.

Цеткин Клара (1857–1933). Из семьи сельского учителя, во время учебы в Лейпциге познакомилась, а позже вышла замуж за русского революционера Осипа Цеткина. В 1881 вступила в германскую социал-демократическую партию. С 1882 по 1890 находилась в эмиграции и принимала участие в социалистическом движении ряда европейских стран. Участница всех конгрессов II Интернационала и секретарь Международного женского секретариата. В годы I мировой войны заняла интернационалистические позиции и являлась одним из создателей «Союза Спартака», затем член ЦК Независимой с.-д. партии Германии. В 1919 вступила в КПГ и стала членом ее ЦК. С 1921 состояла членом Исполкома Коминтерна, Президиума ИККИ.

Цюрупа Александр Дмитриевич (1870–1928). Член РСДРП с 1898. С 25.04.1923 – член ЦК партии. 29.12.1921–08.05.1928 член Президиума ВЦИК–ЦИК СССР. 05.12.1921–08.05.1928 заместитель председателя СНК РСФСР–СССР. 25.02.1918–12.12.1921 народный комиссар продовольствия. 25.04.1922–06.07.1923 народный комиссар РКИ. В 1921–1925 заместитель председателя СТО. В 1923 – председатель Госплана СССР. 18.11.1925–16.01.1926 народный комиссар внешней и внутренней торговли СССР.

Чайкин Вадим Афанасьевич (1886–1941). Из крестьян. Образование получил самостоятельно. Член ПСР с 1903. На IV съезде ПСР (ноябрь–декабрь 1917) избран в ЦК. Возглавлял в ЦК национальную комиссию. Избран в Учредительное собрание от Ферганского избирательного округа. Из Петрограда выехал в начале 1918. Работал на Украине, Кавказе и в различных городах России по организации спасения Туркестана от голода. В ноябре 1918 вышел из ЦК. В феврале–марте 1919 расследовал по своей инициативе обстоятельства расстрела английскими интервентами и представителями Закаспийского временного правительства 26 бакинских комиссаров (в ночь на 20 сентября 1918). Подробности расстрела сообщил Чайкину, как члену ЦК ПСР, товарищ по партии, председатель Закаспийского временного правительства, рабочий-железнодорожник Ф.А. Фунтиков. Партия эсеров как организация отношения к расстрелу не имела. Результаты расследования Чайкин опубликовал в бакинских газетах (11–12 марта 1919) и «Известиях ВЦИК» (25 июля 1920), а затем в книге «К истории российской революции» (Москва, 1922, вып. 1), в которой изложил собственную версию рассказа Фунтикова). В 1925 последовал арест Фунтикова. Он был осужден и расстрелян в следующем году. Обвинительное заключение основывалось на приведенных в книге данных. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На допросе в ГПУ 29 мая 1922 показал: «Я, по мотивам общественно-политическим и этическим, предпочитаю давать свои показания (как в плоскости заявленных мне, так и всех иных вопросов, могущих, по ходу процесса ПСР, возникнуть на суде) непосредственно на суде, в присутствии тех лиц, к интересам которых, – общественным и личным, – мои показания или иные сведения, представляющиеся с моей точки зрения общественно-необходимыми к сообщению, – прямо или косвенно могут относиться» (ЦА ФСБ РФ. Н-1789. Т. 18. Л. 147 об.). По обвинению в контрреволюционной деятельности отправлен на поселение в конце 1920-х годов. В 1938 арестован и направлен в Орловский политизолятор. Расстрелян во время эвакуации Орловской тюрьмы в Медведевском лесу (под Орлом) 11 сентября 1941.

Чайковский Николай Васильевич (1850–1926). Из дворян, в 1868–1878 учился в Петербургском университете и участвовал в студенческом движении.

С весны 1869 член студенческого кружка М.А. Натансона, позже получившего известность как «кружок чайковцев». До 1874 активно занимался революционной работой, дважды арестовывался, но разгром «хождения в народ» заставил его усомниться в верности выбранного пути. В конце 1874 он эмигрировал в Европу, затем два года провел в общине «богочеловеков» в САСШ, после этого работал чернорабочим, плотником, год был в религиозной общине «шеккеров», после чего в 1879 вновь вернулся в Европу. С 1880 обосновался в Лондоне, где принял активное участие в английском профсоюзном и кооперативном движении. В 1889 способствовал организации «Общества друзей русской свободы», в 1891 один из учредителей Комитета Фонда вольной русской прессы, редактор издаваемых Фондом «Летучих листков». В эти годы тяготел к анархизму, который не изжил и к моменту создания в 1900 Аграрно-социалистической лиги (стал ее секретарем-распорядителем) и создания ПСР. В 1904–1905 член Заграничного комитета ПСР и член ее ЦК, занимался постановкой транспортов литературы и оружия в Россию. В конце 1905 вернулся в Россию, участвовал в работе I съезда ПСР, в 1906 и 1907 выезжал в САСШ для сбора денег и организации общественной поддержки. Летом 1907 предложил ЦК ПСР план развертывания крупномасштабного партизанского движения в некоторых районах России, для чего привез американского инструктора – участника гражданской войны. Скептическое отношение ЦК ПСР к этому плану и конфликты ЦК с коллективом Военного бюро, к которому Чайковский был близок, привели к обострению отношений последнего с ЦК. В ноябре 1907 он был арестован и почти год содержался в Петропавловской крепости. На процессе, где судили его и Е.К. Брешко-Брешковскую («дедушку и бабушку русской революции») построил свою защиту на отрицании своей принадлежности к ПСР, что вызвало резкое осуждение многих его друзей, высказавшихся в личных письмах к нему. После оправдания легализовался и принял участие в кооперативном движении, публично заявив, что пришло время не революцией заниматься, а «капусту садить». Все это открыло ему дорогу к эсерам и он сблизился с энесами и трудовиками. После Февраля 1917 занимал ряд видных государственных и общественных постов, а также являлся членом ЦК ТНСП. После Октябрьского переворота член «Комитета спасения родины и революции», один из организаторов «Союза возрождения России». С августа 1918 член, а затем и глава архангельского правительства – «Верховного управления Северной области». В 1919 член Политического совещания (затем Русская Делегация при Версальской мирной конференции), в 1920 член Южно-Русского правительства А.И. Деникина. В этом же году эмигрировал. В 1920 был заочно приговорен большевиками к смертной казни. В 1921 инициатор и руководитель конспиративной организации «Центр действия», цель которой виделась в интеграции антибольшевистского движения внутри России. Участник Парижского совещания бывших членов Учредительного собрания в качестве представителя ТНСП.

Чернов Виктор Михайлович (1873–1952). Из дворян, один из создателей и лидеров ПСР, главный ее теоретик, участник всех ее съездов и член ЦК (кроме периода 1909–1916). После Февраля 1917 министр земледелия в коалиционном Временном правительстве, тов. председателя ВЦИКа и почетный председатель ЦИК Совета крестьянских депутатов, выступал за создание однородного социалистического правительства без кадетов, но в руководстве ПСР оказался по этому вопросу в меньшинстве. После октябрьского переворота пытался поднять войска Западного фронта против большевиков, но затем придерживался осторожной тактики, высказываясь против развертывания террора и вооруженной демонстрации в поддержку Учредительного собрания. После разгона Учредительного собрания, на котором был избран его председателем, вел партийную работу в Москве, затем отправился за Волгу. Сторонник тактики борьбы на два фронта и «третьей силы», расценил создание Директории как поражение демократии, но не был поддержан в этом другими членами ЦК. После колчаковского переворота арестован, но при содействии чехословацких легионеров освобожден и позже занимался в Москве партийной работой, находясь на нелегальном положении. В сентябре 1920 эмигрировал и редактировал журнал «Революционная Россия», член Заграничной Делегации. Придерживался левоцентристских позиций, но выступил против решения ЦК ПСР об исключении из партии Н.Д. Авксентьева и И.И. Фондаминского, а также принял участие в работе эсеров-

ской фракции на частном совещании членов Учредительного собрания в январе 1921. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей.

Чернов Осип Иванович (1880–?). Крестьянин, кооператор. В 1907 примкнул к ПСР, был сослан в Сибирь. Активный участник сибирского кооперативного движения. В начале 1921 с мандатом Сибревкома прибыл в Москву, где в январе 1921 встречался с В.И. Лениным. В феврале того же года опубликовал в газете «Беднота» статью «Взгляды на сибирское крестьянство как на социальный элемент», где содержалось предложение о введении продналога вместо продразверстки. Позднее работал инструктором сельхозкооперации в Нижегородской губернии. Дальнейшая судьба неизвестна.

Чистосердов Алексей Петрович (1889–?). В ПСР с 1908. По обвинению в принадлежности к партии эсеров отправлен в административную ссылку (1909). Студент Коммерческого института (Москва). Член Областного железнодорожного бюро партии эсеров. 23.03.1920 арестован в Москве. Находился в Бутырской тюрьме. 12.08.1920 отправлен в Ярославскую тюрьму. 09.03.1921 возвращен в Москву. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17.05.1922 сослан в Ташкент. В марте 1926 подвергнут тюремному заключению. Дальнейшая судьба неизвестна.

Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936). Из дворян, член РСДРП с 1905. С начала 1918 заместитель наркома иностранных дел, с 30 мая 1918 нарком иностранных дел (до 1930). Член ВЦИК и ЦИК СССР. С 1930 – на пенсии.

Чубарь Влас Яковлевич (1891–1939). Член РСДРП с 1907. После Октября 1917 член Совета рабочего контроля, участвовал в создании ВСНХ, член его Президиума до 1923, с 1920 член Ревкома УССР, председатель Президиума ВСНХ УССР. На X съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК, с 1922 член ЦК, в 1935–1938 член Политбюро. Репрессирован. В 1955 реабилитирован и восстановлен в партии.

Шейдеман Филипп (1865–1939). Один из руководителей Социал-демократической партии Германии; член правления с 1911. В ноябре 1918 – феврале 1919 председатель (вместе с Ф. Эбертом) Совета уполномоченных; в феврале–июне 1919 глава правительства.

Шестаков Всеволод Петрович (1895–1938). Член МК ПСР (1918–1919). Осенью 1920 кооптирован в ЦК партии. После октябрьского переворота 1917 работал в Московском обществе потребительской кооперации. В апреле 1921 арестован в Москве «как член ЦК ПСР» и «осужден за контрреволюционную деятельность». 26.04.1921 направлен в Ярославскую тюрьму. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 17.05.1922 переведен в Бутырскую тюрьму. На процессе выступал свидетелем защиты. 23.02.1923 отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. В 1925 переведен в Тобольский политизолятор. В 1926–1938 на поселении в Перми, Усть-Сысольске и Воронеже. Умер в ссылке.

Шишкин Василий Данилович (1896 (по др. данным 1895)–?). Художник. Студент Академии прикладных искусств (Москва). Член ПСР. Заведующий типографией ЦК партии эсеров. Арестован 26.03.1920. Находился в заключении в Бутырской тюрьме. 12.08.1920 переведен в Ярославскую тюрьму. Возвращен в Бутырскую тюрьму 09.03.1921. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. 15.09.1922 приговорен к ВМН за хранение паспортного нелегального бюро и создание подпольной типографии. Отправлен в политический изолятор. С 1929 – в Верхне-Уральском политизоляторе. В 1929 отправлен в Челябинский исправительный дом. В 1932 – в ссылке в г. Обдорск-Березов.

Шляпников Александр Гаврилович (1885–1937). Из семьи ремесленника. Токарь по металлу. Социал-демократическую работу вел с 1903. Несколько раз арестовывался, с 1908 в эмиграции. В апреле 1914 вернулся в Россию с паспор-

том на имя французского гражданина. В сентябре того же года выехал в Швецию по партийному заданию, в сентябре 1915 кооптирован в состав ЦК. С ноября 1916 в Петрограде. В феврале 1917 избран в Исполком Петросовета. Делегат I и II съездов Советов, нарком труда в составе первого Советского правительства. Разделяя позицию наркомов, выступавших за однородное социалистическое правительство, остался на своем посту и одновременно до 15 января 1918 исполнял обязанности наркома торговли и промышленности. На VII съезде РКП(б) избран кандидатом в члены ЦК. Накануне X съезда был одним из лидеров «рабочей оппозиции». В 1933 исключен из партии и выслан на Кольский полуостров; через несколько месяцев ему было разрешено вернуться в Москву без предоставления работы. После убийства С.М. Кирова арестован по обвинению в принадлежности к подпольной контрреволюционной группе «рабочей оппозиции» и приговорен к лишению свободы на 5 лет, которые отбывал в Бутырской тюрьме и Верхнеуральском политизоляторе (в декабре 1935 тюремное заключение было заменено ссылкой в Астрахань). В мае 1937 арестован, в сентябре расстрелян. Реабилитирован 31.01.1963.

Шмераль Богумир (1880–1941). Деятель чехословацкого и международного коммунистического движения, один из основателей Компартии Чехословакии. В 1921–1929 и с 1935 – член Исполкома Коминтерна.

Шмерлинг-Волин Владимир Григорьевич (ок. 1887–?). Сын врача. Окончил юридический факультет Московского университета (1907). Присяжный поверенный, журналист и артист. Член ПСР с 1905. При самодержавии по обвинению в принадлежности к партии эсеров был арестован и около года находился в тюремном заключении. С 1909 занимался адвокатурой и журналистикой (сотрудник театральных московских газет и газеты «Столичная Москва»). В марте–октябре 1917 входил в Исполком солдатской секции Московского Совета РСД от ПСР. Член МК ПСР и его органа – газеты «Труд» (март 1917–февраль 1918). В дни большевистского восстания в Москве (октябрь–ноябрь 1917) работал в Следственной комиссии городской думы по разбору дел арестованных городской думой сторонников Военно-революционного комитета. С декабря 1918 по октябрь 1919 служил в Московском обществе потребительской кооперации, заведовал театрально-художественным отделом; сотрудничал в газете «Кооперация». В октябре 1919 арестован МЧК как эсер; освобожден через полтора месяца. Повторно арестован в марте 1920. Освобожден в декабре, после чего работал в театре Корш членом литературно-репертуарного комитета. Во время массовой операции ВЧК по ПСР в марте 1921 скрылся и проживал нелегально. Арестован СО ВЧК 21.04.1921 засадой в квартире члена ЦК ПСР В.П. Шестакова, содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Шоу Джордж Бернард (1856–1950). Английский писатель. Один из учредителей Фабианского общества. Лауреат Нобелевской премии (1925).

Шрейдер Григорий Ильич (1860–1940). Родился в купеческой семье. Окончил юридический факультет Харьковского университета. Сотрудничал в газетах «Днепр» (Киев), «Юг» (Херсон) и «Южный край» (Харьков); член Союза взаимопомощи русских писателей. Издатель и главный редактор «Экономической газеты» и газеты «Сын Отечества» (Петербург) (1904–1905). Подвергался арестам и тюремному заключению за революционную деятельность; находился под особым надзором полиции. Во время I мировой войны занимал оборонческие позиции. В июне–октябре 1917 городской голова Петрограда. В сентябре избран членом Временного совета Российской республики (Предпарламента). Участвовал в создании в ночь на 26 октября в Петрограде «Комитета спасения родины и революции». В ноябре избран в Учредительное собрание. Организатор образованного летом 1918 в Екатеринодаре «Юго-восточного комитета членов Учредительного собрания». В конце 1919 выехал за границу. Член Инициативной группы «Внепартийного объединения» (1920–1922). 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Дело выделено за нахождением за границей. В январе 1923 решением ен-

трального бюро партии эсеров утвержден кандидатом в члены Заграничной делегации ЦК ПСР. С апреля 1925 член делегации.

Шрейдер Д. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Штерин Яков Исаакович (1896–1938). Член ПСР. Сотрудник нормировочного отдела ВЦСПС. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. На 10-м Совете ПСР (август 1921) избран в Центральное бюро партии. Проходил по делу бакинских и закавказских эсеров, которое слушалось в Верховном ревтрибунале Азербайджанской ССР с 1 по 9 декабря 1922 в Баку. Обвинялся в участии в работе 10 Совета ПСР, где представлял Бакинскую партийную организацию. Приговорен к 5 годам заключения. 01.08.1937 повторно арестован. Находился в Ярославской тюрьме. 04.10.1938 расстрелян. Реабилитирован 17.09.1957.

Шубин Петр Адамович (1878–1937). Адвокат Л.В. Коноплевой и Г.И. Семенова на процессе.

Щастный Алексей Михайлович (1881–1918). Российский военно-морской деятель. Капитан 1-го ранга (1917). Закончил Морской кадетский корпус (1901), Минный офицерский класс (1905). Служил на кораблях Балтийского флота, с 1903 – на крейсере «Диана» эскадры Тихого океана. Участник обороны Порт-Артура и сражения в Желтом море во время русско-японской войны. В 1905 командовал миноносцем № 217. В 1907–1908 2-й минный офицер штаба начальника Учебно-минного отряда Балтийского флота, одновременно преподавал курс радиотелеграфирования в Мишном классе. Руководил установкой береговых радиостанций на Каспийском море в 1908–1911. В 1909–1912 занимал штатную должность 2-го флагманского минного офицера штаба начальника Соединенных отрядов, затем Действующего флота Балтийского моря. В 1912 назначен постоянным членом от Морского министерства в Международном радиотехническом комитете. Звание капитана 2-го ранга присвоено в 1913 за отличие по службе. С 1914 старший офицер линкора «Полтава», в 1916–1917 командовал эсминцем «Пограничник». В последующем служил офицером для поручений при начальнике штаба Балтийского флота. С июня 1917 флаг-капитан по распорядительной части штаба флота, с декабря – флаг-капитан по оперативной части Военного отдела Центробалта. С конца марта 1918 исполнял обязанности начальника Морских сил Балтийского моря. Руководил спасением флота и организацией вывода кораблей из портов Финляндии в Кронштадт и Петроград в марте–мае 1918 (Ледовый поход). Предпринял меры по повышению боевой готовности и воинской дисциплины. За критику некавалифицированных распоряжений высшего военно-политического руководства по инициативе Л.Д. Троцкого и при попустительстве Ф.Ф. Раскольникова 27 мая 1918 арестован по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности. 21 июня осужден Ревтрибуналом при ВЦИК и расстрелян, став одной из первых жертв «красного террора».

Шукин Иван Николаевич (ок. 1880–?). Из потомственных дворян – сын профессора Петроградского Технологического института. Окончил физико-математический (1904) и юридический (1910) факультеты Петербургского университета, и философский факультет Лейпцигского университета (1908). Член ПСР с 1917. В 1910–1915 присяжный поверенный в Петербурге и Варшаве. Юрисконсульт Привислянской (1915–1917) и Подольской (1915–1918) железных дорог. В марте 1917 – январе 1918 лектор Земпросвета и член Исполкома Прокуровского Совета РиСД. В январе 1918 переехал из Киева в Москву. Работал делопроизводителем Совета (январь–апрель). С апреля на работе в Центросоюзе, Кустарсбыте, Артель-банке и Главкустпроме инструктором, лектором и заведующим разными подотделами. Арестован в марте 1921 3-м отделением СО ВЧК как участник собрания кооператоров, посвященного памяти умершего эсера и кооператора А.А. Николаева. Освобожден через месяц. Вновь арестован СО ВЧК 2 августа 1921 на основании агентурных сведений, что И.Н. Шукин активно работал в московской организации ПСР. Содержался в Бутырской тюрьме. 24 февраля 1922 Президиумом ГПУ был включен в список эсеров, которым в связи

с организацией процесса по делу ПСР было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности.

Эберлейн Гуго (1887–1944). Немецкий коммунист. В марте 1922 – июле 1938 член Исполкома Коминтерна. Репрессирован советскими карательными органами.

Эберт Фридрих (1871–1925). Из семьи портного, член СДПГ с 1899, с 1905 был избран в правление партии, а с 1912 депутат рейхстага, где в 1916 возглавил с.-д. фракцию. В ноябре 1918 на посту рейхсканцлера, а в феврале 1919 был избран президентом Германии.

Эйдук А.В. (1896–1938). Член РСДРП с 1903, большевик. После Октября 1917 член армейского комитета и председатель ревтрибунала 5-й армии, уполномоченный Наркомата по военно-морским делам, начальник политотдела 6-й армии. В 1919–1922 член коллегии ВЧК, особоуполномоченный Совета обороны по топливным главам, представитель Советского правительства при АРА. Позднее – на хозяйственной и советской работе.

Эйнштейн Альберт (1879–1955). Физик-теоретик, один из основателей современной физики. Создал частную и общую теорию относительности.

Юленич Николай Николаевич (1862–1933). Один из лидеров белого движения. Родился в дворянской семье. После окончания Академии Генерального штаба (1887) участвовал в военной экспедиции на Памир. Во время русско-японской войны 1904–1905 командовал стрелковым полком. В 1915 произведен в генерал-майоры и назначен главнокомандующим Кавказской армией. В июне 1918 уехал в Финляндию, затем в Эстонию, где участвовал в создании вооруженных антисоветских формирований. В июне 1919 указом Верховного правителя России адмирала А.И. Колчака назначен Главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта. Трижды предпринимал неудачные попытки взять Петроград. После очередного поражения в декабре 1919 под Петроградом отступил в Эстонию, где был интернирован с армией эстонскими властями.

Юдин Иван Степанович (1883–?) Из крестьян. Член ПСР с 1903. До Февральской революции 1917 занимался партийной работой и деятельностью в кооперации и профсоюзах Сибири; сотрудничал в сибирских газетах и журналах. За принадлежность к партии неоднократно репрессировался: провел в тюрьмах около 7 лет, был дважды в ссылке (Нарымский край, Тобольская губ.). После 1917 избирался председателем Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Исполкома Западносибирского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом Сибирской областной Думы, входил в состав Временного Сибирского правительства. Далее работал в сибирской кооперации. При власти большевиков как член Временного сибирского правительства взят заложником в Хабаровске в 1918. В феврале 1920 повторно арестован в Омске по обвинению в организации Сибирского Крестьянского Союза, освобожден в марте 1922. 25 февраля 1922 вышел из рядов ПСР, опубликовав заявление об этом в печати. В связи с подготовкой процесса его дело было выделено в особое производство по контрреволюции в Сибири. На процессе выступал свидетелем, поддерживавшим обвинение.

Юрнев (Кротовский) Константин Константинович (1888–1938). Из рабочих. Образование среднее. Член РСДРП с 1905. В 1913 один из организаторов группы «межрайонцев». После Февраля 1917 член Исполкома Петроградского Совета и член ВЦИК, а после Октябрьского переворота член Петроградского ВРК, член РВС Республики. С 1921 был на дипломатической работе и являлся членом ВЦИК и ЦИК СССР. Полномочный представитель СССР в Германии. Арестован 23.09.1937. Приговорен ВКВС СССР 01.08.1938 к расстрелу по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации, ее финансировании, попытке совершения теракта в отношении Н.И. Ежова. Расстрелян 01.08.1938. Реабилитирован 22.12.1956 ВКВС СССР.

Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938). Родился в семье мелкого ремесленника. Член РСДРП с 1907, занимался партийной работой в Нижнем Новгороде и Петрограде. В 1919–1922 член коллегии Наркомвнешторга, с 11.1919 на руководящей работе в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД. Член ЦК ВКП(б). Кандидат в члены ЦК ВКП(б) (XVI съезд ВКП(б)). Член ЦК ВКП(б) (XVII съезд ВКП(б)). Член ЦИК СССР 4, 5, 6 и 7 созывов. Арестован в 1937. Расстрелян в 1938. Не реабилитирован.

Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич (1896–1938). Член РСДРП с 1913. 31.05.1924–1930 член ЦКК партии, с 01.01.1926 кандидат в члены Президиума ЦКК ВКП(б). С 1930 член ЦК ВКП(б). Член ВЦИК, ЦИК СССР. В 1922–1923 заместитель заведующего Агитпропотделом ЦК РКП(б), 1923–1924 заведующий отделом печати ЦК РКП(б), одновременно редактор «Крестьянской газеты», затем газеты «Беднота». В 1929–1934 нарком земледелия СССР. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней (Мейт-Иуда) Израилевич) (1878–1943). Член РСДРП с 1898. В 1919–1921 кандидат в члены ЦК РКП(б), 1921–1922, 1939–1943 член ЦК РКП(б)–ВКП(б). В 1921 член Оргбюро ЦК РКП(б), секретарь ЦК РКП(б). 25.04.1923–1934 член Президиума ЦКК партии. В 1924–1934 секретарь Партколлегии ЦКК. Член редколлегии газеты «Правда», журналов «Большевик», «Историк-марксист», «Безбожник», председатель «Союза безбожников». Академик АН СССР (1939).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абезгауз** Д.М., член ПСР – 165, 832
- Абрамов** В., член «Совета управляющих ведомствами» Комуча – 708
- Абрамович** (Рейн) Р.А., член ЦК РСДРП – 31, 548, 554, 608, 677, 753
- Абрикосов**, фабрикант – 64
- Аверкиева** Н.А., жена подсудимого – 88
- Авксентьев** Н.Д., член ЦК ПСР – 17, 31, 41, 96, 98, 138, 143, 164, 280, 342, 353, 354, 409, 410, 421, 438, 443, 483, 501, 569, 619, 638, 656–658, 663, 665, 679, 711–714, 734, 738, 739, 741, 743, 744, 747, 748, 750, 762, 832, 852, 862, 871, 882, 914, 933, 937
- Агапов** В.В., член ПСР – 28, 29, 36, 48, 53, 87, 107, 123, 125, 165, 254, 350, 382, 383, 421, 422, 446, 454, 456, 512, 571, 572, 579, 788, 833
- Агранов** Я.С., особоуполномоченный ГПУ – 27, 28, 43, 45, 46, 49–51, 54, 55, 162, 163, 312, 392, 394, 420–427, 432–434, 436, 443, 444, 447–450, 454–456, 459, 653, 655, 693, 726, 727, 745, 833, 911
- Адамар** Ж., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Адлер** Ф., австрийский социалист, предполагаемый защитник – 221, 478, 481, 484, 671, 678, 727, 754, 834
- Азеф** Е.Ф., член ЦК ПСР, провокатор – 20, 530, 603, 618, 619, 629, 634, 645, 809, 834, 835, 859, 881, 913, 916, 931
- Айзенштадт** (Юдин) И.Л., деятель российского революционного движения – 676
- Акакий**, псевдоним члена ЗД ПСР – 469, 485
- Аксельрод** П.Б., один из лидеров РСДРП – 601, 603, 606, 607
- Акулин**, хозяин квартиры в Тамбове, в которой в сентябре 1920 г. проходило совещание местных эсеров – 843
- Александр II**, российский император – 279, 630, 641, 834, 870
- Александр III**, российский император – 516, 519, 824, 834, 900, 903, 904
- Александров** А., б. член ЦК ПЛСР, член РКП(б) – 675
- Алексеев** М.В., генерал – 744, 883
- Алексеев** – см. Альтовский А.И.
- Алексеев**, свидетель обвинения – 783
- Алексеева** Н.Н., б. член ПСР, свидетельница – 546, 783, 834
- Алексеевский** А.Н., член ПСР – 741
- Алексинский** Г.А., член РСДРП – 692
- Аллеман**, франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Альтовская** М.Н., мать А.И. Альтовского – 834
- Альтовский** А.И., член ПСР – 28, 29, 36, 53, 87, 107, 122, 123, 128, 165, 254, 352, 382, 383, 446, 454, 513, 515, 518, 536, 571, 572, 576, 579, 758, 793, 834
- Альфандери** Ж.П., франц. общественный деятель, участница протестной кампании – 102
- Альфандери** П., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Аммосов** М.К., якутский большевик – 237, 835
- Ананьин-Гусев**, неразысканный обвиняемый – 31
- Андерсон** К.М., директор РГАСПИ – 8
- Андреев** А.А., работник Общего отдела ЦК РКП(б) – 148, 149, 152, 374, 381, 499, 835
- Андреев** Н.А., скульптор – 682
- Андреев** Н.А., левый эсер – 827, 841, 842
- Андреева** А.А., пом. нач. СО ОГПУ – 104, 106, 107, 108, 111, 112, 127, 573, 575, 587, 588, 721, 722, 835
- Анипко** – см. Онипко Ф.М.
- Анненский** Н.Ф., один из лидеров партии народных социалистов – 614

- Аношин Н., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
Анри – см. Виртамен
Антипов, следователь – 876
Антонов, комиссар – 420, 627
Антонов А.С., член ПСР, руководитель восстания в Тамбовской губ. – 404, 660, 835, 843, 887
Антонов-Ашанин Н.М. – см. Ашанин (Антонов) Н.М.
Аптекман О.В., деятель российского революционного движения – 746, 828
Арбузов, нарком гос. типографий – 348
Аргунов А.А., член ЦК ПСР – 31, 426, 452, 633, 656, 657, 665, 711, 734, 741, 742, 746, 747, 832, 835, 895
Арнольд Б., предатель, перешедший на сторону англичан во время американской революции – 560
Аронов, жертва ВЧК–ГПУ – 183
Аронсон Г.Я., член РСДРП – 608
Аросев А.Я., член РКП(б), дипломат, писатель – 780, 836
Артемьев Н.И., член ЦК ПСР – 28, 29, 46–48, 87, 107, 123, 164, 254, 350, 379, 382, 383, 446, 454, 514, 518, 520, 571, 579, 797, 836
Архангельский В.Г., член ЦК ПСР – 31, 164, 734, 741, 836
Архипов, неразысканный обвиняемый – 31, 612, 827
Асеев, писатель – 540, 780
Асквит Г., английский общественный деятель, глава правительства – 857
Астров И.С., кандидат в члены ЦК РСДРП, ссыльный – 456, 837
Астров Н.И., кадет – 656, 658
Аустрин Р.И., нач. 2-го отделения СО ГПУ – 27, 28, 837
Афиани В.Ю., зам. директора РГАНИ – 8
Ашанин (Антонов) Н.М., член ПСР – 166, 837, 849
Ашенбреннер М.Ю., деятель российского революционного движения – 724, 828
Ашмарин, член спецкомиссии при Агитпропе ЦК РКП(б) – 92, 95, 405, 567, 568
Ашуп-Ильзен, член комиссии по переговорам с гетманом Скоропадским – 907
- Бабина Б.А., член ПСР – 17, 18, 637–639
Бабин-Корень Б.В., член ПСР – 18, 32, 637, 640, 746, 837
Баги В., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102
Бадаев А.Е., член большевистской фракции IV Государственной думы – 712
Базаров В.А., социал-демократ «интернационалист» – 757
Бакич А.С., генерал – 237, 680, 838
Балдин, поволжский крестьянин – 803
Балмашев С.В., член ПСР – 618
Бальдези, итальянский социалист – 287, 319
Барбье, капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Барбюс А., франц. писатель, участник протестной кампании – 102
Бард, капитан, сотрудник чрезвычайной миссии при французском посольстве в России – 654
Баре, поручик, сотрудник Французской военной миссии в России – 654
Бауер (Бауэр) О., австрийский социалист – 478, 670, 671
Бауэр Н.А., член ПСР – 37, 165, 464, 730, 838
Бах А.Н., деятель российского революционного движения – 618, 619, 828
Бebelь А., один из основателей и руководителей СДПГ – 705, 838
Бедный Д., советский писатель – 921
Безпалов Н., автор «Исповеди агента ГПУ» – 667, 668
Безсонов – см. Бессонов С.А.
Бейлин А.Е., член ПСР – 166, 456, 838

- Бейлис М., еврей, ложно обвиненный в ритуальном убийстве русского мальчика – 26
- Белецкий В.К.**, член ПСР – 29, 32, 35, 49, 50, 53, 55, 56, 165, 451, 452, 622, 839
- Белимо-Пастернаков Г.А.**, член ПСР – 37, 166, 465, 839, 866
- Белимо-Пастернаков П.А.**, член ПСР – 165, 839
- Белл Т., английский коммунист – 729
- Беловинцев Н.Д., член ПСР – 93
- Белозеров П.Г., член «Совета управляющих ведомствами» Комуца – 708
- Бем А., один из лидеров партии «Крестьянская Россия – трудовая крестьянская партия» – 895
- Бенеш Э.**, премьер-министр Чехословакии – 319, 354, 678, 713, 736, 840
- Бентам И.**, английский философ – 542, 840
- Бенту Н.**, член ПСР – 466, 840
- Бер – см. Гуревич (Бер) Б.Н.
- Бер-Гуревич – см. Гуревич (Бер) Б.Н.
- Берг Е.С.**, член ЦК ПСР – 36, 53, 87, 107, 109, 155, 164, 349, 352, 379, 382, 454, 456, 514, 520–523, 571, 572, 575, 579, 620, 692, 798–800, 840
- Бергман, работник Броневоего отдела Военной комиссии при ЦК ПСР – 616
- Березов Н.Ф., член ПСР – 456, 746
- Березовский Ф.А., работник Сиббюро ЦК РКП(б) – 408
- Берзин Р.И.**, советский военачальник – 514, 529, 546, 808, 825, 840
- Берман Л.В., член ПСР – 32, 33
- Берман П., деятель российского революционного движения – 676
- Бернштейн Э., немецкий социалист – 485, 486, 665, 705
- Бертгауэр, адвокат В.М. Чернова на процессе против б. редактора берлинской газеты «Новый мир» К. Керстена
- Бертелло Ф., секретарь МИД Франции – 353, 354
- Бессонов С.А., амнистированный обвиняемый – 32, 37, 129
- Бианки, прапорщик, пом. руководителя Окружного отдела Военной комиссии при ЦК ПСР – 31, 612, 616
- Бибергаль А.Н., деятель российского революционного движения – 828
- Биде Г.П., капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Билит Б.Г., член ПСР – 619
- Бищенко А.А.**, б. член ЦК ПЛСР, член РКП(б), защитница обвиняемых 2-й группы – 92, 405, 431, 544, 545, 674, 675, 804, 830, 840
- Блинин**, член ПСР – 165, 841
- Блок А.А., русский поэт – 859
- Блох Л.М.**, член ПСР – 166, 841
- Блюменталь М.А.**, член ПСР, неразысканный обвиняемый – 31, 156, 165, 841
- Блюмкин Я.Г.**, б. член ЦК ПЛСР, член РКП(б), участник группы по идеологическому обеспечению процесса – 405, 827, 841, 897
- Блюхер В.К., советский военачальник – 736, 831
- Бобрищев-Пушкин А.В., литератор – 879
- Бобров-Васильев Н.В.** – см. Васильев Н.В.
- Богданова Н.Т., б. член ПСР, жена Г.И. Семенова – 22
- Боголепов Н.П.**, царский министр – 279, 842
- Боголюбов В.П., член ПСР – 732
- Боголюбский А.С.**, член ПСР – 868
- Богораз В.Г.**, деятель российского революционного движения – 559, 614, 842
- Богров Д.Г., анархист – 20, 645, 924
- Бодунова П.А., одна из создателей и руководителей БПСР – 671
- Бокани Д., член КП Венгрии, член ИК МОПРа – 307, 729
- Бокстон, деятель II Интернационала, предполагаемый защитник на процессе – 727, 728

- Болдырев А.К., неразысканный обвиняемый – 31, 612
Болдырев В.Г., генерал-лейтенант, член Уфимской Директории – 657, 658, 734
Бондаренко Е.С., член ПСР – 519, 843
Бонкур П. – см. Поль-Бонкур Ж.
Бонч-Бруевич В.Д., советский партийный и государственный деятель – 157, 397, 615, 843
Борд, сотрудник Франц. военной миссии – 424
Бордига А., итальянский коммунист, член ИККИ – 397, 843
Борель Э., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Борис – см. Рабинович Б.Н.
Борисенко Д.П., член ПСР – 32, 37, 165, 616, 664, 843
Борисов, член комиссии по реорганизации ВЧК и борьбе против меньшевиков, эсеров и анархистов – 161
Борисов, меньшевик, принимавший активное участие в работе Военной комиссии при ЦК ПСР – 31, 613
Борисов Ф.А., отец А.И. Альтовского – 834
Бородулин, начальник Алгачинской тюрьмы – 718
Бочарников М.Г., неразысканный обвиняемый – 31, 746, 843, 844
Брагин (Брагинский), неизвестный, просивший об устройстве встречи с Э. Вандервельде – 265
Браиловский А., член РСДРП – 604
Брамсон Л.М., член Исполнительного бюро Заграничного комитета ТНСП – 615
Брамсон М.В., деятель российского революционного движения – 828
Брандес Г., датский литературовед – 558, 844
Брандлер Г., один из лидеров КП Германии – 85, 86, 313, 315, 728, 844
Брантинг К.Я., шведский социалист, премьер-министр – 476, 754, 844
Брауде В.П., пом. начальника отделения СО ГПУ – 28, 119, 456, 727, 844
Браун – см. Броун-Ракитин М.Я.
Брейтшейд Р., немецкий ученый, участник протестной кампании – 102
Бренер, член «технической тройки» ГПУ – 63
Брешко-Брешковская Е.К., старейший член ПСР – 478, 479, 557, 558, 705, 741–743, 845, 888, 914, 937
Бриан А., франц. политический деятель, премьер-министр – 319, 353, 845
Бризон П., франц. социалист – 538, 845
Брикс К., один из основателей датской соц.-дем. партии – 671
Бродовский С.И., советник полпреда РСФСР в Германии – 300
Броун (Браун)-Ракитин М.Я., б. член ПСР, член РКП(б), свидетель на процессе – 32, 37, 165, 342, 344, 478, 783, 845
Брудерер А.А., член ПСР – 31, 165, 501, 761, 846
Брукер де, иностранный социалист – 727
Брунвиг Л., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102
Бруншвиг Ж., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Брусилов А.А., генерал – 857
Брусинин, член ПСР – 165, 846
Брушвит И.М., член ПСР – 31, 98, 99, 165, 354, 428, 442, 443, 679, 708, 709, 713, 714, 741, 748, 750, 846
Брюллова-Шаскольская Н.В., член ПСР – 31, 846
Брюсов В.Я., русский поэт – 859
Буаяр, капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Бубнов А.С., зав. агитпропом ЦК РКП(б) – 92, 312, 397, 567–569, 846
Бува Л. – см. Bouvat L.
Булат А.А., член ПСР – 741
Бунаков – см. Фондаминский И.И.

- Буракова** М.Н., технический секретарь Политбюро ЦК РКП(б) – 167, 173, 215, 217, 249, 305, 309, 547, 846
- Буревой** К.С., б. член ЦК ПСР, свидетель – 32, 34–36, 164, 185, 420–423, 426, 435, 525, 609, 610, 619, 627, 628, 630, 638, 663, 667, 668, 710, 745, 746, 802, 847, 912
- Бурцев В.Л., российский публицист, «охотник за провокаторами» – 634
- Бутов П.А., управделами председателя РВС – 312
- Бухарин** Н.И., кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б), защитник обвиняемых 2-й группы – 20, 65, 72, 75, 76, 80, 82, 83, 90, 118, 212–214, 219, 231, 239, 255, 298, 305–308, 316, 324, 380, 395–398, 406, 466, 495, 500, 503, 506, 508, 511–513, 526, 534–538, 540, 542, 553, 554, 572, 642, 682, 683, 686, 687, 689, 693, 707, 731, 763, 766, 768, 771, 775, 779–784, 786, 787, 790, 795, 804, 805, 813, 830, 847, 908, 921
- Бухтер** Ф.О., член ПСР – 166, 848
- Быков, сотрудник Верховного трибунала – 7
- Быков В.П., член бюро эсеровской фракции Учредительного собрания – 734
- Быков-Адамович К., член РСДРП, меньшевик – 604
- Былинкин А.С., член «Совета управляющих ведомствами» Комуча – 708
- Быховский** Н.Я., член ЦК ПСР – 164, 848
- Бюзе М., бельгийский социалист – 670
- Вагнер, свидетель – 696
- Вайнштейн** С.Л., член РСДРП, предполагаемый защитник на процессе – 54, 273, 274, 331, 350, 468, 731, 849
- Вакулин**, начальник эсеровской Московско-заставской боевой дружины – 31, 165, 621, 623, 849
- Вакье, капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Вальхер – см. Гордон Г.
- Ван Акер А., бельгийский социалист – 670
- Ван-де-Валле Ф., секретарь Конфедерации голландских синдикатов – 207
- Ван Кол Г., один из руководителей социал-демократической рабочей партии Нидерландов – 669
- Вандервельде** Э., бельгийский социалист, общественный защитник на процессе – 39, 55, 62, 64, 67, 71, 72, 85, 99, 113, 132, 199, 203, 226–236, 238, 241, 242, 244, 245, 247, 253, 257, 258, 260–262, 264–269, 272–277, 287, 288, 293, 305, 316, 319, 321, 331, 411, 415, 417, 418, 455, 459, 474, 478, 485, 495, 512, 548, 552–554, 560, 561, 563, 589, 670, 682, 684–687, 727, 728, 731, 754, 848, 910
- «Вано», корреспондент В.М. Зензинова – 99, 100
- Ван Рос Брэк – см. Van Ross Broek
- Ванштейн – см. Вайнштейн С.Л.
- Вардин** И.В., член агитационной «тройки» ЦК РКП(б) – 10, 20, 193, 239, 290, 312, 393, 394, 401–405, 412–414, 418, 419, 489, 490, 493, 553, 728, 730, 755, 849
- Варламонт Де, сотрудник специальной миссии при посольстве Франции в России – 654
- Варт – см. Вирт К.Й.
- Вартгер, защитник К. Керстена на процессе против него по иску В.М. Чернова – 665
- Василевский И. (Не-Буква), русский литератор – 879
- Васильев, член РСДРП – 783
- Васильев, обвинитель на суде над бакинскими эсерами – 730
- Васильев (Дигамма) И., деятель «Народной Воли» – 559
- Васильев** Н.В., член ПСР – 166, 842, 849
- Васильевский, сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 214, 398
- Васильченко С., член РСДРП – 604
- Вашингтон** Дж., американский президент – 561, 849
- Вегер В.И., член РКП(б), предполагаемый защитник – 683

- Веденягин** М.А., член ЦК ПСР – 10, 28, 29, 107, 110, 117, 123, 124, 164, 254, 350, 379, 382, 421, 423, 426, 427, 430, 431, 435, 446, 454, 514, 523, 526, 527, 536, 544, 545, 560, 571, 577–580, 628, 630, 665, 688, 708–712, 732, 744, 745, 800, 825, 831, 849
- Вейнер, рабочий – 76
- Вележев, член военной коллегии Сибирского отделения Верховного трибунала – 680
- Веприцкая, стенографистка СНК – 200
- Верковен – см. Werkhoven
- Верховский** А.И., б. член ПСР, преподаватель Академии РККА, свидетель – 32–34, 50, 491, 492, 657, 850
- Ветров, неразысканный обвиняемый – 31
- Взоров, пом. нач. Главного штаба Народной армии Комуча – 732
- Викулин**, член ПСР – 165, 851
- Виленский В.Д., член РКП(б), член старостата Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев – 605
- Виллен Р., убийца Ж. Жореса – 870
- Вильсон В., американский президент – 743
- Винавер М.М., кадет – 739, 833
- Виноградов В.А., кадет – 64, 734
- Виноградов В.К., ведущий инспектор аппарата заместителей директора ФСБ РФ – 8, 12, 640, 642
- Вирт** К.Й., нем. политический деятель – 244, 851, 910
- Виртамен (Виртамон), сотрудник Франц. военной миссии – 424
- Витязев П. (Седенко Ф.И.), участник российского революционного движения – 604
- Води, солдат Франц. военной миссии – 653, 654
- Вишняк** М.В., член ПСР – 31, 143, 165, 663, 679, 713, 734, 739–741, 747, 748, 750, 851, 914
- Вишняк, секретарь Пленума Верховного Суда РСФСР – 575
- Войнов В., рабочий – 640
- Войтинский** В.С., член РСДРП – 9, 21, 22, 26, 41, 101, 255, 588, 589, 831, 852
- Войцеховский С.Н., генерал-лейтенант – 732
- Волин Б.М., ред. газ. «Рабочая Москва» – 179
- Волкенштейн Л.А., деятель российского революционного движения – 725
- Волков Л.Н., сотрудник СО ГПУ – 273, 275, 277
- Вологодский** П.В., б. премьер-министр правительства Колчака, эмигрант – 442, 734, 737, 745, 852
- Володарский** В., член РКП(б) – 21, 24, 39, 43, 46, 48, 49, 52, 75, 77, 156, 164, 167, 168, 170, 171, 175, 176, 178, 190, 191, 193, 256, 269, 278–281, 396, 419, 452, 495, 553, 556, 560, 621–623, 626, 627, 631, 642, 650, 651, 653, 707, 728, 853, 931
- Волховский Ф.В., член ПСР – 888
- Вольский** В.К., член ЦО МПСР – 32, 35, 165, 185, 428, 609–611, 649, 663, 667, 668, 708–711, 731–734, 736, 737, 746, 853, 873, 874
- Воронович** Н.В., полковник – 354, 854
- Ворошилов** К.Е., сов. партийный и государственный деятель – 499, 854, 923
- Вотерс (Уотерс) А., бельгийский социалист, защитник – 55, 71, 231, 233, 235, 237, 241, 242, 245, 259, 260, 262–269, 274, 400, 561, 682, 727, 728, 754
- Врангель** П.Н., генерал-лейтенант – 187, 256, 347, 487, 738, 825, 850, 854, 865
- Высоцкая Н.С., член ЦК ПСР – 713
- Высоцкий, начальник Горно-зерентуйской каторжной тюрьмы – 718, 719
- Высоцкий А.Д., член ПСР – 166, 854
- Высоцкий В.С., поэт – 643

Гавель – см. Герштейн М.Р.

- Гаврилов С.Т., неразысканный обвиняемый – 31
Гавронский Д.О., член ПСР – 165, 713, 734, 741, 748, 854
Гаденгест – см. Гест Л.Х.
Гаден-Гуэст – см. Гест Л.Х.
Гаджинский Д., обвиняемый на процессе над бакинскими эсерами – 730
Гайда Р., чешский генерал-лейтенант, командующий Сибирской армией – 441, 442, 732, 855, 881, 933
Галиффе Г., де, французский генерал – 279, 280, 855
Галкин, нач. Уфимского горотдела ГПУ – 91
Галкин А.В., зам. председателя Верхтриба – 29, 53, 56, 69, 306, 307, 394, 405–407, 446, 447, 677, 726, 855
Галкин Н.А., подполковник артиллерии – 732, 734
Галустян, большевистский партийный работник, публицист – 491
Гальперина А., мать В.В. Сухомлина – 926
Ганецкий Я.С., член коллегии НКВД – 238, 692
Ганжумов, эсер, комендант Обуховского р-на – 31, 155, 178
Гардиш, иностранный социалист – 411
Гнатовский, член ПСР – 31
Гауптманн Г., нем. драматург, писатель – 558, 855
Гвоздь (Гвозд) И.И., эсер-боевик – 31, 156, 165, 622, 623, 649, 650, 885
Гед Ж., руководитель Социалистической партии Франции – 754
Гедеоновский А.В., деятель российского революционного движения – 828
Геллеф П., один из основателей датской соц.-дем. партии – 671
Гельфгот А.П., член ПСР – 37, 164, 464, 746, 855
Гельфер Г., сотрудник Франц. военной миссии – 424, 653, 724
Гельферих К.-Т., немецкий государственный деятель – 253
Гельц М., немецкий коммунист – 120, 568, 570, 723, 829, 830, 855, 856
Гендельман М.Я., член ЦК ПСР – 7, 15, 24, 25, 28, 29, 51, 52, 57, 60, 68, 76, 78, 82, 87, 96, 107, 109, 110, 123, 125, 164, 254, 341, 350, 382, 435, 446, 454, 487, 514, 515, 533, 561, 562, 571, 573, 579, 580, 582, 609, 618, 627, 629, 649, 652, 653, 665, 683, 705, 711, 734, 735, 745, 756, 775, 792, 809, 811–813, 817, 831, 856
Гендерсон (Хендерсон) А., англ. политический деятель – 287, 304, 319, 474, 476, 754, 857
Генкин, начальник УСО ГУГБ НКВД – 31
Генкин И.И., деятель российского революционного движения – 746
Генри, капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Герасимов А.И., генерал – 633
Герлах Г. фон, немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Герман И.Я., член ПСР – 31, 165, 857
Гернштейн – см. Герштейн
Герценштейн М.Я., кадет – 279, 857
Герцман, нач. 2-го отделения СО ГПУ – 446
Гершгорн В.К., член ПСР – 166, 858
Гершевич-Свирская М.Л., член ПСР – 89, 166, 466, 837, 839, 849, 858, 884
Герштейн Л.Я., член ЦК ПСР – 16, 28, 29, 87, 96, 107, 109, 123–125, 164, 169, 185, 254, 350, 382, 383, 389, 390, 435, 437, 439, 442–444, 446, 454, 514, 527, 530, 545, 547, 560, 571, 579, 580, 612, 613, 615, 693, 695, 698, 701, 745, 805, 808, 854, 858, 880
Герштейн М.Р., жена Л.Я. Герштейна – 166, 547, 854
Гершуни Г.А., член ЦК ПСР – 533, 618, 641, 652, 792, 859
Гессен, работник советской печати, сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 402, 405
Гест Л.Х., англ. социалист, предполагаемый защитник – 219, 231, 235, 400, 678, 727, 728, 754, 859
Гибер, сотрудник Франц. военной миссии – 654

- Гильфердинг Р., член германского рейхстага, участник протестной кампании – 102
- Гиневская, родственница Н.Н. Иванова – 88
- Гинзбург М.А., член ПСР – 31, 159, 165, 667, 668, 859
- Гиппиус З.Н., русская писательница – 279, 280, 282, 690, 691, 859
- Гирса В., министр иностранных дел Чехословакии – 222, 736, 859
- Гладков Н.Н., член ПСР, неразысканный обвиняемый – 31, 165, 621, 623, 859
- Глазман М.С., секретарь Л.Д. Троцкого – 239, 395
- Глебов Г.В., неразысканный обвиняемый – 31
- Глузман А., зам. пред. Верховного трибунала – 394, 406
- Гнедов-Смирнов С.И., член ПСР – 37, 166, 464, 859
- Гнилорыбов, арестованный ГПУ – 368
- Гойхбарг А.Г., член РКП(б), член группы по обеспечению процесса – 290, 860
- Гокье, сотрудник Франц. консульства в Москве – 423, 654
- Голиков Д.Л., исследователь – 10–12
- Голодков М.И., член ПСР – 165, 860
- Голомазов М., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Голубович В.А., один из лидеров украинских эсеров – 248, 683, 860
- Гольдин, автор статьи в ж. «Каторга и ссылка» – 605
- Гольдман Л., член ЦК БУНДа – 676
- Гольцман А.З., нач. Главэлектро – 918
- Гольштейн (Гольшмидт), заключенный Лефортовской тюрьмы – 247
- Гомбарг В.В., амнистированный обвиняемый – 32–34, 613
- Гомперс С., американский профсоюзный деятель – 288, 321, 860
- Гончаров В.Ф., член ПСР – 164, 659, 725, 860, 861
- Горбачевская, член ПСР – 349
- Горбунов Н.П., секретарь В.И. Ленина – 200, 861
- Горвин, сотрудник Комитета Нансена в России – 242
- Гордон Г., член ЦК СДПГ – 305, 861
- Горностаев, член МПСР – 666
- Городницкий Р.А., исследователь – 8, 834
- Городской Н.М., амнистированный обвиняемый – 32, 37
- Горький М., русский советский писатель – 102, 299, 304, 346, 746, 757
- Горьков-Добролюбов Г.Л., член ПСР – 28, 29, 36, 87, 88, 107, 108, 110, 116, 164, 254, 351, 377, 444, 446, 454, 514, 575, 578, 579, 800, 861, 862
- Гоц А.Р., член ЦК ПСР – 7, 10, 28, 29, 34, 35, 38, 41, 43, 50, 51, 56, 60, 74, 80, 81, 86, 87, 107, 109, 115–118, 122–126, 149, 153–156, 158, 160, 164, 170, 171, 175–177, 179, 189–191, 193, 197, 198, 254, 262, 280, 282, 287, 293, 319, 342, 343, 350, 351, 358, 374, 375, 377, 379, 381–383, 421, 431–436, 438, 439, 446, 449, 450, 454, 456, 457, 459, 487, 498, 509–511, 515, 530–533, 544, 555–557, 560, 561, 571, 573–589, 614, 617, 619, 620, 623–625, 627–630, 632–634, 638–640, 650, 663, 665, 687, 705, 706, 712, 722, 729, 745, 758–760, 763, 766–768, 773, 776–778, 792, 815–817, 825, 831, 832, 851, 862, 869, 874, 913, 933
- Гоц М.Р., член ЦК ПСР – 475, 618, 916
- Гоц С.Н., жена А.Р. Гоца – 109, 112, 688
- Грабовский – см. Гендельман М.Я.
- Грамши А., представитель КП Италии в ИККИ – 706, 729
- Гребенщиков, член ПСР – 31, 165, 621, 863
- Гревс И.М., историк – 746
- Гренар, франц. генеральный консул – 658
- Гриб Ф.Ф., один из основателей и руководителей БПСР – 671
- Гримм Р., швейцарский социалист, один из руководителей 2 1/2 Интернационала – 671
- Гриневицкий И.И., народоволец – 834
- Гришин-Алмазов А.Н., полковник – 440, 863

- Громбах В., зав. психиатрической секцией Мосздрава – 115
Громов М.П., отчим Е.А. Ивановой-Ирановой – 874
Гропа, франц. консул – 423
Грослеве, сержант, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Грослей, сержант, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Гроссман И.С., анархист, лидер группы «Черное знамя» – 845
Гротгузен, присяжный поверенный, защитник К. Керстена – 665
Гротеволь О., немецкий коммунист – 706
Груздиевский (Груздиевский), член ПСР – 165, 624, 863
Гудима, начальник тюрьмы – 351
Гуковский А.И., член ПСР – 165, 663, 679, 713, 741, 747, 748, 750, 852, 863, 888
Гуль Р.Б., писатель – 716
Гурдин, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Гуревич В.Я., предполагаемый защитник от ЗД ПСР – 164, 220, 224, 225, 232, 236, 237, 395, 396, 679, 711, 727, 734, 751, 752, 754, 863
Гуревич (Бер) Б.Н., предполагаемый защитник от ЦК РСДРП – 54, 55, 80, 273, 274, 331, 350, 468, 731
Гус Я., идеолог чешской Реформации – 687
Гусев, грабитель – 653
Гусельников, член ПСР – 696
Густомесов, штабс-капитан – 696, 701, 702
Гутман Б., редактор «Франкфуртер Цайтунг», участник протестной кампании – 102
Гутман К., автор статьи в «Правде» – 728
Гутников Г.В., крестьянин, один из руководителей Западносибирского восстания – 661
Гюисманс К., бельгийский социалист – 670
- Давид И., редактор газеты «Воля России» – 611
Давыдов, врио нач. ИНОГПУ – 689
Давыдов М.А., член ПСР – 28, 32, 48, 166, 788, 864
Давыдова В.А. – см. Липская-Давыдова В.А.
Давыдова-Липская В.А. – см. Липская-Давыдова В.А.
Дан Ф.И., член ЦК РСДРП – 31, 139, 410, 411, 548, 554, 603, 606, 608, 753
Данилов Е., исследователь – 640
Даниэль Ю.М., диссидент – 144
Данковский Г.Н., член ПСР – 519, 864
Дантон Ж.Ж., деятель Французской революции – 781, 782, 809
Данченко – см. Донченко А.И.
Дашевский И.С., б. член ПСР, обвиняемый – 29, 43, 48, 87, 165, 436, 453–496, 610, 612, 613, 623, 830, 864, 927
Двинов (Гуревич) Б.Л., член РСДРП – 608
Дворжец Я.С., б. управляющий делами Комуча, свидетель – 709, 710, 733
Девильковский (Дивильковский) А.А., член группы идеологического обеспечения процесса – 405, 865
Дедусенко Я.Т., б. член ПСР, свидетель – 28, 32, 33, 93, 456, 648, 649, 734, 735, 742–744, 865
Дейч Л.Г., деятель российского революционного движения – 601, 603
Делевский Я.Л., член ПСР – 747
Демидов И.П., кадет – 739
Дени В.Н., художник-карикатурист – 20, 397, 728, 865
Денике Ю., член РСДРП – 139
Деникин А.И., генерал – 134, 200, 204, 205, 256, 410, 430, 487, 506, 517, 608, 695, 728, 737, 738, 748, 772, 793, 853, 863, 865, 902, 914, 937

- Дербер П.Я., председатель Временного правительства автономной Сибири – 32, 438, 441, 745, 852, 866
- Дербышев** Н.И., член РКП(б) – 348, 866
- Дерибас** Т.Д., нач. СО ОГПУ – 60, 88, 91, 92, 97, 107, 115, 117, 119, 123, 124, 379, 564, 568, 569, 572, 573, 578, 866, 930
- Десницкий В.А., социал-демократ «интернационалист» – 757
- Дешевьи, граф, сотрудник Франц. военной миссии – 423
- Джефрис, англ. судья – 563
- Дживелегов А.К., член редколлегии журнала «Голос минувшего» – 754
- Джонсон – см. Johnson
- Дзен П.А., член ПСР – 166, 866
- Дзержинский** Ф.Э., пред. ГПУ НКВД РСФСР, член «тройки» по проведению процесса – 13, 17, 19, 22, 28, 37, 41, 60, 87, 92, 93, 95, 109, 111, 112, 115, 118, 119, 124, 147, 148, 186, 194, 195, 209–213, 228, 233, 236, 239, 240, 242, 245, 246, 255, 258, 261, 266, 271, 274, 276, 283, 290, 291, 294, 299, 300, 304, 305, 323, 324, 328, 380, 383, 384, 392, 395, 400, 402, 422–424, 427, 432, 433, 436, 495, 500, 564, 565, 570, 572–574, 577, 578, 580, 586, 609, 624, 642–645, 667, 692, 713, 800, 842, 862, 866
- Дзеруль В.К., амнистированный обвиняемый – 32, 33, 615, 627, 649
- Дивильковский – см. Девильковский А.А.
- Дидерихс, чешский военный – 732
- Диканский** (Деканский) Г.О., член ПСР – 166, 866
- Доброхотов Я.Г., б. член ЦК ПЛСР, член РКП(б) – 675
- Долецкий** Я.Г., руководитель РОСТА – 179, 867
- Домбаль** Т.Ф., член ЦК КП Польши, политзаключенный – 276, 418, 519, 690, 829, 867
- Донская Н.М., жена Д.Д. Донского – 13, 129, 686
- Донской** Д.Д., член ЦК ПСР – 7, 12, 13, 28, 29, 34, 35, 42, 47, 48, 51, 52, 55, 86, 87, 107, 108, 122, 128, 129, 149, 156, 158–160, 164, 170–172, 175, 190, 191, 254, 293, 351, 381–383, 393, 421, 425, 431, 435, 446, 454, 456, 512, 532, 536, 556, 557, 560, 571, 574, 575, 579, 585–588, 615, 620, 622, 624, 625, 629–631, 633, 634, 636–640, 645, 649, 650, 655, 665, 686–688, 507, 706, 726, 745, 788, 826, 831, 867
- Донченко** А.И., неразысканный обвиняемый – 31, 165, 616, 864, 867
- Достоевский Ф.М., русский писатель – 504, 767
- Драчевский, генерал – 874
- Дрей М.И., деятель российского революционного движения – 828
- Дрейфус А., офицер франц. генерального штаба, ложно обвиненный в шпионаже в пользу Германии – 101
- Дубровин А.И., один из лидеров «Союза русского народа» – 718
- Дукис, нач. тюремного отдела ГПУ – 107, 127
- Дункан А., танцовщица – 522
- Дурново** П.Н., министр внутренних дел царского правительства – 351, 524, 801, 867
- Дутов** А.И., генерал – 423, 736, 838, 867, 920
- Духонин Н.Н., генерал-лейтенант – 883
- Дьяконов** Б.М., член ПСР – 466, 693, 696, 699, 700, 868
- Дюбуа А., меньшевик – 731
- Дюкло Ж., один из руководителей франц. Компартии – 706
- Дюма Ш., франц. социалист – 42, 43, 423, 868
- Дюмер, сотрудник Франц. военной миссии в России – 655
- Дюранти В., американский журналист – 560–563
- Евгения Моисеевна – см. Ратнер-Элькинд Е.М.
- Евдокимов Г.Е., член РКП(б), предполагаемый защитник обвиняемых 2-й группы – 394

- Евменьев, обвиняемый по делу Всеукраинского комитета ПСР – 32
Егольева Д.И., член ПСР – 519, 868
Егоров М.Ф., член ПСР – 31, 165, 612, 868
Егошин, член партии революционного коммунизма – 674
Ежов Н.И., нарком внутренних дел СССР – 942
Ежов (Цедербаум) С.О., член РСДРП – 456
Езерская Р.Д., секретарь коллегии ГПУ – 249, 250, 868
Елец-Голобуцкий (Елен-Гадобудский) И.П., член ПСР – 166, 868
Ельяшевич А.Б., б. член ЦК ПСР, свидетель – 29, 32, 33, 164, 456, 734, 745, 868
Енукидзе А.С., секретарь Президиума ВЦИК (ЦИК СССР) – 21, 22, 103, 119, 211, 331, 380, 383, 384, 869
Ергин А.А., деятель российского революционного движения – 828
Ерофеев Н.Д., исследователь – 13
Есенин С.А., русский поэт – 921
Естрин Э.П., неразысканный обвиняемый – 31, 592
Ефимов П.Т., б. член ПСР, обвиняемый – 28, 44, 45, 49, 70, 87, 154, 165, 189, 453, 617, 618, 626, 815, 830, 869
- Жанно, представитель Антанты – 736
Жданов В.А., защитник обвиняемых 1-й группы – 80, 235, 266, 870
Желиховский, генерал – 668
Желтовский В.М., один из руководителей Западносибирского крестьянского восстания – 661
Желябов А.И., член ИК «Народной Воли» – 518, 641, 794, 870
Жид Ш., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Жидков Ф.Е., обвиняемый на предварительном следствии – 31
Житейко, секретарь К.Б. Радека – 355
Жордания Н.Н., руководитель заграничного центра грузинских меньшевиков – 606
Жорес Ж., руководитель франц. социалистической партии – 101, 754, 827, 870
Жуо Л., франц. профсоюзный деятель – 671
Журавлев С.В., исследователь – 12, 13, 21, 22, 208, 644, 666
- Забелло, нач. Нерчинской каторги – 718
Заикина И.С., научный сотрудник НИПЦ «Мемориал» – 8
Зайцев М., член ПСР – 31, 165, 729, 730, 870
Закгейм Б.Г., б. член ПСР, свидетель – 32, 33, 870
Зандер Н., соучастник кражи документов Административного центра – 347
Запотоцкий А., один из основателей КП Чехословакии – 706
Засулич В.И., деятель российского революционного движения – 601
Затейщиков, член группы «Народ» – 667, 668
Затонский М.П., член ЦК ПСР – 164, 456, 612, 870
Захаров В., исследователь – 17, 638
Зейлер, глава швейцарской анархистской группы – 102, 206
Зейман Л.Э., член ПСР – 32, 165, 870
Зейме, эсер-боевик – 32, 165, 622, 871
Зеленков, эсер-боевик – 31, 156, 157, 165, 621, 622, 649, 650, 871
Зеленский И.А., первый секретарь МК РКП(б) – 499, 588, 871
Зензинов В.М., член ЗД ПСР – 31, 98–100, 138, 164, 176, 191, 220–222, 231, 236, 237, 354, 400, 421, 436, 443, 453, 474, 476–478, 482, 485, 537, 548, 611, 619, 628, 629, 638, 657, 658, 662, 663, 679, 680, 685, 712–718, 723, 724, 727, 730, 734, 739–741, 744–749, 753, 754, 827, 832, 851, 862, 865, 871, 927, 933
Зиновьев Г.Е., член Политбюро ЦК РКП(б) – 20, 41, 85, 86, 116, 118–120, 156, 163, 164, 170, 173, 175, 179, 190, 192, 195, 199, 202, 203, 205, 212, 213, 215, 218, 219, 228, 239, 240, 255, 276, 278, 282, 283, 285, 289, 294, 295, 298, 299, 308, 311,

318, 322–324, 328, 342, 343, 349, 370, 374, 378–381, 383, 385, 391, 395, 399, 400, 418, 499, 512, 570, 572, 573, 621, 622, 625, 650, 690, 692, 693, 728, 757, 789, 829, 856, 871

Златогоров, ссыльный эсер – 576

Злобин, брат П.В. Злобина – 88

Злобин П.В., член ПСР – 28, 33, 34, 36, 47, 87, 88, 107, 109, 189, 254, 352, 377, 454, 513, 575, 579, 647, 743, 795, 871

Знаменский А.А., член РКП(б), предполагаемый защитник – 213, 393, 394

Зобов И.Б., неразысканный обвиняемый – 32

Зорин (Гомбарг) С.С., большевистский партийный литератор, предполагаемый защитник – 405, 683

Зубарев, рабочий – 64

Зубелевич Ю., член ПСР – 605, 606

Зубков Ф.В., член боевой группы Семенова, обвиняемый – 28, 87, 157, 165, 171, 449, 453, 533, 625, 651, 692, 793, 830, 872

Зудерман Г., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102

Иваницкий-Василенко А.А., член ПСР – 37, 164, 464, 465, 872

Иванов, присяжный поверенный – 169

Иванов, нач. тюрьмы – 351

Иванов, прапорщик – 616

Иванов, рабочий завода Михельсона – 76

Иванов Б.С., член ПСР – 164, 254, 873

Иванов Б.Ю., издательский работник – 8

Иванов И.И., студент – 899

Иванов К., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730

Иванов Н.М. – см. Иванов Н.Н.

Иванов Н. Нест., член ПСР – 166, 873

Иванов Н.Н., член ЦК ПСР – 28, 29, 38, 42, 51, 52, 87, 88, 107, 109, 111, 114, 123, 125, 127, 164, 166, 190, 254, 351, 371–373, 382, 383, 430, 433, 434, 436, 442, 446, 454, 457, 459, 515, 557, 560, 571, 579, 580, 621, 629, 631, 632, 634, 635, 705, 706, 735, 745, 813–815, 819, 831, 873, 874

Иванов П.Л., секр. СООГПУ – 296, 565, 874

Иванов С.А., член ПСР – 747

Иванов-Громов Н.Н. – см. Иванов Н.Н.

Иванов-Разумник Р.В., член редколлегии газеты «Дело Народа» – 663, 905

Иванова М.П., мачеха Е.А. Ивановой-Ирановой – 874

Иванова-Борейша С.А., деятель российского революционного движения – 828

Иванова-Иранова Е.А., член ПСР – 28, 29, 80, 87, 107, 115, 125, 127–130, 157, 159, 165, 178, 254, 351, 377, 382, 383, 446, 454, 459, 511, 513, 532–534, 557, 571, 579, 580, 621, 622, 625, 626, 629, 634, 650–652, 705, 758, 792, 814, 874

Ивановы, Н.Н. Иванов и Е.А.Иванова-Иранова – 127, 128

Иванчин-Писарев А.И., революционный народник, литератор – 905

Игнатъев А.П., граф – 935

Игнатъев В.И., член ЦК ТНСП – 29, 87, 129, 130, 160, 249, 292, 389, 433, 453, 530, 537, 657, 668, 669, 685, 693, 694, 696–700, 702, 703, 746, 761, 809, 815–817, 874, 875

Иевлев Д.А., обвиняемый по делу Всеукраинского комитета ПСР – 32

Изгоев А.С., кадет, публицист – 279, 282, 875

Измайлович А.А., член ЦК ПЛСР – 603, 840

Изотов, член ПСР, неразысканный обвиняемый – 32, 165, 875

Иконников, зам. зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) – 214, 250, 277

Иллис, бельгийский социалист – 477

Иодко – см. Иодко-Наркевич В.

Иоллос Г.Б., кадет – 279, 875

Ионов А.М., член агитационной «тройки» ЦК РКП(б) – 283, 489

Иорданов И., член КП Болгарии – 729

Иоффе, секретарь бюро комячеек московских вузов – 61

Ипатьев В.Н., академик, химик – 244, 876

Йодко-Наркевич В., польский политический деятель, посол в Константинополе – 354, 876

Каджинов, член ПСР – 165, 876

Казанцев А.Е., организатор убийства Г.Б. Иоллоса – 875

Калигула, римский император – 183

Калинин В.И., неразысканный обвиняемый – 32

Калинин М.И., кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) – 18, 112, 114, 115, 119, 173, 209, 213, 217, 240, 255, 260, 294, 310, 323, 324, 330, 356, 370, 374, 380, 381, 383–385, 457, 458, 499, 570, 876

Калмыков И.М., атаман Уссурийского казачьего войска – 441, 876

Калховский – см. Каховский

Каляев И.П., член БО ПСР – 403, 408, 601, 641, 876

Каменев Л.Б., член Политбюро ЦК РКП(б), председатель «тройки» по руководству процессом – 6, 15, 19, 30, 41, 72, 76, 84–86, 116, 119, 129, 147, 148, 161, 163, 167, 173, 179, 192–195, 199, 202, 203, 205, 206, 209–218, 222, 225, 228, 233, 236, 239, 240, 242, 243, 245, 246, 248–250, 254, 255, 258, 260, 261, 266, 271, 272, 274, 276, 283, 285, 289–291, 294, 298, 299, 304, 310, 311, 322–325, 328, 330, 342, 343, 349, 356, 370, 374, 378–381, 383, 392, 395, 397, 399, 400, 402, 405, 407, 413, 415, 418, 431, 490–496, 499, 545, 560–563, 570, 585, 608, 655, 677, 690, 692, 706, 707, 728, 756, 811, 812, 833, 876, 911

Каменева О.Д., жена Л.Б. Каменева – 129, 130

Камков Б.Д., член ЦК ПЛСР – 783, 827

Канделари, член РКП(б) – 795

Канегиссер Л.А., убийца М.С. Урицкого – 51, 157, 651, 876, 929

Каннер Г.И., работник аппарата И.В. Сталина – 229, 239, 248, 877

Кант И., немецкий философ – 109

Каплан В.Н., член ПСР – 165, 614, 877

Каплан Ф.Е., б. анархистка, покушалась на В.И. Ленина – 12, 21, 42, 43, 45, 157, 158, 160, 164, 171, 172, 176, 190, 191, 262, 421, 434, 452, 533, 620, 623–626, 629, 631–634, 636–642, 645, 652, 792, 877

Каплон Б. – см. Каплан В.Н.

Капп В., журналист – 704, 757

Карахан Л.М., зам. наркома иностранных дел – 226, 228, 229, 238, 317, 328, 330, 568, 877

Каракозов Д.В., деятель российского революционного движения – 630

Карач А., один из руководителей БПСР – 672

Карашарли Р., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730

Карелин В.А., член ЦК ПЛСР – 827

Карклин О.Я., член Верхтриба – 306, 307, 394, 406, 877

Каршинский В.А., большевистский партийный литератор – 179, 405, 877

Карпов, член ПСР – 31, 165, 877

Карпов С.Г., полковник – 633

Карпович П.В., член ПСР – 618, 842

Карташев А.В., б. министр Временного правительства, эмигрант – 31, 554, 656, 877

Кассо Л.А., министр народного просвещения – 896

Катаньян – см. Катанян

- Катанян Р.П., член РКП(б), защитник обвиняемых 2-й группы – 116, 123, 124, 375, 383, 573, 574, 585, 878
- Каутский К.**, немецкий социалист – 486, 538, 705, 811, 812, 878
- Каховский (Коховский), член ПСР – 32, 165, 448, 616, 884
- Кац, член общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев – 545
- Кац Д., член ЦК БУНДа – 676
- Каценеленбоген Г.Д., член ПСР – 37, 130
- Кашен М., один из руководителей франц. Компартии – 706
- Кашин И.П.**, член ПСР, боевик – 31, 153, 165, 612, 878
- Квиринг Э.И., секретарь Донецкого губкома РКП(б) – 284, 381
- Кедров М.С., член коллегии ВЧК – 495
- Келлер С.Н., член ПСР – 32, 33, 616
- Кемлерман Б., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Кеннан Д.**, американский общественный деятель, публицист – 558, 725, 878
- Кеннеди, секретарь соц.-дем. федерации (Лондон) – 206
- Керенский А.Ф.**, член ПСР, б. министр-председатель Временного правительства – 138, 165, 185, 281, 290, 344, 353, 354, 409, 410, 437, 474, 476, 484, 503, 531, 564, 607, 611, 612, 658, 662, 663, 713, 714, 716, 717, 723, 724, 739, 741, 747–750, 754, 762, 765, 789, 825, 841, 845, 851, 878, 882, 886, 906, 914, 916, 922, 931
- Керстен К., редактор газ. «Новый Мир» (Берлин) – 218, 663–665, 677
- Кесслер Г., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Кефали М.С., член ЗД РСДРП – 608
- Кингисепп В.Э.**, эстонский коммунист – 218, 399, 878
- Кириллов Г.П., отец Е.А. Ивановой-Ирановой – 874
- Киров С.М.**, кандидат в члены ЦК РКП(б) – 255, 643, 730, 879, 939
- Кирпичников С.Д., русский общественный деятель – 725
- Киршман, защитник эсеров на процессе – 55, 456
- Киселев (Кисилев), член ПСР, боевик – 157, 165, 623, 879
- Киселева** – см. Киселев
- Кишкин Н.М., кадет, один из руководителей Всероссийского комитета помощи голодающим – 656
- Клара – см. Цеткин К.
- Клейнборт Л.Н., автор статьи в ж. «Былое» – 746
- Клемансо Ж., франц. политический и государственный деятель – 658, 737
- Клешапов Н., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Климов, ответственный за работу с делегацией иностранных защитников – 241, 243, 244, 246, 258, 259, 264, 265
- Климушкин П.Д.**, член ПСР, один из руководителей Комуча – 31, 422, 428, 708, 709, 741, 879
- Клингенберг Н.М., генерал, екатеринославский губернатор – 923
- Ключников Ю.В.**, идеолог «сменовеховства» – 224, 530, 781, 801, 809, 879
- Кобяков С.А.**, предполагаемый защитник от ЗД ПСР – 219–222, 225, 232, 395, 727, 754, 879
- Ковалев**, член ПСР – 32, 165, 612, 616, 879
- Ковалев-Сорокин Ф.Д.**, член ПСР – 166, 879
- Ковальская Е.Н., участница российского революционного движения – 746, 828
- Коварский И.Н., член ЦК ПСР – 31, 713, 734, 741, 742, 747, 748
- Коган-Бернштейн М.Л.**, член ЦК ПСР – 421, 430, 619, 628, 734, 735, 744, 745, 880
- Коган-Бернштейн Н.О., деятель российского революционного движения – 828
- Коган-Бернштейн Т. – см. Коган-Бернштейн М.Л.
- Кожевников, сотрудник ВЧК–ГПУ – 544
- Козаков, большевистский партийный литератор – 413
- Козлов Б., член ПСР, боевик – 157, 158

- Козлов В.П., руководитель Федеральной архивной службы России – 8
Козлов В.П., сотрудник ГАРФ – 8
Козьминых, штабс-капитан, подсудимый по процессу Бакича и др. – 680
Колегаев А.Л., б. член ЦК ПЛСР, член РКП(б) – 405, 674, 675, 881
Колеров В.А., член ПСР, член Учредительного Собрания – 734
Коллар П., бельгийский социалист – 670
Коллонтай А.М., член РСДРП – 692
Колосов Е.Е., член ЦК ПСР – 577, 725, 881
Колчак А.В., адмирал – 200, 204, 205, 256, 292, 351, 352, 410, 429, 430, 442, 453, 471, 487, 506, 517, 524, 525, 529, 543, 607–610, 654, 673, 694–697, 708, 728, 730, 734, 737, 747, 772, 791, 793, 794, 797, 801, 802, 827, 833, 836, 848, 850, 852, 858, 867, 872, 878, 879, 881, 882, 891, 897, 902, 908, 909, 913, 917, 933, 935, 941
Кольцов Н., руководитель Бюро печати – 402, 405, 755
Кольчугин, ст. инспектор НКВД – 31
Комаров Н., автор статьи в ж. «Каторга и ссылка» – 605
Комаровский, журналист «Нового Мира» – 184
Комков – см. Камков Б.Д.
Коммодов В.Н., защитник обвиняемых 1-й группы – 55
Комяков Н.К., секретарь Нью-Йоркской группы ЗД ПСР – 589
Кон Ф.Я., член комиссии ИККИ по подготовке процесса, защитник обвиняемых 2-й группы – 20, 52, 76, 78, 213, 228, 239, 292, 307, 495, 519, 520, 554, 687, 707, 729, 782, 797, 830, 882
Кондратьев Н.Д., б. член ПСР, свидетель – 658, 659
Коновалов А.И., кадет – 31, 554, 656, 739, 833, 882
Конопов С.Е., член боевой группы Семенова – 28, 32, 33, 45, 46, 156, 165, 281, 449, 450, 621, 745, 770, 882
Коноплев С., член ПСР – 165, 883
Коноплева Л.В., б. член ПСР – 11, 12, 20–26, 29, 34, 39, 41, 43–48, 51, 52, 56, 74, 81, 87, 92, 148, 149, 151, 152, 154, 157, 163, 165, 176–178, 188, 189, 192–194, 208, 247, 249, 390, 421, 422, 426, 435, 453, 455, 456, 495–498, 533, 541, 549, 560, 609, 617, 618, 620–622, 624–626, 629–633, 640–644, 646, 647, 650, 652, 659, 662, 665–668, 672, 673, 683, 685, 830, 869, 883, 912, 940
Копельзон Т.М., участник российского революционного движения – 676
Корба-Прибылева А.П., деятель российского революционного движения – 828
Корбель, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Корде Ш., убийца Ж.П. Марата – 637
Корев, член партии революционного коммунизма – 674
Коренева, артистка Художественного театра – 687
Корзун, член ПСР – 519
Корнилов Л.Г., генерал – 40, 279, 440, 852, 865, 877, 883, 916, 932
Королев, член ПСР, боевик – 32, 165, 171, 190, 622, 883
Короленко В.Г., русский писатель – 182, 665, 692, 884
Корольков, член ПСР, боевик – 157–159
Коротенко – см. Коротнев
Коротков А.П., советник отдела по обеспечению деятельности АПРФ – 8
Коротков И.И., секретарь Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) – 241, 323, 324, 499, 884
Коротнев, офицер-корниловец, эмигрант – 347, 716
Коряков А.Ф., глава следственной комиссии – 662
Костин Н.Д., исследователь – 10–12, 148, 152
Котлов, рабочий – 927
Коховский – см. Каховский
Кочаровский Г.Т., член ПСР – 166, 884
Кочаровский К.Р., член ПСР – 602, 662, 851
Кочергина Т.И., член ПСР – 466, 885

- Краковецкий А.А.**, б. член ПСР, свидетель – 32, 165, 344, 397, 436, 443, 501, 729, 762, 783, 885
- Крамаров Г.**, член РСДРП – 604
- Красавин**, член ПСР – 32
- Красецкий Е.**, врач-психиатр – 115
- Красильников С.А.**, исследователь – 8, 144
- Красин Л.Б.**, советский дипломат – 65, 328, 494, 885
- Краснов П.Н.**, генерал – 393, 607, 852, 886
- Краснощеков А.М.**, глава правительства Дальневосточной республики – 831
- Краюшкин А.А.**, исследователь – 12, 640, 642
- Крейбих К.**, один из основателей КП Чехословакии – 706
- Кремер А.И.**, член ЦК Бунда – 676
- Крестинский Н.Н.**, полпред РСФСР в Германии – 22, 114, 151, 184, 188, 192–194, 212, 218, 220–222, 226, 227, 231, 233, 235–237, 249, 250, 373, 391, 397, 417, 431, 545, 552, 568, 674, 677, 680, 830, 886
- Крестовский И.**, осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Кривов**, член ЦКК – 179
- Криспин А.**, председатель соц.-дем. партии Дании – 671
- Крупская Н.К.**, жена В.И. Ленина – 894
- Кручников А.Н.**, член ПСР – 734
- Крыленко Н.В.**, председатель Верхтриба, гос. обвинитель на процессе – 18, 25–31, 33, 38, 51, 53, 69, 71–74, 76, 78, 80, 88, 89, 92, 111, 127, 157, 167, 197, 211, 212, 214–217, 269, 283, 290, 293, 307, 341, 342, 344, 347, 352, 373, 374, 392–395, 397, 398, 405, 407, 414, 415, 450, 466, 495, 496, 500, 502–505, 507–510, 515, 516, 523, 529, 530, 535–537, 546, 561, 585, 625, 648, 649, 658, 659, 677, 681, 686, 687, 692, 695, 696, 698–704, 707, 716, 722–724, 726, 727, 729, 744, 758, 759, 761, 763, 764, 766–768, 770, 771, 773, 775–777, 781–783, 786–788, 790, 791, 795–800, 808, 809, 814, 817, 819, 826, 886
- Крылов В.И.**, исследователь – 12, 640, 642
- Крылов В.П.**, редактор газ. «Голос России» – 662
- Крючкова С.Ю.**, сотрудник ЦА ФСБ РФ – 8
- Ксенофонтов И.К.**, зам. пред. ВЧК – 922
- Кубяк Н.А.**, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) – 127, 380, 886
- Кудашев**, кн. – 728
- Кудрин**, член ПСР – 165, 886
- Кудря Д.Е.**, б. член ПСР, свидетель – 783
- Кудрявцев Е.Ф.**, член ПСР – 601
- Кудрявцев С.А.**, член ПСР – 466, 693, 695, 698, 701, 886
- Кузнецов**, один из лидеров златоустовских эсеров – 91
- Кузьмин**, член ПСР – 32
- Кузьмин**, сотрудник ГПУ – 427, 433, 582
- Кузьминский**, свидетель – 664
- Куйбышев В.В.**, секретарь ЦК РКП(б) – 92, 257, 323, 324, 330, 331, 356, 381, 383, 385, 408, 500, 567, 570, 605, 886
- Кулаков Ф.Г.**, член ПСР – 116, 886, 887
- Куликовский И.С.**, член ПСР – 426, 887
- Кульков**, рабочий – 76
- Кун Б.**, один из организаторов и руководителей КП Венгрии – 686
- Курлов П.Г.**, товарищ министра внутренних дел – 645
- Куропаткин**, полковник, член ПСР – 501, 762
- Курский Д.И.**, нарком юстиции РСФСР – 19, 27, 83, 84, 112, 113, 161, 194, 195, 199, 200, 202–205, 209, 211, 212, 219, 220, 226, 231–233, 236, 242–244, 250, 258, 260, 261, 263–265, 267, 268, 272, 275, 310, 331, 369, 391, 396, 416, 450, 482, 553, 554, 680, 685, 728, 887, 893
- Куусинен О.В.**, секретарь ИККИ – 213, 887

Кушнер, нач. санчасти ГПУ – 115

Лавернь, генерал – 654, 658

Лавлер, представитель МК в агитационной «тройке» – 489

Лавров П.Л., идеолог народничества – 790, 814

Лагунов Б.И., ссыльный эсер – 719

Лазарев Е.Е., член ЦК ПСР – 443, 611, 710, 711, 713, 741, 887

Лазаркевич Н.А., член ПСР – 713

Лазимир П.Е., член ВРК – 713

Ландау-Алданов М.А., член ЦК ТНСП – 615

Ларин Ю., член РКП(б) – 348, 391, 888

Ларцан, помощник коменданта Петрограда – 523, 800

Ластовский В.Ю., белорусский политический деятель – 672

Лацис М.И., партийный литератор, сотрудник ВЧК-ГПУ – 405, 713, 842

Лебедев Б.Н., член ПСР – 619

Лебедев В.И., член ПСР, член редакции «Голос России» – 31, 165, 422, 424, 443, 452, 474, 611, 713, 732, 746, 748–750, 752, 888, 919

Левенберг, адвокат – 455

Леви-Брюль А., франц. ученый, участник протестной кампании – 102

Леви-Брюль М., франц. ученый, участник протестной кампании – 102

Леви-Брюль П., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102

Левинсон (Косовский) М.Я., член ЦК Бунда – 676

Левицкий В.О., член ЦК РСДРП – 603

Легин К., один из лидеров СДПГ – 705

Ледебур Г., один из основателей и лидеров НСДПГ – 538, 888

Лежава А.М., нарком внешней торговли – 161, 888

Лейнарт, председатель всеобщего немецкого рабочего союза – 195

Лелом, нач. Франц. военной миссии – 654

Ленин В.И., председатель СНК РСФСР – 16, 17, 21–23, 39, 41–43, 45, 47, 49, 51, 52, 76, 77, 83, 147, 153, 156–158, 163, 164, 167, 168, 170, 171, 176–178, 187, 189–191, 195–203, 205, 207, 212, 213, 215, 217, 244, 250, 256, 262, 269, 279, 343, 345, 364, 370, 397, 402, 416, 421, 426, 432, 435, 499, 503, 522, 529, 531, 552, 553, 556, 560, 561, 571, 602, 615, 617–620, 622–626, 629–633, 636–647, 650, 651, 653, 655, 665, 666, 678, 692, 697, 712, 713, 726, 730, 731, 745, 765, 766, 799, 807, 811, 825, 830, 854, 861, 869, 877, 888, 893, 894, 901, 903, 908, 912, 930, 931, 938

Леон К., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102

Леонтьев Я.В., исследователь, научный сотрудник НИПЦ «Мемориал» – 8, 877

Леплевский Г.М., большевистский партийный литератор – 405, 889

Леппер Р.Р., член военной организации ПСР – 45, 153, 155, 160, 165, 169, 170, 612, 621, 655, 656, 816, 889

Лефорт Ф., сподвижник Петра I – 683

Лешаппе Р., француз, участник протестной кампании – 328, 333

Либер М.И., член ЦК Бунда, предполагаемый защитник – 54, 273, 274, 331, 415, 535, 606, 677, 692, 731, 788, 889

Либерман Л.А., член ЦОБ МПСР – 610

Либерман Ф., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102

Либеров А.В., член ПСР – 37, 87, 107, 109, 166, 254, 352, 382, 383, 454, 456, 513, 571, 572, 579, 580, 789, 791, 889

Либкнехт В., один из руководителей СДПГ – 705

Либкнехт К., один из основателей КП Германии – 193, 669, 682, 687, 705, 706, 890

Либкнехт Т., немецкий социалист, защитник – 71, 72, 226, 227, 231, 233–235, 237, 240, 242, 243, 245, 253, 259–265, 267–269, 273–275, 277, 346, 478, 495, 548, 554, 561, 682, 685–687, 727, 754, 890

Лившиц Н.А., обвиняемый на предварительном следствии – 29

- Линкольн А., американский президент – 561, 890
Липская-Давыдова В.А., член ПСР – 29, 32, 33, 659
Литвин А.Л., исследователь – 12, 640, 642
Литвинов М.М., зам. наркома иностранных дел – 85, 126, 184, 219, 328, 890
Литвин-Седой З.Я., член ЦКК – 194
Литовцев (Поляков) С.Л., редактор газ. «Голос России» – 662
Лихач М.А., член ЦК ПСР – 14, 28, 29, 60, 76, 81, 87, 88, 107, 123, 125, 155, 164, 254, 351, 382, 454, 512, 571, 579, 580, 613, 614, 619, 628, 665, 705, 734, 735, 744, 745, 781, 784–786, 788, 865, 874, 890
Лихачев М.А. – см. Лихач М.А.
Ллойд-Джордж Д., премьер-министр Великобритании – 556, 857, 890
Логинов, член исполкома Совета крестьянских депутатов – 349
Лозовский А., ген. секретарь Профинтерна – 120–122
Локкарт Б., английский дипломат – 900
Лонге Ж., один из лидеров Венского Интернационала – 671
Лопатин Г.А., деятель русского революционного движения – 725
Лоран, сотрудник Франц. военной миссии – 424, 425, 654
Лордкипанидзе И.Н., член Учредительного Собрания – 734
Лотошников С.М., член ПСР – 456, 734, 890, 891
Луженовский Г.Н., тамбовский губернский советник – 922
Луков, член Партии революционного коммунизма – 674
Луначарский А.В., нарком просвещения РСФСР, обвинитель – 10, 11, 19, 20, 42, 64, 71, 82, 85, 90, 167, 182, 211, 212, 214, 217, 260, 283, 291, 294, 299, 305–308, 311, 344, 392, 394–401, 455, 466, 502, 504, 506, 509, 511, 517–522, 526, 530, 531, 537, 539, 540, 665, 681, 686, 687, 693, 705, 728, 763, 767, 771–773, 776, 779–781, 783–785, 792, 793, 799, 803–804, 807, 809, 812, 814, 818, 820, 821, 825, 876, 884, 891, 893
Лункевич В.В., член ЦК ПСР – 164, 724, 745, 891
Львов В.Н., обер-прокурор Святейшего Синода – 656
Львов Г.Е., князь, эмигрант, член «Русского политического совещания» – 31, 554, 712, 882, 888, 891
Львов М.И., член ПСР – 29, 61, 87, 107, 108, 110, 166, 352, 379, 382, 383, 454, 512, 534, 536, 571, 572, 575, 576, 578, 579, 787, 891
Лыжин, прокурор – 510, 777
Люберсак, сотрудник Франц. военной миссии – 655
Людендорф Э., начальник германского Генштаба – 169, 185, 665, 892
Люксембург Р., одна из основателей КП Германии – 193, 503, 504, 669, 705, 706, 758, 765–768, 892
Люсьмарин – см. Покровский Г.К.
Лянде Т., социалистка, арестованная – 520
- Маврицкий (Мавринский)**, член ПСР – 32, 165, 612, 892
Мазанов, нач. отделения военной разведки при РВС Зап. фронта, свидетель – 22
Мазуренко С.П., член ПСР – 31, 554
Мазуренко Г.П., меньшевик – 613
Майнов И.И., деятель российского революционного движения – 828
Майский И.М., б. член ЦК РСДРП, член Комуча – 32, 398, 554, 602, 708, 729, 892
Макдональд Дж. Р., один из лидеров лейбористской партии Великобритании – 288, 321, 477, 538, 670, 671, 678, 728, 857, 893, 920
Макеев Н.В., член ПСР – 714, 739, 741
Максимовский, начальник главного тюремного управления – 351, 874
Максудов С.Н., член Исполнительной комиссии Совещания членов Учредительного собрания – 739
Макушин, член ПСР – 693, 696, 699, 700
Малиновский Р.В., провокатор – 712

- Малкин Б.Ф.**, член агитационной «тройки» ЦК РКП(б) – 20, 72, 73, 219, 239, 272, 276, 277, 290, 291, 397, 401–404, 412, 413, 415–418, 489, 491, 693, 728, 893
- Малянтович П.Н.**, юрист, предполагаемый защитник – 235, 456, 893
- Мамонько И.**, представитель ЦК БПСР – 201, 202, 671, 894
- Мануильский Д.З.**, кандидат в члены ЦК РКП(б) – 247, 248, 328, 683, 894, 907
- Манучарьянц О.А., автор статьи в ж. «Былое» – 725
- Манучарьянц Ш.Н.**, сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 195, 250, 497, 499, 674, 894
- Марат Ж.П., один из руководителей якобинцев – 637
- Марков, член ПСР, представитель Сибирского правительства – 440
- Маркс К., основоположник научного социализма – 286, 319, 537, 538, 542, 679, 790, 811, 813, 814, 914
- Марто, подпоручик, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Мартов Л.**, член ЦК РСДРП – 31, 139, 282, 410, 411, 548, 552, 554, 557, 606, 608, 666, 671, 692, 753, 757, 894
- Мартьянов Н.Н.**, член ПСР – 31, 165, 894
- Мартынов, неразысканный обвиняемый – 32
- Мартюшин Г.А., участник Совещания по созданию «Внепартийного объединения» – 713
- Маруся, член ПСР – 178, 624
- Маршан Р., гражданин Французской республики – 423, 424, 729
- Марше Ж., один из руководителей франц. Компартии – 706
- Масалов С.Д.**, член ПСР – 166, 849, 894
- Масарик Т., президент Чехословакии – 611, 678, 713, 736
- Маслов С.Л., член ПСР – 708, 735
- Маслов С.С.**, член Учредительного Собрания – 165, 185, 186, 613, 734, 742, 743, 836, 865, 894, 895
- Массон, профессор, франц. историк – 424, 743
- Матвеев Н.М., глава правительства Дальневосточной республики – 831
- Матье, подпоручик, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Махин Ф.Е.**, полковник, член ПСР, командующий Народной армией – 31, 165, 354, 422, 423, 713, 714, 734, 748, 751, 752, 827, 895
- Махно Н.И., руководитель анархо-крестьянского движения на Украине – 934
- Медек Р., представитель Чехословацкого национального совета – 428
- Медовников, секр. СОГПУ – 545
- Мееровиц, министр иностранных дел Латвии – 354
- Межин Ю.Ю., член Верхтриба – 394, 406
- Мелков, большевистский партийный литератор – 405
- Меллер-Закомельский А.Н.**, генерал – 524, 801, 895
- Мельгунов С.П., член ЦК ТНСП – 656, 754
- Мельчин С.А., сотрудник АПРФ – 8
- Мельз А., франц. ученый, участник протестной кампании – 102
- Менжинский В.Р.**, зам. председателя ГПУ – 60, 83, 95, 117, 121, 126, 127, 164, 221, 242, 245, 246, 258, 261, 266, 271, 274, 276, 379, 568, 569, 895
- Меньшой(ий), работник Истпарта – 397
- Мергейм А.**, франц. социалист – 538, 895
- Мережковский Д.С.**, русский писатель – 279, 690, 691, 895
- Меринг Ф., один из лидеров СДПГ – 705
- Меринов, член ПСР – 693, 696, 699
- Мертенс, француз, контактировавший с иностранными общественными защитниками – 269, 272
- Мертенс К., бельгийский профсоюзный деятель – 671
- Мерхалев В.Д., член ПСР – 32, 38, 612, 613
- Мерхалев Д.Н.**, член ПСР – 165, 895
- Мессинг, полпред ГПУ в Петрограде – 94

- Метус, начальник Нерчинской каторги – 718
Мехлис Л.З., помощник И.В. Сталина – 123, 127, 896
Мещеряков В.Н., большевистский партийный литератор – 405, 569, 869
Микоян А.И., член ЦК РКП(б) – 405, 491, 896
Милашевский А.В., член ПСР – 741
Миллер В.И., исследователь – 601
Миллер Е.К., генерал – 827
Миль (Джон) И., член ЦК БУНДа – 676
Мильеран А., франц. социалист – 411, 896
Миллюков П.Н., один из лидеров кадетской партии – 282, 283, 354, 662, 713, 739, 882, 896, 902
Милютин В.П., член РКП(б) – 348, 349, 896
Мин, генерал – 351
Минаков П.А., медицинский эксперт, профессор – 444, 445, 652, 896
Минин, член ПСР – 711
Минопор И., член ПСР – 165, 172, 897
Минопор О.С., член ЦК ПСР – 31, 99, 164, 443, 474, 475, 611, 713, 714, 739, 741, 742, 747, 748, 750–752, 896
Миньков М., автор статьи в «Правде» – 517, 794, 824
Мион – см. Цион
Мирбах В., немецкий посол – 253, 428, 550, 643, 841, 842, 897, 923
Миркин, жертва ВЧК–ГПУ – 183
Мироненко С.В., директор ГАРФ – 8
Михаил Николаевич – см. Покровский М.Н.
Михайлов А., народоволец – 897
Михайлов А., член ПСР – 466, 592
Михайлов И.А., б. министр Временного Сибирского правительства – 165, 439, 440, 897
Михайлов М., секр. агитационной «тройки» – 491, 492, 568, 569
Михайловский Н.К., российский публицист – 790, 881
Михалевич С.Ф., руководитель Центрального военного бюро ПСР – 606
Модильяни Д., итальянский социалист, предполагаемый иностранный защитник – 231, 235, 237, 727, 754, 897
Моисеенко Б.Н., член ПСР – 31, 154, 436, 601, 629, 657, 711, 734, 865, 927
Молотов В.М., секретарь ЦК РКП(б) – 19, 85, 86, 94, 116, 117, 125, 147, 148, 152, 163, 167, 173, 179, 184, 188, 192–195, 198, 199, 201–203, 206–210, 212–215, 217, 239, 240, 249, 250, 255, 294, 298–300, 305, 307, 310, 317, 322–324, 328, 331, 332, 370, 374, 378, 379–381, 383, 385, 412, 500, 570, 690, 726, 730, 886, 897
Морачевский Ю.В., б. член ПСР, обвиняемый – 29, 52, 78, 87, 165, 453, 621, 651, 898
Моргенштерн В.Ф., б. член ПСР – 685
Морозов, красноармеец – 448
Морозов К.Н., исследователь – 8, 133, 144, 635, 834
Морозов С.В., член ЦК ПСР – 28, 29, 47, 61, 87, 107, 109, 111, 117, 118, 164, 254, 351, 377, 379, 447, 454, 515, 536, 537, 571–574, 582–584, 597, 598, 826, 870, 898
Мостовенко П.Н., полпред РСФСР в Чехословакии – 86, 316, 317, 898
Мстиславский С.Д., б. член ЦК ПЛСР, член редколлегии газ. «Дело Народа» – 663, 905
Муна А., деятель Коминтерна, представитель на процессе – 100, 306–308, 729, 898
Муравьев Г.П., член ПСР – 843, 868
Муравьев Н.Г., член ПСР – 843, 868
Муравьев Н.К., юрист, защитник – 69, 70, 76–78, 80, 94, 235, 243, 244, 267, 343, 344, 345, 456, 898
Муранов М.К., член ВРК – 712, 713

- Мутэ М., общественный защитник на процессе – 55, 219, 221, 231, 234, 235, 237, 685
- Мэкензи (Маккензи) Ф.А., американский журналист – 559, 561, 562
- Мюллер Г., член СДПГ – 705
- Мюллер Р., исследователь – 497, 499
- Мюллер Р., иностранный социалист – 478
- Мякотин В.А., один из лидеров партии народных социалистов – 614, 656–658
- Мясников Г.И.**, член РКП(б), оппозиционер – 409, 411, 412, 731, 899
- Назаретян А.М.**, помощник И.В. Сталина – 222, 229, 250, 323, 324, 331, 332, 374, 378, 385, 412, 899
- Назаров, помощник директора Путиловского завода – 927
- Нансен Ф.**, норвежский исследователь, общественный деятель – 113, 242, 558, 682, 899
- Наполеон I Бонапарт, французский император – 183, 529, 533, 629, 777, 808
- Натан П., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Натансон М.А., член ЦК ПЛСР – 603, 746, 832, 936
- Невлер Л.И.**, член ПСР – 37, 166, 464, 899
- Нейлер** – см. Невлер Л.И.
- Некрашевич С., один из руководителей БПСР – 671
- Нелидов, эмиссар контррев. организаций на Кавказе – 354
- Нелидов, рабочий – 77
- Неманов Л.М., редактор газ. «Голос России» – 662
- Немцов Н.М.**, член Верхтриба – 307, 899
- Нерон, римский император – 183
- Несмеянов В.А., амнистированный обвиняемый – 32–34, 48, 627, 668
- Нестеров И.П., член Комуча – 31, 709, 741, 752
- Нечаев С.Г.**, деятель российского революционного движения – 183, 899
- Нечис, член ИК Советов Миргородского уезда – 257, 258
- Никаноров М., неразысканный обвиняемый – 32
- Никифоров**, член ПСР – 165, 612, 899
- Никифоров П.М., председатель Совмина ДВР – 831
- Николаев А.А., член ПСР – 941
- Николаев В. – см. Николаев-Кудрявцев Г.А.
- Николаев С.Н., член ПСР – 752
- Николаев-Кудрявцев Г.А.**, член ПСР – 37, 166, 464, 899
- Николаевский Б.И., член РСДРП – 725, 746, 834
- Николай II, российский император – 475, 545, 629, 757, 904
- Нилов И., член ПСР – 466
- Нин А., автор статьи в «Правде» – 728
- Новгородцева-Свердлова К.Т., сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 225
- Новиков**, член ПСР, боевик – 32, 157, 165, 624–626, 640, 641, 900
- Новицкий, большевистский партийный литератор – 405
- Новорусский М.В.**, деятель российского революционного движения – 559, 725, 900
- Ногин В.П.**, председатель ЦРК РКП(б) – 348, 349, 900
- Носке Г.**, немецкий социалист – 193, 287, 304, 319, 409, 410, 669, 900
- Нуланс Ж.**, посол Франции в России – 423, 440, 743, 744, 900
- Овсянников Н.Н., большевистский партийный литератор, защитник – 38, 290, 307, 405
- О’Греди, иностранный дипломат в Москве – 235, 258
- Озер А., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102
- Олар Ф.А.**, профессор Сорбонны – 102, 346, 900

Олхед – см. Allhead

Онишко Ф.М., член ПСР – 32, 165, 613, 835, 900, 901

Опарин, председатель военной коллегии Сибирского отделения Верхтриба – 680

Орджоникидзе Г.К., советский партийный и государственный деятель – 323, 324, 500, 901

Орлинский – см. Буревой К.С.

Орлов Б., исследователь – 640

Орлов-Денисов, граф – 908

Осинов Д.П., архитектор обелиска Свободы – 682

Осинцев М., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730

Осипова И.И., научный сотрудник НИПЦ «Мемориал» – 8

Оудехост Я., один из руководителей социал-демократической рабочей партии Нидерландов – 669

Охотин Н.Г., зам. председателя Совета НИПЦ «Мемориал» – 8

Павлов, нач. Особого отдела 30-й дивизии 5-й армии – 922

Павлов В.Е., член ПСР – 32, 165, 711, 742, 901

Павлов В.С., член ПСР – 48

Павлов Д.Б., исследователь – 834

Павлова И.И., сотрудник ИИ СО РАН – 8

Павлова Т.Ф., начальник Управления использования архивных документов – 8

Павлу Б., председатель российского филиала Чехословацкого Национального совета – 736

Павлуновский И.П., полномочный представитель ГПУ по Сибири – 16, 389, 390, 693, 696, 702, 901

Паевский В.И., б. член ПСР, свидетель – 29, 32, 33, 165, 612, 613, 649, 685, 901

Пальчинский П.И., б. товарищ министра торговли и промышленности Временного правительства – 31, 656

Панет, русская социалистка – 544

Панина С.В., графиня, член ЦК партии кадетов – 31, 554, 901

Панкратов В.С., деятель российского революционного движения – 725, 692, 828

Парский, генерал – 74, 165, 902

Паскаль П.К., б. сотрудник Франц. военной миссии, свидетель – 424, 425, 729, 902

Патейдль (Потейдл) И., председатель российского филиала Чехословацкого Национального совета – 736

Пекарский Э.К., деятель российского революционного движения – 559

Пелевин П.Н., б. член ПСР, обвиняемый – 28, 44, 87, 449, 453, 815, 902

Пелле, генерал – 354

Пенлевэ (Пенлеве) П., франц. ученый, политик – 102, 346, 902

Пенелаяев В.Н., член ПСР – 31, 165, 624, 902

Переверзев П.Н., б. министр юстиции Временного правительства – 716

Перегудова З.И., исследователь – 834

Псрельцвейг, друг Л.А. Канегиссера – 876

Перовская С.Л., член Исполкома «Народной Воли» – 641, 746, 903

Перхуров А.П., полковник – 744

Пескин И.М., член Республиканского союза России – 747

Петен А., франц. политический деятель – 934

Петлюра С.В., один из лидеров украинского националистского движения – 555, 884

Петр I, российский император – 183

Петрашевский М.В., деятель российского революционного движения – 21

Петров А.А., член ПСР и сотрудник охраны – 20, 633, 645

Петров М., журналист «Нового Мира» – 184, 663, 664

Петров П., соучастник кражи документов Административного центра – 347

Петров С.Г., сотрудник ИИ СО РАН – 8

- Петрова М.Г., исследователь – 666
Петровский Г.И., член ЦК РКП(б) – 173, 323, 324, 328, 426, 499, 712, 713, 903
Петровский-Липец, член РКП(б) – 555
Петрушева Л.И., зав. отделом ГАРФ – 658
Петрушин А.А., исследователь – 697
Пешехонов А.В., один из лидеров партии народных социалистов – 614, 656
Пешкова Е.П., руководитель Политического Красного Креста – 109, 688
Пийп А., премьер-министр Эстонии – 354, 903
Пик В., один из руководителей СЕПГ – 705, 706
Пилсудский Ю., польский политический и государственный деятель – 690, 738
Пинес, следователь – 585
Пио Л., один из основателей Датской соц.-дем. партии – 671
Пип – см. Пийп А.
Пирогов В., член ПСР – 719
Пиш, морской капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Пишон С., министр иностранных дел Франции в правительстве Ж. Клемансо – 658
Пищалка Е., жертва ВЧК–ГПУ – 183
Платтен Ф., швейцарский социалист – 435, 903
Плевако Ф.Н., адвокат – 857
Плеве В.К., министр внутренних дел России – 358, 618, 629, 718, 903, 920
Плесков В.А., член РСДРП – 604, 718
Плетнев Ф., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
Плеханов Г.В., деятель российского революционного движения – 537, 601, 606, 746, 832, 904, 916
Победоносцев К.П., русский государственный деятель – 504, 767, 904
Поварской, член ПСР – 165, 904
Поволоцкий, владелец книжного магазина – 475
Погоний Я.Ф., начальник управления ФСБ РФ – 8
Подбельский В.Н., большевик, брат Ю.Н.Подбельского – 464
Подбельский Ю.Н., член ПСР – 32, 37, 38, 166, 456, 904
Подвицкий В.В., член ПСР – 710
Подвойский Н.И., председатель Петроградского ВРК – 615
Подкопаев А.Г., сотрудник ЦА ФСБ РФ – 8
Покотилев А.Д., член ПСР – 601, 603
Покровский Г.К., член ЦБ ПСР – 80, 462, 463, 483, 484, 548, 682, 734, 746, 754, 904
Покровский М.Н., зам. наркома просвещения, обвинитель на процессе – 10, 82, 89, 167, 228, 283, 293, 306, 307, 393, 405, 493, 502, 505, 506, 510, 512, 516, 678, 681, 762–764, 769, 771, 773, 777, 786, 841, 904
Покровский Н.Н., академик РАН – 8
Покровский Ф.И., исследователь – 746
Полетика Е., социалистка, арестованная – 520
Полковников Г.П., командующий войсками Петроградского гарнизона – 32, 344, 437, 438, 501, 762, 862, 905
Полуян Д.В., член ВЦИК – 730
Поль-Бонкур Ж., франц. политический и государственный деятель, предполагаемый защитник – 219, 221, 231, 234, 235, 237, 400, 685, 727, 754, 905
Поляков М.Х., большевистский партийный литератор – 405, 905
Попов А.В., большевик – 604, 605
Попов Д.И., член ПЛСР – 827
Попов Н.Н., член агитационной «тройки» ЦК РКП(б) – 20, 92, 95, 290, 403–405, 412–414, 418, 490, 491, 493, 567–569, 728, 755
Попов-Мещеряков С.В., член ПСР – 165, 466, 905
Попова Л.Н. – см. Коноплева Л.В.

- Породелов (Пораделов), член ПСР, подполковник Генерального штаба – 31, 165, 613, 905
- Поспелов П.В., член ПСР – 33, 34
- Постников С.П.**, член ЗД ПСР – 31, 138, 155, 165, 175, 176, 191, 220, 474, 477, 593, 663, 723, 724, 751, 754, 815, 816, 905, 915
- Постников, полковник – 170
- Потехин Ю., «сменовеховец» – 879
- Потресов А.Н., один из лидеров РСДРП – 601, 606, 657
- Прайсман Л.Г., исследователь – 8
- Пранайтис, ксендз – 26
- Прейс Г., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
- Преображенский Е.А.**, член ЦК РКП(б), партийный литератор – 86, 92, 179, 208, 309, 356, 906
- Прибылев А.В., деятель российского революционного движения – 828
- Прилежаев И.А.**, член ЦК ПСР – 164, 663, 745, 906, 907
- Прокопович, левый эсер – 65
- Прокофьев Г.Е.**, пом. начальника ИНО ГПУ – 264, 564, 907
- Прокофьев, член военной комиссии ПСР – 612
- Протопопов, боевик – 640, 641
- Прошьян П.П., член ЦК ПЛСР – 827, 840
- Пуанкаре Р.**, премьер-министр Франции – 556, 907
- Пуль, сотрудник американского консульства – 424
- Пумпянский Н.П., член Учредительного Собрания – 734
- Пшиходский В.И., член ПСР – 100, 750
- Пьер, франц. социалист, литератор – 475
- Пьяных И.Е., член ПСР – 18
- Пятаков Г.Л.**, член ЦК РКП(б), председательствующий на процессе – 6, 7, 25, 35, 37, 53, 60, 68–78, 80, 92, 218, 242, 245, 246, 258, 261, 266, 271, 274, 276, 283, 290, 293, 299, 303, 306, 307, 398, 399, 406, 407, 415, 492, 495, 498, 509, 512, 561, 677, 678, 686, 687, 692, 705, 707, 727, 754, 817, 907
- Пятницкий И.А., член ВЦИК, член ИККИ – 908
- Пятс К., премьер-министр Эстонии – 903
- Рабинович К.И., обвиняемый – 29, 170
- Рабинович Б.Н.**, технический секретарь ЗД ПСР – 31, 98, 113, 153, 154, 165, 177, 189, 190, 474, 478, 479, 481, 482, 557, 558, 588, 617, 651, 652, 705, 741, 751–753, 815, 908
- Рагозинникова – см. Рогозинникова Е.П.
- Радек К.Б.**, чл. ЦК РКП(б), руководитель антиэсеровской кампании за рубежом – 20, 67, 83, 92, 114, 173, 179, 184, 192, 194, 195, 218–222, 231, 235, 250, 272, 276, 283, 294, 298, 304, 310–312, 324, 328, 330, 331, 346, 355, 356, 373, 380, 385, 392, 395, 396, 398, 400, 401, 494, 495, 500, 547, 552, 554–556, 567–570, 670, 678, 685, 688, 689, 707, 723, 724, 726, 727, 729, 731, 753, 908
- Радзиевский, пристав – 351
- Радин В.Е., член МБ ПСР – 93
- Радищев А.Н., русский писатель – 789
- Раецкий С.С., обвиняемый на предварительном следствии – 29
- Ракитин – см. Броун-Ракитин М.Я.
- Ракитников Н.И.**, б. член ЦК ПСР, свидетель – 34–36, 164, 421, 423, 429, 525, 610, 619, 627, 628, 634, 638, 646, 649, 659, 663, 666, 667, 734, 737, 744, 745, 802, 908
- Ракитянский Я.Г., исследователь – 497, 499
- Раков Д.Ф.**, член ЦК ПСР – 28, 29, 87, 107, 109, 110, 115, 123–125, 164, 170, 197, 198, 254, 351, 357, 377, 378, 382, 383, 431, 445, 446, 447, 454–456, 487, 515, 543, 571, 575, 577, 579, 580, 663, 694, 695, 697, 699, 700, 708, 744, 745, 771, 772, 797, 819, 820, 821, 861, 874, 909

- Раковский Х.Г.**, член ЦК РКП(б) – 126, 129, 192, 323, 324, 328, 330, 499, 522, 909
Раппопорт Ш., член ЦК КП Франции – 219, 232, 400, 910
Раскольников Ф.Ф., зам. наркома по морским делам – 940
Ратенау В., министр иностранных дел Германии – 244, 296, 704, 705, 851, 910
Ратнер Г.М., б. член ПСР, обвиняемый – 29, 32, 46, 47–49, 70, 87, 92, 453, 456, 492, 496, 498, 549, 665, 686, 830, 910
Ратнер-Элькинд Е.М., член ЦК ПСР – 28, 29, 32, 41, 46–48, 54, 60, 73, 82, 87, 107, 115, 118, 122, 123, 164, 254, 350, 351, 377, 379, 382, 383, 421, 435, 447, 454, 456, 511, 512, 520, 537, 541, 571, 573, 574, 576, 577, 579, 624, 628, 696, 722, 745, 746, 779, 780, 808, 831, 870, 910
Раух Е., редактор газ. «Freiheit» – 680
Рацканов – см. Ларцан
Рачковский П.И., вице-директор Департамента полиции – 351
Ребрух В.М., б. член ПСР – 685
Редлих, свидетель – 664
Рейснер В.К., член ПСР – 32, 35, 49, 50, 53, 55, 56
Рейснер М.А., один из инициаторов создания Комакадемии – 678
Рейтер Г., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Реле, представитель Английской военной миссии – 424
Ремянникова, жена М.А.Лихача – 448
Ренодель П., французский социалист – 126, 287, 319, 474, 476, 911
Решетов И.Ф., нач. 3-го отделения СО ОГПУ – 92, 125, 575, 577, 578, 580, 911, 930
Риган В.А., член ПСР – 752
Ригин, сотрудник НКЮ – 267, 269, 272
Риль А., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102
Риман Н.К., полковник – 351
Рихтер В.Н., член ЦК ПСР – 32, 154, 164, 170, 178, 189, 190, 420, 421, 439, 617, 618, 627, 628, 653, 745, 911, 912
Робеспьер М., один из руководителей Французской революции – 183, 809
Рогинский А.Б., председатель Правления Международного общества «Мемориал» – 8
Роговский Е.Ф., член ПСР – 165, 354, 422, 443, 474, 477, 708, 713–715, 739, 741, 747, 748, 750, 752, 912
Рогозинникова Е.П., член ПСР – 351
Родин В.А., поручик – 661
Розанов, член ПСР – 166, 913
Розанов В.Н., меньшевик – 657
Розанов С.Н., генерал – 442, 913
Розенблюм Д.С., член Учредительного Собрания, амнистированный обвиняемый – 29, 32, 33, 164, 626, 631, 663, 734, 735, 743, 906, 913
Розенгольц А.П., полпред СССР в Англии – 126, 795, 913
Розенталь Л., переводчик иностранной делегации защитников – 231, 233, 235, 237, 242, 243, 246, 259, 260, 264–269, 272, 276, 277
Розенфельд К., иностранный защитник – 71, 72, 226, 227, 231, 233–236, 240, 242–246, 253, 259–269, 272–275, 277, 346, 459, 495, 554, 665, 682, 685, 686, 727, 754, 913
Розенфельд О.И., член Республиканского союза России – 747
Розмирович Е.Ф., зав. следственным производством Верхтриба – 29, 30, 33, 36, 56, 59, 215, 216, 217, 394, 398, 426, 448, 449, 452, 459, 677, 680, 726, 745, 800, 913
Рокфеллер Дж., американский финансист – 411
Роллан Р., франц. писатель – 102, 558, 913
Роллен А., бельгийский социалист – 670
Романенко П.И., член Учредительного Собрания – 734

- Россель Л.В., участник Совещания по созданию «Внепартийного объединения» – 713, 750, 752
- Рубанович** И.А., секретарь ЗД ПСР – 85, 164, 185, 474, 475, 477, 548, 596, 619, 662, 671, 713, 741, 748, 913, 915
- Рубин** И.И., член РСДРП, предполагаемый защитник на процессе – 54, 273, 274, 331, 350, 468, 731, 914
- Рубинштейн, член ПСР – 474
- Рудаков, секретарь агитационной «тройки» – 402, 405, 412–415, 420, 490, 493
- Рудаков** П.И., член ПСР, боевик – 31, 159, 165, 651, 914
- Рудзиевский В.И., неразысканный обвиняемый – 32
- Рудзутак** Я.Э., член ЦК РКП(б) – 173, 192, 323, 324, 330, 356, 380, 381, 383, 499, 914
- Руднев** В.В., член ПСР – 31, 138, 143, 165, 474, 679, 712–714, 734, 741, 744, 747, 748, 750, 751, 851, 852, 914
- Руднева В.И., участник Совещания по созданию «Внепартийного объединения» – 713
- Рукавишников, свидетель – 700
- Рукебрук, иностранный социалист – 727
- Русанов** Н.С., член ЗД ПСР – 138, 164, 185, 474, 477, 484, 548, 593, 662, 663, 723, 724, 744, 745, 748, 754, 855, 913, 915
- Руссо К., франц. профсоюзный деятель – 333
- Рутенберг П.М., член ПСР – 601
- Рыков** А.И., член Политбюро ЦК РКП(б) – 19, 86, 116, 206, 209, 212, 213, 215, 217, 218, 228, 240, 255, 283, 294, 298, 303, 304, 310, 322–324, 328, 330, 346, 348, 349, 356, 374, 378, 379, 380, 383, 385, 399, 499, 570, 690, 915
- Рюисик, сотрудник Франц. военной миссии – 655
- Рюмин** А.Н., член ПСР – 166, 915
- Рязанов** Д.Б., член РКП(б) – 16, 18, 21, 84, 348, 393, 494, 497, 678, 688, 756, 757, 915
- Саблин Ю.В., член ЦК ПЛСР – 827
- Сабуро, капитан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Савватъев, член «технической тройки» ГПУ – 63
- Савинков** Б.В., один из руководителей БО ПСР, писатель – 22, 174, 176, 186, 187, 280, 423, 431, 435, 601, 603, 629, 633, 634, 644, 666, 667, 690, 691, 744, 881, 888, 916
- Саврасов Л.А., нач. Центр. карательного отдела НКЮ – 233, 263, 686
- Савченко Ф., член ПСР – 466, 693, 696, 699, 700
- Садуль** Ж., член ЦК КП Франции, защитник – 76, 397, 400, 554, 707, 729, 830, 916
- Сажин М.П., деятель российского революционного движения – 828
- Сазонов Е.С. – см. Созонов Е.С.
- Сакулин П.Н., член редколлегии ж. «Летопись Дома литераторов» – 754
- Самгин** – см. Сумгин М.И.
- Самойлов Ф.Н., член большевистской фракции IV Государственной думы – 712, 921
- Самородов О., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Самсонов** Т.П., нач. Секретного отдела ГПУ – 16, 28, 36, 37, 59, 63, 64, 80, 92–95, 103, 104, 110–112, 115, 116, 130, 164, 242, 244–247, 258, 260, 261, 266, 269, 271, 273, 274, 276, 331, 347, 375, 385, 389, 400, 422, 446, 564–567, 582, 693, 721, 722, 917
- Сандомир Л.П., член РСДРП – 598
- Сапожников, большевистский партийный литератор – 405, 674
- Сапронов** Т.В., член Президиума ВЦИК – 323, 324, 381, 499, 917
- Сарычев Н.Н., член ПСР – 613
- Сассенбах И., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102

- Сафикюрдский А.А., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
Сафонов В.Н., научный сотрудник Академии ФСБ РФ – 8
Сахаров В.В., ген.-адъютант – 840
Сватош Б.Ф., начальник секретно-оперативного отдела Главного штаба Народной армии западносибирского крестьянского восстания – 661
Свердлов Я.М., председатель ВЦИК – 615, 642, 643, 841
Светлов М.А., большевистский партийный литератор – 405
Свидерский А.И., зам. наркома земледелия РСФСР – 775
Свирская – см. Гершевич-Свирская М.А.
Святицкий М. – см. Святицкий Н.В.
Святицкий Н.В., б. член ПСР, свидетель – 32, 33, 185, 429, 452, 609, 619, 627, 628, 631, 633, 731, 732, 735–737, 742, 743, 746
Святловский В.В., автор статьи в ж. «Былое» – 746
Сеайль Г., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102, 346
Северак, иностранный социалист – 728
Седой – см. Литвин-Седой З.Я.
Семар П., делегат конгресса Профинтерна – 917
Семашко Н.А., нарком здравоохранения РСФСР – 238, 917
Семевский В.И., член редколлегии ж. «Летопись Дома литераторов» – 754
Семенов (Васильев) Г.И., б. член ПСР, член РКП(б) – 9, 11–13, 20–27, 29, 34, 39, 41–44, 46–48, 51, 52, 55, 56, 80, 81, 87, 92, 149–158, 160, 165, 168–179, 184–187, 189–193, 207, 208, 214, 247, 249, 390, 421, 422, 426, 430, 431, 433, 435, 447–449, 453, 455, 456, 463, 469, 475, 480, 481, 495–498, 505, 513, 533, 540, 549, 560, 609, 612–615, 617, 619, 620, 625, 626, 629–634, 636, 637, 639–647, 649–653, 655, 656, 659, 662–668, 672–674, 685–688, 695, 707, 745, 783, 790, 793, 816, 819, 830, 874, 883, 912, 917, 918, 923, 931, 940
Семенов Г.М., генерал-лейтенант – 441, 442, 917
Семенов И.М., член ПСР – 37, 166, 465, 918
Семенова Т.А., внучка В.Н. Рихтера – 8
Сеньобос Ш., франц. ученый, участник протестной кампании – 102, 346, 918
Серакер, сотрудник НКЮ – 267
Сергеев Н., рабочий-боевик – 32, 43, 52, 156, 164, 165, 171, 190, 191, 533, 621, 649–651, 792, 918
Сергей Александрович, вел. кн. – 629, 876
Сергей Осипович — см. Ежов (Цедербаум) С.О.
Серебряков Л.П., член ЦК РКП(б) – 22–24, 26, 149, 151, 431, 545, 673, 833, 918
Серебряков Э.А., деятель российского революционного движения – 559, 918
Сидоров И.Н., член ПСР – 166, 919
Сизухин, полковник, подсудимый по процессу Бакича – 680
Силин Н.Н., б. поручик, один из руководителей Западносибирского крестьянского восстания – 661
Симановская, член партии революционного коммунизма – 674
Симар, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Симонне, сотрудник Франц. военной миссии – 655
Синани Б.Н., член «Комитета спасения родины и революции» – 31, 342
Синявский А.Д., диссидент – 144
Сипягин Д.С., министр внутренних дел – 618
Ситрин Ч., английский профсоюзный деятель – 671
Скворцов-Степанов И.И., член ЦК РКП(б), партийный публицист – 569
Скобелев М.И., б. кандидат в члены ЦК РСДРП, неофициальный торгпред РСФСР во Франции – 317, 328, 332–337, 682, 919
Скоропадский П.П., гетман – 280, 860, 907
Скрамэ, представитель ГПУ при председателе ВЦИК – 115
Скуратов Малюта – см. Скуратов-Бельский Г.Л.
Скуратов-Бельский Г.Л., глава опричного террора – 183

- Скуридинова, член ПСР – 649
Слащев Я.А., генерал – 65, 344
Слетов С.Н., член ЦК ПСР – 601, 619
Слетова А.Н., член Учредительного Собрания – 734
Словатинская, сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 383
Слоним М.Л., член ЗД ПСР – 165, 593, 611, 662, 713, 714, 741, 747, 748, 750, 751, 919
Смилга И.Т., член ЦК РКП(б) – 328
Смиренин, неразысканный обвиняемый – 32, 612
Смирнов А.П., член Президиума ВЦИК – 113, 121, 310, 324, 369, 380, 381, 394, 499, 919
Смирнов И.Н., б. председатель Сибревкома – 292, 697, 782, 919
Смирнов Н., зав. Бюро Секретариата ЦК РКП(б) – 152, 160, 249, 250
Смирнов Н.П., член ПСР – 456, 610, 667, 668, 819, 920
Смирнов-Гнедов С.И. – см. Гнедов-Смирнов С.И.
Смольнин (Терванд) И.И., генерал белой армии – 237, 680, 838, 920
Смолянский Г., большевистский партийный литератор – 405
Снежко-Блоцкий Н.Г., член ПСР – 28, 32, 33, 50, 638
Сноуден Ф., английский социалист – 538, 920
Соврасов – см. Саврасов Л.А.
Созонов Е.С., член ПСР – 112, 118, 358–360, 403, 408, 572, 641, 718, 719, 840, 903, 920
Соколов, прапорщик – 616
Соколов Б.Ф., член лит. отдела Военной комиссии при ЦК ПСР, член Учредительного Собрания – 31, 153, 165, 612, 741, 747, 920
Соколов В., член ПСР – 648
Соколов М.М., амнистированный обвиняемый – 32, 33, 165, 920
Соколов Н.Д., юрист, предполагаемый защитник – 235, 456, 920
Соколов-Курицын В.М., член ПСР – 166, 920
Сокольников Г.Я., член ЦК РКП(б), член комиссии по эсерам и меньшевикам – 161, 276, 310, 315, 316, 323, 324, 328, 370, 374, 381, 500, 920
Соловьев, зам. наркома здравоохранения – 65
Соловьева, родственница одного из подсудимых – 88
Сольц А.А., член ЦКК РКП(б) – 380, 381, 921
Сопляков – см. Буревой К.С.
Сомов А.В., член ТНСП, работавший в Военном отделе «Комитета спасения родины и революции» – 613
Сорин В.Г., член МК РКП(б), партийный литератор – 405, 414, 419, 745, 921
Сорокин П.А., член Учредительного Собрания – 663, 734, 888
Соснина, дочь Е.Я. Сосниной – 126
Соснина Е.Я., жена Ф.Ф. Федоровича – 125
Сосновский Л.С., зав. Агитпропом ЦК РКП(б) – 86, 185, 193, 249, 250, 304, 305, 391, 403, 662, 669, 672, 726, 921
Сотников Г.П., член ПСР – 32, 37, 165, 616, 921
Спаак П.А., бельгийский социалист – 670
Спалайкович, посредник в переговорах эсеров с представителями Антанты – 657
Спектор И., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
Сперанский А.Н., член ПСР – 166, 921
Спиридонова М.А., член ЦК ПЛСР – 129, 192, 519, 603, 827, 840, 922
Ставская Ф.Е., б. член ПСР, обвиняемая – 29, 87, 158, 165, 453, 629, 636, 830, 923
Сталин И.В., генеральный секретарь ЦК РКП(б) – 16–18, 23, 30, 41, 61, 86, 93, 113, 114, 116, 119, 120, 123, 124, 126, 134, 142, 147, 148, 161, 163, 173, 179, 192, 194, 195, 203, 206, 209, 211–220, 222, 225, 228, 233, 236, 237, 240–242, 244–250, 255, 258, 261, 266, 271, 274, 276, 283, 284, 294, 295, 298–300, 303–305, 310–312,

- 317, 322–325, 328, 330, 331, 332, 356, 368, 369, 370, 372–374, 377–381, 383, 385, 399, 412, 499, 568–570, 577, 642, 690, 730, 756, 854, 886, 923
- Сталинский** Е.А., член ЗД ПСР – 165, 593, 611, 662, 713, 714, 742, 746, 748, 752, 919, 923
- Статковский П.С., чиновник Санкт-Петербургского охранного отделения – 746
- Стаунинг Т., председатель соц.-дем. партии Дании – 201, 677
- Стеклов** Ю.М., редактор «Известий ВЦИК» – 10, 11, 19, 65, 167, 179, 194, 195, 209, 211, 212, 219, 254, 262, 344, 352, 396, 405, 412, 466, 508, 553, 662, 668, 685, 728, 731, 776, 923
- Стельмаков, член ПСР – 466
- Степанов, член ПСР – 696
- Степанов, сотрудник полпредства РСФСР в Германии – 188, 237
- Степанов И.И. – см. Скворцов-Степанов И.И.
- Степанов, генерал – 838
- Степанова А.П. – см. Коноплева Л.В.
- Стефанович Я.В., деятель российского революционного движения – 746
- Стиннес** Г., немецкий предприниматель – 411, 924
- Столыпин** П.А., премьер-министр России – 530, 645, 809, 924
- Струве П.Б., кадет – 877
- Студенецкий** С.А., член ПСР – 166, 924
- Стуков** И.Н., член РКП(б), член группы по обеспечению процесса – 290, 292, 306, 307, 405, 417, 683, 775, 924
- Стучка** П.И., член ИККИ – 261, 684, 924
- Суварин** Б.К., член ИККИ – 20, 213, 239, 396, 397, 674, 707, 728, 924
- Суворов М.Н., привлекавшийся к суду, эмигрант – 31, 657, 815
- Сулимов Д.Е., кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б) – 328
- Сумгин** М.И., член ЦК ПСР – 164, 166, 420, 423, 426, 627, 628, 745, 917, 924
- Сундукьянц, осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Сургучев Д.П., член ПСР – 31, 613
- Сури, сотрудник Франц. военной миссии – 654
- Сулова-Михайлова** А.Н., член ПСР – 166, 925
- Суслов-Груздев** И.Н., член ПСР – 166, 925
- Суханов Н.Н., б. член РСДРП – 757, 762
- Сухомлин** В.В., член ЗД ПСР – 164, 219, 220, 222–225, 230–232, 234, 236, 237, 261, 395, 400, 401, 455, 474, 477, 478, 481, 482, 484, 548, 588, 589, 593, 611, 662, 680, 685, 713, 717, 724, 727, 741, 745, 748, 750, 754, 830, 855, 919, 926
- Сухомлин В.И., народоволец – 926
- Сухомлинов – см. Сухомлин В.В.
- Сухорукова-Спектор О., обвиняемая на процессе над бакинскими эсерами – 729, 730
- Сыровой Я., чешский военный – 732
- Табул, генерал, глава Франц. военной миссии – 439, 440
- Тагер** А.С., юрист, защитник – 72, 79, 80, 94, 243, 244, 263, 265, 267, 268, 456, 686, 687, 756, 926
- Тагор** Р., индийский поэт, общественный деятель – 558, 926
- Тагунов-Ельшевич – см. Тагунов (Тягунов) С.Т.
- Тагунов (Тягунов) С.Т., член ПСР – 32, 45, 46, 435, 693, 696
- Тамерлан (Тимур), средневековый полководец – 183
- Тарабукин С.К., член ПСР – 519
- Тарханов Н., осужденный по процессу над бакинскими эсерами – 730
- Тельман Э., один из основателей КП Германии – 706
- Теодорович** И.А., член ВЦИК – 348, 926
- Теплова Е.Ф., сотрудник ГАРФ – 658
- Терещенко М.И., министр финансов Временного правительства – 893

Терквям Э., франц. общественный деятель, участник протестной кампании – 102

Тер-Погосьян М.М., член комиссии ЗД ПСР и «Внепартийного объединения» – 479, 482

Тесленко (Тисленко) М.А., член ПСР – 31, 165, 481, 622, 649, 926

Тетеркин И.И., член ЦК ПСР – 421, 628, 745, 799, 926

Тезмант Я., премьер-министр Эстонии – 903

Тимофеев Е.М., член ЦК ПСР – 12, 28, 29, 35, 38, 41–43, 47, 54, 60, 70, 87, 88, 107, 109, 112–115, 117, 120, 123–129, 164, 172, 179, 197, 198, 254, 292, 350, 351, 356–360, 367, 368, 370–375, 377–379, 382, 383, 420, 421, 424–426, 431, 434, 435, 440, 447, 454, 487, 500, 513, 536, 542, 557, 569–571, 573, 577–580, 590, 618, 619, 624, 627, 628, 648, 658, 665, 667, 687, 705, 706, 722, 724, 734, 735, 742, 745, 758, 764, 771, 773, 792, 808, 829–831, 856, 865, 869, 870, 912, 927

Тимофеев М.А., народоволец – 927

Тисленко – см. Тесленко М.А.

Титов А.А., член ЦК ТНСП – 615

Тихомирнов Г.А., сотрудник Бюро Секретариата ЦК РКП(б) – 164

Тихон (Белавин В.И.), Патриарх Московский и всея Руси – 411, 927

Тихонов А.Н., социал-демократ «интернационалист» – 757

Товстуха И.П., помощник И.В. Сталина – 331, 383, 385, 756, 928

Токарев, полковник, подсудимый по процессу Бакича – 680

Толстова, обвиняемая на предварительном следствии – 31

Толстой А.Л., русский советский писатель – 879

Толстой Л.Н., русский писатель – 767

Толстой П.М., один из организаторов Союза чиновников – 863

Тольятти П., один из основателей и руководителей Итальянской компартии – 706

Тома А., сотрудник Франц. военной миссии – 654

Тома А., франц. политический деятель – 287, 304, 319

Томас – см. Тома А.

Томашевич В.Ф., член ПСР, боевик – 31, 159, 165, 621, 623, 651, 928

Томский М.П., кандидат в члены ПБ ЦК РКП(б), защитник – 86, 173, 192, 195, 215, 217, 240, 255, 276, 283, 294, 298, 310, 322–324, 328, 356, 374, 378–381, 383, 499, 554, 570, 690, 928

Топоркова-Горева А., деятель российского революционного движения – 828

Торез М., один из руководителей франц. Компартии – 706

Третьяков Н.Г., исследователь – 697

Триллссер М.А., нач. ИНО ГПУ – 242, 245, 246, 258, 261, 266, 271, 274, 276, 564, 565, 689, 928

Троцкий Л.Д., член Политбюро ЦК РКП(б) – 16, 17, 19, 21, 22, 24, 30, 41, 51, 52, 72, 85, 86, 95, 116, 119, 120, 129, 148, 153, 156–159, 163, 168, 170, 171, 178, 190, 192–195, 203, 206, 208, 209, 211–218, 220, 233, 236, 237, 239, 240, 242, 245, 246, 249, 250, 255, 258, 260, 261, 266, 271, 274, 276, 283, 285, 289–291, 294, 298, 299, 304, 305, 310–312, 322, 324, 325, 328, 330–332, 342, 343, 346, 356, 370, 374, 378, 379, 390–392, 395, 398–400, 402, 403, 415, 498, 499, 503, 504, 547, 553, 555, 556, 560, 561, 602, 618, 622–625, 629, 633, 637, 650, 651, 674, 677, 678, 690, 692, 705, 706, 726, 727, 730, 765, 766, 798, 829, 830, 842, 901, 908, 912, 921, 924, 928, 940

Трояновский А.А., б. член ЦК РСДРП – 657, 658

Трульстра П.Й., один из руководителей социал-демократической рабочей партии Нидерландов – 669

Трупп Е.А., б. член ПСР – 237, 685

Туасси, сотрудник Франц. военной миссии – 654

Тумаркин Д., зав. агитпропом Сиббюро ЦК РКП(б) – 165, 408, 928

Туратти Ф., итальянский социалист – 287, 319, 928

Тутен, сотрудник Франц. военной миссии – 654

Тыниссон Я., премьер-министр Эстонии – 903

Тютчев Н.С., член ЦК ПСР – 665, 746, 828

Тягунов – см. Тагунов (Тягунов) С.Т.

Тяпкин Е.Ф., член ПСР – 32, 389, 529, 693, 694, 696, 700–702, 808, 928

Удегест, секретарь Амстердамского интернационала профсоюзов – 201

Уланова В.А., член ПСР – 165, 928

Улитин В.И., обвиняемый на предварительном следствии – 29

Ульрих В.В., член Верхтриба – 394, 406, 928

Уншлихт И.С., зам. председателя ГПУ – 25, 27, 28, 60, 61, 72, 83, 92–95, 97, 103–105, 107, 108, 110, 113–117, 148, 161–164, 167, 173, 177, 179, 184, 187, 188, 192, 193, 195, 207–210, 212, 220, 221, 225, 233, 235, 237, 242, 245–247, 249, 250, 258, 260, 261, 266, 271–274, 276, 290, 293, 298, 310, 331, 357, 368–373, 377, 378, 385, 392, 415, 427, 433, 444, 565, 570, 608, 609, 652, 692, 713, 721, 722, 727, 847, 928

Урицкий М.С., председатель Петроградской ЧК – 23, 24, 49, 51, 52, 77, 129, 156, 157, 164, 167, 170, 178, 193, 256, 279, 396, 404, 522, 615, 622, 623, 625, 650, 651, 713, 876, 877, 922, 929

Усенко, член ПСР – 32, 165, 612, 616, 929

Усов К.А., б. член боевой группы Семенова, обвиняемый – 28, 49–52, 55, 56, 87, 156, 157, 165, 281, 449, 453, 621, 622, 624–626, 649, 650, 652, 692, 745, 783, 830, 929

Устинов А.М., лидер партии революционных коммунистов – 485, 674

Утгоф-Дерюжинский В.Л., член ПСР – 36, 53, 87, 107, 111, 130, 165, 254, 352, 379, 382, 383, 454, 512, 571, 572, 576, 579, 612, 746, 788, 789, 929, 930

Уэллс Г., англ. писатель-фантаст, общественный деятель – 102, 346, 558, 930

Фабрикант В.О., член ПСР – 98, 99, 103, 112, 476, 629, 713

Фалунин, член ПСР – 612

Федер Э., немецкий общественный деятель, участник протестной кампании – 102

Федодеев А.В., член ПСР – 166, 930

Федоренко А.А., исследователь – 132

Федоров, сотрудник наркомата труда – 348

Федоров – см. Федоров-Козлов Ф.Ф.

Федоров В.Д., рабочий – 875

Федоров-Козлов Ф.Ф., б. член боевой группы Семенова, обвиняемый – 28, 43, 44, 87, 165, 166, 449, 453, 533, 621, 624, 625, 650–653, 692, 793, 931

Федорович Ф.Ф., член ЦК ПСР – 16, 28, 29, 54, 87, 89, 107, 123, 125, 164, 185, 254, 292, 350, 352, 382, 383, 390, 421, 423, 432, 433, 447, 454, 513, 514, 536, 542, 544, 545, 571, 575, 579, 580, 628, 665, 693, 698, 730, 745, 796, 858, 874, 880, 931

Фейт А.Ю., член ЦК ПСР – 29, 32–35, 48, 165, 931

Феттер К., редактор «Берлинер Фолькссайтунг», участник протестной кампании – 102

Фигнер В.Н., деятель российского революционного движения – 605, 828, 832, 837

Фигнер-Сажина Е.Н., деятель российского революционного движения – 828

Филипповский В.Н., член ПСР – 166, 430, 694, 708, 711, 874, 932

Филоненко М.М., член ПСР – 31, 165, 169, 440, 554, 655, 656, 817, 876, 932

Философов Д.Ф., русский критик, публицист – 690, 691

Фиммен Э., голландский социалист – 122, 201, 578

Фирсов – см. Розенблум Д.С.

Флатоу, представитель проф. комиссии Берлина и окрестностей – 199

Флеккель (Флаккель) Б.О., член Военной комиссии при ЦК ПСР – 31, 155, 612–614

Флеровский, журналист, сотрудник аппарата ЦК РКП(б) – 402, 404, 489

Флиген В. – см. Vliegen

Фомин, член комиссии ЦК РКП(б) по эсерам и меньшевикам – 161

Фомин Н.В., член ПСР – 31, 176, 191, 441, 613, 636, 649, 933

Фомичев, глава уральских казаков – 428

- Фондаминский И.И.**, член ЦК ПСР – 31, 96, 138, 143, 164, 476, 569, 619, 633, 656, 658, 663, 665, 679, 690, 713, 734, 741–743, 747, 748, 750, 832, 851, 852, 862, 914, 933, 937
- Фондаминский М.И., народоволец, старший брат И.И. Фондаминского – 933
- Фонтен (Фонтэн), сотрудник Франц. военной миссии – 424, 425
- Фонштейн А., обвиняемый на процессе над бакинскими эсерами – 730
- Фор П.**, генеральный секретарь Франц. соц. партии – 126, 488, 670, 933
- Фортман, гл. редактор «Парламентскорреспондент», участник протестной кампании – 102
- Фортунатов Б.К., член ПСР – 32, 428, 709, 732, 834
- Фотиева Л.А., секретарь В.И. Ленина – 745
- Франс А.**, франц. писатель – 102, 197, 299, 304, 346, 481, 558, 796, 934
- Франсуа, командир Франц. военной миссии – 654
- Фроленко М.Ф., деятель российского революционного движения – 828
- Фроссар Л.О.**, член ИККИ – 219, 276, 397, 400, 547, 552, 555, 729, 934
- Фрумкин М.И., зам. наркома продовольствия – 790
- Фрунзе М.В.**, советский военачальник – 89, 213, 499, 934
- Фука Д' Анвиль, прокурор – 510, 777
- Фукье-Теннвиль – см. Фука Д' Анвиль
- Фунтиков Ф.А., рабочий – 936
- Фуше Ж., министр полиции Франции – 506, 772
- Хабулари, обвиняемый на предварительном следствии – 31
- Халатов А.Б.**, член РКП(б) – 249, 934
- Халтурин И.П., родственник С.Н. Халтурина – 746
- Халтурин С.Н., член ИК «Народной Воли» – 746
- Хараш А.А., русский эмигрант – 482
- Харитон Б.И., редактор-представитель литературно-научной Коллегии Дома литераторов – 754
- Хейвуд Б., деятель рабочего движения, член КП США – 707
- Хендерсон – см. Гендерсон А.
- Ховрин А.А.**, член ЦК ПСР – 164, 934
- Ходоровский И.И.**, секретарь Сиббюро ЦК РКП(б) – 408, 935
- Холинджер, иностранец, высланный из России – 242
- Хорват Д.Л.**, генерал, управляющий КВЖД – 441, 935
- Хортер, представитель комитета Нансена в России – 242
- Хорошкевич Е., сотрудник ОГПУ – 574, 587, 588
- Хотимский В.И.**, большевистский партийный литератор – 405, 935
- Хреновский К.М., разысканный обвиняемый – 32
- Хризаколе-Де-Платан, обвиняемый – 28
- Христофоров В.С., начальник управления ФСБ РФ – 8
- Хроматко, член военной коллегии Сибирского отделения Верхтриба при ВЦИК – 680
- Цвикевич А.И., белорусский политический деятель – 672
- Цейтлин М.С.**, член ЦК ПСР – 37, 38, 130, 164, 431, 464, 831, 861, 935
- Целовальников (Целовальник) А.И., расстрелянный по делу об ограблении 9-го почтово-телеграфного отделения 4 октября 1918 г. – 653
- Церетели И.Г., член ЦК РСДРП – 606, 692
- Цеткин К.**, член ИККИ – 76, 85, 86, 110, 219, 307, 308, 313, 315, 397, 400, 505, 519, 520, 539, 547, 552, 554, 555, 581, 687, 705–707, 729, 769, 776, 787, 796–798, 810, 861, 935
- Цеткин О., участник российского революционного движения – 935
- Цидербаум Я.К., арестованный – 93

- Цион, член ПСР – 31, 165, 897
Цодиков, член ПСР, уполномоченный Комуча – 733
Цюруца А.Д., зам. председателя СНК РСФСР – 112, 173, 179, 206, 209, 212, 217, 240, 255, 276, 283, 357, 381, 907, 936
- Чайкин В.А.**, б. член ЦК ПСР – 129, 164, 179, 249, 404, 430, 452, 664, 745, 746, 754, 755, 936
Чайковский Н.В., член ЦК партии народных социалистов – 31, 249, 453, 613, 615, 656, 658, 668, 669, 685, 742, 827, 894, 936
Чаплин Г.Е., командующий войсками Верховного управления Северной области – 865
Чеберяк В., участница воровской шайки – 26
Чернавский М.М., деятель российского революционного движения – 828
Черненко Б.Н., министр земледелия Уфимской директории – 610, 735
Чернов В.М., член ЦК ПСР, ЗД ПСР – 31, 43, 44, 47, 48, 98, 124, 132, 138, 139, 164, 173, 176, 177, 179, 180, 184, 185, 188, 189, 191, 193, 194, 212, 218, 277, 280, 282, 287, 290, 319, 354, 398, 400, 409, 410, 416, 420, 421, 423, 430, 435, 437, 439, 443, 455, 474, 477, 481, 484, 498, 538, 546, 548, 593, 601, 602, 605, 617–619, 626–628, 632, 634, 638, 647, 657, 659, 662–666, 668, 669, 671, 672, 677, 685, 692, 712, 715, 717, 718, 723, 724, 730, 734, 738–741, 744–746, 748, 750, 753, 754, 757, 827, 832, 850, 864, 881, 906, 909, 912, 913, 915, 922, 933, 937
Чернов О.И., крестьянин – 431, 432, 938
Черный В., б. член ЦК партии революционного коммунизма, член РКП(б) – 675
Черняев, член ПСР, служащий Управления Александровской ж.д. – 31, 449
Черчилль У., премьер-министр Великобритании – 643
Чечек С., генерал – 428, 732, 733
Чечулин С.Ф., работник аппарата ЦК РКП(б) – 200, 284
Чистосердов А.П., член ПСР – 166, 849, 938
Чичерин Г.В., нарком иностранных дел РСФСР – 83, 121, 188, 197, 198, 202, 277, 300, 494, 556, 568, 938
Членов С.В., защитник обвиняемых 2-й группы – 80–82, 782, 813, 830
Чубарь В.Я., член Политбюро ЦК КП(б)У – 294, 298, 381, 499, 938
Чубыкин И.В., исследователь – 8
Чухнин Г.П., адмирал – 916
Чуче, докладчик на антиэсеровском митинге – 64
Чхеидзе Н.С., член ЦК РСДРП – 606, 692
- Шагов Н.Р., член большевистской фракции IV Государственной думы – 712
Шаламов В.Т., русский писатель – 144
Шардиньи, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Шаруйн, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Шаскольский П.Б., обвиняемый на предварительном следствии – 31
Шатихин У.Ф., студент – 93
Шафир, член РКП(б), помощник Н.В. Крыленко – 393, 397, 726
Шаховской Д.А., кн., ответственный редактор газ. «Голос России» – 662
Шаховской Д.И., кадет – 656
Шацкий Л., член ПСР – 466
Шварц С.М., член ЗД РСДРП – 608
Шебалин М.П., деятель российского революционного движения – 828
Шеболдаев Б.П., большевистский партийный литератор – 491
Шевильи, граф, профессор Франц. института в Петрограде – 658
Шегабетдинов, корнет – 680
Шейдеман Ф., немецкий социалист – 287, 288, 304, 319, 321, 409, 410, 411, 705, 938

- Шейн И.З., меньшевик, работавший в Военном отделе «Комитета спасения родины и революции» – 613
- Шен, секретарь Верхтриба – 7, 57, 447
- Шерер, швейцарский анархист – 206
- Шерлина Е.М., пом. технического секретаря Политбюро ЦК РКП(б) – 218, 317, 399, 567, 678
- Шестаков В.П.**, член ЦК ПСР – 28, 37, 164, 464, 938, 939
- Шийрон, нач. Ульяновского горотдела ОГПУ – 124
- Шиманкевич, комендант суда – 664
- Шимановский А.Б., член ПСР – 619
- Ширский П.И., член редколлегии газ. «Родная земля» – 746
- Шишкин В.Д.**, член ПСР – 166, 592, 456, 938
- Шишкин В.И., исследователь – 696, 697
- Шишмарев Н.Д., член ПСР – 604
- Шкирятов М.Ф., член ЦКК – 370
- Шкловский В.Б., писатель, работник Броневого отдела эсеровской военной организации – 32, 616, 622, 815, 816
- Шклявер С.Я., редактор газ. «Голос России» – 662
- Школьник М.М., б. член ПСР – 605
- Шлихтер А.Г., член ВЦИК, дипломат – 229
- Шляпников А.Г.**, б. нарком труда, член ЦК РКП(б) – 348, 521, 939
- Шмелев Н.А., член МПСР – 609, 663, 666
- Шмераль Б.**, член ИККИ – 100, 308, 706, 707, 729, 818, 939
- Шмерлинг-Волин В.Г.**, член ПСР – 166, 456, 939
- Шмидт Л., большевистский партийный литератор – 405
- Шмидт О.Ю., ученый – 179, 907
- Шнейдер Р., профессор Сорбонны, участник протестной кампании – 102
- Шоу Б.**, английский драматург, общественный деятель – 304, 558, 939
- Шрейдер Г.И.**, член ЗД ПСР – 31, 138, 165, 539, 548, 593, 665, 723, 724, 741, 746, 748, 751, 864, 939
- Шрейдер Д.**, член Военной комиссии при ЦК ПСР – 165, 612, 940
- Шрерс – см. Schroers
- Штальберг Ю., член ПСР – 32, 449
- Штамперер Ф., главный редактор «Форвертс», участник протестной кампании – 102
- Штейнберг И.З., член ПЛСР – 67, 862
- Штейнблук, сотрудник ГПУ – 272
- Штерин (Штерн) Я.И.**, член ПСР – 37, 166, 465, 730, 940
- Штернберг Л.Я., деятель российского революционного движения – 559
- Штефаник М.Р., словацкий астроном, офицер франц. авиации – 736
- Штребель Г., свидетель на процессе Чернова–Керстена – 102, 665
- Шубин П.А.**, защитник обвиняемых 2-й группы – 80, 247, 248, 292, 493, 526, 683, 804, 813, 814, 830, 940
- Шувалов П., градоначальник – 351
- Шумахер Г., редактор газ. «Голос России» – 662
- Щастный А.М.**, адмирал – 770, 940
- Щеголев П.Е., историк российского революционного движения – 746
- Щепкин Н.Н., кадет – 656
- Щербаков Д.М., профессор – 444, 652
- Щербачев – см. Щербаков Д.М.
- Щукин И.Н.**, член ПСР – 166, 941
- Эберлейн Г.**, член «тройки» ИККИ – 20, 213, 229, 239, 265, 272, 308, 397, 941

- Эберт Ф., немецкий социалист – 287, 319, 409, 410, 411, 705, 938, 941
Эйдук А.В., член коллегии ВЧК–ГПУ – 161, 585, 941
Эйнштейн А., немецкий ученый, участник протестной кампании – 102, 538, 941
Элькинд Л.М., член московского отдела БО ПСР – 910
Энгельс Ф., один из основоположников теории научного социализма – 537, 671, 914
Эплтон Ч., английский профсоюзный деятель – 671
Эрлих (Эрлиш), сотрудник Франц. военной миссии – 42, 43, 423, 424, 654, 657
Эсаулов Н.Е., врач, один из авторов заключения о свойствах яда кураре – 444, 445
Эстрин – см. Естрин Э.П.
- Юденич Н.Н., генерал – 410, 487, 728, 878, 941
Юдин И.Л. – см. Айзенштадт И.Л.
Юдин И.С., член ПСР – 32, 389, 685, 693, 694, 696, 699–702, 704, 941
Юрнев К.К., полпред в Латвии – 203, 204, 238, 348, 942
Юрьев А.И., исследователь – 693
Юскевич-Красковский Н.М., каид. в члены Главного совета Союза русского народа – 858
Юцис Р.Б., жена Н.Н. Иванова – 88
- Ягода Г.Г., зам. начальника СОУ ГПУ – 28, 59, 83, 92, 104, 112, 115, 119, 123, 124, 125, 379, 433, 565–567, 572, 575, 587, 722, 942
Якан, сотрудник Франц. военной миссии – 654
Якимов, министр царского правительства – 351
Якимова-Диковская А.В., деятель российского революционного движения – 828
Яковлев В., следователь Верхтриба – 795
Яковлев И.И., член ПСР – 750
Яковлев П.Д., член ПСР – 32, 441
Яковлев Я.А., исследователь – 12, 13, 688
Яковлев Я.А., председатель агитационной «тройки» ЦК РКП(б) – 20, 239, 290, 393, 394, 401–405, 412–415, 418, 420, 489–493, 728, 755, 942
Яковлева В.Н., зам. наркома просвещения – 129
Яна (Иана), сотрудник Франц. военной миссии – 655
Янсен М., исследователь – 8–10, 12, 122, 144, 609, 690
Ярославский Ем., кандидат в члены ЦК РКП(б) – 208, 237, 323, 324, 330, 380, 381, 500, 672, 680, 942
- Allhead, председатель Национального совета Лейбористской партии Великобритании – 198
Bouvat L., француз, автор протеста против суда и приговора над эсерами – 329, 336
Imprekor, автор статьи в «Правде» – 728
Johnson, член Лейбористской партии Великобритании – 198
Schroers, член НСДПГ – 298
Van Ross Broek, бельгийский социалист – 198
Vliegen, один из руководителей социал-демократической рабочей партии Нидерландов – 669
Werkhoven, член социал-демократической рабочей партии Нидерландов – 196, 669

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

агитпроп	– Отдел агитации и пропаганды
агр.	– аграрный
адм.	– административный
АН	– Академия наук
АПРФ	– Архив Президента Российской Федерации
АРА	– Американская администрация помощи
арш.	– аршин
б., быв.	– бывший
Баксовет	– Бакинский Совет рабочих и красноармейских депутатов
БО	– Боевая организация
б-ка	– библиотека
б-ки	– большевики
бурж.	– буржуазный
Бюробин	– Бюро по обслуживанию иностранцев при НКВД
в т. ч.	– в том числе
верх.	– верховный
Верхтриб	– Верховный революционный трибунал при Президиуме ВЦИК
ВКП(б)	– Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
ВКВС	– Военная коллегия Верховного Суда
ВМН	– высшая мера наказания
внутр.	– внутренний
воен.	– военный
вол.	– волость, волостной
вост.	– восточный
ВОХР	– Войска внутренней охраны Республики
ВРК	– Военно-революционный комитет
ВС	– Верховный Совет
всерос.	– всероссийский
ВсеЦИК, ВЦИК	– Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВСНХ	– Высший совет народного хозяйства
ВСЮР	– Вооруженные силы Юга России
вх.	– входящий
ВЦСПС	– Всероссийский центральный совет профессиональных союзов
ВЧК	– Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
вып.	– выпуск
высш.	– высший
ВЭО	– Вольное экономическое общество
г.	– гражданин
г., г.г.	– год(ы)
ГАОН	– Государственный архив Новосибирской области
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации

ген.	– генерал
герм.	– германский
Гермпра	– правительство Германии
ГК	– Губернский комитет
гл.	– глава, главный
Главконцесском	– Главный концессионный комитет при СНК РСФСР (СССР)
Главвоздухофлот	– Главное управление воздушного флота при СНК РСФСР (СССР)
Главсахар	– Главное управление сахарной промышленности ВСНХ РСФСР
ГО	– городской (губернский) отдел ГПУ
гос.	– государственный
гос-во	– государство
ГПУ	– Государственное политическое управление при НКВД РСФСР
гражд.	– гражданский
губ.	– губерния, губернский
губком	– губернский комитет
ГЧК	– губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем
д.	– дело, дом
Д. Восток	– Дальний Восток
д., дер.	– деревня
д.с.с.	– действительный статский советник
двтчк	– двоеточие
дел.	– делегат
демокр.	– демократический
деп.	– депутат
деп-т	– департамент
дес.	– десятина
дипл.	– дипломатический
дир.	– директор
д-р	– доктор
др.	– другой
европ.	– европейский
ежегод.	– ежегодный
ежедн.	– ежедневный
ежемес.	– ежемесячный
еженед.	– еженедельный
ж.	– журнал
ж.д.	– железная дорога
ж.-д.	– железнодорожный
зав.	– заведующий
загран.	– заграничный
зам.	– заместитель
зампред	– заместитель председателя
зап.	– западный
заруб.	– зарубежный
з-д	– завод
ЗД	– заграничная делегация
зем.	– земельный
зол.	– золотник
зпт	– запятая
и.д.	– исполняющий должность

и.о.	–	исполняющий обязанности
изд.	–	издание, издатель
изд-во	–	издательство
ИИ СО РАН	–	Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук
ИККИ	–	Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
им.	–	имени
имп.	–	императорский
иностр.	–	иностраннный
Инотдел, ИНО ГПУ	–	Иностраннный отдел ГПУ
ин-т	–	институт
исполком	–	исполнительный комитет
исправдом	–	исправительный дом
ист.	–	исторический
ИТЛ	–	исправительно-трудовой лагерь
к.-л.	–	какой-либо, кто-либо
кадет	–	конституционный демократ
канд.	–	кандидат
кв.	–	квадратный
квчк	–	кавычки
КД	–	крестьянские депутаты
КИЦЦ	–	комиссия по изъятию церковных ценностей
кн.	–	книга, князь
КОВ	–	Крестьянское общество взаимопомощи
ком.	–	командир
команд.	–	командующий
Коминтерн	–	Коммунистический Интернационал
комячейки	–	коммунистические ячейки
кон.	–	конец
конф.	–	конференция
кор.	–	коробка
корр.	–	корреспондент, корректор
КП	–	Коммунистическая партия
Кр.	–	Красный
крест.	–	крестьянский
крест-во	–	крестьянство
к-т	–	комитет
культ.-просвет.	–	культурно-просветительский
КЧУС	–	Комитет членов Учредительного собрания
л.	–	лист
лев.	–	левый
лит.	–	литературный
лит-ра	–	литература
м.	–	местечко
м.б.	–	может быть
матем.	–	математический
мат-лы	–	материалы
МБ	–	Московское бюро ПСР
МВО	–	Московский военный округ
МГО	–	Московский городской (губернский) отдел ГПУ
МГУ	–	Московский государственный университет
мед.	–	медицинский
мес.	–	месяц

МЗ	– место(а) заключения
МИД	– Министерство иностранных дел
мил.	– миллион
мин-во	– министерство
МИСИ	– Международный институт социальный истории
МК	– Московский комитет РКП(б)
мл.	– младший
мн.	– многие
МОПР	– Международная организация помощи борцам революции
мор.	– морской
моск.	– московский
Моссовет	– Московский Совет рабочих и красноармейских депутатов
МПСР	– Меньшинство Партии социалистов-революционеров
м-р., мин.	– министр
МСНК	– Малый Совет народных комиссаров
мусульм.	– мусульманский
МЧК	– Московская чрезвычайная комиссия
напр.	– например
нар.	– народный
нарком	– народный комиссар
наркомат, НК	– народный комиссариат
нас.	– население
наст.	– настоящий
науч.	– научный
нац.	– национальный
нач.	– начало, начальник, начальный
нед.	– неделя
нелег.	– нелегальный, нелегально
НИПЦ «Мемориал»	– научно-исследовательский и просветительский центр «Мемориал»
НК РКИ	– Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел
НКГК	– Народный комиссариат государственного контроля
НКЗем	– Народный комиссариат земледелия
НКИД, Наркоминдел	– Народный комиссариат иностранных дел
НКНац	– Народный комиссариат по делам национальностей республики
НКПрод	– Народный комиссариат продовольствия
НКПрос	– Народный комиссариат просвещения
НК РКИ	– Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции
НКТруда	– Народный комиссариат труда
НКЮст	– Народный комиссариат юстиции
нр	– номер
НСДПГ	– Независимая социал-демократическая партия Германии
о.	– остров
ОБ, Оргбюро	– Организационное бюро ЦК РКП(б)
ОГПУ	– Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР

ок.	–	около
окр.	–	округ, окружной
оп.	–	опись
ОПИ	–	Отдел письменных источников
ОПиС	–	Общество бывших политкаторжан и ссыль-нопоселенцев
опубл.	–	опубликован, опубликованный
ОР	–	Отдел рукописей
ОР РГБ	–	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
орг.	–	организационный
орг-ция	–	организация
осн.	–	основан, основанный, основной
отд.	–	отдел, отдельный, отделение
отеч.	–	отечественный
п.	–	пункт
п.п.	–	подлинный подписал(и)
П.С. (P.S.)	–	пост скриптум
п/отдел	–	подотдел
парт.	–	партийный
ПБ, Политбюро	–	Политическое бюро ЦК РКП(б)
пед.	–	педагогический
петерб.	–	петербургский
петрогр.	–	петроградский
пех.	–	пехотный
ПК	–	Петроградский комитет ПСР
ПКК	–	Политический Красный крест
пл.	–	площадь
ПЛСР	–	Партия левых социалистов-революционеров интернационалистов
пол.	–	половина
Пол.Кр.Кр.	–	Политический Красный Крест
полит.	–	политический
полиц.	–	полицейский
полк.	–	полковник
полпред	–	полномочный представитель
пом.	–	помощник
пост.	–	постановление
поч.	–	почетный
пр.	–	прочее
прав.	–	правый
правосл.	–	православный
пр-во	–	правительство
пред.	–	председатель
предст.	–	представитель
през.	–	президент
През.	–	Президиум
прил.	–	приложение
прод.	–	продовольственный
произ-во	–	производство
пролет.	–	пролетарский
пром.	–	промышленный
пром-сть	–	промышленность
проф.	–	профессор, профессиональный
псевд.	–	псевдоним

психол.	–	психологический
ПСР	–	Партия социалистов-революционеров
ПЧК	–	Петроградская чрезвычайная комиссия
р.	–	река
р., рев.	–	революционный
раб.	–	рабочий
разл.	–	различный
РАН	–	Российская академия наук
РВСР	–	Революционный военный совет Республики
РГАНИ	–	Российский государственный архив новейшей истории
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории
ред.	–	редактор, редакция
респ.	–	республика, республиканский
РККА	–	Рабоче-крестьянская Красная армия
РКП, РКП(б)	–	Российская Коммунистическая партия (большевиков)
р-н	–	район
РОПИТ	–	Русское общество пароходства и торговли
рос.	–	российский
РОСТА	–	Российское телеграфное агентство
РСФСР	–	Российская советская федеративная социалистическая республика
рук.	–	руководитель
С.	–	секретно
с.	–	село
с. х-во	–	сельское хозяйство
с., стр.	–	страница
с.г., с/г	–	сего года
с.-д.	–	социал-демократ, социал-демократический
с.р., с.-р.	–	социалист-революционер, социал-революционный
с.-х.	–	сельскохозяйственный
сан.	–	санитарный
сб.	–	сборник
св.	–	свыше, святой
Сиббюро	–	Сибирское областное бюро ЦК РКП(б)
Сибревком	–	Сибирский революционный комитет
СКД	–	Совет крестьянских депутатов
СНК	–	Совет народных комиссаров
СНХ	–	Совет народного хозяйства
СО ГПУ	–	Секретный отдел ГПУ
соб.	–	собственный
сов.	–	совершенно
Сов.	–	советская(ое)
Соввласть	–	советская власть
Совпра	–	Советское правительство
сотр.	–	сотрудник
СОУ	–	Секретно-оперативное управление
соц.	–	социалистическая(ий)
соч.	–	сочинение
СПБ	–	Санкт-Петербург
спец.	–	специальный
ССД	–	Совет солдатских депутатов

с-ры	– социалисты-революционеры
СРСД	– Совет рабочих и солдатских депутатов
ст.	– станция, статья, старший
СТК	– Союз трудового крестьянства
СТО	– Совет труда и обороны
стрелк.	– стрелковый
суд.	– судебный
США	– Соединенные Штаты Америки
т.	– том
т., т.т., тов.	– товарищ(и)
т.е.	– то есть
т.к.	– так как
т.н.	– так называемый
т.о.	– таким образом
т.п.	– тому подобный(е)
т-во	– товарищество
текст.	– текстильный
телегр.	– телеграфный
терр.	– территория, территориальный
техн.	– технический
технол.	– технологический
торг.	– торговый
торгпред	– торговый представитель
тр.	– труды
тчк	– точка
тыс.	– тысяча
у.	– уезд
уголов.	– уголовный
ун-т	– университет
УС	– Учредительное Собрание
уч.	– учебный, учился
уч-ся	– учащийся
уч-ще	– училище
ф.	– фонд
ф.	– фунт
фаб.	– фабричный
фаб.-зав.	– фабрично-заводской
фам.	– фамилия
физ.	– физический
филол.	– филологический
филос.	– философский
финанс.	– финансовый
ф-ка	– фабрика
франц.	– французский
ф-т	– факультет
х-во	– хозяйство
хоз.	– хозяйственный
христ.	– христианский
худ.	– художественный
ЦА ФСБ РФ	– Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЦБ	– Центральное бюро
церк.	– церковный
ЦИК СССР	– Центральный исполнительный комитет СССР
ЦК Помгол	– Центральная комиссия по борьбе с голодом

ЦК Последгол	– Центральная комиссия по борьбе с последствиями голода
ЦК, Цека	– Центральный комитет
ЦКК	– Центральная контрольная коллегия
ЦО	– Центральный орган
ЦОБ	– Центральное организационное бюро
ЦРК	– Центральная ревизионная комиссия
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ч.	– часть
чел.	– человек
числ.	– численность
ЧК, Чека, Че-ка	– Чрезвычайная комиссия
чл.	– член
чрезв.	– чрезвычайный
шифрбюро	– шифровальное бюро
экз.	– экземпляр
экон.	– экономический
экс.	– экспроприация
этногр.	– этнографический
юж.	– южный
яз.	– язык

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

Дело 16

№ 16-1. Постановление Пленума ЦК РКП(б) «Об эсерах и меньшевиках». Из протокола заседания Пленума № 14, п. 14 от 28 декабря 1921 г.

№ 16-2. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О замене т. Дзержинского в комиссии по реорганизации ВЧК и по эсерам и меньшевикам». Из протокола заседания Политбюро № 88-а, п. 3 от 9 января 1922 г.

№ 16-3. Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК ПСР о даче ею сообщений ЦК РКП(б) о прежней работе в эсеровской партии. 15 января 1922 г.

№ 16-4. Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о ее прежней эсеровской работе. 15 января 1922 г.

№ 16-5. Письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой члену ЦК РКП(б) Л.П. Серебрякову с просьбой о передаче ее заявления и доклада о ее прежней эсеровской работе в ЦК РКП(б). [15 января 1922 г.].

№ 16-6. Доклад бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о ее прежней эсеровской работе. [15 января 1922 г.].

№ 16-7. Постановление комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по реорганизации ВЧК и борьбе против меньшевиков, эсеров и анархистов. Из протокола заседания комиссии № 1, п. 4 и 5 [от 20–23 января 1922 г.].

№ 16-8. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О меньшевиках и эсерах». Из протокола заседания Политбюро № 91-а, п. 11 от 20–25 января 1922 г.

№ 16-9. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об эсерах и анархистах». Из протокола заседания Политбюро № 91-а, п. 12 от 20–25 января 1922 г.

№ 16-10. Справка Бюро Секретариата ЦК РКП(б) о Л.В. Коноплевой и о содержании ее письма и материалов, характеризующих деятельность партии эсеров в 1917–1918 гг. [11 февраля 1922 г.].

№ 16-11. Протокол заседания Президиума ГПУ о предъявлении обвинения членам ЦК и активным членам партии эсеров в антисоветской деятельности от 24 февраля 1922 г.

№ 16-12. Проект сообщения президиума ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) о деятельности партии эсеров. 25 февраля 1922 г.

№ 16-13. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о проекте публикации по делу партии социалистов-революционеров. Из протокола заседания Политбюро № 103, п. 13 от 25 февраля 1922 г.

№ 16-14. Статья лидера ПСР В.М. Чернова «Иудин поцелуй» в газете «Голос России» (Берлин) о личности бывшего члена ПСР Г.И. Семенова и его брошюре. 25 февраля 1922 г.

№ 16-15. Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) с просьбой о вызове ее на суд. 26 февраля 1922 г.

№ 16-16. Заявление бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихту с просьбой о вызове ее на суд по делу партии эсеров. [26 февраля 1922 г.].

№ 16-17. Письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в ЦК РКП(б) о дополнениях и поправках к брошюре Г.И. Семенова (Васильева). 26 февраля 1922 г.

№ 16-18. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О разрешении публикации сообщения ГПУ о деятельности социалистов-революционеров». Из протокола заседания Политбюро № 104, п. 7 от 27 февраля 1922 г.

№ 16-19. Заявление лидера ПСР В.М. Чернова о привлечении редакции газеты «Новый Мир» (Берлин) к судебной ответственности за клевету. 1 марта 1922 г.

№ 16-20. Открытое письмо лидера ПСР В.М. Чернова «НЕВОЛЬНИКАМ СВОЕГО РЕМЕСЛА», о деятельности просоветского издания «Новый Мир», опубликованное в газете «Голос России» (Берлин), 1 марта 1922 г.

№ 16-21. Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского В.М. Молотову о публикациях в русских эмигрантских изданиях в связи с выходом брошюры бывшего члена ПСР Г.И. Семенова (Васильева). 2 марта 1922 г.

№ 16-22. Информационное сообщение «Чудовищный процесс» газеты «Голос России» (Берлин) о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 3 марта 1922 г.

№ 16-23. Письмо члена ПСР С.С. Маслова в редакцию газеты «Голос России» о деятельности бывшего члена ПСР Г.И. Семенова. 3 марта 1922 г.

№ 16-24. Статья «РАЗОБЛАЧИТЕЛЬ» газеты «Голос России» (Берлин) о деятельности бывшего члена ПСР Г.И. Семенова. [Не позднее 7 марта 1922 г.].

№ 16-25. Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского В.М. Молотову о целесообразности напечатания открытого письма бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой лидеру ПСР В.М. Чернову. 4 марта 1922 г.

№ 16-26. Открытое письмо бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой лидеру ПСР В.М. Чернову о деятельности боевого отряда Г.И. Семенова. [Между 25 февраля и 4 марта 1922 г.].

№ 16-27. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о подготовке процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 107, п. 22 от 4 марта 1922 г.

№ 16-28. Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского В.М. Молотову о дополнительных материалах, полученных от бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой в связи с подготовкой процесса над членами ПСР. 6 марта 1922 г.

№ 16-29. Почто-телеграмма Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости освещения в советской печати судебного иска лидера ПСР В.М. Чернова к редакции газеты «Новый Мир». 8 марта 1922 г.

№ 16-30. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о целесообразности публикации в печати письма бывшего члена ПСР Л.В. Коноплевой лидеру ПСР В.М. Чернову. Из протокола заседания Политбюро № 111, п. 38 от 13 марта 1922 г.

№ 16-31. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о назначении комиссии для подготовки процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 112, п. 17 от 15 марта 1922 г.

№ 16-32. Телеграмма руководства Всеобщего немецкого рабочего союза из Берлина В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 16 марта 1922 г.

№ 16-33. Телеграмма председателя Социал-демократической партии Нидерландов Верковена В.И. Ленину с запросом о характере предъявляемого эсерам обвинения. 17 марта 1922 г.

№ 16-34. Телеграмма из Парижа от А. Франса советскому правительству с призывом о недопущении репрессий в отношении политических противников большевиков. 17 марта 1922 г.

№ 16-35. Телеграмма из Лондона от представителя Лейбористской партии В.И. Ленину и Г.В. Чичерину о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 17 марта 1922 г.

№ 16-36. Телеграмма из Брюсселя от Центрального комитета Бельгийской социалистической партии в Наркомат юстиции и Третий Интернационал с протестом против преследования эсеров. [Не позднее 17 марта 1922 г.].

№ 16-37. Телеграмма из Берлина от представителей профсоюзных организаций В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 17 марта 1922 г.

№ 16-38. Письмо В.И. Ленина Г.Е. Зиновьеву, Л.Б. Каменеву и В.М. Молотову с проектом заявления советского руководства иностранным социалистам о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 17 марта 1922 г.

№ 16-39. Телеграмма из Копенгагена от датских социал-демократов В.И. Ленину о предстоящем процессе над членами партии эсеров. 18 марта 1922 г.

№ 16-40. Телеграмма руководства Интернационала профсоюзов В.И. Ленину с требованием прекращения преследований членов партии эсеров. 18 марта 1922 г.

№ 16-41. Письмо члена Бюро ЦК Белорусской партии социалистов-революционеров И. Мамонько в Совет Народных Комиссаров РСФСР с протестом против предстоящего процесса над членами партии эсеров. 18 марта 1922 г.

№ 16-42. Письмо Г.Е. Зиновьева В.М. Молотову о проекте подготовленного В.И. Лениным заявления советского руководства на запрос иностранных социалистов о предстоящем суде над членами партии эсеров. 18 марта 1922 г.

№ 16-43. Записка Л.Б. Каменева В.М. Молотову об ответе советской стороны Э. Вандервельде. [Не позднее 18 марта 1922 г.]

№ 16-44. Телеграмма из Москвы от Наркома юстиции Д.И. Курского Центральным Комитетам Бельгийской социалистической партии и Социал-демократической партии Нидерландов о позиции советского руководства в связи с предстоящим процессом над членами партии эсеров. 19 марта 1922 г.

№ 16-45. Заявление Советского руководства Центральным Комитетам Бельгийской социалистической партии и Социал-демократической партии Нидерландов в связи с требованием последними недопущения смертного приговора арестованным членам ПСР. [Не позднее 20 марта 1922 г.]

№ 16-46. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об ответе иностранным социалистам по поводу с.-р.». Из протокола заседания Политбюро № 114, п. 4 от 20 марта 1922 г.

№ 16-47. Телеграмма из Цюриха от группы анархистов советскому правительству с протестом против предполагаемого осуждения членов партии эсеров от 20 марта 1922 г.

№ 16-48. Телеграмма из Лондона от представителя социал-демократической Федерации Кеннеди в Совет Народных Комиссаров с просьбой отложить суд на эсерами. [Не позднее 20 марта 1922 г.]

№ 16-49. Телеграмма от представителя Конфедерации Голландских Синдикатов В.И. Ленину с просьбой об освобождении заключенных социалистов-революционеров от 22 марта 1922 г.

№ 16-50. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) с предложением об издании специального партийного циркуляра в отношении членов РКП(б), ранее состоявших в других политических партиях. 22 марта 1922 г.

№ 16-51. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об издании циркуляра, разъясняющего обязанности членов РКП выходцев из других партий». Из протокола заседания Политбюро № 116, п. 8 от 23 марта 1922 г.

№ 16-52. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об определении срока начала процесса над членами ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 116, п. 9 от 23 марта 1922 г.

№ 16-53. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Политбюро ЦК РКП(б) о толковании арестованными эсерами декрета ВЦИК от 26 февраля 1919 г. 1 апреля 1922 г.

№ 16-54. Постановление Пленума ЦК РКП(б) «О применении амнистии от 26.II-19 г. к эсерам». Из протокола заседания Пленума ЦК № 1, п. 3 от 3 апреля 1922 г.

№ 16-55. Приложение к протоколу заседания Пленума ЦК РКП(б) № 1, п. 3 от 3 апреля 1922 г.

№ 16-56. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о создании комиссии для подготовки процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 2, п. 3 от 13 апреля 1922 г.

№ 16-57. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Берлин полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому о деле, возбужденном лидером ПСР В.М. Черновым против редакции «Нового Мира». 3 мая 1922 г.

№ 16-58. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О защитниках с-р». Из протокола заседания Политбюро № 5, п. 19 от 4 мая 1922 г.

№ 16-59. Постановление Президиума Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала о создании комиссии для участия в подготовке и проведении процесса над членами партии эсеров. Из протокола заседания Президиума ИККИ от 6 мая 1922 г.

№ 16-60. Записка Л.Д. Троцкого Л.Б. Каменеву и И.В. Сталину о ходе подготовки к процессу над членами партии эсеров. 7 мая 1922 г.

№ 16-61. Письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н.В. Крыленко в Политбюро ЦК РКП(б) о ходе подготовки процесса над членами партии эсеров. [10 мая 1922 г.].

№ 16-62. Письмо председателя Верховного Трибунала РСФСР Н.В. Крыленко в Политбюро ЦК РКП(б) с протестом против решения комиссии по подготовке процесса над членами ПСР. [11 мая 1922 г.].

№ 16-63. Записка Н.В. Крыленко Л.Б. Каменеву и Л.Д. Троцкому с протестом против решения комиссии по подготовке процесса над членами ПСР с приложением ответа последних. 11 мая 1922 г.

№ 16-64. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходе подготовки процесса по делу эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 6, п. 5 от 11 мая 1922 г.

№ 16-65. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о председательствующем на процессе над членами ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 6, п. 17 от 11 мая 1922 г.

№ 16-66. Письмо К.Б. Радека из Берлина председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву об обсуждении предстоящего процесса над членами партии эсеров с представителями 2-го Интернационала и Заграничной делегацией партии эсеров. 12 мая 1922 г.

№ 16-67. Телеграмма советского руководства в Берлин К.Б. Радеку с ответом на его письмо о списке защитников эсеров на предстоящем процессе. [Не позднее 12 мая 1922 г.].

№ 16-68. Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Д.И. Курскому и И.С. Уншлихту о результатах переговоров с эсерами-эмигрантами о возможности допущения последних для участия в процессе в качестве защитников. 13 мая 1922 г.

№ 16-69. Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского в Наркомат иностранных дел с уточнением состава защитников на процессе над членами партии эсеров. 13 мая 1922 г.

№ 16-70. Записка и проект шифротелеграммы ЦК РКП(б) полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому о согласии на замену защитников на процессе над членами партии эсеров. [Не позднее 14 мая 1922 г.].

№ 16-71. Справка, подготовленная ГПУ для И.В. Сталина с характеристиками на представителей защиты от Заграничной делегации ПСР на предстоящем процессе. 15 мая 1922 г.

№ 16-72. Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахану о сроках выезда из Берлина иностранных защитников эсеров для участия в процессе. 15 мая 1922 г.

№ 16-73. Заявление иностранных защитников с протестом против их травли в коммунистических изданиях, поданное полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому для передачи советскому правительству. 15 мая 1922 г.

№ 16-74. Заявление иностранных защитников об отказе эсеров-эмигрантов от участия в качестве защитников на предстоящем процессе в Москве, поданное полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому для передачи советскому правительству. 15 мая 1922 г.

№ 16-75. Постановление Пленума ЦК РКП(б) «О включении т. Покровского в число обвинителей по делу эсеров». Из протокола заседания Пленума ЦК № 2, п. 3 от 16 мая 1922 г.

№ 16-76. Постановление Пленума ЦК РКП(б) о докладе Ф.Э. Дзержинского и А.И. Рыкова о ходе подготовки процесса над членами ПСР. Из протокола заседания Пленума ЦК № 2, п. 7 от 16 мая 1922 г.

№ 16-77. Постановление Президиума Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала «Об Интеле». Из протокола заседания Президиума ИККИ, п. 15 от 17 мая 1922 г.

№ 16-78. Передовая статья «К процессу» газеты «Голос России» (Берлин) о кампании в советской прессе в связи с предстоящим в Москве процессом над членами партии эсеров. 17 мая 1922 г.

№ 16-79. Информационные материалы «Защита на процессе эс-эр» газеты «Голос России» (Берлин). 17 мая 1922 г.

№ 16-80. Письмо полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского советскому руководству о действиях иностранных защитников накануне их отъезда из Берлина (с приложением). 17 мая 1922 г.

№ 16-81. Проект ответа полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского члену ЦК ПСР В.В. Сухомлину об условиях участия эсеров-эмигрантов в качестве защитников на предстоящем процессе. [Не позднее 17 мая 1922 г.].

№ 16-82. Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского советскому руководству об иностранных защитниках эсеров на предстоящем процессе в Москве. [Не позднее 18 мая 1922 г.].

№ 16-83. Шифротелеграмма секретаря Сиббюро ЦК РКП(б) Е.М. Ярославского И.В. Сталину о присылке материалов о деятельности эсеров в Сибири. 19 мая 1922 г.

№ 16-84. Телеграмма полпредства РСФСР в Латвии в Наркомат иностранных дел о даче указаний в связи с прибытием в Ригу иностранных защитников. 20 мая 1922 г.

№ 16-85. Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Латвии К.К. Юренева зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахану о чинимых препятствиях к выезду иностранных защитников в Россию. 20 мая 1922 г.

№ 16-86. Записка Л.Д. Троцкого Л.Б. Каменеву о порядке распределения материалов, имеющих отношение к подготовке процесса над членами партии эсеров. 24 мая 1922 г.

№ 16-87. Записка работника аппарата ЦК РКП(б) Г.И. Каннера В.М. Молотову о составе комиссий, созданных в связи с подготовкой к предстоящему процессу над членами партии эсеров. [Не ранее 26 мая 1922 г.].

№ 16-88. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О проведении мероприятий, связанных с процессом эсеров». Из протокола заседания Политбюро № 8, п. 16 от 26 мая 1922 г.

№ 16-89. Дополнение к агентурной сводке сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками. 26 мая 1922 г.

№ 16-90. Шифротелеграмма секретаря Иваново-Вознесенского губкома РКП(б) И.И. Короткова в ЦК РКП(б) с запросом о сроках начала процесса над эсерами. 29 мая 1922 г.

№ 16-91. Агентурная сводка № 1 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими на процесс. 29 мая 1922 г.

№ 16-92. Агентурная сводка № 2 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими на процесс. 31 мая 1922 г.

№ 16-93. Агентурная сводка № 4 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими на процесс. 31 мая 1922 г.

№ 16-94. Письмо секретаря ЦК компартии Украины Д.З. Мануильского И.В. Сталину с предложением о рекомендации юриста П.А. Шубина в качестве защитника Л.В. Коноплевой и Г.И. Семенова на предстоящем процессе. [Не позднее 31 мая 1922 г.].

Дело 17

№ 17-1. Письмо из Лефортовской тюрьмы группы заключенных эсеров к иностранным социалистам Э. Вандервельде, К. Розенфельду и Т. Либкнехту, прибывшим для их защиты на процессе. 28 мая 1922 г.

№ 17-2. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об участии представителей Коминтерна в комиссии Политбюро по наблюдению за подготовкой и ходом процесса. Из протокола заседания Политбюро № 9, п. 9 от 1 июня 1922 г.

№ 17-3. Телеграмма секретаря Компартии Азербайджана С.М. Кирова в ЦК РКП(б) И.В. Сталину с сообщением текста резолюции расширенного заседания Бакинского Совета в связи с предстоящим процессом над членами партии эсеров. 1 июня 1922 г.

№ 17-4. Телеграмма члена исполкома Миргородского уездного Совета Нечиса в ЦК РКП(б) с сообщением текста постановления сельских волостных сходов о предстоящем судебном процессе над членами партии эсеров. 1 июня 1922 г.

№ 17-5. Агентурная сводка № 5 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 3 июня 1922 г.

№ 17-6. Агентурная сводка № 6 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 5 июня 1922 г.

№ 17-7. Агентурная сводка № 7 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 7 июня 1922 г.

№ 17-8. Листовка Центрального Бюро Партии социалистов-революционеров «Ко всем трудящимся», посвященная процессу над членами партии эсеров. [Не позднее 8 июня 1922 г.].

№ 17-9. Агентурная сводка № 8 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 9 июня 1922 г.

№ 17-10. Заявление иностранных защитников во ВЦИК с просьбой о допущении для участия в процессе русских социал-демократов в качестве защитников обвиняемых членов ПСР. 10 июня 1922 г.

№ 17-11. Агентурная сводка № 9 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 11 июня 1922 г.

№ 17-12. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об эсерах». Из протокола заседания Политбюро № 11, п. 3 от 12 июня 1922 г.

№ 17-13. Агентурная сводка № 10 сотрудника Секретного отдела ГПУ по наблюдению за иностранными защитниками, прибывшими для участия в процессе. 13 июня 1922 г.

№ 17-14. Шифротелеграмма из Берлина Наркома иностранных дел Г.В. Чичерина в Наркомат иностранных дел о готовящемся в Берлине лидером эсеров В.М. Черновым процессе против газеты «Новый Мир». 19 июня 1922 г.

№ 17-15. Статья Г.Е. Зиновьева «Процесс эсеров и убийство Володарского. 20 июня 1918 г. – 20 июня 1922 г.». [Не позднее 20 июня 1922 г.].

№ 17-16. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о необходимости скорейшего завершения процесса. Из протокола заседания Политбюро № 13, п. 22 от 22 июня 1922 г.

№ 17-17. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об активизации антиэсеровской кампании в печати. Из протокола заседания Политбюро № 15, п. 1 от 29 июня 1922 г.

№ 17-18. Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б), поручающего «тройке» по руководству процессом определить характер судебного решения. К протоколу заседания Политбюро № 15, п. 1 от 29 июня 1922 г.

№ 17-19. Шифротелеграмма секретаря Донецкого губкома Э.И. Квиринга в ЦК РКП о даче санкции на посылку делегатов в Москву для участия в антиэсеровских акциях. 29 июня 1922 г.

№ 17-20. Шифротелеграмма И.В. Сталина Донецкому губкому партии с согласием на приезд делегации для участия в антиэсеровской демонстрации. 1 июля 1922 г.

№ 17-21. Записка Г.Е. Зиновьева Л.Б. Каменеву к черновому проекту письма от Исполкома Коминтерна во ВЦИК о предстоящем приговоре членам партии эсеров. [Не позднее 10 июля 1922 г.].

№ 17-22. Проект открытого письма Исполкома Коминтерна Президиуму ВЦИК, подготовленный Г. Зиновьевым, о предстоящем приговоре членам партии эсеров. [Не позднее 10 июля 1922 г.].

№ 17-23. Препроводительная записка Л.Б. Каменева Л.Д. Троцкому к проекту письма Исполкома Коминтерна во ВЦИК, написанному Г.Е. Зиновьевым. 10 июля 1922 г.

№ 17-24. Протокол № 13 заседания комиссии Политбюро по руководству подготовкой и ходом процесса над членами партии эсеров. 11 июля 1922 г.

№ 17-25. Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского в ЦК РКП(б) с оценками хода процесса. 12 июля 1922 г.

№ 17-26. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О высылке эсеров». Из протокола заседания Политбюро, № 17, п. 17 от 13 июля 1922 г.

№ 17-27. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о согласовании позиции ЦК РКП(б) с Исполкомом Коминтерна в связи с предстоящим вынесением приговора обвиняемым на процессе над членами ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 17, п. 18 от 13 июля 1922 г.

№ 17-28. Сообщение резидента ГПУ из Берлина о настроениях правых эсеро-эмигрантов в связи с предстоящим завершением процесса. [Не позднее 14 июля 1922 г.].

№ 17-29. Заявление фракций Независимой Социал-Демократической Партии Германии и Социал-Демократической Партии Германии в Рейхстаге советскому правительству с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 18 июля 1922 г.

№ 17-30. Заявление Бременской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии советскому правительству с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 20 июля 1922 г.

№ 17-31. Заявление Кенигсбергской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 20 июля 1922 г.

№ 17-32. Заявление Лейпцигской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 20 июля 1922 г.

№ 17-33. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) по докладу зам. председателя ГПУ И. Уншлихта о работе комиссии по высылке политических противников большевиков. Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 13 от 20 июля 1922 г.

№ 17-34. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходатайствах А.М. Горького и А. Франса о невынесении смертного приговора подсудимым и сроках завершения процесса. Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 20 от 20 июля 1922 г.

№ 17-35. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О Луначарском». Из протокола заседания Политбюро № 18, п. 22 от 20 июля 1922 г.

№ 17-36. Шифротелеграмма наркома иностранных дел Г.В. Чичерина из Берлина в ЦК РКП(б) о предполагаемой реакции за рубежом в случае казни обвиняемых членов партии эсеров. 21 июля 1922 г.

- № 17-37. Заявление Эрфуртской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 21 июля 1922 г.
- № 17-38. Заявление Франкфуртской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 21 июля 1922 г.
- № 17-39. Заявление Плауенфогтландской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 21 июля 1922 г.
- № 17-40. Заявление Дюссельдорфской организации Независимой Социал-Демократической Партии Германии полномочному представительству РСФСР в Германии с выражением протеста против ожидаемого смертного приговора группе членов ПСР на процессе. 21 июля 1922 г.
- № 17-41. Телеграмма из Берлина от представительства профсоюзов председателю Верховного Трибунала Г.Л. Пятакову и зам. председателя СНК А.И. Рыкову с протестом против грозящей смертной казни обвиняемым на процессе членам партии эсеров. [Не позднее 22 июля 1922 г.].
- № 17-42. Письмо зав. Агитпропом ЦК РКП(б) Л.С. Сосновского Л.Д. Троцкому с впечатлениями о воздействии процесса над членами партии эсеров на общественность стран Европы. [Не позднее 22 июля 1922 г.].
- № 17-43. Протокол заседания Комиссии, созданной для расследования факта разглашения А.В. Луначарским конфиденциальной информации в ходе процесса. 22 июля 1922 г.
- № 17-44. Записка Н.И. Бухарина в комиссию Политбюро в связи с расследованием факта разглашения А.В. Луначарским конфиденциальной информации в ходе процесса. 22 июля 1922 г.
- № 17-45. Показания А.В. Луначарского, данные им Комиссии Политбюро, созданной для расследования факта разглашения им конфиденциальной информации. [Не позднее 22 июля 1922 г.].
- № 17-46. Записка Н.И. Бухарина, в Комиссию Политбюро в связи с расследованием «дела» А.В. Луначарского. [Не позднее 22 июля 1922 г.].
- № 17-47. Показания чехословацкого коммуниста, обвинителя на процессе, А. Муны Комиссии Политбюро в связи с расследованием «дела» А.В. Луначарского. [Не позднее 22 июля 1922 г.].
- № 17-48. Справка секретаря Исполкома Коминтерна Эберлейна в Комиссию Политбюро ЦК РКП(б) о последнем заседании Президиума и Исполкома Коминтерна. 22 июля 1922 г.
- № 17-49. Письмо члена ЦК РКП(б) Е.А. Преображенского в Политбюро ЦК РКП(б) о реакции за рубежом в случае вынесения смертного приговора части обвиняемых на процессе членов партии эсеров. 26 июля 1922 г.
- № 17-50. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о ходе высылки групп интеллигенции и представителей политических партий. Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 13 от 27 июля 1922 г.
- № 17-51. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об использовании материалов о работе с.-р. за границей». Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 18 от 27 июля 1922 г.
- № 17-52. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О т. Луначарском». Из протокола заседания Политбюро № 19, п. 23 от 27 июля 1922 г.
- № 17-53. Телефонограмма члена ЦК РКП(б) К.Б. Радека Л.Д. Троцкому, И.В. Сталину и Л.Б. Каменеву о необходимости срочной подготовки т.н. желтой книги эсеров для распространения за рубежом. 29 июля 1922 г.
- № 17-54. Телефонограмма секретариата Л.Д. Троцкого И.В. Сталину и К.Б. Радеку о поддержке Л.Д. Троцким предложений К.Б. Радека по проведению анти-эсеровской кампании. 29 июля 1922 г.

№ 17-55. Письмо руководителей компартии Германии К.Цеткин и Г. Брандлера в ЦК РКП(б) с предложением о помиловании группы членов партии эсеров в случае вынесения им приговора о смертной казни. 30 июля 1922 г.

№ 17-56. Письмо зам. наркома финансов Г.Я. Сокольников в ЦК РКП(б) о возможных последствиях для международного престижа Советской России вынесения смертного приговора группе обвиняемых на процессе членов партии эсеров. 31 июля 1922 г.

№ 17-57. Письмо П. Мостовенко из Праги Н.И. Бухарину о предстоящем приговоре группе членов партии эсеров. 5 августа 1922 г.

№ 17-58. Письмо зам. наркома иностранных дел Л.М. Карахана И.В. Сталину с предложением обсудить вопрос о статусе бывшего меньшевика М.И. Скобелева, работавшего в торгпредстве РСФСР во Франции. 7 августа 1922 г.

№ 17-59. Проект постановления Исполкома Коминтерна о предстоящем объявлении приговора обвиняемым на процессе членам ПСР, подготовленный для публикации Г.Е. Зиновьевым и переданный для рассмотрения и согласования в Политбюро ЦК РКП(б). [Не позднее 7 августа 1922 г.].

№ 17-60. Особый пункт постановления Политбюро ЦК РКП(б) о директиве Президиуму ВЦИК по приговору Верховного Революционного Трибунала. К протоколу заседания Пленума ЦК РКП(б), протокол № 4, п. 1. [Не позднее 7 августа 1922 г.].

№ 17-61. Заявление членов Исполкома Коминтерна от РКП(б) о формулировке приговора в отношении группы обвиняемых на процессе членов партии эсеров (с приложением результатов голосования). [Не позднее 7 августа 1922 г.].

№ 17-62. Отдельный лист с результатами голосования по формулировке приговора Верховного Трибунала в отношении группы обвиняемых членов партии эсеров, составленный помощником И.В. Сталина А.М. Назаретяном. 7 августа 1922 г.

№ 17-63. Записка И.В. Сталина в Бюро Секретариата ЦК РКП(б) о розыске проекта поправки об осужденных эсерах, предложенного Л.Б. Каменевым. [Не позднее 8 августа 1922 г.].

№ 17-64. Постановление Пленума ЦК РКП(б) «Об эсерах». Из протокола заседания Пленума № 4, п. 1 от 8 августа 1922 г.

№ 17-65. Поправки к напечатанному в газете «Правда» приговору Верховного Трибунала и обращению Исполкома Коминтерна в отношении обвиняемых членов партии эсеров. 10 августа 1922 г.

№ 17-66. Листовка Центрального Бюро партии социалистов-революционеров с протестом против суда и приговора над членами партии эсеров. 10 августа 1922 г.

№ 17-67. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О Скобелеве». Из протокола заседания Политбюро № 20, п. 11 от 10 августа 1922 г.

№ 17-68. Перечень писем и телеграмм протеста различных зарубежных организаций против суда и приговора над группой членов партии эсеров, адресованных в Париж М. Скобелеву для передачи их советскому правительству (с приложением упомянутых – всего 40 писем и телеграмм). 10 августа 1922 г.

№ 17-69. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об участии буржуазных правительств в эсеровских заговорах». Из протокола заседания Политбюро № 22, п. 7 от 17 августа 1922 г.

Дело 18

№ 18-1. № 5 нелегального журнала «Труд» (орган московской организации ПСР), посвященный процессу. 28 июля 1922 г.

№ 18-2. Нелегальная листовка Московского бюро партии социалистов-революционеров, посвященная итогам процесса над группой членов партии эсеров. 14 августа 1922 г.

№ 18-3. Проект циркулярной телеграммы Народного комиссариата иностранных дел полномочным представителям РСФСР за границей, осуждающей поддержку антисоветской деятельности партии эсеров рядом зарубежных государств. [Не позднее 22 августа 1922 г.]

№ 18-4. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о проекте циркулярной телеграммы Наркомата иностранных дел о поддержке антисоветской деятельности партии эсеров рядом зарубежных государств. Из протокола заседания Политбюро № 23, п. 3 от 24 августа 1922 г.

№ 18-5. Информационное сообщение газеты «Голос России» о гибели в тюрьме члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева. 6 сентября 1922 г.

№ 18-6. Передовица «Борьба – смертью» газеты «Голос России» (Берлин) с сообщением о смерти в тюрьме члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева. 8 сентября 1922 г.

№ 18-7. Коллективное письмо осужденных на процессе членов ЦК ПСР из тюрьмы соратникам по партии, опубликованное в газете «Голос России». [Не позднее 8 сентября 1922 г.]

№ 18-8. Телеграмма из Берлина от представителей Заграничной делегации партии эсеров и газеты «Голос России» в ЦК РКП(б), СНК и Коминтерн с требованием дать официальный ответ о судьбе члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева, осужденного по процессу. 8 сентября 1922 г.

№ 18-9. Записка зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в ЦК РКП(б) И.В. Сталину с предложением опубликования в прессе текста сообщения с опровержением слухов о смерти осужденного по процессу члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева. 13 сентября 1922 г.

№ 18-10. Текст сообщения ГПУ по поводу распространяемых за рубежом слухов о смерти в тюрьме члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева. 13 сентября 1922 г.

№ 18-11. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта И.В. Сталину о нецелесообразности посещения осужденных эсеров представителями Президиума ВЦИК. 21 ноября 1922 г.

№ 18-12. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об условиях содержания в заключении осужденных по процессу членов партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 37, п. 13 от 23 ноября 1922 г.

№ 18-13. Заявление члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева в Президиум ВЦИК (с сопроводительной запиской, адресованной И.С. Уншлихту) с требованием о приведении в исполнение смертного приговора в отношении него. 24 января 1923 г.

№ 18-14. Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихту о подаче им в Президиум ВЦИК заявления с рядом выдвинутых в нем требований. 24 января 1923 г.

№ 18-15. Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова в Президиум ВЦИК с требованием изменения условий содержания во Внутренней тюрьме ГПУ. 24 января 1923 г.

№ 18-16. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в ЦК РКП(б) И.В. Сталину с информацией о поведении осужденных по процессу эсеров во Внутренней тюрьме ГПУ. 25 января 1923 г.

№ 18-17. Шифротелеграмма полпреда РСФСР в Германии Н.Н. Крестинского К.Б. Радеку и И.В. Сталину о кампании за границей вокруг судьбы члена ЦК ПСР Е.М. Тимофеева. 7 февраля 1923 г.

№ 18-18. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О заявлении тов. Крыленко по поводу эсеров». Из протокола заседания Политбюро, № 54 п. 21 от 8 марта 1923 г.

№ 18-19. Заявление председателя Верховного Революционного Трибунала Н.В. Крыленко в Политбюро ЦК РКП(б) И.В. Сталину о воззвании Заграничной делегации партии эсеров. 10 марта 1923 г.

№ 18-20. Заявление членов ЦК ПСР А.Р. Гоца и Е.М. Тимофеева в Президиум ВЦИК с требованием изменения условий заключения. 19 апреля 1923 г.

№ 18-21. Заявление члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова в Президиум ВЦИК с требованием изменения условий заключения. 20 апреля 1923 г.

№ 18-22. Письмо зам. председателя ГПУ И.С. Уншлихта в Секретариат ЦК РКП(б) И.В. Сталину о голодовке части осужденных по процессу эсеров (с приложением заявлений во ВЦИК А.Р. Гоца, Е.М. Тимофеева и Д.Ф. Ракова). 21 апреля 1923 г.

№ 18-23. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) об изменении режима содержания в тюрьме осужденных по процессу членов ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 7 от 21 апреля 1923 г.

№ 18-24. Письмо руководства ОГПУ В.М. Молотову о требованиях групп осужденных по процессу членов партии эсеров по изменению условий заключения. 19 ноября 1923 г.

№ 18-25. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о пересмотре приговора в отношении осужденных по процессу 1922 г. членов партии эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 61, п. 7 от 10 января 1924 г.

№ 18-26. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о вынесении на обсуждение Пленума ЦК РКП(б) проекта постановления Президиума ЦИК СССР в отношении осужденных по процессу 1922 г. членов ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 10 от 12 января 1924 г.

№ 18-27. Проект постановления Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания осужденным по процессу 1922 г. членам ПСР, принятый Политбюро ЦК РКП(б). 12 января 1924 г.

№ 18-28. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о вынесении на обсуждение Пленума ЦК РКП(б) проекта постановления Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания осужденным по процессу 1922 г. членам ПСР. Из протокола заседания Политбюро № 62, п. 6 от 14 января 1924 г.

№ 18-29. Постановление Пленума ЦК РКП(б) об утверждении проекта постановления Президиума ЦИК СССР об изменении меры наказания осужденным по процессу 1922 г. членам ПСР. Из протокола заседания Пленума № 7, п. 3 от 14 января 1924 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Предпроцессная стадия

Политическое обеспечение

№ П-1. Письмо полномочного представителя ГПУ по Сибири И.П. Павлуновского начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о препровождении в Москву для дачи показаний И.С. Юдина и В.И. Игнатъева. 14 марта 1922 г.

№ П-2. Записка Л.Д. Троцкого в редакции центральных газет о необходимости контрпропагандистских мер в связи с травлей в эмигрантской печати бывших эсеров Г.И. Семенова и Л.В. Коноплевой. 19 марта 1922 г.

№ П-3. Постановление ЦК РКП(б) о необходимости использования находящихся за границей видных большевиков Л.С. Сосновского и Ю. Ларина с целью ведения контрпропаганды против меньшевиков и эсеров. Из протокола заседания Политбюро № 3, п. 20 от 20 апреля 1922 г.

№ П-4. Письмо членов комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки») Г.Е. Зиновьеву о позиции Коминтерна в связи с подготовкой процесса. 29 апреля 1922 г.

№ П-5. Протокол № 1 заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки») по руководству подготовкой и проведением процесса. 29 апреля 1922 г.

№ П-6. Протокол № 2 заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) («тройки»), созданной для руководства процессом. 6 мая 1922 г.

№ П-7. Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого И.В. Сталину для опроса членов Политбюро о кандидатуре председателя Верховного Революционного Трибунала на период ведения процесса. 6 мая 1922 г.

№ П-8. Письмо наркома просвещения А.В. Луначарского председателю комиссии Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменеву о написании брошюры по истории партии эсеров. Не ранее 6 мая 1922 г.

№ П-9. Письмо К.Б. Радека в комиссию Политбюро ЦК РКП(б) («тройку») по подготовке процесса о ведении контрпропаганды за границей. 10 мая 1922 г.

№ П-10. Протокол № 1 заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б) («тройки») по проведению антиэсеровской кампании в связи с процессом. 12 мая 1922 г.

№ П-11. Почтотелеграмма Л.Д. Троцкого членам «тройки» о необходимости изменения характера агитационной кампании в связи с предстоящим процессом. 13 мая 1922 г.

№ П-12. Протокол № 2 заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б) («тройки») по проведению антиэсеровской кампании. 16 мая 1922 г.

№ П-13. Рапорт зам. председателя Верховного Трибунала А.В. Галкина председателю Трибунала Н.В. Крыленко с просьбой о предоставлении ему отпуска на время процесса. 17 мая 1922 г.

№ П-14. Циркулярная телеграмма ЦК РКП(б) губкомам и обкомам о необходимости изменения характера агитационной кампании в связи с предстоящим процессом. 19 мая 1922 г.

№ П-15. Открытое письмо члена РКП(б) Г.И. Мясникова. 19 мая 1922 г.

№ П-16. «Протокол № 3 заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании» от 23 мая 1922 г.

№ П-17. «Протокол № 4 заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании» от 26 мая 1922 г.

№ П-18. «Протокол № 5 заседания Агитационной Тройки по эсеровской кампании» от 30 мая 1922 г.

№ П-19. «Протокол № 6 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании» от 2 июня 1922 г.

№ П-20. Протокол № 5 заседания «тройки» по подготовке и проведению процесса. 3 июня 1922 г.

№ П-21. Протокол № 7 заседания Агитационной комиссии ЦК РКП(б) («тройки») по проведению антиэсеровской кампании. 7 июня 1922 г.

Документы предварительного следствия и Верховного революционного трибунала

№ П-22. Протокол допроса бывшего члена ЦК ПСР К.С. Буревого. 16 марта 1922 г.

№ П-23. Протокол допроса заключенного В.В. Агапова. 16 марта 1922 г.

№ П-24. Протокол допроса бывшего члена ЦК ПСР К.С. Буревого. 22 марта 1922 г.

№ П-25. Протокол допроса гражданина Французской Республики Рене Маршана. 24 марта 1922 г.

№ П-26. Протокол показаний гражданина Французской Республики П.К. Паскаля. 24 марта 1922 г.

№ П-27. Протокол показаний заключенного члена ЦК ПСР Д.Д. Донского. 28 марта 1922 г.

№ П-28. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Е.М. Ти-мофеева. 30 марта 1922 г.

№ П-29. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина. 1 апреля 1922 г.

№ П-30. Дополнения к показаниям заключенного члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина. 3 апреля 1922 г.

№ П-31. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Ф.Ф. Федоровича. 5 апреля 1922 г.

№ П-32. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова. 7 апреля 1922 г.

№ П-33. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова 8 апреля 1922 г.

№ П-34. Показания свидетеля обвинения А.А. Краковецкого. 8 апреля 1922 г.

№ П-35. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна. 9 апреля 1922 г.

№ П-36. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Г.Л. Горькова-Добролюбова. 11 апреля 1922 г.

№ П-37. Письмо заместителя народного комиссара здравоохранения заместителю председателя ГПУ И.С. Уншлихту с сообщением результатов медицинской экспертизы о свойствах яда кураре. 21 апреля 1922 г.

№ П-38. Протокол допроса заключенного члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова. [апрель] 1922 г.

№ П-39. Письмо заместителя председателя Верховного Трибунала ВЦИК А.В. Галкина начальнику Секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонову о переводе заключенных членов ПСР в Лефортовскую тюрьму. 2 мая 1922 г.

№ П-40. Протокол показаний заключенной члена ЦК ПСР Е.М. Ратнер. 4 мая 1922 г.

№ П-41. Запрос зав. следственным производством «по делу правых эсеров» Верховного Трибунала ВЦИК Е.Ф. Розмирович Я.С. Агранову. 4 мая 1922 г.

№ П-42. Протокол допроса заключенного бывшего члена ПСР С.Е. Кононова. 5 мая 1922 г.

№ П-43. Запрос председателя Верховного Трибунала ВЦИК Н.В. Крыленко народному комиссару юстиции Д.И. Курскому о толковании постановления ВЦИК от 26 февраля 1919 г. об амнистии в отношении членов ПСР. 17 мая 1922 г.

№ П-44. Заявление члена ПСР В.К. Белецкого в Верховный Трибунал с просьбой о привлечении его в качестве обвиняемого на предстоящем процессе. 1 июня 1922 г.

№ П-45. Расписки обвиняемых второй группы об ознакомлении с материалами следственного производства Верховного Трибунала и обвиняемых первой группы с требованием продолжения ознакомления с данными материалами. 2 июня 1922 г.

Документы, исходящие от подследственных

№ П-46. Заявление подследственного И.С. Дашевского особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову об условиях дачи им показаний. 9 марта 1922 г.

№ П-47. Заявление бывшего члена МПСР И.С. Дашевского особоуполномоченному ГПУ Я.С. Агранову о готовности дачи им показаний. [март] 1922 г.

№ П-48. Письмо члена ЦК ПСР Д.Ф. Ракова неустановленному адресату о настроениях обвиняемых, изъятое чекистами. Не ранее 29 апреля 1922 г.

№ П-49. Заявление члена ЦК ПСР Н.Н. Иванова председателю ВЦИК М.И. Калинин с требованием изменения тюремного режима. 8 мая 1922 г.

№ П-50. Телеграмма иностранным защитникам Э. Вандервельде и К. Розенфельду о начатой группой заключенных голодовке для отстаивания своих прав, подписанная А.Р. Гоцем. 18 мая 1922 г.

Документы организаций ПСР и РСДРП

№ П-51. Воззвание Центрального Бюро партии социалистов-революционеров в связи с предстоящим процессом. 28 февраля 1922 г.

№ П-52. Письмо члена Центрального Бюро ПСР Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР о координации действий в связи с предстоящим процессом. 4 марта 1922 г.

№ П-53. «Заявление членов ПСР, находящихся в заключении в Ярославской тюрьме». 11 мая 1922 г.

№ П-54. Обращение членов ПСР, находящихся в заключении в Бутырской тюрьме, к обвиняемым членам ЦК ПСР. 26 мая 1922 г.

№ П-55. Заявление ЦК РСДРП о позиции партии в связи с предстоящим процессом, направленное для опубликования в «Правде». 1 июня 1922 г.

№ П-56. Письмо Заграничной Делегации ПСР Центральному Бюро ПСР о координации действий в связи с предстоящим процессом. 2 марта 1922 г.

№ П-57. Обращение Заграничной Делегации ПСР «К социалистическим партиям всех стран». 9 марта 1922 г.

№ П-58. Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР об организации агитационно-пропагандистской деятельности в связи с предстоящим процессом от 15 марта 1922 г.

№ П-59. Протокол заседания Заграничной Делегации ПСР о решении на конференции трех Интернационалов вопроса о предстоящем процессе от 6 апреля 1922 г.

№ П-60. Протокол заседания Комиссии по организации защиты на предстоящем процессе членов ПСР в Москве от 11 апреля 1922 г.

№ П-61. Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской об оказании помощи в организации защиты. 20 апреля 1922 г.

№ П-62. Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской о координации действий по организации защиты. 22 апреля 1922 г.

№ П-63. Отчет Комиссии, образованной Заграничной Делегацией ПСР для ведения кампании в связи с процессом. 29 апреля 1922 г.

№ П-64. Письмо Заграничной Делегации ПСР Центральному Бюро ПСР с информацией об организации пропагандистской кампании вокруг процесса за рубежом. 1 мая 1922 г.

Документы представителей и организаций международного социалистического движения

№ П-65. Письмо Э. Бернштейна Заграничной Делегации партии социалистов-революционеров с протестом против предстоящего процесса. 13 марта 1922 г.

№ П-66. Письмо К. Каутского Заграничной Делегации ПСР с выражением протеста против предстоящего процесса. 14 марта 1922 г.

№ П-67. Протест французской социалистической партии в связи с предстоящим процессом членов ПСР. 15 марта 1922 г.

II. Процесс

Документы органов власти о ходе процесса

№ П-68. «Протокол № 9 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании при ЦК РКП» от 13 июня 1922 г.

№ П-69. «Протокол № 10 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании» от 20 июня 1922 г.

№ П-70. «Протокол № 11 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании» от 23 июня 1922 г.

№ П-71. «Протокол № 12 заседания Агиткомиссии по эсеровской кампании при ЦК РКП» от 30 июня 1922 г.

№ П-72. Из выступления члена ВЦИК Д.Б. Рязанова на IX Московской губернской конференции РКП(б) об отношении к процессу социалистов-революционеров. 25 июня 1922 г.

№ П-73. Из заключительного слова Л.Б. Каменева на IX Московской губернской конференции РКП(б) о позиции Д.Б. Рязанова в оценке хода процесса. Не позднее 26 июня 1922 г.

№ П-74. Черновик проекта поправки к Постановлению ВЦИК об утверждении приговора Верховного Трибунала в отношении обвиняемых на процессе, подготовленный Л.Б. Каменевым. Не позднее 7 августа 1922 г.

Выступления подсудимых на процессе

№ П-75. Защитительная речь А.Р. Гоца на процессе. 1 августа 1922 г.

№ П-76. Последние слова подсудимых 1-й группы (газетный отчет). 4 августа 1922 г.

№ П-77. Последнее слово А.И. Альтовского. 4 августа 1922 г.

№ П-78. Последнее слово Н.И. Артемьева. 4 августа 1922 г.

№ П-79. Последнее слово Е.С. Берга. 4 августа 1922 г.

№ П-80. Последнее слово М.А. Веденяпина. 4 августа 1922 г.

№ П-81. Последнее слово Л.Я. Герштейна. 4 августа 1922 г.

№ П-82. Последнее слово А.Р. Гоца. 4 августа 1922 г.

№ П-83. Последнее слово Д.Д. Донского. 4 августа 1922 г.

№ П-84. Последнее слово Е.А. Ивановой. 4 августа 1922 г.

№ П-85. Последнее слово М.И. Львова. 4 августа 1922 г.

№ П-86. Последнее слово С.В. Морозова. 4 августа 1922 г.

№ П-87. Последнее слово Е.М. Ратнер. 4 августа 1922 г.

№ П-88. Последнее слово Е.М. Тимофеева. 4 августа 1922 г.

№ П-89. Последнее слово Ф.Ф. Федоровича. 4 августа 1922 г.

Документы, исходящие от обвиняемых

№ П-90. Письмо члена ЦК ПСР М.А. Веденяпина в Общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 30 июня 1922 г.

№ П-91. Письмо члена ЦК ПСР Л.Я. Герштейна жене. 3 августа 1922 г.

Отклики на процесс

№ П-92. Совместное обращение Заграничных делегаций российских социалистических партий «К социалистическим партиям и рабочим организациям». 12 июня 1922 г.

№ П-93. Письмо члена Центрального Бюро ПСР Г.К. Покровского Заграничной Делегации ПСР об обстановке в России в связи с начавшимся процессом. 12 июня 1922 г.

№ П-94. Декларация Центрального Бюро партии левых социалистов-революционеров (объединенных) о процессе правых эсеров. 21 июня 1922 г.

№ П-95. Статья Л. Мартова «Кровавый фарс». Не позднее 18 июня 1922 г.

№ П-96. Письмо секретаря Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабиновича Е.К. Брешко-Брешковской с просьбой об обращении к видным деятелям различных стран с призывом протестовать против применения смертной казни для части подсудимых на процессе. 3 июля 1922 г.

№ П-97. Обращение ветеранов Народновольтского движения во ВЦИК с протестом против применения смертной казни к подсудимым на процессе. 18 июля 1922 г.

№ П-98. Телеграмма американского журналиста Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о начале процесса. 8 июня 1922 г.

№ П-99. Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В. Дюранти с отчетом о начале процесса. 8 июня 1922 г.

№ П-100. Телеграмма американского журналиста Ф.А. Мэкензи в газету «Чикаго Дейли Ньюс» с отчетом о завершении процесса. 9 августа 1922 г.

№ П-101. Телеграмма корреспондента газеты «Нью-Йорк Таймс» В. Дюранти с отчетом о завершении процесса. Не ранее 9 августа 1922 г.

III. Послепроцессная стадия

Документы органов власти

№ П-102. «Протокол № 1 Совещания СО ГПУ и ИНО ГПУ по вопросу о ликвидации работы правых с.-р. за границей» от 23 августа 1922 г.

№ П-103. Шифротелеграмма руководства ГПУ местным представительством и губотделам о проведении репрессий в отношении членов ПСР. 10 августа 1922 г.

№ П-104. Шифротелеграмма руководства ГПУ местным представительством и губотделам о порядке информирования о проведении репрессий в отношении членов ПСР. Не ранее 10 августа 1922 г.

№ П-105. Шифротелеграмма руководства ГПУ транспортным отделам об «изъятии» членов ПСР, работающих на транспорте. Не ранее 10 августа 1922 г.

№ П-106. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) «О дальнейшей борьбе против ПСР». Из протокола заседания Оргбюро № 52, п. 7 от 6 сентября 1922 г.

№ П-107. Письмо И.В. Сталина полпреду РСФСР в Германии Н.Н. Крестинскому и наркому иностранных дел Г.В. Чичерину с предложением принять меры к освобождению из заключения немецкого революционера Макса Гельца. 7 сентября 1922 г.

№ П-108. Протокол организационного заседания комиссии при Агитпропе ЦК РКП(б) по проведению кампании дискредитации партии эсеров. 15 сентября 1922 г.

№ П-109. Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «Об обмене Макса Гельца на Тимофеева». Из протокола заседания Политбюро ЦК РКП(б) № 27, п. 14 от 21 сентября 1922 г.

№ П-110. Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о периодичности докладов руководства ГПУ о состоянии эсеровской партии. Из протокола заседания Оргбюро ЦК РКП(б), № 81 от 9 декабря 1922 г.

№ П-111. Проект письма руководства ОГПУ в Секретариат ЦК РКП(б) о возможности изменения меры наказания осужденным членам ПСР. Не позднее начала января 1924 г.

№ П-112. Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому с просьбой подготовить информацию о причинах самоубийства С.В. Морозова. 31 января 1924 г.

№ П-113. Записка Г.Е. Зиновьева Ф.Э. Дзержинскому о форме официального извещения о самоубийстве С.В. Морозова. 5 февраля 1924 г.

№ П-114. Письмо Ф.Э. Дзержинского Г.Е. Зиновьеву об обстоятельствах самоубийства во Внутренней тюрьме ОГПУ члена ЦК ПСР С.В. Морозова. Не позднее 5 февраля 1924 г.

№ П-115. Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР о сроке тюремного заключения члена ЦК ПСР Д.Д. Донского. Из протокола заседания Президиума, п. 21 от 4 июля 1924 г.

№ П-116. Справка начальника 3-го отделения Секретного отдела ОГПУ И.Ф. Решетова об условиях нахождения в ссылке осужденных по процессу членов ПСР. Не позднее 27 декабря 1924 г.

№ П-117. Письмо председателя ОГПУ Ф.Э. Дзержинского И.В. Сталину о необходимости ареста находящихся в ссылке членов ЦК ПСР. 6 июля 1925 г.

№ П-118. Справка начальника 3-го отделения Секретного Отдела ОГПУ И.Ф. Решетова начальнику СО ОГПУ Т.Д. Дерibasу о местонахождении осужденных по процессу ЦК ПСР. [Не позднее марта 1925 г.]

Документы, исходящие от осужденных

№ П-119. Заявление М.Я. Гендельмана от имени осужденных в Верховный Трибунал с требованием изменения режима содержания в тюрьме. 18 августа 1922 г.

№ П-120. Письмо члена ЦК ПСР С.В. Морозова из Внутренней тюрьмы ГПУ родным о своих настроениях после завершившегося процесса. 22 сентября 1922 г.

№ П-121. Предсмертное письмо С.В. Морозова родным и близким. 20 декабря 1923 г.

№ П-122. Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского Прокурору РСФСР Н.В. Крыленко о несогласии с определением окончания срока его тюремного заключения. 24 июня 1924 г.

№ П-123. Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского Ф.Э. Дзержинскому с просьбой об изменении назначенного ему места ссылки. 15 июля 1924 г.

№ П-124. Заявление члена ЦК ПСР Д.Д. Донского заместителю Председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде с просьбой об избрании ему местом ссылки Томской губернии. 19 июля 1924 г.

Кампания в поддержку осужденных

№ П-125. Письмо В. Войтинского секретарю Заграничной Делегации ПСР Б.Н. Рабиновичу о ходе работы над книгой о процессе «Двенадцать смертников». 22 августа 1922 г.

№ П-126. Письмо секретаря Нью-Йоркской группы ПСР Н.К. Комякова Заграничной Делегации ПСР. 1 октября 1922 г.

№ П-127. Доклад Заграничной Делегации ПСР Бюро Международного Социалистического Интернационала. 1 апреля 1923 г.

№ П-128. Листовки Московского Бюро ПСР, выпущенные в связи со смертью члена ЦК ПСР С.В. Морозова. Не ранее января 1924 г.

Содержание

От составителей	5
Предисловие.....	9
Дело 16. «О процессе над правыми эсерами» (28.XII.1921 г. – 31.V.1922 г.).....	145
Примечания	249
Дело 17. «О процессе над правыми эсерами» (1.VI. – 17.VIII.1922 г.).....	251
Примечания	331
Дело 18. «О процессе над правыми эсерами» (24.VIII.1922 г. – 30.VI.1927 г.)	339
Примечания	385
Приложения	387
Комментарии.....	599
Дело 16	601
Дело 17	684
Дело 18	708
Приложения	726
Биографические справки.....	832
Именной указатель	943
Список сокращений.....	981
Перечень документов.....	989